Ц 67/40 т.2

РОССІЯ для РУССКИХЪ

ЗАДАЧИ РУССКОЙ АРМІИ.

Томъ II-й.

Задачи арміи, не связанныя съ русскою національною политикою.

А. Н. Куропаткина.

Складъ В. А. Березовскаго,
КОМИССІОНЕРА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.
С.-Петербургъ, Колокольная улица, домъ № 14.
1910.

40.

РОССІЯ для РУССКИХЪ

ЗАДАЧИ РУССКОЙ АРМІИ.

Томъ II-й.

Задачи арміи, не связанныя съ русскою національною политикою.

А. Н. Куропаткина.

РУМЯНЦОВ. МУЗЕЙ
БИБЛІО-
ТЕКА

Складъ В. А. Березовскаго,
КОМИССІОНЕРА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.
С.-Петербургъ, Колокольная улица, домъ № 14.
1910.

2927.

2007099596

Типографія Треnке и Фюсно, Спб., Максимиліановскій пер., № 13.

Оглавленіе къ второму тому.

ГЛАВА XVII.

Русская національная политика въ XV—XVIII столѣтіяхъ.

СТРАН.

Постепенный ростъ русской земли. Положеніе русскаго племени до XIX столѣтія. Постепенный ростъ вооруженныхъ силъ Россіи. Причины успѣха русскаго племени въ борьбѣ съ сосѣдями съ XIII по XIX столѣтія. Значеніе самодержавной власти въ исторіи собиранія Россіи. Русская національная политика въ XV—XVIII столѣтіяхъ. Содѣйствіе собиранію и укрѣпленію Россіи со стороны правящаго класса и духовенства. Упорное преслѣдованіе собирателями русской земли историческихъ задачъ Россіи. Что содѣйствовало при выполненіи историческихъ задачъ Россіи русскому войску и русскому народу? . 1

ГЛАВА XVIII.

Положеніе Россіи въ концѣ XVIII столѣтія.

Необходимость пріостановки внѣшнихъ предпріятій.
Расширеніе въ XIX столѣтіи предѣловъ Россіи на Кавказѣ. 66

ГЛАВА XIX.

Расширеніе въ XIX столѣтіи предѣловъ Россіи въ Средней Азіи.

Значеніе Туркестанскаго края въ экономическомъ отношеніи. Положеніе туземнаго населенія Туркестанскаго края въ религіозномъ отношеніи. Поставленіе въ Средней Азіи на особую высоту представителей русскаго племени. Человѣколюбивое отношеніе къ туземцамъ тотчасъ послѣ одержанной надъ ними побѣды. Организація власти надъ туземнымъ населеніемъ, наиболѣе соотвѣтствующая его нравамъ и обычаямъ. Заботливое отношеніе Туркестанскихъ властей къ экономическому положенію массы туземнаго населенія. Туркестанскія войска. Военно-политическое значеніе Туркестанскаго края. . . 95

ГЛАВА XX.

Вмѣшательство Россіи въ чужія дѣла въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.

СТРАН.

Общій очеркъ.—Вмѣшательство Россіи въ-дѣла европейскихъ государствъ въ цѣляхъ общеевропейской политики въ XVIII столѣіи. Причины, вызвавшія участіе Россіи въ Семилѣтней войнѣ 1756—1762 гг. Достигнутые результаты.—Вмѣшательство Россіи въ распрю за баварское наслѣдство въ 1778 г.—Вмѣшательство Россіи въ дѣла Франціи, Италіи и Австріи въ 1798—1799 гг. . 148

ГЛАВА XXI.

Вмѣшательство Россіи въ чужія дѣла въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.

Участіе Россіи, въ цѣляхъ общеевропейской политики, въ войнѣ Австріи и Пруссіи съ Франціею въ 1805—1807 годахъ. Борьба съ Наполеономъ внутри Россіи въ 1812 году (схема № 16). 188

ГЛАВА XXII.

Вмѣшательство Россіи въ чужія дѣла въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.

Участіе русскихъ войскъ въ войнѣ съ Наполеономъ въ 1813—1814 годахъ. Участіе Россіи въ 1815 году въ дѣлахъ саксонскихъ и польскихъ. Участіе Россіи въ дѣлахъ австрійскихъ въ 1848—1849 годахъ. Цѣли и результаты вмѣшательства Россіи въ европейскія дѣла въ первую половину XIX столѣтія. Значеніе войнъ, веденныхъ Россіею въ цѣляхъ общеевропейской политики, въ военномъ отношеніи (схема № 17). 229

ГЛАВА XXIII.

Краткій обзоръ главнѣйшихъ событій въ исторіи Болгаріи, Сербіи и Босніи-Герцеговины.

I. Появленіе славянъ на Балканскомъ полуостровѣ и ихъ постепенное разселеніе.

II. Краткій очеркъ исторіи государствъ, основанныхъ славянами на Балканскомъ полуостровѣ, до покоренія ихъ турками.

III. Краткій обзоръ событій въ славянскихъ земляхъ Балканскаго полуострова за время турецкаго владычества и до нашихъ дней. 279

ГЛАВА XXIV.

Общій очеркъ борьбы европейскихъ народовъ съ турками въ XV—XIX столѣтіяхъ и результаты ея.

Основныя черты борьбы въ XV, XVI, XVII и началѣ XVIII столѣтія племенъ венгерскаго, польскаго и нѣмецкаго съ турками. Результаты этой борьбы къ первой половинѣ XVIII столѣтія.—Отношеніе къ византійскому наслѣдію московскихъ государей въ XV, XVI и до половины XVII столѣтія.

СТРАН.

Первое столкновеніе русскихъ войскъ съ турками.—Результаты войнъ Турціи съ Россіею и Австріею въ XVIII столѣтіи. Результаты войнъ Россіи съ Турціею въ XIX столѣтіи.—Постепенное, съ 1700 года, уменьшеніе владѣній Турціи въ въ Европѣ, на основаніи труда И. Стрѣльбицкаго: „Владѣнія турокъ въ Европѣ". (картогр. прил. № 18). 316

ГЛАВА XXV.

Войны Россіи съ Турціею въ первой половинѣ XIX столѣтія.

Участіе Россіи въ дѣлахъ сербскаго населенія Балканскаго полуострова въ началѣ XIX столѣтія. Война съ Турціей въ 1806—1812 годахъ и результаты ея. Участіе Россіи въ дѣлахъ греческаго населенія Балканскаго полуострова въ двадцатыхъ годахъ XIX столѣтія. Война съ Турціею въ 1828—1829 годахъ и результаты ея. Заключеніе о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ въ 1828—1829 годахъ (схемы №№ 19—21). 334

ГЛАВА XXVI.

Восточная война 1853—1856 годовъ.

Политическая обстановка передъ войною 1853—1856 гг. Соглашеніе между Россіею и Австріею въ 1833 году въ Мюнхенгрецѣ. Участіе Россіи въ 1849 году въ дѣлахъ княжествъ Молдавіи и Валахіи; Балта-Лиманскій договоръ 1849 г, Вмѣшательство Россіи въ турецкія дѣла въ 1853 году; вопросъ о святыхъ мѣстахъ. Посольство кн. Меншикова. Вступленіе русскихъ войскъ въ дунайскія княжества. Отношеніе къ дѣйствіямъ Россіи на Балканскомъ полуостровѣ въ 1853—1854 годахъ: Австріи, Пруссіи, Франціи и Англіи.—Война съ Турціею въ 1853—1854 годахъ.—Война съ коалиціею державъ подъ Севастополемъ въ 1855—1856 годахъ.—Характеристика дѣйствій нашихъ войскъ на европейскомъ и на азіатскомъ театрахъ военныхъ дѣйствій.—Заключеніе по войнѣ 1853—1856 годовъ. 385

ГЛАВА XXVII.

Русско-турецкая война 1877—1878 годовъ.

Отношенія Россіи къ Турціи въ 1875 — 1878 годахъ. Подготовка войны Россіи съ Турціей въ 1877—1878 годахъ въ политическомъ отношеніи. Соглашеніе съ Австріей. Отношеніе Англіи къ возставшимъ на Балканскомъ полуостровѣ славянскимъ племенамъ. Готовность русской арміи къ войнѣ 1877—1878 годовъ. Планы войны. Общій ходъ военныхъ дѣйствій въ войну 1877—1878 годовъ. Перемиріе 19 января 1878 года. С.-Стефанскій мирный договоръ 19 февраля 1878 года. Заключенія по войнѣ 1877—1878 годовъ (картогр. приложенія №№ 23 — 32). 438

ГЛАВА XXVIII.

Значеніе для Россіи Босфора.

Краткая справка по вопросу о проливахъ на основаніи труда С. Горянинова: „Босфоръ и Дарданеллы". Заключеніе по этому вопросу. 500

Картографическія приложенія къ второму тому.

Схема № 16. Сраженіе при Бородино 1812 года (къ главѣ **XXI**).

Схема № 17. Къ войнѣ 1813 года (къ главѣ **XXII**).

Картографическое приложеніе № 18. Карта владѣній турокъ на Балканскомъ полуостровѣ въ 1691 году (къ главѣ **XXIV**).

Схема № 19. Къ войнѣ съ Турціею 1806—1812 годовъ (къ главѣ **XXV**).

Схемы № 20 и № 21. Къ войнѣ съ Турціею въ 1828—1829 годахъ (къ главѣ **XXX**).

Схема № 22. Севастополь и его окрестности. Къ войнѣ 1855—1856 годовъ (къ главѣ **XXVI**).

Схемы №№ 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30 и 31. Къ войнѣ съ Турціею въ 1877—1878 годахъ (къ главѣ **XXVII**).

Картографическое приложеніе № 32. Карта Балканскаго полуострова по Берлинскому трактату 1878 года (къ главѣ **XXVII**).

ГЛАВА XVII.

Русская національная политика въ XV—XVIII столѣтіяхъ.

Постепенный ростъ русской земли. Положеніе русскаго племени до XIX столѣтія. Постепенный ростъ вооруженныхъ силъ Россіи. Причины успѣха русскаго племени въ борьбѣ съ сосѣдями съ XIII по XIX столѣтіе. Значеніе самодержавной власти въ исторіи собиранія Россіи. Русская національная политика въ XV—XVIII столѣтіяхъ. Содѣйствіе собиранію и укрѣпленію Россіи со стороны правящаго класса и духовенства. Упорное преслѣдованіе собирателями русской земли историческихъ задачъ Россіи. Что содѣйствовало при выполненіи историческихъ задачъ Россіи русскому войску и русскому народу?

Въ предыдущихъ главахъ настоящаго труда изложено, какимъ медленнымъ, полнымъ опасностей путемъ складывалось русское государство. Не касаясь временъ доисторическихъ, въ послѣднее тысячелѣтіе въ исторіи Россіи отмѣчается нѣсколько періодовъ. Къ концу восьмого вѣка славянское племя уже осѣло въ восточной части Европейской Россіи и заняло пространство 20 губерній настоящаго времени. Кіевская Русь въ правленіе нѣсколькихъ выдающихся князей достигаетъ значительнаго торговаго развитія, видимаго достатка и даже спокойствія; но раздробленіе власти, съ переходомъ исторіи Россіи въ удѣльный періодъ, ослабляетъ связь между различными родами одного и того же славянскаго племени и дѣлаетъ ихъ мало способными, несмотря на природное мужество, сопротивляться ударамъ различныхъ дикихъ ордъ, тѣснившихъ Русь въ XI и XII столѣтіяхъ съ востока и юга. Не будучи въ силахъ отстаивать южные русскіе удѣлы отъ набѣговъ и разоренія, главнымъ образомъ, половцами, населеніе южной Руси переселяется въ половинѣ XIII вѣка съ Днѣпра на сѣверо-востокъ, во Владиміро-Суздальскій районъ, по верховьямъ Волги и Оки. Другая переселенческая волна шла съ Днѣпра въ Галицію, на Западный Бугъ и даже въ Польшу.

Кіевскій районъ сталъ пустѣть и бѣднѣть. Пользуясь междоусобною борьбою князей въ удѣльный періодъ, сосѣди начинаютъ захватывать области, уже ставшія русскими. Такъ была потеряна Галиційская Русь; часть Полоцкаго княжества отошла къ Литвѣ; ливонцы дошли до Юрьева, а шведы до Ладожскаго озера; на сѣверо-востокѣ волжскіе болгаре овладѣли Муромомъ; съ востока и юга

тѣснили Русь различныя дикія орды; половцы хозяйничали почти въ окрестностяхъ Кіева. И вотъ при такомъ общемъ положеніи дѣлъ на Русь въ XIII вѣкѣ надвигаются съ востока наиболѣе грозные изъ кочевниковъ—монголо-татары.

При разрозненности удѣльной Руси и непрерывныхъ междоусобіяхъ, татары встрѣчаютъ незначительное, не дружное сопротивленіе и подчиняютъ большинство русскихъ удѣловъ своей власти.

Кіевскій районъ тоже оказываетъ весьма слабое сопротивленіе, и цвѣтущій въ XI и XII столѣтіяхъ Кіевъ обращается въ развалины.

Но уже одновременно съ нашествіемъ монголо-татаръ началъ усиливаться Московскій удѣлъ, положившій начало сбору около Москвы большей части русскихъ удѣловъ. Татары не только не мѣшали, но способствовали возвышенію московскаго князя Ивана Калиты и его преемниковъ.

Не препятствовали они также новгородскому князю Александру Невскому отстаивать сѣверные удѣлы Руси отъ нападеній съ запада ливонцевъ и литовцевъ. Побѣда его на Чудскомъ озерѣ, въ 1242 году, остановила захватъ ливонскими рыцарями русскихъ земель, когда Псковъ, Луга, Капорье уже были въ ихъ рукахъ.

Первые московскіе князья не только заботливо собирали, но и усиливали доставшіеся имъ удѣлы. Въ то время, какъ монголы-татары, раздробившись на нѣсколько ордъ и начавъ взаимныя междоусобія, слабѣли, Московская Русь быстро крѣпла. Опасность отъ татарскаго ига заставила русское населеніе стремиться къ соединенію въ большіе союзы; эта опасность послужила къ быстрому, часто добровольному, присоединенію къ Московскому удѣлу разныхъ мѣстностей. По этой же причинѣ южныя мѣстности вмѣстѣ съ Кіевомъ сами стремились къ подчиненію Литвѣ, чтобы избавиться отъ подчиненія татарамъ. Удѣлъ Ивана Калиты составлялъ въ 1340 году всего около 500 кв. миль (менѣе одной Московской губерніи); Василій Темный въ 1462 году оставилъ своему сыну Ивану III по духовному завѣщанію 15,000 кв. миль. За 120 лѣтъ наслѣдіе Ивана Калиты увеличилось въ 30 разъ.

Внукъ Ивана Калиты, Дмитрій Донской сумѣлъ широко воспользоваться силами и средствами, собранными его отцомъ и дѣдомъ. Поддержанный не только всѣми подчиненными ему князьями и лучшими людьми русской земли, но и князьями, сохранившими еще свои удѣлы, подкрѣпляемый представителями духовенства, Дмитрій Донской смѣло выступилъ противъ татаръ и, побѣдою на Куликовомъ полѣ, положилъ прочное начало освобожденію Руси отъ монгольскаго ига.

Тягость монгольскаго ига и необходимость освободиться отъ него настолько проникли въ сознаніе не только лучшихъ русскихъ представителей, но и массы населенія, что русское войско Дмитрія Донского было настроено въ высокой степени патріотично и въ бою на Куликовомъ полѣ доказало, къ какому необычайно самоотвержен-

ному поведенію въ бою оно способно, если проникнуто сознаніемъ необходимости жертвовать собою для достиженія побѣды.

Послѣ пораженія русской рати на р. Калкѣ (въ 1224 г.) потребовалось 156 лѣтъ работы по усиленію Руси, чтобы явилась возможность нанести татарамъ пораженіе на Куликовомъ полѣ (въ 1380 году).

Но эта побѣда еще не освободила Русь отъ татарскаго ига: быстро оправившись, татары произвели новое наступленіе къ Москвѣ, овладѣли ею и вынудили къ уплатѣ по прежнему дани.

Но вѣра въ непобѣдимость татаръ уже была разрушена, и сами татары въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ противъ русскихъ войскъ начинаютъ обнаруживать большую осторожность.

Одновременно съ возвышеніемъ Московской Руси крѣпло при Гедиминѣ и Ольгердѣ Литовское княжество. Жители южно-русскихъ областей, въ цѣляхъ освобожденія отъ татарскаго ига, признавали надъ собой владычество Литвы.

При Ольгердѣ уже были отняты у татаръ удѣлы: Кіевскій, Черниговскій, Сѣверскій и Подолія.

Такимъ образомъ къ концу XIV столѣтія слабѣющія татарскія царства имѣли противъ себя два государства съ преобладаніемъ русскаго племени.

Борьба между Московскою Русью и Литвою за русскіе удѣлы, присоединенные къ Литвѣ, дала возможность татарамъ еще довольно продолжительное время вліять на ростъ русскаго государства.

При возникшей борьбѣ Московской Руси съ Литвою при Иванѣ III на сторонѣ Московской Руси дѣйствовалъ Крымскій ханъ, а на сторонѣ Литвы—ханъ Золотой Орды. Славяне въ соединеніи съ татарами боролись противъ славянъ и литовцевъ, также соединившихся съ татарами.

Одновременно съ борьбою противъ татаръ и Литвы, Иванъ III энергично работаетъ надъ соединеніемъ подъ своею властью русскихъ удѣловъ. Съ присоединеніемъ при немъ Новгородскаго удѣла и занятіемъ Пермскаго края и бассейна р. Печоры Московская Русь продвинулась на сѣверъ до Ледовитаго океана и на востокъ до Уральскаго хребта.

По пространству территорія Руси при Иванѣ III утроилась.

Царь Иванъ III первый посылаетъ своихъ воеводъ въ Сибирское царство. Русскія войска въ 1483 году появляются въ долинахъ рѣкъ Оби и Иртыша, собираютъ добычу и возвращаются назадъ.

При Василіи Темномъ происходитъ распаденіе Кипчакской монархіи: отъ Золотой Орды отдѣлились и стали независимыми два большихъ владѣнія, образовавшихъ царство Казанское и ханство Крымское.

Пользуясь взаимными распрями между этими тремя владѣніями, русскіе начинаютъ рядъ походовъ на Казань и наконецъ при Иванѣ IV завоевываютъ царства Казанское и Астраханское и даютъ Россіи выходъ къ Каспійскому морю.

Всего было произведено 10 походовъ противъ Казани и два противъ Астрахани.

Крымскій ханъ Менгли-Гирей въ теченіе многихъ лѣтъ служитъ вѣрнымъ союзникомъ Ивана III и облегчаетъ ему борьбу какъ съ Казанью, такъ и съ Литвою. Послѣ паденія царствъ Казанскаго и Астраханскаго рушится подъ ударами самихъ татаръ и Золотая Орда.

Остается Крымское ханство, загораживающее Московской Руси доступъ въ южныя плодородныя мѣстности и къ Черному морю. Но ранѣе завоеванія Крыма, Россіи, въ теченіе XVI, XVII и XVIII столѣтій, предстояла тяжелая борьба съ Польско-Литовскимъ государствомъ, Ливоніею, Швеціею и Турціею.

Въ серединѣ XVI столѣтія до побѣды Ивана IV подъ Казанью и Астраханью русская южная граница шла отъ Чернигова черезъ Орелъ, Ряжскъ, Шацкъ, Темниковъ, Алатырь, затѣмъ круто подымалась къ сѣверу, охватывая Казанское царство. На западѣ Псковъ. Смоленскъ и Черниговъ лежали близъ границы нашей. Густо населенныя нынѣ и плодородныя мѣстности Курской, Воронежской и Тамбовской губерній носили названіе: „Дикое поле“.

Послѣ завоеванія Иваномъ IV Грознымъ Казанскаго и Астраханскаго царствъ предѣлы Россіи быстро раздвинулись къ юго-востоку, захватили весь средній и нижній бассейны р. Волги и р. Дона [1]), дошли до южной части Уральскаго хребта, дошли до Каспійскаго моря между Ураломъ и р. Терекомъ и захватили часть сѣвернаго Кавказа. Но почти весь бассейнъ Днѣпра и Западной Двины оставался еще не въ русскихъ рукахъ.

Въ предыдущихъ главахъ изложенъ ходъ борьбы Московской Руси съ Литвою, Ливоніею, Швеціею и Польшею за присоединеніе древнихъ русскихъ удѣловъ и выходъ къ Балтійскому морю.

Изъ сдѣланнаго очерка видно, какихъ огромныхъ усилій потребовало присоединеніе Смоленска и другихъ русскихъ мѣстностей.

Наши великіе князья первые свои удары, одновременно съ походами на Казань, направляютъ не на югъ, въ цѣляхъ присоединенія Кіевскаго удѣла, а на западъ, добиваясь присоединенія Смоленска, Полоцка и другихъ городовъ. Объясненіемъ такого рѣшенія можетъ служить то соображеніе, что наиболѣе грозная опасность угрожала Московской Руси не съ юга, а съ запада.

Южныя мѣстности, подчиненныя Литвѣ, даже прикрывали Московскую Русь со стороны Крыма и Турціи. Между тѣмъ быстро усилившаяся Литва, Ливонія и появившіеся въ сѣверной части Новгородскаго удѣла шведы тѣснили Московскую Русь съ запада въ самый тяжелый для нея періодъ—время татарскаго ига.

При Витовтѣ, въ первой половинѣ XV столѣтія литовскіе пре-

---

[1]) Нижнее теченіе р. Дона отъ станицы Раздоры и выходъ къ Азовскому морю остались въ рукахъ татаръ.

дѣлы, захватывая Смоленскъ и Дорогобужъ, очень близко подходили къ Москвѣ. Напомнимъ, что Витовтъ стремился къ созданію огромнаго государства, въ составъ котораго должны были входить Литва, все русское государство и даже Золотая Орда.

Съ XII до XV вѣка удѣламъ Новгородскому и Московскому приходилось дѣйствовать противъ Литвы только оборонительно.

Въ XVI столѣтіи при Иванѣ III мы переходимъ въ наступленіе. Нѣсколько войнъ, веденныхъ Россіею при Иванѣ и его преемникахъ— Василіи III и Иванѣ IV, несмотря на значительность выставленныхъ нами войскъ и продолжительность борьбы, оканчиваются лишь овладѣніемъ нашими войсками Смоленскимъ и Полоцкимъ удѣлами.

Но съ наступленіемъ смутнаго времени мы теряемъ и Смоленскъ, и Полоцкъ.

Среди этой борьбы выдѣляется геройская оборона Пскова противъ опытныхъ войскъ Стефана Баторія.

Войны съ Ливоніею велись русскими войсками продолжительное время и окончились распаденіемъ Ливоніи, причемъ вмѣсто слабой Ливоніи противникомъ Россіи выступила сильная Швеція.

Въ смутное время самому существованію Россіи грозила тяжкая опасность. Москва была взята поляками, и сынъ польскаго короля былъ объявленъ царемъ Московскимъ.

Но, какъ и во времена Дмитрія Донского, очевидная и грозная опасность снова соединила усилія лучшихъ людей, чтобы спасти наше отечество; явились вожди: князь Пожарскій, Мининъ. Поляки были разбиты и прогнаны, внутренняя крамола разрушена, и спасенная Русь, съ избраніемъ перваго государя изъ дома Романовыхъ, снова настойчиво возобновила работу русскаго племени, начатую Рюриковичами, по объединенію русскаго племени и выходамъ къ морямъ Балтійскому и Черному.

Несмотря на весьма благопріятныя условія борьбы съ Польшею, ослабленною своеволіемъ шляхты, двѣ войны, веденныя царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, вслѣдствіе дурного состоянія нашей арміи, окончились уступкою полякамъ областей Смоленской, Черниговской и Сѣверской; при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ забытое московскими великими князьями населеніе русской южной окраины — Малороссіи, тѣснимое матеріально и духовно поляками, само просится о присоединеніи къ Россіи. Собранный земскій соборъ дружно высказывается за присоединеніе Малороссіи къ Россіи.

Начиная походъ противъ Польши, царь Алексѣй Михайловичъ выступилъ, какъ Дмитрій Донской и кн. Пожарскій, защитникомъ православной вѣры.

Въ своей рѣчи къ воинамъ передъ выступленіемъ въ походъ онъ призываетъ ихъ постоять за всѣхъ православныхъ христіанъ, указываетъ на обиды со стороны поляковъ Московскому государству и на злыя гоненія на православную вѣру. Войска отвѣчали, что они

готовы за вѣру православную, за государей своихъ и за всѣхъ православныхъ христіанъ безъ всякой пощады головы свои положить.

Первая война съ Польшею велась вполнѣ успѣшно; наши войска овладѣли Смоленскомъ, Вильной, Ковной и Гродной. Но во вторую войну, когда дѣйствія велись одновременно и на югѣ и на западѣ, наши войска терпятъ нѣсколько тяжелыхъ неудачъ. Послѣ 10-лѣтней борьбы, въ 1667 году, было заключено перемиріе въ с. Андрусовѣ, по которому за Россіею остались Смоленскія земли, были возвращены Россіи Сѣверскія и присоединена Малороссія.

Задуманное Иваномъ III присоединеніе къ Россіи сѣверо-западнаго края и выходъ къ Балтійскому морю не удались. По причинамъ, изложеннымъ выше, хотя Польша и не вышла изъ этой борьбы побѣжденной, но уже была настолько растатана, какъ внутренними неурядицами, такъ и борьбой со Швеціей, что перестаетъ быть серьезнымъ противникомъ на пути Россіи, а въ XVIII вѣкѣ распадается окончательно.

Итакъ, второй послѣ татаръ противникъ Россіи сходитъ съ исторической сцены.

Какъ и въ борьбѣ съ татарами, русскому племени помогаетъ отсутствіе единства власти въ Польско-Литовскомъ государствѣ. Королевская власть, совершенно обезсиленная правами шляхты, не можетъ болѣе распоряжаться съ полнымъ напряженіемъ силами и средствами Литовско-Польскаго народа. Поэтому эти силы, значительно превосходившія, въ особенности въ военномъ отношеніи, силы Россіи, оказываются недостаточными, чтобы побѣдить Россію съ бѣднымъ, менѣе культурнымъ населеніемъ и арміею ополченнаго типа. Напротивъ того, русскіе государи, опираясь на бѣдное населеніе и плохое войско, своею державною властью могли напрягать усилія всѣхъ своихъ подданныхъ къ выполненію поставленной ими задачи и, путемъ твердаго, несмотря на неудачи, преслѣдованія поставленныхъ цѣлей, достигали ихъ.

Въ концѣ XVII столѣтія противниками Россіи вмѣсто ослабѣвшаго польско-литовскаго государства и распавшагося Ливонскаго ордена являются турки и шведы. Попытки, сдѣланныя въ концѣ XVII столѣтія при царевнѣ Софіи, овладѣть Крымомъ и выйти къ Черному морю не имѣютъ успѣха.

Петръ I въ началѣ своего царствованія овладѣваетъ Азовомъ, но затѣмъ все вниманіе и энергія Петра въ теченіе 21 года сосредоточиваются на борьбѣ со Швеціею за выходъ къ Балтійскому морю. Цѣною огромныхъ усилій русскаго народа и русской арміи цѣль эта достигнута.

Послѣ пораженія русскихъ войскъ подъ Нарвою въ девять лѣтъ непрерывныхъ усилій русская армія, закалившаяся въ борьбѣ со шведами, одерживаетъ надъ ними рѣшительную побѣду подъ Полтавою. Эта побѣда не только кладетъ конецъ могуществу шведовъ,

но и прочно прикрѣпляетъ Малороссію къ прочимъ русскимъ мѣстностямъ. Но въ послѣдовавшей вскорѣ послѣ полтавской побѣды войнѣ съ Турціею Петру I, выдвинувшему Россію къ Балтійскому морю, не удается выдвинуть ее и къ морю Черному. По Прутскому договору мы лишаемся даже результатовъ Азовскихъ походовъ... Азовъ былъ возвращенъ, Таганрогъ срытъ и Россія вновь была отодвинута отъ Чернаго моря.

Постановка Петромъ I на первый планъ выхода къ Балтійскому морю пріостанавливаетъ надолго основную задачу московскихъ великихъ князей и первыхъ царей—по объединенію русскаго племени.

Преемники Петра Великаго идутъ по стопамъ его и войнами со Швеціею закрѣпляютъ и расширяютъ завоеванія Петра I въ Швеціи и на Балтійскомъ побережьи.

Но и по утвержденіи на Балтійскомъ побережьи вниманіе нашихъ государей въ XVIII столѣтіи обратилось не на объединеніе русскаго племени, а на борьбу съ Турціею за выходъ къ Черному морю и присоединеніе Крыма.

При Аннѣ Іоанновнѣ мы ведемъ продолжительную войну съ турками, беремъ снова Азовъ, производимъ нѣсколько походовъ на Крымъ, разбиваемъ турокъ при Ставучанахъ, но по Бѣлградскому миру лишены были права имѣть въ Азовѣ укрѣпленія, обязались оставить Азовскій округъ пустынным и, уже выйдя къ Черному морю послѣ овладѣнія Очаковомъ, возвратили этотъ пунктъ туркамъ: такимъ образомъ мы были еще разъ отодвинуты отъ Чернаго моря и лишились права имѣть на немъ флотъ. Полезнымъ для Россіи результатомъ войнъ, веденныхъ при Аннѣ Іоанновнѣ, было лишь небольшое передвиженіе нашей границы къ югу.

Въ царствованіе великой государыни Екатерины II русское племя и русское войско наконецъ рѣшили успѣшно остальныя двѣ задачи, завѣщанныя русскимъ государямъ и русскому народу еще въ XV и XVI столѣтіяхъ Иваномъ III и Иваномъ IV: по объединенію русскаго племени и выходу къ Черному морю. Но и великая Екатерина задачу по завоеванію Крыма и выходу къ Черному морю поставила впереди задачи по объединенію русскаго племени.

Въ двухъ войнахъ, веденныхъ при Екатеринѣ II съ турками, русскія войска, предводимыя Румянцевымъ, Потемкинымъ, Суворовымъ, Репнинымъ, несмотря на свою малочисленность, нанесли ослабѣвшей отъ внутреннихъ неурядицъ Турціи рядъ пораженій; по двумъ мирнымъ договорамъ, Кучукъ-Кайнарджійскому и Ясскому, Россія наконецъ прочно вышла на берегъ Чернаго моря, присоединила къ своимъ владѣніямъ Крымъ, получила на юго-западѣ границу по р. Днѣстру, а на Кавказѣ по рѣкѣ Кубани. Все побережье отъ устья р. Днѣстра до устья р. Кубани вошло въ составъ Россіи. Всего при Екатеринѣ II отъ Турціи было присоединено 2,500 квадр. миль, считая въ томъ числѣ и вассальныя ея владѣнія въ Крыму и на Кавказѣ.

Изъ предыдущихъ главъ видно, что появленіе новыхъ сильныхъ враговъ Россіи, шведовъ и турокъ, послужило причиною, что съ Андрусовскаго мира правители Россіи временно совсѣмъ оставили заботу о политическомъ объединеніи русскаго племени.

Только въ царствованіе Екатерины II по причинамъ, изложеннымъ въ XVI главѣ, „неожиданно“, по мнѣнію нашего историка С. Соловьева, по первому раздѣлу Польши въ 1772 году къ Россіи отошли древнія русскія воеводства: Мстиславское, Могилевское, часть Полоцкаго и часть Минскаго съ населеніемъ въ 1,360,000 душъ, въ большинствѣ бѣлоруссовъ.

Черезъ 21 годъ послѣдовалъ второй раздѣлъ Польши, по которому къ Россіи отошли отъ Польши Волынь, Подолія и земли, составляющія часть сѣверо-западнаго края, губерніи Минская и восточная часть Виленской, „единоплеменниками Россіи населенныя и единую вѣру съ ними исповѣдующими“. Наконецъ, черезъ три года послѣ второго раздѣла Польши, въ 1795 году, Польша по третьему раздѣлу прекратила самостоятельное существованіе. По третьему раздѣлу къ Россіи отошли: западная часть Бѣлоруссіи и восточная Литвы до р. Нѣманъ, за исключеніемъ Бѣлостокской области, составляющія нынѣ губерніи: Виленскую, Ковенскую и Гродненскую. По тому же раздѣлу къ Россіи отошла часть Малороссіи до р. Западный Бугъ и Курляндія. Всего по тремъ раздѣламъ Польши къ Россіи отошло около 8,500 кв. миль.

Въ концѣ XVIII столѣтія къ Россіи присоединена и Грузія.

Не принимая въ расчетъ Галицію, жившую все время совершенно обособленною жизнью, объединеніе русскаго племени можно признать законченнымъ уже въ концѣ XVIII столѣтія. На XIX столѣтіе переходила лишь задача по укрѣпленію этого племени.

Иванъ III, Иванъ IV, Петръ I и Екатерина II наиболѣе потрудились въ теченіе 4-хъ вѣковъ, съ XV по XIX столѣтіе, надъ расширеніемъ предѣловъ Россіи и сборомъ въ одно государство русскаго племени. Въ вѣкъ Екатерины II, начиная отъ Балтійскаго моря, по всей западной границѣ Россіи и далѣе по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, потомъ къ сѣверу отъ Кавказскаго хребта до верховьевъ рѣкъ Кубани, Терека и Кумы, къ владѣніямъ Россіи прибавилась полоса земель шириною отъ ста до четырехъ сотъ верстъ.

Наибольшіе труды, выпавшіе на долю русскаго племени, относятся къ борьбѣ его за расширеніе предѣловъ Россіи на западѣ до Балтійскаго моря. Затѣмъ съ большими жертвами и усиліями достались Россіи южныя мѣстности до Чернаго моря и юго-восточныя до Каспійскаго моря. Достиженіе же Ледовитаго океана совершилось легко. Точно также и распространеніе на сѣверо-востокъ до Уральскаго хребта не потребовало большихъ усилій. Наконецъ наименьшихъ жертвъ и усилій потребовало присоединеніе къ Россіи огромныхъ пространствъ Сибири.

Въ 1582 году Ермакъ поклонился царю Ивану IV Сибирскимъ царствомъ, заключавшимъ въ себѣ Тобольскій край. Черезъ 50 лѣтъ послѣ завоеванія Ермака удалыя казачьи партіи уже вышли къ Сѣверному океану и Охотскому морю, а въ 1696 году къ русскимъ владѣніямъ присоединена Камчатка. Въ концѣ XVII столѣтія русскіе уже владѣли р. Амуромъ, и въ 1686 году наши войска въ Албазинѣ на р. Амурѣ отбивались отъ осаждавшихъ ихъ Манчжурскихъ войскъ. Тобольскъ основанъ въ 1587 году, а Якутскъ уже въ 1633 году. При Аннѣ Іоанновнѣ къ Россіи присоединены Киргизскія степи площадью около 14,000 кв. миль.

Въ 1700 году пространство Россіи составляло 265,000 кв. миль, въ томъ числѣ въ Европѣ 79,000 кв. миль. Въ 1800 году пространство Россіи составило 331,000 кв. миль, изъ коихъ около 96,000 кв. миль въ Европѣ.

Положеніе русскаго племени до XIX столѣтія.

Положеніе русскаго населенія въ различные періоды его исторической жизни на основаніи данныхъ, изложенныхъ въ предыдущихъ 16 главахъ настоящаго труда, можетъ быть обрисовано въ слѣдующихъ общихъ чертахъ.

По переселеніи на территорію Европейской Россіи, славяне жили въ постоянной борьбѣ съ сосѣдями и между собою, сохраняя постоянную готовность бросать мѣсто своего пребыванія и спасаться отъ враговъ. Первоначально разселялись по рѣкамъ.

Славяне жили разбросанно въ бѣдныхъ, неопрятныхъ избахъ, и необходимость частой перемѣны мѣста жительства не располагала ихъ къ прочному устройству. Жили при самыхъ простыхъ формахъ быта и были расположены къ мирной дѣятельности. Городская жизнь не была развита. Главными занятіями служили охота, рыболовство, скотоводство, пчеловодство. По свидѣтельству современниковъ, славяне привыкли къ суровой обстановкѣ жизни, довольствовались скудною пищею, бѣднымъ жилищемъ и были очень гостепріимны.

При бѣдной жизни и готовности бросить мало насиженное гнѣздо, славяне легко избѣгали чужого ига и крѣпко любили свободу.

Обиліе звѣря въ лѣсахъ, рыбы въ рѣкахъ и озерахъ, обиліе дикихъ пчелъ, огромныя пространства при незначительномъ населеніи хотя и создавали тяжелыя условія для жизни, но въ то же время способствовали хотя и суровому, но безбѣдному и относительно привольному существованію населенія.

Постоянная опасность отъ сосѣдей, постоянная борьба съ природою, гдѣ звѣрь часто побѣждалъ человѣка, закаляли населеніе и въ то же время вызывали необходимость группировки его въ семейные и родовые союзы. По мѣрѣ увеличенія населенія и оскудѣнія

натуральныхъ промысловъ—охоты, рыболовства, скотоводства—начало развиваться и земледѣліе.

Въ X вѣкѣ уже явилось раздѣленіе на сословія. Самымъ важнымъ сословіемъ была дружина. За нею въ Кіевской и Новгородской Руси шелъ торговый классъ. Долгое время купецъ былъ въ то же время воиномъ и обратно. Главная масса населенія составила третій классъ — свободныхъ людей (смердовъ). Кромѣ свободныхъ людей были еще холопы и закупы съ ограниченною свободою и наконецъ рабы, по преимуществу плѣнники.

Уже въ этотъ ранній періодъ (X, XI столѣтія) населеніе было обложено натуральною податью: мѣхами, медомъ, воскомъ, звѣриными шкурами. Сами князья съ дружинами ѣздили по рѣкамъ собирать подать и затѣмъ собранные продукты составляли предметъ внѣшней торговли, очень развившейся въ Новгородѣ и въ Кіевѣ. Но къ этимъ предметамъ сбыта въ Кіевской Руси торговцы прибавляли наиболѣе прибыльный товаръ—рабовъ—и богатѣли продажею ихъ въ Византію, по побережью Средиземнаго моря, въ Персію.

Вмѣстѣ съ развитіемъ классовыхъ подраздѣленій, стали умножаться городскія населенія и нѣкоторыя изъ нихъ достигли цвѣтущаго состоянія, особенно Кіевъ, Новгородъ, Псковъ.

Первые великіе князья вели патріархальный образъ жизни, стояли близко къ населенію, хорошо знали его нужды и свои труды по управленію народомъ раздѣляли съ старшими чинами дружины.

Цѣлый рядъ Кіевскихъ князей обладалъ высокимъ даромъ строительства земли.

Изъ нихъ Олегъ, Ольга и особенно Владиміръ и Ярославъ оставили по себѣ наиболѣе яркую память въ народныхъ сказаніяхъ. Во время правленія не воинственныхъ Владиміра и Ярослава Кіевская Русь достигла достатка и спокойствія.

Заботливое, справедливое, умѣлое управленіе первымъ изъ нихъ населеніемъ доставило ему почетное наименованіе „Владиміръ Красное Солнышко“. Ярославъ получилъ также почетный титулъ Мудраго.

Правленіе этихъ князей было одной изъ счастливѣйшихъ эпохъ въ жизни русскаго племени.

Богатства, притекавшія въ Кіевъ отъ развитой внѣшней торговли, быстро создали рѣзкую разницу въ образѣ жизни верховъ общества и массы населенія. Вмѣсто заботы о благосостояніи массы населенія создалась эксплоатація труда этой массы.

По замѣчанію историка В. Ключевскаго „экономическое благосостояніе и успѣхи общежитія наверху Кіевскаго общества куплены были цѣною порабощенія массъ и продажею рабовъ“. Рабы въ Кіевскій періодъ составляли главную статью вывоза.

Наступленіе послѣ смерти Ярослава удѣльнаго періода исторіи съ его непрерывною междоусобною борьбою князей за удѣлы еще ухудшило положеніе низшихъ классовъ.

Въ борьбѣ между собою князья старались набирать въ земляхъ своихъ противниковъ возможно болѣе плѣнныхъ, обращали ихъ въ рабство, селили на своихъ земляхъ и земляхъ, отданныхъ дружинникамъ, и частью продавали въ рабство.

„Превратившись въ хищническую борьбу за рабочія руки, сопровождавшуюся разореніемъ селъ и городовъ и уменьшеніемъ свободнаго населенія, княжескія усобицы еще болѣе увеличили тяжесть положенія низшихъ классовъ въ Кіевской Руси“ [1]).

Вмѣстѣ съ разореніемъ отъ борьбы между собою князей, населеніе удѣльной Руси стало тяжко терпѣть отъ набѣговъ различныхъ дикихъ ордъ съ востока и юга. Въ особенности тяжело сдѣлалось положеніе населенія Кіевскаго удѣла, тѣснимаго половцами, смѣнившими печенѣговъ.

Отъ набѣговъ наиболѣе страдало сельское населеніе, не огражденное стѣпами, подобно городскому.

При нападеніи кочевниковъ населеніе частью избивалось, частью уводилось въ плѣнъ. Князья съ ихъ дружиною оказывали плохую защиту населенію. Уцѣлѣвшіе, въ поискахъ за болѣе спокойною, обезпеченною и свободною жизнью, стали выселяться. По свидѣтельству нашихъ историковъ уходили отъ половцевъ, уходили и отъ кабалы боярской. Это выселеніе приняло особо обширные размѣры съ половины XII вѣка въ Кіевскомъ районѣ. Богатый еще недавно Кіевскій удѣлъ сталъ пустѣть и бѣднѣть.

Но и на всей русской землѣ XII вѣка удѣльный періодъ ослабилъ русское племя. Лѣтописцы указываютъ, что въ этотъ періодъ: „рѣдко слышались крики земледѣльцевъ, сокращался вѣкъ людской“.

И вотъ, отъ тяжелой жизни, населеніе изъ плодородныхъ, черноземныхъ мѣстностей юга — съ Днѣпра—тронулось на сѣверо-востокъ въ междурѣчье Оки и верхней Волги, въ Суздальскую землю, на земли, несравненно менѣе плодородныя.

Колонизація бассейна верхней Волги послужила къ образованію великорусскаго племени. Племена финскія, обитавшія въ этомъ районѣ, покорились безъ большой борьбы и въ значительной степени слились съ переселенцами.

На южной Руси по характеру мѣстности — безводію и опасности отъ набѣговъ—населеніе группировалось въ большія селенія. Попавъ на сѣверъ въ иную природу, населеніе стало селиться небольшими поселками въ два — три двора, что продолжается до конца XVII столѣтія. Главнымъ видомъ народнаго хозяйства съ перемѣною территоріи, вмѣсто внѣшней торговли, становится обработка земли съ помощью вольнаго труда.

Новые поселенцы должны были бороться среди лѣсовъ и болотъ, чтобы поставить избу, выжечь лѣсъ, образовать поле. Когда почва

---

[1]) В. Ключевскій, т. 1, стр. 125—127.

истощалась, крестьянинъ переносилъ свой дворъ на другое мѣсто, что допускалось обиліемъ земли. Охота и рыболовство служили важнымъ подспорьемъ къ земледѣлію.

Суровая природа занятой новымъ населеніемъ страны, лѣсистой, болотистой, создавала для населенія много мелкихъ опасностей и затрудненій, борьба съ которыми развивала въ великороссахъ находчивость, наблюдательность, смѣлость. Короткое лѣто вызывало потребность въ крайнемъ напряженіи труда въ лѣтнее время, пріучало работать быстро, вырабатывало особую выносливость къ труду. Тяжелыя условія жизни пріучали великоросса къ простой пищѣ, простому, суровому укладу всей жизни. Все это создавало изъ великоросса исключительно благопріятный матеріалъ для военнаго дѣла.

Андрей Боголюбскій, перенесшій свой великокняжескій столъ изъ обѣднѣвшаго Кіева во Владиміръ, много способствовалъ устройству Суздальской земли. Послѣ его смерти, правящіе верхи пробовали подчинить себѣ массу населенія, но на этотъ разъ побѣда осталась за низами, и политическое значеніе княжеской дружины и высшаго городского купечества упало.

Ко времени нашествія монголо-татаръ положеніе русскаго населенія, ослабленнаго внутренними усобицами, было со всѣхъ границъ мало обезпеченное отъ внѣшнихъ враговъ.

Венгры, поляки и Литва тѣснили Русь съ запада, заняли Галицкія княжества и западно-русскіе удѣлы. Нѣмцы утвердились въ Юрьевѣ. Половцы тѣснили съ юга. Только внизъ по Волгѣ мы и въ это тяжелое время подвинулись до впаденія Оки въ Волгу.

Монголо-татарское иго тяжко легло на всю восточную и юго-восточную Русь и отразилось еще большимъ пониженіемъ достатка и нравственныхъ качествъ въ населеніи.

Но и въ это время московскіе князья XII и XIII вѣковъ сумѣли не только отстоять свой небольшой удѣлъ отъ обѣдненія, но, будучи отличными хозяевами, бережливыми, твердыми, быстро увеличили этотъ удѣлъ и привели хозяйство населенія въ нѣкоторый порядокъ.

XIII вѣкъ проходитъ въ собираніи русской земли, но по мѣрѣ роста Московской Руси благосостояніе ея не растетъ.

Переходъ отъ дружинъ къ ополченнымъ войскамъ передаетъ владѣніе землею въ руки служилаго населенія. Между тѣмъ ростъ населенія, при той же территоріи во внутреннихъ удѣлахъ, создаетъ потребность въ переходѣ отъ переложной системы къ трехпольному хозяйству, требующему въ нечерноземныхъ губерніяхъ значительнаго количества скота для удобренія и болѣе упорнаго, при меньшемъ вознагражденіи, земледѣльческаго труда. Сохранивъ личную свободу, сельское населеніе во многихъ мѣстностяхъ Россіи, послѣ раздачи земель въ видахъ помѣстной службы, оказалось сидящимъ, на арендаторскомъ правѣ, на земляхъ помѣстнаго дворянства, духовенства и частью купечества. Явилась задолженность, а съ нею вмѣстѣ и

матеріальная зависимость отъ землевладѣльцевъ-помѣщиковъ. Тѣ же изъ свободныхъ людей, которые вновь садились на владѣльческія земли, могли въ большинствѣ начать хозяйство только при условіи полученія отъ владѣльца ссуды на обзаведеніе: деньгами, лѣсомъ, зерномъ, и тоже попадали въ кабалу.

Освобожденіе Руси отъ татарскаго ига не отразилось замѣтнымъ образомъ на улучшеніи положенія низшихъ классовъ населенія.

Иго татарское смѣнилось игомъ податнымъ и помѣщичьимъ. Съ ростомъ внѣшнихъ задачъ нашихъ государей росли арміи, и расходы на нихъ все тяжелѣе падали на земледѣльческій классъ населенія.

Россія вышла изъ татарской зависимости обширною по пространству, сильною по централизаціи власти, но съ небольшимъ относительно населеніемъ, въ массѣ бѣднымъ.

Историкъ В. Ключевскій очень характерно обрисовываетъ положеніе Россіи въ ту эпоху слѣдующими словами:

„Въ XIV вѣкѣ создалось всемогущее государство на самой скудной матеріальной основѣ. Вслѣдствіе этой скудости верховная власть должна была сдѣлаться всемощною, чтобы имѣть возможность напрягать всѣ силы населенія къ достиженію поставленныхъ цѣлей“.

Эти цѣли, какъ изложено выше, были обширны и требовали напряженія всѣхъ силъ и средствъ государства. Борьба съ татарами, Литвою, поляками, шведами сопровождалась разореніемъ мѣстностей, въ которыя вторгались непріятельскія войска, въ особенности татары. Очень много горя на русской землѣ прибавилось въ смутное время, когда поляки и казаки разоряли землю не хуже татаръ. Для одновременной борьбы съ нѣсколькими врагами въ XVI и XVII столѣтіяхъ требовалось выставленіе многочисленныхъ ратей.

Общая сила войскъ, одновременно выставленныхъ, доходила до 300 тысячъ человѣкъ. Усовершенствованное оружіе (ружья, пушки), необходимость большихъ запасовъ и обозовъ вызывали не только выставленіе живой силы, но и тяжелые сборы съ населенія деньгами и разнаго вида повинностями. Особенно тяжела была повинность подводная. Сборами на содержаніе войскъ и веденіе войнъ обложены были торговое сословіе и горожане.

Въ результатѣ успѣшной внѣшней дѣятельности въ теченіе XV, XVI и XVII столѣтій населеніе Московской Руси пришло въ тяжелое положеніе. Все возраставшая потребность въ денежныхъ средствахъ и энергичная внѣшняя дѣятельность по объединенію русскаго племени и выходамъ къ морямъ настолько поглощали вниманіе государей и правящаго класса, что на улучшеніе внутренняго порядка на Руси не обращалось много вниманія, а непорядки и утѣсненія населенія разными властями были большіе.

Непрерывно призываемый подъ знамена служилый классъ разстроилъ свои дѣла. Торговое сословіе обѣднѣло, и торговля стала

попадать въ руки иноземцевъ. Въ особенности, по свидѣтельству современниковъ, обѣднѣлъ низшій классъ населенія. Онъ былъ такъ обремененъ денежными и натуральными повинностями и незаконными поборами правящихъ классовъ, такъ невѣжественъ, что всѣ желанія этого класса сводились къ уменьшенію налоговъ, поборовъ и повинностей. Во многихъ случаяхъ населеніе не въ силахъ было выносить этихъ платежей и разбѣгалось. Въ XVI вѣкѣ крестьянинъ былъ свободенъ, но безземеленъ. Разбѣгались и получившіе ссуду отъ лицъ служилаго класса. Отведенныя дворянамъ земли для несенія воинской повинности пустѣли и не давали болѣе средствъ къ отбыванію этой повинности (выходить самому и выставлять извѣстное число вооруженныхъ и снабженныхъ довольствіемъ ратниковъ).

Чтобы остановить бѣгство земледѣльцевъ и переходъ ихъ отъ одного владѣльца къ другому, Борисъ Годуновъ прикрѣпилъ крестьянъ къ землѣ и положилъ основаніе крѣпостному праву.

Относительно этого важнаго въ жизни русскаго народа событія историкъ Соловьевъ говоритъ:

„Въ прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ самымъ страшнымъ обра„зомъ высказалось банкротство бѣдной страны, не могшей своими „средствами удовлетворять потребности своего государственнаго поло„женія“.

Далѣе всѣ усилія правящихъ лицъ направлялись къ тому, чтобы крестьяне возможно прочнѣе сидѣли на земляхъ, росли въ числѣ и увеличивали этимъ количество податныхъ единицъ.

Всѣ высшіе классы дружно стремились къ переложенію возможно большей части податей и повинностей на бѣднѣйшую часть населенія. Чтобы эта часть населенія могла находить источникъ для уплаты, ее и прикрѣпили къ землѣ.

Несмотря на свидѣтельства современниковъ, въ томъ числѣ Посошкова, Крижанича и др., о лѣни великорусскаго населенія, фактическія данныя объ увеличившемся размѣрѣ запашки земли на одну семью указываютъ, что только при тяжкомъ трудѣ земледѣльца Московской Руси онъ могъ удовлетворить все возраставшимъ отъ него требованіямъ.

Не легко было и положеніе мелкихъ помѣщиковъ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, повидимому, разныя повинности, падавшія на землю, имъ отведенную, стали такъ велики, что превысили доходы съ земли. Этимъ прежде всего объясняется массовое уклоненіе мелкихъ дворянъ-помѣщиковъ отъ несенія службы. Они часто покидали свои помѣстья и вотчины, переходили на частную службу, въ услуженіе къ боярамъ, приписывались къ ихъ дворамъ и даже перечислялись изъ помѣщиковъ въ дворовые люди [1]).

Историкъ В. Ключевскій указываетъ, что правительство въ XVII

---

[1]) Кн. Васильчиковъ. Землевладѣніе и земледѣліе, т. I, стр. 362, изд. 1876 г.

вѣкѣ сознавало необходимость принятія мѣръ къ улучшенію положенія населенія и мѣры принимались, но онѣ оказывались недостаточными или неумѣлыми.

Перенесенная на Русь патріархомъ Филаретомъ, отцомъ царя Михаила Ѳеодоровича, однимъ изъ первыхъ русскихъ западниковъ, бюрократическая система не помогла бѣдѣ. „Туго стянутая, строго централизованная администрація не лучше прежняго обезпечивала казенные интересы“ [1]).

Общей причиной неудачъ разныхъ начинаній правительства В. Ключевскій считаетъ финансовую политику правительства, которая была „основана на простой эксплоатаціи народнаго труда въ пользу казны. Увеличивая налоги, правительство не принимало мѣръ къ развитію промышленныхъ средствъ страны; увеличивая требованія съ народнаго труда, правительство не старалось сдѣлать этотъ трудъ болѣе доходнымъ, вооружить его лучшими пріемами техническими и направить его на новыя, болѣе доходныя производства“.

На основаніи показаній современниковъ, Московская Русь XVII столѣтія „оскудѣла, обѣднѣла и въ то же время ея военная сила пришла въ разстройство“. Уже въ XVII вѣкѣ недовольство постепенно охватило все общество сверху донизу и сопровождалось рядомъ народныхъ мятежей.

На земскомъ соборѣ въ 1642 году представители населенія для улучшенія экономическаго положенія Россіи и улучшенія самаго порядка управленія признавали необходимымъ:

1) введеніе подоходнаго налога безъ какихъ-либо изъятій;

2) прекращеніе роста податей и повинностей;

3) прекращеніе канцелярской волокиты, неправды и неправедныхъ судовъ;

4) огражденіе отъ иноземцевъ, захватившихъ въ свои руки торговлю;

5) расширеніе правъ населенія по самоуправленію.

Въ XVIII столѣтіе Россія вступила, закончивъ только одну изъ задачъ, завѣщанныхъ ей съ XV столѣтія—выходъ къ Каспійскому морю.

Огромныя усилія, исполненныя русскою вооруженною силою, оказывались недостаточными въ виду отсталости нашей арміи отъ войскъ противниковъ, ранѣе насъ перешедшихъ къ арміямъ постояннаго типа. Между тѣмъ сформированіе и содержаніе постояннаго типа арміи требовали денежныхъ средствъ, которыми Московская Русь не располагала.

Чтобы добыть эти средства, необходима была спокойная работа для увеличенія достатка въ населеніи; надо было дать населенію отдохнуть и собраться съ силами и средствами для продолженія выполненія внѣшнихъ задачъ.

---

[1]) П. Милюковъ, Очерки по исторіи русской культуры.

Но Петръ I не призналъ возможнымъ откладывать формированіе постоянной арміи до накопленія для сего народныхъ средствъ и одновременно принялся какъ за ломку существовавшаго строя жизни, съ цѣлью увеличить средства страны, такъ и за сформированіе постояннаго типа арміи, чтобы быть въ силахъ дать отпоръ врагамъ внѣшнимъ.

Напряженная дѣятельность Петра по сформированію постоянной арміи, созданію флота, 21-лѣтней борьбѣ со шведами, борьбѣ съ турками, созданію Петербурга, вызывала и крайнее напряженіе силъ населенія, чтобы удовлетворить неутолимую жажду внутренней и внѣшней дѣятельности великаго государя. Но опасность внѣшняя настолько поглощала вниманіе Петра, что внутреннее устройство Россіи и въ особенности устройство и улучшеніе быта низшаго класса населенія было отодвинуто на задній планъ. Главною заботою Петра было не внутреннее устройство русской земли, а изысканіе по этой землѣ денежныхъ средствъ для удовлетворенія все возраставшихъ потребностей въ расходахъ на созданіе и содержаніе арміи и флота, созданіе Петербурга и, главное, веденіе войны.

Кн. Васильчиковъ въ своемъ капитальномъ трудѣ „Землевладѣніе и Земледѣліе“ признаетъ, что реформы Петра не касались внутренняго быта крестьянъ.

„Правительство, устроивъ наружные порядки, какъ будто закрыло глаза на домашній, хозяйственный и земельный бытъ крестьянъ и, закрѣпивъ ихъ къ землѣ, предоставивъ ихъ попеченію дворянства, установивъ счетъ по душамъ, отреклось отъ всѣхъ прочихъ заботъ управленія, предоставляя народу жить, какъ онъ хочетъ и знаетъ, внутри сельскихъ обществъ, въ семействѣ, во дворѣ, безъ закона, безъ права, безъ какихъ-либо узаконеній семейныхъ, родственныхъ, гражданскихъ и земельныхъ, какъ вздумается міру и какъ разсудитъ помѣщикъ“ [1]).

Для покрытія расходовъ на армію была введена тяжелая подушная подать по 74 коп. съ души (мужской), что по настоящей цѣнности денегъ отвѣчаетъ окладу въ 3 р. 50 коп. съ души, т. е. отъ 7 до 10 рублей съ крестьянскаго двора. Въ цѣляхъ увеличить податное населеніе, крѣпостное право было расширено. При Петрѣ I многія группы населенія, считавшіяся свободными, попали въ крѣпостныя.

Накопленіе матеріальныхъ средствъ у населенія при Петрѣ I шло медленно и потому, что онъ одновременно съ крайнимъ напряженіемъ платежныхъ силъ и средствъ населенія произвелъ, построеніемъ Петербурга, реформу экономическую: „народное хозяйство получило односторонее, искусственное направленіе. Народный трудъ былъ повернутъ фронтомъ къ сѣверо-западу. Вся экономическая работа страны направилась къ новой столицѣ, здѣсь возникшей“ [2]). Напряженіе народнаго труда достигло небывалыхъ еще размѣровъ.

---

[1]) Кн. Васильчиковъ, т. I, стр. 407—408.

[2]) В. Ключевскій.

Въ той колоссальной ломкѣ, которая производилась Петромъ I, ломалось вмѣстѣ съ дурнымъ и хорошее. Ломалось, въ особенности, многое дорогое русскому человѣку, какъ достояніе, перешедшее къ нему отъ предковъ, связанное съ его вѣрою, правами и обычаями.

Между тѣмъ требованія Петра I ложились на страну бѣдную, малолюдную, безъ развитыхъ промысловъ. Такъ какъ главная масса податей и повинностей все же легла на тяглое населеніе, то оно съ своей стороны употребляло всѣ усилія, чтобы не платить подати, и убѣгало многими тысячами. Недовольство массъ росло и выражалось въ бунтахъ стрѣлецкихъ, башкирскомъ, Астраханскомъ и Булавинскомъ.

„Немедленно послѣ смерти Петра открылось уже новое направленіе въ дѣлахъ внутренней политики, — она перешла въ руки временщиковъ и знатныхъ дворянъ и въ то же время подчинилась иноземнымъ вліяніямъ и воззрѣніямъ“ [1]).

Эти вліянія и воззрѣнія повели къ тому, что при преемникахъ Петра I положеніе массы населенія значительно ухудшилось. Цѣлымъ рядомъ правительственныхъ распоряженій, въ періодъ съ 1727 до 1762 года, въ теченіе 35 лѣтъ, положеніе крестьянъ все стѣснялось и ко времени вступленія на престолъ Екатерины II уже было „довершено полное безусловное порабощеніе русскаго народа“ [2]).

Насколько принимаемыя мѣры были жестоки, видно, напр., изъ указа 1729 года, которымъ „приказано государевыхъ *вольныхъ* людей, если они не годны къ службѣ, отдавать въ крѣпостное владѣніе тѣмъ, которые ихъ запишутъ за собой въ подушный окладъ, а если таковыхъ не найдется, то ссылать ихъ въ Сибирь на поселеніе“ [3]).

„Правители этого времени, знатныя особы и персоны неусыпно слѣдили за погашеніемъ и прекращеніемъ всѣхъ правъ, коими пользовалось еще крестьянство, и вездѣ, гдѣ открывали какое-либо дѣйствіе, еще не запрещенное крѣпостнымъ людямъ, спѣшили дополнить пропускъ и отмѣнять послѣднія вольности, которыя еще были имъ предоставлены по старымъ обычаямъ.

„Наконецъ, указомъ 13 декабря того же 1760 года, даровано было благородному дворянству *право ссылать людей въ Сибирь съ зачетомъ ихъ въ рекруты и съ полученіемъ отъ казны денегъ на провозъ и путевые расходы*. Этотъ указъ составляетъ послѣднее звено длинной цѣпи, сковавшей русское крестьянство или, вѣрнѣе сказать, опутавшей все сельское сословіе сѣтью разнорѣчивыхъ, легкомысленныхъ, случайныхъ узаконеній, которыя подписывались самодержцами и государынями въ угоду своихъ любимцевъ и любовниковъ и часто противорѣчили ихъ собственнымъ видамъ и умысламъ.

---

[1]) Кн. Васильчиковъ. Землевладѣніе, т. I, стр. 422.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же.

„Власть, предоставленная помѣщикамъ въ силу этого указа, была дѣйствительно чрезвычайная: отъ нихъ не требовалось никакихъ уликъ и доказательствъ какой-либо виновности крестьянъ; они прямо заявляли желаніе отдать человѣка на поселеніе съ женой и дѣтьми, и если человѣкъ оказывался годнымъ къ работѣ и не старѣе 45 лѣтъ, то велѣно было его принять, а помѣщикамъ и ихъ приказчикамъ давать квитанцію для зачета въ будущіе наборы“ [1]).

Въ то же время дворянству, особенно знатному, предоставлялись различныя льготы; прекратились суровыя мѣры Петра I относительно дворянъ, находившихся въ „пѣтяхъ“, и наконецъ въ 1762 году, при восшествіи на престолъ Петра III, были объявлены дворянству вольность и свобода относительно проживанія ихъ гдѣ хотятъ, свобода несенія службы по ихъ желанію не только въ Россіи, но и въ другихъ государствахъ и пр.

Но уже въ 1763 году эти вольности были отмѣнены Екатериною II до 1785 года, когда послѣдовала извѣстная грамота Екатерины о вольности дворянской. Но ограниченія вольностей касались только мелкихъ дворянъ.

Что касается роли дворянства въ XVIII столѣтіи, то таковая очерчивается княземъ Васильчиковымъ въ слѣдующихъ строкахъ:

„Знатное и придворное дворянство пользовалось уже съ самой смерти Петра I не только полною вольностью, но и неограниченнымъ самовластіемъ: оно занимало всѣ высшія должности, служило въ гвардіи и при дворѣ, въ Петербургѣ и Москвѣ, и въ то же время заставляло мелкихъ помѣщиковъ отдавать дѣтей на воспитаніе въ гарнизонные баталіоны и сдавать ихъ въ рекруты со 100 душъ по одному.

„Между тѣмъ политика, преслѣдуемая государями и высшимъ дворянствомъ, начинала уже приносить свои горькіе плоды. Народъ, окончательно смущенный колебаніями верховной власти, озлобленный притѣсненіями помѣщиковъ, рѣшительно отказался вѣрить, чтобы претерпѣваемыя имъ угнетенія исходили отъ государя. Онъ поднялся сплошною массою и потянулъ на востокъ; сначала мирно и послушно, занимая, хотя и безъ спроса, кочевья и улусы татарскихъ племенъ и пустыя земли финскихъ инородцевъ, затѣмъ, въ половинѣ XVIII ст., самовольно и буйно отстаивая свое старинное право вольнаго перехода и бушуя на всемъ необъятномъ пространствѣ отъ Урала и Камы до Каспійскаго и Чернаго морей“ [2]).

Во внѣшней дѣятельности при преемникахъ Петра I до Екатерины II на долю Россіи выпадали и небольшія передышки между военными предпріятіями.

При Аннѣ Ивановнѣ, по генеральной переписи 1738 года, населе-

[1]) Кн. Васильчиковъ, Землевладѣніе, т. I, стр. 423.

[2]) Тамъ же, т. I, стр. 432.

ніе въ великорусскихъ губерніяхъ составило всего около 5,500,000 мужчинъ и 5,300,000 женщинъ при огромной территоріи.

Въ главѣ XVI-й изложено, что при вступленіи на престолъ Екатерины II внутреннее положеніе Россіи было тяжелое. По разслѣдованіи причинъ недовольства оказалось, что въ особенности тяжело на населеніе ложились все возраставшіе рекрутскіе наборы.

Положеніе податного населенія было такъ тяжело, что значительное число семей убѣгало въ польскіе предѣлы и въ Балтійскія губерніи отъ русскихъ порядковъ. За этими бѣглецами посылались въ польскіе предѣлы безъ объявленія войны отряды войскъ; кромѣ того оказалось, что населеніе бѣжитъ въ Польшу или уходитъ въ степи, чтобы избавиться отъ утѣсненій всякаго рода на родинѣ. Жаловались на неограниченную власть помѣщиковъ, огромныя подати, возвышеніе цѣнъ на предметы первой необходимости, на лихоимство властей и неправосудіе.

Но и въ царствованіе Екатерины II положеніе населенія не улучшилось. Такъ, въ 1771 году, при веденіи съ Турціею переговоровъ о заключеніи съ нею мира, положеніе внутри Россіи признавалось нашими историками тоже очень тяжелымъ. Чума изъ Турціи перешла въ Россію. Въ Москвѣ разразился народный бунтъ. Подати поступали въ уменьшенномъ числѣ. Наборъ рекрутъ затруднялся чумою. Пугачевскій бунтъ принялъ такіе размѣры, что изъ слабой арміи Румянцева потребовалось выдѣлить 15,000 чел. для усмиренія бунта.

Утѣшая себя сознаніемъ, что ея высокій либерализмъ признанъ лучшими умами въ Европѣ, въ томъ числѣ и Вольтеромъ, Екатерина II въ продолженіе всего царствованія затягивала узы крѣпостного права.

При Екатеринѣ II совершилась тягчайшая изъ несправедливостей для крестьянъ. Указомъ Сената, 22 августа 1767 года, они не только были лишены права подавать на своихъ господъ жалобы, но самый фактъ такой жалобы, независимо отъ содержанія, уже разсматривался какъ преступленіе и строго наказывался.

Помимо этой мѣры положеніе крестьянъ при Екатеринѣ II ухудшилось раздачею ихъ, въ большихъ размѣрахъ, въ крѣпостную зависимость разнымъ лицамъ и за разныя заслуги. Когда источникъ раздачи земель изсякъ, совѣтники Екатерины II подсказали ей выходъ изъ затрудненія: она стала раздавать земли въ Малороссіи и въ восточной Россіи, *обращая въ крѣпостныхъ* сидѣвшее на этихъ земляхъ вольное населеніе.

До вступленія на престолъ Екатерины II было уже пожаловано 389,0000 душъ (изъ нихъ у одного Разумовскаго было 120,000 ревизскихъ душъ); Екатериною II подарено 800,000 душъ, въ царствованіе Павла I роздано 115,000 ревизскихъ душъ.

Вредное значеніе раздачи земель съ прикрѣпленіемъ къ нимъ

свободнаго населенія оцѣнивается кн. Васильчиковымъ въ слѣдующихъ строкахъ.

„Въ царствованія Елисаветы и Екатерины появилась новая гроза, небывалая въ Россіи, по крайней мѣрѣ никогда не свирѣпствовавшая въ такихъ размѣрахъ—*это пожалованіе государевыхъ вотчинъ царскимъ любимцамъ, людямъ случайнымъ*. Мы видѣли, въ какихъ скромныхъ размѣрахъ верстались помѣстьями прежніе служилые люди—100—200 четвертями, т. е. такими имѣніями, которыя почти приравнивали ихъ хозяйства, ихъ образъ жизни къ крестьянскому; вмѣстѣ съ тѣмъ многія изъ прежнихъ боярскихъ фамилій, вслѣдствіе постояннаго раздѣла наслѣдства, утратили свои богатства, жили въ опалѣ, пониклі духомъ, и крупное аристократическое землевладѣніе почти выводилось въ Россіи въ первой половинѣ XVIII столѣтія“.

„Тогда-то внезапно надъ обѣднѣвшимъ дворянствомъ и государевыми вольными людьми возвысилось новое сословіе *людей случайныхъ* и открылся новый способъ закрѣпленія вольныхъ крестьянъ за помѣщиками, посредствомъ высочайшихъ пожалованій казенныхъ земель и крестьянъ, на нихъ водворенныхъ. *Это и было настоящее основаніе крупнаго землевладѣнія въ Россіи* и того соціальнаго строя, которые съ нѣкоторыми измѣненіями дожили и до настоящаго времени. Оно имѣло роковое вліяніе какъ на дворянство, такъ и на крестьянство; чиновный и придворный классъ землевладѣльцевъ окончательно подавилъ помѣстное сословіе и причинилъ крестьянству такія притѣсненія, какихъ прежде при всемъ крутомъ правѣ прежнихъ господъ оно не терпѣло. Главный переворотъ произошелъ оттого, что царскимъ любимцамъ достались большею частью многоземельныя и малонаселенныя казенныя дачи, приволжскія степи, пермскіе промыслы, такъ что первая забота должна была состоять въ принудительномъ размѣщеніи жителей изъ однѣхъ мѣстностей въ другія; къ этому приступлено было одновременно и повсемѣстно въ исходѣ XVII ст., безъ всякаго руководства и законнаго ограниченія, по произволу знатныхъ владѣльцевъ, находившихъ всюду подобострастное повиновеніе со стороны мѣстныхъ властей и тупое, злобное сопротивленіе отъ крестьянъ“.

„Изъ многосемейныхъ дворовъ отбирали излишекъ рабочихъ и вывозили ихъ на новыя мѣста; равносильнымъ хозяевамъ давали жребій, и по божьему суду (такъ это называлось) приговаривали старожиловъ къ переселенію; высылались впередъ артели для отысканія воды, копанія колодцевъ, устройства плотинъ, и артельщики гибли въ безводныхъ степяхъ, покуда не находили тощей струи затхлой воды. На заводахъ поселяли крестьянъ въ однихъ мѣстахъ, гдѣ находилось топливо и другія условія, нужныя для производства, и разрабатывали руду въ другихъ краяхъ, отдаленныхъ отъ селеній на сотни верстъ, куда гоняли рабочихъ по наряду“.

„Съ года на годъ, со дня на день, приходили все новые всеми-

лостивѣйшіе указы, обращавшіе этихъ вольныхъ и разгульныхъ людей, споконъ вѣка гуляющихъ по степямъ и лѣсамъ нашихъ восточныхъ окраинъ, въ крѣпостное владѣніе новыхъ господъ, а самые господа не показывались: наѣзжали приказчики, нѣмцы, разночинцы, строили заводы, заводили запашки, вводили новые порядки: народъ прямо и непосредственно переходилъ изъ привольнаго и безначальнаго быта къ полному невольничеству; нельзя же и непристойно было ему объяснять, за какого рода заслуги, за какого рода подвиги такъ щедро награждались эти временщики. Со дня смерти Петра III прошелъ по всей Руси слухъ, вскорѣ обратившійся въ народное повѣрье, что раздача помѣстій дворянамъ есть актъ подложный и самое ихъ владѣніе насильственный захватъ. Это былъ сигналъ къ всенародному возстанію, извѣстному подъ названіемъ Пугачевщины“ [1]).

Въ результатѣ правительственной дѣятельности въ XVIII столѣтіи послѣдовало серьезное измѣненіе въ положеніи дворянства и крестьянъ.

До Петра I включительно и дворяне, и крестьяне несли одинаково тяжелую государственную службу, и личную, и уплатою податей и повинностей. Кто больше имѣлъ, съ того московскіе цари и Петръ I больше и взыскивали. Послѣ Петра I, по мнѣнію кн. Васильчикова, подъ вліяніемъ запада и Польши, дворяне добились не только освобожденія себя отъ обязанностей, ранѣе связанныхъ съ имущественными владѣніями, но совершенно поработили крестьянское населеніе, сдѣлавъ крѣпостными большое число свободныхъ людей—не только въ центральной Россіи, но и въ Малороссіи и въ восточныхъ районахъ Россіи.

„По изслѣдованію кн. Васильчикова, самыми суровыми изъ распоряженій, рѣзко нарушившихъ крестьянскія права и вольности, были указы 1729 и 1742 годовъ, по коимъ всѣхъ людей, записавшихся за господами, по частнымъ условіямъ (кабаламъ), велѣно записать въ вѣчное ихъ владѣніе, а государевыхъ вольныхъ людей отдавать въ крѣпостное владѣніе тѣмъ, кто пожелаетъ записать ихъ за собой въ подушный окладъ; такъ, въ силу этихъ указовъ, всѣ вольныя и срочныя сдѣлки дворянъ съ крестьянами были однимъ почеркомъ пера превращены въ вѣчныя и обязательныя, а всѣ крестьянскія дѣти, государевы вольные люди однимъ разомъ приписаны къ тѣмъ помѣщикамъ, которые пожелали ихъ взять и кормить. Съ этого только времени крѣпостное право начало развиваться въ полномъ и суровомъ своемъ значеніи, а къ концу столѣтія дошло до того, что крестьяне по произволу помѣщиковъ сдавались въ рекруты, ссылались въ Сибирь, продавались съ публичнаго торга (только безъ молотка), отпускались на волю, чтобы избавиться отъ престарѣлыхъ и безсильныхъ работниковъ, и при этомъ помѣщикамъ выплачивались еще какъ будто

[1]) Кн. Васильчиковъ, т. I, стр. 441—443.

преміи за злоупотребленіе власти зачетомъ рекрута за каждаго крестьянина, наказаннаго за неповиновеніе кнутомъ и сосланнаго въ каторгу за негодность".

„*Всѣ эти мѣропріятія относятся* не къ древнимъ временамъ варварства и злодѣйства московскихъ царей, а къ *тому образованному вѣку, когда европейская цивилизація проникла въ высшія сферы русскаго общества* и когда наши мецепаты (Шуваловъ, Румянцевъ) вкусили уже всѣхъ плодовъ науки и искусствъ, а придворное дворянство (Орловы, Разумовскіе, Потемкины) славилось своими образованными вкусами и правами, къ тому времени, когда наше правительство сроднилось съ Европой и наше старинное боярство успѣло уже выучиться у польскаго шляхетства, у нѣмецкаго баронства искусству округлять свои владѣнія и расширять свою власть въ качествѣ благороднаго сословія, опоры престола, и для вящшаго упроченія монархической власти и священныхъ правъ собственности".

„Пусть же за ними, за правителями и вельможами XVIII вѣка, а не за Годуновымъ или Алексѣемъ Михайловичемъ или Петромъ останется и злая память этого ига, которое для русскаго народа было несравненно тяжелѣе татарскаго, а мы здѣсь должны засвидѣтельствовать, что крѣпостное право произошло не изъ русскаго быта, не изъ указовъ русскихъ царей Рюрикова и Романова родовъ, также не изъ старинныхъ вотчинныхъ и помѣстныхъ правъ, коими пользовалось очень умѣренно и снисходительно старинное русское боярство; *нѣтъ, оно вышло изъ смежныхъ земель польскаго и германскаго племенъ*, изъ понятій о собственности и помѣщичьей власти, принятыхъ въ этихъ странахъ, пересаженныхъ по всему пространству имперіи знатнымъ и вліятельнымъ дворянствомъ, окружавшимъ мягкосердечныхъ императрицъ" [1]).

Мѣропріятія по обращенію даже вольныхъ крестьянъ въ крѣпостное право конечно не способствовали улучшенію ихъ матеріальнаго положенія и духовнаго развитія.

Такимъ образомъ, населеніе Россіи, по преимуществу великорусское, выполнивъ въ XVIII столѣтіи огромной важности задачи по объединенію русскаго племени и выходамъ къ морямъ Балтійскому и Черному, еще не получило возможности сдѣлать передышку въ напряженной работѣ по доставленію денежныхъ и натуральныхъ средствъ на выполненіе задачъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Какъ и въ концѣ XVII столѣтія, масса населенія была бѣдна, невѣжественна, значительною частью закрѣпощена и, только благодаря изумительной выносливости русскаго племени, не разстраивалась окончательно.

Торговля тоже мало обогащала населеніе. Внѣшняя торговля находилась въ рукахъ иноземцевъ. Промышленность еще не полу-

---

[1]) Кн. Васильчиковъ, т. I, стр. 455—456.

чила обширнаго развитія. По всѣмъ этимъ причинамъ коренное русское населеніе крайне нуждалось въ устройствѣ, освобожденіи отъ помѣщичьяго гнета и спокойной работѣ, безъ чрезмѣрнаго податного обложенія. Но XIX столѣтіе этой спокойной работы населенію не предоставило, а потребовало отъ него новыхъ жертвъ, не менѣе значительныхъ, чѣмъ тѣ, которыя были населеніемъ сдѣланы въ XV, XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ.

Не легкая доля выпала въ XVII и XVIII столѣтіяхъ и массамъ населенія малорусскаго и бѣлорусскаго.

Принятіе литовскимъ княземъ Ягайло католичества и принудительное обращеніе, во второй половинѣ XIV столѣтія, въ католичество литовцевъ, вмѣстѣ съ соединеніемъ Литовскаго государства съ Польскимъ, имѣли очень важные для русскаго племени результаты. Въ Литовскомъ государствѣ, населеніе котораго состояло главнымъ образомъ изъ русскаго племени, вѣроисповѣдный вопросъ не существовалъ, потому что и литовское племя, какъ и русское, было ранѣе православнымъ. Много данныхъ указываетъ, что могло бы произойти и полное слитіе этихъ двухъ племенъ.

Населеніе Кіевской Руси, попавшее подъ власть Литвы, тоже съ XV столѣтія начинаетъ терпѣть утѣсненія отъ поляковъ и ксендзовъ, принуждается къ принятію католичества крутыми мѣрами, но твердо отстаиваетъ свою вѣру. Но когда съ Ягайло на Литву явилось хозяйничать католическое духовенство, населеніе Литвы раздѣлилось на два враждебныхъ лагеря. Православные—угнетенные—и католики—угнетатели. Лишеніе православныхъ политическихъ правъ, какъ изложено выше, повело къ тому, что русское дворянство въ сѣверо-западномъ, какъ и въ юго-западномъ, краѣ изъ личныхъ выгодъ значительною частью приняло католичество, но остальное населеніе, несмотря на всѣ притѣсненія, въ массѣ осталось православнымъ.

Пособниками полякамъ противъ русскаго населенія въ Польско-Литовскомъ государствѣ явились евреи, забравшіе въ свои цѣпкія руки какъ пановъ, такъ и холоповъ.

Борьба съ притѣснителями часто принимала ожесточенный характеръ. Особенно населеніе Украйны, поддержанное казачествомъ, часто возставало противъ поляковъ и евреевъ съ оружіемъ въ рукахъ, и тогда съ двухъ сторонъ совершались жестокости, только озлоблявшія и разорявшія обѣ стороны.

Во время войнъ Ивана III съ Литвою за западные удѣлы, союзникъ Ивана III, Крымскій ханъ Менгли-Гирей, опустошалъ южно-русскія мѣстности, подчиненныя Литвѣ, и разорялъ малороссійское населеніе.

Выше изложено [1]), при какихъ обстоятельствахъ населеніе Малороссіи, въ цѣляхъ избавленія отъ польскаго и католическаго гнета, черезъ Богдана Хмѣльницкаго просило о подданствѣ Россіи.

[1]) Въ VIII-й главѣ.

Начатый русскими походъ противъ поляковъ съ цѣлью присоединенія Малороссіи къ Россіи окончился въ 1654 году безъ удачи для русскихъ войскъ. Вожди польскихъ войскъ Потоцкій, Вышневецкій и Чарнецкій не только сражались противъ русскихъ войскъ и возставшихъ, но разоряли дотла городскія поселенія, жгли ихъ, а во многихъ пунктахъ уничтожали и все населеніе. Такъ, Чарнецкій вырѣзалъ въ мѣстечкѣ Берня 16,000 беззащитныхъ жителей: женщинъ, дѣтей. Вышневецкій, за сочувствіе возставшимъ населенія принадлежавшаго ему мѣстечка Дембовки, вырѣзалъ поголовно всѣхъ безъ исключенія жителей этого мѣстечка въ количествѣ 14,000 человѣкъ. Потоцкій, оправдывая себя и своихъ палачей-сотрудниковъ, писалъ королю, что другими средствами нельзя усмирить „неукротимую холопскую злобу“.

Казаки и возставшіе жители въ свою очередь не церемонились съ поляками, ихъ ксендзами и евреями, попадавшими въ ихъ руки. Ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ было огромное.

И черезъ сто лѣтъ въ польской Украйнѣ во время Гайдамацкаго бунта въ концѣ XVII столѣтія повторялись звѣрства, пережитыя бывшею Кіевскою Русью въ XV и XVI столѣтіяхъ въ борьбѣ населенія за свободу и вѣру противъ поляковъ. Особою мстительностью по отношенію къ полякамъ и евреямъ отличались шайки Желѣзняка и Гонты.

Малороссійское населеніе было по послѣднему раздѣлу Польши, въ концѣ XVIII столѣтія, наконецъ, объединено въ русскихъ рукахъ. Переживъ набѣги дикихъ ордъ кочевниковъ, татарское иго, литовско-польское гоненіе за вѣру, это населеніе, какъ и великорусское, нуждалось въ устроительной, спокойной дѣятельности, чтобы можно было залечить раны и воспользоваться естественными богатствами юга Россіи. Но, къ сожалѣнію, и послѣ присоединенія къ Россіи малорусскаго племени оно въ значительной степени, въ экономическомъ отношеніи осталось въ польскихъ и еврейскихъ рукахъ и, несмотря на благодатную природу, продолжало оставаться въ бѣдности.

Бѣлорусское племя не было болѣе счастливо, чѣмъ малорусское. Оно испытало тотъ же гнетъ отъ поляковъ и евреевъ; тоже пыталось противиться, но лишенное такой поддержки, какъ казачество на югѣ Россіи, сопротивлялось разрозненно и не энергично. Въ войнахъ за западные удѣлы, которыя вела Московская Русь съ Литвою и Польшею, недисциплинированныя войска двухъ сторонъ разоряли населеніе. При взятіи русскими городовъ, съ войсками противника поступали милостиво, но евреевъ уничтожали. Донесенія, напр., о взятіи войсками Ивана IV Полоцка страшны своимъ лаконизмомъ: „жиды потоплены въ Двинѣ“. То же было и въ другихъ пунктахъ. Въ особенности тяжело пришлось бѣлорусскому племени; многіе дворяне измѣнили вѣрѣ отцовъ и для пріобрѣтенія политическихъ правъ приняли католичество.

Но и по присоединеніи, въ вѣкъ Екатерины II, мѣстностей съ бѣлорусскимъ племенемъ къ Россіи, католическое духовенство въ завоеванныхъ мѣстностяхъ сохранило привилегіи, равныя съ духовенствомъ православнымъ, а масса русскихъ земель осталась въ польскихъ рукахъ. Еврейской эксплоатаціи населенія предѣла положено не было. Въ результатѣ неблагопріятно сложившихся для бѣлорусскаго населенія условій жизни, населеніе это въ концѣ XVIII столѣтія было не только бѣдно и невѣжественно, какъ и великорусское населеніе, но и въ духовномъ отношеніи являлось болѣе забитымъ вслѣдствіе всѣхъ пережитыхъ имъ невзгодъ и болѣе апатичнымъ, чѣмъ племена малорусское и особенно великорусское.

По всѣмъ изложеннымъ причинамъ положеніе въ концѣ XVIII столѣтія малорусскаго и бѣлорусскаго племенъ было таково, что какъ и для великорусскаго племени, въ XIX столѣтіи требовалась устроительная, спокойная работа, чтобы улучшить положеніе всего русскаго племени и поднять его на равную въ культурномъ отношеніи высоту съ западными сосѣдями.

Но суровая дѣйствительность не соотвѣтствовала этой жизненной потребности для русскаго племени въ отдыхѣ и сосредоточеніи работы на дѣлахъ внутреннихъ. Все XIX столѣтіе всему русскому племени пришлось снова и тяжко расходовать свои силы и средства для задачъ внѣшнихъ, по устройству дѣлъ болѣе или менѣе чужихъ намъ народностей и государствъ, и въ результатѣ и къ концу XIX вѣка русское племя оказалось въ массѣ бѣднымъ, невѣжественнымъ, отсталымъ въ культурномъ отношеніи отъ своихъ сосѣдей и недостаточно охраненнымъ отъ порабощенія его въ экономическомъ отношеніи инородцами и иноземцами.

Постепенный ростъ вооруженныхъ силъ Россіи.

Въ первый періодъ существованія славянскихъ племенъ, поселившихся на территоріи, составляющей нынѣ Европейскую Россію, организованной военной силы эти племена не имѣли. Каждый пахарь и купецъ по нуждѣ становились и воинами.

По свидѣтельству современниковъ, славяне, поселившіеся въ Россіи, представляли отличный матеріалъ для войска. Они были высоки, статны, крѣпки тѣломъ, ловки, обладали отличнымъ здоровьемъ, легко переносили холодъ, жаръ, недостатокъ въ пищѣ, одеждѣ, хорошо плавали. Хотя они и не отличались воинственностью, но такъ любили свободу, что готовы были умереть за нее.

Характеръ дѣйствій славянъ былъ чаще оборонительный, чѣмъ наступательный. Они уклонялись отъ правильныхъ сраженій, любили сражаться въ мѣстахъ закрытыхъ. Оборонялись они необыкновенно упорно. Сражались преимущественно пѣшкомъ.

Постоянная борьба между собою и съ сосѣдями служила для славянъ хорошею боевою практикою.

Военное дѣло на Руси поднимается съ призывомъ варяжскихъ князей.

Въ составъ дружинъ поступали удальцы всѣхъ племенъ, населявшихъ тогда русскую землю, не исключая и кочевниковъ. Скоро, однако, преобладаніе въ дружинахъ остается за русскимъ племенемъ, и старшіе изъ дружинниковъ привлекаются и къ участію въ управленіи первыми русскими удѣлами: Кіевскимъ, Новгородскимъ и другими. Въ зависимости отъ могущества и воинственности князя были характеръ и составъ содержимой имъ дружины.

Во многихъ случаяхъ составъ дружины былъ отличный, закаленный въ бояхъ, составленный изъ военныхъ людей по призванію, храбрыхъ, выносливыхъ и, по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, слѣпо послушныхъ своему вождю—князю. Особую славу заслужила дружина Святослава. Знаменитое: „ляжемъ костьми, но не посрамимъ земли русской“ составляетъ и нынѣ идеальное отношеніе воина къ своему долгу по защитѣ родины. Походы первыхъ кіевскихъ князей къ Царьграду доказываютъ, что военное искусство нашихъ князей и ихъ дружинъ стояло въ ту эпоху высоко, а легендарные бои дружины Святослава въ Болгаріи служатъ доказательствомъ, что при высокихъ боевыхъ качествахъ дружинниковъ Святославъ не боялся вступать въ бой съ противникомъ, во много разъ превосходившимъ его числомъ. Но даже и въ эпоху успѣховъ дѣйствій нашихъ дружинъ противъ угасавшей Византіи, наши противники превосходили русскихъ воиновъ въ техническомъ отношеніи (греческій огонь, метательныя машины и пр.).

Въ дружинахъ перваго періода всѣ воины были въ постоянной боевой готовности. Они существовали для войны и жили войною. Такова была дружина Святослава. Всѣ дружинники во главѣ съ княземъ вели суровый образъ жизни и значительную часть времени проводили подъ открытымъ небомъ. Въ дружинахъ господствовалъ воинственный духъ. Дружинники любили славу. Нѣкоторые обычаи дружинниковъ напоминаютъ рыцарскіе, какъ, напримѣръ, предупрежденіе врага о готовящемся на него нападеніи и обычай поединковъ.

Участвуя вмѣстѣ съ княземъ въ торговлѣ и дѣлежѣ добычи, старшіе члены дружины стали зажиточны, начали обзаводиться имуществомъ, домами, скотомъ. Князья стали жаловать имъ земли. Кромѣ того дружинникамъ платилось жалованье.

Дружины въ удѣльный періодъ исторіи Россіи задачею своею имѣли не службу Россіи, а службу тому или другому изъ князей для отстаиванія его интересовъ, расширенія его владѣній, при чемъ сражались съ русскими же дружинами другихъ князей. При отстаиваніи того или другого изъ удѣловъ дружинѣ помогало и населеніе.

Съ увеличеніемъ дѣятельности князей силы дружинъ оказались

недостаточными. Приходилось одновременно съ междоусобною войною отстаивать русскія области отъ многихъ враговъ: Литвы, Польши, Венгріи и, главное, отъ многочисленныхъ дикихъ ордъ. Тогда князья для усиленія дружинъ стали собирать для военныхъ дѣйствій ополченія не только славянскихъ, но финскихъ и другихъ племенъ. При междоусобной борьбѣ князья приглашали въ помощь своимъ дружинамъ венгровъ, печенѣговъ, казаръ, половцевъ и другихъ. Дикія орды этихъ наемниковъ вносили разореніе всюду, гдѣ появлялись.

Когда задачи русской вооруженной силы осложнились, съ этими задачами наши дружины успѣшно справиться уже не могли. Часто отъ дикихъ ордъ князья откупались данью, чтобы сохранить дружину для веденія братоубійственной борьбы за расширеніе своихъ удѣловъ или для добыванія великокняжескаго стола.

По мѣрѣ ослабленія княжеской власти и увеличенія усобицы на русской землѣ понижаются и первоначальныя боевыя достоинства дружинъ. Раздача князьями земель своимъ дружинникамъ, съ цѣлью прикрѣпить ихъ къ себѣ, повела къ тому, что они прикрѣплялись все ближе къ землѣ, стали тяжелы на подъемъ и не были расположены, какъ ранѣе, слѣдовать за своимъ княземъ хотя на край свѣта.

Князья, стоявшіе во главѣ раздробленныхъ русскихъ силъ, не были склонны дѣйствовать сообща даже противъ общаго врага. Выступленіе въ военный походъ не прекращало раздоровъ. Сборъ войскъ происходилъ съ запаздываніемъ. Собравшись, каждый хотѣлъ дѣйствовать по-своему. При такихъ условіяхъ выполненіе тяжкихъ задачъ, предъявленныхъ русской вооруженной силѣ въ XI—XIII столѣтіяхъ, оказалось дѣломъ часто непосильнымъ для нея. На сѣверѣ шла борьба съ финскимъ племенемъ и приходилось отбиваться отъ Литвы. Въ борьбѣ на востокѣ съ волжскими болгарами наши войска имѣли успѣхъ и продвинулись до впаденія р. Оки въ Волгу, гдѣ и былъ заложенъ Нижній-Новгородъ.

Но на южной границѣ Кіевской Руси наши рати не дали достаточной защиты противъ натиска кочевыхъ ордъ, въ особенности половцевъ. Еще Владиміръ Мономахъ, соединивъ усилія нѣсколькихъ князей, велъ съ половцами успѣшную борьбу; но послѣ него половцы надвинулись почти къ самому Кіеву и вынудили населеніе Кіевскаго удѣла къ переселенію на западъ и сѣверо-востокъ.

Такимъ образомъ русская военная сила, давъ возможность сложиться такимъ центрамъ, какъ Кіевъ и Новгородъ, оказалась недостаточною, чтобы отстоять Кіевскую Русь отъ дикихъ ордъ въ XI и XII столѣтіяхъ.

Въ особенности русская военная сила оказалась недостаточною, чтобы охранить Русь отъ татарскаго ига. Выше изложено, что военное искусство монголо-татаръ стояло въ XIII столѣтіи выше, чѣмъ на Руси. Главное же преимущество ихъ передъ русскими ратями заключалось въ томъ, что монголо-татарскія войска направлялись одною

волею, въ то время, когда русскія войска дѣйствовали въ разбродъ, безъ общаго начальника.

Въ битвѣ на р. Калкѣ, положившей начало монгольскому игу, и сказались главные наши недостатки: раздробленность силъ между разными князьями, несогласіе ихъ между собою, разныя неурядицы и отсутствіе общаго, полномочнаго вождя надъ всѣми войсками. Въ то время, когда часть войскъ дралась, другая бездѣйствовала.

Тяжелый урокъ на р. Калкѣ не образумилъ нашихъ князей и не заставилъ ихъ прекратить взаимныя распри. Послѣ побѣды на р. Калкѣ монголо-татары не тревожили Русь въ теченіе 13 лѣтъ, срокъ достаточный, чтобы приготовиться къ отпору. Когда въ 1237 г. монголо-татары, съ Батыемъ во главѣ, вторглись въ предѣлы Россіи, они встрѣтили опять слабое и недружное сопротивленіе. Дружины и ополченія разбивались, несмотря на геройскія усилія нѣкоторыхъ князей, порознь: населеніе истреблялось и частью уводилось въ плѣнъ.

Татарское иго отразилось новымъ пониженіемъ достоинствъ русской вооруженной силы. Прежній воинственный характеръ высшаго и военнаго сословія былъ утраченъ. Военное званіе перестало быть самымъ почетнымъ. То, что прежде добывалось силою, стало добываться раболѣпствомъ и хитростью передъ татарами.

Въ подражаніе татарамъ и у насъ главнымъ родомъ войскъ сдѣлалась конница, а пѣхота заняла второстепенное по числу и значенію мѣсто. Способъ дѣйствій, вооруженіе тоже частью заимствованы у татаръ. Но, перенявъ татарскую внѣшность, наша конница не могла перенять основныхъ достоинствъ татарской конницы, вытекавшихъ изъ самаго образа жизни кочевника, проводившаго большую часть жизни на сѣдлѣ и составлявшаго съ своею лошадью одно цѣлое. Наши конники не всегда были въ ладу съ своими лошадьми, и, по свидѣтельству современниковъ, многіе изъ нихъ очень плохо ѣздили верхомъ и походили скорѣе на пахарей, посаженныхъ случайно на лошадей, чѣмъ на прирожденную конницу. Лишь позже казачья конница привыкла къ коню, стала походить на татарскую.

Съ возвышеніемъ Москвы и уничтоженіемъ удѣловъ прекращали свое существованіе и княжескія дружины. Значительная часть дружинниковъ переходила на службу къ Московскому князю. Но продолжать прежній порядокъ содержанія дружинъ уплатою ей жалованья и предоставленіемъ участія въ торговлѣ уже не представлялось возможнымъ. Тогда и началъ совершаться переходъ къ такъ называемой *помѣстной системѣ*.

Но еще ранѣе полнаго перехода къ этой системѣ русскимъ войскамъ пришлось, съ успѣхомъ на этотъ разъ, помѣряться силами съ татарскими войсками. Черезъ 156 лѣтъ послѣ пораженія русскихъ войскъ на р. Калкѣ Дмитрій Донской разбилъ татаръ въ 1380 году на Куликовскомъ полѣ. За эти полтораста лѣтъ отношенія между нами

и татарами измѣнились. Внутренніе раздоры ослабили татарское царство и понизили боевыя качества татарскихъ войскъ. За это же время на Руси выросла сильная власть Московскаго князя. Онъ уже не былъ старшимъ между равными, а начальникомъ многихъ князей. Рать, выставленная имъ противъ татаръ, въ противность рати, выставленной на р. Калкѣ, повиновалась только его волѣ.

Кромѣ того особо благопріятнымъ обстоятельствомъ для насъ служило высокое, патріотическое настроеніе русскихъ войскъ. Духовенство и все населеніе благословляли войска Дмитрія Донского на бой съ татарами. Каждый воинъ сознавалъ важность выпавшей на его долю задачи: защитить поруганную вѣру, защитить угнетенную родную землю. Поэтому въ бою на Куликовомъ полѣ нашими войсками было проявлено огромное упорство и весь бой является высоко поучительнымъ для всѣхъ временъ примѣромъ тому, что можетъ дать русскій воинъ, религіозно и патріотично настроенный, при защитѣ своей родины.

За годъ до побѣды на Куликовомъ полѣ русская рать понесла тяжелое пораженіе на р. Пьяной. Но эта неудача не отразилась на стойкости войскъ на Куликовомъ полѣ. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, сказалась особо дорогая способность русскаго войска: *быстро оправляться отъ понесеннаго пораженія.*

Съ половины XV столѣтія устанавливается правило, что всѣ землевладѣльцы должны нести по землѣ воинскую повинность. Образовался служилый классъ, все разраставшійся по мѣрѣ увеличенія потребности въ войскѣ.

Съ XV столѣтія въ ратные люди начали принимать выходцевъ изъ-за границы: Польши, Литвы, Германіи, а также татаръ.

Но всѣ источники были недостаточны, и на военное время выставляемыя служилымъ классомъ рати приходилось пополнять вербовкою, на время похода, изъ тяглыхъ классовъ, сельскихъ и городскихъ, и изъ холоповъ.

Во второй половинѣ XV столѣтія при Василіи II Темномъ на югѣ Россіи складываются независимыя военныя общины, населеніе которыхъ принимаетъ наименованіе казаковъ.

Эти казаки помогаютъ русскому племени въ охранѣ южной границы отъ набѣговъ татаръ, по временамъ дружатъ то съ татарами, то съ поляками и вмѣстѣ съ ними производятъ набѣги на русскую землю.

Московская Русь въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ жила въ постоянной тревогѣ, постоянныхъ войнахъ. На западѣ шла борьба, съ рѣдкими перерывами, съ Литвою, Ливоніею, шведами. На востокѣ и югъ ежегодно по нѣскольку разъ на русскіе предѣлы производили набѣги татары казанскіе, крымскіе, черемисы и другіе инородцы съ цѣлью, главнымъ образомъ, увода плѣнныхъ для продажи ихъ въ неволю.

Выставленіе ратей требовалось не только для войнъ съ войсками

противниковъ, но и для сторожевой службы. Насколько близка была опасность даже для самой Москвы, видно изъ того, что наблюдательныя войска, числомъ до шестидесяти и болѣе тысячъ, ставились въ нѣсколькихъ группахъ, въ томъ числѣ у Коломны, Владиміра и Нижняго-Новгорода.

Полки стояли по нѣскольку мѣсяцевъ безъ дѣла въ ожиданіи врага, пока морозъ не являлся на смѣну войскамъ сторожить московское государство.

Къ концу XVI столѣтія вооруженная сила Московской Руси состояла изъ конныхъ ратниковъ числомъ до 100,000 чел. и изъ пѣшихъ полковъ числомъ до 25,000 человѣкъ.

Основу конпаго московскаго войска составлялъ многочисленный классъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Они, въ зависимости отъ достатка, выводили съ собою большее или меньшее число конныхъ вооруженныхъ слугъ.

Пѣхота состояла, главнымъ образомъ, изъ даточныхъ людей, которые выставляли по человѣку съ опредѣляемаго каждый разъ числа тягловыхъ дворовъ.

Переходъ отъ дружинъ къ ополченіямъ, выставляемымъ при помѣстной системѣ служилымъ классомъ, составилъ большой шагъ назадъ для нашей вооруженной силы. Вмѣсто воиновъ по призванію получились воины по приказанію.

Дисциплина въ русскомъ войскѣ была въ XV и XVI столѣтіяхъ слабая. Выставляемые по помѣстной системѣ воины были таковыми только по названію. Бояре и боярскія дѣти, прикрѣпленные къ землѣ, значительною частью неохотно выходили на службу, ибо ихъ отсутствіе разстраивало хозяйство.

Въ новую „помѣстную“ русскую рать собирались люди разныхъ состояній и возрастовъ, оторванные на время войны отъ мирныхъ занятій, вооруженные разнообразно, на плохихъ коняхъ, не умѣвшіе, въ большомъ числѣ, ни управлять лошадью, ни владѣть оружіемъ.

Поэтому-то это, въ сущности, „народное ополченіе“ и было въ боевомъ отношеніи много ниже прежнихъ княжескихъ дружинъ, состоявшихъ изъ воиновъ по ремеслу и призванію.

Но когда цѣли войны были понятны и близки сердцу русскаго человѣка, то и эти ополченныя войска, какъ то было и ранѣе на Куликовомъ полѣ, обнаруживали подъемъ духа. Такъ, во второмъ походѣ Ивана III на Казань, когда захотѣли отмѣнить движеніе собранныхъ для похода войскъ, воины заявили: „всѣ хотимъ идти на окаянныхъ татаръ, за святыя церкви, за своего государя князя Ивана и за православныхъ христіанъ“.

Весьма серьезнымъ преимуществомъ новаго типа вооруженной силы было *единство власти*, *единство командованія*, которыхъ не было въ войскахъ, составленныхъ изъ дружинъ разныхъ князей.

Въ надеждѣ улучшить боевыя достоинства ополченнаго русскаго

войска уже при Иванѣ III начали приглашать иноземцевъ и заводить наемные изъ нихъ отряды. Особо значительныя улучшенія въ воспномъ отношеніи произведены Иваномъ IV Грознымъ. Сформированіемъ стрѣлецкихъ полковъ онъ снова увеличилъ значеніе пѣхоты. Первоначально стрѣльцы составляли въ Москвѣ лишь царскую охрану, но затѣмъ были увеличены въ числѣ и сформированы и въ другихъ городахъ.

Стрѣльцы получали казенное оружіе и по обученію и вооруженію составили скоро наиболѣе надежную часть пѣхоты. Они получали опредѣленное жалованье и имѣли льготы по занятію торговлею и промыслами. Такъ какъ только часть стрѣльцовъ несла дѣйствительную службу и занималась обученіемъ, то даже и стрѣлецкіе полки, выставляемые во время войны, были недостаточно обучены и недостаточно дисциплинированы. Тѣмъ не менѣе въ рукахъ опытныхъ воеводъ Ивана IV стрѣльцы съ особымъ отличіемъ сражались подъ Казанью и помогли овладѣнію ею. Вообще надо признать, что, какъ ни были велики недостатки нашей вооруженной силы при Иванѣ IV, все же наши войска уже получили большое преимущество передъ татарами въ вооруженіи—особенно въ артиллеріи—и въ обученіи. Это преимущество ярко высказалось въ 1552 году въ послѣднемъ походѣ Ивана IV на Казань. Въ этомъ походѣ участвовало 150,000 войскъ съ 150 орудіями и осаднымп средствами. Армія эта дѣйствовала по опредѣленному плану, и воеводы Ивана IV—Воротынскій, Адашевъ, Мстиславскій—обнаружили много искусства и энергіи. Татары защищались храбро, но артиллерія у нихъ была ничтожная, огнестрѣльное оружіе отставало отъ нашего и, кромѣ того, русскіе превосходили ихъ численностью.

Все же и для побѣды надъ казанскими татарами потребовалось произвести 10 походовъ къ Казани.

Войны съ Литвою, вслѣдствіе слабой подготовки нашихъ войскъ и незначительности денежныхъ отпусковъ на содержаніе арміи, велись въ продолженіе многихъ лѣтъ безъ достаточныхъ результатовъ. Напримѣръ, война съ Литвою при Василіи III тянулась 25 лѣтъ. Войска противниковъ сходились и долго стояли другъ противъ друга въ бездѣйствіи. Въ августѣ 1514 года двѣ арміи—польско-литовская въ 35,000—40,000 человѣкъ и русская до 80,000—расположились на двухъ берегахъ близъ Орши.

Съ переходомъ литовцевъ въ наступленіе русскіе были разбиты, несмотря на превосходство въ силахъ, и бѣжали къ Смоленску. По заключенію историка, въ многочисленномъ русскомъ войскѣ не было ни единоначалія, ни согласія въ дѣйствіяхъ.

Обѣ стороны по отношенію къ мирному населенію дѣйствовали какъ татары: разоряли страну, брали людей въ неволю.

Война противъ Литвы царя Ивана IV тянулась 20 лѣтъ.

Война въ Ливоніею при Иванѣ IV тянулась 24 года.

Военныя дѣйствія сопровождались опустошеніемъ страны и разоренiемъ жителей. Это былъ рядъ набѣговъ, но не дѣйствія съ цѣлью завоеванія. Плана дѣйствій не было. Результатъ получался неудачный: Ивану IV пришлось отказаться отъ Полоцка, Велижа и Ливоніи.

Войны Ивана IV со шведами тоже окончились неудачно: вся Эстонія, Ревель, Нарва, Иванъ-городъ, Копорье остались во власти шведовъ.

Татаръ мы могли побѣждать; но въ войнахъ на западѣ съ Литвою, Польшею и шведами войска Ивана III, Василія III и Ивана IV часто терпѣли неудачи и отъ менѣе многочисленныхъ, но болѣе опытныхъ въ боевомъ дѣлѣ, войскъ нашихъ враговъ. Но высокія прирожденныя русскому человѣку нравственныя качества обнаруживались и во время этихъ войнъ. Въ особенности заслуживаетъ упоминанія геройская оборона Пскова противъ стотысячной арміи Стефана Баторія въ 1581 году.

Псковичи отбили 31 штурмъ. Заслуживаетъ также упоминанія геройская оборона горстью русскихъ, съ кн. Мышецкимъ во главѣ, цитадели въ г. Вильнѣ.

Смутное время ознаменовалось особымъ пониженіемъ русской воинской доблести. Смоленскъ былъ взятъ поляками. Прикрывавшая доступы къ Москвѣ армія Шуйскаго, силою свыше 30,000 чел., была наголову разбита при с. Клушино польскимъ отрядомъ нѣсколько свыше 5,000 человѣкъ. Лагерь, артиллерія и нѣсколько десятковъ знаменъ достались побѣдителю. Путь къ Москвѣ былъ открытъ; затѣмъ Москва была занята поляками, и на русскій престолъ нѣсколько малодушныхъ бояръ согласились пригласить польскаго королевича Владислава. Казалось, Руси пришелъ конецъ. Но проснувшееся русское патріотическое чувство сдѣлало чудо, подобно тому, какъ такое же чудо подъемомъ народнаго духа было совершено въ Куликовской битвѣ. Лучшіе представители духовенства (Гермогенъ, Діонисій), военнаго сословія (князь Пожарскій) и городского населенія (Козьма Мининъ) дружно соединились, чтобы спасти Россію, вдохнули въ массы народныя порывъ къ подвигу, собрали рать, разбили враговъ, освободили Москву и дали возможность закончиться смутному времени избраніемъ на царство Михаила Ѳеодоровича Романова.

Только что вступивъ на престолъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ, при истощенныхъ средствахъ страны и разстроенной военной силѣ, вынужденъ былъ продолжать войну съ Польшею.

Во время двухъ веденныхъ имъ войнъ наши войска понесли въ особенности тяжкое пораженіе подъ Смоленскомъ. Изъ 32,000 чел. спаслось только 8,000. Михаилу Ѳеодоровичу пришлось вновь уступить полякамъ области Смоленскую, Черниговскую и Сѣверскую, пріобрѣтенныя тяжкими трудами нашихъ царей, начиная съ Ивана III. Приходилось вновь начинать сначала. Но Московская Русь тѣмъ и

была сильна, что никакія неудачи не отклоняли ея правителей отъ упорнаго преслѣдованія цѣлей, поставленныхъ еще въ XV столѣтіи.

Неудачна была и война Михаила Ѳеодоровича со шведами въ 1614—1617 гг.

Противникомъ русскихъ войскъ былъ знаменитый Густавъ-Адольфъ. Новгородъ уже былъ въ шведскихъ рукахъ. Но ему не удалось взять Пскова. По Столбовскому миру Московская Русь была отодвинута назадъ и отъ Финскаго залива.

Тяжелое наслѣдіе въ военномъ отношеніи получилъ Михаилъ Ѳеодоровичъ. Многое пришлось начинать сначала. И вотъ онъ приступилъ при помощи иноземныхъ инструкторовъ къ сформированію войскъ, приближавшихся къ типу постоянныхъ. При немъ были сформированы полки солдатскіе, драгунскіе и рейтарскіе. Первоначально предполагалось, что полки эти будутъ состоять только изъ иноземцевъ „стараго выѣзда“, ранѣе поселившихся въ Москвѣ. Но ихъ оказалось недостаточно, и въ эти полки стали набирать русскихъ разныхъ сословій и крещеныхъ татаръ. По устройству солдатскіе полки походили на стрѣлецкіе, но пользовались меньшими льготами. Солдаты жили въ Москвѣ и другихъ городахъ въ особыхъ слободкахъ.

Драгуны несли конную и пѣшую службу на украинской границѣ. Рейтары жили въ помѣстьяхъ и на своихъ земляхъ.

За недостаткомъ денежныхъ средствъ эти новые полки, какъ и стрѣлецкіе, въ мирное время отбывали лишь незначительную службу, обучались недостаточно (одинъ мѣсяцъ въ году) и составляли, какъ и стрѣльцы, не регулярныя, а мѣстныя поселенныя войска.

Никакой особой пользы эти полки, такъ называемаго *иноземнаго строя*, не принесли и, по свидѣтельству очевидцевъ, за нѣкоторыми исключеніями были въ боевомъ отношеніи не выше ополченій.

Царь Алексѣй Михайловичъ дѣятельно продолжалъ задачу своихъ предшественниковъ по объединенію русскаго племени.

Первую войну съ Польшею онъ началъ съ арміею въ 200 т. человѣкъ, дѣйствовалъ по хорошо составленному плану и достигъ значительныхъ результатовъ. Смоленскъ, вся Бѣлоруссія и значительная часть Литвы перешли въ наши руки. Война эта замѣчательна была еще и тѣмъ, что не сопровождалась разореніемъ мирныхъ жителей.

Одновременно съ дѣйствіями въ сѣверо-западномъ краѣ русскія войска вмѣстѣ съ казаками Богдана Хмѣльницкаго воевали съ поляками въ Малороссіи и Украйнѣ.

Во вторую войну, съ переходомъ поляковъ въ наступленіе, большая часть завоеванныхъ нами пунктовъ перешла обратно въ ихъ руки. Въ особенности тяжелая неудача постигла русское войско у с. Глубокое.

На югѣ наши дѣйствія тоже были неудачны. Трубецкой, располагая подъ Конотопомъ стотысячною арміею, снимаетъ осаду Коно-

топа. Шереметевъ совершенно разбитъ у Кодня. На южномъ театрѣ дѣйствій появляется новый врагъ—турки.

Магометъ IV вмѣстѣ съ крымскимъ ханомъ вторгается въ Малороссію. Въ бою подъ Чигириномъ небольшой отрядъ турокъ разбитъ и почти уничтоженъ русскими войсками.

Въ войнѣ со шведами наши войска при Алексѣѣ Михайловичѣ терпятъ неудачу. По свидѣтельству историка, наши военныя силы были подорваны войнами царя Алексѣя Михайловича и денежныя средства совершенно истощены.

Условія Андрусовскаго мира 1667 года не отвѣчали ни сдѣланнымъ затратамъ, ни нашимъ удачамъ. Но все же Смоленскъ былъ оставленъ за Россіею. За нею же остался и лѣвый берегъ Днѣпра съ Кіевомъ.

Неудовлетворительность нашихъ ополченныхъ войскъ побуждала царя Алексѣя Михайловича продолжать развивать такъ называемыя войска иноземнаго строя. Въ послѣдній годъ царствованія Михаила Ѳеодоровича ихъ было всего пять полковъ. Черезъ 50 лѣтъ, въ послѣдній годъ царствованія Ѳеодора Алексѣевича, главную часть пѣхоты составляли полки иноземнаго строя, такъ называемые солдатскіе полки, числомъ 38, силою 61,000 чел., и стрѣлецкіе—числомъ 21, силою 20,000 чел.; всего пѣхоты было 81,000 чел.

Конница состояла изъ рейтаръ, копейщиковъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ силою въ 60,000 чел.

Ополченія изъ даточныхъ людей и отряды казаковъ составляли свыше 150,000 чел. Всего Россія въ концѣ XVII вѣка уже могла выставить до 300,000 войскъ.

Сила такимъ образомъ была значительная, но достоинства ея не отвѣчали численности. Только нѣкоторые солдатскіе полки были надежнѣе другихъ, и въ Чигиринскомъ походѣ 1676 года полки Бутырскій и Московскій дѣйствовали, подъ начальствомъ иноземца Гордона, отлично.

Серьезное испытаніе русской военной силы въ концѣ XVII столѣтія было произведено двумя походами подъ начальствомъ князя Голицына въ Крымъ, и испытаніе это окончилось неудачею.

Направляясь къ Крыму противъ незначительныхъ силъ крымскихъ татаръ, русская армія въ 100,000 человѣкъ совершаетъ передвиженія, построившись въ одинъ четырехугольникъ подъ прикрытіемъ 20,000 телѣгъ. Русская конница, боясь встрѣчи съ татарскою конницею, укрывалась внутри каре.

Предпринятые къ тому же безъ ознакомленія съ свойствами мѣстности и природы, оба похода Голицына, въ 1687 и 1688 годахъ, окончились полною неудачею.

Это было начало выполненія арміею нашею задачи по выходу къ Черному морю. Послѣ этого начала потребовалось еще сто лѣтъ

работы, чтобы твердо стать на берегахъ Чернаго моря и присоединить Крымъ къ русскимъ владѣніямъ.

Походы Голицына свидѣтельствовали о военномъ безсиліи Россіи, вслѣдствіе несостоятельности ея военной системы.

Опытъ съ формированіемъ войскъ иноземнаго строя, но съ постановкою ихъ въ условія поселенныхъ войскъ, не оказался удачнымъ. Въ бѣдной странѣ не находилось средствъ для постояннаго содержанія въ мирное время этихъ войскъ иноземнаго строя, при чемъ они обратились бы въ регулярныя войска.

Историкъ свидѣтельствуетъ, что, вслѣдствіе малаго отпуска денегъ на содержаніе арміи, недостатка администраціи и крайняго упадка дисциплины, войска въ концѣ XVII столѣтія пришли въ разстройство. Въ особенности пепадежны были стрѣлецкіе полки. Эти недостатки сознавались многими лицами, стоявшими во главѣ войскъ того времени.

Такимъ образомъ работа русской вооруженной силы въ теченіе XVI и XVII столѣтій хотя и была напряженною, но не дала тѣхъ результатовъ, на которые разсчитывали наши великіе князья и цари той эпохи. Задача по объединенію русскаго племени не была выполнена: бѣлорусское племя осталось во власти поляковъ: малорусское племя тоже частью осталось во власти поляковъ. Выходы къ Балтійскому и Черному морямъ не были достигнуты. Только задача по борьбѣ съ татарами окончилась вполнѣ успѣшно, и Россія утвердилась на берегахъ Каспійскаго моря.

Изъ краткаго обзора исторіи собиранія русской земли видно, что отъ середины XV столѣтія, частью объединеніемъ удѣловъ, частью занятіемъ пустовавшихъ на сѣверѣ земель, частью завоеваніемъ, до конца XVII столѣтія, Московская Русь широко раздвинула свои предѣлы, достигнувъ на сѣверѣ Ледовитаго океана, на востокѣ Уральскаго хребта (не считая Сибирскаго царства), на юго-востокѣ Каспійскаго моря и на югѣ продвинувъ границы по лѣвому берегу Днѣпра до Запорожской сѣчи и низовій р. Дона.

На западѣ, юго-западѣ и на югѣ Русь за 250 лѣтъ продвинулась лишь весьма незначительно, а по отношенію побережья Финскаго залива даже была отодвинута назадъ. Такимъ образомъ тамъ, гдѣ великорусское племя встрѣтилось съ финскими и татарскими племенами, оно побѣдило. Тамъ, гдѣ само малорусское населеніе помогало соединенію, таковое и состоялось. Бѣлорусское племя не помогало соединенію, и эта задача оказалась къ XVIII столѣтію не выполненною.

Цѣли государями нашими ставились опредѣленныя и важныя для Россіи. Необходимость достиженія ихъ сознавалась правящими классами въ Россіи; но средства для выполненія ихъ оказывались, при бѣдности Россіи и ополченныхъ арміяхъ, достаточными только

въ направленіяхъ наименьшаго сопротивленія: на сѣверъ, востокъ и юго-востокъ.

Неудовлетворительность достигнутыхъ на западѣ и частью на югѣ результатовъ находилась прежде всего въ зависимости отъ большей культурности западныхъ сосѣдей и въ то же время отъ бѣдности русскаго государства и отсталости его населенія отъ сосѣдей. Затѣмъ, войска нашихъ западныхъ противниковъ по боевой подготовкѣ стояли выше нашихъ. Со времени удѣльнаго періода русскія войска хотя и возросли въ числѣ, но, за недостаткомъ денежныхъ средствъ, пришлось принять наиболѣе дешевую изъ системъ по содержанію войскъ — помѣстную. Выставляемая по этой системѣ вооруженная сила представляла изъ себя только наскоро собранное ополченіе, поэтому, хотя наши войска увеличивались въ численномъ отношеніи, но въ качественномъ отношеніи не улучшились.

Еще молодежь и нѣкоторая часть бояръ шли на войну охотно, но масса, оторванная отъ обычныхъ мирныхъ занятій, тяготилась войною и изыскивала всѣ способы уклониться отъ нея. По мнѣнію проф. Пузыревскаго русское войско XVII столѣтія „представляло изъ себя многочисленную толпу, лишенную сколько-нибудь серьезныхъ военныхъ достоинствъ“.

Войны, веденныя въ XVII столѣтіи, не способствовали возвышенію духа, сообщенію увѣренности въ побѣдѣ. Оружіе было плохо, дисциплины мало. На конницу „смотрѣть было стыдно“. Тогда же выработалось такое желаніе у нашихъ подневольныхъ воиновъ: „Дай Богъ великому Государю служить, а саблю изъ ножень не вынимать“. Переходъ къ войскамъ иноземнаго строя не помогъ замѣтно дѣлу. Такъ какъ денежныхъ средствъ по прежнему не было, то и войска иноземнаго строя проводили въ занятіяхъ воинскимъ дѣломъ лишь незначительное время (одинъ мѣсяцъ въ году), а остальное время занимались мирными промыслами.

Историку приходится удивляться, какимъ образомъ, при крайней бѣдности нашей родины, невѣжественности населенія, неудовлетворительности войска, все же правители русской земли къ концу XVII столѣтія могли выдерживать въ теченіе двухъ столѣтій борьбу съ татарами, литовцами, поляками, ливонцами, шведами, турками и, хотя и медленно, но все же продвигали впередъ выполненіе задачъ, завѣщанныхъ имъ съ XV столѣтія, и значительно расширили предѣлы Россіи къ сѣверо-востоку и югу. Необходимо, однако, указать, что въ концѣ XVII столѣтія не только трудно было разсчитывать съ нашею арміею продолжать успѣшно борьбу за объединеніе русскаго племени и выходы къ морямъ Черному и Балтійскому, но въ составѣ самой арміи таилась опасность для существованія государства. Дѣйствительно, стрѣлецкіе полки, совершенно утратившіе дисциплину, начали при царевнѣ Софіи играть политическую роль, захватили въ

свои руки Москву, отказывались отъ участія въ походахъ и, наконецъ, въ открытомъ бунтѣ добивались уничтоженія полковъ иноземнаго строя и готовы были, по указанію царевны Софіи, устранить съ ея пути энергичнаго подростка царя Петра Алексѣевича.

Уничтоженіе стрѣльцовъ Петромъ I вмѣстѣ съ переформированіемъ нѣкоторыхъ полковъ иноземнаго строя и можетъ быть разсматриваемо, какъ переходъ къ постоянной арміи.

Въ главѣ X-й настоящаго труда изложенъ съ достаточною подробностью ходъ работъ Петра I, начиная съ 1688 года, по сформированію регулярной арміи. Сформировавъ при содѣйствіи иноземцевъ два полка — Преображенскій и Семеновскій и переформировавъ два солдатскихъ полка тоже въ регулярные, Петръ уже спѣшитъ использовать свои труды. Усиливъ вновь сформированныя части стрѣльцами и помѣстною конницею, онъ двигается къ Азову съ войскомъ въ 31,000 челов., но походъ оканчивается неудачею. Особенно неудовлетворительна оказалась въ этомъ походѣ техническая часть войскъ. Положительнымъ результатомъ похода было ясно доказанное преимущество регулярныхъ полковъ, участвовавшихъ въ походѣ, надъ остальными войсками. На слѣдующій годъ Петръ ведетъ подъ Азовъ армію въ 75,000 человѣкъ и беретъ Азовъ, что составило важный, но еще не прочный шагъ по выходу къ Черному морю.

Во время отсутствія Петра I послѣ Азовскихъ походовъ за границу, стрѣльцы взбунтовались вновь. Послѣ суровой расправы съ ними всѣ 16 московскихъ стрѣлецкихъ полковъ были уничтожены, а стрѣльцы удалены съ ихъ семьями изъ Москвы. Но надежды Петра I на быстрое сформированіе новаго типа арміи разбивались недостаткомъ денежныхъ средствъ. Пришлось прибѣгнуть первоначально къ временной мѣрѣ: вновь сформированные четыре регулярныхъ полка обратить въ кадровые и образовать четыре дивизіи, имѣя въ каждой по одному регулярному и по семи солдатскихъ полковъ тысячнаго состава. Первоначально Петръ I задумалъ образовать регулярную армію всего изъ 60,000 пѣхоты на полномъ содержаніи отъ казны. Но недостатку денежныхъ средствъ пришлось ограничиться лишь 40,000 пѣхоты. Съ этою цѣлью приступлено къ формированію 29 пѣхотныхъ и двухъ драгунскихъ полковъ, для чего въ ноябрѣ 1699 года былъ назначенъ наборъ рекрутъ въ 30,000 человѣкъ.

Политическая обстановка сложилась такъ, что этимъ новымъ полкамъ, наскоро сформированнымъ и плохо обученнымъ, уже въ 1701 г. пришлось выступить въ походъ подъ Нарву для борьбы со шведами. Такимъ образомъ, всего черезъ годъ послѣ объявленія перваго набора 45,000 русская армія новаго формированія должна была вступить въ бой съ опытными въ боевомъ дѣлѣ, отлично дисциплинированными войсками, слѣпо довѣрявшими своему молодому королю-полководцу. Подъ Нарвою незначительный по силѣ отрядъ шведскихъ войскъ въ 8,000 разбиваетъ наголову вновь сформированную армію Петра въ

45,000 человѣкъ. Только полки Преображенскій и Семеновскій дерутся упорно. Особенно тяжело было перенести Петру гибель всей артиллеріи въ числѣ 145 орудій.

Эта тяжелая неудача только увеличила энергію Петра Великаго.

Были годы, когда съ населенія призывали три набора, при чемъ брали по 10 человѣкъ съ тысячи душъ населенія. Вторая регулярная армія, созданная Петромъ, уже состояла изъ 90,000 человѣкъ.

Постепенно совершенствуя войска, достигнувъ съ ними многихъ частныхъ успѣховъ надъ шведами, Петръ въ 1709 году побѣждаетъ Карла XII подъ Полтавою.

Шведскій король самъ облегчилъ эту задачу своему противнику. Послѣ побѣды подъ Нарвою, оцѣнивъ слишкомъ низко военную мощь Россіи, онъ направилъ всѣ свои усилія на борьбу съ Августомъ, королемъ Саксонскимъ и польскимъ, оставивъ лишь незначительные отряды для удержанія занятыхъ шведами мѣстностей въ Ингерманландіи и Балтійскихъ провинціяхъ. Петръ I и его сподвижники пользуются этимъ положеніемъ, чтобы, сосредоточивая превосходныя силы противъ шведскихъ отрядовъ, бить шведовъ по частямъ. Уже черезъ годъ послѣ пораженія подъ Нарвою, Шереметевъ бьетъ шведовъ подъ Эрестферомъ. Въ этомъ бою шведовъ легло до 3,000 человѣкъ, въ плѣнъ взято 350 и кромѣ того побѣдителю досталось 6 орудій.

Въ 1702 году русскія войска берутъ штурмомъ Шлиссельбургъ. Въ 1704 году Дерптъ, Ямбургъ и Нарва переходятъ въ руки русскихъ.

Карлъ, наконецъ, сознаетъ грозящую ему опасность, стягиваетъ войска въ окрестности Гродно и заставляетъ русскую армію отступить.

Вторая встрѣча русскихъ войскъ съ шведскими, предводимыми самимъ Карломъ, произошла въ 1709 году при с. Головчино и тоже окончилась неудачею для русскихъ войскъ. Но это уже былъ послѣдній успѣхъ шведовъ: 27 іюня 1709 года русскія войска разбили наголову шведскія подъ Полтавою. Эта побѣда не была случайною. Независимо превосходства въ численности войскъ, за 9 лѣтъ войны въ русскихъ войскахъ воспиталось довѣріе къ своимъ силамъ, вѣра въ своего вождя Петра Великаго и рѣшимость побѣдить врага. Настроеніе войскъ было приподнятое, какъ и въ битвѣ на Куликовомъ полѣ. Каждый сознавалъ важность для родины предстоявшаго боя.

Войска Карла XII, напротивъ, были утомлены непрерывною войною, терпѣли всевозможныя лишенія, роптали на своего короля, утратили бывшую дисциплину и въ бою подъ Полтавою, за недостаткомъ снарядовъ, были почти лишены содѣйствія артиллеріи.

Упорною борьбою въ теченіе девяти лѣтъ Петръ I достигъ превосходства надъ шведами не только въ матеріальномъ, но и въ духовномъ отношеніяхъ и разбилъ ихъ.

Къ концу царствованія Петра I на довольствіи числилось

319,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 210,000 регулярныхъ войскъ въ арміи и 21,000 чел. во флотѣ.

Содержаніе такой арміи поглощало двѣ трети государственныхъ доходовъ того времени. Этотъ расходъ ложился тяжелымъ бременемъ на населеніе. Мы, очевидно, содержали армію свыше своихъ средствъ, но и достигнутые Петромъ I результаты были огромны. При немъ Россія заняла почетное мѣсто среди великихъ державъ Европы и выполнила еще одну изъ задачъ, завѣщанныхъ еще нашими великими князьями и царями XV и XVI столѣтій; Россія, послѣ борьбы въ теченіе 21 года со шведами, прочно вышла на берега Финскаго залива и Балтійскаго моря. Срокъ значительный, но все же задача, которая не была выполнена при ополченныхъ арміяхъ въ теченіе болѣе двухсотъ-лѣтней борьбы, оказалась по силамъ регулярной арміи въ срокъ, въ десять разъ меньшій.

Преемникамъ Петра оставались къ выполненію еще двѣ задачи: объединеніе русскаго племени и выходъ къ Черному морю.

Послѣ смерти Петра I заботы объ арміи уменьшились. Ассигнованіе денегъ, даже на неотложныя нужды, встрѣчало, вслѣдствіе бѣдности населенія, все большія затрудненія. Армія быстро оказалась въ большомъ некомплектѣ. Содержаніе войскъ было скудное. Флотъ тоже пришелъ въ разстройство. Значительное число офицеровъ въ видахъ экономіи было распущено по домамъ.

Въ правленіе малолѣтняго Петра II распущенность какъ младшихъ, такъ и старшихъ чиновъ увеличилась. На войска, особенно расположенныя въ Малороссіи, поступали жалобы со стороны жителей.

При Аннѣ Ивановнѣ въ 1732 году въ бѣгахъ числилось 20,000 солдатъ. Многіе дворяне неохотно несли военную службу. Были случаи, что дворяне записывались въ купечество, только чтобы избѣжать службы въ войскахъ. Обязательный срокъ службы дворянъ былъ уменьшенъ до 25 лѣтъ.

Войска при Аннѣ Ивановнѣ попали въ руки иноземцевъ. Основанный для комплектованія арміи шляхетскій кадетскій корпусъ носилъ характеръ не русскаго, а иноземнаго заведенія. Четвертая часть кадетъ были изъ Остзейскаго края. Русскому языку обучалось самое незначительное число кадетъ; русской исторіи не преподавалось вовсе.

Минихъ ломалъ Петровскіе порядки и замѣнялъ своими, заимствованными изъ Пруссіи. У солдатъ завели парики, косы. Начали муштровку солдатъ при помощи палки,

Походы при Аннѣ Ивановнѣ въ 1735 году въ Крымъ и противъ Азова были неудачны. Но военная сила турокъ шла быстро къ упадку, и въ слѣдующемъ году Азовъ безъ большого сопротивленія сдался.

Армія подъ начальствомъ Миниха въ 1736 году, силою въ 80,000 человѣкъ, почти безъ сопротивленія турокъ вторглась въ

Крымъ, прошла его, но за необезпеченностью довольствія отступила на зимнія квартиры безъ результата, потерявъ свыше 30,000 человѣкъ умершими. Потеря въ бою не превышала 2,500 человѣкъ.

Въ 1737—1738 годахъ наши войска снова неудачно ходили въ Крымъ.

Наконецъ, въ кампанію 1739 года наши войска одержали значительную побѣду у Ставучанъ, доказавшую безсиліе турокъ. Въ генеральномъ сраженіи съ турками послѣдніе оказали ничтожное сопротивленіе. Всѣ наши потери заключались въ 13 чел. убитыхъ и 53 раненыхъ. Очевидно, въ условіяхъ борьбы съ турками времени наступилъ переломъ. Въ то время, какъ наши ополченныя арміи замѣнились регулярными, у турокъ даже корпусъ янычаръ, представлявшій подобіе постоянной арміи, пришелъ въ разстройство, утратилъ дисциплину и отчаянную храбрость.

Прочія войска турокъ стали представлять въ ту эпоху безпорядочный сбродъ вооруженныхъ людей, лишенный порядка, непослушный своимъ начальникамъ и утратившій фанатичное настроеніе. Очевидно, что при такихъ измѣненіяхъ въ мощи противника надлежало принять и иные способы дѣйствій противъ него, чѣмъ медленныя передвиженія цѣлою арміею въ одномъ каре и принятіе боя тоже въ общемъ каре, окруженномъ повозками и рогатками. Но принять новый способъ дѣйствій, разгадавъ противника, оказалось по силамъ не Миниху, а только въ вѣкъ Екатерины такимъ выдающимся полководцамъ, какъ Румянцевъ и Суворовъ.

Ко времени первой войны съ турками въ 1769 году силы нашей арміи по штатамъ уже составили 400,000 чел., но въ поле можно было вывести только половину. Поэтому армія въ 50,000—60,000 чел. могла выводить въ бой только 25,000—30,000 чел. Огромные обозы требовали значительнаго прикрытія. Командировки и некомплектъ войскъ были весьма значительны.

Внѣшняя политика Екатерины требовала оставленія главной части нашей арміи на западной границѣ. Дѣла внутреннія тоже вызывали необходимость содержанія войскъ внутри имперіи (Пугачевскій бунтъ). Но время страха передъ турецкими скопищами уже прошло. Румянцевъ, первый, познавъ слабость турокъ, бросилъ рогатки и общія каре. Оказавшись всего съ 17,000 чел. противъ 200-тыс. арміи турокъ, Румянцевъ отважно атакуетъ въ нѣсколькихъ каре турокъ и одерживаетъ полную побѣду надъ ними подъ Кагуломъ съ потерею менѣе тысячи человѣкъ.

Затѣмъ объ войны съ турками въ 1769—1774 и 1787—1791 годахъ носятъ одинъ общій характеръ. Мы дѣйствуемъ противъ турокъ, несмотря на многочисленное по штатамъ войско, лишь весьма незначительными силами: благодаря, однако, ихъ высокому нравственному духу и полному превосходству надъ турками въ обученіи, тактической подготовкѣ, благодаря въ особенности цѣлому ряду высоко-

талантливыхъ частныхъ начальниковъ, начиная съ Суворова, эти незначительныя по численности войска одерживаютъ рядъ блестящихъ побѣдъ. Одновременно съ дѣйствіями на Дунаѣ наши войска вторгаются въ Крымъ и на этотъ разъ прочно утверждаются въ немъ. Въ первую кампанію австрійскія войска вмѣстѣ съ русскими, подъ общимъ начальствомъ Суворова, одерживаютъ побѣды подъ Фокшанами и на р. Рымникѣ. Во вторую войну кровавый штурмъ Измаила, составлявшій одно изъ труднѣйшихъ военныхъ предпріятій всѣхъ вѣковъ, устрашаетъ турокъ и вынуждаетъ ихъ къ заключенію Ясскаго мира, по которому Крымъ и побережье Чернаго моря, наконецъ, переходятъ въ русскія руки.

Великою Екатериною рѣшается и предпослѣдняя изъ задачъ, завѣщанныхъ Россіи съ XV столѣтія, — выходъ къ Черному морю. И на этотъ разъ эта задача, можно сказать, всецѣло выполнена православнымъ русскимъ воинствомъ. Балтійскіе нѣмцы, финляндцы и поляки помощи русскому племени не оказали.

Въ главѣ XIV-й настоящаго труда съ достаточною подробностью изложены причины побѣдъ нашихъ войскъ надъ турками, еще недавно столь страшными Европѣ, а въ войнахъ въ вѣкъ Екатерины разбиваемыми малочисленными русскими войсками. Но эти войска прошли до столкновенія съ турками хорошую боевую школу. Ранѣе, чѣмъ мѣряться силами съ турками, они при Елисаветѣ Петровнѣ уже мѣрялись силами съ лучшимъ въ ту эпоху войскомъ Фридриха Великаго и подъ начальствомъ Салтыкова разбили ихъ при Кунерсдорфѣ. Семилѣтняя война и выдвинула Румянцева, и дала первый боевой опытъ Суворову. Въ дѣйствіяхъ противъ турокъ Румянцевъ, а затѣмъ Суворовъ вырабатываютъ способъ дѣйствій, наиболѣе отвѣчавшій состоянію турецкой арміи, и достигаютъ выдающихся успѣховъ въ подготовкѣ войскъ въ тактическомъ отношеніи. Но что особенно важно отмѣтить, — это развитіе большой самостоятельности частныхъ начальниковъ. Ихъ иниціативою, особенно Суворова и Вейсмана, одерживаются многія побѣды. Въ войны второй половины XVIII столѣтія, даже при такихъ слабыхъ командующихъ арміями, какъ Салтыковъ и Потемкинъ, главнымъ образомъ благодаря самостоятельности дѣйствій частныхъ начальниковъ и отличному мужеству войскъ, русскіе одерживали побѣды.

На долю Великой Екатерины выпало выполненіе и послѣдней, завѣщанной еще Иваномъ III, задачи — по объединенію русскаго племени.

Русская военная сила настолько превосходила военную силу совершенно ослабѣвшей Польши, что побѣда надъ поляками не потребовала отъ русскихъ войскъ чрезвычайныхъ усилій. Только послѣ возстанія въ Польшѣ и Литвѣ въ 1794 году дѣйствія нашихъ войскъ носили болѣе напряженный, но благодаря Суворову и болѣе рѣшительный, характеръ. Побѣда Фермена у с. Маціовицы надъ вой-

сками Костюшко и въ особенности штурмъ въ 1774 году Праги, рѣшившіе участь Польши, представляютъ образцы военныхъ дѣйствій, заслуживающіе особаго изученія, доказывающіе высокій уровень нашихъ войскъ въ концѣ XVIII столѣтія и въ особенности великія дарованія Суворова.

Съ такою арміею, которою располагала Россія въ послѣднихъ годахъ XVIII столѣтія, наша родина, уже достигшая своихъ историческихъ задачъ по объединенію русскаго племени и выходамъ къ морямъ, особенно при соглашеніи съ Австріею, могла быть спокойна: на нее нападать было некому и не изъ-за чего, лишь бы она сама не мѣшалась въ чужія дѣла. Поэтому можно было успѣшно заняться устройствомъ и приведеніемъ въ порядокъ внутреннихъ дѣлъ съ цѣлью успокоить массу населенія, облегчить ея податное бремя, поднять достатокъ и получить возможность сообразовать дальнѣйшіе расходы не съ неожиданно возникающими нуждами, а съ тѣми средствами населенія, которыя у него будутъ накапливаться въ результатѣ мирнаго, возможно производительнаго труда.

Подводя итоги дѣятельности русской вооруженной силы въ самыхъ крупныхъ чертахъ за время существованія Руси до конца XVIII столѣтія, можно сдѣлать слѣдующіе общіе выводы.

Въ періодъ съ X до XIV столѣтія включительно главную вооруженную силу русскаго племени составляли княжескія дружины. Несмотря на отличныя боевыя качества многихъ изъ нихъ, дружины не могли отстоять Русь ни отъ набѣговъ дикихъ ордъ кочевниковъ, ни въ особенности отъ нашествія монголо-татаръ. Причиною общей неудачи дружиннаго типа вооруженной силы заключались въ отсутствіи единства въ командованіи ею. Дружины служили князю, а не родинѣ. Ссорились между собою князья, и родственныя по происхожденію дружины посылались на братоубійственную войну, чтобы помогать своему князю отнять тотъ или другой удѣлъ часто у брата. Въ этой междоусобной борьбѣ истощались военныя силы и энергія, клали свои головы богатыри русской земли, и уже не хватило силъ на отпоръ врагамъ внѣшнимъ. Но что могли дать русскія дружины — видно изъ легендарныхъ походовъ ихъ подъ Царьградъ.

Дружины первыхъ московскихъ князей, усиленныя дружинниками изъ другихъ удѣловъ, помогли собиранію Руси вокругъ Москвы. Эта заслуга ихъ не можетъ быть забыта. Конецъ дружиннаго типа вооруженной силы былъ героическій.

Въ составѣ рати Дмитрія Донского на Куликовомъ полѣ находились и дружины князей, примкнувшихъ къ Дмитрію Донскому, и чины дружинъ князей потерявшихъ свои удѣлы, поступавшіе на службу московскому князю. Какъ ни патріотично была настроена ополченная часть войскъ Дмитрія Донского, но безъ закаленныхъ въ бояхъ дружинниковъ врядъ ли войска наши могли выказать такое отчаянное упорство въ бою.

Такимъ образомъ, уже Дмитрій Донской располагалъ отличными кадрами для созданія надежной военной силы, объединенной общимъ командованіемъ Московскаго великаго князя. Но для того, чтобы эта сила сохраняла боевую готовность и могла совершенствоваться, требовалось содержать ее не только во время войны, но и во время мира, а для этого не хватало на бѣдной Руси денегъ. И вотъ, въ силу необходимости, пришлось перейти къ помѣстной системѣ содержанія арміи, при которой расходы на ея содержаніе были перенесены съ казны на владѣльцевъ земли.

Три столѣтія Россія существовала съ этою помѣстною системою. Служилый классъ все увеличивался. Выставляемыя ополченныя рати росли въ численности, но, какъ изложено выше, не улучшались въ качествѣ. Люди, служившіе въ войскѣ по призванію, растворялись въ массахъ насильственно отрываемыхъ отъ земли случайныхъ воиновъ. Отличныя прирожденныя качества русскаго человѣка давали возможность опытнымъ вождямъ, особенно при оборонѣ, достигать большихъ результатовъ и съ ополченными войсками, но переходъ, въ подражаніе татарскимъ войскамъ, къ конницѣ, какъ къ главному роду оружія, составлялъ большое препятствіе къ тому, чтобы воспользоваться въ полной мѣрѣ прирожденными способностями, особенно великорусскаго племени, именно къ пѣшему бою. Мы отставали долгое время въ организаціи и обученіи войскъ не только отъ западныхъ сосѣдей, но даже отъ татаръ. Достаточно припомнить, что для овладѣнія, напр., Казанью потребовалось произвести 10 походовъ съ значительными силами, и послѣдній походъ Ивана IV увѣнчался успѣхомъ, когда вновь увеличено было значеніе пѣхоты сформированіемъ стрѣлецкихъ частей. Эти стрѣлецкія части легко могли быть обращены въ регулярныя войска, если бы препятствіемъ къ тому снова не оказалась бѣдность населенія и бѣдность отсюда казны. Вмѣсто войскъ постояннаго типа ихъ, по экономическимъ причинамъ, обратили въ поселенныя войска и собирали для занятій только одинъ мѣсяцъ въ теченіе всего года. Недостатки помѣстной системы особенно ясно сказались въ XVII столѣтіи, когда и приступлено было въ широкихъ размѣрахъ къ формированію войскъ такъ называемаго иноземнаго строя; но и новые полки—солдатскіе, драгунскіе и рейтарскіе—тоже не на что было содержать, и они, какъ и стрѣльцы, за небольшими исключеніями были обращены также въ поселенныя войска.

Какъ ни были велики недостатки ополченныхъ войскъ въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ, тѣмъ не менѣе твердо направляемыя одною державною волею, хотя и послѣ борьбы въ теченіе многихъ лѣтъ, хотя терпя часто тяжелыя неудачи, войска эти выполнили для Россіи вполнѣ одну изъ важныхъ задачъ по борьбѣ съ татарами и по выходу къ Каспійскому морю и начали выполненіе задачи по объединенію русскаго племени присоединеніемъ къ Руси послѣднихъ изъ удѣловъ, Новгородскаго и другихъ, и присоединеніемъ Смоленскаго удѣла

и Малороссіи отъ Литовско-Польскаго государства. Окончательное объединеніе русской земли и выходы къ морямъ Балтійскому и Черному, несмотря на массу затраченныхъ усилій и многія сотни тысячъ бойцовъ, выставленныхъ въ многочисленныхъ войнахъ, оказались задачами непосильными для нашихъ ополченныхъ войскъ.

Но все же въ періодъ существованія ополченныхъ войскъ въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ Московская Русь съ конца XIV столѣтія широко раздвинулась къ сѣверу, востоку и юго-востоку, увеличивъ территорію государства въ нѣсколько разъ. Эту работу сдѣлало русское племя, русское православное воинство. Иноземцы помогали лишь какъ инструктора, а инородцы болѣе вредили, чѣмъ приносили помощь.

То, что не удалось выполнить ополченнымъ арміямъ въ три столѣтія, было выполнено регулярною арміею въ одно XVIII столѣтіе. Усилія отъ населенія потребовались чрезвычайныя и людьми, и деньгами, но вновь сформированная регулярная армія уже въ началѣ XVIII столѣтія (въ 1709 г.) доказываетъ свои высокія качества, побѣдивъ лучшія въ ту эпоху войска—шведскія. Постепенно увеличиваясь въ численности, въ серединѣ XVIII столѣтія русская армія побѣждаетъ прусскія войска Великаго Фридриха подъ Кунерсдорфомъ, а въ концѣ XVIII столѣтія побѣждаетъ грозныхъ турокъ.

Побѣдами регулярной арміи въ XVIII столѣтіи Московское царство обращается въ могущественную Россійскую Имперію; русскій народъ занимаетъ мѣсто среди главныхъ націй Европы; предѣлы русской земли раздвинуты до естественныхъ рубежей—морей Балтійскаго и Чернаго—и объединеніе русскаго племени закончено.

Россія въ военномъ отношеніи въ послѣднихъ годахъ XVIII столѣтія заняла опредѣленное въ Европѣ и почетное мѣсто. Вся эта колоссальная работа исполнена русскимъ племенемъ, выставившимъ русское православное войско.

Вотъ въ самыхъ краткихъ чертахъ путь, пройденный нашею вооруженною силою въ теченіе тысячелѣтія. Необходимо прибавить, что во всѣхъ трехъ эпохахъ военнаго дѣла на Руси—дружинной, ополченной и регулярной имѣются общія стороны, онѣ заключались:

1) въ несоотвѣтствіи средствъ населенія съ вооруженною силою, выставляемою во всѣ времена Россіею, и, какъ слѣдствіе этого,

2) въ отсталости въ техническомъ отношеніи русскихъ вооруженныхъ силъ отъ вооруженныхъ силъ нашихъ противниковъ.

Только въ XVIII столѣтіи наши войска не отставали въ техническомъ отношеніи отъ войскъ шведскихъ, польскихъ, прусскихъ и особенно турецкихъ. Равенство въ техническомъ отношеніи, превосходство въ тактическомъ и развитіе самостоятельности у частныхъ начальниковъ и дали нашимъ войскамъ въ XVIII столѣтіи тѣ изумительныя побѣды, которыя и нынѣ даютъ право гордиться нашими войсками XVIII столѣтія и обязываютъ къ изученію ихъ подвиговъ.

3) Наконецъ, что надлежитъ признать наиболѣе важнымъ фактомъ въ исторіи образованія Россійскаго государства, это однородный, за самыми небольшими исключеніями, русскій составъ нашихъ войскъ, отстоявшихъ и образовавшихъ Россійскую Имперію. Русская по составу армія освобождала Россію отъ татаръ, объединяла все русское племя, раздвигала границы Россіи до естественныхъ рубежей, все время преслѣдуя національную задачу: русская армія создавала Россію для укрѣпленія и развитія русскаго племени, создавала *Россію для русскихъ.*

Происходящее нынѣ обратное завоеваніе Россіи инозе́мцами и инородцами составляетъ результатъ нашей внѣшней и внутренней политики въ XIX столѣтіи, рѣзко отличавшейся, къ невыгодѣ для русскаго племени, отъ національной политики XV—XVIII столѣтій.

Результаты работы русскаго племени за тысячелѣтній періодъ, съ девятаго по девятнадцатое столѣтіе, оказались огромными.

Западные славяне, въ разные періоды своего существованія образовывали самостоятельныя государства: чешское, польское, болгарское, сербское, но не выдержали натиска на нихъ другихъ народовъ и, подъ ударами племенъ германскаго, венгерскаго, турецкаго и русскаго (по отношенію къ полякамъ), прекратили независимое существованіе и вошли въ составъ государствъ Западной Европы. Въ то же время восточные славяне, выдержавшіе тяжелую борьбу съ враждебными со всѣхъ сторонъ сосѣдями, не только не погибли, но, съ XIII вѣка постепенно объединяясь, въ концѣ XVIII составили огромное государство, включившее въ себя, за небольшимъ изъятіемъ, не только мѣстности первоначальнаго разселенія восточныхъ славянъ, но широко раздвинувшее свои предѣлы до морей Балтійскаго и Чернаго, Ледовитаго и Восточнаго океановъ. Въ этихъ новыхъ предѣлахъ русское государство включило и мѣстности, которыя, при поселеніи славянъ въ Европейской Россіи, были заняты племенами: литовскимъ, финскимъ, а также различными кочевниками и инородцами Сибири.

Особо быстрый ростъ русской земли начинается съ XV столѣтія. Каждое изъ послѣдующихъ столѣтій приноситъ увеличеніе территоріи Россіи и ея населенія, но наиболѣе значительное приращеніе территоріи и населенія совершается въ XVIII столѣтіи, когда историческія задачи Россіи выполнялись уже не ополченіями, а регулярною арміею.

Въ 1700 году, общая территорія Россіи составляла 265,000 кв. миль и въ томъ числѣ 79,000 кв. миль въ Европѣ, съ населеніемъ 12,000,000 душъ.

Въ 1800 году общая территорія государства уже простиралась до 331,000 кв. миль и въ томъ числѣ 96,000 кв. миль въ Европѣ, съ населеніемъ въ 35,000,000 душъ.

Наша государственная сухопутная граница въ 1800 году составляла 17,000 верстъ.

Главная работа по созданію Россіи выпала на великорусское племя [1]). Наиболѣе участвовавшія въ созданіи Россіи мѣстности лежатъ въ значительной степени и составляютъ тотъ центръ Россіи, *оскудѣніе* котораго подтверждается съ разныхъ сторонъ.

Вооруженныя силы Россіи и при первыхъ Московскихъ царяхъ уже доходили до 300.000. чел. Но это были ополченія, временно собираемыя.

Съ началомъ формированія постоянной арміи ростъ ея видѣнъ изъ ниже приложенной таблицы.

	Полевыя войска.					Гарнизонныя войска.			Ландмилиція.			Организ. нерегул. войска.	Всего.
	Пѣх.	Кав.	Арт.	Инж.	Итого.	Пѣх.	Кав.	Итого.	Пѣх.	Кав.	Итого.		
	В Ъ Т Ы С Я Ч А Х Ъ.												
1700 годъ.	18½	2½	1/10		51	—	—	—	—	—	—	5	56
1725 г. (Петръ I)	79½	38	4½		122	65	5	70	—	6	6	5	203
1739 г. (Анна).	83½	39½	5½	1/5	129	63½	9	72½	3½	24	27½	19	248
1761 г. (Елисавета) . . .	129½	44	8½	1	183	64	9	73	1½	26	27½	36	319½
1796 г. (Екатерина II). .	275	70½	21½	1½	368½	95		95	—	—	—	40	503½
1800 г. (Павелъ).	204	45	25	2¾	277	77½	—	77½	—	—	—	47	401½

Какъ по пространству, такъ и по количеству и качеству войскъ, Россія вступала въ XIX столѣтіе одною изъ первостепенныхъ державъ всей Европы.

Таковы видимые результаты за 1000 лѣтъ.

Выше мы видѣли, что населеніе Россіи было и осталось бѣднымъ; что напряженіе его для выполненія историческихъ задачъ было огромное: что не разъ Россіи угрожали грозныя опасности; не разъ опасность грозила самому существованію Россіи; не разъ, кромѣ враговъ внѣшнихъ, Россію тяжко волновали народные бунты внутри ея; не разъ главные города Россіи — Кіевъ, Москва, Новгородъ, были въ рукахъ враговъ. Невольно ставится вопросъ: какими путями слабыя славянскія племена, враждующія и между собою и съ сосѣдями, племена, которыя не могли противостоять съ полнымъ успѣхомъ даже ордамъ печенѣговъ, казаровъ, племена, вынесшія монгольское иго, въ концѣ концовъ побѣждаютъ татаръ, побѣждаютъ

[1]) Наиболѣе участвовало въ созданіи Россіи населеніе слѣдующихъ губерній: Московской, Тверской, Владимірской, Калужской, Рязанской, Костромской, Нижегородской, Ярославской, Новгородской, Псковской, Тульской и отчасти Смоленской.

литовцевъ, поляковъ, ливонцевъ, шведовъ, турокъ и создаютъ огромную имперію, оставаясь при этомъ бѣдными и невѣжественными.

Причины успѣха русскаго племени въ борьбѣ съ сосѣдями съ XIII по XIX столѣтіе.

На основаніи историческихъ данныхъ, изложенныхъ въ предыдущихъ главахъ настоящаго труда, основными причинами, облегчившими русскому племени образованіе обширнаго государства, были:

1) Образованіе на Руси сильной самодержавной власти.

2) Умѣлая и въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій твердая національная политика.

3) Содѣйствіе въ достиженіи поставленныхъ нашими государями цѣлей со стороны правящихъ классовъ и духовенства.

4) Необыкновенно упорное и терпѣливое преслѣдованіе поставленныхъ цѣлей.

5) Огромная самоотверженная работа нашихъ войскъ, закалявшихся въ неудачахъ.

6) Наконецъ, главная причина успѣха въ борьбѣ русскаго племени со всѣми встрѣченными имъ въ теченіе тысячелѣтія врагами заключалась въ прирожденныхъ силахъ русскаго племени, его выносливости, мужествѣ и способности къ жертвамъ.

Разсмотримъ хотя кратко каждую изъ этихъ причинъ въ отдѣльности.

Значеніе самодержавной власти въ исторіи собиранія Руси.

Слабость княжеской власти въ удѣльный періодъ нашей исторіи, когда великій князь былъ только старшій между равными, привела русское племя къ братоубійственной борьбѣ между различными удѣлами. Только съ началомъ сосредоточенія власти въ рукахъ Московскаго великаго князя и начинается собираніе Руси. Этому великому Московскому князю подчинились вполнѣ всѣ князья, удѣлы которыхъ были присоединены къ Москвѣ.

Иванъ III уже обращается въ самодержавнаго государя всей Руси — и притомъ не по избранію своихъ подданныхъ, а „Божіею милостію".

Въ 1498 году Московскій митрополитъ именуетъ Ивана III преславнымъ царемъ, самодержцемъ. Василій III уже называется помазанникомъ Божіимъ. Въ 1547 году Иванъ IV Грозный вѣнчается на царство и официально принимаетъ титулъ царя.

Наблюдательный иностранецъ Герберштейнъ свидѣтельствуетъ, что и въ представленіи народномъ власть государя являлась священною, что крайне усиливало эту власть и давало ей возможность

достигать въ напряженіи силъ народныхъ, казалось бы, при бѣдности населенія невозможнаго. По свидѣтельству Герберштейна ему часто приходилось слышать: „Воля государя — воля Божія“; „Государь — исполнитель воли Божіей“ или „мы того не знаемъ: знаетъ то Богъ да великій государь“.

Полезная сторона объединенія на Руси сильной власти начала сказываться съ XIV столѣтія.

Какъ только Московскимъ князьямъ удалось объединить подъ свою властью нѣсколько удѣловъ, они уже начинаютъ принимать мѣры къ борьбѣ съ татарами для освобожденія отъ татарскаго ига. Дмитрій Донской, объединивъ восточную власть надъ силами не только Московской Руси, но и удѣловъ, къ ней еще не присоединенныхъ, разбиваетъ татаръ на Куликовомъ полѣ. Освобожденіе отъ татарскаго ига составляетъ первый благодѣтельный результатъ сосредоточенія сильной власти въ рукахъ Московскаго великаго князя.

Въ XV столѣтіи Московская Русь составляетъ обширное государство, но съ очень бѣднымъ и немногочисленнымъ населеніемъ. Тѣмъ не менѣе, Иванъ III и его преемники задаются обширными, все расширявшимися задачами по объединенію русскаго племени и продвиженію его до естественныхъ рубежей. Выполненіе этихъ задачъ должно было привести Московскую Русь къ борьбѣ съ сосѣдями: татарами, Литвою, Польшею, Ливоніею, Швеціею. Очевидно, что силы и средства Московской Руси не соотвѣтствовали этимъ задачамъ. Выходомъ изъ этого, повидимому, непреодолимаго затрудненія и явилось созданіе на Руси самодержавной власти, которая получила возможность напрягать всѣ силы населенія къ достиженію поставленныхъ ею цѣлей.

Вступивъ въ борьбу съ государствами, гдѣ такой сильной власти не было, Россія вышла побѣдительницею, хотя матеріальныя средства, напримѣръ, Литвы и Польши были обширнѣе, чѣмъ матеріальныя средства Московской Руси.

Татары, когда-то объединенные желѣзною рукою Чингизъ-хана и его первыхъ преемниковъ, совершили огромныя завоеванія; но когда общая власть исчезла, у нихъ начались взаимные раздоры, вооруженныя столкновенія. Пользуясь раздробленностью власти у татаръ, русскіе государи, сильные единеніемъ власти въ своихъ рукахъ, послѣ упорной борьбы побѣждаютъ татаръ [1]).

Польское государство, въ которомъ долгое время каждый шлях-

---

[1]) Напомнимъ помѣщенное въ III-й главѣ мнѣніе по этому вопросу П. Милюкова (Очерки изъ исторіи русской культуры ч. III): „Только всемогущее государство могло успѣшно бороться съ набѣгами татаръ, Литвою. Исторія и удовлетворила этой потребности. Для защиты существованія Россіи *создалось всемогущее* государство на самой скудной матеріальной основѣ. Вслѣдствіе этой скудости верховная власть должна была сдѣлаться всемогущею, чтобы имѣть возможность напрягать всѣ силы населенія къ достиженію поставленныхъ цѣлей“.

тичъ могъ противиться волѣ короля, могъ сорвать сеймъ, очевидно шло не къ усиленію, а къ разрушенію. Литва, соединившись съ Польшею и принявъ ея образъ правленія, увлекалась на тотъ же путь, что и Польша. Примѣръ Польши и Литвы очень поучителенъ. Несмотря на лучшія матеріальныя условія и большую культурность сравнительно съ русскою землею, эти государства побѣждаются Россіею съ бѣднымъ и менѣе культурнымъ населеніемъ, главнымъ образомъ благодаря существованію въ Россіи всемогущей власти и существованію въ то же время безначалія въ Польшѣ и Литвѣ.

Въ Швеціи Карлъ XII, отсутствуя многіе годы изъ своего государства, очевидно не могъ властно располагать всѣми силами и средствами государства, что и отразилось на исходѣ борьбы его съ Петромъ I. Въ то время, какъ русскій царь своею всемогущею властью, соединенною съ желѣзною волею, извлекалъ изъ истощенной, повидимому, въ конецъ страны все новыя средства и силы для продолженія борьбы, совершенствовалъ и развивалъ ихъ, его противникъ Карлъ XII все ослабѣвалъ и, наконецъ, былъ пораженъ подъ Полтавою.

Въ Турціи, пока султаны держали въ желѣзныхъ рукахъ населеніе и войско, пока они думали не о своихъ удовольствіяхъ, а задавались государственными цѣлями, пока они искусно пользовались религіознымъ фанатизмомъ мусульманскихъ массъ, Турція была могущественна и грозна своимъ сосѣдямъ. Но султаны, предавшіеся роскоши, удалившіеся въ гаремы, скоро попали въ руки корпуса янычаръ и быстро повели Турцію къ паденію.

Нѣкогда непобѣдимыя войска ея утратили религіозность и дисциплину. Жадныя только къ добычѣ, эти войска въ XVIII столѣтіи начали разбиваться малочисленными русскими войсками, направляемыми одною державною волею, сильными преданностью престолу, вѣрѣ и родинѣ.

По мнѣнію историка С. Соловьева, вполнѣ подтверждаемому историческими фактами, Московское самодержавіе имѣетъ великое историческое значеніе: „оно сообщило политическое единство раздробленнымъ дотолѣ русскимъ областямъ и связало въ одну плотную массу племена, разсѣянныя на равнинахъ Восточной Европы: оно дало русскому народу государственное устройство, которое помогло ему выйти побѣдителемъ изъ долгой борьбы съ восточными и западными сосѣдями, поработившими удѣльно-княжескую Русь".

При скудости населенія успѣху въ дѣйствіяхъ державныхъ правителей Россіи помогало преемственное слѣдованіе ими національной политикѣ съ девизомъ: *Россія для русскихъ.*

Русская національная политика въ XV—XVIII столѣтіяхъ.

Въ начальный періодъ русской исторіи, до возвышенія Московскаго княжества, различныя славянскія племена, населявшія Европей-

скую Россію, жили обособленными удѣлами и вѣчевыми общинами, часто враждовавшими между собою. Съ нашествіемъ татаръ и одновременнымъ возвышеніемъ Литвы южные и сѣверо-западные русскіе удѣлы съ населеніемъ, которое позже составило малорусскую и бѣлорусскую народности, отошли подъ власть Литвы. На сѣверо-восточной Руси въ началѣ XIII вѣка въ мѣстностяхъ, населеніе которыхъ и составило великорусское племя, наибольшее значеніе имѣли княжества: Тверское, Суздальское (или Нижегородское), Московское, Рязанское и вѣчевая община — Новгородская. Всѣ эти владѣнія, несмотря на подчиненное ордѣ положеніе, враждовали между собою за старшинство.

Московскіе князья, дѣти и внуки Александра Невскаго, пользуясь благопріятною обстановкою, наслѣдованіемъ, силою оружія, покупкою, милостью хановъ орды, усиливаютъ свое владѣніе и особенно съ Ивана Калиты (1328—1340) начинаютъ *собираніе русской земли*. Собирая русскую землю, эти князья одновременно и *объединяли великорусское племя*. Поэтому представляется возможнымъ начало русской національной политики отнести къ XIV вѣку къ княженію Ивана Калиты.

Выступая на борьбу съ татарами, Дмитрій Донской кромѣ силъ Московскаго удѣла привлекъ къ борьбѣ и князей другихъ удѣловъ, еще не поглощенныхъ Москвою. Этотъ политическій союзъ имѣлъ національное значеніе. Дмитрій, объединивъ на Куликовомъ полѣ почти всѣ военныя силы сѣверной Руси, одерживаетъ побѣду, которая сообщаетъ Московскому князю значеніе національнаго вождя сѣверной Руси въ ея борьбѣ съ внѣшними врагами [1]).

Русская національная политика первыхъ Московскихъ князей имѣла главною своею задачею собираніе къ Москвѣ всего великорусскаго племени и освобожденіе его отъ татарскаго ига. Тогдашняя Россія должна была стать русскою и независимою.

При Иванѣ III во второй половинѣ XV столѣтія къ Московской Руси присоединяются Новгородъ и послѣдніе удѣлы — Тверь и Рязань [2]).

Съ Ивана III задачи русской національной политики расширяются. Преемственная задача по объединенію русской земли не могла ограничиться объединеніемъ только великорусскаго племени. Когда это объединеніе совершилось, Иванъ III выдвинулъ слѣдующую очередную задачу: объединеніе съ великорусскимъ племенемъ племенъ бѣлорусскаго и малороссійскаго. Такая задача составляла естественное продолженіе собиранія Руси, начатаго Иваномъ Калитою. Иванъ III является наиболѣе твердымъ и опредѣленнымъ представителемъ русской національной политики. Онъ первый открыто заявляетъ права на

---

[1]) В. Ключевскій, ч. I, стр. 196.

[2]) Части Рязанскаго удѣла и Пскова сохранили еще и при Иванѣ III съ его согласія нѣкоторую самостоятельность.

Смоленскъ, Кіевъ и другіе города, какъ на свою вотчину, и дѣлаетъ это сознательно: „чтобы не погасла свѣча“, согласно съ завѣщаніемъ Симеона Гордаго.

Онъ только продолжаетъ работу пяти поколѣній по собиранію русской земли: „первый русскій самодержецъ стоялъ на плечахъ пяти поколѣній и потому видѣлъ такъ далеко и такъ широко“ [1]).

Съ теченіемъ времени понятіе: „Наша вотчина“ все расширяется и захватываетъ всѣ бывшіе русскіе удѣлы. Сюда входятъ всѣ земли, отторгнутыя Литвою и Польшею отъ Смоленскаго, Полоцкаго, Кіевскаго и другихъ удѣловъ и отъ Новгорода.

Иванъ III признавалъ своею вотчиною Смоленскъ, Кіевъ и другіе города. Василій III, когда Смоленскъ достался въ наши руки, уже считаетъ своею вотчиною Кіевъ, Полоцкъ, Витебскъ и другіе города. Иванъ IV считаетъ своею вотчиною Ливонію и Курляндію [2]).

„Да и не то одна наша вотчина, что нынѣ за нами: и вся русская земля, *Божіею волей*, изъ старины отъ нашихъ прародителей— наша вотчина“. Такъ опредѣляли національную задачу Московскіе люди XV столѣтія. Всѣ эти бывшіе удѣлы Московскіе государи признавали необходимымъ соединить въ одно цѣлое *Россію для русскаго племени*—и считали, что такая миссія предназначена Россіи свыше „волею Божіею“.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ именовался между прочимъ царемъ Ливонскимъ, Черниговскимъ, Смоленскимъ. По Деулинскому миру онъ долженъ былъ отказаться отъ этихъ титуловъ и уступилъ Польшѣ области Черниговскую, Смоленскую и Сѣверскую.

Сынъ его Алексѣй Михайловичъ своею задачею ставитъ вернуть эти русскія области въ составъ Россіи и продолжитъ работу Московскихъ царей по объединенію русской земли и русскаго племени. Въ результатѣ тяжелой, продолжительной борьбы съ Польско-Литовскимъ государствомъ, съ Швеціею и татарами, подкрѣпленными турками, Смоленскъ, Сѣверская земля и часть Малороссіи съ Кіевомъ остаются за Россіею.

Завоевавъ только небольшую часть мѣстностей съ бѣлорусскимъ племенемъ и часть мѣстностей съ малорусскимъ, Алексѣй Михайловичъ уже писался: „Царемъ и Самодержцемъ всея великія, и малыя, и бѣлыя Руси“. Этимъ титуломъ онъ предуказывалъ своимъ преемникамъ путь, которымъ они должны были слѣдовать, чтобы титулъ соотвѣтствовалъ дѣйствительности.

Но политическая обстановка съ начала XVIII столѣтія сложилась такъ, что Петру и его преемникамъ временно пришлось отложить задачу по объединенію русскаго племени и на первую очередь поста-

[1]) П. Милюковъ, ч. 3, стр. 29.

[2]) Въ 1578 году Иванъ IV требовалъ отъ Польскаго короля Стефана Баторія, чтобы онъ не распоряжался и не воевалъ „въ вотчинѣ Ивана“: Ливоніи и Курляндіи.

вить борьбу со шведами за выходъ къ Балтійскому морю и борьбу съ турками за выходъ къ Черному морю.

И Петръ I, и Екатерина II въ своей дѣятельности работали для усиленія Россіи и русскаго племени. Фантастическіе проекты въ родѣ греческаго и заботы о „благѣ Румынскихъ княжествъ“ были лишь небольшимъ исключеніемъ. Но въ дѣлахъ внутреннихъ, по отношенію къ устройству завоеванныхъ мѣстностей, они отступали отъ національной политики и создавали—Петръ въ Финляндіи, Екатерина въ балтійскихъ мѣстностяхъ — привилегированныя группы населенія, которыя и нынѣ черезъ 200 лѣтъ еще не составили съ русскимъ племенемъ одной дружной семьи.

При устройствѣ вновь отошедшихъ къ Екатеринѣ бѣлорусскихъ мѣстностей и Курляндіи было допущено много льготъ для католическаго вѣроисповѣданія и сохранено привилегированное положеніе нѣмцевъ въ Курляндіи. Но по отношенію къ пограничнымъ мѣстностямъ, присоединеннымъ къ Россіи при ея предшественницахъ, великая государыня высказывала вполнѣ опредѣленное мнѣніе, что въ нихъ надлежитъ держаться такой политики, чтобы населеніе окраинъ той эпохи Малороссіи, Лифляндіи и Финляндіи „легчайшими способами привести къ тому, чтобы они перестали глядѣть какъ волки къ лѣсу“. Всѣ дарованныя при завоеваніи привилегіи надлежало поэтому постепенно уничтожать, чтобы „всѣ подданные Ея Величества были на равныхъ правахъ, безъ всякаго однихъ передъ другими преимущества“. Считать финляндцевъ или курляндцевъ чужестранцами, по мнѣнію Екатерины II, было „больше нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностью—глупость“.

Когда въ 1788 году, во время войны Россіи со Швеціею, финскія войска измѣнили шведамъ и искали соглашенія съ Россіею, чтобы получить самостоятельность Финляндіи, Императрица Екатерина II мудро отвѣчала имъ, что они могутъ надѣяться на русскую помощь только *во всемъ согласно съ пользою Россіи.*

По отношенію къ Финляндіи слова Екатерины II не расходились и съ дѣломъ. Рядомъ мѣръ, упомянутыхъ въ XVI-й главѣ, Выборгская губернія начала становиться русскою. Съ русскимъ языкомъ въ Финляндіи можно было пускаться въ путь до самой р. Кюмени.

Великая государыня признавала, что жертвы, принесенныя русскимъ племенемъ при завоеваніи Финляндіи, должны послужить на пользу русскому племени, что Финляндія нужна была для обезпеченія спокойнаго роста русскаго племени, а не для укрѣпленія финской народности.

Въ XIX столѣтіи наши государи измѣнили этой политикѣ, и финны, уже ставшіе въ Выборгской губерніи вѣрными русскими подданными, при поощреніи сепаратистовъ и западниковъ стараются нынѣ изо всѣхъ силъ доказывать, что они чужестранцы и лишь случайно управляются однимъ съ русскимъ племенемъ государемъ.

Не заботясь о всемірномъ благѣ, не прельщаясь миссіею защищать всѣхъ православныхъ христіанъ, гдѣ бы они ни находились, русскіе государи XIV—XVII столѣтій преемственно добивались вполнѣ опредѣленныхъ цѣлей, главнѣйшею изъ которыхъ было усиленіе русскаго племени.

Въ этихъ видахъ они объединяли русское племя и раздвигали территорію, этимъ племенемъ занятую, до естественныхъ рубежей. Наши государи работали для пользы русскаго племени. *Россія для русскихъ* служило имъ, за небольшими въ XVIII столѣтіи исключеніями, девизомъ въ теченіе пяти столѣтій.

Съ поворотомъ въ XIX столѣтіи внѣшней политики въ сторону отъ національныхъ требованій и окраинная политика стала носить не русскій, а заимствованный съ запада, космополитическій характеръ. Съ горькими плодами этой политики, которую великая государыня признавала „глупою“, придется считаться русскому населенію въ XX столѣтіи. На выборъ предстоятъ два пути. Пойдя по первому пути, надо будетъ продолжать по отношенію къ окраинамъ политику государей Александра I, Николая I и Александра II. Этотъ путь ведетъ къ обособленію окраинъ и въ концѣ концовъ можетъ повести къ отложенію ихъ отъ Россіи, или, другими словами, долженъ привести къ распаду Россіи. Или надо вернуться не только по внѣшнимъ, но и по внутреннимъ дѣламъ, къ національной политикѣ по завѣтамъ и примѣрамъ мудрыхъ правителей Россіи отъ Ивана III до Екатерины II.

Тогда пріобщенныя, хотя и медленными, но неуклонными способами, къ русской гражданственности наши окраины не только перестанутъ ослаблять Россію, но помогутъ коренному русскому населенію оправиться отъ тяжкой работы, выпавшей на его долю въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ столѣтій, по созданію и охранѣ Россійской Имперіи.

Въ XIX столѣтіи, до вступленія на престолъ Императора Александра III, забота объ устройствѣ „блажества“ другихъ народовъ поставлена была выше заботы объ устройствѣ русскаго племени. Между тѣмъ, непрерывная національная политика нашихъ государей въ теченіе пяти вѣковъ уже своею продолжительностью доказываетъ ея жизненность. Эта жизненность вытекала изъ сознанія не только правителей Россіи, но и массы населенія, необходимости ея. Жертвы, приносимыя населеніемъ, при этомъ сознаніи облегчались.

Занятые дѣлами по охранѣ цѣлости русской земли и ея усиленію, правители наши до XVIII столѣтія не вмѣшивались въ чужія дѣла, если это вмѣшательство не вызывалось насущными нуждами русскаго населенія.

Можно признать, что даже Владиміръ Великій, въ концѣ X столѣтія, является первымъ представителемъ національной политики русской народности. Онъ отказывается „отъ завоеванія народовъ

далекихъ, сильныхъ своею гражданственностью". По описанію лѣтописцевъ, Владиміръ имѣлъ широкую душу, былъ крайне заботливъ о народѣ, любилъ дружину, приближалъ и награждалъ богатырей русской земли. Онъ пользовался рѣдкою народною любовью и много дѣлалъ для улучшенія положенія населенія, какъ по устройству его, такъ и по огражденію отъ нападенія дикихъ ордъ.

Ярославъ Мудрый шелъ по стопамъ отца своего. Онъ слѣдовалъ совѣтамъ богатыря Добрыни, чтобы не воевать съ болѣе культурными народами (по картинному выраженію Добрыни, народы, ходящіе въ сапогахъ, неохотно платятъ дань).

Твердо и неуклонно, съ необычайною настойчивостью преслѣдуя поставленныя важныя для русскаго племени цѣли, наши правители умѣло пользовались, для достиженія этихъ цѣлей, силами и средствами другихъ народовъ, даже своихъ естественныхъ враговъ.

Въ сношеніяхъ съ Золотою ордой Московскіе князья проявляютъ удивительную выдержку. Они для пользы русскаго дѣла жертвуютъ своимъ самолюбіемъ.

Александръ Невскій, начиная борьбу со шведами, ѣздилъ въ орду на поклонъ и унижался. Умѣло пользуясь внутренними раздорами татаръ, великіе князья обращали оружіе крымскихъ и другихъ татаръ другъ противъ друга и пользовались ими въ борьбѣ съ Польшею и Литвою. Въ особенности въ этомъ отношеніи достигъ большихъ результатовъ царь Иванъ III. Крымскій ханъ Менгли-Гирей во все время своего правленія былъ искреннимъ и вѣрнымъ союзникомъ Ивана III.

Въ 1501 году посолъ короля венгерскаго и чешскаго Владислава пріѣхалъ въ Москву уговаривать Ивана III соединиться съ венграми для дѣйствій противъ турокъ, угрожавшихъ югу Европы. О томъ же просилъ и король польскій Янъ-Альбертъ.

Папа Александръ IV писалъ Ивану III, что народъ турецкій не перестаетъ наступать на христіанство и вводитъ его въ крайнюю пагубу и что въ такихъ обстоятельствахъ всѣмъ христіанскимъ правителямъ надо быть въ согласныхъ мысляхъ. Преслѣдуя чисто національную задачу объединенія русскаго племени, предъявивъ свои права на западные и южные удѣлы—Смоленскъ, Полоцкъ, Кіевъ и другіе города, Иванъ III, *„за дальностью разстоянія"*, не только отказался дѣйствовать противъ турокъ, но завязалъ сношенія съ султаномъ Баязетомъ, чтобы не встрѣтить съ его стороны препятствій къ своему союзу съ крымскимъ ханомъ.

Василій III, продолжая политику своего отца по объединенію русскаго племени, умѣло находилъ себѣ союзниковъ среди правителей другихъ странъ. Такъ, собираясь воевать съ Польшею изъ-за русскихъ удѣловъ, онъ завязалъ сношенія съ Максимиліаномъ Австрійскимъ и заключилъ съ нимъ договоръ, по которому Максимиліанъ обязывался напасть на Польшу. Каждый изъ союзниковъ обязывался

помогать другому въ добываніи своихъ вотчинъ: Василій III западно-русской земли, а Максимиліанъ—венгерской.

Имъ же, Василіемъ, былъ заключенъ союзъ съ датскимъ королемъ Христіаномъ противъ Швеціи и Польши и съ Альбрехтомъ Брандепбургскимъ противъ Польши и Литвы. Былъ заключенъ также договоръ съ Ганзою и даже съ турецкимъ султаномъ.

Царь Иванъ IV, пробиваясь черезъ Казань и Астрахань къ Каспійскому морю, въ то же время въ интересахъ русскаго сѣвера принималъ мѣры къ оживленію внѣшней торговли въ Архангельскѣ и въ этихъ видахъ завязалъ и поддерживалъ сношенія съ Англіею.

Царевна Софія, собираясь воевать съ турками за выходъ къ Черному морю, заключила союзъ съ Австріею, Польшею и Венеціею.

Петръ все свое царствованіе, въ цѣляхъ обезпеченія русскихъ предѣловъ со стороны Турціи, поддерживаетъ дружескія отношенія съ Австріею.

Екатерина I и Елисавета слѣдовали политикѣ Петра I.

Екатерина II нарушила эту политику въ томъ, что пыталась одновременно дружить съ Австріею и съ Пруссіею: съ Австріею по турецкимъ, а съ Пруссіею по польскимъ дѣламъ.

Въ XIX столѣтіи наша внѣшняя политика перестала быть національною. Вмѣсто заботъ о Россіи и русскомъ племени на главное мѣсто были поставлены заботы объ управленіи судьбами другихъ народовъ и государствъ. Обезсиливъ Россію внутри, эта политика не была оцѣнена и тѣми народами, для которыхъ Россія трудилась. Вмѣсто благодарности народы Европы—австрійцы, пруссаки, англичане, французы, италіанцы, турки,—приходили на русскую землю въ 1812 и 1855 годахъ съ цѣлью прекратить вмѣшательство Россіи въ чужія дѣла.

Содѣйствіе собиранію и укрѣпленію Руси со стороны правящаго класса и духовенства.

Московскій государь правилъ государствомъ при содѣйствіи новаго образовавшагося вокругъ него класса—бояръ. По мѣрѣ усиленія Москвы къ ней все болѣе тяготѣли верхніе слои общества, даже удѣловъ, еще не присоединенныхъ къ Москвѣ. Ихъ привлекала болѣе выгодная служба. Князья изъ удѣловъ, попавшихъ подъ власть Литвы, переходили по религіознымъ побужденіямъ въ подданство Москвы, и для нихъ борьба съ Литвою была дѣломъ, близкимъ ихъ сердцу.

Съ возвышеніемъ власти Московскаго великаго князя улучшалось и положеніе боярскаго класса.

Въ періодъ Кіевской Руси власть съ княземъ раздѣляли дружины. Въ Московской Руси эту власть раздѣляли бояре и духовенство. Въ Кіевской Руси богатѣлъ князь, богатѣла и его дружина. Такъ и въ Московской Руси: каждое новое присоединеніе къ Москвѣ было выгодно

боярамъ, давало имъ новыя мѣста и новые доходы. Тѣсная связь и симпатіи связываютъ великаго князя съ его боярами. Еще Симеонъ Гордый въ своемъ завѣщаніи указывалъ наслѣдникамъ своимъ: „слушали бы вы во всемъ отца нашего, владыку Алексѣя, да старыхъ бояръ, которые отцамъ нашимъ и намъ добра хотѣли".

Боярскій совѣтъ въ XV и XVI столѣтіяхъ сталъ необходимымъ государственнымъ учрежденіемъ, а лица, въ совѣтѣ участвовавшія, обратились въ общественный классъ, смотрѣвшій на свою роль совѣтниковъ государя какъ на свое политическое право.

Иванъ III относился съ довѣріемъ къ боярской думѣ. По мнѣнію Курбскаго, Иванъ III потому такъ далеко границы свои раздвинулъ, что „много совѣтовался съ мудрыми совѣтниками и ничего не начиналъ безъ глубочайшаго и многаго совѣта" [1]).

Положеніе нѣсколько измѣнилось, когда въ Москву прибыла греческая царевна и завела сложный и пышный этикетъ при дворѣ. Ея вліяніе сказалось и на Иванѣ III.

По мнѣнію бояръ, съ прибытіемъ чужестранки: „все труднѣе и рискованнѣе стало говорить навстрѣчу державному".

Съ Ивана IV боярская дума получаетъ значеніе только совѣщательное, но затѣмъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и его преемникахъ значеніе думы снова увеличивается и до Петра I руководство всѣмъ управленіемъ въ Московскомъ государствѣ было сосредоточено въ боярской думѣ.

Во многихъ случаяхъ бояре безстрашно говорили правду своимъ государямъ, защищая русское дѣло, которое въ то же время было и дѣломъ государевымъ.

Петръ I замѣнилъ думу всесословнымъ сенатомъ.

По дѣламъ исключительнымъ, особенно касающимся войны и мира, Московскіе государи собирали представителей русскаго племени всѣхъ сословій въ великую *Земскую Думу* [2]) и въ своихъ рѣшеніяхъ опирались на голосъ земскихъ людей. Составъ земскихъ думъ кромѣ отдѣльныхъ случаевъ былъ *исключительно русскій*. Въ предыдущихъ главахъ мы видѣли, какъ правильно смотрѣли земскіе люди на государственныя задачи. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ вопросѣ объ Азовѣ они пріостановили царя отъ предпріятія, еще непосильнаго для Россіи. При Алексѣѣ Михайловичѣ по вопросу о присоединеніи Малороссіи земскіе люди указали государю на своевременность соединенія малорусскаго племени съ великорусскимъ, особенно опираясь на необходимость охраны православія. Точно также Земская Дума высказалась и за войну съ Литвою съ цѣлью присоединенія къ Московской Руси удѣловъ съ бѣлорусскимъ населеніемъ.

Глубокое пониманіе истинныхъ нуждъ русскаго населенія у

---

[1]) П. Милюковъ, ч. I, стр. 298.

[2]) Или Земскій Соборъ.

представителей земли русской, собранныхъ въ Земскую Думу въ 1642 году, заслуживаетъ особаго вниманія.

Главныя нужды русскаго населенія, опредѣленныя этою думою 250 лѣтъ тому назадъ и указанныя выше въ настоящей главѣ, остались неудовлетворенными до сихъ поръ.

Удовлетвореніе этихъ нуждъ можетъ и нынѣ составить опредѣленную русскую программу для дѣятельности Государственной Думы, особенно послѣ освобожденія этой Думы отъ не русскихъ элементовъ.

Роль православнаго духовенства въ дѣлѣ собиранія и укрѣпленія русской земли огромна и благодѣтельна. Русское духовенство всегда было твердо національно и энергично помогало до начала XVIII столѣтія правителямъ Россіи и войску въ исполненіи историческихъ задачъ Россіи.

Въ XIV вѣкѣ святитель Петръ умеръ страдальцемъ за русскую землю. Онъ предсказалъ возвышеніе Москвы и пожелалъ быть въ ней похороненнымъ. Онъ же высказался за перенесеніе митрополіи изъ Владиміра въ Москву. Съ этого времени Москва становится не только политическимъ, но и духовнымъ центромъ для русскаго населенія.

Митрополиты всѣми своими силами помогали возвышенію Москвы и противъ враговъ Московскаго князя употребляли иногда церковное запрещеніе. Такъ, при Иванѣ Калитѣ, Пскову и князю Александру было послано отлученіе, пока Александръ не исполнилъ воли Московскаго князя.

Митрополитъ Алексѣй вмѣстѣ съ боярами помогалъ кроткому сыну Симеона Гордаго въ управленіи государствомъ.

При Дмитріи Донскомъ Св. Сергій, игуменъ и основатель Троице-Сергіевской лавры, явился по порученію митрополита Алексѣя, въ Нижній-Новгородъ, заперъ тамъ храмы и прекратилъ церковныя службы, пока Нижегородскій князь не исполнилъ воли Дмитрія Донского.

Тотъ же святитель Сергій мирилъ Рязанскаго князя Олега съ Дмитріемъ Донскимъ.

Во многихъ случаяхъ, какъ будетъ повторено ниже, представители духовенства въ наиболѣе тяжелые періоды русской исторіи поддерживали духъ русскихъ государей и русскаго народа. Твердо отстаивая русскую церковь, православную вѣру и русскую старину, они часто принимали мученическій вѣнецъ въ ордѣ и отъ такихъ извергов, какимъ сталъ къ концу своего правленія Иванъ IV.

Напомнимъ уже помѣщенное нами въ III-й главѣ мнѣніе В. Ключевскаго, что сочувствіе со стороны церковнаго общества, быть можетъ, болѣе всего содѣйствовало росту политическаго и національнаго значенія Московскаго князя [1]).

---

[1]) В. Ключевскій, т. I, стр. 199.

Такъ шло до начала XVIII столѣтія.

Съ уничтоженіемъ Петромъ I патріаршаго престола и замѣною власти патріарха властью Синода значеніе духовенства на Руси быстро ослабѣло. Прибавимъ, что во второй половинѣ XIX столѣтія дѣйствительнымъ главою всего духовенства въ Россіи былъ чиновникъ К. П. Побѣдоносцевъ. Человѣкъ высокаго ума и религіозности, онъ принадлежалъ къ общественнымъ дѣятелямъ, сильнымъ въ критикѣ, но очень слабымъ въ созиданіи. Не по его силамъ, поэтому, было поднять на Руси значеніе духовенства.

Упорное преслѣдованіе собирателями русской земли историческихъ задачъ Россіи.

Въ предыдущихъ главахъ изложено, съ какимъ неизмѣннымъ упорствомъ и терпѣніемъ Московскіе великіе князья, получивъ преемственно не оконченныя историческія задачи, продвигали ихъ впередъ, приводя къ окончанію одинъ изъ нихъ и въ свою очередь передавая не оконченныя своимъ преемникамъ. Всѣ они крѣпко блюли завѣтъ Симеона Гордаго, чтобы зажженная свѣча по собиранію Руси не погасла. Первоначально всѣ заботы князей въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній направлялись на освобожденіе отъ татарскаго ига, на собираніе великорусскаго племени и затѣмъ на борьбу съ татарами за выходъ къ Каспійскому морю.

Потребовалось произвести десять походовъ на Казань и два на Астрахань, чтобы добиться этой цѣли. Неудачи только заставляютъ напрягать еще большія усилія. Покончивъ съ татарами и съ объединеніемъ великорусскаго племени, на очередь ставятся задачи по объединенію съ великорусскимъ племенемъ племенъ: бѣлорусскаго и малороссійскаго и задачи по выходу къ морямъ Балтійскому и Черному.

Для русскаго племени надо было создать и соотвѣтствующую естественнымъ рубежамъ русскую территорію.

Упорно преслѣдуя эти цѣли, наши государи, начиная съ Ивана III, тяжко напрягаютъ силы великорусскаго племени въ борьбѣ съ Литвою, Польшею, Ливоніею и Швеціею, крымскими татарами и турками. Кромѣ татаръ и турокъ, остальные противники Россіи были болѣе ея культурны, имѣли болѣе опытныя и часто лучше предводимыя войска. Много тяжелыхъ неудачъ приходилось переносить собирателямъ русской земли. Они видѣли свои рати разбитыми, видѣли взятые ими съ огромными трудами древніе русскіе города, какъ Смоленскъ, Полоцкъ, вновь потерянными. Имъ приходилось спасаться изъ Москвы, угрожаемой татарами; приходилось видѣть многіе великорусскіе города, въ томъ числѣ Новгородъ, во вражескихъ рукахъ. Народные бунты, болѣзни ослабляли Россію. Бѣдность населенія и

неудовлетворительность войска несоотвѣтствовали поставленнымъ задачамъ. Но неуклонно одинъ за другимъ, идя по намѣченному еще въ XIV столѣтіи пути, не смущаясь неудачами, наши государи невозможное сдѣлали возможнымъ.

Смутное время прекратило дѣятельность по собиранію Руси. Явилась опасность, что вся работа Московскихъ великихъ князей, съ Ивана Калиты до Ивана IV включительно, окажется разрушенною, и Московское государство, освободившись отъ татарскаго ига, подпадетъ подъ иго польское. Но Промыслъ Божій хранилъ Россію для господства въ ней русскаго племени, и съ воцареніемъ дома Романовыхъ работа по собиранію Руси немедленно возобновляется.

Царь Алексѣй Михайловичъ почти все свое тридцатилѣтнее царствованіе ведетъ тяжкую борьбу на три фронта и кладетъ прочное начало присоединенію къ Руси племенъ бѣлорусскаго и малороссійскаго.

Великій Петръ 21 годъ воюетъ со Швеціею за выходъ Россіи къ Балтійскому морю. Тяжелая неудача подъ Нарвою только увеличиваетъ его энергію. Девять лѣтъ крайняго напряженія силъ своихъ и силъ русскаго народа приводятъ къ побѣдѣ подъ Полтавою.

Преемники великаго государя продолжаютъ его дѣло по закрѣпленію нашего положенія на Балтійскомъ и Финскомъ побережьяхъ.

На долю Великой Екатерины выпадаетъ окончить историческія задачи Россіи по выходу къ Черному морю и объединенію племенъ великорусскаго, малороссійскаго и бѣлорусскаго.

34 года своего царствованія она непрерывно посвятила этимъ задачамъ, не только не ослабѣвая сама духомъ при неудачахъ и затрудненіяхъ, но даже поднимая духъ лицъ, которымъ ввѣрено было командованіе арміею.

Припомнимъ, это когда Потемкинъ, упавъ духомъ въ войну 1787 - 1791 гг. послѣ неудачи нашего флота, собирался очистить Крымъ и отступить, Екатерина II ему писала, что дѣла, ему порученныя, требуютъ *„непоколебимаго терпѣнія“*.

На счастье великой государыни и Россіи исполненіе въ вѣкъ Екатерины русскихъ историческихъ задачъ облегчалось наличностью такихъ исполнителей, какъ Румянцевъ и великій Суворовъ.

Штурмомъ Измаила Суворову привелось положить конецъ борьбѣ за выходъ Россіи къ Черному морю. Штурмъ Праги послужилъ къ окончанію другой исторической задачи Россіи—присоединенію къ ней еще остававшихся подъ властью Польши бѣлоруссовъ и малороссовъ.

Что содѣйствовало при выполненіи историческихъ задачъ Россіи русскому войску и русскому народу.

Огромная самоотверженная работа нашихъ войскъ по выполненію

историческихъ важныхъ задачъ, на нихъ возложенныхъ въ XIV—XVIII столѣтіяхъ, составляющая предметъ настоящаго труда—изложена въ предыдущихъ главахъ. Здѣсь мы подчеркнемъ еще разъ основную особенность русскихъ войскъ—быстро оправляться отъ постигшихъ ихъ неудачъ; способность закаляться въ неудачахъ.

Работою русской арміи главнымъ образомъ создалась великая Россія. Но если работа была успѣшна, то очевидно, что эта заслуга относится ко всему русскому народу, ибо русская армія и русскій народъ въ этой работѣ не могутъ быть раздѣляемы.

Наша армія въ войнахъ XIV—XVIII столѣтій, особенно въ послѣднемъ, проявила высокія духовныя силы. Очевидно, что эти силы заключались въ самомъ русскомъ народѣ. Поэтому оцѣнка арміи есть въ то же время оцѣнка и народа, выставившаго эту армію, и обратно.

Мы видѣли, какія чрезвычайныя трудности приходилось преодолѣвать русскому войску и народу въ борьбѣ, въ теченіе пяти вѣковъ, за созданіе Россіи. Народъ былъ бѣденъ, невѣжественъ, угнетенъ. Что же ему помогало выйти побѣдителемъ противъ сильнѣйшихъ его, то численностью, то культурою, противниковъ?

Прежде всего возникаетъ вопросъ: правы ли были современники въ родѣ Крижанича, Посошкова и другихъ, которые свидѣтельствовали о чрезвычайныхъ недостаткахъ русскаго населенія XVII столѣтія. Такъ, Крижанинъ считалъ русскихъ лѣнивыми, расточительными, пьяницами, не мужественными въ бою, не промышленными. Онъ считалъ, что русскій человѣкъ самъ себѣ не хочетъ добра, если силою не будетъ принужденъ [1]).

Посошковъ находилъ, что крестьянское житье въ XVII столѣтіи было скудно ни отъ чего иного, какъ отъ собственной лѣни.

Даже историкъ С. Соловьевъ, дѣлая оцѣнку внутренняго состоянія Россіи въ концѣ XVII столѣтія, пишетъ о лѣни населенія и стремленіи „отбывать отъ дѣятельности“ [2]).

Могло ли однако населеніе съ такими недостатками дать въ XVII и XVIII столѣтіяхъ работу, которая создала и укрѣпила Россію? Могло ли это лѣнивое, пьяное населеніе, выдержавъ ранѣе борьбу съ татарами, въ XVII и XVIII столѣтіяхъ побѣдить Литву, Польшу, шведовъ, ливонцевъ, турокъ? Могло ли оно выставить въ XVIII столѣтіи армію, ставшую на первое мѣсто среди армій Европы? Могло ли, наконецъ, лѣнивое и пьяное населеніе выдержать крайнее напряженіе своихъ силъ и средствъ, чтобы поддерживать государственную власть, строить города, проводить дороги, содержать многочисленную армію, отбывать многочисленныя повинности, выдержать преобразовательную дѣятельность Петра I. Очевидно, что отзывы современниковъ всѣхъ вѣковъ (включительно до настоящаго времени) о русскомъ человѣкѣ

---

[1]) Соловьевъ, т. 13, стр. 780—787.

[2]) Соловьевъ, т. 16, стр. 230.

односторонни и пристрастны, а выводы о всемъ народѣ сдѣланы на основаніи отдѣльныхъ, хотя и многочисленныхъ, случаевъ.

Только при огромныхъ природныхъ силахъ, дарованіяхъ, религіозности, чрезвычайной выносливости въ трудѣ и лишеніяхъ, несокрушимомъ неудачами мужествѣ русскій народъ могъ выйти побѣдителемъ изъ всѣхъ тяжкихъ испытаній, выпавшихъ на его долю въ тысячелѣтній періодъ его исторіи. Но условія жизни населенія были такъ тяжелы, что для проявленія этихъ силъ съ такимъ несомнѣннымъ успѣхомъ необходима была особо благопріятная къ тому обстановка. Въ чемъ же эта благопріятная обстановка заключалась для русскаго народа? Прежде всего въ томъ, что уже съ XIII вѣка явилась сильная власть, которая могла начать собирать Россію и направлять усилія всѣхъ къ опредѣленнымъ цѣлямъ.

Царская власть, поддержанная церковью, стала священною для русскаго народа.

Еще въ первыхъ русскихъ дружинахъ признавалось постыднымъ выйти живымъ изъ боя, въ которомъ палъ князь, начальствовавшій дружиною. Когда Святославъ, собираясь прорваться изъ Силистріи, говоритъ своимъ воинамъ: „я пойду передъ вами и если голова моя ляжетъ, тогда промышляйте о себѣ“, воины отвѣтили: „гдѣ твоя голова ляжетъ, тамъ и мы свои сложимъ“.

Въ послѣдующихъ военныхъ дѣйствіяхъ много богатырей и славныхъ ратныхъ людей сложили свои головы, защищая своихъ князей. Клали свои головы за своихъ князей русскіе люди и въ ордѣ, раздѣляя съ ними мученическую смерть.

Такъ, въ ордѣ вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ Черниговскимъ былъ убитъ и его боярин Федоръ.

Когда наши цари посылали свои рати противъ татаръ, войска заявляли, что за государей своихъ и за христіанство они готовы положить свои головы. Въ смутное время подвигъ Ивана Сусанина, одинъ изъ многихъ, еще разъ доказалъ, что русскіе люди умирали за царя не на словахъ только. Воины царя Алексѣя Михайловича, посылаемые въ походъ на Литву и Польшу, отвѣчали, что они за своего государя положатъ головы.

Отношеніе русскаго человѣка къ царской власти лучше всего выражается народнымъ взглядомъ на царя какъ на *царя-батюшку*.

Одновременно, представляя себѣ нашу родину *матушкою-Россіею*, народъ русскій объединяетъ въ своихъ сыновнихъ чувствахъ царя-батюшку и Россію-матушку.

Затѣмъ, благопріятная обстановка заключалась въ томъ, что во главѣ русскаго народа въ теченіе періода созданія Россіи стоялъ цѣлый рядъ правителей, преемственно и неуклонно шедшихъ къ намѣченнымъ цѣлямъ по сбору русской земли, расширенію ея естественныхъ рубежей, созданію „Россіи для русскихъ“. Цѣли, которымъ преемственно, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, стремились

наши государи, были цѣлями, понятными всему населенію, близкими его сердцу и важными для его будущности. Это были цѣли несомнѣнно эгоистическія съ точки зрѣнія общей морали, но *вполнѣ національныя.*

Затѣмъ наши правители, имѣя въ населеніи огромный запасъ силъ, терпѣнія, трудолюбія и мужества, широко пользовались этими силами, опираясь на поддержку духовенства и верховъ общества.

Жертвы, освященныя духовною властью, переносились легче вѣрующимъ населеніемъ и въ мирное и въ военное время, а въ нѣкоторыхъ особо-серьезныхъ случаяхъ призывъ къ жертвамъ духовенства вызывалъ религіозное возбужденіе, очень облегчавшее побѣду.

Постоять за православную вѣру, умереть за нее — служило для милліоновъ русскихъ бойцовъ въ теченіе многихъ вѣковъ путеводною нитью въ ихъ поведеніи. Въ ихъ простомъ мировоззрѣніи это была понятная и близкая ихъ сердцу жертва.

Русскому православному населенію съ XIII вѣка шла угроза съ востока отъ магометанъ и язычниковъ и съ запада отъ католиковъ. Въ каждомъ изъ этихъ направленій и развивалось сопротивленіе православнаго населенія, особо энергично выражавшееся въ рѣшительные періоды нашей исторіи.

Въ XIV столѣтіи Дмитрій Донской, собираясь въ походъ противъ полчищъ Мамая, при торжественной обстановкѣ совершаетъ шествіе въ Троицкую Лавру. Игуменъ Сергій благословляетъ его на подвигъ и даетъ ему въ спутники двухъ богатырей-монаховъ. Передъ Куликовскою битвою настроеніе русскихъ было приподнятое, какъ въ религіозномъ, такъ и въ патріотическомъ отношеніяхъ.

Въ XV столѣтіи, когда татары подступили къ Москвѣ, Васіанъ, архіепископъ Ростовскій, смѣло и рѣзко указывалъ Ивану III на необходимость ѣхать изъ Москвы въ армію на защиту христіанства отъ невѣрныхъ. Онъ ему говорилъ между прочимъ: „зачѣмъ боишься смерти? Развѣ ты безсмертенъ?“ „Проспалъ, если князь не поѣдетъ, послать его, старца, къ войскамъ.

Въ XVI столѣтіи во время одного изъ походовъ на Казань (въ 1540 г.) войска, которыя хотѣли остановить отъ похода, отвѣчали: „рады государю служить и за христіанство головы положить“.

Въ томъ же столѣтіи, при вторженіи въ русскіе предѣлы крымскаго хана Сапба, былъ осажденъ городъ Псковъ и отъ воеводы Жулябина потребовали сдачи. Воевода отвѣчалъ: „Божіимъ велѣніемъ городъ ставится и безъ Божьяго велѣнія кто его можетъ взять“.

Въ началѣ XVII столѣтія въ смутное время первые начали поднимать Русь на отпоръ врагамъ внѣшнимъ и внутреннимъ патріархъ Гермогенъ съ своими помощниками -архимандритомъ Діони-

сіемъ и келаремъ Авраамомъ Палицинымъ. Всѣ эти лица призывали въ разсылаемыхъ грамотахъ встать за православную вѣру и родину.

Діонисій, архимандритъ Троицко-Сергіевскаго монастыря, разсылалъ лѣтомъ 1611 года грамоты въ Казань, во всѣ понизовые города, въ Новгородъ Великій, въ Поморье, въ Вологду, въ Пермь. Онъ призывалъ „вспомнить истинную христіанскую вѣру и всѣмъ соединиться противъ предателей христіанскихъ и противъ вѣчныхъ враговъ христіанства: польскихъ и литовскихъ людей. Иначе погибнетъ Московское государство. Онъ призывалъ всѣхъ потрудиться для избавленія православной христіанской вѣры".

Мининъ собирался въ Нижнемъ-Новгородѣ вступиться за истинную православную вѣру и помочь Московскому государству.

Патріархъ Гермогенъ на уговоры поляковъ, чтобы онъ остановилъ движеніе къ Москвѣ рати кн. Пожарскаго, отвѣтилъ: „да будутъ благословенны тѣ, которые идутъ для очищенія Московскаго государства, а вы — измѣнники—будьте прокляты". Поляки замучили за эти слова Гермогена голодною смертью.

Въ серединѣ XVII столѣтія царь Алексѣй Михаиловичъ, собравъ многочисленное войско для борьбы съ Литвою съ цѣлью объединенія русскаго племени (Смоленска, Витебска, Кіева), въ своей рѣчи къ пировавшимъ у него воинамъ указывалъ на злыя гоненія въ русско-литовскихъ мѣстностяхъ на православную вѣру. Воины отвѣчали, что они готовы за православную вѣру, за своего государя и за всѣхъ православныхъ христіанъ безъ всякой пощады положить свои головы.

Земскій соборъ въ 1653 году, созванный для обсужденія вопроса, принимать ли въ подданство Малороссію, — высказался за войну съ Польшею: „За честь царей Михаила и Алексѣя стоять, Малороссію принять подъ высокую руку для православной христіанской вѣры и святыхъ Божіихъ церквей".

Въ началѣ XVIII столѣтія въ приказъ Петра Великаго передъ Полтавскою битвою указывалось, что пришелъ часъ постоять за православную нашу вѣру и церковь. Правда и Богъ должны были служить защитою.

Наконецъ въ войнахъ XVIII столѣтія съ турками всюду выдвигался религіозный характеръ борьбы съ ними. Такъ, при объявленіи въ 1711 году народу о войнѣ съ турками указывалось, что они враги имени Христова.

Во всѣхъ войнахъ съ турками въ понятіи нашихъ войскъ они были бусурманы и борьба съ ними была борьбою за вѣру христіанскую.

Религіозное чувство массы русскаго народа давало ему силы переносить всѣ невзгоды, переносить тяжкую жизненную обстановку, обиды, притѣсненія, бѣдность, тяжкій, дурно оплачиваемый трудъ. Вѣра, что „на все воля Господня" являлась великимъ утѣшеніемъ и опорою.

Трогателенъ и важенъ русскій обычай всякое дѣло начинать молитвою или крестнымъ знаменіемъ. Крестьянинъ крестится, выходя на работу, садясь за свой обѣдъ и ужинъ, крестится, бросаясь въ воду спасать утопающаго или бросаясь въ огонь спасать погибающихъ на пожарѣ. Трогателенъ и обычай, по которому, проходя мимо работающаго въ полѣ, каждый скажетъ: „Богъ въ помощь“ или „помогай Богъ“. Вѣра въ промыслъ Божій не оставляетъ крестьянина до самой смерти и помогаетъ ему умирать съ удивительнымъ спокойствіемъ. Въ понятіи русскаго народа защита православной вѣры сливается съ понятіемъ защиты родины. „Святая Русь“ — въ этомъ словѣ соединяются понятія религіозныя и національно-патріотическія.

Вѣрующій крестьянинъ, купецъ, дворянинъ въ высокой степени обладаютъ главнымъ достоинствомъ и для воина: *онъ боится смерти менѣе невѣрующаго.* Это главное. Вѣрующій легче переноситъ всѣ трудности военной службы и подчиняется дисциплинѣ. Главная масса нашихъ войскъ въ войнахъ XIII — XIX столѣтій была православная и вѣрующая. Вѣра помогала переносить легче пораженія: вѣра двигала на подвиги съ цѣлью защиты православныхъ, угнетенныхъ мусульманами или католиками.

Войска чѣмъ ближе стоятъ къ опасности, тѣмъ болѣе дорожатъ, чтобы твердо соблюдались религіознаго характера обычаи, вкоренившіеся въ войскахъ. Трудно представить себѣ, какое успокоительное и укрѣпляющее дѣйствіе производитъ, напримѣръ, послѣ сильнаго боя на уцѣлѣвшихъ воиновъ общая молитва. Даже разбитые и безпорядочно отступившіе, но собранные и выстроенные порѣдѣвшіе ряды ротъ, чтобы пропѣть передъ скуднымъ обѣдомъ молитву, сразу успокаиваются и, отдохнувъ нѣсколько часовъ, уже опять готовы въ новый тяжелый бой. Войска молятся, начиная и оканчивая день, молятся передъ ѣдою и послѣ нея. Особо благоговѣйно осѣняютъ себя крестомъ и укрѣпляютъ молитвою войска, идущія въ бой.

Биваки войскъ передъ серьезнымъ боемъ тихи. Настроеніе войскъ серьезное, торжественное въ своей простотѣ. Готовясь къ смерти, воины надѣваютъ чистое бѣлье, передаютъ другъ другу свои распоряженія на случай, если будутъ убиты. Обычныя солдатскія шутки, остроты, вызывающія обыкновенно смѣхъ, и отвѣтныя шутки встрѣчаются укоромъ.

Кто близко видѣлъ обнаженныя головы тысячъ людей передъ движеніемъ на штурмъ, видѣлъ серьезныя лица, губы, шепчущія молитвы видѣлъ затѣмъ то спокойствіе, которое овладѣвало массою послѣ молитвы, отдавшей ихъ на волю Божію, тотъ никогда не забудетъ этого зрѣлища и пойметъ, какую страшную силу мы имѣемъ въ религіозности нашихъ войскъ.

Многіе изъ тѣхъ, которые расшатываютъ эту вѣру, не понимаютъ, что они подкапываютъ корни у дерева, которое ихъ кормитъ.

Несомнѣнно, такимъ образомъ, то огромное и благодѣтельное значеніе, которое имѣла религіозность русскаго народа и русскаго воинства при выполненіи ими тяжкихъ историческихъ задачъ, на ихъ долю выпавшихъ.

Русское духовенство въ XIII—XVIII столѣтіяхъ является выразителемъ религіозности всего народа и въ то же время всегда было твердо національно. Помощь духовенства народу и войску во всѣхъ случаяхъ его исторической жизни была огромная.

Вмѣстѣ съ готовностью жертвовать жизнью за батюшку-царя и православную вѣру въ народномъ сознаніи, благодаря національной политикѣ нашихъ государей, поддержанной духовенствомъ, выростало и сознаніе необходимости жертвовать всѣмъ за родину и за отечество.

Уже въ первыхъ русскихъ дружинахъ жило гордое сознаніе принадлежности къ русскому племени, привязанности къ русской землѣ. Готовясь въ кровавый бой съ многочисленными врагами, дружина Святослава даетъ обѣтъ: „не посрамить русской земли“.

На Куликовомъ полѣ наши воины клали свои головы, чтобы освободить свою родину отъ татаръ. Мининъ въ смутное время призываетъ народъ выручить и постоять за отечество—Московское государство.

Патріархъ Гермогенъ умираетъ мученическою смертью, благословляя тѣхъ воиновъ, которые шли для очищенія отъ враговъ Московскаго государства.

Петръ Великій въ своемъ безсмертномъ приказѣ передъ Полтавскою битвою призываетъ русскихъ воиновъ сражаться за родъ свой, за отечество, за государство, ему врученное.

Свой приказъ Петръ I заканчиваетъ словами, высокій патріотизмъ которыхъ останется навѣки для всѣхъ будущихъ поколѣній примѣромъ: „а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, *жила бы только Россія, благочестіе, слава и благосостояніе ея*“.

Развитію, въ сознаніи русскаго народа, необходимости въ минуту опасности жертвовать всѣмъ для родины очень помогала простая національная политика нашихъ государей XVI—XVIII столѣтій. Необходимость воевать для защиты русской земли,—своей родины, съ татарами, литовцами, поляками, шведами была понятна и ясна всему населенію и, чѣмъ ближе стояло населеніе той или другой мѣстности Руси къ опасности, тѣмъ сознательнѣе понимало необходимость принесенія жертвы для защиты родной земли.

Всѣ войны, веденныя Россіею, отмѣчены высокими подвигами воинскихъ чиновъ всѣхъ степеней, совершенными ими „за вѣру, царя и отечество“.

Не было подвига, совершить который не находилось бы охотниковъ. Перекрестившись, они смѣло шли на вѣрную смерть.

Перечислить эти подвиги нѣтъ возможности. Большинство героевъ,

свершившихъ ихъ, остались неизвѣстными. Да они и не искали извѣстности, славы. Напомню изъ послѣднихъ войнъ, веденныхъ Россіею, три подвига, наиболѣе извѣстные.

Во время Кавказской войны рядовой Архипъ Осиповъ, благословляемый священникомъ, смѣло взрываетъ пороховой погребъ въ укрѣпленіи, въ которое врываются уже горцы. Готовность нашихъ воиновъ умирать за вѣру, царя и отечество, умирать по присягѣ сохранилась и въ настоящее время. Въ 1881 году при осадѣ Геокъ-Тепе взятый въ плѣнъ артиллеристъ Агафоновъ далъ себя медленно замучить, но, по присягѣ, не научилъ дѣйствовать текинцевъ изъ взятаго ими у насъ орудія.

Въ русско-японскую войну въ 1904 г. рядовой Василій Рябовъ, производившій, переодѣтымъ въ китайское платье, развѣдку, былъ схваченъ японцами, судимъ и приговоренъ къ смертной казни. Согласно съ письменными заявленіями самихъ японцевъ, Рябовъ на вопросъ: не имѣетъ ли что сказать передъ смертью, отвѣтилъ: „готовъ умереть за царя, за отечество и за вѣру“, и умеръ героемъ.

Главными двигателями русскаго племени при свершеніи имъ великаго подвига въ теченіе тысячелѣтія созданія Русскаго государства,—*были преданность вѣрѣ, царю и родинѣ.*

Нашъ русскій девизъ „за вѣру, царя и отечество“ не составляетъ такимъ образомъ кабинетнаго измышленія, а явился результатомъ всей исторіи русскаго племени.

Русскому человѣку и русскому воину непонятна была бы рѣчь Наполеона въ Египтѣ, гдѣ онъ возбуждаетъ къ подвигамъ своихъ воиновъ, указывая, что съ высоты египетскихъ пирамидъ на нихъ смотрятъ нѣсколько тысячелѣтій. Прослушавъ такой призывъ, наши воины стали бы въ недоумѣніи посматривать другъ на друга и по сторонамъ. Но зато призывъ постоять за батюшку-царя, за вѣру православную и за родину во всѣ вѣка находилъ въ ихъ сердцахъ горячій откликъ.

Нашъ историкъ С. Соловьевъ, глубокій знатокъ исторіи русскаго народа, вѣрно подмѣтилъ потребность русскаго человѣка въ жертвѣ въ трудныя минуты, переживаемыя родиною.

Вотъ какъ нашъ маститый историкъ описываетъ подготовлявшійся въ населеніи порывъ принести жертву для окончанія смутнаго времени въ началѣ XVII столѣтія.

„Народъ былъ готовъ встать какъ одинъ человѣкъ; непрерывный рядъ смутъ и бѣдствій не сокрушилъ могучихъ силъ юнаго народа, но очистилъ общество, привелъ его къ сознанію необходимости пожертвовать всѣмъ для спасенія вѣры, угрожаемой врагами внѣшними, и народа государственнаго, которому грозили враги внутренніе, воры *Явились признаки сознанія необходимости нравственнаго очищенія жителей*

[1]) С. Соловьевъ, т. 8, стр. 1009.

для подвига очищенія земли отъ враговъ,—признаки того, что народъ, не видя никакой внѣшней помощи, углубился во внутренній, духовный міръ свой, чтобъ оттуда извлечь средства спасенія“ [1]).

И чѣмъ труднѣе приходилось нашему войску или мирному русскому населенію, тѣмъ яснѣе и ярче сознавалась и зрѣла въ умахъ русскихъ людей необходимость жертвы „за вѣру, царя и отечество“.

Значеніе въ исторіи созданія Руси преданности вѣрѣ, царю, родинѣ такъ обширно и важно, что заслуживаетъ спеціальнаго изслѣдованія. Такая задача мнѣ не по силамъ. Ограничусь, на основаніи знанія русскаго человѣка и русскаго воина и на основаніи изученія русской исторіи, заключеніемъ, что преданность царю, преданность православной вѣрѣ и родинѣ—составляютъ основные устои, на которыхъ создалось Русское государство въ теченіе тысячелѣтія. Въ XIX столѣтіи эти устои стали расшатывать не только чужеземцы, но и русскіе люди. Если ихъ разрушительная работа, не прекращающаяся и нынѣ, не будетъ пріостановлена, то собранному съ такими жертвами Русскому государству *грозитъ распаденіе*.

ГЛАВА XVIII.

Положеніе Россіи въ концѣ XVIII столѣтія.

Необходимость пріостановки внѣшнихъ предпріятій. Расширеніе въ XIX столѣтіи предѣловъ Россіи на Кавказѣ.

Въ предыдущихъ главахъ очерчено тяжелое положеніе Россіи въ концѣ XVII столѣтія. Форсированная работа по внѣшнимъ предпріятіямъ въ теченіе XVIII столѣтія, выпавшая на долю русскаго населенія, хотя и была выполнена съ полнымъ успѣхомъ, но тяжко отразилась на силахъ и средствахъ населенія.

Подати стали поступать неисправно; въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, даже въ Москвѣ, недовольство глубокихъ массъ населенія выразилось бунтами. Пугачевскій бунтъ, благодаря этому недовольству, принялъ обширные размѣры.

Развитіе городовъ, внѣшняя пышность двора и богатыхъ людей, занятія государынею Екатериною II и передовыми русскими людьми вопросами научными, философскими и гуманитарными носили всѣ внѣшніе признаки значительно двинутой впередъ относительно XVII вѣка культуры.

Но масса населенія, простой народъ, этотъ кормилецъ русской земли, оставался бѣденъ, невѣжественъ, плохо защищенъ отъ „неправдъ и неправедныхъ судовъ“, плохо, въ особенности, защищенъ отъ почти безграничнаго произвола помѣщиковъ.

Либеральныя начинанія Екатерины II, ея знаменитый „наказъ“, имѣвшій первоначально цѣлью улучшеніе положенія населенія, въ послѣдующіе годы ея царствованія замѣнился, какъ выражается одинъ изъ историковъ той эпохи, мѣрами, имѣвшими цѣлью затянуть еще туже цѣпи крѣпостного права.

Русское племя, особенно великорусская вѣтвь его, въ теченіе шести столѣтій выносило на себѣ труды и опасности по созданію Россіи. Въ концѣ XVIII столѣтія всѣ національныя задачи, поставленныя еще въ XV столѣтіи, были выполнены.

Послѣ борьбы съ татарами, литовцами, поляками, ливонцами, шведами и турками русское племя объединилось, предѣлы государ-

ства дошли до естественныхъ рубежей: морей Каспійскаго, Балтійскаго и Чернаго. Въ Сибири образовался огромный резервъ земель для будущихъ поколѣній. Казалось бы, настала столь желанная и такъ необходимая пора дать отдыхъ русскому племени, дать ему время и возможность разобраться въ своихъ силахъ и средствахъ, чтобы, безъ судорожной горячки по добыванію податного рубля, приняться за развитіе этихъ силъ и средствъ. Казалось, наступила пора начать брать съ населенія въ казну то, что населеніе могло давать, не останавливая свой культурный ростъ, а не продолжать налагать на населеніе податную въ разныхъ видахъ тяжесть, соображаясь только съ нуждами государства, а не со средствами населенія.

Если коренное населеніе Россіи, прибавляя къ нему и земли, присоединенныя въ XVI и XVII столѣтіяхъ, нуждалось въ отдыхѣ для мирной дѣятельности, то и вновь присоединенныя въ XVIII столѣтіи обширныя мѣстности на сѣверѣ, западѣ и югѣ со сложнымъ, частью не русскимъ населеніемъ нуждались въ обдуманной устроительной работѣ, съ цѣлью въ будущемъ усилить, а не ослабить ими, Россію.

Въ теченіе XVIII столѣтія, работою главнымъ образомъ русской арміи, пространство Россіи увеличилось на 65,000 квадратныхъ миль, въ томъ числѣ въ Европейской Россіи на 16,000 квадратныхъ миль.

Приростъ пространства въ Европейской Россіи произведенъ въ XVIII столѣтіи:

за счетъ Турціи	. . . . .	4,100 кв. м.
„ Польши	. . . . .	8,700 кв. м.
„ Швеціи	. . . . .	3,600 кв. м.

Одни пріобрѣтенія въ Европейской Россіи составили, такимъ образомъ, территорію, пространствомъ большую, чѣмъ нынѣ занимаютъ главнѣйшія государства Европы: Германія, Австро-Венгрія и Франція.

Главную массу присоединеннаго съ этими мѣстностями населенія составляли русскіе: бѣлоруссы и малороссы. Они нуждались въ скорѣйшемъ освобожденіи ихъ отъ матеріальной и духовной зависимости отъ поляковъ и польскаго духовенства. Но для достиженія этого результата тоже требовалась спокойная работа въ теченіе многихъ лѣтъ.

Относительно другихъ народностей предстояло рѣшить трудныя задачи: привести новыхъ подданныхъ Россіи—финновъ, поляковъ, балтійскихъ нѣмцевъ, латышей, литовцевъ, татаръ—въ такое состояніе, чтобы они, даже сохранивъ свою народность и религію, настолько слились своими духовными и матеріальными интересами съ русскимъ племенемъ, чтобы Россія стала для нихъ любимымъ отечествомъ, а знаніе русскаго языка необходимымъ условіемъ дальнѣйшаго развитія.

Нуждалась въ перерывѣ въ своей напряженной боевой дѣятельности и наша армія.

Въ главѣ XVII-й было указано, что наша регулярная армія съ 1700 по 1800 годъ возросла въ семь разъ.

Въ вѣкъ Екатерины—въ полевыхъ войскахъ по штатамъ числилось до 400,000 человѣкъ, а въ поле изъ этой массы могло быть выставлено только *половинное число*. Это и составляло самое больное мѣсто организаціи арміи. Требовалось, по возможности, приблизить штатную численность арміи къ боевому ея составу.

Отпуски на армію, за недостаткомъ денежныхъ средствъ въ странѣ, производились настолько малые, что многія насущныя нужды не были удовлетворены.

Быстрое увеличеніе мощи Россіи, ея побѣды и завоеванія, поставившія Россію въ рядъ первостепенныхъ державъ, въ то же время вызвали недовѣріе къ планамъ Россіи и готовность противодѣйствовать дальнѣйшему ея усиленію.

Дѣла Балканскаго полуострова оказались представляющими большую опасность для Россіи при ея желаніи дальнѣйшаго расширенія предѣловъ Россіи за счетъ Турціи, или при вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла этой державы въ цѣляхъ покровительства ея христіанскимъ подданнымъ.

Въ особенности слѣдовало опасаться соперничества на Балканскомъ полуостровѣ Австріи.

Въ XVI-й главѣ указано, какое огромное значеніе придавала Австрія турецкимъ мѣстностямъ, населеннымъ сербскимъ племенемъ, а также княжествамъ Молдавіи и Валахіи.

Послѣ побѣдъ русскихъ войскъ въ войну 1787—1790 годовъ уже выказалось соглашеніе европейскихъ державъ не допускать Россію воспользоваться плодами этихъ побѣдъ. Съ этою цѣлью составился союзъ изъ Англіи, Пруссіи, Австріи и Турціи. Къ этому союзу готовились примкнуть Голландія, Испанія и королевства обѣихъ Сицилій.

Объ условіяхъ мира между Россіею и Турціею на конгрессѣ въ 1790 году въ г. Рейхенбахѣ разсуждали представители Англіи, Пруссіи, Австріи, Турціи и Голландіи.

Положеніе было очень серьезное, и Россію выручила на этотъ разъ Франція; разразившаяся въ ней революція приняла такіе размѣры, что отвлекла вниманіе всѣхъ державъ отъ русско-турецкихъ дѣлъ и мы могли заключить выгодный договоръ въ г. Ясахъ. Но во всякомъ случаѣ Европа въ Рейхенбахѣ дала Россіи урокъ, которымъ надлежало воспользоваться: надо было не мѣшаться въ чужія дѣла, чтобы не вызвать противъ себя коалиціи державъ.

Такимъ образомъ какъ по внутреннимъ, такъ и по внѣшнимъ дѣламъ въ концѣ XVIII столѣтія обозначилась потребность для Россіи въ продолжительномъ мирѣ.

Потребность населенія Россіи въ мирѣ, по сложнымъ причинамъ, не могла быть удовлетворена. Напротивъ того въ XIX столѣтіи воен-

ная дѣятельность Россіи вышла еще болѣе напряженною, чѣмъ въ предыдущія столѣтія.

Въ XIX столѣтіи Россія вела 15 внѣшнихъ и 3 внутреннія войны. Всѣ эти войны потребовали свыше 67 лѣтъ непрестанной борьбы. Такъ какъ нашимъ войскамъ приходилось дѣйствовать одновременно на разныхъ театрахъ, то въ общей сложности военныя дѣйствія потребовали 124 года войны.

Въ частности употреблено:

на войну съ Турціею	10	лѣтъ	11	мѣсяцевъ.
„ „ Персіею	11	„	11	„
„ „ Наполеономъ	3	„	3	„
„ „ Швеціею	1	„	3	„
„ въ Средней Азіи	30	„	9	„
„ на Кавказѣ	62	„	6	„
„ съ поляками	2	„	—	„
„ „ венграми	1	„	7	„

Всѣ войны, веденныя Россіею въ XIX столѣтіи (кромѣ Кавказской), потребовали выставленія около 5 милліоновъ бойцовъ, и мы потеряли изъ нихъ 600,000 человѣкъ убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими и 800,000 человѣкъ убывшими изъ строя по болѣзни.

Въ войнахъ, веденныхъ въ XVIII столѣтіи, мы выставили въ общей сложности тоже до 5 милл. бойцовъ и общая потеря убитыми, ранеными и больными тоже составила около 1,400,000 чел. Но число убитыхъ, раненыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ въ XVIII столѣтіи составило только 350,000 чел. противъ боевыхъ потерь XIX столѣтія въ 600,000 человѣкъ.

Русская армія исполнила за XIX столѣтіе 250,000 верстъ марша по главнымъ операціоннымъ путямъ и приняла участіе въ 935 полевыхъ сраженіяхъ и бояхъ, въ 367 атакахъ крѣпостей и укрѣпленій и въ 151 оборонѣ укрѣпленныхъ пунктовъ, всего въ 1453 боевыхъ столкновеніяхъ.

Всѣ веденныя въ XIX столѣтіи русскою арміею войны могутъ быть подраздѣлены на три категоріи:

а) войны за упроченіе и расширеніе границъ нашихъ въ Финляндіи [1]), на Кавказѣ и въ Средней-Азіи;

б) войны въ интересахъ обще-европейской политики,

в) войны за освобожденіе народовъ Балканскаго полуострова.

Нужны ли были всѣ эти войны для Россіи и какіе результаты достигнуты этими войнами? Ниже постараемся дать посильный отвѣтъ на этотъ вопросъ.

---

[1]) Войны въ началѣ XIX столѣтія со Швеціею, окончившіяся присоединеніемъ къ Россіи Финляндіи, изложены въ главѣ XI-й.

1) Расширеніе въ XIX столѣтіи границъ Россіи со стороны Кавказа.

Завоеваніе ханствъ Казанскаго и Астраханскаго раздвинуло предѣлы Россіи на юго-востокъ до Каспійскаго моря съ одной стороны и до низовьевъ Дона близъ Азова съ другой стороны. Уже во второй половинѣ XVI столѣтія при Иванѣ IV Грозномъ русскіе люди стали осаживаться со стороны Кавказскаго хребта на р. Терекъ, р. Сунжѣ и даже среди христіанъ-кабардинцевъ. Въ 1561 году Иванъ IV вступилъ въ бракъ съ кабардинскою княжною Маріею Темрюковною и завязалъ сношенія съ кавказскими племенами, сосѣдними Россіи. Въ 1582 г. пятигорскіе черкесы (христіане), жители окрестностей Бештау, тѣснимые татарами, добровольно отдались подъ покровительство русскаго царя Ивана IV Грознаго [1]).

Попытки, сдѣланныя при Иванѣ IV Грозномъ, дать надежную защиту прибѣгнувшимъ къ его покровительству христіанамъ Кавказа не имѣли успѣха. Два похода въ горныя мѣстности Кавказа московскихъ воеводъ Хворостина въ 1594 году и Бутурлина въ 1605 году окончились крупными неудачами, и предѣлы Россіи снова отодвинулись отъ предгорій Кавказскихъ къ Нижней Волгѣ. Но на Кавказскомъ рубежѣ, несмотря на неудачу войскъ, смѣло остались русскіе вольные люди—*терскіе казаки*, которые въ теченіе цѣлаго вѣка, до Петра Великаго, не только самостоятельно отстаивали свою самобытность, но служили передовыми постами русскаго народа, поддерживая связь Москвы съ Кавказомъ, пока государство, обезсиленное внутри смутнымъ временемъ, боролось за свою независимость противъ напора западныхъ сосѣдей.

„Геній Петра Великаго ясно понималъ значеніе Каспійскаго моря, „какъ кратчайшаго пути въ нѣдра передней Азіи, гдѣ Россіи пред„стояла широкая задача — разбудить дремлющій востокъ и стать „посредницей между нимъ и культурнымъ западомъ“.

„Воплотивъ въ себѣ идеалы и стремленія русскаго народа, Петръ, „съ обычной ему рѣшимостью, властной рукой повелъ Россію по „берегамъ Каспія, давъ ей не только Дербентъ и Баку, но даже „приморскія провинціи сѣверной Персіи—Гилянъ, Мазандеранъ и „Астрабадъ“.

„Но ближайшіе преемники Петра, не оцѣнивъ всей важности „сдѣланныхъ имъ пріобрѣтеній для будущности Россіи и уклоняясь „отъ жертвъ, которыхъ требовало удержаніе новыхъ владѣній, отка„зались отъ его завоеваній, такъ что въ первое же десятилѣтіе послѣ „смерти великаго императора дѣло его на Кавказѣ было добровольно „разрушено нами до основанія, и уже въ 1735 году Терекъ снова „сдѣлался границей нашей, какъ за 12 лѣтъ предъ тѣмъ“.

„Геніальная наслѣдница завѣтовъ Петра—Екатерина II снова

[1]) Н. Дубровинъ. Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ, т. II, стр. VIII, изд. 1886 г.

„обратила вниманіе на далекій край, куда стремился ея великій пред-„шественникъ, и въ теченіе славнаго своего царствованія присоеди-„нила Крымъ, Кабарду и перенесла границу нашу на Кубань. По „мановенію ея, сюда, къ подножію Кавказа, перенеслись сыны Запо-„рожья, Волги и Дона служить по старому уряду вѣрѣ святой, право-„славному русскому люду и царю-батюшкѣ. Прочной грашью русской „земли протянулись станицы черноморскихъ, кубанскихъ и терскихъ „казаковъ отъ Чернаго моря до Каспійскаго“ [1]).

Сношенія Россіи съ кавказскими народами въ XVIII столѣтіи все усложняются. Россія является то покровительницею христіанскихъ народностей Закавказья, то мстительницею за набѣги на занятыя уже русскими мѣстности со стороны поселеній кавказскихъ горцевъ. Но въ теченіе XVIII столѣтія Турція и Персія еще были сильными державами и ихъ вліяніе, особенно Турціи, распространялось и на сѣверъ отъ Кавказскаго хребта.

Активная политика Россіи на Кавказѣ въ XVIII столѣтіи могла привести къ войнѣ съ этими державами. Между тѣмъ, интересы Россіи на Кавказѣ въ XVIII столѣтіи были еще такъ незначительны, что отвлекать силы Россіи отъ выполненія другихъ задачъ на западѣ и югѣ для Кавказа было бы невыгодно.

Вотъ почему наши попытки утвердиться на Кавказѣ въ XVIII столѣтіи, кромѣ походовъ Петра I въ началѣ этого столѣтія, носили очень нерѣшительный характеръ. Мы принимали въ подданство и покровительство разные христіанскіе народы Закавказья, но отказывались защищать ихъ силою оружія, когда противъ нашихъ новыхъ подданныхъ двинулись персы. Но когда, въ концѣ XVIII столѣтія, подъ ударами русскаго оружія Турція ослабѣла, начали развиваться и наши планы по отношенію къ Кавказу. Въ началѣ XIX столѣтія нашими войсками послѣ слабаго сопротивленія разбиваются и силы Персіи. Россія, уже не опасаясь Персіи и Турціи, можетъ проявить активную политику по отношенію къ Кавказу.

Долгое время, включительно до Павла I, предполагалось не расширять нашихъ владѣній вглубь Кавказскаго перешейка, а ограничиться сильнымъ укрѣпленіемъ такъ называемой *Кавказской линіи* по рѣкамъ Тереку и Кубани. Но, по очень сложнымъ причинамъ, Россія вынуждена была начать завоеваніе Кавказа, которое тянулось въ XIX столѣтіи 62 года и закончилось лишь въ 1864 году.

Главною причиною, вынудившею Россію взяться за оружіе, были непрерывные набѣги воинственныхъ горскихъ племенъ на наши поселенія (станицы). Въ цѣляхъ огражденія ихъ, мы продвигались своими постами и поселеніями впередъ, но и на новой линіи, еще болѣе близкой къ горцамъ, приходилось принимать новыя мѣры охраны.

[1]) „Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ“, сост. воен.-истор. отдѣломъ штаба Кавк. воен. окр. 1901 г., т. I, стр. 3.

Не желая первоначально присоединять горскія мѣстности, наши войска производили, для наказанія горцевъ, рядъ экспедицій, брали штурмомъ горскія селенія, разоряли ихъ и уходили обратно, съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій годъ, а иногда и въ тотъ же годъ, снова двигаться для наказанія тѣхъ же горскихъ племенъ за ихъ новые набѣги.

Когда нѣсколько энергичныхъ вождей горцевъ, въ особенности Шамиль, пользуясь религіознымъ возбужденіемъ населенія (ученіемъ мюридизма), успѣли объединить разрозненныя усилія различныхъ горскихъ племенъ, выставленныя ими силы оказались очень многочисленны, что потребовало быстраго усиленія военныхъ силъ и со стороны Россіи. Началась очень тяжелая, продолжительная, но славная для нашихъ войскъ война, которая и привела къ покоренію всего Сѣвернаго Кавказа и Дагестана.

Такимъ образомъ, относительно Сѣвернаго Кавказа русскіе долго держались обороны и только усилившаяся опасность со стороны объединенныхъ одною властью и воодушевленныхъ религіознымъ фанатизмомъ горцевъ вынудила Россію, цѣною тяжелыхъ жертвъ, замирить горское населеніе Кавказа единственнымъ надежнымъ средствомъ.— завоевавъ всѣ неприступныя, естественныя кавказскія твердыни и подчинивъ своей власти населеніе.

Почти одновременно съ нами французы въ 1830 году взяли Алжиръ и нѣсколько другихъ пунктовъ по побережью, въ томъ числѣ Оранъ и Бону. Въ горахъ Атласа обитало воинственное и свободолюбивое племя—кабилы; въ Малой Сахарѣ обитали кочевники-арабы. Долгое время французы не желали распространять свои владѣнія въ горы, но кабилы и арабы сами перешли въ наступленіе. Занятые французами города были блокированы. Нельзя было выйти за линіи укрѣпленій безъ опасенія быть зарѣзаннымъ. Какъ и мы на Кавказѣ, французы первоначально производили рядъ экспедицій въ горы, но съ возвращеніемъ ихъ отрядовъ обратно возобновлялись и нападенія.

Для довершенія сходства положеній, въ Алжирѣ, въ 1833 году, появляется опасный противникъ французовъ—Абдель-Кадеръ, который, какъ и Шамиль или Кази-мулла, вызываетъ духовное возбужденіе мусульманскаго населенія, объединяетъ первоначально власть надъ населеніемъ провинціи Орана и атакуетъ Оранъ скопищемъ въ 10,000 чел.

Французамъ приходилось, какъ и намъ, быстро подкрѣплять свои войска, и, послѣ тяжелой борьбы съ перемѣннымъ успѣхомъ, они утверждаются въ горахъ Атласа, куда и переносятъ линію укрѣпленныхъ пунктовъ. Этою мѣрою населеніе приморской полосы обезпечивается, но эта вторая линія укрѣпленій, выдвинутая въ горы, оказывается въ томъ же положеніи, что и первая. Послѣ новаго ряда усилій для овладѣнія выходами изъ горъ, послѣ производства ряда опустошительныхъ экспедицій, озлобившихъ объ стороны, французы были вынуждены, чтобы достигнуть водворенія спокойствія въ горной

полосѣ, спуститься съ горъ на плато Малой Сахары и продвинуться по этому плато до естественной границы Алжиріи—Большой Сахары. Тутъ они и остановились до настоящаго времени.

Въ 26 лѣтъ войны французы, начавъ съ города Алжира, завоеваніемъ котораго они и думали первое время ограничиться, подчиняютъ себѣ мало-по-малу всю Алжирію, но, дойдя до естественной границы, французы уже свыше 50 лѣтъ довольствуются своею границею въ Африкѣ. Заслуживаетъ особаго вниманія, что „и правительство и общественное мнѣніе были противъ расширенія владѣній въ Африкѣ, но тѣмъ не менѣе это расширеніе неуклонно продолжалось до тѣхъ поръ, пока владѣнія французовъ не вошли въ свои естественныя границы, т. е. не дошли до пустынь Африки“ [1]).

Но на Кавказѣ найти „естественную границу“ было труднѣе. Поэтому и воевали мы не 26 лѣтъ, а 62 года, и только 31 годъ тому назадъ опредѣлили, надо надѣяться, окончательно нашу кавказскую границу съ Турціею и Персіею. Кавказско-персидская граница установлена по Туркменчайскому договору въ 1828 году и съ тѣхъ поръ не нарушается, что при слабости Персіи служитъ серьезнымъ доказательствомъ нежеланія Россіи безъ крайней надобности распространять свои владѣнія.

Сложность задачъ Россіи на Кавказѣ увеличивалась тѣмъ, что ранѣе утвержденія нашего на Сѣверномъ Кавказѣ Россія, по причинамъ религіознымъ и политическимъ, уже присоединила къ себѣ мѣстности съ христіанскимъ населеніемъ въ Закавказьѣ, причемъ пришла въ столкновеніе съ персидскими и турецкими владѣніями, полунезависимыми персидскими ханствами и съ горскимъ населеніемъ, тѣснившими христіанское населеніе этихъ мѣстностей со всѣхъ сторонъ.

Необходимость для Россіи, не ограничиваясь Сѣвернымъ Кавказомъ, распространить свою власть и на Закавказье въ трудѣ „Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ“ очерчена слѣдующимъ образомъ:

„Остановиться ли предъ этой заоблачной стѣной и добровольно предоставить лежащія за нею христіанскія страны соперничеству Турціи и Персіи, отказаться отъ господства на моряхъ Каспійскомъ и Черномъ, обречь этимъ прилежащія къ нимъ области наши — весь югъ Россіи—на тревожное существованіе и, отстранившись отъ вліянія на судьбу Закавказья, дать тѣмъ самымъ возможность нашимъ политическимъ соперникамъ обратить его въ грозную твердыню, которая навсегда закрыла бы намъ выходъ изъ степей южной Россіи и остановила бы дальнѣйшій ростъ нашъ въ Азіи“.

„Или, наоборотъ, — прочно утвердиться въ лежащихъ за этой гранью странахъ, обратить моря, омывающія Кавказскій перешеекъ,

[1]) А. Куропаткинъ „Алжирія“, стр. 40 (изд. 1877 г.). Этотъ трудъ былъ исполненъ мною въ 1875 году послѣ годичнаго пребыванія въ Алжиріи.

въ наши внутреннія озера и, пользуясь господствомъ на нихъ, не только обезпечить развитіе богатаго юга Россіи, но и пріобрѣсти возможность оказывать рѣшительное вліяніе на судьбы всей передней Азіи, а съ нею и всего востока".

„Короче: останавливаясь у подножія Кавказскаго хребта, мы добровольно замыкали судьбы Россіи въ узкія границы Дона и Волги. Перешагнувъ же черезъ эту грань, — на нашемъ политическомъ горизонтѣ открывался весь древній востокъ"...

„Перейти Кавказскій хребетъ насъ побуждало и движеніе, давно уже подготовлявшееся по ту сторону его: христіанскіе народы Закавказья, имѣвшіе свою тысячелѣтнюю исторію, изнемогали въ борьбѣ съ исламомъ и, стоя на краю окончательной гибели, въ отчаяніи простирали къ намъ руки съ мольбою о спасеніи".

„Царство Грузинское, разоренное Ага-Магометъ-шахомъ, было совершенно безсильно оказать сопротивленіе снова готовившемуся вторженію персіянъ, и наслѣдникъ героя Ираклія II—царь Георгій XII настойчиво просилъ нашей помощи и предложилъ свое и всего грузинскаго народа подданство".

„Разрозненные сыны нѣкогда существовавшаго Армянскаго царства, разсѣянные въ обширныхъ предѣлахъ Турецкой и Персидской имперій, давно уже обращали свои взоры на Россію и еще въ 1729 году писали: нынѣ мы всѣмъ армянскимъ собраніемъ просимъ и припадаемъ къ ногамъ Императорскаго Величества о всемилостивѣйшемъ заступленіи и о вспоможеніи, дабы насъ не предать въ турецкія руки, понеже мы всѣ на Его Императорское Величество уповаемъ".

„Сознавая нравственный долгъ подать помощь христіанскимъ народамъ Закавказья, видѣвшимъ въ насъ послѣднюю надежду, и повинуясь интересамъ государственнымъ, мы смѣло двинулись черезъ Кавказскій хребетъ, и 26-го ноября 1799 года, при колокольномъ звонѣ и радостныхъ ликованіяхъ царя и народа, русскія войска, какъ давно ждапные избавители, торжественно вошли навсегда въ столицу Грузіи — въ Тифлисъ" [1]).

Населеніе Грузіи приняло христіанство еще въ IV вѣкѣ и, несмотря на то, что Грузія служила театромъ борьбы многихъ народностей — аравитянъ, монголовъ, персіянъ и турокъ, населеніе успѣло сохранить свою религію и народность.

Съ 1080 по 1201 годъ Иверское (Грузинское) царство достигло большой силы и распространило свое вліяніе отъ береговъ Чернаго до береговъ Каспійскаго моря.

Затѣмъ враги внѣшніе и раздѣленіе Иверіи на нѣсколько царствъ [2]) настолько ослабили ее, что въ XVI столѣтіи грузинскій царь Леонъ отправилъ посольство къ царю Ѳеодору Ивановичу съ изъявленіемъ

---

[1]) „Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ", т. 1, стр. 3—5.

[2]) Кахетинское, Карталинское и Имеретинское.

готовности принять подданство Россіи. Согласіе послѣдовало и въ присутствіи нашего посла — царь Александръ съ дѣтьми своими и сановниками присягнулъ на подданство Россіи, съ обязательствомъ уплачивать ежегодную дань тканями мѣстнаго издѣлія.

Персидскій шахъ Аббасъ Великій, занятый войною съ Турціею, далъ согласіе на это подданство; но какъ только война персовъ съ турками окончилась, объ эти державы перешли на Кавказѣ въ наступленіе и подчинили себѣ: Персія восточную половину Закавказья съ частью Дагестана, а Турція западную часть Закавказья, въ составъ которой вошла и Грузія.

Владычество турокъ въ Грузіи продолжалось почти до половины XVIII столѣтія. Послы царей Грузіи многократно ѣздили въ Москву къ царямъ Михаилу Ѳеодоровичу и Алексѣю Михайловичу за помощью, но Московская Русь тогда была не въ силахъ оказать существенную помощь Грузіи. Тѣмъ не менѣе въ 1638 году цари Грузіи и Имеретіи, а въ 1680 году и царь Кахетіи приняли русское подданство.

Петръ I, вступивъ на престолъ, началъ живо интересоваться кавказскими дѣлами. Но его озабоченность не положеніе Грузіи: онъ не помышляетъ о защитѣ кавказскихъ христіанъ; его мысли привязаны были только къ пользамъ Россіи. И вотъ, въ видахъ этихъ пользъ, онъ задумываетъ проложить вдоль западнаго берега Каспійскаго моря, черезъ персидскія владѣнія, торговый путь въ Индію. Въ этихъ видахъ онъ признаетъ необходимымъ утвердиться въ нѣсколькихъ пунктахъ на западномъ берегу Каспійскаго моря, въ томъ числѣ въ Дербентѣ и Баку, и достигаетъ этого. Мало того, пользуясь внутренними междоусобіями въ Персіи, русскія войска почти безъ сопротивленія занимаютъ богатыя природою, но съ нездоровымъ климатомъ, провинціи Персіи, прилегающія къ Каспійскому морю.

Войска, двинутыя Петромъ I въ 1722 году для похода въ Дагестанъ и по побережью Каспійскаго моря, были значительны. Они состояли изъ 22,000 пѣхоты, 9,000 конницы и большого числа казаковъ, татаръ и кабардинцевъ.

Въ результатѣ похода, генераломъ Матюшкинымъ были покорены весь Дагестанъ, Апшеронскій полуостровъ, ханство Ширванское, Баку, области: Гилянъ, Мазандеранъ и Астрабадъ.

„Казалось, что Россія, въ послѣднія двѣнадцать лѣтъ царствованія Петра Великаго, стала твердою ногою при подошвѣ Кавказа и что покореніе приморскихъ областей Каспія, упрочивая завоеванія, подавало возможность продолжать покореніе Кавказа. Но завоеванія эти были въ сущности преждевременны и отяготительны. Россія, не имѣя возможности ихъ удержать за собою, вынуждена была, вслѣдствіе Ганжинскаго мирнаго договора Турціи съ Тахмасп-Кули-ханомъ (шахомъ Надиромъ), уступить Персіи всѣ каспійскія провинціи, покоренныя Петромъ, въ томъ числѣ Дербентъ и крѣпость св. Креста.

Границею обѣихъ державъ остался сѣверо-восточный рукавъ Терека, такъ называемый старый Терекъ“ [1]).

Возвращеніе этихъ мѣстностей произошло въ 1735 г. при Аннѣ Ивановнѣ.

Трактатомъ 1739 года, заключеннымъ между Россіею и Портою, кабардинцы признаны независимыми и должны были служить „барьерою между обѣихъ державъ“.

„Такимъ образомъ, съ одной стороны Персія, а съ другой Турція — вытѣснили насъ изъ-за Терека и отъ береговъ р. Кубани. Бездѣйствіе же наше и быстро распространившееся религіозное ученіе мусульманъ совершенно отдалило насъ отъ горцевъ и заставило утверждаться и укрѣпляться на Кизлярской линіи“.

„Занятая устройствомъ линіи и положившая далѣе этой черты не распространять своихъ владѣній, Россія не могла сдѣлать исключенія для Грузіи, подпавшей опять подъ власть персіянъ. Персидскій шахъ Надиръ, побѣдою при Багдадѣ въ 1733 году, возвратилъ Персіи прежнія ея владѣнія и занялъ Грузію, гдѣ поставилъ царемъ Теймураза, бывшаго царя кахетинскаго“ [2]).

Со вступленіемъ на престолъ Екатерины II паша Кавказская линія была значительно расширена на западъ заложеніемъ города Моздока.

Во время войнъ съ турками, веденныхъ въ вѣкъ Екатерины, наши войска дѣйствовали на Кавказѣ противъ народовъ, подчиненныхъ Турціи: кабардинцевъ и горцевъ. Заслуживаетъ вниманія, что мы усмиряли Кабарду при помощи 10,000 калмыковъ, крѣпко разорившихъ край.

Въ то же время небольшой отрядъ русскихъ войскъ подъ начальствомъ графа Тотлебена перевалилъ черезъ Кавказскій хребетъ и при содѣйствіи грузинъ дѣйствовалъ противъ турокъ въ Закавказьѣ.

По Кучукъ-Кайнарджійскому миру Грузія, Мингрелія и Имеретія были признаны турками независимыми, а въ 1783 году царь Ираклій заключилъ договоръ, по которому передавалъ Грузію подъ покровительство Россіи. Какъ и по отношенію къ Крыму, объявленіе независимости предшествовало присоединенію Грузіи къ Россіи. Кавказская линія была протянута до Чернаго моря (устья р. Кубани). Кромѣ терскихъ казаковъ, сидѣвшихъ по Тереку, были поселены по р. Кубани черноморскіе казаки.

Въ 1782 году грузинскій царь Ираклій просилъ принять Грузію подъ верховную власть Россіи и въ случаѣ согласія прислать къ нему 4,000 русскихъ солдатъ для защиты отъ враговъ и покоренія отпавшихъ отъ него провинцій. Онъ же просилъ о присылкѣ ему и денегъ на содержаніе грузинскихъ войскъ.

---

[1]) Н. Дубровинъ, „Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ“, т. 2, стр. XIV.

[2]) Тамъ же, стр. XV.

Екатерина II согласилась помочь Ираклію: причемъ, по словамъ историка Н. Дубровина, „не денежная дань привлекла вниманіе императрицы, а желаніе устроить нравственное и имущественное благосостояніе единовѣрнаго ей населенія Закавказья. Екатерина II мечтала объ образованіи по ту сторону Кавказскихъ горъ одного христіанскаго государства, ни отъ кого, кромѣ Россіи, не зависящаго. Она хлопотала объ освобожденіи всего христіанскаго населенія отъ несноснаго ему магометанскаго ига персіянъ и турокъ и потому охотно согласилась на просьбу Ираклія II о покровительствѣ, ибо видѣла въ желаніи грузинскаго царя первый шагъ къ упроченію нашего вліянія за Кавказомъ и къ осуществленію своихъ предположеній“ [1]).

Такимъ образомъ, въ то время, когда русское населеніе истощалось усиліями по выполненію историческихъ задачъ, на него возложенныхъ, Екатерина II мечтала за счетъ силъ и средствъ Россіи облагодѣтельствовать Балканскій полуостровъ осуществленіемъ „греческаго проекта“ и облагодѣтельствовать Кавказъ освобожденіемъ христіанскаго населенія отъ магометанскаго ига. Раздаривъ 800,000 (мужскихъ душъ) русскихъ людей, бывшихъ свободными, въ неволю своимъ вельможамъ, Екатерина проявляла нѣжную чувствительность къ чуждому въ то время Россіи населенію Закавказья.

Въ договорѣ о принятіи въ подданство Грузіи никакихъ выгодъ для Россіи не выговорено, но принято тяжелое обязательство считать враговъ этой страны за своихъ враговъ.

Первоначально военная сила, которая была отправлена въ Тифлисъ, заключалась всего въ двухъ батальонахъ пѣхоты и 4-хъ орудіяхъ. Въ то время съ Грузіею было сообщеніе, доступное только для пѣшеходовъ и одиночныхъ всадниковъ. Чрезвычайными усиліями, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, 1,500 русскихъ солдатъ колесный путь черезъ горы былъ оконченъ.

Съ 1800 г. небольшой русскій отрядъ, введенный въ Грузію, началъ военныя дѣйствія противъ аварцевъ (горцевъ), угрожавшихъ Грузіи.

По донесенію начальника войскъ Лазарева, имъ были разбиты войска Омаръ-хана, уложено 2,000 враговъ съ потерею съ нашей стороны двухъ офицеровъ. Съ этихъ поръ въ теченіе свыше 60 лѣтъ военныя дѣйствія почти не прерывались на Кавказѣ. На Сѣверномъ Кавказѣ шла борьба за обезпеченіе спокойствія въ нашихъ предѣлахъ и на Кавказской линіи. Въ Закавказьѣ, принявъ въ свое подданство христіанскія провинціи и обѣщавшись защищать ихъ, мы такъ усердно выполняли эту обязанность, что покорили нѣсколько независимыхъ или почти независимыхъ отъ Персіи бековъ и ханствъ и по нѣскольку разъ воевали съ персами и турками, пока не вошли въ

[1]) Н. Дубровинъ, „Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ“, т. 2, стр. 2.

настоящіе предѣлы. Граница съ Персіею установлена и не нарушалась ни разу съ 1828 года; граница съ Турціею установлена въ 1879 году.

Присоединеніе въ 1800 году Россіею Грузіи и Мингреліи вызвало уже въ 1803 году войну съ Персіею, которая тянулась до 1813 года. Хотя политическія и военныя событія на западѣ не дозволяли Россіи назначить достаточнаго числа войскъ для борьбы съ Персіею, но, благодаря отличному составу нашихъ войскъ, выдающемуся командному составу (Котляревскій, Гуляковъ, Карягинъ и др.) и плохому составу персидскихъ войскъ, война эта закончилась полною побѣдою Россіи и, по Гюлистанскому миру, въ 1813 году къ Россіи были присоединены ханства: Карабахское, Ганжинское, Нухинское, Шемахинское, Дербентское, Кубинское, Бакинское и Талышинское, всего около 1,000 кв. миль.

Въ 1826 году Персія сдѣлала попытку возвратить утраченныя ею мѣстности въ Закавказьѣ. Начатая ею война окончилось пораженіемъ въ 1828 году и Туркменчайскимъ договоромъ, (сохраняющимъ силу и до сихъ поръ), по которому къ Россіи отошли ханства Эриванское и Нахичеванское—всего около 350 кв. миль.

Послѣ войны съ Турціею 1828—1829 годовъ Россія на Кавказѣ получила Черноморское побережье на протяженіи 550 верстъ, Ахалцыхъ и Ахалкалаки съ ихъ округами.

Война съ Турціею въ 1877—1878 годахъ привела къ присоединенію къ Россіи Батума и Карса.

Наконецъ, война съ 1800 по 1864 годъ съ горцами Сѣвернаго Кавказа и Дагестана повела къ присоединенію къ Россіи всѣхъ мѣстностей съ горскимъ населеніемъ пространствомъ около 1,300 кв. миль.

Въ программу настоящаго труда не входитъ сколько-нибудь подробное описаніе дѣйствій нашихъ войскъ въ XIX столѣтіи. Поэтому и по отношенію къ Кавказской войнѣ я ограничусь лишь перечнемъ главнѣйшихъ событій изъ славныхъ дѣйствій Кавказскихъ войскъ.

Первые главнокомандующіе на Кавказѣ: кн. Циціановъ, Паулуччи и Ртищевъ были заняты главнымъ образомъ борьбою съ Персіею и съ мелкими татарскими бекствами Закавказья, находившимися въ зависимости отъ Персіи.

Въ началѣ XIX столѣтія весь Кавказскій перешеекъ до южнаго склона главнаго хребта былъ занятъ независимыми и враждебными намъ племенами. Только двѣ дороги связывали Сѣверный Кавказъ съ Закавказьемъ: одна—военно-грузинская (черезъ Дарьяльское ущелье) и другая по берегу Каспійскаго моря. Ширина полосы, занятой горцами, отдѣлявшей Россію отъ Закавказья, составляла 200—250 верстъ, при длинѣ до одной тысячи верстъ.

Когда Закавказье съ грузинскими владѣніями и персидскими бекствами уже было присоединено къ Россіи, связь съ Закавказьемъ все еще не могла стать прочною и обезпеченною. Это было достижимо лишь послѣ завоеванія всего Сѣвернаго Кавказа.

Первоначально Россіи приходилось имѣть дѣло только съ горскимъ населеніемъ восточной части Кавказа. Западная часть была подчинена Турціи. Горскія племена и общества восточной части Кавказа не составляли союза и были независимы одно отъ другого; въ то время эти племена еще не были фанатичны.

Превосходство русскаго оружія, особенно артиллерійскій огонь, въ первое время доставляло русскимъ войскамъ относительно легкія надъ ними побѣды.

Послѣ наполеоновскихъ войнъ, несмотря на возвратившіяся въ Россію наши войска, сила Кавказскаго корпуса войскъ не была увеличена и составляла около 45,000 человѣкъ.

Въ 1816 году начальникомъ кавказскихъ войскъ былъ назначенъ ген.-лейт. Ермоловъ, одинъ изъ героевъ Отечественной войны.

Чтобы смирить разбойничье чеченское населеніе, Ермоловъ рѣшилъ выдвинуться съ Кавказской линіи впередъ, занять рѣку Сунжу и устроить на ней крѣпости.

До Ермолова русскія войска держались оборонительнаго способа дѣйствій, и лишь время отъ времени посылались карательныя экспедиціи для наказанія горцевъ послѣ особо смѣлыхъ грабежей ихъ.

Съ переходомъ на линію р. Сунжи и съ устройствомъ на ней крѣпости Грозной была заложена первая параллель для завоеванія Сѣвернаго Кавказа.

Въ Дагестанѣ принятыми Ермоловымъ мѣрами, послѣ побѣдъ нашихъ войскъ, сѣверная его часть покорилась Россіи, но была занята очень слабо. Кабарда также была усмирена и прорѣзана линіею укрѣпленій. Къ сожалѣнію, дѣятельность Ермолова была преждевременно прервана въ 1826 году.

Войны съ Персіею въ 1826—1829 гг. и съ Турціею въ 1828—1829 гг. пріостановили наши успѣхи на Кавказѣ, а самыя дѣйствія противъ горцевъ, при преемникахъ Ермолова, снова пріобрѣтаютъ случайный характеръ.

Въ тридцатыхъ годахъ XIX столѣтія мюридизмъ съ особою силою охватилъ Дагестанъ; вспыхнувшее тамъ возстаніе сопровождалось успѣхами надъ нашими войсками. Только послѣ нѣсколькихъ экспедицій удалось въ 1832 году смирить мѣстное населеніе.

Переходъ въ 1829 году черноморскаго побережья по Адріанопольскому миру отъ турокъ къ Россіи вызвалъ необходимость покоренія Западнаго Кавказа. Не окончивъ съ Дагестаномъ, наши войска передвигаются на западную часть Кавказа, гдѣ и ведутъ очень упорную борьбу съ горскимъ населеніемъ съ 1832 по 1837 годъ. Отвлеченіемъ войскъ на западъ пользуется населеніе Чечни и Дагестана. Возстаніе противъ русскихъ охватываетъ все горское населеніе. Сплоченное мюридизмомъ и имѣя во главѣ Шамиля, это населеніе представило серьезную угрозу положенію русскихъ на Кавказѣ. Оттянутыя на

западъ войска пришлось снова перевести на востокъ. Въ 1839 году противъ Шамиля предпринимается серьезная экспедиція отрядомъ въ 9,000 чел. подъ начальствомъ ген. Граббе.

Укрывшись въ укрѣпленный аулъ Ахульго, Шамиль отбиваетъ два штурма нашихъ войскъ, 29 іюня и 16 іюля, съ большими для насъ потерями. Осадныя работы ведутся три мѣсяца. Съ подходомъ подкрѣпленія въ 2,000 чел., Граббе производитъ третій штурмъ 22 августа и овладѣваетъ Ахульго, но Шамилъ успѣваетъ спастись въ горы. Возстаніе, несмотря на этотъ успѣхъ русскихъ войскъ, все разгорается. Нѣсколько нашихъ мелкихъ отрядовъ, послѣ геройскаго сопротивленія, истреблены, и въ 1843 году вся Чечня и Дагестанъ были въ рукахъ горцевъ, за исключеніемъ крѣпости Темиръ-Хапъ-Шуры.

Вновь назначенный главнокомандующимъ на Кавказъ гр. Воронцовъ собралъ въ 1844 году для покоренія горцевъ отрядъ силою до 12,000 чел. при 16 орудіяхъ и подъ своимъ личнымъ начальствомъ повелъ къ аулу Дарго—мѣстопребыванію Шамиля. Тамъ же были собраны всѣ запасы горцевъ и даже имѣлся арсеналъ. Послѣ неимовѣрныхъ трудовъ по преодолѣнію горной мѣстности и послѣ боевъ съ горцами по пути движенія, русскій отрядъ 6 іюля занялъ безъ боя Дарго. Шамиль рѣшилъ развить дѣйствія на сообщеніяхъ русскихъ и отрѣзать имъ путь отступленія. Энергичныя дѣйствія горцевъ въ тылу отряда повели къ тому, что войска наши начали терпѣть недостатокъ въ продовольствіи. При обратномъ движеніи даргинскаго отряда, 16 іюля у сел. Шауталъ-берды отрядъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ горцами и вынужденъ пріостановиться, почти не имѣя продовольственныхъ запасовъ. Навстрѣчу отряда гр. Воронцова выступилъ отрядъ Фрейтага въ 5,000 чел. 19 іюля войска отряда Воронцова, послѣ тяжелаго боя, пробились сквозь горцевъ и соединились съ войсками Фрейтага. Даргинская экспедиція стоила русскимъ войскамъ 5,000 чел. убитыми и ранеными и убѣдила начальствовавшихъ лицъ въ безцѣльности дальнихъ экспедицій съ возвратомъ войскъ обратно. Рѣшено было начать дѣйствія по опредѣленному плану, постепенно продвигаясь впередъ, завоевывая районъ за райономъ и тотчасъ прочно занимая ихъ войсками по частямъ, по мѣрѣ проложенія дорогъ и широкихъ лѣсныхъ просѣкъ. Разъ занятые пункты уже не оставлялись. При покореніи по этому плану Чечни наибольшее сопротивленіе оказалъ аулъ Гергебиль [1]). Первый штурмъ этого аула въ 1847 году былъ отбитъ съ потерею съ нашей стороны 600 чел. На слѣдующій годъ аулъ былъ взятъ штурмомъ и разрушенъ.

Къ этому же времени относится геройская оборона гарнизономъ въ 500 чел. русскихъ укрѣпленія Ахты, атаковавшаго многочисленнымъ скопищемъ подъ начальствомъ Шамиля. Прибывшій на выручку Ахты отрядъ князя Аргутинскаго разбилъ скопища Шамиля.

[1]) На 50 верстъ къ югу отъ Темиръ-Ханъ-Шуры.

Съ началомъ Восточной войны Шамиль попытался двинуться къ Тифлису, но былъ отраженъ.

По окончаніи Восточной войны были двинуты на Кавказъ значительныя силы. Наступая по опредѣленному плану съ разныхъ сторонъ, наши войска постепенно умепьшали районъ дѣйствій Шамиля.

Шамиль началъ терпѣть частыя неудачи. Многія племена, убѣдившись въ невозможности успѣшной борьбы съ русскими, начали изъявлять покорность, и престижъ Шамиля сталъ падать.

Въ 1859 году Шамиль былъ изгнанъ изъ аула Ведень, служившаго столицею его послѣ Дарго, а въ августѣ того же года отрядъ подъ начальствомъ ген. Евдокимова окружилъ со всѣхъ сторонъ послѣднее убѣжище Шамиля, почти неприступный Гунибъ. Но для кавказскихъ войскъ неприступныхъ мѣстъ не было. Имѣя во главѣ офицеровъ, взобравшись почти по отвѣснымъ скаламъ, кавказскія войска штурмовали Гунибъ и послѣ отчаяннаго рукопашнаго боя овладѣли имъ. Шамиль сдался въ плѣнъ главнокомандующему князю Барятинскому.

Въ Западномъ Кавказѣ военныя дѣйствія были закончены въ 1864 году [1]).

Кавказская война продолжалась 65 лѣтъ.

Война эта тянулась такъ долго потому, что многія военныя предпріятія имѣли случайный характеръ. Общій планъ дѣйствій былъ составленъ только въ послѣдній періодъ войны. Наше правительство много разъ отказывалось отъ присоединенія къ Россіи тѣхъ или другихъ мѣстностей, завоеванныхъ нашими войсками, пока обстоятельства снова не указывали на невозможность достигнуть замиренія того или другого изъ горскихъ племенъ безъ присоединенія территоріи, имъ занятой, къ Россіи. Изъ противниковъ Россіи въ этой войнѣ наиболѣе слабое сопротивленіе русскія войска встрѣчали отъ персидскихъ войскъ, несмотря на ихъ многочисленность. Турки съ каждой новой войною становились все болѣе опасными противниками. Въ оборонѣ турки всегда были сильнѣе, чѣмъ въ наступленіи. Кавказскіе горцы въ общемъ оказались весьма серьезными противниками. Очень храбрые, отлично владѣвшіе оружіемъ и конемъ, привычные къ дѣйствію въ горахъ, подготовленные къ одиночному бою, они первое время сравнительно легко побѣждались нами лишь вслѣдствіе разрозненности ихъ усилій и вражды между различными племенами. Но когда эти племена объединились ученіемъ мюридизма и получили въ Шамилѣ общаго вождя, положеніе русскихъ войскъ иногда, какъ указано выше, становилось очень труднымъ. Потребовалось значи-

[1]) Краткія свѣдѣнія о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ на Сѣверномъ Кавказѣ съ 1830 по 1864 годъ заимствованы мною изъ записки по Кавказской войнѣ Н. Н. Сиверса, предоставленной въ мое распоряженіе.

тельно усилить войска, дѣйствовавшія на Кавказѣ, и предпринять систематическое, путемъ устройства большихъ просѣкъ и укрѣпленій, стѣсненіе района военныхъ дѣйствій.

Вся Кавказская война послужила отличною боевою школою для нашихъ войскъ. Много выдающихся начальниковъ вышли изъ этой школы. Многіе подвиги кавказскихъ войскъ просто легендарны. Въ періодъ паденія русской военной силы съ 1815 по 1856 годъ въ Европейской Россіи, кавказскія войска составляли рѣзкое исключеніе. Они не имѣли парадной выправки, были плохо одѣты, не отличались на церемоніальномъ маршѣ; многіе обычаи войскъ, какъ и ихъ одежда, были своеобразны: но это были закаленныя въ опасностяхъ войска, всегда готовыя въ походъ и въ бой. Въ Крымскую кампанію, когда наши войска оказались слабо подготовленными для полевыхъ дѣйствій, на кавказскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій мы одерживали, при тяжелой обстановкѣ, блестящія побѣды надъ турками. Въ то время, какъ наша многочисленная конница въ Крыму, несмотря на незначительность конницы союзниковъ, бездѣйствовала или дѣйствовала неудачно, кавказская конница, особенно нижегородскіе драгуны, смѣло врывалась въ ряды враговъ, брала знамена, орудія и склоняла исходъ боя въ нашу сторону (Кюрюкъ-дара).

Отличная боевая репутація кавказскихъ войскъ была ими поддержана и въ войну съ турками въ 1877—1878 годахъ. На европейскомъ театрѣ войны наши войска были надолго остановлены Плевною съ полевыми укрѣпленіями, а въ то же время кавказскія войска взяли почнымъ штурмомъ сильную крѣпость Карсъ.

Только однажды кавказскія войска подверглись осужденію и то несправедливо. Прибывшій на Кавказъ любимецъ государя Николая Павловича Паскевичъ повелъ противъ Ермолова, начальствовавшаго краемъ, интригу, которая и увѣнчалась успѣхомъ: въ 1827 году приказомъ государя, вмѣсто Ермолова, власть на Кавказѣ перешла къ Паскевичу.

Въ 1826 году въ намѣреніи умалить заслуги Ермолова Паскевичъ послалъ донесеніе, въ которомъ, кромѣ изложенія разныхъ мелочныхъ обвиненій противъ Ермолова, дурно аттестовалъ и кавказскія войска. Согласно съ этимъ донесеніемъ „кавказскія войска находились въ совершенномъ безпорядкѣ: они представляются необученными, оборванными, грязными... Выучки отъ нихъ нельзя требовать, ибо они ничего не знаютъ... Войска храбры, *но не стойки* . . . войска не привыкли драться въ горахъ [1])“...

Эти самыя войска въ Персидскую войну 1826—1829 гг. прославили и Паскевича.

Независимо необходимости обезпечить предѣлы Россіи со стороны населенія Сѣвернаго Кавказа и защитить христіанское населеніе

---

[1]) В. Потто „Кавказская война“, томъ 2, стр. 750, изд. 1887 г.

Закавказья, русскіе, продвигаясь въ южныя мѣстности Кавказа, могли задаваться и экономическими соображеніями. Прежде всего, расположеніе Кавказскаго перешейка, связывающаго Европу съ Азіею и въ Азіи Персію съ Турціею, весьма выгодно для развитія торговыхъ сношеній между Россіею и азіатскими мѣстностями. Великій Петръ и мечталъ о проложеніи по западному берегу Каспійскаго моря торговаго пути въ Индію.

Но и независимо важнаго транзитнаго значенія, Кавказъ, самъ по себѣ, представляетъ огромныя естественныя богатства, эксплоатація которыхъ должна была предоставить русскому племени, болѣе культурному, чѣмъ кавказскія племена, большія выгоды.

Не говоря о большихъ минеральныхъ богатствахъ, Кавказъ могъ давать Россіи хлопокъ, шелкъ, фрукты и цѣнныя породы лѣса, которыхъ не находилось на всей обширной территоріи Россіи.

Но для успѣшнаго пользованія этими богатствами требовалось прежде всего успокоить населеніе и направить его усилія къ производительному труду. Для успѣха земледѣльческой дѣятельности требовалось скорѣйшее проложеніе путей сообщенія. Весьма сложный въ этнографическомъ отношеніи составъ населенія, различіе вѣроисповѣданій, рѣзкая разница въ правахъ и вѣрованіяхъ, весьма различный историческій путь, пройденный разными народностями,—все это требовало величайшей осторожности при ломкѣ существовавшихъ укладовъ мѣстной жизни и замѣнѣ ихъ порядками, близкими съ общерусскими той эпохи.

Между тѣмъ, наши русскіе порядки далеко не могли служить въ то время, какъ и теперь, образцомъ, особенно по частямъ судебной и полицейской. Патріархальный способъ управленія населеніемъ въ низшей инстанціи выборными отъ населенія и простой видъ суда (даже убійство оплачивалось деньгами) мы стали въ Закавказьѣ и частью на Сѣверномъ Кавказѣ замѣнять административною властью на коллегіальныхъ основаніяхъ и нѣсколькими инстанціями суда. Персоналъ былъ выбранъ неудачно: знанія страны, любви къ населенію не было, а тутъ еще и войска распустились и стали чинить всякія безобразія надъ населеніемъ. Кончилось тѣмъ, что опекаемое нами христіанское населеніе Закавказья возстало противъ своихъ опекуновъ и устроило рѣзню русскихъ солдатъ. Но въ тѣхъ мѣстностяхъ, напр., въ Дагестанѣ, гдѣ вводили такъ называемое *военно-народное управленіе*, давая преимущество офицерамъ, долго служившимъ въ краѣ, передъ чиновниками изъ Петербурга, и сосредоточивая въ рукахъ окружныхъ или уѣздныхъ начальниковъ *власть административную и судебную* (какъ то было и до прихода русскихъ), дѣла пошли много лучше; населеніе, получивъ близкую и сильную власть, успокоилось, а въ низшихъ органахъ администраціи оно получило и право участія въ управленіи.

Многія изъ начальствующихъ лицъ въ военно-народномъ управленіи заслужили глубокую привязанность и преданность населенія за

свою справедливость, заботливость о нуждахъ населенія и умѣнье держать данное слово. Припоминаю, что убитый въ Ахалъ-Текинскую экспедицію 1881—1882 годовъ генералъ Петрусевичъ, долго служа въ Дагестанѣ по военно-народному управленію, былъ именно изъ такихъ начальниковъ, память о которыхъ очень долго не умираетъ. Когда горцы округа въ Дагестанѣ, гдѣ начальствовалъ Петрусевичъ, узнали объ его смерти, они немедленно прислали къ Скобелеву депутацію, чтобы онъ отдалъ имъ прахъ любимаго начальника, съ тѣмъ, чтобы похоронить его среди другихъ родныхъ имъ могилъ. Конечно, просьба дагестанцевъ была удовлетворена.

12 сентября 1801 г. Императоръ Александръ I издалъ манифестъ о присоединеніи Грузіи. „Не для приращенія силъ, не для корысти, не для распространенія предѣловъ и такъ уже обширнѣйшей въ свѣтѣ имперіи,—торжественно объявлялъ въ немъ великодушный монархъ,—пріемлемъ Мы на себя бремя управленія царства Грузинскаго; единое достоинство, единая честь и человѣчество налагаютъ на Насъ священный долгъ, внявъ моленію страждущихъ, въ отвращеніе ихъ скорбей учредить въ Грузіи правленіе, которое могло бы утвердить правосудіе, личную и имущественную безопасность и дать каждому защиту закона. Всѣ подати съ земли вашей повелѣли Мы обращать въ пользу вашу, и что за содержаніемъ правленія оставаться будетъ употреблять на возстановленіе разоренныхъ городовъ и селеній. Каждый пребудетъ при преимуществахъ состоянія своего и при собственности своей неприкосновенно“ [1]).

Обѣщанія, данныя въ этомъ манифестѣ, особенно по части сохраненія преимуществъ состоянія и неприкосновенности собственности, не могли быть выполнены.

Положеніе объ управленіи Грузіей было выработано наскоро кн. Зубовымъ, *безъ участія Кноррина*, назначеннаго начальникомъ Грузіи и Сѣвернаго Кавказа съ званіемъ главнокомандующаго. Сложность администраціи и суда, коллегіи вмѣсто отвѣтственныхъ начальниковъ, крайній бюрократизмъ послѣ патріархальныхъ мѣстныхъ обычаевъ отвратили сердца всѣхъ отъ первыхъ опытовъ управленія русскими людьми Грузіею. Каждому изъ правительственныхъ учрежденій были даны подробнѣйшія инструкціи. Въ нихъ между прочимъ значилось: „не чини ближнему, чего самъ терпѣть не хочешь“; „твори добро ему, колико можешь“; „блаженъ кто и скотъ милуетъ“; „мужъ да прилѣпится къ женѣ своей въ согласіи и любви“ и т. д. [2]).

Историкъ въ трудѣ „Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ“ справедливо дѣлаетъ слѣдующее заключеніе о томъ впечатлѣніи, которое было произведено на населеніе введеніемъ сложнаго русскаго управленія:

---

[1]) „Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ“, т. XII, стр. 30.

[2]) Тамъ же, стр. 35.

„Легко себѣ представить, сколько волненій и неудовольствій вызывало на первыхъ порахъ наше управленіе. Мы уже не говоримъ о царевичахъ, которые, забывъ личныя распри, дружными усиліями поднимали все и всѣхъ на борьбу съ правительствомъ, обратившимъ ихъ въ простыхъ князей Грузіи; многочисленные князья и дворяне, имѣвшіе наслѣдственныя должности и наслѣдственные доходы, теряли и положеніе, и власть, и средства къ жизни, были вынуждены подчиниться „какому-то“ капитану-исправнику и удовольствоваться небольшою пожизненною пенсіею, обѣщанною имъ высочайшимъ рескриптомъ въ вознагражденіе за ихъ потери. Народъ, привыкшій къ суду близкому, скорому и рѣшительному, хотя бы и невсегда справедливому, увидѣлъ передъ собою цѣлую вереницу судебныхъ инстанцій, съ массою непонятныхъ формальностей и пензбѣжною медленностью. Колико препонъ въ судопроизводствѣ!—съ отчаяніемъ восклицалъ Циціановъ,—для нихъ все ново, для насъ все странно. Судья и проситель не понимаютъ другъ друга, и оба остаются недовольными“.

„Дѣйствительно, наши судебныя учрежденія и нашъ уголовный законъ были самою неудачною частью управленія, введеннаго въ Грузіи. Множество судебныхъ инстанцій и множество формъ и обрядовъ, созданныхъ единственно лишь для охраненія чистоты и безъ-блемости закона отъ всякихъ усмотрѣній и поползновеній судьи, не имѣли никакой цѣны въ глазахъ народа, для котораго слово *законъ* не имѣло никакого смысла и который привыкъ повиноваться не закону, а *лицу*, поставленному надъ нимъ фактомъ рожденія. Слишкомъ рѣзкій переходъ отъ частно-правовой къ общественной точкѣ зрѣнія и устраненіе ближайшихъ къ народу органовъ управленія, каковыми были помѣщики и моуравы,—все это расшатывало историческія основы народной жизни, обѣщая дать желательные результаты лишь въ отдаленномъ будущемъ“ [1]).

Назначенный послѣ Кнорринга князь Циціановъ противился заведеннымъ въ Грузіи и на Кавказѣ бюрократическимъ порядкамъ и веденію дѣлъ даже въ небольшихъ районахъ, соотвѣтствующихъ нашимъ уѣздамъ, коллегіями. Пародія на коллегіи доходила до того, что, напримѣръ, въ Тифлисѣ полицейскими дѣлами должна была вѣдать управа городской полиціи, которая признавалась коллегіальнымъ учрежденіемъ, *состоящимъ только изъ двухъ лицъ: начальника полиціи и подчиненнаго ему помощника.*

Кн. Циціановъ, будучи врагомъ всякаго двоевластія, усиленно хлопоталъ, чтобы уничтожить лишнія должности и учрежденія и на мѣсто ихъ создать для населенія близкую и сильную власть въ лицѣ окружного начальника (изъ штабъ-офицеровъ) съ подчиненіемъ ему уѣзднаго суда, исправника и коменданта.

Это представленіе кн. Циціановъ мотивировалъ такъ: „Грузины

[1]) „Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ“, т. XII, стр. 38—39.

привыкли повиноваться лицу, а не закону, и ищутъ правосудія не въ судѣ, а у начальника, поэтому они идутъ толпами прямо къ главнокомандующему и, когда тотъ направляетъ ихъ въ судъ, они вторично приходятъ къ нему и просятъ только въ двухъ словахъ высказать его рѣшеніе, изъявляя полную готовность ему подчиниться. Надо удовлетворить этой потребности народа и создать въ каждомъ уѣздѣ власть, столь сильную и видную, чтобы народъ проникся къ ней такимъ же довѣріемъ“ [1]).

Въ опасеніи, что нельзя будетъ найти надежныхъ штабъ-офицеровъ, представленіе это не было удовлетворено.

Относительно непригодности русскаго суда съ его сложными формами для туземцевъ кн. Циціановъ высказалъ: „Сколь ни справедливо то уваженіе, что нужно когда-либо сближать нравы туземцевъ съ россійскими узаконеніями, но, дабы успѣть въ семъ предположеніи, я думаю, что *законы должны изгибаться по нравамъ*, ибо сіи послѣдніе единственно вѣками преломляются“ [2]).

Усиливаясь привить въ Грузіи новые, европейскіе порядки, мы въ то же время допускали „возмутительныя несправедливости и обиды, которымъ подвергалось населеніе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, не находя нигдѣ ни правосудія, ни защиты“ [3]).

Населеніе трехъ уѣздовъ въ Кахетіи возстало почти поголовно. Нѣсколько сотъ русскихъ солдатъ, расположенныхъ постами по деревнямъ, были перерѣзаны. Въ крѣпости Сигнахской убили всѣхъ чиновниковъ.

Въ 1819—1820 годахъ въ Имеретіи вспыхнулъ новый бунтъ, на этотъ разъ вслѣдствіе духовной реформы.

„Военно-народное управленіе, данное нами Бакинской и Кубинской провинціямъ и гор. Дербенту, оказалось гораздо болѣе удачнымъ. Оно тотчасъ же привилось и просуществовало долгое время, не вызывая ни жалобъ со стороны управляемыхъ, ни безпрестанныхъ заботъ со стороны правительства“ [4]).

Въ управленіе Ермолова и Паскевича сдѣланы были значительныя частныя поправки: населеніе начало привыкать къ русскимъ порядкамъ. Въ особенности хорошо дѣйствовало военно-народное управленіе, и вдругъ, противно мнѣнію начальника края барона Розена, въ 1841 году послѣдовала самая капитальная ломка всѣхъ порядковъ, просуществовавшихъ 41 годъ.

Проекты устройства Закавказскаго края представлялись ранѣе Паскевичемъ и Розеномъ, но не были приняты. Въ 1833 году былъ учрежденъ особый комитетъ объ устройствѣ Закавказскаго края.

[1]) „Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ“, т. XII, стр. 45.
[2]) Тамъ же, стр. 40.
[3]) Тамъ же, стр. 75.
[4]) Тамъ же, стр. 89.

Въ 1837 году составленіе проекта управленія Закавказскимъ краемъ было поручено молодому сенатору бар. Гану, служившему по дипломатической части въ Остзейскомъ краѣ и не имѣвшему никакого понятія о Кавказскомъ краѣ.

„Прибывъ въ край, пестрящій чрезвычайнымъ разнообразіемъ мѣстности, племенъ и ихъ историческаго прошлаго, Ганъ тотчасъ же убѣдился, что изучать особенности и нужды, нравы и обычаи туземцевъ будетъ дѣломъ для него неподходящимъ, и потому рѣшилъ немедленно приступить къ составленію самаго проекта по готовымъ образцамъ, уже имѣвшимся въ его портфелѣ. Раздѣливъ край на двѣ губерніи, губернію на уѣзды, а уѣзды на участки, и положивъ вездѣ присутственныя мѣста, существовавшія во внутреннихъ губерніяхъ, Ганъ занялся составленіемъ таблицъ, штатовъ и подробнѣйшаго положенія о правахъ и обязанностяхъ разныхъ должностныхъ лицъ и о порядкѣ дѣлопроизводства, пользуясь для того готовымъ текстомъ свода законовъ“ [1]).

Въ 1840 году проектъ Гана былъ утвержденъ, и къ началу января 1841 года преобразованіе края было закончено.

Введеніе этого проекта не встрѣтило никакихъ препятствій. Населеніе относилось съ полнымъ довѣріемъ.

Но посланный на ревизію статсъ-секретарь Позенъ представилъ обширный докладъ, въ которомъ между прочимъ была сдѣлана слѣдующая оцѣнка проекта Гана:

„Однако, въ примѣненіи къ многоразличнымъ племенамъ закавказскимъ оно, основной цѣли правительства—доставить жителямъ желаемыя выгоды—къ сожалѣнію не достигаетъ“. Механизмъ управленія, „съ отдѣленіемъ суда отъ полиціи, сдѣлался слишкомъ сложнымъ: число чиновниковъ удвоилось; судебныхъ дѣлъ вмѣсто 2,400, бывшихъ въ 1839 г., стало теперь, въ 1841 году, 4,800: расходы по одному только гражданскому управленію края превысили всѣ мѣстные доходы на 1½ мил. руб. Между тѣмъ, управленіе не удовлетворяетъ потребностямъ жителей ни въ дѣлахъ полиціи, ни въ дѣлахъ суда, ни въ дѣлахъ хозяйства: народъ покинулъ тѣ надежды, съ которыми встрѣтилъ реформу, забылъ всѣ стѣсненія и злоупотребленія прежняго управленія и въ однихъ мѣстахъ словесно, а въ другихъ письменно, проситъ о возстановленіи прежнихъ порядковъ“ [2]).

И далѣе: „Въ уголовномъ же судопроизводствѣ весь розыскной порядокъ слѣдствія, обыкновенно не обнаруживая ничего, крайне обремняетъ жителей. Законы объ уликахъ и самые виды наказаній не соотвѣтствуютъ мѣстнымъ условіямъ. Наконецъ, племена, населяющія Закавказье, столь различны, что къ нимъ не слѣдовало примѣнять однообразный порядокъ управленія и суда“. „Единство

---

[1]) „Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ“, т. XII, стр. 291.

[2]) Тамъ же, стр. 299.

замѣчаетъ Позенъ, — должно заключаться въ единствѣ власти и въ единствѣ цѣли, *но отнюдь не въ единствѣ средствъ*, приводящихъ къ той цѣли“ [1]).

Императоръ Николай I, прочитавъ докладъ Позена, приказалъ безотлагательно приступить къ отмѣнѣ проекта Гана.

Черезъ нѣсколько лѣтъ отъ этого проекта остались развалины и прибавился хаосъ въ управленіи.

Но наконецъ и Кавказъ дождался хозяина. Въ 1845 году въ Тифлисъ прибылъ князь Воронцовъ въ качествѣ Кавказскаго намѣстника. Въ капитальномъ трудѣ „Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ“ Воронцову посвящены слѣдующія двѣ страницы:

„Онъ правилъ Закавказьемъ такъ, какъ будто бы этотъ край былъ его родиною. Благо и счастье туземнаго населенія были главною цѣлью его заботъ, основнымъ признакомъ для оцѣнки хорошаго и дурного въ области администраціи и суда. Для него не существовало коллизій между интересами Россіи и интересами этой окраины. Онъ хорошо понималъ, что главный интересъ Россіи состоялъ, по тому времени, только въ томъ, чтобы связать съ собою этихъ новыхъ подданныхъ нерасторжимыми узами, чтобы заставить ихъ позабыть о единовѣрномъ и единоплеменномъ правительствѣ и полюбить благосклонное и попечительное правительство русскаго монарха, и что точно также счастье и благо покоренныхъ народовъ состояли прежде всего опять-таки въ томъ, чтобы, покинувъ несбыточныя мечтанія, привязаться къ своей новой мачехѣ, какъ къ родной матери. Какъ и Паскевичъ, онъ всемѣрно стремился къ сближенію этой окраины съ имперіею, но, въ противоположность ему, не видѣлъ ничего добраго въ безвременномъ введеніи россійскихъ законовъ и россійскихъ порядковъ управленія и суда. „Всякая перемѣна, -представлялъ онъ государю, — и всякое нововведеніе, измѣняющее вѣковые обычаи, чрезвычайно трудно къ введенію вездѣ, но особенно въ здѣшнемъ краѣ, а потому, въ подобныхъ случаяхъ, надобно дѣйствовать съ большою осторожностью. Насильственныя мѣры не только не принесутъ добра, но могутъ имѣть очень дурныя послѣдствія“. Онъ пытался достигнуть сближенія путемъ живого общенія между народами, торговаго обмѣна и сотрудничества въ области промышленной и духовной культуры. Для этого онъ переселилъ за Кавказъ до 3½ тыс. семействъ русскихъ раскольниковъ, преимущественно молоканъ и духоборцевъ: открылъ правильное пароходное сообщеніе съ портами Чернаго и Каспійскаго морей; усовершенствовалъ военно-грузинскую дорогу и проложилъ параллельно ей другой путь—по военно-имеретинской дорогѣ: соединилъ важнѣйшіе пункты Закавказья хорошими путями сообщенія: уговорилъ группу московскихъ и петербургскихъ купцовъ открыть въ Тифлисѣ оптовый складъ русскихъ товаровъ:

[1]) „Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ“, т. XII, стр. 300.

доставилъ возможность значительному числу туземной молодежи получать воспитаніе въ Россіи; открылъ по всему Закавказью гимназіи, ремесленныя и народныя школы; учредилъ въ каждомъ полку „школы военныхъ воспитанниковъ“, въ которыхъ до 500 юношей изъ грузинскихъ князей и дворянъ научались всему необходимому для юнкерскаго экзамена и готовились къ военной службѣ; шелъ на встрѣчу каждой народной нуждѣ: содѣйствовалъ всѣмъ видамъ промышленности, вызывая изъ Россіи опытныхъ мастеровъ, выписывая усовершенствованныя орудія, заводя образцовыя заведенія, открывая рынки для сбыта, расчистилъ и прорылъ множество оросительныхъ канавъ, насадилъ во всѣхъ городахъ великолѣпные сады, распространилъ въ огромномъ числѣ по всему Закавказью улучшенныя породы фруктовыхъ растеній; раскрылъ населенію богатства, скрытыя въ нѣдрахъ его земли, разыскавъ залежи каменнаго угля, минеральные источники, желѣзныя, мѣдныя и проч. руды; наконецъ, ознакомилъ туземцевъ съ прелестью духовной культуры, давъ ему весьма интересную газету и учредивъ въ Тифлисѣ прекрасный драматическій и оперный театры, приводившіе въ восторгъ все населеніе. Неудивительно поэтому, что черезъ десять лѣтъ послѣ смерти Воронцова благодарный Кавказъ воздвигъ въ Тифлисѣ памятникъ своему первому намѣстнику“.

„Политика Воронцова увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Желанное сближеніе Россіи съ Закавказьемъ дѣйствительно наступило, и въ 1848 г. грузинское дворянство впервые и съ полною искренностью представляло государю: теперь мы пользуемся совершеннымъ спокойствіемъ внутри: съ врагами деремся не у себя дома, а у нихъ; дѣтей нашихъ воспитываемъ, не опасаясь, а радуясь ихъ будущности“ [1]).

Но и кн. Воронцовъ совершилъ тяжелую несправедливость для массы населенія въ поземельномъ вопросѣ, принявъ, подобно тому, какъ сдѣлали англичане въ Индіи, сторону не массы населенія, а мѣстныхъ аристократовъ разнаго рода.

6 декабря 1846 года послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ, коимъ, въ ознаменованіе особой милости и благоволенія къ ханамъ, бекамъ, агаларамъ, а также меликамъ изъ армянъ, повелѣно было: признать за этими лицами права полной собственности на всѣ тѣ земли, которыми роды ихъ обладали во время присоединенія къ Россіи и которыя находились въ ихъ безспорномъ владѣніи. Этимъ пунктомъ и другими того же рескрипта утверждалось на Кавказѣ крупное землевладѣніе, а населеніе, сидѣвшее на этихъ земляхъ, было прикрѣплено къ нимъ и попало въ полную зависимость отъ землевладѣльцевъ.

Такъ какъ вопросъ о документахъ былъ очень спорный, то скоро явилась масса подложныхъ документовъ, по которымъ трудолюбивое земледѣльческое населеніе, владѣвшее съ незапамятныхъ временъ тѣмъ или другимъ участкомъ земли, обездоливалось отобраніемъ участка съ лишеніемъ средствъ къ существованію.

---

[1]) „Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ“, т. XII, стр. 348—350.

За время управленія краемъ княземъ Барятинскимъ наиболѣе важнымъ мѣропріятіемъ въ Закавказьѣ является положеніе о размежеваніи. Дѣятельность его была въ особенности плодотворна въ Дагестанѣ, гдѣ дикое населеніе стало жить совершенно спокойно.

Въ 1862 году населеніе четырехъ закавказскихъ губерній вмѣстѣ съ Мингреліею составило 2,900,000 душъ, но изъ нихъ русскихъ было только 70,000.

Въ запискѣ объ управленіи азіатскими окраинами извѣстнаго генерала Фадѣева, составленной въ 1881 году, указано, что 28 лѣтъ тому назадъ выяснилась необходимость положить систематическій конецъ безотчетному разрастанію расходовъ въ Кавказскомъ краѣ.

„По сознанію какъ мѣстнаго управленія, такъ и туземнаго населенія, насущныя несочтенныя потребности страны заключаются: 1) въ размежеваніи, безъ котораго частная собственность остается почти мертвымъ капиталомъ, не повышается въ цѣнѣ; 2) въ орошеніи, по крайней мѣрѣ въ возстановленіи системы орошенія, существовавшаго до русскаго владычества, такъ какъ въ этомъ жаркомъ поясѣ самыя богатыя земли обращаются безъ воды въ пустыню; 3) въ дорогахъ, связывающихъ производительныя мѣстности съ главными путями сообщенія. Исчислено, что однимъ милліономъ въ годъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, можно было бы удовлетворить этимъ тремъ потребностямъ разомъ, чего не было до сихъ поръ сдѣлано вовсе не по недостатку въ средствахъ. Съ 1860 года расходы на закавказское управленіе возрастали съ 1,700,000 на 8 милліоновъ, а съ земскими сборами на $10^1/_2$ милліоновъ, но изъ всего прироста, расходившагося безъ остатка на усложненіе штатовъ администраціи, ни разу не осталось даже 300,000 на ускореніе межеванія, о которомъ всѣ вздыхаютъ“ [1]).

При кн. Воронцовѣ штабъ при немъ имѣлъ размѣры корпуснаго съ незначительными добавленіями. Въ 1881 году гражданское управленіе Кавказа заключало въ себѣ 20 различныхъ учрежденій съ 217 чиновниками и стоило 637,000 рублей въ годъ. Между тѣмъ центральное гражданское управленіе Варшавскаго военнаго округа стоило 212,000 руб. Въ военно-окружномъ кавказскомъ управленіи было 948 лицъ, и они стоили 859,000 руб. Въ Варшавскомъ в. округѣ, при вдвое большемъ числѣ войскъ, стоимость военно-окружныхъ управленій составляла 259,000 руб.

Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія всѣ доходы по Кавказскому краю составляли солидную сумму въ 15 милл. руб. Но расходы по военной и гражданской части превосходили втрое доходы, и ежегодный дефицитъ получался около 30 милл. рублей.

Несмотря на огромныя естественныя богатства Кавказскаго края, русскому населенію приходится до сихъ поръ приплачивать за это завоеваніе.

---

[1]) Собраніе сочин. Р. А. Фадѣева „Записки о кавказскихъ дѣлахъ“, стр. 155.

Въ настоящее время населеніе Кавказа уже близко подходитъ къ 10,000,000 душъ, изъ коихъ 4,300,000 живутъ на Сѣверномъ Кавказѣ, а 5,000,000 душъ въ Закавказьѣ.

Русское населеніе на Сѣверномъ Кавказѣ, особенно въ Кубанской и Терской областяхъ, составляетъ до 3,000,000 душъ съ небольшимъ преобладаніемъ великорусскаго племени надъ малорусскимъ.

Въ Закавказьѣ русское населеніе составляетъ всего 220,000 великоруссовъ, 23,000 малороссовъ и 4,000 бѣлоруссовъ. Такимъ образомъ за 40 лѣтъ времени русское населеніе въ Закавказьѣ утроилось.

Пустынныя сто лѣтъ тому назадъ равнинныя мѣстности Сѣвернаго Кавказа нынѣ представляютъ огромное богатство въ земледѣльческомъ отношеніи. Пшеница Кубанской и Терской областей выручала лѣтъ 15 тому назадъ даже богатую Фергану, гдѣ увлеченіе посѣвами хлопка и неурожаи такъ называемыхъ богарныхъ посѣвовъ пшеницы оставили населеніе безъ хлѣба.

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ земледѣльческая дѣятельность населенія, особенно въ Терской области, не можетъ носить совершенно спокойный характеръ. Угонъ скота, нападенія на жителей со стороны мѣстнаго населенія, особенно ингушей и частью осетинъ, требуютъ до сихъ поръ усиленной охраны труда мирнаго населенія, его жилищъ, имущества и даже жизни.

Еще менѣе возможна вполнѣ спокойная сельско-хозяйственная и промышленная дѣятельность въ Закавказьѣ.

Къ борьбѣ племенной, особенно татаръ и армянъ, присоединилась позорная дѣятельность представителей крайнихъ лѣвыхъ партій. Даже въ Тифлисѣ жители не безопасны отъ неожиданнаго нападенія, увоза въ горы, требованія выкупа, убійства. Положеніе осложнилось возникшими сепаратистскими стремленіями части населенія Закавказья, особенно армянскаго и грузинскаго.

Надо надѣяться, что неуклонно строгими мѣрами спокойная дѣятельность населенія наконецъ будетъ возобновлена.

Такимъ образомъ, присоединеніе въ XIX столѣтіи къ Россіи Сѣвернаго Кавказа составляло лишь продолженіе работы по обезпеченію предѣловъ Россіи съ юга, начатой еще Иваномъ IV, и эта работа была жизненно необходима для Россіи.

Присоединеніе Закавказья не вызывалось непосредственными нуждами Россіи, но неоднократное обращеніе къ нашимъ государямъ христіанскаго населенія съ просьбой о защитѣ отъ преслѣдованія со стороны мусульманъ было услышано. Екатерина II предполагала первоначально образовать христіанское государство въ Закавказьѣ. Когда же вмѣшательство Россіи въ грузинскія дѣла привело ее къ столкновенію съ Персіею, и Россіею силою оружія были завоеваны нѣсколько ханствъ, то Грузія явилась какъ бы вкрапленною среди земель, уже присоединенныхъ къ Россіи по праву завоеванія, и въ

концѣ концовъ раздѣлила общую съ ними участь, т. е. была поглощена Россіею.

Итакъ Сѣверный Кавказъ былъ взятъ Россіею потому, что былъ нуженъ для спокойствія русскаго племени. Закавказье было взято Россіею главнымъ образомъ вслѣдствіе ослабленія Персіи и Турціи.

Что касается особо выгоднаго, въ экономическомъ и торговомъ отношеніяхъ, положенія Кавказскаго перешейка, то надо надѣяться, что русское населеніе и воспользуется этими выгодами въ будущемъ.

Пока же, несмотря на близость, напр., Тавриза, мы не всегда оказываемся въ силахъ конкурировать въ этомъ пунктѣ съ товарами другихъ націй.

ГЛАВА XIX.

Расширеніе въ XIX столѣтіи предѣловъ Россіи въ Средней Азіи.

Значеніе Туркестанскаго края въ экономическомъ отношеніи. Положеніе туземнаго населенія Туркестанскаго края въ религіозномъ отношеніи. Поставленіе въ Средней Азіи на особую высоту представителей русскаго племени. Человѣколюбивое отношеніе къ туземцамъ тотчасъ послѣ одержанной надъ ними побѣды. Организація власти надъ туземнымъ населеніемъ, наиболѣе соотвѣтствующая его нравамъ и обычаямъ. Заботливое отношеніе Туркестанскихъ властей къ экономическому положенію массы туземнаго населенія. Туркестанскія войска. Военно-политическое значеніе Туркестанскаго края.

Движеніе Россіи на востокъ, въ Среднюю Азію, началось тотчасъ послѣ сверженія монгольскаго ига. Иванъ III покоряетъ Пермь. Иванъ IV завоевываетъ царства Казанское и Астраханское. Казачья вольница идетъ далеко впереди русскихъ войскъ: Ермакъ, завоевываетъ Сибирское царство. Въ XVI столѣтіи Уральскіе казаки осѣли на р. Уралѣ (Яикѣ). Тобольскъ основанъ въ 1587 году: Иркутскъ въ 1661 г., а въ 1650 году занята р. Амуръ. Сѣверная граница была обезпечена Ледовитымъ океаномъ, но южная, совершенно беззащитная, была подвержена непрерывнымъ нападеніямъ кочевыхъ племенъ. Новыхъ поселенцевъ и покорившихся намъ инородцевъ кочевники-киргизы грабили, угоняя скотъ и угоняя жителей въ неволю.

Съ цѣлью замиренія степи и установленія правильныхъ торговыхъ сношеній съ среднеазіатскими осѣдлыми владѣніями, Петръ I снарядилъ двѣ экспедиціи: одну Бековича-Черкасскаго въ Хиву, другую Бухгольца—со стороны Сибири на верхній Иртышъ и далѣе къ Яркенду. Первая экспедиція окончилась неудачно: уже достигнувъ Хивы, отрядъ палъ, вслѣдствіе неразумной довѣрчивости Бековича-Черкасскаго, былъ раздѣленъ на части и измѣнническки вырѣзанъ. Бухгольцъ былъ счастливѣе: до Яркенда ему дойти не удалось, но средній Иртышъ онъ занялъ, основалъ г. Омскъ и положилъ начало Сибирской степной линіи.

Въ XVIII вѣкѣ усилились Кокандское и особенно Джунгарское царства. Киргизы-кочевники были потѣснены съ востока и юго-востока осѣдлыми жителями—кокандцами и джунгарами. Большая и средняя орды должны были признать власть правителя Джунгаріи—Голдань-Цереня, а малая орда была подчинена Коканду.

Съ конца XVII и начала XVIII столѣтія киргизы, тѣснимые кокандцами и джунгарами, обращаются къ Россіи, прося подданства. Туркмены съ тою же просьбою обращались къ Петру Великому.

Въ началѣ XVIII столѣтія наша граница съ среднеазіатскими степями шла по р. Уралу, южнымъ отрогамъ Уральскихъ горъ, далѣе степью на Омскъ и по линіи р. Иртышъ. Линія эта была слабая, но русское правительство не имѣло намѣренія переходить ее и отказывало киргизамъ въ подданствѣ.

Двухмилліонное киргизское населеніе непрерывно волновалось. Среди него начались большія междоусобія. Не получая отъ насъ защиты, киргизы нападали и на нашу линію. Одна изъ ихъ большихъ партій проникла почти до Казани.

Въ 1730 году ханъ малой орды добился, наконецъ, принятія его въ русское подданство. Мы обязались основать на границѣ его кочевій укрѣпленіе Орскъ, а ханъ брался охранять спокойствіе на границѣ и давать конвой нашимъ караванамъ. Основаніемъ Орска было положено начало Оренбургской степной линіи. Этотъ шагъ не принесъ ожидаемой пользы. Мы вынуждены были то защищать своихъ новыхъ подданныхъ отъ ихъ же сородичей, то наказывать ихъ за набѣги и грабежи въ нашихъ владѣніяхъ. Между Оренбургскою линіею и Сибирскою лежала открытая степь на протяженіи свыше одной тысячи верстъ.

Для защиты мирныхъ киргизъ наказанія за набѣги и для возвращенія отбитаго скота посылались отряды силою до 2,000 человѣкъ. Отряды двигались по степи въ теченіе многихъ мѣсяцевъ; но какъ только они возвращались назадъ, за ними шли слѣдомъ шайки и повторяли разбои. Ежегодно около 200 русскихъ людей уводилось киргизами и туркменами въ неволю. Безполезность періодическаго появленія нашихъ отрядовъ въ степи вынуждала наше правительство для лучшаго обезпеченія русскихъ подданныхъ *рыться углубиться въ степь и утвердиться въ ней*. Къ началу XIX столѣтія наша степная линія шла примѣрно отъ г. Петровска на Каспійскомъ морѣ къ сѣверному берегу Аральскаго моря и далѣе по открытой степи къ Семипалатинску на р. Иртышѣ. Никакихъ опорныхъ пунктовъ на этой линіи не было.

Съ назначеніемъ генералъ-губернаторомъ Оренбургскаго края графа Перовскаго принято было нѣсколько мѣръ къ успокоенію степи: устроено въ 1833 году на Каспійскомъ морѣ Ново-Александровское укрѣпленіе и нѣсколько новыхъ укрѣпленій. Эти мѣры не остановили

набѣговъ кочевниковъ, особенно хивинскихъ туркменъ. Тогда рѣшено было произвести экспедицію въ Хиву.

Такой шагъ могъ имѣть серьезное значеніе. Вмѣсто борьбы съ кочевниками мы втягивались въ борьбу съ многочисленными осѣдлыми жителями ханствъ—Хивинскаго, Бухарскаго и Кокандскаго. Эти три ханства жили независимою одно отъ другого жизнью и непрерывно враждовали между собою. Населеніе ханствъ было угнетено своими ханами и правящимъ классомъ, но въ рукахъ сильнаго духовенства было способно къ временному фанатическому возбужденію. Рабство въ ханствахъ было въ полномъ развитіи. Да и вся масса населенія были въ сущности рабы у эмировъ или хановъ. Это рабство въ теченіе многихъ столѣтій не могло не наложить печати на духовныя силы населенія: къ упорной оборонѣ своей родины забитое населеніе оказалось неспособнымъ. Бухарское ханство примыкало къ Афганистану, усиленно охраняемому англичанами. Переѣдя Киргизскую степь въ направленіи, напр., Оренбургъ — Ташкентъ, мы сближались съ владѣніями Англіи въ Индіи на 1,600 верстъ. При неопредѣленности нашей политики въ XIX столѣтіи и легкости, съ какою мы вмѣшивались въ чужія дѣла, Англія не могла быть спокойна за свои владѣнія въ Азіи, если бы Россія приблизилась къ нимъ. Павелъ I въ свое короткое царствованіе успѣлъ однако послать русскія войска въ Италію и Швейцарію, и онъ же далъ приказъ донскимъ казакамъ съ Платовымъ идти походомъ на Индію. Наполеонъ въ краткіе періоды дружбы съ Россіею указывалъ на возможность нанести русско-французскими войсками разгромъ Англіи въ Индіи и разрабатывалъ планъ похода.

Походъ въ Хиву, предпринятый въ 1839 году гр. Перовскимъ, съ 4,000 чел. при 10,000 верблюдовъ, окончился полною неудачею. Шли зимою и, пройдя только половину пути, вынуждены были отступить вслѣдствіе огромнаго падежа верблюдовъ и болѣзненности среди войскъ. На обратный путь годными оказались только $^1/_4$ часть всѣхъ взятыхъ верблюдовъ. Отрядъ возвратился въ Оренбургъ, везя 1,200 больныхъ и потерявъ 1,000 чел. умершими [1]). Противникъ мало тревожилъ наши войска при этомъ движеніи.

Неудача похода отразилась волненіемъ въ степи. Киргизы, бухарскіе подданные, подъ начальствомъ Кенисона Касимова, произвели рядъ набѣговъ на наши предѣлы и силою понуждали киргизъ, нашихъ подданныхъ, отложиться отъ Россіи. Тогда для огражденія своихъ предѣловъ, въ 1845 году, кромѣ Эмбенскаго укрѣпленія, мы построили въ степи два укрѣпленія: Тургай и Иргизъ. Черезъ два года русскіе сдѣлали важный шагъ: заняли устье р. Сыръ-Дарьи. Этотъ шагъ сдѣланъ былъ по просьбѣ киргизъ, кочевавшихъ въ этомъ районѣ, въ защиту ихъ отъ набѣговъ хивинцевъ и кокандцевъ. Но и русскіе, утвердив-

[1]) А. Куропаткинъ „Завоеваніе Туркменіи", стр. 9, изд. 1899 г.

шись на р. Сыръ-Дарьѣ, пришли въ столкновеніе съ кокандцами, занимавшими всего въ 300 верстахъ отъ устья р. Сыръ-Дарьи укрѣпленіе на той же рѣкѣ Акъ-Мечеть.

Въ 1857 году кокандскіе киргизы отбиваютъ у нашихъ 50,000 головъ скота. Въ результатѣ явилась экспедиція противъ Акъ-Мечети, которая была взята штурмомъ и переименована въ фортъ Перовскій; линія р. Сырь-Дарьи на 400 верстъ протяженія оказалась въ русскихъ рукахъ. Взятіе русскими Акъ-Мечети, служившее къ утвержденію Россіи на р. Сыръ-Дарьѣ, очень встревожило англичанъ. Ихъ враждебное къ намъ отношеніе въ 1853—1855 годахъ и стремленіе ослабить наше военное положеніе въ Европѣ находились въ связи съ ихъ опасеніями дальнѣйшихъ успѣховъ русскихъ войскъ въ средней Азіи.

Такимъ образомъ, начиная съ Оренбурга, мы продвигались впередъ тонкою линіею на Орскъ, Иргизъ, Казалинскъ, Перовскъ.

Въ то же время на Сибирской линіи мы тоже продвигались впередъ, и къ серединѣ XIX столѣтія укр. Вѣрный (Ахматы) составляло крайній пунктъ Сибирской линіи. Между фортомъ Перовскимъ и укр. Вѣрнымъ оставалось незанятое нами пространство въ 900 верстъ, въ которое свободно вторгались кокандскія скопища, направляясь то къ Сибирской, то къ Оренбургской линіи, грабя и собирая подати съ подвластныхъ намъ киргизъ.

Все не рѣшаясь расширить территорію Россіи присоединеніемъ степныхъ пространствъ и опасаясь при дальнѣйшемъ движеніи войти въ столкновеніе съ ханствами, распоряженіями изъ Петербурга указывалось, въ случаѣ необходимости наказать кокандцевъ за набѣгъ, выдвигаться впередъ изъ форта Перовскаго или изъ укр. Вѣрнаго, овладѣвать однимъ изъ ближайшихъ къ намъ опорныхъ пунктовъ кокандцевъ, но не утверждаться въ нихъ, а, разрушивъ, возвращаться обратно. Такъ, со стороны Перовска нашъ отрядъ овладѣлъ укр. Джулъ, а въ 1861 году Яны-Курганомъ, разрушилъ ихъ и возвратился обратно. Въ 1860 году со стороны Сибирской линіи мы овладѣли кокандскими укрѣпленіями Токмакъ и Пишпекъ, разрушили ихъ и возвратились обратно.

Въ результатѣ такое движеніе нашихъ отрядовъ впередъ и отступленіе назадъ только усиливали смѣлость нашихъ противниковъ. Такъ, послѣ занятія нами Пишпека кокандцы большими скопищами двинулись къ Сибирской линіи, возмутили киргизъ, объявили „газаватъ“ и появились въ количествѣ до 20,000 чел. при 10 орудіяхъ въ окрестностяхъ г. Вѣрнаго. Начальствовавшій въ это время въ Вѣрномъ подполковникъ Колпаковскій съ 1000 чел. пѣхоты и казаковъ и нѣсколькими орудіями перешелъ въ наступленіе и разбилъ кокандцевъ. Пишпекъ снова былъ взятъ нами и снова покинутъ.

Наконецъ въ 1863 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе соединить обѣ линіи—Сибирскую и Оренбургскую, занять для сего

Ауліэату, Чемкентъ и Туркестанъ и перенести нашу границу на р. Арысь, впадающую въ р. Сыръ-Дарью.

Весною 1864 года началось движеніе небольшихъ отрядовъ нашихъ войскъ отъ Перовска и отъ Вѣрнаго. Когда указанные выше пункты послѣ незначительнаго сопротивленія были взяты, мы, съ овладѣніемъ Чемкентомъ, заняли одинъ изъ осѣдлыхъ оазисовъ Кокандскаго ханства. Къ югу отъ Чемкента всего въ ста съ небольшимъ верстахъ лежалъ богатый и многолюдный Ташкентъ, гдѣ сосредоточивалась военная дѣятельность нашихъ противниковъ. Они усиленно готовились къ переходу въ наступленіе, съ цѣлью возвратить отнятые у нихъ пункты.

Въ Петербургѣ понимали трудность положенія на новой линіи, примыкавшей къ обширнымъ враждебнымъ намъ самостоятельнымъ ханствамъ—Бухарскому и Кокандскому. Явилось предположеніе отдѣлить Ташкентъ отъ Кокандскаго ханства и, не включая его въ предѣлы имперіи, образовать изъ него самостоятельное владѣніе подъ нашимъ протекторатомъ.

Съ удивительнымъ однообразіемъ мы дѣйствуемъ по отношенію Крыма, Грузіи и Ташкента. Ранѣе присоединенія этихъ мѣстностей мы пытаемся создавать изъ нихъ самостоятельныя владѣнія, но подъ нашимъ протекторатомъ. Этотъ протекторатъ и долженъ былъ служить переходною ступенью къ полному присоединенію.

Но военныя событія пошли въ Туркестанѣ такимъ ускореннымъ темпомъ, что не только не удалось создать самостоятельнаго Ташкентскаго района, но, послѣ овладѣнія Черняевымъ Ташкентомъ въ 1865 году, Кауфманъ овладѣлъ въ 1868 году Самаркандомъ, въ 1873 году Хивою, въ 1875 году Кокандскимъ ханствомъ, и наконецъ въ 1882 году закончилось присоединеніе Скобелевымъ Туркменіи. Въ 17 лѣтъ времени русскія войска разбиваютъ силы кокандцевъ, бухарцевъ, туркменъ и присоединяютъ къ Россіи плодородныя, густо населенныя мѣстности бывшаго Кокандскаго и частью Бухарскаго ханствъ.

Многія изъ наступательныхъ дѣйствій нашихъ военачальниковъ являлись неожиданными для Петербурга и не соотвѣтствовали „его видамъ“; но обстановка на мѣстѣ складывалась такъ, что эти дѣйствія дѣйствительно были вынужденными. Дѣло въ томъ, что въ средней Азіи мы содержали весьма незначительныя силы, но наши войска въ высокой степени превосходили туземныя скопища храбростью, выучкою, вооруженіемъ, дисциплиною. При этихъ условіяхъ наступательный образъ дѣйствій, несмотря ни на какое превосходство въ силахъ противника, давалъ всегда отличные результаты. Напротивъ того, ожиданіе противника, перешедшаго въ наступленіе, въ занятыхъ нами пунктахъ, гдѣ гарнизоны были иногда совершенно ничтожны, могло повести къ губительнымъ послѣдствіямъ. Вотъ почему при полученіи извѣстій о сборѣ силъ нашихъ противниковъ

русскіе начальники войскъ въ Туркестанѣ собирали спѣшно бывшія подъ рукою войска и смѣло двигались впередъ, не испрашивая на то разрѣшенія изъ Петербурга. И вотъ, неожиданно для Петербурга, получались извѣстія о побѣдахъ, о взятыхъ городахъ и предстояло отвѣчать на вопросы: что съ этими новыми завоеваніями дѣлать.

Еще въ 1853 году, по овладѣніи русскими войсками Акъ-Мечетью (фортъ Перовскій), кокандцы перешли въ наступленіе съ цѣлью овладѣть обратно этимъ важнымъ для нихъ пунктомъ. Комендантъ форта Перовскаго подполковникъ Огаревъ, не дожидаясь приступа кокандцевъ къ осадѣ, выступилъ изъ укрѣпленія съ 1,000 человѣкъ, напалъ на лагерь кокандцевъ, расположившійся въ 3-хъ верстахъ отъ укрѣпленія, ударилъ на неприготовившихся къ бою противниковъ въ штыки и обратилъ ихъ въ бѣгство. Въ наши руки достались весь лагерь, 11 знаменъ, 17 орудій и 130 пуд. пороха; мы потеряли 56 человѣкъ убитыми и ранеными.

Выше была изложена попытка кокандцевъ, объявившихъ „газаватъ", овладѣть г. Вѣрнымъ. Подполковникъ Колпаковскій, не дожидаясь нападенія кокандцевъ, несмотря на неравенство силъ, смѣло пошелъ къ нимъ навстрѣчу и разбилъ подъ Узунъ-агачемъ.

По занятіи нами Чемкента близкая опасность отъ русскихъ заставила правительства Коканда и Бухары вступить въ соглашеніе для совмѣстной борьбы съ русскими.

Сильныя скопища кокандцевъ, до 10,000 человѣкъ, прорвали нашу линію и вышли въ тылъ къ г. Туркестану. Черняевъ рѣшается овладѣть Ташкентомъ и этимъ воспрепятствовать соединенію силъ бухарцевъ и кокандцевъ. Первая попытка овладѣть г. Ташкентомъ не имѣла успѣха. Въ 1865 году, перейдя вновь въ наступленіе съ отрядомъ въ 2,000 чел. при 12 орудіяхъ, Черняевъ овладѣваетъ штурмомъ Ташкентомъ съ 100-тысячнымъ населеніемъ.

На слѣдующій годъ эмиръ Бухары съ войскомъ въ 35,000 человѣкъ двигается къ Ташкенту съ цѣлью обратнаго овладѣнія имъ. Вступившій въ командованіе войсками въ Ташкентѣ послѣ Черняева генералъ Романовскій, собравъ отрядъ силою въ 3,000 человѣкъ, выступилъ на встрѣчу бухарцамъ, атаковалъ ихъ и разбилъ подъ Ирджаромъ. Послѣ этой побѣды былъ взятъ штурмомъ городъ Ходжентъ на р. Сыръ-Дарьѣ. Овладѣвъ этимъ пунктомъ, мы разъединяли ханство Кокандское отъ Бухарскаго. Но, не довольствуясь взятіемъ Ходжента, наши войска въ томъ же 1866 году вслѣдъ за Ходжентомъ берутъ два укрѣпленныхъ города—Ура-Тюбе и Джизакъ, входившіе въ составъ Бухары.

Въ 1867 году изъ вновь завоеванныхъ мѣстностей было образовано Туркестанское генералъ-губернаторство, въ составъ котораго вошли области Туркестанская и Семирѣченская. Вновь назначенный начальникъ края генералъ Кауфманъ, прибывъ въ Ташкентъ въ

1867 году, имѣлъ намѣреніе, согласно съ видами правительства, не расширять нашихъ владѣній въ Азіи. Онъ вступилъ въ переговоры съ ханомъ кокандскимъ и эмиромъ бухарскимъ, приглашая ихъ къ миру и къ развитію съ Россіею торговой дѣятельности. Ханъ кокандскій согласился и заключилъ договоръ, по которому ханство стало открыто для русской торговли. Но переговоры съ эмиромъ Бухары не увѣнчались успѣхомъ. Эмиръ требовалъ очищенія нами городовъ Ура-Тюбе и Джизака. Въ то же время эмиръ собиралъ въ Самаркандѣ многочисленную армію, нанялъ на службу 10 тысячъ туркменъ и велъ переговоры съ Хивою, Кашгаромъ и Афганистаномъ для образованія общаго союза для борьбы съ русскими. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1868 года эмиръ, подъ давленіемъ духовенства, объявилъ „газаватъ". Проповѣдники газавата явились въ Ташкентѣ и другихъ занятыхъ нами въ Туркестанѣ городахъ, и ихъ проповѣдь борьбы съ невѣрными встрѣтила въ населеніи сочувствіе. Многочисленныя бухарскія шайки показались въ окрестностяхъ даже Ташкента.

Наши силы въ Сыръ-Дарьинской области (бывшей Туркестанской), постепенно съ 1863 года подкрѣпляемыя, въ 1868 году достигли 11 бат., 32 орудій и 21 сотни казаковъ. Но силы эти были расположены въ 17 пунктахъ и, кромѣ того, некомплектъ войскъ, вслѣдствіе тяжелой заболѣваемости въ передовыхъ въ то время пунктахъ—Джизакѣ и Яны-Курганѣ, доходилъ до 126 офицеровъ и 4200 нижнихъ чиновъ: кромѣ того въ разныхъ командировкахъ находилось свыше 1000 человѣкъ.

Насколько было тяжело положеніе нашихъ войскъ,—видно изъ того, что въ теченіе 8 мѣсяцевъ 1867—1868 годовъ въ лазареты области поступило 12,000 человѣкъ; умерло за 8 мѣсяцевъ 820 человѣкъ.

Къ веснѣ 1868 года силы бухарцевъ состояли изъ регулярныхъ войскъ: 12 бат. сарбазовъ, 150 орудій и 30 сотенъ конницы. Вмѣстѣ съ вооруженнымъ населеніемъ и нанятыми туркменами бухарцы могли выставить противъ насъ 40—50 тысячъ человѣкъ.

Весной 1868 г. весь Туркестанскій край охватило волненіе. Населеніе Ташкента ждало подхода бухарскихъ войскъ, чтобы возстать.

„При такомъ положеніи дѣла неизбѣжность вооруженной борьбы съ Бухарою стала очевидною. Предстояло рѣшить только, будетъ ли эта борьба съ нашей стороны оборонительною или наступательною. Генералъ Кауфманъ рѣшилъ, что *для оборонительной войны у насъ недостаточно войскъ* для прикрытія обширныхъ границъ отъ вторженія противника и для борьбы внутри нашихъ предѣловъ съ бухарцами и съ возставшимъ населеніемъ. Наоборотъ, быстрый и рѣшительный ударъ, нанесенный бухарцамъ въ центрѣ ихъ средоточія, обѣщалъ скоро затушить начавшійся въ мусульманскомъ мірѣ общій пожаръ" [1].

Для наступленія генералъ Кауфманъ могъ сосредоточить отрядъ

---

[1]) А. Н. Куропаткинъ „Завоеваніе Туркменіи", стр. 24, изд. 1899 г.

въ 3,500 человѣкъ при 16 орудіяхъ. Двинутый впередъ къ Самарканду, отрядъ этотъ упредилъ переходъ въ наступленіе бухарцевъ, напалъ на нихъ, дважды разбилъ бухарскія войска [1]) и овладѣлъ Самаркандомъ.

Уже въ 1868 году русскія войска могли завоевать все Бухарское ханство, настолько одержанные русскими войсками успѣхи подорвали силы бухарцевъ матеріальныя и, главнымъ образомъ, духовныя. Но рѣшено было ограничиться присоединеніемъ къ русскимъ предѣламъ только Самарканда съ небольшимъ округомъ. Эти пріобрѣтенія были для Петербурга неожиданны, и Кауфману стоило большихъ усилій доказать ихъ необходимость.

„Эмиръ бухарскій просилъ мира, который и былъ ему данъ на слѣдующихъ условіяхъ: Бухара признала за Россіею всѣ завоеванія, сдѣланныя съ 1865 г., и уплатила за военныя издержки 500,000 руб. Русскимъ купцамъ предоставлено право свободной торговли во всѣхъ городахъ Бухары. Невольничество уничтожено. Въ общемъ 1868 г. далъ Россіи полную побѣду надъ бухарцами и увеличеніе нашихъ владѣній цвѣтущимъ Зарявшанскимъ округомъ. Заключенный съ бухарцами миръ поддерживается и теперь. Владѣя Самаркандомъ, мы владѣемъ всею водою Бухарскаго ханства. Такая зависимость даетъ намъ власть мирно править бухарцами уже 30 лѣтъ и дѣлаетъ эмира нашимъ вассаломъ. Мало того, мы сами нѣсколько разъ поддерживали власть эмира силою оружія противъ непокорныхъ подданныхъ“ [2]).

Вынужденное въ 1871 году занять послѣ довольно упорнаго сопротивленія два горныхъ бекства—Шааръ и Китабъ, русское правительство, не желая распространять своихъ владѣній въ средней Азіи, передало эти бекства во владѣніе эмира бухарскаго.

Въ 1875 году, тоже неожиданно для центральнаго правительства, русскія войска овладѣли Кокандомъ и затѣмъ завоевали и всю Ферганскую область.

Заключившій съ нами въ 1868 году договоръ Худояръ-ханъ настолько жестоко управлялъ кокандцами, что вызвалъ возстаніе населенія. Не довольствуясь изгнаніемъ ненавистнаго хана, возставшіе объявили священную войну противъ невѣрныхъ русскихъ и выслали эмиссаровъ съ цѣлью поднять все мусульманское населеніе подчиненныхъ намъ областей.

Вслѣдъ за эмиссарами въ наши владѣнія вторглись многочисленныя шайки кокандцевъ. Сообщеніе Ташкента съ Ходжентомъ было прекращено: нѣсколько почтовыхъ станцій разрушено. Въ августѣ 1875 года многочисленныя скопища перешли въ наступленіе, атаковали укр. Ходжентъ и направились къ Ташкенту. Нельзя было терять

---

[1]) На высотахъ Чапанаты и Зерабулака.

[2]) А. Н. Куропаткинъ „Завоеваніе Туркменіи“, стр. 33, изд. 1899 г.

времени. Каждый пропущенный день увеличивалъ возбужденіе подданнаго намъ населенія.

Быстро собравъ отрядъ въ составѣ 16 ротъ, 20 ор., 8 сотенъ казаковъ, генералъ Кауфманъ двинулся съ нимъ въ предѣлы Кокандскаго ханства, и 22 августа подъ кр. Махрамомъ кокандцы были наголову разбиты, потеряли 39 орудій и 50 знаменъ и значковъ. Городъ Кокандъ сдался нашимъ войскамъ безъ боя. Завоевавъ все ханство, генералъ Кауфманъ очистилъ большую часть его и передалъ въ управленіе сыну Худояръ-хана Насръ-Эддину, признавъ его ханомъ кокандскимъ.

Успокоенный наружными знаками покорности, генералъ Кауфманъ отвелъ большую часть войскъ къ Ташкенту и самъ уѣхалъ въ Петербургъ, вызванный туда для разсмотрѣнія вопроса объ устройствѣ новыхъ пріобрѣтеній Россіи. Но и на этотъ разъ наша попытка избѣжать присоединенія Ферганы успѣха не имѣла. Какъ только русскія войска оставили завоеванную ими территорію, ограничиваясь занятіемъ только города Намангана, населеніе снова возстало. Ханъ Насръ-Эддинъ былъ свергнутъ и спасся въ Ходжентъ, а нашъ гарнизонъ въ Наманганѣ былъ осажденъ.

Командовавшій войсками Намангапскаго отдѣла генералъ Скобелевъ, несмотря на малочисленность силъ, находившихся въ его распоряженіи, перешелъ въ наступленіе, нанесъ нѣсколько пораженій кокандцамъ, взялъ Андижанъ, занялъ безъ боя Маргеланъ и Кокандъ. На этотъ разъ мы уже не пытались отказываться отъ этихъ завоеваній, и все Кокандское ханство вошло въ составъ Россійской Имперіи.

Только по отношенію къ Хивинскому ханству наши дѣйствія были подготовлены въ Петербургѣ и исполнялись по заранѣе разработанному тамъ, по соглашенію съ генераломъ Кауфманомъ, плану.

Подъ общимъ начальствомъ генерала Кауфмана въ походѣ на Хиву приняли участіе войска трехъ военныхъ округовъ: Туркестанскаго, Кавказскаго и Оренбургскаго. Овладѣніе Хивою признавалось необходимымъ потому, что хивинцы, отдѣленные со всѣхъ сторонъ непроходимою по ихъ мнѣнію пустынею, продолжали волновать подчиненныхъ намъ киргизъ. Въ особенности большое волненіе между ними было въ 1870—1871 годахъ, когда временно прекратилось сообщеніе между Ташкентомъ и Оренбургомъ.

Въ 1869 году нами было основано на восточномъ берегу Каспійскаго моря укр. Красноводскъ; вмѣстѣ съ фортомъ Александровскимъ, основаннымъ въ 1833 году, это были два единственныхъ пункта, занимавшіеся русскими.

Движеніе колоннъ кавказскихъ и оренбургскихъ войскъ должно было происходить изъ Красноводска и окрестностей форта Александровскаго, черезъ пустынный и безводный Усть-Уртъ, къ Хивѣ. Туркестанскія войска отъ Ташкента должны были преодолѣть песчаную, безводную степь Кызыль-Кумъ. Природа представляла движенію войска

большія трудности, но всѣ онѣ были преодолѣны, и Хивинское ханство, послѣ небольшого сопротивленія, покорено. Неудача постигла только кавказскія войска. Пройдя лишь половину пути, отъ потери верблюдовъ и истощенія запаса воды войска были повернуты обратно.

Несмотря на то, что ханъ Хивинскій былъ въ нашихъ рукахъ и все ханство было покорено силою оружія, русскіе удержали за собою только небольшую часть территоріи ханства на правомъ берегу р. Аму-Дарьи, а всѣ прочія владѣнія возвратили хану, и до сихъ поръ мы поддерживаемъ ханскую власть, не вмѣшиваясь во внутреннее управленіе хана населеніемъ.

Наконецъ, въ 1881 году, побѣдою Скобелева подъ Геокъ-тепе, къ Россіи былъ присоединенъ Ахалъ-текинскій оазисъ, съ безпокойнымъ туркменскимъ населеніемъ. Правительство долго боролось, чтобъ не дѣлать этого присоединенія, но набѣги туркменъ, угонъ скота принявшихъ наше подданство туркменъ, іомудовъ и киргизъ Мангышлака, наконецъ нападеніе на Красноводскъ,—вынудили рѣшеніе покорить наиболѣе сильное и разбойничье племя — туркменъ-текинцевъ.

Интересно, что когда Скобелевъ взялъ Геокъ-тепе, въ Петербургѣ были очень озабочены, какъ бы онъ не пошелъ на Мервъ, опасаясь неудовольствія Англіи. Дипломаты дали обѣщаніе, что Мерва не будемъ брать, но жизненная обстановка на мѣстахъ нарушила это обѣщаніе. Черезъ три года послѣ штурма Геокъ-тепе былъ присоединенъ къ Россіи и Мервъ, и былъ присоединенъ не путемъ штурма, а принятіемъ мервскихъ туркменъ въ русское подданство по ихъ просьбѣ.

Съ присоединеніемъ Мерва наши завоеванія въ средней Азіи закончились, и вотъ уже 25 лѣтъ наша граница остается неизмѣнною.

Такимъ образомъ, даже при противодѣйствіи изъ Петербурга, мѣстная обстановка въ средней Азіи была такова, что вынуждала малочисленныя русскія войска, угрожаемыя нападеніями, принимать тотъ видъ обороны, который принято называть „активнымъ“. Другими словами, не дожидаясь, чтобы на насъ напали, мы сами переходили въ наступленіе, разбивали врага въ полѣ, брали города и все продвигались впередъ, пока не прекратили независимаго существованія киргизскихъ ордъ и мелкихъ ханствъ—Кокандскаго, Бухарскаго и Хивинскаго—и не покорили всѣхъ туркменскихъ племенъ. Только исполнивъ эту задачу, мы установили и спокойствіе, какъ въ нашихъ предѣлахъ, примыкавшихъ къ среднеазіатскимъ мѣстностямъ, такъ и въ этихъ завоеванныхъ нами мѣстностяхъ.

Мы должны были остановиться и по другой причинѣ: мы своими границами примкнули со стороны завоеваннаго Туркестана къ владѣніямъ Афганистана, Персіи и Китая. Особенно неотступно тревожило англичанъ наше приближеніе къ афганскимъ границамъ. Опасенія

похода русскихъ войскъ въ Индію не исчезли въ Англіи и до сихъ поръ.

Въ 1873 году англичанамъ удалось заключить договоръ съ Россіею о раздѣленіи сферъ вліянія въ средней Азіи. Мы обязались не вмѣшиваться въ дѣла независимаго отъ англичанъ Афганистана, а англичане обязались не вмѣшиваться въ дѣла покоренныхъ нами силою оружія Бухарскаго ханства.

По этому вопросу профессоръ А. Макшеевъ въ своемъ капитальномъ трудѣ „Историческій обзоръ Туркестана“ даетъ слѣдующія подробности:

„Въ началѣ 1869 года англійское правительство, чтобы успокоить общественное мнѣніе, встревоженное успѣхами русскаго оружія въ Туркестанѣ, за обладаніе Индіею, предложило русскому правительству: оставить между владѣніями двухъ имперій въ Азіи „поясъ, который бы предохранялъ ихъ отъ всякаго соприкосновенія“. Русское правительство приняло предложеніе, и такимъ образомъ начались переговоры между Англіею и Россіею по среднеазіатскому вопросу. Нейтральнымъ поясомъ долженъ былъ служить Афганистанъ; но англичане, желая включить это независимое государство въ сферу своего вліянія, повели переговоры уже не о нейтральномъ поясѣ, а о чертѣ раздѣленія сферъ вліянія двухъ державъ по р. Аму-Дарьѣ или, по крайней мѣрѣ, по сѣверной границѣ Афганистана. Границу эту англичане опредѣляли предѣлами земель, не только состоявшихъ въ дѣйствительномъ владѣніи афганскаго эмира Ширъ-Али-хана, но и тѣхъ, которыя находились одно время подъ властью его отца Достъ-Магомета, какъ Бадахшанъ и Ваханъ. Несмотря на то, что англичане измѣнили первоначальную основу переговоровъ и, расширивъ сферу своего вліянія въ Азіи, сократили сферу вліянія Россіи, князь Горчаковъ, въ началѣ 1873 года, согласился на присоединеніе Бадахшана къ Афганистану, признавъ за черту, раздѣляющую вліянія обѣихъ державъ, рѣки Пянджъ и Аму-Дарью до урочища Хаджа-сале, и сверхъ того послалъ графа П. А. Шувалова въ Лондонъ съ спеціальнымъ порученіемъ успокоить англійское правительство насчетъ хивинскаго похода, заявленіемъ о нежеланіи русскаго правительства завладѣть Хивою. Сила вещей не позволила однако исполнить это обѣщаніе, и часть Хивинскаго ханства была въ томъ же году присоединена къ Россіи“ [1]).

Въ 1885 году, послѣ занятія нами Мерва и разбитія на р. Кушкѣ афганскихъ войскъ, явившихся на туркменскую, никогда имъ не принадлежавшую, территорію, отношенія наши съ Англіею такъ обострились, что можно было ожидать разрыва. Къ счастію, благоразуміе англичанъ взяло верхъ надъ недовѣріемъ къ дѣйствіямъ Россіи.

---

[1]) А. П. Макшеевъ „Историческій обзоръ Туркестана“, стр. 313—314, изданіе 1890 г.

и они изъ-за вопроса о непужномъ въ сущности ни англичанамъ, ни русскимъ и ничтожномъ по значенію Зюльфагарскомъ проходѣ не стали съ нами воевать.

Необходимость послѣдовательнаго продвиженія русскихъ въ средней Азіи объясняется профессоромъ Макшеевымъ слѣдующимъ образомъ:

„Занятіе нами странъ въ Азіи рѣзко отличается отъ занятія европейскими государствами странъ въ другихъ частяхъ свѣта. Тамъ дѣло шло *исключительно объ обогащеніи метрополіи на счетъ заводимой ею колоніи.* Одинаковости интересовъ и прочной связи между тою и другою быть не могло, и колонія отторгалась отъ своей метрополіи при первой возможности. Наученныя опытомъ, европейскія государства ослабили нѣсколько свою колоніальную политику, но далеко еще не настолько, чтобы можно было считать колоніи прочнымъ достояніемъ ихъ метрополій. Россія, двигаясь на Востокъ, дѣйствовала иначе. Она *не осуществляла цѣлей непосредственнаго обогащенія и тратила на вновь занимаемыя ею страны болѣе, чѣмъ получала съ нихъ.* Кавказъ и Туркестанъ до настоящаго времени содержатся въ ущербъ государственной казны, но нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ обѣ эти страны, подобно Сибири, съ избыткомъ вознаградятъ за всѣ потраченные на нихъ расходы. Россія не смотрѣла на занимаемыя ею страны какъ на что-то придаточное, подлежащее только эксплоатаціи, а отнеслась къ нимъ какъ къ собственнымъ частямъ государства, имѣющимъ одинаковыя съ прочими частями права на благосостояніе и развитіе. Населеніе занимаемыхъ ею странъ пользовалось не только равноправностью съ другими подданными государства, *но еще и разными льготами.* Такъ, между прочимъ, значительная часть инородцевъ на востокѣ Россіи до сихъ поръ еще не несетъ *общегосударственной воинской повинности.* Такимъ отношеніемъ къ занимаемымъ странамъ Россія устанавливала прочныя связи съ ними, на основаніи обоюдныхъ интересовъ, и съ теченіемъ времени соединялась съ ними въ одно органическое цѣлое, обнявшее въ настоящее время весь востокъ Европы и сѣверъ Азіи. Въ построеніи такого колоссальнаго зданія экономическія стремленія имѣли слабое значеніе, а между тѣмъ всѣ возраженія противъ нашего движенія на Востокъ дѣлаются на основаніи западно-европейской экономической теоріи, выработанной чуждою намъ практикою колоніальной системы".

„Политическіе расчеты при движеніи русскихъ на Востокъ имѣли такое же слабое значеніе, какъ и экономическіе. Вначалѣ это было дѣло чисто народное. Новгородцы занимали сѣверъ до Каменнаго пояса *безъ новгородскаго слова*, то есть безъ предварительнаго разрѣшенія вѣча, правительства. По сверженіи татарскаго ига, бѣглый русскій людъ выселялся за окраины государства и образовывалъ независимыя казачьи общества, которыя принимали потомъ подданство Московскаго государства и расширяли, такимъ образомъ, его

предѣлы. Ермакъ съ своею разбойничьею шайкою бѣжалъ съ Волги отъ преслѣдованія Ивана Грознаго, но потомъ поклонился царю Сибирскимъ царствомъ и получилъ за это прощеніе и шубу съ царскаго плеча. Дальнѣйшее занятіе Сибири велось казаками и промышленниками также безъ заранѣе составленнаго правительствомъ политическаго плана. *„До Петра Великаго починъ въ движеніи на Востокъ принадлежалъ всецѣло народу;* правительство закрѣпляло только то, что было сдѣлано имъ. Петръ взялъ инициативу въ свои руки и предпринялъ, въ широкихъ размѣрахъ, наступленіе къ Туркестану, но оно не имѣло успѣха. Въ Европѣ вѣрятъ до сихъ поръ, что императоръ завѣщалъ своимъ преемникамъ обширные завоевательные планы на Востокѣ, которымъ они слѣдуютъ съ точностью. Въ дѣйствительности, однако, со временъ Петра дѣла на Востокѣ велись безъ всякаго опредѣленнаго плана, подъ вліяніемъ случайностей. Правительство большею частью довольствовалось оборонительными мѣрами и противилось наступательнымъ предпріятіямъ. Если же, несмотря на это, движеніе на Востокъ продолжалось и въ послѣднее время даже въ широкихъ размѣрахъ, то это происходило не по желанію центральнаго правительства, а по стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ и по почину властей на окраинахъ. Вообще движеніе русскихъ на Востокъ было дѣломъ не политическихъ или экономическихъ расчетовъ, хотя и дало громадные политическіе и экономическіе результаты, а скорѣе *дѣломъ безотчетнаго народнаго творчества, подчиняющагося высшему закону исторической необходимости“* [1]).

„Движеніе Россіи въ Средней Азіи въ XIX и отчасти еще въ XVIII столѣтіи привело русскихъ съ рѣкъ Урала и Иртыша къ р. Аму-Дарьѣ и горнымъ хребтамъ Тянь-Шаньскому, Копетъ-Дагскому и отрогамъ горнаго хребта Гиндукушскаго.

Всѣ киргизы, туркмены и осѣдлые жители Коканда, Бухары и Хивы стали или нашими подданными, или пришли въ ханствахъ Хивинскомъ и Бухарскомъ въ полную и безпрекословную отъ насъ зависимость.

Присоединенная къ Россіи въ средней Азіи территорія составляетъ 3.100.000 квадратныхъ верстъ съ населеніемъ по послѣдней переписи въ 7,750,000 душъ. Въ настоящее время эта обширная территорія заключаетъ въ себѣ девять областей [2]). Въ четырехъ изъ нихъ преобладаетъ осѣдлое населеніе и въ пяти—кочевое.

Русское племя составляетъ только 9% всего населенія, при чемъ въ пяти степныхъ областяхъ русскіе составляютъ 17% и въ четырехъ областяхъ съ преобладающимъ осѣдлымъ населеніемъ всего 2,3%.

[1]) А. П. Макшеевъ „Историческій обзоръ Туркестана“, стр. 45—46, изд. 1890 г.

[2]) Области: Уральская, Тургайская, Семирѣченская, Семипалатинская, Акмолинская, Закаспійская, Сыръ-Дарьинская, Самаркандская и Ферганская.

Такой малый ростъ русскаго племени въ средней Азіи объясняется многими причинами. Главная изъ нихъ заключалась въ томъ, что, несмотря на обширность территоріи, свободныхъ земель, удобныхъ для земледѣлія безъ искусственнаго орошенія, признавалось недостаточно, чтобы вызывать усиленное русское колонизаціонное движеніе. Мѣстныя власти въ степныхъ областяхъ, опасаясь, что русскіе переселенцы, осѣвши на земляхъ, необходимыхъ кочевому населенію, могутъ вызвать среди него волненія, не только не поощряли, но стѣсняли переселеніе русскихъ земледѣльцевъ. Тѣмъ не менѣе переселенцы противъ воли начальства являлись въ самыя отдаленныя мѣстности и, такъ какъ возвратъ ихъ обратно за нѣсколько тысячъ верстъ безъ пособія отъ казны былъ невозможенъ, то многихъ изъ нихъ мѣстные начальники, скрѣпя сердце, устраивали, а потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, гордились быстрымъ ростомъ благосостоянія въ основанныхъ ими селеніяхъ. Но были и начальники, которые искренно дорожили каждымъ русскимъ человѣкомъ, котораго можно было бы поселить во ввѣренныхъ ихъ управленію областяхъ. Въ числѣ такихъ особою благодарною памятью русскихъ людей пользуются въ Туркестанѣ генералъ Колпаковскій въ Семирѣченской и генералъ Гродековъ въ Сыръ-Дарьинской областяхъ.

Въ особенности встрѣчается большое затрудненіе въ увеличеніи земледѣльческаго населенія въ областяхъ съ осѣдлымъ населеніемъ, достигшимъ въ обработкѣ почвы съ искусственнымъ орошеніемъ высокой степени совершенства. Въ такихъ мѣстностяхъ часто вся вода тѣхъ или другихъ каналовъ, давно проведенныхъ самимъ населеніемъ, разбирается на орошеніе полей безъ остатка, и все же кругомъ вполнѣ плодородной земли (лессъ), но не орошенной за недостаткомъ воды, лежатъ огромныя пространства. Отводить въ этихъ областяхъ землю подъ русскія поселенія возможно только или въ горахъ, гдѣ существуютъ посѣвы безъ искусственнаго орошенія (богарные), или вмѣстѣ съ землею отводя и воду на орошеніе. Отводъ земель въ горахъ затрудняется необходимостью огромныхъ затратъ на разработку дорогъ: сообщенія всюду только вьючныя, а нашему крестьянину требуется телѣга, а не вьюкъ. Но въ предгорьяхъ отводъ земель подъ русскія поселенія производится и нынѣ, хотя и не въ значительныхъ размѣрахъ. Что касается отвода земель съ искусственнымъ орошеніемъ, съ отнятіемъ для сего нынѣ у туземцевъ, послѣ 30—40 лѣтняго русскаго подданства, воды, которою они пользуются, то это представляется невозможнымъ. Остается еще одинъ путь: такъ какъ воды Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи использованы туземцами Туркестана только лишь незначительною частью, то признать всю свободную нынѣ воду казенною собственностью и, путемъ производства гидротехническихъ работъ, использовать ее для орошенія новыхъ площадей нынѣ пустующей плодородной земли; это и будетъ даже по туземному закону „*мюльковая*“ земля, принадлежащая тому, кто ее оросилъ. Поселеніе на та-

кихъ земляхъ русскихъ людей ущерба туземцамъ не причинитъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличеніе русскаго земледѣльческаго элемента въ краѣ прочнѣе свяжетъ этотъ край съ остальною Россіею.

Многочисленные опыты орошенія пустующихъ земель работами нашихъ гидротехниковъ производятся уже свыше 30 лѣтъ, но результатъ пока получается весьма недостаточный. Наиболѣе серьезнымъ предпріятіемъ въ этомъ смыслѣ остается и до сихъ поръ проведенный на свои средства великимъ княземъ Николаемъ Константиновичемъ каналъ въ Голодной степи.

Нынѣ возникла мысль привлечь къ этому дѣлу частную предпріимчивость. Казалось бы, чего лучше. Но надо опасаться, что за предпринимателемъ даже съ громкою русскою фамиліею будетъ выглядывать еврей или иностранецъ, и предпріятіе, разсчитанное на увеличеніе въ краѣ русскаго земледѣльческаго населенія, получитъ направленіе въ ущербъ не только русскимъ, но и интересамъ туземнаго населенія.

Оживленіе Туркестанскаго края съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ и быстрымъ развитіемъ хлопководства повліяло на приливъ въ Туркестанъ русскаго населенія, кромѣ сельско-хозяйственной дѣятельности, также для службы и работы на желѣзной дорогѣ, для торговыхъ и промышленныхъ цѣлей. Несмотря на запрещеніе евреямъ селиться въ Туркестанскомъ краѣ, тамъ, по переписи, считается 5,000 евреевъ; явилось и 10,000 поляковъ, явилось нѣсколько десятковъ тысячъ армянъ, явилось и много малоблагонадежнаго въ нравственномъ отношеніи русскаго люда. 1905—1906 годы были испытаніемъ политической благонадежности населенія Туркестанскаго края. Все туземное населеніе этотъ экзаменъ выдержало съ полнымъ успѣхомъ. Русское земледѣльческое населеніе осталось твердымъ въ вѣрѣ своей и преданности престолу и родинѣ. Но часть пришлаго христіанскаго населенія, особенно служившаго на желѣзной дорогѣ, нашла себѣ главарей и пошла по тому же революціонному пути, что и въ Европейской Россіи, Сибири и Манчжуріи.

Нельзя не отнестись съ великою благодарностью къ устроителямъ Туркестанскаго края, въ особенности къ генералу Кауфману, которые такъ умѣло и заботливо устраивали ввѣренное имъ туземное населеніе, что въ тяжелыя для Россіи минуты оно наглядным образомъ доказало, что цѣнитъ эти работы, довольно своимъ положеніемъ и не желаетъ возврата къ прежней необезпеченности жизни и имущества.

Первое испытаніе туземному населенію было произведено еще въ 1877—1878 годахъ, во время Русско-Турецкой войны. Султанъ и нынѣ считается духовнымъ главою всѣхъ мусульманъ; его эмиссары явились въ Туркестанъ и пробовали поднимать населеніе, *но во все время войны всюду все туземное населеніе оставалось совершенно спокойнымъ.*

Значеніе Туркестанскаго края въ экономическомъ отношеніи.

Туркестанскій край обладаетъ обширными естественными богатствами и съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ все большее экономическое значеніе. Происходитъ это вслѣдствіе развитія въ Туркестанѣ хлопководства, которое изъ всѣхъ владѣній Россіи можетъ развиваться по климатическимъ условіямъ только въ Туркестанѣ и въ Закавказьѣ.

Нынѣ общая годовая производительность хлопчатобумажной промышленности въ Россіи достигаетъ 700 мил. рублей въ годъ и занимаетъ 400,000 рабочихъ. Но изъ всего потребнаго количества хлопка только нѣсколько болѣе одной трети покрывается туркестанскимъ и закавказскимъ хлопкомъ, а остальное количество его, на сумму до 108 мил. руб., приходится получать изъ-за-границы, главнымъ образомъ изъ Америки [1]).

Въ изданіи министерства финансовъ „Россія въ концѣ XIX вѣка“ имѣются слѣдующія свѣдѣнія о ростѣ хлопчатобумажнаго производства въ Туркестанѣ.

„Въ настоящее время русскими бумагопрядильнями потребляется до 270 тыс. тоннъ хлопка, въ томъ числѣ до 100 тыс. тоннъ доставляютъ наши среднеазіатскія владѣнія и Закавказскій край, и свыше 170 тыс. тоннъ поступаетъ изъ за-границы“.

„Въ 1883 году общая площадь, занятая хлопковыми плантаціями въ среднеазіатскихъ владѣніяхъ, не превышала 500 гектаровъ; въ 1895 г., всего черезъ двѣнадцать лѣтъ, благодаря заботамъ правительства, стремившагося по возможности ослабить зависимость русской хлопчатобумажной промышленности отъ иностраннаго рынка въ отношеніи обезпеченія сырымъ матеріаломъ, засѣвалось уже около 220,000 гектаровъ, а количество орошаемыхъ земель доведено было до 1,650,000 гект. Быстрому развитію этого дѣла въ Туркестанѣ немало также помогло содѣйствіе передовыхъ мануфактуръ, выразившееся, между прочимъ, въ устройствѣ на мѣстахъ культуры хлопка хлопкоочистительныхъ заводовъ, въ снабженіи туземцевъ посѣвными сѣменами, въ распространеніи въ ихъ средѣ свѣдѣній о наиболѣе раціональномъ уходѣ за плантаціями и т. п.“ [2]).

Но то количество мѣстнаго хлопка, которое еще 30 лѣтъ тому назадъ считалось достаточнымъ, чтобы покрыть всю потребность русской хлопчатобумажной промышленности, оказывается нынѣ достаточнымъ, чтобы покрыть только одну третью часть этой потребности.

Произошло это вслѣдствіе того, что русское хлопчатобумажное производство достигло своего большого развитія въ 50 послѣднихъ

---

[1]) „Труды хлопковаго комитета“, т. I, стр. 10, изд. 1907 г.

[2]) В. И. Ковалевскій „Россія въ концѣ XIX вѣка“, стр. 257—258, изд. 1900 г.

лѣтъ и за этотъ періодъ увеличило почти въ 20 разъ техническія средства производства. Такимъ образомъ, какъ ни быстро работалъ Туркестанъ надъ увеличеніемъ количества производимаго имъ хлопка, потребность въ хлопкѣ въ Россіи возрастала еще быстрѣе, и мы все время оставались въ тяжелой зависимости отъ иностраннаго хлопка и въ необходимости изъ своихъ скудныхъ средствъ отправлять за границу только на хлопокъ свыше 100 мил. руб. въ годъ.

Поставка Туркестаномъ хлопка ставитъ эту окраину въ исключительное въ экономическомъ отношеніи и важное мѣсто среди другихъ окраинъ.

Несомнѣнно, что при пособіи техники и затратѣ значительныхъ капиталовъ возможно будетъ вызвать къ жизни еще обширныя площади пустующей нынѣ земли; но надо имѣть въ виду, что хлопковая горячка, охватившая земледѣльческое населеніе Туркестана, отражается на слишкомъ неумѣренномъ пользованіи посѣвами хлопка безъ должнаго плодосмѣна.

Урожаи хлопка должны начать падать [1]). Уже были годы, когда, въ увлеченіи посѣвами хлопка, населеніе Ферганы оставалось безъ хлѣба.

Вслѣдствіе увлеченія хлопководствомъ, предметы первой необходимости—пшеница, ячмень, клеверъ для корма скота—стали въ Туркестанѣ чрезвычайно дороги. Имѣются указанія, что при обезпеченіи сбыта десятина, засѣянная люцерною, можетъ дать дохода до 150—250 руб. въ годъ. Такой доходъ отъ хлопка недостижимъ, вслѣдствіе значительности расходовъ по обработкѣ.

Все это указываетъ на возможность, что въ прогрессивномъ ростѣ производства въ Туркестанскомъ краѣ хлопка наступитъ задержка, которая вызоветъ еще большую потребность въ привозномъ хлопкѣ. А между тѣмъ въ Америкѣ уже идетъ подготовка къ сокращенію отпуска хлопка въ сырьѣ. Такимъ образомъ чрезмѣрно быстро развившейся на Руси хлопчатобумажной промышленности грозитъ опасность съ двухъ сторонъ.

Позволимъ себѣ здѣсь привести мнѣніе, что самое положеніе этой промышленности не можетъ быть признано нормальнымъ. Въ Московскій районъ, сильно удаленный отъ главныхъ областей производства (отъ Ферганской области), надо привезти хлопокъ для обработки. Но въ этомъ хлопкопромышленномъ районѣ нѣтъ не только хлопка, но и топлива. Надо привезти нефтяное топливо изъ Баку или Сѣвернаго Кавказа. И вотъ переработанный въ ткани хлопокъ снова отправится въ Фергану.

Въ то время, какъ Москва успѣшно работаетъ съ чуждымъ ей продуктомъ и на чуждомъ ей топливѣ, наши ближайшія къ Москвѣ

[1]) „Труды хлопковаго комитета“, т. I, стр. 175, изд. 1907 г.

губерніи, сильныя ранѣе льняным производством, страдают отъ застоя въ льняномъ дѣлѣ. Мы, точно заколдованные дешевизною и красотою очень непрочной хлопчатобумажной ткани, заглушили старинное русское льняное производство.

И вотъ, вмѣсто того, чтобы пользоваться умѣло на Руси тѣмъ, что Богъ послалъ намъ въ изобиліи—льномъ, пенькою, мы попадаемъ въ зависимость отъ привознаго хлопка къ иностранцамъ, а льняное дѣло на Руси тоже ставимъ въ зависимость отъ заграничнаго спроса и прихотей разныхъ трестовъ. Такъ, въ прошломъ году въ Псковской губерніи, одной изъ важныхъ губерній по производству льна, цѣны на ленъ неожиданно упали чуть не на половину. Оказалось, что такое паденіе цѣнъ зависѣло отъ стачки скупщиковъ русскаго льна въ Германіи.

Позволительно при такомъ положеніи дѣла поставить вопросъ: не своевременно ли начать принимать мѣры къ ограниченію хлопковаго производства съ оживленіемъ, взамѣнъ его, производства льняного? Вѣдь это необходимо и потому, что мы начинаемъ мечтать перевести хозяйство нашего крестьянина отъ трехполья къ многополью. Что же онъ будетъ дѣлать со своимъ льномъ, если расходы по производству не окупятся искусственно пониженными за границею цѣнами.

Даже съ пріостановкою роста хлопчатобумажной промышленности внутри Россіи экономическое значеніе Туркестана не умалится. Быть можетъ, выгоднымъ окажется часть хлопчатобумажной промышленности перепести въ Туркестанскій районъ, гдѣ и хлопокъ, и ферганская нефть находятся на мѣстахъ. Тогда выдѣланныя въ Туркестанѣ, но русскими рабочими и русскими техниками, хлопчатобумажныя ткани легче, чѣмъ нынѣ, найдутъ себѣ сбытъ въ Китай, Афганистанъ и Персію.

Вслѣдъ за хлопкомъ въ Туркестанѣ первое мѣсто по важности занимаетъ производство фруктовъ. Вывозъ фруктовъ въ сушеномъ видѣ, считая и орѣхи, уже доходилъ до одного милліона пудовъ въ годъ. Заботою нашей администраціи, особенно благодаря плодотворной въ буквальномъ смыслѣ дѣятельности генерала Королькова, плоды Туркестана начинаютъ имѣть серьезное значеніе и при вывозѣ ихъ въ сыромъ видѣ.

Шелководство въ краѣ развито довольно сильно, но вслѣдствіе болѣзни грены встрѣчало препятствія въ своемъ развитіи.

Затѣмъ Туркестанъ важенъ продуктами скотоводческаго хозяйства. Вывозъ скота, шерсти, мерлушки достигаетъ значительнаго развитія. Производство коппы и ковровъ развивается, но минеральныя краски ухудшили качество ковровъ.

Большія минеральныя богатства еще только начинаютъ разрабатываться. Въ числѣ ихъ главное мѣсто пока занимаетъ нефть.

Съ проведеніемъ оренбургской дороги оживляются и рыбные промыслы на низовьяхъ Сыръ-Дарьи и въ Аральскомъ морѣ.

Въ степныхъ областяхъ въ нѣсколько послѣднихъ лѣтъ получило большое развитіе молочное дѣло и развились выдѣлка и отправка масла на милліоны рублей.

Несмотря на большія естественныя богатства, Туркестанскій край, какъ и другія окраины Россіи, въ періодъ завоеванія и первые годы послѣ завоеванія требовалъ значительной приплаты на свое содержаніе изъ средствъ государственнаго казначейства. Другими словами, коренное русское населеніе должно было содержать и эту окраину, какъ содержало Кавказъ, Сибирь, Финляндію, Польшу.

Я не располагаю въ настоящее время официальными свѣдѣніями для опредѣленія размѣра убыточности Туркестана и приводимыя ниже цифры приведу изъ брошюры г. Стеткевича: „Убыточенъ ли Туркестанъ для Россіи“.

Авторъ горячо доказываетъ, что не убыточенъ, и приводитъ въ подтвержденіе своего вывода слѣдующія данныя:

Туркестанскій край за время своего существованія, съ 1869 до 1896 года, въ теченіе 28 лѣтъ, далъ 158 мил. доходовъ и потребовалъ 290 мил. расходовъ. Общій дефицитъ по краю составилъ 132 мил. рублей, что дастъ въ среднемъ около 5 мил. руб. въ годъ.

Но уже въ 1896 году дефицитъ по Туркестанскому краю понизился всего до 558,000 рублей, что указываетъ на возможность доходами съ края покрывать всѣ расходы по краю, въ томъ числѣ и по содержанію войскъ.

Доходы по краю съ 2,300,000 руб. въ 1869 году, постепенно увеличиваясь, въ 1896 году превысили 9 мил. руб., т. е. возросли въ 4 раза. Расходы по краю, составивъ въ 1870 году свыше 6 мил. рублей, дошли до своего максимума въ 1881 году — 15 мил. рублей, и затѣмъ уменьшились въ 1896 году до 10 мил. руб., т. е. съ 1870 года возросли всего на 4 мил. рублей.

Расходы собственно на содержаніе войскъ составляли въ 1869 году 76% всѣхъ расходовъ и въ 1896 году—61%.

Г. Стеткевичъ съ основаніемъ указываетъ, что бо́льшая часть туркестанскихъ войскъ, подъ другими именованіями, находилась уже на охранѣ русско-азіатской границы въ Оренбургскомъ и Западно-Сибирскомъ округахъ. Такъ, по его подсчету, въ 1863 году, считая команду за одну роту, а сотню или батарею за двѣ роты, численность войскъ соотвѣтствовала 352 ротамъ, а въ 1896 году — 317 ротамъ. По этому подсчету оказывается, что, когда войска въ 1863 году стояли кордономъ по границѣ съ средней Азіею, ихъ содержалось на 10% больше, чѣмъ въ 1896 году (въ подсчетъ этотъ надлежитъ однако ввести поправки: многія команды были такого слабаго состава, что нельзя было считать ихъ за роту пѣхоты).

Въ брошюрѣ г. Стеткевича приведены слѣдующія исчисленія доходности Туркестанскаго края.

„Изъ расходовъ по Туркестану съ 1869 по 1896 годъ надо исключить всю сумму стоимости содержанія туркестанскихъ войскъ, исчисленную выше, хотя и приблизительно, но достаточно точно, въ 174 мил. руб. Исключивъ эту сумму изъ общей цифры расходовъ, окажется, что таковыхъ, собственно по Туркестану, т. е. на нужды управленія имъ, благоустройства, экономическое развитіе, проведеніе желѣзной дороги, а главное—на взиманіе доходовъ—произведено за 28 лѣтъ 116 мил. руб.; доходовъ же получено непосредственно по краю 158 мил. *Разница въ 42,000,000* выражаетъ собою сумму, которую *Туркестанъ далъ на содержаніе общеимперскихъ войскъ*, не увеличенныхъ ради него ни на одного человѣка, т. е. *чистый доходъ казны отъ присоединенія края*".

„Но выгоды отъ присоединенія Туркестана къ имперіи этимъ не исчерпываются; надо еще подсчитать непосредственные доходы казны изъ другихъ источниковъ, обязанныхъ своимъ возникновеніемъ присоединенію Туркестана; затѣмъ выгоды, пріобрѣтенныя не казною собственно, а всей имперіей, и наконецъ барыши, извлеченные на свою долю извѣстными группами населенія отъ эксплоатаціи естественныхъ богатствъ Туркестана, такъ какъ то и другое не можетъ не отражаться и на непосредственныхъ выгодахъ казны различными косвенными путями".

„Къ числу первыхъ, т. е. непосредственныхъ доходовъ казны, относится прежде всего таможенный доходъ отъ обложенія пошлиною привознаго хлопка съ 1879 года. Не будь Туркестана, способнаго производить хлопокъ, не было бы и смысла облагать пошлиною продуктъ первой потребности, нигдѣ въ Россіи не производимый и пошлина на который составляла бы цѣликомъ налогъ на потребителя бумажныхъ тканей, ничѣмъ для послѣдняго не возмѣщаемый. Пошлины за ввозимый въ Россію иностранный хлопокъ получено казною съ 1879 по 1896 годъ до 203 мил. руб.

„Выгоды, пріобрѣтенныя не въ узкомъ смыслѣ казною, а всей имперіей въ совокупности, заключаются въ сбереженіи отъ уплаты за границу свыше 256 мил. руб. за 26 мил. пудовъ волокна, доставленнаго Россіи средней Азіей съ 1887 по 1896 годъ, что не могло не способствовать улучшенію курса нашего кредитнаго рубля и осуществленію перехода къ золотому обращенію.

„Выгоды потребителей хлопка выразились въ томъ, что за хлопокъ, доставленный въ Россію изъ средней Азіи, заплачено въ среднемъ по 2 р. 38 коп. на пудъ дешевле, чѣмъ обходился въ то же время американскій, что составляетъ на 26 мил. пуд. туркестанскаго хлопка сбереженіе свыше 60 мил. руб.

„Барыши посредниковъ, скупщиковъ и прочихъ оперирующихъ при хлопковомъ дѣлѣ въ Туркестанѣ „сыновъ центра" тотъ же М. П.

Федоровъ, интересная книга котораго дала намъ приводимыя здѣсь цифровыя данныя, исчисляетъ не менѣе 1 р. съ пуда; слѣдовательно на 26 мил. пуд. столько же милліоновъ рублей.

„Подобный расчетъ можно бы продолжить и далѣе, но, кажется, достаточно и вышеприведенныхъ данныхъ, чтобы утвердительно сказать, что *мнѣніе объ убыточности Туркестана*, о существованіи ежегодныхъ дефицитовъ по нему *составляетъ печальное недоразумѣніе*“ [1]).

Нельзя, поэтому, не прійти къ выводу, что Туркестанъ уже давно не составляетъ бремени для государственнаго казначейства, а косвенно, по продуктамъ, доставляемымъ изъ Туркестана въ Россію, составляетъ нужную и важную для Россіи въ экономическомъ отношеніи окраину.

Положеніе туземнаго населенія Туркестанскаго края въ религіозномъ отношеніи.

Населеніе Туркестана рѣзко раздѣляется на туземцевъ—мусульманъ и пришлое населеніе—христіанъ. Туземцевъ, принявшихъ христіанскую вѣру, за 200 лѣтъ нашего воздѣйствія на киргизскія степныя мѣстности, относительно ничтожное число.

Общее число православныхъ въ пяти степныхъ областяхъ выше общаго числа въ нихъ русскаго населенія всего на 16,000 человѣкъ. Общее число православныхъ въ четырехъ областяхъ съ преобладаніемъ осѣдлаго населенія выше общаго числа проживающаго въ нихъ русскаго населенія всего на 3,000 чел. Эти 19,000 чел. и составляютъ, повидимому, весь результатъ духовно-просвѣтительной дѣятельности Россіи среди туземцевъ въ столѣтній періодъ.

А между тѣмъ не только 200 лѣтъ тому назадъ, но 100 и даже для нѣкоторыхъ районовъ 60 лѣтъ тому назадъ, киргизское населеніе считалось мусульманскимъ только по названію. Ни муллъ, ни мечетей среди этого населенія не было, и киргизы находились въ смертельной враждѣ съ представителями мусульманства въ средней Азіи осѣдлыми сартами. Они такъ равнодушно относились къ вопросамъ религіи, такъ плавно и дѣтски по существу своихъ вѣрованій были язычники и то не страстные, что пропаганда среди нихъ православной вѣры несомнѣнно имѣла бы огромный успѣхъ. Но мы пропустили время, а средне-азіатскіе муллы воспользовались этимъ и прикрѣпили киргизъ къ магометанству.

Все время средняя Азія снабжала Сибирь своими проповѣдниками соджами, муллами, которые, ревностно проповѣдуя исламъ среди

---

[1]) Стеткевичъ „Убыточенъ ли Туркестанъ для Россіи“, стр. 16—18, изд. 1899 г.

инородцевъ, уже подвластныхъ русскимъ, обратили значительную часть ихъ въ свое вѣроисповѣданіе [1]).

Изслѣдователь Сибири Н. Ядринцевъ свидѣтельствуетъ, что, упустивъ сибирскихъ татаръ и киргизъ, ставшихъ мусульманами, уже находясь въ нашемъ подданствѣ, мы упустили и бурятъ въ Забайкальѣ, принявшихъ уже нашими подданными буддизмъ.

Н. Ядринцевъ объясняетъ этотъ фактъ слѣдующимъ образомъ:

„Первое время русскіе были заняты завоеваніями и пріобрѣтеніями, тогда было не до проповѣди. Весь XVII вѣкъ проходитъ въ усмиреніи инородческихъ бунтовъ. Только въ XVIII вѣкѣ выступаютъ заботы объ обращеніи инородцевъ въ христіанство, но проповѣдь распространяется только на сѣверныхъ инородцевъ, при чемъ выдается энергія обращенія остяковъ и вогуловъ Филоѳеемъ Лещинскимъ съ 1712 по 1714 годъ. Что касается *утвердившихся религій—магометанской и буддійской*, то здѣсь мы чаще видимъ полное признаніе ихъ и желаніе только, чтобы религіозные центры ихъ находились не внѣ русскихъ владѣній. Съ этою цѣлью даже оказывается покровительство этимъ религіямъ: въ киргизской степи распространяются мечети по повелѣнію правительства, муллamъ изъ тобольскихъ татаръ назначается жалованье отъ казны. То же самое дѣлается по отношенію къ буддизму. Въ Забайкальѣ создается высшая буддійская духовная власть хамба-ламы. На долю обращенія въ христіанство при этомъ остается весьма небольшой контингентъ язычниковъ. Миссіонерская дѣятельность весьма слабо практикуется. Только въ 1828 году въ Березовскій и Алтайскій округа командируются миссіонеры; дѣятельность этихъ миссій, какъ оказалось впослѣдствіи, была весьма незначительна. Вообще обращены въ православіе только вогулы и остяки; въ Тобольской губерніи они составляютъ 27,949 д., затѣмъ въ Томской крещеныхъ инородцевъ считается нынѣ 26,726, принадлежащихъ къ финскимъ народностямъ и частью алтайцамъ. Итого *54,000 душъ на всѣхъ инородцевъ*. Православіе распространялось при этомъ не между самыми культурными и развитыми инородцами, но среди низшихъ ихъ представителей; осѣдлые же татары, окруженные русскимъ населеніемъ, остаются фанатиками ислама. Судьба православія въ средѣ инородческихъ племенъ низкаго развитія, рядомъ съ борьбою и соперничествомъ древнихъ религій Азіи, выразилась, конечно, своеобразно. При распространеніи религіи, кромѣ факта воспріятія, весьма важно знать, насколько усвоена религія, понята и поддерживается ли религіознымъ воспитаніемъ и примѣромъ культурной расы. Это зависитъ всегда отъ народности, ее прививающей. Въ результатѣ борьбы мы видимъ, судя по числовымъ даннымъ, что господство и преобладаніе далеко не остаются за православіемъ; это можетъ объясняться какъ тѣмъ, что инородческія племена по своему міросозерцанію болѣе тяго-

[1]) Н. Ядринцевъ „Сибирь какъ колонія“, стр. 113—114, изд. 1882 г.

тѣли къ восточнымъ религіямъ, такъ и родствомъ происхожденія, языка и проч., которое соединяло инородцевъ съ магометанами-татарами и буддистами-монголами. Во-вторыхъ, *и главное всего, мы видимъ магометанскую и буддійскую пропаганду болѣе дѣятельною* въ Сибири: муллы и ламы, проникая и живя среди инородцевъ, болѣе заискали, болѣе пріобрѣли симпатій и, наконецъ, умѣли подѣйствовать на духъ инородца. Магометанство и буддизмъ являются поэтому довольно окрѣпшими въ Сибири, православіе же, совершая пріобрѣтеніе въ средѣ низшей и, какъ мы сказали, языческой, имѣетъ весьма слабое вліяніе на магометанъ и буддистовъ“ [1]).

То, что изложено Н. Ядринцевымъ по отношенію къ киргизамъ сибирскимъ, справедливо и по отношенію къ киргизамъ оренбургскимъ. Для нихъ, еще совершенно не усвоившихъ ислама, русскія власти строили мечети и выписывали муллъ, точно задавшись цѣлью обратить со временемъ во что бы то ни стало киргизъ во враговъ Россіи.

Попытки обращенія киргизъ въ православныхъ носили иногда комическій характеръ. Сколько припомню изъ прочитанныхъ отчетовъ, въ пятидесятыхъ годахъ сибирскіе киргизы при обращеніи ихъ въ христіанство получали по халату. Число христіанъ по отчетамъ быстро увеличилось, но потомъ оказалось, что киргизы добивались только полученія халатовъ и нѣкоторые умудрялись принимать крещеніе до трехъ разъ, получая каждый разъ по халату.

Малый успѣхъ православной пропаганды среди туземцевъ Сибири Н. Ядринцевъ видитъ въ требованіи, чтобъ новокрещенные переходили отъ кочевой жизни къ осѣдлой, а также въ неудовлетворительномъ составѣ по образованію и развитію нашихъ миссіонеровъ. Поэтому результаты ихъ дѣятельности непрочны, и даже давно обращенные въ православіе инородцы въ сущности остаются язычниками.

„Съ весьма давняго времени (съ 1712 г.), какъ мы видимъ, крещена значительная часть остяковъ и вогуловъ, но время нисколько не укрѣпило ихъ въ православіи; по отзывамъ всѣхъ ученыхъ и путешественниковъ они признаются христіанами номинально. „Двѣ трети остяковъ, считающихся православными съ первой четверти прошлаго столѣтія, не отрѣшились отъ языческихъ понятій“, говоритъ Губаревъ, посѣтившій Березовскій округъ. „Остяки окрещены 150 лѣтъ назадъ“, пишетъ другой очевидецъ, „но руководствуются внѣшними обрядами и иконы лежатъ въ заднемъ углу или подъ лавкой и вынимаются въ рѣдкихъ случаяхъ при пріѣздѣ священника“. Начальникъ Тобольской губерніи въ своемъ отчетѣ за 1864 годъ свидѣтельствуетъ то же. Обращенные въ православіе буряты и якуты остаются при прежнихъ суевѣріяхъ и продолжаютъ сноситься съ

---

[1]) Н. Ядринцевъ „Сибирь какъ колонія“, стр. 114—115, изд. 1882 г.

шаманами (см. Шашковъ „Инородцы въ XIX ст."). „Это наружное принятіе русской вѣры, по словамъ Щапова, не приноситъ имъ пользы, не просвѣщаетъ ихъ дѣйствительно и существенно". Весьма часто неумѣлые и неспособные проповѣдники христіанства только вооружаютъ и озлобляютъ инородческія племена своими пріемами; создавъ нѣсколько обращенныхъ, они предпринимаютъ гоненіе на остальную массу язычниковъ, вооружаютъ инородческое населеніе и отталкиваютъ отъ обращенія. Таковъ, между прочимъ, характеръ миссіонерской дѣятельности въ Сибири. Миссіонерскихъ центровъ было весьма немного, но и въ нихъ выразились всѣ недостатки низшаго духовенства и монашества, а также извѣстная деморализація его. Миссіонеръ въ Сибири далеко не былъ человѣкомъ, высоко сознающимъ свои задачи изученія народности и ея духа, прежде, чѣмъ приняться измѣнять міросозерцаніе, онъ не былъ даже человѣкомъ образованнымъ. Изолированность и замкнутость самого его доводили до отчаянія, не принося пользы окружающей средѣ.

„Наиболѣе замѣтной и отличающейся культурнымъ и просвѣщеннымъ характеромъ явилась дѣятельность алтайской миссіи: благодаря усиліямъ и плану основателя ея, архимандрита Макарія, среди алтайцевъ были нѣкоторые успѣхи обращенія, хотя число обращенныхъ крайне невелико; въ 50 лѣтъ существованія въ миссіи было крещено при всей энергіи до 5,000 чел., т. е. по 100 чел. на годъ, хотя штатъ миссіи всегда состоялъ изъ нѣсколькихъ человѣкъ духовенства. Нынѣ находится въ алтайской миссіи 12 миссіонеровъ и 22 лица въ званіи причетниковъ. Алтайская миссія рядомъ съ обращеніемъ въ христіанство стремится новокрещенныхъ пріучить и къ осѣдлости. Но это чаще запугиваетъ кочевниковъ, осѣдлость же прививается только благодаря русскимъ крестьянамъ, живущимъ въ деревняхъ миссіонеровъ.

„Жалкая жизнь новокрещенныхъ осѣдлыхъ инородцевъ не разъ обращала вниманіе всѣхъ путешественниковъ: Радлова въ Алтаѣ, Кастрена среди васьюганскихъ остяковъ, миссіонера Аргентова среди чукчей. Послѣдній приводитъ замѣчательный отзывъ самихъ инородцевъ о результатѣ крещенія при помощи принудительнаго обращенія къ осѣдлости. Когда миссіонеръ предложилъ одному старику крещеніе, онъ отвѣтилъ: „я былъ молодъ, русскіе ласкали меня, и я окрестился, теперь я гляжу на былое инымъ, стариковскимъ глазами. Что принесло намъ крещеніе? Люди бѣднѣютъ, стада ихъ уменьшаются, олени переводятся, да и самые люди переводятся, стариковъ почти вовсе не стало, многіе умерли не по-людски. Нѣтъ, я хочу умереть по-нашему, по-человѣчески"! Этотъ страхъ вымиранія при измѣненіи образа жизни и прежнихъ промысловъ отталкиваетъ инородцевъ отъ православія, гдѣ оно является синонимомъ осѣдлости.

„Такимъ образомъ, фактъ непремѣннаго принятія осѣдлости съ крещеніемъ является не всегда въ интересѣ новообращенныхъ, захватъ

же земель и хозяйственныя распоряженія еще губительнѣе дѣйствуютъ на остальное необращенное населеніе. Такіе экономическіе эксперименты пріобрѣтенія огромныхъ земель въ пользу миссіонерскихъ монастырей и общинъ подрываютъ окончательно представителей православія въ глазахъ язычниковъ. Только этимъ, а не духомъ религіи, можно объяснить слабые успѣхи обращенія инородцевъ миссіонерами [1]).

„Успѣхи развитія и просвѣщенія шли у инородцевъ быстрѣе, когда религіозныя книги и евангеліе переводились на инородческіе языки. Доказательствомъ служитъ *дѣятельность англійскихъ миссіонеровъ въ Забайкальской области*. Поселившись около Селенгинска, эта миссія прожила около 20 лѣтъ, завела монгольскую типографію, библіотеку, сдѣлала превосходный переводъ библіи на монгольскій языкъ, обучала бурятъ ремесламъ и создала до 3,000 христіанъ. Къ сожалѣнію, въ началѣ сороковыхъ годовъ эта миссія была выслана изъ Сибири и перенесла свою дѣятельность на Зондскіе острова“ [2]).

Подъ вліяніемъ западныхъ идей, въ опасеніи упрека въ религіозной нетерпимости, мы въ Сибири и среднеазіатскихъ мѣстностяхъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ перешли въ другую крайность: стали покровительствовать, какъ изложено выше, распространенію религій мусульманской и буддійской.

Въ 1782—1784 годахъ, при Екатеринѣ II, администрація старалась о распространеніи школъ въ азіатскихъ мѣстностяхъ для *обученія татаръ и киргизъ корану* [3]).

Подъ тѣмъ же западнымъ вліяніемъ, много позже, русскіе производили въ Сибири по образовательной части и другіе опыты. Такъ, въ *Якутскѣ*, на деньги, собранныя отъ якутовъ для ихъ образованія, была основана „классическая прогимназія“, гдѣ якутамъ предлагается сразу изученіе четырехъ языковъ: всѣ эти языки преподаются людьми, не знающими ни слова по-якутски и не умѣющими объясняться съ учениками [4]).

Въ средней Азіи, по мѣрѣ нашего утвержденія въ ней, русскіе заботливо проводили принципъ вѣротерпимости и не принимали мѣръ къ обращенію туземцевъ въ православіе. Если и были такіе случаи, то ихъ можно признать лишь одиночными.

Надо отмѣтить также, что среди туземцевъ, особенно осѣдлыхъ, если кто и являлся съ заявленіемъ о желаніи принять православіе, то при отсутствіи православнаго миссіонерскаго воздѣйствія такое желаніе въ большинствѣ случаевъ вытекало не изъ духовной потребности стать христіаниномъ, а изъ матеріальныхъ расчетовъ. Принявъ христіанство, такой туземецъ рѣзко отторгался отъ своего прошлаго, порывалъ связи не только съ односельчанами, но и съ родными

[1]) Н. Ядринцевъ „Сибирь какъ колонія“, стр. 115—117, изд. 1882 г.
[2]) Тамъ же, стр. 120 изд. 1882 г.
[3]) Тамъ же, стр. 118.
[4]) Тамъ же, стр. 121.

Оставаться жить среди нихъ для него становилось почти невозможнымъ, вслѣдствіе преслѣдованія его укорами, а то и побоями, и вотъ такой новокрещенный, заполучившій въ крестные отцы кого-нибудь изъ русскихъ начальствующихъ лицъ, являлся къ этому отцу, объяснялъ свое тяжелое положеніе и просилъ „взять къ себѣ", т. е., другими словами, просилъ уже не о пищѣ духовной, а о пищѣ матеріальной. Попытки приписывать такихъ новокрещенныхъ къ русскимъ селеніямъ тоже успѣха не имѣли по разнымъ причинамъ.

Были, конечно, и удачные случаи обращенія въ христіанство осѣдлыхъ мусульманъ, киргизъ и туркменъ, но многіе изъ нихъ стали лишь тяжелымъ бременемъ для администраціи, которая должна была охранять ихъ отъ злобы родичей и въ то же время пріискивать средства для ихъ существованія.

Но, не заботясь объ увеличеніи числа православныхъ среди нашихъ новыхъ подданныхъ въ средней Азіи, мы долгое время, занятые боевою дѣятельностью, недостаточно заботливо представляли православную церковь въ среднеазіатскихъ мѣстностяхъ.

Вотъ что по этому вопросу пишетъ одинъ изъ старожиловъ и знатоковъ Туркестанскаго края Ю. Южаковъ.

„Нельзя не указать еще на одну слабую нашу сторону: при нашей весьма похвальной вѣротерпимости, мы очень невнимательны, почти индифферентны по отношенію къ нашей собственной религіи, къ родной нашей православной церкви. Наша православная вѣра есть господствующая вѣра въ краѣ. Это слѣдуетъ провозгласить громогласно во всеуслышаніе,—намъ стѣсняться некого и нечего. Мы никому не навязываемъ своей вѣры. Туземцы это видятъ и знаютъ. Но нужно, чтобы знамя нашей вѣры высоко развѣвалось надъ нами и надъ знаменемъ ихъ религіи; нужно, чтобъ туземцы видѣли, что мы глубоко почитаемъ нашу вѣру и крѣпко ея держимся. Это необходимо для нашего собственнаго достоинства, иначе туземцы уважать насъ не будутъ. Мы же какъ будто прячемся отъ туземцевъ съ нашей вѣрой, какъ будто стѣсняемся чего-то предъ ними.

„Въ семидесятыхъ годахъ къ военному губернатору Сыръ-Дарьинской области явился одинъ киргизъ и заявилъ, что, живя среди русскихъ, онъ почувствовалъ желаніе принять русскую вѣру—такъ мы стали его уговаривать, чтобъ онъ этого не дѣлалъ и никому бы о томъ не говорилъ! И онъ поступилъ къ губернатору джигитомъ и о переходѣ въ христіанство уже не напоминалъ. Недоставало, чтобъ мы торжественно и гласно отказали принять его въ лоно православной церкви. Занимая степь и край, мы послѣ всего вспоминали объ устройствѣ храмовъ Божіихъ. *Оренбургское начальство заводило въ киргизской степи хорошія, величественныя мечети, приставляло къ нимъ указныхъ муллъ или имамовъ*—словомъ, само насаждало *среди почти языческихъ дикарей* не христіанство, а мусульманство, т. е. *само своими руками* подрывало и подкапывало *свое родное русское дѣло.* Объ устройствѣ же церквей въ занятыхъ

пунктахъ никто не думалъ. По занятіи нами края храмы Божіи помѣщались въ какихъ-то сакляхъ, лачугахъ и только спустя чуть не десятокъ лѣтъ стали подумывать о постройкѣ церквей. Въ областныхъ городахъ Самаркандѣ и Маргеланѣ только по одной церкви—и то церкви эти не могутъ похвалиться своимъ благолѣпіемъ, а болѣе похожи на простыя сельскія церкви“ [1]).

Въ то время, какъ русское духовенство бездѣйствовало въ средней Азіи въ смыслѣ пропаганды православной вѣры, мусульманское духовенство дѣятельно работало и продолжаетъ работать надъ укрѣпленіемъ магомстанства тамъ, гдѣ таковое еще не твердо, а именно среди киргизскаго и туркменскаго населеній.

Сотни муллъ подъ видомъ торговцевъ, сидя на небольшихъ осликахъ, имѣя ничтожный запасъ товара, бороздятъ киргизскія степи, еще недавно закрытыя для нихъ, по всѣмъ направленіямъ и сѣютъ ученіе Магомета, посящее въ основѣ своей недовѣріе и враждебность ко всему христіанскому. Туркмены, замиренные русскимъ оружіемъ, обратившіеся въ мирныхъ скотоводовъ и пахарей, не имѣвшіе во всемъ Закаспійскомъ краѣ ни одной мечети, бывшіе мусульманами только по названію, теперь, подъ вліяніемъ муллъ, главнымъ образомъ, изъ Бухары, все болѣе и болѣе проникаются мусульманскою религіозностью. Бывшіе разбойники, ставши зажиточными людьми и желая праведной смерти, просятся на паломничество въ Мекку и возвращаются оттуда съ запасомъ внушеній, свѣдѣній и пожеланій, которыя не отвѣчаютъ видамъ нашего правительства.

Въ смыслѣ религіозномъ оставленіе Бухары и особенно духовенства этого ханства внѣ всякаго надзора со стороны русской власти имѣетъ вредное вліяніе, все значеніе котораго можетъ стать яснымъ только въ будущемъ.

Возможность колоссальной борьбы азіатскихъ народностей съ европейскими очевидна. Первый актъ этой борьбы уже имѣлъ мѣсто нѣсколько лѣтъ тому назадъ на поляхъ Манчжуріи. Нашимъ врагамъ съ невыгодою для себя и всего европейскаго міра помогали англичане. Но однимъ изъ слѣдующихъ актовъ начавшейся въ Азіи борьбы азіатовъ противъ европейцевъ будетъ возстаніе туземцевъ въ Индіи, а затѣмъ нельзя отвергать возможности, что мусульманское населеніе средней Азіи рано или поздно сдѣлаетъ попытку сбросить господство русскаго племени. Въ ростѣ и укрѣпленіи въ настоящее время мусульманства въ средней Азіи и въ маломъ приростѣ русскаго населенія кроется слабая сторона нашего положенія въ средней Азіи.

До завоеванія среднеазіатскихъ областей положеніе въ нихъ населенія было весьма тяжелое. Киргизскія орды, находясь въ зависимости отъ своихъ племенныхъ начальниковъ и представителей

[1]) Ю. Южаковъ „Итоги двадцатисемилѣтняго управленія нашего Туркестанскимъ краемъ“, стр. 78—79, изд. 1891 г.

„бѣлой кости“, въ то же время вели непрерывную борьбу между собою и съ сосѣдями.

Ни ихъ кочевья, ни ихъ стада не были обезпечены. Каждый по праву сильнаго могъ обижать своего сосѣда. Въ особенности тяжело было положеніе киргизъ, примыкавшихъ своими кочевьями къ независимымъ среднеазіатскимъ ханствамъ. Но все же киргизское населеніе въ просторѣ своихъ степей находило защиту и отъ своихъ враговъ.

Несравненно хуже было положеніе массы осѣдлаго населенія среднеазіатскихъ ханствъ. Ничѣмъ не ограниченный восточный деспотизмъ эмировъ и хановъ обращалъ все населеніе въ покорныхъ рабовъ. Имущество и жизнь каждаго были не обезпечены.

Правители отдѣльныхъ областей—беки—обирали ввѣренныя ихъ управленію области. Сильное и властное духовенство заботилось болѣе всего о накопленіи земельныхъ и иныхъ богатствъ. Туземный судъ былъ подкупенъ. Непрерывныя войны хановъ и эмировъ между собою ухудшали положеніе. Плѣнники обращались въ рабовъ. Людьми открыто торговали на базарахъ. Время отъ времени вспыхнія войны смѣнялись внутренними возстаніями, уносившими тоже много жертвъ.

Въ результатѣ такой жизни осѣдлое населеніе среднеазіатскихъ мѣстностей въ массѣ съ приходомъ русскихъ только выиграло.

Наиболѣе независимое существованіе вели туркменскія племена. Они были грозою для сосѣдей, а въ Хивѣ заняли господствующее положеніе. Бухара или откупалась отъ ихъ набѣговъ, или нанимала ихъ на службу. Но глубокая розпь различныхъ туркменскихъ племенъ между собою и постоянная борьба ихъ съ киргизами, бухарцами, персами, афганцами создавали для нихъ тревожную обстановку, и условія ихъ матеріальной жизни были не обезпечены.

Съ завоеваніемъ среднеазіатскихъ владѣній русскими, благодаря прозорливости и знакомству съ мѣстными условіями завоевателей средней Азіи, особенно генерала Кауфмана, мы положили въ основаніе управленія туземцами нѣсколько принциповъ, вполнѣ оправдавшихся полученными результатами.

Приведемъ ниже главнѣйшіе изъ нихъ по нашему мнѣнію:

1. Поставленіе въ средней Азіи на особую высоту русскаго племени.

Горсть нашихъ войскъ разбивала превосходныя силы. Это видимое, всѣмъ понятное, превосходство помогало населенію усвоить взглядъ на русскаго, какъ на существо нѣсколько высшаго разряда, чѣмъ туземцы, облегчало послѣ первыхъ одержанныхъ успѣховъ достиженіе послѣдующихъ. Наши войска въ Туркестанѣ глубоко сознавали свое нравственное превосходство надъ противникомъ, и только русское природное добродушіе смягчало отношенія къ побѣжденнымъ. Тѣмъ не менѣе каждый солдатъ, напр., считалъ, что ему

каждый туземецъ обязанъ былъ при встрѣчѣ давать дорогу, и дорога давалась, а если бы не давшій дороги и побитый за это солдатомъ туземецъ сталъ жаловаться, то начальникъ, разобравъ дѣло, призналъ бы, что потерпѣвшій пострадалъ по своей винѣ, что онъ обязанъ былъ уступить дорогу русскому солдату.

Наказанія за убитыхъ во время мира солдатъ и казаковъ отличались строгостью. Если родичи какого-нибудь аула, гдѣ былъ найденъ убитый, не выдавали виновнаго, то отвѣчало все мужское взрослое населеніе аула.

Принятыми сразу строгими мѣрами русская власть въ Туркестанѣ, считая и Закаспійскій край, достигла того, что случаи убійствъ нашихъ солдатъ и казаковъ были весьма рѣдки.

Безобразничавшихъ гдѣ-нибудь на базарѣ пьяныхъ солдатъ туземная полиція доставляла съ предосторожностями въ воинскія части.

Во время моего управленія Закаспійскимъ краемъ были случаи, что туземцы находили на пустынномъ трактѣ Мервъ—Кушка одиночныхъ пьяныхъ солдатъ разныхъ транспортовъ, прислуги или служителей, близкихъ къ тому, чтобы замерзнуть. Чтобы не быть въ отвѣтѣ за найденное мертвое тѣло, такихъ позорящихъ званіе русскаго солдата представителей нашей арміи бережно завертывали въ кошму, увязывали на верблюда и везли нѣсколько дней, кормили дорогою и наконецъ доставляли живого въ Мервъ къ своему начальству.

Все это противно идеѣ равенства, но въ средней Азіи, гдѣ горсть русскихъ солдатъ держитъ въ полномъ спокойствіи обширный край, требуется именно *неравенство*.

Русскіе люди, служащіе и торговые, были поставлены тоже очень хорошо. Представители торговаго сословія смѣло проникали въ самыя отдаленныя мѣста края, были беззащитны отъ населенія, но ихъ охраняло то, что это были русскіе люди. За обиду и особенно за смерть ихъ туземцамъ пришлось бы тяжко отвѣчать.

Труднѣе всего было пріучить туземное населеніе къ признанію превосходства надъ нимъ пришлаго русскаго земледѣльческаго населенія.

Переселенцы прибывали въ край часто въ такомъ жалкомъ видѣ, что напоминали скорѣе нищихъ, чѣмъ опору русскаго государства. Но, оправившись черезъ нѣсколько лѣтъ, русскіе поселенцы сами могли постоять за себя во многихъ случаяхъ, гдѣ требовалась громкая рѣчь или физическая сила. Но, конечно, русскіе переселенцы, заброшенные въ глубь Азіи, требовали непрерывнаго вниманія со стороны начальствующихъ лицъ къ своимъ нуждамъ.

Но если русскіе, завоевавшіе край, имѣли право на первое и исключительное положеніе среди населенія, то на такое положеніе, конечно, не имѣли никакого права разные пришлецы, явившіеся въ край послѣ покоренія его и начавшіе добиваться привилегированнаго

надъ туземцами положенія. Особенною смѣлостью въ этомъ отношеніи отличались армяне, но евреи, персы, разные инородцы и по отношенію кочевниковъ и сарты тоже добивались занять господствующее надъ массою туземнаго населенія положеніе и иногда, ко вреду для русскаго дѣла вообще и вреду туземцевъ въ частности, добивались этого. Поясню примѣромъ: когда, назначенный управлять съ широкими полномочіями Закаспійскимъ краемъ, я прибылъ въ 1890 году въ г. Асхабадъ [1]), то былъ встрѣченъ обычною церемоніею. Собралось все начальство, былъ выставленъ почетный караулъ, а отъ населенія была преподнесена хлѣбъ-соль при депутаціяхъ отъ разныхъ группъ населенія. Такихъ депутацій стояло около пятнадцати. Тутъ были представители отъ городского населенія Асхабада разныхъ національностей, представители отъ туркменскаго туземнаго населенія разныхъ племенъ, представители отъ бухарцевъ и хивинцевъ, представители отъ иностранно-подданныхъ: персовъ (сунпитовъ, шіитовъ), курдовъ, афганскихъ евреевъ и др.

Принявъ почетный караулъ и познакомившись съ начальствующими лицами, я направился къ депутаціямъ. Къ моему величайшему изумленію, во главѣ всѣхъ депутацій стояла *армянская;* русская была втиснута куда-то въ середину, а туземныя туркменскія депутаціи помѣщались въ хвостѣ всѣхъ и даже ниже депутацій отъ иностранноподданныхъ.

Остановивъ рѣчь армянскаго представителя, я громогласно черезъ переводчиковъ потребовалъ перестроенія всѣхъ депутацій по тому относительному положенію, которое, по моему мнѣнію, должны были занимать въ Закаспійскомъ краѣ различныя народности.

Во главѣ всѣхъ депутацій, конечно, была поставлена русская, представленная скромнымъ русскимъ старостою г. Асхабада изъ мѣщанъ и нѣсколькими русскими обывателями. Вслѣдъ за русскими были поставлены туркмены и киргизы, бывшіе хозяевами края до завоеванія его русскими. Затѣмъ слѣдовали депутаціи отъ русскоподданныхъ, начиная съ христіанскихъ. Тутъ нашла себѣ мѣсто и депутація отъ армянъ, представленная крупнымъ мѣстнымъ торговцемъ во фракѣ и нѣсколькими армянами-торговцами.

Наконецъ, ниже депутацій русско-подданныхъ были выстроены депутаціи отъ бухарцевъ, хивинцевъ, персовъ, афганскихъ евреевъ.

Такой точно порядокъ пріема по національностямъ просителей былъ мною установленъ съ перваго дня пріѣзда въ край и не мѣнялся въ теченіе 8 лѣтъ. Въ назначенный день и часъ, гдѣ бы ни совершался пріемъ, прежде всѣхъ шли ко мнѣ русскіе люди—крестьяне, поселенцы, рабочіе. Послѣ нихъ шелъ продолжительный пріемъ всѣхъ туземцевъ, составлявшихъ основное населеніе края: затѣмъ начинался

[1]) Занятый во время Ахалъ-Текинскаго похода въ 1882 г. отрядомъ подъ моимъ начальствомъ.

пріемъ пришлаго населенія: христіанъ русско-подданныхъ—армянъ, грузинъ и такъ далѣе, какъ выше указано было при разстановкѣ депутацій. Населеніе скоро освоилось съ этимъ порядкомъ, убѣдилось по многимъ случаямъ, что не на словахъ только, а и на дѣлѣ, я признавалъ русскихъ въ Азіи *старшими для всѣхъ остальныхъ братьями*. Но это не мѣшало, конечно, во всѣхъ дѣлахъ судныхъ, особенно исковыхъ, которыми я тоже вѣдалъ при содѣйствіи созданныхъ мною временныхъ органовъ, защищать правыхъ независимо отъ національности.

2. Человѣколюбивое отношеніе къ туземцамъ тотчасъ послѣ одержанной надъ ними побѣды.

Полная незлобивость русскаго офицера и солдата позволяла намъ и въ Азіи, какъ только кончался бой, относиться къ покоренному населенію человѣчески. Всѣ старые счеты съ побѣжденнымъ противникомъ считались покончеными. Онъ становился русскимъ подданнымъ и нашимъ младшимъ братомъ. Его жизнь, вѣра, имущество, обычаи уважались. Ему оказывалось довѣріе. Трудно себѣ представить, какое успокаивающее впечатлѣніе производили наши солдаты, на другой день боя безъ оружія разгуливающіе среди еще смущенныхъ массъ туземцевъ, добродушно на невозможномъ языкѣ торгующіе у туземцевъ фрукты, чай, сласти. Быстро освоившись съ своими врагами въ новомъ ихъ видѣ, туземцы (всѣ съ большою торговой жилкою) принимались охотно за свое дѣло и горячо спорили съ солдатами, хлопая другъ друга по рукамъ, пока не сходились въ цѣнѣ. Какъ они понимали другъ друга—непонятно, но что они понимали—это вѣрно. Вы смѣло могли дать порученіе вашему денщику купить на туземномъ базарѣ любую вещь, и онъ порученіе выполнялъ безъ всякихъ переводчиковъ, зная лишь нѣсколько словъ, частью исковерканныхъ, туземнаго языка въ родѣ—якши, яманъ, іокъ, тамыръ и любимое солдатское „шатай-болтай ни кирекъ“.

Начальствующія лица подавали примѣръ оказанія довѣрія къ побѣжденному врагу. Чернаевъ, тотчасъ послѣ штурма Ташкента и изъявленія покорности населенія, поѣхалъ черезъ городъ съ стотысячнымъ населеніемъ безъ конвоя помыться въ туземную баню. Скобелевъ послѣ штурма Геокъ-тепе, когда къ нему прибыла одна изъ партій туркменъ, изъявившихъ покорность, приказалъ этой партіи конвоировать себя до отряда войскъ, который ушелъ впередъ. Зная сердце туркменъ, можно утверждать, что оказанное имъ довѣріе грознымъ Бѣлымъ генераломъ такъ имъ было дорого и почетно, что они голову положили бы, но не выдали бы довѣрившаго ихъ чести начальника.

Такія отношенія къ туземцамъ войскъ и ихъ начальниковъ составляли рѣзкій контрастъ съ побѣдителями изъ туземцевъ же, сво-

собствовали быстрому замиренію населенія, приступу къ мирнымъ занятіямъ и установленію довѣрія къ побѣдителямъ.

3. Организація власти надъ туземнымъ населеніемъ, наиболѣе соотвѣтствующая его нравамъ и обычаямъ.

Туземное осѣдлое населеніе средней Азіи привыкло къ сильной власти бековъ и другихъ правителей, объединявшихъ, по полномочію отъ эмировъ и хановъ, въ своихъ рукахъ высшую власть военную, административную и судебную.

Основными положеніями устройства вновь образованнаго Туркестанскаго генералъ-губернаторства были приняты:

1) „Нераздѣльность власти военной и административной и соединеніе ея въ краѣ въ однѣхъ рукахъ и 2) предоставленіе внутренняго управленія туземнымъ населеніемъ по всѣмъ дѣламъ, не имѣющимъ политическаго характера, выборнымъ изъ среды самого народа, примѣняясь къ его нравамъ и обычаямъ.

„Эти два положенія прошли чрезъ всѣ правительственные и общественные органы и учрежденія и окрасили ихъ соотвѣтствующей ихъ духу краской: краемъ управлятъ власть военная, но дѣйствуетъ она на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ и особаго спеціальнаго положенія: общественное народное управленіе основано на выборномъ началѣ, примѣняясь къ образцу общественныхъ самоуправленій цивилизованныхъ народовъ“ [1]).

Установленіе для населенія власти начальниковъ уѣздовъ, тоже объединявшихъ въ своихъ рукахъ власть административную и судебную, а въ частныхъ случаяхъ и военную, вполнѣ соотвѣтствовало понятіямъ населенія и отвѣчало ихъ нуждамъ.

Имѣя значительныя права по наложенію взысканій въ административномъ порядкѣ, наши представители военно-народнаго управленія имѣли подъ своимъ контролемъ, а иногда и предсѣдательствомъ, разборъ судебныхъ дѣлъ населенія туземными судьями. Низшіе чины полицейскіе и административные, а также народные судьи, были выбираемы изъ туземнаго населенія.

Выбранные изъ опытныхъ офицеровъ, знакомыхъ съ краемъ, участвовавшихъ въ большинствѣ въ его завоеваніи, предавшіе дѣлу начальники уѣздовъ, въ глазахъ населенія замѣнившіе всесильныхъ бековъ, пользовались полнымъ уваженіемъ со стороны туземнаго населенія. Какъ и на Кавказѣ, военно-народное управленіе сослужило огромную и полезную службу краю, окончательно замиривъ его, направивъ населеніе къ мирному труду и положивъ основаніе податному обложенію населенія.

---

[1]) Ю. Южаковъ „Итоги двадцатисемилѣтняго управленія нашего Туркестанскимъ краемъ“, стр. 14—15, изд. 1891 г.

Матеріальное положеніе начальниковъ уѣздовъ было настолько обезпеченное, что можно было назначать на эту должность съ хорошимъ выборомъ.

Конечно, были печальныя исключенія, но въ общемъ представители военно-народнаго управленія въ Туркестанскомъ краѣ, особенно во время управленія имъ генераломъ Кауфманомъ, съ 1868 по 1881 годъ, могутъ гордиться исполненною ими работою по обращенію только что покоренаго силою оружія населенія въ вѣрныхъ, трудолюбивыхъ и спокойныхъ подданныхъ Бѣлаго Царя.

Но со смертью К. П. Кауфмана положеніе мѣняется. Новыя теченія берутъ верхъ. Прибывшій въ край сенаторъ Гирсъ изъ ревизіи края выноситъ впечатлѣніе, что своевременно ввести въ управленіе населеніемъ Туркестанскаго края тѣ же формы, что практикуются и въ Россіи.

Подобно Гроту на Кавказѣ, Гирсъ хочетъ благодѣтельствовать Туркестанъ. Мнѣніе его было принято, и по новому положенію вмѣсто начальниковъ уѣздовъ явились уѣздные исправники (хотя ихъ и продолжали называть уѣздными начальниками). Значеніе ихъ было умалено, матеріальное положеніе ухудшено, формальности, дѣлопроизводство, отчетность увеличены, а способы вліянія на населеніе уменьшены. Прежде русскіе уѣздные судьи или мировые судьи составляли часть русской администраціи и дружно работали съ военными губернаторами и начальниками уѣздовъ.

Крайнія, чтобы не сказать болѣзненныя, претензіи, что правосудіе можетъ существовать только при полномъ отдѣленіи власти судебной отъ административной, повели къ тому, что и въ Туркестанѣ представители русской уѣздной администраціи и представители русскаго суда очутились въ двухъ независимыхъ одинъ отъ другого, а часто и враждебныхъ, лагеряхъ. Были случаи, что вновь прибывшіе, совершенно неопытные чиновники-юристы, не знающіе края, не понимающіе населенія, своими дѣйствіями контрольнаго характера, направленными противъ уѣздныхъ начальниковъ, особенно по наложенію этими послѣдними взысканій на туземцевъ въ административномъ порядкѣ, подрывали авторитетъ уѣздныхъ начальниковъ въ глазахъ населенія.

Ю. Южаковъ относительно судей новой формаціи высказываетъ слѣдующія заключенія:

„Что же касается до дѣятельности русскихъ судебныхъ учрежденій въ краѣ, то почти ничего особеннаго сказать о ней не приходится. Были прежде уѣздные судьи, нынѣ мировые судьи, но разница только въ наименованіи, а суть одна и та же — одни и тѣ же у нихъ достоинства и недостатки. Послѣдніе, т. е. мировые, правда, болѣе самостоятельны и независимы; но и въ прежнее время въ дѣятельность судей никто рѣшительно не вмѣшивался. Тѣмъ не менѣе, тогда между администраціей и судьями была нѣкоторая общность взгля-

довъ, нѣкоторое согласованіе, объ власти шли рука объ руку, другъ друга поддерживали. Нынѣ судьи не только независимы и самостоятельны, но представляютъ собою какое-то совершенно обособленное учрежденіе. Они не имѣютъ и не желаютъ имѣть ничего общаго съ администраціей, точно у нихъ иныя міровоззрѣнія, иные законы · вообще замѣчается сильная рознь между судомъ и администраціей. Такъ, возбуждаетъ полиція преслѣдованіе, напримѣръ, мясниковъ, хлѣбниковъ, разныхъ торговцевъ и проч. за нечистоту заведеній, несвѣжесть провизіи или нарушеніе порядка благочинія: судья, признавая обвиненіе доказаннымъ, приговариваетъ виновныхъ только къ штрафу въ 1 рубль или 50 коп.—это уже игра въ правосудіе и глумленіе надъ администраціей! Или полиція возбуждаетъ преслѣдованіе туземцевъ, разныхъ торговцевъ насущными потребностями, за стачку на русскомъ базарѣ или возбуждаетъ преслѣдованіе еврея, не имѣющаго права жить въ Туркестанскомъ краѣ,—мировой судья ихъ не только оправдываетъ, но и въ своемъ опредѣленіи входитъ въ обсужденіе неправильныхъ дѣйствій полиціи. Положимъ, областной судъ большую часть такихъ приговоровъ отмѣняетъ и исправляетъ, но, тѣмъ не менѣе, все это показываетъ, что существуетъ крайне нежелательная рознь между судомъ и администраціей. Вообще же по отношенію къ дѣятельности мировыхъ судей замѣчаются недостатокъ или слабость высшаго начальственнаго надзора и полное отсутствіе надзора правительственнаго. Почему, напримѣръ, губернаторъ, главная власть въ области, въ видахъ поддержанія престижа власти, не можетъ принять и разсмотрѣть жалобу туземца на мирового судью, а для провѣрки жалобы потребовать подлинное производство судьи и, отнюдь не вмѣшиваясь въ производство дѣлъ, представлять о замѣченныхъ неправильностяхъ и упущеніяхъ куда слѣдуетъ. Такая китайская стѣна между администраціей и судомъ несомнѣнно ослабляетъ и парализуетъ правительственную власть и несомнѣнно приноситъ существенный вредъ государству“ [1]).

Одинъ изъ лучшихъ боевыхъ генераловъ и администраторовъ Туркестанскаго края, генералъ Абрамовъ, оставилъ службу въ Туркестанскомъ краѣ вслѣдствіе глубокаго несогласія его съ возможностью умалить власть и вліяніе надъ населеніемъ представителей военно-народнаго управленія. Такъ же поступилъ другой выдающійся Туркестанскій администраторъ, генералъ Н. А. Иваповъ.

До моего свѣдѣнія доходятъ слухи, что нынѣ, послѣ ревизіи Закаспійской области сенаторомъ графомъ Паленомъ, предполагается своевременнымъ и для туркменъ сохраненную въ этомъ краѣ сильную власть уѣздныхъ начальниковъ замѣнить властью исправниковъ и вообще вмѣсто военно-народнаго управленія перейти для управленія туркме-

---

[1]) Ю. Южаковъ „Итоги двадцатисемилѣтняго управленія нашего Туркестанскимъ краемъ“, стр. 47—48, изд. 1891 г.

нами къ обычной въ русскихъ мѣстностяхъ уѣздной полиціи. Повидимому, обнаруженные ревизіею безпорядки серьезны, но, желая сломать старыя формы управленія и замѣнить ихъ новыми, необходимо рапѣе выяснить два вопроса: первый — зависѣли ли найденныя злоупотребленія отъ самыхъ формъ уѣзднаго управленія, или эти формы управленія, при хорошо подобранномъ персоналѣ и *должномъ контролѣ* надъ нимъ, вполнѣ удовлетворяли потребностямъ населенія и перестали удовлетворять именно потому, что прекратился контроль надъ дѣятельностью лицъ уѣздной въ краѣ администраціи и самый выборъ ихъ сталъ случаенъ. Въ Закаспійскомъ краѣ именно и произошло послѣднее. Послѣ назначенія моего въ 1898 г. на постъ военнаго министра, въ Закаспійскомъ краѣ за 10 лѣтъ смѣнилось 7 лицъ, управлявшихъ этимъ краемъ [1]). Ни однимъ изъ нихъ до настоящаго времени, какъ мнѣ сообщали изъ края, не было произведено ни одной ревизіи дѣятельности уѣздныхъ и приставскихъ управленій, дѣятельности туземныхъ судовъ. За то же время въ Туркестанѣ смѣнилось 5 генералъ-губернаторовъ. Съ 1899 г. Закаспійскій край вошелъ въ составъ Туркестанскаго военнаго округа, и за этотъ 10-лѣтній срокъ тоже ни одинъ изъ туркестанскихъ генералъ-губернаторовъ не ревизовалъ Закаспійской области. При чемъ же тутъ военно-народное управленіе? И почему, если бы оставить въ краѣ 10 лѣтъ исправниковъ безъ всякаго контроля надъ ними, злоупотребленій не оказалось бы? *Второй вопросъ*, который надо рѣшить раньше, чѣмъ ломать систему управленія, дѣйствующую въ Закаспійскомъ краѣ съ успѣхомъ 28 лѣтъ, заключается въ слѣдующемъ: такъ ли новая система управленія, которая проектируется для Закаспійскаго края, хороша, чтобы можно было быть увѣреннымъ въ выигрышѣ при замѣнѣ ею системы военно-народной?

Но и Гротъ, и Гирсъ никакой новой системы не проектировали. Они взяли почти цѣликомъ систему полицейскаго управленія, дѣйствовавшую въ уѣздахъ русскихъ губерній, и перенесли ее, вмѣстѣ съ отдѣленіемъ суда отъ администраціи, на Кавказъ и въ Туркестанъ. То же, по слухамъ, предположено произвести и въ Закаспійскомъ краѣ.

Но если еще 28 лѣтъ тому назадъ существовали защитники дѣйствующей нынѣ системы управленія русскими уѣздами, то нынѣ полная неудовлетворительность этой системы сознана самимъ правительствомъ и уже подготовлены проекты къ замѣнѣ ея другою, въ основѣ схожею съ системою военно-народнаго управленія, ибо предположено поставить, наконецъ, во главѣ каждаго уѣзда лицо, облеченное болѣе обширною властью и болѣе обширнымъ кругомъ дѣйствій, чѣмъ власть и кругъ дѣйствій исправника, и притомъ начальника, который могъ бы

[1]) Кн. Тумановъ, Богольбовъ, Субботичъ, Усаковскій, Коссаговскій, Карцевъ, Евреиновъ.

объединить нынѣ разрозненныя въ уѣздѣ дѣйствія представителей и органовъ различныхъ министерствъ.

Дѣйствительно, скорѣйшее учрежденіе въ каждомъ уѣздѣ Россійской Имперіи должности *начальника уѣзда*, но не должности начальника уѣзднаго управленія, какъ то одно время было предположено, настоятельно необходимо.

Я прожилъ въ глухомъ уѣздѣ, въ деревнѣ, четвертый годъ и со стороны представителей всѣхъ сословій слышалъ основательныя жалобы на многоначаліе и въ то же время безначаліе въ нашихъ уѣздахъ.

Дѣйствительно, на жизнь населенія русскаго уѣзда вліяютъ, охраняютъ ее и развиваютъ слѣдующія лица и учрежденія:

1) Уѣздное земское собраніе, 2) уѣздная земская управа, 3) предводитель дворянства, 4) полицейскія власти: а) общеимперскія: исправникъ, становые, урядники, стражники, б) мѣстныя сельскія — сельскіе старосты, 5) волость: волостные старшины, сходы, судъ, 6) земскіе начальники, 7) представители разныхъ министерствъ, дѣйствующіе каждый независимо отъ другихъ: податные инспектора, акцизный надзоръ, фабричные инспектора, инспектора народныхъ училищъ, училищный совѣтъ, отдѣленіе епархіальнаго совѣта, лѣсничіе, лѣсоохранительный комитетъ, землеустроительная комиссія, 8) воинскій начальникъ, 9) архіерей, священники, 10) чины врачебные (врачи, фельдшера), санитарный надзоръ.

Прибавьте сюда сложную лѣстницу судебныхъ инстанцій, съ которыми приходится имѣть дѣло населенію: волостной судъ, судъ земскаго начальника, судъ объѣзжающаго уѣздъ непремѣннаго члена суда (въ городѣ уѣздный судья), уѣздный съѣздъ, губернское присутствіе по судебнымъ дѣламъ, окружный судъ, слѣдователи и прокуроры.

Казалось бы, при такомъ многоначаліи охрана населенія будетъ полная, и интересы населенія станутъ отстаиваться надежнымъ образомъ. На дѣлѣ совсѣмъ не выходитъ такъ гладко.

Прежде всего имущество населенія охранено недостаточно. Частые случаи преступленій, особенно кражъ, остаются не открытыми. Стражники и урядники незнакомы даже съ простыми формами разслѣдованія по горячимъ слѣдамъ и ограничиваются обыкновенно составленіемъ протоколовъ. Нынѣ всѣ гимназисты зачитываются Шерлокомъ Холмсомъ. Право, слѣдовало бы по одному экземпляру этого труда Конанъ-Дойля подарить каждому уряднику и затѣмъ хотя изрѣдка собирать ихъ для преподаванія практическихъ пріемовъ для тщательнаго осмотра мѣста преступленія, по охранѣ слѣдовъ, выслѣживанію ихъ, опросу пострадавшихъ, свидѣтелей, подозрѣваемыхъ въ преступленіи, наконецъ пріемовъ по образованію тайныхъ агентовъ для содѣйствія къ раскрытію преступленій. Слѣдователи, за большими разстояніями, являются обыкновенно очень поздно и ничего не нахо-

дятъ. Они тоже слишкомъ неопытны въ своемъ трудномъ дѣлѣ, и при маломъ участіи населенія къ открытію серьезнаго преступника (изъ боязни мести) роль слѣдователя часто очень тяжела и не плодотворна. Безнаказанность преступленій ведетъ къ увеличенію числа ихъ.

Другое основное горе деревни—это отсутствіе достаточной работы со стороны начальствующихъ лицъ и учрежденій къ охранѣ народнаго труда. Земледѣлецъ окруженъ со всѣхъ сторонъ хищниками—виноватъ—посредниками, которые имѣютъ всѣ одну опредѣленную цѣль—воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ крестьянина и возможно дешевле купить продукты его труда.

Эти посредники между трудомъ крестьянина и ртомъ потребителя успѣваютъ иногда удвоить и утроить цѣны на сельскіе продукты и являются главными виновниками существующей и все растущей дороговизны [1]).

Было и еще существуетъ и третье горе: крестьянинъ не умѣетъ увеличить производительность своего труда. Онъ не только со времени освобожденія отъ крѣпостной зависимости не научился получать съ доставшейся ему въ надѣлъ земли (я говорю о Псковской губерніи) большее количество продуктовъ, но сталъ получать ихъ меньше (меньше скота, меньше удобренія, а способы воздѣлыванія и система хозяйства прежніе). Нынѣ министерство земледѣлія идетъ на помощь этому горю, способствуя расхожденію крестьянъ на углы.

Старики жалуются, что молодежь отбилась отъ рукъ, ведетъ себя часто буйно, родителей не слушаетъ, а управы на нее нѣтъ. На каждой гулянкѣ драки. Всѣ хозяева, помѣщики и крестьяне, жалуются, что у нихъ крадутъ рожь съ полей, крадутъ земледѣльческія орудія, оставленныя въ полѣ, крадутъ въ ихъ амбарахъ и домахъ, а полиція воровъ отыскать не умѣетъ.

Крестьяне жалуются, что ихъ сельчане, попавшіе въ тюрьму за маловажное относительно преступленіе, пробывъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, возвращаются вполнѣ подготовленными къ серьезной мошеннической дѣятельности и что съ ними „сладу нѣтъ".

Священники жалуются, что религіозность падаетъ, особенно среди молодежи.

Народные учителя жалуются, что ихъ положеніе тягостное, какъ въ отношеніи труда, на нихъ возложеннаго (слишкомъ много учениковъ на одно лицо), такъ и слишкомъ скуднаго денежнаго вознагражденія, создающаго почти нищенскую обстановку [2]).

Ни на что не жалуются только акцизные надзиратели. Но на

[1]) Въ прекрасномъ сочиненіи Н. А. Крюкова „Австралія, сельскія хозяйства въ Австраліи", изд. 1906 г., на стр. 612—621 указанъ путь, по которому надо идти, чтобы трудъ крестьянина сталъ приносить ему не минимумъ, какъ теперь, а максимумъ дохода.

[2]) Въ одной изъ церковно-приходскихъ школъ уѣзда, въ которомъ я проживаю, школьный учитель помѣщался на кухнѣ вмѣстѣ съ кухаркою.

вопросы—увеличивается ли потребленіе водки въ уѣздѣ—они скромно потупляютъ глаза и отвѣчаютъ, что еще не подведены итоги...

Довольно перечисленія и этихъ горестей. Но кто же можетъ при нынѣшнемъ многоначаліи помочь въ нихъ крестьянину. Существуютъ, казалось бы, два властныхъ лица: одинъ въ губерніи—губернаторъ, другой въ уѣздѣ—предводитель дворянства. Но, какъ это ни страшно, оба почти безсильны что-либо сдѣлать. Прежде всего, вслѣдствіе непрерывнаго стремленія разныхъ министерствъ къ освобожденію ихъ органовъ въ губерніи отъ губернаторскаго воздѣйствія, и губернаторъ изъ *начальника губерніи* обратился въ предсѣдателя многочисленныхъ правленій, присутствій, совѣтовъ, комитетовъ. Вслѣдствіе отсутствія въ уѣздахъ объединяющей власти, теперь губернатору непосредственно подчинены всѣ исправники и всѣ земскіе начальники. Это обязываетъ его непосредственно сноситься съ 20—25 подчиненными ему во всѣхъ уѣздахъ лицами. Кромѣ того, онъ же долженъ въ каждомъ уѣздѣ сноситься съ предводителемъ дворянства, съ уѣздною земскою управою. Выходитъ, что въ каждомъ уѣздѣ находится 10—15 начальствующихъ лицъ, которыя непосредственно сносятся съ губернаторомъ. При такихъ условіяхъ возникаетъ обширная переписка, и въ результатѣ, по характеру своей дѣятельности, губернаторъ является крѣпко привязаннымъ къ губернскому городу и письменному столу и не можетъ проводить бо́льшую часть года въ изученіи нуждъ населенія и помощи ему, какъ бы то было желательно.

Предводитель дворянства въ уѣздѣ тоже только предсѣдатель большого числа собраній, совѣтовъ и комиссій, а фактической власти имѣетъ менѣе исправника или земскаго начальника. Тоже удрученный обиліемъ возложенныхъ на него обязанностей, предводитель дворянства не стоитъ нынѣ близко къ нуждамъ народа.

Я привелъ эти соображенія, чтобы доказать необходимость осторожности въ готовящейся ломкѣ военно-народныхъ учрежденій въ азіатскихъ мѣстностяхъ и на Кавказѣ. Сломать не трудно, но сломанное надо замѣнить лучшимъ. Существующее въ Россіи уѣздное управленіе этимъ лучшимъ никоимъ образомъ не можетъ быть названо. Правильнѣе будетъ готовиться къ *возвышенію* попрежнему, а не къ уменьшенію, значенія и власти начальниковъ уѣздовъ въ тѣхъ областяхъ Туркестана и степныхъ областяхъ, гдѣ таковая власть, по почину ревизіи сенатора Гирса, была умалена.

4. Заботливое отношеніе туркестанскихъ властей къ экономическому положенію массы туземнаго населенія.

Въ исторіи военныхъ дѣйствій въ средней Азіи должно быть отмѣчено непрерывное стремленіе военныхъ начальниковъ, начиная съ генерала Черняева, чтобы мѣстное населеніе, оставшееся спокой-

нымъ, по возможности не страдало отъ хода военныхъ дѣйствій; но и по отношенію населенія, оказывавшаго русскимъ войскамъ сопротивленіе, тотчасъ по окончаніи боя кончалось и враждебное къ нему отношеніе.

Старшіе военные начальники, особенно генералъ Кауфманъ, настойчиво добивались, чтобы войска обходились съ жителями безъ насилій и, главное, за всѣ забираемые продукты уплачивали наличными деньгами. Начиная съ похода въ 1867 году, я былъ свидѣтелемъ глубокаго и благопріятнаго для насъ впечатлѣнія, когда побѣжденные, привыкшіе къ самому жестокому произволу побѣдителя, видѣли человѣчное къ себѣ отношеніе и признаніе имущественныхъ правъ. Такая политика приносила всегда добрые плоды: на другой день побѣды въ лагерь войскъ уже являлись продавцы жизненныхъ продуктовъ и мѣстныхъ издѣлій, какъ то было уже отмѣчено выше.

Съ занятіемъ войсками тѣхъ или другихъ пунктовъ туркестанскія власти принимали мѣры, чтобы продовольствіе войскъ приносило пользу мѣстнымъ жителямъ. Къ поставкѣ въ войска предъявлялись: мѣстное зерно, овощи, мясо, фуражъ для лошадей (люцерна и ячмень), бязь, кошмы, веревки, топливо. Принимались мѣры, чтобы между ртомъ солдата и производителемъ по возможности не было посредниковъ или возможно ограниченное число ихъ.

Принимались мѣры, чтобы мѣстные жители тотчасъ по окончаніи военныхъ дѣйствій могли мирно заниматься земледѣльческимъ трудомъ. Принадлежащія имъ вода и земля сохранялись за ними.

Если отдѣлялись участки въ занятыхъ городахъ подъ укрѣпленія или русскія поселенія, то по возможности брались участки, принадлежащіе ханамъ, эмирамъ, бекамъ или тѣмъ изъ лицъ военнаго сословія, которыя послѣ неудачи въ борьбѣ съ нами не покорились, а бѣжали въ районы, еще нами не покоренные. Отбирались подъ нужды русскихъ поселеній и участки, служившіе для размѣщенія или довольствія туземныхъ войскъ.

Мѣстная торговля всѣми мѣрами поддерживалась и охранялась.

Главное, требовалось достигнуть безопасности движенія по путямъ подвоза товаровъ. Это достигалось съ изумительною быстротою. Черезъ самое короткое время послѣ занятія той или другой мѣстности, благодаря огромному престижу русской власти и русскаго имени, можно было спокойно двигаться одиночнымъ всадникамъ, гдѣ, до прихода русскихъ, проѣздъ считался опаснымъ. Весь почтовый путь по степи отъ Ташкента до Оренбурга, 2,000 верстъ, совершался (кромѣ 1871 года) большею частью безоружными пассажирами, женщинами и дѣтьми безъ всякаго конвоя.

Успѣшно поддерживались ярмарки, базары. Съ обычнымъ въ Азіи оживленіемъ, пестротою, на этихъ базарахъ происходило мирное общеніе русскихъ съ туземцами.

Спокойствіе во всей огромной киргизской степи поддерживалось

самое полное. Безоружные киргизы могли передвигаться одиночными кибитками безъ опасенія быть ограбленными. Въ пограничныхъ съ степью русскихъ осѣдлыхъ пунктахъ—Оренбургѣ, Троицкѣ—въ устроенныхъ каравансараяхъ былъ подготовленъ пріемъ караванов съ товарами.

Но особую важность для туземца средней Азіи представлялъ вопросъ земельный.

Въ отчетѣ Туркестанскаго генералъ-губернатора ген.-ад. Кауфмана съ 1867 по 1881 годъ имѣются по этому вопросу слѣдующія указанія:

„Изъ 104 милліоновъ десятинъ, составлявшихъ приблизительно территорію генералъ-губернаторства (въ 1881 году), находится подъ земледѣліемъ едва $^1/_{50}$ доля, а именно болѣе 2 милліоновъ десятинъ. Подъ кочевьями земель, которыя можно считать удобными для пастбищнаго хозяйства, состоитъ около 40 милліоновъ десятинъ. Затѣмъ остальная и большая половина территоріи края, слишкомъ 60 милліоновъ десятинъ, состоитъ или изъ пространствъ, вполнѣ неудобныхъ ни для земледѣлія, ни для пастьбы скота, каковы недоступныя и обширныя горныя площади, съ ихъ ледниками и озерами, а также сухія и всегда мертвыя песчаныя пустыни Туранской равнины, или же изъ такихъ степей, которыя оживаютъ и даютъ кормъ для стадъ лишь на короткое время весеннихъ перекочевокъ [1]).

„Согласно съ основными положеніями мусульманской теоріи земельнаго права, *всѣ земли ислама суть земли государственныя.* Въ частности, по отношенію къ правамъ пользованія, земли, занятыя подъ обработку, дѣлятся на слѣдующія категоріи:

1) „Земли „ушри“, владѣльцы коихъ обязаны отбываніемъ десятиннаго налога въ казну государственную. Такъ названы были первоначально земли добровольно принявшихъ исламъ жителей Аравіи, а позднѣе въ странахъ, покоренныхъ мусульманскими завоевателями, территоріи и участки, раздѣленные побѣдителями между собою на правѣ военной добычи.

2) „Земли „хараджи“, завоеванныя исламомъ, но оставленныя побѣжденнымъ изъ платежа дани. Владѣльцы этого вида земель облагаются пропорціональнымъ налогомъ изъ продуктовъ жатвы, въ размѣрѣ отъ $^1/_{10}$ доли до половины урожая (хараджъ пропорціональный—„мекосиме“), и постоянною податью, опредѣленною оптомъ съ пространства (хараджъ постоянный—„муваззефъ“).

3) „Земли „милькъ-хуръ“, т. е. обѣльныя, свободныя отъ налога, владѣемыя на правѣ полной собственности. Происхожденіе такого права можетъ быть обязано или труду, приложенному къ оживленію мертвой природы, расчисткою почвы и ея канализаціею, или же кон-

[1]) Ген.-адъют. К. П. фонъ-Кауфманъ „Проектъ всеподданнѣйшаго отчета по гражданскому управленію и устройству въ областяхъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства“, стр. 210, изд. 1885 г.

цессіи поземельныхъ казенныхъ налоговъ, даруемой отъ государя за заслуги или подъ условіемъ обязательной службы, военной или гражданской, на государственномъ поприщѣ. Обѣльное право собственности на пожалованный участокъ и право на взиманіе налоговъ, уступленныхъ государемъ, съ населенныхъ участковъ не есть однако наше вотчинное право, вѣчное и наслѣдственное: оно простирается на срокъ, прекращеніе котораго зависитъ вполнѣ отъ государевой воли; личное же распоряженіе землею во всякомъ случаѣ не далѣе, какъ на тотъ срокъ, пока имущество состоитъ въ производительномъ пользованіи мильковладѣльца, и наконецъ

4) земли „вакуфныя", обращенныя въ заповѣдное состояніе, на пользу мусульманской религіи. Въ строгомъ смыслѣ такія земли, съ разрѣшенія государя, могутъ быть заповѣданы только владѣльцами вышеупомянутыхъ обѣльныхъ владѣній, „мильк-хуръ", при чемъ формальный актъ заповѣдыванія, чтобы имѣть силу, сообщенную ему первоначальнымъ утвержденіемъ государя, - и на дальнѣйшее время необходимо долженъ быть утверждаемъ и всѣми позднѣйшими государями.

„Таковы въ общихъ чертахъ теоретическія положенія мусульманскаго земельнаго законодательства. Но въ теченіе десяти вѣковъ, истекшихъ со времени внесенія сюда ислама арабскими завоевателями, основанное на вышеопредѣленныхъ общихъ началахъ законодательство должно было неминуемо пережить и отразить на себѣ многочисленныя и разнородпѣйшія вліянія историческаго и политическаго прошлаго странъ, ставшихъ нынѣшними областями Туркестанскаго генералъ-губернаторства. Анархическое положеніе дѣлъ, обусловливавшееся безсиліемъ узбекскихъ властителей и въ теченіе послѣднихъ трехъ вѣковъ предшествовавшее русскому владычеству въ краѣ, очевидно, не могло соотвѣтствовать интересамъ прочнаго утвержденія описаннаго юридическаго порядка. Враждующіе ханы и эмиры, подъ власть которыхъ переходили культурныя территоріи края, осуществляли право государя на верховное обладаніе и распоряженіе землями, каждый по своему произволу. Поставленныя ими второстепенныя и третьестепенныя власти къ послѣдствіямъ, вытекавшимъ изъ ханскаго произвола, присоединяли кромѣ того свое личное самовластіе. Система, если такое состояніе управленія можетъ быть названо системою, приводила на практикѣ къ крайнему стѣсненію земледѣльческихъ, трудящихся классовъ, путемъ котораго ханы стремились увеличивать казенные сборы, а администрація бековъ и вліятельное духовенство—увеличивать свои матеріальныя выгоды.

„Такимъ образомъ, ко времени подчиненія страны нашему господству, туземное землевладѣніе должно было представлять въ своихъ формахъ черты древняго и строгаго мусульманскаго права, въ высшей степени и разнообразно искаженныя дѣйствовавшими здѣсь узбекскими учрежденіями.

„Какъ территорія, завоеванная исламскими вождями, — земли генералъ-губернаторства должны быть отнесенными теоретически къ землямъ государственнымъ изъ категоріи „хараджи“.

„По офиціальной терминологіи, употреблявшейся при узбекскихъ правительствахъ, земли, состоящія подъ обработкою, въ пользованіи населенія, по праву владѣнія ими, состояли изъ трехъ главныхъ классовъ: 1) земли государственныя—„амлякъ“; 2) земли владѣльческія—„милькъ“ и 3) земли духовныхъ учрежденій и фамилій—„вакуфъ“.

1) Землями государственными податными „амлякъ“ назывались всѣ земли, владѣльцы коихъ уплачивали поземельные казенные налоги разнаго рода.

2) Землями частной собственности „милькъ“ назывались земли, освобожденныя отъ казенныхъ налоговъ въ пользу владѣльцевъ непосредственныхъ или владѣльцевъ номинальныхъ, пользовавшихся съ своихъ „мильковъ“ одними доходами, при чемъ самое пользованіе землею принадлежало податному населенію, платившему налоги владѣльцу „милька“ (милькодару) и

3) Землями заповѣдными „вакуфъ“ назывались земли, свободныя отъ казеннаго обложенія или вполнѣ, или частью, смотря по условіямъ, обозначеннымъ въ актѣ, которымъ доходы съ имущества посвящались на правѣ вакуфа. Вакуфныя имѣнія завѣщались съ религіозными цѣлями и стали на практикѣ источникомъ матеріальнаго обезпеченія духовныхъ мусульманскихъ учрежденій, мечетей, школъ, странноприимныхъ домовъ и заведеній для бѣдныхъ, а также многочисленнаго потомства мусульманскихъ святителей, извѣстнаго въ краѣ подъ названіемъ „ауліа“, „сеидовъ“ и „ходжей“.

„Земли перваго изъ перечисленныхъ 3 разрядовъ, называемыя „амлякъ“, соотвѣтствуютъ тому виду земель государственныхъ, который, по мусульманской теоріи, именуется „хараджи“ [1]).

„Вопросъ о систематическомъ устройствѣ мѣстнаго земельнаго быта представляется вопросомъ, не лишеннымъ самаго серьезнаго для края значенія. Безъ положительныхъ мѣръ къ его разрѣшенію немыслимо осуществленіе сколько-нибудь прочныхъ улучшеній ни въ податной и финансовой части мѣстнаго устройства, ни въ ирригаціонной администраціи, ни въ дальнѣйшемъ направленіи русскаго колонизаціоннаго движенія въ край, отъ успѣховъ коего прямо зависѣть будетъ достиженіе конечной цѣли нашего господства въ Туркестанѣ—ближайшее и прочное сліяніе его съ коренными областями имперіи.

„Въ частности, настоятельно необходимо скорѣйшее законода-

---

[1]) Ген.-адъют. К. П. фонъ-Кауфманъ „Проектъ всеподданнѣйшаго отчета по гражданскому управленію и устройству въ областяхъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства“, стр. 229—231, изд. 1885 г.

тельное рѣшеніе и по вопросамъ о привилегированномъ землевладѣніи, о земляхъ мильковыхъ и вакуфныхъ.

„Мильковладѣльцы и мусульманское духовенство, отстаивающіе свои поземельныя претензіи, составляютъ аристократическій классъ населенія, политически намъ враждебный, недовольный новымъ порядкомъ, лишившимъ эти вліятельныя сословія ихъ прежней общественно-политической роли. Вопросъ о привилегированномъ землевладѣніи является такимъ образомъ вопросомъ о матеріальной силѣ туземной аристократіи, интересы которой непримиримы съ видами правительственными. Независимо отъ сего и съ не менѣе серьезнымъ значеніемъ вопросъ этотъ представляется и со стороны чисто экономической, какъ вопросъ о судьбѣ бѣднѣйшей части сельскаго населенія, работающей въ пользу мильковладѣльческаго и духовнаго туземныхъ сословій. И, наконецъ, вопросъ этотъ заслуживаетъ вниманія и со стороны фискальной, по связи его съ мѣстными поземельными сборами, которые, сообразно съ тѣмъ или другимъ рѣшеніемъ дѣла, должны будутъ или увеличиться, или уменьшиться на нѣсколько сотъ тысячъ рублей.

„Опираясь на мѣстное изслѣдованіе и въ виду неотложной необходимости въ законодательныхъ уполномочіяхъ для прочнаго устройства края, я имѣлъ честь еще въ 1873 году представлять на обсужденіе Высшей власти единственно-цѣлесообразный, по моему убѣжденію, планъ основаній для земельнаго устройства генералъ-губернаторства.

„Въ основу преобразованія полагалось утвержденіе фактическаго пользованія землею, установившагося въ краѣ на земляхъ амляковыхъ (обложенныхъ казенными сборами) на правѣ постояннаго пользованія. На этомъ широкомъ началѣ, помимо землевладѣнія амляковаго, представлялось закономѣрнымъ съ точки зрѣнія туземнаго права утвержденіе за поселянами, непосредственно обрабатывающими почву, и всѣхъ тѣхъ участковъ, изъ числа земель вакуфныхъ и мильковыхъ, на коихъ нѣтъ у привилегированныхъ землевладѣльцевъ актовъ, согласно съ шаріатскими постановленіями утвержденныхъ подлежащею правительственною властью. При разборѣ претензій на владѣльческія привилегіи, проектировалась строгая юридическая повѣрка документовъ, при чемъ претендующіе обязывались предъявить законныя доказательства правильности своихъ домогательствъ на владѣніе обѣльное (вполнѣ или частью) отъ казенныхъ налоговъ.

„Въ такомъ направленіи дѣла я усматривалъ, съ своей стороны, единственную возможность ввести въ законные предѣлы дальнѣйшее существованіе вредныхъ и несообразныхъ съ новымъ устройствомъ края привилегій мѣстнаго землевладѣнія и такимъ образомъ покончить съ злоупотребленіями и неурядицею, завѣщанными русскому правительству смутною эпохою узбекскаго управленія. Изъ числа всѣхъ аристократическихъ претензій, для признанія и утвержденія

намъ предстояло выдѣлить по этому плану одни лишь законныя права на мильки и вакуфы, съ тѣмъ, чтобы, за сказаннымъ выдѣленіемъ, всѣ дальнѣйшія уступки новыхъ привилегій были навсегда прекращены, столько же въ интересахъ благосостоянія народнаго трудящагося большинства, сколько и въ интересахъ правительства, которому необходимо взять оживленіе и заселеніе страны въ свое руководящее попеченіе“.[1]).

Къ сожалѣнію, не всѣ изъ предположеній ген.-адъют. Кауфмана удостоились утвержденія, но и достигнутаго достаточно, чтобы благодарная память о немъ осталась въ сердцахъ населенія.

Такимъ образомъ, обратно тому, что сдѣлалъ гр. Воронцовъ на Кавказѣ, ген. Кауфманъ принялъ мѣры, чтобы ограничить поземельныя претензіи мѣстнаго аристократическаго класса и духовенства. Закрѣпощенное ими земледѣльческое населеніе получило права пользованія на многихъ мильковыхъ или вакуфныхъ участкахъ тѣ же самыя, что были предоставлены населенію на земляхъ государственныхъ—амляковыхъ.

Быстрое возрастаніе спроса на хлопокъ и сухіе фрукты, проведеніе желѣзныхъ дорогъ вызвали большой приливъ денегъ въ Туркестанъ, которыя первое время значительною частью попали въ руки производительнаго класса населенія. Вмѣстѣ съ спокойствіемъ у туземнаго населенія явился невиданный имъ достатокъ. Имѣя въ то же время въ своихъ рукахъ низшую администрацію и народный судъ, имѣя въ русскихъ начальникахъ уѣздовъ и другихъ чинахъ военно-народнаго управленія близкую и авторитетную власть, заботливо относившуюся къ населенію, туземцы Туркестанскаго края, пережившіе насилія, неправды, необезпеченность жизни и имущества ранѣе прихода русскихъ, не могли не признать, что приходъ русскихъ былъ для нихъ благодѣтелемъ.

Эти лица стали теперь стариками, но такъ же твердо, какъ и ранѣе, сознаютъ выгоду подчиненія края русскимъ.

Вотъ какъ одинъ изъ знатоковъ Туркестанскаго края рисуетъ положеніе населенія Туркестанскаго края и причины довольства его русскимъ управленіемъ:

„Несмотря на всѣ довольно крупныя ошибки и серьезные недостатки нашего управленія Туркестанскимъ краемъ за все время нашего здѣсь владычества, въ общемъ положеніе наше представляется въ довольно удовлетворительномъ видѣ. Осѣдлое населеніе несомнѣнно довольно своимъ положеніемъ, особенно — люди старые, пережившіе кокандскій режимъ, видѣвшіе кокандскіе порядки, выносившіе тягости кокандскихъ сборовъ и поборовъ. Наши порядки несомнѣнно легче, положительнѣе и лучше кокандскихъ; наши подати вдвое легче,

[1]) Ген.-адъют. К. П. Кауфманъ „Проектъ всеподданнѣйшаго отчета по гражданскому управленію и устройству въ областяхъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства“, стр. 242—244, изд. 1885 г.

податная неурядица Ферганской области не коснулась ни Зарявшанскаго округа (нынѣ область), ни Сыръ-Дарьинской области. Въ ихъ жизнь, въ ихъ внутреннія дѣла мы не вмѣшиваемся — они живутъ, какъ знаютъ и какъ хотятъ; свою религію они исповѣдуютъ, какъ желаютъ, совершенно свободно, безъ всякихъ стѣсненій, такъ что имѣютъ полное основаніе думать и дѣйствительно въ томъ убѣждены, что первенствующая господствующая въ краѣ религія не христіанская, а мусульманская. Мы даже не вмѣшиваемся въ ихъ самоуправленіе, въ ихъ судъ — управляйтесь и судитесь, какъ знаете, только сидите мирно и подати платите исправно. Ни въ душу, ни въ карманъ мы къ нимъ не залѣземъ—вѣруйте въ кого и какъ хотите, живите, какъ желаете. Мы ихъ не эксплоатируемъ, соковъ изъ нихъ не выжимаемъ, какъ поступаютъ съ ними просвѣщенные мореплаватели въ Индіи, въ Африкѣ и вездѣ, куда ихъ нелегкая занесетъ. И туземцы вполнѣ благодушествуютъ. Если же при этомъ имѣть въ виду, что мы оживили экономическое развитіе страны, усилили промышленность и торговлю, вызвали сильный спросъ труда и капитала, что туземецъ, едва зарабатывавшій 10—15 коп. въ день, теперь добываетъ своимъ простымъ трудомъ, какъ рабочій, 40 — 80 коп. въ день, то весьма естественно, что туземцы весьма довольны русскимъ владычествомъ— и ошибутся въ своихъ расчетахъ всѣ горячіе фанатики Судана, Аравіи или политиканы-софты, или англійскіе подстрекатели, если пожалуютъ къ намъ съ цѣлью поднять мусульманъ противъ владычества невѣрныхъ: они могутъ найти себѣ прозелитовъ только въ медресе среди муллъ, а земледѣльческій, трудящійся, промысловый и торговый классы отнесутся къ нимъ совершенно равнодушно. Туркестанскій край никогда не жилъ такой мирной и покойной жизнью, какою живетъ теперь. Туземецъ никогда прежде не уходилъ такъ смѣло и спокойно на полевыя работы въ степь, не боясь степныхъ, кочевыхъ хищниковъ, никогда такъ увѣренно не оставлялъ въ своей саклѣ своей семьи, что ее никто не тронетъ,—и онъ застанетъ, вернувшись съ полевыхъ работъ, все благополучно и въ порядкѣ. Вмѣсто прежняго приниженнаго, раболѣпнаго вида при кокандскомъ владычествѣ, туземецъ смотритъ нынѣ смѣло и спокойно на все и на всѣхъ (только еще предъ казіями онъ сгибается — потому засудятъ), не только не поступится онъ своими интересами, а напротивъ думаетъ развить ихъ на счетъ другихъ. Земли онъ всѣ захватилъ и распродаетъ; на базарѣ онъ главный хозяинъ: хлѣбъ, мясо, фрукты, огородные овощи, молочный скотъ — словомъ вся насущная потребность у него въ рукахъ; многаго онъ прежде не зналъ, многому научился отъ русскихъ по части сельскаго хозяйства, строительства и строительныхъ матеріаловъ и перещеголялъ своихъ учителей — отбилъ у нихъ хлѣбъ. Столяры, плотники, каменщики, повара, кучера и вообще мужская прислуга — преобладаютъ туземцы. Такимъ образомъ, мы вывели туземца изъ неподвижной раболѣпной жизни подъ шаріатскимъ режи-

момъ, изъ-подъ ханскаго ига, къ свободной, спокойной, трудовой жизни“ [1]).

Но со времени взятія Ташкента, въ 1865 г., родилось и выросло цѣлое поколѣніе, которое знало только русское управленіе. Вотъ это поколѣніе, сравнивая свое положеніе 20 лѣтъ назадъ и теперь, можетъ признавать въ массѣ это положеніе не улучшившимся, а ухудшившимся.

Причинъ тому нѣсколько, но главная изъ нихъ заключается въ увеличившейся дороговизнѣ жизни и рѣзко обозначившейся разницѣ въ матеріальномъ положеніи массы населенія, не владѣющей землею, и владѣльцевъ земель. Но и эти владѣльцы въ погонѣ за большими барышами часто опутаны долгами. Всѣ эти явленія явились результатомъ хлопковой горячки. Съ возрастаніемъ спроса на хлопокъ росли и арендныя цѣны на земли и наконецъ достигли такого размѣра, что лицамъ, многіе десятки лѣтъ арендовавшимъ участки, выгоднѣе стало идти въ простые работники, чѣмъ продолжать воздѣлываніе земель на арендномъ правѣ. Явился многочисленный сельскій пролетаріатъ. Но и оставшихся сидѣть на землѣ хозяевами или арендаторами ждали бѣды. Новые посредники русскіе, евреи, армяне—изобрѣли систему *„озадачиванія“*, которая заключалась въ томъ, что, когда хлопокъ только засѣянъ, *подъ будущій* урожай его уже выдавались отъ разныхъ фирмъ, конкурировавшихъ между собою, крупные задатки — до половины и болѣе стоимости всего урожая. При этомъ населеніе часто обязывалось ставить въ уплату забранныхъ денегъ хлопокъ не по базарной цѣнѣ, а по той цѣнѣ, которую опредѣлитъ заимодатель. Бывало много случаевъ, что часть ссуды оставалась неуплаченною всѣмъ урожаемъ, и тѣмъ не менѣе выдавалась новая, пока тѣ или другіе хозяева совершенно не попадали въ кабалу къ скупщикамъ хлопка.

Постановка хлопковаго производства при помощи дорогихъ хлопкоочистительныхъ машинъ, прессовъ, маслоотжимателей — все это возвышало значеніе капитала надъ трудомъ къ невыгодѣ мелкаго землевладѣльца, жившаго ранѣе съ полнымъ достаткомъ работою на своемъ участкѣ, занимаясь хлопководствомъ кустарно и безъ усовершенствованныхъ орудій производства.

Капиталъ властно наложилъ руку и на туркестанское населеніе, создавъ небывалую прежде разницу въ матеріальномъ положеніи различныхъ классовъ населенія. Но вмѣстѣ съ капиталомъ явилась и цѣлая серія хищниковъ разнаго наименованія, которые въ роли посредниковъ дѣятельно и успѣшно работаютъ, чтобы на долю производителя хлопка—туземца осталось какъ можно менѣе барыша.

Вотъ, напр., какія свѣдѣнія по этому вопросу помѣщены въ отчетѣ по андижанскому опытному полю въ 1906 г. [2]):

[1]) Ю. Южаковъ „Итоги двадцатисемилѣтняго управленія нашего Туркестанскимъ краемъ“, стр. 76—78, изд. 1891 г.

[2]) „Труды хлопковаго комитета“, т. I, стр. 173—174, изд. 1907 г. Андижанскій уѣздъ, Ферганской области, имѣетъ наибольшее значеніе во всемъ Туркестанѣ. Населеніе этого уѣзда нынѣ уплачиваетъ въ доходы казны свыше 1 милл. рублей,— главнымъ образомъ поземельной подати.

„Три года, какъ на андижанскомъ опытномъ полѣ демонстрируется опытъ съ разными способами посѣва хлопка — машиннымъ, ручнымъ съ механической обработкой и туземнымъ — „джоячнымъ". Результаты урожаевъ разнорѣчивы; но все-таки удалось установить тотъ фактъ, что расходы по культурѣ хлопка при машинной обработкѣ и посѣвѣ въ три раза менѣе, чѣмъ при туземномъ. Туземцамъ, работавшимъ на полѣ, это обстоятельство хорошо извѣстно, и многіе даже изъ мѣстныхъ чайрикеровъ [1]) примѣняютъ плуги, пропашники и сѣялки; но врядъ ли возможно, чтобы, при существующихъ въ Ферганѣ условіяхъ, туземецъ сталъ вводить въ свой инвентарь пропашникъ или сѣялку.

„Причинъ, препятствующихъ введенію улучшенныхъ орудій, много; но главнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: при существующихъ надѣлахъ, не превышающихъ никогда $^2/_3$ десятины (4 танапа), туземцамъ нѣтъ расчета покупать дорого стоющія машины; если же къ этому прибавить *поистинѣ ужасное матеріальное положеніе туземцевъ, которыхъ эксплоатируютъ посредники различныхъ хлопковыхъ фирмъ*, — то не трудно будетъ заключить, что даже при желаніи пріобрѣсти машины туземецъ не въ состояніи осуществить этого. Второе, не менѣе важное обстоятельство, — это слишкомъ дешевая оцѣнка туземцами своего труда. Стоитъ только познакомиться съ испольной системой (чайрикерствомъ), сильно развитой въ Ферганѣ, вслѣдствіе существованія громаднаго процента безземельныхъ („байгушей") [2]), чтобы убѣдиться въ только что сказанномъ. Чайрикеръ только за одно пользованіе землей выдѣляетъ землевладѣльцу $^2/_3$ урожая, если вспашка омачемъ произведена хозяйскимъ инвентаремъ, или же платитъ аренды отъ 100 до 200 руб. за десятину, т. е. сумму, никогда не встрѣчающуюся ни въ одномъ хозяйствѣ Россіи, по обыкновенную для Ферганы. Если же произвести подсчетъ стоимости проведенія джояковъ (грядъ), прорѣживанія, трекратнаго мотыженія, поливки, то можно вполнѣ убѣдиться, что туземцу выгоднѣе поступить батракомъ, чѣмъ заниматься хлопководствомъ на чайрикерскихъ или арендаторскихъ началахъ".

Такимъ образомъ, оцѣнивая положеніе туземнаго населенія, надо различать положеніе его до прихода русскихъ, положеніе въ восьмидесятыхъ годахъ и, наконецъ, положеніе въ настоящее время.

Нынѣ уже есть основаніе тревожиться: а) отсутствіемъ надзора за растущимъ религіознымъ рвеніемъ туземнаго населенія, б) растущимъ, вслѣдствіе хлопковой горячки, туземнымъ пролетаріатомъ, в) растущею эксплоатаціею труда туземцевъ разными посредниками и г) приливомъ въ Туркестанскій край неблагопадежнаго въ политическомъ отношеніи пришлаго элемента.

---

[1]) Издольщиковъ.

[2]) Въ андижанскомъ хлопковомъ районѣ до 30%.

По всѣмъ этимъ причинамъ, если не будетъ принято должныхъ мѣръ, населéніе Туркестанскаго края можетъ доставить серьезныя заботы русскому правительству и вызвать новыя жертвы русскаго народа.

Хлопковое дѣло обогатило Туркестанскій край, хлопковое дѣло можетъ послужить и причиною волненія населенія, если производство хлопка будетъ обогащать единицы и закрѣпощать массы.

Туркестанскія войска.

Завоеваніе средней Азіи обошлось Россіи недорого. За всѣ походы въ среднюю Азію, съ 1839 по 1881 годъ, выставлено было послѣдовательно до 60,000 чел. войскъ. Всѣ потери убитыми и ранеными составили до 5,000 чел. и выбывшими изъ строя больными 10,000 человѣкъ.

Противникъ, за исключеніемъ отдѣльныхъ случаевъ, сопротивлялся нашимъ войскамъ слабо. Исключеніе составили только туркмены Ахалъ-теке, отбившіе въ 1870 году штурмъ на Геокъ-тепе кавказскихъ войскъ и покорившіеся въ 1882 году генералу Скобелеву только послѣ упорнаго сопротивленія. Нашимъ войскамъ въ средней Азіи главныя трудности представлялъ не противникъ, а природа: огромныя разстоянія, пески, трудно проходимыя горы, безводіе, жары, часто вредный климатъ. Всѣ эти трудности, особенно во время хивинскаго похода, войска перенесли самоотверженно. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ на войска выпадали трудныя боевыя задачи, онѣ ихъ выполняли успѣшно, съ беззавѣтною храбростью. Туркестанская война не можетъ идти въ сравненіе съ огромною боевою кавказскою эпопеею, но такіе подвиги войскъ въ Туркестанѣ, какъ дѣло уральскихъ казаковъ подъ Икаромъ, штурмъ Ташкента, оборона самаркандской цитадели, штурмъ Геокъ-тепе,—составятъ всегда почетныя страницы въ русской военной исторіи.

Необходимо отмѣтить, что командовавшіе туркестанскими (оренбургскими, сибирскими) войсками начальники, во время завоеванія края, особенно Черняевъ, Кауфманъ, Колпаковскій, Абрамовъ, Скобелевъ, въ основаніе воспитанія войскъ положили особую заботливость объ офицерахъ и объ нижнихъ чинахъ. Эта заботливость, независимо свойственнаго вообще русскому начальнику добраго отношенія къ своимъ подчиненнымъ, подсказывалась еще и необходимостью. Укомплектованіе войскъ, находившихся въ средней Азіи, было такъ затруднительно, а войска малочисленны, что приходилось дорожить каждымъ отдѣльнымъ офицеромъ и нижнимъ чиномъ, чтобы въ бою имѣть болѣе штыковъ и сабель. Усиленная охрана здоровья нижнихъ чиновъ вызывалась и климатическими особенностями Туркестана. Многія мѣстности были лихорадочны; всюду въ періодъ вызрѣванія плодовъ

въ войскахъ, при ослабленіи надзора, могли развиться поносы. Быстрое и рѣзкое паденіе дневной температуры весною и осенью было причиною частыхъ простудныхъ заболѣваній. Надо прибавить дурную воду и вообще дурное, особенно сухарное, довольствіе въ походахъ, и получится довольно ясная картина, до какой степени требовалось ежедневное внимательное отношеніе къ санитарному состоянію войскъ, заботливость объ нихъ, чтобы было съ кѣмъ охранять край, нести тяжелую караульную службу и въ то же время быть ежечасно готовыми выступить въ военный походъ. Эта усиленная заботливость, проводимая сверху донизу, создавала тѣсную связь между офицерами и нижними чинами, а эта связь оказывалась особенно цѣнною въ дни тяжелыхъ боевыхъ испытаній.

Другая особенность туркестанскихъ войскъ, заимствованная съ Кавказа, заключалась въ стремленіи всѣхъ попасть въ военный походъ, въ жаждѣ подвига, отличія. При малочисленности войскъ, съ отправленіемъ въ военный походъ, начальникамъ приходилось назначать одни части, оставлять для охраны края другія. Отъ батальоновъ брали по двѣ, по три роты, оставляя три или двѣ роты при штабъ-квартирѣ. Каждый разъ начинались усиленныя хлопоты, чтобы тотъ или другой батальонъ, батарея пошли въ походъ. Затѣмъ въ каждой части шли усиленные подсчеты, начиная съ перваго шага въ Азіи, какія роты имѣютъ болѣе права идти въ походъ. Всѣ офицеры стремились идти въ походъ и въ бой.

Въ походѣ и въ бою между частями войскъ устанавливалось, какъ и на Кавказѣ, соревнованіе; какъ и на Кавказѣ, отличались части войскъ, особенно доблестно всюду дѣйствовавшія. Передъ боемъ настроеніе было бодрое, приподнятое. Глубокое сознаніе превосходства надъ противникомъ составляло одну изъ причинъ, что для войскъ въ Туркестанѣ не представлялось неисполнимыхъ задачъ. Какъ бы ни былъ силенъ противникъ, въ общемъ предпочитался наступательный бой. Послѣ боя солдатъ въ Туркестанѣ, какъ и всюду, быстро проявлялъ свои чудныя сердечныя качества, добродушно, безъ злобы относился къ побѣжденному и часто дѣлился съ нимъ послѣднимъ запасомъ воды и сухарей.

Туркестанскіе офицеры, попавшіе въ русско-турецкую войну 1877—1878 годовъ и русско-японскую 1904—1905 годовъ, по общимъ отзывамъ, вели себя доблестно и поддержали добрую славу туркестанскихъ войскъ.

Съ особымъ отличіемъ туркестанскіе офицеры дѣйствовали во время войны съ Турціею въ составѣ болгарскихъ дружинъ: ни наша, ни болгарская армія не забудутъ длиннаго ряда нашихъ туркестанскихъ офицеровъ, убитыхъ и раненыхъ во главѣ болгарскихъ войскъ: Калитина, Федорова, Попова, Поликарпова, Кихорева и другихъ.

Въ общемъ боевая школа въ Туркестанѣ была отличная, и надеж-

ный кадръ офицеровъ сохранился въ Туркестанѣ и въ настоящее время. Войска въ Туркестанѣ не многочисленны, но Россія и ея державный Вождь могутъ быть спокойны, что туркестанскія войска изъ всѣхъ испытаній, которыя имъ могутъ выпасть на долю, выйдутъ съ честью.

Военно-политическое значеніе Туркестанскаго края.

Въ томѣ IV моего отчета по минувшей войнѣ „Итоги войны", съ достаточною подробностью изложено, что наши настоящія границы Туркестанскаго края съ Персіею, Афганистаномъ, Бухарою и Китаемъ вполнѣ удовлетворяютъ Россію, и дальнѣйшаго ихъ расширенія не требуется. На значительномъ протяженіи эти границы проходятъ по естественнымъ рубежамъ или составляютъ этнографическую грань между разными племенами. Тамъ же, гдѣ, какъ, напр., съ Афганистаномъ, наша граница не поднялась на хребтовую линію Гиндукуша, выяснено, что невыгоды этого опоэтизированнаго многими военными лицами естественнаго рубежа не окупятся тѣми сомнительными выгодами, которыя можемъ получить, достигнувъ цѣною кровавой борьбы съ Афганистаномъ и Англіею, хребтовой линіи Гиндукуша.

Граница Туркестанскаго генералъ-губернаторства въ его настоящихъ предѣлахъ съ сосѣдними государствами составляетъ 5,100 верстъ, въ томъ числѣ: съ Персіею 800 верстъ, съ Афганистаномъ 1,780 верстъ и съ Китаемъ 2,520 верстъ. Такое протяженіе границы вызываетъ трудность обороны ея. Поэтому и на будущее время для туркестанскихъ войскъ наилучшимъ способомъ дѣйствій будетъ, какъ и въ прошломъ, наступленіе противъ готовящагося вторгнуться въ наши предѣлы врага, чтобы разбить его ранѣе вступленія на нашу территорію.

За послѣднія 28 лѣтъ Туркестанъ связался съ Европейскою Россіею двумя желѣзнодорожными линіями: Закаспійскою, отъ Красноводска до Самарканда, и Оренбургскою, отъ Оренбурга до Андижана, съ вѣткою на Самаркандъ. Эти двѣ линіи, какъ показалъ опытъ русско-японской войны, помогутъ Россіи, если въ томъ встрѣтится надобность, сосредоточить въ Туркестанѣ могущественную армію. При отсутствіи выгодъ для Россіи въ дальнѣйшемъ распространеніи нашихъ владѣній въ средней Азіи, эта армія можетъ служить для поддержанія интересовъ Россіи на другихъ театрахъ военныхъ дѣйствій. Такъ, напримѣръ, если бы Китай объявилъ намъ войну, то, независимо дѣйствій на другихъ участкахъ нашей границы съ Китаемъ, дѣйствіями изъ Туркестана отъ Китая легко можетъ быть отторгнутъ обширный край, извѣстный подъ названіемъ Восточнаго Туркестана (Кашгаріи и Илійской [1]) провинціи). Туземное населеніе этого края,

[1]) Кульджа.

узбеки въ Кашгаріи, дунгане и таранчи въ Кульджѣ, можетъ, при малой даже подготовкѣ, встрѣтить наши войска, какъ освободителей отъ китайскаго ига. Возможность участія Англіи въ коалиціонной войнѣ противъ Россіи, подобной войнѣ 1855—1856 годовъ, тоже благодаря позиціи, занятой нами въ Туркестанѣ, нынѣ очень уменьшилась. Только сборъ войскъ въ Туркестанѣ, для движенія, въ случаѣ войны съ Англіею, къ Индіи можетъ вызвать такое волненіе населенія Индіи, что со стороны Англіи потребуется быстрое подкрѣпленіе своихъ относительно малочисленныхъ войскъ въ Индіи.

Военное значеніе Туркестана по отношенію къ англійскимъ владѣніямъ въ Индіи не только вполнѣ сознается въ Англіи, но еще недавно сознаніе это носило болѣзненный характеръ недовѣрія къ каждому шагу Россіи въ средней Азіи. Каждый походъ нашихъ войскъ въ средней Азіи вызывалъ усиленную тревогу въ Англіи. Занятіе нами низовьевъ р. Сыръ-Дарьи въ 1853 году подтолкнуло Англію къ разрыву съ нами. Походъ въ Хиву и особенно походъ въ Ахалъ-Текинскій оазисъ вызывали тревогу въ Англіи. Мы спѣшили оправдываться, давать разныя обѣщанія, которыя потомъ оказывались не въ силахъ сдержать. Одновременно съ хивинскимъ походомъ въ 1873 году, Англія, какъ указано выше, успѣла заключить съ нами дѣйствующее и нынѣ соглашеніе о разграниченіи сферъ владѣнія въ Азіи. Неожиданно мы по этому соглашенію отказались вмѣшиваться въ дѣла Афганистана, независимаго отъ Англіи, когда англичане въ свою очередь отказались вмѣшиваться въ дѣла покореннаго нами Бухарскаго ханства. Въ 1892 году окончательно, при содѣйствіи Англіи, установлена граница Закаспійскаго края съ Афганистаномъ. По наружности все обстоитъ благополучно, но на самомъ дѣлѣ недовѣріе къ намъ Англіи отражается въ этой части средней Азіи невыгодными для насъ послѣдствіями: афганскіе купцы могутъ сколько угодно привозить лично свои товары въ Закаспійскій край и ѣхать куда угодно по Россіи; *но русскіе купцы до сихъ поръ не допускаются въ Афганистанъ.*

Вѣтвь Закаспійской желѣзной дороги доходитъ до укр. Кушкинскаго, въ 110 верстахъ отъ Герата. Передовой пунктъ англійскихъ желѣзныхъ дорогъ къ сторонѣ Афганистана находится въ окрестностяхъ Кандагара. Казалось бы, соединеніе желѣзною дорогою Кандагара съ Гератомъ и Герата съ Кушкинскимъ укрѣпленіемъ создало бы сплошной желѣзнодорожный путь между Индіею и Европою, ко взаимной выгодѣ Россіи и Англіи; но недовѣріе къ политикѣ Россіи въ средней Азіи замедляетъ осуществленіе этого предпріятія, необходимаго для мирнаго соглашенія Англіи и Россіи въ Азіи.

Вѣрная своей политикѣ въ теченіе уже нѣсколькихъ столѣтій, Англія послѣдовательно боролась противъ господствующаго положенія въ Европѣ Испаніи, Франціи и Россіи. Теперь настала очередь борьбы съ Германіею, занявшею, послѣ пораженія Россіи на Дальнемъ Востокѣ (при содѣйствіи Англіи), несомнѣнное господствующее поло-

женіе. Такое поведеніе Англіи съ точки зрѣнія ея интересовъ оправдывается всею ея исторіею. Вполнѣ понятно, что, готовясь къ борьбѣ съ Германіею, Англія ищетъ себѣ союзниковъ. Но, конечно, вполнѣ для русскаго человѣка будетъ непонятнымъ, если такимъ союзникомъ Англіи вдругъ окажется Россія, послѣ всего того, что исполнено Англіей противъ Россіи въ послѣднія 60 лѣтъ. Но удивленіе русскаго человѣка должно смѣниться смущеніемъ, если бы оказалось, что Англія, не поступившись ничѣмъ ни въ Европѣ, ни въ Азіи и сохранивъ *союзныя отношенія съ Японіею*, обратила Россію въ свою союзницу въ Европѣ. Еще одинъ шагъ по торному пути загребанія жара чужими руками, и, къ радости Англіи, — Германія, Австрія и Россія, искусно натравливаемыя Англіею, вступятъ между собою въ вооруженную борьбу...

Необходимо совершенно точно уяснить себѣ, что въ Европѣ мы не нуждаемся въ помощи Англіи. Если эта помощь дѣйствительно можетъ быть намъ полезна, то только въ Азіи, въ случаѣ новой войны съ Японіею.

Только дѣйствуя въ *союзѣ съ нами противъ Японіи, Англія можетъ разсчитывать на союзъ съ Россіею, и то не по европейскимъ дѣламъ, а по дѣламъ азіатскимъ*. За поддержаніе всѣмъ своимъ флотомъ въ Тихомъ океанѣ нашей арміи въ Маньчжуріи и Пріамурскомъ округѣ Россія можетъ обязаться *поддерживать положеніе Англіи въ Индіи*. И это будетъ поддержка естественная и серьезная, это будетъ союзъ двухъ народовъ бѣлой расы противъ надвигающейся опасности со стороны Востока— со стороны желтой расы. Новое пораженіе Россіи на Дальнемъ Востокѣ грозитъ изгнаніемъ всѣхъ бѣлыхъ изъ Азіи и въ томъ числѣ англичанъ изъ Индіи. Императоръ Вильгельмъ I давно предсказывалъ наступленіе этой опасности. И опасность эта такъ велика для всей Европы, что было бы неисчислимымъ для нея бѣдствіемъ, если бы Англія и Германія, обезсиливъ себя во взаимной тяжкой борьбѣ, облегчили Америкѣ и Азіи вытѣснить Европу не только изъ Азіи, но и изъ другихъ материковъ свѣта, загнавъ ее въ западную часть узкаго европейскаго материка-чулка.

Такимъ образомъ, наши среднеазіатскія владѣнія въ настоящее время являются очень сильною и важною въ военно-политическомъ отношеніи позиціею. Имѣ эта позиція, благодаря двумъ связывающимъ ее съ Европ. Россіею желѣзнымъ дорогамъ, представляетъ для Россіи могущественный рычагъ, чтобы препятствовать Англіи быть противъ насъ въ Европѣ и Азіи и, напротивъ, содѣйствовать союзу съ нею по азіатскимъ дѣламъ.

Все вышеизложенное по среднеазіатскимъ владѣніямъ Россіи позволяетъ сдѣлать слѣдующіе общіе выводы:

1) Завоеваніе среднеазіатскихъ владѣній было жизненно необходимо для Россіи. Несмотря на нежеланіе центральнаго правительства расширять владѣнія Россіи въ средней Азіи, такое расширеніе было

неизбѣжно, до тѣхъ поръ, пока Россія не вошла въ соприкосновеніе въ средней Азіи съ границами Персіи, Афганистана и Китая.

По картинному изображенію профессора Макшеева, „движеніе русскихъ на востокъ было дѣломъ не политическихъ или экономическихъ расчетовъ, хотя дало громадные политическіе и экономическіе результаты, а скорѣе дѣломъ безотчетнаго народнаго творчества, подчиняющагося высшему закону исторической необходимости".

2) Въ религіозномъ отношеніи нынѣ мусульманское населеніе спокойно, но на почвѣ религіознаго возбужденія еще возможны попытки населенія сбросить съ себя господство русской власти.

3) Въ экономическомъ отношеніи Туркестанъ уже перестадъ быть обузою для государственнаго казначейства, а производствомъ въ особенности хлопка пріобрѣтаетъ все увеличивающееся экономическое значеніе для Россіи среди всѣхъ ея окраинъ.

4) Благодаря удачному управленію Туркестаномъ различными начальствующими лицами, въ особенности генераломъ Кауфманомъ, положеніе туземнаго населенія до послѣдняго времени не внушало опасеній, и Россія стояла твердо въ средней Азіи. Изъ положенныхъ въ основаніе управленія Туркестанскимъ краемъ принциповъ заслуживаютъ особаго вниманія слѣдующіе: а) поставленіе въ средней Азіи на особую высоту русскаго племени, б) человѣчное отношеніе къ туземцамъ тотчасъ послѣ одержанной надъ ними побѣды, в) организація власти надъ населеніемъ, наиболѣе соотвѣтствующая его правамъ и обычаямъ (военно-народное управленіе), г) заботливое отношеніе туркестанскихъ властей къ экономическому положенію массы населенія.

5) Туркестанскія войска съ полнымъ успѣхомъ выполнили возложенную на нихъ задачу. Главныя трудности они встрѣтили въ борьбѣ съ природою, но и многіе боевые подвиги туркестанскихъ войскъ вписали славныя страницы въ русскую военную исторію. Нынѣ туркестанскія войска, сохранивъ отличныя туркестанскія традиціи, составляютъ надежную силу Россіи въ средней Азіи.

6) Военно-политическое значеніе нашей позиціи въ средней Азіи весьма большое. Съ проведеніемъ двухъ желѣзнодорожныхъ линій въ среднюю Азію эта позиція пріобрѣла исключительно важное значеніе для Англіи. Съ своей позиціи въ средней Азіи мы можемъ нынѣ указывать Англіи тотъ путь, который является въ настоящее время единственнымъ, гарантирующимъ положеніе Россіи и Англіи вообще въ Азіи,—это союзъ двухъ народовъ бѣлой расы противъ надвигающейся опасности отъ сверпившагося уже пробужденія желтой расы.

ГЛАВА XX.

Вмѣшательство Россіи въ чужія дѣла въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.

Общій очеркъ.—Вмѣшательство Россіи въ дѣла европейскихъ государствъ въ цѣляхъ общеевропейской политики въ XVIII столѣтіи. Причины, вызвавшія участіе Россіи въ Семилѣтней войнѣ 1756 — 1762 гг. Достигнутые результаты. — Вмѣшательство Россіи въ распрю за баварское наслѣдство въ 1778 г. — Вмѣшательство Россіи въ дѣла Франціи, Италіи и Австріи въ 1798—1799 гг.

Въ предыдущихъ главахъ разсмотрѣнъ историческій путь, пройденный Россіею въ тысячелѣтній періодъ ея существованія. Изъ сдѣланнаго очерка видно, что до начала XIX столѣтія Россія, путемъ тяжелой борьбы съ дикими ордами, борьбы за освобожденіе отъ татарскаго ига и борьбы за объединеніе русскаго племени и выходы къ морямъ—Каспійскому, Балтійскому и Черному, складывалась въ могущественное государство. Успѣхъ въ этой неравной борьбѣ объяснялся главнымъ образомъ тѣмъ, что наши государи были облечены могущественною властью и слѣдовали русской національной политикѣ, отвѣчавшей самымъ существеннымъ нуждамъ Россіи, понятной всему русскому населенію. Твердо и неуклонно добиваясь поставленныхъ цѣлей, наши государи встрѣчали поддержку въ правящихъ классахъ и въ духовенствѣ. Опираясь на эту поддержку и вѣруя, что путь, которымъ они слѣдовали, начертанъ Промысломъ Божіимъ, наши государи широко пользовались силами и средствами русскаго народа, напрягая ихъ до крайней степени. Но тамъ, гдѣ пользы государству не были ясны, московскіе государи берегли силы русскаго племени и, несмотря на уговоры сосѣдей, въ чужія дѣла не мѣшались.

Пока Россія была слаба, она мало интересовала современныя европейскія государства. Но когда въ XVI столѣтіи обозначилось, что Россія располагаетъ значительною военною силою и можетъ вести борьбу съ Литвою и Польшею, государственные люди Европы начали ухаживать за Россіею въ надеждѣ обратить силы ея въ орудіе для достиженія своихъ цѣлей.

Въ особенности эти искательства усилились, когда съ появленіемъ турокъ на материкѣ Европы христіанскимъ государствамъ — Австріи и Венеціи - начала грозить серьезная опасность. Бракъ Ивана III

съ Софіею Палеологъ давалъ тоже поводъ къ прельщенію Ивана III перспективою византійскаго наслѣдованія. Но всѣ попытки втянуть уже въ XVI столѣтіи Россію въ чужія дѣла окончились неудачею. Иванъ III мудро—„*за дальностью разстоянія*"—не только отказался отъ вступленія въ союзъ для крестоваго похода противъ турокъ, но даже вступилъ съ турецкимъ султаномъ, *въ русскихъ интересахъ*, въ дружескія сношенія: Ивану III необходима была для достиженія плановъ по объединенію русскаго племени дружба хана крымскаго; чтобы не было препятствій со стороны султана къ этой дружбѣ, Иванъ III кланяется султану, предоставляя защиту христіанскаго населенія Балканскаго полуострова и защиту предѣловъ Австріи и Венеціи другимъ народамъ—венграмъ, полякамъ, нѣмцамъ, итальянцамъ, сербамъ, болгарамъ и пр.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, согласно съ мнѣніемъ земскаго собора, отказывается принять въ подданство завоеванный казаками Азовъ, ибо желаетъ избѣжать борьбы съ Турціею, для которой силы Россіи еще не были достаточны. Но когда въ концѣ XVII вѣка, въ правленіе царевны Софьи, ставится на очередь одна изъ задачъ русской національной политики — задача по выходу къ Черному морю, предложеніе европейскихъ державъ—Австріи и Венеціи, о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ Турціи, было принято, потому что дѣйствія эти отвѣчали интересамъ Россіи.

Въ XVIII столѣтіи наши государи въ общемъ слѣдовали русской національной политикѣ и, въ царствованія Петра I и Екатерины II, достигли огромныхъ результатовъ, объединивъ русское племя и вдвинувъ Россію въ ея естественныя границы. Но въ частныхъ случаяхъ и въ XVIII столѣтіи наши государи, не исключая и Екатерины II, отступаютъ отъ русской національной политики и кладутъ начало вмѣшательству Россіи въ чужія дѣла.

Уже въ 1735 году русскій корпусъ войскъ, подъ начальствомъ Ласси, въ цѣляхъ поддержать Австрію въ борьбѣ съ Франціею, былъ двинутъ на р. Рейнъ.

Въ 1748 году русскій корпусъ войскъ, подъ начальствомъ Репнина, тоже въ цѣляхъ поддержать Австрію въ борьбѣ за австрійское наслѣдство, снова находился на берегахъ р. Рейна; хотя корпусъ нашъ въ бояхъ и не участвовалъ, но посылка его вызвала прекращеніе дипломатическихъ сношеній съ Франціею.

Въ 1756—1762 годахъ русскія войска принимаютъ участіе въ Семилѣтней войнѣ съ Пруссіею въ цѣляхъ опять помощи Австріи. Несмотря на одержанныя русскими войсками побѣды, война не только окончилась безъ выгодныхъ для Россіи результатовъ, но съ кончиною Елисаветы Петровны нашей внѣшней политикѣ было дано совершенно иное направленіе.

Наконецъ, въ 1798—1799 годахъ русскія войска, въ заботахъ задержать успѣхи революціоннаго правительства французовъ, дрались

въ Италіи и въ Швейцаріи, одерживали побѣды, но кромѣ взаимнаго охлажденія съ союзниками-австрійцами другихъ видимыхъ результатовъ достигнуто не было.

Въ XIX столѣтіи всѣ войны, веденныя нами на западѣ и юго-западѣ, не были связаны съ русскою національною политикою. Въ этихъ войнахъ мы заботились о поддержаніи равновѣсія Европы, боролись съ Наполеономъ, не угрожавшимъ Россіи, поддерживали австрійцевъ въ борьбѣ ихъ съ венграми, помогали турецкому султану противъ его вассала—египетскаго бея и, ради покровительства христіанскому населенію на Балканскомъ полуостровѣ, выдержали нѣсколько войнъ съ Турціею и одну съ коалиціею державъ, рѣшившихся ослабить военно-политическое значеніе Россіи и этимъ положить конецъ вмѣшательству ея въ чужія дѣла.

Интересно указаніе исторіи: чѣмъ, повидимому, безкорыстнѣе вмѣшивалась въ чужія дѣла Россія, тѣмъ недовѣрчивѣе къ ней относились другія державы, тѣмъ охотнѣе соединялись онѣ въ союзы, чтобы принизить ея значеніе. Выдержавъ главнымъ образомъ на своихъ плечахъ войну съ Франціею и Наполеономъ въ 1798—1799 годахъ, въ 1805 году, въ 1806 — 1807 годахъ и въ 1812 — 1814 годахъ, Россія, освободивъ отъ тяжелой зависимости Наполеона Австрію и Пруссію, чѣмъ была вознаграждена? Оказывается, что тотчасъ послѣ побѣды надъ Франціею въ 1814 году Англія и Австрія уже заключили союзный договоръ съ Франціею противъ Россіи [1]). Только возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы помѣшало союзникамъ обратить оружіе противъ Россіи.

За всѣ принесенныя жертвы рѣшеніемъ Вѣнскаго конгресса къ Россіи было присоединено Варшавское герцогство. Это присоединеніе совершилось главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Чарторыйскаго и другихъ поляковъ, мечтавшихъ о возстановленіи независимой Польши.

Никогда во время московскихъ государей Польша и польская народность не подходили подъ ихъ широкое понятіе „*наша вотчина*“. Польша проходила свой историческій путь, отличный отъ русскаго, а съ принятіемъ католичества родственное намъ польское племя стало во враждебное отношеніе къ русскому. Возстаніе 1830 года и мятежъ 1863 года показываютъ, что поляки не считали себя осчастливленными присоединеніемъ ихъ къ Россіи. Но и послѣ 1863 года въ послѣдніе 50 лѣтъ достаточнаго сближенія между русскою и польскою народностями не произошло. Если наиболѣе разумные патріоты и мирятся со своимъ положеніемъ, то главнымъ образомъ отъ сознанія, что полякамъ прусско-подданнымъ приходится еще тяжелѣе. Часть же поляковъ продолжаетъ мечтать о великой Польшѣ отъ моря до моря.

---

[1]) С. Татищевъ „Изъ прошлаго русской дипломатіи“, стр. 47, изд. 1890 года.

При такихъ условіяхъ и нынѣ еще представляется открытымъ вопросъ: выиграла ли Россія отъ присоединенія къ ней польскихъ мѣстностей съ сплошнымъ польскимъ населеніемъ или проиграла?

Наше вмѣшательство, 60 лѣтъ тому назадъ, во внутреннія дѣла Австріи и поддержка австрійцевъ противъ венгровъ до сихъ поръ не забыты венгерскимъ племенемъ и учитывались имъ во всѣхъ случаяхъ, когда можно было причинить Россіи вредъ. Да и спасенная нами Австрія уже черезъ нѣсколько лѣтъ, во время войны 1853—1856 годовъ, заставила Россію держать противъ нея главныя силы и посылать въ Крымъ въ самое важное время лишь незначительныя подкрѣпленія.

Вмѣшательство наше въ 1830 году во внутреннія неурядицы въ Турціи и поддержка турокъ противъ египетскаго хедива, несмотря на пребываніе русскихъ войскъ на берегахъ Босфора, не приблизили утвержденія нашего въ этомъ проливѣ.

Но, по крайней мѣрѣ, можно было ожидать, что за потоки русской крови, пролитые для созданія на Балканскомъ полуостровѣ независимыхъ государствъ—Греціи, Румыніи, Сербіи и Болгаріи, мы со стороны всѣхъ этихъ государствъ будемъ встрѣчать готовность поработать и на Россію, готовность поддержать ея интересы, когда въ томъ встрѣтится надобность. Но и тутъ русскихъ не разъ встрѣчало разочарованіе. Нашими силами и средствами пользовались, но какъ только мелкія народности Балканскаго полуострова становились на свои ноги, онѣ забывали, что сдѣлала для нихъ великая русская семья, и, подъ впечатлѣніемъ неудачныхъ дѣйствій тѣхъ или другихъ изъ агентовъ русской власти, не только отворачивались отъ Россіи, но и готовились стать въ ряды враговъ нашихъ.

С. Татищевъ по этому вопросу высказываетъ слѣдующее мнѣніе [1]):

„Въ силу своего историческаго призванія Россія освобождала одну за другою христіанскія народности Балканскаго полуострова, находившіяся подъ господствомъ турокъ.

„Ей, и ей одной, обязаны свободою и Румынія, и Сербія, и Греція, и, наконецъ, Болгарія. Но, вглядываясь въ отношенія, установившіяся между державою-освободительницею и молодыми государствами, ею же созданными, нельзя не отмѣтить того, поразительнаго по своему постоянству, явленія, что, по мѣрѣ достиженія независимости каждою изъ упомянутыхъ странъ, русское вліяніе въ нихъ постоянно падало, и новообразованныя государства становились часто въ положеніе, даже враждебное Россіи, которая такимъ образомъ освободительную миссію свою совершила въ явный ущербъ себѣ и своему политическому воздѣйствію на судьбы Востока“.

Авторъ этихъ строкъ объясняетъ такое странное явленіе противодѣйствіемъ Европы и нашими ошибками. Можно думать, что и

[1]) С. Татищевъ „Изъ прошлаго русской дипломатіи“, стр. 345—346.

противодѣйствіе Европы вызывалось именно этими ошибками. Мы часто давали полное основаніе думать, что наши освободительныя цѣли скрывали попросту желаніе подчинить своему господству тѣ или другія изъ освобожденныхъ нами мѣстностей. При этомъ наши дѣйствія были такъ непослѣдовательны, такъ перемѣнчивы, въ зависимости отъ лицъ, которымъ вѣрялось веденіе тѣхъ или другихъ балканскихъ дѣлъ, что производили смуту въ умахъ и нашихъ враговъ, и нашихъ друзей. Во всякомъ случаѣ такія дѣйствія, какъ вмѣшательство въ дѣла сербскія, попытка напечатать правящихъ въ этой странѣ лицъ, попытки самимъ избирать правителей Молдавіи и Валахіи, попытки подчинить всѣ главнѣйшія отрасли управленія юной Болгаріи русскому руководству и контролю,—были для русскаго имени совершенно излишни и могли лишь послужить на пользу враговъ нашихъ.

Своимъ вмѣшательствомъ въ чужія дѣла, не соображеннымъ съ дѣйствительными потребностями Россіи и не связаннымъ преемственно съ задачами русской національной политики, мы заслужили то, что даже союзники наши опасались Россіи.

Такъ, Кауницъ, выдающійся государственный дѣятель Австріи XVIII столѣтія, боялся полагаться на Россію: „такъ какъ политика этого государства истекаетъ не изъ дѣйствительныхъ его интересовъ, но зависитъ отъ индивидуальнаго расположенія отдѣльныхъ лицъ, то невозможно строить на ней продолжительную систему“ [1]).

Что касается отношенія къ намъ населенія освобождаемыхъ нами народностей на Балканскомъ полуостровѣ, то весьма характернымъ показателемъ этихъ отношеній служитъ донесеніе въ 1786 году нашего представителя въ Дунайскихъ княжествахъ Северина послу въ Стамбулѣ Булгакову, въ которомъ значилось, что всѣ въ Бухарестѣ удивлены, какимъ образомъ Порта смѣла поступить противъ трактатовъ, и приступали къ Северину съ вопросами, „*примѣчая, что съ тѣхъ поръ, какъ нашъ дворъ сталъ стараться о благоденствіи ихъ земли, она хуже стала*“ [2]).

Такимъ образомъ, въ то время, когда, вслѣдствіе огромныхъ затратъ по устройству „благоденства“ другихъ народовъ, русская земля ослабѣвала и скудѣла, и эти другіе народы находили, что заботы Россіи объ ихъ благоденствѣ или имъ только во вредъ.

Для объясненія такого результата дѣйствій русскаго правительства ниже будутъ изложены фактическія данныя, изъ которыхъ можно будетъ усмотрѣть, какими соображеніями наше правительство руководствовалось, начиная ту или другую изъ войнъ, веденныхъ Россіею въ цѣляхъ общеевропейской политики или въ цѣляхъ устройства судьбы народностей, населявшихъ Балканскій полуостровъ.

---

[1]) С. Соловьевъ, т. 24, стр. 887.

[2]) А. Гиреъ, стр. 35.

Вмѣшательство Россіи въ дѣла европейскихъ государствъ въ цѣляхъ общеевропейской политики въ XVIII столѣтіи.

По мнѣнію профессора генерала Мышлаевскаго, еще со времепъ царя Алексѣя Михайловича, съ середины XVII столѣтія, выясняется новое теченіе въ области нашихъ внѣшнихъ политическихъ соотношеній, стоившее намъ впослѣдствіи много напрасно пролитой крови. Теченіе это проф. Мышлаевскій называетъ „политикою сентиментализма и стремленія закрѣпить въ чужихъ для насъ странахъ тѣ основы государственнаго правленія, которыя составляютъ наше собственное незыблемое достояніе“ [1]).

Когда въ Англіи произошла революція и король Карлъ былъ убитъ, царь Алексѣй Михайловичъ объявилъ приказъ не торговать болѣе съ англичанами безпошлинно.

Въ 1649 году отъ государя Алексѣя Михайловича прибылъ въ Архангельскъ воевода съ приказомъ, въ которомъ между прочимъ значилось, что государю стало извѣстно, что въ Архангельскъ прибыло много англійскихъ судовъ съ товарами, и онъ приказываетъ воеводѣ: „крѣпкій заказъ учинить, чтобы торговые и промышленные наши люди съ тѣми англинскими людьми никакими бъ торги безпошлинно не торговали, помниковъ не имали и похлебства не чинили“.

Причина такого измѣненія отношенія къ англичанамъ изложена въ грамотѣ такъ:

„Понеже у нихъ въ Аглинской землѣ большое злое дѣло учинилось, короля своего Карлуса нагло до смерти убили; а въ столномъ ихъ городѣ Лондынѣ парламентъ ихъ сидитъ не по королевской помѣтѣ и изволенію, а насильствомъ и попаровкою“.

Послѣ смерти польскаго короля Августа II, 1 февраля 1733 года, явилось два претендента на польскій престолъ: Августъ III, курфюрстъ саксонскій, котораго поддерживали Россія и Австрія, и Станиславъ Лещинскій, котораго, согласно съ желаніемъ большинства поляковъ, поддерживала Франція. Возникла вооруженная борьба, которая едва не окончилась войною между Россіею и Франціею. Для поддержки Августа III русскія войска, подъ начальствомъ Ласси, двинулись къ Варшавѣ, овладѣли Прагою и заняли Варшаву. Уже выбранный въ короли Станиславъ Лещинскій бѣжалъ въ Данцигъ, небольшая коренная польская армія отступила къ Кракову. 24 сентября 1733 года Августъ III былъ провозглашенъ польскимъ королемъ. Въ слѣдующемъ году наши войска вторгаются въ Восточную Пруссію и приступаютъ къ осадѣ Данцига, гдѣ заперся Лещинскій съ гарнизономъ. По пути къ Данцигу наши войска занимаютъ Торнъ, сдав-

---

[1]) Ген. Мышлаевскій „Двѣ катастрофы: Суворовъ въ Швейцаріи, Петръ на Прутѣ“. 1900 г., стр. 52.

шійся безъ боя. Весною 1734 года къ Данцигу прибываетъ французская эскадра, которая высаживаетъ десантъ. Съ цѣлью не допустить соединенія десанта съ гарнизономъ крѣпости, Миних беретъ штурмомъ Зомерданцъ, чѣмъ и прерываетъ сообщеніе французовъ съ гарнизономъ. Десантъ отплываетъ въ море. Надѣясь развить частный успѣхъ въ общій, Миних штурмуетъ Данцигъ, но отбитъ съ большою потерею.

14 мая 1734 года французы снова высаживаются у Вексельмюнде, входятъ въ связь съ гарнизономъ и вмѣстѣ съ нимъ атакуютъ русскія войска, но отбиты. Появленіе русскаго флота вынуждаетъ французскій флотъ отплыть, оставивъ десантъ на островѣ Платъ. Мы воюемъ съ французами безъ формальнаго объявленія войны. Получивъ съ флота осадную артиллерію и подкрѣпленныя саксонскими войсками, союзныя войска вынуждаютъ французовъ 11 іюня сдаться, а 26 іюня капитулируетъ Данцигъ. Населеніе его признаетъ Августа III польскимъ королемъ.

Французы, упорствуя въ поддержаніи Станислава Лещинскаго, объявляютъ войну Австріи. На помощь австрійскимъ войскамъ противъ французовъ посылается корпусъ русскихъ войскъ въ 20,000 чел. подъ начальствомъ Ласси. Онъ прибылъ на Рейнъ, когда миръ уже былъ заключенъ. Историкъ этихъ событій пишетъ: „эпизодъ движенія арміи Ласси на помощь австрійцамъ къ р. Рейну (Неккаръ) слѣдуетъ отмѣтить, какъ первый случай въ нашей военной исторіи отдачи нашей арміи для непосредственнаго содѣйствія одному западному государству въ его борьбѣ съ другимъ государствомъ (Австріи противъ Франціи)“ [1]).

Въ серединѣ XVIII столѣтія, послѣ побѣдъ, одержанныхъ Петромъ Великимъ, положеніе Россіи среди другихъ державъ было почетное и опредѣленное.

Слѣдуя національной политикѣ, Россія не имѣла нужды воевать изъ-за территоріальныхъ пріобрѣтеній ни съ Австріею, ни съ Пруссіею. Польша была слаба, а Швеція ослаблена Россіею. Побѣдная война съ Турціею въ 1735 — 1739 годахъ хотя и не дала Россіи тѣхъ выгодъ, которыхъ она могла ожидать, но доказала, что Турція ослабѣла и уже не могла угрожать Россіи нападеніемъ. Съ Австріею, традиціонно съ Петра I, мы дружили, а другимъ державамъ, въ томъ числѣ Англіи и Франціи, не было въ то время причинъ нападать на насъ. Только курфюрстъ бранденбургскій, носившій и титулъ короля прусскаго, могъ, по соглашенію съ Россіею и Австріею, имѣть намѣреніе овладѣть тѣми или другими кусками Польши. Но вниманіе его было отвлечено въ другую сторону — противъ Австріи. Да и нападать на Россію было не безопасно: въ 1740 году Россія уже могла выставить въ поле 170,000 войска.

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. 4, стр. 143.

Но и для Россіи, продолжая слѣдовать національной политикѣ, еще столько оставалось неоконченныхъ задачъ, что вмѣшательство ея въ чужія дѣла могло быть оправдано только въ томъ случаѣ, если бы это вмѣшательство способствовало скорѣйшему разрѣшенію неоконченныхъ еще русскихъ національныхъ задачъ по объединенію русскаго племени и выходу къ Черному морю.

Историкъ С. Соловьевъ, дѣлая оцѣнку положенія Россіи послѣ смерти Анны Ивановны, признаетъ, что на нее никто не хотѣлъ нападать: „Послѣ несчастій Карла XII и утвержденія Августа Саксонскаго въ Польшѣ, послѣ побѣдъ Миниха надъ турками, Россія держала въ своихъ рукахъ судьбы сѣвера; русскіе были такъ страшны, что никто не могъ ждать успѣха въ нападеніи на нихъ, ибо, чтобы достигнуть до нихъ, нужно пройти пустыни, и можно было все потерять, если бы даже ограничиться оборонительною войною, въ случаѣ ихъ нападенія. У нихъ въ войскѣ множество татаръ, казаковъ и калмыковъ; эти кочевыя орды хищниковъ и зажигателей способны опустошить сильныя цвѣтущія провинціи прежде, чѣмъ регулярное русское войско вступитъ въ нихъ. Для избѣжанія этихъ опустошеній, сосѣди уклоняются отъ столкновеній съ Россіею, а русскіе смотрятъ на союзы, заключенные ими съ другими народами, какъ на покровительство, которымъ они удостаиваютъ своихъ кліентовъ“ [1]).

Но если внѣшнее положеніе Россіи представлялось сильнымъ, то внутреннее, со смерти Петра I и до вступленія на престолъ Екатерины II, было печальное. Особенно тяжело было время правленія Анны Ивановны и Анны Леопольдовны, вслѣдствіе захвата власти на Руси иноземцами.

Смерть Анны Ивановны не прекратила этого унизительнаго для русскаго племени положенія. Послѣ ея смерти Остерманъ и Минихъ провели Бирона въ регенты за малолѣтствомъ Ивана Антоновича (17 лѣтъ). Власть Петра Великаго попала въ руки иноземца, ненавидимаго всѣми. Минихъ пользуется возбужденіемъ противъ Бирона и свергаетъ его. Анна Леопольдовна 9 ноября 1740 года объявляетъ себя правительницею государства и Миниха первымъ министромъ. Въ свою очередь подкопались и подъ Миниха, и въ 1741 году онъ уволенъ въ отставку. Неизмѣнно у власти продолжаетъ оставаться третій иноземецъ — Остерманъ. Одинъ изъ представителей европейскихъ державъ въ Москвѣ писалъ: „можно безъ преувеличенія сказать, что Остерманъ теперь настоящій царь всероссійскій“ [2]).

Причины, вызвавшія участіе Россіи въ семилѣтней войнѣ 1756 — 1762 годовъ.

Почти одновременно съ императрицею Анною Ивановною сошли въ могилу императоръ австрійскій Карлъ VI и прусскій король

---

[1]) С. Соловьевъ, т. 21, стр. 55—56.

[2]) Тамъ же, стр. 37.

Фридрихъ-Вильгельмъ. Послѣ Карла VI прекратилась мужская линія Габсбургскаго дома.

Желая передать дочери своей Маріи-Терезіи наслѣдованіе всѣхъ земель австрійской короны, Карлъ VI составилъ такъ называемую „*прагматическую санкцію*“, надѣясь склонить всѣ дворы признать его распоряженіе. Но Франція и курфюрсты баварскій и бранденбургскій готовились вступить въ борьбу съ Маріею-Терезіею, надѣясь: Франція—окончательно сокрушить австрійское могущество, а курфюрсты—поживиться землями Австріи.

Первымъ выступилъ съ своими требованіями знаменитый впослѣдствіи Фридрихъ II, курфюрстъ бранденбургскій, носившій титулъ короля прусскаго.

Въ 1740 г. все населеніе прусскихъ владѣній простиралось до 3,000,000 душъ, но войскъ было 76,000 чел., изъ которыхъ 26,000 были наемные иностранцы.

„Войско было собрано прусскимъ Калитою, королемъ-скопидомомъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ I, который копилъ войско точно такъ же, какъ копилъ деньги, видя въ томъ и другомъ главныя условія силы: онъ оставилъ своему преемнику 8,700,000 талеровъ въ казнѣ и ни копѣйки долгу. Накопленныя силы требовали употребленія: войско и деньги вызывали на войну, на завоеваніе, на пріобрѣтеніе новыхъ силъ. Разумѣется, все здѣсь зависѣло отъ личности преемника короля-скопидома: деньги могли быть истрачены на пустыя удовольствія: войско могло быть также истрачено или продано, какъ тогда водилось, могло исчезнуть въ безполезныхъ войнахъ. Но преемникомъ Фридриха-Вильгельма былъ сынъ его, Фридрихъ II“ [1]).

Рѣшившись воспользоваться накопленными средствами для расширенія своихъ владѣній, Фридрихъ II обратилъ свои взоры прежде всего на нижнюю Силезію и сдѣлалъ попытку купить ее у Маріи-Терезіи. Онъ ей предложилъ гарантировать прагматическую санкцію и помочь ея мужу получить императорскую корону, если Пруссіи будетъ уступлена часть Нижней Силезіи за 6,000,000 талеровъ. Предложеніе было отвергнуто: тогда Фридрихъ II двинулъ въ Силезію свои войска и занялъ часть ея.

Марія-Терезія обратилась къ державамъ, признавшимъ прагматическую санкцію, въ томъ числѣ и къ Россіи, за помощью. Наиболѣе заинтересованными въ этомъ вопросѣ оказались Франція и Россія.

Въ виду союзныхъ отношеній со времени Петра I съ Австріею, разгромъ ея представлялся для Россіи невыгоднымъ.

Нашъ посолъ при вѣнскомъ дворѣ, Лапчинскій, получилъ слѣдующія указанія:

„Тотчасъ по смерти цесарской, предусмотря всѣ печальныя слѣдствія, какія должно имѣть во всей Европѣ это горестное событіе, мы

---

[1]) С. Соловьевъ, т. 21, стр. 53.

обратились ко всѣмъ державамъ, заинтересованнымъ *въ вольности и равновѣсіи Европы*, съ увѣреніемъ принять заблаговременно нужныя и серьезныя мѣры для поддержанія прагматической санкціи, представляя свою готовность къ общему соглашенію, а какъ скоро узнали о намѣреніи прусскаго короля вступить въ Силезію, то, не дожидаясь никакого требованія отъ вѣнскаго двора, тотчасъ написали объ этомъ прусскому королю въ напильнѣйшихъ выраженіяхъ и, не довольствуясь этимъ, всѣмъ прочимъ державамъ живыми красками представили важность прусскаго предпріятія, склоняя ихъ къ наискорѣйшему соглашенію для общаго съ нами дѣйствія" [1]).

Въ этомъ интересномъ документѣ встрѣчается указаніе на то, что и Россія уже признавала себя заинтересованною въ *вольности и равновѣсіи Европы*. Это былъ первый шагъ по скользкому пути защиты чуждыхъ Россіи интересовъ съ забвеніемъ иногда собственныхъ.

Лапчинскій дѣятельно сталъ мирить Фридриха съ Маріею-Терезіею. Но не дремали и другія державы. Франція и Пруссія, чтобы отвлечь Россію отъ помощи Австріи, подтолкнули Швецію объявить намъ войну и въ то же время приготовили свои войска къ вторженію въ Австрію вмѣстѣ съ баварскими войсками.

Въ концѣ 1740 года русское правительство сознавало еще невыгодность для Россіи принимать участіе въ готовившейся въ Европѣ борьбѣ и не было расположено ни помочь Австріи, ни заключать союзный договоръ съ Пруссіею [2]).

Тогда Фридрихъ II пользуется первымъ министромъ Минихомъ и подкупаетъ этого иноземца. Онъ посылаетъ въ Петербургъ хлопотать о союзѣ съ Россіею родственника Миниха—Винтерфельда. Несмотря на противодѣйствіе Анны Леопольдовны, союзъ съ Пруссіею былъ заключенъ. За эту услугу сынъ Миниха получилъ 15,000 талеровъ и имѣніе въ Бранденбургѣ, а жена Миниха—перстень въ 6,000 талеровъ [3]).

По заключенному договору Фридрихъ обѣщалъ помочь Россіи противъ шведовъ: обѣщалъ также въ вопросѣ о Курляндіи дѣйствовать заодно съ нами и, кромѣ того, признать императорскій титулъ русскихъ государей.

Франція пыталась втянуть въ войну съ нами и Турцію, но это не удалось. Туркамъ, занятымъ борьбою съ Надиръ-шахомъ, было не до войны съ русскими. Въ августѣ 1740 года была подписана конвенція съ турками, по которой турки признали императорскій титулъ русскихъ государей, но русскіе обязывались немедленно выполнить данное ранѣе обязательство—разорить Азовъ.

25 ноября 1741 года Елисавета при помощи гвардейцевъ произвела переворотъ и вступила на всероссійскій престолъ при ликованіи всего населенія столицы. Солдаты арестовали Миниха и Остермана.

---

[1]) С. Соловьевъ, т. 21, стр. 60—61.

[2]) Тамъ же, стр. 63.

[3]) Тамъ же.

Тотчасъ по вступленіи Елисаветы на престолъ обозначилось народное движеніе, направленное противъ иноземцевъ [1]). Подчиняясь этому движенію, Елисавета Петровна дала согласіе на ссылку Остермана, Миниха, Левенвольда и Менгдена. Народъ требовалъ изгнанія всѣхъ вообще иноземцевъ. На это согласія не послѣдовало, но всѣ они жили въ страхѣ, слыша непрестанно угрозы солдатъ. Въ 1742 г. солдаты Семеновскаго полка нанесли побои иноземнымъ армейскимъ офицерамъ.

Общее политическое положеніе Европы ко времени вступленія императрицы Елисаветы на престолъ историкъ С. Соловьевъ опредѣляетъ такъ [2]): „До сихъ поръ, по убѣжденію образованныхъ людей въ Европѣ, политическое равновѣсіе въ ней поддерживалось уравновѣшеніемъ силъ между Австрійскимъ и Бурбонскимъ домами, какъ самыми могущественными на континентѣ; какъ только одна могущественная держава брала явный верхъ надъ другою и такимъ образомъ нарушала равновѣсіе, остальныя державы должны были соединиться для вспомоществованія слабѣйшей и для возстановленія равновѣсія".

Со смертью Карла VI это равновѣсіе стремилась нарушить Франція, задавшись цѣлью воспользоваться неопредѣленностью правъ Маріи-Терезіи на наслѣдованіе и окончательно низложить Австрію, раздѣливъ ея владѣнія. Бавarія и Саксонія сочувствовали раздѣлу. Сардинія и Испанія также были противъ Австріи. Пруссія первая фактически приступила къ раздѣлу, двинувъ свои войска въ Силезію.

Во всѣхъ подобныхъ положеніяхъ обыкновенно первою выступала Англія. Но безъ сильной континентальной державы Англія и слѣдовавшая по ея стопамъ Голландія были безсильны. И вотъ Петербургъ сталъ ареною, гдѣ послы различныхъ европейскихъ дворовъ начали борьбу между собою и съ русскимъ правительствомъ, чтобы привлечь Россію или на сторону Австріи, или на сторону Франціи съ Пруссіею.

Старинныя отношенія къ Австріи со времени Петра Великаго, общность интересовъ по отношенію къ Польшѣ, общность опасности со стороны Турціи,—все это склоняло на сторону Австріи. Съ другой стороны уже заключенъ былъ союзный договоръ съ Пруссіею, а французскій посолъ Шетарди, по словамъ современниковъ, „загипнотизировалъ Елисавету".

По мнѣнію историка С. Соловьева, при тѣхъ обстоятельствахъ единственною *національною* внѣшнею политикою Россіи было бы недопущеніе Пруссіи и Франціи усилиться за счетъ Австріи. Хотя и не вполнѣ понятно, почему защита русскими войсками именно Австріи составляла *національную политику*, но было несомнѣнно, что образованіе могущественной Пруссіи совершенно не соотвѣтствовало русскимъ интересамъ.

---

[1]) С. Соловьевъ, т. 21, стр. 145.

[2]) Тамъ же, стр. 165.

Но пока въ Петербургѣ обсуждали — что дѣлать, успѣхи Фридриха вынудили Марію-Терезію въ 1742 году заключить Бреславскій договоръ, по которому Пруссія получила Силезію. Достигнувъ этой цѣли, Фридрихъ II вышелъ изъ коалиціи державъ, дѣйствовавшихъ противъ Австріи. Саксонія тоже прекратила военныя дѣйствія съ Австріею.

Въ 1744 году Фридрихъ нарушилъ Бреславскій договоръ и снова принялъ участіе въ продолжавшейся войнѣ противъ Маріи-Терезіи (2-я Силезская война). Одновременно онъ нарушилъ и нейтральныя права Саксоніи, имѣвшей тѣсныя связи съ Россіею со временъ Петра Великаго [1]). Саксонцы и австрійцы были разбиты, и по Дрезденскому миру 1745 года Силезія и кр. Глацъ остались за Фридрихомъ.

Стоявшіе у власти въ Россіи канцлеръ Бестужевъ и вице-канцлеръ Воронцовъ были сторонниками союза съ Австріею. Они готовы были дать ей помощь, но средства для сего выбирали неподходящія.

„Предложенія не шли далѣе желанія занять какую-то „неоплошную позитуру“ на Западной Двинѣ и намѣренія произвести „серьезный демаршъ“ слабымъ корпусомъ въ 10,000—12,000 въ помощь саксонцамъ“ [2]).

Очевидно средства эти были недостаточны для „сокращенія силъ скоропостижнаго короля“.

Переговоры съ Англіею получили очень странное направленіе. Русскія войска попросту напимались, чтобы помочь Англіи въ ея борьбѣ съ Франціею въ отдаленныхъ цѣляхъ поддержанія Австріи. Бестужевъ полагалъ возможнымъ предоставить въ распоряженіе Англіи и Голландіи вспомогательную армію, но не иначе, какъ за извѣстную и значительную сумму денегъ. Въ 1745 году онъ объявилъ англійскому посланнику лорду Гишфорду, что, если морскія державы дадутъ Россіи немедленно 6,000,000 фунтовъ стерлинговъ, то императрица выставитъ 100,000 войска и въ одну кампанію кончитъ войну въ Германіи. Долго торговались и наконецъ въ концѣ 1747 года окончательно условились объ отправленіи на Рейнъ 30,000 вспомогательнаго корпуса войскъ за 300,000 фун. стерлинговъ.

Этотъ корпусъ, подъ начальствомъ Репнина, явился на Рейнѣ въ 1748 году, но не успѣлъ принять участія въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Тѣмъ не менѣе появленіе этого корпуса способствовало заключенію Ахенскаго мира въ 1748 году, которымъ и окончилась война за австрійское наслѣдство, начатая въ 1740 году.

Посылка этого корпуса вызвала „страшное раздраженіе“ между Франціею и Россіею, заставившее ихъ прекратить дипломатическія сношенія.

---

[1]) Д. Масловскій „Русская армія въ Семилѣтнюю войну“, вып. I, стр. 118 изд. 1886 г.

[2]) Тамъ же, стр. 119.

Такимъ образомъ, въ восьмилѣтней войнѣ за австрійское наслѣдство Россія не приняла активнаго участія. Политика ея была неопредѣленною: то мы поддерживали пруссаковъ, то стремились помочь Австріи, то посылали корпусъ войскъ на поддержку Англіи. Но всюду сквозило желаніе не доводить дѣла до войны. Вице-канцлеръ Воронцовъ, напримѣръ, признавалъ достаточнымъ сдерживать Пруссію „сплетнями представленіями“.

Когда въ 1744 году дѣла Фридриха II шли неудачно, онъ обратился къ Елисаветѣ за помощью на основаніи договора 1740 года. Ему отвѣтили, что помощи оказано не будетъ, потому что онъ самъ началъ эту войну.

Съ Австріею у насъ существовалъ союзный договоръ еще съ 1726 года, главнымъ образомъ по отношенію къ дѣламъ турецкимъ. Въ 1746 году былъ заключенъ вновь союзный договоръ, по которому въ случаѣ нападенія на одну изъ договаривающихся сторонъ другая высылаетъ на помощь черезъ три мѣсяца по востребованіи 30,000 войска. Въ случаѣ нападенія на одну изъ договаривающихся сторонъ обѣ державы выставляютъ „по 60,000 войска до тѣхъ поръ, пока уступленныя Пруссіи часть Силезіи и кр. Глацъ будутъ возвращены Австріи, которая въ благодарность обязывается въ одинъ годъ выплатить Россіи 2 милліона рейнскихъ гульденовъ“ [1]).

Въ 1750 году изъ-за шведскихъ дѣлъ прекратились дипломатическія сношенія между прусскимъ и русскимъ правительствами.

Получился очень нежелательный для Россіи результатъ: въ войнѣ за австрійское наслѣдство Россія не участвовала. Австрія, которую мы хотѣли поддерживать, лишилась важной провинціи. Пруссія усилилась.

Съ Франціею и Пруссіею къ 1751 году мы прервали дипломатическія сношенія. Такимъ образомъ, пока мы только собирались вмѣшаться въ европейскія дѣла, возникла серьезная опасность, что мы будемъ втянуты въ войну между Пруссіею и Австріею. Договоръ 1746 г. тоже являлся очень опаснымъ и односторонимъ для насъ обязательствомъ. Объ русскихъ интересахъ въ этомъ договорѣ не значится, но очень опредѣленно указывалось, что мы обязывались добывать Австріи за 2 мил. гульденовъ утраченныя ею провинціи.

Послѣ переговоровъ и торга Россія за деньги, по словамъ С. Соловьева, *„для поддержанія европейскаго равновѣсія* и ускоренія мира, посылаетъ морскимъ державамъ тридцатитысячный корпусъ войска для дѣйствій на Рейнѣ, Мозелѣ или въ Нидерландахъ“ [2]).

Десятилѣтній періодъ, съ 1740 по 1750 годъ, не принесъ Россіи ни славы, ни пользы и не подвинулъ разрѣшенія важныхъ для нея національныхъ задачъ по объединенію русскаго племени и выходу къ Черному морю. Пользуясь отвлеченіемъ силъ нашихъ сосѣдей,

---

[1]) С. Соловьевъ, т. 22, стр. 417.

[2]) Тамъ же, стр. 469.

Россія уже въ этотъ періодъ могла рѣшить вопросъ объ объединеніи бѣлорусскаго и малороссійскаго племенъ. Въ этотъ же періодъ, а именно въ 1745 году, обстановка складывалась чрезвычайно благопріятно для продолженія задачи по выходу къ Черному морю. Нашъ посолъ въ Стамбулѣ Вешняковъ горячо уговаривалъ наше правительство воспользоваться тяжелымъ положеніемъ Турціи, атакованной побѣдоноснымъ Надиромъ—шахомъ персидскимъ, и снова добиваться тѣхъ цѣлей, которыхъ не удалось достигнуть въ предыдущую войну съ Турціею.

Наконецъ, мы могли окончить задачу по выходу къ Балтійскому морю, занявъ Курляндію. Это и была бы та „неоплошная позитура", о которой мечталъ Бестужевъ.

Побѣды Фридриха II быстро возвысили Пруссію, но въ то же время измѣнили группировку европейскихъ державъ. Прежде соперничество Франціи и Австріи, домовъ Бурбонскаго и Габсбургскаго, давало другимъ державамъ заботу о поддержаніи равновѣсія. Эти старинные враги ошиблись въ своихъ расчетахъ. Франція, поддержавшая Пруссію, увидѣла, что Пруссія становится для нея опаснѣе Австріи. Австрія тоже увидѣла, что Пруссія ей страшнѣе Франціи, и начала стараться сблизиться съ Франціею. Эта послѣдняя, еще связанная договоромъ съ Пруссіею, не соглашалась разорвать этихъ отношеній, пока Пруссія не вступила въ союзъ съ Англіею. Этотъ союзъ послужилъ, повидимому, толчкомъ къ принятію русскимъ правительствомъ рѣшенія вступить въ союзъ съ Австріею для совмѣстныхъ дѣйствій противъ Пруссіи.

Русскому правительству указывалось на планы Фридриха II относительно Курляндіи, и Россія запугивалась, что, послѣ присоединенія къ Пруссіи Курляндіи, она потянется и за Эстляндіею; хотя эти планы Фридриха были только однимъ предположеніемъ, они не могли не тревожить русское правительство.

30 марта 1756 года особая конференція русскихъ сановниковъ, во исполненіе указа императрицы Елисаветы Петровны, постановила:

1) Войти въ соглашеніе съ австрійскимъ правительствомъ о совмѣстномъ нападеніи на Пруссію.

2) Указать Австріи, что русскіе выставятъ для этой цѣли 80,000 войска.

3) Цѣлью войны поставить: возвратить Австріи Силезію, Восточную Пруссію присоединить къ Польшѣ и въ обмѣнъ отъ Польши присоединить къ Россіи Курляндію.

4) Побѣдивъ пруссаковъ: вмѣстѣ съ австрійцами напасть на турокъ. Цѣлью этой войны съ Турціею поставить: „соединить торговлю Балтійскаго и Чернаго морей и *сосредоточить всю левантскую торговлю въ русскихъ рукахъ*" [1]).

[1]) С. Соловьевъ, т. 24, стр. 904.

Къ этому союзу примкнулъ и саксонскій и вмѣстѣ польскій король Августъ III.

Но въ это время Англія начала войну съ Франціею. Поводомъ къ войнѣ послужили стычки въ 1754 году въ Сѣверной Америкѣ между французскими и англійскими колонистами.

Въ этой войнѣ союзницею Англіи явилась Пруссія. Тогда Франція заключила такъ называемый Версальскій договоръ съ Австріею и обязалась помогать ей противъ Пруссіи.

Интересно, что въ этой войнѣ и Англія, и Франція разсчитывали на помощь русскихъ войскъ. Англія надѣялась снова за деньги нанять корпусъ русскихъ войскъ для дѣйствій на Рейнѣ.

Положеніе внутри Россіи, какъ изложено въ предыдущихъ главахъ, было весьма тяжелое: денегъ не было: подати поступали туго. Некомплектъ въ войскахъ былъ огромный. Подлежали рекрутской повинности (въ 1748 году) всего 658,000 чел. Въ наборъ брали по одному рекруту съ 121 души.

Чтобы добыть деньги, увеличили налоги. На одну только соль было прибавлено еще по 15 коп. на пудъ.

И при такихъ условіяхъ, ввязываясь въ одну войну—съ Пруссіею, Россія примкнула и къ Версальскому договору и готовилась участвовать и въ другой войнѣ— Англіи противъ Франціи.

Историкъ Д. Масловскій такъ очерчиваетъ политическую обстановку передъ войною:

„Наканунѣ Семилѣтней войны, послѣ событій, измѣнившихъ „весь видъ бывшихъ донынѣ генеральныхъ европейскихъ дѣлъ состоянія“, отношенія между державами сложились окончательно въ слѣдующемъ видѣ: Россія, отказавшись отъ союза съ Англіею, заключила наступательный союзъ съ Австріею противъ Пруссіи, но какъ ратификація договора съ Австріею, такъ и начало дѣйствій были отложены. Знаменитому Кауницу удалось склонить на сторону Австріи Францію и наконецъ къ этой русско-австро-французской коалиціи присоединилась и небольшая Саксонія. Въ виду слабости послѣдней русское правительство хотѣло немедленно (еще въ іюлѣ 1756 г.) поддержать саксонцевъ 30—35 тыс. войска, но вопросъ „о перепущеніи“ и новое нежеланіе Австріи содѣйствовать пропуску русскихъ войскъ черезъ Литву и Польшу воспрепятствовали осуществиться этому намѣренію. Наконецъ, къ союзу державъ противъ Фридриха II, при вліяніи французскаго двора, примкнула впослѣдствіи и Швеція.

„Такимъ образомъ Фридрихъ Великій, лѣтомъ 1756 г., оказался окруженнымъ со всѣхъ сторонъ коалиціею: но враги короля прусскаго не успѣли еще окончательно условиться и подготовить свои арміи. Австрія медлила ратификаціею договора съ Россіею и, кромѣ того, своимъ пассивнымъ участіемъ тормозила разрѣшеніе вопроса о „перепущеніи“ русскихъ войскъ черезъ Польшу въ Саксонію. Франція, какъ бы по необходимости, возобновляла дипломатическія сно-

шепія съ Россіею и тоже самое всѣми мѣрами препятствовала разрѣшенію вопроса о пропускѣ нашихъ войскъ черезъ Польшу. Даже саксонское правительство несочувственно относилось къ русскому" [1].

По предложенію канцлера Бестужева-Рюмина, въ январѣ 1756 г. при Высочайшемъ дворѣ была образована особая конференція (соотвѣтствующая австрійскому гофкригсрату), которая приняла на себя руководство стратегическими операціями русской арміи въ Семилѣтнюю войну.

„Главнокомандующій былъ поставленъ въ положеніе лишь довѣреннаго агента конференціи при арміи, обязаннаго исполнять стратегическія фантазіи могущественной конференціи, указы которой исполнялись какъ манифесты, хотя собственноручно императрица эти указы не подписывала.

„Первыми членами конференціи были назначены: канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ, князь Трубецкой, Бутурлинъ, Воронцовъ, графы П. и А. Шуваловы. Секретаремъ былъ извѣстный Волковъ.

„Въ началѣ 1756 г. императрица лично предсѣдательствовала въ конференціи, но впослѣдствіи послѣдняя распорядилась вполнѣ самостоятельно.

„Гибельныя послѣдствія отъ исполненія стратегическихъ плановъ подобныхъ гофкригсратовъ настолько общеизвѣстны, изъ массы военно-историческихъ примѣровъ (напр., послѣдствія отъ распоряженій классическаго вѣнскаго гофкригсрата — мѣтко охарактеризованнаго великимъ Суворовымъ — „непокорнимая привычка битымъ быть"),— что мы и не останавливаемся на значеніи ненормальности отношеній Апраксина и бывшихъ послѣ него главнокомандующихъ русской арміи — къ конференціи" [2].

Фридрихъ II, пользуясь неготовностью Россіи къ войнѣ (наши силы были чрезвычайно разбросаны, приходилось сосредоточивать нѣкоторыя войсковыя части изъ Оренбурга къ западной границѣ), напалъ на саксонскаго короля. Войска Августа III сдались пруссакамъ. Дрезденъ былъ ими занятъ, и Августъ уѣхалъ въ Варшаву.

Русскія войска, сосредоточившись зимою 1756—1757 гг. на Западной Двинѣ, двинулись къ прусскимъ предѣламъ въ маѣ мѣсяцѣ 1757 г. и черезъ Ковно вторглись въ Восточную Пруссію. Наша армія состояла изъ 83,000 чел. при 144 орудіяхъ. Оборона Восточной Пруссіи была ввѣрена Фридрихомъ II фельдмаршалу Левальду съ 30,000 чел. при 64 орудіяхъ. Переѣдя въ наступленіе противъ русскихъ войскъ, Левальдъ въ сраженіи у Гросъ-Егерсдорфа, послѣ упорнаго боя, вынужденъ былъ къ поспѣшному отступленію. Наша армія потеряла 4,500 чел., пруссаки — около 2,500 и 29 орудій.

[1]) Д. Масловскій „Русская армія въ Семилѣтнюю войну", вып. I, стр. 134—135, изд. 1886 г.

[2]) Тамъ же, стр. 79, изд. 1886 г.

Командовавшій русскими войсками гр. Апраксинъ не преслѣдовалъ разбитаго противника. Послѣ нѣкоторыхъ незначительныхъ переходовъ, наша армія двинулась обратно для занятія зимнихъ квартиръ въ Курляндіи. Гр. Апраксинъ былъ отрѣшенъ отъ командованія и замѣненъ Ферморомъ. Подталкиваемый конференціею, Ферморъ еще зимою перешелъ снова въ наступленіе и въ январѣ мѣсяцѣ 1758 г. овладѣлъ безъ боя Кенигсбергомъ. Восточная Пруссія была такимъ образомъ занята русскими войсками.

Жители были приведены къ присягѣ на вѣрность императрицѣ Елисаветѣ, прусскій гербъ замѣненъ русскимъ. Ферморъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ присоединенной къ Россіи Восточной Пруссіи.

Положеніе Фридриха II сдѣлалось очень тяжелымъ. Ему приходилось одновременно бороться не только противъ австрійскихъ и русскихъ войскъ, но и со вступившими въ коалицію противъ Пруссіи, Франціею и Швеціею, тоже выславшими свои войска.

Въ то время, какъ мы въ 1757 г. медленно дѣйствовали въ Восточной Пруссіи, Фридрихъ разбилъ французовъ у Россбаха и австрійцевъ подъ Лейтеномъ. Въ 1758 г. Фридрихъ боролся исключительно съ австрійскими войсками, предоставивъ русской арміи свободу дѣйствій. Ферморъ воспользовался этимъ положеніемъ, продвинулся до Вислы и прочно основался въ Восточной Пруссіи.

Въ апрѣлѣ 1758 года армія Фермора достигала 60,000 чел., и ее предположено было подкрѣпить еще 30,000 чел., собираемыхъ у Модлина на р. Вислѣ.

Первоначальный планъ дѣйствій на 1758 г. былъ предположенъ слѣдующій: войскамъ Фермора идти къ рѣкамъ Вартѣ и Нетцъ, выждать тамъ прибытія корпуса изъ Модлина и затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ идти къ Кюстрину, имѣя цѣлью войти въ связь съ шведскою арміею.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ Ферморъ занялъ безъ боя Позпань. Въ августѣ наши войска сосредоточились на нижней Вартѣ, всего въ 100 верстахъ отъ Берлина.

Такая близость русскихъ войскъ къ столицѣ вынудила Фридриха II оставить противъ австрійцевъ въ Силезіи сильный заслонъ и поспѣшить къ Одеру съ цѣлью, присоединивъ къ себѣ войска, дѣйствовавшія противъ русскихъ, атаковать послѣднихъ.

14 августа 1758 г. у Цорндорфа произошло кровопролитное сраженіе между русскими войсками, предводимыми Фридрихомъ, и русскими Ферморомъ. Русскихъ войскъ, собравшихъ на позиціи, было 42,000 чел. (55 бат., 21 эск. и 240 ор.). Силы Фридриха состояли изъ 32,000 человѣкъ (38 бат., 83 эск. и 116 орудій).

Русскія войска сражались чрезвычайно упорно. Многія части, „разстрѣлявъ свои патроны, стояли какъ каменныя. Ихъ можно было перебить, но не обратить въ бѣгство“ [1]).

[1]) С. Соловьевъ, т. 24, стр. 1053.

Но были и обратныя явленія. Часть солдатъ, разграбивъ маркитантскій обозъ, напилась, била своихъ офицеровъ, не слушалась команды. Есть указаніе, что существовало недовольство на Фермора, какъ на иноземца, и его хотѣли убить [1]).

Со стороны пруссаковъ знаменитый Зейдлицъ съ конницею оказываетъ пруссакамъ огромныя услуги. Нашъ лѣвый флангъ не выдерживаетъ атаки 60 эскадроновъ Зейдлица и въ разстройствѣ отброшенъ назадъ. Нѣсколько старыхъ полковъ останавливаютъ натискъ Зейдлица. Но на нашемъ правомъ флангѣ мы перешли въ наступленіе, имѣли временный успѣхъ и не только заставили пруссаковъ отступить, но и взяли у нихъ 26 орудій.

„Бой прекратился за полнымъ истощеніемъ войскъ. Обѣ стороны приписывали себѣ побѣду. Къ разсвѣту 15 августа Ферморъ отвелъ свои войска за Галтенгрундъ и затѣмъ къ вечеру этого дня наша армія, послѣ благодарственнаго молебна на полѣ битвы за дарованную побѣду, отошла за Цабергрундъ. Прусская армія 15 августа сосредоточилась у д. Цихеръ и сѣвернѣе Вилькендорфа.

Потери въ Цорндорфскомъ бою были весьма значительны: мы потеряли около 18,000 85 ор. и 11 знаменъ, пруссаки—около 11,000 26 ор. и 10 знаменъ“ [2]).

Есть свидѣтельство, что армія Фридриха въ Цорндорфскомъ сраженіи представляла много слабыхъ сторонъ. Долгая война истощила источники комплектованія вербовкою, и приходилось принимать всякій сбродъ. Въ особенности плохо было съ офицерами. Некомплектъ доходилъ до того, что въ полкахъ вмѣсто 52 офицеровъ, полагавшихся по штату, было всего 12. Многіе выдающіеся начальники были убиты. Наконецъ средства страны истощились [3]).

Изъ военныхъ дѣйствій въ 1759 году главное мѣсто занимаетъ сраженіе 1 августа подъ Куннерсдорфомъ у Франкфурта, гдѣ союзныя русско-австрійскія войска побѣдили пруссаковъ.

Русскими войсками командовалъ третій главнокомандующій—Салтыковъ. Подъ его начальствомъ находилось: русскихъ — 68 бат., 36 эск. и около 200 орудій, всего до 41,000 чел., и австрійскихъ—18 бат., 35 эск. и 48 орудій—19,000 чел.

Чтобы выйти изъ критическаго, повидимому, положенія, когда войска союзниковъ, общею силою до 150,000 чел., стягивали все тѣснѣе тотъ кругъ, въ которомъ еще могли дѣйствовать прусскія войска, Фридрихъ рѣшается броситься на наиболѣе опаснаго изъ своихъ враговъ — на русскія войска. Собравъ 43,000 человѣкъ, онъ атакуетъ русско-австрійскія войска и послѣ очень упорнаго боя отбитъ

---

[1]) С. Соловьевъ, т. 24, стр. 1053.

[2]) „Обзоръ войнъ“; ч. 4, стр. 195.

[3]) Н. Сухотинъ „Фридрихъ Великій“, стр. 232.

съ урономъ въ 18,000 чел., изъ коихъ до 5,000 взято въ плѣнъ и до 2,500 чел. разбѣжалось [1]).

Пруссаки потеряли 28 знаменъ и 217 орудій. Преслѣдованія послѣ сраженія не было. Русскіе потеряли 2,114 убитыхъ и 10,865 раненыхъ. Въ союзномъ австрійскомъ корпусѣ Лаудона было 389 убитыхъ и 1,398 раненыхъ.

Слѣдовало идти къ Берлину, но австрійскій главнокомандующій настоялъ, чтобы русскія войска оставались на занятыхъ ими позиціяхъ, пока австрійцы не овладѣютъ Дрезденомъ. Этимъ Фридрихъ былъ спасенъ.

1760 годъ замѣчателенъ занятіемъ набѣгомъ русскихъ войскъ г. Берлина. Въ томъ же году Фридрихъ опять собралъ до 70,000 чел.; при движеніи ихъ на встрѣчу русскимъ Салтыковъ отвелъ свои войска къ Ландсбергу, а прибывшій вмѣсто него четвертый въ ту же войну главнокомандующій—Бутурлинъ отвелъ русскія войска на зимнія квартиры на р. Вислу.

Дѣйствія 1761 года были незначительны. Смѣнился еще одинъ главнокомандующій: вмѣсто Бутурлина былъ назначенъ Румянцевъ.

25 декабря 1761 года скончалась императрица Елисавета. Вступилъ на престолъ Петръ III — горячій поклонникъ Фридриха. 8 февраля 1762 года австрійцамъ была передана декларація объ отказѣ Россіи отъ союза съ Австріею, 5 марта заключено формальное перемиріе съ Пруссіею, а уже 24 апрѣля 1762 года Петръ III заключилъ вѣчный миръ съ Пруссіею. Всѣ завоеванія, сдѣланныя русскимъ оружіемъ, были возвращены Фридриху II безъ всякаго вознагражденія, и даже часть русской арміи, а именно корпусъ Чернышева, въ 16,000 чел., отданъ въ распоряженіе прусскаго короля.

Между тѣмъ положеніе Фридриха II было настолько тяжелое, что онъ готовъ былъ уступить Россіи Восточную Пруссію съ вознагражденіемъ его за счетъ Польши [2]).

Вотъ какое заключеніе о Семилѣтней войнѣ дѣлаетъ профессоръ Н. Сухотинъ:

„Въ этой семилѣтней войнѣ русской арміи пришлось впервые столкнуться съ нѣмецкою арміею—съ прусскою, считавшеюся первою въ Европѣ, побѣждавшею всѣ прочія; въ этой же войнѣ вождямъ нашихъ арміи пришлось бороться съ великимъ полководцемъ и съ генералами, признававшимися лучшими своимъ королемъ. И изъ этого испытанія наши арміи и ея вожди вышли съ честью: Цорндорфская битва была побѣдою для обѣихъ сторонъ, а Куннерсдорфская рѣшительная битва—явною побѣдою надъ самимъ Фридрихомъ, да и другія битвы (Гр.-Егерсдорфъ, Цюлихау и пр.) были славными для русскаго оружія. Въ этой же войнѣ русская армія и ея вожди вы-

[1]) Н. Сухотинъ „Фридрихъ Великій“, стр. 240, изд. 1882 г.

[2]) С. Соловьевъ, т. 25, стр. 1295 (Инструкція Фридриха II Гольцу).

держивали испытаніе рядомъ съ прочими европейскими арміями и ихъ вождями, и во многихъ отношеніяхъ они оказывались выше послѣднихъ. Такъ, въ стратегическомъ отношеніи, русскіе военачальники поступали болѣе правильно, чѣмъ генералы прочихъ арміи, обыкновенно преслѣдуя на первомъ планѣ цѣль побѣды надъ живою силою врага въ открытомъ бою, въ силу обстоятельствъ; вынужденные вести войска по длинному операціонному пути (до 800 — 1000 верстъ), русскіе вожди должны были побѣждать затрудненія по обезпеченію арміи всѣмъ необходимымъ, смѣло пользовались способомъ довольствія арміи отъ земли и умѣло сочетали этотъ способъ съ магазинымъ, котораго генералы прочихъ арміи держались „аки слѣпой стѣны“. Не было въ обычаѣ русскихъ генераловъ рутиннаго предпочтенія маневренной и безкровной стратегіи, не было склонности у нихъ и къ излюбленной на западѣ кордонной системѣ. Въ тактикѣ — въ веденіи боя — достойно вниманія: а) спокойное отношеніе къ обходнымъ маршамъ-маневрамъ непріятеля: Цорндорфскій и Куннерсдорфскій бои, въ коихъ обойденная армія съ тыла, простымъ поворотомъ линіи кругомъ, встрѣчала непріятеля, свидѣтельствуютъ, что для русской арміи фронтъ былъ туда, откуда шелъ непріятель; б) единственная армія въ ту эпоху была русская армія, которая не ограничивалась въ бою пассивною обороною, а рѣшительно переходила въ наступленіе; наконецъ, в) классическое упорство всѣхъ родовъ оружія въ веденіи боя, не встрѣчавшееся ни въ одной европейской арміи.

„Въ частности, можно еще отмѣтить, что русская конница, съ Румянцевымъ во главѣ, въ работѣ и дѣятельности на театрѣ войны, заявила себя могучею силою, и это тѣмъ болѣе достойно вниманія, что непріятель обладалъ конницею, по боевой доброкачественности, столь высокой степени, до какой никогда не доходила регулярная конница“ [1]).

Другой историкъ Семилѣтней войны Д. Масловскій относительно значенія этой войны для Россіи и подготовки ея въ дипломатическомъ отношеніи высказываетъ слѣдующія заключенія:

„Нѣтъ сомнѣнія, что участіе Россіи въ Семилѣтней войнѣ обусловливается весьма важною цѣлью — воспрепятствовать развитію могущества Пруссіи, что и составляло главную особенность *внѣшней національной политики правительства императрицы Елисаветы.* Канцлеръ имперіи съ перваго шага его вступленія въ управленіе нашими иностранными дѣлами, прекрасно сознавая вредъ, могущій быть для Россіи отъ образованія изъ Пруссіи сильной державы, — твердо, неуклонно и вполнѣ честно стремился воспрепятствовать росту Пруссіи. Но, къ несчастію, Бестужевъ дѣйствовалъ всегда черезчуръ умѣренно и выбралъ ошибочный дипломатическій путь для достиженія столь важной государственной цѣли, вслѣдствіе чего мѣры Бестужева не

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. 4, стр. 219—220.

только не облегчили дѣйствія войскъ, но, напротивъ, въ высшей мѣрѣ затруднили, что и выражается въ слѣдующемъ:

1) „Участіе всей арміи въ Семилѣтней войнѣ было полною неожиданностью. Мы ожидали, что „сокращеніе силъ скоропостижнаго короля“ будетъ „легкая диверсія“, „подъ чужимъ именемъ и на чужія средства“: думали объ „обогащеніи государственной казны“ на счетъ операцій части арміи, а при этомъ условіи затраты на армію были немыслимы.

„Наканунѣ самой войны всѣ иллюзіи нашей дипломатіи разсѣялись, какъ туманъ, и армія оказалась лицомъ къ лицу съ первою арміею того времени, подъ предводительствомъ великаго полководца.

2) „При заключеніи союзовъ и при дальнѣйшихъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ союзниками, Бестужевъ (а впослѣдствіи и Воронцовъ) не принимаетъ въ соображеніе стратегическаго положенія и удобства дѣйствій нашей арміи. Вслѣдствіе этого въ самомъ началѣ войны мы теряемъ три лѣтнихъ мѣсяца, драгоцѣнныхъ для организаціи арміи. Затѣмъ, несмотря на очевидный и крайній рискъ осенне-зимняго похода съ неподготовленными силами, дипломатія, ради выгодъ союзниковъ, упорно требуетъ открытія похода, единственно только во имя того, что ею неосторожно дано торжественное по сему обѣщаніе иностраннымъ державамъ.

3) „Опредѣленныхъ директивъ дѣйствія къ началу войны политика совсѣмъ не составила. Бестужевъ полагалъ возможнымъ выяснить ихъ лишь по мѣрѣ движенія войскъ „по малу впередъ“.

„Чѣмъ же облегчила наша дипломатія положеніе главнокомандующаго? Безусловно ничѣмъ. Напротивъ, не только при началѣ Семилѣтней войны, но и во все время продолженія войны главнымъ препятствіемъ для самостоятельныхъ дѣйствій главнокомандующихъ нашей арміи являлась пресловутая конференція“ [1]).

На этотъ разъ наше вмѣшательство въ европейскія дѣла, по мнѣнію историка Д. Масловскаго, вызывалось требованіями русской національной политики. Дѣйствительно, образованіе изъ Пруссіи могущественнаго государства не соотвѣтствовало интересамъ Россіи, но мы, какъ изложено выше, противились усиленію Пруссіи весьма нерѣшительно. Первоначально даже заключили съ Пруссіею союзный договоръ, затѣмъ 7 лѣтъ воевали съ нею безъ всякихъ выгодъ для Россіи и окончили опять дружбою съ Пруссіею и даже предоставленіемъ въ распоряженіе ея короля части русскихъ войскъ. Такая измѣнчивость во взглядахъ на задачи Россіи не служитъ подтвержденіемъ мнѣнія, что мы въ семилѣтней войнѣ держались *національной политики.*

Не соотвѣтствовала національной политикѣ и роль, которую отводили нашей арміи: ее можно было нанимать за деньги.

---

[1]) Д. Масловскій, стр. 136—137.

У Д. Масловскаго въ его трудѣ „Русская армія въ Семилѣтнюю войну“ есть указаніе, что англійскіе дипломаты, уговаривая Фридриха II къ союзу съ Англіею, указывали: *„что Россія находится въ услуженіи у Англіи“* [1]).

Но и заключивъ съ Австріею союзъ, мы ставили опредѣленно только одну важную для Россіи цѣль—пріобрѣтеніе Курляндіи, но и то обставляли это пріобрѣтеніе очень сложными пріемами (обмѣномъ у Польши взамѣнъ Восточной Пруссіи, которую предполагалось завоевать). Поражаетъ также неопредѣленностью цѣль предположенной совмѣстно съ Австріею (вслѣдъ за побѣдою надъ Фридрихомъ) войны съ Турціею: мы собирались, не имѣя торговаго флота и имѣя слабый боевой, объединить всю левантскую торговлю въ своихъ рукахъ.

Союзъ съ Австріею въ военномъ отношеніи принесъ намъ мало пользы. Отношеніе въ этой войнѣ нашихъ союзниковъ—австрійцевъ и шведовъ—къ русскому правительству было недовѣрчивое и неопредѣленное [2]).

Въ 1759 году Петербургская конференція рѣшила предоставить русскую армію въ распоряженіе Австріи. Но при этомъ общаго управленія дѣйствіями союзныхъ войскъ не предполагалось. Положеніе осложнялось тѣмъ, что австрійскій гофкригсратъ имѣлъ намѣреніе руководить стратегическими операціями двухъ армій, главнокомандующіе которыхъ были независимы другъ отъ друга. Въ результатѣ Фридрихъ, находившійся нѣсколько разъ въ критическомъ положеніи, особенно послѣ пораженія при Куннерсдорфѣ, вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы противъ тройныхъ силъ, выставленныхъ союзниками, и значительно усилилъ территорію своего государства за счетъ Австріи. Такимъ образомъ цѣль—не допустить усиленія Прусскаго королевства—не была достигнута.

Образованіе въ Петербургѣ особой конференціи для руководства военными операціями кромѣ вреда ничего не принесло, и это новшество уже не примѣнялось въ послѣдующихъ войнахъ.

Не достигнувъ поставленной цѣли, испортивъ со вступленія на престолъ Петра III отношенія съ Австріею, не принеся Россіи никакого усиленія, Семилѣтняя война въ то же время требовала весьма значительныхъ расходовъ, которые выносились государствомъ съ большимъ напряженіемъ. Въ послѣдній годъ царствованія Елисаветы на „самонужнѣйшіе“ расходы требовалось 2,686,000 руб., а имѣлось въ казнѣ всего 121,000 рублей. Чтобы увеличить средства казны, устраивали лотереи.

Въ 1761 году всѣ доходы Россійскаго государства составляли 15,350,000 руб. и изъ нихъ расходовалось на армію 10,418,000 рублей.

Петръ III, по вступленіи на престолъ, въ виду разстройства

---

[1]) Д. Масловскій, стр. 129.

[2]) Н. Сухотинъ „Обзоръ войнъ“, т. 4, стр. 197.

финансовъ, приказалъ „наскорѣе банковыхъ билетовъ на пять милліоновъ надѣлать“ и пріостановилъ всѣ строительныя работы.

Маленькій герцогъ голштинскій Петръ-Ульрихъ, ставъ русскимъ императоромъ Петромъ III, остался въ душѣ голштинскимъ принцемъ и ревностнымъ поклонникомъ Фридриха II. Остановивъ войну съ нимъ и отдавъ часть русскихъ войскъ въ его распоряженіе, онъ занялся не русскими, а голштинскими дѣлами. Такъ, кромѣ русскаго войска онъ надумалъ сформировать въ Россіи особое *голштинское войско*. Вполнѣ послѣдовательно для себя онъ началъ также готовиться къ совершенно ненужной для Россіи войнѣ съ Даніею, съ цѣлью покончить споры голштинскихъ герцоговъ съ датскими королями.

Всего за время семилѣтней войны 1756—1762 годовъ разновремено приняло участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ 580,000 русскихъ войскъ. Наибольшій составъ нашихъ войскъ въ одну кампанію доходилъ до 130,000 чел. Русскія войска потеряли за эту войну убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими 60,000 чел. и выбывшими изъ строя больными 87,000 человѣкъ, всего около 150,000 человѣкъ.

Несомнѣнно полезные для нашей арміи результаты семилѣтней войны заключались въ той отличной боевой школѣ, которую получили наши войска, дѣйствуя противъ лучшей арміи того времени, предводимой геніальнымъ Фридрихомъ, съ такими помощниками, какъ Зейдлицъ, Цитенъ и другіе.

Профессоръ Н. Сухотинъ въ слѣдующихъ строкахъ очерчиваетъ это полезное вліяніе:

„Эта война стала боевою школою—Румянцева, Панина, Прозоровскаго и Суворова и многихъ другихъ извѣстныхъ вождей, впослѣдствіи видныхъ дѣятелей Екатерининскаго времени, съ которыми императрица успѣшно покончила давнія распри съ Польшею, съ Крымомъ и рѣшительно двинулась на Балканскій полуостровъ, по путямъ Святослава. Въ этой войнѣ начала военнаго искусства, установленныя Петромъ Великимъ, его завѣты обученія и воспитанія, забытые или извращенные за время иноземцевъ, воскресаютъ и развиваются „все своими“ русскими генералами. Въ этой боевой школѣ воскресла и крѣпла увѣренность русскихъ военныхъ людей въ свои силы, что такъ важно и необходимо было для будущихъ военно-историческихъ шаговъ, послѣдовавшихъ при Екатеринѣ“ [1]).

Вмѣшательство Россіи въ распрю за баварское наслѣдство.

Въ 1778 году Фридрихъ II началъ войну противъ Австріи за баварское наслѣдство. Вѣнскій дворъ предложилъ русскому и версальскому дворамъ быть посредниками. Россія отъ безпристрастнаго

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. 4, стр. 219.

посредничества отказалась, приняла сторону Пруссіи и предъявила Австріи тяжелыя требованія. Австрія не только должна была уступить Пруссіи часть завоеванныхъ Австріею баварскихъ земель, но требовался отказъ ея и отъ ленныхъ правъ на нѣкоторыя саксонскія земли.

Россія предъявила Австріи декларацію и въ случаѣ непринятія этой деклараціи Австріею готовилась объявить ей войну [1]). Австрія уступила. Велъ переговоры по этому дѣлу Репнинъ. Фридрихъ II былъ такъ доволенъ его дѣятельностью, что на прощальной аудіенціи сказалъ ему, что онъ, Фридрихъ, успѣхомъ мирныхъ переговоровъ обязанъ императрицѣ Екатеринѣ II, и Германская имперія обязана ей не только настоящимъ покоемъ, но и сохраненіемъ своихъ правъ.

Репнинъ, кромѣ портрета, получилъ подарокъ въ 10,000 талеровъ.

Трактатъ о баварскомъ наслѣдствѣ, подписанный Екатериною II, какъ посредницею, былъ послѣднимъ актомъ государыни въ пользу Пруссіи. Съ этого времени ея симпатіи склоняются къ Австріи, при чемъ „одна изъ причинъ ея недовольства на Фридриха II заключалась въ томъ, что онъ оказывалъ особое вниманіе Павлу Петровичу“ [2]).

Такимъ образомъ, по теоріи, русскіе государственные люди XVIII столѣтія сознавали невыгоду для Россіи усиленія Пруссіи, но въ то же время принимали мѣры къ тому, чтобы эта Пруссія все усиливалась. Уже при Петрѣ I, какъ изложено въ X-й главѣ, въ войнѣ со шведами въ 1713 году русскія войска, подъ начальствомъ Меньшикова, овладѣваютъ послѣ осады Штетиномъ и, согласно указаніямъ Петра I, передаютъ этотъ пунктъ не датчанамъ, которые ожидали этого подарка, а прусскому королю. Кромѣ того, тѣмъ же договоромъ ему передаются взятые русскими у шведовъ Рюгенъ, Штральзундъ и Висманъ. Прусскій король приказалъ Головину выразить свою благодарность Петру I въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „донесите Царскому Величеству, что я за такую услугу не только всѣмъ своимъ имѣніемъ, но и кровью своею его Царскому Величеству и всѣмъ его наслѣдникамъ служить буду“ [3]).

Въ періодъ борьбы за австрійское наслѣдство первоначально, какъ изложено выше, при Аннѣ Леопольдовнѣ, Россія была на сторонѣ Пруссіи. Веденная затѣмъ ею семилѣтняя война не помѣшала усиленію Пруссіи за счетъ Австріи и была прекращена Петромъ III, когда Фридрихъ II обезсилѣлъ и уже готовъ былъ отказаться отъ Восточной Пруссіи. Наши войска были даже переданы въ его распоряженіе.

Въ борьбѣ за баварское наслѣдство Россія рѣшительно приняла сторону Пруссіи и дала ей возможность усилиться за счетъ не только баварскихъ, но и саксонскихъ земель.

---

[1]) С. Соловьевъ, т. 27, стр. 1128.

[2]) Д. Кобеко „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ“, стр. 183, изд. 1883 года.

[3]) С. Соловьевъ, т. 17, стр. 494.

Въ главѣ XVI-й изложено, какую роль игралъ Фридрихъ II при трехъ раздѣлахъ Польши.

По первому раздѣлу Польши въ 1772 году Фридрихъ II получилъ польскую Пруссію, Торнъ и Данцигъ.

27 августа 1772 года Фридрихъ принялъ присягу отъ жителей польской Пруссіи и въ тотъ же день писалъ Сольмсу, который велъ переговоры съ русскимъ правительствомъ:

„Вы скажете графу Панину, что онъ можетъ увѣрить императрицу моимъ именемъ, что нынче, въ день присяги отъ Пруссіи, я ее увѣряю, что она обязала не неблагодарнаго человѣка; я не упущу ни одного случая засвидѣтельствовать ей и Россіи мою признательность не на словахъ, а на дѣлѣ“ [1]).

Въ началѣ XIX столѣтія, когда Россія спасла Пруссію отъ зависимости Франціи, много разъ произносились подобныя же завѣренія. Они въ послѣдній разъ повторились, когда въ 1870—1871 годахъ Россія способствовала маленькой Пруссіи начала XVIII столѣтія обратиться въ мощное государство, ставшее во главѣ Германской имперіи.

Въ великой работѣ на пользу Россіи и русскаго племени Екатерину II не разъ отвлекали заботы о совершенно чуждыхъ Россіи интересахъ. Такое поведеніе мудрой государыни объясняется отчасти тою неумѣренною лестью, съ которою относились къ государынѣ не только свои ученые, поэты, полководцы, политическіе дѣятели, но и иностранцы. Какъ образчикъ лести, можно привести донесеніе изъ Парижа Барятинскаго гр. Панину въ 1780 году о мнѣніи французовъ о нашей государынѣ:

„Однимъ словомъ,—писалъ Барятинскій,—имя ея величества произносится всѣми съ восторгомъ, ее почитаютъ владычицею міра, отъ нея ожидаютъ возстановленія спокойствія и блаженства роду человѣческому“ [2]).

Такая неумѣренная лесть давала основаніе думать, что, вмѣшиваясь въ чужія дѣла, Россія будетъ содѣйствовать „блаженству рода человѣческаго“.

Повидимому, въ заботахъ объ этомъ блаженствѣ Екатерина II въ мартѣ 1779 года прислала въ Парижъ, для сообщенія французскому двору, декларацію русскаго двора о защитѣ торговли: русской, датской и шведской. Французы вѣжливо указали, что, такъ какъ наша торговля въ Нѣмецкомъ морѣ *„пассивная“* и ее ведетъ почти одна Англія, то и вся декларація составлена въ ея пользу и во вредъ Франціи.

Въ 1779 году Петербургскій дворъ предложилъ Лондонскому свое посредничество съ цѣлью предотвратить готовившуюся войну Англіи съ Нидерландами. Но предложеніе это было тоже отклонено.

---

[1]) С. Соловьевъ, т. 28, стр. 859.

[2]) Тамъ же, т. 29. Приложенія, стр. 1178.

Относительно начавшагося въ XVIII столѣтіи нашего шатанія въ области внѣшней политики и забвенія политики національной, С. Соловьевъ дѣлаетъ слѣдующее глубоко вѣрное замѣчаніе [1]).

„Въ Пруссіи, какъ и въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ, выработалась вѣрность системѣ, основанной на самосохраненіи и пріобрѣтеніи извѣстныхъ выгодъ,—расширенія государственной области и т. п. Эта національная система проводится настойчиво, никакія другія соображенія въ расчетъ не принимаются, все должно быть принесено въ жертву системѣ; политика черезъ это является узкою, своекорыстною, но легкою по своей простотѣ. Россія, введенная Петромъ Великимъ въ общую жизнь европейскихъ народовъ, представляла въ этомъ отношеніи замѣтное различіе. Россію можно было упрекать въ непониманіи ясно сознанной національной политики, по крайней мѣрѣ въ отсутствіи настойчивости въ достиженіи цѣлей этой политики; можно было упрекать относительно медленности въ возстановленіи полнаго господства русской народности въ западномъ краѣ и т. п. Причины этого явленія можно было искать въ племенномъ и народномъ характерѣ, въ юности русскаго народа, его неразвитости, новости въ общенародной жизни, недостаткѣ просвѣщеннаго взгляда на свои внутреннія и внѣшнія отношенія, въ привычкѣ, сдѣлавши какое-нибудь дѣло, складывать руки, не пользоваться побѣдою. Всѣ эти объясненія въ извѣстной степени могутъ быть приняты, но не должно забывать и того обстоятельства, что Россія, войдя въ XVIII вѣкъ въ общую жизнь европейскихъ народовъ, принесла такую обширную государственную область, которая не давала развиться въ русскомъ народѣ хищности, желанію чужого, наступательному движенію, а могла развить качества, противоположныя и въ своихъ крайностяхъ вредныя: такъ, нежеланіе чужого могло перейти въ невниманіе къ своему и т. д. Русскіе государственные дѣятели, разумѣется, не были чужды честолюбія, желанія усилить значеніе Россіи, но для этого они придумывали особенныя средства, идиллическія въ глазахъ западныхъ политиковъ: чуждыя стремленія пріобрѣтать что-нибудь для себя, расширять свою государственную область, они придумывали союзы съ чисто охранительнымъ значеніемъ, въ которыхъ сильныя государства были вмѣстѣ съ слабыми, и первыя, разумѣется, принимали на себя обязанность блюсти выгоды послѣднихъ, какъ свои собственныя. Таковъ былъ знаменитый *сѣверный аккордъ*, который такъ старался осуществить Паниинъ. Въ этотъ сѣверный союзъ должны были войти Россія, Пруссія, Англія, Швеція, Данія, Саксонія, Польша, и если Польша входила въ союзъ, разумѣется, вѣчный и неколебимый, то почему же не дать ей возможности выйти изъ анархіи и усилиться: этимъ усиленіемъ она будетъ только полезна союзу,—идиллія, приводившая въ бѣшенство Фридриха II, который ждалъ

[1]) С. Соловьевъ, т. 26, стр. 130—131.

перваго удобнаго случая, чтобъ попользоваться насчетъ Польши, Саксоніи, Швеціи, Даніи, а тутъ заставляютъ его блюсти ихъ интересы! Такъ же наивно было предполагать, что Англія станетъ любить своихъ союзниковъ, какъ самое себя".

Такимъ образомъ, въ то время, когда внутри Россіи не было порядка, достатка и спокойствія, когда закрѣпощеніе неожиданно на востокѣ и юго-востокѣ русское населеніе выразило свой протестъ Пугачевскимъ бунтомъ, когда наши національныя задачи по объединенію русскаго племени еще не были выполнены,—русское правительство добивалось обязательства блюсти выгоды Польши, *какъ свои собственныя*, другими словами, добивалось закрѣпить надъ бѣлоруссами и малороссами господство польской національности и католической религіи. Было дѣйствительно отъ чего придти въ бѣшенство геніальному Фридриху. Онъ же и не допустилъ осуществиться идилліи сѣвернаго аккорда и, какъ изложено въ главѣ XVI-й, послѣ долгой борьбы убѣдилъ наконецъ русское правительство возвратиться къ національно-русской политикѣ и заняться, вмѣсто заботы о „благоденствіи" другихъ народовъ, объединеніемъ русскаго племени.

Вмѣшательство Россіи въ дѣла Франціи, Италіи и Австріи въ 1798—1799 годахъ

Въ 1791 году римскій (австрійскій) императоръ Леопольдъ II и прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ заключили между собою союзъ съ цѣлью силою возстановить власть во Франціи Людовика XVI и пригласили императрицу Екатерину II соединиться съ ними. Занятая дѣлами турецкими и польскими и озабоченная враждебнымъ къ Россіи отношеніемъ Пруссіи и Англіи, государыня отказалась отъ этого предложенія.

Между тѣмъ французы, въ виду вооруженія противъ нихъ Австріи и Пруссіи, вынудили Людовика XVI объявить войну Австріи. Союзники снова обратились къ Екатеринѣ II съ предложеніемъ заключить оборонительный союзъ. На этотъ разъ согласіе послѣдовало, и 3 іюля 1792 года былъ подписанъ съ императоромъ Францемъ, вступившимъ на престолъ послѣ кончины отца своего Леопольда, договоръ, по которому Россія и Австрія взаимно ручались за неприкосновенность своихъ владѣній. Но въ это время предѣламъ Россіи никто не угрожалъ, а во владѣнія Австріи уже вступили французскія войска.

Союзники—австрійцы и пруссаки—отвѣтили вторженіемъ въ предѣлы Франціи и дошли почти до Шалона. Опасность, угрожавшая Франціи, вызвала подъемъ патріотическихъ чувствъ въ населеніи. Вмѣстѣ съ провозглашеніемъ Франціи республикою, республиканскія войска перешли въ наступленіе, вынудили союзниковъ очистить предѣлы Франціи и вторглись вслѣдъ за ними на непріятельскую территорію.

10 января 1793 г. погибъ мученическою смертью Людовикъ XVI, и Франція объявила войну, кромѣ Австріи и Пруссіи, еще Англіи и Голландіи. Англійское правительство предложило Екатеринѣ II войти съ нею въ союзъ „по необходимости соединиться державамъ для обузданія революціи“ [1]). Это предложеніе было принято.

Въ 1796 году Директорія, заступившая мѣсто Народнаго Конвента, направила въ предѣлы Австріи три арміи. Двѣ изъ нихъ — Моро и Журдана—должны были двигаться отъ Рейна, а третья, предводимая 27-лѣтнимъ Наполеономъ-Бонапарте, черезъ Италію.

Положеніе Австріи осложнялось тѣмъ, что ея отношенія къ Пруссіи готовы были перейти въ вооруженное столкновеніе.

Тогда императрица Екатерина II „обѣщала императору Францу 60-тысячную армію, чтобы (какъ сказано въ офиціальной о томъ бумагѣ), съ покровительствомъ Божіимъ, изготовить торжество дѣла, почитаемаго ею дѣломъ всѣхъ монарховъ“. Но она поставила условіемъ, чтобы Пруссія послала противъ Франціи такое же число войскъ, какое выставитъ Россія, и чтобы Англія платила вспомогательныя деньги. Мысль императрицы Екатерины заключалась въ томъ, чтобы составить новый союзъ, на основаніяхъ болѣе твердыхъ, нежели бывшіе дотолѣ союзы, и принять правиломъ „искреннее, непреложное стремленіе возстановить французскую монархію, какъ единственное средство водворить прочный миръ, и для достиженія сей цѣли союзникамъ немедленно признать Людовика XVIII французскимъ королемъ и идти прямѣйшимъ путемъ вовнутрь Франціи“.

„Пруссія изъявила готовность приступить къ союзу, если обнадежать ее вознагражденіемъ новыми областями и вспомогательными деньгами“ [2]).

Суворовъ былъ предназначенъ командовать русскою арміею, и ему приказано было собрать въ 1796 году въ Подольской губерніи армію, силою въ 64,000 человѣкъ.

6 ноября 1796 года государыня Екатерина II скончалась, и на престолъ вступилъ Павелъ I.

Относительно взглядовъ Павла I на внѣшнюю политику Россіи Н. Шильдеръ пишетъ такъ [3]):

„Съ 6 ноября 1796 года государственный эгоизмъ, составляющій, по справедливому выраженію неподражаемаго политическаго учителя новѣйшаго времени, единственную здоровую основу великаго государства, совершенно исчезаетъ съ послѣдующихъ страницъ русской исторіи. Настаетъ царство романтики! Естественнымъ послѣдствіемъ подобнаго измѣненія въ политическихъ взглядахъ явилось

[1]) Подлинныя слова договора. Полк. Милютинъ. „Исторія войны Россіи съ Франціею въ 1799 году“, т. I, стр. 10, издан. 1852 г.

[2]) Тамъ же, т. I, стр. 18.

[3]) К. Шильдеръ, т. I, стр. 191.

убѣжденіе, что екатерининскій государственный эгоизмъ составляетъ заблужденіе и тяжкій грѣхъ царствованія великой императрицы.

„По волѣ преемника Екатерины политическая система имперіи Россійской должна была изъ *соображенной на видахъ пріобрѣтеній обратиться въ удаленную совершенно отъ всякаго желанія завоеванія.* На этомъ основаніи казалось, что новый государь намѣренъ со всѣми державами сохранить миръ и доброе согласіе, отказываясь отъ всякихъ военныхъ предпріятій. Дѣйствительно, война съ Персіею была прекращена и рекрутскій наборъ отмѣненъ. Но, при всемъ явномъ миролюбіи, правительство заявило намѣреніе, оставаясь въ твердой связи съ своими союзниками, „противиться всевозможными мѣрами пагубной французской республикѣ, угрожающей всю Европу совершеннымъ истребленіемъ закона, правъ, имущества и благоправія". Подобная оговорка воспрепятствовала даровать Россіи *то присужное и желаемое отдохновеніе* послѣ безпрерывныхъ военныхъ тревогъ, продолжавшихся съ 1756 года сорокъ лѣтъ, о чемъ было заявлено послѣ смерти Екатерины; это обстоятельство открывало широко двери австрійскимъ и англійскимъ происканъ и дозволило втянуть Россію въ войну противъ французскаго *богомерзкаго правленія.* Иностранной дипломатіи удалось наконецъ достигнуть преслѣдуемую тщетно при Екатеринѣ завѣтную цѣль: выманить русскую армію за границу. Такимъ образомъ, на поляхъ Италіи и среди Альпъ завязалась борьба, которая со временемъ привела всю континентальную Европу въ Кремль и нашу армію въ Парижъ. Съ этого времени за русскою арміею надолго упрочивается наименованіе дивизіи: „de la grande armée de la bonne cause".

Это царство романтики продолжалось до 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

Другой авторитетный историкъ Д. Милютинъ, по поводу внѣшней политики, выражается такъ [1]):

„Императоръ Павелъ не послѣдовалъ въ дѣлахъ внѣшней политики правиламъ родительницы своей, „соображеннымъ на видахъ пріобрѣтеній, и совершенно отказался отъ всякаго желанія завоеванія". Онъ объявилъ дружественнымъ съ Россіею государствамъ о своемъ намѣреніи сохранять съ ними доброе согласіе и существовавшіе договоры, но не принимать прямого участія въ войнѣ съ Франціею и не посылать противъ нея обѣщанныхъ императрицею 60,000 войскъ. Канцлеръ иностранныхъ дѣлъ графъ Остерманъ сообщилъ Вѣнскому, Лондонскому и Берлинскому дворамъ слѣдующее:

„Россія, будучи въ безпрерывной войнѣ съ 1756 года, есть потому единственная держава въ свѣтѣ, которая находилась 40 лѣтъ въ несчастномъ положеніи истощать свое народонаселеніе. Человѣко-

---

[1]) Полк. Милютинъ „Исторія войны Россіи съ Франціею въ царствованіе императора Павла I", т. I, стр. 23—24.

любивое сердце императора Павла не могло отказать любезнымъ его подданнымъ въ пренужномъ и желаемомъ ими отдохновеніи, послѣ столь долго продолжавшихся изнуреній. Однакожъ, хотя россійское войско не будетъ дѣйствовать противъ Франціи по вышеозначенной и необходимой причинѣ, государь не менѣе затѣмъ, какъ покойная его родительница, остается въ твердой связи съ своими союзниками и чувствуетъ нужду противиться всевозможными мѣрами пестовой французской республикѣ, угрожающей всю Европу совершеннымъ истребленіемъ закона, правъ, имущества и благонравія".

Павелъ I, еще будучи наслѣдникомъ, признавалъ необходимымъ союзъ Россіи съ Пруссіею. Это убѣжденіе окрѣпло въ немъ во время пребыванія его въ Германіи. Графъ Панинъ поддерживалъ въ Павлѣ эту идею.

Кровавые успѣхи революціи во Франціи, смерть Людовика XVI и Маріи-Антуанеты оставили въ умѣ Павла непзгладимое впечатлѣніе. Прибывшій въ Петербургъ эмигрантъ Эстергази вліялъ на Павла своею проповѣдью о необходимости управлять народами желѣзомъ. Цесаревичъ Павелъ всюду началъ видѣть отпрыски революціи; вездѣ опасался встрѣтить якобинцевъ. Четыре офицера его батальона въ Гатчинѣ были арестованы за то, что у нихъ оказались нѣсколько коротки косички—причина достаточная, чтобы заподозрить въ нихъ революціонное направленіе [1]).

Вступивъ на престолъ, Павелъ I первоначально совершенно искренно надѣялся сохранить въ Россіи миръ. Такъ какъ дипломатическія отношенія съ Франціею уже были прерваны, Павелъ предписалъ своему посланнику въ Пруссіи Колычеву, въ частномъ разговорѣ съ Кальяромъ, посломъ при Берлинскомъ дворѣ, „дать ему разумѣть, что императоръ не почитаетъ себя въ войнѣ съ Франціею, ничего не предпринималъ во вредъ ей, намѣренъ жить со всѣми мирно и совѣтуетъ союзникамъ своимъ скорѣе прекратить войну. Императоръ Павелъ почиталъ возстановленіе мира Россіи съ Франціею нужнымъ особенно для того, чтобы потомъ имѣть возможность принять или предложить свое посредничество къ заключенію мира. Переговоры съ французскимъ посланникомъ были открыты въ Берлинѣ Колычевымъ и потомъ продолжаемы его преемникомъ, графомъ Панинымъ" [2]).

Твердо вѣря въ возможность избѣжать войны, Павелъ I въ первые четыре мѣсяца своего царствованія неуклонно шелъ къ этой цѣли. Онъ отмѣнилъ, какъ указано выше, рекрутскій наборъ по 3 чел. съ 500 душъ, прекратилъ войну противъ Персіи, приказалъ войскамъ, бывшимъ за Кавказомъ, возвратиться въ Россію, пріостановилъ постройку укрѣпленій на персидской границѣ.

---

[1]) Д. Кобеко „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ", стр. 373.

[2]) Д. Милютинъ „Исторія войны Россіи съ Франціею въ царствованіе императора Павла I въ 1799 году", т. I, стр. 28.

Успѣхи Наполеона скоро однако поколебали эти мирныя намѣренія. Покоривъ Италію, Наполеонъ вторгся въ австрійскія владѣнія и угрожалъ Вѣнѣ. Австрійское правительство, на основаніи договора 1792 года, просило Павла I какъ можно скорѣе прислать въ Богемію или Моравію 12,000 корпусъ русскихъ войскъ и выставить на западной границѣ армію, которая могла бы или подкрѣпить этотъ передовой корпусъ, или воспрепятствовать Пруссіи проявить враждебныя по отношенію къ Австріи дѣйствія. Въ то же время Австрія просила Павла I быть посредникомъ между нею и Франціею.

Павелъ I, продолжая вѣрить въ возможность мирнаго исхода своего посредничества, тѣмъ не менѣе приказалъ нѣкоторымъ частямъ войскъ изготовиться къ походу.

Пятилѣтняя борьба Австріи съ Франціею окончилась Кампо-Формійскимъ миромъ, по которому Австрія потеряла большую часть своихъ владѣній въ Италіи. Одна Англія не прекращала войны. Этимъ миромъ былъ признанъ новый порядокъ вещей во Франціи и покровительство Бурбонамъ прекратилось. Тогда представители этой фамиліи, не находя нигдѣ пристанища, отдались подъ покровительство Павла I. Небольшой корпусъ войскъ, составленный изъ эмигрантовъ, сражавшійся въ рядахъ австрійскихъ войскъ противъ Франціи, былъ впущенъ въ русскіе предѣлы. Онъ состоялъ изъ 6 бат., 10 эск. и 2 рот артиллеріи. Всѣ эти части поступили на содержаніе отъ русской казны. Претендентъ на французскій престолъ—Людовикъ XVIII, жившій въ Германіи, получилъ отъ Павла I подарокъ въ 200,000 рублей; вмѣстѣ съ тѣмъ Павелъ I „почелъ долгомъ государя пригласить римскаго императора, королей англійскаго, прусскаго, испанскаго, сицилійскаго и королеву португальскую условиться о средствахъ обезпечить на будущее время пристойное содержаніе Людовика XVIII и его семейства. Австрія и Англія не согласились на предложеніе“ [1]).

По приглашенію Павла I, Людовикъ XVIII согласился переѣхать на жительство въ Литву. На расходы по переѣзду ему было прислано 60,000 руб., а по пріѣздѣ въ Литву приказано было ему отпускать (кромѣ расходовъ на корпусъ эмигрантовъ) еще по 200,000 рублей въ годъ.

Быстро развившееся во Франціи революціонное движеніе и побѣды, одержанныя республиканскими войсками, производили впечатлѣніе во всѣхъ европейскихъ странахъ. Всѣ государи съ основаніемъ могли опасаться, что революціонное движеніе охватитъ и ихъ государства. Даже въ Россіи не были въ то время чужды этихъ опасеній. Приближенные къ Павлу эмигранты представляли ему всю опасность проникновенія республиканскихъ идей въ русское общество. Подозрительность Павла все увеличивалась. Прибытіе Людовика XVIII

---

[1]) Д. Милютинъ „Исторія войны Россіи съ Франціею въ царствованіе императора Павла I въ 1799 году“, т. I, стр. 51—52.

и корпуса эмигрантовъ въ Россію вызывали мѣры по ихъ охранѣ со стороны возможныхъ противъ нихъ покушеній республиканцевъ. Особымъ распоряженіемъ въ апрѣлѣ 1798 года въѣздъ въ Россію всѣмъ французамъ былъ запрещенъ, а черезъ двѣ недѣли послѣдовало новое распоряженіе о воспрещеніи въѣзда въ Россію всѣмъ иностранцамъ вообще. Изъ числа ихъ исключались: имѣвшіе порученія отъ своихъ государей, курьеры, „люди весьма извѣстные, знатной породы, или же въ большихъ чинахъ состоящіе“ [1]).

Не довольствуясь этими мѣрами, Павелъ I запретилъ ввозъ въ Россію изъ-за границы всякихъ книгъ, запретилъ костюмы, напоминавшіе французскіе, запретилъ вальсъ. Наконецъ было запрещено произносить слова „отечество“ и „гражданинъ“ [2]).

Въ 1798 году императору Павлу было доставлено перехваченное донесеніе французскаго посланника въ Берлинѣ Директоріи о томъ, что имъ Берлинскому двору было сдѣлано предложеніе образовать изъ польскихъ областей, отошедшихъ къ Пруссіи, отдѣльное государство, подъ управленіемъ одного изъ принцевъ Прусскаго дома. Это государство „назначалось звеномъ для составленія польскаго королевства изъ всѣхъ земель, отошедшихъ отъ него по тремъ раздѣламъ къ Россіи и къ Австріи“ [3]).

Такой планъ французовъ, преслѣдовавшійся ими и при Наполеонѣ, послужилъ послѣднимъ толчкомъ для Павла къ переходу отъ мирной политики къ воинственной. Этотъ переходъ совершился съ обычною для Павла I страстностью: „онъ вообразилъ, что призваніе его состоитъ въ томъ, чтобы возстановить все то, что было разрушено французскою революціею, и возвести низложенныхъ ею вѣнценосцевъ опять на ихъ престолы“ [4]).

Опасность отъ дѣйствій французовъ онъ представлялъ себѣ такъ:

„Французы, примиряясь съ державами и областями, которыхъ вдругъ вовсе истребить или опровергнуть были не въ состояніи, разрываютъ съ ними дружбу, какъ скоро предвидятъ удобность успѣвать въ своемъ планѣ, чтобъ достигать всемірнаго владычества посредствомъ заразы и утвержденія правилъ безбожныхъ и порядку гражданскому противныхъ“ [5]).

„Въ началѣ 1799 г. образовалась противъ французской республики вторая коалиція, въ составъ которой вошли: Англія, Австрія, Россія, Турція и Неаполь. Участіе Россіи въ этой коалиціи выразилось въ отправленіи на помощь турецкому флоту черноморской эскадры и въ

[1]) Д. Милютинъ „Исторія войны Россіи съ Франціею въ царствованіе императора Павла I въ 1799 году“, т. I, стр. 56.

[2]) А. Пыпинъ „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“, стр. 53. изд. 1885 г.

[3]) Д. Милютинъ, т. 1, стр. 63.

[4]) Н. Шильдеръ, т. I, стр. 194.

[5]) Д. Милютинъ, т. I, стр. 63.

назначенія въ составъ австрійскихъ армій вспомогательныхъ корпусовъ: Розенберга (20,000) и Ребиндера (9,000) въ сѣверную Италію и Римскаго-Корсакова (28,000) въ Швейцарію“ [1]).

Ко времени открытія военныхъ дѣйствій общее число выставленныхъ Франціею войскъ доходило до 180,000 чел. Состояніе этихъ войскъ было неудовлетворительное. Части были ослаблены побѣгами и имѣли едва половину списочнаго состава. „Злоупотребленія и безпорядки въ военномъ управленіи привели армію въ самое жалкое положеніе: люди оставались безъ жалованья, безъ обуви, въ лохмотьяхъ, часто даже безъ обезпеченнаго продовольствія. Эти злоупотребленія были всѣмъ извѣстны и возбуждали въ войскахъ крайнее негодованіе. Вслѣдствіе этого дисциплина до того упала, что нерѣдки были примѣры явнаго непослушанія и даже прямого возмущенія. Число бѣглыхъ, даже во флотѣ, было такъ велико, что нѣкоторые корабли не имѣли достаточно матросовъ для собственнаго охраненія въ гаваняхъ. Вмѣстѣ съ упадкомъ дисциплины угасло въ войскахъ въ значительной степени и патріотическое воодушевленіе. Но зато французскія войска имѣли во главѣ, большею частью, талантливыхъ и молодыхъ генераловъ, которые, будучи свободными отъ подражанія прусскому методизму, отличались замѣчательною инициативою и духомъ предпріимчивости. Кромѣ того, маневренность, умѣнье примѣняться къ мѣстности, искусное употребленіе разсыпного строя и ловкость солдатъ въ преодолѣніи мѣстныхъ препятствій, въ связи съ свѣжими воспоминаніями о громкихъ побѣдахъ, давали громадное преимущество войскамъ республики надъ ихъ непріятелемъ“ [2]).

Австрія выставила противъ Франціи 255,000 войскъ (кромѣ русскихъ войскъ). Войска были укомплектованы, состояли большею частью изъ старыхъ опытныхъ солдатъ, исправно вооруженныхъ. Дисциплина была строгая. Кавалерія отличалась многочисленностью и хорошими качествами. „Слѣпое подражаніе тактикѣ Фридриха Великаго и мирная подготовка войскъ вели къ тому, что они не умѣли маневрировать на пересѣченной мѣстности и держались непзмѣнно боевого порядка и образа дѣйствій, умѣстныхъ эпохѣ Семилѣтней войны. Австрійскіе генералы хотя имѣли за собою опытность многолѣтней службы, но не отличались ни духомъ инициативы, ни предпріимчивостью; этому болѣе всего способствовало существованіе придворнаго военнаго совѣта въ Вѣнѣ, который распоряжался дѣйствіями войскъ даже въ подробностяхъ и тѣмъ сковывалъ самостоятельность командующихъ генераловъ; даже высокоталантливый эрцгерцогъ Карлъ и тотъ былъ въ постоянной зависимости отъ распоряженій гофкригсрата. Австрійское правительство ясно сознавало недостатки своихъ генераловъ и

---

[1]) „Обзоръ войнъ Россіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней“, ч. I, стр. 115.
[2]) Тамъ же, стр. 116—117.

потому просило Императора Павла о назначеніи Суворова главнокомандующимъ союзными войсками въ сѣверной Италіи“ [1]).

Двинутая въ Италію русская армія, въ командованіе которою вступилъ Суворовъ, составляла 56,000 чел.

Историкъ П. Гудимъ-Левковичъ характеризуетъ состояніе нашихъ войскъ въ слѣдующихъ строкахъ:

„Матеріальная часть въ войскахъ была очень несовершенна: снаряженіе войскъ было тяжело и обременительно; обмундированіе, перенятое съ прусскихъ образцовъ, было крайне неудовлетворительно, равно какъ и содержаніе солдатъ; кавалерія и артиллерія имѣли очень плохихъ лошадей и притомъ дурно содержанныхъ; полевая артиллерія была тяжела и не могла сопровождать войска въ гористой и пересѣченной мѣстности. Наконецъ, во внутреннемъ управленіи арміи, несмотря на всѣ строгости, принятыя въ царствованіе Павла I, господствовали большіе безпорядки и злоупотребленія. Однакоже въ боевомъ отношеніи наша армія, можно смѣло сказать, не уступала ни одной изъ европейскихъ. Блестящія войны царствованія Екатерины II создали цѣлый рядъ отличныхъ генераловъ и опытныхъ офицеровъ—участниковъ славныхъ дѣяній Румянцева и Суворова. Солдаты, посѣдѣлые въ рядахъ и закаленные въ безпрерывныхъ походахъ, отличались строгою дисциплиною и высокою способностью безропотнаго перенесенія усиленныхъ переходовъ и лишеній всякаго рода. Этому много способствовала та высокопоучительная система воспитанія войскъ, введенная Суворовымъ, которая справедливо заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія даже въ современную намъ эпоху. Въ арміи господствовали: суворовское воспитаніе, суворовскіе марши и, наконецъ, его знаменитыя поученія, вошедшія въ плоть тогдашняго солдата и офицера“ [2]).

Дѣйствія Суворова въ Италіи въ 1799 г. прославили и нашего полководца, и наши войска.

Въ апрѣлѣ 1799 г. Суворовъ съ союзными войсками разбиваетъ французовъ на р. Аддѣ. Они теряютъ 2,500 убитыми и ранеными, 5,000 чел. плѣнными и 27 орудій. 6 іюля Суворовъ одерживаетъ надъ ними побѣду при р. Тидоне [3]). Французы отступили за р. Треббію. Суворовъ, подтянувъ ближайшія войска, послѣ трехдневнаго боя, вынудилъ французовъ къ отступленію. Союзники потеряли до 5,000 чел. убитыми и ранеными. Потери французовъ были гораздо значительнѣе. Послѣ преслѣдованія французовъ изъ 35,000 чел., находившихся подъ начальствомъ Макдональда, осталась подъ ружьемъ лишь половина. Вся потеря французовъ при ихъ преслѣдованіи, убитыми, ране-

---

[1]) „Обзоръ войнъ Россіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней“, ч. I, стр. 120.

[2]) Тамъ же, стр. 122—123.

[3]) Въ этомъ бою у Суворова было 15,000; у союзниковъ къ концу боя 19,000. Французы потеряли до 1,000 убитыми и ранеными и 1,200 плѣнными. „Обзоръ войнъ“, ч. I, стр. 136.

ными, плѣнными и оставленными въ госпиталяхъ, составила до 1,800 чел.; кромѣ того они потеряли 6 пушекъ и 7 знаменъ.

Послѣ сдачи 17 іюля Мантуи, Суворовъ составилъ планъ движенія въ Ривьеру. Новый главнокомандующій французовъ Жуберъ самъ перешелъ въ наступленіе. 4 августа произошло сраженіе при Нови. У французовъ участвовало въ бою около 35,000 чел., у союзниковъ 51,000. Послѣ 16-часового кровопролитнаго боя французы были разбиты и отступили въ безпорядкѣ.

Союзники потеряли до 8,000 убитыхъ и раненыхъ. Французы, съ плѣнными, потеряли 11,000 чел. Трофеями союзниковъ были 39 орудій и 4 знамени.

Когда большая часть Италіи была въ рукахъ союзныхъ войскъ, Суворовъ получилъ изъ Вѣны увѣдомленіе о своемъ новомъ назначеніи: русскія войска должны были оставить сѣверную Италію и идти въ Швейцарію на соединеніе съ корпусомъ Римскаго-Корсакова.

„Политика, которой открыто держался императоръ Павелъ, шла въ разрѣзъ съ тайными желаніями австрійскаго кабинета. Вступая въ коалицію, императоръ Павелъ имѣлъ въ виду только одну цѣль: ниспровергнуть могущество республиканскаго правительства Франціи и возстановить разрушенныя Франціею монархіи. Между тѣмъ, Австрія была заинтересована въ этой борьбѣ исключительно расчетомъ овладѣть всею Италіею; поэтому присутствіе русскихъ войскъ и русскаго генерала, главнокомандующаго всѣми союзными войсками, въ сѣверной Италіи, послѣ того, какъ послѣдняя оказалась во власти союзниковъ, служило главнымъ препятствіемъ къ осуществленію желаній Вѣнскаго двора. Съ другой стороны и Англія опасалась, чтобы Суворовъ не овладѣлъ Генуею и Россія не пріобрѣла въ свою пользу такую выгодную гавань въ Средиземномъ морѣ. Поэтому, при посредствѣ Англіи, дворами Петербургскимъ, Вѣнскимъ и Лондонскимъ былъ принятъ новый планъ дѣйствій противъ Франціи, который состоялъ въ слѣдующемъ:

1) „Всѣ русскія войска, бывшія на театрѣ войны, должны были сосредоточиться въ Швейцаріи подъ начальствомъ Суворова и дѣйствовать наступательно черезъ Франшъ-Контэ.

2) „Особый англо-русскій корпусъ предназначался для освобожденія Голландіи и, при помощи арміи эрцгерцога Карла, изгнанія французовъ изъ Бельгіи.

3) „Австрійскія арміи должны были дѣйствовать: одна, составленная изъ войскъ, находившихся въ Швейцаріи и Германіи, подъ начальствомъ эрцгерцога Карла, на нижнемъ и среднемъ Рейнѣ, а другая, подъ начальствомъ Меласа, въ сѣверной Италіи“ [1]).

Относительно этой новой для нашихъ войскъ задачи проф. Мышлаевскій дѣлаетъ такое заключеніе:

---

[1]) „Обзоръ войнъ Россіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней“ ч. I, стр. 162—163.

„Несмотря на громкія побѣды Суворова, скоро сказалась рознь во взглядахъ на преслѣдуемыя цѣли у насъ и у австрійцевъ. Эти послѣдніе, выдвинувъ впередъ монархическій принципъ, въ дѣйствительности намѣтили планъ „округленія границъ“. Суворовъ, наоборотъ, полагалъ, что онъ и впрямь предназначенъ возстанавливать попатпув-шіеся троны“ [1]).

Суворовъ, не зная мѣстности и не зная точно силъ и расположенія не только противниковъ, но и союзниковъ, составилъ планъ дѣйствій, который оказался невыполнимымъ. Собравшись у д. Таверны, Суворовъ, вмѣсто болѣе легкаго и безопаснаго движенія въ долину верхняго Рейна, приводившаго его въ связь съ корпусомъ Римскаго-Корсакова, выбралъ трудный путь отъ Беллинцоны черезъ перевалъ С. Готардъ въ долину р. Рейссы.

„На этомъ пути Суворову предстояло овладѣть съ боя С. Готардомъ и при дальнѣйшемъ наступленіи встрѣчать неимовѣрныя затрудненія въ мѣстности, на которой даже слабые отряды непріятеля могли остановить цѣлую колонну; этотъ путь у Альторфа упирается въ Люцернское озеро и далѣе дорога слѣдуетъ только по западному берегу озера; изъ долины р. Рейссы въ долину р. Линты ведутъ только горные перевалы черезъ снѣговые хребты. Ни русскія войска, ни самъ Суворовъ не были знакомы съ характеромъ предстоящаго театра войны; фельдмаршалъ не имѣлъ точныхъ свѣдѣній даже о силахъ непріятеля и о распредѣленіи ихъ; во всемъ онъ долженъ былъ руководствоваться указаніями австрійскаго генеральнаго штаба; этимъ и слѣдуетъ объяснить, что Суворовъ, вмѣсто направленія въ долину верхняго Рейна, рѣшился избрать движеніе черезъ С. Готардъ. Принятый имъ общій планъ дѣйствій заключался въ томъ, чтобы союзныя войска произвели одновременно наступленіе съ трехъ сторонъ: пока Суворовъ, съ помощью австрійской бригады Штрауха, будетъ пробиваться черезъ С. Готардъ и въ долину Рейссы, Линкенъ, Елачичъ и Готце (всего 20,000) должны были оттѣснить французовъ отъ Линты, а Корсаковъ (24,000)—перейти черезъ р. Линатъ. Суворовъ разсчитывалъ, что главныя силы французовъ, сосредоточенныя на сильной позиціи противъ войскъ Корсакова и угрожаемыя съ тылу движеніемъ русскихъ по долинѣ Рейссы, очистятъ эту позицію и отступятъ даже за р. Ааръ [2]).

Неудачи плана Суворова произошли потому, что австрійскіе отряды—Готце, Елачича и Линкена были разбиты ранѣе, чѣмъ въ занятые ими районы явился съ своими войсками Суворовъ.

Силы противниковъ были приблизительно равныя. Быстро двинувшись къ С. Готарду, Суворовъ разсчитывалъ разбить правое крыло

[1]) Проф. Мышлаевскій „Двѣ катастрофы. Суворовъ въ Швейцаріи; Петръ I на р. Прутѣ“, стр. 55.

[2]) Г. Лееръ „Обзоръ войнъ Россіи отъ Петра Великаго и до нашихъ дней“. Ч. I, стр. 168—169.

французовъ, въ чемъ ему должны были помогать австрійскіе отряды. Затѣмъ, соединившись съ австрійскими войсками гдѣ-либо около Гларуса, предполагалась совмѣстная съ войсками Римскаго-Корсакова атака главныхъ силъ французовъ.

Замедленіе въ доставкѣ австрійцами продовольствія, которое они обязались выставить, заставило Суворова потерять 6 дней.

Весь швейцарскій походъ Суворова длился 14 дней (съ 13 по 26 октября). 13 сентября наши войска овладѣваютъ С. Готардомъ, 14-го берутъ Чортовъ мостъ, 15-го выбиваютъ французовъ изъ долины Рейссы, 16-го послѣ труднаго перехода черезъ перевалъ Росштокъ русскія войска переходятъ въ долину Муттена и приближаются къ Швицу—пункту, гдѣ предположено было соединеніе съ австрійскими войсками. Но соединеніе не могло произойти, потому что корпусъ Римскаго-Корсакова уже былъ разбитъ [1]), Готце разбитъ, Линкенъ и Елачичъ отступили. Французы, занявъ Швицъ и долину Рейссы, окружаютъ войско Суворова. Положеніе было критическое, и только Суворовъ могъ выйти изъ него, рѣшившись пробиться на перевалъ Гларисъ и далѣе выйти на с. Илапцъ.

„Путь, по которому двигались русскіе, былъ еще труднѣе, чѣмъ всѣ прежніе; недалеко отъ Эльма начинается крутой подъемъ на снѣговой хребетъ, и тропинка отъ продолжительнаго ненастья сдѣлалась едва проходимою. При началѣ подъема войска вязли въ грязи и чѣмъ выше они поднимались, тѣмъ круче шла тропинка, а выпавшій снѣгъ и поднявшаяся мятель совсѣмъ запесли дорогу. Проводники разбѣжались, и каждый солдатъ долженъ былъ самъ пробивать себѣ дорогу.

„Никакими словами нельзя передать всего, что вытерпѣли русскія войска на этомъ ужасномъ переходѣ: всѣ безъ различія—солдаты, офицеры, генералы, были босы, голодны, изнурены, промочены до костей. Каждый невѣрный шагъ стоилъ жизни.

„Много людей и до 300 вьюковъ погибло въ безднѣ, бывшія при арміи орудія пришлось бросить, по невозможности везти ихъ. Цѣлый день тянулись войска черезъ хребетъ, и къ ночи только авангардъ Милорадовича, съ частью вьюковъ, успѣлъ спуститься къ Паниксу. Остальныя войска едва дошли до вершины хребта и провели ночь въ томъ положеніи, въ какомъ были застигнуты темнотою. Къ довершенію бѣдствія, въ продолженіе ночи сдѣлалась такая стужа, что многіе солдаты замерзли на вершинѣ горы; отъ этого дорога сдѣлалась скользкою и движеніе еще болѣе затруднилось.

„Только къ полуночи, 26 сентября, всѣ войска успѣли собраться къ Паниксу и, послѣ непродолжительнаго привала, двинулись къ Илапцу. Здѣсь русскіе спокойно отдохнули на ночлегѣ, а на слѣдующій день перешли въ Куръ, гдѣ нашли изобильные запасы продо-

---

[1]) Корпусъ Корсакова подъ Цюрихомъ потерялъ плѣнными 5.200 чел., 9 знаменъ и 26 орудій.

вольствія. Черезъ два дня отдыха армія Суворова двинулась внизъ по долинѣ Рейна и 1 октября достигла Фельдкирха, вблизи котораго и расположилась лагеремъ.

„Такъ окончился знаменитый швейцарскій походъ. Изъ 20,000 русскихъ войскъ дошли до Иланца менѣе 15,000 и тѣ были въ крайнемъ разстройствѣ. Армія Суворова, даже послѣ соединенія съ остатками корпуса Римскаго-Корсакова, должна была отказаться отъ всякихъ наступательныхъ дѣйствій противъ французовъ, и единственная цѣль, которою могъ задаться теперь Суворовъ, состояла въ устройствѣ и сбереженіи разстроенныхъ войскъ.

„Такимъ образомъ, цѣль войны не была достигнута: французы, вмѣсто пораженія, одержали въ Швейцаріи полный успѣхъ и овладѣли всею страною.

Несмотря на такую неудачу, швейцарскій походъ арміи Суворова относится къ числу самыхъ славныхъ подвиговъ военной исторіи всѣхъ народовъ. Русскія войска, совершенно непривычныя къ горной войнѣ, дурно снаряженныя и не обезпеченныя даже продовольствіемъ, преодолѣваютъ страшныя естественныя преграды, выдерживаютъ ежедневно бои и, наконецъ, пробиваются черезъ окружившаго со всѣхъ сторонъ непріятеля. Но что важнѣе всего,—при всѣхъ этихъ тяжелыхъ условіяхъ русскіе ни разу не измѣнили своему долгу: ни ропота, ни унынія не было слышно въ ихъ рядахъ; безропотно карабкались они по страшнымъ крутизнамъ, подвергались вьюгамъ и мятелямъ, проводили безъ костровъ холодныя ночи на снѣговыхъ вершинахъ, довольствовались кускомъ сухаря для утоленія голода. Несмотря на это, неудержимо рвались они въ бой, преодолѣвали и мѣстныя преграды, и упорство привыкшаго къ дѣйствіямъ въ горахъ храбраго противника“ [1]).

На родинѣ Суворова ждалъ другой ударъ—немилость Павла I и критика завистниковъ. Потрясенный послѣдними испытаніями организмъ Суворова не выдерживаетъ и герой умираетъ.

Дѣйствія русско-англійскихъ войскъ въ томъ же году въ Голландіи тоже не были удачны.

Въ сраженіи подъ Бергеномъ, 8 сентября 1799 года, русскій корпусъ войскъ, силой 10,000 чел., потерпѣлъ серьезную неудачу. Потери русскихъ войскъ превысили убитыми и ранеными 3,000 чел. Мы потеряли 2 знамени и 12 орудій, взяли 2 французскихъ знамени и 1 орудіе [2]).

Павелъ I, совершенно разочаровавшись въ своихъ союзникахъ—Австріи и Англіи, разрываетъ съ ними всякія сношенія и отзываетъ русскія войска изъ Австріи и эскадру изъ Голландіи въ Россію.

---

[1]) Г. Лееръ „Обзоръ войнъ“, т. I, стр. 190—191.

[2]) Д. Милютинъ „Исторія войны Россіи съ Франціею въ 1799 году“, т. V, стр. 57.

Новымъ переворотомъ во Франціи власть сосредоточивается въ рукахъ геніальнаго Наполеона. Въ теченіе 1800 года французы наносятъ пораженія австрійцамъ и англичанамъ. Павелъ I черезъ посредство Пруссіи сближается съ первымъ консуломъ, посылаетъ въ Парижъ посла для заключенія мира и готовится къ войнѣ на этотъ разъ съ Англіею.

Въ декларацiи, которую Павелъ I сообщилъ державамъ, когда рѣшилъ отложиться отъ Австріи, между прочимъ значилось [1]):

„Опасное положеніе, въ которомъ находились Италія и Германія въ концѣ минувшаго столѣтія, перѣшимость Раштатскаго конгресса, заносчивость самозваннаго правительства французскаго, недостатокъ единодушія между главнѣйшими державами европейскими, неувѣренность каждаго въ собственныя свои силы, наконецъ усиленныя просьбы Вѣнскаго двора, призывавшаго на помощь императора всероссійскаго, все это рѣшило его величество выдвинуть свои силы сухопутныя и морскія противъ врага общественнаго порядка. Въ то время между обоими императорами и королемъ великобританскимъ царствовало самое единодушное согласіе; всѣ три союзника только и заботились о томъ, какъ достигнуть благой цѣли; не было и рѣчи о пріобрѣтеніяхъ или вознагражденіяхъ. Идти впередъ, освободить Францію, сохранить ее неприкосновенно въ томъ положеніи, въ какомъ она была до революціи, возстановить тамъ монархическое правленіе и рѣшительнымъ ударомъ положить конецъ кровопролитной войнѣ — вотъ что предстояло союзу совершить; благодѣяніе цѣлаго міра было цѣлью его и возмездіемъ, а честь—руководителемъ его".

Принятіе Павломъ I 28 ноября 1798 года достоинства великаго магистра державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго повело къ тому, что островъ Мальта пріобрѣлъ выдающееся значеніе въ политическомъ отношеніи: „всякая держава, которая осмѣливалась владѣть Мальтою въ ущербъ правамъ великаго магистра, должна была вызвать противъ себя непримиримую вражду императора Павла I" [2]).

Когда англичане подняли въ 1800 году свой флагъ на островѣ Мальтѣ, Павелъ I приказалъ во всѣхъ россійскихъ портахъ наложить на англійскіе суда и товары „амбарго". Дальнѣйшее охлажденіе къ Англіи повело къ тому, что, сблизившись съ первымъ консуломъ, Павелъ, въ январѣ 1801 года, предписалъ атаману войска Донского Орлову произвести походъ въ Индію. Выступило 22,507 казаковъ при 12 единорогахъ и 12 пушкахъ.

Кончина въ началѣ 1801 года императора Павла I и восшествіе на престолъ императора Александра I остановили всѣ приготовленія Павла I къ войнѣ съ Англіею.

Въ томъ же 1801 году всѣ европейскія державы заключаютъ миръ.

---

[1]) Д. Милютинъ „Исторія войны Россіи съ Франціею въ 1799 г., т. V, стр. 312.

[2]) Н. Шильдеръ, т. I, стр. 195.

Въ войнѣ съ Франціею въ 1798—1799 годахъ нами было выставлено 110,000 чел. войска. Мы потеряли изъ нихъ убитыми и ранеными 34,000 и выбывшими изъ строя больными 16,000, всего 50,000 человѣкъ.

По мнѣнію Н. Шильдера, рыцарское, безкорыстное, въ мальтійскомъ духѣ, вмѣшательство Павла I въ европейскія дѣла привело только къ упроченію чужихъ выгодъ за счетъ Россіи [1]).

Своимъ вмѣшательствомъ въ французскія дѣла въ 1798—1799 гг. Россія, такимъ образомъ, совершенно не достигла поставленныхъ ею цѣлей. Франція не только не была побѣждена съ водвореніемъ въ ней прежняго порядка управленія (Бурбоновъ), но только усилилась. Наконецъ, эта война не только не сблизила насъ съ нашими союзниками, но поссорила съ ними.

Повторился въ общемъ тотъ же результатъ, что и послѣ вмѣшательства нашего въ дѣла Австріи и Пруссіи въ Семилѣтнюю войну. Но этихъ двухъ серьезныхъ уроковъ было очевидно еще мало для Россіи. Уже черезъ нѣсколько лѣтъ мы снова стараемся, опять рука объ руку съ Австріею, побѣдить Францію.

---

[1]) Н. Шильдеръ, т. I, стр. 197.

ГЛАВА XXI.

Вмѣшательство Россіи въ чужія дѣла въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.

(Продолженіе).

Участіе Россіи, въ цѣляхъ общеевропейской политики, въ войнѣ Австріи и Пруссіи съ Франціею въ 1805 — 1807 годахъ. Борьба съ Наполеономъ внутри Россіи въ 1812 году (схема № 16).

Вступленіе въ 1801 году на престолъ императора Александра I положило конецъ планамъ императора Павла I. Прежде всего были возстановлены дружескія отношенія съ Англіею. Донскіе казаки, двигавшіеся въ Индію, были возвращены домой. Съ англійскихъ судовъ было снято „амбарго“ и имущество англійскихъ купцовъ освобождено отъ секвестра.

Англійскій флотъ, прорвавшійся черезъ Зундъ и приблизившійся къ Ревельскому порту, удалился, и 5 іюня 1801 года была заключена съ Англіею конвенція о взаимной дружбѣ.

Въ апрѣлѣ послѣдовалъ указъ о снятіи мальтійскаго креста съ русскаго государственнаго герба и приказано не включать болѣе въ календаряхъ Мальту въ число русскихъ городовъ.

Присланный Бонапартомъ въ Петербургъ съ поздравленіемъ Дюрокъ встрѣтилъ предупредительный и радушный пріемъ.

Въ трудѣ Н. Шильдера относительно пріема Дюрока имѣются слѣдующія строки:

„По разсказу князя Чарторижскаго, Александръ былъ въ восхищеніи, увидавъ, наконецъ, французовъ пресловутой революціи, которыхъ онъ считалъ еще республиканцами; государь взиралъ на нихъ съ любопытствомъ и участіемъ; онъ столько наслышался про нихъ, такъ часто о нихъ думалъ! И онъ, и великій князь Константинъ испытывали живѣйшее удовольствіе, именуя ихъ въ разговорѣ: „citoyen“, названіе, которымъ—какъ полагалъ Александръ — они гордились. Но это привѣтствіе оказалось вовсе не по вкусу посланцамъ Бонапарта, и они вынуждены были нѣсколько разъ протестовать, что во Франціи болѣе не принято именоваться гражданами, прежде чѣмъ Александръ и братъ его перестали чествовать ихъ такимъ образомъ [1]).

---

[1]) Н. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, томъ II, стр. 56—57, изд. 1897 г.

Итакъ, запрещеніе Павла I произносить слово „гражданинъ“ было отмѣнено къ неудовольствію французовъ, прибывшихъ въ 1801 году въ Петербургъ.

Графъ Морковъ, замѣнившій въ Парижѣ Колычева, получилъ широкія полномочія по веденію переговоровъ.

„Съ Талейраномъ графъ Морковъ сговорился довольно скоро, и 26 сентября (8 октября) 1801 года подписанъ былъ мирный договоръ съ Франціею, къ которому присоединили секретную конвенцію, помѣченную какъ бы совершенною двумя днями позже, т. е. 28 сентября (10 октября).

На основаніи заключеннаго договора Франція и Россія предоставили себѣ право, съ обоюднаго согласія, распредѣлить земли, которыми будутъ вознаграждены князья, потерявшіе владѣнія на лѣвомъ берегу Рейна, устроить дѣла въ Италіи, вознаградить короля сардинскаго, курфюрста баварскаго, герцога виртембергскаго и маркграфа баденскаго, Россія приняла на себя посредничество для возстановленія мира между Франціею и Оттоманскою Портою; затѣмъ другія постановленія касались Египта, Іоническихъ острововъ и проч.“ [1]).

Россія этимъ договоромъ принимала на себя роль, которая могла вызвать противъ нея общій походъ.

Но у Александра I уже копилось неудовольствіе на перваго консула, которое особенно усилилось, когда Наполеонъ въ 1802 году былъ объявленъ пожизненнымъ консуломъ.

„Завѣса упала,—писалъ Александръ Лагарпу,—онъ самъ лишилъ себя лучшей славы, какой можетъ достигнуть смертный и которую ему оставалось стяжать,—славы доказать, что онъ безъ всякихъ личныхъ видовъ работалъ единственно для блага и славы своего отечества, и, пребывая вѣрнымъ конституціи, которой онъ самъ присягалъ, сложить черезъ десять лѣтъ власть, которая была въ его рукахъ. Вмѣсто того онъ предпочелъ подражать дворамъ, нарушивъ вмѣстѣ съ тѣмъ конституцію своей страны. Нынѣ это знаменитѣйшій изъ тирановъ, какихъ мы находимъ въ исторіи“ [2]).

Въ 1803 году прервались мирныя отношенія между Англіею и Франціею.

Казнь герцога англійскаго и провозглашеніе Наполеона императоромъ ускорили образованіе противъ Франціи коалиціи европейскихъ государствъ, и иниціаторомъ этой коалиціи является Александръ I.

Какія же выгоды могла извлечь Россія въ этой затѣваемой ею борьбѣ? Какія цѣли хотѣлъ преслѣдовать Александръ I?

Изслѣдованія Н. Шильдера даютъ этому важному вопросу неожиданное освѣщеніе: оказывается, что Александра I подталкивалъ на европейскую войну полякъ Чарторижскій *съ цѣлью возстановленія нем-*

---

[1]) Н. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, томъ II, стр. 63, изд. 1897 г.

[2]) Тамъ же, стр. 117—118, изд. 1897 г.

висимой Польши. Австрія, Англія и Швеція примкнули къ коалиціи, но Пруссія энергично противилась этому. Война стала неизбѣжною, и предполагалось, что Пруссію придется силою заставить примкнуть къ коалиціи.

Осенью 1805 года общее распредѣленіе русскихъ вооруженныхъ силъ было слѣдующее: 50,000 чел., сосредоточенныхъ около Радзивилова, подъ начальствомъ генерала Кутузова, должны были слѣдовать черезъ Галицію въ Баварію на соединеніе съ австрійскими войсками; 90,000 чел., собранныхъ у Гродны и Брестъ-Литовска, подъ начальствомъ Михельсона, предназначались для дѣйствій противъ Пруссіи [1]): 16,000 чел. были отправлены изъ Кронштадта въ Стральзундъ, чтобы угрожать Пруссіи съ сѣвера; на молдавской границѣ былъ расположенъ резервный корпусъ, силою въ 15,000 чел.; 20,000 чел., находившихся на Іоническихъ островахъ, предполагалось перевезти моремъ въ Неаполь для дѣйствій въ Италіи.

Такая разбросна силъ и многочисленность задачъ и предметовъ для дѣйствій не предвѣщали хорошаго результата.

Въ сентябрѣ 1805 года былъ объявленъ рекрутскій наборъ. Въ указѣ сенату о наборѣ побудительныя причины къ войнѣ были изложены такъ:

„Среди происшествій, покой Европы столь сильно возмутившихъ, не могли мы взирать равнодушно на опасности, ей угрожающія. Безопасность имперіи нашей, достоинство ея, святость союзовъ *и желаніе, единственную и непремѣнную цѣль нашу составляющее, водворить въ Европѣ на прочныхъ основаніяхъ миръ* рѣшили насъ двинуть нынѣ часть войскъ нашихъ за границу и сдѣлать къ достиженію намѣренія сего новыя усилія“ [2]).

Въ этомъ указѣ совершенно гласно очередною задачею для Россіи ставилась забота не о своихъ, а о чужихъ дѣлахъ.

Въ частности, чтобы обезпечить успѣхъ вмѣшательства во французскія дѣла, Россія готовилась начать войну съ Пруссіею.

Внутри Россіи не было ни спокойствія, ни достатка. Всѣ окраины, присоединенныя въ XVIII столѣтіи къ Россіи, нуждались въ твердой національной работѣ; русское племя, вынесшее на своихъ плечахъ сборъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій русскаго государства, начинало ослабѣвать,—и вотъ, вмѣсто мирной, плодотворной работы, Россію приглашаютъ нести новыя жертвы для водворенія въ Европѣ мира „на прочныхъ началахъ“.

Прошло съ тѣхъ поръ сто лѣтъ, а вредныя послѣдствія этого вмѣшательства еще не исчезли; „прочнаго“ мира въ Европѣ еще не водворено, а русское племя въ началѣ XX столѣтія является уже въ

---

[1]) Чарторижскій признавалъ войну съ Пруссіею необходимою (П. Шильдеръ, томъ I, стр. 122).

[2]) П. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, томъ II, стр. 125, изд. 1897 г.

значительной степени порабощеннымъ населеніемъ тѣхъ окраинъ, прикрѣпленіе которыхъ къ Россіи, за заботами въ XIX столѣтіи о „благоденствіѣ“ европейскихъ государствъ, было неблагоразумно отложено до XX столѣтія.

До разрыва съ Пруссіею дѣло однако не дошло. 22 октября 1805 года была подписана въ Потсдамѣ конвенція, по которой Пруссія присоединилась къ коалиціи цѣною обѣщанія Россіи „употребить всѣ старанія, чтобы утвердить за Пруссіею обладаніе Ганновером, подчиненнымъ въ то время Англіи“.

„Такимъ образомъ, присоединеніе Пруссіи къ коалиціи окончательно лишало ее значенія „подвига безкорыстія“, которое силился придать ей императоръ Александръ. Предпринятая, во имя началъ права и справедливости, война монархической Европы съ Франціею обращалась просто-напросто въ борьбу изъ-за своекорыстныхъ выгодъ самихъ участниковъ коалиціи, за исключеніемъ, разумѣется, Россіи“ [1]).

При посѣщеніи Потсдама Александромъ I:

„Въ одиннадцать часовъ оба монарха и королева Луиза встали изъ-за стола; въ полночь они спустились въ склепъ, освѣщенный свѣчами. Подъ вліяніемъ душевнаго волненія Александръ прикоснулся устами къ славному гробу, поцѣловалъ его, протянулъ руку королю и королевѣ и поклялся имъ и королевскому дому въ вѣчной дружбѣ, залогомъ которой будетъ освобожденіе Германіи“ [2]).

Въ это время Наполеонъ, перейдя въ наступленіе, нанесъ австрійцамъ рѣшительный ударъ, взявъ въ плѣнъ ихъ армію въ Ульмѣ.

Быстрое занятіе Наполеономъ Вѣны и движеніе отъ Вѣны къ Цнаймъ поставило войска Кутузова въ критическое положеніе. Только благодаря самоотверженному бою арьергарда кн. Багратіона подъ Шенграбеномъ [3]), Кутузовъ успѣлъ отступить въ Моравію, гдѣ, соединившись съ войсками Буксгевдена, сосредоточилъ впереди Ольмюца армію въ 86,000 чел., въ томъ числѣ лишь 14,000 австрійцевъ.

„6 (18) ноября императоръ Александръ прибылъ въ Ольмюцъ: онъ встрѣтилъ здѣсь обстановку далеко не радостную. Свидѣтель и участникъ печальныхъ событій 1805 года, графъ Ланжеронъ, пишетъ по этому поводу: „Я былъ пораженъ, подобно всѣмъ прочимъ генераламъ, холодностью и глубокимъ молчаніемъ, съ которыми войска встрѣтили императора“. Разгадка этого отсутствія радостнаго воодушевленія была весьма простая. Войска голодали, не имѣли сапогъ: проявился упадокъ духа, и стала замѣтна нѣкоторая распущенность. Кромѣ того, это обстоятельство разстроило добрыя отношенія къ союзникамъ. Не получая ничего закупнымъ образомъ, солдаты, претерпѣ-

---

[1]) Н. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, томъ II, стр. 131—132, изд. 1897 г.

[2]) Тамъ же, стр. 132, изд. 1897 г.

[3]) Чудное описаніе этого боя составляетъ одну изъ выдающихся страницъ труда Л. Толстого „Война и миръ“ т. I, стр. 275—338, изд. 1873 г.

вая во всемъ крайнюю нужду, стали по необходимости прибѣгать къ грабежамъ и опустошеніямъ. Такіе безпорядки развивали взаимную вражду и положили начало непріязни къ австрійскимъ властямъ. Вслѣдствіе этого среди войскъ двухъ союзныхъ армій зарождался антагонизмъ, который вскорѣ дошелъ до открытаго обвиненія австрійцевъ въ измѣнѣ [1])".

Просто не хочется вѣрить впечатлѣнію очевидца. Но если сообщаемый Ланжерономъ фактъ вѣренъ, то огромное разстройство, въ которое пришли многія части войскъ въ Аустерлицкомъ сраженіи, объясняется нравственнымъ состояніемъ войскъ и зародившимся среди нихъ сознаніемъ, что ими жертвуютъ для какой-то чуждой для нихъ и Россіи цѣли.

Молодой императоръ самонадѣянно сталъ распоряжаться дѣйствіями арміи, не спявъ въ то же время начальствованія съ Кутузова. Этотъ послѣдній, когда увидѣлъ, что мнѣніе его о необходимости дальнѣйшаго отступленія не было принято, не имѣлъ достаточно гражданскаго мужества и энергіи, чтобы просить уволить его отъ главнаго командованія (оставшись въ рядахъ простыхъ бойцовъ).

Выжидательный способъ дѣйствій былъ необходимъ и потому, что уже приближалась къ Дунаю армія эрцгерцога Карла—80,000 чел. и Пруссія готовилась объявить войну Наполеону, выставивъ тоже 80,000 чел. Собрались такимъ образомъ тройныя противъ Наполеона силы.

Иначе смотрѣли на дѣло въ императорской квартирѣ, гдѣ болѣе всего опасались, какъ бы Наполеонъ не уклонился отъ боя. По плану австрійца Вейротера, наша армія начала исполнять сложный маневръ обхода Наполеона съ цѣлью отрѣзать его отъ Вѣны.

Для исполненія этого плана приходилось произвести по открытой мѣстности трехдневный фланговый маршъ въ разстояніи одного перехода отъ непріятеля. Такой маршъ сразу обнаружилъ Наполеону наши намѣренія [2]).

Быстро сосредоточивъ свои войска, Наполеонъ перешелъ въ наступленіе, прорвалъ ослабленный центръ расположенія русскихъ и нанесъ имъ рѣшительное пораженіе подъ Аустерлицемъ.

Интересенъ разговоръ наканунѣ боя Наполеона съ кн. Долгоруковымъ, приведенный у Н. Шильдера. Въ отвѣтъ на присылку Наполеономъ Савари съ предложеніемъ перемирія и свиданія, Александръ I отклонилъ предложенное свиданіе и послалъ для переговоровъ своего любимца. генер.-адъютанта кн. Долгорукова. Наполеонъ впослѣдствіи жаловался, что этотъ посланный говорилъ съ нимъ, какъ съ боярином, котораго собираются сослать въ Сибирь.

---

[1]) Н. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе", т. II, стр. 132—134, изд. 1897 г.

[2]) „Обзоръ войнъ", т. I, стр. 221.

„Разспросивъ о здоровьѣ императора Александра, Наполеонъ сказалъ: „Долго ли намъ воевать? Чего хотятъ отъ меня? За что воюетъ со мною императоръ Александръ? Чего требуетъ онъ? Пусть онъ распространяетъ границы Россіи на счетъ своихъ сосѣдей, особенно турокъ, тогда всѣ споры его съ Франціей кончатся". Князь Долгоруковъ сдѣлалъ видъ, что слушаетъ Наполеона съ отвращеніемъ, и отвергъ сдѣланныя имъ предложенія, какъ несовмѣстныя съ характеромъ императора Александра, не желавшаго завоеваній и вооружившагося только для защиты независимости Европы, не питая никакой вражды противъ Франціи. Далѣе Долгоруковъ говорилъ, что императоръ не можетъ равнодушно взирать на занятіе французами Голландіи, на бѣдствія, постигшія сардинскаго короля, не получившаго вознагражденія, обѣщаннаго ему договорами. - *„Россіи надо слѣдовать совсѣмъ другой политикѣ, — отвѣтилъ Наполеонъ, — и помышлять о своихъ собственныхъ выгодахъ"* [1]).

Собранныя для боя войска Наполеона составили 93 бат. и 121 эск., силою до. 74,000 человѣкъ.

Союзныя войска состояли изъ 106 бат. и 132 эскадроновъ (кромѣ гвардіи), численностью около 90,000 человѣкъ.

Быстрое занятіе Наполеономъ подъ Аустерлицемъ Працепскихъ высотъ привело къ прорыву нашего центра и поставило нашу армію въ тяжелое положеніе. Всѣ попытки овладѣть обратно высотами не имѣли успѣха. Поставивъ сильныя батареи на занятыхъ имъ высотахъ, Наполеонъ перешелъ въ рѣшительное наступленіе противъ нашихъ разобщенныхъ фланговъ. Бой окончился самымъ безпорядочнымъ отступленіемъ значительной части нашихъ войскъ.

Въ бою подъ Аустерлицемъ русскія войска потеряли 21,000 чел., 130 орудій и 30 знаменъ; австрійцы потеряли 6,000 чел. и 25 орудій. Убыль французовъ простиралась всего до 12,000 чел.

Послѣ этого рѣшительнаго боя военныя дѣйствія прекратились. 22 ноября состоялось свиданіе австрійскаго императора Франца съ Наполеономъ, и заключено было перемиріе съ требованіемъ удаленія русскихъ войскъ съ австрійской территоріи.

12 декабря Австрія заключила тягостный и унизительный для нея Пресбургскій договоръ, по которому потеряла Венецію и Тироль.

Русскія войска вышли изъ австрійскихъ предѣловъ съ потерею въ 25,000 чел. убитыми и ранеными. Это были совершенно безполезныя жертвы, ибо наше вмѣшательство въ дѣла Австріи и Франціи въ 1805 году не принесло пользы нашей союзницѣ и только вызвало взаимное между союзниками раздраженіе, доходившее до обвиненія Австріи въ измѣнѣ.

---

[1]) П. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе", томъ II, стр. 136, изд. 1897 г.

Этотъ урокъ не былъ однако достаточенъ для русскаго правительства. Потерпѣвъ неудачу по вмѣшательству въ австрійскія дѣла, Александръ I тотчасъ принимаетъ мѣры къ вмѣшательству въ дѣла прусскія.

Письмомъ къ королю прусскому Фридриху-Вильгельму Александръ I отдавалъ въ его распоряженіе два корпуса русскихъ войскъ.

Посланный къ королю ген.-ад. кн. Долгоруковъ сваливалъ всю вину на австрійцевъ и утверждалъ, что они желали во что бы то ни стало погубить нашу армію. Такія легкомысленныя заявленія, переданныя, конечно, австрійскому императору, не могли не поколебать довѣрія его къ своимъ бывшимъ союзникамъ. Не могла такая болтовня любимца государя не произвести неблагопріятнаго впечатлѣнія и на прусскаго короля.

Какъ бы то ни было, но представитель Пруссіи 3 декабря уже подписалъ оборонительный и союзный договоръ съ Франціею, „принявъ отъ нея въ даръ Ганноверъ“, принадлежавшій Англіи.

Но скоро между новыми союзниками—французами и пруссаками—возникло неудовольствіе и недоразумѣніе. Король прусскій требовалъ вывода французскихъ войскъ изъ Германіи и, въ виду отказа въ этомъ, началъ вооруженія. Наполеонъ указывалъ на враждебный характеръ этихъ вооруженій и отказывался передать Пруссіи Ганноверъ. Все это привело къ новому вооруженному столкновенію.

Началась извѣстная кампанія 1806 года. Легко разбивъ прусскія войска подъ Іеною и Ауэрштедтомъ, Наполеонъ быстро двинулся въ глубь страны. Малодушіе прусскихъ войскъ было проявлено въ нѣсколькихъ случаяхъ съ трудно объяснимою силою: сильныя крѣпости сдавались кавалерійскимъ частямъ.

15 октября 1806 года Наполеонъ торжественно вступилъ въ Берлинъ.

Въ эту тяжелую для пруссаковъ минуту императоръ Александръ I явился съ предложеніемъ своихъ услугъ.

„Долгомъ считаю вновь торжественно подтвердить вашему величеству, что, каковы бы ни были послѣдствія вашихъ великодушныхъ усилій, я никогда не откажусь отъ извѣстныхъ вашему величеству намѣреній. Будучи вдвойнѣ связанъ съ вашимъ величествомъ, въ качествѣ союзника и узами нѣжнѣйшей дружбы, для меня нѣтъ ни жертвъ, ни усилій, которыхъ я не совершилъ бы, чтобы доказать вамъ всю мою преданность дорогимъ обязанностямъ, налагаемымъ на меня этими двумя наименованіями... Соединимся же тѣснѣе, нежели когда-либо, пребудемъ вѣрны началамъ чести и славы и предоставимъ остальное Промыслу, который не преминетъ положить предѣлъ успѣхамъ узурпаціи и тиранніи, даруя торжество самому справедливому и прекрасному дѣлу“ [1]).

[1]) Н. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, т. II, стр. 154, изд. 1897 г.

Оказывалось, что для русскаго народа не должно быть ни жертвъ, ни усилій, чтобы оправдать сентиментальныя обѣщанія передъ гробомъ Фридриха II.

Быстрые успѣхи Наполеона вызвали чрезвычайныя усилія для увеличенія военныхъ силъ Россіи. Всѣ сословія государства были призваны къ пожертвованіямъ деньгами, хлѣбомъ и другими вещами. Общій размѣръ ополченій опредѣленъ въ 612,000 ратниковъ.

Для возбужденія въ населеніи патріотическихъ чувствъ Святѣйшему Синоду, на основаніи именного указа, приказано было черезъ духовенство каждый воскресный и праздничный день читать особое объявленіе Синода, въ которомъ перечислялись прегрѣшенія „пепстоваго врага мира и благословенныя тишины—Наполеона Бонапарте“.

„Его обвиняли въ томъ, что онъ дерзаетъ угрожать Россіи вторженіемъ въ ея предѣлы и потрясеніемъ православной церкви; что во время революціи онъ отложился отъ Христовой вѣры, воздавая поклоненіе, одному Богу подобающее, истукапамъ, человѣческимъ тварямъ, блудницамъ и идольскимъ изображеніямъ; что въ Египтѣ онъ пріобщился къ гонителямъ церкви Христовой, проповѣдывалъ алкоранъ Магометовъ, объявилъ себя защитникомъ мусульманъ, торжественно выказывалъ презрѣніе къ пастырямъ церкви Христовой, наконецъ, къ вящшему посрамленію оной, созвалъ во Франціи іудейскія синагоги, установилъ новый великій сангедринъ еврейскій, сей самый богопротивный соборъ, который нѣкогда дерзнулъ осудить на распятіе Спасителя, а теперь помышляетъ соединить іудеевъ, гнѣвомъ Божіимъ разсыпанныхъ по всей землѣ, подвинуть ихъ на ниспроверженіе церкви Христовой и, — „о, дерзость ужасная, превосходящая мѣру всѣхъ злодѣяній! — на провозглашеніе въ его лицѣ Мессіи“ [1]).

Н. Шильдеръ, приводя эту мѣру, пишетъ:

„Нельзя не удивляться искусству, съ которымъ извращалась въ этомъ объявленіи историческая обстановка данной минуты. Войну, предпринятую единственно ради спасенія погибавшей Пруссіи, чтобы не дать этому государству исчезнуть съ карты Европы, превращали въ народную войну, направленную противъ гонителя православной церкви, мечтавшаго провозгласить себя Мессіей. Въ виду подобныхъ чудовищныхъ замысловъ, приписываемыхъ Наполеону, призывъ ополченія дѣлался вполнѣ понятнымъ народу; но зато, когда впослѣдствіи война заключилась дружественнымъ договоромъ съ Франціею, послѣдній неизбѣжно получалъ въ глазахъ народной массы окраску какъ бы посягательства на вѣру и возбудилъ общее къ себѣ несочувствіе“ [2]).

Русскія войска перешли границу 22 октября. Бенигсенъ съ

[1]) Н. Шильдеръ „Императоръ Александръ I“, т. II, стр. 156, изд. 1897 г.

[2]) Тамъ же, стр. 157—158, изд. 1897 г.

60,000 при 276 орудіяхъ прибылъ къ Остроленкѣ 1 ноября, Буксгевденъ съ 40,000 при 216 орудіяхъ прибылъ туда же 22 ноября.

Единственно уцѣлѣвшій при прусской арміи корпусъ Лестока въ 14,000 чел. съ 92 орудіями былъ подчиненъ Бенигсену. Кромѣ того, у Бреста собрался къ началу декабря корпусъ Эссена въ 22,000 чел. при 132 ор. Всего въ нашей арміи, названной „заграничною", собралось 122,000 чел. при 624 орудіяхъ.

Война началась безъ общаго главнокомандующаго. Затѣмъ таковымъ назначили больного и престарѣлаго Каменскаго. Прибывъ къ арміи и прокомандовавъ всего семь дней, перепутавъ разныя распоряженія, Каменскій просилъ объ увольненіи его отъ должности и, не дождавшись разрѣшенія, уѣхалъ изъ арміи, назначивъ вмѣсто себя, какъ старшаго, Буксгевдена.

Потерявъ линіи Эльбы и Одера, союзники рѣшились попытаться задержать наступленіе Наполеона на линіи р. Вислы.

Бенигсенъ расположилъ свои главныя силы въ Пултускѣ. Отъ австрійской границы до Грауденца, на протяженіи 350 верстъ, до прибытія Буксгевдена было расположено 60,000 союзныхъ войскъ. Противъ нихъ Наполеонъ двинулъ еще въ октябрѣ 80,000 чел.

Въ ноябрѣ, послѣ капитуляціи Блюхера у Ротцау и сдачи крѣпости Магдебурга, Наполеонъ двинулъ еще 80,000 чел.

19 ноября, оттѣснивъ нашъ отрядъ, занимавшій Варшаву и Прагу, французы заняли эти пункты и утвердились на линіи р. Вислы.

Бенигсенъ отошелъ къ Остроленкѣ, но, видя, что его не преслѣдуютъ, возвратился къ Пултуску, куда 22 ноября прибылъ Буксгевденъ. 7 декабря пріѣхалъ въ Пултускъ и Каменскій. Наши авангарды были выдвинуты къ р. Вкрѣ. Съ переходомъ въ наступленіе французовъ, русскія передовыя войска, оказывая упорное сопротивленіе, отходили назадъ. Въ особенности замѣчательно арьергардное дѣло семи русскихъ баталіоновъ, подъ начальствомъ Остермана, у Чарнова противъ 40,000 французовъ: дрались 12 часовъ.

Сбитый съ толку безпорядочными передвиженіями нашихъ войскъ, исполнявшимися по приказу Каменскаго, Наполеонъ предположилъ, что сборъ главныхъ русскихъ силъ будетъ въ Голыминѣ, а онъ происходилъ въ Пултускѣ.

Съ отъѣздомъ Каменскаго Бенигсенъ рѣшился не исполнить ни приказанія Каменскаго отступить, ни приказанія подчиниться Буксгевдену. Вмѣсто отступленія рѣшено было вступить въ бой съ французскою арміею.

Всего на позиціи у Пултуска Бенигсенъ собралъ 66 бат., 50 эск., 5 каз. полковъ, силою 45,000 чел. и 114 орудій.

Утромъ 14 декабря передовой корпусъ французовъ, Ланна, уже атаковалъ наши войска, но былъ отбитъ. Прибывшая на подкрѣпленіе дивизія изъ корпуса Даву тоже была отбита.

Наши потери составили 3,500 человѣкъ. Потери, по французскимъ источникамъ, у французовъ 2,200 человѣкъ.

Бенигсенъ преувеличилъ побѣду и донесъ, что противъ него дѣйствовалъ лично Наполеонъ. Въ дѣйствительности, въ день боя у Пултуска, Наполеонъ съ главными силами своей арміи—корпусами Даву, Удино, Сульта, гвардіею и конницею Мюрата, ударилъ въ пустую противъ Голымина, гдѣ предполагалъ присутствіе главныхъ русскихъ силъ и гдѣ въ дѣйствительности находился лишь сборный отрядъ „изъ остатковъ разныхъ дивизій, блуждавшихъ въ разныхъ направленіяхъ, вслѣдствіе противорѣчившихъ одно другому приказаній Каменскаго“ [1]).

Несмотря на малочисленность нашихъ войскъ у Голымина, благодаря случайнымъ подкрѣпленіямъ, войска продержались до вечера и отступили послѣ боя на улицахъ селенія съ потерею до 1,000 чел

Бои у Пултуска, Голымина и Чарнова подняли духъ нашихъ войскъ и, вмѣсто окруженія русской арміи, Наполеону пришлось ограничиться оттѣсненіемъ ея на незначительное разстояніе.

Французская армія, силою до 150,000 чел., стала въ декабрѣ на квартирахъ отъ Варшавы до нижней Вислы.

Назначенный главнокомандующимъ Бенигсенъ рѣшилъ продолжать военныя дѣйствія зимою. Располагая 107,000 чел., онъ предложилъ передвинуться скрытно къ нижней Вислѣ, разбить по частямъ разбросанные корпуса Наполеона, открыть сообщеніе съ Данцигомъ и освободить Грауденцъ отъ обложенія. Затѣмъ, утвердясь на нижней Вислѣ, угрожая пути отступленія французовъ, разсчитывалось, путемъ маневровъ, заставить Наполеона отступить.

Но при исполненіи этого плана, признаваемаго нашими историками очень удачнымъ, были сдѣланы промахи (потеря времени), которые повели къ тому, что отдѣльно расположенные корпуса Нея и Бернадота отступили благовременно.

Получивъ донесенія о наступленіи русской арміи въ направленіи къ нижней Вислѣ, Наполеонъ составилъ планъ завлечь демонстраціями наши войска возможно ближе къ нижней Вислѣ и затѣмъ, быстро собравъ армію, ударить на лѣвый флангъ русской арміи, отрѣзать ее отъ Россіи и отбросить къ морю или къ нижней Вислѣ.

Дубликатъ распоряженія Наполеона къ Бернадоту къ счастью попался въ руки нашихъ гусаръ и былъ доставленъ Бенигсену. Узнавъ планъ Наполеона, Бенигсенъ быстро собралъ армію у Янкова [2]).

Послѣ довольно упорнаго боя въ окрестностяхъ этого пункта, наша армія отступила по направленію къ Прейсишъ-Эйлау (70 верстъ). За весь трехдневный маршъ наши арьергарды Багратіона и Барклая-де-Толли вели упорные бои. Подъ Прейсишъ-Эйлау Бенигсенъ, неожиданно для Наполеона, рѣшился принять генеральное сраженіе

---

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. I, стр. 269.

[2]) Между Эльбингомъ (у Фришъ-Гафа) и Алленштейномъ на р. Алле.

27 января. Вслѣдствіе этой неожиданности, два корпуса изъ арміи Наполеона (Нея и Даву) въ день боя оказались удаленными—одинъ на 14 верстъ, другой на 10 верстъ отъ поля сраженія. Корпусъ Бернадота былъ удаленъ еще болѣе.

Сила нашей арміи на позиціи у Прейсишъ-Эйлау составила 132 бат., 145 эск. при 250 орудіяхъ, всего съ прусскимъ корпусомъ Лестока до 70,000 чел.

У Наполеона, считая и корпуса Нея и Даву, могло быть собрано тоже до 70,000.

Погода въ день боя была ясная, съ морозомъ въ 3—4 градуса.

Въ первый періодъ боя, благодаря случайности—налетѣвшей мятели (продолжавшейся всего полчаса), корпусъ Ожеро сбился съ назначеннаго ему направленія, вышелъ однако на центръ русской позиціи и былъ почти уничтоженъ на глазахъ всѣхъ французскихъ войскъ. Атаки 73 эскадроновъ французской конницы не могли выручить Ожеро [1]).

Въ началѣ 12-го часа подошли войска Даву, и начался упорный бой. Одно время нашъ лѣвый флангъ былъ въ большой опасности По прибытіе корпуса Лестока, направленнаго противъ растянувшагося Даву, измѣнило участь боя: Даву былъ отброшенъ.

Всѣ находившіяся на полѣ сраженія войска были введены Наполеономъ въ бой (кромѣ гвардіи). Но неприбытіе корпусовъ Нея и Бернадота повело къ тому, что участь боя до ночи осталась не рѣшенною, и русскіе сохранили почти всѣ свои позиціи.

Упорство боя видно изъ потерь. Наши потери простирались до 26,000 чел. убитыхъ и раненыхъ. Французы потеряли до 25,000 чел.

У французовъ взято 5 орловъ. Мы не потеряли ни одного знамени.

Получивъ донесенія отъ командировъ, что въ арміи осталось всего до 30,000 чел., Бенигсенъ въ 10 ч. вечера приказалъ отступать.

Наполеонъ оставался на полѣ сраженія 9 дней, но затѣмъ тоже отошелъ къ Пассаргу, преслѣдуемый нашимъ авангардомъ и казаками Платова [2]).

По поводу упорства въ бою нашей арміи историкъ войны пишетъ: „Французская армія, въ 40 дней окружившая австрійскую армію Меласа у Маренго въ 1800 году, въ 26 дней окружившая и захватившая въ плѣнъ австрійскую же армію Макка подъ Ульмомъ въ 1805 г. и ровно въ *одинъ мѣсяцъ* сокрушившая прусскую армію въ 1806 году,—встрѣтила въ эту войну другую армію, борьба съ которою была не такъ легка, армію до крайности *стойкую* и *упорную*, война съ

[1]) При корпусѣ Ожеро не было артиллеріи. Когда мятель разсѣялась, корпусъ Ожеро въ компактной массѣ оказался въ непосредственной близости отъ нашей артиллеріи. 70 орудій засыпали корпусъ картечью, а сосѣднія части бросились въ штыки.

[2]) „Обзоръ войнъ“, ч. IV, стр. 292—307.

которою обращалась въ *рѣзню*. И дѣйствительно, наша армія отличалась въ эту войну замѣчательнымъ составомъ. При тогдашнихъ продолжительныхъ срокахъ службы, она считала въ своихъ рядахъ много ветерановъ славной Екатерининской эпохи, временъ Потемкина, Румянцева и Суворова. Въ ней были и участники штурмовъ Очакова и Измаила, боевъ подъ Рымникомъ и Мачиномъ, штурма Праги, боевъ подъ Брестомъ и Маціовицами и славныхъ походовъ въ Италію и Швейцарію Суворова (участники послѣднихъ были изъ младшихъ солдатъ арміи Бенигсена). Они знали французовъ съ Адды, Треббіи и Нови и не опасались встрѣчъ съ ними. Духъ арміи былъ превосходенъ. Аустерлицкій погромъ, какъ тяжелый сонъ, какъ мимолетное бѣдствіе, успѣлъ уже исчезнуть изъ ряда славныхъ воспоминаній славнаго прошлаго“ [1]).

Тяжелое впечатлѣніе погрома подъ Аустерлицемъ дѣйствительно уже совершенно изгладилось.

Въ военныхъ дѣйствіяхъ послѣ Прейсишъ-Эйлау наступаетъ относительное затишье. Наполеонъ располагаетъ армію на зимнихъ квартирахъ и занимается осадою Данцига. Наша армія продвигается къ Кенигсбергу и тоже отдыхаетъ. Въ ней насчитывается не болѣе 50,000 чел. Части были очень ослаблены. Пѣхотные полки находились большею частью въ однобатальонномъ составѣ.

При преслѣдованіи французовъ казаки захватили свыше 2000 чел. плѣнныхъ.

Одна изъ главныхъ причинъ перерыва въ дѣйствіяхъ двухъ армій заключалась въ *недостаткѣ продовольствія*.

20 марта государь Александръ I прибылъ въ Полангенъ, куда на встрѣчу ему выѣхалъ Фридрихъ-Вильгельмъ.

23 марта государь Александръ I представилъ, близъ Юрбурга прусскому королю свою гвардію.

14 апрѣля окончились переговоры, результатомъ которыхъ было заключеніе особой конвенціи въ Бартенштейнѣ.

„Новый договоръ еще тѣснѣе сплотилъ союзъ Россіи съ Пруссіею, при чемъ цѣлью войны было провозглашено возвращеніе человѣчеству благодѣяній общаго и прочнаго мира, основаннаго на распредѣленіи владѣній, которое обезпечило бы ихъ за каждою державою подъ общимъ ихъ ручательствомъ. Не побѣдивъ еще Наполеона, союзники намѣревались, для утвержденія независимости Германіи, уничтожить Рейнскій союзъ, заставить Наполеона отвести свои войска за Рейнъ и основать въ Германіи конституціонную федерацію, подъ руководствомъ Австріи и Пруссіи. Въ случаѣ присоединенія Австріи и Англіи къ союзу имъ было обѣщано территоріальное расширеніе. *Россія за всѣ пожертвованія въ пользу общаго дѣла не выговаривала себѣ*

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. I, стр. 308—309, изд. 1885 г.

ничего; мало того, 12-ю статьею конвенціи еще провозглашалась независимость и цѣлость Оттоманской Порты. Высокія договаривавшіяся стороны, какъ сказано въ конвенціи, „не потерпятъ, чтобъ имъ былъ нанесенъ малѣйшій ущербъ". Любопытно, что въ договоръ могла быть включена подобная статья, если принять въ соображеніе, что Россія съ 1806 года состояла въ войнѣ съ Оттоманскою Портою. Вообще основаніемъ дѣйствій союзниковъ должны были служить: безкорыстіе, уваженіе собственности и умѣренность; руководствуясь подобными началами, полагали возможнымъ возвести такое прочное зданіе, которое не могло бы разрушиться при первомъ покушеніи потрясти его.

„Къ счастію для Россіи, другія державы не нашли для себя возможнымъ присоединиться къ конвенціи 14 (26) апрѣля и вступить въ предлагавшійся безкорыстный союзъ" [1]).

Нельзя не согласиться съ Шильдеромъ, что статья, гарантировавшая цѣлость Оттоманской имперіи, въ то время, когда мы были съ нею въ войнѣ, является совершенно необъяснимою.

С. Татищевъ въ своемъ трудѣ „Изъ прошлаго русской дипломатіи" даетъ слѣдующія разъясненія относительно конвенціи, заключенной въ Бартенштейнѣ:

„Удаленіе Чарторыйскаго и назначеніе министромъ иностранныхъ дѣлъ генерала барона Будберга хотя и видоизмѣнили нѣсколько направленіе политики императорскаго кабинета, но не въ національномъ смыслѣ. Мѣсто поляка-католика занялъ протестантъ-нѣмецъ, сближеніе съ Австріей замѣнилось тѣснымъ союзомъ съ Пруссіей; отложенъ былъ планъ возстановленія Польши, но цѣлью русскаго двора продолжало оставаться переустройство Европы „на началахъ права и справедливости". Въ этомъ отношеніи Бартенштейнская конвенція 1807 года представляетъ большое сходство съ такъ называемымъ „трактатомъ соглашенія" 1805 года. Та же заботливость о возстановленіи законнаго порядка въ Германіи, Италіи, Голландіи, Швейцаріи, объ усиленіи какъ Австріи, такъ и Пруссіи, и полное умолчаніе о существенныхъ интересахъ Россіи и о какомъ-либо вознагражденіи ея за жертвы, принесенныя „общему дѣлу" [2]).

Наполеонъ быстро разрушилъ эти платоническія мечтанія.

Усиленными мѣрами по пополненію и подкрѣпленію арміи, Наполеонъ, послѣ паденія Данцига, уже могъ располагать для наступательныхъ дѣйствій арміею въ 140,000 чел. пѣхоты и 30,000 чел. конницы.

Съ 1 мая 1807 года французы начали готовиться къ наступленію, съ цѣлью отбросить нашу армію отъ Кенигсберга къ Нѣману.

---

[1]) Н. Шильдеръ. „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе", томъ IV, стр. 166—167, изд. 1897 г.

[2]) С. Татищевъ „Изъ прошлаго русской дипломатіи", стр. 18, изд. 1890 г.

Наша армія тоже получила значительныя подкрѣпленія и укомплектованія и считала въ своихъ рядахъ до 105,000 чел. Армія была расположена довольно сосредоточенно.

29 мая произошелъ упорный бой на позиціи у Гейльсберга. У насъ было 70,000, у противника 50,000. Мы отбили всѣ атаки, но, какъ и при Прейсишъ-Эйлау, не перешли въ наступленіе, хотя обстановка тому благопріятствовала. Нашъ уронъ въ этомъ бою простирался до 8,000 чел., у французовъ до 12,000 чел.

2 іюня наша армія, сосредоточенная у Фридланда, приняла генеральный бой и потерпѣла рѣшительное пораженіе.

Армія была расположена на лѣвомъ берегу р. Алле, имѣя въ тылу рѣку и городъ. Въ первый періодъ боя французы ввели мало войскъ (Ланнъ, имѣя 12,600 чел., растянулъ ихъ преднамѣренно на 5 верстъ). Наполеонъ оцѣнилъ опасное положеніе нашей арміи, подтянулъ всѣ корпуса и въ 5 часовъ пополудни началъ общую атаку.

„Въ теченіе всего этого времени Бенигсенъ бездѣйствовалъ, хотя поставленные на Фридландской колокольнѣ офицеры неоднократно доносили ему о приближеніи сильныхъ непріятельскихъ колоннъ (то были корпуса Нея, Виктора и гвардія). Онъ видѣлъ, что минута для атаки уже безповоротно пропущена; но долго не рѣшался и отступать, находя, что честь нашего оружія не дозволяетъ намъ уступить непріятелю поле сраженія. Наконецъ, только въ исходѣ 5-го часа, Бенигсенъ разослалъ приказанія начать отступленіе. Только что войска кн. Багратіона приступили къ исполненію этого приказанія, какъ раздался троекратный залпъ 20-пушечной Постенской батареи,—сигналъ, по которому войска Нея двинулись въ атаку, и начался второй періодъ сраженія или—точнѣе—самое сраженіе“ [1]).

Но было уже поздно: послѣ упорнаго боя французы оттѣснили наши войска къ рѣкѣ, ворвались въ городъ и, когда часть нашихъ войскъ подошла съ боемъ къ мостамъ, то нашла ихъ уже сгорѣвшими.

Многія части войскъ сражались геройски. Прижатые къ рѣкѣ, „русскіе бросались въ рѣку, предпочитая лучше утопиться, чѣмъ сдаться въ позорный плѣнъ“. Особенно въ арьергардномъ бою отличился л.-гв. Павловскій полкъ [2]).

Отступленіе сдѣлалось безпорядочнымъ.

Послѣ боя подъ Фридландомъ наша армія продолжала поспѣшно отступать, вышла изъ предѣловъ Пруссіи, а 7 іюня перешла Нѣманъ и сожгла за собою мостъ. Въ тотъ же день Мюратъ занялъ Тильзитъ. Вся восточная Пруссія перешла въ руки французовъ. Между тѣмъ, наши потери подъ Фридландомъ составили всего 15,000 чел. и 16

[1]) „Обзоръ войнъ“, часть I, стр. 337, изд. 1885 г.

[2]) За Фридландъ Павловскому полку сохранены бывшія на людяхъ гренадерки. Изъ нихъ 532 были прострѣлены пулями.

орудій и при арміи въ 107,000 не были такъ значительны, чтобы требовалось быстрое отступленіе.

Но это отступленіе вызывалось разстройствомъ арміи (особенно въ командномъ составѣ) въ моральномъ отношеніи, при чемъ новая встрѣча съ французами грозила полнымъ разгромомъ нашихъ силъ.

12 іюня было заключено перемиріе, а 27 іюня Тильзитскій миръ.

„Наполеонъ протянулъ руку примиренія Россіи и не встрѣтилъ отказа со стороны императора Александра, поставившаго на этотъ разъ пользы и выгоды Россіи выше сохраненія цѣлости Пруссіи“ [1]).

Посылая князя Лобанова для веденія переговоровъ съ Наполеономъ, императоръ Александръ I снабдилъ его слѣдующимъ собственноручнымъ наставленіемъ:

„Вы засвидѣтельствуете императору Наполеону искреннюю мою благодарность за все, переданное по его порученію, и увѣрите его въ моихъ пожеланіяхъ, чтобы тѣсный союзъ (union étroite) между обоими нашими народами загладилъ прошедшія бѣдствія. Скажите ему, что этотъ союзъ Франціи съ Россіею постоянно былъ предметомъ моихъ желаній и что, по моему убѣжденію, одинъ только этотъ союзъ можетъ обезпечить счастіе и спокойствіе міра. Система совершенно новая должна замѣнить ту, которая существовала донынѣ, и я льщу себя надеждою, что мы съ императоромъ Наполеономъ легко сговоримся, если только станемъ переговариваться безъ посредниковъ (pourvu que nous traitions sans intermédiaires). Прочный миръ можетъ быть заключенъ между нами въ нѣсколько дней.

„Итакъ, переходъ Россіи къ новой политической системѣ былъ рѣшенъ въ умѣ государя; романтика уступила наконецъ мѣсто государственному эгоизму“ [2]).

Прусскій министръ Гарденбергъ, сопровождавшій императора Александра I и короля прусскаго, представилъ письменный проектъ переустройства Европы, который долженъ былъ лечь въ основаніе переговоровъ съ Наполеономъ.

Основанія проекта заключали въ себѣ раздѣлъ Турціи и возстановленіе Польши. За счетъ Турціи должны были наживаться всѣ главныя государства Европы. Россіи предполагалось отдать Молдавію, Валахію, Болгарію и Румелію. Австріи предназначалась Далмація, Боснія, Сербія, Малая Валахія. Король неаполитанскій получалъ Албанію и Іонническіе острова. Король сардинскій—Македонію. Франція получала Фессалію, Ливадію, Негропонтъ, Морею, Кандію и всѣ острова европейскаго архипелага. Англія получала Египетъ.

При возстановленіи Польши отъ Россіи отбирались земли, полученныя ею по третьему раздѣлу Польши съ бѣлорусскимъ и мало-

---

[1]) Н. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, т. II, стр. 174.

[2]) Тамъ же, т. II, стр. 178—179.

россійскимъ населеніемъ, и королемъ возстановленной Польши назначался саксонскій король.

По поводу этого проекта Н. Шильдеръ выражается такъ:

„Но русскій Богъ не допустилъ прусскаго дипломата совершить предположенное имъ неслыханное обездоленіе Россіи. Наполеонъ освободилъ императора Александра отъ пагубной прусской дружбы, и Россія снова вступила на путь прежней національной политики, завѣщанной имперіи славными преданіями Петра I и Екатерины II“ [1]).

По Тильзитскому миру король прусскій получилъ только часть изъ принадлежащихъ ему земель.

Изъ польскихъ областей, присоединенныхъ по раздѣламъ Польши къ Пруссіи, было образовано великое герцогство варшавское и отдано саксонскому королю. Россія тоже получила отъ своей союзницы Бѣлостокскую область [2]).

Императоръ Александръ I принималъ на себя посредничество въ примиреніи Англіи съ Франціею.

Кромѣ того, Россія должна была примкнуть къ такъ называемой „континентальной системѣ“, придуманной Наполеономъ въ 1806 году противъ Англіи. Прекращеніе, согласно этой системѣ, торговли съ Англіею должно было составить тяжелое бремя для нашего финансоваго положенія.

С. Татищевъ объясняетъ причины, побудившія императора Александра I заключить миръ въ Тильзитѣ, слѣдующимъ образомъ:

„Какъ ни разнообразны причины, побудившія императора Александра заключить миръ въ Тильзитѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнить всю свою политическую систему, не подлежитъ сомнѣнію, что въ числѣ ихъ было и убѣжденіе въ безплодности политики, которой онъ придерживался дотолѣ, истощая всѣ силы Россіи для защиты неблагодарныхъ и завистливыхъ союзниковъ, жертвуя имъ притомъ и нашими существеннѣйшими государственными интересами. Наполеонъ вѣрно опредѣлилъ это положеніе, сказавъ государю, что воевать имъ не изъ-за чего и что у Россіи, какъ и у Франціи, должна быть своя національная политика, слѣдуя коей, обѣ державы никогда не столкнутся. Прежніе союзники не допускали и мысли о расширеніи нашихъ владѣній, тогда какъ недавній противникъ самъ настоялъ на присоединеніи къ намъ Бѣлостокской области, а черезъ два года и Тарнопольскаго округа въ Галиціи“ [3]).

Отправленный Наполеономъ изъ Парижа въ Петербургъ генералъ Савари получилъ отъ него слѣдующее наставленіе:

„Я только что заключилъ миръ; мнѣ говорятъ, что я ошибся и буду обманутъ; но, говоря правду, довольно воевать, надо дать міру

---

[1]) Н. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, т. II, стр. 182, изд. 1897 г.

[2]) Половину населенія этой области составляли бѣлоруссы.

[3]) С. Татищевъ „Изъ прошлаго русской дипломатіи“, стр. 19, изд. 1890 г.

покой. Я, до избранія посла, намѣренъ послать въ Петербургъ васъ; я дамъ вамъ письмо къ императору Александру, которое замѣнитъ вѣрительную грамоту. Вы исполните тамъ мои порученія: помните только, что я не хочу войны съ кѣмъ бы то ни было, и пусть это послужитъ основаніемъ вашихъ дѣйствій... Если возможно скрѣпить союзъ мой съ этой страной и создать что-либо прочное въ этомъ отношеніи, ничѣмъ не пренебрегайте для достиженія этой цѣли. Вы видѣли, какъ я былъ обманутъ австрійцами и пруссаками; я довѣряю русскому императору, и между обоими народами нѣтъ ничего, что могло бы помѣшать полному ихъ сближенію; поработайте же для этого“ [1]).

Вмѣшательство Россіи въ дѣла Пруссіи и Франціи, какъ и вмѣшательство въ дѣла Австріи, не послужило къ пользѣ въ военномъ отношеніи нашей союзницѣ Пруссіи. Въ сущности русскія войска отстаивали земли прусскаго короля, но не могли отстоять ихъ и были вынуждены, послѣ Фридланда, отступить изъ предѣловъ Пруссіи. Уже дипломатическими переговорами въ Тильзитѣ Пруссія была возстановлена и династія сохранена. Но и тутъ мы отъ союзницы своей взяли Бѣлостокскую область.

Наполеонъ, въ рѣчи къ законодательному корпусу 4 августа 1807 года, выразился, что онъ сохранилъ династію Фридриха-Вильгельма только благодаря дружескимъ чувствамъ, внушеннымъ ему могущественнымъ императоромъ сѣвера [2]).

Тильзитскій миръ, заключенный послѣ неудачи нашихъ войскъ, являлся въ представленіи русскихъ людей насильственнымъ и не почетнымъ.

„Въ тяжелыя минуты, послѣдовавшія послѣ фридландскаго сраженія, императоръ Александръ не поколебался принести въ жертву долгу и Россіи свои личныя чувства и дорогія сердцу привязанности; примиреніемъ съ Наполеономъ онъ обезпечилъ отечество отъ непріятельскаго вторженія и пріобрѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ для имперіи существенныя выгоды. Но то, что было ясно и осязательно для государя, не могло быть усвоено въ той же мѣрѣ современниками этихъ происшествій. Искусственно возбужденная ненависть противъ Наполеона и политическое недомысліе принялись подтачивать дѣло разумнаго политическаго расчета. На Петербургъ, на Москву, на всѣ тѣ мѣстакоихъ наиболѣе коснулось просвѣщеніе, Тильзитъ произвелъ самое тягостное впечатлѣніе. Проигранныя сраженія, какъ Аустерлицъ и Фридландъ, не оскорбили народной чести: это были неудачи, какъ выразился современникъ, но не пятно, а Тильзитскій миръ Россія признала постыднымъ для себя. Когда же послѣдовалъ въ томъ же 1807 году разрывъ съ Англіею, вызвавшій остановку въ торговлѣ,

[1]) И. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, томъ II, стр. 206, изд. 1897 г.

[2]) Тамъ же, т. I, стр. 208.

затрудненія въ денежныхъ оборотахъ и упадокъ ассигнацій, то союзъ съ Франціею сдѣлался предметомъ единодушнаго осужденія всѣхъ сословій государства. Неудовольствіе поддерживалось и укрѣплялось также англійскими интригами и преобладающимъ вліяніемъ, которымъ пользовались въ высшемъ русскомъ обществѣ эмигранты и нѣмецкіе недоброжелатели Наполеона. „Вообще неудовольствіе противъ императора болѣе и болѣе возрастаетъ, — доносилъ графъ Стедингъ королю Густаву IV, — и на этотъ счетъ говорятъ такія вещи, что страшно слушать“.

„Не было возможности не только наказывать за изъявленія всеобщаго неудовольствія, но даже и сдерживать ихъ, ибо, какъ выразился весьма своеобразно одинъ современникъ, „отъ знатнаго царедворца до малограмотнаго писца, отъ генерала до солдата, все, повинуясь, роптало съ негодованіемъ“ [1]).

Очевидно, что 9 лѣтъ усиленныхъ стараній доказать опасность французскаго вліянія, проповѣди въ церквахъ о томъ, что Наполеонъ врагъ Россіи и вѣры Христовой, произвели дѣйствіе, которое нельзя было уничтожить однимъ росчеркомъ пера. Обязательство примкнуть къ континентальной системѣ наносило Россіи матеріальный вредъ; обязательство прекратить войну съ Турціею оскорбляло національное чувство.

Посредничество, которое Россія обязана была принять для примиренія Франціи и Англіи, тоже ухудшило положеніе дѣлъ. Англія отклонила это посредничество и, въ отвѣтъ на Тильзитскій миръ, англійскій флотъ бомбардировалъ Копенгагенъ и увелъ датскіе корабли. 25 октября 1807 года, особою декларацією, Россія разорвала съ Англіею торговыя сношенія. Въ отвѣтъ Англія захватила въ Лиссабонѣ русскую эскадру Синявина.

По всѣмъ этимъ причинамъ заключенный въ Тильзитѣ миръ обратился лишь въ перемиріе.

Авторъ статьи „Фридландъ“, Н. Морозовъ, на основаніи свидѣтельствъ современниковъ, пишетъ:

„Всеобщее желаніе, всеобщій подъемъ духа требовали отмщенія. Пораженіе Аустерлицкое, пораженіе Фридландское, Тильзитскій миръ, падменность французскихъ пословъ, пассивный видъ императора Александра передъ политикой Наполеона I -были глубокія раны въ сердцѣ каждаго русскаго. Мщеніе и мщеніе было единымъ чувствомъ, пылающимъ у всѣхъ и каждаго. Кто не раздѣлялъ этого,—и весьма мало ихъ было,—почитался отверженнымъ, презирался.

„Война 1806—1807 гг. вызвала этотъ подъемъ, прямымъ слѣдствіемъ ея была Отечественная война, и сразу же началась въ Россіи подготовка къ ней. Удалившіеся изъ военной службы вступали въ опую; *молодежь стремилась пріобрѣтать чтеніемъ военныхъ книгъ больше*

[1]) Н. Шильдеръ „Императоръ Александръ I его жизнь и царствованіе“, томъ II, стр. 209—210, изд. 1897 г.

познаній въ военномъ дѣлѣ. Литература воспѣвала, выяспяла всякую особенность патріотическихъ прежнихъ событій отечественныхъ... Во всѣхъ слояхъ общества одинъ разговоръ, въ позолоченныхъ ли салонахъ высшаго круга, въ отличающихся ли простотою казарменныхъ помѣщеніяхъ, въ тихой ли бесѣдѣ дружеской, въ разгульномъ ли обѣдѣ или вечеринкѣ—одно, одно только высказывалось: желаніе борьбы, надежда на успѣхъ, на возрожденіе отечественнаго достоинства и славы имени русскаго.

„Привыкшая къ блеску побѣдъ Екатерининскаго царствованія, гордая своимъ предыдущимъ величіемъ, Россія не могла снести Тильзитскаго позора. И если Аустерлицкое и Фридландское пораженія возбуждали жажду мести и расплаты, то Пултускъ, Эйлау и Гейльсбергъ, доказавшіе, что русская армія можетъ бороться съ французами, питали надежду на успѣхъ въ сердцахъ русскихъ. Оба эти чувства были вызваны войной 1806—1807 гг. Въ этомъ заключается ея несомнѣнная прямая связь съ Отечественной войной, въ этомъ и ея значеніе“ [1]).

Такимъ образомъ къ новой войнѣ съ Наполеономъ Александръ I подталкивался и настроеніемъ русскаго общества, особенно представителями дипломатіи.

Но позволю себѣ высказать убѣжденіе, что только верхи общества могли сознательно желать продолженія борьбы съ Франціею въ цѣляхъ удовлетворенія, послѣ побѣднаго исхода новой борьбы, народнаго самолюбія. Что касается массы населенія, то конечно и тамъ было посѣяно нѣкоторое сомнѣніе относительно Наполеона. „Ужъ и впрямь не антихристъ ли онъ?“ думали темные люди. Но отъ этихъ мыслей до желанія проходить всю Европу съ цѣлью возобновить разрушенные или поколебленные Наполеономъ троны—цѣлая бездна. Можно утверждать, что почти одновременно веденныя въ началѣ XIX столѣтія войны—съ Франціею, Турціею, Швеціею и Персіею тяжко ложились на населеніе и вызывали въ немъ одно желаніе—отдыха и мирной работы. Чтобы согласиться съ этимъ мнѣніемъ, достаточно вспомнить настроеніе русскаго общества передъ послѣднею русско-турецкою войною 1877—1878 годовъ.

Даже императоръ Александръ II, бывшій противникомъ войны, увѣровалъ, что вся Россія хочетъ войны. Теперь видите: кто же составлялъ всю эту Россію. Несомнѣнно, что масса русскаго населенія, даже выдвигая въ добровольцы того или другого изъ безпокойныхъ своихъ членовъ, была глубоко равнодушна къ участи христіанъ Балканскаго полуострова, прежде всего по своему невѣжеству. Надо попробовать прикинуть въ умѣ, какой процентъ русскихъ людей въ 1877 году имѣлъ понятіе о болгарахъ и сербахъ, ихъ исторіи, могъ показать по картѣ, гдѣ эти народности жили, и тогда станетъ ясно.

---

[1]) Н. Морозовъ „Фридландъ“. „Военный сборникъ“ 1907 г., № 6, стр. 22.

что пельзя было массѣ русскаго населенія сочувствовать борьбѣ съ турками, на которую толкали русское правительство славянофилы.

Значительно сильнѣе вліянія русскаго общества, враждебнаго Наполеону и Франціи, было вліяніе представителей иностранныхъ дворовъ, особенно Англіи. Европѣ выгодно было ослабить Россію и Францію. Въ особенности это казалось выгоднымъ Англіи, которая считала несовмѣстимымъ съ своими интересами допускать главенствующее положеніе какой-либо державы. Австрія и Пруссія надѣялись въ этой борьбѣ возвратить русскими руками отторгнутыя отъ нихъ земли.

„Иностранные дипломаты, которые привыкли, послѣ смерти Екатерины II, смотрѣть на Россію какъ на орудіе своихъ своекорыстныхъ цѣлей, страшились только одного, что борьба Россіи съ Наполеономъ не состоится. Графъ Меттерних не скрывалъ своихъ опасеній насчетъ возможнаго соглашенія Россіи съ Франціею, въ ущербъ Австріи и Пруссіи“ [1]).

Возбужденіе Александра I противъ Наполеона находило подготовленную почву въ раздраженіи противъ Наполеона представителей европейскихъ государствъ. Ни одинъ изъ государей Европы, сильный своимъ наслѣдственнымъ правомъ, не могъ простить геніальному поручику артиллеріи, когда онъ сталъ перекраивать по своему произволу карту Европы и объявилъ себя императоромъ. Страхъ передъ нимъ подвигалъ прусскаго короля и австрійскаго императора на союзъ съ нимъ. Императоръ Францъ въ интересахъ Австріи пожертвовалъ дочерью, согласившись на бракъ ея съ Наполеономъ, но въ душѣ считалъ его выскочкою. Тѣ же чувства раздѣлялись и Александромъ I.

С. Татищевъ считаетъ, что до сихъ поръ не вполнѣ выяснены причины, вызвавшія Отечественную войну, но одною изъ главныхъ причинъ войны онъ считаетъ: „единодушное нерасположеніе нашей *разномастной* дипломатіи къ усвоенной государемъ и настойчиво проводимой гр. Румянцевымъ политической системѣ“ [2]). Онъ же пишетъ:

„Замѣчательно также, что наши дипломаты отдавали единогласно предпочтеніе союзу съ Вѣной и Берлиномъ, а не Парижемъ, въ то самое время, когда дворы австрійскій и прусскій униженно испрашивали у Наполеона дозволенія принять участіе въ замышляемомъ имъ походѣ на Россію и заключали съ нимъ договоры, въ силу коихъ, въ случаѣ успѣха, они должны были получить земельное приращеніе на нашъ счетъ. Такое полное забвеніе не только насущныхъ государственныхъ потребностей, но и самаго достоинства Россіи,

[1]) Н. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, томъ III, стр. 22, изд. 1897 г.

[2]) С. Татищевъ „Изъ прошлаго русской дипломатіи“, стр. 20.

возможно было только послѣ того, какъ въ нашихъ дипломатическихъ рядахъ окончательно угасли послѣднія преданія Екатерининскаго вѣка и установился взглядъ, что цѣль и назначеніе дипломатіи состоитъ не въ томъ, чтобъ отстаивать интересы отечества, *а дабы доставить, хотя бы въ ущербъ имъ, торжество отвлеченнымъ началамъ европейскаго порядка и законности*“ [1]).

Когда началась война въ 1812 году, получилось странное явленіе: Наполеонъ заставилъ Австрію и Пруссію быть своими союзниками. Австрійскія и прусскія войска были въ счету силъ Наполеона. Но эти союзники искренно желали гибели Наполеона и принимали всѣ мѣры не помогать Наполеону. Это, конечно, не помѣшало бы имъ воспользоваться тѣми или другими кусками Россіи, если бы побѣдилъ Наполеонъ.

Когда побѣдила Россія, вынужденные союзники Наполеона оказались въ 1813 году въ рядахъ его враговъ.

Но какъ только, въ цѣляхъ европейскихъ государствъ, русская сила сдѣлала нужное имъ дѣло, Наполеонъ былъ побѣжденъ, Бурбоны возстановлены, — главныя государства Европы дружно отвернулись отъ Россіи, и уже въ 1814 году былъ заключенъ между Англіею, Франціею и Австріею союзный договоръ противъ Россіи.

Въ 1809 году, во время войны Франціи съ Австріею, Россія, согласно Тильзитскому договору, обязана была дѣйствовать заодно съ Франціею. Выставленный русскими на австрійской границѣ вспомогательный корпусъ войскъ въ 30,000 чел. участія въ военныхъ дѣйствіяхъ не принялъ, что вызвало недовольство Наполеона.

Въ томъ же 1809 году возникли переговоры о заключеніи брака Наполеона съ великою княжною Анною Павловною. Отказъ, хотя и смягченный разными нѣжными словами, повелъ къ охлажденію отношеній между Наполеономъ и Александромъ I. Получивъ отказъ, Наполеонъ обратился къ императору Францу, прося руки его дочери Маріи-Луизы, и тотчасъ получилъ согласіе.

Но Наполеонъ искренно желалъ поддержанія мира съ Россіею. При прощальной аудіенціи Куракина, 7 августа 1810 г., онъ говорилъ ему: „Еще разъ повторяю: я не желаю и не могу желать разрыва между Франціею и Россіею... Однимъ словомъ, все требуетъ продолженія союза между Франціею и Россіею, и я никогда не измѣню ему, если меня къ тому не принудятъ“ [2]).

Но уже въ іюнѣ 1810 г. Меттернихъ, находясь въ Парижѣ, подготовлялъ почву для будущаго австро-французскаго союза, направленнаго противъ Россіи.

19 декабря 1810 г. издано было „положеніе о нейтральной торговлѣ“, которымъ, противно соглашеніямъ съ Наполеономъ, нами напосился

---

[1]) С. Татищевъ „Изъ прошлаго русской дипломатіи“, стр. 21, изд. 1890 г.

[2]) Н. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, т. III, стр. 17.

вредъ континентальной системѣ. Съ этого времени Наполеонъ приступилъ къ военнымъ приготовленіямъ и къ поискамъ союзниковъ.

Борьба съ Наполеономъ внутри Россіи въ 1812 году.

Въ 1811 г. отношенія Россіи къ Франціи принимаютъ враждебный характеръ. Одною изъ причинъ, вызвавшихъ осложненія въ отношеніяхъ, былъ вопросъ ольденбургскій. Наполеонъ вмѣстѣ съ ганзейскими городами захватилъ и владѣнія дяди императора Александра I—герцога ольденбургскаго, что привело къ заступничеству за него въ рѣзкой формѣ Александра I. Изъ этого маловажнаго для Россіи дѣла получился огромной важности вопросъ. Наполеонъ признавалъ, что обостреніе ольденбургскаго вопроса есть только предлогъ къ ссорѣ.

Наполеонъ говорилъ: „Если непремѣнно желаютъ изъ неважнаго вопроса сдѣлать важный, то всякое объясненіе съ моей стороны не можетъ привести къ цѣли“.

„Наполеонъ весьма мѣтко охарактеризовалъ установившееся въ то время политическое положеніе въ письмѣ къ королю виртембергскому, отъ 21 марта (2 апрѣля) 1811 г.: „Война разыграется вопреки мнѣ, вопреки императору Александру, вопреки интересамъ Франціи и Россіи. Я уже не разъ былъ свидѣтелемъ этому, и личный опытъ, вынесенный изъ прошлаго, открываетъ мнѣ эту будущность. *Все это уподобляется оперной сценѣ, и англичане стоятъ за машинами...*“ [1]).

Наконецъ, усиленіе Наполеономъ герцогства варшавскаго частью западной Галиціи, отнятой у Австріи, тоже было встрѣчено въ Россіи подозрительно, потому что такая мѣра указывала на возможность въ будущемъ попытокъ къ возстановленію Польши въ прежнихъ ея предѣлахъ.

Итакъ, уже съ 1810 г. и во Франціи, и въ Россіи приступили къ приготовленіямъ къ войнѣ и къ отысканію союзниковъ.

Союзники у Наполеона нашлись. 24 февраля 1812 г. Фридрихъ-Вильгельмъ написалъ Александру, что онъ долженъ былъ „пожертвовать влеченіемъ своего сердца“ и заключить союзный договоръ съ Франціею. 2 марта былъ заключенъ союзъ Франціи и съ Австріею.

Россіи удалось 16 мая 1812 г. заключить миръ съ Турціею и сблизиться съ Швеціею. Съ Англіею мы находились въ разрывѣ, и заключеніе съ нею мира было равносильно объявленію войны Франціи. Этотъ мирный договоръ былъ заключенъ, когда французскія войска уже подходили къ нашимъ границамъ.

Вызывая разрывъ съ Франціею, мы были слабы въ военномъ отношеніи. Огромнымъ силамъ, собираемымъ Наполеономъ, мы, не-

[1]) Н. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, т. III, стр. 24.

смотря на рядъ мѣръ, принятыхъ для усиленія арміи, могли противопоставить лишь около 200,000 чел., расположенныхъ на западной границѣ въ трехъ группахъ: 1-я западная армія въ 120,000 чел., подъ начальствомъ Барклая-де-Толли, была расположена между Россіенами и Лидою, съ главною квартирою въ Вильнѣ. 2-я западная армія въ 40,000 чел., подъ начальствомъ кн. Багратіона, была расположена между Нѣманомъ и Бугомъ, съ главною квартирою въ Волковыскѣ. 3-я армія, въ 40,000 чел., подъ начальствомъ Тормасова, была расположена на Волыни, съ главною квартирою въ Луцкѣ, и должна была прикрывать русскіе предѣлы со стороны Австріи.

Историкъ войны 1812 г. такъ опредѣляетъ соотношеніе силъ и средствъ двухъ противниковъ:

„*Средства* обѣихъ сторонъ были далеко неодинаковы. *Французская имперія*, располагавшая средствами 60-милліоннаго населенія (собственно Франціи, Рейнскаго союза, Италіи, Далмаціи, Иллиріи и герцогства варшавскаго), считала въ числѣ своихъ союзниковъ Пруссію, Австрію, Данію и Швейцарію и разсчитывала привлечь еще на свою сторону Турцію и Швецію, что, однако, не удалось. Располагая бюджетомъ въ 1 милліардъ, частью военныхъ контрибуцій отъ прежнихъ войнъ и военнымъ резервнымъ фондомъ въ 100 милліоновъ франковъ, Франція имѣла въ своемъ распоряженіи достаточныя денежныя средства. Какъ по отношенію къ союзникамъ, такъ и со стороны финансовой, *Россія* поставлена была въ несравненно менѣе выгодное положеніе. Ея союзниками были: Англія, помогавшая Россіи деньгами, и на югѣ Европы—Испанія и Португалія, война въ которыхъ отвлекала значительныя силы французовъ. Наполеонъ, въ концѣ 1811 г. могъ выставить противъ насъ уже 350,000 чел., а къ минутѣ открытія военныхъ дѣйствій—608,000 чел. при 1,242 полевыхъ орудіяхъ, которымъ мы могли противопоставить не болѣе 200,000 дѣйствующихъ войскъ съ 960 орудіями. Финансы наши тоже находились въ крайне неудовлетворительномъ состояніи. Численная наша слабость искупалась отчасти однородностью состава нашей арміи, воодушевленной одними чувствами преданности монарху и любви къ родинѣ; въ то время, какъ Наполеоновская армія, состоя болѣе чѣмъ на половину изъ иностранцевъ, силою увлекаемыхъ Наполеономъ и не знавшихъ, за что они готовились положить свою жизнь, вслѣдствіе этого пестраго состава несла уже въ самой себѣ зародышъ будущаго ея разстройства.

„Не малую выгоду представляло намъ и то обстоятельство, что мы вели войну въ своей странѣ, въ сосѣдствѣ нашихъ военныхъ средствъ“ [1]).

Прибывъ въ Вильну, императоръ принялъ посланца Наполеона графа Нарбонна и произнесъ историческія слова. Указавъ на лежавшую передъ нимъ карту Россіи, императоръ Александръ сказалъ Нар-

[1]) Г. Леберъ „Обзоръ войнъ“, ч. I, стр. 176, изд. 1893 г.

бопну [1]): „Я не ослѣпляюсь мечтами; я знаю, въ какой мѣрѣ императоръ Наполеонъ великій полководецъ, но на моей сторонѣ, какъ видите, пространство и время. Во всей этой враждебной для васъ землѣ нѣтъ такого отдаленнаго угла, куда бы я ни отступилъ, нѣтъ такого пункта, который я ни сталъ бы защищать, прежде чѣмъ согласиться заключить постыдный миръ. Я не начну войны, *но не положу оружія, пока хоть одинъ непріятельскій солдатъ будетъ оставаться въ Россіи*".

Въ іюнѣ 1812 года арміи противниковъ уже готовы были начать враждебныя дѣйствія. 12 іюня французскія войска начали переправу черезъ Нѣманъ. Наши войска были растянуты на пространствѣ отъ Луцка до Ковно, по прямой линіи на протяженіи 500 верстъ. Фронтъ 1-й и 2-й арміи, отъ Россіенъ до Волковыска, составлялъ 300 верстъ. Наконецъ собственно фронтъ только 1-й арміи, отъ Россіенъ до Лиды,— 200 верстъ. Опасность отъ такой разброски силъ увеличивалась еще отсутствіемъ общаго главнокомандующаго. Наполеонъ могъ двинуть въ любомъ направленіи на фронтѣ 1-й и 2-й арміи массу свыше 300,000 человѣкъ.

Планъ Наполеона заключался въ томъ, чтобы главную массу своихъ войскъ — 220,000 чел. направить возможно внезапно противъ 1-й арміи, оттѣснить ее и затѣмъ, силами около 160,000 чел., атаковать съ фронта и тыла 2-ю армію. Всего въ первой линіи Наполеонъ направлялъ около 400,000 войскъ, которымъ мы могли противопоставить лишь около 160,000 чел.

По полученіи извѣстія о начавшейся переправѣ французскихъ войскъ черезъ Нѣманъ, императоръ Александръ I, 13 іюня въ Вильнѣ, отдалъ приказъ нашимъ арміямъ и рескриптъ гр. Салтыкову, начальствовавшему въ Петербургѣ, о вступленіи непріятеля въ наши предѣлы. Этотъ рескриптъ оканчивался великими словами: „*Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ*" [2]).

„Торжественный обѣтъ Александра не вступать ни въ какіе переговоры съ Наполеономъ, пока хотя одинъ человѣкъ изъ непріятельской арміи будетъ находиться въ предѣлахъ Россіи, нашелъ благодарный отголосокъ въ каждомъ русскомъ, возвративъ государю прежнія безусловную любовь и безграничную вѣру въ него народа. Но въ Европѣ никто не ожидалъ подобной рѣшимости отъ императора Александра и сомнѣвались, чтобы онъ удержался на высказанной имъ точкѣ зрѣнія. Всѣ дипломатическіе и военные дѣятели, начиная съ самого Наполеона, полагали, что одно побѣдоносное сраженіе заставитъ Россію подчиниться требованіямъ Франціи. Наполеонъ готовился въ сущности *ко второй польской войнѣ*, нисколько не сознавая,

[1]) Н. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе", т. III, стр. 79.

[2]) Тамъ же, стр. 83.

что начинается война съ Россіею: борьба съ природою и пространствомъ. Даже такой даровитый нѣмецкій патріотъ, какъ Гнейзенау, высказалъ въ 1811 году слѣдующую несообразность: „Я всего ожидаю отъ малодушной слабости Александра. Послѣ перваго потеряннаго сраженія онъ уступитъ всѣ земли по Двину и Днѣпръ; послѣ второго—Петербургъ и Москву и удовольствуется Казанью и Астраханью". Оказалось, что всѣ наши враги ошиблись въ своихъ расчетахъ и предсказаніяхъ, а непоколебимая рѣшимость государя готовила ему небывалую побѣду надъ геніальнымъ соперникомъ" [1]).

Первоначально государь предполагалъ оставаться при арміи. Но опытъ пребыванія государя при арміи передъ Аустерлицкимъ боемъ еще былъ свѣжъ у всѣхъ въ памяти. Но насколько пребываніе государя при арміи, безъ вступленія въ непосредственное командованіе ею, было только вредно, настолько для успѣха начинавшейся борьбы важно было присутствіе государя въ центрѣ Россіи—въ Москвѣ, а затѣмъ въ Петербургѣ—средоточіи всѣхъ распоряженій по усиленію арміи и возбужденію народнаго движенія противъ враговъ Россіи.

Государь согласился съ представленными ему доводами о необходимости оставленія арміи и посѣщенія Москвы и приказалъ написать воззваніе къ первопрестольной столицѣ и манифестъ о всеобщемъ ополченіи. Отнынѣ борьба съ Наполеономъ получала значеніе народной и священной войны [2]).

Насколько тверда въ русскомъ народѣ связь съ своимъ монархомъ, насколько русскій народъ готовъ на жертвы за царя и родину и какъ важно въ тяжелыя минуты, переживаемыя родиною, непосредственное общеніе царя съ народомъ,—прекрасно изображено Н. Шильдеромъ въ слѣдующей страницѣ [3]):

„Появленіе императора Александра вечеромъ 11 (23) іюля въ Москвѣ произвело всеобщее воспламенение чувствъ и сердецъ, разлившееся по окрестностямъ ея и по всему пространству Россіи. Государь остановился въ Кремлѣ. При немъ находились оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, графъ Аракчеевъ, А. С. Шишковъ, баронъ Штейнъ, генералъ-адъютанты Балашовъ, князь Волконскій и графъ Комаровскій и флигель-адъютантъ Чернышовъ. Генералъ-адъютантъ князь Трубецкой прибылъ ранѣе, будучи отправленъ изъ Ляхова съ воззваніемъ и манифестомъ немедленно послѣ ихъ подписанія. Съ восходомъ солнца Кремль наполнился народомъ, жаждавшимъ видѣть своего царя, котораго съ нимъ еще болѣе сроднила опасность, угрожавшая отечеству. Графъ Ростопчинъ имѣлъ полное основаніе писать барону Штейну, что если онъ желаетъ видѣть императора, обожаемаго своимъ народомъ, то онъ предлагаетъ ему пожаловать во дворецъ.

[1]) Н. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе", т. III, стр. 83.

[2]) Тамъ же, стр. 88.

[3]) Тамъ же, стр. 89.

Александръ, выйдя въ 9 часовъ утра на Красное крыльцо, остановился, видимо растроганный представившимся зрѣлищемъ. Государь поклонился народу, и вмѣстѣ съ колокольнымъ звономъ слились привѣтственные клики многочисленной толпы. Но рядомъ съ обычнымъ ура слышались другіе возгласы: „Веди насъ куда хочешь: веди насъ, отецъ нашъ; умремъ или побѣдимъ“. Началось шествіе къ Успенскому собору, замедлявшееся народомъ, который не могъ наглядѣться на государя. На каждой ступени Краснаго крыльца сотни торопливыхъ рукъ со всѣхъ сторонъ хватались за ноги государя, за полы мундира; ихъ цѣловали и орошали слезами. Быстрый приливъ народа тѣснилъ его все болѣе; окружавшія его лица порывались раздвигать ряды. Императоръ, кланяясь на всѣ стороны, говорилъ: „Не троньте, не троньте ихъ, я пройду“. Одинъ изъ толпы, посмѣлѣе другихъ, купецъ или мѣщанинъ, подошелъ къ нему и сказалъ: „Не унывай! видишь, сколько насъ въ одной Москвѣ, а сколько же по всей Россіи? Всѣ умремъ за тебя“. Онъ передалъ словами то, что было у всѣхъ на сердцѣ. „Находившіеся при государѣ генералъ-адъютанты,—пишетъ очевидецъ этого народнаго торжества,—принуждены были составить изъ себя родъ оплота, чтобы довести императора отъ Краснаго крыльца до собора. Всѣхъ насъ можно было уподобить судну безъ мачтъ и кормила, обуреваемому на морѣ волнами. Между тѣмъ громогласное ура заглушило почти звонъ колоколовъ. Это шествіе продолжалось очень долго, и мы едва совершенно не выбились изъ силъ. Я никогда не видывалъ такого энтузіазма въ народѣ, какъ въ это время“.

„При вступленіи государя въ храмъ пѣвчіе, по распоряженію преосвященнаго Августина (викарія престарѣлаго митрополита Платона), запѣли: „да воскреснетъ Богъ, и расточатся враги его“. Епископъ привѣтствовалъ Александра рѣчью, въ которой, несмотря на риторическое убранство, выразилось необычайное увлеченіе, съ которымъ Москва встрѣчала государя въ это грозное время. „Оружіемъ ты побѣдилъ тысячи, а благостію тьмы“,—сказалъ Августинъ;—„ты и надъ нами побѣдитель, ты торжествуешь и надъ своими. Царю! Господь съ тобою: Онъ гласомъ твоимъ повелитъ бури, *и станетъ въ тишину, и умолкнутъ волны потопныя.* Съ нами Богъ: разумѣйте, языцы, и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!“

„Въ состоявшемся въ Слободскомъ дворцѣ 15 (27) іюля собраніи дворянства и купечества Москва выразила императору твердую рѣшимость спасти Россію пожертвованіями денегъ и людей. „Пріѣздъ мой въ Москву имѣлъ настоящую пользу,—писалъ государь графу Салтыкову. Въ Смоленскѣ дворянство мнѣ предложило на вооруженіе 20,000 человѣкъ, къ чему уже тотчасъ приступлено. Въ Москвѣ одна сія губернія даетъ мнѣ десятаго съ каждаго имѣнія, что составитъ до 80,000, кромѣ поступающихъ охотою изъ мѣщанъ и разночинцевъ. Денегъ дворяне жертвуютъ до 3 милліоновъ, купечество же слишкомъ до десяти. Однимъ словомъ, нельзя не быть тронутымъ до слезъ,

видя духъ, оживляющій всѣхъ, и усердіе и готовность каждаго содѣйствовать общей пользѣ".

Относительно значенія посѣщенія государемъ Москвы Н. Шильдеръ высказываетъ слѣдующую мысль:

„Дѣйствительно, государь имѣлъ полное основаніе быть довольнымъ своимъ пріѣздомъ въ Москву. *Въ ней изъ военачальника онъ сталъ русскимъ царемъ и почувствовалъ силы народа*" [1]).

Въ нашей императорской главной квартирѣ свѣдѣнія о силахъ Наполеона и ихъ расположеніи были недостаточныя. Предполагалось, что Наполеонъ, по обыкновенію, преувеличиваетъ численность своей арміи и что мы, пользуясь большею готовностью, перейдя въ наступленіе, можемъ надѣяться нанести силамъ Наполеона пораженіе по частямъ. Къ счастью, планъ этотъ не былъ принятъ. Барклаю-де-Толли удалось убѣдить государя передъ его отъѣздомъ въ Москву, что только при отступленіи вглубь Россіи, съ цѣлью соединенія нашихъ арміи и усиленія ихъ резервами, можно надѣяться побѣдить Наполеона, который, по мѣрѣ удаленія своей операціонной линіи, будетъ все ослабляться.

Но ошибки первоначальнаго расположенія были такъ велики, что только цѣною чрезвычайныхъ усилій наши арміи — 1-я и 2-я — успѣли къ 22 іюля соединиться у Смоленска. Чтобы достигнуть этой цѣли, 1-я армія въ 38 дней прошла 500 верстъ, а 2-я армія — 750. Благодаря отлично устроенной продовольственной части и отходу войскъ на заранѣе заготовленные магазины, войска ни въ чемъ не нуждались и не разстроились. За все это время общая потеря убитыми и ранеными составила 12,000—15,000 чел. и больными до 10,000 чел.

Наполеону „не удалось помѣшать отступленію нашей растянутой 1-й арміи къ Дриссѣ и отрѣзать хотя бы малую ея часть. Ему не удалось отрѣзать ее отъ Москвы ни подъ Полоцкомъ, ни подъ Витебскомъ, ему наконецъ не удалось отрѣзать нашей 2-й арміи (что было всего легче) и помѣшать обѣимъ арміямъ соединиться подъ Смоленскомъ" [2]).

Причины неудачи дѣйствій Наполеона въ этотъ первый періодъ кампаніи объясняются нашими историками слѣдующимъ образомъ:

Наполеонъ при бѣдности проходимой имъ страны не могъ воспользоваться громаднымъ превосходствомъ своихъ силъ. Дорогъ было мало и онѣ испортились отъ ненастья. Передвиженіе большихъ полчищъ войскъ затруднилось. Сильныя жары препятствовали движенію. Главное же—недостатокъ продовольствія разстраивалъ войска. Наполеонъ предполагалъ организовать продовольствіе арміи изъ *подвижныхъ магазиновъ*. Въ этихъ подвижныхъ магазинахъ везли только людское довольствіе, а для лошадей изъ-подъ транспортовъ съ про-

[1]) Н. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе", т. III, стр. 90.

[2]) Г. Лееръ „Обзоръ войнъ", ч. I, стр. 190, изд. 1893 г.

довольствіемъ разсчитывали найти подножный кормъ. Но слѣдовавшая въ головѣ арміи многочисленная французская конница уничтожила по линіи движенія этотъ подножный кормъ; поэтому транспорты, приходя на мѣста ночлеговъ, не находили корма для своихъ лошадей. Начался падежъ упряжныхъ лошадей, который принялъ такіе размѣры, что первоначально транспорты съ людскимъ довольствіемъ отстали отъ войскъ, а затѣмъ и вовсе остановились.

Войскамъ приходилось, по приходѣ на ночлегъ, самимъ отыскивать себѣ запасы фуражировками, расходясь для сего на значительныя разстоянія. Это утомляло войска и пріучало ихъ къ грабежу.

Въ результатѣ голодовокъ и грабежей начала быстро разрушаться дисциплина. Многіе нижніе чины не возвращались съ фуражировокъ въ свои части. Въ тылу образовались массы отсталыхъ и цѣлыя шайки мародеровъ, и армія начала быстро таять.

По пути отъ Нѣмана до Двины и Днѣпра армія Наполеона изъ 400,000 уже потеряла 150,000 чел., при чемъ на потери отъ боевъ приходилось только до 7,000 чел.

По пути движенія Наполеона уже начиналась народная война. Населеніе пряталось въ лѣса, прятало или уничтожало имущество, часто сжигало жилища. Вооружаясь чѣмъ попало, жители нападали на фуражировъ, уничтожали отставшихъ.

„Вступивъ въ коренныя русскія области, Наполеону пришлось столкнуться съ тѣмъ врагомъ, значеніе котораго онъ понялъ въ Испаніи — съ народной войной. Впослѣдствіи, будучи уже на островѣ св. Елены, Наполеонъ говорилъ: „намъ предстояла новая Испанія, но Испанія безъ границъ, безъ городовъ, безъ средствъ“. Французы, подобно тому, какъ въ Испаніи, не замедлили обратиться къ кровавой расправѣ и тѣмъ, конечно, также мало поправили свои дѣла, какъ и въ безпадежной борьбѣ съ геройскимъ испанскимъ народомъ.

„Въ Смоленскѣ отставной полковникъ Энгельгардтъ и коллежскій ассесоръ Шубинъ, защищавшіе свое имущество отъ грабителей, были осуждены французами на казнь. Непріятель выразилъ готовность даровать имъ жизнь подъ условіемъ, что они измѣнятъ своей присягѣ. Это предложеніе было отвергнуто съ негодованіемъ, и ихъ разстрѣляли. Энгельгардтъ даже не позволилъ завязать себѣ глаза передъ казнью“ [1]).

Вотъ почему Наполеону пришлось въ самое благопріятное для веденія военныхъ дѣйствій время расположить значительную часть своей арміи по квартирамъ отъ Суража и Витебска до Могилева, на протяженіи 200 верстъ.

Боковые корпуса Наполеона имѣли нѣкоторый успѣхъ: войска Витгенштейна на нашемъ правомъ флангѣ были оттѣснены за р. Дриссу и войска Тормасова на лѣвомъ флангѣ за р. Стырь.

---

[1]) Н. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, т. III, стр. 98—99.

Подъ Смоленскомъ огромная разница въ силахъ нашихъ и непріятельскихъ значительно сгладилась: мы имѣли 120,000 противъ 180,000 чел. Наполеона.

Продолжительное отступленіе вызывало ропотъ въ народѣ и въ арміи. Багратіонъ стремился къ бою. Барклай-де-Толли, противно своему мнѣнію, уступилъ. Мы перешли въ наступленіе, разсчитывая произвести таковое перехода на три, не болѣе. 26 іюля объ арміи двинулись отъ Смоленска по направленію на Рудню, выславъ для обезпеченія лѣваго фланга арміи дивизію Невѣровскаго къ Краспому.

Наполеонъ искусно воспользовался удаленіемъ нашихъ войскъ отъ Смоленска и поставилъ цѣлью дѣйствій своихъ войскъ сбить Невѣровскаго, овладѣть Смоленскомъ и отрѣзать наши арміи отъ пути Смоленскъ—Москва.

Нѣкоторое время положеніе нашихъ армій было критическое, и только самоотверженныя дѣйствія передовыхъ частей, занявшихъ Смоленскъ и два дня дравшихся съ превосходными силами французовъ, позволили нашимъ арміямъ снова выйти на путь въ Москву.

Всего, съ прибывшими подкрѣпленіями, Дохтуровъ, Раевскій и Невѣровскій имѣли 30,000 противъ 140,000 французовъ, сосредоточившихся къ 5 августа подъ Смоленскомъ.

Всѣ штурмы на Смоленскъ были отбиты. Въ ночь на 6 августа мы очистили Смоленскъ и уничтожили мосты. 7 августа у с. Лубино, въ переходѣ отъ Смоленска къ Москвѣ, разыгрался значительный арьергардный бой, въ которомъ съ двухъ сторонъ участвовало до 40,000 войскъ. Наши войска отбили четыре ожесточенныя атаки французовъ, удержались на позиціи и сохранили въ нашихъ рукахъ путь на Москву.

Но отсутствіе общаго командованія повело къ тому, что армія наша и подъ Смоленскомъ пережила тяжелые часы, и если бы Наполеонъ энергично преслѣдовалъ исполненіе задуманнаго имъ обхода лѣваго фланга нашей арміи съ цѣлью отрѣзать ее отъ пути на Москву, то могъ имѣть значительный успѣхъ. Вслѣдствіе разрозненности въ дѣйствіяхъ французовъ 7 августа и пріостановки ихъ обходнаго движенія у Лубина, нашимъ арьергардамъ, самоотверженно сражавшимся, удалось выиграть время для выхода всѣхъ частей арміи на путь Смоленскъ—Москва.

Въ періодъ боевъ въ окрестностяхъ Смоленска, отъ Краснаго до Лубина, наша армія потеряла убитыми и ранеными до 15,000, а армія Наполеона до 20,000 человѣкъ.

„Послѣ Лубинскаго боя Наполеонъ преслѣдовалъ нашу армію слабо, только однимъ авангардомъ, а самъ, съ главными силами, въ теченіе нѣкотораго времени оставался въ Смоленскѣ въ нерѣшительности; остановиться ли ему подъ Смоленскомъ, утвердиться сначала въ захваченномъ краѣ, устроить продовольствіе арміи и затѣмъ уже, въ слѣдующую кампанію, продолжать дальнѣйшее наступленіе внутрь

Россіи, или же—обратиться къ нему тотчасъ же. Колебаніе Наполеона было непродолжительно. Съ одной стороны, бѣдность пройденнаго края, съ другой—опасеніе за положеніе дѣлъ въ тылу, все это заставило его остановиться на послѣднемъ рѣшеніи.

„Цѣль нашего дальнѣйшаго отступленія заключалась въ *пріисканіи удобной позиціи*, на которой можно было бы вступить въ генеральное сраженіе съ Наполеономъ, въ видѣ неизбѣжной уступки слишкомъ громко заявлявшему себя общественному мнѣнію, хотя общее положеніе этого далеко и не требовало. Напротивъ, оно требовало продолженія отступленія съ цѣлью уклоненія отъ боя до той минуты, когда перевѣсъ въ силахъ перейдетъ на нашу сторону, съ тѣмъ, чтобы тогда уже перейти къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Это отлично сознавалъ Барклай и, вмѣстѣ съ нимъ, немногіе изъ нашихъ генераловъ. Большинство же не умѣло такъ широко отнестись къ этому постепенному уклоненію нашего центра въ глубь страны, со всѣми его *дальнѣйшими* послѣдствіями; въ великой и вполнѣ цѣлесообразной идеѣ главнокомандующаго оно видѣло лишь самый фактъ унизительнаго отступленія, съ его *ближайшими* послѣдствіями, потерями городовъ и селъ и опустошеніемъ страны; короче—въ великой комбинаціи Барклая оно готово было уже видѣть чуть ли не измѣну съ его стороны (чему, впрочемъ, немало содѣйствовало и его не русское происхожденіе)“ [1]).

Кутузовъ, назначенный главнокомандующимъ, прибылъ къ арміямъ въ Царево-Займище 17 августа и приказалъ продолжать отступленіе до пріисканія удобной позиціи. Такою позиціею признана была Бородинская, гдѣ наша армія и дала генеральный бой французамъ.

Относительно значенія Бородинскаго боя ген. Леръ высказываетъ слѣдующее мнѣніе [2]):

„Кутузовъ внутренно сочувствовалъ идеѣ Барклая, — уклоненію отъ генеральнаго сраженія,—чему лучшимъ подтвержденіемъ служатъ его же дѣйствія, начиная отъ Мало-Ярославца до конца похода; но, съ другой стороны, онъ понималъ, что въ эту критическую минуту нельзя же было не свести счеты съ общественнымъ мнѣніемъ, требовавшимъ вступленія въ бой, для защиты столь дорогой сердцу каждаго русскаго первопрестольной столицы. Въ этомъ заключается главное оправданіе Бородинской битвы, въ сущности нецѣлесообразной по отношенію къ общему положенію дѣлъ“.

Бородинская позиція [3]) (въ 10 верстахъ къ западу отъ Можайска) имѣла протяженіе до 7 верстъ. Позиція была сильна мѣстностью на правомъ флангѣ и отчасти въ центрѣ и слаба на лѣвомъ, у д. Утица, особенно важномъ въ стратегическомъ отношеніи, ибо ударомъ на

---

1) Г. Леверъ „Обзоръ войнъ“, ч. I, стр. 204—205.

2) Тамъ же, стр. 206.

3) Схема № 16.

лѣвый флангъ при успѣхѣ наша армія отрѣзывалась отъ Москвы и богатыхъ продовольствіемъ южныхъ губерній. Между тѣмъ незначительныя укрѣпленія были возведены только на правомъ флангѣ и въ центрѣ; лѣвый флангъ былъ слабо занятъ и войсками.

Укрѣпленіе позиціи и занятіе ея русскими войсками описаны у историка войны, Г. Леера, слѣдующимъ образомъ [1]):

„На оконечности праваго фланга, у лѣса, фронтомъ къ р. Москвѣ, построены были 3 флеши; у селенія Горокъ, на новой Смоленской дорогѣ,—2 батареи, одна выше другой, одна—на 3 орудія, другая—на 9; въ центрѣ, на высотѣ,—большой люнетъ (батарея Раевскаго или центральная); впереди дер. Семеновскаго и южнѣе ея—3 флеши (Багратіоновы); село Бородино, на лѣвомъ берегу Колочи, приведено въ оборонительное положеніе. Укрѣпленія не доведены были до надлежащей профили и не были усилены ни одеждами, ни искусственными преградами.

„Позицію предположено было занять слѣдующимъ образомъ: правый флангъ и центръ—войсками 1-й арміи, Барклая де Толли, а лѣвый—войсками 2-й арміи,—Багратіона. 2-й и 4-й пѣхотные корпуса, подъ общимъ начальствомъ Милорадовича, должны были составить до Горокъ правый флангъ за р. Колочей; 6-й пѣхотный корпусъ стать въ центрѣ, отъ Горокъ до батареи Раевскаго; 7-й пѣхотный корпусъ (правый флангъ 2-й арміи) — отъ батареи Раевскаго до д. Семеновскаго. Кавалерія должна была расположиться въ 2 линіи за пѣхотными корпусами (2-й кавалерійскій корпусъ — за 4-мъ пѣхотнымъ, 3-й — за 6-мъ и 4-й — за 7-мъ). Частный резервъ войскъ 1-й арміи должны были составить: 1-й резервный кавалерійскій корпусъ Уварова и 9 казачьихъ полковъ Платова, и стать уступомъ за правымъ флангомъ 1-й арміи. Войска 8-го пѣхотнаго корпуса должны были занять Багратіоновы флеши, при чемъ 2-я гренадерская дивизія назначена была въ частный резервъ 2-й арміи, а 6 казачьихъ полковъ Карпова должны были расположиться близъ Утицы. Егерскіе полки всѣхъ корпусовъ боевыхъ линій имѣлось въ виду частью разсыпать впереди ихъ фронта и частью (5 полковъ) расположить въ кустахъ и въ лѣсу влѣво отъ флешей. Главный резервъ (3-й и 5-й пѣхотные корпуса и двѣ кирасирскія дивизіи) долженъ былъ стать у деревни Князькова, а артиллерійскій резервъ (до 300 орудій)—у Писарева. Сверхъ того, на 5 казачьихъ полковъ возложено было наблюденіе за нижнимъ теченіемъ р. Колочи.

Общая численность нашихъ силъ простиралась до 103,000 регулярныхъ войскъ (въ томъ числѣ—72,000 пѣхоты и 17,000 кавалеріи), при 640 орудіяхъ и, кромѣ того,—7,000 казаковъ и 10,000 ратниковъ (Смоленскаго и Московскаго ополченій, первыми присоединившихся къ арміи), вовсе необученныхъ и вооруженныхъ пиками. Они и могли

[1]) Г. Леер „Обзоръ войнъ“, ч. I, стр. 207—208, планъ № 11.

быть употреблены только для переноски раненыхъ. Не слѣдуетъ также упускать изъ вида, что на 103,000 нашихъ регулярныхъ войскъ приходилось около 15,000 наскоро обученныхъ рекрутовъ, такъ что старыхъ солдатъ въ нашей арміи въ день Бородинской битвы было не болѣе 90,000".

Силы французской арміи простирались до 130,000 чел. при 587 орудіяхъ.

Такимъ образомъ огромное неравенство въ силахъ на Нѣманѣ, благодаря отступленію нашихъ войскъ къ Москвѣ, почти уничтожилось подъ Бородинымъ, а послѣ занятія Москвы французами перевѣсъ въ численности началъ переходить на нашу сторону.

24 августа французскія войска, постепенно усиливаемыя до 35,000, овладѣваютъ послѣ упорнаго боя Шевардинскимъ редутомъ.

Слѣдствіемъ Шевардинскаго боя былъ переводъ 3-го пѣх. корпуса изъ резерва на лѣвый флангъ къ с. Утица.

25 августа обѣ арміи провели въ приготовленіяхъ къ бою.

„Князь Кутузовъ посвятилъ 25 августа на нравственную подготовку войскъ къ предстоявшей битвѣ. Онъ велѣлъ пронести вдоль линіи войскъ чудотворную икону Божіей Матери, сопровождавшую наши войска со дня ихъ выступленія изъ Смоленска; самъ объѣзжалъ войска и говорилъ съ солдатами, возбуждая ихъ моральныя силы и поселяя въ нихъ готовность пожертвовать собою для защиты Москвы и Россіи" [1]).

Наполеонъ, послѣ рекогносцировки, рѣшился атаковать нашу позицію съ фронта. Главная атака назначена была въ двухъ направленіяхъ: на батарею Раевскаго и на Семеновскія (Багратіоновскія) флеши. Демонстративная атака была назначена на лѣвомъ нашемъ флангѣ противъ с. Утица на старой Смоленской дорогѣ.

Съ 6 часовъ утра 26 августа начался славный для русскихъ и французскихъ войскъ Бородинскій бой.

Подготовка атаки производилась изъ 100 орудій. Французскія войска одновременно повели атаку на Семеновскія флеши (Багратіоновы) и на с. Бородино. Атака на с. Бородино, занятое однимъ полкомъ, имѣла успѣхъ. Потерявъ половину состава, наши войска отступили изъ этого селенія на главную позицію. Вслѣдъ за ними начали переправляться войска вице-короля итальянскаго и готовиться къ атакѣ батареи Раевскаго.

Первая атака на Семеновскія флеши, веденная двумя дивизіями изъ корпуса Даву, была отбита гренадерами сводной дивизіи гр. Воронцова и пѣхотою Невѣровскаго съ большими для обѣихъ сторонъ потерями.

Въ восьмомъ часу утра противъ позиціи у Семеновскихъ флешей, занятой (вмѣстѣ съ резервами) тремя слабыми пѣхотными и

[1]) Г. Леверъ „Обзоръ войнъ", ч. I, стр. 211.

одною кавал. дивизіями, французы собрали 8 пѣхотныхъ дивизій изъ корпусовъ Даву и Нея и три кавал. корпуса, поддержанные 120 орудіями.

Прибывшій на позицію кн. Багратіонъ, видя массы собиравшихся для атаки французскихъ войскъ, усилилъ первую линію резервами, распорядился направленіемъ къ Семеновскимъ флешамъ дивизіи Коновницына и просилъ Барклая о присылкѣ подкрѣпленій. Но помощь могла придти только черезъ 1½—2 часа времени. Поэтому вся тяжесть боя легла первоначально только на войска, уже находившіяся на позиціи.

Огромныя массы пѣхоты и конницы обрушились на наши войска, защищавшія Семеновскія флеши, и послѣ рукопашнаго боя, въ 8 часовъ утра, овладѣли ими. Насколько сопротивленіе нашихъ войскъ было упорно, видно изъ того, что сводная гренадерская дивизія гр. Воронцова была почти вся уничтожена [1]) и самъ гр. Воронцовъ раненъ штыкомъ.

Въ 9 часовъ утра кн. Багратіонъ съ войсками Невѣровскаго и первыми подоспѣвшими подкрѣпленіями, поддержанный нашею конницею, производитъ контръ-атаку и овладѣваетъ флешами. Французы сосредоточиваютъ адскій огонь по столпившимся нашимъ войскамъ. Невѣровскій, кн. Горчаковъ и многіе начальники частей выбываютъ изъ строя.

Въ 10 часовъ утра французы снова овладѣваютъ флешами. Но въ это время уже подошла дивизія Коновницына. Новая контръ-атака этою дивизіею имѣла успѣхъ, и флеши опять перешли въ наши руки.

Прибытіе къ французамъ въ подкрѣпленіе корпуса Жюно и дивизіи Фріана привело къ тому, что въ 11½ часовъ русскіе окончательно уступаютъ флеши и отходятъ за оврагъ с. Семеновскаго. Славный герой, князь Багратіонъ, смертельно раненый, уносится съ поля сраженія. За Семеновскимъ оврагомъ войска наши устраиваются, получаютъ въ подкрѣпленіе отъ Барклая нѣсколько полковъ, въ томъ числѣ Измайловскій и Литовскій, и готовятся къ встрѣчѣ новой атаки французовъ.

Эта атака подготовляется огнемъ многочисленныхъ батарей, выдвинутыхъ къ Семеновскому оврагу. Войска наши начали поражаться перекрестнымъ огнемъ. Атака французовъ, поддержанная съ двухъ фланговъ массами конницы, имѣла успѣхъ. Войска наши отошли, шагъ за шагомъ, на третью окончательную для нихъ позицію, расположенную отъ Семеновскихъ флешей всего въ верстѣ разстоянія, и здѣсь удержались до конца боя.

Не менѣе упорный бой шелъ и на позиціи Раевскаго. Первая атака на эту позицію была отбита, но въ одиннадцатомъ часу утра

---

[1]) На другой день боя собралось только 300 человѣкъ, частью въ бою не участвовавшихъ.

французы ворвались въ укрѣпленіе. Ермоловъ, собравъ бывшія подъ рукою подкрѣпленія, бросился съ ними впередъ, выбилъ французовъ изъ укрѣпленія и захватилъ въ плѣнъ израненнаго штыками генерала Бонами, бригада котораго овладѣла укрѣпленіемъ.

Прибывшій на эту позицію генералъ Барклай смѣнилъ около 12 часовъ разстроенныя босмъ войска Раевскаго семью батальонами дивизіи Лихачева (24-й).

Вскорѣ послѣ полудня въ резервъ войскъ, оборонявшихъ позиціи у батареи Раевскаго, прибылъ 4-й арм. корпусъ Остермана, передвинутый съ праваго флапга.

Внезапное появленіе нашихъ казаковъ Платова въ тылу французовъ на ихъ пути отступленія вызвало пріостановку боя на два часа. Въ два часа пополудни, подкрѣпленныя Наполеономъ войска вице-короля, послѣ обстрѣла перекрестнымъ огнемъ нашихъ войскъ, бросились на позицію у батареи Раевскаго. Въ три часа пополудни французы окончательно овладѣли центральною батареею. Израненный штыками начальникъ дивизіи Лихачевъ былъ взятъ при этомъ въ плѣнъ.

Выдвиженіе Наполеономъ для преслѣдованія нашихъ войскъ массы французской конницы привело къ большому кавалерійскому бою.

Наши войска, отойдя за оврагъ, расположились въ 400 саженяхъ отъ уступленной ими позиціи и были вновь готовы къ бою.

Наполеонъ, располагая еще 20,000 гвардейскихъ войскъ, не рѣшился пожертвовать этимъ своимъ послѣднимъ резервомъ, и бой понемногу затихъ.

Къ 6 часамъ вечера вся наша армія занимала позицію, отодвинутую назадъ отъ первоначальной только на 250—500 саженъ. Къ ночи французы очистили взятыя ими у насъ укрѣпленія.

Участь боя оказалась не рѣшеною. По выраженію Ермолова, французская армія подъ Бородинымъ „расшиблась о русскую“ [1]).

Потери каждой изъ сторонъ составили до 40,000 человѣкъ.

Ночью на 27 августа обѣ стороны отступили: Наполеонъ на позицію, которую занималъ наканунѣ, Кутузовъ — по направленію къ Москвѣ. Есть указанія, что Кутузовъ предполагалъ 27 августа атаковать противника, но, получивъ донесенія о потеряхъ, приказалъ отступить. Дѣйствительно, выдержать новый и притомъ наступательный бой было трудно. Во 2-й арміи изъ 34,000 чел. было убитыхъ и раненыхъ 20,000 чел., т. е около двухъ третей состава. Численная сила пѣхотныхъ полковъ упала до 500 чел. Многими изъ полковъ командовали капитаны. Сводная гренадерская дивизія гр. Воронцова, кромѣ

[1]) Г. Леоръ „Обзоръ войнъ“, ч. I, стр. 218.

300 чел., вся осталась послѣ рукопашнаго боя на полѣ сраженія у Семеновскихъ флешей въ числѣ убитыхъ и раненыхъ.

Армія и Россія ожидали защиты Москвы, но Кутузовъ, въ виду разстройства арміи, пожертвовалъ Москвою и подготовилъ этимъ гибель арміи Наполеона.

Двинувшись первоначально по рязанской дорогѣ, Кутузовъ смѣлымъ и искуснымъ флаговымъ маршемъ перешелъ на калужскую дорогу къ Тарутину, гдѣ и принялъ рядъ мѣръ по укомплектованію и усиленію русской арміи.

Наполеонъ вступилъ въ опустѣлую Москву, а на другой день она была зажжена со всѣхъ сторонъ. Пожаръ Москвы принесъ огромную пользу Россіи: это былъ какъ бы сигналъ къ взрыву общаго патріотическаго возбужденія. Уже пріѣздъ изъ арміи въ Москву государя вызвалъ горячія патріотическія манифестаціи, но только съ пожара Москвы въ помощь арміи поднялся массою русскій народъ. Началась серьезная народная война. При содѣйствіи казачьихъ частей и смѣлыхъ партизановъ — Давыдова, Фигнера, Сеславина сообщенія французской арміи съ тыломъ съ каждымъ днемъ все затруднялись. Не только одиночные люди и небольшія партіи, но даже транспорты съ значительнымъ прикрытіемъ, начали атаковываться и уничтожаться.

Всѣ сословія соревновали въ пожертвованіяхъ на пользу родины. Молодежь, едва вышедшая изъ отроческаго возраста, во главѣ съ представителями лучшихъ фамилій, поступала въ ряды арміи. Дворяне на свой счетъ выставили до 300,000 ополченія. Общая сумма пожертвованій на военныя нужды доходила до ста мил. рублей [1]). Правительство, интеллигентное общество, простой народъ, пресса — все соединилось въ дружномъ порывѣ спасти Россію, побѣдить Наполеона. Рѣшимость государя не вкладывать мечъ въ ножны, пока хотя одинъ непріятель останется на русской землѣ, послѣ занятія противникомъ Москвы, дружно поддерживалась всею Россіею. При этихъ условіяхъ полная побѣда надъ врагомъ становилась только вопросомъ времени, ибо силы нашей арміи крѣпли съ каждымъ днемъ. Напротивъ того, силы Наполеона быстро уменьшались. Долженъ былъ наступить переломъ, послѣ котораго русскіе стали бы не только матеріально, но и морально, выше французовъ. Такой переломъ ясно обозначился съ началомъ отступленія Наполеона изъ Москвы. Но несомнѣнно, что если бы это отступленіе замедлилось, русскіе сами

[1]) По свѣдѣніямъ въ „Обзорѣ войнъ“ (ч. I, стр. 227), добровольное участіе русскаго народа въ борьбѣ съ Наполеономъ выразилось въ слѣдующихъ жертвахъ: 16 губерній выставили ополченіе въ 220,000 чел. и пожертвовали деньгами и припасами на сумму 60 мил. руб. Изъ губерній, не вошедшихъ въ составъ тѣхъ, которыя выставляли ополченія, Псковская губ. пожертвовала свыше 14 мил. рублей, а прочія выставили болѣе 100,000 ополченія и пожертвовали до 25 мил. рублей.

перешли бы въ наступленіе. Необходимо однако прибавить, что государю, по полученіи извѣстія о занятіи Москвы французами, пришлось выдержать серьезное испытаніе своей рѣшимости продолжать борьбу съ Наполеономъ до полной побѣды.

Оказалось, что самые ближайшіе совѣтники государя послѣ сожженія Москвы стояли за заключеніе мира.

„Рѣшимость государя не мириться съ Наполеономъ не раздѣлялась всѣми государственными сановниками, и въ малодушныхъ совѣтахъ недостатка не было. Поборники мира, цесаревичъ Константинъ Павловичъ, графъ Румянцевъ, графъ Аракчеевъ, выражали сомнѣніе въ успѣхѣ борьбы съ Наполеономъ. Но Александръ остался непреклоннымъ въ принятомъ рѣшеніи и напомнилъ Кутузову, что онъ еще обязанъ отвѣтомъ оскорбленному отечеству за потерю Москвы“ [1]).

Дѣйствительно, силы Наполеона таяли не по недѣлямъ, а по днямъ. Стоянка въ Москвѣ не способствовала приведенію въ порядокъ разстроенной длинными маршами и кровавыми боями французской арміи. Уходъ жителей, пожаръ Москвы, уничтоженіе запасовъ, народная война — все это поставило армію въ необезпеченное положеніе относительно ея продовольствія.

Для обезпеченія сообщеній своихъ Наполеонъ израсходовалъ до 120,000 войскъ, главнымъ образомъ для прикрытія съ лѣваго фланга, со стороны Двины, гдѣ дѣйствовало 25,000 войскъ Витгенштейна. Такъ какъ въ этотъ періодъ кампаніи войска наши, находившіяся подъ начальствомъ Чичагова и Тормасова, были еще удалены отъ района военныхъ дѣйствій, обезпеченіе съ праваго фланга потребовало расхода небольшого числа силъ.

Но и отдѣленіе такого значительнаго числа силъ на обезпеченіе сообщеній не достигало цѣли: наши мелкіе партизанскіе отряды и возставшее населеніе, часто организованное въ дружины подъ начальствомъ помѣщиковъ, старшинъ, даже священниковъ, тѣснымъ кольцомъ охватывали Москву и не пропускали туда транспортовъ. Наполеонъ вынужденъ былъ въ прикрытіе задержанныхъ у Смоленска транспортамъ назначить дивизію пѣхоты. Почти лишенныя подвоза продовольствія съ тыла, французскія войска вынуждены были производить фуражировки въ окрестностяхъ Москвы, которыя часто оканчивались неудачами. Дисциплина окончательно ослабла въ французской арміи. Всѣ занялись грабежомъ. Недостатки арміи, сборной изъ разныхъ національностей, сказались при этомъ особенно ярко. Ссоры между представителями разныхъ націй стали обычнымъ явленіемъ. Но, что всего важнѣе, стало падать довѣріе къ своему вождю, непобѣдимому до сихъ поръ Наполеону. При этихъ тяжелыхъ условіяхъ Наполеонъ пытался вступить въ переговоры объ мирѣ, но совершенно

---

[1]) Н. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, т. III, стр. 112—113.

безполезно. Идти впередъ при тѣхъ условіяхъ, которыя создались для арміи, было нельзя. Но нельзя было дольше и оставаться въ Москвѣ, въ особенности въ виду наступленія холоднаго времени. Поэтому послѣ пяти-недѣльной стоянки въ Москвѣ Наполеонъ рѣшилъ отступить.

Пораженіе 6 октября авангарда французскихъ войскъ Мюрата въ бою у Тарутина, съ потерею 1,500 чел. плѣнныхъ и 38 орудій, ускорило приведеніе въ исполненіе этого рѣшенія.

Наполеонъ составилъ предположеніе отбросить нашу армію на югъ и этимъ открыть себѣ путь отступленія на западъ по мѣстности, еще не разоренной.

Вслѣдствіе дѣйствій нашихъ войскъ, планъ Наполеона не удался, и ему пришлось отступать опять по Смоленской дорогѣ.

При выступленіи изъ Москвы въ арміи Наполеона, вмѣстѣ съ авангардами, считалось всего 107,000 человѣкъ. Лошади въ артиллеріи и въ конницѣ были крайне изнурены. Принимая въ расчетъ и прибывшія во время стоянки въ Москвѣ подкрѣпленія, Наполеонъ въ Москвѣ потерялъ до 30,000 человѣкъ убитыми, ранеными, оставленными больными и истребленными въ народной войнѣ.

Движеніе Наполеона на встрѣчу нашей арміи повело къ упорному бою 13 октября у Мало-Ярославца. Бой продолжался 18 часовъ. Введено было въ бой каждою изъ сторонъ до 24,000 чел. Послѣ боя на улицахъ, городъ остался въ французскихъ рукахъ, но цѣль боя была достигнута: въ 2½ верстахъ отъ города сосредоточивалась вся наша армія.

При вступленіи въ Тарутинскій лагерь въ нашей арміи было не болѣе 60,000 чел. Ко времени начала отступленія Наполеона наши регулярныя войска уже составляли 97,000 чел. при 622 орудіяхъ и, кромѣ того, при арміи находилось до 20,000 казаковъ.

Къ 12 октября къ Мало-Ярославцу сосредоточилось 63,000 французскихъ войскъ съ 360 орудіями, но Кутузовъ, несмотря на значительное превосходство въ силахъ, не рѣшился атаковать ихъ у Мало-Ярославца, увѣренный, что и безъ генеральнаго сраженія армія Наполеона должна была растаять, и приказалъ 1-й арміи отступить на югъ по направленію къ с. Детчино.

Сторонникамъ болѣе рѣшительныхъ дѣйствій Кутузовъ говорилъ: „Наша молодежь сгоряча досадуетъ на меня, старика, за то, что удерживаю ея порывы. Надлежало бы имъ сообразить, что обстоятельства сами собою болѣе сдѣлаютъ, чѣмъ наше оружіе“ [1]).

По отношенію къ способу дѣйствій противъ французовъ Кутузовъ былъ убѣжденнымъ противникомъ рѣшительныхъ дѣйствій и неоднократно повторялъ, что для полной побѣды надъ французами

[1]) Н. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, т. III, стр. 126.

надо *терпѣніе и время* [1]). Завлеченіе французовъ вглубь Россіи дало время русскому войску перерасти французовъ въ матеріальномъ и духовномъ отношеніяхъ, послѣ чего побѣда явилась естественнымъ результатомъ этого превосходства.

Въ войну со шведами въ началѣ XVIII столѣтія Петръ Великій дѣйствовалъ тѣмъ же путемъ: онъ терпѣливо, девять лѣтъ, готовилъ послѣ пораженія подъ Нарвою побѣду подъ Полтавою. Шведы тоже были увлечены вглубь Россіи и, когда силы духовныя и матеріальныя нашей арміи превзошли таковыя арміи шведской, пришло время и для побѣды.

Несомнѣнно, что терпѣніе и время привели бы нашу армію и въ 1905 году къ побѣдѣ надъ японцами. Матеріальными силами на Сыпингайской позиціи мы уже превзошли японцевъ; стали равняться и силами духовными; но русскіе люди въ началѣ XX столѣтія стали петерпѣливѣе, чѣмъ были въ началѣ XVIII и XIX столѣтій, и арміи нашей, вслѣдствіе внутренней смуты на Руси, не могли дать необходимаго для достиженія побѣды времени.

Въ Петербургѣ былъ составленъ планъ окруженія арміи Наполеона. Въ исполненіи этого плана должны были принять участіе и русскія войска, дѣйствовавшія на флангахъ: на правомъ — Витгенштейна и на лѣвомъ — Чичагова и Тормасова, объединенныя подъ начальствомъ Чичагова. Оттѣснивъ расположенные противъ нихъ корпуса Наполеона и оставивъ противъ нихъ заслоны, эти войска должны были двинуться на сообщенія Наполеона къ рѣкамъ Березинѣ и Уллѣ, войдя между собою въ связь. Предполагалось, что одинъ Чичаговъ успѣетъ сосредоточить до 50,000 человѣкъ. Кутузовъ съ главною арміею при этомъ долженъ былъ тѣснить французовъ съ фронта.

Наполеонъ въ Мало-Ярославцѣ съ своей стороны тоже находился въ сомнѣніи: атаковать ли ему русскую армію, собиравшуюся къ Мало-Ярославцу, или нѣтъ? Послѣ колебаній, продолжавшихся сутки, Наполеонъ рѣшился отступить.

„14 октября произошло довольно странное явленіе: обѣ арміи одновременно отступили одна отъ другой въ противоположныя стороны (русская армія—къ Детчину, а французская—къ Боровску)“ [2]).

Въ Мало-Ярославцѣ Наполеонъ отказался отъ дальнѣйшей борьбы съ нашею арміею.

Историкъ пишетъ:

„16 октября — это первый шагъ въ могилу для французской арміи. День же этотъ является непосредственнымъ слѣдствіемъ боя

[1]) Графъ Л. Толстой съ своимъ великимъ талантомъ и великимъ русскимъ чувствомъ вѣрно подмѣтилъ въ „Войнѣ и мирѣ“ (т. IV) эту основную идею. Кутузовъ говорилъ кн. Болконскому, что для побѣды надъ французами „не нужно штурмовать и атаковать, а нужно *терпѣніе и время* (курсивъ автора). Въ другомъ мѣстѣ Кутузовъ говоритъ: „нѣтъ сильнѣе тѣхъ двухъ воиновъ“, *терпѣнія и времени* (курсивъ автора).

[2]) Г. Лееръ „Обзоръ войнъ“, ч. I, стр. 239.

подъ Мало-Ярославцемъ, который имѣетъ такимъ образомъ значеніе *перелома* въ кампаніи 1812 г. Имъ былъ произведенъ рѣшительный *переворотъ* въ стратегическомъ положеніи обѣихъ сторонъ“ [1]).

Выдержавъ наиболѣе серьезный бой подъ Вязьмою, Наполеонъ 28 октября прибылъ въ Смоленскъ.

Надежда задержаться въ Смоленскѣ, отдохнуть и даже зимовать тамъ не оправдалась. Дѣйствія нашихъ корпусовъ, которые вели параллельное преслѣдованіе, и дѣйствія нашихъ казаковъ угрожали сообщеніямъ арміи. Но задерживаться въ Смоленскѣ нельзя было и потому, что процессъ разложенія арміи Наполеона шелъ очень быстро. При выступленіи изъ Смоленска въ рядахъ французской арміи находилось уже не болѣе 50,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 5,000 чел. очень плохой кавалеріи. Большая часть артиллеріи была брошена. За арміею тянулась толпа безоружныхъ до 30,000 человѣкъ.

Но и наша армія сильно пострадала. Выступивъ изъ Тарутина въ составѣ 100,000 чел., черезъ три недѣли она имѣла въ своихъ рядахъ только 50,000 чел., при чемъ въ бояхъ потеряла только 10,000 чел. Но въ то время, какъ духъ большинства частей французской арміи совершенно упалъ, духъ нашей арміи былъ приподнятый.

При дальнѣйшемъ отступленіи Наполеона, въ трехдневныхъ бояхъ подъ Краснымъ, съ 3 по 6 ноября, было окончательно довершено разстройство французской арміи. Нами взято было съ боя 116 орудій и захвачено до 20,000 плѣнныхъ. Убито и ранено у непріятеля 6,000, а вся наша потеря составила только до 2,000 человѣкъ. Эти цифры сами говорятъ за себя.

10 ноября войска Чичагова заняли на пути отступленія Наполеона г. Борисовъ, лежащій на р. Березинѣ. Положеніе остатковъ арміи Наполеона стало критическимъ: съ фронта и съ фланговъ его тѣснили войска Кутузова, а съ тыла вышелъ Чичаговъ.

Наполеонъ, по совѣщаніи съ нѣкоторыми изъ своихъ генераловъ, остановился на мысли форсировать переправу у д. Студянки, гдѣ находился бродъ.

Несмотря на то, что къ театру военныхъ дѣйствій у Борисова прибыли и передовыя войска Витгенштейна, окончательно отрѣзать Наполеона и захватить его въ плѣнъ не удалось. Послѣ геройскихъ усилій противъ нашихъ войскъ, дѣйствовавшихъ разрозненно, Наполеонъ 16 ноября прорвался всего съ 9,000 человѣкъ. Такъ какъ къ переправамъ подошло 36,000 чел., то потери французовъ у Березины исчисляются въ 27,000 человѣкъ. Главною причиною спасенія кадровъ французской арміи было бездѣйствіе въ эти рѣшительные дни Кутузова.

Далѣе уже начинается, по мнѣнію нашихъ историковъ, не отступленіе, а бѣгство остатковъ арміи Наполеона. Морозы въ 27—30° окончательно разстроили эти остатки. Вся дорога была усѣяна трупами людей и лошадей.

---

[1]) Г. Леръ „Обзоръ войны“, ч. I, стр. 240.

23 ноября Наполеонъ, передавъ начальство надъ остатками арміи Мюрату, уѣхалъ черезъ Варшаву въ Парижъ. Въ Вильнѣ остатки арміи составляли только 4,300 человѣкъ. 28 ноября наши войска заняли Вильну, гдѣ захватили 140 орудій, болѣе 14,000 плѣнныхъ и обширные склады запасовъ.

„Изъ 380,000 главной массы французской арміи (вмѣстѣ съ прибывшими къ ней подкрѣпленіями), перешедшей 10 іюня въ Ковнѣ русскую границу, возвратились черезъ нее обратно, въ началѣ декабря, *только* 1,000 (400 чел. старой гвардіи и 600 гвардейской кавалеріи), *съ 9 орудіями*, и около 20,000 безоружныхъ“ [1]).

Начало вмѣшательства Россіи въ дѣла европейскихъ государствъ въ 1813—1814 годахъ.

Кутузовъ считалъ, что цѣль войны съ изгнаніемъ противника достигнута и потому предполагалъ остановить главныя силы арміи въ Вильнѣ, поручивъ преслѣдованіе остатковъ французской арміи авангардамъ корпусовъ Чичагова и Витгенштейна. О такомъ своемъ рѣшеніи онъ донесъ и государю. Но мнѣніе императора Александра I было иное: прибывъ 11 декабря въ Вильну, онъ тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе о переходѣ нашихъ войскъ за границу.

Относительно рѣшенія государя продолжать войну за предѣлами Россіи у Н. Шильдера имѣются слѣдующія цѣнныя указанія [2]):

„По мѣрѣ приближенія остатковъ наполеоновской арміи къ границамъ Россіи, императору Александру предстояло рѣшить сложный вопросъ: слѣдуетъ ли русскимъ войскамъ остановиться на Вислѣ и довершить торжество Россіи славнымъ миромъ, или же продолжать борьбу съ Наполеономъ для возстановленія политической самобытности Германіи и возвеличенія Австріи. Государь склонился къ послѣднему рѣшенію, т. е. къ продолженію войны; подобное намѣреніе вполнѣ согласовалось съ высказаннымъ имъ ранѣе убѣжденіемъ: „Наполеонъ или я, я или онъ; но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать“. Въ концѣ 1812 г. конечная цѣль войны съ Наполеономъ уже была намѣчена императоромъ Александромъ.

„Кутузовъ былъ сторонникомъ противоположнаго взгляда: онъ полагалъ, что Наполеонъ теперь для Россіи не опасенъ и что слѣдуетъ поберечь его для англичанъ, которые стремятся захватить его наслѣдство въ ущербъ Россіи и другимъ континентальнымъ державамъ. *Всѣ помыслы фельдмаршала клонились только къ спасенію отечества, а не Европы, какъ того желали англичане и нѣмецкіе патріоты, свыкшіеся уже съ мыслью смотрѣть на Россію, какъ на удобное орудіе для достиженія*

---

[1]) Г. Леверъ „Обзоръ войнъ“, ч. I, стр. 263.

[2]) Н. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, т. III, стр. 127—128.

и упроченія своихъ политическихъ цѣлей. Мнѣніе Кутузова, конечно, какъ и слѣдовало ожидать, сильно порицалось приближенными Александра и вообще людьми, судившими о происходившихъ военныхъ дѣйствіяхъ изъ глубины своего кабинета“ [1]).

Интересно, что однимъ изъ сторонниковъ продолженія войны за предѣлами Россіи былъ извѣстный шведъ Армфельдъ [2]). Для лучшаго устройства дѣлъ Финляндіи, ему выгодно было отвлеченіе силъ и средствъ Россіи и отвлеченіе вниманія государя отъ русскихъ дѣлъ къ дѣламъ европейскимъ.

Кутузову ближе было извѣстно, какія жертвы уже принесла наша родина и армія, чтобы побѣдить Наполеона внутри Россіи, и онъ вполнѣ ясно представлялъ себѣ, какія еще огромныя жертвы предстоятъ ослабленной Россіи, если борьба съ Наполеономъ перенесется въ Европу. Какъ тяжелы были жертвы арміи, видно, напр., изъ того, что въ главной арміи на маршѣ изъ Тарутина къ Вильнѣ выбыло изъ строя двѣ трети людей и двѣ трети орудій.

Не соглашаясь съ мнѣніемъ государя о необходимости продолжать войну, Кутузовъ напоминалъ государю его собственныя слова [3]):

„Вашъ обѣтъ исполненъ; ни одного вооруженнаго непріятеля не осталось на русской землѣ; теперь остается исполнить и вторую половину обѣта—положить оружіе, сказалъ Кутузовъ Александру. Но государь не внялъ ни доводамъ своего полководца, ни голосу общаго мнѣнія въ Россіи, которое было противъ заграничной войны. Полагали, что, отразивъ нашествіе, съ Наполеономъ можно заключить миръ самый для насъ выгодный и что нѣтъ причины переступать за Нѣманъ, на встрѣчу новымъ случайностямъ перемѣнчиваго счастья. Итакъ, война за освобожденіе Европы отъ французскаго ига, рѣшенная императоромъ Александромъ, является его личнымъ достояніемъ, принадлежитъ ему одному“.

И вотъ начался новый походъ русскихъ войскъ черезъ всю Европу, черезъ Берлинъ, Дрезденъ, Лейпцигъ до Парижа включительно, тянувшійся 1813 и 1814 года, не только непужный, но и вредный для Россіи.

---

[1]) П. Шильдеръ „Императоръ Александръ I его жизнь и царствованіе“, т. III, стр. 128—130.

[2]) Тамъ же, стр. 130.

[3]) Тамъ же, стр. 137.

ГЛАВА XXII.

Вмѣшательство Россіи въ чужія дѣла въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.

(*Продолженіе*).

Участіе русскихъ войскъ въ войнѣ съ Наполеономъ въ 1813—1814 годахъ. Участіе Россіи въ 1815 году въ дѣлахъ саксонскихъ и польскихъ. Участіе Россіи въ дѣлахъ австрійскихъ въ 1848 1849 годахъ. Цѣли и результаты вмѣшательства Россіи въ европейскія дѣла въ первую половину XIX столѣтія. Значеніе войнъ, веденныхъ Россіею въ цѣляхъ общеевропейской политики, въ военномъ отношеніи (схема № 17).

Участіе русскихъ войскъ въ войнѣ съ Наполеономъ 1813—1814 гг.

Участіе русскихъ войскъ въ борьбѣ съ Наполеономъ въ 1813—1814 годахъ распадается на три періода:

Первый періодъ составляетъ продолженіе преслѣдованія въ предѣлахъ Европы остатковъ великой арміи. Несмотря на присоединеніе къ союзу съ Россіею Пруссіи, Наполеонъ успѣваетъ собрать къ веснѣ 1813 года въ Саксоніи превосходныя противъ союзниковъ силы и выигрываетъ два сраженія—подъ Лейпцигомъ и Бауценомъ. Перемиріемъ на $2^1/_2$ мѣсяца въ маѣ мѣсяцѣ (Рейхенбахскій договоръ) оканчивается первый періодъ.

Во *второй періодъ* силы союзниковъ увеличиваются присоединеніемъ къ союзу Австріи и Швеціи, но и у Наполеона къ началу осеннихъ дѣйствій силы превосходятъ 400,000 человѣкъ. Борьба ведется за обладаніе линіею Эльбы. Неудачныя дѣйствія французскихъ маршаловъ вынуждаютъ Наполеона уступить линію Эльбы и отступить къ Лейпцигу. Послѣ трехдневной „битвы народовъ“ у этого пункта, французская армія отступаетъ за р. Рейнъ, чѣмъ и заканчивается второй періодъ.

Третій періодъ обнимаетъ дѣйствія въ предѣлахъ Франціи, начатыя еще въ концѣ 1813 года. Несмотря на большое превосходство въ силахъ союзниковъ, Наполеону въ пунктахъ, гдѣ онъ лично командовалъ войсками, удается одерживать частные успѣхи. Но превосходство въ силахъ беретъ окончательно верхъ надъ геніемъ Наполеона. Онъ все болѣе оттѣсняется къ Парижу, а послѣ взятія въ мартѣ

1814 года союзными войсками столицы Франціи Наполеонъ отказывается отъ престола и ссылается на островъ Эльбу, чѣмъ и заканчивается третій и послѣдній для русскихъ войскъ періодъ борьбы съ Наполеономъ.

а) Первый періодъ.

Наши силы для наступленія въ предѣлы Германіи составляли три слабыхъ арміи, подъ общимъ начальствомъ Кутузова: въ главной арміи числилось 42,000 чел. при 200 орудіяхъ, въ арміи Чичагова 17,500 чел.; въ арміи Витгенштейна—34,000 чел.; всего 93,000 чел.

Главныя силы выступили изъ Вильны 28 декабря 1812 года.

Цѣлью зимняго похода ставилось: 1) преслѣдованіе остатковъ великой арміи и парализованіе боковыхъ ея корпусовъ—Шварценберга и Макдональда, наиболѣе сохранившихся; 2) привлеченіе къ борьбѣ Пруссіи и Австріи. Предполагалось нашимъ наступленіемъ ободрить и воодушевить народы средней Европы и ихъ правителей и вызвать ихъ къ энергичной борьбѣ съ Наполеономъ.

Остатки великой арміи, всего въ числѣ до 10,000 сборныхъ войскъ, подъ начальствомъ вице-короля итальянскаго, отошли къ р. Эльбѣ. Въ мартѣ мѣсяцѣ французы оканчиваютъ на р. Эльбѣ отступленіе, продолжавшееся отъ Москвы, и собираютъ 52,000 человѣкъ.

16 февраля 1813 года въ Калишѣ заключается оборонительный и наступательный союзъ съ Пруссіею [1]). Раньше заключенія этого договора прусскій король колебался, не заключить ли ему союзъ съ Франціею.

Россія обязывается выставить для борьбы съ Наполеономъ 150,000 войска, а Пруссія—80,000 (постепенно увеличивая эту цифру, Пруссія довела ее къ концу борьбы съ Наполеономъ до 250,000 чел.).

16 апрѣля въ Бунцлау скончался фельдмаршалъ Кутузовъ, и на его мѣсто былъ назначенъ Витгенштейнъ.

1 января 1813 года наши войска перешли Нѣманъ у Мерече и вступили въ герцогство варшавское. Государь находился при войскахъ. 26 января занята Варшава; въ началѣ февраля войска наши находились на берегу Одера, и 12 февраля главная квартира императора была перенесена въ Калишъ. Вскорѣ былъ занятъ и Берлинъ. Тамъ появился и Адамъ Чарторыжскій, который особымъ письмомъ возобновилъ свои домогательства о независимости Польши; на этотъ разъ онъ предлагалъ образовать особое польское королевство подъ властью великаго князя Михаила Павловича.

Въ отвѣтномъ письмѣ императора, между прочимъ, значилось: „Для того, чтобы провести въ Польшѣ мои любимыя идеи, мнѣ, несмотря на блескъ моего теперешняго положенія, предстоитъ побѣдить

[1]) По Тильзитскому договору 1807 года Пруссія была низведена на степень второстепенной державы. Пространство и населеніе ея были уменьшены на половину. Армія ограничена 42,000 чел. (Н. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, т. III, стр. 141).

нѣкоторыя затрудненія: прежде всего общественное мнѣніе въ Россіи— образъ поведенія у насъ польской арміи, грабежи въ Смоленскѣ и въ Москвѣ, опустошеніе всей страны, оживили старую ненависть“ [1]).

Можно прибавить, что нерасположеніе въ то время было взаимное: въ герцогствѣ варшавскомъ поляки встрѣчали русскихъ холодно, ибо каждый шагъ русской арміи впередъ отодвигалъ, по ихъ мнѣнію, часъ освобожденія Польши.

Въ концѣ марта главныя силы русской арміи въ Калишѣ составляли всего 18,000 чел. Убыль 1812 года еще не была пополнена. Резервы были задержаны непроходимою грязью.

26 марта императоръ Александръ выступилъ съ главною арміею изъ Калиша въ Саксонію. Въ отданномъ приказѣ по арміи значилось, что Пруссія идетъ вмѣстѣ съ нами „положить конецъ сему нестерпимому киченію, которое, несмотря на собственную свою и другихъ земель пагубу, алчетъ рѣками крови и грудами костей человѣческихъ утвердить господство свое надъ всѣми державами... Мы стоимъ за вѣру противъ безвѣрія, за свободу противъ властолюбія, за человѣчество—противъ звѣрства. Богъ видитъ нашу правду! Онъ покоритъ подъ ноги наши гордаго врага и посрамитъ ползающихъ къ стыду человѣчества передъ нимъ рабовъ“ [2]).

Наполеонъ усиленно работалъ надъ созданіемъ новой арміи и составилъ планъ доведенія силы ея до 500,000 чел. Особенныя затрудненія онъ встрѣтилъ при сформированіи конницы и артиллеріи (въ походѣ въ Россію была потеряна вся артиллерія въ числѣ 1,200 орудій). Въ результатѣ чрезвычайныхъ усилій въ теченіе трехъ мѣсяцевъ Наполеону удалось весною 1813 года собрать въ Саксоніи армію до 200,000 чел., съ которою онъ и открылъ кампанію противъ слабѣйшихъ еще силъ союзниковъ.

Силы союзниковъ въ Саксоніи къ веснѣ 1813 года составляли всего 92,000 чел. при 956 орудіяхъ. Но союзники обладали значительнымъ превосходствомъ въ конницѣ: они располагали 20,000 отличной конницы противъ 8,000 конницы французской, частью наскоро набранной и слабо обученной.

Союзники встрѣтились съ войсками Наполеона подъ Люценомъ, къ западу отъ Лейпцига [3]), были разбиты и отступили къ р. Эльбѣ. Въ этомъ сраженіи французы располагали 120,000, союзники—80,000 чел. Французы потеряли до 15,000 чел., а союзники до 12,000 человѣкъ.

Союзными войсками номинально командовалъ Витгенштейнъ, въ день сраженія прибывшій къ арміи. Присутствіе двухъ монарховъ неизбѣжно стѣсняло свободу его дѣйствій [4]).

---

[1]) Н. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, т. III, стр. 141.

[2]) Тамъ же, стр. 143.

[3]) Карта № 7.

[4]) Н. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, т. III, стр. 146.

Послѣ этого успѣха Наполеонъ пытался вступить въ переговоры съ русскимъ императоромъ, но безъ успѣха. Тогда онъ снова обратился къ испытанному уже имъ средству — оружію и перешелъ въ рѣшительное наступленіе.

Союзники отступили за Эльбу (къ востоку отъ Дрездена), рѣшили принять бой на позиціи у Бауцена и 8 мая снова были разбиты и вынуждены къ отступленію. Но упорство союзныхъ войскъ было такъ велико, что французскія войска снова потеряли 18,000 чел., а союзники до 12,000 чел.

„Графъ Витгенштейнъ ни на минуту не оставлялъ государя и ни разу не подъѣзжалъ къ войскамъ“ [1]). Союзная армія отступила въ полномъ порядкѣ, не оставивъ трофеевъ. Наполеонъ въ неудовольствіи сказалъ: „Какъ, послѣ такой битвы не достигнуто никакихъ результатовъ! Нѣтъ плѣнныхъ! Эти люди не оставятъ мнѣ гвоздя“ [2]).

17 мая главнокомандующимъ арміями былъ назначенъ Барклай-де-Толли.

Причины, вызвавшія это назначеніе, изложены у историка Михайловскаго-Данилевскаго такъ:

„Послѣ пораженій подъ Люценомъ и Бауценомъ стало очевиднымъ, насколько званіе, въ которое, послѣ смерти Кутузова, былъ облеченъ графъ Витгенштейнъ, не соотвѣтствовало его силамъ. Безпечность его относительно внутренняго управленія арміи привела ее въ разстройство до такой степени, что иногда не знали расположенія нѣкоторыхъ полковъ. Главная квартира его походила на городскую площадь, наполненную вѣстовщиками. По добротѣ души своей, онъ не воспрещалъ къ себѣ свободнаго доступа никому; комнаты его наполнены были всегда праздными офицерами, которые разглашали свѣдѣнія о всѣхъ дѣлахъ, даже и самыхъ секретныхъ; по этой причинѣ, какъ бы тайно ни было дано повелѣніе графу, оно немедленно дѣлалось всѣмъ извѣстнымъ. Я не постигаю, какъ Наполеонъ не воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы собрать свѣдѣнія о томъ, что у насъ происходило. Союзники наши, пруссаки, равномѣрно были недовольны графомъ Витгенштейномъ; это и не удивительно; имъ необходима была побѣда, а подъ предводительствомъ его они испытали два пораженія и видѣли ежедневно увеличивавшееся разстройство арміи. Такимъ образомъ, графъ Витгенштейнъ, недавно еще превозносимый, какъ оплотъ Европы, упалъ съ этой высоты и испыталъ участь, свойственную тѣмъ, кому счастье перестаетъ улыбаться; тѣ, которые восхваляли его до небесъ, первые его оставили и наводнили главную квартиру государя, съ тѣмъ, чтобы искать мѣста, въ которомъ бы можно было пріобрѣсти имъ болѣе знаковъ отличія, страсть къ коимъ до невѣроятной степени усилилась тогда въ нашей

[1]) П. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, т. III, стр. 150.

[2]) Тамъ же, стр. 151.

арміи. Недавно ставили его на ряду съ Кутузовымъ и полагали, что кончина фельдмаршала не можетъ имѣть послѣдствій на ходъ военныхъ дѣйствій, потому что его заступилъ Витгенштейнъ; но это самое сравненіе сдѣлалось для новаго главнокомандующаго пагубнымъ, ибо при паденіи его начали сравнивать порядокъ, бывшій при жизни Кутузова въ арміи, подчиненность между генералами и рядъ неслыханныхъ успѣховъ съ тѣмъ, что случилось при преемникѣ его. Легко заступить мѣсто знаменитаго мужа, но трудно замѣнить его".

Приводя этотъ взглядъ Михайловскаго-Данилевскаго, историкъ Н. Шильдеръ добавляетъ: „Ко всему этому, для полной характеристики тогдашней обстановки, необходимо еще добавить, что въ арміи находились три генерала старше Витгенштейна чинами: Барклай-де-Толли, Милорадовичъ и Блюхеръ; поэтому, вмѣсто того, чтобы приказывать, Витгенштейну приходилось нерѣдко просить и вести переговоры, почитая одолженіемъ то, что онъ имѣлъ право требовать. Случалось также, что донесенія поступали прямо въ главную квартиру государя и короля и въ отвѣтъ посылались разрѣшенія, нерѣдко помимо главнокомандующаго, отчего происходили недоразумѣнія и столкновенія властей" [1]).

Русская армія, не оправившаяся и не отдохнувшая послѣ Отечественной войны, была сильно разстроена. Многіе полки находились въ составѣ лишь одного батальона. Въ кавалерійскихъ полкахъ вмѣсто 8 было по 2 — 3 эскадрона. Войска терпѣли во всемъ недостатокъ, были дурно одѣты и обуты. Обычная дисциплина въ русскихъ войскахъ тоже разстроилась [2]).

Барклай видѣлъ только одно средство выйти изъ этого положенія — отступленіе въ Польшу.

Но и французскія войска тоже находились въ тяжеломъ положеніи. Наполеонъ видѣлъ къ тому же, что еще нѣсколько такихъ побѣдъ, какъ Люценъ и Бауценъ, и армія его перестанетъ существовать.

Перерывъ въ военныхъ дѣйствіяхъ былъ необходимъ для обѣихъ сторонъ, и потому переговоры о перемиріи имѣли быстрый успѣхъ: 23 мая было заключено перемиріе, продолжавшееся почти 2½ мѣсяца.

„Въ теченіе этого времени союзниками заключенъ былъ 15-го (27-го) іюня *Рейхенбахскій договоръ* съ Австріею, по которому она обязалась объявить войну Наполеону, если къ концу перемирія онъ не согласится на миръ на условіяхъ, предложенныхъ ею послѣ Люценскаго сраженія. Нѣсколько ранѣе Англіею заключенъ былъ договоръ о субсидіяхъ съ Пруссіею (2 [14] іюня — 666,666 фунт. стерлинговъ или 4,200,000 рубл. сер., на содержаніе 80,000 чел.) и съ Россіею (3 [15] іюня—1,333,334 фунта стерлинговъ или 8,400,000 рубл., на содержаніе 160,000 чел).

[1]) П. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе", т. III, стр. 151—152.

[2]) „Обзоръ войнъ", ч. II, стр. 55.

„Такимъ образомъ война, начатая одною Россіею, веденная ею затѣмъ совмѣстно съ Пруссіею, съ силами, еще значительно уступавшими численности французской арміи, къ началу осенняго похода уже обратилась въ войну коалиціи изъ пяти державъ и, наконецъ, перевѣсъ въ силахъ, хотя далеко не въ такихъ размѣрахъ, какъ то выставлялось иногда, перешелъ на сторону союзниковъ“ [1]).

Обѣ стороны судорожно увеличивали свои силы.

б) Второй періодъ.

Наша армія ко времени перемирія имѣла около 90,000 чел. Къ концу перемирія силы ея возросли до 173,000 чел. при 630 орудіяхъ. Кромѣ того, около 120,000 чел. находилось въ двухъ резервныхъ арміяхъ и въ гарнизонахъ крѣпостей.

Сила прусскихъ войскъ въ концу перемирія дошла до 135,000 чел. и, кромѣ того, ландверъ до 100,000 человѣкъ; всего пруссаками было выставлено въ поле 170,000 чел. при 376 орудіяхъ.

Австрія выставила 110,000 чел.

Всего въ составѣ союзныхъ арміи находилось 492,000 чел. при 1,383 орудіяхъ.

Сила французской арміи была доведена до 440,000 чел. при 1,200 орудіяхъ. Такимъ образомъ союзники еще не имѣли превосходства въ силахъ, которое могло бы обезпечить успѣхъ въ борьбѣ съ такимъ геніальнымъ противникомъ, какъ Наполеонъ.

Тѣмъ не менѣе, союзники рѣшили дѣйствовать наступательно. Въ основаніе ихъ плана было принято: „Направлять всѣ союзныя войска туда, гдѣ находятся главныя силы непріятеля, и потому корпусамъ, долженствующимъ дѣйствовать на флангахъ и въ тылу противника, двигаться по кратчайшему направленію на его путь дѣйствій. Главнымъ силамъ союзниковъ стать такимъ образомъ, чтобъ онѣ всегда могли предупредить непріятеля. Выдающееся, подобно бастіону, положеніе Богеміи тому способствуетъ“ [2]).

Наполеонъ тоже рѣшился дѣйствовать наступательно. Пользуясь сосредоточеннымъ расположеніемъ своихъ войскъ у Дрездена, онъ разсчитывалъ воспользоваться выгодами внутренняго положенія и, бросаясь изъ Дрездена, какъ изъ центра, съ своими главными силами то противъ одной, то противъ другой изъ союзныхъ арміи,—бить ихъ по частямъ [3]).

Во время перемирія р. Эльба раздѣляла воюющія стороны.

Союзники раздѣлили свои силы на три арміи: богемскую — Шварценберга—237,000; силезскую — Блюхера—100,000; сѣверную — наслѣднаго шведскаго принца 155,000 чел. [4]).

---

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. II, стр. 63.

[2]) Тамъ же, стр. 69.

[3]) Тамъ же, ч. II, стр. 71.

[4]) Въ составъ этой послѣдней арміи было 24,000 шведскихъ войскъ.

Русскія войска были раздѣлены между тремя арміями, и ни одинъ изъ русскихъ генераловъ не былъ поставленъ во главѣ одной изъ армій.

„Государь, не принимая однако званія главнокомандующаго, оказывалъ главнѣйшее вліяніе на всѣ движенія арміи, несмотря на присутствіе другихъ монарховъ“ [1]).

Осенній походъ начался съ того, что 125,000 русско-прусскихъ войскъ изъ Силезіи перешли въ Богемію, а Наполеонъ, не зная объ этомъ, составилъ планъ ударить въ направленіи на Берлинъ.

Послѣ довольно медленнаго марша, богемская армія подошла 13 августа къ Дрездену. Наполеонъ съ главными силами находился на маршѣ противъ Блюхера, и въ Дрезденѣ оставался только одинъ корпусъ Сенъ-Сира. Союзныя войска имѣли двойное превосходство въ силахъ, но 13 августа не рѣшились произвести атаки.

Диспозиціею на 14 августа атака назначалась, но въ очень неопредѣленныхъ выраженіяхъ.

„Прежде всего въ ней замѣчается *отсутствіе* (самаго главнаго) *указанія цѣли*; объ овладѣніи Дрезденомъ нигдѣ не упомянуто, а говорится только, что колонна, достигнувъ „пунктовъ“, выставляетъ позиціонныя батареи *„для обстрѣливанія города“*; дальнѣйшей цѣлью наступленія каждой колонны ставится *„демонстрація“*, при чемъ рекомендуется колоннамъ *„наступать настолько, насколько то можно будетъ безъ напрасной траты людей“*, стараясь воспользоваться каждымъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, и даже, въ случаѣ наибольшей удачи, *разрѣшается* (?) ворваться въ дрезденскія предмѣстья“. И это при атакѣ укрѣпленной позиціи [2]).

Кромѣ всѣхъ неясностей диспозиціи, она еще грѣшила и тѣмъ, что изъ 150,000 арміи для штурма было назначено только 40,000. чел. Между тѣмъ Наполеонъ, по полученіи извѣстія о движеніи богемской арміи къ Дрездену, быстро подкрѣпилъ Сенъ-Сира, и утромъ 14 августа сильная позиція у Дрездена уже защищалась 70,000 французовъ противъ 40,000 атаковавшихъ ее союзныхъ войскъ.

Между тѣмъ атака на Дрезденъ исполнена была войсками не по диспозиціи, а отъ сердца. Пять колоннъ, растянутыхъ на 15 верстъ, безъ взаимной связи, безъ указанія имъ общей цѣли, безъ лѣстницъ и фашинъ, храбро атаковали сильныя отъ природы и укрѣпленныя позиціи французовъ. Приходилось переходить рвы, одолѣвать каменныя, крѣпостного типа, стѣны. Войска сражались самоотверженно, овладѣли нѣсколькими мѣстными пунктами и однимъ укрѣпленіемъ, но ворваться въ городскіе форштадты не могли. Съ переходомъ французскихъ войскъ въ наступленіе союзники вынуждены были къ отступленію.

---

[1]) Н. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“. т. III. стр. 159.

[2]) „Обзоръ войнъ“, ч. II, стр. 85.

Къ вечеру 14 августа у Наполеона уже было сосредоточено у Дрездена 125,000 чел. Несмотря на угрозу пути отступленія арміи союзниковъ, движеніемъ 40,000 корпуса на сообщенія ихъ, Шварценбергъ 15 августа остался въ окрестностяхъ Дрездена.

Наполеонъ, располагая меньшими силами, рѣшился перейти въ наступленіе и атаковалъ главными силами оба фланга союзниковъ. Центръ позиціи французскихъ войскъ былъ очень ослабленъ. Быстрымъ движеніемъ массы войскъ противъ центра Наполеона могъ бы повториться Аустерлицкій маневръ Наполеона по главныя силы союзниковъ оставались въ пассивномъ положеніи, въ то время, какъ фланги вели упорный бой. На правомъ флангѣ слабый русскій отрядъ въ 5,000 чел. долго боролся противъ въ нѣсколько разъ превосходныхъ силъ противника и отступилъ въ полномъ порядкѣ, но на лѣвомъ флангѣ австрійскія войска были разбиты, съ потерею 10,000 плѣнныхъ и всей артиллеріи въ числѣ 26 орудій.

Всего въ два дня боя подъ Дрезденомъ союзники потеряли до 30,000 чел., французы — до 15,000 чел.

Рѣшено было отступить въ Богемію. „200,000 армія, отступая по трудной горной мѣстности, вмѣсто того, чтобы двигаться по тремъ дорогамъ, столпилась вся на одной“ [1]).

Къ счастью для союзниковъ, Остерманъ съ русскими войсками успѣлъ задержать войска корпуса Вандама настолько, что далъ время главнымъ силамъ арміи выйти изъ опаснаго положенія и протянуть всѣ тяжести черезъ горныя дефиле.

18 августа войска Остермана, поддержанныя нѣсколькими дивизіями изъ главныхъ силъ, у мызы Кульмъ наносятъ рѣшительное пораженіе корпусу Вандама. 10,000 плѣнныхъ и вся артиллерія (болѣе 80 орудій) Вандама достаются въ руки побѣдителей. Самъ Вандамъ тоже взятъ въ плѣнъ.

Бой у Кульма по сложности его напоминаетъ бой Багратіона въ 1805 году у Шенграбена. Остерману во что бы то ни стало надо было удержать путь на Теплицъ, чтобы дать возможность войскамъ богемской арміи перейти черезъ Рудныя горы. 17 августа Остерману приходилось сдержать болѣе чѣмъ въ два раза превосходныя силы французовъ. Наши войска, въ особенности гвардейскіе полки 1-й дивизіи Ермолова, сражались вполнѣ самоотверженно. Много разъ только послѣ штыкового боя удавалось удержать за тѣхъ или другихъ участкахъ позицію. Кавалерія, въ томъ числѣ и гвардейская, выручала, не жалѣя себя, другіе роды оружія. Остерману оторвало руку ядромъ, и его смѣнилъ Ермоловъ. Съ подходомъ подкрѣпленій силы союзниковъ превзошли силы Вандама. Выходъ въ тылъ прусскаго корпуса Клейста окончательно рѣшилъ сраженіе въ пользу союзниковъ. Въ

---

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. II, стр. 95.

бою 18 августа общее руководство боемъ находилось въ рукахъ Барклая-де-Толли. Потери союзниковъ, главнымъ образомъ русскихъ войскъ, превысили 9,000 человѣкъ.

Въ день побѣды подъ Кульмомъ союзниками получены были радостныя извѣстія о побѣдахъ, одержанныхъ еще надъ двумя французскими маршалами: сѣверною арміею 11 августа надъ войсками маршала Удино при Гроссъ-Беренъ и Блюхеромъ съ силезскою арміею надъ Макдональдомъ 14 августа при Кацбахѣ.

„Побѣда при Кульмѣ, въ связи съ Гроссъ-Беренскою и Кацбахскою, въ корнѣ измѣнила это тяжелое положеніе. Оживился духъ арміи, возродилось довѣріе другъ къ другу и вернулась надежда на успѣхъ. Шварценбергъ пересталъ помышлять объ уходѣ за Эгеръ и, расположилъ армію между Дуксомъ и Теплицемъ, готовясь къ новому наступленію, а Меттернихъ оставилъ мысль объ отдѣленіи Австріи отъ союза“ [1]).

Такимъ образомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда Наполеонъ лично руководилъ войсками, онъ еще одерживалъ побѣды (Люценъ, Бауценъ, Дрезденъ), но гдѣ союзники имѣли дѣло съ его маршалами, дѣйствовавшими безъ непосредственнаго руководства Наполеона, тамъ французскія войска начали терпѣть тяжелыя пораженія.

Пока маршалы командовали корпусами въ 15,000—30,000 чел., они, подъ руководствомъ Наполеона, дѣлали чудеса. Но, поставленные во главѣ значительныхъ массъ войскъ, соотвѣтствовавшихъ силамъ арміи той эпохи, оказывались не на высотѣ вышавшей на ихъ долю задачи. Такъ, Удино въ сраженіи подъ Гроссъ-Береномъ имѣлъ 70,000 чел.; Макдональдъ подъ Кацбахомъ командовалъ арміею въ 800,000 чел., и она потерпѣла рѣшительное пораженіе; общія потери ея простирались до 30,000 чел., въ томъ числѣ плѣнными до 18,000 чел. и 103 орудія.

Историки съ основаніемъ относятъ неудачу корпуса Вандама подъ Кульмомъ къ винѣ самого Наполеона. Его вниманіе было отвлечено дѣйствіями войскъ къ сторонѣ Берлина, и преслѣдованія союзной арміи послѣ боя подъ Дрезденомъ имъ организовано не было: молодая гвардія была пріостановлена въ Пирнѣ, старая гвардія возвратилась въ Дрезденъ, Мюратъ ошибочно уклонился на западъ, и Вандамъ такимъ образомъ былъ предоставленъ самому себѣ. Въ меньшемъ размѣрѣ произошло то же для него роковое недоразумѣніе, что и подъ Ватерлоо: ожидая съ минуты на минуту подхода подкрѣпленій отъ Дрездена, Вандамъ принялъ появившіяся части прусскаго корпуса Клейста за это подкрѣпленіе. Убѣдившись въ ошибкѣ, Вандамъ принялъ героическое рѣшеніе: пробиться черезъ ряды загородившихъ ему путь отступленія пруссаковъ. Въ стремительной атакѣ онъ смялъ прусскія линіи, но успѣла пробиться только французская конница.

---

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. II, стр. 105.

Заслуживаетъ особаго упоминанія атака русской конницы кирасирской и легкой гвардейской кавалерійской дивизій. Этими частями была взята вся артиллерія Вандама и самъ онъ со штабомъ.

Несмотря на неудачи, Наполеонъ упорствовалъ въ приведеніи въ исполненіе своего первоначальнаго плана—движенія на Берлинъ, разсчитывая, разбивъ армію шведскаго наслѣднаго принца, обратиться противъ другихъ армій.

Ней замѣнилъ Удино и съ арміею, силою до 70,000 чел., долженъ былъ двигаться къ Берлину. Макдональдъ обязывался сдерживать силезскую армію Блюхера, а Сенъ-Сиръ въ окрестностяхъ Дрездена—богемскую. Самъ Наполеонъ предполагалъ съ сильнымъ резервомъ расположиться въ узлѣ путей у м. Гайерсверда, съ тѣмъ, чтобы подать помощь прежде всего войскамъ Нея. Энергичное наступленіе арміи Блюхера измѣнило этотъ планъ. Макдональдъ былъ оттѣсненъ по направленію къ Герлицу. Наполеонъ двинулъ къ нему на помощь свой резервъ, но Блюхеръ уклонился отъ боя и отступилъ. Въ это же время войска Нея подъ Денневицемъ потерпѣли серьезное пораженіе отъ частей войскъ сѣверной арміи.

Сраженіе было выиграно, главнымъ образомъ, благодаря широкой инициативѣ, проявленной командирами прусскихъ корпусовъ. Бюловымъ и Тауенциномъ. Шведскій наслѣдный принцъ прибылъ на поле сраженія очень поздно и въ распоряженіяхъ участія почти не принялъ.

„Уронъ французовъ въ сраженіи при Денневицѣ и во время отступленія ихъ къ Торгау простирался до 18,000; взято 4 знамени, 60 орудій и 400 зарядныхъ ящиковъ. Пруссаки лишились до 9,000 человѣкъ (корпусъ Бюлова 6,000); уронъ русскихъ и шведскихъ войскъ ничтоженъ“ [1]).

Проигрышъ этого сраженія, вмѣстѣ съ неудачею подъ Гроссъ-Беренъ не только стоилъ арміи Наполеона значительныхъ потерь, но отразился и пониженіемъ духа войскъ Нея. Въ особенности стали ненадежны саксонскія войска, на которыя выпала наиболѣе трудная роль въ бою противъ прусскихъ корпусовъ.

Войска эти готовы были взбунтоваться и отказывали въ повиновеніи Нею. Этотъ послѣдній просилъ объ увольненіи его отъ командованія арміею, „предпочитая быть простымъ гренадеромъ“ [2]).

Какъ ни тяжела была обстановка, но Наполеонъ все еще разсчитывалъ на возможность побѣды. Собравъ до 130,000 чел., онъ быстро двинулся противъ арміи Блюхера, но не нашелъ ея тамъ, гдѣ ожидалъ. Фланговымъ маршемъ Блюхеръ продвинулся къ сѣверо-западу и вошелъ въ связь съ сѣверною арміею. И этотъ ударъ пришелся по воздуху. Между тѣмъ союзныя арміи въ серединѣ сентября перешли въ

---

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. II, стр. 125.

[2]) Тамъ же, стр. 125.

рѣшительное наступленіе, при чемъ богемская армія двигалась въ направленіи на Лейпцигъ на сообщенія арміи Наполеона.

Потерявъ за время операцій въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ до 100,000 человѣкъ и до 250 орудій и разувѣрившись въ способностяхъ своихъ маршаловъ къ самостоятельнымъ дѣйствіямъ, Наполеонъ постепенно суживаетъ сферу расположенія своихъ корпусовъ, переводитъ всѣ войска на лѣвый берегъ р. Эльбы и, наконецъ, по полученіи донесенія Мюрата, что богемская армія находится въ полномъ наступленіи къ Лейпцигу, дѣлаетъ распоряженіе о быстромъ сосредоточеніи всей арміи къ Лейпцигу [1]).

Къ 1 октября сосредоточеніе главныхъ силъ было закончено. Союзныя войска съ трехъ сторонъ двигались вслѣдъ за французскими войсками. 4 октября началась знаменитая четырехдневная „битва народовъ“ подъ Лейпцигомъ. Наполеонъ разсчитывалъ сосредоточить 200,000 чел.

Въ первый день сраженія у Наполеона было собрано 160,000—170,000 чел., у союзниковъ—193,000 чел. (кромѣ казаковъ) и 843 орудія. Предполагая, что сѣверная и силезская арміи находятся еще въ значительномъ удаленіи отъ Лейпцига, Наполеонъ рѣшилъ, оставивъ противъ нихъ незначительные заслоны, главными силами обрушиться на богемскую армію и разбить ее.

Войска богемской арміи въ свою очередь готовились къ наступленію. Относительно направленія главнаго удара вышло рѣзкое несогласіе во взглядахъ: Шварценбергъ и всѣ австрійскіе генералы стояли за атаку праваго фланга расположенія Наполеона, между рѣками Плейссою и Эльстеромъ. Императоръ Александръ, русскіе и прусскіе генералы, принимая во вниманіе, что выбранная для наступленія мѣстность закрытая, болотистая и почти непроходимая, предлагали атаку на открытой мѣстности лѣваго фланга Наполеона. Шварценбергъ все-таки настоялъ на своемъ и, хотя лишенный права употребить въ выбранномъ имъ направленіи русскія войска, двинулъ въ мѣшокъ между Эльстеромъ и Плейссою 30,000 войскъ при 114 орудіяхъ.

Западнѣе, на лѣвомъ берегу Эльстера, должны были дѣйствовать 20,000 съ 60 орудіями, восточнѣе, на правомъ берегу р. Плейссы, подъ общимъ начальствомъ Барклая-де-Толли, расположились 84,000 чел. съ 404 орудіями. Съ сѣвера ожидалось уже 4 октября прибытіе войскъ арміи Блюхера въ 60,000 чел. при 315 орудіяхъ.

Въ день боя, несмотря на общее превосходство силъ союзниковъ, на рѣшительномъ участкѣ, на правомъ берегу р. Плейссы, Наполеонъ имѣлъ 112,000 чел. противъ 84,000 чел. Барклая.

Войска Барклая начали наступленіе въ 7 ч. утра нѣсколькими колоннами на фронтѣ въ 8 верстъ. Всѣ атаки, веденныя разрозненно

---

[1]) Схема № 17.

и малыми силами, были отбиты. Дѣйствія австрійскихъ войскъ между рр. Плейссою и Эльстеромъ тоже были неудачны.

Наполеонъ, видя неудачу главныхъ силъ союзниковъ на правомъ берегу р. Плейссы, рѣшилъ собрать подъ начальствомъ Мюрата 80 эскадроновъ — 8,000 копей и, подготовивъ атаку 60 орудіями резервной артиллеріи, прорвать центръ расположенія войскъ Барклая. Потребовалось около двухъ часовъ времени на выстраиваніе этой массы конницы. Въ 3 ч. пополудни конница пошла въ атаку въ направленіи на русскія войска 2-го корпуса принца Евгенія Виртембергскаго. Расположеніе 2-го корпуса было прорвано, и до 30 орудій досталось въ руки враговъ.

Нашъ государь подвергался большой опасности. Французы были отъ него всего въ 80 шагахъ. Лейбъ-гвардіи казачій полкъ, состоявшій въ конвоѣ государя, бросился по узкой гати впередъ между прудами и сдержалъ противника до прибытія подкрѣпленій. Къ четыремъ часамъ пополудни конная атака Мюрата была отбита.

Корпуса Мармона и Сугама, которымъ было приказано съ сѣверной стороны Лейпцига перейти на южную, не могли выполнить этого приказанія, потому что были задержаны прибывшими къ полю сраженія, вопреки ожиданію Наполеона, войсками Блюхера.

Тѣмъ не менѣе, въ 5 ч. пополудни Наполеонъ рѣшается ввести въ дѣло свои послѣдніе резервы: четыре дивизіи молодой и старой гвардіи. Но атака эта была пріостановлена, въ виду полученныхъ Наполеономъ преувеличенныхъ донесеній объ успѣхахъ австрійцевъ въ долинѣ р. Плейссы.

Десятичасовой бой на позиціяхъ къ югу отъ Лейпцига не далъ побѣды ни одной изъ сторонъ.

Наша атака была отбита, но и контръ-атака Наполеона, веденная по преимуществу конницею, не дала рѣшительнаго результата, и союзныя войска удержались на позиціяхъ, на которыя отступили послѣ неудачной атаки. Потери каждой изъ сторонъ составили до 20,000 чел., при чемъ корпуса Клейста и принца Евгенія Виртембергскаго потеряли болѣе половины своего состава.

Во время нерѣшительнаго боя къ югу отъ Лейпцига Блюхеръ одержалъ значительную побѣду къ сѣверу отъ Лейпцига противъ войскъ Мармона силою до 22,000 чел. при 84 орудіяхъ. Трофеями союзниковъ были 53 орудія (въ томъ числѣ 13 взяты русскими войсками). Союзники потеряли 9,000 чел., французы съ плѣнными 8,000 человѣкъ. Одинъ изъ корпусовъ арміи Наполеона—Сугама, двинутый первоначально къ югу, былъ возвращенъ по полученіи извѣстія о появленіи войскъ Блюхера къ сѣверу и не попалъ въ дѣло, двигаясь цѣлый день между двумя сражавшимися группами (подобно корпусу Эрлона у Катръ-Бра и корпусу Груши подъ Ватерлоо).

5 октября союзники ожидали подхода Бенигсена съ 40,000 чел. и сѣверной арміи — 70,000 чел. Всего, выкидывая потери, собралось до 270,000 чел.

Наполеонъ могъ разсчитывать на подкрѣпленіе только въ 15,000 чел., которое, выключая потери, довело бы силы арміи Наполеона лишь до 150,000 человѣкъ.

При такомъ соотношеніи силъ и разстройствѣ французской арміи—отступленіе представлялось для французовъ неизбѣжнымъ, но Наполеонъ медлилъ принятіемъ рѣшенія. Онъ пытался вступить въ переговоры, но они были отвергнуты.

Весь день 5 октября проходитъ безъ боя. Наконецъ Наполеонъ рѣшается отступить, но, вмѣсто отступленія въ ночное время, предписываетъ всѣмъ войскамъ отходить къ Лейпцигу концентрически на протяженіи лишь 4-хъ верстъ.

Французскія войска послѣ этого передвиженія занимаютъ кольцевую вокругъ Лейпцига позицію въ 15 верстъ.

Союзники рѣшаются атаковать Наполеона всѣми своими силами. Богемская армія, силою 150,000 чел., направляется главнымъ образомъ на правый флангъ французской арміи; силезская армія Блюхера атакуетъ лѣвый флангъ французской арміи и сѣверная армія—центръ ея.

Общія силы союзниковъ достигали 282,000 чел.

„Результатъ сраженія 6 (18) октября сводится къ слѣдующему: *на правомъ своемъ флангѣ* всѣ атаки богемской арміи были отбиты Наполеономъ; въ *центрѣ* французы уступили союзникамъ нѣсколько деревень и расположеніе ихъ подано было назадъ къ Лейпцигу около 2 верстъ; *лѣвый ихъ флангъ* удержалъ свою позицію къ сѣверу отъ Лейпцига; въ *тылу* ихъ путь отступленія на Вейсенфельсъ остался свободенъ. Вообще результатъ, достигнутый союзниками въ этотъ день, далеко не соотвѣтствовалъ ихъ силамъ, ихъ значительному численному превосходству надъ противникомъ. Причины тому: 1) *разновременность атакъ* и 2) *удержаніе резерва* (до 100,000 чел. вовсе не приняли участія въ бою). Союзники считали необходимымъ сберечь его, предполагая, что Наполеонъ и на слѣдующій день будетъ продолжать сраженіе“ [1]).

Несмотря на относительный успѣхъ боя 6 октября, Наполеонъ могъ принять только одно рѣшеніе — возможно быстрое отступленіе. Приказъ объ отступленіи и былъ данъ, но расположеніе противниковъ было настолько сближенное, что производство отступленія не могло совершиться въ порядкѣ. Арьергарды французовъ оказали упорное сопротивленіе въ городѣ и вынудили союзниковъ брать Лейпцигъ штурмомъ. Преждевременный взрывъ моста на р. Эльстеръ лишилъ до 20,000 французскихъ войскъ, находившихся еще въ городѣ, пути отступленія. Одинъ изъ маршаловъ—Понятовскій—утонулъ. Лористонъ и Ренье взяты въ плѣнъ.

Уронъ французовъ въ 4-хъ дневномъ лейпцигскомъ бою составилъ 60,000 чел. и 300 орудій. Союзники потеряли до 50,000 чел., въ томъ числѣ 22,000 русскихъ.

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. II, стр. 169—170.

Разбитая французская армія, ослабленная въ моральномъ и матеріальномъ отношеніяхъ, отступила въ числѣ 60,000—70,000 чел. за Рейнъ и образовала кадры для сформированія арміи 1814 года.

Главною ошибкою Наполеона въ осеннюю кампанію 1813 года признается оставленіе имъ 170,000 войскъ гарнизонами въ крѣпостяхъ. Все надѣясь на побѣду, онъ разсчитывалъ, при сохраненіи опорныхъ пунктовъ по всей Германіи, быстро стать вновь хозяиномъ всей страны до русской границы. Особенно мало объяснимо оставленіе 30,000 корпуса Сенъ-Сира въ слабо укрѣпленномъ Дрезденѣ. Эти 30,000 могли способствовать одержанію 4 октября подъ Лейпцигомъ рѣшительной побѣды.

Союзники продвинулись къ Рейну и въ тылу начали осаду крѣпостей, занятыхъ французскими гарнизонами. Къ началу 1814 года союзниками уже было взято 8 крѣпостей и плѣнено 80,000 чел. съ 2,500 орудіями.

в) Третій періодъ. 1814 годъ.

Два мѣсяца перерыва въ военныхъ дѣйствіяхъ дали возможность Наполеону создать новую армію и протянуть сопротивленіе еще на пять мѣсяцевъ, до мая 1814 года.

Наполеонъ снова началъ переговоры о мирѣ и встрѣтилъ сочувствіе со стороны Австріи (съ Меттернихомъ) и Англіи. Но за продолженіе борьбы энергично высказались русскій императоръ и, поддержанный Блюхеромъ, король прусскій. Рѣшено было продолжать войну. Наполеонъ пытался затянуть переговоры до весны, надѣясь сформировать къ веснѣ 300,000 армію и перейти съ нею въ наступленіе. Союзники не дали ему на это времени и неожиданно для французовъ, еще въ декабрѣ 1813 года, перешли въ наступленіе.

„Русскія войска въ войну 1814 г. не составляли самостоятельной арміи, хотя гр. Барклай-де-Толли и носилъ званіе главнокомандующаго россійскою арміею, но непосредственно завѣдывалъ только россійско-прусскимъ резервомъ; наши же войска были распредѣлены по всѣмъ тремъ арміямъ: главной, силезской и сѣверной. Они заключались въ резервномъ кавалерійскомъ и шести пѣхотныхъ корпусахъ: гвардейскомъ, гренадерскомъ, гр. Витгенштейна, гр. Ланжерона, барона Сакена и барона Винценгероде“ [1]).

Вступая въ предѣлы Франціи, императоръ Александръ I отдалъ по русскимъ войскамъ слѣдующій приказъ:

„Воины! Мужество и храбрость ваши привели васъ отъ Оки на Рейнъ. Они ведутъ васъ далѣе: мы переходимъ за оный, вступаемъ въ предѣлы той земли, съ которою ведемъ кровопролитную, жестокую войну. Мы уже спасли, прославили отечество свое, возвратили Европѣ

---

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. II, стр. 313.

свободу ея и независимость. Остается увѣнчать великій подвигъ сей желаемымъ миромъ. Да водворятся на всемъ шарѣ земномъ спокойствіе и тишина! Да будетъ каждое царство подъ единою собственнаго правительства своего властью и законами благополучно! Да процвѣтаютъ въ каждой землѣ, ко всеобщему благоденствію народовъ, вѣра, языкъ, науки, художества и торговля! Сіе есть намѣреніе наше, а не продолженіе брани и разоренія. Непріятели, вступя въ середину царства нашего, нанесли намъ много зла, но и претерпѣли за оное страшную казнь. Гнѣвъ Божій поразилъ ихъ. Не уподобимся имъ: человѣколюбивому Богу не можетъ быть угодно безчеловѣчіе и звѣрство. Забудемъ дѣла ихъ; понесемъ къ нимъ не месть и злобу, но дружелюбіе и простертую для примиренія руку. Слава россіянина низвергать ополченнаго врага и, по исторженіи изъ рукъ его оружія, благодѣтельствовать ему и мирнымъ его собратіямъ. Сему научаетъ насъ свято почитаемая въ душахъ нашихъ православная вѣра; она божественными устами вѣщаетъ намъ: *любите враги ваши и ненавидящимъ васъ творите добро.* Воины! Я несомнѣнно увѣренъ, что вы кроткимъ поведеніемъ своимъ въ землѣ непріятельской столько же побѣдите се великодушіемъ своимъ, сколько оружіемъ, и, соединяя въ себѣ храбрость воина противъ вооруженныхъ съ благочестіемъ христіанина противъ безоружныхъ, довершите многотрудные подвиги свои сохраненіемъ пріобрѣтенной уже вами славы мужественнаго и добронравнаго народа. Вы ускорите чрезъ то достигнуть конца желаній нашихъ, всеобщаго мира. Я увѣренъ также, что начальствующіе надъ вами не оставятъ взять нужныхъ для сего мѣръ, дабы несогласные съ симъ поступки нѣкоторыхъ изъ васъ не помрачили, къ общему нашему прискорбію, того добраго имени, которымъ вы доселѣ по справедливости славитесь“ [1]).

Силы французовъ ко времени открытія военныхъ дѣйствій составляли всего 160,000 чел. Союзники располагали въ періодъ рѣшительныхъ дѣйствій болѣе чѣмъ двойными силами.

„Главная квартира государя перемѣстилась въ Базель, и 1 (13) января 1814 года, въ годовщину переправы черезъ Нѣманъ, русскія войска перешли здѣсь въ присутствіи императора Александра по мосту черезъ Рейнъ. Погода намъ не благопріятствовала: шелъ дождь, смѣшанный со снѣгомъ, и дулъ пронзительный вѣтеръ. Наконецъ, императоръ Александръ могъ приступить къ окончательному довершенію предначертанной имъ себѣ задачи, заключавшейся, по словамъ государя, *въ возстановленіи европейской системы* (la restauration du système européen): „возвратить каждому народу полное и всецѣлое пользованіе его правами и его учрежденіями, поставить какъ ихъ всѣхъ, такъ и насъ самихъ, подъ охрану общаго союза, охранить себя и защитить ихъ отъ честолюбія завоевателей,—таковы суть основанія,

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. II, стр. 317—318.

на которыхъ мы надѣемся съ Божіею помощью утвердить эту новую систему. Провидѣніе поставило насъ на дорогу, которая прямо ведетъ къ цѣли. Часть ея мы уже прошли. Та, которая еще предстоитъ намъ, усѣяна большими трудностями. Надобно ихъ устранить". Эти слова были сказаны Александромъ при отправленіи имъ графа Каподистріи въ Швейцарію.

„Вотъ съ какими мыслями императоръ Александръ началъ походъ 1814 года; онѣ вполнѣ выражаютъ политическіе взгляды, усвоенные тогда государемъ подъ впечатлѣніемъ событій послѣднихъ лѣтъ" [1]).

Вотъ для какихъ туманныхъ и чуждыхъ русской національной политикѣ цѣлей русскій народъ истощался непосильными расходами на военныя нужды уже девятый годъ, а русская армія оказывала геройскіе подвиги. Награда Россіи, какъ извѣстно, не соотвѣтствовала жертвамъ Россіи на борьбу съ Наполеономъ.

13 января 1814 года Наполеонъ прибылъ къ арміи въ Шалонъ. Началась для него героическая борьба. Несмотря на превосходство въ силахъ у союзниковъ, обаяніе генія Наполеона еще было такъ велико, что ему, даже при тяжелыхъ условіяхъ, удается выиграть нѣсколько сраженій. Нѣкоторыя изъ веденныхъ имъ операцій (дѣйствія по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ) признаются военными изслѣдователями войны 1814 года образцовыми. Три арміи союзниковъ, вторгнувшись въ предѣлы Франціи, хотя и медленно, но все тѣснѣе и тѣснѣе, въ направленіи къ Парижу, сжимаютъ районъ дѣйствій французскихъ войскъ и, наконецъ, взятіемъ Парижа оканчиваютъ борьбу съ Наполеономъ.

Ко времени открытія военныхъ дѣйствій силы союзниковъ на всѣхъ театрахъ войны составили огромную силу—900,000 чел., но на главномъ театрѣ — французскомъ первоначально въ декабрѣ находилось только 200,000 чел. Затѣмъ дѣйствія во Франціи были возложены на двѣ арміи: главную (бывшую богемскую), подъ начальствомъ Шварценберга, силою до 220,000 чел. съ 700 орудіями, и силезскую— Блюхера, силою 120,000 чел. съ 400 орудіями. Русскія войска, около 120,000 чел. съ 540 орудіями, опять были распредѣлены между этими двумя арміями почти поровну. Англійскія войска, 120,000 чел., подъ начальствомъ Веллингтона, дѣйствовавшія въ Испаніи, и австрійскія 80,000 чел., дѣйствовавшія противъ французовъ въ Италіи, тоже должны были вторгнуться въ предѣлы Франціи.

Наступленіе главной арміи велось очень медленно. Въ мѣсяцъ времени, безъ сопротивленія со стороны противника, было пройдено отъ Базеля до Лангра только 170 верстъ. Силезская армія двигалась быстрѣе.

Первое наступленіе войскъ Наполеона имѣло цѣлью отдѣльное пораженіе арміи Блюхера и разъединеніе ея отъ главной арміи. Въ

[1]) Н. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе", т. III, стр. 182.

бою 17 января подъ Бріеномъ французы побѣждаютъ, и силезская армія отступаетъ; но это отступленіе только сближаетъ арміи союзниковъ, а не разъединяетъ ихъ. Послѣ побѣды подъ Бріеномъ Наполеонъ два дня оставался неподвижно, занявъ позицію у Ла-Ротьера.

По настоянію императора Александра, изъ состава арміи Шварценберга были направлены къ Блюхеру значительныя подкрѣпленія съ цѣлью атаки французовъ на позиціи у Ла-Ротьера. 20 января Блюхеръ съ 90,000 чел. атаковалъ французовъ. Наполеонъ, разсчитывая на обычную осторожность и медленность союзниковъ, не ожидалъ этого боя и не притянулъ къ себѣ сосѣднихъ корпусовъ. Онъ располагалъ на растянутой на 5 верстъ позиціи всего 40,000 чел.

Послѣ упорнаго боя къ 8 часамъ вечера французы были разбиты и безпорядочно отступили въ двухъ направленіяхъ.

Они потеряли 6,000 чел. и 63 орудія (въ томъ числѣ русскими взято 24 орудія). Изъ 4,600 чел. общей потери союзниковъ 3,000 чел. приходится на долю русскихъ. Съ особымъ отличіемъ дѣйствовала въ этомъ бою русская конница: Маріупольскіе гусары и Курляндскіе драгуны прорвали непріятельскую линію къ востоку отъ Ла-Ротьера и захватили 24 орудія. Честь овладѣнія мѣстечкомъ Ла-Ротьеръ принадлежитъ также русскимъ войскамъ ген. Сакена.

„Потеря сраженія при Ла-Ротьерѣ была весьма чувствительна для Наполеона не только въ *матеріальномъ* отношеніи, но и особенно въ *моральномъ*, такъ какъ это было *первое* сраженіе на французской территоріи, въ шести только переходахъ отъ Парижа, путь къ которому теперь былъ совершенно открытъ союзникамъ. Неудача эта была тѣмъ болѣе чувствительна для Наполеона, что ее, въ глазахъ общественнаго мнѣнія, нельзя было оправдать какою-либо неблагопріятною случайностью, какъ при Аспернѣ (1809 г., внезапный разливъ Дуная), ни суровостью зимы (1812 г.), ни преждевременнымъ взрывомъ моста (1813 г. Лейпцигъ). Неудача всецѣло принадлежала самому Наполеону. Она въ самомъ началѣ войны обнаружила всѣмъ, что Наполеону не устоять противъ силы коалиціи и что катастрофа неизбѣжна“ [1]).

Слишкомъ слабое преслѣдованіе послѣ боя у Ла-Ротьера дало возможность Наполеону привести въ порядокъ отступавшія войска.

Уже 24 января Наполеонъ, собравъ 37,000 человѣкъ, быстро движется противъ растянувшихся на маршѣ къ р. Марнѣ войскъ Блюхера, неожиданно появляется на флангѣ ихъ и наноситъ нѣсколько пораженій 57,000 арміи Блюхера (у Шампобера, Монмираля, Вошана и Этожа). Въ бояхъ съ 29 января по 2 февраля Блюхеръ теряетъ до 16,000 человѣкъ и до 50 орудій [2]). Блюхеръ отступилъ.

Эти побѣды Наполеона произвели настолько сильное впечатлѣ-

---

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. II, стр. 219.

[2]) Тамъ же, стр. 240.

ніе, что партія мира въ главной квартирѣ союзниковъ снова возвысила свой голосъ.

Но общія силы союзниковъ были слишкомъ значительны, сравнительно съ силами Наполеона, чтобы окончить борьбу. Движеніе впередъ главной арміи вынудило французскіе корпуса отходить назадъ. Тогда Наполеонъ дѣлаетъ еще одну попытку остановить движеніе главной арміи.

Наполеонъ въ началѣ февраля могъ располагать для активныхъ дѣйствій силою около 60,000 чел. Оставивъ изъ нихъ до 20,000 чел. въ долинѣ Марны противъ арміи Блюхера, онъ съ остальными силами бросился противъ растянутой на маршѣ главной арміи. Впереди ея, въ 30 верстахъ отъ главныхъ силъ, шелъ авангардъ изъ русскихъ войскъ гр. Палена. На него и обрушился первый ударъ Наполеона. Не получая помощи отъ ближайшихъ союзныхъ войскъ, Паленъ, послѣ боя при с. Морманъ, вынужденъ былъ къ отступленію, съ потерею 2,000 человѣкъ и 10 орудій. Но дальнѣйшія дѣйствія Наполеона ставятъ историковъ въ недоумѣніе: вмѣсто продолженія наступленія всѣми силами въ одномъ направленіи, онъ предпринимаетъ наступленіе „по тремъ расходящимся направленіямъ съ силами, разбросанными на 40 верстъ“ [1]).

Шварценбергъ, располагая двойными противъ Наполеона силами, началъ отступленіе.

Блюхеръ держался другого мнѣнія. Послѣ долгой борьбы онъ добился усиленія своей арміи, за счетъ главной арміи, до 100,000 чел. и взялъ на себя главную роль въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Блюхеру разрѣшено было двигаться къ Парижу, а на главную армію возложено обязательство содѣйствовать ему. Роли арміи, въ зависимости отъ характера вождей, перемѣнились.

Наполеонъ снова ставитъ себѣ цѣлью разбить армію Блюхера. Послѣ боя при Краонѣ Блюхеръ вынужденъ къ отступленію и сосредоточиваетъ къ 25 февраля 60,000 русскихъ и 40,000 прусскихъ войскъ. 25 февраля войска Наполеона, силою отъ 44,000 до 50,000 чел., атаковали 100,000 армію Блюхера подъ Лаономъ и были отбиты съ большимъ урономъ и съ потерею 40 орудій. По болѣзни Блюхера, побѣдою при Лаонѣ союзныя войска не воспользовались.

Одержавъ еще одну побѣду надъ корпусомъ Сенъ-При, шедшимъ на соединеніе съ арміею Блюхера, Наполеонъ обратился противъ арміи Шварценберга. Располагая всего 30,000 чел., онъ атаковалъ при Арси войска союзной арміи, которая могла собрать для боя 100,000 чел. Послѣ двухдневнаго боя Наполеонъ, 8 марта, вынужденъ былъ къ отступленію съ потерею до 8,000 чел. и 7 орудій.

„Послѣ того, какъ Наполеону не удалось разбить ни Блюхера, ни Шварценберга, *каждаго отдѣльно*, положеніе его сдѣлалось отчаяннымъ, когда приближалась минута *соединенія* главной и силезской арміи,

---

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. II, стр. 247.

тѣмъ болѣе, что онъ не могъ уже разсчитывать на усиленіе своей арміи подкрѣпленіями, и когда дѣла на второстепенныхъ театрахъ военныхъ дѣйствій приняли для него тоже крайне неблагопріятный оборотъ“ [1]).

Видимое истощеніе силъ и средствъ Наполеона побудило союзниковъ къ производству рѣшительнаго наступленія къ Парижу. За исключеніемъ всѣхъ отдѣльныхъ корпусовъ, союзники для марша на Парижъ располагали 170,000 войскомъ.

Наполеонъ могъ выставить противъ нихъ не свыше 80,000 чел. 12 марта два французскихъ корпуса, Мармона и Мортье, силою въ 17,000 чел. съ 68 орудіями, были разбиты въ бою подъ Феръ-Шампенуазомъ, главнымъ образомъ конницею союзниковъ, силою въ 16,000 чел. съ 94 орудіями; въ этомъ числѣ русской конницы было 12,000 чел.

Безъ содѣйствія пѣхоты конница проявила рѣдкую отвагу, разбила французовъ, нанесла имъ потери въ 11,000 чел. и взяла 75 орудій. Потери конницы составили 2,000 человѣкъ (13% ея состава).

18 марта союзники уже атакуютъ французскія войска подъ Парижемъ. Для обороны Парижа братъ Наполеона Іосифъ располагалъ 40,000 чел. при 154 орудіяхъ. Обученныхъ войскъ изъ нихъ было только 30,000 чел. Кромѣ того, въ оборонѣ принимали участіе 12,000 чел. національной гвардіи, изъ которыхъ только 7,200 чел. имѣли солдатскія ружья.

Изъ союзныхъ войскъ въ сраженіи подъ Парижемъ приняли участіе 100,000 чел., въ томъ числѣ русскихъ 63,000 чел.

Къ двумъ часамъ пополудни французы были опрокинуты на всѣхъ пунктахъ. За отъѣздомъ Іосифа маршалы вступили въ переговоры о сдачѣ Парижа. Въ 5 ч. пополудни бой окончился: Парижъ сдался. Союзники потеряли до 8,400 чел., въ томъ числѣ 6,000 чел. русскихъ.

Историкъ пишетъ [2]): „Значительный уронъ объясняется отсутствіемъ единства въ дѣйствіяхъ союзниковъ и происшедшею вслѣдствіе этого неодновременностью атаки со стороны всѣхъ частей союзной арміи. Къ тому же, успѣхъ дня рѣшился прямымъ ударомъ на самую сильную часть непріятельской позиціи“.

Французы съ плѣнными потеряли до 5,000 человѣкъ и 126 орудій, изъ которыхъ 70 орудій взяты русскими войсками.

21 марта французскій сенатъ учредилъ временное правительство и обнародовалъ низложеніе Наполеона. „Наполеонъ, съ оставшимися у него 40,000, готовился продолжать борьбу, но, не встрѣтя къ тому сочувствія въ ближайшихъ своихъ сподвижникахъ, маршалахъ, 30 марта (11 апрѣля) отказался безусловно отъ престола, за себя и за наслѣдниковъ своихъ, и 8 (20) апрѣля удалился на островъ Эльбу.

---

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. II, стр. 289.

[2]) Н. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, т. III, стр. 206.

„16 (28) мая 1814 г. заключенъ Парижскій миръ, по которому Франція ограничена была ея предѣлами 1792 года“ [1]).

Въ главѣ XX-й изложено, какую заботливость проявило русское правительство къ поддержанію представителей свергнутаго съ престола Франціи Бурбонскаго дома. На русскія деньги содержался Людовикъ XVIII; ему высылались русскія деньги на переѣздъ въ Россію; на русскія деньги онъ жилъ въ Россіи и жили нѣсколько тысячъ эмигрантовъ. И въ послѣдующихъ событіяхъ цѣлью вмѣшательства Россіи въ дѣла Франціи являлось низложеніе Наполеона и водвореніе вновь на престолѣ Франціи Бурбоновъ. Но, когда цѣль эта была достигнута и Людовикъ XVIII прибылъ въ Парижъ и вступилъ на престолъ,—неожиданно императоръ Александръ I началъ осуждать его и поддерживать оставшихся въ Парижѣ представителей семьи Наполеона.

Произошло это при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

17 апрѣля Людовикъ XVIII прибылъ въ Компіенъ. Александръ I выслалъ къ нему на встрѣчу своего генералъ-адъютанта съ письмомъ, въ которомъ совѣтовалъ Людовику „не уклоняться отъ либеральныхъ идей, не забывать арміи и даровать Франціи свободныя учрежденія“ [2]).

„Съ водвореніемъ Людовика XVIII въ Тюльерійскомъ дворцѣ отношенія его къ императору Александру окончательно обострились. Король, завидуя популярности, которою пользовался Александръ среди французскаго населенія, называлъ его „le petit roi de Paris“. Пригласивъ однажды на обѣдъ государя и короля прусскаго, Людовикъ вошелъ въ столовую залу первымъ и сѣлъ на почетномъ мѣстѣ; когда же одинъ изъ придворныхъ служителей, подавая блюдо, подошелъ прежде всѣхъ къ императору Александру, король грозно вскричалъ: „A moi, s'il vous plait“! Впослѣдствіи государь, вспоминая этотъ обѣдъ, замѣтилъ: „Мы, сѣверные варвары, болѣе вѣжливы у себя дома“. Вообще же Александръ отозвался въ слѣдующихъ выраженіяхъ по поводу неумѣстнаго высокомѣрія главы Бурбонскаго дома: „Людовикъ XIV, во время своего наибольшаго могущества, не принялъ бы меня иначе; можно было подумать, что онъ возвратилъ мнѣ утраченный престолъ. Его пріемъ произвелъ на меня то же впечатлѣніе, какъ и упадъ холодной воды, который бы мнѣ вылили на голову“.

„Къ немалому неудовольствію Тюльерійскаго двора, Александръ усугубилъ, послѣ первыхъ встрѣчъ съ Бурбонами, вниманіе и явное предпочтеніе, которыя оказывалъ семейству Наполеона. Государь навѣщалъ неоднократно императрицу Жозефину въ Мальмезонѣ и сблизился съ королевой Гортензіей. Среди собиравшагося у нихъ общества онъ, не стѣсняясь, высказывалъ свои взгляды на современное положеніе французскихъ дѣлъ, выражаясь неодобрительно о Бурбо-

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. II, стр. 313.

[2]) Н. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, т. III, стр. 226.

пахъ. „Эти люди никогда не сумѣютъ поддержать себя“ („Ces gens-là ne soutiendront jamais“), сказалъ Александръ. Все это передавалось куда слѣдуетъ и, конечно, не содѣйствовало улучшенію отношеній между императоромъ и династіею, имъ же водворенною на французскомъ престолѣ“ [1]).

Во время совмѣстнаго пребыванія въ Парижѣ Людовика XVIII и Александра I, послѣдній искалъ популярности въ населеніи и пріобрѣлъ ее, что не могло не раздражать Людовика XVIII, крайне не популярнаго. Людовикъ XVIII отплатилъ Александру, заключивъ договоръ съ Англіею и Австріею, направленный противъ Россіи.

18 мая былъ заключенъ миръ.

Франція лишилась населенія около 15,000,000 чел. и вошла въ границы 1792 года. Болѣе 50 крѣпостей и свыше 1,000 орудій, литейные дворы, разные запасы, линейные корабли, всего на сумму 1,200 милліоновъ, были отобраны отъ Франціи.

По случаю заключенія мира былъ обнародованъ манифестъ, въ заключеніи котораго сказано, что на французскій престолъ призванъ законный государь.

Въ приказѣ по арміи между прочимъ значилось: „Совершена война, для свободы народовъ и царствъ подъятая“...

Вмѣшательство Россіи въ 1815 году въ дѣла саксонскія и польскія.

Для рѣшенія всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ войною 1813—1814 годовъ, окончившеюся низложеніемъ Наполеона, было рѣшено собраться на конгрессъ въ Вѣнѣ.

1 сентября 1814 года государь Александръ I выѣхалъ изъ Петербурга черезъ варшавское герцогство въ Вѣну. По пути черезъ Польшу государь остановился въ Пулавахъ, владѣніи Чарторыжскаго.

Въ дневникѣ матери Чарторыжскаго записано, что Александръ I въ Пулавахъ „распространялся о томъ, какъ онъ любитъ поляковъ за ихъ храбрость. „Они защищаютъ такое благородное дѣло,—сказалъ Александръ,—что я горячо желаю осчастливить ихъ и работаю для этой цѣли, но нужны терпѣніе и вѣра въ меня. Въ 1812 году я не могъ противиться могущественному напору непріятеля, но рѣшился бороться: морозъ и голодъ помогли мнѣ, и Богъ наказалъ Наполеона. Теперь меня болѣе всего занимаетъ Польша. Ѣду на конгрессъ, чтобы работать для нея, но надо двигать дѣло постепенно. У Польши три врага: Пруссія, Австрія и Россія, и одинъ другъ—это я. Если бы я хотѣлъ присоединить Галицію, пришлось бы сражаться. Пруссія соглашается возстановить Польшу, если ей отдадутъ часть Великой Польши. А я хочу отдать польскимъ провинціямъ около 12-ти мил-

[1]) Н. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, т. III, стр. 228.

ліоновъ-жителей. Составьте себѣ хорошую конституцію и сильную армію, и тогда посмотримъ". Послѣ этого разговора императоръ возвратился въ гостиную, гдѣ мой сынъ представлялъ ему всѣхъ гостей" [1]).

Чарторижскій отправился вмѣстѣ съ государемъ въ Вѣну въ качествѣ друга Александра I и представителя польскихъ интересовъ. „Онъ являлся защитникомъ придуманной имъ системы дуализма, т. е. союза Россіи съ Польшею, династическаго и политическаго, основаннаго на обоюдной независимости" [2]).

Въ Вѣнѣ съѣхались государи и владѣтельныя особы большей части Европы.

„Политическіе виды императора Александра, которыми онъ руководствовался передъ открытіемъ переговоровъ на вѣнскомъ конгрессѣ, были изложены имъ собственноручно въ краткой запискѣ (Points sommaires de l'instruction). Для Россіи государь требовалъ герцогства варшавскаго; въ крайнемъ случаѣ онъ соглашался только уступить Пруссіи Познань до линіи, проведенной отъ Торна до Пейзерна и оттуда вдоль Просны до границы Силезіи, и Кульмскій округъ до Древенца, за исключеніемъ района вокругъ Торна" [3]).

Этотъ проектъ встрѣтилъ въ Вѣнѣ дружный отпоръ со стороны представителей Австріи, Франціи и Англіи.

Государю Александру I приходилось много работать, чтобы добиться осуществленія своихъ плановъ.

Русскіе интересы на конгрессѣ защищали дипломаты Александра I, относительно которыхъ историкъ выражается такъ [4]): „Изъ шести уполномоченныхъ нашихъ одинъ только графъ А. К. Разумовскій былъ природнымъ русскимъ, да и тотъ отъ Россіи почти отрекся; Нессельроде же былъ сыномъ графа священной римской имперіи, и родился въ Лиссабонѣ; затѣмъ былъ еще лифляндецъ графъ Стакельбергъ, одинъ эльзасецъ Анстетъ, одинъ корсиканецъ Поццо-ди-Борго и одинъ корфіотъ графъ Каподистрія. Къ этимъ особамъ должно присовокупить еще барона Штейна, который хотя и не находился на службѣ ни у одной державы, но пользовался особеннымъ довѣріемъ императора Александра. Въ сомнительныхъ и чрезвычайныхъ случаяхъ государь обращался къ его совѣтамъ".

Своимъ отношеніемъ къ различнымъ владѣтельнымъ особамъ Германіи Александръ I поставилъ многихъ изъ нихъ въ число враговъ Россіи. Въ Парижѣ Александръ I, боровшійся за возстановленіе на престолѣ Бурбоновъ, добившись этой цѣли, сталъ относиться къ Бурбонамъ презрительно и, наоборотъ, былъ любезенъ съ представителями семьи Наполеона. Въ Вѣнѣ, послѣ долгой борьбы за освобо-

---

[1]) П. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе", т. III, стр. 226.

[2]) Тамъ же, стр. 267.

[3]) Тамъ же, стр. 271.

[4]) Тамъ же, стр. 275.

жденіе отъ Наполеона Германіи, Александръ I сталъ обращаться внимательно къ представителямъ германскихъ владѣній.

Въ запискахъ современниковъ значится, что русскій императоръ оказывалъ гораздо болѣе вниманія швейцарскому ландману или хорошенькой вѣнской женщинѣ, нежели всѣмъ германскимъ владѣтелямъ. „Ему, конечно, слѣдовало поступать иначе, потому что народы имѣютъ право требовать уваженія къ тѣмъ, кто управляетъ ими, и это неосторожное поведеніе немало содѣйствовало тому, чтобы создать государю враговъ. Изъ гордости они умалчивали о настоящей причинѣ своей ненависти и ссылались только на страхъ, который должны внушать могущество и честолюбіе Россіи“ [1]). Несомнѣнно, что увеличившееся значеніе Россіи и требованіе со стороны Александра I первенствующей для себя роли создавали благодарную почву для общаго противъ него возбужденія.

На вѣнскомъ конгрессѣ наибольшія трудности представило разрѣшеніе польскаго и саксонскаго вопросовъ.

Присоединенная къ Пруссіи, по третьему раздѣлу, территорія Польши съ Варшавою была отторгнута Наполеономъ отъ Пруссіи и передана саксонскому королю, съ образованіемъ изъ польскихъ земель великаго герцогства варшавскаго. Саксонскій король оставался вѣрнымъ союзникомъ Наполеону и послѣ побѣды своего покровителя долженъ былъ поплатиться за участіе въ братоубійственной борьбѣ нѣмцевъ противъ нѣмцевъ, которую онъ велъ.

Привлекая въ 1813 году Пруссію къ борьбѣ съ Наполеономъ, Александръ I обѣщалъ присоединеніе Саксоніи къ Пруссіи. Такое требованіе, предъявленное Александомъ I на вѣнскомъ конгрессѣ, встрѣтило отпоръ въ особенности со стороны Австріи и Франціи. Австріи невыгодно было усиленіе Пруссіи, а представитель Франціи, Талейранъ, противился этому присоединенію въ виду родственныхъ связей дома Бурбонскаго съ Саксонскимъ.

Второе требованіе Александра I, уже касавшееся вознагражденія Россіи за всѣ принесенныя ею жертвы для освобожденія Европы, заключалось въ присоединеніи къ Россіи герцогства варшавскаго. Казалось бы, главный протестъ долженъ былъ встрѣтиться со стороны Пруссіи, которая болѣе другихъ державъ имѣла права на эту территорію, присоединенную къ ней по третьему раздѣлу Польши въ 1795 году. Но Пруссія не протестовала. Противниками Россіи явились не Пруссія, а Англія Франція и Австрія.

Ш. Сеньобосъ, авторъ „Политической исторіи современной Европы“, противодѣйствіе на вѣнскомъ конгрессѣ Австріи и Англіи планамъ Россіи и Пруссіи, относительно Саксоніи и Польши; объясняетъ такъ: „Англія и въ особенности Австрія не хотѣли допу-

[1]) Н. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, т. III, стр. 271.

стить, чтобы *Россія врѣзалась такъ далеко въ глубь Европы* и чтобы Пруссія такъ широко раскинулась по Германіи“ [1]).

Тотъ же авторъ указываетъ, что Пруссія не дорожила возвращеніемъ ей польскихъ областей и объясняетъ почему: Пруссія замѣнила по вѣнскому конгрессу польскія области, *столь трудно ассимилируемыя*, тремя нѣмецкими областями [2]).

Такимъ образомъ, даже короткое управленіе пруссаками варшавскимъ райономъ указало практичнымъ пруссакамъ всѣ предстоящія имъ впереди трудности и вызвало въ нихъ намѣреніе обмѣнять это трудно переваримое даже для нѣмцевъ польское наслѣдіе на нѣмецкія провинціи. Александръ I не только согласился помогать этому плану, но, къ невыгодѣ Россіи, рѣшился присоединить къ ней территоріи съ сплошнымъ польскимъ населеніемъ. Московскіе государи XV—XVII столѣтій и государи Россіи XVIII столѣтія, при преслѣдованіи задачъ русской національной политики, никогда не ставили въ число этихъ задачъ присоединеніе къ Россіи территоріи съ сплошнымъ польскимъ населеніемъ. Никогда московскіе государи подъ свое понятіе „наша вотчина“ не подводили польскихъ земель. Эти территоріи жили столь отличною отъ мѣстностей съ русскимъ населеніемъ исторической жизнью, а съ принятіемъ католичества польское населеніе во многихъ случаяхъ являлось столь враждебнымъ русскому православному населенію, что наши правители ясно сознавали невозможность измѣнить создавшагося вѣками положенія и антагонизма. Ихъ цѣлью ставилось освобожденіе русскаго населенія въ Бѣлоруссіи и Малороссіи, въ коренныхъ русскихъ удѣлахъ, отъ польскаго гнета, экономическаго и религіознаго. Даже и эта цѣль, несмотря на ничтожное сравнительно съ русскимъ польское населеніе, не достигнута и до сихъ поръ. Александръ I, поддавшись внушеніямъ Адама Чарторижскаго, надѣялся побѣдить всѣ трудности, давъ польскимъ мѣстностямъ нѣкоторую самостоятельность, и вызвать въ нихъ чувства благодарности, какъ къ своей особѣ, такъ и къ своимъ преемникамъ, русскимъ царямъ и одновременно королямъ польскимъ.

Адамъ Чарторижскій мечталъ, кажется, о большемъ. Онъ мечталъ о вполнѣ независимой Польшѣ, находящейся лишь въ политическомъ и династическомъ союзѣ съ Россіею. Насколько такіе планы Александра I представлялись современнымъ государственнымъ людямъ Пруссіи выгодными или невыгодными для Россіи, имѣется слѣдующее весьма интересное свидѣтельство историка Н. Шильдера:

Представитель Пруссіи на вѣнскомъ конгрессѣ бар. Гумбольдтъ, давая объясненія, почему Пруссія отказывается присоединиться къ коалиціи противъ Россіи, изложилъ въ своей нотѣ, что: „конечно,

---

[1]) Ш. Сеньобосъ „Политическая исторія современной Европы“, ч. I, стр. 4, изд. 1897 г.

[2]) Тамъ же, стр. 6.

расширеніе предѣловъ Россіи нежелательно, но противиться этому событію нельзя, ибо оно служитъ естественнымъ послѣдствіемъ фальшивой системы, укоренившейся съ конца прошлаго столѣтія, системы, состоявшей въ томъ, чтобы бороться съ преобладаніемъ запада, опираясь на востокъ. Именно для того, чтобы на будущее время не могло случиться ничего подобнаго, чтобы Германія не нуждалась въ помощи Россіи, и слѣдуетъ усилить Пруссію присоединеніемъ къ ней Саксоніи; это необходимо не столько даже въ ея интересахъ, сколько въ интересахъ Европы. Отъ прусскаго правительства требуютъ, чтобы оно въ союзѣ съ Англіею и Австріею воспротивилось намѣреніямъ императора Александра по польскому вопросу; но благоразумно ли противиться имъ, когда они, если только имъ суждено осуществиться, *принесутъ вредъ самой Россіи*“ [1]).

Другими словами, прусскіе государственные люди уже почти 100 лѣтъ тому назадъ предвидѣли, что *присоединеніе къ Россіи польскихъ областей послужитъ не къ усиленію, но къ ослабленію ея.*

Но представители Пруссіи не держались и за Россію. Бар. Гумбольдтъ намекалъ, что „Пруссія не откажется разойтись съ Россіею, если ей будетъ гарантировано обладаніе Саксоніею“ [2]). Но для Австріи, Франціи и Англіи глубокій смыслъ мнѣнія Гумбольдта не былъ достаточно ясенъ. Для нихъ *внѣшняя* сторона присоединенія Польши къ Россіи представлялась важнѣе внутренней. Съ внѣшней стороны несомнѣнно, что присоединеніе къ Россіи герцогства варшавскаго, особенно въ границахъ 1812 года, представлялось опаснымъ для спокойствія Европы. При обнаруженномъ Россіею преобладающемъ въ то время военномъ могуществѣ, Россія послѣ этого присоединенія становилась *на нѣсколько сотъ верстъ ближе къ главнымъ столицамъ Европы: Вѣнѣ, Берлину, Парижу.* Такое приближеніе могло способствовать удержанію за Россіею преобладающаго положенія въ Европѣ въ ущербъ тому „равновѣсію“, за достиженіе котораго проливалось такъ много крови.

Прежде всего Англія, преемственно ведя борьбу противъ каждой изъ континентальныхъ державъ, получавшихъ преобладаніе, должна была стать врагомъ Россіи. Она это и сдѣлала и съ небольшими колебаніями оставалась врагомъ Россіи до 1905 года, т. е. 90 лѣтъ, пока преобладающую роль въ Европѣ, послѣ неудачи Россіи въ Азіи, не заняла Германія. Прибавимъ кстати, что почти сто лѣтъ, протекшихъ послѣ вѣнскаго конгресса, не повліяли ни на политику Англіи, ни на средства, коими она дѣйствовала для достиженія своихъ цѣлей. На вѣнскомъ конгрессѣ, послѣ пораженія имѣвшей преобладаніе въ Европѣ Франціи, Англія уже заключаетъ съ Франціею соглашеніе противъ Россіи.

---

[1]) П. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, т. III, стр. 302—303.

[2]) Тамъ же, стр. 303.

Нынѣ, черезъ 95 лѣтъ, послѣ пораженія имѣвшей преобладаніе въ Европѣ Россіи, Англія спѣшитъ заключить съ побѣжденною Россіею соглашеніе, которое истолковывается всѣмъ міромъ, какъ направленное противъ верховенства въ Европѣ Германіи. Франція въ 1815 и Россія въ 1909 годахъ являются такимъ образомъ лишь орудіями въ рукахъ Англіи.

Возможность быстраго образованія на вѣнскомъ конгрессѣ коалиціи противъ Россіи объясняется, независимо серьезности требованій Россіи, еще и личнымъ отношеніемъ къ этимъ требованіямъ Александра I.

На аудіенціи 11 октября Александръ I между прочимъ говорилъ Талейрану: „Я отдалъ Саксонію Пруссіи; Австрія на это согласна". На возраженіе Талейрана, можетъ ли согласіе Австріи сдѣлать Пруссію собственницею того, что принадлежитъ королю саксонскому, — Александръ отвѣтилъ: „Если саксонскій король не отречется, его повезутъ въ Россію, тамъ онъ и умретъ. Уже одинъ король умеръ тамъ". Аудіенція окончилась слѣдующими словами: „Король прусскій будетъ королемъ прусскимъ и саксонскимъ, такъ же, какъ я буду императоромъ россійскимъ и королемъ польскимъ. Предупредительность, которую Франція окажетъ мнѣ относительно этихъ двухъ пунктовъ, послужитъ мнѣ мѣриломъ той предупредительности, которую я окажу ей, съ своей стороны, во всемъ, что можетъ ее интересовать" [1]).

Относительно этихъ словъ Н. Шильдеръ высказываетъ слѣдующее мнѣніе: „Въ этихъ словахъ императора Александра слышится какъ бы отголосокъ наполеоновскаго прошлаго; такъ выражался Наполеонъ, когда онъ, какъ побѣдитель, предписывалъ свою волю трепетавшей передъ нимъ Европѣ. Но императоръ Александръ сознательно довелъ до гибели этого лучшаго союзника Россіи и замѣнилъ его несравненно менѣе надежными союзниками, готовыми измѣнить своему благодѣтелю на каждомъ шагу. Не подлежитъ сомнѣнію, что все, потребованное Александромъ на вѣнскомъ конгрессѣ, могло бы быть осуществлено гораздо ранѣе, цѣною меньшихъ пожертвованій и безъ всякихъ уступокъ завистливымъ сосѣдямъ, но при условіи сохраненія власти за Наполеономъ. Теперь же, за исчезновеніемъ великаго человѣка, передъ освободителемъ Европы создались препятствія на каждомъ шагу, и облагодѣтельствованные друзья великодушно предоставляли ему выборъ между новою войною и уступками; мирныя соображенія должны были, конечно, восторжествовать въ концѣ концовъ, и Александру, послѣ мучительной борьбы, предстоялъ одинъ исходъ: вступить на путь соглашеній" [2]).

Переговоры съ Меттернихомъ имѣли еще болѣе рѣзкій характеръ, чѣмъ съ Талейраномъ. Государь настолько былъ раздраженъ, что

---

[1]) Н. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе", т. III, стр. 283.

[2]) Тамъ же, стр. 283.

намѣревался вызвать Меттерниха на поединокъ, считая, что подъ вліяніемъ этого руководителя австрійскими дѣлами Австрія всюду становилась поперекъ намѣреніямъ и проектамъ русскаго правительства.

Въ концѣ 1814 года положеніе обострилось настолько, что Австрія, Франція, даже Баварія приступили къ вооруженіямъ. Тогда Александръ I въ свою очередь „призналъ полезнымъ обратиться съ воззваніемъ къ польской арміи, призывая ее къ защитѣ отечества и къ сохраненію политическаго существованія страны“ [1]).

Чарторижскій по этому поводу писалъ своему отцу: „Императоръ продолжаетъ держаться своего намѣренія; его твердость и непоколебимость относительно Польши служатъ для меня предметомъ удивленія и уваженія. Всѣ кабинеты противъ него; никто не говоритъ намъ добраго слова, не помогаетъ намъ искренно. Здѣшніе русскіе тоже страшно негодуютъ и не извиняютъ императора; этотъ хоръ изъ своихъ и чужихъ старается перекричать одинъ другого. На меня тоже падаетъ ихъ гнѣвъ, какъ на защитника этого дѣла и воображаемаго совѣтника императора. Но, несмотря на всѣ эти бури, я все-таки надѣюсь, что дѣло кончится хорошо для Польши“ [2]).

Но русскихъ совѣтниковъ было немного и они были невліятельны, а вліяніе Чарторижскаго и другихъ „западниковъ“ было преобладающимъ, и Россія изъ-за Польши и Саксоніи едва не ввязалась въ тяжелую борьбу съ европейскою коалиціею.

22 декабря 1814 г. представители Англіи, Франціи и Австріи подписали конвенцію противъ Россіи съ обязательствомъ выставить каждая по 150,000 человѣкъ. Положено было пригласить къ участію Баварію, Виртембергъ, Нидерланды, Швецію и Турцію. Послѣдняя побуждалась къ производству „полезной диверсіи противъ Россіи“.

Въ ночь на 23 февраля 1815 г. было получено извѣстіе объ отплытіи Наполеона съ острова Эльбы. Наступила опять огромная опасность для Англіи, Австріи и Пруссіи. Россія снова стала нужна этимъ державамъ для ихъ цѣлей. Приходилось коалицію собирать и направлять не противъ Россіи, а опять противъ Наполеона. Опасность нападенія на Россію была съ появленіемъ Наполеона отстранена.

Такимъ образомъ, французскія дѣла, въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ конца XVIII и начала XIX столѣтій, дважды выручали Россію отъ опасности войны съ коалиціею: въ 1790 г., при заключеніи Кучукъ-Кайнарджійскаго договора, коалиція противъ Россіи—Англіи, Австріи, Пруссіи и Турціи разстроилась революціею во Франціи, и въ 1815 году коалиція изъ Англіи, Франціи, Австріи и мелкихъ германскихъ государствъ разстроилась появленіемъ Наполеона съ острова Эльбы.

[1]) Н. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, т. III, стр. 299.

[2]) Тамъ же, стр. 300.

Людовикъ XVIII такъ поспѣшно бѣжалъ изъ Парижа, что забылъ на столѣ въ своемъ кабинетѣ секретный договоръ 22 декабря 1814 г. противъ Россіи. Наполеонъ, надѣясь разстроить собиравшуюся противъ него коалицію, отправилъ этотъ важный документъ въ Вѣну къ Александру I. Но у нашего государя не было сомнѣній, какъ поступить: измѣна противъ него недавнихъ союзниковъ была прощена, и онъ примкнулъ снова къ Англіи, Пруссіи и Австріи для дальнѣйшей борьбы противъ Наполеона [1]).

Каждая изъ державъ обязывалась выставить по 150,000 войскъ. Кромѣ того, Англія обѣщалась уплатить Россіи, Пруссіи и Австріи 5,000,000 фун. стерлинговъ.

Въ началѣ апрѣля русскія войска (167,000 чел.), подъ начальствомъ Барклая-де-Толли, выступили къ французской границѣ, но достигли ея лишь въ іюнѣ, когда участь Наполеона уже была рѣшена сраженіемъ при Ватерлоо.

Всего, вмѣстѣ съ резервами, Россія выставила въ 1815 году 227,000 человѣкъ. Русскія войска приняли участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ лишь при штурмѣ Шалона и при обложеніи Меца.

---

[1]) Н. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, т. III, стр. 308, разсказываетъ объ этомъ эпизодѣ слѣдующія характерныя подробности:

27 марта (8 апрѣля) Бутягинъ вручилъ эту безцѣнную бумагу государю, который могъ, наконецъ, наглядно убѣдиться въ двуличіи своихъ союзниковъ. Насталъ моментъ чрезвычайной важности: русской политикѣ открывался широкій путь для достиженія ея завѣтныхъ цѣлей, согласованныхъ съ началами государственнаго эгоизма, а не съ романтикой. Но, какъ и слѣдовало ожидать, романтика одержала верхъ и чувство неподдѣльнаго великодушія восторжествовало во всемъ своемъ величіи. Такимъ образомъ цѣль, которую имѣлъ въ виду Наполеонъ, рѣшившись на такое разоблаченіе политическихъ намѣреній Бурбонскаго дома, не была достигнута.

На слѣдующее утро, послѣ прибытія Бутягина, императоръ Александръ призвалъ къ себѣ Штейна и, давъ ему прочесть присланный Наполеономъ договоръ, сказалъ: „Я пригласилъ къ себѣ также князя Меттерниха и желаю, чтобы вы были свидѣтелемъ нашего разговора“. Вскорѣ вошелъ Меттернихъ. Александръ показалъ ему бумагу и спросилъ: „Извѣстенъ ли вамъ этотъ документъ?“ Князь не измѣнился въ лицѣ и молчалъ. Придумывая себѣ оправданіе, онъ хотѣлъ заговорить, но государь прервалъ его словами: „Меттернихъ, пока мы оба живы, объ этомъ предметѣ никогда не должно быть разговора между нами. Теперь намъ предстоятъ другія дѣла. Наполеонъ возвратился и поэтому нашъ союзъ долженъ быть крѣпче, нежели когда-либо“. Съ этими словами Александръ бросилъ трактатъ въ пылавшій подлѣ него каминъ и отпустилъ обоихъ министровъ.

Когда узнали, что секретный договоръ, придуманный Талейраномъ, находится въ рукахъ императора Александра, многіе почувствовали необходимость оправдать себя въ его глазахъ. Король баварскій явился къ государю съ объясненіями и извиненіями. Александръ замѣтилъ ему: „Вы были увлечены; я забылъ уже объ этомъ дѣлѣ“. Уполномоченный нидерландскаго короля, фонъ-Гагернъ, не замедлилъ послѣдовать примѣру баварскаго короля и представилъ свои оправданія Александру черезъ Штейна, они также были приняты съ неизмѣнною благосклонностью. Страхъ передъ Наполеономъ немедленно заставилъ всѣ державы вновь возложить свои упованія на Россію и ожидать спасенія Европы отъ великодушія и безкорыстія русскаго государя“.

Александръ I, прибывъ снова въ Парижъ, настоялъ на сохраненіи для Франціи границъ 1790 г. Онъ же воспротивился присоединенію къ Пруссіи Эльзаса, Лотарингіи и сѣверныхъ крѣпостей.

Окончаніе вѣнскаго конгресса и его послѣдствія изложены Н. Шильдеромъ слѣдующимъ образомъ:

„Возстановленіе французской имперіи ускорило развязку спорныхъ вопросовъ на вѣнскомъ конгрессѣ. 21 апрѣля (3 мая) 1815 г. были подписаны трактаты между Россіею, Австріею и Пруссіею, опредѣлявшіе судьбу варшавскаго герцогства: оно было навсегда присоединено къ Россійской имперіи, за исключеніемъ Познани, Бромберга и Торна, отданныхъ Пруссіи, Кракова, объявленнаго вольнымъ городомъ, и соляныхъ копей Велички, возвращенныхъ Австріи вмѣстѣ съ Тарнопольскою областью, которая съ 1809 г. принадлежала Россіи. Александръ принялъ титулъ короля польскаго и предоставлялъ себѣ право даровать этому государству, предназначенному состоять подъ особеннымъ управленіемъ, то *„внутреннее расширеніе“* (extension intérieure), которое признаетъ за благо. Вообще же полякамъ, какъ россійскимъ, такъ и австрійскимъ и прусскимъ подданнымъ, предположено было даровать народное представительство и національныя государственныя учрежденія (une représentation et des institutions nationales), согласныя съ образомъ политическаго существованія, который каждымъ изъ правительствъ будетъ признанъ полезнѣйшимъ и приличнѣйшимъ для него въ кругу его владѣній.

„Въ тотъ же день былъ заключенъ уполномоченными Пруссіи и Саксоніи трактатъ, по условіямъ котораго король саксонскій уступилъ Пруссіи почти всю Лузацію и часть Саксоніи. Наконецъ, почти мѣсяцемъ позже, 27 мая (8 іюня) 1815 г., былъ подписанъ актъ *Германскаго союза*, а на слѣдующій день, 28 мая (9 іюня), главный актъ вѣнскаго конгресса“.

„На основаніи условій конгресса 1815 г., Россія увеличила свою территорію пространствомъ около 2,100 кв. миль съ народонаселеніемъ болѣе 3,000,000 человѣкъ, Австрія пріобрѣла 2,300 кв. миль съ 10,000,000 человѣкъ, а Пруссія 2,217 кв. миль съ 5,362,000 человѣкъ. Такимъ образомъ, Россія, которая на своихъ плечахъ вынесла всю тяжесть трехлѣтней войны съ Наполеономъ и принесла наибольшія жертвы для торжества европейскихъ интересовъ, получила наименьшее вознагражденіе.

„За нѣсколько дней до подписанія трактатовъ, опредѣлившихъ судьбу герцогства варшавскаго, остававшагося столь долго въ неопредѣленномъ положеніи, императоръ Александръ извѣстилъ президента польскаго сената, графа Островскаго, о предстоявшемъ присоединеніи царства польскаго къ Россійской имперіи. Въ этомъ письмѣ, между прочимъ, было сказано: „Если великій интересъ всеобщаго спокойствія не допустилъ, чтобы всѣ поляки были соединены подъ однимъ и тѣмъ же скипетромъ, то я, по крайней мѣрѣ, старался

смягчить, насколько возможно, суровость разъединенія ихъ и доставить имъ повсюду возможное пользованіе ихъ національностью".

„Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ манифестъ жителямъ царства польскаго о дарованіи имъ конституціи, самоуправленія, собственной арміи и свободы печати.

„9 (21) мая 1815 года въ Варшавѣ происходило торжество возстановленія польскаго королевства. Князь Адамъ Чарторижскій въ письмѣ къ императору Александру выразился, что воспоминаніе объ этомъ днѣ должно быть для великодушнаго сердца государя наградою за его труды на благо человѣчества. Въ католической соборной церкви собрались всѣ правительственныя лица, и послѣ божественной службы были прочтены актъ отреченія короля саксонскаго, манифестъ императора всероссійскаго, короля польскаго, и основанія будущей конституціи. Государственный совѣтъ, сенатъ, чиновники и жители принесли присягу въ вѣрности государю и конституціи. Тогда же польское знамя съ бѣлымъ орломъ было водружено на королевскомъ замкѣ и на всѣхъ правительственныхъ зданіяхъ, а во всѣхъ церквахъ отслужено благодарственное молебствіе съ колокольнымъ звономъ и пушечною пальбою. Затѣмъ всѣ государственные сановники отправились къ цесаревичу Константину Павловичу. Войска собрались на равнинѣ, близъ Воли, гдѣ былъ сооруженъ алтарь; тамъ военные чины, по-батальонно, присягали въ присутствіи августѣйшаго главнокомандующаго польскою арміею. Канонада и ружейные залпы, заключившіе торжество, прерывались громкими восклицаніями народа: да здравствуетъ нашъ король Александръ [1])!

31 октября 1815 года Александръ I вступилъ на территорію созданнаго имъ польскаго королевства, надѣлъ польскій мундиръ и орденъ Бѣлаго Орла.

Въ Варшавѣ государь старался всѣми силами снискать расположеніе поляковъ. Снято было запрещеніе съ имѣній тѣхъ поляковъ, которые до послѣдняго времени служили подъ знаменами Наполеона. Къ сожалѣнію, въ большой ущербъ русскимъ интересамъ, эта милость была распространена и на уроженцевъ западныхъ губерній Россіи, и обширныя земли остались въ западномъ краѣ въ польскихъ рукахъ. Знатнѣйшіе поляки посѣщались лично государемъ. Изъ числа ихъ появились генералы и флигель-адъютанты. Многія дѣвицы пожалованы въ фрейлины, розданы денежныя пособія и пр. Но, несмотря на всѣ эти знаки вниманія: *„Поляки смотрѣли на насъ пасмурно. Они казались недовольными и даже не скрывали въ разговорахъ, что имъ слѣдуетъ возвратить Могилевъ, Витебскъ, Волынь, Подолію и Литву* [2]).

Лапской, лицо приближенное къ государю, свидѣтельствуетъ, что императоръ дѣйствительно имѣлъ намѣреніе присоединить къ

[1]) Н. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе", т. III, стр. 316—318.

[2]) Тамъ же, стр. 352.

Польшѣ и Литву, „какъ только не встрѣтитъ никакого неудобства къ выполненію этого предположенія, повидимому сильно имъ покровительствуемаго“.

Князь Адамъ Чарторижскій, 15 лѣтъ вліявшій на Александра I все въ одномъ направленіи и наконецъ достигшій цѣли, былъ однако обойденъ государемъ при назначеніи намѣстника царства польскаго. Неожиданно на этотъ постъ былъ назначенъ ветеранъ наполеоновскихъ войнъ, безпогій генералъ Зіончекъ, а не Чарторижскій.

Еще въ бытность въ Парижѣ, подъ вліяніемъ г-жи Крюденеръ, Александръ I задумалъ заключеніе между правителями европейскихъ державъ братскаго, христіанскаго союза, который онъ называлъ „Священнымъ союзомъ“.

Этотъ договоръ состоялъ изъ трехъ статей, по которымъ союзники обязывались: „1) пребывать соединенными неразрывными узами братской дружбы, оказывать другъ другу помощь и содѣйствіе, управлять подданными своими въ томъ же духѣ братства для охраненія правды и мира; 2) почитать себя членами единаго христіанскаго народа, поставленными Провидѣніемъ для управленія тремя отраслями одного и того же семейства, и 3) пригласить всѣ державы къ признанію этихъ правилъ и ко вступленію въ Священный союзъ. Вообще же государи, подписавшіе договоръ, обязывались „какъ въ управленіи собственными подданными, такъ и въ политическихъ отношеніяхъ къ другимъ правительствамъ, руководствоваться заповѣдями св. Евангелія, которыя, не ограничиваясь приложеніемъ своимъ къ одной частной жизни, должны непосредственно управлять волею царей и ихъ дѣяніями“ [1]).

Король прусскій охотно вступилъ въ этотъ союзъ, но императоръ австрійскій отнесся къ нему подозрительно, пока Меттернихъ не убѣдилъ его, что на этотъ проектъ слѣдуетъ смотрѣть не иначе *„какъ на безобидную болтовню“*.

Историкъ прибавляетъ: „присоединившись къ этому договору, Австрія получила въ руки драгоцѣнное орудіе, чтобы поставить Россію во главѣ реакціи въ Европѣ, и этимъ орудіемъ Меттернихъ не замедлилъ воспользоваться съ неподражаемымъ искусствомъ для достиженія намѣченныхъ имъ политическихъ цѣлей“ [2]).

Англія отказалась присоединиться къ союзу „изъ парламентскихъ соображеній“. Султану и Папѣ предложеній о вступленіи въ союзъ сдѣлано не было.

25 декабря 1815 года договоръ о Священномъ союзѣ былъ обнародованъ въ Россіи [3]).

---

[1]) Н. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, т. III, стр. 344—345.

[2]) Тамъ же, стр. 346.

[3]) Тамъ же, стр. 360. Въ манифестѣ, изданномъ по этому поводу, значилось: „Познавъ изъ опытовъ и бѣдственныхъ для всего свѣта послѣдствій, что ходъ прежъ-

Н. Шильдеръ оканчиваетъ третій томъ своего замѣчательнаго труда „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“ слѣдующими строками:

„Итакъ, съ 1816 года Россіи предстояло вступить на новый политическій путь—апокалипсическій; отнынѣ въ дипломатическихъ документахъ, относящихся къ этой эпохѣ, вмѣсто ясно преслѣдуемыхъ политическихъ цѣлей, встрѣчаются уже темныя толкованія о геніи зла, побѣжденномъ Провидѣніемъ, о Глаголѣ Всевышняго, о словѣ жизни. Идеаломъ же государственныхъ дѣятелей того времени, стоявшихъ у дѣлъ, сдѣлалась какая-то неопредѣленная теологическо-патріархальная монархія. На Европу опускалась темная завѣса сплошной реакціи“ [1]).

Мистическій путь, на который вышелъ Александръ I, не уменьшилъ рвенія русскаго правительства по вмѣшательству въ чужія дѣла. Особо сильное вмѣшательство въ массу европейскихъ дѣлъ, совершенно чуждыхъ русскому племени, проявлено было въ періодъ 1815—1818 годовъ и притомъ въ направленіи, по мнѣнію Меттерниха, совершенно революціонномъ.

Ш. Сеньобосъ очерчиваетъ этотъ странный періодъ слѣдующимъ образомъ:

„Въ Германіи русскіе агенты поддерживали государей, желавшихъ даровать конституцію своимъ подданнымъ — Веймара, Виртемберга, Бадена, Баваріи. Императоръ Александръ сдѣлался покровителемъ конституціонныхъ государствъ южной Германіи; правительства Баваріи и Бадена, въ распрѣ за обладаніе Палатинатомъ, на правомъ берегу Рейна, оба обратились къ нему. Въ Италіи король Сардиніи, на приглашеніе Меттерниха (въ 1815 г.) подписать особый договоръ съ Австріей, прислалъ поддержки у Англіи, которая посовѣтовала ему согласиться; тогда онъ обратился къ Александру, который велѣлъ передать ему, что общій союзъ исключаетъ всякій сепаратный дого-

---

шихъ политическихъ въ Европѣ между державами соотношеній не имѣлъ основаніемъ тѣхъ истинныхъ началъ, на коихъ премудрость Божія въ откровеніи своемъ утвердила покой и благоденствіе народовъ, приступили мы, совокупно съ ихъ величествами, австрійскимъ императоромъ Францемъ I и королемъ прусскимъ Фредерикомъ-Вильгельмомъ, къ постановленію между нами союза (приглашая къ тому и прочія христіанскія державы), въ которомъ обязуемся мы взаимно, какъ между собою, такъ и въ отношеніи къ подданнымъ нашимъ, принять единственнымъ ведущимъ къ оному средствомъ правило, почерпнутое изъ словесъ и ученія Спасителя нашего Іисуса Христа, благовѣствующаго людямъ жить аки братьямъ, не во враждѣ и злобѣ, но въ мирѣ и любви. Мы желаемъ и молимъ Всевышняго о ниспосланіи благодати своей, да утвердится Священный союзъ сей между всѣми державами, къ общему ихъ благу, и да не дерзаетъ никто, единодушіемъ всѣхъ прочихъ восприемый, отпасть отъ онаго. Сего ради, прилагая при семъ списокъ съ сего союза, повелѣваемъ обнародовать оный и прочитать въ церквахъ“.

„Святѣйшій Синодъ, въ свою очередь, повелѣлъ, напечатавъ договоръ Священнаго союза, выставить его на стѣнахъ храмовъ или вырѣзать на доскахъ, а также заимствовать изъ него мысли для проповѣдей“.

[1]) Н. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе, т. III, стр. 360.

воръ; такимъ образомъ былъ разстроенъ проектъ итальянской федераціи, подчиненной вліянію Австріи. Въ Испаніи русскій посланникъ всесильный у короля Фердинанда, поддерживалъ, вопреки партіи абсолютистовъ, министра (Гаран), который пытался провести преобразованія въ финансахъ; превысивъ свои инструкціи, онъ обѣщалъ денегъ и даже пріобрѣтеніе Португаліи и старался добиться для возставшихъ американскихъ колоній амнистіи и хартіи. Во Франціи императоръ Александръ оказывалъ поддержку министерству Ришелье, сторонника хартіи, противъ „небывалой“ палаты, которая хотѣла заставить короля назначить министерство крайнихъ легитимистовъ. Онъ послалъ Людовику XVIII записку противъ манифестацій крайнихъ, въ которой заявлялъ, что договоры 1815 г. имѣютъ цѣлью упрочить порядокъ, установленный во Франціи въ 1814 г., посредствомъ нерушимаго охраненія королевской власти и конституціонной хартіи (1816 г.), и совѣтовалъ ему распустить палату.

„Помимо воздѣйствія на правительства, императоръ находился въ сношеніяхъ съ оппозиціонными партіями; по крайней мѣрѣ, недовольные либералы прикрывались его именемъ. Знали, что онъ не любитъ Бурбоновъ и что онъ благопріятствуетъ религіозной пропагандѣ независимо отъ установленныхъ церквей. Бонапартисты, затѣявшіе заговоръ въ Бельгіи, съ цѣлью изгнать Бурбоновъ и замѣнить ихъ принцемъ Оранскимъ, родственникомъ русскаго императора, давали понять, что императоръ поощряетъ ихъ (1816 г.). Въ Италіи Меттернихъ приписывалъ либеральную и національную агитацію русскимъ эмиссарамъ; поздпѣе (въ 1819 г.) онъ обвинялъ ихъ въ томъ, что они „предсѣдательствуютъ въ клубахъ *карбонаріевъ*“, и жаловался, что императоръ покровительствуетъ библейскимъ обществамъ. Меттернихъ писалъ императору австрійскому: „Съ 1815 г. императоръ Александръ бросилъ якобинство и ударился въ мистицизмъ. Но такъ какъ его направленіе неизмѣнно революціонное, то таковы же и его религіозныя чувства... На первомъ планѣ въ его расчетахъ стоитъ желаніе навербовать себѣ сторонниковъ. Въ этомъ же смыслѣ онъ вербуетъ и якобинцевъ въ Италіи, и разныя секты въ Европѣ“. (Меттернихъ разумѣлъ подъ общимъ именемъ якобинцевъ всѣхъ приверженцевъ конституціоннаго правленія). Онъ обращалъ вниманіе кабинетовъ на развитіе сектъ, начинавшихъ угрожать спокойствію средней Европы. Г-яу Крюденеръ онъ считалъ особенно опасною, потому что ея проповѣди всѣ имѣютъ цѣлью возстановить неимущіе классы противъ собственниковъ“ [1]).

Но уже съ 1818 года отношеніе Александра I къ либеральнымъ теченіямъ въ европейскихъ государствахъ, подъ вліяніемъ Меттерниха, круто измѣняется. Новая политика Александра I начинается съ Ахенскаго конгресса 1818 года, на которомъ было провозглашено *„о сохраненіи священнаго союза* для борьбы противъ революціонеровъ“ [2]).

---

[1]) Ш. Сеньобосъ „Политическая исторія современной Европы“, ч. II, стр. 692—693.

[2]) Тамъ же, стр. 695.

Вмѣшательство Священнаго союза въ дѣла другихъ державъ получило большое развитіе въ 1820—1823 годахъ. Въ этотъ періодъ въ теченіе одного года вспыхнули четыре революціи: въ Испаніи, Португаліи, Неаполѣ и Сардиніи, устроенныя офицерами. „Русскій императоръ, убѣдившись въ опасности со стороны революціи, обратился къ принципу вмѣшательства, выдвинутому Меттернихомъ.... Самъ императоръ Александръ предложилъ вмѣшательство пяти союзниковъ для подавленія революціи въ Испаніи; англійское правительство отказалось, подъ предлогомъ, что не желаетъ оскорбить испанскую націю“ [1]).

На конгрессѣ въ Тропау мнѣнія представителей державъ разошлись: Англія и Франція высказались за невмѣшательство, что и стало программою либеральныхъ партій, а Австрія, Пруссія и Россія высказались *за вмѣшательство*, которое стало частью программы абсолютизма [2]).

Участіе Россіи въ дѣлахъ австрійскихъ въ 1848—1849 годахъ.

(Усмиреніе возстанія венгровъ).

Революціонное движеніе 1848 года, охватившее значительную часть европейскихъ государствъ, приняло особо сильные размѣры въ Австріи. Венгерскія регулярныя войска, усиленныя многочисленными и воинственными венгерскими ополченіями, подъ предводительствомъ талантливыхъ и энергичныхъ вождей — Гергея и Бема, въ началѣ 1849 года одержали рядъ успѣховъ надъ австрійскими войсками и угрожали даже Вѣнѣ. Послѣ побѣдъ надъ австрійцами, венгры 14 апрѣля 1849 года объявили независимость Венгріи съ временнымъ правительствомъ Кошута [3]). Вся Венгрія и Трансильванія находились въ маѣ 1849 года въ рукахъ революціоннаго правительства. Помощи со стороны Пруссіи нельзя было ожидать, вслѣдствіе вѣкового соперничества съ этою державою и особо обострившихся въ послѣднее время отношеній съ нею. Поэтому австрійское правительство обратилось за помощью къ Россіи.

Въ тотъ день, когда Гергей взялъ приступомъ Офенъ, состоялось свиданіе юнаго Франца—Іосифа съ Николаемъ I. Поляки горячо сочувствовали успѣхамъ венгровъ, что заставляло русское правительство опасаться новаго возстанія въ Польшѣ.

„Положеніе, принятое нашимъ правительствомъ, въ виду западноевропейской смуты 1848 г., вполнѣ соотвѣтствовало характеру и убѣжденіямъ главы государства. Императоръ Николай, вмѣстѣ съ престоломъ, унаслѣдовалъ отъ державнаго брата своего и всѣ прин-

---

[1]) Ш. Сеньобосъ „Политическая исторія современной Европы, ч. II, стр. 696.

[2]) Тамъ же, стр. 696.

[3]) Веберъ „Всеобщая исторія XIX столѣтія“.

цины заключеннаго въ 1815 году „Священнаго союза". Эти принципы вошли въ плоть и кровь его; только на нихъ основанный порядокъ вещей онъ признавалъ законнымъ.

„При цѣльности и энергіи характера, которымъ отличался императоръ Николай, можно было предвидѣть, какъ отнесется онъ къ политическому движенію, грозившему разрушить все то, что онъ почиталъ законнымъ и справедливымъ, и даже внести смуту въ предѣлы управляемой имъ имперіи. Съ такимъ врагомъ онъ готовъ былъ бороться на жизнь и смерть" [1]).

„Первыя официальныя сношенія, относительно содѣйствія русскихъ войскъ къ потушенію венгерскаго возстанія, начались въ мартѣ 1849 г. Обращаясь къ императору Николаю, австрійское правительство могло вполнѣ надѣяться на сочувственный съ его стороны отзывъ. Ручательствомъ тому — помимо всѣхъ политическихъ причинъ—служилъ личный характеръ государя, всегда являвшагося энергическимъ поборникомъ консерватизма и правъ монархической власти. По сложившимся и окрѣпшимъ въ немъ нравственнымъ правиламъ и убѣжденіямъ, онъ не могъ безучастно отнестись къ положенію юнаго австрійскаго властителя, со всѣхъ сторонъ окруженнаго опасностями" [2]).

Императоръ Николай I назначилъ въ помощь австрійцамъ армію подъ начальствомъ кн. Паскевича силою въ 190,000 человѣкъ.

28 апрѣля 1849 года былъ обнародованъ слѣдующій Высочайшій манифестъ:

„Манифестомъ, отъ 14 марта 1848 года, возвѣстивъ вѣрноподданнымъ Нашимъ о бѣдствіяхъ, постигшихъ западную Европу, Мы съ тѣмъ вмѣстѣ изъявили, что готовы встрѣтить враговъ нашихъ, гдѣ бы они ни предстали, и, не щадя себя, будемъ, въ неразрывномъ союзѣ съ святою Нашею Русью, защищать честь имени русскаго и неприкосновенность предѣловъ нашихъ.

„Смуты и мятежи на западѣ съ тѣхъ поръ не укротились. Преступныя обольщенія, увлекающія легкомысленную толпу обманчивымъ призракомъ такого благодѣтствія, которое никогда не можетъ быть плодомъ своеволія и самоуправства, проложили себѣ путь и на востокъ въ сопредѣльныя намъ, подвластныя турецкому правительству, княжества молдавское и валахское; одно присутствіе войскъ нашихъ совмѣстно съ турецкими возстановило и удерживаетъ тамъ порядокъ. Но въ Венгріи и Трансильваніи усилія австрійскаго правительства, разрозненныя другою еще войною съ врагами внѣшними и внутренними въ Италіи, не могли доселѣ восторжествовать надъ мятежомъ: напротивъ, укрѣпясь скопищами нашихъ польскихъ измѣнниковъ 1831 года и другихъ разноплеменныхъ пришельцевъ, изгнанниковъ,

---

1) И. Ореусъ „Описаніе венгерской войны 1849 г.", стр. 93.

2) Тамъ же, стр. 97.

бѣглыхъ и бродягъ, бунтъ развился тамъ въ самыхъ грозныхъ размѣрахъ.

„Среди сихъ пагубныхъ событій, императоръ австрійскій обратился къ Намъ съ желаніемъ Нашего содѣйствія противъ общихъ Нашихъ враговъ. Мы въ немъ не откажемъ.

„Призвавъ въ помощь правому дѣлу Всевышняго Вождя браней и Господа побѣдъ, Мы повелѣли разнымъ арміямъ Нашимъ двинуться на потушеніе мятежа и уничтоженіе дерзкихъ злоумышленниковъ, покушающихся потрясти спокойствіе и Нашихъ областей.

„Да будетъ съ Нами Богъ, и кто же на ны!

„Такъ,—Мы въ томъ увѣрены,—чувствуетъ, такъ уповаетъ, такъ отзовется, въ Богомъ хранимой державѣ Нашей, каждый русскій, каждый Нашъ вѣрноподданный, и Россія исполнитъ святое свое призваніе“ [1]).

Въ первыхъ числахъ іюня наши главныя силы начали движеніе въ предѣлы Австріи, а 1 августа у Вилагоша остатки главной венгерской арміи, 30,000 чел. при 144 орудіяхъ, съ Гергеемъ во главѣ положили оружіе передъ русскими войсками корпуса Редигера.

Австрійская монархія была спасена усиліями русскаго войска. Но въ политическомъ отношеніи эта помощь уже черезъ 17 лѣтъ оказалась безполезною.

Въ войну 1866 года Австрія въ двѣ недѣли времени была разбита Пруссіею, и результатомъ этого пораженія было возвышеніе мадьяръ и предоставленіе имъ правъ, за которыя они тщетно сражались въ 1848 — 1849 годахъ. Такимъ образомъ, усиліями русскаго племени, безъ какой-либо выгоды для него, было оттянуто лишь на 17 лѣтъ самостоятельное существованіе венгерской націи.

Въ результатѣ вмѣшательства Россіи въ дѣла Австріи въ 1848 — 1849 годахъ венгерскій народъ, въ теченіе послѣдующихъ 60 лѣтъ, неизмѣнно относится съ недоброжелательствомъ къ русскому племени. Таковъ политическій результатъ нашего вмѣшательства въ дѣла австро-венгерскія.

Въ военномъ отношеніи походъ въ Венгрію представляетъ мало поучительнаго. Для большинства войскъ это была только прогулка въ разныхъ направленіяхъ, иногда и при тяжелыхъ условіяхъ (жара, холера). Только часть войскъ, подъ начальствомъ гр. Лидерса, выдержала съ полнымъ успѣхомъ болѣе серьезное боевое испытаніе.

Всѣ потери убитыми и ранеными для арміи въ 190,000 человѣкъ составили убитыми — 708 чел., ранеными — 2,320 и контуженными — 127 чел. Потеря офицеровъ въ томъ числѣ составила 173 человѣка. Заболѣло 84,000 чел. и умерло отъ болѣзней—10,800 чел. Умерло отъ ранъ 278 человѣкъ. Въ числѣ заболѣвшихъ и умершихъ значится — 23,000 заболѣвшихъ и 7,788 умершихъ отъ холеры [2]).

[1]) И. Ореусъ „Описаніе венгерской войны 1849 г.“, стр. 106—107.

[2]) Тамъ же, стр. 117 и 118.

На добавочные расходы по веденію войны и содержанію войскъ израсходовано 48,000,000 рублей. Изъ нихъ 3,600,000 руб. были возвращены австрійскимъ правительствомъ (расходы по продовольствію войскъ въ Венгріи).

Относительно дѣятельности нашихъ войскъ въ войнѣ 1849 года историкъ войны даетъ слѣдующее общее заключеніе:

„Русская армія, и въ особенности войска Лидерса, въ этомъ двухмѣсячномъ походѣ поддержали боевую славу, издавна пріобрѣтенную русскимъ воинствомъ, и, вернувшись въ предѣлы Россіи, наша армія смѣло могла утверждать, что она спасла австрійскую имперію. Но въ результатахъ этой короткой войны, къ сожалѣнію, была и темная сторона. Легкіе успѣхи и легкія побѣды, въ связи съ восторгами союзниковъ, все терпѣвшихъ пораженія до нашего появленія на театрѣ борьбы, усыпили вниманіе къ существовавшимъ порядкамъ у насъ: австрійскіе военачальники не могли достаточно нахвалиться нашею тактикою и, въ особенности, тактикою пѣхоты, обыкновенно, въ глубокихъ и кучныхъ строяхъ, не задерживаясь продолжительною перестрѣлкою, рвавшеюся впередъ на врага. Это усыпленіе вниманія, это невольное самодовольство отразилось застоемъ въ военномъ дѣлѣ у насъ, за что черезъ 5 лѣтъ пришлось расплатиться славною, но проигранною борьбою на берегахъ Дуная и въ Крыму. Дѣятели достопамятной севастопольской обороны воочію убѣдились во многомъ неладномъ у насъ, что, однако, уже имѣло мѣсто и въ эпоху 1848—1849 гг.; еще болѣе горечи они должны были испытать и потому, что на сторонѣ враговъ Россіи оказывалась недавно спасенная ею Австрія“ [1]).

Цѣли и результаты вмѣшательства Россіи въ европейскія дѣла въ первую половину XIX столѣтія.

Историкъ царствованія Александра I Н. Шильдеръ въ слѣдующихъ общихъ чертахъ очерчиваетъ тѣ цѣли, которыми задавался русскій императоръ, ведя борьбу съ Наполеономъ:

„Вступивъ въ 1801 году на престолъ, Александръ вступилъ на политическое поприще съ нѣкоторыми симпатіями къ главѣ французскаго правительства, первому консулу Бонапарту; но когда послѣдній сдѣлался пожизненнымъ консуломъ, отношенія къ нему Александра сразу измѣнились: онъ обращается въ его глазахъ въ знаменитѣйшаго тирана всемірной исторіи. Эти непріязненныя чувства Александра продолжаютъ съ каждымъ годомъ возрастать и превращаютъ его окончательно въ ожесточеннаго врага Наполеона, какъ деспота и завоевателя. Обусловленная этими чувствами политика получаетъ полное развитіе въ дѣйствіяхъ вдохновляемой имъ коалиціи 1805 года. Послѣ

[1]) Г. Лееръ „Обзоръ войнъ“, ч. III, стр. 74—75.

аустерлицкаго погрома истекаетъ первое пятилѣтіе царствованія государя, и подготовляется новая перемѣна въ его воззрѣніяхъ.

„Въ исходѣ 1806 года, Александръ вторично вступаетъ въ борьбу съ Наполеономъ, на этотъ разъ уже единолично, но фридландское пораженіе 1807 года даетъ новое направленіе русской политикѣ и вызываетъ рѣшительный переломъ въ образѣ мыслей Александра. Происходитъ тильзитское соглашеніе, и Наполеонъ дѣлается единственнымъ другомъ и союзникомъ русскаго императора. Тѣмъ не менѣе, въ 1809 году, по окончаніи войны съ Австріею, сочувствіе Александра къ Наполеону оказывается уже сильно поколебленнымъ, дружба принимаетъ сомнительный характеръ, и все предвѣщаетъ новый разрывъ съ Франціею.

„Съ 1810 года отношенія между тильзитскими союзниками окончательно разстраиваются: Александръ приходитъ къ заключенію, что онъ не можетъ царствовать одновременно съ Наполеономъ, и въ 1812 г. разыгрывается воинственная эпопея, заканчивающаяся только въ 1815 году окончательнымъ низложеніемъ французскаго императора.

„Вѣнскій конгрессъ создаетъ новую политическую обстановку. Александръ придумываетъ Священный союзъ, и Россія, сокрушивъ французскую имперію, силою своихъ же побѣдъ становится во главѣ реакціи въ Европѣ. Но въ умѣ Александра еще не померкли совершенно прежніе идеалы гуманности и свободомыслія, получившіе только оттѣнокъ чуждаго ему въ прежніе годы христіанскаго мистицизма. Это настроеніе государя продолжается съ большими или меньшими колебаніями въ ту или другую сторону до 1820 года.

„Со времени же Тропаускаго конгресса Александръ превращается въ безусловнаго и страстнаго поборника самыхъ крайнихъ консервативныхъ принциповъ легитимизма и дѣлается открытымъ врагомъ всякаго народнаго движенія, клонившагося къ видоизмѣненію существовавшаго политическаго устройства; подобное воззрѣніе примѣняется государемъ даже и къ христіанскому населенію Востока, изнемогавшему подъ варварскимъ мусульманскимъ игомъ. При такомъ воззрѣніи на событія и при связанномъ съ нимъ односторонемъ направленіи политическихъ дѣлъ, интересы Россіи отходятъ на задній планъ, и за русскою арміею, по собственному выраженію императора Александра, упрочивается значеніе *одной изъ дивизій великой арміи порядка* (de la grande armée de la bonne cause). Въ исходѣ 1822 года, послѣ Веронскаго конгресса, Александръ признается уже Меттерниху въ томъ, что вся его жизнь, насколько зависитъ отъ него, посвящена заботамъ о дѣйствительномъ преуспѣяніи общественнаго блага Европы (au bien-être réel de la chose publique Européenne). Что же подразумѣвалось подъ громкимъ наименованіемъ преуспѣянія общественнаго блага Европы? Оно заключалось въ тѣсномъ союзѣ Австріи, Пруссіи и Россіи и въ предназначеніи всѣхъ громадныхъ силъ этихъ трехъ государствъ для укрощенія стремленій народовъ, направленныхъ къ

видоизмѣненію ихъ политическаго положенія, гдѣ бы эти попытки ни проявляли своего существованія.

„Подобное направленіе политическихъ идей императора Александра не имѣетъ уже ничего общаго съ мыслями, занимавшими его даже въ пору Отечественной войны, когда онъ, среди приготовленій къ предстоявшей борьбѣ съ Франціею, мечталъ еще о возрожденіи либеральныхъ идей въ Европѣ и предохраненіи несчастнаго человѣчества отъ угрожавшаго ему варварства. „C'est la dernière lutte de l'indépendance contre l'asservissement, des idées libérales contre le système de la tyrannie", вотъ въ какихъ выраженіяхъ Александръ опредѣлилъ значеніе 1812 года, когда Наполеонъ уже перешелъ Нѣманъ, и, конечно, эти мысли не имѣли ничего общаго съ позднѣйшими идеями творца Священнаго союза" [1]).

Такимъ образомъ, въ царствованіе Александра I интересы Россіи отошли на задній планъ, и всѣ усилія русскаго государя были употреблены на преуспѣяніе общественнаго блага Европы. Это благо понималось въ различные періоды царствованія Александра I различно. То нашъ государь являлся въ Европѣ поборникомъ самыхъ либеральныхъ идей, то поборникомъ самыхъ консервативныхъ началъ.

Русская армія въ этой работѣ на благо Европы обратилась лишь въ средство для поддержанія разныхъ европейскихъ государствъ.

Въ цѣляхъ поддержанія Австріи и Пруссіи ведутся войны 1805 и 1806—1807 годовъ. Вмѣшательство наше въ чужія дѣла приводитъ въ Россію полчища Наполеона въ 1812 году. Дальнѣйшее вмѣшательство въ дѣла Европы вызываетъ участіе нашихъ войскъ въ войнахъ съ Наполеономъ въ 1813—1814 гг.

Участіе русской арміи въ войнахъ 1805—1814 годовъ съ Наполеономъ выражается слѣдующими общими цифрами:

Въ теченіе этихъ войнъ разновременно участвовало 1,250,000 чел. русскихъ войскъ. Въ разныхъ сраженіяхъ русскія войска потеряли убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими 280,000 человѣкъ. За то же время потери выбывшими изъ строя больными составили свыше 200,000 чел.

Къ сожалѣнію, денежныя затраты, произведенныя на веденіе этихъ войнъ изъ государственнаго казначейства, не могутъ быть исчислены, но эти расходы должны быть весьма значительны и не могли, при бѣдности Россіи, не отразиться пріостановкою въ удовлетвореніи самыхъ насущныхъ нуждъ русскаго населенія: по проведенію дорогъ, устройству школъ, больницъ, подъему сельско-хозяйственной и промышленной дѣятельности населенія и пр.

Цѣли, для которыхъ велись всѣ эти войны, для подавляющей массы русскаго населенія были вполнѣ чужды, за исключеніемъ лишь Отечественной войны. Прямого отношенія къ русской національной

[1]) Н. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе", т. II, стр. 3—4.

политикѣ цѣли, преслѣдуемыя этими войнами, не имѣли. Мы жертвовали силами и средствами Россіи не для усиленія русскаго племени, а для помощи и устройства дѣлъ различныхъ европейскихъ государствъ.

Была ли, по крайней мѣрѣ, такая самопожертвованная дѣятельность Россіи въ ущербъ своимъ интересамъ должнымъ образомъ оцѣнена и вознаграждена? Совсѣмъ напротивъ.

Государства, для усиленія которыхъ мы наиболѣе поработали въ первой половинѣ XIX столѣтія,—Пруссія и Австрія,—во второй половинѣ того же столѣтія отдѣлились въ особый отъ Россіи и враждебный ей лагерь. Въ то же время держава, противъ которой и велась борьба съ цѣлью предохраненія ея отъ революціонныхъ идей, ставъ въ силу этихъ идей республикою, вступила въ союзъ съ монархическою Россіею.

Таковъ заключительный результатъ вмѣшательства Россіи въ дѣла Европы въ XIX столѣтіи. Но и въ частности, преслѣдовавшіяся Россіею въ первой половинѣ XIX столѣтія задачи оказывались или невыполнимыми, или работа Россіи въ пользу другихъ государствъ обращалась ей во вредъ.

Въ 1805 году наши войска не принесли пользы Австріи. Послѣ пораженія нашихъ войскъ подъ Аустерлицемъ Австрія заключила отдѣльный невыгодный для нея миръ и потребовала выхода нашихъ войскъ съ ея территоріи. Союзники разстались съ взаимнымъ раздраженіемъ.

Урокъ вреднаго для Россіи и безполезнаго для Австріи вмѣшательства Россіи въ австро-французскія дѣла въ 1799 году пропалъ такимъ образомъ даромъ, и мы въ 1805 году снова вмѣшиваемся въ чужія дѣла безъ пользы для державы, которой хотѣли помочь, и ко вреду для Россіи (отвлеченіе отъ національныхъ задачъ, отвлеченіе отъ внутреннихъ задачъ, расходованіе скудныхъ русскихъ силъ и средствъ на чуждые для русскаго племени интересы).

Въ 1806—1807 годахъ наше вмѣшательство въ франко-прусскія дѣла тоже окончилось полною неудачею для нашего союзника. Послѣ пораженія подъ Фридландомъ, Россія заключила Тильзитскій миръ, обратила Наполеона изъ врага въ союзника, а отъ союзной намъ Пруссіи Наполеонъ отдалъ Россіи Бѣлостокскій районъ.

Такимъ образомъ, и на этотъ разъ вмѣшательство наше въ франко-прусскія дѣла окончилось тѣмъ, что войска наши, не предотвративъ пораженія прусскихъ войскъ подъ Іеной, Ауерштедтомъ и въ другихъ пунктахъ, не могли побѣдить наполеоновскую армію и вернуть Пруссіи завоеванныя у нея французами мѣстности. Напротивъ того, послѣ пораженія подъ Фридландомъ, войска наши оставили предѣлы Пруссіи, а Россія за свое содѣйствіе Пруссіи получила Бѣлостокскую область [1]).

---

[1]) Присоединеніе къ Россіи Бѣлостокской области имѣло свои основанія, ибо половина населенія этой области русскаго происхожденія.

Въ результатѣ нашего вмѣшательства въ дѣла Европы въ 1805—1807 годахъ мы стали во враждебныя отношенія къ Австріи, Пруссіи и Англіи (континентальная система) и въ то же время не отнеслись съ довѣріемъ къ Наполеону—нашему новому союзнику.

Выше было изложено, какія сложныя причины обратили Наполеона вновь во врага Россіи и привели къ войнѣ 1812 года. Въ числѣ причинъ, препятствовавшихъ упроченію союза съ Франціею, надо поставить и оскорбленное самолюбіе Россіи неудачами русской арміи въ 1805—1807 годахъ. Если Отечественная война высоко поучительна и славна для русскаго племени подъемомъ патріотическихъ чувствъ и готовностью населенія на жертвы „за вѣру, царя и отечество", то съ другой стороны война эта, вызванная вмѣшательствомъ Россіи въ чужія дѣла, принесла тяжкое разореніе многимъ мѣстностямъ и потребовала такого напряженія силъ народа и такихъ жертвъ отъ него, что должна была отразиться замедленіемъ развитія русскаго племени, особенно въ экономическомъ отношеніи.

Войны 1813—1814 годовъ совершенно не были нужны, и силы и средства, израсходованныя въ эти войны, тоже пошли въ ущербъ развитію русскаго племени. Преслѣдованіе въ этихъ войнахъ общеевропейскихъ цѣлей произведено въ ущербъ Россіи. Освобожденная отъ Наполеона Франція, Австрія и Англія уже въ 1814 году заключаютъ союзъ противъ Россіи. Пруссія все время колеблется между союзомъ съ Россіею и союзомъ съ ея противниками.

Вмѣшательство Россіи въ 1815 году въ дѣла саксонскія и польскія чуть не оканчивается войною Россіи противъ сильной коалиціи державъ Европы. Только появленіе Наполеона съ острова Эльбы разстраиваетъ коалицію и обращаетъ вновь Россію къ совмѣстной съ европейскими державами борьбѣ противъ Наполеона.

Присоединеніе большей части великаго герцогства варшавскаго въ 1815 году къ Россіи является какъ бы вознагражденіемъ Россіи за жертвы, принесенныя ею въ борьбѣ съ Наполеономъ въ 1813—1814 годахъ. Это вознагражденіе 95 лѣтъ тому назадъ, по мнѣнію государственныхъ людей Пруссіи, должно было повести къ ослабленію Россіи. Сами пруссаки не отстаивали возвращенія къ себѣ польскихъ земель съ сплошнымъ польскимъ населеніемъ, присоединенныхъ къ нимъ по третьему раздѣлу Польши, по *трудности ассимилировать польское населеніе.*

Дѣйствительно, механическое присоединеніе къ Россіи польскихъ областей, при слабости русской государственности, въ Литвѣ, бѣлорусскихъ мѣстностяхъ, Волыни и Подоліи, при еще свѣжихъ воспоминаніяхъ о самостоятельной Польшѣ, повело къ тому, что невыгода присоединенія этихъ польскихъ областей къ Россіи чувствуется и черезъ 95 лѣтъ такъ же сильно, какъ и во время вѣнскаго конгресса.

Возстанія поляковъ въ 1831 и 1863 годахъ указываютъ, что поляки не считали себя осчастливленными присоединеніемъ ихъ къ Россіи.

Современное отношеніе польскаго населенія къ русскимъ въ варшавскомъ военномъ округѣ демонстративно указываетъ, что это недовольство существуетъ и въ настоящее время. Но что еще тревожнѣе — это роль поляковъ въ нашихъ западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ. За 100—150 лѣтъ присоединенія этихъ мѣстностей къ Россіи мы еще не сумѣли освободить бѣлорусское и малорусское племена отъ матеріальнаго и духовнаго вліянія на нихъ ничтожнаго въ этихъ мѣстностяхъ по числу польскаго племени.

Какъ это ни странно, но приходится радоваться существованію въ Польшѣ партіи, которая не уважаетъ русской государственности, боится ея, но по политическимъ соображеніямъ признаетъ, что все же подъ властью Россіи полякамъ легче живется, чѣмъ ихъ братьямъ подъ властью Пруссіи.

Нельзя однако не упомянуть, что и въ русской арміи, и на другихъ поприщахъ дѣятельности, уже находится много поляковъ, которые считаютъ Россію своимъ отечествомъ, любятъ ее, говорятъ въ своихъ семьяхъ только на русскомъ языкѣ, женятъ своихъ сыновей и выдаютъ замужъ своихъ дочерей за русскихъ. Этотъ польскій элементъ конечно только полезенъ Россіи. Но тѣ поляки, которые, получивъ высшее образованіе за русскія деньги и получая крупные оклады изъ тѣхъ же русскихъ денегъ, наполняютъ вѣдомства путей сообщенія и отчасти судебное и другія, и, живя въ Россіи, остались „заядлыми“ поляками, демонстративно говорящими въ Харбинѣ, Читѣ, на линіи сибирской дороги и даже на такихъ линіяхъ, какъ Бологое—Сѣдлецъ, на польскомъ языкѣ, демонстративно группирующіеся въ польскіе кружки,—очень вредны для Россіи. Мы въ тяжелые 1904—1905 годы уже поплатились за недосмотръ за этимъ элементомъ, и забастовки Сибирской желѣзной дороги, особенно въ Забайкальѣ, велись при дѣятельномъ участіи такихъ поляковъ. Неужели и этотъ урокъ еще не достаточенъ, чтобы признать дѣломъ неотложнымъ очищеніе желѣзныхъ дорогъ, особенно имѣющихъ стратегическое значеніе, отъ политиканствующаго польскаго элемента? Не будь присоединены къ намъ въ 1815 г. польскія области съ сплошнымъ польскимъ населеніемъ, мы могли бы слить оставшихся въ русскихъ мѣстностяхъ поляковъ съ русскимъ населеніемъ, а не пожелавшіе этого сліянія были бы выдѣлены, какъ иностранцы, безъ права поступленія въ русскія высшія учебныя заведенія, безъ права русской государственной службы, безъ права участія въ управленіи государственными дѣлами, касающимися всего русскаго племени.

Такимъ образомъ этнографическій составъ населенія присоединенныхъ къ Россіи въ 1815 году мѣстностей послужилъ не къ усиленію, а къ ослабленію Россіи. Географическое положеніе Польши, врѣзавшейся обособленнымъ плацдармомъ между владѣніями Пруссіи

и Австріи, какъ указано выше, уже въ 1815 году внушало опасенія европейскимъ державамъ: владѣніе этимъ плацдармомъ сокращало русскимъ войскамъ достиженіе Вѣны, Берлина и Парижа на нѣсколько сотъ верстъ, сравнительно съ движеніемъ изъ мѣстностей съ русскимъ населеніемъ. 100 лѣтъ тому назадъ, когда сосредоточеніе арміи производилось грунтовыми путями и арміи содержались въ постоянной готовности, дѣйствительно положеніе Польши давало Россіи серьезныя выгоды въ случаѣ разрыва съ нашими западными сосѣдями. Но нынѣ, когда сосредоточеніе совершается по желѣзнымъ дорогамъ, военное значеніе той или другой мѣстности прежде всего опредѣляется количествомъ поѣздовъ, которые могутъ ежедневно подвозить къ тому или другому пункту войска для сосредоточенія арміи. Достаточно посмотрѣть на карту и сосчитать число желѣзнодорожныхъ линій, подходящихъ къ нашей западной границѣ со стороны Германіи и Австріи, сравнительно съ русскими, чтобы придти къ заключенію, что за 95 лѣтъ со времени вѣнскаго конгресса положеніе дѣлъ измѣнилось, и выдвинутое расположеніе польскихъ областей нынѣ, въ случаѣ войны съ западными сосѣдями, уже составляетъ не источникъ нашей силы въ военномъ отношеніи, а источникъ нашей слабости.

Тяжко занятые въ XIX столѣтіи устройствомъ „благоденства“ разныхъ государствъ и народовъ, мы произвели такія затраты силъ и средствъ на эти чуждыя для русскаго племени задачи, что крѣпко отстали въ культурномъ отношеніи не только отъ нашихъ западныхъ сосѣдей, но даже и отъ подчиненнаго намъ окраиннаго населенія, и эта отсталость проявилась и въ отсталости желѣзнодорожной.

Вмѣшательство наше въ 1848—1849 годахъ въ австро-венгерскую распрю имѣло цѣлью поддержать цѣлость австрійской имперіи и содѣйствіе правительственнымъ войскамъ къ усмиренію возставшихъ. Цѣль эта была достигнута, но результатъ нашего вмѣшательства оказался непродолжительнымъ: черезъ 18 лѣтъ Венгрія получила права, которыхъ добивалась въ 1848 г., но за наше вмѣшательство неизмѣнно до сихъ поръ, въ теченіе 60 лѣтъ, проявляла враждебное къ Россіи отношеніе.

С. Татищевъ[1]) указываетъ, что въ первую половину XIX столѣтія наши дипломаты, большею частью не русскаго происхожденія, проявляютъ усиленныя заботы объ устройствѣ Германіи, Италіи, Голландіи, Швейцаріи; прилагаютъ заботы объ усиленіи Пруссіи, Австріи, даже Турціи, *при полномъ умолчаніи о существенныхъ интересахъ Россіи.*

Средства, выбираемыя нашимъ правительствомъ для достиженія поставляемыхъ имъ же цѣлей, не всегда соотвѣтствовали этимъ цѣлямъ. Такъ, начиная войну въ 1805 году съ Наполеономъ, было объявлено, что единственная цѣль нашего вмѣшательства въ австро-

[1]) С. Татищевъ „Изъ прошлаго русской дипломатіи“.

французскія дѣла составляетъ *водвореніе въ Европѣ на прочныхъ основаніяхъ мира*. И что же, для достиженія этой цѣли мы готовились объявить войну Пруссіи, а чтобы расположить ее къ союзу съ нами, обѣщали присоединеніе къ ней Ганновера, принадлежавшаго Англіи.

Самая форма постановки нашихъ требованій являлась для представителей европейскихъ державъ обидною. Императоръ Александръ I, напр., говорилъ: „Я отдалъ Саксонію Пруссіи", какъ будто дѣло шло о территоріи, принадлежавшей Россіи или ею одною завоеванной.

Въ результатѣ нашего пятидесятилѣтняго вмѣшательства въ дѣла Европы, съ 1799 по 1849 годы, всѣ европейскія державы начали относиться къ внѣшней политикѣ Россіи съ полнымъ недовѣріемъ и даже враждебностью. Поэтому можно съ основаніемъ признать, что жертвы, принесенныя Россіею въ первой половинѣ XIX столѣтія для устройства европейскихъ дѣлъ, ослабивъ внутреннее положеніе Россіи, не усилили и ея внѣшняго положенія. Запустивъ дѣла русскія, мы не устроили и дѣлъ европейскихъ. Проливъ за чуждые Россіи народы массу русской крови, мы не сдѣлали эти народы благодарными Россіи.

Уроки были тяжелые, но въ XIX столѣтіи они не пошли на пользу Россіи. Надо добиваться, чтобы эти уроки пошли на пользу Россіи хоть въ XX столѣтіи.

Значеніе войнъ, веденныхъ Россіею въ цѣляхъ общеевропейской политики, въ военномъ отношеніи.

Уже во второй половинѣ XVIII столѣтія, какъ изложено выше, русская армія, по своему устройству, вооруженію, обученію и, главное, высокимъ нравственнымъ качествамъ, заняла почетное мѣсто среди армій всѣхъ европейскихъ государствъ.

Въ періодъ войнъ съ 1799 по 1815 годъ армія наша неизмѣнно сохраняетъ это положеніе.

Многочисленныя войны, веденныя Россіею во второй половинѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій, доставили войскамъ огромную боевую практику, а такіе вожди, какъ Румянцевъ и Суворовъ, сдѣлали школу, изъ которой вышли боевые выдающіеся начальники нашихъ войскъ — Кутузовъ, Багратіонъ, Барклай, Беннигсенъ, Ермоловъ, Раевскій, Дохтуровъ, Коновницынъ, Милорадовичъ, Остерманъ, Платовъ и многіе другіе. Масса начальниковъ дивизій, бригадъ, полковъ, при тогдашней простотѣ употребленія войскъ въ бою (дальность огня незначительная, расположеніе войскъ сосредоточенное, значеніе сомкнутыхъ строевъ и удара въ штыки большое), вполнѣ соотвѣтствовали своему назначенію. Корпусъ офицеровъ хотя и не былъ достаточно подготовленъ въ теоретическомъ отношеніи, но путемъ практики, особенно боевой,

не отставалъ отъ офицерскаго состава другихъ армій. Силу нашего корпуса офицеровъ составляла и большая однородность его по происхожденію. Нижніе чины, при долгихъ срокахъ службы, были превосходны во всѣхъ отношеніяхъ, въ особенности въ смыслѣ выносливости и огромнаго пассивнаго мужества. Для массы офицеровъ и нижнихъ чиновъ часть войскъ, въ которой они служили, была ихъ второю родиною, по той привязанности, съ которою они относились къ полкамъ и батареямъ, въ которыхъ служили.

Духъ войскъ былъ прекрасный. Даже послѣ серьезныхъ неудачъ наши войска быстро оправлялись.

Несмотря на относительно значительную, содержавшуюся нами въ мирное, время армію, по разнымъ причинамъ, въ томъ числѣ и потому, что въ началѣ XIX столѣтія Россіи часто приходилось вести одновременно нѣсколько войнъ (напр., въ Финляндіи, на Кавказѣ, въ Персіи, въ Турціи), каждый разъ, посылая наши войска на европейскую территорію, мы повторяли одну и ту же ошибку: посылали слабыя силы и потомъ постепенно ихъ увеличивали. Такъ, съ недостаточными и разбросанными силами мы начали войну 1805, 1806, 1812 и 1813 годовъ.

Существеннымъ недостаткомъ нашихъ войскъ былъ слишкомъ слабый боевой составъ ихъ, сравнительно со штатнымъ. Съ своевременнымъ укомплектованіемъ войскъ мы совершенно не справлялись. Многіе полки большую часть времени дѣйствовали въ однобатальонномъ составѣ, а полки кавалерійскіе вмѣсто 8 эскадроновъ имѣли по 4. Вслѣдствіе малаго отпуска денежныхъ средствъ на армію и обширности территоріи Россіи, мы оказывались неготовыми къ войнѣ въ 1805—1806 и особенно въ 1812 и 1813 годахъ. Войска были разбросаны, неукомплектованы, запасы оказывались недостаточные.

За исключеніемъ 1812 г., за неотпускомъ достаточныхъ средствъ и несбывшимися надеждами на заботы союзниковъ, войска наши много терпѣли, въ особенности отъ недостатковъ устройства продовольственной части. Суворову, передъ движеніемъ въ Швейцарію, пришлось потерять 5 дорогихъ дней, вслѣдствіе недоставки продовольствія. Въ походахъ 1806—1807 гг. войска наши много терпѣли отъ дурно организованнаго снабженія арміи всѣми видами довольствія. Въ 1807 г., послѣ сраженія подъ Прейсишъ-Эйлау, пришлось изъ-за недостатка продовольствія прервать на продолжительное время военныя дѣйствія.

Недостатокъ денежныхъ средствъ въ Россіи вызывалъ заботы нашего правительства о субсидіяхъ на содержаніе въ Европѣ нашихъ войскъ, особенно отъ англичанъ. Эти субсидіи получались иногда въ такой формѣ, что въ глазахъ враговъ Россіи сообщали нашимъ вой-

скамъ характеръ наемныхъ войскъ, что не могло не оскорблять самолюбія войскъ [1]). Наполеонъ въ своемъ приказѣ по арміи передъ Аустерлицкимъ боемъ называлъ русское войско наемниками Англіи.

Не располагая достаточными для нанесенія рѣшительнаго удара силами, мы еще дробили ихъ по нѣсколькимъ театрамъ военныхъ дѣйствій. Такъ, напримѣръ, въ 1799 г. наши войска тремя незначительными группами одновременно дѣйствовали въ Италіи, Швейцаріи и Голландіи.

Въ 1813 и 1814 годахъ довольно сильная русская армія была разбита на три группы, соотвѣтственно подраздѣленію всѣхъ союзныхъ войскъ на три арміи.

Назначеніе главнокомандующихъ и командующихъ арміями встрѣчало большія затрудненія.

За періодъ съ 1805 по 1814 годъ во главѣ нашихъ арміи ставились: Кутузовъ, Каменскій, Бенигсенъ, Барклай-де-Толли, опять Кутузовъ, Витгенштейнъ, опять Барклай-де-Толли; окончили же тѣмъ, что славными русскими войсками командовали австріецъ Шварценбергъ, пруссакъ Блюхеръ и шведскій наслѣдный принцъ.

Въ 1813 году собирались даже назначить главнокомандующимъ надъ союзными войсками француза Моро, но австрійцы воспрепятствовали этому.

Въ наступательномъ бою русскія войска были менѣе сильны, чѣмъ въ оборонительномъ. Наступательныя операціи, какъ-то — Аустерлицкая въ 1805 г., операція 1806—1807 года Бенигсена, переходъ въ наступленіе русскихъ войскъ въ окрестностяхъ Смоленска, Дрездена и въ первые дни боя подъ Лейпцигомъ, — оканчивались неудачно. Главными причинами неудачъ были: разрозненность дѣйствій по фронту и въ глубину, а также недостаточность войскъ, направляемыхъ для атаки. Неудачѣ подъ Аустерлицемъ болѣе всего содѣйствовало вмѣшательство императорской главной квартиры въ распоряженіе войсками, безъ принятія императоромъ командованія арміею. При борьбѣ съ Наполеономъ только при значительномъ превосходствѣ въ силахъ удавалось одержать побѣду надъ французскими войсками, когда онъ лично руководилъ ими; но когда дѣйствовали самостоятельно его маршалы, ихъ побѣждали въ иныхъ случаяхъ даже меньшими силами.

Упорствомъ при оборонѣ русскіе заслужили въ тѣ войны всемірную славу. Способность нашихъ войскъ пассивно выдерживать смертоносный огонь, выносящій болѣе половины состава людей, изумляла современниковъ. Недостатками оборонительныхъ боевъ надо признать слишкомъ пассивную оборону.

---

[1]) Въ XVIII столѣтіи русское правительство, посылая два раза корпуса русскихъ войскъ на Рейнъ, надѣялось сдѣлать въ матеріальномъ отношеніи выгодную аферу.

Случаи къ переходу въ наступленіе были пропущены: въ Пултускѣ, въ Прейсишъ-Эйлау послѣ уничтоженія корпуса Ожеро, подъ Фридландомъ, пока противъ нашихъ войскъ дѣйствовала лишь часть войскъ Наполеона, и подъ Бородино въ направленіи батареи Раевскаго.

Наши арьергардные бои, — въ 1805 г. подъ Шенграбеномъ, въ 1812 году 7 августа подъ Лубинымъ (борьба за выходъ на московскую дорогу нашихъ войскъ перешедшихъ неудачно въ наступленіе подъ Смоленскомъ), арьергардный бой въ окрестностяхъ Смоленска дивизіи Невѣровскаго, арьергардный бой подъ Кульмомъ въ 1813 году— составляютъ наиболѣе славныя страницы въ исторіи войнъ, веденныхъ Россіею въ началѣ XIX столѣтія.

Заслуживаетъ глубокаго вниманія самоотверженная работа всѣхъ родовъ оружія къ достиженію побѣды. Главная роль, конечно, принадлежала пѣхотѣ, но артиллерія, не жалѣя себя, поддерживала пѣхоту, находясь въ сферѣ ружейнаго огня. Но что заслуживаетъ особаго подражанія въ настоящее время — это чрезвычайно полезная *на полѣ сраженія работа конницы*. Во многихъ случаяхъ наша конница покрыла себя вѣчною славою. Она прорывала пѣхотныя завѣсы, врывалась въ каре, брала орудія, смѣло сцѣплялась въ рукопашную съ конницею противника. Особенно славно участіе конницы въ 1814 году въ бою подъ Шампеназомъ, гдѣ она разбиваетъ французскій корпусъ войскъ и беретъ орудія.

Служба казаковъ, особенно въ 1812 году, принесла огромную пользу нашей арміи и вредъ французской. Казаки дѣйствовали не по-регулярному: неожиданно появлялись, неожиданно и въ разбродъ исчезали. Способность и охота къ одиночному бою были большія. Способность находить фуражъ и подкармливать свою лошадь была изумительная. Усиленныя заботы во вторую половину XIX столѣтія сдѣлать казаковъ возможно болѣе похожими на регулярную конницу пользы не принесли. Но не только казаки, но и регулярная конница, въ три послѣднія, веденныя Россіею, войны—въ 1853—1855 гг. на европейскомъ театрѣ, въ 1877—1878 гг. въ Болгаріи и въ 1904—1905 гг. въ Маньчжуріи, дали весьма незначительную боевую работу, несмотря на свою многочисленность. Способность драться, подобно пѣхотѣ и артиллеріи, до потери даже свыше половины состава наша конница (кромѣ кавказской-драгунской) во вторую половину XIX столѣтія утратила.

Наиболѣе поучительнымъ на будущія времена изъ дѣйствій нашихъ войскъ въ войны съ Наполеономъ является способъ дѣйствій, принятый въ 1812 году.

Съ арміею въ три раза болѣе слабою, не объединенною общимъ командованіемъ, благодаря отступленію въ глубь Россіи, было достигнуто уничтоженіе полумилліонной арміи Наполеона. Какъ дѣйствовали скиѳы противъ полчищъ Дарія Гистаспа, увлекая ихъ въ глубь степей, засыпая колодцы, уничтожая запасы, такъ дѣйствовали и мы въ отечественную войну.

Время, морозъ, грязь, голодъ, вмѣстѣ съ народною войною, явились на помощь русской арміи, ежедневно подтачивали силы великой арміи Наполеона, ежедневно уменьшали разницу въ численности съ нашею, и, когда перевѣсъ въ силахъ матеріальныхъ и моральныхъ перешелъ на нашу сторону, армія противника погибла.

Въ 1855 году, если бы мы, потерявъ Севастополь, отступили въ глубь страны, побѣда осталась бы за нами. Но государь Александръ II не нашелъ поддержки въ своихъ ближайшихъ совѣтникахъ: а въ населеніи рѣшимости продолжать войну, и миръ былъ заключенъ.

Въ войну 1904 — 1905 гг. планъ дѣйствій былъ составленъ въ сущности тотъ же, что и въ 1812 году. Рѣшено было отступать, если то потребуется, до Харбина и далѣе.

Послѣ Мукдена японская армія уже не рѣшается сама напасть на русскую. Уже матеріальное превосходство перешло на нашу сторону; 300,000 молодежи, пришедшей къ арміи съ пѣснями, вмѣсто стариковъ многосемейныхъ запасныхъ, омолодили нашу армію; подошли горная артиллерія, мортиры, безпроволочный телеграфъ, запасы полевой желѣзной дороги — все то, безъ чего нынѣ трудно сражаться.

Въ моральномъ настроеніи японцевъ, напротивъ того, можно было усмотрѣть пониженіе пыла, пониженіе воинственности; многочисленныя письма плѣнныхъ свидѣтельствовали объ этомъ. Но нашимъ войскамъ, по серьезнымъ внутреннимъ дѣламъ, пришлось прекратить войну, когда мы наконецъ приготовились къ ней и получили боевой опытъ.

Надо прибавить также, что это не была война, близкая сердцу русскаго человѣка, подобно Отечественной. Въ Россіи, даже въ Москвѣ, всѣ сословія желали окончанія войны, а многіе выражали требованіе окончить ее „во что бы то ни стало“.

Въ Отечественную войну императоръ Александръ I, произнеся великое историческое обѣщаніе не вкладывать меча въ ножны, пока хотя одинъ врагъ останется на землѣ русской, могъ исполнить это обѣщаніе, потому что не только армія, но всѣ сословія, весь народъ жили съ нимъ одною мыслью и жертвовали своимъ имуществомъ и жизнью, чтобы побѣдить врага.

Какъ извѣстно, обстановка въ 1905 году, когда Россіи пришлось вложить мечъ въ ножны, была совершенно иная.

Тѣмъ поучительнѣе на будущее долженъ служить опытъ прошлаго.

Мы были неготовы встрѣтить врага въ 1812 г. по разнымъ сложнымъ причинамъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе нашей культурной отсталости; мы были неготовы встрѣтить врага по тѣмъ же причинамъ и въ 1904 году. Но, если по тѣмъ же причинамъ Россія будетъ вновь втянута въ войну съ болѣе культурными противниками, вѣрнѣе съ коалиціею ихъ, она снова можетъ оказаться неготовою. Опытъ войнъ, веденныхъ Россіею, указываетъ, что при этихъ условіяхъ есть только

одинъ способъ для побѣды — отходить въ глубь страны, постепенно усиливаясь, увлекать противника въ глубь страны, все ослабляя его, и, когда перевѣсъ въ силахъ матеріальныхъ и духовныхъ перейдетъ на нашу сторону, — перейти въ наступленіе и уничтожить врага. Исторія наша учитъ, что путь этотъ тяжелый и длинный, но вѣрный. Путь этотъ былъ намѣченъ еще скиѳами, путь этотъ выбранъ былъ и великимъ Петромъ. Идя по этому пути, ему понадобилось 9 лѣтъ времени послѣ пораженія подъ Нарвою для побѣды подъ Полтавою. Этимъ же путемъ шелъ и Александръ I, которому тоже потребовалось 9 лѣтъ борьбы, чтобы послѣ пораженія подъ Аустерлицемъ побѣдить окончательно подъ Парижемъ остатки арміи Наполеона.

1814 годомъ оканчивается славная боевая служба нашихъ войскъ. Съ этого времени начинается въ нашей арміи „аракчеевщина". Требованія мирнаго времени берутъ рѣшительный верхъ надъ требованіями военнаго времени: мѣриломъ достоинства войскъ служатъ парадъ и церемоніальный маршъ. Ружье понемногу начинаетъ служить, главнымъ образомъ, для производства звучныхъ ружейныхъ пріемовъ.

Уже въ 1815 году въ Парижѣ два полковыхъ командира были арестованы за то, что нѣсколько взводовъ сбились съ ноги при прохожденіи церемоніальнымъ маршемъ.

Великій князь Константинъ Павловичъ вмѣстѣ съ Аракчеевымъ въ своихъ требованіяхъ отъ войскъ много способствовали пониженію достоинства нашей арміи.

Легкіе успѣхи въ 1848 году увеличили самодовольство и застой въ военномъ дѣлѣ, а расплата уже была не за горами: въ 1855 году мы и расплатились за 40 лѣтъ работы Аракчеева и его послѣдователей по ухудшенію нашей арміи.

Но, помимо неправильностей обученія, увлеченія сомкнутыми строями, увлеченія церемоніальнымъ маршемъ, наша армія начала отставать и отстаетъ до сихъ поръ отъ арміи нашихъ сосѣдей по другой причинѣ: *вельдствіе недостаточныхъ денежныхъ отпусковъ на армію.* Быстро развившіяся въ культурномъ отношеніи во вторую половину XIX столѣтія европейскія державы вызвали такое развитіе техническихъ силъ и средствъ, которое самымъ дѣйствительнымъ образомъ отразилось и на военной части. Отставши въ желѣзнодорожномъ отношеніи, мы начали быстро отставать и въ техническомъ отношеніи отъ европейскихъ арміи.

Въ 1853—1855 годахъ мы явились съ гладкими ружьями и паруснымъ флотомъ противъ нарѣзныхъ ружей и парового флота.

Въ войну 1877—1878 годовъ мы въ техническомъ отношеніи отстали даже отъ турокъ. Большинство войскъ было вооружено ружьями системы Крнка, значительно уступавшими турецкимъ ружьямъ системъ Снайдера и Пибоди. Наши пушки заряжались еще съ дула.

а турецкія (крупповскія) орудія съ казенной части, турецкія орудія были противъ нашихъ и скорозарядными, и дальнобойными.

Неотпускъ пятисотъ милліоновъ рублей, которые военное вѣдомство требовало за нѣсколько лѣтъ до войны съ японцами на увеличеніе боевой готовности нашей арміи, повелъ къ тому, что и въ войну съ японцами мы выступили неготовыми въ техническомъ отношеніи: мы не имѣли горной и позиціонной артиллеріи, наши такъ называемыя полевыя мортиры были очень слабы, мы не имѣли достаточно телеграфныхъ и телефонныхъ средствъ, а тѣ, что имѣлись, были устарѣлыхъ образцовъ. Мы начали войну, не имѣя безпроволочнаго телеграфа, воздушныхъ шаровъ, достаточнаго запаса разныхъ инструментовъ, проволоки, мины, взрывчатыхъ веществъ, безъ запаса полевыхъ желѣзныхъ дорогъ, безъ вьючнаго обоза для многихъ частей войскъ, безъ этапныхъ войскъ и пр.

Мы начали войну, располагая всего $2^1/_2$ поѣздами въ сутки для сосредоточенія арміи и запасовъ для нея въ Маньчжуріи.

Чтобы уяснить себѣ неизбѣжность огромныхъ расходовъ на современнаго типа армію, если мы хотимъ поставить ея боевую готовность соотвѣтственно развитію техники, достаточно сказать, что передъ русско-японскою войною германская армія, *при вдвое меньшемъ мирномъ составѣ, расходовала такую же сумму на содержаніе сухопутной арміи, какъ и Россія.* Это и позволяло ей производить огромные *единовременные* расходы на случай войны; наши же отпуски на армію покрывали, главнымъ образомъ, только текущую жизнь арміи.

ГЛАВА XXIII.

Краткій обзоръ главнѣйшихъ событій въ исторіи Болгаріи, Сербіи и Босніи-Герцеговины.

I. Появленіе славянъ на Балканскомъ полуостровѣ и ихъ постепенное разселеніе.

II. Краткій очеркъ исторіи государствъ, основанныхъ славянами на Балканскомъ полуостровѣ, до покоренія ихъ турками.

1) *Болгарія.*—Образованіе въ IX столѣтіи болгарскаго царства. Царь Симеонъ Великій. Золотой вѣкъ Болгаріи. Паденіе въ концѣ X столѣтія болгарскаго царства. Возстаніе болгаръ въ XII столѣтіи. Второе болгарское царство. Побѣда въ 1330 году сербовъ надъ болгарами. Завоеваніе въ концѣ XIV столѣтія Болгаріи турками и обращеніе ея въ турецкую провинцію.

2) *Сербія.*—Образованіе въ 1221 году сербскаго королевства. Покореніе Болгаріи. Царствованіе Стефана Душана. Золотой вѣкъ Сербіи. Присоединеніе къ Сербіи Босніи. Внутреннія усобицы послѣ смерти Душана. Борьба съ Турціей. Битва на Косовомъ полѣ въ 1389 г. Подчиненіе Турціи. Обращеніе въ 1459 г. Сербіи въ турецкую провинцію.

3) *Боснія и Герцеговина.*—Роль Босніи въ XII столѣтіи. Отношенія ея къ Венгріи. Католичество. Независимая Боснія. Король Твыртка; тяготѣніе его къ западу, а не къ востоку. Покореніе Босніи венграми въ 1468 году. Обращеніе въ 1526 году Босніи и Герцеговины въ турецкую провинцію.

4) Основаніе въ 1482 году черногорскаго государства.

III. Краткій обзоръ событій въ славянскихъ земляхъ Балканскаго полуострова за время турецкаго владычества и до нашихъ дней.

1) *Болгарія.*—Янычары. Австро-католическая пропаганда и неудачныя возстанія въ XVII столѣтіи. Религіозный гнетъ грековъ. Ослабленіе Турціи Россіей и Австріей въ XVIII столѣтіи. Объединеніе Османомъ Пазваноглу западной Болгаріи и временная независимость ея. Безрезультатность для болгаръ русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Облегченіе участи болгаръ послѣ войны 1853—1856 гг. Учрежденіе въ 1870 г. болгарскаго экзархата. Неудачное возстаніе 1875 г. Созданіе въ 1878 г. вассальнаго Турціи болгарскаго княжества. Князь Александръ Баттенбергскій. Воссоединеніе съ Болгаріей восточной Румеліи въ 1885 г. Сербско-болгарская война 1885 г. Отреченіе князя Александра. Правленіе Стамбулова. Избраніе княземъ Фердинанда Кобургскаго. Объявленіе въ 1908 г. Болгаріи независимымъ королевствомъ.

2) *Сербія.*—Массовое выселеніе сербовъ въ Австрію—граничары, сербскіе гайдуки, ускоки. Наступательное движеніе Австріи противъ Турціи послѣ побѣды 1683 г. близъ Вѣны (Янъ Собѣскій). Походы Евгенія Савойскаго и Пикколомини. Стремленіе Австріи къ воссоединенію подъ свою властью всѣхъ сербскихъ земель. Католическая пропаганда. Борьба сербовъ, предводимыхъ Кара-Георгіемъ, съ янычарами за автономію. Русско-турецкая война 1809—1812 гг. Невыполненіе турками обязательства ввести независимое управленіе въ Сербіи и пораженіе сербовъ; усиленіе турецкаго гнета. Возстаніе 1815 г. Милошъ Обреновичъ—наслѣдственный князь Сербіи. Русско-турецкая война 1828—1829 гг. Бунтъ 1835 г. противъ Милоша и учрежденіе

державнаго совѣта. Вмѣшательство Россіи во внутреннія дѣла Сербіи и введеніе въ 1839 г. конституціоннаго устройства. Король Александръ Кара-Георгіевичъ. Усиленіе послѣ Парижскаго мира 1856 г. вліянія Австріи. Возстановленіе въ 1858 г. династіи Обреновичей. Король Миланъ. Сербско-турецкая война 1876 г. Объявленіе въ результатѣ русско-турецкой войны 1877—1878 гг. независимости Сербіи. Сербско-болгарская война 1885 г. Отреченіе отъ престола Милана въ 1889 г. Король Александръ; убійство его и возстановленіе династіи Кара-Георгіевичей.

3) *Боснія и Герцеговина.* Переходъ въ мусульманство высшаго класса населенія. Массовое выселеніе въ Венгрію, Хорватію и Далмацію. Возстаніе 1875 г. Оккупація въ 1878 г. Босніи и Герцеговины Австріей. Притѣсненія православнаго населенія. Присоединеніе въ 1908 г. Босніи и Герцеговины къ Австріи.

Появленіе славянъ на Балканскомъ полуостровѣ и ихъ постепенное разселеніе.

Объ аборигенахъ Балканскаго полуострова имѣются весьма смутныя свѣдѣнія. Упоминается, что задолго до Рождества Христова на Балканскомъ полуостровѣ находились племена иллирійскаго происхожденія. Съ XI вѣка до Рождества Христова на Балканскій полуостровъ начинаютъ вторгаться римляне, подчиняютъ себѣ часть этой страны и начинаютъ колонизировать ее [1]).

Гопчевичъ, авторъ труда „Старая Сербія и Македонія“, объясняетъ появленіе на Балканскомъ полуостровѣ славянъ слѣдующимъ образомъ:

Первыя вѣсти о существованіи славянъ находятся у Плинія, который въ I столѣтіи послѣ Р. Х. писалъ, что къ сѣверу отъ Азовскаго моря, въ изгибѣ р. Волги, жили Serbi. Прокопій въ VI столѣтіи пишетъ, что славяне и анты носили совмѣстное имя споровъ: по мнѣнію славистовъ, подъ этимъ именемъ надо разумѣть сербовъ. По древнимъ источникамъ можно заключить, что славяне вообще первоначально назывались сербами. Иностранцы называли иногда сербовъ и вообще славянъ вендами. Когда славяне сдѣлались многочисленнѣе, то, разсѣявшись, они стали получать названія или по имени занятой ими мѣстности, или по другимъ признакамъ. Такъ, напр., поселившіеся на Карпатахъ получили наименованіе хорватовъ. Эти хорваты были родственны сербамъ и первые во II столѣтіи послѣ Р. Х. пробрались на Балканскій полуостровъ. У Гопчевича упоминается, что царь Каро поселилъ 200,000 изъ нихъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Въ теченіе послѣдующихъ столѣтій славяне продолжали селиться на Балканскомъ полуостровѣ и въ VI столѣтіи уже составляли довольно густое населеніе [2]).

---

[1]) Кораблевъ „Боснія и Герцеговина“, 1908 г., стр. 7.

[2]) Гопчевичъ, придающій всюду преобладающую роль на Балканскомъ полуостровѣ сербамъ, пишетъ, что въ VI столѣтіи Балканскій полуостровъ былъ густо населенъ сербами и тамъ же существовали сербскіе города: Лабуца, Малая Рѣка, Босаня, Клештевица, Вартиште и др.; на византійскомъ престолѣ находились сербы Юстинъ I и Юстиніанъ I; сербскіе полководцы Оногостъ, Доброгостъ, Острун, Свегардъ, Сварунъ командовали византійскими войсками; даже Велизарій былъ сербъ (Гопчевичъ „Старая Сербія и Македонія“, стр. 265).

Кромѣ славянъ на Балканскій полуостровъ вторглись въ V вѣкѣ остготы и въ VI вѣкѣ авары.

Особенно быстро заселеніе Балканскаго полуострова славянами шло въ теченіе VII вѣка [1]). Славяне изъ Венгріи (Паннонія) вторглись на Балканскій полуостровъ въ концѣ VI вѣка. Императоръ Маврикій велъ противъ нихъ войну довольно безуспѣшно, ибо славяне были „болѣе опытные воины, чѣмъ сами римляне". Они вторглись въ глубь Македоніи, Ѳракіи, Ѳессаліи, Греціи и въ 597 году взяли штурмомъ Солунь. Соединившись же съ аварами, славяне Балканскаго полуострова въ 626 году чуть не овладѣли Царьградомъ [2]).

Царь Ираклій въ VII столѣтіи, чтобы защититься отъ опустошавшихъ Боснію и Далмацію аваровъ, пригласилъ въ свою землю жителей бѣлой Хорватіи и бѣлой Сербіи. Бѣлою Хорватіею въ то время назывались земли между рѣками Западнымъ Бугомъ и Лабой (Мисскъ, Польша, Лужица, Силезія). Бѣлые хорваты приняли предложеніе и завоевали нынѣшнюю Хорватію, Боснію и Далмацію; въ то же время бѣлые сербы завоевали нынѣшнія Македонію и Сербію [3]).

Къ этой же эпохѣ и нѣсколько позже относится движеніе славянскихъ племенъ и къ западу — въ Тюрингію и вплоть до Рейна. Такимъ образомъ, въ концѣ VII столѣтія на Балканскомъ полуостровѣ уже находилось нѣсколько народностей, среди которыхъ славяне играли преобладающую роль. При этомъ большая часть полуострова входила въ составъ византійской имперіи, но, повидимому, подчиненіе было непрочное: населеніе полуострова не отличалось спокойствіемъ, было воинственное, и византійскимъ императорамъ приходилось изыскивать всѣ средства, чтобы не дать народностямъ Балканскаго полуострова овладѣть Царьградомъ. Однимъ изъ способовъ этой борьбы было приглашеніе тѣхъ или другихъ изъ варварскихъ въ то время племенъ для борьбы съ племенами, уже осѣвшими на Балканскомъ полуостровѣ. Такъ, были приглашены съ Святославомъ славяне съ Днѣпра.

Вытѣсненное славянами и частью обращенное въ рабство первоначальное населеніе Балканскаго полуострова состояло изъ фракійцевъ, иллирійцевъ и грековъ. Первые изъ нихъ получили у славянъ названіе валаховъ, большая часть ихъ была вытѣснена въ Румынію, Трансильванію, Буковину и Бессарабію; оставшіеся же на мѣстѣ валахи получили названіе цинцаровъ [4]). Нынѣшніе албанцы считаются потомками иллирійцевъ.

Въ капитальномъ трудѣ „Сербія и сербы" Н. Овсяный, на основаніи показаній Константина Багрянороднаго, такъ рисуетъ заселеніе западной части Балканскаго полуострова: Въ первой половинѣ VII в.

[1]) Гопчевичъ, стр. 265.
[2]) Тамъ же, стр. 265—266.
[3]) Тамъ же.
[4]) Н. Овсяный „Болгарія и болгары", 1900 г., стр. 24.

изъ страны, лежащей къ сѣверу отъ средняго Дуная (бѣлой Сербіи и бѣлой Хорватіи — нынѣшней Чехіи, Моравіи и Галиціи), вышло сербско-хорватское племя, которое образовало въ части Балканскаго полуострова нѣсколько независимыхъ владѣній, управлявшихся своими жупанами, банами или князьями. Сюда вошли тѣ земли, которыя нынѣ носятъ названіе Далмаціи, Хорватіи, юго-западной Венгріи, Сербіи, Албаніи, и часть Македоніи: всѣ эти земли вмѣстѣ носили въ то время наименованіе Иллиріи.

Первоначальная исторія сербо-хорватскихъ владѣній весьма запутана. Сербскіе князья то признавали свою зависимость отъ Византіи, то освобождались отъ нея при слабыхъ императорахъ [1]).

Въ восточной части Балканскаго полуострова во второй половинѣ VII столѣтія произошла важная перемѣна, отразившаяся на дальнѣйшей исторіи всего Балканскаго полуострова. По показанію нашего историка Соловьева, въ 677 году болгары, народъ единоплеменный съ гуннами и аварами, покорили семь славянскихъ племенъ, жившихъ въ Мизіи, и утвердились здѣсь. Скоро побѣдители такъ смѣшались съ побѣжденными, что составили съ ними одинъ славянскій народъ— болгаръ [2]).

Сербскій историкъ Гопчевичъ этотъ эпизодъ исторіи славянъ передаетъ нѣсколько иначе. Онъ не упоминаетъ о покореніи славянскихъ племенъ, а пишетъ, что сербскіе обитатели Балканскаго полуострова [приняли болгаръ дружески, видя въ нихъ союзниковъ противъ византійцевъ. Вторженіе болгаръ онъ относитъ къ 679 году. Болгары, по его мнѣнію, народъ финско-уральскій, родственный болгарамъ, поселившимся на Волгѣ, отъ которой, быть можетъ, они и получили названіе (волгары); изъ нихъ-то черные болгары, отдѣлившіеся отъ бѣлыхъ, въ VII столѣтіи и проникли на Балканскій полуостровъ [3]).

Покоривъ славянскія племена, болгары образовали въ восточной части Балканскаго полуострова свое царство и столицею его сдѣлали г. Преславу, близъ нынѣшней Шумлы. Первымъ царемъ ихъ, признаннымъ Византіей, считается Тервелъ (700—720 гг.). Въ его царствованіе въ Болгаріи возникли многочисленныя торговыя и промышленныя поселенія. Затѣмъ, до IX столѣтія, въ странѣ шли внутреннія раздоры, происходила быстрая смѣна царей, народъ раздѣлился на враждующія партіи [4]).

---

[1]) И. Овсяный „Сербія и сербы“, 1898 г., стр. 25.

[2]) Соловьевъ, т. I, стр. 110. Относительно происхожденія болгаръ существуютъ различныя мнѣнія. Одни ученые признаютъ ихъ финно-уральскимъ или татарскимъ народомъ, другіе — тоже славянскимъ племенемъ. Наконецъ Шафарикъ и Пречекъ утверждаютъ, что между древними болгарами и нынѣшними нѣтъ никакого племеннаго родства и что нынѣшніе болгары — славянскаго происхожденія (Овсяный „Болгарія и болгары“, стр. 24).

[3]) Гопчевичъ, стр. 267.

[4]) И. Овсяный „Болгарія и болгары“, стр. 25.

Съ конца VII столѣтія начинаются войны и распри между населеніемъ восточной и западной частей Балканскаго полуострова. Хотя населеніе это представляло изъ себя смѣсь нѣсколькихъ народностей съ преобладаніемъ славянскаго элемента, но мы примемъ общія названія для населенія западной половины Балканскаго полуострова — сербовъ, а для восточной половины—болгаръ. Несмотря на родственное происхожденіе, между этими двумя народностями, въ теченіе свыше 1000 лѣтъ, шли войны и усобицы, не закончившіяся еще и нынѣ. Въ то же время, въ особенности среди сербскихъ народностей, шли внутреннія усобицы, напоминавшія нашъ удѣльный періодъ [1]).

Такимъ образомъ, въ то время, когда восточные славяне, поселившіеся въ европейской Россіи, послѣ тяжкихъ испытаній объединяются и образуютъ одно могучее государство, славянскія племена на западѣ ведутъ тысячелѣтнюю борьбу съ окружающими ихъ народностями и хотя мужественно отстаиваютъ свою національность, но, разобщенныя сильными противниками и взаимно враждующія, не сплачиваются въ одно государство и понынѣ. То одно, то другое славянское племя на западѣ возвышается, становится независимымъ, расширяетъ свои владѣнія, но затѣмъ, побѣжденное, входитъ въ составъ другихъ государствъ. Собственно на Балканскомъ полуостровѣ съ VIII по XIV вѣкъ и болгары, и сербы, и босняки основываютъ поочередно независимыя владѣнія, подчиняя — болгары сербовъ, а позже сербы болгаръ, но, вслѣдствіе взаимной вражды, ни тѣ, ни другіе не могли образовать прочнаго оплота на Балканскомъ полуостровѣ противъ турокъ, которые въ XV столѣтіи и овладѣли всѣмъ Балканскимъ полуостровомъ, подчинивъ себѣ на долгое время и болгаръ, и сербовъ.

Попытки къ возстанію не удавались, пока на помощь болгарамъ и сербамъ не начали приходить русскіе славяне. Особенно въ XIX столѣтіи много было пролито русской крови за освобожденіе христіанъ Балканскаго полуострова, много денегъ изъ бѣдной русской земли пошло на созданіе на Балканскомъ полуостровѣ независимыхъ отъ турокъ владѣній. Но и до сихъ поръ многіе вопросы на Балканскомъ полуостровѣ остаются еще не рѣшенными.

Выше было сказано, что Балканскій полуостровъ этнографически дѣлится на восточную часть, населенную болгарами, и западную — сербами. Въ теченіе многихъ вѣковъ эти два племени боролись за расширеніе занятыхъ ими районовъ къ югу и занимали не только современную Македонію, но и территоріи, входящія нынѣ въ составъ Греціи. Въ Македоніи осѣли представители какъ болгарскаго, такъ и сербскаго племенъ; туда же устремились греки, турки и смѣшивались со славянами. Мѣстами мѣстное населеніе представляетъ нынѣ такую смѣсь, что и само не можетъ опредѣлить своей принадлежности къ

---

[1]) И. Овсяный свидѣтельствуетъ, что уже въ VIII столѣтіи въ самой княжеской семьѣ въ Сербіи шли раздоры между братьями („Сербія и сербы", стр. 26).

той или другой національности и называетъ себя общимъ именемъ македонцевъ.

Съ созданіемъ независимыхъ Болгаріи и Сербіи взоры обоихъ государствъ устремлены на Македонію, и писатели обѣихъ народностей горячо и пристрастно доказываютъ права на Македонію,—одни болгаръ, другіе—сербовъ, въ зависимости отъ національности автора. Въ будущемъ Македонія можетъ причинить еще много тревогъ на Балканскомъ полуостровѣ и даже вызвать новое вооруженное столкновеніе съ Турціей и между сербами и болгарами.

Западная часть Балканскаго полуострова, населенная сербскимъ племенемъ, состоитъ нынѣ изъ трехъ частей: независимыхъ Сербіи и Черногоріи и лежащихъ между ними двухъ турецкихъ провинцій Босніи и Герцеговины, нынѣ присоединенныхъ къ Австріи. На эти провинціи, на основаніи племеннаго родства ихъ населенія, претендовали какъ Сербія, такъ и Черногорія. Отсюда такое возбужденіе въ этихъ владѣніяхъ противъ Австріи, наложившей руку на эти провинціи не только по праву сильнаго, но и съ согласія державъ, подписавшихъ 30 лѣтъ тому назадъ Берлинскій договоръ.

Для того, чтобы были понятны событія на Балканскомъ полуостровѣ со времени начала освободительныхъ войнъ Россіи съ Турціей, ниже приводятся краткія свѣдѣнія изъ исторіи Болгаріи, Сербіи и Босніи, дающія понятіе о роли, которую играли эти земли съ IX по XV столѣтіе, до включенія ихъ въ составъ владѣній Турціи.

Краткая исторія государствъ, основанныхъ славянами на Балканскомъ полуостровѣ, до покоренія ихъ Турціей.

1) Исторія Болгаріи.

Возвышеніе Болгаріи на Балканскомъ полуостровѣ началось въ началѣ IX столѣтія, много ранѣе, чѣмъ возвышеніе Сербіи.

Въ началѣ этого столѣтія болгары, подъ предводительствомъ своего хана Крума, нападаютъ на Византію, овладѣваютъ Македоніей, Фракіей, берутъ Адріанополь и осаждаютъ Царьградъ. Въ 809 году Крумъ успѣшно воюетъ и съ сербами, беретъ Софію.

Въ періодъ 836—839 гг. снова между болгарами и сербами шла упорная война съ перемѣннымъ успѣхомъ.

Въ 864 году болгарскій народъ принимаетъ крещеніе вмѣстѣ со своимъ княземъ Борисомъ, названнымъ при крещеніи Михаиломъ. Крестилъ Бориса и болгарскій народъ славянскій апостолъ Меѳодій, отправившійся затѣмъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Кирилломъ, въ Моравію.

При сынѣ Бориса Симеонѣ Великомъ, въ періодъ съ 893 до 927 года, Болгарія достигаетъ наибольшаго за свою исторію могущества.

Это ея золотой вѣкъ. Рядомъ успѣшныхъ войнъ Симеонъ создалъ болгарское царство, заключавшее въ себѣ большую часть Балканскаго полуострова. Послѣ одержанныхъ имъ побѣдъ Симеонъ принялъ титулъ царя.

Но, быстро созданное, быстро и распалось послѣ смерти Симеона созданное имъ царство. Въ этотъ періодъ исторіи Болгаріи ея противниками явились византійцы, русскіе славяне (Святославъ), венгры, печенѣги.

По приглашенію греческаго императора Никифора, кіевскій князь Святославъ, внукъ Олега, является въ 967 году со своею дружиною въ Болгарію и завоевываетъ ее. Но, когда обнаружилось намѣреніе Святослава прочно обосноваться въ Болгаріи, греческій императоръ Цимисхій, замѣстившій Никифора, при содѣйствіи болгаръ, вынуждаетъ Святослава вернуться въ Россію.

Въ 971 году греческій царь Іоаннъ Цимисхій, послѣ побѣды надъ Святославомъ, побѣдилъ болгаръ, овладѣлъ всѣмъ болгарскимъ царствомъ и присоединилъ его къ Византіи.

Такимъ образомъ независимое существованіе великой Болгаріи можно считать съ 809 по 971 г., т. е. около 160 лѣтъ.

Паденіе Болгаріи облегчило и внутреннія въ ней смуты. Воевода Шишманъ поднялъ возстаніе въ южныхъ и юго-западныхъ частяхъ великой Болгаріи и отторгъ отъ нея Македонію и старую Сербію—Албанію. Столицею онъ избралъ г. Охридъ. Сыновья Шишмана враждовали между собою, пока младшій изъ нихъ Самуилъ не вышелъ побѣдителемъ. Онъ произвелъ нѣсколько удачныхъ походовъ, подходилъ къ Солуню и вторгался въ Грецію [1]).

Противъ Самуила началъ войну воинственный царь греческій Василій II. Но понадобилось три войны, чтобы побѣдить Самуила и разрушить основанное имъ государство. Греческіе писатели называютъ это царство западной Болгаріей [2]).

Въ концѣ XII столѣтія, пользуясь завоеваніемъ Византіи крестоносцами, болгары, подъ предводительствомъ братьевъ Асенома и Петрома, возстаютъ, сбрасываютъ съ себя греческое иго и возстанавливаютъ вторично болгарское царство. Начинаются войны противъ грековъ. Въ 1195 году болгары побѣждаютъ грековъ у Серева, а въ 1207 году вторгаются въ Македонію и осаждаютъ Солунь. Снова начинается для болгаръ счастливое время. Особенно въ царствованіе Асѣня II Болгарія занимаетъ выдающееся положеніе, напоминающее времена Симеона Великаго [3]).

---

[1]) По мнѣнію Гопчевича, Греція въ то время, по своему населенію, была болѣе славянскою, чѣмъ греческою; тотъ же авторъ указываетъ, что одно время столицею Самуила была Софія, стр. 273.

[2]) Сербскіе писатели считаютъ это государство по его населенію не болгарскимъ, а сербскимъ; по ихъ мнѣнію, оно лишь временно, въ періодъ расцвѣта Болгаріи, входило въ ея составъ (Гопчевичъ, стр. 272—275).

[3]) Харузинъ „Боснія-Герцеговина“, 1901 г., стр. 141.

Пользуясь слабостью Византіи, Болгарія существуетъ независимо до 1330 г., когда въ битвѣ у Вельбужда сербское войско побѣждаетъ болгаръ, и Болгарія подчиняется власти сербскаго короля Стефана Дечанскаго.

Такимъ образомъ второй періодъ независимаго существованія Болгаріи длился около 135 лѣтъ.

Повидимому, во второй половинѣ XIV столѣтія Болгарія снова распадается на двѣ части: Тырновскую и Видинскую.

Тогда же турки одерживаютъ рѣшительные успѣхи на Балканскомъ полуостровѣ: подъ ихъ ударами рушится сербское царство Душана: почти одновременно и восточные болгары (Тырновскіе) покоряются туркамъ.

Выступившій на защиту христіанъ польско-венгерскій король Сигизмундъ въ 1396 г. разбитъ турками у Никополя, послѣ чего турки присоединяютъ къ себѣ и западную Болгарію.

Цари обѣихъ половинъ Болгаріи, Шишманъ III и Срацимиръ, уводятся въ плѣнъ турецкимъ султаномъ Баязетомъ, а Болгарія превращается въ турецкую провинцію [1]).

2) Исторія Сербіи.

Въ IX вѣкѣ, послѣ довольно продолжительнаго независимаго существованія, Сербія подчинилась Византіи.

Въ X вѣкѣ Сербія не играетъ особой роли на Балканскомъ полуостровѣ. Этотъ вѣкъ наполненъ борьбою сербовъ съ болгарами, которые и подчиняютъ себѣ Сербію. Византійцы покровительствуютъ взаимной враждѣ обоихъ народовъ и стараются привлечь сербовъ на свою сторону, чтобы ослабить могущество Симеона болгарскаго.

Въ XI вѣкѣ, по уничтоженіи болгарскаго царства, Сербія снова подпадаетъ подъ власть Византіи.

Съ паденіемъ въ XII вѣкѣ перваго византійскаго царства (ставшаго добычею крестоносцевъ), въ Сербіи начинается возстаніе, и Стефанъ Немани кладетъ вновь основаніе независимому сербскому государству и утверждаетъ въ немъ православіе [2]).

Заслуживаетъ вниманія, что Немани, съ цѣлью освободиться отъ подчиненія Царьграду, вступилъ въ союзъ съ венграми, которые въ это время овладѣли Хорватіей [3]). Сынъ его, Стефанъ Первовѣнчанный, отражаетъ нападенія грековъ, болгаръ, мадьяръ. Тѣснимый ими, онъ ищетъ себѣ союзниковъ въ Венеціи и Римѣ, женится на внучкѣ дожа Дандоло, входитъ въ сношеніе съ папою, который и присылаетъ ему королевскій вѣнецъ: этимъ вѣнцомъ онъ коронуется, принявъ

---

[1]) Харузинъ, стр. 144.

[2]) Овсяный „Сербія и сербы“, стр. 26.

[3]) Харузинъ, стр. 137.

титулъ сербскаго короля. Вся сербская земля, за исключеніемъ лишь Босніи, объединяется подъ его властью.

Впослѣдствіи король Стефанъ порываетъ связь съ католичествомъ, и св. Савва, братъ короля, вторично коронуетъ его на царство и основываетъ сербскую независимую церковь.

Одинъ изъ сыновей Первовѣнчаннаго Урошъ I Великій отражаетъ въ 1241 году нападеніе монголовъ на Сербію.

Въ XIV столѣтіи происходитъ расцвѣтъ сербской самостоятельной жизни. Сербія успѣшно наноситъ ударъ за ударомъ, распадающейся византійской имперіи. Король Стефанъ Милютинъ мечтаетъ о соединеніи Сербіи съ Византіей. Но опасность для Сербіи возникаетъ и со стороны недавнихъ союзниковъ — венгровъ: они вторгаются въ Сербію, но успѣшно отражены. Идутъ распри и съ Болгаріею. Болгарамъ въ 1330 г. король Стефанъ Урошъ наноситъ тяжелое пораженіе, подготовившее ихъ подчиненность Сербіи.

Стефанъ Урошъ былъ убитъ своимъ сыномъ Стефаномъ Душаномъ, который и вступилъ на сербскій престолъ [1]). 19-лѣтнее царствованіе Стефана Душана (1336—1355 гг.) составляетъ золотой вѣкъ Сербіи. Страна эта начинаетъ пользоваться особымъ значеніемъ и вліяніемъ въ ряду другихъ европейскихъ государствъ.

Душанъ соединилъ подъ своимъ управленіемъ Албанію, Этолію, Эпиръ, Ѳессалію, Македонію и Болгарію: послѣдняя находилась только въ вассальномъ отношеніи. Душанъ, все вниманіе обращавшій на востокъ, подъ конецъ своего царствованія велъ войну и противъ Босніи, овладѣлъ большею ея частью, но война окончилась въ 1351 году безъ присоединенія Босніи къ Сербіи [2]).

Іоаннъ Кантакузенъ возвратилъ себѣ византійскій престолъ лишь при содѣйствіи сербскаго войска. Венгры, вторгнувшіеся въ Сербію, были разбиты. Стефанъ Душанъ, прозванный впослѣдствіи Сильнымъ, принялъ титулъ кесаря. Сербская церковь стала совершенно независимою, и провозглашенный въ 1346 году сербскій патріархатъ просуществовалъ болѣе 4-хъ столѣтій (до 1766 года).

Съ папою Душанъ велъ себя двусмысленно: на словахъ изъявлялъ покорность, а въ изданныхъ имъ законахъ опредѣлилъ ссылку въ рудники тѣхъ, кто уклонится въ латинскую ересь.

Задумавъ овладѣть Византіею, Стефанъ повелъ къ Царьграду отличную 60,000 армію, но по дорогѣ умеръ.

Послѣ смерти этого выдающагося правителя созданное имъ сербское царство начало быстро распадаться. Начались внутреннія усобицы. Управители разныхъ областей обширнаго царства начали стремиться къ независимости. Болгары воспользовались смутами и отложились. Все это облегчило туркамъ завоеваніе Сербіи.

---

[1]) Харуэнъ, стр. 146.

[2]) Тамъ же, стр. 151; по труду Овсянаго „Сербія и сербы“ Босція тоже подпала подъ власть Сербіи (стр. 27).

Начало борьбы съ турками было успѣшно: въ 1357 году при Филиппополѣ сербскія войска разбили турокъ. Черезъ 14 лѣтъ сербы снова выступили на встрѣчу туркамъ съ арміей до 80,000 чел. и уже достигли долины Марицы. Турки все отступали; сербская же армія наступала безпечно. Въ нѣсколькихъ переходахъ до Адріанополя въ темную, бурную ночь турки внезапно напали на сербскій лагерь, и „когда на другой день солнце взошло, то отъ сербской арміи остались только груды труповъ“ [1]).

Сербія вынуждена была платить дань туркамъ. Черезъ 19 лѣтъ князь Лазарь возсталъ противъ турокъ. Султанъ Мурадъ предупредилъ его и съ арміей въ 300,000 чел. вторгнулся въ Сербію. Лазарь собралъ до 60,000 чел. Противники сошлись на Косовомъ полѣ 15 іюня 1389 года. Битва, начавшаяся съ 6 час. утра, къ вечеру уже клонилась въ пользу сербовъ, когда боснійскій вспомогательный отрядъ, по неизвѣстной причинѣ, отступилъ; это рѣшило участь боя въ пользу турокъ. Сербы были разбиты и раненый князь Лазарь попался въ плѣнъ. Одинъ изъ сербскихъ юнаковъ пробрался въ ставку Мурада и смертельно ранилъ султана. Израненный Лазарь былъ казненъ на глазахъ умиравшаго Мурада [2]).

Новый султанъ Баязетъ установилъ съ Сербіей вассальныя отношенія, съ условіемъ уплаты дани и выставленія 30,000 вспомогательнаго войска. Стефанъ, сынъ погибшаго Лазаря, твердо выполнялъ взятыя на себя условія и усердно помогалъ Баязету бить славянъ въ Болгаріи и Босніи, бить валаховъ, сражаться противъ Тимура. Наконецъ, въ 1396 году сербскія войска рѣшили участь боя польско-венгерскаго короля Сигизмунда — защитника христіанъ — съ Баязетомъ подъ Никополемъ—въ пользу турокъ. Въ 1459 году Магометъ II занялъ столицу Сербіи и обратилъ сербское деспотство въ турецкій пашалыкъ.

Такимъ образомъ сербское королевство существовало вполнѣ независимо съ 1221 по 1389 годъ, лишь около 170 лѣтъ.

3) *Исторія Босніи.*

Боснія въ теченіе своей исторіи, съ X по XIV столѣтіе, по своимъ размѣрамъ была меньше, чѣмъ въ настоящее время.

Нѣкоторыя части современной Босніи находились въ зависимости отъ Венгріи или составляли часть Хорватіи. Дринское княжество принадлежало Сербіи и вошло въ составъ Босніи лишь въ XIV столѣтіи [3]).

---

[1]) Овсяный „Сербія и сербы“, стр. 29.
[2]) Овсяный, стр. 30.
[3]) Харузинъ, стр. 136.

Выше было упомянуто, что византійскій императоръ Василій II уничтожилъ болгарское царство, подчинилъ своей власти и Сербію. Вмѣстѣ съ Сербіею была подчинена Византіи и Боснія; но послѣ смерти Василія II, пользуясь смутами и слабостью Византіи, Боснія освобождается и образуетъ самостоятельное банатство. Въ концѣ XI вѣка Водинъ Зетскій покоряетъ Боснію и ставитъ въ ней князя.

Въ XII вѣкѣ Боснія начинаетъ играть обособленную отъ остальныхъ сербскихъ и болгарскихъ земель роль. Боснія тянетъ къ сторонѣ Венгріи: боснійскія войска вмѣстѣ съ венгерскими борются противъ Византіи съ перемѣннымъ успѣхомъ.

Боснійское государство слагается въ концѣ XII вѣка. При банѣ Кулинѣ страна эта достигаетъ значительнаго могущества. Въ то время, когда сербы борются съ Византіею, Боснія борется за свою народность и свободу съ Венгріею, которая стремится окатоличить Боснію. Миссіонерская дѣятельность Рима даетъ плоды: банъ Кулинъ, чтобы избѣжать вооруженной борьбы, принимаетъ католичество. Повидимому, Боснія въ XII вѣкѣ была въ подчиненномъ отношеніи къ Венгріи, хотя и считалась ея союзницей [1]).

Въ XIII столѣтіи, въ первыхъ двухъ третяхъ его, Венгрія по отношенію къ балканскимъ славянамъ какъ бы замѣняетъ разрушившуюся Византію. Венгры вмѣшиваются и въ дѣла Босніи. Національная партія въ Босніи впадаетъ въ расколъ, носящій названіе богомильства. Въ защиту католичества Венгрія предпринимаетъ нѣсколько крестовыхъ походовъ противъ Босніи, оканчивающихся покореніемъ Босніи и подчиненіемъ ея Венгріи, на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ была подчинена ей Хорватія. Въ концѣ XIII столѣтія нѣкто Котроманъ кладетъ вновь основаніе независимости Босніи.

Въ теченіе XIV столѣтія Боснія не только сохраняетъ свою независимость, но достигаетъ относительно цвѣтущаго состоянія. Стефанъ, сынъ Котромана, расширяетъ владѣнія Босніи, захватываетъ Захолміе (часть нынѣшней Герцеговины) и доходитъ до моря; ведетъ онъ войну и съ Сербіей, но Душанъ, повидимому, временно накладываетъ руку на Боснію. Разбитый Стефанъ скрывается въ горы.

Преемникъ Стефана уже называется боснійскимъ баномъ „Божіею милостью“; вся Боснія и Герцеговина почти въ нынѣшнемъ ея составѣ входятъ въ его владѣнія.

Въ первой половинѣ XIV вѣка въ Босніи распространяется католичество.

Въ серединѣ XIV столѣтія Босніи, при банѣ Твыртко, пришлось уступить часть владѣній Венгріи, но вскорѣ Твыртко оправляется и одерживаетъ побѣды, овладѣвая Требинскимъ краемъ и Приморьемъ, частью нынѣшней Герцеговины, и въ 1376 году вѣнчается двумя королевскими коронами—боснійскою и сербскою. Усиливаясь за счетъ

---

[1]) Харузинъ, стр. 139.

земель Сербіи, Твыртко тѣмъ не менѣе не разрываетъ дружескихъ отношеній съ княземъ Сербіи—Лазаремъ. Когда турки напали на сербовъ и шла битва на Коссовомъ полѣ, вспомогательный отрядъ босняковъ находился въ составѣ сербскихъ войскъ, но, какъ отмѣчено было выше, босняки преждевременно бросили поле сраженія, что и было причиною побѣды турокъ.

Послѣ побѣды надъ сербами турки не признали еще своевременнымъ обрушиться на Боснію и оставили возможность для Твыртко продолжать усиливаться. По словамъ изслѣдователя исторіи Боснін, г. Харузина, Твыртко не двинулся на востокъ: „Боснія продолжала оставаться оторгнутою отъ коренныхъ сербскихъ интересовъ; ее привлекалъ западъ и вмѣстѣ съ нимъ Адріатическое море... На покореніе всей Далмаціи и приморской Хорватіи были направлены главнѣйшія дѣйствія перваго боснійскаго короля [1]).

Завоевавъ Далмацію и часть приморской Хорватіи, Твыртко въ 1390 году провозгласилъ себя королемъ Хорватіи и Далмаціи. Въ слѣдующемъ году этотъ выдающійся вождь умеръ.

Боснія все болѣе и болѣе разрывала свои связи съ Сербіею, и интересы ея тѣсно сплетались съ интересами Далматинскаго побережья и Хорватіи. „Вмѣшиваясь во внутреннія хорватскія и хорвато-венгерскія дѣла до объединенія всего сербства, Боснія сходила съ историческаго пути сербскаго народа“ [2]).

Твыртко наслѣдовалъ его младшій братъ Стефанъ Дабиша. Ему пришлось отказаться отъ правъ на Хорватію и Далмацію. Въ 1393 г. по Дьяковскому договору онъ завѣщалъ верховныя права на Боснію королю Сигизмунду. „Правда,—говоритъ Харузинъ,—Венгрія въ то время была болѣе, чѣмъ полуславянской державой, по государствомъ западнымъ, католическимъ“ [3]). Національная партія возстала, начались неурядицы.

Запутавшись въ хорвато-венгерскихъ дѣлахъ, Босніа была вовлечена въ борьбу разныхъ партій магнатовъ. А турки все надвигались: въ 1392 году послѣдовало первое, а въ 1398 году второе вторженія ихъ въ Боснію. Въ 1404 году польско-венгерскій король Сигизмундъ нападаетъ на Боснію, а черезъ четыре года вторгается съ 60,000 войскомъ въ Боснію, разбиваетъ босняковъ, беретъ въ плѣнъ короля Твыртко II и также 126 магнатовъ, которыхъ и казнитъ. Босніа попадаетъ въ вассальныя отношенія къ Венгріи.

Турецкіе набѣги тоже продолжаются непрерывно. Явившись снова у власти, Твыртко II проситъ помощи противъ турокъ у венгровъ и поляковъ. Роль борца съ турками за общеславянское дѣло принялъ на себя Владиславъ Польскій, ставшій и венгерскимъ королемъ, но въ кровопролитномъ бою подъ Видинымъ въ 1444 году онъ былъ

---

[1]) Харузинъ, стр. 154.
[2]) Тамъ же, стр. 156.
[3]) Тамъ же, стр. 157.

разбитъ турками и убитъ. Съ 1458 года Босшя начинаетъ платить дань туркамъ.

Въ серединѣ XV столѣтія возникла война между Босшей и Герцеговиной; война эта получила религіозный характеръ. Внутри страна представляла жалкій видъ.

Стефанъ Томашевичъ, захвативъ власть въ Босніи, немедленно обратился къ папѣ съ просьбою о дарованіи ему короны. Въ 1461 г. Стефанъ коронуется въ г. Яйце въ присутствіи магнатовъ и уполномоченнаго отъ папы [1]). Онъ отказался платить дань султану и готовилъ противъ него крестовый походъ. Но Магометъ опередилъ его: въ 1463 году съ 150,000 арміей онъ вторгнулся въ Босшю, разбилъ босняковъ, взялъ въ плѣнъ 100,000 боснійскихъ юношей, а 30,000 ихъ зачислилъ въ яшычарскіе кадры. Король Стефанъ былъ казненъ.

Но только что ушли турки, въ Боснію вторглись венгры; борьба между ними и турками сосредоточилась вокругъ г. Яйце. Венгры взяли верхъ, и воевода Семиградскій получилъ титулъ боснійскаго короля.

Босшя оставалась въ рукахъ венгровъ около 60 лѣтъ. Послѣ разгрома Венгріи турками въ 1526 году Босшя была присоединена къ Турціи и, вмѣстѣ съ Герцеговиной, завоеванной турками еще въ 1483 году, образовала общій турецкій вилаетъ [2]).

Когда уже весь Балканскій полуостровъ былъ завоеванъ турками и постепенно исчезли независимыя владѣнія Болгаріи, Сербіи и Босніи, возникло героическое государство—Черногорія. Правитель маленькаго владѣнія Зеты, Иванъ Черноевичъ, послѣ 10-лѣтней борьбы, въ 1482 г. сжигаетъ свою крѣпость Жаблякъ, удаляется въ горы, переноситъ центръ своего государства въ Цетинье и кладетъ основаніе независимой и славной Черногоріи [3]).

Краткій обзоръ событій въ славянскихъ земляхъ Балканскаго полуострова за время турецкаго владычества и до нашихъ дней.

Въ первой половинѣ XVI столѣтія весь Балканскій полуостровъ былъ включенъ въ составъ турецкой имперіи, а нынѣ существующія балканскія государства—Болгарія и Сербія, а также Босшя и Герцеговина, составляли турецкія провинціи. Господство турокъ надъ этими владѣніями продолжалось около трехсотъ лѣтъ.

Съ начала XIX столѣтія начала освобождаться изъ-подъ власти турокъ Сербія. Послѣ тяжелой борьбы за независимость населеніе Сербіи добилось почти автономнаго управленія, съ княземъ (Милошемъ

[1]) Харузинъ, стр. 168.

[2]) Тамъ же стр. 170.

[3]) Тамъ же стр. 160. Овсяный (стр. 31), указывая на полный разгромъ Сербіи, Босніи и Герцеговины,—говоритъ, что только ускоки (переселенцы) Черной горы успѣли отстоять свою независимость противъ турецкаго владычества.

Обреновичемъ) во главѣ. Независимымъ княжествомъ Сербія была объявлена въ 1876 году.

Въ Болгаріи за 300 лѣтъ турецкаго господства были частыя возстанія, но они никогда не достигали силы и единодушія возстанія сербовъ въ 1804 — 1815 годахъ. Поэтому Болгарія оставалась подъ властью турокъ до 1878 года, когда и была освобождена побѣдами и кровью русскихъ людей, съ сохраненіемъ слабой вассальной зависимости отъ турокъ. Въ 1908 году Болгарія, безъ содѣйствія Россіи, провозгласила свою независимость отъ Турціи.

Населеніе Босніи и Герцеговины тоже наиболѣе серьезно возстало противъ турокъ въ 1873—1877 годахъ. Въ результатѣ этого возстанія, по соглашенію Россіи съ Австріей, подтвержденному Берлинскимъ договоромъ, Боснія и Герцеговина въ 1878 году были заняты Австріей, а въ 1908 году объявлены, безъ вѣдома Россіи, присоединенными къ Австріи. Ниже будетъ приведенъ самый краткій очеркъ важнѣйшихъ событій въ Болгаріи, Сербіи, Босніи и Герцеговинѣ со времени завоеванія ихъ турками и до нашихъ дней.

Болгарія [1]).

Въ теченіе первыхъ двухъ столѣтій владычества турокъ въ Болгаріи (XV и XVI вѣка) турецкое иго не было чрезмѣрно тяжелымъ. Болгары управлялись на основаніи ихъ обычаевъ и пользовались свободою въ занятіяхъ торговлею, промыслами, земледѣліемъ и скотоводствомъ. Сельское населеніе управлялось болгарскими старшинами. Въ городахъ существовали цехи съ ихъ уставами и собраніями. Турецкія начальствующія лица жили просто и къ христіанамъ относились довольно человѣчно и справедливо.

Христіане съ 14-ти лѣтняго возраста были обложены податями; самой тяжелой податью былъ наборъ каждыя пять лѣтъ мальчиковъ отъ 10 до 12 лѣтъ на пополненіе корпуса янычаръ; около середины XVII столѣтія подать эта была отмѣнена.

Съ XVII вѣка начинается паденіе правовъ у турокъ: они становятся лѣнивы, малоподвижны, среди нихъ развивается роскошь. Слабые султаны выпускаютъ власть изъ своихъ рукъ. Управленіе государствомъ переходитъ въ руки янычаръ; они смѣняютъ по своему произволу султановъ. Положеніе христіанъ становится все тяжелѣе: подати возрастаютъ, администрація и судъ дѣлаются продажными, всюду сталъ царить произволъ.

Въ XVII же вѣкѣ въ Болгаріи, подъ покровительствомъ Австріи, стала развиваться католическая пропаганда. Новообращеннымъ внушалась надежда, что они будутъ освобождены отъ турокъ австрійскими войсками. Однако вмѣшательство Австріи только ухудшило положеніе болгаръ.

---

[1]) Ниже приводимыя свѣдѣнія заимствованы изъ труда П. Овсянаго „Болгарія и болгары“, изд. 1900 г.

Въ серединѣ XVII вѣка вспыхнуло возстаніе болгаръ, во главѣ котораго сталъ софійскій католическій епископъ Деодатъ Богдановъ. Къ этому заговору примкнулъ и валашскій воевода Матвѣй Басараба. Но заговоръ былъ открытъ, и болгары въ наказаніе потеряли нѣкоторыя изъ своихъ правъ: такъ, имъ запрещено было носить оружіе и служить въ турецкихъ войскахъ.

Въ 1683 году три католическія державы — Австрія, Польша и Венеція—объявили войну султану. Надѣясь на помощь австрійскихъ войскъ, уже подошедшихъ къ границамъ Болгаріи, католическіе болгары возстали. Турки отвѣтили жестокою расправою. Часть жителей спаслась бѣгствомъ въ Валахію и Трансильванію.

Эти неудачныя возстанія озлобили турокъ. Въ XVIII и XIX столѣтіяхъ притѣсненія достигли большой степени. Обращеніе турокъ стало презрительнымъ и грубымъ, наказанія — жестокими; пытки и казни, когда виновнаго сажали на колъ, стали часты.

Въ религіозномъ отношеніи болгаръ держали подъ тяжелымъ гнетомъ греки. Съ 1393 года (паденіе Тырнова и ссылка послѣдняго славянскаго патріарха Евфимія) болгарская церковь была подчинена константинопольскому патріарху. Онъ назначалъ на всѣ духовныя должности. Его сотрудники, преимущественно греки-фанаріоты [1]), не довольствуясь церковною властью, явились на Балканскомъ полуостровѣ, покровительствуемые турками, въ качествѣ банкировъ, купцовъ, врачей, секретарей, драгомановъ. Всѣ духовныя мѣста, отъ патріарха до сельскаго священника, сдѣлались предметомъ торга. На должности епископовъ стали попадать совершенно невѣжественные люди, напр., повара, чубукчи и проч. Богослуженіе шло на неизвѣстномъ болгарамъ греческомъ языкѣ. Славянское письмо забывалось. Такимъ образомъ, кромѣ политическаго болгары несли и духовное рабство.

Духъ протеста однако не всюду еще умеръ. Вольнолюбивые изъ болгаръ стали уходить въ горы, составляли тамъ четы въ 20—30 человѣкъ и мстили туркамъ, убивая ихъ всюду, гдѣ могли. Это гайдучество, воспѣтое въ народныхъ пѣсняхъ, особенно усилилось въ концѣ XVIII столѣтія.

Высшее сословіе болгаръ по нравамъ, одеждѣ и даже языку частью огречилось, частью отуречилось, но масса народа осталась вѣрна своей народности: сохранила языкъ, одежду и обычаи.

Во второй половинѣ XVIII вѣка русскія и австрійскія войска наносятъ рядъ пораженій туркамъ и ослабляютъ ихъ.

Въ концѣ этого столѣтія и въ началѣ XIX вѣка наступаетъ въ Турціи смутное время. Буйства янычаръ достигли высшихъ предѣловъ. Разбойничество приняло огромные размѣры. Противъ разбойничьихъ

---

[1]) Жители квартала Константинополя Фанара, въ которомъ жилъ патріархъ.

шаекъ, такъ называемыхъ кирджалій, болгары соединялись съ турками.

Одинъ изъ областныхъ управителей въ Болгаріи, Османъ Пазваноглу, родомъ изъ Босніи, отложился отъ турокъ, соединилъ подъ своею властью всю западную Болгарію, собиралъ подати, чеканилъ монету, воздвигалъ мечети и общеполезныя зданія. Султанъ трижды посылалъ противъ него войска, но они были разбиваемы съ помощью янычаръ, кирджалій и албанцевъ. Резиденціей Османа Пазвапоглу былъ сильно укрѣпленный Видднпъ, гдѣ онъ и умеръ своею смертью въ 1807 году.

Но уже съ 1774 года, когда Россіею былъ заключенъ съ турками, послѣ побѣдъ Суворова, Вейсмана и принца Кобургскаго, Кучукъ-Кайнарджійскій миръ, Россія получила право покровительства христіанамъ на востокѣ и, значитъ, право вмѣшательства во внутреннія дѣла турокъ. Это право мы примѣнили первоначально въ дѣлахъ сербовъ, а затѣмъ грековъ. Хотя съ 1855 г. это право и было отнято отъ Россіи и защита христіанъ была поручена европейскимъ державамъ, но въ 1877 — 1878 гг. носительницею этого права явилась въ Болгаріи только Россія.

Какъ будетъ указано ниже, сербы возстали въ первыхъ годахъ XIX столѣтія и, при небольшомъ содѣйствіи со стороны Россіи (боевыми запасами и дипломатическимъ заступничествомъ) получили съ 1815 года автономное управленіе. Вслѣдъ за сербами возстали греки. Турки пытались съ жестокостью подавить возстаніе, но греки сопротивлялись отчаянно и вызвали сочувствіе всей Европы. Въ 1827 году турецко-египетскій флотъ былъ уничтоженъ соединенными флотами Россіи, Англіи и Франціи, а вслѣдъ затѣмъ Россія объявила Турціи войну. Побѣды русскихъ войновъ вынудили турокъ заключить въ 1829 году Адріанопольскій миръ; этотъ миръ далъ Греціи независимость, а Молдавія, Валахія и Сербія получили автономію. Русская кровь не была пролита даромъ. Въ этой войнѣ болгары помогали нашимъ войскамъ [1]). Нѣкоторые вожди ихъ пытались вызвать возстаніе и овладѣть Тырновымъ, но видимо время для того еще не пришло. Съ уходомъ русскихъ войскъ турки начали мстить болгарамъ; послѣднимъ овладѣло отчаяніе; до 4,000 семей переселилось въ Бессарабію, много ихъ перешло и въ Валахію.

При султанахъ Махмудѣ II и Абдулъ Меджидѣ (до 1861 г.) въ Турціи установилось наконецъ спокойствіе. Янычаре были силою уничтожены въ 1827 году. Болгары въ своей богатой дарами странѣ быстро поправились, занялись торговлею, ремеслами, достигли успѣховъ въ земледѣліи. Ко времени прихода нашихъ войскъ въ Болга-

[1]) Въ трудѣ Мольтке по этой войнѣ есть указаніе, что въ 1828 г. болгары дѣйствовали и противъ нашихъ войскъ; это были вѣроятно болгары-мусульмане.

рію въ 1877 году это была цвѣтущая, богатая земледѣльческими продуктами и скотомъ, страна, съ зажиточнымъ, сильнымъ физически населеніемъ.

Война 1853 — 1856 годовъ снова пробудила у болгаръ надежду на освобожденіе отъ турокъ. Болгарскіе эмигранты въ Румыніи и Россіи начали усиленную дѣятельность. При нашихъ войскахъ въ Румыніи собралось свыше 4,000 добровольцевъ.

Главнокомандующій Паскевичъ издалъ и отпечаталъ на болгарскомъ языкѣ прокламацію, въ которой значилось: „Единственная цѣль благовѣрнаго и всемилостивѣйшаго государя — защитить церковь Христову, защитить васъ — православныхъ чадъ ея, угнетенныхъ неистовыми врагами. Русская кровь донынѣ не разъ проливалась за васъ и съ Божіимъ благословеніемъ—не напрасно. Этою кровью пропитаны права, пріобрѣтенныя вашими братьями, жизнь коихъ не такъ стѣснена, какъ ваша. Пришло время, чтобы и вы, прочіе христіане, пріобрѣли тѣ же права не только на словахъ, но и на дѣлѣ“ [1]).

Однако, на дѣлѣ оказалось, что время это еще не пришло. Сознавалъ это и Паскевичъ, ибо онъ отклонилъ предложеніе болгаръ поднять возстаніе на Балканахъ. Съ отступленіемъ русскихъ изъ княжествъ повторилось бѣгство болгаръ въ Бессарабію; ихъ ушло до 6,000 чел., но, получивъ амнистію, они возвратились.

Въ 1856 году султанъ, по настоянію державъ, подписавшихъ Парижскій миръ, обнародовалъ хати-хумаюнъ, которымъ были подтверждены прежнія права христіанъ и даны новыя: учреждены были смѣшанные суды и христіане допущены къ занятію нѣкоторыхъ должностей; всѣ не чисто церковныя дѣла полагалось передать въ мѣстные выборные совѣты. Болгары подали просьбы объ учрежденіи отдѣльнаго болгарскаго экзархата, независимаго отъ греческаго патріарха; на этой почвѣ начались религіозныя распри съ греками: но при содѣйствіи Россіи (Игнатьевъ) въ 1870 году учрежденъ болгарскій экзархатъ. Въ отвѣтъ на это константинопольскій патріархъ объявилъ болгаръ, подчинившихся экзархату, схизматиками.

Послѣ войны 1853 — 1856 гг. болгары перестали надѣяться на помощь Россіи. Между тѣмъ, съ переселеніемъ турками въ Болгарію въ 1861 году крымскихъ татаръ, а съ 1864 года и черкесовъ, положеніе болгаръ очень ухудшилось. Нѣсколько возстаній болгаръ, жестоко усмиренныхъ, только ухудшили положеніе болгаръ.

Когда въ 1875 году началось возстаніе въ Герцеговинѣ, оно отразилось и въ Болгаріи. Вся Болгарія покрылась революціонными комитетами. Особенный успѣхъ пропаганда имѣла въ Тырновскомъ округѣ. Но дурно подготовленное, спѣшно начатое, возстаніе длилось только 10 дней. Турки подняли для усмиренія мятежа мѣстныхъ башибузуковъ и черкесовъ; имъ въ помощь двинуто было 15 батальо-

---

[1]) Н. Овсяный „Болгарія и болгары“, изд. 1900 г., стр. 44.

повъ низама. Возставшіе были быстро разбиты и отброшены въ горы, и тогда началось звѣрское истребленіе болгаръ, не разбирая возраста и пола. Въ продолженіе 20 дней было убито до 15,000 чел., сожжено 60 селеній и угнано 50,000 головъ скота. Самыя ужасныя звѣрства были въ Батакѣ, гдѣ почти всѣ жители послѣ мученій и истязаній были истреблены.

Въ защиту болгаръ поднялись голоса во всей Европѣ; въ числѣ ихъ былъ и голосъ благороднаго Гладстона. Въ Россіи началось возбужденіе, сборъ пожертвованій, сборы добровольцевъ и пр.

Когда 2 іюня 1876 года Сербія и Черногорія объявили войну Турціи, болгарскіе бѣглецы и гайдуки образовали въ предѣлахъ Сербіи дружину. Съ приходомъ въ Сербію русскихъ добровольцевъ они, вмѣстѣ съ добровольцами болгарскими, образовали въ составѣ сербскихъ войскъ русско-болгарскую дружину. По заключеніи же 20 февраля 1877 г. мира между Сербіей и Турціей до 1,000 чел. изъ болгарскихъ добровольцевъ пробрались въ Кишиневъ и тамъ поступили въ составъ дружинъ болгарскаго ополченія.

Въ русско-турецкой войнѣ 1877—1878 гг. изъ нѣсколькихъ дружинъ болгарскаго ополченія была составлена особая бригада, которая, на ряду съ нашими войсками, геройски сражалась на Балканахъ и за Балканами за освобожденіе своей родины. Населеніе Болгаріи радостно встрѣчало наши войска. Радость эта была омрачена, когда, вслѣдъ за отступленіемъ войскъ ген. Гурко изъ долины Казанлыка, турки (башибузуки и черкесы) принялись отплачивать болгарамъ за сочувствіе русскимъ. Множество болгаръ, не успѣвшихъ бѣжать, были умерщвлены, цвѣтущія мѣстности опустошены, разорены.

Съ движеніемъ нашихъ войскъ впередъ кн. Черкасскій вводилъ въ Болгаріи гражданское устройство.

Санъ-Стефанская Болгарія должна была составить независимое княжество въ предѣлахъ настоящей Болгаріи съ присоединенными къ ней нѣкоторыми округами Македоніи. Образованіе такого государства [1]) противорѣчило нашему соглашенію съ Австріей и поэтому, при открытомъ противодѣйствіи Австріи и Англіи, не было допущено.

Еще за время нашего пребыванія въ Болгаріи было организовано болгарское войско изъ 27 дружинъ, 6 полевыхъ батарей, 4 сотенъ конницы, роты саперъ, роты осадной артиллеріи, всего численностью до 25,000 чел. Русскіе кадры этого войска состояли изъ 360 офицеровъ и 2,700 нижнихъ чиновъ. Въ Софіи было открыто военное училище. Все вооруженіе было дано нами и, кромѣ того, въ болгарскую армію передано было 20,000 лошадей.

Упорядоченная Черкасскимъ система взиманія податей дала возможность императорскому русскому комиссару Дондукову-Корсакову

---

[1]) Заключавшаго въ себѣ мѣстности съ сербскимъ населеніемъ и отнимавшаго у австрійцевъ выходъ къ Салоникамъ.

составить народному болгарскому правительству запасный фондъ свыше 15 мил. франковъ. При нашемъ управленіи до 400 церквей были ремонтированы и получили многочисленные дары отъ русскихъ жертвователей.

10 февраля 1879 года кн. Долгоруковъ-Корсаковъ открылъ въ Тырновѣ первое народное собраніе, на которомъ разсматривался органическій статутъ для княжества, составленный управленіемъ императорскаго русскаго комиссара. Собраніе приняло этотъ статутъ съ значительными измѣненіями въ либеральномъ духѣ и самое названіе „статутъ“ замѣнило словомъ „конституція“.

17 апрѣля того же года великое народное собраніе въ Тырновѣ, собранное для избранія князя, выбрало Александра Баттенбергскаго.

Выборъ не былъ удачнымъ. Молодой князь, вмѣсто устройства ввѣреннаго его управленію населенія и края, началъ борьбу противъ порядка управленія Болгаріи. Опираясь на своего военнаго министра, генерала Эрнрота—финляндца по происхожденію, князь произвелъ переворотъ съ цѣлью расширенія своихъ правъ и умаленія правъ народнаго собранія.

Между тѣмъ, въ отдѣленной отъ Болгаріи Берлинскимъ конгрессомъ восточной Румеліи разрасталось революціонное движеніе, имѣвшее цѣлью воссоединеніе съ Болгаріею. Въ началѣ 1885 года возстаніе, неожиданно для нашихъ представителей дипломатическихъ и военныхъ, вспыхнуло въ окрестностяхъ Филиппополя и быстро разрослось. Болгарская милиція присоединилась къ бунтовщикамъ. Генералъ-губернаторъ былъ арестованъ, образовано временное правительство, провозгласившее соединеніе обѣихъ Болгарій подъ властью князя Александра. Наши представители, дипломатическій г. Гегельстромъ и военный подполковникъ Чичаговъ, не зная, чего держаться, и усматривая въ соединеніи двухъ частей Болгаріи актъ, выгодный для Россіи, присоединились къ движенію и начали энергично помогать ему.

Въ Румеліи быстро происходила мобилизація милиціи, въ Болгаріи мобилизировалась армія. Князь Александръ отправился въ Филиппополь и, сопутствуемый нашимъ военнымъ агентомъ, совершилъ свой въѣздъ въ столицу области.

Неожиданно, на третій день переворота, въ Софіи получилась депеша изъ Петербурга, въ которой указывалось, что Государь Императоръ, „не одобривъ настоящаго движенія въ Болгаріи, воспрещаетъ нашимъ офицерамъ принимать въ немъ участіе“. Всѣ наши офицеры подали въ отставку и покинули горячо любимыя, созданныя ими, болгарскія войска въ самое трудное для нихъ время, наканунѣ войны съ Сербіей.

Скоро, однако, оказалось, что ученики оправдали вложенные русскими офицерами труды по созданію болгарской арміи.

Въ Константинополѣ, по почину Россіи, была созвана европейская

конференція по дѣламъ восточной Румеліи. При первомъ засѣданіи пословъ выяснилось, что Англія и Франція соглашаются на соединеніе двухъ Болгарій, а Германія, Австрія, Италія и Россія желаютъ возстановить прежній порядокъ на основаніи Берлинскаго трактата.

Сербскій король Миланъ, считавшій, что соединеніемъ Болгаріи съ Румеліей нарушается „равновѣсіе“ на Балканскомъ полуостровѣ, объявилъ Болгаріи войну. Война эта длилась 14 дней, со 2 по 16 ноября 1885 г., и окончилась пораженіемъ сильнѣйшей по численности сербской арміи и вторженіемъ побѣдителей въ Сербію. Австрійцы вмѣшались и заставили болгаръ остановиться и заключить миръ съ Сербіей, не получивъ даже вознагражденія за военныя издержки.

Въ этой войнѣ князь Александръ, въ рѣшительномъ бою подъ Сливницей, считая дѣло болгаръ потеряннымъ, уѣхалъ, вѣрнѣе бѣжалъ, въ Софію. Храбрыя болгарскія войска, полныя воинаго одушевленія, дрались молодецки; наиболѣе отличились въ этомъ дѣлѣ болгарскіе офицеры—маіоръ Поповъ и капитанъ Бендеревъ.

Послѣ войны послѣдовало въ Болгаріи смутное время, главнымъ образомъ, вслѣдствіе обострившихся отношеній князя Александра къ правительству Россіи.

26 августа 1885 года князь Александръ отрекся отъ престола. 24 октября по маловажному поводу прекратились дипломатическія сношенія Россіи съ Болгаріей. Во время деспотическаго управленія Болгаріею Стамбуловымъ, 2 іюля 1887 года былъ избранъ въ князья Фердинандъ I Кобургскій, состоявшій на службѣ въ австрійской арміи. Семь лѣтъ терпѣлъ князь Фердинандъ тяжелый, грубый, враждебный Россіи гнетъ Стамбулова и его шайки, но наконецъ, опираясь на армію, 18 мая 1894 г. добился отставки Стамбулова. Новый кабинетъ было поручено составить Стоянову.

Россія ждала доказательства, что Фердинандъ I не будетъ ставленникомъ Австріи. Безъ этихъ доказательствъ не признавалось возможнымъ ни возобновленіе дипломатическихъ сношеній, ни признаніе его княземъ. Такое доказательство было дано: въ 1896 г. наслѣдный княжичъ Борисъ, крещенный въ католичество, при особо торжественной обстановкѣ, въ присутствіи посланца нашего Государя Императора, былъ пріобщенъ къ православію; въ томъ же году состоялось и признаніе Россіей Фердинанда княземъ Болгаріи.

Съ тѣхъ поръ дружескія отношенія между Россіей и Болгаріей все укрѣпляются. Шипкинское торжество по поводу 25-лѣтія со времени освободительной войны еще болѣе скрѣпило узы нашн съ болгарами.

Въ 1908 г. Болгарія объявила себя независимой. Въ Россіи эта вѣсть была принята дружественно, но явилось опасеніе, что этотъ шагъ, сдѣланный безъ совѣта Россіи, могъ быть гибельнымъ для Болгаріи, если бы Турція объявила ей войну. Стараніемъ нашего министра Извольскаго найденъ путь къ удовлетворенію Турціи, а въ

февралѣ 1909 г. Государь Императоръ призналъ за Фердинандомъ королевскій титулъ.

Сербія [1]).

Турецкое управленіе въ XV и XVI вѣкахъ въ Сербіи не было тяжелѣе управленія тогдашнихъ феодаловъ западной Европы. Турки сохранили сербамъ религію, землю, языкъ, общинный судъ. Даровитые сербскіе люди быстро выдвигались турками впередъ, занимали выдающіяся мѣста въ Константинополѣ.

Только въ концѣ XVI вѣка, когда началось разложеніе турецкаго государства и безчинства янычаръ, турецкое владычество дѣлается тяжелымъ.

При безпрерывныхъ войнахъ Турціи съ Венгріей сербская земля была мѣстомъ жестокихъ побоищъ. Народъ былъ обложенъ непосильными податями. Ужаснѣе всего для порабощеннаго народа была дань дѣтьми: каждыя 5 лѣтъ производился наборъ самыхъ здоровыхъ и красивыхъ мальчиковъ въ возрастѣ 10—12 лѣтъ (до 2,000 въ годъ); ихъ въ Царьградѣ воспитывали для янычарской и другой службы, дѣлали мусульманами и злѣйшими врагами христіанства.

Среди знатныхъ сербскихъ семей явилось много ренегатовъ, а боснійская знать почти поголовно приняла мусульманство. Однако масса населенія оставалась вѣрною церкви и своей народности. Самые смѣлые люди посвящали себя борьбѣ съ турками, уходили въ лѣса и горы и дѣлались гайдуками. Тѣ изъ нихъ, которые скрывались въ Венгріи, Австріи, Италіи, назывались *ускоками*. Имъ болѣе всего обязана Сербія своимъ возрожденіемъ.

Во второй половинѣ XV столѣтія масса простого народа выселилась въ предѣлы Австріи за рѣки Саву и Драву и образовала живую стѣну, которая сдерживала напоръ турокъ на Венгрію. Создавалась даже ускокская флотилія на Дунаѣ, въ родѣ нашей запорожской сѣчи.

Во второй половинѣ XVI столѣтія ускочество особенно развивается на западѣ—въ Хорватіи, Далмаціи. Эти ускоки, позднѣе называвшіеся граничарами, участвуютъ во всѣхъ войнахъ съ турками и приносятъ большую пользу.

Какъ отмѣчено было выше, еще въ XIV вѣкѣ венгерскій король Сигизмундъ выступилъ защитникомъ балканскихъ христіанъ противъ турокъ. Борьба продолжалась и въ послѣдующіе вѣка. Особенно рѣшительные успѣхи достались туркамъ въ XVI вѣкѣ, когда въ 1530 г. они овладѣли даже столицею Венгріи Буда-Пештомъ. Сербы оказывали содѣйствіе венграмъ, но, несмотря на военныя заслуги, ихъ тѣснили въ Австріи. Такъ, отличившійся на войнѣ сербъ могъ полу-

---

[1]) Нижеприводимыя свѣдѣнія заимствованы изъ труда Н. Описнаго „Сербія и сербы“.

чить дворянское достоинство только по принятіи католичества. Положеніе сербовъ въ Австріи ухудшилось еще разладомъ, тоже на религіозной почвѣ, между ними и хорватами, говорящими однимъ языкомъ.

Вторая половина XVII вѣка была благопріятна въ военномъ отношеніи для австрійцевъ. Благодаря содѣйствію польскаго короля Яна Собѣскаго, въ 1683 г. турки были отбиты отъ Вѣны. Австрійскія войска перешли въ наступленіе. Передовые отряды изъ сербовъ, подъ начальствомъ Пикколомини, вторглись въ турецкіе предѣлы, достигли г. Скопля, овладѣли Боснією и зимовали тамъ. Со смертью Пикколомини турки снова взяли верхъ, вытѣснили австрійцевъ изъ Босніи, овладѣли Бѣлградомъ и въ 1690 г. вторглись въ Австрію.

Съ конца XVII столѣтія начинается паденіе турецкаго владычества въ Европѣ. Побѣда Яна Собѣскаго подъ Вѣною въ 1683 г. кладетъ предѣлъ распространенію ислама въ Европѣ.

Съ этого времени Австрія, въ союзѣ съ Польшею и Россіею и при содѣйствіи всѣхъ своихъ славянъ, начинаетъ наступательное движеніе противъ турокъ. Побѣды Евгенія Савойскаго и другихъ австрійскихъ полководцевъ высоко подняли значеніе Габсбурговъ у христіанскихъ народовъ всего Балканскаго полуострова.

Такимъ образомъ не Россія, а Австрія начала разрушеніе Турціи, и нынѣ Австрія, пользуясь благопріятно сложившеюся обстановкою, только возобновляетъ прерванную нашимъ вмѣшательствомъ активную работу на Балканскомъ полуостровѣ.

Еще въ концѣ XVII столѣтія Австрія, захвативъ въ свои руки господство надъ важною въ военномъ отношеніи мѣстностью, гдѣ Драва, Тисса и Сава впиваются въ Дунай, „начала стремиться къ сосредоточенію подъ своею властью всѣхъ сербскихъ земель“. Мы ей въ этомъ мѣшали и мѣшаемъ. Отсюда взаимное недовѣріе и недоброжелательство.

Въ своихъ войнахъ съ Турціею Австрія возбуждала сербовъ къ возстанію противъ турецкаго владычества. Въ 1694 году сербскій патріархъ Арсеній съ 37,000 семей, до 100,000 душъ, а по другимъ свѣдѣніямъ до 500,000 душъ, переселяется въ Венгрію. Австрія получила большія выгоды отъ поселенія вдоль ея границы этихъ воинственныхъ выходцевъ изъ Сербіи: турецкіе набѣги встрѣтили отпоръ. Съ тѣхъ поръ сербскія войска (граничары) составляли лучшую часть императорскихъ войскъ во всѣхъ войнахъ XVIII и XIX столѣтій. Граничары были подчинены мадьярамъ, что вызывало даже возстаніе среди переселенцевъ.

Переселившимся въ Австрію сербамъ было обѣщано много правъ, въ томъ числѣ выборъ своего воеводы, свобода вѣроисповѣданія и народная администрація. Но уже черезъ 17 лѣтъ австрійцы нарушили свои обѣщанія. Началось недовольство, перешедшее въ возстаніе, которое было усмирено.

Въ 1737 г. австрійцы снова вели войну съ турками, которая окончилась потерею задунайской Сербіи съ Бѣлградомъ.

При Маріи-Терезіи притѣсненія сербовъ со стороны мадьяръ и католическаго духовенства еще усилились; даже православныя церкви отбирались въ пользу католиковъ. Тогда, въ 1750 году, много сербовъ ушло и поселилось въ Россіи. Испуганная Австрія именемъ императрицы подтвердила права сербовъ, и этимъ эмиграція была пріостановлена.

Въ 1848 году сербы и хорваты поднялись на защиту Габсбурговъ противъ мадьяръ и тѣмъ оказали огромную услугу Австріи, но, когда венгерское возстаніе было подавлено, сербовъ обезоружили.

Пораженіе Австріи въ 1866 году подъ Садовой печально отозвалось на участи славянскаго ея населенія: 16 мил. славянъ и 3 мил. румыновъ были подчинены 9 мил. нѣмцевъ и 5 мил. мадьяръ.

Образовавшееся въ Австріи, послѣ 1848 года, сербское общество „Омладина“ съ главарями его, получившими образованіе въ Швейцаріи, принесло съ собою не идеи всеславянства, а идеи соціализма и коммунизма.

Въ послѣднее время (1898 г.) у сербовъ замѣчался разбродъ. Образовались три партіи: мадьярская, либеральная и радикальная, которыя подкапываются одна подъ другую.

Въ Хорватіи и Славоніи сербовъ 560,000 чел. Хорваты относятся къ нимъ враждебно.

Въ Далмаціи сербовъ 87,000 чел.; они противятся присоединенію Далмаціи къ Хорватіи.

Въ Венгріи сербовъ	500,000
„ хорватовъ	184,000
Всего въ Австріи хорватовъ	1,570,000
„ „ „ сербовъ	1,062,000

Изъ нихъ католиковъ 1,600,000 и православныхъ 980,000.

Теперь возвратимся къ сербамъ, оставшимся въ Турціи. Послѣ побѣды турокъ надъ австрійскими войсками въ концѣ XVIII столѣтія земли старой Сербіи, оставленныя ушедшими въ Австрію сербами, были заняты албанцами. Центръ тяжести бывшаго сербскаго государства былъ перенесенъ на Дунай. Значеніе Бѣлграда увеличилось.

Въ XVIII столѣтіи ослабленіе Турціи вызвало въ Австріи надежды на завладѣніе ея христіанскими провинціями. Австрія стала явно преслѣдовать эту цѣль. Предполагалось, что къ Австріи должны были отойти Валахія, Сербія и Боснія. Въ Германіи въ XVIII столѣтіи были убѣждены, что преемникъ Карла V рано или поздно расширитъ предѣлы нѣмецкой имперіи до Чернаго и Мраморнаго морей. Сами Габсбурги, еще со временъ Прагматической санкціи, включали въ свой титулъ названія сѣверныхъ областей Турціи.

Въ своемъ стремленіи на востокъ (Drang nach Osten) Австрія

встрѣтила сильную соперницу въ лицѣ Россіи, вліяніе которой дало другое направленіе дѣламъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Сношенія русскаго народа съ южными славянами начались давно, но были ничтожны. Еще въ 1599 году посланникомъ Бориса Годунова выражалось австрійскому императору желаніе Годунова „своею персоною идти на султана, овладѣвшаго многими христіанскими народами, въ томъ числѣ болгарами, сербами, босняками".

Юрій Крижаничъ приглашалъ царя Алексѣя Михайловича позаботиться о собраніи во единое цѣлое всѣхъ разсѣянныхъ славянскихъ племенъ.

Петръ Великій вошелъ въ прямыя сношенія съ турецкими славянами и покровительствовалъ австрійскимъ сербамъ. Имя Петра было весьма популярно у южныхъ славянъ.

Феофанъ Прокоповичъ указывалъ Аннѣ Іоанновнѣ на утѣсненія въ Австріи православныхъ сербовъ и на выгоды для Россіи отъ принятія ихъ подъ свое покровительство.

Побѣды Екатерины II надъ турками увеличили обаяніе русскаго имени на Балканскомъ полуостровѣ.

Сама Австрія сносилась съ русскимъ правительствомъ по вопросу о церковномъ и школьномъ управленіи подвластными ей сербами, пока не увидѣла въ Россіи соперницы своимъ замысламъ въ Турціи [1]).

Нынѣшнее сербское государство возникло на придунайской окраинѣ, составлявшей въ Турціи Бѣлградскій пашалыкъ. Населеніе этого района, до начала XIX столѣтія, имѣло очень смутное представленіе о Россіи. Сербы жили небольшими селеніями; города носили турецкій характеръ. Жили патріархально, управляемые главами семействъ, которые, собираясь въ важныхъ случаяхъ, образовывали соборъ или скупщину, подъ предсѣдательствомъ старѣйшаго князя, позднѣе кмета. Какъ кмета, такъ и священника, сербы выбирали сами. Турки мало входили въ управленіе общинъ.

Въ турецко-австрійской войнѣ 1791 года сербы турецкіе помогали австрійцамъ, выставляя отряды гайдуковъ. Послѣ войны, по заключенному Австріей Свищевскому миру, Австрія выговорила только амнистію замѣшаннымъ въ народной войнѣ сербамъ и недопускъ янычаръ въ Сербію.

До этой войны Австрія 20 лѣтъ владѣла областью, гдѣ теперь Сербія и Бѣлградъ.

Правителемъ Бѣлградскаго пашалыка былъ назначенъ Хаджи Мустафа-паша, заслужившій отъ населенія за свою справедливость названіе „сербской матки". Противъ него возстала янычарская партія. Мустафа-паша началъ противъ мятежниковъ войну, въ которой дѣятельное участіе принимали сербы. Но янычары, поддержанные изъ Стамбула, взяли верхъ; Мустафа былъ убитъ, а янычары захватили

[1]) Н. Овсяный „Сербія и сербы", стр. 37.

Сербію въ свои руки и начали тяжкія безчинства. Это совпало съ началомъ XIX столѣтія.

Сербы въ 1804 году, подъ начальствомъ Кара-Георгія, начали съ янычарами кровавую борьбу. При помощи турецкихъ войскъ изъ Босніи янычары были побѣждены, но Кара-Георгій, располагавшій войскомъ въ 30,000 чел., не захотѣлъ подчиниться вновь туркамъ. Онъ заключилъ съ турецкимъ пашею договоръ, по которому Сербія получала автономныя права, оставаясь въ вассальномъ подчиненіи Турціи.

Въ Стамбулѣ не утвердили этого соглашенія, и Кара-Георгій рѣшилъ продолжать борьбу. Австрія во время этой войны принимала мѣры, чтобы привлечь къ себѣ симпатіи сербовъ и подчинить ихъ своему владычеству: она помогала возставшимъ доставкою запасовъ. Митрополитъ сербскій Стратимировичъ не довѣрился Австріи и въ іюнѣ 1804 года сталъ искать помощи Россіи, послалъ въ Петербургъ проектъ образованія на Балканскомъ полуостровѣ славянско-сербскаго государства съ однимъ изъ нашихъ великихъ князей во главѣ. Народные вожди тоже сочувствовали покровительству Россіи. Они выбрали депутатовъ и послали Александру I прошеніе. Въ Петербургѣ депутаты получили совѣтъ еще разъ представить желаніе народа на благоусмотрѣніе Порты. Россія же обѣщала черезъ своего посланника поддерживать требованіе сербовъ.

Правительство султана, подъ вліяніемъ Франціи, дипломатически отказало и рѣшило подавить возстаніе силою. Началась война съ Кара-Георгіемъ съ перемѣннымъ успѣхомъ. Первоначально сербы имѣли успѣхъ. Помогли ему присланные „на 24 русскихъ судахъ пушки и обильные военные припасы“, доставленные изъ Галаца (такая помощь повторилась и черезъ 70 лѣтъ).

Занятыя войною съ Наполеономъ, ни Австрія, ни Россія не могли помочь Сербіи. Наполеонъ занялъ Вѣну и разбилъ союзниковъ подъ Аустерлицемъ.

Мало того, подъ вліяніемъ французовъ, Турція готовилась объявить войну Россіи. Мы успѣли все-таки прислать сербамъ офицеровъ, которые управляли осадными работами подъ Бѣлградомъ, гдѣ заперлись турки.

Это было первое вмѣшательство въ дѣла сербовъ, которое ставило насъ во враждебное къ Австріи отношеніе.

Со вступленіемъ русскихъ войскъ въ Молдавію и Валахію турки оставили Бѣлградъ, передавъ его въ руки сербовъ съ 300 пушками. Гарнизонъ Бѣлграда, несмотря на соглашеніе, былъ при отступленіи къ Нишу измѣнически перебитъ сербами.

Съ заключеніемъ Тильзитскаго мира было заключено перемиріе и съ турками. Въ то же время флигель-адъютантъ императора Александра I Паулучи заключилъ съ сербскими вождями въ 1809 году особый письменный договоръ, по которому сербы признавали покро-

вительство русскаго государя, которому предоставлялось право назначать въ Сербіи военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Въ крѣпостяхъ должны были быть русскіе гарнизоны и русскіе коменданты. На рр. Тимокѣ и Дринѣ должны были быть выставлены вспомогательные русскіе отряды. Такіе переговоры поставили Австрію въ еще болѣе недоброжелательное къ намъ отношеніе, къ нашей невыгодѣ, ибо совсѣмъ не въ русскихъ интересахъ было ссориться съ Австріей изъ-за права, совершенно Россіи ненужнаго и вреднаго, ставить своихъ чиновниковъ въ Сербіи.

Интересно, что сербы, соглашаясь на всѣ наши условія, требовали одного, чтобы мы не назначали къ нимъ грековъ, а между тѣмъ нашъ уполномоченный въ Сербіи былъ грекъ Родофинкинъ, который держался грековъ (ранѣе наши дѣла велъ маркизъ Паулучи).

Австрія тайно противилась нашему вліянію и привлекла Кара-Георгія на свою сторону. Ему былъ обѣщанъ титулъ князя.

Въ Эрфуртѣ Наполеонъ согласился на распространеніе русскихъ границъ до Дуная.

Послѣ этого Россія предложила Портѣ условія мира, въ числѣ которыхъ была поставлена и независимость Сербіи. Но Порта, сблизившись на этотъ разъ съ Англіей, въ 1809 г. задумала завоевать вновь Сербію.

Кара-Георгій, разсчитывая на свои силы и на поддержку Россіи, самъ двинулся на встрѣчу туркамъ и перешелъ границу. Война была неудачна для сербовъ. Турки разбили сербовъ и вторглись въ предѣлы Сербіи. Въ августѣ 1809 года дорога къ Бѣлграду, какъ и въ 1876 году, была открыта туркамъ. Паника распространилась по Сербіи. Многія семьи бросались искать спасенія въ Австріи. Тогда сербы, съ Кара-Георгіемъ во главѣ, умоляли русскихъ о помощи. Вступленіе нашей арміи въ Болгарію оттянуло туда турецкія силы. Сербія вздохнула свободно. Но тутъ начались распри между сербскими вождями: одни хотѣли подчиниться Турціи, другіе Австріи, третьи Россіи. По рѣшенію верховнаго совѣта было однако постановлено принять участіе въ войнѣ съ турками, въ союзѣ съ русскими.

Сербская армія состояла изъ 58,000 чел. при 75 пушкахъ. Никакихъ побѣдъ эта армія не одержала.

Между тѣмъ Россіи, въ виду надвигавшейся войны съ Наполеономъ, было не до турокъ и сербовъ. Въ началѣ іюля 1812 года въ Бухарестѣ былъ заключенъ между Россіей и Турціей миръ. 8-я статья этого мирнаго договора въ довольно неопредѣленныхъ выраженіяхъ указывала на устройство независимаго управленія въ Сербіи, но крѣпости сербовъ должны были остаться въ рукахъ турокъ. Порта не выполнила изъ этого договора ничего и, пользуясь войною Россіи съ Наполеономъ, двинулась на Сербію и раздавила ее.

Кара-Георгій спасся въ Австрію. Его уговаривали дать подписку на вѣрность австрійскому дому. На отказъ Кара-Георгія князь Го-

геццоллернъ сказалъ ему: „Рубашка ближе къ тѣлу, чѣмъ верхнее платье; Австрія ближе къ Сербіи, чѣмъ Россія, и русскимъ никогда не владѣть Сербіею“ [1]).

Когда турки заняли большую часть Сербіи и овладѣли безъ выстрѣла Бѣлградомъ, они вступили въ переговоры съ Милошемъ Обреновичемъ, единственнымъ оставшимся въ Сербіи воеводой. Милошъ покорился и былъ назначенъ главнымъ „кнезомъ“ трехъ сербскихъ округовъ. Во всѣхъ укрѣпленныхъ пунктахъ турки оставили свои гарнизоны.

Турки, добившись лишь послѣ упорной борьбы владычества въ Сербіи, относились къ сербской „райѣ“ съ ненавистью.

Назначенный управлять Сербіей Сулейманъ-паша и всѣ его окружающіе были босняки—„заклятые враги своихъ единоплеменниковъ-христіанъ“ [2]).

Во время вѣнскаго конгресса Милошъ Обреновичъ и другіе сербы отправили въ Вѣну депутата хлопотать у представителей державъ объ улучшеніи положенія Сербіи, но получили отказъ. Со стороны Россіи однако оказана была денежная помощь (и это когда Россія сама была разорена войною).

Турки стали сводить въ Сербіи старые счеты. Многіе сербы были брошены въ темницы, посажены на колъ, сотни обезглавлены. Въ странѣ появилась моровая язва. Народъ не вытерпѣлъ и взялся за оружіе.

Возстаніе вспыхнуло въ 1815 году съ Милошемъ Обреновичемъ во главѣ. Сербы дрались съ отчаяннымъ мужествомъ. Скоро большая часть страны была очищена отъ турокъ. Первыя турецкія подкрѣпленія были разбиты. Милошъ просилъ помощи у босняковъ, но не получилъ ея. Турки вступили съ сербами въ переговоры, смѣнили Сулеймана-пашу, ограничились гарнизонами въ Бѣлградѣ и нѣсколькихъ пунктахъ и предоставили Милошу довольно широкія права по управленію страною. Онъ остался главнымъ княземъ страны и получилъ высокую власть надъ своими соплеменниками. Тѣмъ не менѣе, въ каждой крѣпости и окружномъ городѣ власть дѣлилась между турецкимъ муселимомъ и сербскимъ княземъ, которые совмѣстно должны были творить судъ, рѣшать вопросы о размѣрѣ податей и пр.

Милошъ становился все самовластнѣе; Кара-Георгій, вздумавшій вернуться въ Сербію, былъ убитъ. Послушная Милошу народная скупщина признала его наслѣдственнымъ княземъ Сербіи.

Нашъ посланникъ въ Константинополѣ Строгановъ много содѣйствовалъ укрѣпленію положенія Милоша.

Отчасти подъ вліяніемъ турокъ, противъ Милоша возникли мя-

---

[1]) Н. Овсяный „Сербія и сербы“, стр. 54.

[2]) Тамъ же, стр. 55.

тежи въ 1825 и 1826 годахъ, но оба были подавлены съ страшною строгостью.

Въ то же время Милошъ, не стѣсняясь въ средствахъ, сталъ накапливать себѣ богатства. При помощи подкупленныхъ турецкихъ чиновниковъ, онъ взялъ въ свои руки собираніе податей въ пользу турецкаго правительства и, кромѣ того, занялся торговлею скотомъ и солью. При собраніи податей онъ бралъ монетою (піастрами) по высшему курсу, а не по рыночной цѣнѣ, что доставляло ему ежегодно до 100,000 талеровъ.

Со вступленіемъ на русскій престолъ Николая I началось болѣе дѣятельное участіе Россіи въ сербскихъ дѣлахъ. Въ 1826 году, по Аккерманской конвенціи, Порта обязалась привести въ исполненіе всѣ постановленія статьи VIII Бухарестскаго договора относительно Сербіи. Но послѣ Наваринской битвы Турція считала себя свободною отъ всѣхъ обязательствъ.

Въ 1828 году между Россіею и Турціею вспыхнула война, во время которой Сербія, по совѣту Россіи, сохраняла нейтралитетъ. Въ войнѣ принимали участіе вмѣстѣ съ русскими войсками и сербскіе волонтеры. По Адріанопольскому договору 1829 года Турція вынуждалась немедленно выполнить всѣ свои обязательства по отношенію къ Сербіи. Шесть округовъ, принадлежавшихъ ей при Кара-Георгіѣ, были возвращены. Турки лишились права проживать въ странѣ за исключеніемъ гарнизоновъ въ крѣпостяхъ. Былъ опредѣленъ и размѣръ податей.

Милошъ съ своей стороны подкупалъ турецкихъ чиновниковъ и подаркомъ султану 500,000 піастровъ добился признанія его Турціей въ 1830 году наслѣдственнымъ княземъ и запрещенія турецкимъ чиновникамъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Сербіи.

Новое княжество было признано правительствами Австріи и Россіи.

Внутреннее управленіе Милоша Сербіею было деспотическое и мало чѣмъ отличалось отъ турецкаго. Чиновники были рабы Милоша, которыхъ онъ награждалъ по произволу, а иногда наказывалъ палками. Народъ былъ отягощенъ работами въ пользу князя и чиновниковъ. Накапливая богатства, Милошъ скупалъ въ то же время имѣнія въ Валахіи. Недовольство въ странѣ росло. Примѣръ Молдавіи и Валахіи, которымъ Россія черезъ графа Киселева дала органическій статутъ, соблазнялъ всѣ партіи, образовавшіяся въ Сербіи.

Въ 1835 году вспыхнулъ открытый бунтъ. Милошъ пошелъ на уступки. Собравная народная скупщина передала всю правительственную дѣятельность — законодательную, исполнительную и судебную — державному совѣту. Въ рукахъ князя оставался только высшій надзоръ.

Но противъ такого либеральнаго рѣшенія вопроса объ управленіи Сербіей возстала прежде другихъ Австрія. Она послала Портѣ и

Россіи заявленіе, что этотъ новый уставъ можетъ взволновать сосѣдія съ Сербіей страны; Россія и Порта тоже заявили негодованіе на князя, допустившаго введеніе новаго порядка управленія.

Милошъ обрадовался вмѣшательству трехъ державъ и отнялъ отъ совѣта значеніе высшей правительственной власти.

Въ Бѣлградъ пріѣхалъ русскій уполномоченный баронъ Рикманъ. Своимъ рѣзкимъ, надменнымъ обращеніемъ онъ произвелъ тягостное впечатлѣніе на народныхъ представителей.

Хотя Милошъ и измѣнился въ дѣлахъ управленія страною къ лучшему, пересталъ заниматься личными торговыми дѣлами, но успокоеніе въ странѣ не наступало: одною изъ причинъ тому были интриги дипломатическихъ агентовъ разныхъ странъ, жившихъ въ Бѣлградѣ. Австрійскій агентъ (хорватъ) перешелъ на сторону враговъ Милоша. Англійскій агентъ являлся представителемъ оттоманской имперіи и совѣтовалъ отдаться подъ покровительство Англіи.

Въ 1837 году въ Бѣлградъ прибылъ съ чрезвычайнымъ порученіемъ отъ императора Николая I полковникъ князь Долгорукій. Это порученіе носило характеръ полнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Сербіи, хотя по внѣшности и было облечено въ очень мягкія формы. Но сущность отъ этого не измѣнилась. Долгорукій заявилъ, что послѣ тѣхъ благодѣяній, которыя оказала Россія Сербіи, русскій императоръ былъ въ правѣ ожидать преданности и признательности отъ сербскаго народа и его главы. Ложные друзья повели Милоша по ошибочному пути. Онъ сталъ пренебрегать совѣтами Россіи и тяготиться ея покровительствомъ. Затѣмъ Долгорукій въ самой мягкой формѣ упрекалъ Милоша за его дружбу съ англійскимъ консуломъ. Изъ всѣхъ ошибокъ Милоша эта послѣдняя, по словамъ Долгорукаго, была самая чувствительная для императора. Относительно внутреннихъ дѣлъ Сербіи Милошу указывалось, что императоръ требуетъ, чтобы было исполнено постановленіе хатти-шерифа 1830 года объ учрежденіи сената, члены котораго были бы несмѣняемы; при этомъ Долгорукій представилъ и списокъ лицъ, которыхъ императоръ желалъ бы видѣть въ числѣ сенаторовъ.

Свою миссію Долгорукій кончилъ угрозою, что Россія никогда не потерпитъ, чтобы ея правами на Сербію воспользовалась какая-либо другая держава.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Долгорукаго изъ Крагуеваца въ Сербію прибылъ русскій консулъ Ващенко. При первомъ же свиданіи онъ заговорилъ тономъ, напоминавшимъ сербскому князю барона Рикмана. Милошъ вспыхнулъ и отвѣчалъ, что онъ готовъ принимать добрые совѣты русскаго правительства, но не можетъ допустить вмѣшательства во внутреннее управленіе княжествомъ. Въ результатѣ Милошъ еще болѣе сблизился съ англійскимъ консуломъ и сталъ публично выражать непріязнь ко всему русскому.

Изъ этого эпизода видно, что мы неисправимы. То же повторилось позже съ Миланомъ Сербскимъ и Александромъ Баттенбергскимъ.

Потерпѣвъ неудачу у Милоша, Россія добилась того, что Порта потребовала учрежденія совѣта, который имѣлъ бы самую широкую власть.

При участіи посла нашего въ Константинополѣ Бутенева новый уставъ былъ утвержденъ и обнародованъ въ 1839 году. Этотъ уставъ давалъ Сербіи весьма либеральное конституціонное устройство. За княземъ оставлена только исполнительная власть. „Новый уставъ провозглашалъ равенство всѣхъ сербовъ передъ закономъ, неприкосновенность личности и собственности, свободу торговли и уничтоженіе натуральной повинности; административная и судебная іерархіи были опредѣлены съ полною обстоятельностью; законодательная дѣятельность предоставлялась совѣту, члены котораго, будучи разъ назначены главою государства, дѣлались несмѣняемыми и могли не допускать въ свою среду людей, не нравившихся имъ“ [1]).

Вспомнимъ, что нѣсколько ранѣе Киселевъ далъ конституцію Румыніи, а черезъ 40 лѣтъ тоже русскіе люди потрудились надъ конституціей Болгаріи. Такимъ образомъ, въ отношеніи политическихъ правъ населенія, опекаемыя Россіею балканскія государства опередили Россію на 60 лѣтъ.

Какъ только собрался совѣтъ, онъ сталъ въ явно враждебное отношеніе къ князю. Князь вызвалъ военный бунтъ, направленный противъ членовъ совѣта. Гарнизоны многихъ городовъ послѣдовали этому примѣру. Бунтъ былъ усмиренъ безъ пролитія крови, но военный судъ, наряженный надъ зачинщиками, призналъ главнымъ изъ нихъ Милоша. Ему пришлось (въ 1839 году) отказаться отъ княжескаго званія и переѣхать въ Валахію. Княземъ былъ выбранъ старшій сынъ Милоша—Миланъ, но онъ правилъ только 25 дней. Послѣ его смерти княземъ былъ выбранъ расположенный къ Россіи младшій его братъ Михаилъ.

Внутреннія раздоры партій продолжались: одни хотѣли возвращенія стараго князя, другіе хлопотали о признаніи династіи Карагеоргіевичей. Началось народное волненіе противъ опекуновъ князя Вунча и Петроніевича. Эти лица, ставшія ярыми врагами Россіи, были удалены изъ Сербіи, но, вслѣдствіе слабости князя, получили разрѣшеніе возвратиться. Въ августѣ 1842 года, покровительствуемые Австріей, они подняли возстаніе противъ Михаила. Этотъ послѣдній велъ себя малодушно и бѣжалъ въ Австрію.

Въ Бѣлградѣ образовалось временное правительство и была собрана народная скупщина. Александръ Карагеоргіевичъ былъ провозглашенъ сербскимъ княземъ. Султанъ утвердилъ это избраніе, но русскій консулъ опротестовалъ избраніе Карагеоргіевича. Николай I

---

[1]) И. Овсяный „Сербія и сербы“, стр. 67.

напписалъ письмо султану, въ которомъ выражалъ сожалѣніе, что султанъ утвердилъ безъ вѣдома Россіи незаконное избраніе толпою мятежниковъ новаго князя и тѣмъ отступилъ отъ пути, опредѣленнаго взаимными договорами Россіи и Турціи.

Порта послѣ долгихъ переговоровъ изъявила согласіе на назначеніе новыхъ выборовъ, которые должны были совершиться въ присутствіи русскаго и турецкаго комиссаровъ.

Скупщина собралась и 15 іюня 1843 года снова единогласно избрала княземъ Александра Карагеоргіевича. Наше вмѣшательство во внутреннія дѣла Сербіи и на этотъ разъ принесло только вредъ.

Правленіе Александра Карагеоргіевича продолжалось 16 лѣтъ. Власть находилась въ рукахъ одной партіи, которая дарованныя Сербіи ея уставомъ свободы низвела на нѣтъ. Князь былъ слабохарактеренъ. Клика, завладѣвшая властью, заботилась только о своихъ личныхъ выгодахъ. Народная скупщина перестала созываться. Налоги возрастали. Запасный народный фондъ былъ растраченъ.

Въ 1848 году борьба австрійскихъ сербовъ съ мадьярами вызвала въ княжествахъ сильное движеніе. Добровольцы массами переходили сербскую границу и, подъ начальствомъ Кличанина, помогли одолѣть венгровъ, работая при этомъ не для славянскаго дѣла, а для дома Габсбурговъ.

Сторонники Карагеоргіевича никогда не могли простить Россіи противодѣйствія, которое она выказала при избраніи его. Раньше между всѣми консулами, независимо старшинства, старшимъ считался въ Сербіи русскій консулъ; съ 1850 года таковымъ, по старшинству назначенія, сталъ англійскій консулъ.

Сербское правительство, ставъ во враждебныя отношенія къ Россіи, сблизилось съ Австріей и Турціей. Самое видное положеніе въ Сербіи занялъ Гарашанинъ, недоброжелатель Россіи.

Наканунѣ начала Восточной войны князь Меншиковъ письмомъ изъ Константинополя и русскій генеральный консулъ въ Бѣлградѣ Тумапскій потребовали отъ князя немедленнаго удаленія Гарашанина отъ должности попечителя иностранныхъ дѣлъ. Князь, по внушенію французскаго консула, обратился къ иностраннымъ консуламъ и турецкимъ властямъ съ жалобою на тиранство Россіи.

Приверженцы Обреновичей спѣшили воспользоваться этимъ разладомъ. По ихъ внушенію народъ, не желавшій разрыва съ Россіею, заволновался. Карагеоргіевичу грозило паденіе. Тогда Россія же выступила ему на помощь. Особо полномочный комиссаръ Фонтонъ объѣзжалъ округа Сербіи, успокаивая народъ, и указывалъ, что Россія не желаетъ свержепія Карагеоргіевича. Мы и сами въ сущности не знали, чего хотѣли, дѣйствуя такъ.

Цитируемый Овсянымъ, авторомъ труда „Сербія и сербы“, И. Поповъ приводитъ слѣдующее справедливое замѣчаніе о положеніи, которое мы занимали въ Сербіи наканунѣ войны 1853 — 1856 гг.

„Таково было странное положеніе русской дипломатіи, въ которомъ она находилась со временъ вѣнскаго конгресса до Парижскаго мира, желая соединить несоединимое: вѣрность во что бы то ни стало всякому существующему порядку и готовность освободить страдавшіе отъ этого порядка народы на востокѣ“ [1]).

Державы склонили Порту признать Сербію въ войнѣ 1853—1856 гг. нейтральною.

Съ занятіемъ русскими войсками Валахіи Австрія сдѣлала попытку получить отъ Турціи разрѣшеніе занять Сербію австрійскими войсками. Потерпѣвъ неудачу, она выставила на Дунаѣ наблюдательный отрядъ съ цѣлью не допустить Сербію принять участіе въ войнѣ и противодѣйствовать занятію этого княжества Россіею. То же сдѣлала Австрія и въ 1877 — 1878 годахъ. То же сдѣлаетъ несомнѣнно и при новомъ нашемъ вооруженномъ вмѣшательствѣ въ дѣла Сербіи, если бы таковое опять было допущено.

Послѣ смерти императора Николая I, на конференціи въ Вѣнѣ изъ представителей Австріи, Франціи, Россіи и Турціи, 3 марта 1855 г.; было постановлено, что покровительство Россіи надъ Валахіей, Молдавіей и Сербіей прекращается, а полученныя этими княжествами привилегіи отъ Порты обезпечиваются общимъ ручательствомъ договаривающихся державъ. По Парижскому миру это постановленіе было утверждено.

Австрія съ этихъ поръ получила преобладающее вліяніе въ Сербіи. Внутри страны Карагеоргіевичъ становится все болѣе непопулярнымъ. Князь, зная это, задумалъ произвести государственный переворотъ, уничтоживъ скупщину и отнявъ власть у совѣта. Это стало извѣстно и совѣту, и народу. Собранная по общему требованію въ 1858 г. скупщина единогласно постановила низвергнуть князя и послала къ нему депутацію съ предложеніемъ добровольно отречься отъ престола. Князь не послушался и ночью переѣхалъ въ крѣпость. Тогда скупщина объявила Карагеоргіевича низложеннымъ и избрала въ князья стараго Милоша Обреновича. Порта и другія державы утвердили это избраніе.

Милошъ княжилъ только одинъ годъ. Въ 1860 году вступилъ на престолъ сынъ его Михаилъ.

Князь Михаилъ цѣлью своей дѣятельности поставилъ добиться независимости Сербіи отъ Турціи. Онъ реформировалъ армію, завелъ народное войско, добился оставленія турецкимъ гарнизономъ Бѣлграда, заключилъ военныя конвенціи съ Грецією, Черногоріею, Румыніею, сносился съ болгарскими эмигрантами, проживавшими въ Бухарестѣ.

Готовясь къ борьбѣ съ Турціею, онъ надѣялся опираться на

---

[1]) Н. Овсяный „Сербія и сербы“, стр. 75.

Россію. Въ 1867 году въ Сербію прибыла русская военная комиссія (въ составѣ которой находился полковникъ ген. штаба Лееръ) для опредѣленія организаціи арміи и составленія плана дѣйствій на случай войны съ Турціей. Планъ этотъ былъ составленъ. Предполагалось собрать для войны 82 батальона.

Занятый подготовкою къ войнѣ, Михаилъ мало обращалъ вниманія на внутреннія дѣла. Карагеоргіевичи составили заговоръ, и въ результатѣ въ 1868 году князь Михаилъ былъ убитъ во время прогулки съ своею невѣстою. Страна была возмущена этимъ убійствомъ. Заговорщики (исполнители) были схвачены и казнены.

Временное правительство съ Гарашанинымъ объявило о народной скупщинѣ для выбора новаго князя. Но военный министръ Блазнаваць провозгласилъ въ арміи королемъ племянника Михаила Обреновича — Милана, обучавшагося въ то время въ Парижѣ. Скупщина подтвердила выборъ. Позже, слѣдуя примѣру военнаго министра Блазнаваца, и Черняевъ во главѣ разбитой арміи объявилъ Милана королемъ Сербіи.

За малолѣтствомъ князя правило страною намѣстничество. Въ 1872 году исполнилось совершеннолѣтіе князя, и Миланъ принялъ управленіе въ свои руки.

Когда въ 1873 году начались безпорядки въ Босніи, а съ 1875 г. въ Герцеговинѣ, противъ мусульманскихъ властей и помѣщиковъ,— Сербія не осталась равнодушною. Черезъ особаго повѣреннаго Сербія старалась „склонить Порту къ тому, чтобы она уступила Боснію Сербіи, а Герцеговину Черногоріи, съ тѣмъ, чтобы княжества: а) взяли на себя соразмѣрную часть оттоманскаго долга, б) уплачивали Портѣ дань и в) въ случаѣ надобности заключили съ Турціей военную конвенцію“ [1]).

Такимъ образомъ за Боснію Сербія готова была воевать вмѣстѣ съ Турціей противъ Россіи и Австріи. Нынѣ положеніе повторяется. Быть можетъ, этотъ же проектъ, лежавшій 35 лѣтъ безъ осуществленія, снова разсматривается въ Сербіи.

Игнатьевъ, отъ имени русскаго правительства, не совѣтовалъ Сербіи отваживаться на вмѣшательство въ босно-герцеговинскія дѣла, справедливо находя силы Сербіи слишкомъ для того недостаточными.

Австрія въ то же время стремилась усилить свое вліяніе въ возставшихъ провинціяхъ, допускала поддержку возстанія изъ своихъ славянскихъ провинцій, откуда шли оружіе, припасы и вооруженныя четы; вмѣстѣ съ тѣмъ она всѣми силами тормозила успѣхи Черногоріи и Сербіи. Особенно усердно помогали австрійцамъ хорваты, которые надѣялись на соединеніе возставшихъ провинцій съ Хорватіей.

---

[1]) Н. Овсяный „Сербія и сербы“, стр. 84.

Между тѣмъ, въ Сербіи все болѣе и болѣе брала верхъ партія войны. Ристичъ отправился въ Черногорію съ цѣлью заключенія политической и военной конвенціи. Всю зиму 1875 — 1876 г. шла дѣятельная работа по подготовкѣ мобилизаціи.

12 мая 1876 года былъ принятъ на сербскую службу русскій генералъ-маіоръ Черняевъ.

Армія состояла изъ 70 бат., 13 эскадроновъ, 70 полевыхъ, 8 горныхъ орудій и 8 бат. резервистовъ, всего до 40,000 чел.

Силы турокъ у кр. Ниша превосходили сербскія.

Сербская армія перешла границу, но скоро была оттѣснена и разбита. Надежда на возстаніе въ Болгаріи не оправдалась.

Тогда Миланъ прислалъ депешу императору Александру II, умоляя спасти Сербію. 19 сентября Портѣ былъ предъявленъ Игнатьевымъ ультиматумъ. Турція уступила, и заключено было перемиріе на два мѣсяца.

Въ 1809 году, когда туркамъ была открыта дорога къ Бѣлграду и Карагеоргіевичъ умолялъ Александра I спасти Сербію, мы движеніемъ войскъ въ Болгарію отвлекли силы Турціи. Черезъ 68 лѣтъ въ значительной степени событія въ Сербіи вызвали новое и на этотъ разъ рѣшительное движеніе Россіи въ Болгарію въ 1877 году.

Наша война съ турками 1877 — 1878 гг. дала въ результатѣ; по Берлинскому трактату, полную независимость Сербіи и значительное приращеніе ея территоріи. Въ предположеніяхъ главной квартиры и по С.-Стефанскому договору мы очень многое давали болгарамъ и очень сравнительно мало сербамъ. У великаго князя главнокомандующаго и у кн. Черкасскаго существовала даже крайне обидная для сербовъ мысль сдѣлать изъ ихъ страны болгарскую губерніи.

Босніи и Герцеговина попали въ руки Австріи. Ново-Базарскій санджакъ (старая Сербія) тоже очутился въ рукахъ австріяцевъ.

Сербы (какъ и румыны) оказались недовольны результатами войны, недовольны Россіею. Австрія воспользовалась этимъ настроеніемъ. Въ сербскомъ королевствѣ явилась партія „напрядниковъ“ (прогрессистовъ), которая стремилась насадить въ Сербіи европейскую культуру. Эта партія захватила власть въ свои руки, подчинивъ своему вліянію князя, и вскорѣ сдѣлалась явно австрофильскою. Представитель русской партіи, митрополитъ Михаилъ, былъ смѣщенъ и изгнанъ.

Миланъ I все болѣе сближался съ Австріей, но новому культурному курсу скоро не хватило скромнаго сербскаго бюджета. Вѣнскій Länder-Bank открылъ сербамъ широкій кредитъ. Займы слѣдовали за займами, налоги увеличивались. Въ Бѣлградѣ появилось множество нѣмецко-еврейскихъ предпріятій; нѣмецкій языкъ слышался всюду. Начала развиваться роскошь. Народъ и на этотъ разъ сталъ въ оппозицію.

Въ сентябрѣ 1885 г. произошло объединеніе Восточной Румеліи

съ княжествомъ Болгаріей. Милапъ, *для возстановленія нарушеннаго политическаго равновѣсія, объявилъ войну Болгаріи и былъ побѣжденъ.*

Побѣдоносное движеніе болгаръ было остановлено Австріей, которая отъ имени Европы предложила болгарамъ прекратить военныя дѣйствія.

Эта война сдѣлала Милана и „напредняковъ“ еще болѣе ненавистными. Послѣ тщетной борьбы съ народнымъ движеніемъ Милапъ въ 1889 году отказался отъ престола въ пользу своего малолѣтняго сына Александра. Чрезъ нѣсколько лѣтъ въ средѣ сербской арміи нашлись убійцы, которые подняли руку на своего верховнаго вождя—короля и одновременно обагрили свои руки кровью беззащитной женщины—королевы. Эти убійцы, всѣмъ извѣстные, долгое время находились у престола новаго короля и у власти.

Боснія и Герцеговина.

За время турецкаго владычества свѣдѣнія о Босніи и Герцеговинѣ очень недостаточны. Извѣстно только, что правящій классъ Босніи принялъ частью мусульманство, проявлялъ корыстолюбіе, своеволіе, партійность и способствовалъ ухудшенію положенія населенія. Много разъ въ теченіе господства турокъ происходили выселенія сербовъ изъ Босніи и Герцеговины въ Далмацію и Венгрію.

Въ 1686 году въ Венгрію переселилось 20,000 католиковъ. Черезъ четыре года переселяются 37,000 семей православныхъ. Въ 1697 г. Евгеній Савойскій выводитъ изъ Босніи въ Славонію до 40,000 жителей. Въ 1737 году въ Венгрію переселилось тоже до 40,000 чел. Въ 1740 году пытались переселиться до 100,000 чел., но они были силою остановлены турками. Съ половины XVIII столѣтія начались переселенія и на югъ Россіи.

Переселеніе продолжалось и въ XIX вѣкѣ. Въ 1852 году переселилось 16,000 чел., а въ годы передъ послѣднимъ возстаніемъ 1873 года переселилось до 200,000 чел., которые нашли себѣ убѣжище преимущественно въ Австро-Венгріи.

„Австро-Венгрія, благодаря эмиграціи сербовъ и въ частности босно-герцеговинцевъ, получила больше правъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла сосѣднихъ турецкихъ провинцій; наконецъ, массовое выселеніе служило одною изъ причинъ оккупаціи Босніи“ [1]).

Независимо выселенія протестъ населенія выражался и въ образованіи значительныхъ шаекъ ускоковъ, гайдуковъ. Эти шайки въ мирное время нападали на турокъ, а въ военное присоединялись къ врагамъ Турціи.

Турки, завладѣвъ Босніей и Герцеговиной, сохранили права на землю даже христіанъ—рабочихъ земледѣльцевъ: но съ помѣщиками

---

[1]) Харузинъ „Боснія и Герцеговина“, стр. 175.

они поступили иначе: земля была сохранена только за тѣми изъ нихъ, которые приняли мусульманство; у остальныхъ земля была отобрана. Равно въ распоряженіе турокъ поступали и земли жителей, выселявшихся изъ страны.

Помѣщики, пользуясь своимъ правомъ, все возвышали арендную плату на землю и дѣлали положеніе работавшаго у нихъ населенія невыносимымъ. Постепенно принимались мѣры къ ограниченію христіанъ-земледѣльцевъ. По этой и другимъ причинамъ образовался большой классъ безземельныхъ батраковъ-пролетаріевъ, но и положеніе христіанъ, арендовавшихъ земли у мусульманъ, тоже было тяжелое. Тѣмъ не менѣе, со второй половины XIX столѣтія, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, христіанское землевладѣніе хотя и медленно, но начало развиваться.

Турки съ 1850 года и по 1870 годъ пошли на уступки и въ религіозномъ отношеніи. Строительство православныхъ храмовъ начало развиваться. Въ особенности въ Мостарѣ и Сараевѣ появились хорошей постройки церкви. Изъ Россіи стали появляться пожертвованія на церковно-школьное дѣло.

Тяжкое турецкое иго вызвало нѣсколько возстаній, изъ коихъ послѣднее 1875 г. открыло рядъ войнъ на Балканскомъ полуостровѣ — сербско-турецкую 1876 г. и русско-турецкую 1877—1878 гг.

Въ 1878 году, на основаніи Берлинскаго договора, Боснію и Герцеговину, въ значительной части съ боя, занимаетъ Австрія. Это временное занятіе черезъ 20 лѣтъ, въ 1908 году, оканчивается присоединеніемъ Босніи и Герцеговины къ владѣніямъ Австро-Венгріи. Послѣ оккупаціи страны австро-венграми положеніе православныхъ стало юридически равноправнымъ съ католиками и мусульманами. Но въ дѣйствительности въ теченіе 20 лѣтъ австро-венгры усиленно заботились лишь объ увеличеніи католичества. Даже мусульманамъ оказывается вниманіе, какъ противовѣсу все еще многочисленнаго главнаго класса населенія—православныхъ христіанъ. Нынѣ одинъ православный священникъ приходится на 2,800 душъ православнаго населенія, въ то время, какъ одинъ ксендзъ приходится на 940 душъ католиковъ. При назначеніяхъ на должности православныхъ епископовъ выбирались преимущественно венгерскіе сербы. Стали назначать и священниковъ съ жалованьемъ отъ казны. Населеніе стало смотрѣть на нихъ какъ на австрійскихъ ставленниковъ—чиновниковъ, но часть населенія все же продолжала признавать ихъ, другая же часть не захотѣла ихъ признавать и отошла отъ церкви. Дѣтей перестали крестить, браки не заключались, погребеніе совершалось безъ участія церкви.

Свой обширный трудъ „Боснія и Герцеговина“ А. Харузинъ оканчиваетъ слѣдующими строками:

„Нынѣ непстовства австро-венгерскихъ чиновниковъ и духовенства не въ состояніи уничтожить въ странѣ православіе въ краткій

срокъ. Наконецъ, явныя притѣсненія вызываютъ противодѣйствіе и сопротивленіе православнаго населенія. Жалобы послѣдняго слишкомъ громки и справедливы, на нихъ обращено уже всеобщее вниманіе. Но это лишь усиливаетъ негласное давленіе, тайное стѣсненіе. И въ этой, такъ сказать, подпольной дѣятельности заключается главная опасность. Постройки католическихъ церквей тамъ, гдѣ живетъ исключительно православное населеніе, направленная въ пользу католиковъ аграрная политика, субсидированіе преданныхъ правительству священниковъ, изгнаніе священниковъ народныхъ, замѣщеніе должностей митрополитовъ лицами изъ имперіи, содержаніе ихъ на счетъ казны, распространеніе католическихъ школъ и крестовъ, а равно брошюръ противуправославнаго направленія, главнымъ же образомъ закрытіе православныхъ школъ и замѣна ихъ интерконфессіональными правительственными,—все это не можетъ не оказать въ ближайшемъ будущемъ крайне пагубнаго дѣйствія.

„Поэтому весь босно-герцеговинскій вопросъ, сводящійся въ настоящее время на борьбу сербской и хорватской народностей, заключается въ борьбѣ православія и католичества. Силы въ этой, впрочемъ вѣковой уже, борьбѣ совершенно не равны. Неравенство заключается главнымъ образомъ въ степени просвѣщенія. Католическое оккупаціонное правительство страшно для православнаго населенія не тѣмъ, что оно противъ невооруженныхъ босно-герцеговинцевъ держитъ въ постоянной готовности цѣлый корпусъ солдатъ, а тѣмъ, что въ его распоряженіи находится школа, вооруженная арміею католическихъ учителей, тѣмъ, что съ теченіемъ времени образовательный уровень мѣстныхъ францискапцевъ значительно поднялся, тѣмъ, что на помощь отечественнымъ францискапцамъ въ страну впѣдрились іезуиты, взявшіе часть народнаго образованія на себя, тѣмъ, что свѣтское духовенство высокаго образовательнаго уровня, тѣмъ наконецъ, что католическое населеніе Босны-Герцеговины опирается на высокообразованную, культурную и единовѣрную Австро-Венгрію и въ частности Хорватію, тогда какъ православное населеніе, предоставленное самому себѣ, не можетъ опереться даже на сосѣднюю Сербію и Черногорію, которыя, въ отношеніи религіознаго просвѣщенія и вообще народнаго образованія, стоятъ еще на низкой степени развитія“ [1]).

---

[1]) Харузинъ „Боснія и Герцеговина“, стр. 287—288.

ГЛАВА XXIV.

Общій очеркъ борьбы европейскихъ народовъ съ турками въ XV—XIX столѣтіяхъ и результаты ея.

Основныя черты борьбы въ XV, XVI, XVII и началѣ XVIII столѣтія племенъ венгерскаго, польскаго и нѣмецкаго съ турками. Результаты этой борьбы къ первой половинѣ XVIII столѣтія.—Отношеніе къ византійскому наслѣдію московскихъ государей въ XV, XVI и до половины XVII столѣтія. Первое столкновеніе русскихъ войскъ съ турками.—Результаты войнъ Турціи съ Россіею и Австріею въ XVIII столѣтіи. Результаты войнъ Россіи съ Турціею въ XIX столѣтіи. Постепенное, съ 1700 года, уменьшеніе владѣній Турціи въ Европѣ, на основаніи труда П. Стрѣльбицкаго „Владѣнія турокъ въ Европѣ“ (Картогр. прил. № 18).

Въ главѣ XXIII изложены свѣдѣнія по исторіи славянскихъ народностей Балканскаго полуострова, которыя могутъ помочь составленію правильнаго взгляда на отношенія Россіи и Австріи къ этимъ народностямъ, какъ за время нахожденія ихъ подъ властью турокъ, такъ и послѣ освобожденія отъ турецкой зависимости.

Балканскій полуостровъ этнографически дѣлится на восточную часть, населенную болгарскимъ племенемъ, и западную — сербскимъ. Войны и распри между этими двумя славянскими племенами начались съ конца VII вѣка, тянулись 1,200 лѣтъ и, быть можетъ, не закончились и до настоящаго времени. Кромѣ племенной борьбы, часто шла борьба еще и въ каждомъ изъ племенъ: напр., въ VIII вѣкѣ шли усобицы въ Сербіи въ княжеской семьѣ между братьями, напоминающія усобицы русскаго удѣльнаго періода.

Племена сербское и болгарское въ теченіе многихъ вѣковъ боролись за расширеніе занятыхъ ими районовъ и въ разные періоды своей исторіи занимали на Балканскомъ полуостровѣ не только современную Македонію, но и провинціи, нынѣ входящія въ составъ Греціи.

Съ IX по XV столѣтіе сербское племя на Балканскомъ полуостровѣ дѣлилось на двѣ группы: восточную, населяющую нынѣ сербское королевство, и западную — населяющую Боснію и Герцеговину. Въ XV столѣтіи отъ этой второй группы отдѣлилась третья группа — черногорцы.

Турки появились на европейскомъ материкѣ въ серединѣ XIV столѣтія, но Константинополь былъ ими взятъ лишь въ 1453 году. Визан-

тійская имперія распалась, и на ея мѣстѣ возникло воинственное оттоманское государство.

Въ XII вѣкѣ, послѣ паденія на Балканскомъ полуостровѣ перваго византійскаго царства, сербское племя принимаетъ православную вѣру и образуетъ независимое государство. Въ XIII вѣкѣ, когда не существовало еще никакихъ отношеній русскаго племени къ сербскому, сербамъ уже приходилось бороться съ мадьярами. Стефанъ Первовѣнчанный ищетъ себѣ союзниковъ въ Венеціи и Римѣ, получаетъ отъ папы королевскій вѣнецъ, которымъ и коронуется.

Въ XIV столѣтіи, когда Сербія находилась въ періодѣ расцвѣта своей самостоятельности, ей снова приходилось бороться съ мадьярами, которые вторгались въ предѣлы Сербіи.

Во второй половинѣ XIV вѣка турки начинаютъ тѣснить сербовъ и въ 1389 году на Коссовомъ полѣ сербская армія разбита и Сербія становится въ вассальное отношеніе къ Турціи. Въ серединѣ XV вѣка сербское деспотство обращается въ турецкій пашалыкъ.

Въ IX и большей части X столѣтія на Балканскомъ полуостровѣ существуетъ и достигаетъ большого развитія великая Болгарія. Первый ударъ великой Болгаріи наноситъ кіевскій князь Святославъ, внукъ Олега, который въ 967 году является съ своею дружиною въ Болгарію и завоевываетъ ее. Черезъ нѣсколько лѣтъ Болгарія переходитъ подъ власть Византіи, но въ концѣ XII вѣка Болгарія снова завоевываетъ свою независимость. Въ періодъ подчиненнаго Византіи положенія, болгары борются съ греками, венграми, печенѣгами. Борьба съ сербами ведется съ IX столѣтія съ перемѣннымъ успѣхомъ: въ IX и X столѣтіяхъ сербы являются подчиненными болгарамъ; въ XIV же столѣтіи болгары побѣждаются сербами.

Когда подъ ударами турокъ рушится сербское царство, подъ ихъ власть одновременно попадаютъ и восточные болгары. Въ концѣ XIV вѣка турецкій султанъ Баязетъ обращаетъ Болгарію въ турецкую провинцію.

Боснія и Герцеговина, вслѣдствіе большей ихъ близости къ странамъ Европы, проходятъ нѣсколько иной историческій путь, чѣмъ Сербія и Болгарія. Уже въ періодъ съ X по XIV столѣтіе нѣкоторыя части современной Босніи и Герцеговины находились въ зависимости отъ Венгріи или составляли часть Хорватіи. Въ концѣ XI вѣка Боснія становится независимою и съ этого времени въ теченіе XII и XIII вѣковъ тяготѣетъ болѣе къ Венгріи, чѣмъ къ сосѣднимъ славянскимъ народамъ Балканскаго полуострова. Не разъ боснійскія войска борются вмѣстѣ съ венгерскими противъ Византіи.

Но на религіозной почвѣ между венграми и боснаками въ XII и XIII столѣтіяхъ идетъ борьба. Венгрія предпринимаетъ нѣсколько крестовыхъ походовъ противъ Босніи, окончившихся покореніемъ Босніи и подчиненіемъ ея Венгріи. Католичество начинаетъ распространяться въ Босніи съ XIV столѣтія, не смотря на то, что въ этомъ

столѣтіи Боснія становится независимою. Боснійскій банъ Твыртко въ концѣ XIV столѣтія завоевываетъ Далмацію и часть приморской Хорватіи и провозглашаетъ себя королемъ Хорватіи. Умирая, Твыртко завѣщалъ въ 1393 году верховныя права на Боснію Сигизмунду, бывшему въ то время и королемъ венгерскимъ. Когда недовольные этимъ соединеніемъ босняки возстали, Сигизмундъ въ 1404 году завоевываетъ Боснію, и она становится въ вассальное отношеніе къ Венгріи.

Въ XIV и первой четверти XV столѣтія идетъ борьба за обладаніе Босніею между турками и венграми. Венгры беруть верхъ, и Боснія оставалась въ ихъ рукахъ около 60 лѣтъ. Только послѣ разгрома турками Венгріи, Боснія была присоединена къ Турціи въ 1526 году; Герцеговина была присоединена къ Турціи на 43 года ранѣе.

Черногорія возникла въ концѣ XV столѣтія, когда Сербія, Болгарія и Боснія уже утратили свою независимость. Иванъ Черноевичъ въ 1462 году кладетъ основаніе Черногоріи, и съ тѣхъ поръ это маленькое, но геройское по духу населенія, государство неизмѣнно остается независимымъ.

Завоевавъ мѣстности Балканскаго полуострова до Дуная, турки переносятъ свою завоевательную дѣятельность на лѣвый берегъ Дуная и вступаютъ въ упорную войну съ венграми, которая оканчивается утвержденіемъ турокъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ въ Венгріи.

Еще въ X вѣкѣ въ Венгріи св. Стефанъ организуетъ государство, въ которое, кромѣ венгерскихъ земель, входили славянскія и нѣмецкія. Въ это время византійская имперія слабѣетъ, и Венгрія начинаетъ стремиться на Балканскій полуостровъ. Въ начавшейся борьбѣ за расширеніе владѣній за счетъ Византіи на сторонѣ Венгріи участвуютъ войска славянъ Балканскаго полуострова. Въ XI вѣкѣ Хорватія объединяется съ Далмаціею, начинаетъ тяготѣть къ Венгріи и присоединяется къ ней. Въ томъ же вѣкѣ Венгрія захватываетъ сѣверную часть Сербіи, такъ называемую Мачву [1]).

Различныя мѣстности Босніи съ X вѣка находились въ зависимости отъ Венгріи, и вся Боснія въ теченіе XII и XIII вѣковъ болѣе тяготѣла къ Венгріи, чѣмъ къ Сербіи. Какъ указано выше, не одинъ разъ боснійскія войска сражались совмѣстно съ венгерскими.

Въ 1370 г. Людовикъ Великій, король венгерскій, становится одновременно и польскимъ королемъ. Венгрія обращается въ могущественную державу съ характеромъ въ значительной степени славянскимъ. Въ единеніи съ Польшею она простирается отъ Балканскаго полуострова до Балтійскаго моря и отъ Адріатическаго моря до Чернаго.

Когда въ XIV вѣкѣ на европейскій материкъ являются турки,

---

[1]) Овсяный „Сербія и сербы“, стр. 26.

они въ своемъ завоевательномъ движеніи встрѣчаютъ отпоръ въ польско-венгерскомъ государствѣ, объединенномъ Людовикомъ Великимъ. Это польско-венгерское государство является защитникомъ христіанъ Балканскаго полуострова и охранителемъ славянскихъ народностей.

Заслуживаетъ вниманія, что турки явились на европейскій материкъ по приглашенію византійцевъ, которые, не будучи въ силахъ справиться съ сербами, угрожавшими разгромомъ Константинополю, напялн для борьбы съ ними турокъ. Сербы разбили турокъ подъ Филиппополемъ въ 1357 г., но затѣмъ были дважды разбиты турками: въ долинѣ Марицы и въ 1389 г. на Косовомъ полѣ. Покорившись послѣ этого пораженія туркамъ, сербы обязались выставлять въ помощь туркамъ 30,000 вспомогательнаго войска.

Когда Баязетъ, покоривъ Балканскій полуостровъ, собирался перепести войну на лѣвый берегъ Дуная, въ Венгріи польско-венгерскій король Сигизмундъ выступилъ борцомъ въ защиту христіанъ противъ надвигавшагося мусульманства. Онъ же явился и защитникомъ болгарскаго населенія, противъ котораго послѣ сербовъ направилъ свои удары Баязетъ.

Въ 1396 г. многочисленная, усиленная рыцарями разныхъ странъ, польско-венгерская армія, подъ начальствомъ своего короля Сигизмунда, сразилась съ турками на болгарской территоріи подъ Никополемъ (на Дунаѣ). Бой былъ упорный и долго нерѣшительный. Участь боя въ пользу турокъ рѣшилъ сербскій вспомогательный корпусъ, и христіанское войско было разбито. Вслѣдъ за сербскимъ и болгарское населеніе было подчинено туркамъ.

Съ этихъ поръ начинается продолжительная борьба турокъ съ венгерско-польскимъ и австрійскимъ государствами. Народности—венгерская, польская, славяне и нѣмцы Австріи долго съ перемѣннымъ успѣхомъ борются съ турками. Въ этой тяжелой борьбѣ даже Вѣнѣ нѣсколько разъ грозитъ опасность быть взятою турками. Русское племя въ борьбѣ съ турками до конца XVII столѣтія участія не принимаетъ.

Въ началѣ XV столѣтія сербы Босніи, въ правленіе Твыртко II, тяжко страдавшіе отъ набѣговъ турокъ, обратились за помощью противъ турокъ къ венграмъ и полякамъ.

Венгры подаютъ помощь, но въ 1438 г. подъ Смедеревымъ [1]) разбиты. Помощь венгровъ оказывается особенно полезна сербамъ, боровшимся съ турками за Бѣлградъ. Благодаря участію венгровъ, турки семь мѣсяцевъ безуспѣшно осаждаютъ эту крѣпость, въ 1440 г. отступаютъ отъ нея, но на слѣдующій годъ возвращаются вновь, одерживаютъ побѣду и овладѣваютъ этимъ важнымъ пунктомъ.

Въ послѣдующіе три года борьба венгровъ съ турками шла съ перемѣннымъ успѣхомъ, но въ послѣдующіе четыре года венгры и

[1]) Слияніе рѣкъ Моравы съ Дунаемъ.

поляки выносятъ два тяжкихъ удара: король польскій и венгерскій Владиславъ, взявшій на себя защиту славянскаго дѣла на Балканскомъ полуостровѣ, въ 1444 г. подъ Видднпымъ былъ разбитъ турками и убитъ. Оправившись, венгерская армія оттѣснила турокъ и вторглась внутрь Балканскаго полуострова, подъ начальствомъ Гуніада, но въ трехдневномъ бою на Коссовомъ полѣ въ 1448 г. потерпѣла полное пораженіе.

Въ XVI и значительной части XVII столѣтія турки въ борьбѣ съ венграми, поляками и нѣмцами берутъ верхъ [1]). Это было тяжелое время, въ особенности для венгерскаго племени. Съ юга его тѣснили турки, съ сѣвера — нѣмцы. Значительная часть венгровъ предпочла подчиненіе туркамъ зависимости отъ Габсбургскаго дома.

Большая опасность отъ турокъ во второй половинѣ XVII столѣтія угрожала даже нѣмецкимъ землямъ. Послѣ военныхъ дѣйствій въ предѣлахъ Венгріи, въ теченіе свыше 20 лѣтъ, когда вся Венгрія оказалась въ рукахъ турокъ, они перенесли военныя дѣйствія въ нѣмецкія провинціи.

Въ мартѣ 1683 г. турецкая армія, силою до 300,000 чел., подъ начальствомъ визиря Кара-Мустафы, вторглась черезъ Венгрію въ австрійскія владѣнія, подступила къ Вѣнѣ и осадила столицу Габсбурговъ. Австрійскій императоръ Леопольдъ I задолго до этого вторженія обратился за помощью ко всѣмъ нѣмецкимъ владѣтельнымъ особамъ, къ Англіи, Голландіи, Франціи, Польшѣ. Опасность порабощенія турками христіанскаго міра сознавалась всѣми правителями Европы. Отовсюду спѣшили подкрѣпленія. Въ борьбѣ противъ турокъ, кромѣ нѣмецкихъ войскъ, принимали участіе 6,000 французскихъ войскъ, присланныхъ Людовикомъ XIV, и большое число рыцарей всѣхъ странъ. Но выручило Вѣну не нѣмецкое, а польское войско Яна Собѣскаго [2]).

Осада Вѣны тянулась уже около 7 мѣсяцевъ и положеніе осажденныхъ становилось весьма тяжелымъ, когда явилась помощь Собѣскаго. Всѣ союзныя и имперскія войска, собранныя на освобожденіе Вѣны, составили 64,000 чел. 12 сентября 1683 г. съ разсвѣтомъ начался бой съ турками, а въ 4 часа пополудни они были обращены въ полное бѣгство, потерявъ 10,000 чел. убитыми, оставивъ 300 орудій и огромную добычу.

Пользуясь одержаннымъ успѣхомъ, австрійцы переходятъ въ наступленіе и производятъ рядъ счастливыхъ походовъ. Большая часть Венгріи переходитъ въ ихъ власть, въ томъ числѣ и городъ Офенъ, находившійся 145 лѣтъ во власти турокъ [3]), былъ завоеванъ въ 1686 году. Въ слѣдующемъ году герцоги лотарингскій и баварскій

---

[1]) Картогр. прил. № 18 (карта Балканскаго полуострова).

[2]) Въ составѣ этихъ войскъ были и русскіе.

[3]) О. Іегеръ „Всеобщая исторія“, т. III, стр. 440.

одержали важную побѣду при Могачѣ. Трансильванія и Седмиградіе также перешли во власть Австріи. Въ 1688 году имперскія войска взяли Мункачъ и Бѣлградъ. Переправившись черезъ Дунай, австрійскія войска вторгнулись далеко въ глубь западной части Балканскаго полуострова. Сербія, Босніа и Герцеговина были завоеваны австрійцами, и ихъ войска, подъ начальствомъ Пикколомини, зимовали близъ албанской границы.

Смерть этого опытнаго вождя послужила одною изъ причинъ послѣдующихъ неудачъ. Турки вытѣснили австрійцевъ съ Балканскаго полуострова, въ 1690 году снова овладѣли Бѣлградомъ и перенесли военныя дѣйствія на лѣвый берегъ Дуная.

Изъ приведенныхъ краткихъ фактовъ видно, какую большую историческую давность имѣютъ для Австріи вопросы сербскій и босно-герцеговинскій.

Послѣ потери Бѣлграда, война Австріи противъ турокъ въ предѣлахъ Венгріи велась еще 7 лѣтъ неуспѣшно для Австріи. Трансильванія вновь отложилась. Одно время положеніе Австріи сдѣлалось отчаяннымъ, но подвиги Евгенія Савойскаго выручили Леопольда I. Въ сентябрѣ 1697 года на р. Тиссѣ, при м. Зентъ, онъ одержалъ рѣшительную побѣду надъ турками.

Убитыми, плѣнными и утонувшими турки потеряли 25,000 чел. Лагерь, 9,000 повозокъ, 60,000 верблюдовъ и всѣ награбленныя турками богатства достались въ руки побѣдителямъ.

Турки просили мира, который, при содѣйствіи Англіи и Голландіи, и былъ заключенъ 26 января 1699 г. при с. Карловицѣ между Портой съ одной стороны и императоромъ Леопольдомъ, Польшей и Венеціей съ другой стороны. На долю Австріи достались Трансильванія и большая часть Венгріи; остальная часть Венгріи съ Темешваромъ осталась за турками; Польша возвратила Турціи Молдавію, получивъ взамѣнъ пограничныя мѣстности между Днѣстромъ и Днѣпромъ; за Венеціей остался полуостровъ Морея.

„Этимъ достопамятнымъ и выгоднымъ для Австріи миромъ заключился XVII вѣкъ. Турки были поставлены отнынѣ и (какъ оказалось впослѣдствіи) навсегда въ оборонительное положеніе“ [1]).

Но этихъ побѣдъ было бы недостаточно, если бы турки остались тѣмъ же воинственнымъ, объединеннымъ желѣзною властью, народомъ, какимъ они были въ XV, XVI и частью въ XVII столѣтіяхъ. Но уже съ XVII столѣтія воинственность въ Турціи начинаетъ падать. Съ развитіемъ роскоши развращаются нравы. Слабые султаны выпускаютъ власть изъ своихъ рукъ. Янычары становятся всесильны и начинаютъ смѣнять султановъ по своему произволу. Въ началѣ XVIII столѣтія турки, воспользовавшись взаимною враждою европейскихъ государствъ, нарушили Карловицкій договоръ и завладѣли Мореей, которая по

[1]) О. Іегеръ „Всеобщая исторія“, т. III, стр. 443.

Карловицкому договору отошла къ Венеціи. Заключивъ съ Венеціею союзъ, Австрія объявила войну Турціи. Побѣдитель при Зентѣ—Евгеній Савойскій снова сталъ во главѣ войскъ и снова нанесъ туркамъ нѣсколько тяжелыхъ пораженій. Въ 1717 году турки были разбиты при Петерварденѣ, а въ 1718 году Евгеній Савойскій овладѣлъ Бѣлградомъ. Турки вынуждены были заключить 20 іюля 1718 года миръ въ Пассаровицахъ, по которому уступили Австріи Бѣлградъ, Темешваръ, Валахію до р. Алюты и большую часть Сербіи, всего до 1,716 кв. миль [1]).

На югѣ предѣлы Австріи въ Сербіи ограничивались р. Моравою и р. Тимокомъ. Но черезъ 20 лѣтъ, когда Австрія была занята борьбою съ Пруссіею (первая силезская война) и отношенія съ Франціею отвлекали часть ея силъ на западъ, въ новой войнѣ съ Турціею, веденной въ союзѣ съ Россіею, Австрія потерпѣла серьезныя неудачи въ Босніи, Сербіи и Валахіи. Главное пораженіе австрійское войско потерпѣло въ сраженіи при Гродскѣ, гдѣ оно потеряло убитыми и ранеными до 6,000 чел. Подавленные этими неудачами, австрійцы, безъ соглашенія со своими союзниками — русскими, заключили 18 сентября 1739 г. въ Бѣлградѣ миръ, по которому отказались отъ правъ на Сербію и Валахію и уступили туркамъ Бѣлградъ и Орсову; всего было уступлено Турціи 1,123 кв. мили [2]).

Такимъ образомъ, борьба Австро-Венгріи съ турками въ теченіе XV, XVI и XVII столѣтій окончилась въ первой половинѣ XVIII столѣтія тѣмъ, что Австрія вытѣснила турокъ изъ Венгріи и Трансильваніи, но не могла ихъ вытѣснить изъ княжествъ Валахіи и Молдавіи. Попытка Австріи овладѣть вновь Сербіею и Бѣлградомъ, т. е. западною частью Балканскаго полуострова, не имѣла успѣха.

Въ концѣ XVIII столѣтія Австрія сдѣлала новую попытку утвердиться въ западной части Балканскаго полуострова. Когда султанъ Селимъ за вмѣшательство Россіи въ дѣла Молдавіи и Грузіи объявилъ Россіи войну, нашими союзниками вторично явились австрійцы. Силы, выставленныя австрійцами, были значительны—120,000 чел., но онѣ были разбиты на 6 отдѣльныхъ корпусовъ, разбросанныхъ отъ Хотина до Адріатическаго моря, съ цѣлью одновременнаго наступленія въ Кроаціи, Сербіи, Валахіи и Молдавіи. Турки помѣшали выполненію этого плана быстрымъ вторженіемъ въ Трансильванію и Банатъ. Австрійскія войска въ 1788 году понесли нѣсколько тяжелыхъ пораженій, особенно при Слатинѣ, и просили о заключеніи на зиму перемирія. Во время военныхъ дѣйствій императоръ Іосифъ едва спасся отъ плѣна.

На слѣдующій годъ австрійскія войска принца Кобургскаго дѣйствовали совмѣстно съ русскими, подъ общимъ начальствомъ Суво-

[1]) П. Стрѣльбицкій „Владѣнія турокъ на материкѣ Европы“, стр. 3. Подробности Пассаровицкаго договора приведены въ этомъ трудѣ, въ приложеніи № 4.

[2]) П. Стрѣльбицкій, стр. 4.

рова, и приняли славное участіе въ сраженіяхъ при Фокшанахъ и Рымникѣ. Австрійскія войска, дѣйствовавшія отдѣльно отъ русскихъ, подъ начальствомъ Лаудона, тоже имѣли успѣхъ: они вытѣснили турокъ изъ Баната и овладѣли штурмомъ Бѣлградомъ.

Смерь императора Іосифа II и вступленіе на престолъ Леопольда лишили Австрію результатовъ ея побѣдъ. Согласившись, по предложенію Пруссіи и Англіи, передать рѣшеніе вопроса объ условіяхъ мира съ турками конгрессу изъ представителей европейскихъ державъ, Леопольдъ далъ приказъ прекратить военныя дѣйствія и отозвалъ свои войска.

Въ 1790 году въ Рейхенбахѣ собрался конгрессъ изъ представителей Австріи, Турціи, Англіи, Пруссіи и Голландіи. Приглашенная къ участію въ конгрессѣ Екатерина Великая твердо отклонила это предложеніе. Выработанныя условія мира, принятыя Австріею и Турціею, оставили тѣ же границы между этими государствами, которыя существовали до войны, и такимъ образомъ побѣды австрійскихъ войскъ въ послѣдней войнѣ результатовъ не имѣли.

Итакъ, Австрія въ XVIII столѣтіи два раза вела войны съ турками въ союзѣ съ Россіею, но оба раза первая отставала отъ союза и заключала невыгодный для нея миръ съ турками.

Въ главѣ XVI-й достаточно подробно изложено, какое важное значеніе придавала въ XVIII столѣтіи Австрія обладанію Бѣлградомъ. Она считала присоединеніе къ Австріи Бѣлграда важнѣе присоединенія къ ней Галиціи. Въ той же главѣ указано, что уже въ XVIII столѣтіи обозначилась демаркаціонная линія на Балканскомъ полуостровѣ, которая должна была разграничивать сферы вліянія и дѣйствій Россіи и Австріи. Эта линія отдѣляла въ сферу вліянія Австріи Сербію, Боснію и Герцеговину.

Особое значеніе, придаваемое государственными людьми Австріи указаннымъ выше мѣстностямъ Балканскаго полуострова, независимо военно-политическихъ причинъ, объясняется еще и племеннымъ родствомъ сербскаго населенія австро-венгерской имперіи съ сербскимъ населеніемъ Балканскаго полуострова, т. е. Сербіи, Босніи, Герцеговины и Македоніи. Въ значительной степени сербы Австро-Венгріи суть потомки сербовъ—выходцевъ изъ Балканскаго полуострова. Всѣ эпохи, знаменовавшія успѣхи на Балканскомъ полуостровѣ турокъ, сопровождались массовымъ выселеніемъ сербовъ въ Далмацію, Хорватію, Венгрію. Первое переселеніе сербовъ произошло послѣ пораженія сербовъ на Косовомъ полѣ въ 1389 г. Большія переселенія изъ Босніи были въ 1537 году послѣ окончательнаго присоединенія Босніи къ Турціи. Затѣмъ переселенія совершались въ 1572, 1597, 1600 гг. Въ 1686 году въ Венгрію переселилось 20,000 сербовъ-католиковъ, въ 1690 году переселяется 37,000 семей сербовъ съ патріархомъ Арсеніемъ Черноевичемъ; переселеніе это было вызвано отступленіемъ австрійскихъ войскъ изъ Сербіи и опасеніемъ возмездія со

стороны турокъ за оказанное австрійскимъ войскамъ содѣйствіе (турки овладѣли Бѣлградомъ и вытѣснили оттуда австрійцевъ въ 1690 году). Австрійское правительство, особымъ актомъ 11 апрѣля 1691 года, дало обѣщаніе этимъ переселенцамъ водворить ихъ на прежнихъ мѣстахъ жительства, т. е. въ предѣлахъ Турціи, для чего требовалось вновь завоевать Сербію. Обѣщаніе это не выполнено и до сихъ поръ.

Въ 1698 году Евгеній Савойскій, послѣ побѣды надъ турками, выводитъ изъ Босніи въ Славонію до 40,000 жителей. Въ 1737 году въ Венгрію переселилось, преимущественно изъ старой Сербіи, около 35,000 человѣкъ. Выселеніе сербовъ въ предѣлы Австріи не прекратилось и въ XIX столѣтіи: въ годы, предшествовавшіе послѣднему босно-герцеговинскому возстанію 1875 года, до 200,000 сербовъ нашли себѣ убѣжище преимущественно въ Австро-Венгріи [1]).

Авторъ серьезнаго труда „Боснія и Герцеговина“ А. Харузинъ, приводя эти цифры, дѣлаетъ заключеніе, что Австрія, благодаря эмиграціи въ ея предѣлы сербовъ и въ частности босно-герцеговинцевъ, *получила право вмѣшательства во внутреннія дѣла сосѣднихъ турецкихъ провинцій*, а массовое выселеніе населенія изъ Босніи и Герцеговины служило одною изъ причинъ оккупаціи Босніи Австріею.

На основаніи предыдущихъ главъ настоящаго труда и сдѣланнаго выше краткаго перечня событій на Балканскомъ полуостровѣ и въ Венгріи въ XVI—XVII столѣтіяхъ, возможно сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) До появленія турокъ на европейскомъ материкѣ сербское населеніе Босніи болѣе тяготѣло къ Хорватіи, чѣмъ къ Сербіи, и находилось временами въ тѣсной зависимости отъ Венгріи. Эта связь возникла еще въ XI столѣтіи и продолжалась до конца XVII столѣтія, когда, по Карловицкому миру Австріи съ Турціею, вся Боснія и Герцеговина остались во власти турокъ.

2) Съ появленіемъ турокъ на европейскомъ материкѣ славянскія народности Балканскаго полуострова, разъединенныя между собою многовѣковою кровавою борьбою, не могли съ успѣхомъ противиться напору турокъ и подпали подъ ихъ зависимость.

3) Въ XIV—XVII столѣтіяхъ защитниками Европы и отчасти христіанскаго населенія Балканскаго полуострова отъ надвигавшихся на христіанскій міръ побѣдоносныхъ османовъ явились Венгрія и Польша. Польско-венгерскіе короли вели упорныя войны съ турками, одерживали частные успѣхи, но, послѣ пораженія въ серединѣ XV столѣтія подъ Видиномъ и на Коссовомъ полѣ, не могли воспрепятствовать туркамъ внести войну въ предѣлы Венгріи. Къ серединѣ XVI столѣтія венгры были побѣждены, и вся Венгрія и Трансильванія достались въ руки турокъ.

---

[1]) А. Харузинъ „Боснія и Герцеговина“, стр. 173—174.

Такимъ образомъ венгерско-польское государство, принявъ на себя главный ударъ турокъ въ періодъ ихъ наибольшаго могущества, не могло устоять передъ турками и воспрепятствовать дальнѣйшему ихъ движенію внутрь европейскаго материка.

4) Въ концѣ XVII столѣтія турки перенесли войну въ нѣмецкія области, гдѣ ихъ наступательное на Европу движеніе было окончательно остановлено побѣдою союзныхъ нѣмецкихъ и польскихъ войскъ подъ Вѣною [1]) и побѣдою имперскихъ войскъ Евгенія Савойскаго на р. Тиссѣ у Зента. Этими побѣдами Венгрія освобождается отъ власти турокъ. Пользуясь побѣдою надъ турками, австрійскія войска вторгаются въ западную часть Балканскаго полуострова и завоевываютъ Босшю, Герцеговину и Сербію съ Бѣлградомъ. Но вскорѣ затѣмъ турки переходятъ въ наступленіе и оттѣсняютъ австрійцевъ обратно за Дунай.

5) Въ началѣ XVIII столѣтія австрійцы завоевываютъ часть Валахіи и снова завоевываютъ Сербію съ Бѣлградомъ. Но въ послѣдующихъ войнахъ XVIII столѣтія, несмотря на союзныя дѣйствія уже съ русскими войсками, вслѣдствіе преждевременно заканчиваемыхъ Австріею войнъ, Австрія не удерживается ни въ Валахіи, ни въ Сербіи.

Такимъ образомъ, Австро-Венгрія по отношенію турокъ выполнила въ XV—XVII столѣтіяхъ весьма важную задачу: турки были не только остановлены въ ихъ движеніи на нѣмецкія мѣстности Европы, но были вытѣснены и изъ Венгріи, гдѣ они прочно основались еще въ XVI столѣтіи. Но попытки Австро-Венгріи присоединить къ своей территоріи западныя части Балканскаго полуострова, населенныя сербскимъ племенемъ, хотя и имѣли успѣхъ два раза — въ концѣ XVII и затѣмъ въ началѣ XVIII столѣтія, но въ сороковыхъ годахъ XVIII столѣтія окончились неудачею, и Австро-Венгрія была оттѣснена за Дунай съ потерею Бѣлграда. Въ концѣ XVIII вѣка Австрія снова вмѣстѣ съ Россіею ведетъ войну съ Турціею, одерживаетъ побѣды, овладѣваетъ опять Бѣлградомъ, но, довѣрившись рѣшенію представителей европейскихъ державъ на конгрессѣ въ Рейхенбахѣ, остается при прежнихъ границахъ.

Прибавимъ, что все XIX столѣтіе Австрія не ведетъ войнъ съ Турціею, но въ результатѣ русско-турецкой войны 1877—1878 годовъ получаетъ, по заранѣе состоявшемуся соглашенію съ Россіею, Боснію и Герцеговину.

Турція, послѣ борьбы съ венграми, австрійцами и поляками, къ началу XVIII столѣтія, хотя и утратила большую часть Венгріи и Трансильваніи, но заключала въ себѣ, только на европейскомъ материкѣ безъ острововъ, 15,000 кв. миль, при чемъ большинство населенія этой территоріи были христіане. Кромѣ земель собственно Балкан-

---

[1]) Главнымъ героемъ этой побѣды былъ польскій король Янъ Собѣсскій.

скаго полуострова, ограниченныхъ р.р. Савою и Дунаемъ, въ составъ турецкой имперіи входили: часть Венгріи съ Темешваромъ до р. Марошъ, Валахія, Молдавія, Бессарабія, Крымъ и вся мѣстность между рѣками Прутомъ и Днѣпромъ (по обѣ стороны послѣдняго) до линіи, ограниченной на сѣверѣ городами Балта, Тарговицы, Кременчугъ и Бахмутъ.

Въ этихъ предѣлахъ уже проживало довольно многочисленное русское племя. Поэтому Россіи, при выполненіи задачъ національной политики, по объединенію русскаго племени и выходу къ Черному морю, неизбѣжно приходилось встрѣтиться съ Турціею. Эта встрѣча произошла уже въ концѣ XVII столѣтія, но серьезная борьба Россіи съ Турціею велась лишь въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.

Въ главѣ VII настоящаго труда изложено начало столкновенія Россіи съ Турціею и сдѣлана ссылка на весьма интересный трудъ Н. В. Чарыкова „Посольство въ Римъ и служба въ Москвѣ Менезія въ 1637 — 1694 годахъ“. Въ этомъ трудѣ развивается мысль, что въ теченіе двухъ столѣтій, съ половины XV до половины XVII, т. е. въ періодъ наибольшаго напряженія борьбы съ турками венгровъ, поляковъ и нѣмцевъ, правители московскаго государства держались вполнѣ опредѣленной по отношенію къ туркамъ политики и твердо уклонялись отъ участія въ вооруженной борьбѣ съ турками, несмотря на приглашеніе правителей европейскихъ государствъ того времени считать бывшую Византію наслѣдіемъ Россіи. Наши государи охотно принимали духовное преемство отъ византійскихъ императоровъ: посылали церквамъ пособія, принимали званія ктиторовъ и кормителей церквей и монастырей: но совершенно иначе московскіе правители отнеслись къ реальному наслѣдованію на ближнемъ востокѣ отъ византійскихъ императоровъ.

Иванъ III, несмотря на бракъ съ Софіею Палеологъ, отклонилъ *„за дальностью разстоянія“* предложеніе польскаго короля Казиміра дѣйствовать противъ турокъ. Напротивъ того, этотъ мудрый князь съ 1492 года положилъ начало дружескимъ дипломатическимъ сношеніямъ съ султаномъ и воспользовался силами его вассала -крымскаго хана, чтобы разрушить Золотую орду и окончательно свергнуть монгольское иго.

Иванъ IV отклонилъ предложеніе Пассевина стать царьградскимъ государемъ. Подобно Ивану III, разрушившему Золотую орду руками крымцевъ, Иванъ IV завоевывалъ Казань и Астрахань безъ ссоры съ султаномъ.

Михаилъ Ѳеодоровичъ отказался принять отъ донскихъ казаковъ Азовъ, ибо въ ту эпоху видѣлъ въ туркахъ противовѣсъ полякамъ.

Московскіе государи и правящій классъ смотрѣли въ XVI и XVII столѣтіяхъ на византійское наслѣдіе преимущественно съ духовной стороны. Московскіе государи видѣли въ этомъ наслѣдіи обязанность для себя защищать православіе, но не право владѣть

Константинополемъ. Они желали свободы для христіанскихъ подданныхъ султана, но не подчиненія ихъ московскому государству.

Такъ мы дѣйствовали въ теченіе двухъ столѣтій, избѣгнувъ при этомъ войны съ Турціею.

Относительно нашей политики въ послѣдующія 200 лѣтъ, т. е. въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, Н. В. Чарыковъ дѣлаетъ такое заключеніе:

„Но въ послѣдующія двѣсти лѣтъ наши отношенія къ Турціи *затемняются западными вліяніями*, и Россія ведетъ противъ Турціи 11 войнъ, всегда выгодныхъ для западной Европы, мало прибыльныхъ для себя и почти смертельныхъ для Турціи“ [1]).

Къ этому заключенію, на основаніи предыдущихъ главъ настоящаго труда, необходимо сдѣлать серьезную поправку: войны XVIII столѣтія, веденныя Россіею съ Турціею, были неизбѣжны для достиженія Россіею задачъ ея національной политики по объединенію русскаго племени и выходу къ Черному морю. Только разбивъ турецкія войска въ предѣлахъ Турціи, можно было достигнуть этихъ важныхъ для Россіи цѣлей. Что же касается войнъ, веденныхъ Россіею съ Турціею въ XIX столѣтіи, то по отношенію къ нимъ я вполнѣ раздѣляю заключеніе русскаго человѣка и горячаго патріота—Н. В. Чарыкова.

Серьезный поводъ къ перемѣнѣ нашихъ отношеній къ туркамъ уже во второй половинѣ XVII столѣтія подали сами турки.

Турецкій султанъ Магометъ IV, по мирному договору съ Польшею въ Буджаковѣ въ 1672 году, получилъ западную Украйну, уже населенную русскимъ племенемъ.

Приблизительно въ то же время часть малороссійскихъ и запорожскихъ казаковъ, съ Дорошенко во главѣ, приняли турецкое подданство. Дорошенко признавалъ себя гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Такимъ образомъ турецкій султанъ получилъ право вмѣшиваться въ дѣла русскаго племени не только къ западу, но и къ востоку отъ Днѣпра.

Чтобы закрѣпить за Турціею эти владѣнія и расширить ихъ присоединеніемъ къ Турціи всей Малороссіи, Подоліи и Галиціи, султанъ Магометъ, вмѣстѣ съ крымскимъ ханомъ, въ 1672 году вторгнулись въ Подолію и Малороссію. Въ главѣ VII-й изложены дѣйствія нашихъ войскъ въ Малороссіи при первыхъ ихъ столкновеніяхъ съ турками. Подъ Чигириномъ въ 1676 году русскія войска одерживаютъ первую побѣду надъ турецкими войсками.

Затѣмъ начинаются походы въ Крымъ кн. Голицына и Петра I. Въ результатѣ четырехъ походовъ мы утверждаемся въ Азовѣ, но въ несчастный походъ Петра I къ Пруту въ 1711 году теряемъ эти пріобрѣтенія [2]).

---

[1]) Н. В. Чарыковъ, стр. 26, курсивъ мой.

[2]) Походы эти изложены въ главахъ VII-й и XII-й настоящаго труда.

Въ XVIII столѣтіи Россія ведетъ съ Турціею три войны [1]) и въ XIX столѣтіи—четыре войны. Каждая изъ нихъ тянется отъ двухъ до семи лѣтъ. Въ результатѣ этихъ войнъ Россія уже въ XVIII столѣтіи завоевываетъ Крымъ, часть кавказскаго побережья и распространяетъ свои владѣнія на югъ до Днѣстра. Въ результатѣ четырехъ войнъ XIX столѣтія Россія, кромѣ пріобрѣтеній на Кавказѣ и въ Малой Азіи, передвигаетъ свою границу въ Европѣ съ рѣки Днѣстръ на рѣку Прутъ и низовья Дуная. Результатъ для четырехъ войнъ ничтожный, но въ то же время Россія разрушаетъ могущество турокъ на европейскомъ материкѣ и на Балканскомъ полуостровѣ; почти исключительно жертвами Россіи создаются независимыя Греція, Румынія, Сербія и Болгарія.

Тотчасъ по окончаніи русско-турецкой войны 1877—1878 гг. появился трудъ нашего ученаго картографа И. Стрѣльбицкаго—подъ заглавіемъ „Владѣнія турокъ на материкѣ Европы съ 1700 по 1879 г.“. Трудъ этотъ, короткій по числу страницъ, полонъ захватывающаго интереса и въ настоящее время. На пятнадцати приложенныхъ къ труду картахъ самымъ наглядным образомъ показано, какъ въ теченіе XVIII—XIX столѣтій таяли владѣнія турокъ въ Европѣ, а изъ текста книги и выдержекъ изъ договоровъ видно, какія державы главнымъ образомъ способствовали распаденію турецкихъ владѣній на европейскомъ материкѣ и какія державы наиболѣе выиграли отъ этого распаденія. Ниже я приведу въ самыхъ краткихъ чертахъ нѣсколько наиболѣе важныхъ данныхъ изъ труда И. Стрѣльбицкаго [2]).

Свой трудъ И. Стрѣльбицкій начинаетъ слѣдующею страницею: „Въ 1357 году турки переправились изъ Малой Азіи и, утвердясь въ Галлиполи и на всемъ полуостровѣ вдоль Дарданельскаго пролива, начали распространять свои завоеванія на весь Балканскій полуостровъ. Уже въ половинѣ XV столѣтія, послѣ взятія, въ 1453 году, Константинополя, на земляхъ нѣкогда могучей византійской имперіи водворилась воинственная оттоманская имперія, обнимавшая, кромѣ азіатскихъ и африканскихъ владѣній, весь Балканскій полуостровъ (за исключеніемъ Черногоріи), Пелопонесъ и сѣверные берега Чернаго и Азовскаго морей.

„Главнымъ театромъ дальнѣйшихъ столкновеній османовъ съ христіанами были: Сербія, Валахія, Молдавія, Венгрія, Польша и земли австрійской имперіи, столицѣ коей не разъ угрожали грозные завоеватели.

„Такимъ образомъ, расширяя свои владѣнія, османы, при нападеніяхъ на земли, уже сосѣднія границамъ Россіи, неминуемо должны были придти въ столкновеніе съ интересами Россіи.

„Сношенія русскихъ съ турками, начавшіяся чрезъ посредство Польши и Крыма и принявшія болѣе опредѣленный видъ, относятся

---

[1]) Главы XIII-я и XIV-я настоящаго труда.

[2]) Картогр. прил. № 18.

ко второй половинѣ XVII столѣтія. Первымъ изъ такихъ актовъ представляется договоръ, заключенный въ Бахчисараѣ 3 января 1681 года, по коему Турція, послѣ неудачной войны за овладѣніе Малороссіею, навсегда отказалась отъ всякихъ притязаній на Украйну. Второй договоръ, подписанный Возницынымъ въ Карловицахъ, 26 января 1698 года, и въ которомъ участвовала Австрія, прекратилъ войну, ознаменованную взятіемъ русскими Азова, въ царствованіе императора Петра I (Великаго). Такъ какъ Карловицкій договоръ для Россіи былъ условленъ только на два года, а для Австріи на 25 лѣтъ, то, 3 іюля 1700 года, Россія заключила съ Турціею новый Константинопольскій трактатъ; Карловицкій же трактатъ для Австріи и Турціи остался въ своей силѣ.

„Эти-то два договора—Карловицкій, 26 января 1698 года, заключенный между Турціею и Австріею, и Константинопольскій трактатъ, заключенный между Россіею и Турціею, принимаются за начало изслѣдованій.

„По Карловицкому договору, заключенному на 25 лѣтъ, Порта *удержала отъ Венгріи только Темешваръ*, отъ Славоніи часть Бузука до Саланкемене; Уина принята границею въ Кроаціи.

„По Константинопольскому трактату, заключенному Украинцевымъ, на 30 лѣтъ, Азовъ съ его округомъ остался за Россіею; взятыя же русскими войсками турецкія крѣпости въ устьи Днѣпра срыты.

„Въ этихъ границахъ громадная оттоманская имперія, въ 1700 г., кромѣ азіатскихъ и африканскихъ владѣній, заключала въ себѣ одного только европейскаго материка безъ острововъ 15,454,$_{10}$ кв. миль.

„Такой громадной территоріи въ настоящее время, за исключеніемъ Россіи, не имѣетъ ни одно европейское государство. Австро-венгерская имперія, теперь одно изъ самыхъ наибольшихъ государствъ западной Европы, и та заключаетъ территорію на одну треть меньшую“.

По договору, заключенному 12 іюля 1711 года на р. Прутѣ, послѣ неудачнаго похода въ предѣлы Турціи въ 1711 году, Россія уступила Турціи г. Азовъ съ округомъ въ 138,$_{47}$ кв. миль, присоединенный къ Россіи по Константинопольскому трактату 1700 года; такимъ образомъ владѣнія оттоманской имперіи увеличились до 15,592,$_{57}$ кв. миль.

По договору, заключенному въ Пассаровицахъ 20 іюля 1718 года, послѣ побѣдъ, одержанныхъ Евгеніемъ Савойскимъ, Турція уступила Австріи Бѣлградъ, Темешваръ, Валахію до р. Алюты и большую часть Сербіи, что составляетъ 1,716,$_{55}$ кв. миль; черезъ это владѣнія турокъ уменьшились до 13,876 кв. миль. По Бѣлградскому миру 18 сентября 1739 года, которымъ окончилась война Россіи и Австріи противъ Турціи, Австрія возвратила Турціи почти все, что пріобрѣла за 20 лѣтъ передъ этимъ подвигами Евгенія Савойскаго, и Турція пріобрѣла отъ Австріи 1,123,$_{11}$ кв. миль. Въ то же время Турція усту-

пила Россіи степь между Бугомъ и Донцомъ и отказалась отъ Запорожья. Россія по этому договору пріобрѣла 1657,50 кв. миль. Всего по Бѣлградскому миру владѣнія турокъ на материкѣ Европы уменьшились до 13,341,63 кв. миль.

По трактату, заключенному при д. Кучукъ-Кайнарджи, 10 іюля 1774 года, Россія пріобрѣла крѣпости Керчь, Енникале, Кинбурнъ и Азовъ съ округами, пространствомъ въ 474,87 кв. миль. Турція, уступивъ эти мѣстности и признавъ независимость татаръ крымскихъ, буджакскихъ, кубанскихъ и другихъ, утратила навсегда 2054,86 кв. миль. Черезъ это владѣнія турокъ на материкѣ Европы уменьшились до 11,286,77 кв. миль.

Манифестомъ, объявленнымъ 8 апрѣля 1783 года, Крымъ навсегда присоединенъ къ Россіи, что увеличило ея владѣнія за счетъ турецкихъ еще на 1,579,99 кв. миль. Слѣдовательно, всѣ земли, отчужденныя отъ Турціи по Кучукъ-Кайнарджійскому трактату, вошли въ составъ Россіи.

По трактату, заключенному 29 декабря 1791 года въ Яссахъ, Турція уступила Россіи всѣ земли между Бугомъ и Днѣстромъ, пространствомъ въ 420,56 кв. миль. Владѣнія турокъ на материкѣ Европы сократились до 10,866,21 кв. миль.

Всего же въ царствованіе Екатерины Великой Россія пріобрѣла изъ предѣловъ Турціи 2,475 кв. миль, изъ коихъ непосредственно отъ Турціи 895,44 кв. миль и отъ присоединенія Крыма со всѣми татарскими землями 15,79,99 кв. миль.

По трактату 16 мая 1812 года, заключенному въ Бухарестѣ, Турція уступила Россіи территорію между Днѣстромъ, Прутомъ и правымъ берегомъ Дуная, извѣстную подъ именемъ Бессарабіи, „южную, большую часть коей занимали еще съ 1462 года не молдаване, а татары буджакскіе, подвластные Портѣ оттоманской“ [1]). Пріобрѣтенія эти заключали 828,68 кв. миль; черезъ это владѣнія оттоманской имперіи на материкѣ Европы по Бухарестскому трактату уменьшились до 10,037,53 кв. миль.

По конвенціи 25 сентября 1826 года, заключенной въ Аккерманѣ, произведено исправленіе границы, опредѣленной по Бухарестскому трактату. По этому исправленію Турція уступила Россіи острова Дуная въ 30,76 кв. миль; владѣнія Порты оттоманской уменьшились до 10,006,77 кв. миль.

По трактату, заключенному 2 сентября 1829 года въ Адріанополѣ, „Турція уступила Россіи: въ Европѣ — острова дельты Дуная между Сулинскимъ и правымъ берегомъ Георгіевскаго рукава Дуная, пространствомъ въ 23,02 кв. м., а въ Азіи — весь черноморскій берегъ, *отъ Кубани до порта Св. Николая, съ Анапою и Поти, протяженіемъ*

---

[1]) И. Стрѣльбицкій, стр. 7.

около 74,06 геогр. миль (*550 верстъ*) и часть, Ахалцыхскаго пашалыка съ городами Ахалцыхъ и Ахалкалаки, пространствомъ въ 97,83 кв. м.

„Независимо того Турція обязалась: 1) княжествамъ молдавскому и валахскому предоставить свободу богослуженія, совершенную безопасность, народное независимое управленіе и право безпрепятственной торговли; 2) Сербіи возвратить немедленно шесть округовъ, отъ нея отторгнутыхъ, и исполнить всѣ постановленія особаго акта, заключеннаго съ Россіею и служащаго дополненіемъ къ Аккерманской конвенціи 25 сентября 1826 года, и 3) принять безусловно рѣшеніе трехъ державъ о будущей судьбѣ Греціи. Вслѣдъ затѣмъ, протоколомъ 22 января 1830 года, подписаннымъ уполномоченными Россіи, Англіи и Франціи, Греція была признана государствомъ независимымъ, подъ покровительствомъ трехъ державъ, съ государемъ, коему предоставленъ титулъ короля, и въ предѣлахъ, постановленныхъ протоколомъ 10 марта того же года. Потомъ, по Константинопольскому договору 9 (21) іюля 1832 года, заключенному между Россіею, Англіею, Франціею и Турціею, королевству греческому предоставлены настоящія границы, за вознагражденіе въ сорокъ милліоновъ турецкихъ піастровъ, обнимающія только одного европейскаго материка, безъ острововъ, 749,29 кв. м. Поэтому, на основаніи Адріанопольскаго трактата и протоколовъ 22 января и 10 марта 1830 года и 9 (21) іюля 1832 года, предѣлы оттоманской имперіи на материкѣ Европы уменьшились до 9234,46 кв. м.“ [1]).

По трактату, заключенному 18 марта 1856 года въ Парижѣ, Россія уступила Турціи часть Бессарабіи съ устьями Дуная, пространствомъ въ 221,77 кв. миль.

„Чрезъ это предѣлы владѣній Турціи на европейскомъ материкѣ, по Парижскому трактату, увеличились до 9456,23 кв. м.

„Въ этихъ предѣлахъ оттоманскую имперію застала послѣдняя война ея съ Россіею 1877 — 1878 годовъ; владѣнія турокъ заключали въ себѣ:

а) „земель вассальныхъ 2948,15 кв. м.

б) „земель непосредственнаго владѣнія 6508,08 кв. м.“

По трактату, заключенному въ Берлинѣ 13 іюля 1878 года, Турція уступила Россіи въ Азіи Ардаганъ, Батумъ съ портомъ, Карсъ и территорію въ 468,64 кв. миль. Кромѣ того, Россіею получено отъ Румыніи 167,99 кв. м. изъ числа земель, утраченныхъ Россіею по Парижскому миру. Находившіяся въ вассальной зависимости отъ Турціи Румынія и Сербія, нѣсколько увеличенныя за счетъ турецкой территоріи, получили независимость. Греція и Черногорія получили увеличенія территоріи за счетъ Турціи. Образовано вассальное княжество Болгарія въ 1163,98 кв. миль. Образована автономная провинція Восточная Румелія въ 639,29 кв. миль. Уступлены Австріи для занятія и

[1]) И. Стрѣльбицкій, стр. 9.

управленія Боснія и Герцеговина въ 1093,84 кв. м. Всего Турція по Берлинскому договору лишилась 4897,39 кв. миль, въ томъ числѣ:

изъ вассальныхъ до того времени земель . 2948,14 кв. м.
изъ земель непосредственнаго владѣнія . . 1949,25 кв. м.

Осталось на европейскомъ материкѣ у турокъ по Берлинскому трактату:

земель вассальныхъ . . . . . 1163,98 кв. м. (Болгарія).
„ автономныхъ . . . . . 639,29 „ „ (Румелія).
„ непосредствен. владѣнія . 2755,57 „ „ [1]).

„Изъ этого количества потерянныхъ Турціею, съ 1700 по 1879 г., земель только 370 кв. м. отобрано Австріею, побѣдами Евгенія Савойскаго, да по послѣднему Берлинскому трактату европейскія державы предоставили Австріи занятіе Босніи и Герцеговины въ 1,093,84 кв. м. и предназначили увеличить предѣлы королевства греческаго, при исправленіи границъ въ Эпирѣ и Ѳессаліи, на 299,61 кв. м.; остальныхъ затѣмъ 8902,19 кв. м. Турція лишилась вслѣдствіе пораженій, нанесенныхъ ей Россіею“ [2]).

Интересно, что И. Стрѣльбицкій уже въ 1879 г. считалъ Боснію и Герцеговину исключенными изъ владѣній Турціи и не принялъ ихъ въ расчетъ при исчисленіи земель, оставшихся у Турціи въ непосредственномъ владѣніи, вассальныхъ или автономныхъ. Въ результатѣ войны, веденной Россіею съ Турціею, кромѣ Австріи, получившей 1093 кв. м., еще и Англія получила островъ Кипръ въ 174 кв. м. Такимъ образомъ Россія, разбивъ турокъ, получила въ Европѣ и въ Азіи 636 кв. м., а защитники Турціи противъ Россіи — Австрія и Англія—захватили отъ обезсиленной русскимъ оружіемъ Турціи вдвое болѣе — 1267,99 кв. м. Результатъ поучительный, какъ для Турціи, такъ и для Россіи.

Въ 1885 г., безъ участія Россіи, Румелія была присоединена къ Болгаріи.

Какая же дальнѣйшая судьба ожидаетъ въ XX вѣкѣ оставшіяся еще владѣнія турокъ на европейскомъ материкѣ?

Въ 1908 г., безъ участія Россіи, по совершенно согласно съ русскими интересами, Болгарія объявила себя независимою. Одновременно Австрія объявила Боснію и Герцеговину присоединенными къ своимъ владѣніямъ.

Это послѣднее событіе, предусмотрѣнное еще 30 лѣтъ тому назадъ, вызвало формою аннексіи большое возбужденіе въ Россіи и особенно въ Сербіи. Можно было ожидать не только разгрома Сербіи Австріею, но даже европейской войны. Турки, занятые своими внутренними дѣлами, отнеслись къ этимъ двумъ актамъ, составлявшимъ неожиданное для нихъ нарушеніе ихъ верховныхъ правъ, довольно

---

[1]) Картогр. прил. № 32 (къ главѣ XXVII).
[2]) И. Стрѣльбицкій, стр. 21—22.

пассивно. Путемъ денежнаго вознагражденія турки помирились съ свершившимися фактами. Пришлось помириться съ ними и европейскимъ державамъ, ибо за Австріею твердо встала Германія.

Но въ будущемъ, быть можетъ близкомъ, могутъ возникнуть другіе, какъ новые, такъ и старые, еще неоконченные вопросы, касающіеся населенія Балканскаго полуострова. Австрія еще не сказала послѣдняго слова по отношенію къ Сербіи. Сербія и Черногорія не примирились съ подчиненіемъ 1,800,000 чел. сербскаго племени въ Босніи и Герцеговинѣ Австріи. Болгарія и Сербія не примирились съ зависимостью ихъ единоплеменниковъ въ Македоніи отъ турокъ. Вопросъ о проливахъ все еще находится въ неопредѣленномъ состояніи.

Въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ главная роль въ борьбѣ съ турками принадлежала венграмъ, полякамъ, нѣмцамъ. Въ XVIII и XIX столѣтіяхъ эта роль принадлежала русскому племени. При этомъ уже въ XVIII вѣкѣ національныя задачи Россіи въ отношеніи Турціи были выполнены, и въ XIX вѣкѣ русское племя вело борьбу съ турками главнымъ образомъ для освобожденія христіанскихъ народностей изъ-подъ власти турокъ. Эта задача была Россіею тоже выполнена.

Если Турціи суждено въ XX столѣтіи утратить и послѣднія владѣнія на европейскомъ материкѣ, то какой изъ державъ предстоитъ въ XX столѣтіи главная роль въ возможныхъ событіяхъ на Балканскомъ полуостровѣ? Кто явится наслѣдникомъ остальныхъ европейскихъ владѣній Турціи въ XX столѣтіи? Какая участь ожидаетъ при этомъ раздѣлѣ Константинополь и проливы?

Но если обновленной Турціи удастся въ XX столѣтіи сохранить свои европейскія владѣнія, то удержится ли Турція въ ея настоящихъ границахъ или, при вѣроятномъ еще общемъ подъемѣ всего мусульманскаго міра, быть можетъ въ союзѣ съ народами желтой расы, вновь перейдетъ въ наступленіе, для обратнаго завоеванія утраченныхъ ею въ XVIII и XIX вѣкахъ владѣній въ Европѣ и въ Азіи.

Въ нижеслѣдующихъ главахъ я изложу въ главныхъ чертахъ роль Россіи на Балканскомъ полуостровѣ, въ событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ XIX столѣтіи, чтобы, на основаніи изученія историческаго пути, пройденнаго Россіею по отношенію къ турецкимъ дѣламъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, почерпнуть указанія на ту вѣроятную роль Россіи въ дѣлахъ балканскихъ въ XX столѣтіи, которая представляется наиболѣе соотвѣтствующею интересамъ русскаго племени, при возвращеніи Россіи къ ея національной политикѣ XVI—XVIII столѣтій.

ГЛАВА XXV.

Войны Россіи съ Турціею въ первой половинѣ XIX столѣтія.

Участіе Россіи въ дѣлахъ сербскаго населенія Балканскаго полуострова въ началѣ XIX столѣтія. Война съ Турціей въ 1806—1812 годахъ и результаты ея. Участіе Россіи въ дѣлахъ греческаго населенія Балканскаго полуострова въ двадцатыхъ годахъ XIX столѣтія. Война съ Турціею въ 1828—1829 годахъ и результаты ея. Заключеніе о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ въ 1828 — 1829 годахъ (схемы №№ 19 — 21).

Въ главѣ XV-й настоящаго труда изложено отношеніе европейскихъ державъ къ результатамъ борьбы между Россіею и Турціею во второй половинѣ XVIII столѣтія. Вполнѣ выяснилось, что борьба Россіи съ Турціею затрагивала и въ то время интересы многихъ европейскихъ державъ, съ которыми даже побѣдоносная Россія должна была считаться.

Европейскія державы уже въ то время боролись противъ усиленія Россіи за счетъ турецкихъ областей. Туманные проекты Екатерины II относительно Молдавіи, Валахіи, Бессарабіи и въ особенности ея знаменитый греческій проектъ помогли вызвать коалицію державъ противъ Россіи. Россія была избавлена отъ войны съ коалиціею только благодаря разразившейся французской революціи.

По отношенію къ Австріи вполнѣ выяснилось, какую важность она придавала той или другой участи румынскихъ княжествъ и въ особенности Сербіи съ Бѣлградомъ. Даже владѣніе Галиціею представлялось Австріи 130 лѣтъ тому назадъ не такъ важнымъ, какъ обратное овладѣніе Сербіею съ Бѣлградомъ.

На основаніи оцѣнки интересовъ Австріи на Балканскомъ полуостровѣ въ XV-й главѣ сдѣланъ былъ выводъ, что уже во второй половинѣ XVIII вѣка представлялось необходимымъ, при дѣйствіяхъ Россіи на Балканскомъ полуостровѣ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, *ограничивать сферу дѣйствій и вліянія Россіи восточною частью Балканскаго полуострова, признавъ открыто, что западная часть полуострова съ мѣстностями, населенными сербскимъ племенемъ, входитъ въ сферу вліянія Австріи.*

Эти уроки исторіи были быстро забыты русскимъ правительствомъ, и въ первые годы XIX столѣтія началось вмѣшательство Россіи въ дѣла сербскаго населенія Турціи, которое еще не прекратилось и въ настоящее время. Это вмѣшательство въ теченіе XIX столѣтія и первыхъ годовъ XX составляетъ главную причину недовѣрчиваго, а временами и непріязненнаго, отношенія между Россіею и Австріею, и если Россія не положитъ конца вмѣшательству въ это чужое для нея и въ то же время жизненно близкое для Австріи дѣло, то въ XX столѣтіи изъ-за сербскаго вопроса возможно ожидать возникновенія войны между Россіею и Австріею.

Въ главѣ XXIV-й изложено, въ чемъ именно въ первыхъ годахъ XIX столѣтія заключалось вмѣшательство Россіи въ дѣла сербскаго населенія, подчиненнаго туркамъ. Пользуясь ослабленіемъ Турціи, сербы въ 1804 году возстали подъ начальствомъ Кара-Георгія.

Несмотря на то, что Австрія покровительствовала возставшимъ и доставляла имъ различные запасы, сербы, не довѣряя Австріи, обратились къ Россіи за помощью. Митрополитъ сербскій Стратимировичъ составилъ въ 1804 году проектъ образованія на Балканскомъ полуостровѣ славяно-сербскаго государства съ однимъ изъ нашихъ великихъ князей во главѣ.

Припомнимъ, что одновременно Адамъ Чарторижскій проводилъ проектъ образованія независимой Польши, тоже съ русскимъ великимъ княземъ во главѣ. Нѣсколько лѣтъ ранѣе, во главѣ возстановленной греческой имперіи тоже долженъ былъ стоять русскій великій князь. На всѣ эти должности намѣчался одинъ и тотъ же кандидатъ — великій князь Константинъ Павловичъ.

Сербскіе депутаты были обласканы, и нашему послу въ Портѣ, безъ соглашенія съ Австріею, было указано поддерживать требованія сербовъ. Для возставшихъ „на 24 судахъ были доставлены пушки и обильные военные запасы“. Прибыли и русскіе офицеры, которые взяли на себя руководство осадными работами подъ Бѣлградомъ, осажденнымъ сербами. Это было первое вмѣшательство въ дѣла сербовъ, которое ставило насъ во враждебное отношеніе къ Австріи.

Вмѣшательство Россіи въ дѣла Австріи и Франціи въ 1805 году окончилось пораженіемъ нашихъ войскъ подъ Аустерлицемъ. Турція, покровительствуемая Франціею, подняла голову и начала открыто готовиться къ войнѣ съ Россіею.

Несоблюденіе Турціею нѣкоторыхъ статей ранѣе заключенныхъ съ Россіею договоровъ было признано Александромъ I достаточною причиною, чтобы начать въ 1806 году войну съ Турціею. Но наши силы были отвлечены на западъ. Послѣ неудачнаго вмѣшательства въ дѣла Австріи, мы готовились къ такому же неудачному вмѣшательству въ 1806 — 1809 годахъ въ дѣла Пруссіи.

Война съ Турціею въ 1806—1812 годахъ и результаты ея [1]).

Общая численность русской арміи въ 1806 году доходила до 759,000 чел. Но въ этомъ числѣ регулярной пѣхоты было всего 20% и кавалеріи 10%. Армія находилась въ періодѣ значительныхъ организаціонныхъ измѣненій. Ни вооруженіе, ни тактическая подготовка и хозяйство не получили законченности. Отпуски отъ казны на армію были совершенно недостаточны.

Черноморскій флотъ состоялъ изъ 12 линейныхъ кораблей, 6 фрегатовъ и 50 меньшихъ судовъ, но былъ въ исправномъ состояніи.

Турецкая армія состояла изъ 266,000 регулярныхъ войскъ и 50,000 милиціи. Кавалерія составляла половину всѣхъ войскъ. Армія эта переживала кризисъ, вслѣдствіе попытки уничтожить корпусъ янычаръ, была плохо обучена и не дисциплинирована.

Турецкій флотъ состоялъ изъ 31 паруснаго судна и около 100 транспортовъ.

Занятая нами часть дунайскихъ княжествъ представляла безлѣсную малообработанную равнину. Населеніе было рѣдко и истощено поборами. Пути сообщенія плохи [2]).

Война съ Турціею въ 1806 году началась въ то время, когда наши войска должны были напрягать всѣ силы для борьбы съ Наполеономъ за интересы Пруссіи. Кромѣ того, наши силы были отвлечены войною со Швеціею, польскими дѣлами, военными дѣйствіями на Кавказѣ.

Поэтому для дѣйствій въ предѣлахъ Турціи было признано возможнымъ назначить армію всего въ 33,000 человѣкъ. Очевидно, что такой силы армія, даже при ослабѣвшей Турціи, не могла одержать серьезныхъ успѣховъ.

Въ серединѣ ноября 1806 года наша армія, подъ начальствомъ ген. Михельсона, переправилась черезъ Днѣстръ и вторгнулась (въ Молдавіи) въ предѣлы Турціи. Хотинъ сдался нашимъ войскамъ. Только мѣсяцъ спустя, а именно 18 декабря 1806 года, Турція объявила войну Россіи.

Послѣ незначительныхъ боевъ, въ половинѣ декабря нашими войсками заняты были Бухарестъ, Галацъ, Бендеры, Килія.

Опредѣленнаго плана войны составлено не было. Цѣлью дѣйствій войскъ поставлено не разбитіе арміи противника, а овладѣніе его крѣпостями; это было выгодно для турокъ.

Турецкія войска, ожидая объявленія войны, сосредоточивались въ крѣпостяхъ—Брайловѣ, Силистріи, Измаилѣ, Шумлѣ и имѣли сильный отрядъ на лѣвомъ берегу Дуная въ Журжѣ.

---

[1]) Схема № 19.

[2]) К. Марченко „Россія и Турція въ XIX столѣтіи“, стр. 8—15.

Военныя дѣйствія въ 1807 году носили съ обѣихъ сторонъ нерѣшительный характеръ. Составленный Михельсономъ планъ наступательныхъ дѣйствій съ цѣлью овладѣнія Измаиломъ, Журжею и Браиловымъ, за недостаточностью силъ, не могъ быть приведенъ въ исполненіе.

За неприбытіемъ осадной артиллеріи, вмѣсто осады Измаила пришлось ограничиться его блокадою.

Журжа оказалась настолько сильно занята, что турки сами перешли въ наступленіе, и наши войска, оттѣснивъ ихъ въ турецкія укрѣпленія, тоже отступили, признавъ дѣйствія противъ Журжи лишь демонстративными.

Въ маѣ мѣсяцѣ турки, собравъ довольно значительныя силы, рѣшились перейти въ наступленіе съ цѣлью разбить наши войска и овладѣть Бухарестомъ. Наступленіе предполагалось вести одновременно: главными силами отъ Силистріи, подъ начальствомъ великаго визиря Али-паши, и отрядомъ изъ Журжи. Наступленіе началось 30 мая. Ген. Милорадовичъ воспользовался разрозненностью дѣйствій турецкихъ войскъ и, собравъ 7000 человѣкъ, двинулся на встрѣчу авангарду Али-паши, силою въ 12,000 человѣкъ, при с. Обилешти разбилъ турокъ и выпудилъ ихъ къ бѣгству по направленію къ Силистріи. Турецкія войска, выступившія изъ Журжи въ Бухарестъ, узнавъ о пораженіи Али-паши, тоже отступили. Никакихъ трофеевъ, кромѣ 29 чел. плѣнныхъ, русскія войска въ сраженіи при Обилешти не взяли. Наши потери состояли изъ 290 человѣкъ убитыми и ранеными. Турки, по нашимъ реляціямъ, потеряли до 3,000 человѣкъ.

На кавказскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій графъ Гудовичъ съ 6,000 чел. разбиваетъ 20,000 турокъ у р. Арпачай 17 іюня 1807 года.

Въ іюнѣ 1807 года, вслѣдствіе Тильзитскаго соглашенія, императоръ Александръ I приказалъ Михельсону воздержаться отъ наступательныхъ дѣйствій противъ турокъ.

Окончаніе войны 1806 — 1807 годовъ и результаты ея изложены у историка этой войны Г. М. Мальцева слѣдующимъ образомъ:

„Несмотря на блестящую побѣду Милорадовича, по п. 22 Тильзитскаго договора, мы должны были очистить княжества, съ тѣмъ, чтобы турецкія войска очистили крѣпости по лѣвому берегу Дуная. Въ мѣстечкѣ Слободзеѣ 12 августа состоялось перемиріе между турецкими и русскими войсками, по которому обѣ стороны: 1) должны прекратить военныя дѣйствія на морѣ и на сушѣ; 2) очистить Молдавію и Валахію, за исключеніемъ крѣпостей Измаила и Браилова, въ которыхъ оставались турецкіе гарнизоны, и 3) въ случаѣ, если не состоится миръ, враждебныя дѣйствія начать не ранѣе 3 апрѣля будущаго 1808 года.

„19 августа умеръ Михельсонъ, и договоръ былъ 23 августа ратифицированъ генераломъ Мейендорфомъ, который, не дождавшись одобренія договора императоромъ, распорядился объ очищеніи кня-

жествъ русскими войсками. Такое поспѣшное отступленіе русской арміи за Днѣстръ навлекло на генерала Мейендорфа гнѣвъ императора Александра, который назначилъ новымъ главнокомандующимъ князя Прозоровскаго, съ полномочіями подписать миръ на новыхъ, болѣе выгодныхъ для насъ, условіяхъ.

„Тѣмъ не менѣе, согласно Тильзитскаго договора, посредничество въ примиреніи сторонъ было принято на себя Наполеономъ, и переговоры о мирѣ перенесены были въ Парижъ.

„Дѣло тянулось до свиданія императоровъ Наполеона и Александра въ Эрфуртѣ, когда 30 сентября 1808 года была подписана конвенція, по которой Наполеонъ признавалъ р. Дунай границей между Россіей и Турціей, выразивъ согласіе на присоединеніе Молдавіи и Валахіи къ Россіи и отказавшись отъ посредничества при заключеніи мира между султаномъ и императоромъ Александромъ.

„Такъ какъ янычары противились миру, то для достиженія его надо было подкрѣпить наши предложенія силою, и наша армія стала готовиться открыть военныя дѣйствія въ 1809 году“ [1]).

Изъ изложеннаго видно, что, несмотря на огромное значеніе для Австріи вопроса, въ чьихъ рукахъ будутъ находиться княжества, — у Александра I являлась мысль о присоединеніи ихъ къ Россіи. Это присоединеніе не было бы встрѣчено румынскимъ населеніемъ съ радостью. Можно было ожидать, напротивъ того, что слабая турецкая власть, предоставлявшая мѣстнымъ господарямъ и населенію большія права по самоуправленію, не только верхамъ, но и массѣ населенія, была бы предпочтена поглощенію Молдавіи и Валахіи Россіею. Новыя области, вдавшись клиномъ между Австріею и Турціею, имѣли бы тѣ же невыгоды въ военномъ отношеніи, какъ и Польша, вдавшаяся въ материкъ Европы между Австріею и Пруссіею. Румынское населеніе Бессарабіи, присоединенной 100—120 лѣтъ тому назадъ, живетъ и до сихъ поръ обособленно отъ русскаго населенія. Несомнѣнно, что, если бы въ началѣ XIX столѣтія княжества были присоединены къ Россіи, населеніе ихъ осталось бы не только чуждымъ, но стало бы враждебнымъ русскому племени, и вмѣсто одной Польши мы имѣли бы къ ослабленію Россіи двѣ Польши.

Въ началѣ XIX столѣтія значительная часть румынскаго населенія уже была подчинена Австріи. Въ будущемъ, путемъ ли мирнаго соглашенія или послѣ войны, но надо ожидать, что и румынская народность объединится. Родственность румынъ Молдавіи и Валахіи съ румынами Австріи всегда создавала, какъ изложено выше, особый интересъ въ Австріи къ судьбѣ княжествъ. Но и независимо этого, территорія княжествъ, охватывая юго-восточную часть границы Австріи, при присоединеніи ея къ Россіи, создала бы постоянную угрозу Австріи въ военномъ отношеніи со стороны Россіи не только съ во-

---

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. IV, стр. 256—257.

стока, но и съ юга. По этимъ причинамъ предположенное въ началѣ XIX столѣтія присоединеніе къ Россіи Молдавіи и Валахіи, не усиливъ, а ослабивъ Россію, въ то же время немпуемо поставило бы ее въ открыто-враждебныя отношенія къ Австріи.

Опираясь на Францію, императоръ Александръ I стремился нарушить интересы Австріи не только въ княжествахъ, но и въ Сербіи.

Послѣ Тильзитскаго мира особо-полномочное лицо императора Александра I — маркизъ Паулучи заключилъ, помимо Австріи, съ сербскими вождями особый письменный договоръ, по которому *сербы признавали покровительство Россіи.* Въ крѣпости Сербіи должны были вступить русскіе гарнизоны. Русскому государю предоставлялось право назначать въ Сербіи военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ.

Такой договоръ, дававшій Россіи ненужное ей право руководить внутренними дѣлами Сербіи, составилъ новое вмѣшательство Россіи въ дѣла Сербіи и въ результатѣ увеличилъ раздраженіе противъ насъ Австріи.

Какъ указано въ XXIV главѣ, Австрія тайно противилась нашему вліянію въ Сербіи и въ этихъ видахъ привлекла на свою сторону, обѣщаніемъ княжеской короны, вождя сербовъ Кара-Георгія.

Но Александръ I, по обязательствамъ Тильзитскаго мира, независимо нарушенія интересовъ Австріи въ княжествахъ и въ Сербіи, долженъ былъ, какъ союзникъ Наполеона, выставить въ 1809 году противъ Австріи на западной ея границѣ войска. Хотя войска наши и уклонились отъ вооруженнаго вмѣшательства въ дѣла Австріи, но послѣ побѣды французовъ подъ Эслангеромъ и занятія Вѣны, по заключенному миру, Россія получила отъ Австріи Тарнопольскій округъ.

Наши замыслы по расширенію нашихъ владѣній и вліянія на Балканскомъ полуостровѣ тревожили не одну Австрію, но и Англію, которая, въ видахъ противодѣйствія Россіи, сблизилась съ Портою. Поэтому, когда русское правительство предложило Турціи мирныя условія, въ числѣ которыхъ значилась и независимость Сербіи, Турція, надѣясь на поддержку Англіи, отвѣтила отказомъ.

Тогда императоръ Александръ I призналъ, что настало благопріятное время для нанесенія Турціи рѣшительнаго удара. Войска Австріи были отвлечены войною съ Франціею, а по соглашенію съ Наполеономъ руки Россіи на ближнемъ востокѣ были развязаны.

10 марта 1809 года Турціи былъ посланъ ультиматумъ о принятіи предложенныхъ мирныхъ условій и отказѣ отъ союза съ Англіею. Порта снова отвѣтила отказомъ; военныя дѣйствія, прекратившіяся въ 1807 году, снова возобновились.

Въ мартѣ 1809 года русская армія, въ составѣ 124 бат., 95 эск., 124 ор., 27 казачьихъ полковъ, общею силою до 80,000 чел., была расположена разбросанно въ княжествахъ, отъ Краіовы до Бендеръ и Хотина. Командовалъ нашими войсками князь Прозоровскій. За-

дачею ему было поставлено нанесеніе сильнаго и рѣшительнаго удара туркамъ, съ тѣмъ, чтобы, покончивъ съ турками, государь могъ распорядиться нашею дунайскою арміею, смотря по обстоятельствамъ.

Силы турокъ, общимъ числомъ тоже до 80,000 чел., были распредѣлены частью гарнизонами въ крѣпостяхъ по Дунаю, частью (40,000) собраны у Шумлы.

Рѣшительныя дѣйствія противъ турокъ начались, но первоначально они были неудачны.

22 марта корпусъ Милорадовича, силою 22 бат., 15 эск., атаковалъ турокъ у Журжи, былъ отбитъ и отступилъ съ потерею 700 чел.

Гораздо болѣе серьезная неудача насъ ожидала подъ Брайловымъ. Для овладѣнія этою крѣпостью былъ направленъ корпусъ войскъ подъ начальствомъ Кутузова. Крѣпость Брайловъ была обложена, батареи построены и приступили къ осадѣ.

Главнокомандующій, получивъ извѣстіе, что комендантъ готовится сдать крѣпость, приказалъ, не дожидаясь подготовки штурма осадною артиллеріею, произвести штурмъ въ ночь на 19 апрѣля. Для штурма было назначено 8,000 человѣкъ, раздѣленныхъ на три колонны. Движеніе колоннъ не было регулировано. Одна изъ колоннъ опередила другія, спустилась въ ровъ, открыла пальбу, дала время туркамъ занять валъ и встрѣтить штурмовавшихъ убійственнымъ огнемъ. Вторая и третья колонны тоже достигли рва, спустились въ него, но овладѣтьваломъ не могли. Наши войска, разстрѣливаемыя турками, оставались во рву до утра, когда Прозоровскій отдалъ приказаніе отступать.

Изъ 8,000 чел. штурмовавшихъ мы потеряли 2229 убитыми и 2,550 ранеными [1]).

Послѣ этой неудачи войска остались подъ Брайловымъ, начавъ правильную осаду этой крѣпости.

Императоръ Александръ I требовалъ наступленія, но Прозоровскій, въ виду усилившейся болѣзненности въ войскахъ и подавленнаго лично у него состоянія духа, не признавалъ наступленіе возможнымъ, опасаясь между прочимъ движенія на наши сообщенія австрійской арміи. Три мѣсяца—май, іюнь и іюль—войска оставались въ бездѣйствіи. Въ августѣ князь Прозоровскій скончался, и на его мѣсто былъ назначенъ князь Багратіонъ.

Несмотря на несомнѣнную энергію новаго главнокомандующаго, съ тѣми силами, которыя находились въ его распоряженіи на всемъ театрѣ войны, онъ не могъ успѣшно развить наступательныя дѣйствія. Всего на всемъ театрѣ войны находилось 32,000 пѣхоты, 22,000 конницы и 7,000 чел. артиллеристовъ.

---

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. IV, стр. 273.

Планъ Багратіона состоялъ въ томъ, чтобы переправиться на правый берегъ Дуная, принудить къ сдачѣ крѣпости Измаилъ и Браиловъ и затѣмъ главныя силы двинуть къ Силистріи. Такимъ образомъ опять наступленіе нашихъ войскъ сводилось къ дѣйствіямъ противъ крѣпостей на Дунаѣ.

Турки въ свою очередь готовились вторгнуться въ княжества, силами до 60,000 чел., освободить Браиловъ и Измаилъ отъ осады и овладѣть Бухарестомъ. Движеніе турокъ изъ Журжи окончилось неудачно. Русскія войска дважды разбили турокъ и вынудили ихъ къ отступленію. Измаилъ сдался. Тогда Багратіонъ, собравъ что только было возможно, двинулся къ Силистріи и обложилъ ее. Эти собранныя Багратіономъ съ трудомъ силы составляли 31 бат., 45 эск. и 12 каз. полковъ съ 59 ор. и раздѣлены были на три корпуса; въ этихъ трехъ корпусахъ имѣлось налицо всего 9,500 чел. пѣхоты и 9,000 конницы.

Тѣмъ не менѣе, наши войска переправились на правый берегъ Дуная и приступили къ осадѣ Силистріи. Гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ 11,000 чел. Скоро однако положеніе русскихъ войскъ очень затруднилось. На выручку Силистріи изъ Рущука выступилъ великій визирь съ арміею въ 30,000 человѣкъ. Когда турки по пути изъ Рущука приблизились къ Силистріи на разстояніе одного перехода, они заняли сильную позицію у д. Татарицы и быстро укрѣпили ее. Гарнизонъ Силистріи сдѣлалъ энергичную вылазку. Наши войска, имѣя въ тылу рѣку, находились между двухъ огней. Багратіонъ рѣшается атаковать войска визиря до сосредоточенія всѣхъ выступившихъ изъ Рущука 30,000. Для атаки позиціи у Татарицы было назначено 10,000 чел., но пѣхоты изъ нихъ было всего 4,500 чел. Войска 10 октября, послѣ 10-ти часового боя, овладѣли передовыми укрѣпленіями турокъ, но кн. Багратіонъ не рѣшился атаковать главную позицію турокъ, отступилъ и въ результатѣ этой неудачи снялъ осаду Силистріи и отступилъ къ Черноводамъ.

Кампанія 1809 года окончилась лишь овладѣніемъ нѣсколькими укрѣпленными пунктами на нижнемъ Дунаѣ.

Князь Багратіонъ, объясняя причины неуспѣха своихъ дѣйствій, доносилъ императору: „Главный мой непріятель не турки, но здѣшній климатъ: болѣзнь до такой степени свирѣпствуетъ, что въ нѣкоторыхъ батальонахъ имѣется налицо здоровыхъ не болѣе 80 чел.“ [1]).

Александръ I смѣняетъ Багратіона и назначаетъ главнокомандующимъ генерала Каменскаго 2-го, только что успѣшно окончившаго войну въ Финляндіи. 32-лѣтній вождь, пользуясь усиленіемъ командуемой имъ арміи до 137 бат., 115 эск., 27 каз. полковъ, при 140 мелкихъ судахъ на Дунаѣ, рѣшается перейти къ энергичному наступленію.

---

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. IV, стр. 279—280.

Назначивъ отряды войскъ для осады Рущука и Силистріи и для охраны Валахіи, Каменскій съ 50,000 чел. разсчитывалъ наступать къ Шумлѣ.

Въ маѣ мѣсяцѣ, въ районѣ Черноводы—Кюстенджи, уже были сосредоточены главныя силы арміи, силою до 62,000 чел. 22 мая наши войска, силою около 20,000 чел., атаковали турокъ у Базарджика. Городъ былъ усиленъ укрѣпленіями и защищался однимъ изъ лучшихъ турецкихъ пашей—Пеглеванъ-пашею съ корпусомъ въ 10,000 человѣкъ. Послѣ упорнаго боя турки были разбиты наголову. Городъ, 2,000 плѣнныхъ съ Пеглеванъ-пашею и 17 орудій достались въ наши руки. Потеря турокъ только убитыми доходила до 3,000 чел. Наши войска потеряли убитыми и ранеными 830 чел.

Этотъ удачный штурмъ приподнялъ настроеніе войскъ, нѣсколько угнетенное предшествовавшими неудачами. 30 мая, послѣ короткой осады, сдалась Силистрія.

Наши главныя силы продолжали движеніе къ Шумлѣ. Гарнизонъ этой важной для турокъ крѣпости состоялъ изъ 40,000 войскъ.

Каменскій, несмотря на многочисленность гарнизона, рѣшился овладѣть Шумлою штурмомъ, для чего были назначены войска силою до 30,000 человѣкъ.

Ранѣе штурма крѣпостныхъ укрѣпленій предстояло овладѣть нѣсколькими командующими надъ крѣпостью высотами, въ особенности высотою на пути къ Разграду.

11 іюня съ 6 час. утра началось наступленіе войскъ. Дѣйствія нашихъ войскъ не были хорошо согласованы, и бой 11 іюня ограничился только овладѣніемъ нами, послѣ упорнаго боя, Разградскою высотою. Отъ продолженія штурма Каменскій отказался, и было приступлено къ блокадѣ Шумлы.

По прибытіи осадныхъ орудій была сдѣлана попытка заложить осадныя батареи, но вслѣдствіе вылазки турокъ, хотя и отбитой, Каменскій приказалъ срыть батареи и отказался отъ осадныхъ работъ, а затѣмъ 6 іюля отвелъ войска отъ Шумлы, съ цѣлью ранѣе покончить съ Рущукомъ; одновременныя дѣйствія противъ двухъ сильныхъ турецкихъ крѣпостей признавались непосильными для нашей арміи.

Подъ Рущукомъ наши дѣла шли недостаточно успѣшно. Командовавшій осаднымъ корпусомъ Засъ сдѣлалъ попытку овладѣть 6 іюля крѣпостью штурмомъ, но былъ отбитъ. Прибывъ къ Рущуку, Каменскій рѣшилъ повторить штурмъ, назначивъ для этой цѣли 17,300 чел. пѣхоты и 2,600 конницы, раздѣленныхъ на 6 колоннъ. Главная атака должна была вестись со стороны силистрійской дороги.

Историкъ войны описываетъ этотъ штурмъ слѣдующимъ образомъ:

„Въ три часа пополуночи 22 іюля всѣ колонны были на мѣстахъ, въ 60 саженяхъ отъ главнаго вала, а черезъ полчаса колонны двину-

лись. Турки, какъ и всегда, предупрежденные о штурмѣ, въ ночь углубили ровъ, рѣшивъ допустить наши войска спуститься въ него и только тогда встрѣтить огнемъ. Безъ сопротивленія они позволили занять ровъ и частью подняться на валъ, какъ перешли въ наступленіе изъ множества галлерей, выходившихъ въ ровъ; охотники же, взлѣзшіе уже на валъ, были опрокинуты штыками. Множество солдатъ, столпившихся во рву, наполнили его своими трупами; тѣ части, которыя не успѣли спуститься въ него, залегли на контръ-эскарпѣ, не будучи въ состояніи перейти ровъ по трупамъ своихъ товарищей: всѣ начальники колоннъ и почти всѣ офицеры были убиты или ранены. Тогда главнокомандующій въ 8 час. утра прекратилъ штурмъ и приказалъ войскамъ отступать. Наши потери: убитыми 78 офицеровъ и болѣе 3,000 нижнихъ чиновъ, ранеными 258 офицеровъ и болѣе 5,000 нижнихъ чиновъ“ [1]).

Эта неудача отразилась подъемомъ духа турокъ. Получивъ извѣстіе объ отбитіи штурма Рущука, визирь вывелъ турецкую армію изъ Шумлы и атаковалъ съ 30,000 чел. наблюдательный корпусъ Каменскаго 1-го. Хотя атака была отбита, но, въ виду относительной слабости нашихъ силъ, Каменскій 1-й былъ притянутъ къ Рущуку. Турки начали готовиться къ освобожденію отъ осады Рущука и съ начала августа стали сосредоточиваться близъ р. Янтры на позиціи у Батина, которую быстро обратили въ укрѣпленный лагерь, расположенный на Дунаѣ въ 40 верстахъ выше Рущука. Въ 20 числахъ августа турки собрали у Батина до 40,000 войскъ.

Каменскій оказался въ томъ же положеніи подъ Рущукомъ, въ какомъ былъ Багратіонъ подъ Силистріей. Но Каменскій вышелъ изъ затруднительнаго положенія блестящею побѣдою подъ Батиномъ.

25 августа русскія войска (13,700 пѣхоты и 7,000 конницы), раздѣленныя на 5 колоннъ, атаковали укрѣпленную позицію турокъ. Искусныя, согласныя и храбрыя дѣйствія нашихъ войскъ окончились полнымъ пораженіемъ турокъ. Всѣ укрѣпленія были взяты, турецкая армія разбита и понесла большія потери. Мы потеряли всего до 1,500 чел. убитыми и ранеными.

Преслѣдуя турокъ, наши войска двинулись въ глубь страны и 29 августа овладѣли Тырновомъ. 15 сентября сдались Рущукъ и Журжа. Никополь сдался 15 октября. Въ октябрѣ были заняты Плевна, Ловча и Сельви.

„Съ такимъ широкимъ основаніемъ (базою) по Дунаю и съ укрѣпленной Ловчей, ключомъ къ горнымъ проходамъ Балкановъ, создавалось отличное положеніе для наступательной войны и для перенесенія театра дѣйствій за Балканы; но главнокомандующій не рѣшился ни на зимнюю кампанію, ни даже на зимовку въ Болгаріи. Оставивъ

---

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. IV, стр. 285—286.

гарнизоны въ Силистріи, Рущукѣ и Никополѣ, русскія войска ушли на зимнія квартиры въ Молдавію и Валахію“ [1]).

Заключеніе мира, вслѣдствіе неожиданнаго отступленія Каменскаго за Дунай, замедлилось. Результатъ отлично веденной кампаніи получился незначительный, а между тѣмъ уже въ январѣ 1811 года императоръ Александръ I, въ виду ожидавшейся войны съ Франціею, приказалъ отказаться отъ наступательныхъ дѣйствій въ 1811 году и перейти къ оборонѣ лѣваго берега Дуная.

Попытка заключить съ турками миръ окончилась неудачно. Александръ I предлагалъ въ основаніе мирныхъ переговоровъ положить установленіе *границы по Дунаю*. Турки настаивали на прежней границѣ по Днѣстру.

Каменскій 2-й тяжко заболѣлъ, вынужденъ былъ уѣхать изъ арміи и скончался 34 лѣтъ отъ роду. Потеря эта, въ виду надвигавшейся войны съ Наполеономъ, для нашей арміи была большая. Въ командованіе арміею, уменьшенною до 4-хъ дивизій силою въ 46,000 чел., вступилъ ген. Голенищевъ-Кутузовъ.

При трудныхъ условіяхъ Кутузовъ выполнилъ съ успѣхомъ возложенную на него задачу.

19 іюня 1811 года визирь, съ арміею въ 60,000 чел. при 78 орудіяхъ, атаковалъ наши войска въ окрестностяхъ Рущука, силою всего въ 15,000 человѣкъ, и былъ отбитъ съ большими потерями.

Кутузовъ не только не преслѣдовалъ, но отступилъ на лѣвый берегъ Дуная, срывъ укрѣпленія Рущука.

Занявъ Рущукъ, великій визирь рѣшилъ переправиться на лѣвый берегъ Дуная противъ Рущука и сильно укрѣпился у сел. Слободзея. Онъ не переходилъ въ наступленіе, дожидаясь подкрѣпленія въ 20,000 чел. Кутузову искусными дѣйствіями нашихъ войскъ удалось лишить армію визиря подвоза запасовъ и блокировать ее. 25 ноября, потерявъ $^2/_3$ состава своихъ войскъ умершими отъ тяжкой нужды, армія визиря, силою въ 12,000 чел., сдалась Кутузову. Между воюющими сторонами было заключено перемиріе и приступлено къ переговорамъ о мирѣ. 8 мая 1812 года уполномоченные подписали условія Бухарестскаго мира, по которому границею Россіи была признана р. Прутъ и далѣе лѣвый берегъ Дуная до его устья [2]).

Россія получила также право пользоваться черноморскимъ побережьемъ на Кавказѣ.

8-ю статьею этого мирнаго договора турки обязывались, хотя въ очень неопредѣленныхъ выраженіяхъ, дать Сербіи независимое управленіе, но сербскія крѣпости должны были оставаться въ турецкихъ рукахъ.

---

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. IV, стр. 290.

[2]) Т. Юзефовичъ „Договоры Россіи съ Востокомъ“, стр. 54—55, изд. 1869 г.

Пользуясь войною Россіи съ Франціею, турки не только не выполнили этого условія, но двинули въ Сербію свои войска и быстро смирили ее.

Долгая война 1806 — 1812 годовъ не дала Россіи ожидавшихся императоромъ Александромъ I выгодъ: присоединеніе къ Россіи Молдавіи и Валахіи не было достигнуто, а положеніе Сербіи не было обезпечено. Въ военномъ отношеніи эта война, кромѣ нѣсколькихъ выдающихся подвиговъ нашихъ войскъ, какъ побѣды при Базарджикѣ, Батинѣ и Слободзеѣ, представляетъ мало поучительнаго. Армія наша была малочисленна и, главное, *все время въ огромномъ некомплектѣ.*

Въ теченіе пяти лѣтъ войны смѣнилось пять главнокомандующихъ.

Нѣсколько штурмовъ укрѣпленныхъ пунктовъ окончились полною неудачею. При дѣйствіяхъ въ полѣ наши войска имѣли попрежнему большое преимущество передъ турками.

Нашимъ успѣхамъ въ войну съ турками способствовали внутреннія безпорядки въ Турціи. Такъ, въ 1807 году взбунтовались янычары и султанъ Селимъ III былъ смѣненъ, а на его мѣсто избранъ Мустафа.

Христіанское населеніе районовъ, гдѣ велась война, активнаго участія въ борьбѣ не принимало.

Дѣйствуя въ Болгаріи, занимая Тырновъ, Плевну, Ловчу, Систово, наши войска не предчувствовали, что черезъ 66 лѣтъ ихъ внуки и правнуки будутъ бороться за овладѣніе этими же пунктами и что освобожденіе болгаръ будетъ поставлено цѣлью войны.

Въ политическомъ отношеніи война 1806 — 1812 годовъ, въ виду вмѣшательства нашего въ дѣла Сербіи и намѣренія овладѣть княжествами, вызвала въ европейскихъ державахъ подозрительность къ нашимъ планамъ на ближнемъ востокѣ, которая сохранилась и до настоящаго времени.

Война съ Турціею въ 1828 — 1829 годахъ [1]).

„Греція, покоренная турками, управлялась мусульманскими чиновниками и была занята мусульманскими гарнизонами. Со временъ среднихъ вѣковъ греки уже не составляли отдѣльнаго государства; единственною связью между греками служило только православіе и греческій языкъ; эти два условія, въ связи съ воспоминаніями о древней Греціи, способствовали возрожденію эллинскаго народа. Всѣ христіане, говорившіе по-гречески, не только сами эллины, но и эллинизированные албанцы и славяне, чувствовали себя членами одного и того же народа — народа съ славнымъ прошлымъ, для котораго возможно свѣтлое будущее.

[1]) Схема № 20.

„Возрожденіе эллинскаго народа начало проявляться уже въ концѣ XVIII вѣка. При султанѣ Селимѣ, благосклонно относившемся къ своимъ христіанскимъ подданнымъ, греки размножились и преуспѣвали въ богатствѣ и цивилизаціи. У нихъ создались нѣкоторыя промышленности; они воспользовались войной между европейскими державами, чтобы создать флотъ подъ турецкимъ флагомъ, остававшимся нейтральнымъ; почти весь вывозъ русскаго хлѣба изъ Одессы и большая часть европейской торговли въ Левантѣ находились въ ихъ рукахъ; искусные, смѣлые моряки, дѣлающіе переходы быстро и недорого берущіе за провозъ, они быстро развили свой флотъ и въ 1816 году имѣли 600 судовъ и 17,000 матросовъ. Колоніи греческихъ купцовъ образовались въ Одессѣ, Тріестѣ, Ливорно, Марсели и даже въ Лондонѣ и Ливерпулѣ“ [1]).

Греки были разсѣяны по всей оттоманской имперіи, но собственно въ Греціи и Ѳессаліи образовалось довольно многочисленное и однородное греческое населеніе.

Нѣкоторые изъ греческихъ острововъ пользовались почти полною независимостью: хотя они и платили дань туркамъ, но имѣли свою вооруженную силу, которая могла дать кадры для возстанія.

Нѣсколько обществъ въ Греціи и за границею съ начала XIX вѣка дѣятельно пробуждали въ грекахъ національную идею. Графъ Каподистрія, статсъ-секретарь императора Александра I, былъ ревностнымъ греческимъ патріотомъ, вліявшимъ на возбужденіе сочувствія къ грекамъ среди правящихъ сферъ въ Россіи.

Возстаніе въ Греціи подготовлялось заблаговременно. Предполагалось одновременно вызвать возстаніе въ Молдавіи, Эпирѣ и Греціи.

Попытка ген.-маіора русской службы грека Ипсиланти, со сборнымъ отрядомъ изъ грековъ, арнаутовъ и русскихъ, поднять возстаніе въ Молдавіи окончилась полною неудачею. Валахи не примкнули къ возставшимъ, и послѣдніе были отброшены турками, въ 1821 году, въ Австрію. Россія не поддержала этого движенія, и Ипсиланти былъ исключенъ изъ русской службы. Между тѣмъ, эта затѣя горсти мечтателей имѣла важныя и печальныя послѣдствія:

„Извѣстіе о покушеніи Ипсиланти вызвало въ Константинополѣ страшную рѣзню безоружныхъ грековъ; патріархъ Григорій и два епископа были повѣшены въ церкви въ Свѣтлое Воскресеніе; тѣло патріарха было отдано жидамъ, которые таскали его по улицамъ Царьграда и бросили въ Босфоръ. По всей Турціи началась кровавая расправа съ христіанами; три митрополита — Эфесскій, Никомидійскій и Ахіольскій и восемь другихъ лицъ изъ высшаго греческаго духовенства тоже были преданы смертной казни.

„Въ Морѣ возстаніе пошло удачнѣе: черезъ три недѣли у ту-

---

[1]) Н. Епанчинъ „Очеркъ похода 1829 г. въ европейской Турціи“, т. I, стр. 17—18, изд. 1905 г.

рокъ остался одинъ только городъ Триполица; но Колокотрони осадилъ ихъ тамъ, и въ концѣ концовъ греки вырѣзали всѣхъ турокъ (1821 г.). Возстаніе быстро распространилось въ южной Греціи и на островахъ, и греки упорно сражались съ турками въ этихъ областяхъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ; они разбили цѣлую турецкую армію въ Морећ (1823 г.) и истребили турецкій флотъ (1824 г.).

„Войну они вели преимущественно партизанскую, на сушѣ при помощи засадъ, а на морѣ — брандерами.

„Съ самаго начала возстанія борьба велась съ большимъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ; это была война племенъ и религій, въ которой пощады не было никому, — съ обѣихъ сторонъ рѣзали плѣнныхъ, не исключая женщинъ и дѣтей. Борьба была полна драматическими эпизодами, которые были воспѣты поэтами и получили громкую извѣстность во всей Европѣ. Это было время гнета во всѣхъ европейскихъ странахъ; газеты, принужденныя молчать о дѣлахъ внутренней политики, были переполнены разсказами о подвигахъ греческихъ героевъ.

„Съ своей стороны и турки приняли энергичныя мѣры для подавленія возстанія. Въ Эпирѣ, Ѳессаліи и на Критѣ оно было совершенно подавлено въ теченіе 1823 — 1824 гг. послѣ жестокой рѣзни. Успѣху возстанія много помѣшало и междоусобіе, возникшее среди грековъ. Наконецъ, въ 1825 г. двѣ мусульманскія арміи наводнили Грецію. Одна изъ нихъ, наступая съ сѣвера, осадила Миссолунги, другая—армія Ибрагима, прибыла изъ Египта и заняла Морею. Ибрагимъ рѣшилъ поголовно вырѣзать все мужское населеніе въ Греціи, а осада Миссолунги кончилась приступомъ и рѣзней, знаменитой въ исторіи (1826 г.). Въ іюлѣ 1827 г., послѣ взятія Акрополя турками, у возставшихъ оставалось всего нѣсколько укрѣпленій; не было у нихъ ни боевыхъ припасовъ, ни хлѣба, ни денегъ.

„Долгое время греки вели борьбу противъ турокъ безъ посторонняго содѣйствія, но, наконецъ, европейскія державы рѣшили вмѣшаться въ это дѣло. Державы, заинтересованныя въ этомъ дѣлѣ, были Россія, Англія, Франція и Австрія. Пруссія была заинтересована только какъ участница вѣнскаго конгресса“ [1]).

Заключенный, послѣ долгой войны съ турками въ 1806—1812 гг., Бухарестскій мирный договоръ представлялъ источникъ будущихъ осложненій съ турками. Неопредѣленность статей договора относительно устройства судьбы Сербіи и княжествъ Молдавіи и Валахіи дала туркамъ поводъ, воспользовавшись тяжелымъ положеніемъ Россіи въ 1812 году и отвлеченіемъ ея военныхъ силъ въ 1813 — 1814 гг. для дѣйствій внутри Европы, нарушить этотъ договоръ. Сербія была разгромлена турецкими войсками, Молдавія и Валахія обременены

---

[1]) Н. Епанчинъ „Очеркъ похода 1829 г. въ европейской Турціи“, т. I, стр. 20—21, изд. 1905 г.

налогами, закубанскіе горцы, подстрекаемые турками, стали нападать на русскіе предѣлы. Торговыя преимущества, выговоренныя Россіею по трактатамъ съ Турціею, стали нарушаться ею.

Поводовъ къ новой войнѣ было достаточно, но императоръ Александръ I, утомленный почти непрерывными войнами, веденными въ его царствованіе, не хотѣлъ разрыва съ Турціею.

Въ результатѣ войны съ Наполеономъ финансы Россіи были въ плачевномъ состояніи. Армія нуждалась въ отдыхѣ и возобновленіи почти всей матеріальной части.

Что касается поддержки грековъ, то таковая была противна основнымъ принципамъ священнаго союза, по которымъ греческое возстаніе составляло бунтъ подданныхъ противъ своего законнаго государя-султана.

Все вліяніе грека Каподистріи, получившаго право непосредственнаго доклада государю по дѣламъ ближняго востока, не могло поколебать рѣшимости государя поддерживать миръ. Каподистрія былъ удаленъ отъ дѣлъ, но, тѣмъ не менѣе, уже въ 1824 году русское правительство предложило великимъ державамъ собрать конференцію по восточному вопросу и обсудить предложеніе Россіи объ образованіи въ Греціи трехъ автономныхъ княжествъ. Конференція успѣха не имѣла.

„Греки единодушно протестовали противъ русскихъ предложеній и препроводили свой протестъ въ Лондонъ, прося покровительства Англіи противъ навязываемыхъ имъ *„мнимыхъ благодѣяній“*. Въ протестѣ этомъ было сказано, что *„дѣло свободы, независимости и политическаго существованія* Греціи ставится подъ безграничное покровительство Великобританіи“ [1]).

Англія согласилась принять на себя эту роль. Являлся отличный случай помочь грекамъ, не расходуя русскихъ силъ и средствъ, сберегая ихъ для удовлетворенія нуждъ русскаго племени. Но опасеніе, что Англія пріобрѣтетъ на ближнемъ востокѣ слишкомъ большое вліяніе, въ ущербъ вліянію Россіи, повело къ тому, что въ послѣдній годъ царствованія Александра I уже состоялось соглашеніе дѣйствовать въ греческомъ вопросѣ въ союзѣ съ Англіею.

Англія въ 1824 году признала Грецію независимымъ государствомъ и воюющею стороной.

Со вступленіемъ на престолъ императора Николая I, отношеніе нашего правительства къ восточному вопросу рѣзко измѣнилось.

Въ особой нотѣ къ державамъ государь подтвердилъ свою готовность слѣдовать политикѣ Александра I „по отношенію къ Священному союзу, *но считая себя совершенно самостоятельнымъ во всѣхъ дѣлахъ востока, непосредственно касавшихся Россіи.* Въ числѣ такихъ вопросовъ

---

[1]) Н. Епанчинъ „Очеркъ похода 1829 г. въ европейской Турціи“, томъ I, стр. 33, изд. 1905 г.

императоръ Николай I считалъ и вопросъ о нашихъ отношеніяхъ къ Турціи по поводу неисполненія ею условій Бухарестскаго трактата“ [1]).

Поэтому, къ сожалѣнію, противно указаніямъ исторіи и противно русскимъ интересамъ, императоръ Николай I признавалъ и вопросы о Сербіи и княжествахъ тоже вопросами, непосредственно касающимися только Россіи. Безъ соглашенія съ Австріею, въ 1826 году въ Константинополь былъ отправленъ ультиматумъ, въ которомъ русское правительство предъявляло въ довольно рѣзкой формѣ три требованія: 1) чтобы въ княжествахъ возстановленъ былъ status quo 1812 года, какъ въ военномъ, такъ и въ гражданскомъ управленіи; 2) чтобы немедленно были освобождены депутаты Сербіи, которые съ 1820 г. были удерживаемы въ Константинополѣ заложниками за спокойствіе этой страны, и 3) чтобы прибыли турецкіе уполномоченные къ русской границѣ для переговоровъ о всѣхъ вопросахъ, постановленныхъ въ трактатѣ, заключенномъ въ Бухарестѣ въ 1812 году.

„Россія требовала отвѣта въ опредѣленный срокъ и предписала своему довѣренному—Минчіаки покинуть Константинополь, въ случаѣ неполученія его во-время“ [2]).

Почти одновременно, въ 1826 году, Англія, Франція и Россія особымъ трактатомъ признали автономію Греціи.

Въ августѣ 1826 года открылись переговоры съ турками въ Аккерманѣ; турки согласились подтвердить всѣ статьи Бухарестскаго договора и уступили Россіи острова въ устьи Дуная въ 30,76 кв. миль [3]).

Турція уступила, но сдѣлала это только съ цѣлью выиграть время.

Наше новое вмѣшательство въ дѣла Сербіи встрѣчено было въ Австріи враждебно.

Вскорѣ по вступленіи императора Николая I на престолъ въ Петербургъ прибылъ герцогъ Веллингтонъ съ намѣреніемъ убѣдить Петербургскій кабинетъ предоставить Англіи прекращеніе распри между Грецією и Портою. Англія не отказывалась при этомъ отъ помощи Россіи, но желала, чтобы Россія согласовалась въ своихъ дѣйствіяхъ съ Англіею и, въ случаѣ неудачи переговоровъ, не объявляла туркамъ войны. Это предложеніе встрѣтило холодный пріемъ со стороны императора Николая I, который отвѣтилъ, что будетъ заботиться о разрѣшеніи своихъ собственныхъ несогласій съ Портою и что греческое возстаніе будетъ занимать при этомъ совершенно второстепенную роль [4]). Въ дѣйствительности вышло не такъ.

[1]) И. Епанчинъ „Очеркъ похода 1829 г. въ европейской Турціи“, томъ I, стр. 40, изд. 1905 г.

[2]) Тамъ же, стр. 41.

[3]) И. Стрѣльбицкій, стр. 8.

[4]) Н. Епанчинъ, стр. 41.

„Результатомъ переговоровъ съ герцогомъ Веллингтономъ былъ петербургскій протоколъ 23 марта (4 апрѣля) 1826 года, подписанный Нессельроде, Веллингтономъ и нарочно прибывшимъ изъ Лондона нашимъ посланникомъ княземъ Ливеномъ. Основанія этого протокола заключались въ слѣдующемъ: „Греція будетъ въ вассальной зависимости отъ Порты, подъ управленіемъ властей, выбранныхъ самими греками и утвержденныхъ султаномъ. Греція должна была платить Турціи ежегодную дань, и турки, жившіе въ Греціи, должны были продать свое имущество и выѣхать оттуда".

„Этотъ актъ служилъ доказательствомъ отреченія Россіи отъ политики Меттерниха. Узнавъ о намѣреніяхъ Россіи, Меттернихъ былъ пораженъ и кричалъ о разложеніи Священнаго союза, о защитѣ мятежа и возстанія; по его настоянію, отъ участія въ протоколѣ отказалась Пруссія.

„Но императоръ Николай I иначе понималъ свои обязанности по отношенію къ Европѣ. „Россія, — говорилъ государь, — готова строго блюсти общіе интересы Европы, но она обязана имѣть въ виду и охранять и свои собственныя выгоды. Державы всегда найдутъ Меня расположеннымъ рѣшать вмѣстѣ съ ними европейскіе вопросы, но Я никогда не допущу ихъ вмѣшательства въ вопросъ чисто-русскій" [1]).

По словамъ историка Н. Епанчина выходитъ, что императоръ Николай I и греческій вопросъ считалъ чисто-русскимъ. Грекамъ начали оказывать и матеріальную помощь: Каподистріи, при безденежьи Россіи, на поддержаніе грековъ было отослано полтора милліона рублей, посылался порохъ, боевые и съѣстные припасы.

Между тѣмъ флоты трехъ державъ — Англіи, Франціи и Россіи, подъ начальствомъ англійскаго адмирала Кодрингтона, прибыли къ берегамъ Мореи, съ цѣлью принудить воюющихъ заключить перемиріе, и потребовали, чтобы турецкій флотъ удалился. Флоты сошлись въ Наваринской бухтѣ, и послѣ выстрѣла, сдѣланнаго съ египетскаго судна, союзный флотъ, 8 октября 1827 года, уничтожилъ турецко-египетскій флотъ.

Эта побѣда была полною неожиданностью и различными державами принята различно.

Историкъ войны 1828—1829 годовъ Н. Епанчинъ пишетъ:

„Рѣдкое событіе производило въ Европѣ такое сильное и вмѣстѣ съ тѣмъ такое различное впечатлѣніе, какъ Наваринская битва. Императоръ Францъ называлъ Кодрингтона и его сподвижниковъ не иначе, какъ убійцами, и жалѣлъ, что не могъ послать 100,000 войска для усмиренія Мореи; Меттернихъ выражалъ увѣренность, что событіе это послужитъ началомъ общаго замѣшательства и хаоса. Англійское

---

[1]) Н. Епанчинъ „Очеркъ похода 1829 г. въ европейской Турціи", т. I, стр. 43, изд. 1905 г.

правительство отказало въ наградахъ эскадрѣ Кодрингтона и даже думало предать его военному суду; партія „тори“ громко заявляла, что истребленіе турецкаго флота оставляетъ Турцію совершенно беззащитною въ рукахъ Россіи, а въ рѣчи, произнесенной королемъ при открытіи палаты, Наваринская битва названа „горестнымъ событіемъ“. Но во Франціи и Россіи отношеніе къ Наваринской побѣдѣ было другое; общественное мнѣніе во Франціи было въ восторгѣ отъ этой побѣды, а въ тронной рѣчи объ ней было сказано, какъ о событіи, „которое покрыло славою французское оружіе и служитъ блестящимъ залогомъ согласія между тремя державами“. Въ Россіи извѣстіе о Наваринской побѣдѣ было принято съ удовольствіемъ, и императоръ Николай I наградилъ всѣхъ трехъ адмираловъ. Но и въ Россіи были недовольные этой побѣдой; такъ, цесаревичъ Константинъ Павловичъ и всѣ сторонники Меттерниховской политики считали это событіе крайне вреднымъ, ибо вообще смотрѣли на помощь грекамъ какъ на возбужденіе революціонныхъ началъ“ [1]).

Но официально Нессельроде выражалъ сожалѣніе объ этой побѣдѣ.

Союзники не оставили надежды понудить Турцію къ принятію ихъ условій безъ войны, но турецкое правительство, естественно, въ разгромѣ своего флота и притомъ безъ объявленія войны увидѣло начало войны и притомъ соединенное съ коварствомъ.

8 декабря 1827 года султанъ издалъ хатти-шерифъ (воззваніе) къ турецкому народу, призывая къ войнѣ съ Россіею—„вѣчнымъ неукротимымъ врагомъ мусульманства, замышляющимъ разрушить оттоманскую имперію“. За этимъ воззваніемъ послѣдовали разныя притѣснительныя распоряженія, вредившія нашей торговлѣ на Черномъ морѣ, и нанесены были оскорбленія достоинству русскаго флага.

Русскій государь только 14 апрѣля 1828 года объявилъ туркамъ войну, при чемъ „причинами войны были объявлены исключительно несоблюденіе условій Бухарестскаго трактата и ласпльственныя и оскорбительныя дѣйствія Порты по отношенію къ намъ. О притѣсненіи христіанъ и объ освобожденіи ихъ изъ-подъ турецкаго ига въ этомъ манифестѣ не было сказано ни слова“ [2]).

Относительно цѣли этой войны Н. Епанчинъ даетъ слѣдующее весьма цѣнное указаніе, изъ письма Нессельроде къ Каподистріи отъ 21 марта 1828 года:

„Поддержка, оказанная нами грекамъ, вытекала какъ изъ желанія поддержать единовѣрный намъ народъ, такъ и изъ желанія оттянуть часть морскихъ и сухопутныхъ силъ Турціи къ югу, дабы облегчить дѣйствія нашей арміи, наступавшей съ сѣвера.

---

[1]) Н. Епанчинъ „Очеркъ похода 1829 г. въ европейской Турціи“, т. I, стр. 55—56, изд. 1905 г.

[2]) Тамъ же, стр. 56—57.

„Что касается до судьбы остальныхъ христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова, то наше правительство рѣшило отнюдь не допускать ихъ до возстанія противъ султана и отказалось отъ содѣйствія, которое эти народы могли оказать намъ, привлекая на себя часть турецкихъ силъ. Сдѣлано это было потому, что *цѣль войны вовсе не заключалась въ освобожденіи всѣхъ христіанскихъ подданныхъ султана и вовсе не въ томъ, чтобы добиться распаденія оттоманской имперіи.* Цѣль была гораздо скромнѣе и заключалась въ слѣдующемъ: „мы начнемъ эту войну съ готовымъ трактатомъ“, — писалъ Нессельроде Каподистріи, — „который возобновитъ и дополнитъ привилегіи придунайскихъ княжествъ и Сербіи, уничтожитъ турецкія крѣпости на лѣвомъ берегу Дуная, дастъ положительныя гарантіи свободной навигаціи Чернаго моря, дастъ намъ Анапу и Поти въ Азіи, не увеличивая нашихъ территоріальныхъ владѣній въ Европѣ, и назначитъ вознагражденія за убытки, понесенные нашими поддаными, и издержки войны“.

„Затѣмъ, согласно лондонскаго протокола, мы должны были добиться и освобожденія Греціи“ [1]).

И ради такихъ маловажныхъ для русскаго племени интересовъ мы втягивались въ войну съ Турціею, вооруживъ въ то же время противъ себя другія европейскія державы, особенно Австрію. Въ сущности война имѣла цѣлью вмѣшательство въ дѣла сербскаго и румынскаго населенія, подчиненнаго въ то время Турціи, и притомъ вмѣшательство безъ соглашенія съ заинтересованною въ этомъ вопросѣ стороною — Австріею.

Англія открыто выразила свое неудовольствіе по поводу объявленія войны Россіею Турціи и справедливо указывала, что ранѣе принятія такого шага слѣдовало посовѣтоваться съ союзниками.

„Отношенія Австріи къ намъ были настолько враждебны, что мы считали вполнѣ вѣроятнымъ вступленіе австрійскихъ войскъ въ княжества“.

Очевидно, эта враждебность возникла не по поводу нашего желанія пріобрѣсти на черноморскомъ побережьи Поти или Анапу, а изъ-за нашего вмѣшательства въ дѣла Сербіи и княжествъ безъ соглашенія съ Австріею. Прибавимъ, что еще до объявленія войны было приступлено къ формированію арміи противъ Австріи.

Получилось донесеніе и о томъ, что Пруссія тоже готовитъ армію къ войнѣ, что вынудило задержать предназначенныя для движенія въ дѣйствующую армію войска въ царствѣ польскомъ.

Такимъ образомъ, цѣли войны ставились весьма незначительныя, а между тѣмъ возбужденіе въ Европѣ было вызвано большое, ибо никто не вѣрилъ, что мы собираемся воевать изъ-за Поти, а подозрѣвали, что дѣло идетъ о разрушеніи турецкой имперіи и наслѣдо-

[1]) Н. Епанчинъ „Очеркъ похода 1829 г. въ европейской Турціи“, т. I, стр. 50 – 51, изд. 1905 г.

ваніи тѣхъ частей ея, которыя въ Европѣ признавались особенно важными.

Это возбужденіе противъ Россіи другихъ державъ выражалось между тѣмъ самымъ реальнымъ и самымъ невыгоднымъ для Россіи образомъ: мы обязывались охранять свои западныя границы противъ Австріи и даже Пруссіи и готовиться къ разрыву съ Англіею. Въ результатѣ силы для войны съ Турціею, какъ и въ 1806 году, были назначены недостаточныя.

Мы начинали въ XIX столѣтіи вторую войну съ Турціею съ недостаточными силами и при отсутствіи выгодной политической подготовки войны. Но все же положеніе наше въ 1828 году было лучше, чѣмъ въ 1806 — 1812 гг., когда мы одновременно съ войною съ турками воевали то съ Франціею, то со Швеціею.

Состояніе русской арміи въ 1828 году.

Численность нашей арміи достигла въ 1828 году 895,000 чел. штатнаго состава. Но такъ какъ въ теченіе 4-хъ послѣднихъ до войны 1828 г. лѣтъ армія не пополнялась, а теряла ежегодно до $^1/_{10}$ части своего состава, то общій некомплектъ въ нашей арміи составлялъ до 40% штатнаго состава [1]).

Армія, назначенная для войны съ Турціею, имѣла численность до 70,000 — 75,000 человѣкъ (96 бат., 88 эскадроновъ, 8 казачьихъ полковъ, 33 арт. роты, 5 сап. бат.) [2]).

Армія эта постепенно усиливалась и въ теченіе войны была подкрѣплена еще двумя корпусами. Начальствовалъ арміею кн. Витгенштейнъ.

Для дѣйствій на кавказскомъ театрѣ, подъ начальствомъ Паскевича, было назначено 14,000 человѣкъ.

„Тактическая подготовка русскихъ войскъ страдала нѣкоторыми важными недостатками: въ эпоху, слѣдовавшую за окончаніемъ войнъ съ Наполеономъ, у насъ явилось увлеченіе стройностью маневрированія большихъ массъ и на первое мѣсто выдвинулись требованія смотровыя въ ущербъ боевой подготовкѣ. Пѣхота щеголяла стройностью движеній и перестроеній въ сомкнутомъ строю, но дѣйствіямъ на пересѣченной мѣстности и разсыпному строю она почти не обучалась, хотя цѣлая треть ея носила названіе егерскихъ полковъ. Обученіе стрѣльбѣ также находилось въ пренебреженіи, и въ этомъ искусствѣ турки оказались гораздо сильнѣе нашей пѣхоты. Конница имѣла видныхъ и рослыхъ лошадей и была способна къ сильнымъ сомкнутымъ атакамъ, но ея лошади требовали обильнаго корма и

[1]) Этотъ расчетъ сдѣланъ въ трудѣ Мольтке и принятъ въ описаніи войны 1828—1829 годовъ и въ „Обзорѣ войнъ“.

[2]) „Обзоръ войнъ“, ч. IV, стр. 308.

хорошаго ухода и не были способны вынести продолжительныхъ лишеній и трудовъ походной жизни. Недостатокъ фуража повелъ къ тому, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ войны конница потеряла большую часть лошадей, а остальныя были такъ изнурены, что были неспособны нести службу. Артиллерія отличалась большею подвижностью и вообще была въ отличномъ состояніи“ [1]).

Конница развѣдывательной и сторожевой службѣ не обучалась: эти виды полевой службы возлагались на казаковъ [2]).

Разсыпному строю наша пѣхота обучалась только на ровной мѣстности, съ равненіемъ и движеніемъ въ ногу [3]).

„Духъ войскъ былъ превосходенъ; непоколебимая стойкость въ бою, беззавѣтная храбрость и геройская способность переносить величайшія лишенія и опасности, не падая духомъ, давали право разсчитывать, что побѣда будетъ на нашей сторонѣ“ [4]).

Н. Епанчинъ для характеристики требованій, предъявлявшихся войскамъ наканунѣ войны, приводитъ въ своемъ трудѣ „Очеркъ похода 1829 года“, слѣдующую замѣтку Паскевича, впослѣдствіи фельдмаршала, командовавшаго тогда дивизіею:

„Послѣ 1815 г. фельдмаршалъ Барклай-де-Толли, который зналъ войну, подчиняясь требованіямъ Аракчеева, сталъ требовать красоту фронта, доходящую до акробатства, преслѣдовалъ старыхъ солдатъ и офицеровъ, которые къ сему способны не были, забывъ, что они еще недавно оказывали чудеса храбрости, спасли и возвеличили Россію. Много генераловъ поддались этимъ требованіямъ; такъ, напримѣръ, генералъ Ротъ, командующій 3-й дивизіей, который въ одинъ годъ разогналъ всѣхъ бывшихъ на войнѣ офицеровъ, и наши георгіевскіе кресты пошли въ отставку и очутились винными приставами. Армія не выиграла отъ того, что, потерявъ офицеровъ, осталась съ одними экзерцирмейстерами. Это экзерцирмейстерство мы перепяли у Фридриха II; хотѣли видѣть въ томъ секретъ его побѣдъ; не понимая его генія, принимали наружное за существенное. Фридрихъ былъ радъ, что принимаютъ то, что лишнее, и, какъ всегда случается, перенимая еще больше портятъ. У насъ экзерцирмейстерство приняла въ свои руки бездарность, а какъ она въ большинствѣ, то изъ нея стали выходить сильные въ государствѣ, и послѣ того никакая война не въ состояніи придать ума въ обученіи войскъ. Что сказать намъ, генераламъ дивизій, когда фельдмаршалъ свою высокую фигуру нагибаетъ до земли, чтобы ровнять носки гренадеръ. И какую потомъ глупость нельзя ожидать отъ армейскаго маіора? Фридрихъ II этого не дѣлалъ. Но кто же зналъ и помышлялъ, что Фридрихъ дѣлалъ?

---

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. IV, стр. 309.
[2]) Тамъ же, стр. 309.
[3]) К. Марченко, стр. 17.
[4]) „Обзоръ войнъ“, ч. IV, стр. 309.

А Барклай-де-Толли былъ у всѣхъ тутъ на глазахъ. Въ годъ времени войну забыли, какъ будто ея никогда и не было, и военныя качества замѣнились экзерцирмейстерской ловкостью“ [1]).

Корпусный командиръ Сабанѣевъ писалъ генералу Киселеву:

„Учебный шагъ, хорошая стойка, быстрый взоръ, скобка противъ рта, параллельность шеренгъ, неподвижность плечъ и всѣ тому подобные, ничтожные для истинной цѣли, предметы столько всѣхъ заняли и озаботили, что пѣтъ минуты заняться полезнѣйшимъ. Одинъ учебный шагъ и переправка амуниціи задушили всѣхъ отъ начальника до нижняго чина“ [2]).

Всѣ указанныя увлеченія какъ бы освящались мнѣніемъ: „такъ желаетъ государь“.

Вліяніе трусливаго въ бою Аракчеева уничтожило полезные результаты огромнаго боевого опыта, вынесеннаго нашими войсками, начиная съ вѣка Екатерины. Расплата за увлеченія церемоніальнымъ маршемъ и ружейными пріемами началась въ войну 1828 — 1829 годовъ, но относительно легкая побѣда заглушила опасенія серьезныхъ военныхъ людей и привела нашу армію къ пораженіямъ въ 1853 — 1855 годахъ.

Нашъ черноморскій флотъ безусловно господствовалъ на морѣ, имѣя 29 судовъ съ 1680 орудіями въ Черномъ морѣ [3]) и, кромѣ того, въ Архипелагѣ мы имѣли эскадру изъ 8 кораблей, 7 фрегатовъ и 9 прочихъ судовъ. Турки послѣ Наварина для защиты Константинополя имѣли всего 3 линейныхъ корабля и 4 фрегата.

Турецкая армія находилась въ разстройствѣ, вслѣдствіе истребленія султаномъ Махмудомъ въ 1826 г. возставшихъ янычаръ.

Регулярная армія только съ 1826 года начала формироваться по европейскимъ образцамъ, но къ 1828 году приняла только внѣшній видъ.

Силы турокъ на европейскомъ театрѣ составляли 140,000 чел., на азіатскомъ 40,000 чел. Отъ флота послѣ Наваринскаго погрома уцѣлѣло, какъ указано выше, лишь нѣсколько судовъ.

Турки признали невозможнымъ защищать Молдавію и Валахію, отвели войска за Дунай, собравъ мѣстные запасы для обезпеченія крѣпостей.

Наши дѣйствія въ первый годъ войны были въ общемъ неудачны. Мы опять задались дѣйствіями противъ крѣпостей, а не противъ арміи. Во вторую кампанію 1829 года, послѣ удачнаго полевого боя у Кулевчи, быстрый переходъ къ Адріанополю и занятіе этого пункта дали Россіи почетный миръ.

Относительно значенія похода 1828—1829 гг. въ военномъ отношеніи Н. Епанчинъ пишетъ:

---

[1]) Н. Епанчинъ „Очеркъ похода 1829 г.“ т. I, стр. 68--69, изд. 1905 г.

[2]) Тамъ же, стр. 80—81.

[3]) Въ томъ числѣ 16 линейныхъ кораблей, 6 фрегатовъ и 7 корветовъ,

„Въ военномъ же отношеніи изслѣдованіе этого похода, по многимъ причинамъ, еще болѣе поучительно. Послѣ наполеоновскихъ войнъ это было первое большое военное предпріятіе, въ которомъ участвовала наша армія; послѣ продолжительнаго мира, армія наша вновь выступила въ походъ и теперь ей предстояла борьба не съ первокласснымъ военнымъ геніемъ, не съ европейскими генералами и войсками, а съ наскоро сформированной турецкой арміей и съ нестройными толпами ея иррегулярныхъ полчищъ. Наша армія явилась на театръ войны, гордая своимъ славнымъ историческимъ прошлымъ, своими боевыми блистательными преданіями, своими побѣдами надъ турками подъ начальствомъ Суворова, Румянцева... А между тѣмъ эту армію ожидалъ цѣлый рядъ тяжелыхъ испытаній, и тѣ самыя войска, которыя незадолго до того побѣдоносно пронесли свои знамена отъ Москвы до Парижа, несмотря на всѣ свои усилія, не достигли почти никакого результата въ теченіе кампаніи 1828 года. Если принять въ соображеніе огромныя жертвы, принесенныя нами въ теченіе этой кампаніи, и малые результаты, нами достигнутые, то нельзя не согласиться съ Мольтке, который говоритъ, что *„трудно сказать, кто ее выигралъ или потерялъ, русскіе или турки“*.

„За этой первой, неудачной, кампаніей послѣдовала вторая. Походъ 1829 года рѣзко отличается отъ похода предыдущаго года: онъ продолжался всего только четыре мѣсяца, наша армія *впервые совершаетъ переходъ черезъ Балканы*, занимаетъ Адріанополь и появляется подъ Константинополемъ“ [1]).

Дѣйствія нашихъ войскъ въ 1828 году.

Планъ войны, составленный Дибичемъ и присланный Витгенштейну для выполненія, заключался въ томъ, что изъ трехъ корпусовъ, входившихъ въ составъ арміи, два корпуса—3-й и 7-й—назначались для овладѣнія Брайловымъ, Исакчею и крѣпостями въ Добруджѣ; третій же корпусъ (6-й) назначался для занятія Валахіи и наблюденія за крѣпостями Видденомъ и Рущукомъ. По исполненіи этой первой задачи, всѣ три корпуса, съ прибывшими подкрѣпленіями, должны были наступать къ Шумлѣ и Варнѣ и далѣе къ малымъ Балканамъ.

Господство нашего флота позволяло выбирать операціонное направленіе въ ближайшей къ морю полосѣ, съ цѣлью пользоваться подвозомъ запасовъ моремъ.

Самостоятельныхъ операцій на флотъ возложено не было (кромѣ небольшого десанта у Анапы). Между тѣмъ турки, опасаясь повидимому высадки русскихъ войскъ близъ Константинополя, держали почти до конца лѣта большую часть войскъ къ югу отъ Балканъ.

---

[1]) Н. Епанчинъ „Очеркъ похода 1829 г.“, т. I, стр. 3, изд. 1905 г.

Къ сожалѣнію, не было сдѣлано попытки широко воспользоваться нашими морскими силами для десанта на Босфорѣ. Эта попытка могла имѣть полный успѣхъ, и тогда, удержавшись на Босфорѣ, но не налагая русскую руку ни на Константинополь, ни на Дарданеллы, мы еще 80 лѣтъ тому назадъ рѣшили бы восточный вопросъ въ русскихъ интересахъ и, вѣроятно, избѣжали бы войнъ 1853—1855 и 1877—1878 годовъ.

Въ началѣ апрѣля 1828 года войска наши перешли границу и безъ сопротивленія заняли Молдавію и Валахію. 7-й корпусъ обложилъ Браиловъ, а 3-й приготовился форспровать переправу у м. Сатуново. 27 мая къ войскамъ прибылъ государь, и въ тотъ же день, при незначительномъ сопротивленіи турокъ, ихъ позиція на противоположномъ берегу была взята. 20 орудій и лагерь достались русскимъ войскамъ съ потерею всего 112 чел. убитыми и ранеными.

Безпечность турокъ была такъ велика, что два егерскихъ полка были перевезены черезъ Дунай и высажены на правомъ флангѣ турецкой позиціи *незамѣтно* для турокъ [1]).

Когда затѣмъ наши „главныя силы“ сдѣлали попытку начать наступательныя дѣйствія за Дунаемъ и выдѣлили отряды для наблюденія за оставляемыми въ тылу крѣпостями Мачинымъ, Тульчею, Гирсовомъ и Кюстенджи, то въ этихъ главныхъ силахъ осталось лишь четыре бригады пѣхоты съ нѣсколькими эскадронами, всего 12,000—15,000 человѣкъ. Потребовали изъ Россіи еще 2-й армейскій корпусъ, но онъ могъ прибыть только въ сентябрѣ. Въ то же время 60,000 чел. были заняты осадою крѣпостей. Сдѣлано было распоряженіе возможно ускорить ходъ осадныхъ работъ подъ Браиловымъ. Крѣпость эта считалась одною изъ сильнѣйшихъ и защищалась гарнизономъ въ 10,000 человѣкъ и 278 орудій.

30 апрѣля начато обложеніе крѣпости. 26 мая устроено вѣнчаніе гласиса. Къ 3 іюня были заложены двѣ мины и для штурма ихъ назначены три колонны, каждая изъ бригады пѣхоты. Взрывъ одной изъ минъ произошелъ преждевременно, при чемъ была завалена вторая мина. Всѣ три колонны штурмовали по одной брешн, но овладѣть и утвердиться на валу войска не могли. Столпленіе войскъ было огромное. Турки защищались отчаянно.

Потерявъ надежду на успѣхъ штурма, начальствовавшій осадою великій князь Михаилъ Павловичъ приказалъ войскамъ отступить въ траншеи. Потери наши были серьезны: 92 офицера и 2,655 чел. нижнихъ чиновъ убыло изъ строя убитыми и ранеными.

Знаменитый Мольтке такъ описываетъ этотъ штурмъ, доказывающій храбрость нашихъ войскъ и полную нераспорядительность начальственнаго персонала:

„Согласно диспозиціи, войска тотчасъ двинулись на приступъ

---

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. IV, стр. 314.

безъ всякой предварительной рекогносцировки. Пороховой дымъ и земля, поднятая на воздухъ, совершенно скрыли эскарпъ отъ взоровъ атакующаго. Тѣмъ не менѣе, двѣ штурмовыя колонны, имѣя во главѣ своей 120 охотниковъ, бросились въ ровъ по спускамъ, образовавшимся въ контръ-эскарпѣ, противъ бастіоновъ берегового и № II. Обѣ колонны были предводительствуемы генералами и офицерами. Мы прослѣдимъ сначала за дѣйствіями правой колонны, которая спустилась въ ровъ близъ Дуная.

„Тщетно шедшіе впереди этой колонны охотники искали брешь въ эскарпѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она была имъ указана; тщетно они старались подняться на брустверъ въ мѣстахъ расположенія амбразуръ, по совершенно нетронутому эскарпу. Турки встрѣчали ихъ длинными копьями и мѣткимъ ружейнымъ огнемъ, направленнымъ изъ-за амбразуръ и съ гребня бруствера. Тѣмъ не менѣе, русскіе не отказались отъ приступа и продолжали бороться съ такимъ отчаяннымъ упорствомъ, что изъ этихъ охотниковъ остался въ живыхъ только одинъ унтеръ-офицеръ, сброшенный въ Дунай и спасшійся вплавь.

„Когда была утрачена всякая надежда подняться въ этомъ мѣстѣ на брустверъ, штурмующіе повернули по рву влѣво, разсчитывая ворваться въ крѣпость по обвалу въ бастіонѣ № II. Конечно, было бы цѣлесообразнѣе повернуть вправо, гдѣ оказалось бы возможнымъ обойти прирѣчный къ Дунаю бастіонъ, который тщетно старались взять приступомъ, и ворваться, со стороны рѣки, въ слабо оборонную горжу крѣпости, черезъ крутую, но тѣмъ не менѣе доступную эскаладѣ, отлогость. Независимо отъ этого, подобная атака представила бы еще выгоду раздѣленія турецкихъ силъ и захвата ихъ въ тылъ. Но, къ сожалѣнію, атакующій былъ слишкомъ мало знакомъ съ мѣстными обстоятельствами, чтобы считать возможнымъ избраніе этого пути для приступа.

„Между тѣмъ, дѣйствія лѣвой штурмующей колонны сопровождались небольшимъ успѣхомъ, такъ какъ хотя горнъ противъ бастіона № II произвелъ въ главной оградѣ дѣйствительно удобовосходимую брешь, но зато рыхлость земли въ образовавшейся воронкѣ сильно затрудняла штурмующія войска; вмѣстѣ съ тѣмъ, штурмующая колонна послѣдовала слишкомъ быстро вслѣдъ за высланными впередъ охотниками и небольшимъ числомъ рабочихъ, вслѣдствіе чего произошло еще весьма пагубное чрезмѣрное скопленіе и безпорядокъ на затруднительномъ для движенія разрыхленномъ груптѣ.

„Вниманіе турокъ было, вѣроятно, возбуждено нѣсколько преждевременнымъ взрывомъ одного горна и легко обнаруженнымъ днемъ движеніемъ войскъ, вызваннымъ приготовленіями къ приступу. Атакующій встрѣтилъ поэтому на бреши упорное сопротивленіе.

„Брайловскій гарнизонъ держалъ себя безукоризненно во время приступа.

„Выше было уже упомянуто, что въ то время, когда лѣвая штурмующая колонна поддерживала еще при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ борьбу съ турками, правая колонна также направилась къ этой узкой бреши. Вслѣдствіе этого, скопленіе людей передъ обваломъ еще болѣе увеличилось, и такъ какъ турки поставили еще нѣсколько легкихъ орудій на правомъ флангѣ прилѣчнаго № I бастіона и продолжали дѣйствовать по рву сильнымъ ружейнымъ огнемъ и бросать каменья, ручныя гранаты и обрубки деревъ, то вскорѣ обнаружилось, что штурмъ не можетъ увѣнчаться успѣхомъ. Войска не могли двинуться впередъ и не хотѣли отступать, заслуживая полнѣйшей похвалы за обнаруженную ими храбрость. Генералы и офицеры отличались не менѣе солдатъ.

„Наконецъ, когда уже почти всѣ войска, за исключеніемъ резервовъ, были въ дѣлѣ, великій князь Михаилъ Павловичъ приказалъ отступать“ [1]).

Но счастіе не оставило русскихъ: малодушный комендантъ Браилова Салиманъ-паша, опасаясь нашихъ минныхъ работъ и повторенія штурма, сдалъ крѣпость. Въ руки русскихъ досталось до 300 орудій, 17,000 пудовъ пороха.

Гарнизонъ крѣпости былъ выпущенъ съ оружіемъ и имуществомъ. Салиманъ-паша по прибытіи въ Константинополь былъ казненъ.

Вслѣдъ за Браиловымъ почти безъ сопротивленія сдались малыя крѣпости: Мачинъ, Гирсово, Кюстенджи и Тульча.

Съ паденіемъ крѣпостей освобождались войска 3-го и 7-го корпусовъ. Но, вслѣдствіе развившихся въ Добруджѣ болѣзней — лихорадки и дисентеріи, изъ состава всей арміи въ наступленіи къ малымъ Балканамъ могло участвовать лишь до 40,000 — 45,000 человѣкъ.

24 іюня главныя силы двинулись отъ Карасу на Базарджикъ. Далѣе, за оставленіемъ небольшихъ частей для обезпеченія сообщеній, могло принять участіе въ наступленіи 35,000 человѣкъ.

Впереди находилось два предмета для дѣйствій, указанныхъ планомъ войны,—крѣпости Варна и Шумла.

По полученнымъ свѣдѣніямъ, въ Шумлѣ было сосредоточено до 40,000 турокъ.

Силъ нашихъ для одновременныхъ дѣйствій противъ этихъ двухъ крѣпостей было недостаточно. Поэтому императоръ Николай I, находившійся при арміи, рѣшилъ двинуться первоначально для овладѣнія Шумлою, оставивъ противъ Варны только заслонъ. Сила этого заслона въ двухъ отрядахъ была опредѣлена въ 7,500 чел. Такимъ образомъ противъ Шумлы, сильно укрѣпленной и защищенной гарнизономъ въ 40,000 чел., было двинуто около 30,000 чел.

---

[1]) Мольтке „Русско-турецкая война 1828—1829 гг.“ (Военный Сборникъ 1876 г., № 12, стр. 111 — 112).

Русскія войска (48 бат., 36 эск., 280 орудій) двинулись къ Шумлѣ двумя путями и 8 іюля атаковали на р. Булаплыкъ 15,000 турокъ, заставивъ ихъ отступить въ Шумлу.

„Послѣ дѣла при Буланлыкѣ положеніе нашей арміи оказалось худшимъ, чѣмъ было до него. Поставленная цѣль — вызвать турокъ въ поле и затѣмъ разбить ихъ, не удалась. Овладѣть Шумлой штурмомъ, имѣя всего 30,000 чел., нельзя было разсчитывать, разъ обнаружилось, что въ ней находится до 40,000 лучшихъ турецкихъ войскъ: примѣръ Браилова былъ у всѣмъ въ памяти. Предпринять осаду, не имѣя осадной артиллеріи, тоже было нельзя; блокада Шумлы, по условіямъ мѣстности и слабости нашихъ силъ, была крайне затруднительна. Оставалось одно: отойдя отъ Шумлы, ограничиться наблюденіемъ за нею и приступить къ осадѣ Варны. Но осада Варны также требовала большого числа войскъ, котораго въ началѣ іюля не было, и содѣйствія флота и осадной артиллеріи, которыхъ пока тоже не имѣлось. Приходилось повременить осадою Варны, но и отступленіе отъ Шумлы, не принеся никакихъ стратегическихъ выгодъ, только выяснило бы туркамъ нашу слабость, что было невыгодно въ моральномъ отношеніи. Всѣ эти соображенія привели къ рѣшенію военнаго совѣта въ Енибазарѣ 7 іюля: главною арміею обложить Шумлу, а отдѣльными отрядами Рота и князя Меншикова — осадить Силистрію и Варну. Вся армія приковывалась къ тремъ крѣпостямъ и притомъ такъ, что подъ каждой изъ нихъ наши силы оказывались малочисленнѣе гарнизона ея, и потому нельзя было разсчитывать на быстрое овладѣніе которою-либо изъ нихъ. Вмѣстѣ съ этимъ не оставалось ни одной части для дѣйствій въ полѣ, для прикрытія осадъ“ [1]).

Блокада Шумлы не имѣла успѣха. Турки энергично нападали на наши растянутыя войска и въ нѣсколькихъ бояхъ имѣли успѣхъ; такъ, турки взяли 7 русскихъ орудій. Наши потери при нападеніи турокъ 14 августа составили 1,500 чел. Конница турокъ, выйдя изъ Шумлы, обрушилась на наши сообщенія. Лошади русской конницы были такъ изнурены, что не могли преслѣдовать турокъ [2]). Двѣ трети конницы потеряли лошадей. Болѣзненность въ войскахъ все увеличивалась.

Витгенштейнъ предполагалъ снять блокаду Шумлы и отступить къ Енибазару, по пути къ Варнѣ. Но въ концѣ августа къ Варнѣ прибыла русская гвардія, и рѣшено было главнымъ предметомъ для дѣйствій, вмѣсто Шумлы, поставить Варну. Блокада Шумлы была снята, часть войскъ 3-го и 7-го корпусовъ направлена къ Варнѣ, а остальныя оставались передъ Шумлою до паденія Варны.

Къ Варнѣ прибылъ нашъ флотъ, блокировавшій крѣпость съ моря, и въ концѣ іюля было приступлено къ блокадѣ и съ сухопутья: гарни-

---

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. IV, стр. 320—321.

[2]) Мольтке „Русско-турецкая война 1828—1829 гг.“ (Военный Сборникъ 1877 г. № 1, стр. 41).

зонъ крѣпости состоялъ изъ 15,000 чел. Въ нашемъ блокадномъ корпусѣ было всего 10,000 чел. Турки прорывали блокаду и подвозили въ крѣпость запасы. Осадныхъ орудій у насъ не было. Ихъ замѣнили орудія, снятыя съ судовъ. Къ концу августа прибыли, какъ указано выше, подкрѣпленія, и сила осаднаго корпуса возросла до 30,000 чел. при 118 пол. и 52 морскихъ орудіяхъ. Къ этому времени осадныя работы были доведены на 50 шаговъ разстоянія отъ крѣпостного рва.

Между тѣмъ и турки приняли мѣры къ выручкѣ Варны. Къ серединѣ сентября въ 10 верстахъ отъ Варны, на позиціи Куртъ-тепе, къ югу отъ крѣпости, утвердился и укрѣпился вспомогательный отрядъ турокъ въ 25,000 — 30,000 чел. при 16 орудіяхъ, подъ начальствомъ Омера-паши. Послѣ весьма поверхностной рекогносцировки, которою силы турокъ въ Куртъ-тепе были опредѣлены всего въ 8,000 чел., 11,000 русскихъ, подъ начальствомъ принца Виртембергскаго, раздѣленные на два отряда, удаленные одинъ отъ другого на 15 верстъ, 18 сентября атаковали турокъ. Передовой редутъ турокъ былъ взятъ, и войска пододвинулись къ главной позиціи турокъ, сильно защищенной мѣстностью и возведенными полевыми укрѣпленіями. Глубокій оврагъ отдѣлялъ наши войска отъ позиціи турокъ.

Принцъ Виртембергскій, желая обезпечить успѣхъ атаки артиллерійскою подготовкою, „поручилъ ген. Дурново съ Азовскимъ полкомъ и 2 ор. перейти оврагъ и занять на томъ берегу его, въ виду турецкаго лагеря, удобную для артиллеріи позицію, куда принцъ намѣревался затѣмъ перевести 30 ор. Азовскій полкъ стремительно атаковалъ турокъ за оврагомъ и безостановочно гналъ ихъ передъ собою по лѣсу, пока не вышелъ изъ него въ 500 — 600 ш. отъ турецкихъ укрѣпленій. Турки опомнились и огромными массами бросились на азовцевъ; командиръ полка, оба баталіонныхъ командира и самъ ген. Дурново были убиты, но храбрые азовцы держались въ этомъ неравномъ бою. Принцъ Виртембергскій послалъ ген. Симанскаго съ Днѣпровскимъ полкомъ и баталіономъ Украинскаго на выручку Азовскаго полка. Эти свѣжіе 3 баталіона, присоединивъ азовцевъ, стремительно атаковали турецкій лагерь и ворвались уже въ укрѣпленія, но, подавленные огромнымъ численнымъ превосходствомъ турокъ, были выбиты. Потерявъ болѣе половины людей, эти 5 баталіоновъ геройски удерживались у опушки лѣса передъ турецкими укрѣпленіями, отбивая всѣ атаки, пока не получили приказанія отступать. Принцъ Виртембергскій отошелъ къ Гассапъ-Лару. Потери наши простирались до 1,400 ч., изъ коихъ половина убитыхъ; самъ принцъ былъ раненъ. Услышавъ атаку принца Евгенія на ю.-з. часть турецкой позиціи, Бистромъ съ своей стороны двинулъ противъ ея с. оконечности два баталіона. Баталіоны эти три раза ходили въ атаку на турецкія укрѣпленія, доходили до рва ихъ, но не могли сломить упорства гораздо сильнѣйшаго непріятеля“ [1]).

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. IV, стр. 334 — 335.

Описаніе этого боя очень характерно для многихъ нашихъ наступательныхъ боевъ, какъ войны 1828 г., такъ и войнъ 1853—1855 и 1877—1878 годовъ. Дѣйствительно, можно вставить соотвѣтствующія собственныя имена, и приведенное описаніе подойдетъ къ описанію сраженій подъ Инкерманомъ, Черною рѣчкою, Плевною. Всюду малое знакомство съ силами и расположеніемъ противника, малое знакомство съ мѣстностью, всюду разрозненныя дѣйствія войскъ, безъ связи по фронту и въ глубину; малое или отсутствіе содѣйствія пѣхотѣ со стороны другихъ родовъ оружія; всюду отличная храбрость войскъ и неумѣлое распоряженіе ими.

Несмотря на неудачу атаки войскъ Омера-паши, осадныя работы подъ Варною продолжались, устраивались переходы черезъ рвы, пробивались бреши.

Турки производили частыя вылазки. На разсвѣтѣ 25 сентября русскими войсками была сдѣлана попытка овладѣть штурмомъ первымъ бастіономъ, но она окончилась неудачею. Тѣмъ не менѣе, комендантъ Капуданъ-паша началъ переговоры о сдачѣ крѣпости и сдалъ ее 29 сентября.

Въ трудѣ Мольтке есть указаніе, что Капуданъ-паша измѣнилъ своему государю и потому такъ легко сдалъ порученную его оборонѣ крѣпость.

Наши потери подъ Варною составили 6,000 чел. убитыми и ранеными. Взято 178 орудій и 6,000 плѣнныхъ. 4,000 турокъ отпущены безоружные и 800 чел. съ комендантомъ отпущены съ оружіемъ. Омеръ-паша, послѣ отраженія атаки русскихъ, не проявилъ никакой активности и послѣ сдачи Варны немедленно отступилъ. На Дунаѣ и въ Валахіи наши войска, подъ начальствомъ Гейслера, имѣли значительный успѣхъ у с. Боелешти въ окрестностяхъ кр. Виддина, но Силистріею овладѣть не удалось. Въ теченіе августа и сентября мѣсяцевъ войска потеряли до 35% своего списочнаго состава, преимущественно отъ болѣзней. Въ батальонахъ оставалось 200—300 человѣкъ; въ эскадронахъ 40—50 чел. Кромѣ лихорадокъ и дисентеріи появилась чума. Конница и обозы почти совсѣмъ лишились лошадей. Продолжать при этихъ условіяхъ послѣ паденія Варны наступательныя дѣйствія было признано невозможнымъ и было рѣшено поставить войска на зимнія квартиры.

Войска отъ Шумлы были отведены: 7-й корпусъ — къ Варнѣ, а 3-й — къ Силистріи.

7 октября до 8,000 турокъ атаковали арьергардъ 3-го корпуса, прикрывавшій обозъ. Пришлось обозъ сжечь, такъ какъ не могли вытащить его изъ грязи.

Кампанія 1828 г. окончилась.

Мольтке дѣлаетъ слѣдующую оцѣнку дѣйствій нашихъ войскъ:

„Кампанія была неудовлетворительно подготовлена, начата недостаточными средствами и открыта слишкомъ поздно; направленіе же,

данное главному корпусу, было такое, отъ котораго никогда нельзя ожидать благопріятнаго результата.

„Но всѣ эти ошибки исправлялись отличными качествами, свойственными русскимъ войскамъ. Самоотверженное повиновеніе начальниковъ, настойчивость солдатъ и бодрость духа при перенесеніи лишеній и непоколебимое мужество среди опасности — вотъ обстоятельства, отклонившія гибель, угрожавшую русскимъ подъ Шумлою и удержавшія предпріимчивость сераскира; они же побѣдили всѣ затрудненія и противодѣйствіе, встрѣченное подъ Варной, и повліяли въ такой степени на Омеръ-Вріоне, что онъ, несмотря на одержанную побѣду, неподвижно простоялъ, какъ ошеломленный, въ продолженіе десяти дней, между тѣмъ какъ Варна, этотъ оплотъ оттоманской имперіи, пала предъ его глазами. Начинанія полководцевъ должны подвергаться критическому разбору, при которомъ нельзя относиться къ нимъ всегда благопріятно; но поведеніе войскъ, начиная отъ послѣдняго солдата и кончая главными начальниками, какъ во время штурма Браилова, такъ при натискѣ подъ Куртъ-тепе и въ подступахъ и минахъ подъ Варной, выше всякой похвалы кабинетнаго пера“ [1]).

Со стороны Кавказа дѣйствія нашихъ войскъ увѣнчались блестящими успѣхами. Кавказскія войска только что закончили двухлѣтнюю персидскую войну и не были укомплектованы. Всѣ силы наши на Кавказѣ и противъ Персіи составляли 49,000 чел. при 148 орудіяхъ. Мѣстное населеніе волновалось. На границѣ происходили непрерывные набѣги курдовъ, лазовъ и др. Для поддержанія спокойствія внутри Кавказа было оставлено 20,000 чел.; для охраны границы расположено мелкими отрядами 15,000 чел. и для наступательныхъ противъ турокъ дѣйствій осталось 8,500 чел. пѣхоты, 3,500 чел. конницы и 70 орудій.

„Малочисленность отряда выкупалась его истинно-геройскимъ духомъ: это были войска, закаленныя въ бояхъ. Почти четверть столѣтія служба кавказскихъ войскъ была безпрерывнымъ рядомъ походовъ и вмѣстѣ рядомъ побѣдъ. Войска были пропитаны сознаніемъ своего превосходства надъ непріятелемъ и увѣрены въ своей непобѣдимости. Съ ними можно было отваживаться на предпріятія, которыя со всякими другими войсками были бы предпріятіями невозможными. Главнокомандующій на Кавказѣ, ген.-отъ-инфантеріи графъ Паскевичъ-Эриванскій, успѣлъ убѣдиться въ этомъ изъ только что оконченной имъ персидской войны и успѣлъ въ свою очередь пріобрѣсти довѣріе войскъ“ [2]).

Но и силы турокъ, которыя они могли противопоставить нашимъ войскамъ на кавказскомъ театрѣ, не были значительны. Собранная близъ Эрзерума „армія“ заключала въ себѣ лишь 15,000 чел. и въ

[1]) Мольтке „Русско-турецкая война 1828 — 1829 гг.“ (Воен. Сборникъ 1877 г. № 5, стр. 139).

[2]) „Обзоръ войнъ“, ч. IV, стр. 341.

томъ числѣ всего 6,000 чел. регулярныхъ войскъ. Гарнизоны крѣпостей были значительные; такъ, въ Карсѣ считалось 11,000 чел. Мѣстное населеніе, въ виду призыва султана къ священной войнѣ, готовилось помогать войскамъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Паскевичъ первый ударъ направилъ на Карсъ.

19 іюня 1828 года наши войска подошли къ Карсу. 23 іюля, по почину частныхъ начальниковъ, безъ указаній свыше, завязался бой за передовыя позиціи, который пошелъ такъ успѣшно, что Паскевичъ, развивая достигнутый частный успѣхъ, штурмовалъ Карсъ и овладѣлъ имъ съ потерею всего 14 офицеровъ и 400 нижнихъ чиновъ. Этотъ штурмъ представляетъ рѣзкую противоположность съ дѣйствіями войскъ на европейскомъ театрѣ при неудачномъ штурмѣ Браилова.

„Неожиданное покореніе сильной крѣпости, которую турки считали неприступной, было результатомъ геройскаго мужества войскъ и истаго личнаго почина ихъ начальниковъ, дѣйствовавшихъ въ духѣ взаимной помощи и выручки“ [1]).

Открывшаяся въ войскахъ чума задержала дѣйствія нашихъ войскъ на 20 дней. За это время къ туркамъ подошли значительныя подкрѣпленія, и, когда наши войска, силою до 12,000 чел., подошли къ Ахалцыху, онѣ встрѣтили нашу Кіосъ-Мегмета съ главною турецкою арміею въ 30,000 чел., преграждавшею путь къ крѣпости, а за нимъ наши войска должны были встрѣтить сильный гарнизонъ крѣпости въ 10,000 чел.

Тѣмъ не менѣе, на собранномъ военномъ совѣтѣ всѣ высказались за атаку турокъ. Силы турокъ состояли изъ 10,000 чел. храброй лазистанской пѣхоты и 20,000 иррегул. конницы при 18 орудіяхъ.

Послѣ тяжелаго боя 9 августа, длившагося почти цѣлый день, турецкія войска были обращены въ бѣгство.

Наши потери составили 32 офицера и 500 нижнихъ чиновъ.

Ахалцыхъ, богатый городъ съ населеніемъ въ 50,000 чел., ни разу еще не былъ взятъ непріятелемъ.

Укрѣпленія его состояли изъ палисада, образовавшаго ограду города, и двухъ ярусовъ каменныхъ стѣнъ самой крѣпости съ цитаделью.

Крѣпость защищали 70 орудій. Гарнизонъ состоялъ изъ 10,000 человѣкъ вооруженныхъ жителей и 5,000 турецкихъ войскъ Кіосапаши изъ числа разбитыхъ 9 августа. На взятой этого числа у турокъ высотѣ были возведены батареи на 42 орудія, а противъ другихъ участковъ дѣйствовали 15 орудій. Къ 14 августа осадныя работы находились въ 250 шагахъ отъ палисада и въ немъ были пробиты бреши. Въ ночь 16 августа Паскевичъ рѣшилъ взять Ахалцыхъ штурмомъ.

---

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. IV стр. 344.

Бой былъ упорный. Приходилось брать домъ за домомъ штурмомъ.

Историкъ войны 1828—1829 гг. подполковникъ Хабаловъ такъ описываетъ послѣдній періодъ боя:

„Наступила ночь. Вспыхнувшій въ городѣ пожаръ далъ мысль Паскевичу обратить его въ пашу пользу для вытѣсненія непріятеля. Приказано было распространять пожаръ, и скоро весь городъ былъ объятъ пламенемъ. Но и среди пожара отчаянное сопротивленіе ахалцыхцевъ не ослабѣвало: каждый домъ приходилось брать штурмомъ, каждый шагъ покупался потоками крови. Даже женщины съ кинжалами кидались на солдатъ или бросались въ огонь, не желая сдаваться. Въ ожесточенномъ ночномъ бою, среди пожара, въ тѣсныхъ переулкахъ и въ домахъ, общаго управленія боемъ быть не могло: онъ велся младшими начальниками и несокрушимымъ мужествомъ войскъ.

„Къ утру весь городъ, обращенный въ груду развалинъ, былъ въ нашихъ рукахъ. Кіосъ-паша съ 4,000 защитниковъ заперся въ крѣпости, къ которой со всѣхъ сторонъ была придвинута наша артиллерія и съ разстоянія 100—150 саж. стала громить послѣдній оплотъ турокъ. Кіосъ-паша вошелъ въ переговоры и сдался. Въ 8 час. утра 16 августа Ахалцыхъ перешелъ навсегда въ руки русскихъ.

„Ночной штурмъ Ахалцыха навсегда будетъ памятникомъ геройскаго мужества и доблести кавказскихъ войскъ и смѣлой рѣшимости ихъ полководца.

„Духъ взаимной выручки, сильно развитой въ боевыхъ кавказскихъ войскахъ, былъ во время штурма блистательно проявленъ: артиллерія отважно въѣзжала въ улицы, гдѣ кипѣлъ рукопашный бой, чтобы помочь пѣхотѣ; піоперы подъ градомъ пуль работали въ 20—30 ш. отъ сражающихся. Всѣ роды оружія, не ожидая приказаній, геройски жертвовали собою, чтобы только помочь товарищамъ“ [1]).

„Въ сентябрѣ выпавшій въ горахъ снѣгъ сдѣлалъ движеніе отрядовъ невозможнымъ, почему Паскевичъ, оставивъ въ завоеванныхъ областяхъ 8,500 чел. при 34 ор., отвелъ остальныя войска на зимнія квартиры и въ октябрѣ окончилъ кампанію.

„Походъ въ азіатской Турціи въ 1828 году имѣлъ результатомъ покореніе трехъ пограничныхъ пашалыковъ—Карскаго, Ахалцыхскаго и Баязетскаго съ 9 крѣпостями. Этимъ наши закавказскія области были обезпечены отъ всякой опасности и подготовленъ прочный базисъ для дальнѣйшихъ наступательныхъ операцій въ Анатоліи и Арменіи. Всѣ эти успѣхи были пріобрѣтены малыми отрядами, въ общей сложности не превышавшими 18,000 человѣкъ [2]).

---

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. IV, стр. 350—351.

[2]) Тамъ же, стр. 352.

Дѣйствія нашихъ войскъ въ 1829 году.

(Схемы №№ 20 и 21).

Цѣлью дѣйствій нашихъ войскъ на европейскомъ театрѣ въ кампанію 1829 года было поставлено овладѣніе малыми Балканами и движеніе къ Константинополю.

Всю зиму войска укомплектовывались и собирались запасы въ крѣпостяхъ, на которыя войска при движеніи впередъ должны были базироваться.

Въ командованіи войсками произошла перемѣна. Вмѣсто Витгенштейна главнокомандующимъ войсками былъ назначенъ Дибичъ.

Пребываніе государя императора Николая I при арміи имѣло полезную сторону, такъ какъ воодушевляло войска на подвиги, но государь не вступалъ лично въ командованіе войсками, хотя неоднократно подвергался большой опасности, а заправлялъ ходомъ военныхъ дѣлъ начальникъ штаба главной квартиры Дибичъ, умаляя этимъ значеніе главнокомандующаго Витгенштейна. Правильнѣе признать, что въ кампаніи 1829 года распоряжались войсками трое лицъ: государь императоръ, Витгенштейнъ и Дибичъ. Великій князь Константинъ Павловичъ тоже причинялъ немало хлопотъ Витгенштейну. Послѣ объединенія власти въ рукахъ Дибича можно было разсчитывать, что дѣла пойдутъ лучше.

Турки съ своей стороны надѣялись собрать армію въ 60,000 чел., чтобы перейти противъ русскихъ въ наступленіе, какъ для выручки Варны, такъ и въ тылъ нашихъ войскъ — въ Валахію.

Первою заботою Дибича было овладѣніе Силистріею.

5 мая осадный корпусъ подошелъ къ Силистріи.

Съ прибывшими подкрѣпленіями сила осаднаго корпуса была доведена до 21,000 чел. (38 бат., 20 эск., 88 ор., 5 каз. полковъ). 14 мая была заложена первая параллель. 8 іюня головы сапъ достигли гребня гласиса и было приступлено къ устройству спуска въ ровъ. 14 іюня весь ровъ былъ въ нашей власти. Къ 18 іюня было продѣлано 5 брешей въ крѣпостной оградѣ, и комендантъ крѣпости, не выждавъ штурма, сдалъ Силистрію. Осаждавшія войска освободились и были двинуты къ Шумлѣ.

Турки въ апрѣлѣ и маѣ предприняли два наступленія на разбросанныя между Шумлою и Варною русскія войска 6-го и 7-го корпусовъ, но не имѣли успѣха. Командовавшій нашими войсками генер. Ротъ отступилъ и успѣлъ сосредоточить къ Козлуджѣ 24 бат. и 36 эск.

Великій визирь съ 40,000 чел. двинулся противъ Козлуджи, но, не рѣшившись атаковать войска Рота, направился къ Праводамъ. Гр. Дибичъ, узнавъ о переходѣ турокъ въ наступленіе, двинулся отъ Дуная съ подкрѣпленіями изъ 2-го и 3-го корпусовъ и, узнавъ о положеніи верховнаго визиря у Праводъ, рѣшился занять позицію между

Праводами и Шумлою, чтобы отрѣзать путь отступленія визирю къ Шумлѣ, и сосредоточилъ свои войска у селеній Мадере и Кулевча.

Великій визирь Решидъ съ 40,000 чел. и 56 орудіями двинулся на встрѣчу нашимъ войскамъ, преградившимъ ему путь къ Шумлѣ. Сила русскихъ войскъ доходила до 28,000 чел. Въ тылу въ 6—7 верстахъ находилась Шумла съ 12,000—15,000 турецкимъ гарнизономъ.

Позиція, занятая нашими войсками, была въ тактическомъ отношеніи неудовлетворительна.

Турки, пододвинувшись на разстояніе полуперехода къ с. Кулевча, остановились на позиціи у сел. Чирковна. Мѣстность скрывала ихъ силы и расположеніе. У гр. Дибича составилось убѣжденіе, что силы турокъ не превышаютъ 5,000 чел. До 11 часовъ, 30 мая обѣ стороны находились въ ожиданіи. Русскія войска ожидали атаки турокъ, турки — нашей.

Для выясненія силъ непріятеля Дибичъ рѣшилъ произвести усиленную рекогносцировку и для сего приказалъ отряду ген. Отрощенко, силою въ 5 бат., 10 ор., 3 эск., атаковать турокъ, занявшихъ высоты къ востоку отъ д. Чирковна, и сбить ихъ съ этой позиціи.

3,000 чел. русскихъ войскъ направлялись безъ близкой поддержки для рѣшительной атаки 40,000 турокъ. Такъ началось сраженіе у Кулевчи, окончившееся полною побѣдою русскихъ войскъ [1]).

Турки допустили русскія войска отряда Отрощенко проникнуть довольно глубоко въ глубь позиціи, но затѣмъ огромными массами бросились на оба фланга нашихъ войскъ. Атака была такъ неожиданна и стремительна, что наши три баталіона первой линіи, 11-го и 12-го егерскихъ полковъ, не успѣли построить каре и были отброшены къ с. Чирковна съ большими потерями. Баталіонъ Муромскаго полка, находившійся на правомъ флангѣ, успѣлъ построиться въ каре, мужественно отбивался, но, подавленный численностью противника, былъ почти весь уничтоженъ въ рукопашномъ бою. Покончивъ съ муромцами, турки снова ударили на егерей, успѣвшихъ устроиться. Подъ напоромъ противника егеря отступали въ порядкѣ. Турки овладѣли селеніями Чирковна и Кулевча. Два орудія достались въ ихъ руки, но самоотверженною атакою трехъ эскадроновъ гусаръ были отбиты обратно.

Турки, преслѣдуя отрядъ Отрощенко, перешли въ нѣсколькихъ колоннахъ оврагъ, раздѣлявшій наши войска отъ турецкихъ, и стали обходить правый флангъ войскъ гр. Палена. Только съ трудомъ удалось нашимъ войскамъ удержаться на правомъ флангѣ. Но помощь была уже близка. Къ двумъ часамъ пополудни русскіе ввели въ дѣло всего 11 батальоновъ и 3 эскадрона, т. е. около 6,000 чел. Такъ какъ наши потери превышали 2,000 чел., то налицо въ этихъ войскахъ находилось не болѣе 4,000 чел. Визирь ввелъ въ бой

---

[1]) Н. Енанчинъ „Очеркъ похода 1829 г.“, т. II, стр. 264—276.

15,000 чел. Въ ближайшемъ резервѣ у Палена находилось еще 8 батальоновъ. Первыми мѣрами къ усиленію нашего положенія было — выдвиженіе на передовую позицію 35 орудій, которыя открыли сосредоточенный огонь по густымъ массамъ турокъ.

На правый флангъ нашихъ войскъ прибыла бригада 2-й гусарской дивизіи, которая произвела нѣсколько успѣшныхъ атакъ. Турки не выдержали и къ 4 час. пополудни отступили на свою первоначальную позицію.

Визирь Решидъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено было отступить всею арміею на с. Марковну, по тому же пути, по которому турки наступали отъ Праводъ. Но это рѣшеніе еще не было приведено въ исполненіе, когда начался, по приказанію гр. Дибича, переходъ въ наступленіе нашихъ войскъ. Для рѣшительной атаки турокъ было назначено 14 бат., подъ начальствомъ графа Толя—начальника штаба арміи (изъ 46 бат., бывшихъ на полѣ сраженія).

Турки встрѣтили наступленіе нашихъ войскъ сильнымъ огнемъ, но послѣ взрыва на турецкой позиціи нѣсколькихъ зарядныхъ ящиковъ сопротивленіе турокъ прекратилось.

„Войска наши, пользуясь смятеніемъ непріятеля, устремились на высоты, овладѣли батареей, стоявшей на опушкѣ лѣса, нѣсколько сѣвернѣе дороги въ Праводы, и заняли лѣсъ по обѣ стороны этой дороги. Турки, которые незадолго до того сражались въ долинѣ съ замѣчательной храбростью, не оказали намъ почти никакого сопротивленія на своей крѣпкой позиціи, и отступленіе ихъ быстро перешло въ самое безпорядочное бѣгство. Сомкнутыя части войскъ, которыя могли бы оказать намъ сопротивленіе, совершенно исчезли, и всѣ войска разсѣялись по лѣсу въ разныя стороны. Дороги были запружены артиллеріей и обозами; однимъ словомъ, смятеніе въ турецкихъ войскахъ было полнѣйшее; они совершенно потеряли порядокъ и обратились въ нестройныя толпы.

„Занявъ лѣсъ, графъ Паленъ продолжалъ преслѣдовать турокъ вдоль по дорогѣ, которая на протяженіи восьми верстъ была завалена трупами, орудіями и обозами...

„Трофеями побѣды были 6 знаменъ, вся осадная и полевая артиллерія, въ числѣ около 50 орудій, весь обозъ, все имущество арміи и самого визиря и болѣе 2,000 плѣнныхъ“ [1]).

Великій визирь едва спасся съ 600 всадниками.

Наши потери состояли изъ 63 раненыхъ и убитыхъ офицеровъ и 2,248 нижнихъ чиновъ.

Относительно сраженія у Кулевчи Мольтке дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе:

„При Кулевчѣ русскимъ удалось въ первый и послѣдній разъ, въ продолженіе обѣихъ кампаній, 1828 и 1829 годовъ, сосредоточить

---

[1]) Н. Епанчинъ „Очеркъ похода 1829 г.“, часть II, стр. 276.

достаточныя силы для рѣшительной встрѣчи и обезпеченія успѣха. Принимая во вниманіе относительную слабость русской арміи, заслуга главнокомандующаго была въ этомъ случаѣ тѣмъ болѣе велика, что какъ сосредоточеніе корпусовъ изъ-подъ Силистріи со стороны Эски-Арнаутлара, равно какъ послѣдующее затѣмъ фланговое движеніе, должны были происходить почти передъ глазами великаго визиря. Графъ Дибичъ вѣрно оцѣнилъ положеніе дѣлъ и быстро перешелъ въ наступленіе. Приготовленія къ сраженію были приведены въ исполненіе смѣло и рѣшительно, и визирь, въ стратегическомъ отношеніи, поставленъ въ самое невыгодное положеніе. Относительно самаго веденія боя нужно замѣтить, что оно не заслуживаетъ подобной же безусловной похвалы, и казалось бы, что генераломъ Отрощенко пожертвовали безъ достаточнаго основанія“ [1]).

Послѣ побѣды у Кулевчи Дибичъ сдѣлалъ предложеніе турецкому главнокомандующему о заключеніи мира на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Подтвержденіе прежнихъ трактатовъ и Аккерманской конвенціи.

2) Вознагражденіе убытковъ русскихъ подданныхъ и уплата военныхъ издержекъ.

3) Свобода торговли по Черному морю и безпрепятственное судоходство по Босфору и

4) Принятіе Портою условій Лондонскаго договора отъ 6-го іюля 1829 г. по отношенію къ Греціи [2]).

Несмотря на крайнюю умѣренность этихъ условій, турки не приняли ихъ.

Послѣ Кулевчинской побѣды наши войска опять приковываются къ Шумлѣ на цѣлый мѣсяцъ. Затрудненія въ довольствіи арміи и поддержаніи связи съ тыломъ увеличились. Въ Болгаріи проявилось весьма враждебное къ намъ настроеніе жителей, лѣса были наполнены болгарами и бѣглыми турками. Сообщеніе съ Дунаемъ сдѣлалось затруднительнымъ. Приходилось посылать отряды по всѣмъ направленіямъ.

18 іюня сдалась Силистрія, а къ концу іюня къ Шумлѣ подошелъ и 3-й корпусъ Красовскаго, послѣ чего Дибичъ призналъ возможнымъ перейти въ наступленіе.

Въ первыхъ числахъ іюля наша армія въ трехъ колоннахъ, въ составѣ 54 бат., 30 эск., 6 каз. полковъ, общею силою 47,000 чел., двинулась въ походъ къ Балканамъ, ближайшими къ морю путями, имѣя предметомъ дѣйствій Адріанополь. Въ Бургаскій заливъ прибыла папа эскадра съ большими запасами продовольствія.

[1]) Мольтке „Русско-турецкая война 1828 — 1829 гг.“, ч. II, стр. 212.

[2]) Тамъ же, стр. 246.

12 іюля былъ занятъ Бургасъ, а затѣмъ и Айдосъ, гдѣ было оказано слабое сопротивленіе. Отъ Бургаса армія передвинулась къ Сливнѣ, гдѣ ожидался сборъ турецкихъ войскъ. Къ началу августа слабыя попытки турокъ противиться движенію русскихъ войскъ были отражены. Арміи визиря болѣе не существовало. Несмотря на большія потери нашихъ войскъ отъ болѣзней, гр. Дибичъ выступилъ 2 августа изъ Силистріи къ Адріанополю и 7 августа уже подступилъ ко второй столицѣ турокъ.

„Когда русскій главнокомандующій рѣшился на смѣлое предпріятіе—проникнуть со слабою арміею въ самое сердце оттоманской имперіи, нельзя было предвидѣть со стороны турокъ столь слабаго сопротивленія. Они держались доселѣ весьма хорошо во всѣхъ дѣлахъ этой кампаніи. Но затѣмъ начинается полная деморализація противника, и, при увѣренности выйти побѣдителемъ изъ каждаго дѣла въ открытомъ полѣ, русскіе могли пренебрегать отнынѣ всѣми стратегическими соображеніями, обращая исключительное вниманіе на продовольствіе войскъ. Военное счастіе могло измѣнить имъ только подъ стѣнами какого-либо большого турецкаго города [1]).

Вмѣстѣ съ прибывшими подкрѣпленіями (одна дивизія пѣхоты и двѣ бригады конницы), Дибичъ могъ двинуться къ Адріанополю только съ 41 бат., 52 эск. и 95 ор., силою 25,000 человѣкъ. Къ Адріанополю дошло только 12,200 человѣкъ, 110 орудій и 4,500 лошадей [2]), въ томъ числѣ 6-го пѣх. корпуса 3,000 чел., 42 ор., 3-го пѣх. корпуса 4,000 чел. и 36 ор., 7-го пѣх. корпуса 5,200 чел. и 32 ор.

Въ городѣ, помимо 80,000 жителей, находилось 13,000 турецкаго войска. Однако деморализація турецкихъ войскъ, особенно начальствующихъ лицъ, была такъ велика, что Адріанополь 8 августа сдался безъ боя.

На другой день на пути къ Константинополю нашею конницею былъ занятъ, въ 8 верстахъ отъ Адріанополя, Люле-Бургасъ.

По вступленіи въ Адріанополь, гр. Дибичъ вошелъ черезъ Эносъ въ сообщеніе съ русскимъ флотомъ ген. Гейдена, блокировавшимъ Дарданеллы. Съ этого времени русская армія опиралась на два моря.

„Впечатлѣніе, произведенное въ Константинополѣ паденіемъ Адріанополя, было громадно, но и для нашей арміи наступило тяжелое время. Низменное положеніе Адріанополя, нестерпимая жара днемъ и холода ночью, проливные дожди, недостатокъ хорошаго продовольствія,—все это крайне неблагопріятно отзывалось на войскахъ. Госпиталь въ городѣ сталъ наполняться тысячами больныхъ. Армія

---

[1]) Мольтке „Русско-турецкая война 1828—1829 гг.“, ч. II, стр. 213.

[2]) Всеподданнѣйшее письмо гр. Дибича государю отъ 9 августа изъ Адріанополя.

таяла. Чтобы скорѣе окончить кампанію, надлежало спѣшить къ Константинополю; но слухъ о движеніи къ Филиппополю 40 т. арміи Скодрскаго паши заставлялъ оставить въ Адріанополѣ 8—10 т. Такимъ образомъ, для наступленія къ Константинополю оставались лишь 10—12 т.

„Султанъ же имѣлъ около 30 т. въ Константинополѣ. Кромѣ того ½-милліонное населеніе столицы, хотя и было недовольно новыми порядками султана, но отнюдь не желало и господства невѣрныхъ, и если что-либо могло примирить между собою враждующія партіи, то, конечно, появленіе русской арміи подъ стѣнами столицы. При такихъ данныхъ движеніе къ Константинополю было рисковано. Скорѣйшее окончаніе войны было крайне желательно: войска были изнурены; Шумла еще держалась; ген. Киселевъ съ трудомъ удерживалъ турокъ отъ вторженія въ Валахію. Всѣ эти условія побуждали императора Николая согласиться на открытіе мирныхъ переговоровъ. Султанъ, хотя и не хотѣлъ признать себя окончательно побѣжденнымъ, но приближенные старались склонить его къ миру. Для европейскихъ дипломатовъ также было весьма важно видѣть прекращеніе войны, угрожавшей уже въ теченіе двухъ лѣтъ общему спокойствію. По прибытіи въ Адріанополь турецкихъ посланцевъ, гр. Дибичъ поручилъ г.-м. кн. Горчакову и дѣйств. ст. сов. Фонтону открыть переговоры въ ожиданіи пріѣзда императорскихъ уполномоченныхъ“ [1]).

Когда турецкіе уполномоченные убѣдились въ малочисленности русскихъ войскъ, они стали менѣе сговорчивы. Тогда Дибичъ приказалъ войскамъ продолжать движеніе къ Константинополю. Остатки 2-го корпуса были двинуты въ Визу, остатки 6-го корпуса—къ Люле-Бургасу. Эти корпуса, для введенія въ заблужденіе турокъ, были названы авангардами главной арміи, представляемой 7-мъ корпусомъ. Силы этой *главной арміи* доходили только до 5,000 человѣкъ!

Угроза подѣйствовала. Около султана не нашлось мужественнаго совѣтника, который настаивалъ бы на продолженіи военныхъ дѣйствій, и 2 сентября Адріанопольскій миръ былъ заключенъ.

Относительно наступленія русскихъ войскъ послѣ перерыва переговоровъ Мольтке пишетъ:

„Поэтому, въ самый день перерыва турецкими уполномоченными переговоровъ, передовыя войска русской арміи растянулись на протяженіи до 25 миль, упираясь лѣвымъ флангомъ на Мидію въ Черномъ морѣ, а правымъ флангомъ на Эносъ въ Эгейскомъ морѣ. Оба корпуса, въ Визѣ и въ Люле-Бургасѣ, состояли не болѣе какъ изъ 8,000 человѣкъ и представляли собою авангардъ значительной арміи. Но, пройдя уже болѣе половины дороги между Адріанополемъ и Константинополемъ, за ними должна была наконецъ появиться и главная армія. Она была образована изъ 7-го корпуса, находившагося въ Адріа-

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. IV, стр. 363—364.

ополѣ. Изъ него выдѣлили уже кавалерійскій отрядъ съ двумя орудіями въ Германлы, по направленію къ Филиппополю; 37-й егерскій полкъ оставался въ Сливнѣ и одинъ полкъ Бугскихъ улапъ высланъ въ Эносъ. Вслѣдствіе этихъ командировокъ, такъ называемыя главныя силы состояли изъ 10 баталіоновъ и 15 эскадроновъ, которые, за вычетомъ множества больныхъ, не превышали 4,000—5,000 чел. Вотъ армія, которая должна была встрѣтить 30,000 арнаутовъ, держать въ повиновеніи городъ съ населеніемъ въ 80,000 чел. и выставить еще достаточныя силы для покоренія другого города съ 500,000 жителей.

„Графъ Дибичъ предоставилъ эфендіямъ пять дней на полученіе отъ Порты инструкцій; если же по истеченіи этого срока не будетъ получено отвѣта, то онъ лично отправится за нимъ въ Константинополь. Положеніе дѣлъ было крайне натянутое; должно было послѣдовать какое-либо рѣшеніе. Тогда 2 (14) сентября миръ былъ дѣйствительно подписанъ. *Мы предоставляемъ судить нашимъ читателямъ, возможно ли было русскому главнокомандующему, въ случаѣ непринятія турками мира, сдѣлать хотя одинъ шагъ впередъ. Мы полагаемъ, что ратификація мира вывела графа Дибича изъ самаго затруднительнаго положенія, которое, продлившись еще на нѣсколько дней, могло низвергнуть его съ высоты побѣды въ бездну гибели*“ [1]).

„Русскіе прибыли къ Адріанополю со столь слабыми силами, что они ничего не могли болѣе предписать силою оружія. Но Порта, слѣдуя по инерціи данному ей разъ направленію и подчиняясь вліянію не военныхъ соображеній, неизбѣжно приближалась къ невыгодному миру. Безспорно, графъ Дибичъ выказалъ себя въ этомъ затруднительномъ положеніи столь же искуснымъ дипломатомъ, какъ и счастливымъ полководцемъ“ [2]).

Дѣйствія нашихъ войскъ въ 1829 году въ азіатской Турціи были тоже успѣшны. Турки дѣлали большія усилія, чтобы собрать значительную армію и поднять мѣстное населеніе, но не имѣли успѣха. Все же положеніе нашихъ малочисленныхъ войскъ было тяжелое. Паскевичъ, несмотря на то, что могъ располагать для наступательныхъ дѣйствій не болѣе 17,000 чел. съ 68 орудіями, рѣшилъ быстрымъ движеніемъ къ Эрзеруму, гдѣ собирались главныя силы турокъ, разгромить ихъ и этимъ прикрыть наши предѣлы отъ вторженія турецкихъ войскъ.

19 іюня у Каплы Паскевичъ разбилъ турецкія войска сераскира, преграждавшія путь къ Эрзеруму, а 27 іюня эта важная крѣпость уже сдалась безъ боя нашимъ войскамъ.

Попытка турокъ двинуться на выручку Эрзерума тоже не имѣла успѣха. Паскевичъ двинулся на встрѣчу турецкимъ войскамъ, занявшимъ г. Байбуртъ [3]) и укрѣпившимъ его.

---

[1]) Мольтке „Русско-турецкая война 1828—1829 гг.“, ч. II, стр. 207—208.

[2]) Тамъ же, стр. 214—215.

[3]) На половинѣ пути между Эрзерумомъ и Трапезондомъ.

27 сентября наши войска атаковали турокъ, разбили ихъ и овладѣли городомъ. Особо отличились въ этомъ бою Нижегородскіе драгуны.

29 сентября утромъ отъ сераскира въ нашъ лагерь прибылъ чиновникъ съ извѣстіемъ о заключеніи мира. Извѣстіе о мирѣ шло черезъ всю Малую Азію 27 дней.

„Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ кавказскія войска прошли около 600 верстъ операціоннаго пути (дойдя почти до Трапезонда), уничтожили турецкія арміи, овладѣли столицею Анатоліи, покорили пашалыки—Эрзерумскій, Мушскій и часть Трапезондскаго, со всѣми ихъ крѣпостями, взяли 262 пушки, 65 знаменъ. Всѣ эти успѣхи были пріобрѣтены 18-т. арміею, съ потерею только въ 3,900 чел., включая въ это число не только убитыхъ и раненыхъ, но и умершихъ отъ болѣзней, особенно отъ чумы, свирѣпствовавшей въ Ахалцыхѣ, Баязетѣ и Эриванѣ“ [1]).

По Адріанопольскому миру Россія получила въ Европѣ острова въ дельтѣ Дуная въ 23 кв. мили и въ Азіи черноморскій берегъ, протяженіемъ 550 верстъ, и города Ахалцыхъ и Ахалкалаки съ ихъ округами въ 97 кв. миль.

Принимая во вниманіе, что мы пользовались черноморскимъ побережьемъ уже по Бухарестскому миру, подтвержденному въ 1826 году Аккерманской конвенціею, очевидно, что Россія на свою долю получила вознагражденіе, совершенно не соотвѣтствовавшее принесеннымъ жертвамъ и сдѣланнымъ завоеваніямъ.

„Россія, вѣрная данному слову, возвратила Портѣ всѣ завоеванныя земли,—Прутъ съ Дунаемъ попрежнему должны были составлять границу между Россіею и Турціею. Россія удерживала острова при устьяхъ Дуная и восточное побережье Чернаго моря, отъ Кубани до поста св. Николая, а также Ахалцыхъ и Ахалкалаки. Коммерческіе флоты получили право свободнаго прохода черезъ проливы. По отношенію же православныхъ подданныхъ Турціи сдѣлано впервые такъ много: Греція стала независимымъ государствомъ; Сербія была объявлена вассальною страною, при чемъ Турція должна была возвратить ей 6 округовъ; Молдавія и Валахія не только получили отдѣльное управленіе, но было установлено, что государи ихъ будутъ выбираться пожизненно и что турки обязываются срыть крѣпости на лѣвомъ берегу Дуная“ [2]).

Въ трудѣ Мольтке есть указаніе, что по Адріанопольскому миру Сербія, Валахія и Молдавія, хотя и остались подъ турецкимъ владычествомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ поступили подъ покровительство Россіи [3]).

---

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. IV, стр. 375.

[2]) Тамъ же, стр. 375—376.

[3]) Мольтке „Русско-турецкая война 1828—1829 гг.“, ч. II, стр. 216.

Заключеніе о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ въ 1828—1829 годахъ.

Относительно оцѣнки дѣятельности нашихъ войскъ въ войну 1828 — 1829 годовъ такой высокій авторитетъ, какъ Мольтке, въ своемъ замѣчательномъ трудѣ прежде всего останавливается на необычайныхъ трудностяхъ, которыя встрѣтили наши войска въ европейской Турціи, въ районѣ дѣйствій войскъ (Добруджа, нижній Дунай, побережье Чернаго моря), отъ чрезмѣрной болѣзненности среди нихъ. Мольтке вычисляетъ, что всего за 1828—1829 гг. перебывало изъ дунайской арміи въ полковыхъ лазаретахъ и госпиталяхъ 210,000 человѣкъ, что при общемъ составѣ арміи въ 100,000 чел. даетъ два заболѣванія на каждаго человѣка. По сдѣланному имъ исчисленію, кампанія 1828 г. обошлась русскимъ потерею почти половины всѣхъ людей, состоявшихъ въ строю [1]).

Изъ русскихъ войскъ, перешедшихъ Дунай въ кампанію 1829 г., по исчисленію Мольтке, умерло отъ болѣзней и ранъ и было убито до 60,000. чел. „Такимъ образомъ русская армія была почти уничтожена во вторую кампанію“ [2]).

Относительно войскъ и главнокомандующаго графа Дибича Мольтке дѣлаетъ такую оцѣнку:

„Что касается до русскаго солдата, то онъ является столь же стойкимъ въ перенесеніи трудовъ, усилій, лишеній и страданій, какъ и неустрашимымъ среди опасности.

„По нашему мнѣнію, исторія можетъ произнести въ пользу дѣйствій графа Дибича въ турецкую кампанію нижеслѣдующій приговоръ: располагая слабыми силами, онъ предпринималъ только то, что представлялось безусловно необходимымъ для достиженія цѣли войны. Онъ приступилъ къ осадѣ крѣпости и одержалъ въ открытомъ полѣ побѣду, которая открыла ему доступъ въ сердце непріятельской монархіи. Онъ очутился здѣсь съ однимъ призракомъ арміи, но ему предшествовала слава непобѣдимости. Россія обязана счастливымъ исходомъ войны смѣлому и вмѣстѣ съ тѣмъ осторожному образу дѣйствій графа Дибича; *если бы султану и европейскимъ дипломатамъ извѣстно было, хотя приблизительно, истинное положеніе дѣлъ, кампанія могла привести къ совершенно противоположнымъ результатамъ*“ [3]).

Относительно дѣйствій нашихъ войскъ въ 1828 — 1829 годахъ можно прибавить слѣдующее:

1) Цѣли для войны были поставлены неопредѣленныя.

2) Какъ и въ предыдущія войны, политическая подготовка войны была такъ неудачна, что главныя силы русскихъ войскъ пришлось держать на западной границѣ.

---

[1]) Мольтке „Русско-турецкая война 1828—1829 гг.“, ч. II, стр. 231.

[2]) Тамъ же, стр. 241.

[3]) Тамъ же, стр. 242—243.

3) Пути сообщенія арміи съ тыломъ и родиною были въ плохомъ состояніи и главнымъ образомъ грунтовые, несмотря на рядъ войнъ, веденныхъ съ Турціею все въ одномъ и томъ же направленіи (черезъ княжества).

4) Назначенныя для дѣйствій на европейскомъ и азіатскомъ театрахъ войска оказались недостаточными для исполненія возложенныхъ на нихъ задачъ, и ихъ пришлось значительно усилить.

5) Съ укомплектованіемъ войскъ, особенно въ виду развившейся болѣзненности, русскія военныя власти не справились.

6) На европейскомъ театрѣ во многихъ случаяхъ дѣйствія войскъ были лишены должнаго единства, а самое веденіе боя было неумѣлое (Браиловъ, бои подъ Варною и подъ Шумлою). Начавшееся въ арміи увлеченіе церемоніальнымъ маршемъ и ружейными пріемами сказывалось пониженіемъ достоинствъ командnаго состава и тактической подготовки войскъ. Наоборотъ, на кавказскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, куда еще не проникла аракчеевская муштра, войсковые начальники всѣхъ степеней проявляли рѣдкую самостоятельность, рѣшимость, глазомѣръ и знаніе своего подчиненнаго и своего врага. Эта разница въ русскихъ войскахъ — кавказскихъ и европейской Россіи сказалась еще рѣзче въ крымскую войну и проявилось въ пользу кавказской школы еще и въ войну 1877—1878 годовъ.

7) Наши солдаты и офицеры всѣхъ степеней и на обоихъ театрахъ войны выказали беззавѣтную храбрость, выносливость и готовность къ подвигу. Духъ войскъ былъ высокій; сознаніе своего превосходства надъ противникомъ непоколебимое.

8) Въ эту войну, какъ и въ предыдущія, обозначилась бѣдность Россіи и трудность для нея обезпечить широко всѣмъ необходимымъ армію. Вооруженіе начало отставать: нарѣзныхъ ружей или штуцеровъ не имѣлось; обозы были плохо организованы; осадные полки были слабы и малочисленны; инженерные запасы тоже; съ санитарною частью совершенно не справились. Во флотѣ, за неотпускомъ денежныхъ средствъ, многое было не въ исправности.

9) Особо благопріятными для нашей арміи въ разбираемую войну были два обстоятельства: содѣйствіе нашего флота и неустройство вооруженныхъ силъ турокъ. Рѣшавшій ранѣе участь многихъ боевъ въ пользу турокъ корпусъ янычаръ былъ уничтоженъ, а регулярную армію не успѣли сформировать. Во всякомъ случаѣ малообъяснимымъ и позорнымъ представляется поведеніе турецкихъ пашей, сдававшихъ послѣ отбитыхъ штурмовъ крѣпости—Браиловъ, Варну, Эрзерумъ, или сдавшихъ безъ попытки къ сопротивленію Адріанополь.

Жертвы въ этой войнѣ были принесены огромныя, а результаты, собственно для Россіи, были ничтожные. А между тѣмъ, именно въ войну 1828—1829 гг., обстановка складывалась такъ благопріятно, что мы могли занять Босфоръ.

Дѣйствительно, турецкій флотъ былъ уничтоженъ при Наваринѣ;

нашъ черноморскій флотъ былъ многочисленъ, обладалъ отличнымъ боевымъ духомъ и располагалъ могущественною артиллеріею; у Дарданеллъ, съ цѣлью помѣшать вмѣшательству державъ, находилась другая русская эскадра Гейдена. Одновременно съ движеніемъ къ Адріанополю или въ періодъ веденія переговоровъ, или даже въ любой періодъ войны, особенно послѣ овладѣнія Варною или боя подъ Кулевчею, высадка десанта на Босфорѣ, при растерянности турокъ и слабомъ сопротивленіи ихъ войскъ, могла имѣть полный успѣхъ, и тогда быстро измѣнилась бы къ лучшему и вся обстановка. Наши войска заняли бы оба берега Босфора съ мѣстностью, благопріятною въ санитарномъ отношеніи, и сохранили бы многія тысячи жизней. Базируясь на черноморское побережье, можно было на много сократить всѣ расходы по содержанію арміи въ Турціи и возвращенію ея домой не черезъ княжества; но, главное, запявъ прочно Босфоръ, мы избѣжали бы войны 1853—1856 гг.

При обсужденіи условій мира въ 1829 г., въ особомъ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ государя, д. с. с. Дашковъ подалъ мнѣніе о необходимости занять Босфоръ, но его мнѣніе не было, къ сожалѣнію, услышано. Константинополь и Дарданеллы такъ подавляли въ умахъ современниковъ значеніе Босфора (только и нужнаго Россіи), что объ немъ забыли.

Н. Шильдеръ, сдѣлавъ переводъ на русскій языкъ труда Мольтке, приложилъ къ нему нѣсколько писемъ императора Николая I къ гр. Дибичу, которыя объясняютъ, какъ смотрѣлъ нашъ государь на положеніе дѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій послѣ занятія Адріанополя и какія давалъ указанія относительно веденія переговоровъ о заключеніи мира съ Турціею.

Изъ этихъ же приложеній видно, какими планами задавался гр. Дибичъ на случай неудачи переговоровъ о мирѣ, при необходимости продолжать военныя дѣйствія.

По мнѣнію гр. Дибича, изложенному во всеподданнѣйшей запискѣ его отъ 13 августа 1829 г. (изъ Адріанополя) [1]), въ случаѣ, если бы Порта отвергла заключеніе мира, можно было дѣйствовать двумя способами.

1) „Въ первыхъ числахъ сентября начать наступательное движеніе до Сарая и Чорлу и отдѣлить оттуда для Дарданеллъ войска; въ то же время стараться овладѣть всѣмъ, чѣмъ только можно, на Дунаѣ и взять Шумлу. Если эти операціи не окажутъ вліянія на заключеніе мира, то расположиться на зимнихъ квартирахъ въ Румеліи и готовиться къ третьей кампаніи.

2) „Объявить во всеуслышаніе, что съ Портою нельзя больше

[1]) Мольтке „Русско-турецкая война 1828—1829 гг.“, ч. II, стр. 256—261.

вести переговоровъ; двинуть прямо въ Сербію двѣ бригады пѣхоты генерала Киселева, чтобы, соединившись съ сербами, идти на Видинъ и другіе пункты этой страны; оставить передъ Журжей необходимое число войскъ и приказать генералу Киселеву двинуться съ остатками на Софію, чтобы овладѣть ею; въ то же время подвигаться съ главными силами къ Константинополю, гдѣ наши рѣшительныя движенія могутъ вразумить жителей, чтобы они съ помощью мятежа принудили къ миру правительство; не предпринимать ни малѣйшихъ операцій противъ города, отдѣлить корпусъ для занятія Дарданеллъ; вооружить повсемѣстно румелійскихъ болгаръ и съ помощью особаго отряда соединиться съ генераломъ Киселевымъ черезъ Филиппополь; наконецъ, готовиться зимою къ новой кампаніи и заняться полнымъ вооруженіемъ болгаръ и сербовъ, чтобы въ началѣ весны можно было предпринять военныя дѣйствія и совершенно окончить покореніе европейской Турціи.

„Для исполненія каждаго изъ этихъ проектовъ необходимо, чтобы указанія В. И. В. были бы мнѣ извѣстны ранѣе половины сентября, чтобы имѣть по крайней мѣрѣ еще мѣсяцъ времени для ихъ выполненія. Кромѣ того, такъ какъ опытъ показалъ, что численность пѣхотной дивизіи къ веснѣ не превзойдетъ 5,000 человѣкъ, то оба проекта требуютъ, чтобы къ началу весны, по ту сторону Балканъ, находились всѣ войска, составляющія теперь вторую армію.

„Съ такими силами можно поручиться за окончательное покореніе европейской Турціи до истеченія будущаго лѣта и подчиненіе ея тѣмъ новымъ правительствамъ, которыя В. В. желали бы учредить. Боснія и Албанія только могутъ служить исключеніемъ. Но я полагаю, что Австрія и Англія или Франція охотно возьмутъ на себя ихъ покореніе, чтобы пріобрѣсти нѣкоторыя права на ихъ организацію или на какое-либо вознагражденіе, смотря по тѣмъ предположеніямъ, которыя представятъ имъ.

„Части Черноморскаго флота съ корпусомъ войскъ, расположеннымъ гарнизонами въ фортахъ Дарданеллъ и Босфора (которые могутъ быть срыты спустя нѣсколько лѣтъ послѣ заключенія мира), будетъ достаточно для защиты вновь устроенныхъ государствъ противъ нападеній турокъ. Впрочемъ, послѣдніе, удаленные въ Азію, будучи угрожаемы изъ Эрзерума въ самомъ сердцѣ ихъ владѣній, конечно будутъ склонны къ миру, особенно послѣ того, какъ они убѣдятся, что безвозвратно потеряли свои владѣнія въ Европѣ и даже остались безъ союзниковъ“ [1]).

Относительно устройства христіанскаго населенія европейской Турціи гр. Дибичъ высказываетъ въ этой же запискѣ слѣдующія предположенія:

---

[1]) Мольтке „Русско-турецкая война 1828—1829 гг.“, ч II, стр. 260—261.

„Мы могли бы также замѣнить денежное вознагражденіе Молдавіею и Валахіею и частью Болгаріи отъ Дуная и моря до Варны и Силистріи. Двѣ трети жителей европейской Турціи христіане; поэтому не трудно бы было раздѣлить ихъ на три или на четыре государства, достаточно сильныхъ для самозащиты, подъ гарантіею Европы, и въ то же время слишкомъ слабыхъ, чтобы возбудить опасенія какой-либо изъ великихъ державъ“ [1]).

Въ этомъ планѣ обращаетъ на себя вниманіе прежде всего перенесеніе военныхъ дѣйствій въ Сербію безъ соглашенія съ Австріею, что неизбѣжно повело бы за собою не только протестъ, но, быть можетъ, и вооруженное противъ насъ вмѣшательство Австріи.

Совершенно необъяснимымъ представляется игнорированіе гр. Дибичемъ интересовъ Австріи въ Босніи, до такой степени, что онъ предполагалъ возможнымъ поручить покореніе Босніи Франціи или Англіи.

Овладѣніе Молдавіею и Валахіею, вмѣсто денежнаго вознагражденія, тоже самымъ существеннымъ образомъ нарушало интересы Австріи и въ то же время для Россіи было только невыгодно.

Еще непонятнѣе намѣреніе овладѣть восточною приморскою полосою Болгаріи, которая только ослабила бы Россію, ибо потребовала бы содержанія въ нездоровой мѣстности значительнаго количества войскъ.

Въ проектѣ Дибича есть упоминаніе о Босфорѣ и Дарданеллахъ, которые предполагалось занять Черноморскимъ флотомъ и корпусомъ войскъ, съ цѣлью защиты вновь устроенныхъ государствъ отъ нападеній турокъ. При этомъ очевидно и Константинополь долженъ былъ находиться въ русскихъ рукахъ. Такое рѣшеніе вопроса о проливахъ и Константинополѣ неизбѣжно вызвало бы противодѣйствіе европейскихъ державъ и, быть можетъ, коалиціонную войну противъ Россіи. Между тѣмъ, занятіе только сѣверной части Босфора съ оборонительными цѣлями, если бы и было встрѣчено протестомъ, до войны съ европейскими державами по всей вѣроятности не довело бы. Повидимому, въ главной квартирѣ Дибича совершенно не были извѣстны исключительно благопріятныя условія этой сѣверной части Босфора для обращенія ея въ сильный тетъ-де-понъ, защищающій входъ въ Черное море.

Во всеподданнѣйшей запискѣ гр. Дибича, отъ 24 августа 1829 г., снова повторяется мысль объ овладѣніи Россіею княжествами. Дибичъ пишетъ: „Что касается до княжествъ, то турки, кажется, не смотрятъ болѣе на нихъ какъ на свое достояніе и безъ всякаго затрудненія согласились бы на полную уступку ихъ“, и далѣе: „турки предложили полную уступку нѣкоторыхъ частей территоріи, равную части или цѣлому требуемому вознагражденію“ [2]).

---

[1]) Мольтке „Русско-турецкая война 1828—1829 гг.“, ч. II, стр. 259.

[2]) Тамъ же, стр. 268—269.

Такимъ образомъ, предположенія Дибича, при ихъ осуществленіи, не давали бы Россіи спокойствія на Черномъ морѣ, а на Балканскомъ полуостровѣ захватъ Россіею княжествъ и части Болгаріи, вмѣшательство въ дѣла Сербіи и захватъ Константинополя и Дарданеллъ создавали бы такую обстановку, которая вѣроятно уже въ 1829 году привела бы Россію къ войнѣ съ коалиціею державъ.

Планъ Дибича былъ тѣмъ опаснѣе, что русскіе, находясь въ Адріанополѣ и на путяхъ къ Стамбулу въ августѣ 1829 г., были въ сущности такъ слабы, что заставляли слушать свои требованія только подъ гипнозомъ одержанныхъ побѣдъ надъ турецкими ополченіями.

Въ отвѣтныхъ письмахъ императора Николая I гр. Дибичу тоже обнаруживается незнакомство съ тою обстановкою, которая сложилась для нашихъ войскъ въ концѣ лѣта 1829 г. въ Адріанополѣ и на всемъ театрѣ военныхъ дѣйствій.

Въ письмѣ гр. Дибичу отъ 28 августа государь пишетъ:

„Одобряю во всѣхъ отношеніяхъ мѣропріятія ваши; но *настаиваю* на томъ, чтобы въ томъ случаѣ, если переговоры прервутся, вы направили корпусъ войскъ къ Дарданелламъ, дабы быть въ увѣренности, что „незваные гости“ не явятся тамъ для вмѣшательства и вреда дѣламъ нашимъ. Впрочемъ, я увѣренъ, что вы такъ и поступили бы при малѣйшемъ къ тому поводѣ, судя по самому смыслу вашего письма и по мнѣнію, вами выраженному, о новостяхъ, сообщенныхъ вамъ всѣми посланниками въ Константинополѣ. Наконецъ, если вы у Дарданеллъ, *то положительно откажите въ пропускѣ всякому иному флоту, кромѣ нашего.* Если будутъ къ тому понуждать — вы *отвѣтите пушечными выстрѣлами. Но отъ сего да оборонитъ насъ Богъ!*“ [1]).

Въ сущности всѣ войска подъ Адріанополемъ, вмѣстѣ взятыя, составляли ко времени полученія этого письма лишь одинъ слабый корпусъ войскъ и поэтому исполнить приказъ государя было не съ чѣмъ. При заминкѣ въ переговорахъ, къ Дарданелламъ оказалось возможнымъ послать въ Эносъ, для открытія связи съ эскадрою Гейдена, только одинъ полкъ конницы съ 4 орудіями. Силы эскадры Гейдена тоже были совершенно недостаточны, чтобы остановить флоты союзныхъ державъ, если бы они приняли рѣшеніе двинуться къ Стамбулу. Такимъ образомъ, отданное по отношенію къ Дарданелламъ приказаніе было неисполнимо въ военномъ отношеніи, а въ политическомъ грозило разрывомъ съ нѣсколькими европейскими державами.

Относительно греческихъ дѣлъ въ томъ же письмѣ государь писалъ:

„Еще слово о греческомъ дѣлѣ. Какое рѣшеніе ни было бы принято посланниками въ Константинополѣ, *ни на какую иную границу*

[1]) Мольтке „Русско-турецкая война 1828—1829 гг.“, II, стр. 271.

кромѣ Арты и Воло, я не согласаюсь; надѣюсь, что когда о томъ узнаютъ въ Парижѣ, то французы меня поддержатъ, а если даже нѣтъ, я стою на своемъ. Мы въ правѣ не нарушать нашего слова, и положеніе наше таково, что мы можемъ, наконецъ, сказать —„*я такъ хочу*“, благодаря успѣхамъ вашимъ въ Европѣ, успѣхамъ Паскевича въ Азіи“ [1]).

Такимъ образомъ, и по греческому вопросу мы могли создать для Россіи большія затрудненія. Данное слово все-таки пришлось нарушить, ибо г. Воло остался за турками.

Въ письмѣ отъ 1 сентября государь пишетъ Дибичу:

„При неуспѣшности переговоровъ, *вы должны* немедленно двинуться къ Константинополю, обезпечивъ себя со стороны Дарданеллъ; не обращайте вниманія на ваши недостаточныя силы, онѣ болѣе чѣмъ уравновѣшиваются вашею нравственною силою. Овладѣвъ Константинополемъ, вы будете ожидать новыхъ приказаній, до полученія которыхъ вы положительно откажитесь войти въ какіе бы то ни было переговоры, *какого рода они бы ни были и съ кѣмъ бы то ни было.* Тѣмъ болѣе вы не дозволите никакому иностранному флоту войти въ Дарданеллы впредь до приказанія.

„Полученныя мною сегодня утромъ чрезъ курьера извѣстія изъ Лондона положительно подтверждаютъ, что англійское министерство совершенно поражено успѣхами нашего оружія, до такой степени, что Абердинъ сказалъ нашимъ: ради Бога, не обходитесь съ нами *по-дибичевски* и пощадите нашу честь. Они видятъ и *не опасаются болѣе* паденія оттоманской имперіи и *нашего владычества* въ Константинополѣ; словомъ, это полное торжество“ [2]).

Изъ этого письма видно, въ какое заблужденіе былъ введенъ государь нашими дипломатическими представителями въ Лондонѣ убѣдившими государя, что англичане не опасаются нашего владычества въ Константинополѣ и паденія оттоманской имперіи. Черезъ 24 года нашему рыцарю-государю сдѣлался вполнѣ извѣстенъ взглядъ на это опасное для Россіи во всѣ времена наслѣдіе не только Англіи [3]), но Франціи и Италіи.

Большой ошибкой, повторенной и въ позднѣйшія времена, было провозглашеніе въ 1828 году съ высоты трона о томъ, что Россія не заинтересована въ территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ отъ Турціи. Въ дѣйствительности, вопреки этому обѣщанію, пріобрѣтенія все же пришлось сдѣлать и въ Европѣ (въ устьяхъ Дуная), и въ Азіи. Но

---

[1]) Мольтке „Русско-турецкая война 1828—1829 гг.“, ч. II, стр. 271—272.

[2]) Тамъ же, стр. 275—276, изд. 1883 г.

[3]) Веллингтонъ, ведшій переговоры съ государемъ въ 1826 г., высказалъ мнѣніе, что если бы существовало два Константинополя, то рѣшить восточный вопросъ было бы нетрудно.

конечно подобныя пріобрѣтенія не могли вознаградить Россію за принесенныя ею жертвы, и въ сущности вознагражденіе оказалось не матеріальнаго, а моральнаго свойства: Россія должна была удовлетвориться сознаніемъ свершеннаго ею подвига въ пользу Греціи, Сербіи и княжествъ.

Между тѣмъ, при соглашеніи только съ Австріею, Россія могла бы уже въ 1829 году гарантировать себѣ спокойное пользованіе черноморскими окраинами, взявъ на себя охрану на Босфорѣ—входа въ Черное море. При поддержкѣ Австріи, послѣ занятія большей части Румеліи съ Адріанополемъ, возвратъ этихъ завоеваній можно было обусловить занятіемъ Босфора, если бы онъ не былъ еще занятъ путемъ десанта въ періодъ военныхъ дѣйствій. Цѣль эта была такъ важна для русскаго племени, что для достиженія ея стоило овладѣть и Константинополемъ, чтобы возвратить его за утвержденіе за Россіею части Босфора, прилегающей къ Черному морю.

Кромѣ входа въ Босфоръ, во всѣхъ европейскихъ владѣніяхъ Турціи имѣло для Россіи значеніе только владѣніе устьемъ Дуная, тоже въ видахъ обезпеченія господства русскаго племени на Черномъ морѣ. Мы и получили по Адріанопольскому миру это наслѣдіе отъ турокъ, но по Парижскому миру его потеряли. По Берлинскому трактату мы нужное для Россіи устье Дуная не сумѣли отстоять, въ особенности потому, что тоже связали себя обѣщаніями быть безкорыстными.

На азіатскомъ материкѣ, рѣшившись овладѣть всѣмъ Кавказскимъ перешейкомъ, дойдя границею съ Персіею до р. Аракса, овладѣніе кр. Карсомъ, для обезпеченія нашей границы со стороны Турціи, представлялось необходимымъ. При заключеніи Адріанопольскаго мира мы упустили значеніе Карса и возвратили его туркамъ. За эту ошибку Россіи пришлось расплачиваться въ 1854—1855 годахъ и въ 1877 г. пролитіемъ русской крови для овладѣнія и включенія въ составъ имперіи этой важной крѣпости. За возвращеніе туркамъ взятаго у нихъ Эрзерума съ округомъ они намъ легко уступили бы черноморское побережье до Батума включительно.

Но прибрежная черноморская полоса настолько не была связана съ прочими турецкими владѣніями, что даже безъ войны, за небольшое денежное вознагражденіе, Турція уступила бы намъ эту полосу, которою владѣла болѣе номинально, чѣмъ въ дѣйствительности.

При наступательномъ движеніи Россіи въ глубь Кавказскаго перешейка эта полоса, волею или неволею для турокъ, должна была войти въ составъ Россіи. Прибавимъ, что полоса эта составляла мирный захватъ турокъ, а не завоеваніе, и никогда не входила въ составъ коренныхъ владѣній турокъ.

Насколько Россія могла не спѣшить съ пріобрѣтеніемъ черноморской полосы, пока Босфоръ оставался въ турецкихъ рукахъ, видно изъ того, что еще 20 лѣтъ тому назадъ Россія почти еще не вту-

пила фактически въ пользованіе этою полосою, если не считать нѣсколькихъ разрозненныхъ попытокъ частныхъ людей основаться на ней и нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ правительства заселить эту полосу русскимъ земледѣльческимъ населеніемъ.

Явившись въ страну винограда, фруктовъ, дорогихъ лѣсныхъ породъ, но и лихорадокъ, русскіе крестьяне селились на низинѣ и твердо добивались вести и тамъ зерновое трехпольное хозяйство, болѣли, разорялись и кляли страну, которая со временемъ составитъ русскую Ривьеру.

Но ни Нессельроде, заботившійся объ утвержденіи неясныхъ статей Бухарестскаго трактата и о присоединеніи къ Россіи Анапы и Поти, ни Дибичъ, считавшій присоединеніе къ Россіи Молдавіи и Валахіи выгоднымъ для Россіи дѣломъ, не задавались мыслью: какое значеніе могутъ имѣть эти присоединенія для укрѣпленія русскаго племени и что изъ турецкаго наслѣдія было дѣйствительно жизненно необходимо для русскаго племени. Эти интересы русскаго племени въ то время понималъ только одинъ русскій человѣкъ — Дашковъ, но голосъ его не былъ услышанъ.

Относительно важнаго вопроса, — въ чемъ заключались въ 1828 — 1829 гг. на Балканскомъ полуостровѣ *русскіе интересы*, — произошло большое недоразумѣніе, имѣвшее серьезныя послѣдствія.

Урокъ исторіи конца XVIII столѣтія, когда вполнѣ опредѣленно выяснились интересы Австріи по отношенію къ турецкимъ мѣстностямъ, населеннымъ сербскимъ племенемъ, были забыты. Несчастная статья Кучукъ-Кайнарджійскаго договора, дававшая Россіи право вмѣшательства во внутреннія дѣла Турціи подъ предлогомъ защиты христіанъ, напротивъ того, забыта не была. Руководствуясь этою статьею, въ началѣ XIX столѣтія мы уже вмѣшались въ дѣла Сербіи и княжествъ и въ 1826 году усилили это вмѣшательство, требуя точнаго выполненія весьма туманныхъ статей Бухарестскаго мира [1]). Вопросы сербскій, молдавскій и греческій неожиданно оказались вопросами чисто русскими. Такое смѣшеніе понятій могло только вооружить противъ Россіи Австрію и другія европейскія державы и подготовило образованіе коалиціи 1853 — 1856 гг.

Относительно нашего права покровительства христіанамъ Балканскаго полуострова Мольтке пишетъ: „Одно уже право покровительства, предоставленное чужому монарху надъ поддаными падишаха, должно было, при произвольномъ толкованіи, даровать всякой нападкѣ видъ законнаго права. Всѣ эти отношенія указываютъ уже на надменнаго побѣдителя и на изнемогающаго побѣжденнаго“ [2]).

---

[1]) Обязательства Турціи по Бухарестскому трактату 16 мая 1812 г. относительно княжествъ и Сербіи опредѣлены въ статьяхъ V и VIII (Т. Юзефовичъ „Договоры Россіи съ востокомъ“, стр. 52, 53, 54 и 55, изд. 1869 г.).

[2]) Мольтке „Русско-турецкая война 1828 — 1829 гг.“ (Воен. Сборникъ 1876 г. № 11, стр. 13).

Такимъ образомъ, въ политическомъ отношеніи, въ войну 1828 — 1829 гг. Россія только проиграла, смѣшавъ въ дѣлахъ ближняго востока свои интересы съ чужими и этимъ вызвавъ къ себѣ недовѣрчивость и недоброжелательство со стороны европейскихъ державъ.

Въ военномъ отношеніи, если походъ 1828 года былъ неудаченъ, то походъ 1829 года и всѣ дѣйствія въ азіатской Турціи въ высокой степени поучительны и славны для русской арміи. Огромною силою воли, несмотря на тягостную обстановку, Дибичъ довелъ русскую армію, — вѣрнѣе остатки ея, — почти до Константинополя и далъ, хотя и мало выгодный для Россіи, но почетный миръ.

Заслуживаетъ особаго вниманія глубокое сознаніе въ нашихъ войскахъ въ эту кампанію нравственнаго превосходства надъ противникомъ. Это сознаніе двигало наши войска на подвиги и оно же сообщалось туркамъ и заставляло ихъ прекращать сопротивленіе даже въ такихъ случаяхъ, когда многіе шансы побѣды были на ихъ сторонѣ (Браиловъ, Варна, Кулевча, Эрзерумъ, Адріанополь, Силистрія).

Правда, наши войска въ эту войну имѣли противъ себя не армію, а скорѣе наскоро собранныя и еще необученныя ополченія, но ранѣе и позже даже вооруженные турецкіе жители при оборонѣ укрѣпленныхъ пунктовъ способны были оказывать отчаянное сопротивленіе.

Недовольство реформами султана, отсутствіе патріотическаго въ турецкомъ населеніи подъема—были одною изъ причинъ легкости успѣховъ нашихъ войскъ.

Въ началѣ XIX столѣтія, въ 1806 году, послѣ побѣдъ Наполеона надъ прусскими и союзными съ ними нѣмецкими войсками подъ Іеною и Ауерштедтомъ, Наполеонъ почти безъ сопротивленія дошелъ до Берлина и занялъ его. Нѣмецкія крѣпости сдавались кавалерійскимъ отрядамъ. Даже Блюхеръ сдался въ плѣнъ. Такъ и въ войну въ 1829 году, послѣ побѣды подъ Кулевчею, Дибичъ почти безъ сопротивленія дошелъ и занялъ Адріанополь.

Послѣ войны 1806 года пруссаки быстро оправились и, послѣ пораженія полчищъ Наполеона въ Россіи въ 1812 году, уже въ 1813 — 1815 годахъ, съ Блюхеромъ во главѣ, загладили неудачи 1806 — 1807 годовъ.

Турки тоже въ 1853—1855 годахъ выставили армію болѣе могущественную, чѣмъ въ 1828 — 1829 гг., а въ 1877 — 1878 годахъ турецкая армія для побѣды надъ нею потребовала чрезвычайныхъ усилій со стороны русскихъ войскъ и часто превосходства ихъ въ численности (Плевна).

Несомнѣнно, что въ настоящее время турецкая армія, прошедшая черезъ руки такихъ даровитыхъ нѣмецкихъ инструкторовъ, какъ Гольцъ-паша, представляетъ огромную военную силу, каковою Турція еще не располагала ни въ XVIII, ни въ XIX столѣтіяхъ.

Заслуживаетъ вниманія положеніе въ теченіе войны 1828—1829 гг. турецкаго султана Махмуда. Съ огромною энергіею онъ принялся за реформы въ странѣ и безъ пощады уничтожилъ всѣхъ янычаръ, которые до него являлись главными распорядителями судебъ турецкаго государства и трона. Но Махмудъ въ своей реформаторской дѣятельности не нашелъ должной опоры ни въ своихъ приближенныхъ, ни въ народѣ.

Неудачи въ войнѣ съ русскими естественно относили къ тому, что многія тысячи храбрецовъ-янычаръ, несомнѣнно опытныхъ въ военномъ дѣлѣ, были казнены. По мѣрѣ приближенія русскихъ къ Стамбулу настроеніе населенія къ султану становилось все непріязненнѣе, и можно было ожидать возстанія противъ него.

Мольтке въ слѣдующихъ строкахъ описываетъ тяжелое положеніе султана передъ подписаніемъ имъ мирнаго договора:

„Возстаніе въ Константинополѣ представляло для падишаха величайшую опасность. Султанъ Махмудъ долго не внималъ малодушнымъ совѣтамъ своихъ министровъ, дрожавшихъ за свою голову, отклоняя также настоятельныя внушенія иностранныхъ державъ, не поддержавшихъ Порту во время борьбы, и изъ которыхъ ни одна не имѣла возможности оказать помощь, въ случаѣ окончательной гибели. Разсказываютъ, что несчастный повелитель правовѣрныхъ проливалъ слезы, когда онъ вынужденъ былъ 2 (14) сентября смирить свою желѣзную волю предъ жестокою силою обстоятельствъ; сраженный горемъ, онъ заперся на нѣсколько недѣль въ своемъ дворцѣ, въ Терапіи. Подписывая мирный договоръ, онъ какъ бы признавалъ подорваннымъ стремленіе всей своей жизни. Для осуществленія реформы пролиты были потоки крови, уничтожены древнія учрежденія и святые обычаи родины, подкопаны вѣрованія и гордость народа! Между тѣмъ Божій судъ осудилъ задуманную реформу“ [1]).

---

[1]) Мольтке, „Русско-турецкая кампанія въ Европейской Турціи въ 1828—1829 гг.“, ч. II, стр. 215, изд. 1883 г.

ГЛАВА XXVI.

Восточная война 1853—1856 годовъ.

Политическая обстановка передъ войною 1853—1856 гг. Соглашеніе между Россіею и Австріею въ 1833 году въ Мюнхенгрецѣ. Участіе Россіи въ 1849 году въ дѣлахъ княжествъ Молдавіи и Валахіи; Балта-Лиманскій договоръ 1849 г. Вмѣшательство Россіи въ турецкія дѣла въ 1853 году; вопросъ о святыхъ мѣстахъ. Посольство кн. Меншикова. Вступленіе русскихъ войскъ въ дунайскія княжества. Отношеніе къ дѣйствіямъ Россіи на Балканскомъ полуостровѣ въ 1853—1854 годахъ: Австріи, Пруссіи, Франціи и Англіи. — Война съ Турціею въ 1853—1854 годахъ. — Война съ коалиціею державъ подъ Севастополемъ въ 1855—1856 годахъ. — Характеристика дѣйствій нашихъ войскъ на европейскомъ и на азіатскомъ театрахъ военныхъ дѣйствій. — Заключеніе о войнѣ 1853—1856 годовъ.

(Схема № 22).

Политическая обстановка передъ войною 1853—1856 гг.

Помощь, оказанная въ 1833 году султану русскимъ флотомъ и русскимъ десантомъ, высадившимся на Босфоръ, съ цѣлью остановить возстаніе вошиственнаго египетскаго паши Мегмета-Али, послужила къ заключенію, 26 іюня 1833 года, въ Ункіаръ-Искелеси трактата между Россіею и Турціею.

Этотъ трактатъ, названный союзнымъ оборонительнымъ договоромъ, былъ заключенъ на восемь лѣтъ.

Подтверждая всѣ ранѣе заключенные договоры, Ункіаръ-Искелесскій трактатъ обязывалъ Турцію, въ случаѣ войны Россіи съ какою-либо державою, закрыть Дарданеллы. Предполагалось, что въ то же время для русскаго флота, какъ союзнаго, оба пролива будутъ открыты [1]).

Въ томъ же 1833 году, въ небольшомъ пограничномъ городкѣ Чехіи — Мюнхенгрецѣ, съѣхались императоры русскій и австрійскій для обсужденія двухъ вопросовъ—восточнаго и польскаго и для заключенія договора для согласныхъ и совмѣстныхъ дѣйствій по этимъ вопросамъ. При непосредственномъ руководствѣ монарховъ, переговоры велись съ русской стороны Нессельроде, съ австрійской — Меттернихомъ. По каждому изъ вопросовъ пришли къ соглашенію, соста-

[1]) С. Горяиновъ „Босфоръ и Дарданеллы“, стр. 34.

вили по особой конвенціи, которыя и были утверждены монархами Россіи и Австріи 6 сентября 1833 года.

Мюнхенгрецкая конвенція по восточному вопросу имѣла цѣлью поддержаніе существованія оттоманской имперіи и установленіе согласныхъ дѣйствій въ случаѣ ея паденія.

Относительно этого послѣдняго случая въ конвенціи значилось: „Если бы, не взирая на общія желанія и усилія обоихъ кабинетовъ, существующій порядокъ Турціи былъ ниспровергнутъ, Россія и Австрія будутъ держаться полнаго согласія и солидарности во всемъ, что касается учрежденія новаго порядка дѣлъ, имѣющаго замѣнить существующій въ настоящее время, и сообща будутъ имѣть наблюденіе за тѣмъ, чтобы измѣненія, совершившіяся во внутреннемъ строѣ этой имперіи, не могли нанести ущерба ни безопасности ихъ собственныхъ владѣній, ни правамъ, обезпеченнымъ за ними трактатами, ни европейскому равновѣсію“ [1]).

Ункіаръ-Искелесскій договоръ и Мюнхенгрецкое соглашеніе возбудили подозрительность Англіи. Благодаря ея домогательствамъ, отдѣльныя соглашенія Россіи съ Турціею и Австріею, относительно охраненія цѣлости оттоманской имперіи, были замѣнены соглашеніемъ четырехъ державъ—Россіи, Англіи, Австріи и Пруссіи въ Лондонѣ 3 іюля 1840 года. Этимъ актомъ всѣ преимущества Россіи относительно проливовъ, полученныя въ 1833 году, были безъ протеста уступлены представителемъ Россіи барономъ Бруновымъ, съ одобренія Нессельроде. Русскіе интересы и на этотъ разъ плохо охранялись этими не русскими дипломатами.

Императоръ Николай I былъ увѣренъ, что оттоманская имперія близка къ распаденію, и признавалъ необходимымъ установить соглашеніе между четырьмя державами—Россіею, Австріею, Пруссіею и Англіею—относительно ихъ дѣйствій въ этомъ случаѣ. Относясь недовѣрчиво къ французскому правительству, императоръ Николай I признавалъ, что при соглашеніи четырехъ державъ Франціи не останется другого выхода, какъ дѣйствовать согласно съ ними.

Соглашеніе съ Австріею было достигнуто въ 1833 году въ Мюнхенгрецѣ. Берлинскій кабинетъ примкнулъ къ этому соглашенію [2]). Оставалась Англія. Съ цѣлью пригласить и ее къ участію въ этомъ дѣлѣ императоръ Николай I совершилъ въ 1844 году поѣздку въ Англію.

Въ Англіи существовало въ то время мнѣніе, что Россія, силою или хитростью, стремится вызвать паденіе оттоманской имперіи съ цѣлью усилиться за-ея счетъ.

Императоръ Николай I въ своихъ бесѣдахъ съ англійскими государственными людьми, главнымъ образомъ съ лордами Абердиномъ

---

[1]) С. Горяиновъ, стр. 40.

[2]) С. Татищевъ „Императоръ Николай I и иностранные дворы“, стр. 37.

и Пилемъ, старался убѣдить ихъ, что Турція разрушается и что Россія не имѣетъ намѣреній поживиться на ея счетъ.

Роберту Пилю нашъ государь съ большимъ одушевленіемъ говорилъ:

„Турція разрушается; дни ея сочтены... *Я не хочу ни единаго вершка турецкой земли, но не позволю и другимъ державамъ присвоить себѣ хотя бы одинъ вершокъ*“ [1]).

Англійскіе министры старались въ свою очередь убѣдить государя въ необходимости изыскать средства къ поддержанію оттоманской имперіи.

Въ меморандумѣ Нессельроде, излагавшемъ сущность переговоровъ въ Лондонѣ, сдѣланы слѣдующія заключенія относительно этихъ переговоровъ:

1) „Искать продлить существованіе оттоманской имперіи въ ея настоящемъ положеніи, доколѣ эта политическая комбинація окажется возможною.

2) „Если мы (т. е. дворы С.-Петербургскій и Лондонскій) предвидимъ, что она должна разрушиться, то войти въ предварительное соглашеніе относительно установленія новаго порядка вещей, имѣющаго замѣнить нынѣ существующій, и наблюдать сообща за тѣмъ, чтобы перемѣна, состоявшаяся во внутреннемъ положеніи этой имперіи, не посягала ни на безопасность ихъ собственныхъ владѣній и правъ, обезпеченныхъ каждому изъ нихъ договорами, ни на поддержаніе европейскаго равновѣсія“ [2]).

Въ общемъ въ пунктѣ второмъ повторена туманная редакція Мюнхенгрецкаго соглашенія.

Относительно этого документа С. Татищевъ высказываетъ мнѣніе, что поѣздка нашего государя въ Лондонъ „не разсѣяла свойственной англичанамъ подозрительности по отношенію ко всему, что касается дѣйствій Россіи на востокѣ, но даже дала ей новую пищу, подчеркнувъ противорѣчіе между заискивающею дипломатическою фразою меморандума и прямодушною откровенностью рѣчей государя“.

Причины недовѣрія англичанъ, вѣроятно, лежали глубже. Занятая Россіею, послѣ наполеоновскихъ войнъ, господствующая въ Европѣ роль не могла не внушать опасеній англичанамъ. Способствовавъ побѣдѣ надъ Франціею, англичане во время посѣщенія государемъ Лондона въ 1844 году уже находились въ союзныхъ и дружескихъ отношеніяхъ съ Франціею.

Уже тогда, быть можетъ, начиналась подготовка союзныхъ съ нею дѣйствій противъ Россіи.

Властное заявленіе русскаго государя о томъ, что онъ не позволитъ другимъ державамъ присвоить себѣ хотя бы одинъ вершокъ

---

[1]) С. Татищевъ, стр. 39.

[2]) Тамъ же, стр. 40.

турецкой земли, имѣло видъ угрозы, направленной въ сторону Англіи, и не могло поэтому не вызывать протеста Англіи, привыкшей въ своихъ дѣйствіяхъ согласоваться только съ своими интересами.

Революціонное движеніе, охватившее большую часть Европы въ 1848 году, отразилось волненіями и въ княжествахъ Молдавіи и Валахіи. По соглашенію съ Турціею, но безъ соглашенія съ Австріею, обезсиленною только что оконченною ею борьбою съ возстаніемъ венгровъ, государь императоръ Николай I приказалъ въ 1849 году русскимъ войскамъ занять княжества совмѣстно съ турецкими войсками.

Д. Бухаровъ, авторъ труда „Россія и Турція“, по поводу совмѣстнаго дѣйствія Турціи и Россіи противъ христіанскаго владѣнія, высказываетъ слѣдующія мнѣнія:

„Быть можетъ, Турція справилась бы съ инсургентами и собственными своими средствами; но, пріученная съ давнихъ поръ разсчитывать въ трудныя минуты на помощь извнѣ, Порта уже не довѣряла болѣе своей боевой способности. Въ такомъ критическомъ положеніи только одна Россія, какъ и въ 1833 г., могла оказать ей скорую, энергическую помощь, хотя совершенно при иныхъ условіяхъ. Различіе было такъ очевидно, что никому даже не приходила мысль, что держава, въ отношеніяхъ которой къ Портѣ постоянно преобладало стремленіе оказать покровительство своимъ единовѣрцамъ, неожиданно двинетъ противъ нихъ свои войска, совмѣстно съ полчищами османлисовъ.

„Оправданіемъ такому политическому маневру могло служить развѣ только желаніе разомъ возвратить себѣ вліяніе на Порту, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ускользавшее изъ рукъ. Къ тому же, дѣйствительно казалось отчасти возможнымъ воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ, ничѣмъ притомъ не рискуя; къ тому же, европейскія правительства были слишкомъ озабочены событіями, воочію совершавшимися передъ ними въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ, чтобы удостоить вниманіемъ возстаніе, вовсе не представлявшееся грознымъ; Порта же, напротивъ, признавая угрожавшую ей опасность истиннымъ для себя бѣдствіемъ, не знала, какъ и оцѣнить неожиданно предложенную ей помощь.

„Но, во всякомъ случаѣ, заявленная 31 іюля 1848 г. рѣшимость Россіи дѣйствовать въ соглашеніи съ Блистательною Портою для возстановленія спокойствія въ дунайскихъ княжествахъ ничѣмъ не могла быть оправдана; отнюдь не возвращая утраченнаго вліянія, она непремѣнно должна была способствовать усиленію недовѣрія и подозрительности султана въ будущемъ и возбудить противъ Россіи неудовольствіе народовъ, преданность которыхъ дотолѣ не подвергалась никакому сомнѣнію“ [1]).

---

[1]) Д. Бухаровъ „Россія и Турція“, стр. 118 — 119, изд. 1878 г.

Въ результатѣ нашего вмѣшательства въ дѣла княжествъ явился актъ, заключенный между русскимъ и турецкимъ правительствами въ Балта-Лиманѣ 19 апрѣля 1849 года [1]).

На основаніи этого акта Россія получила по отношенію княжествъ права, почти равныя съ турецкими.

Выборъ господарей долженъ былъ происходить съ согласія двухъ правительствъ (ст. 1).

Конституціонныя права мѣстныхъ бояръ были сокращены лишеніемъ права созыва обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ собраній бояръ (ст. 2).

Для разработки необходимыхъ органическихъ улучшеній въ княжествахъ были установлены два ревизіонныхъ комитета, труды которыхъ должны были поступить на разсмотрѣніе оттоманскаго и русскаго правительствъ (ст. 3).

Русское и турецкое правительства представлялись каждое въ княжествахъ чрезвычайными комиссарами — русскимъ и турецкимъ. Эти комиссары были обязаны наблюдать за ходомъ дѣлъ и сообща представлять господарямъ свои мнѣнія и совѣты, чуть замѣтятъ какія-либо сильныя злоупотребленія или какую-нибудь мѣру, вредную для спокойствія края. На комиссаровъ, по взаимному ихъ соглашенію, возлагался и выборъ членовъ ревизіонныхъ комитетовъ (ст. 5).

Въ результатѣ Балта-Лиманскаго договора населеніе княжествъ отшатнулось отъ Россіи, „признавъ ее не покровительницею, а врагомъ своей свободы и независимости“ [2]).

Договоръ этотъ былъ заключенъ на семь лѣтъ и, по отношенію къ Австріи, послужилъ однимъ изъ серьезныхъ поводовъ къ враждебному ея отношенію къ Россіи въ 1853—1856 гг.

Въ интересномъ трудѣ А. А. Гирса „Россія и ближній востокъ“, появившемся въ 1906 г., приведены обширныя выдержки изъ сочиненія профессора Зибеля „Основаніе германской имперіи“. Въ этихъ выдержкахъ, съ точки зрѣнія нѣмецкаго ученаго и патріота, слѣдующимъ образомъ изложена политика императора Николая I въ серединѣ прошлаго столѣтія и событія, предшествовавшія войнѣ 1853–1856 гг.

„Императоръ Николай I стоялъ тогда на высшей ступени успѣховъ, почета и мощи. Въ сознаніи своей власти, повелѣвая неограниченно государствомъ и церковью, онъ съ самаго начала явился противникомъ современнаго либерализма и съ величайшею энергіею, всѣми средствами, которыми располагалъ, выступилъ противъ революціи 1848 г. Въ усмиреніи венгерскаго мятежа онъ видѣлъ залогъ безусловной приверженности Австріи. Прусскаго короля онъ суровою

---

[1]) Т. Юзефовичъ „Договоры Россіи съ востокомъ“, стр. 107.

[2]) Д. Бухаровъ, стр. 121.

рукою, подъ конецъ даже къ собственному удовлетворенію послѣдняго, вырвалъ изъ тисковъ объединительной политики и тѣмъ самымъ возстановилъ раздробленіе Германіи, одинаково пріятное какъ среднимъ германскимъ государствамъ, такъ и Россіи. Своими угрозами онъ принудилъ германскія державы выдать Даніи Шлезвигъ-Голштинію, и это послужило поводомъ къ окончательному укрѣпленію дружбы его со многими выдававшимися государственными людьми Англіи.

„Единственная великая европейская держава, не оказывавшая ему угодливости, была Франція. Она казалась ему источникомъ всякихъ революцій, страною, расшатанною анархіею и партійными раздорами; онъ не поколебался, въ лицѣ новаго главы республики, открыто выразить презрѣніе къ французскимъ порядкамъ. Въ глазахъ всего свѣта онъ сдѣлался, такимъ образомъ, убѣжищемъ законности и консервативныхъ началъ; либералы Европы его ненавидѣли, но еще болѣе боялись, вліятельныя же лица изъ феодальныхъ и клерикальныхъ партій почитали его съ пламенною ревностью.

„Въ 1852 году онъ глядѣлъ на западную часть нашего материка, какъ на устроенную по его указаніямъ, и теперь снова направилъ взоръ назадъ, на турецкій востокъ.

„Здѣсь также онъ думалъ найти обильный матеріалъ для примѣненія своего властительскаго призванія. Хотя Порта смиренно и молчаливо повиновалась его мановеніямъ, тѣмъ не менѣе и въ Константинополь проникъ ядъ революціонныхъ мыслей; оказавъ гостепріимство польскимъ и венгерскимъ бѣглецамъ, Порта приняла даже нѣкоторыхъ изъ нихъ на службу. Когда Франція потребовала для католиковъ въ Іерусалимѣ большаго удѣла во владѣніи и пользованіи св. мѣстами, на счетъ правъ тамошнихъ грековъ, Диванъ, послѣ нѣкотораго колебанія, обнаружилъ готовность исполнить такое требованіе. Конечно, вслѣдствіе рѣзкаго сопротивленія тому со стороны Россіи, онъ ограничился ничтожною мѣрою — дозволеніемъ имѣть ключъ отъ никогда не запиравшейся церковной двери; но и тутъ императоръ Николай, опираясь на единомысліе съ Англіею, объявилъ, что посягательство это на права греческой церкви заключаетъ въ себѣ тяжкое оскорбленіе лично для него, тѣмъ болѣе, что ужъ безъ того греческія общины, въ различныхъ провинціяхъ Турціи, терпятъ притѣсненія и оскорбленія, благодаря произволу турецкихъ чиновниковъ, и что Россія, на основаніи заключенныхъ договоровъ, имѣетъ формальное право охраны своихъ единовѣрцевъ. Чѣмъ осторожнѣе теперь Франція, несмотря на явную неосновательность русскихъ притязаній, отступала отъ своихъ требованій, чѣмъ насильственнѣе распространялось на всю Европу могущество Россіи, сказавшееся въ 1852 году, — тѣмъ глубже русскій самодержецъ проникался мыслью, что наступило благопріятное время для рѣшенія въ выгодномъ, исключительно для Россіи, смыслѣ давно уже поставленнаго восточнаго вопроса. Другими словами, онъ снова, какъ и въ 1829 году, исходилъ изъ того воззрѣнія,

что турецкое владычество, потрясенное внутри, близко къ смерти; христіанскіе подданные, 10 — 12 милліоновъ которыхъ въ одной Европѣ были единовѣрцами русскихъ, собирались сбросить иго полумѣсяца; было бы безчестно и безбожно удерживать ихъ отъ того, не ободрять и не поддерживать. Тѣмъ самымъ открылось бы наслѣдство *„больного человѣка“* и пришлось бы лишь, при урегулированіи этого вопроса, по возможности устранить отъ участія въ этомъ дѣлѣ неблагосклонно относящихся къ нему сотоварищей. Исходя изъ такой мысли, императоръ Николай въ 1853 году заговорилъ о Турціи съ англійскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, сэромъ Гамильтономъ Сеймуромъ, и заявилъ, что онъ требуетъ для себя лишь протектората надъ Молдавіей, Валахіей и Сербіей и что желаетъ предоставить Англіи Кандію и Египетъ. Онъ надѣялся, что Англія не устоитъ противъ этого предложенія.

„Если мы оба будемъ согласны, — сказалъ онъ посланнику, — намъ нечего заботиться ни о комъ; если я говорю Россія, то это значитъ и Австрія, такъ какъ на востокѣ у насъ одни и тѣ же интересы.

„Прежде всего Диванъ пришелъ къ заключенію, что ужасный конецъ лучше ужаса, не имѣющаго конца. Русскій ультиматумъ былъ отклоненъ. Императоръ Николай отвѣтилъ тѣмъ, что войска его заняли Молдавію и Валахію, не для войны, но въ матеріальное обезпеченіе того, что его законныя требованія будутъ исполнены.

„О Пруссіи онъ даже и не упомянулъ, о Франціи отозвался, въ разговорѣ съ Сеймуромъ, съ рѣзкою враждебностью, что ему однако не помѣшало, послѣ того, какъ въ Лондонѣ холодно отклонили его планы, такую же попытку возобновить и съ французскимъ посланникомъ, Кастельбажакомъ. Онъ настолько былъ увѣренъ въ успѣхѣ своего предложенія, что въ Севастополѣ подготовилъ къ выходу Черноморскій флотъ, стянулъ въ Бессарабіи сильную армію и послалъ въ Константинополь адмирала князя Меншикова, для передачи рѣшающаго вопросъ ультиматума. Требованія кн. Меншикова сводились къ заключенію договора, по которому обѣ державы соглашались сохранять неприкосновенными права и привилегіи исповѣдующихъ греко-россійскую вѣру турецкихъ подданныхъ; такъ что впредь, при всякомъ нарушеніи правъ послѣднихъ, русскій императоръ имѣлъ бы основаніе для фактическаго вмѣшательства. Ясно, что это было бы равносильно погибели турецкой самостоятельности и смерти „больного человѣка“. Дивану представился, такимъ образомъ, выборъ между добровольнымъ подчиненіемъ и гибелью отъ русскаго меча“ [1]).

Такимъ образомъ нѣмецкій ученый рисуетъ отношенія императора Николая къ представителямъ другихъ державъ Европы весьма сильными штрихами.

---

[1]) А. Гирсъ „Россія и ближній востокъ“, стр. 81—84.

Прусскаго короля императоръ Николай I „суровою рукою“ вырываетъ изъ тисковъ объединительной политики. Относительно Австріи императоръ Николай I въ переговорахъ съ Англіею признаетъ, что если онъ говоритъ Россія, то это значитъ и Австрія.

Относительно германскихъ государствъ русскій императоръ тоже не церемонится: угрозами онъ принуждаетъ ихъ выдать Даніи Шлезвигъ-Голштинію. Относительно Франціи императоръ Николай I, въ лицѣ новаго главы республики, открыто выразилъ презрѣніе къ французскимъ порядкамъ. Порта смиренно и молчаливо повиновалась ему.

Только относительно Англіи императоръ дѣлаетъ исключеніе и вступаетъ съ англійскимъ правительствомъ въ переговоры относительно совмѣстныхъ дѣйствій на ближнемъ востокѣ.

Признавая въ 1852 году, что западная часть материка Европы устроена по его указанію, императоръ Николай I обращаетъ свой взоръ на турецкій востокъ, гдѣ и ищетъ примѣненія своего „властительскаго призванія“.

Глубоко убѣжденный, что Турція, вслѣдствіе внутреннихъ потрясеній, близка къ распаденію, императоръ Николай признаетъ необходимымъ и своевременнымъ принять мѣры къ тому, чтобы помочь 10,000,000—12,000,000 единовѣрцевъ сбросить турецкое иго.

При этомъ мощный представитель русскаго народа признаетъ своевременнымъ рѣшить восточный вопросъ „въ выгодномъ исключительно для Россіи смыслѣ“. Этотъ исключительно выгодный для Россіи способъ рѣшенія восточнаго вопроса нѣмецкій профессоръ видитъ въ планѣ императора Николая взять подъ свой протекторатъ Молдавію, Валахію и Сербію и закрѣпить возможность, при всякомъ нарушеніи правъ турецкихъ подданныхъ „греко-россійской вѣры“, фактически вмѣшиваться въ дѣла Турціи.

Нарисованная нѣмецкимъ ученымъ картина въ общемъ вѣрна. Совершенно невѣрно только указаніе, что, приступая къ устройству турецкихъ дѣлъ въ предположеніи наступающей смерти „больного человѣка“, императоръ Николай задавался цѣлью рѣшать эти дѣла въ исключительно выгодномъ для Россіи смыслѣ. Совсѣмъ напротивъ, императоръ Николай, вѣрный традиціямъ священнаго союза и глубоко убѣжденный въ необходимости вмѣшательства въ дѣла Европы для борьбы съ революціоннымъ движеніемъ, вмѣшивался въ эти дѣла совершенно безкорыстно и, какъ изложено выше, во вредъ интересамъ Россіи. Такъ и по отношенію къ дѣламъ ближняго востока, императоръ Николай I, твердо вѣря въ высшую миссію Россіи по освобожденію христіанскихъ народовъ, готовился жертвовать кровью сыновъ Россіи и сбереженіями бѣднаго ея населенія для устройства судьбы этихъ христіанскихъ народностей. Дѣйствительно, утвержденіе протектората Россіи надъ княжествами и Сербіею и вмѣшательство во внутреннія дѣла Турціи могли только ослабить Россію, создать ей враговъ, но не усилить ее.

О томъ, что для Россіи дѣйствительно было нужно — о Босфорѣ, никакихъ предположеній не существовало. Одинокій голосъ Дашкова въ 1827 году о двухъ каменныхъ уголкахъ на Босфорѣ былъ забытъ.

Но если цѣли императора Россіи были безкорыстны, то цѣли другихъ державъ ему не представлялись таковыми. Какъ же императоръ Николай предполагалъ бороться противъ корыстныхъ плановъ другихъ державъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ разговоръ императора въ Лондонѣ съ Пилемъ: „Я не хочу ни единаго вершка турецкой земли, но не позволю и другимъ державамъ присвоить себѣ хотя бы одинъ вершокъ“.

Чтобы такъ говорить, надо было вѣрить въ свою силу, въ возможность выполнить это обѣщаніе. На чемъ же основывалась увѣренность императора Николая I въ своей силѣ? Прежде всего, онъ вѣрилъ въ отличныя достоинства своей арміи и затѣмъ въ предстоящей ему борьбѣ твердо былъ убѣжденъ, если не въ союзѣ съ Пруссіею и Австріею, то въ доброжелательномъ ихъ нейтралитетѣ. Относительно Англіи, черезъ 9 лѣтъ послѣ произнесенныхъ въ Лондонѣ словъ о томъ, что онъ не допуститъ другихъ державъ присвоить хотя бы вершокъ турецкой земли, императоръ Николай сдѣлался уступчивѣе и въ случаѣ раздѣла турецкаго наслѣдія предложилъ ей Египетъ и Кандію. Францію съ Наполеономъ императоръ Николай I презрительно игнорировалъ, увѣренный, что при соглашеніи съ Англіею и союзныхъ или нейтральныхъ отношеніяхъ Пруссіи и Австріи Франція молчаливо примкнетъ къ тѣмъ рѣшеніямъ, которыя ей продиктуетъ Россія по соглашенію съ Англіею.

Событія совершенно не оправдали надеждъ императора Николая I. Русская армія оказалась отсталою въ обученіи и вооруженіи, съ начальниками, забитыми муштрою, перенесенною въ наши войска съ запада; флотъ, отличный по личному составу, остался паруснымъ и не былъ въ силахъ бороться съ паровымъ. Австрія и Пруссія, вмѣсто покорнаго исполненія воли русскаго царя, начали готовиться даже къ вооруженной борьбѣ съ Россіею. Англія не прельстилась предложенными ей кусками Турціи и стала противъ Россіи, съ цѣлью не допустить ни распаденія Турціи, ни дальнѣйшаго усиленія русскаго могущества. Наконецъ, Франція, которая должна была слѣдовать въ хвостѣ руководимой русскимъ императоромъ коалиціи изъ четырехъ державъ — Россіи, Англіи, Пруссіи и Австріи — и покорно принимать ихъ рѣшенія, стала во главѣ коалиціи противъ Россіи изъ четырехъ воюющихъ державъ и двухъ — враждебно къ Россіи нейтральныхъ.

Ниже приводятся посильныя объясненія: почему планы и надежды императора Николая I были разрушены суровою дѣйствительностью и привели Россію къ несчастной для нея войнѣ 1853—1856 годовъ.

Основаніемъ для вмѣшательства Россіи въ дѣла Турціи въ 1853 году послужила снова статья Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, которая допускала заботу русскаго государя о судьбѣ христіанскихъ поддан-

ныхъ султана. Но на этотъ разъ главѣ магометанъ предстояло въ свою очередь вмѣшаться въ споръ о святыхъ мѣстахъ между разными христіанскими вѣроисповѣданіями. Рѣшая его въ пользу католиковъ, султанъ вооружалъ противъ себя русскаго императора, рѣшая въ пользу грековъ — императора французовъ. Со времени утвержденія мусульманскаго господства въ Палестинѣ, почти всѣми святыми мѣстами владѣли католики, подъ покровительствомъ Франціи, на основаніи трактатовъ съ 1535 года. Когда православные завладѣли нѣкоторыми изъ святилищъ, въ 1635 году послѣдовало распоряженіе султана вновь передать ихъ католикамъ.

Но впослѣдствіи Франція перестала заниматься своими единовѣрцами въ Палестинѣ, и этимъ воспользовались православные, которые и заручились многими привилегіями въ ущербъ католикамъ. По вопросу о пользованіи святыми мѣстами между православными и католиками происходили непрерывныя распри. Когда явились съ своими домогательствами и протестанты, то борьба только усложнилась, и тяжкія ссоры между представителями разныхъ исповѣданій происходили даже у Гроба Господня.

„Послѣднія пререкательства православныхъ съ католиками произошли по поводу вопросовъ, кому изъ нихъ принадлежитъ законное обладаніе храмомъ Капы Галилейской и которому изъ названныхъ исповѣданій слѣдуетъ предоставить право затеплять большее количество лампадокъ у Гроба Господня. Эти-то недоразумѣнія и обратили на себя вниманіе Наполеона III и вызвали его вмѣшательство.

„Въ то же время произошло нѣсколько кровавыхъ схватокъ между соперничавшими сторонами, послѣдствіемъ которыхъ было то, что православные, превосходившіе численностью католиковъ, совершенно разогнали послѣднихъ и завладѣли Гробомъ Господнимъ. Событіе это какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало желаніямъ Наполеона III: ему представлялся весьма удобный случай, подъ видомъ оказанія поддержки своимъ единовѣрцамъ, возвратить Франціи ея прежнее вліяніе на Порту.

„Въ представленіяхъ, сдѣланныхъ Наполеономъ Дивану въ 1851 г. по поводу недавняго угнетенія католиковъ, онъ выяснилъ всѣ перипетіи вопроса съ XVI столѣтія и требовалъ возобновленія всѣхъ старинныхъ капитуляцій, преимущественно же капитуляціи 1740 года“ [1]).

Вотъ что пишетъ относительно протектората надъ святыми мѣстами авторъ „Всеобщей исторіи“ Г. Веберъ [2]).

„Договоры, заключенные между Россіею и Турціею, предоставляли русскому императору право считать себя чѣмъ-то въ родѣ покровителя христіанъ греческаго вѣроисповѣданія, а императоръ Николай, считавшій распространеніе православной религіи за самую священную

---

[1]) Д. Бухаровъ, стр. 130.

[2]) Г. Веберъ „Всеобщая исторія“, т. XV, часть II, стр. 28—29, изд. 1893 г.

изъ своихъ царскихъ обязанностей, не пропускалъ никакого удобнаго случая для вмѣшательства въ религіозныя распри между турецкими поддаными, ссылаясь на неясныя, допускавшія различныя истолкованія, постановленія вышеупомянутыхъ трактатовъ и въ особенности на мирный договоръ, заключенный въ Кучукъ-Кайнарджи. Агенты и приверженцы русскаго правительства всячески старались усиливать привязанность турецкихъ христіанъ къ Россіи, а изъ того, какъ выражался русскій посланникъ въ Константинополѣ, можно бы было заключить, что русскій царь всѣми признанъ за законнаго защитника греческой религіи на востокѣ.

„Благодаря такому сильному покровительству, христіане греческаго вѣроисповѣданія не только перестали опасаться притѣсненій со стороны мусульманъ, но даже стали считать себя законными владѣльцами святыхъ мѣстъ въ Палестинѣ, въ особенности Гроба Господня въ Іерусалимѣ и церкви въ Виѳлеемѣ; они возпамѣрились или вовсе не допускать пилигримовъ римско-католическаго вѣроисповѣданія къ святымъ мѣстамъ, или же допускать на такихъ условіяхъ, которыя лишили бы ихъ равноправности съ православными. Въ церкви, гдѣ находится Гробъ Господень, нерѣдко происходили кончавшіяся кровопролитіемъ ссоры между приверженцами церквей восточной и западной. Но и Франціи принадлежало съ 1740 года такое же право протектората надъ посѣщавшими Палестину католиками, какое было предоставлено Россіи надъ исповѣдывавшими греческую вѣру“.

Такимъ образомъ, когда представители греческой и католической религій, изъ-за сохраненія за собою доходовъ, дрались у Гроба Господня,—русскій монархъ, отъ котораго истина была скрыта, считалъ, что умаленіе правъ въ святыхъ мѣстахъ грековъ „заключаетъ тяжкое оскорбленіе лично для него“. Выступая защитникомъ христіанъ Балканскаго полуострова и поднимая вопросы о раздѣлѣ турецкаго наслѣдія, императоръ Николай I, повидимому, не представлялъ себѣ возможнымъ такого положенія, чтобы христіане, подданые Турціи, предпочли отказаться отъ помощи Россіи, только бы не попасть въ число русскихъ подданныхъ. Д. Бухаровъ посвящаетъ этому вопросу слѣдующую интересную страницу.

„Ничтожныя, скорѣе кажущіяся, чѣмъ дѣйствительныя, улучшенія, допущенныя милостью султана въ судьбахъ христіанскихъ подданныхъ Порты [1]), замѣтно ослабили ихъ ненависть къ мусульманамъ и подали даже надежду, что сближеніе между двумя столь разнородными по характеру и вѣрованіямъ элементами, хотя и въ далекомъ будущемъ, однакоже возможно.

„Подобный оборотъ дѣлъ не входилъ въ соображенія русскаго правительства, начинавшаго наконецъ сознавать, что его единовѣрцы мало-по-малу отрѣшаются отъ убѣжденія, что только Россія можетъ

[1]) Въ періодъ крымской войны.

оказать имъ содѣйствіе и помощь; вмѣстѣ съ тѣмъ стали усиливаться и опасенія, что русское вліяніе на восточныхъ христіанъ не замедлитъ совершенно утратиться, какъ это уже случилось въ дунайскихъ княжествахъ.

„Такія опасенія русскаго правительства, во всякомъ случаѣ, не были лишены основаній; надежды христіанъ на заступничество и помощь Россіи уже столько разъ не осуществлялись, что даже мысль о ея покровительствѣ устрашала и заставляла предполагать, что она стремится лишь къ распространенію на славянскія племена своего владычества, считавшагося ими гораздо болѣе опаснымъ для ихъ національности, чѣмъ безобразное турецкое управленіе. Сдѣлавшись подданными Россіи, славянскія племена неминуемо подверглись бы строгой административной централизаціи, лишенію муниципальныхъ учрежденій, утратѣ вѣками усвоенныхъ обычаевъ и существенному измѣненію родныхъ нарѣчій, т. е. всѣхъ несомнѣнныхъ доказательствъ ихъ политической индивидуальности, которую они сумѣли сохранить, несмотря на гнетъ вѣкового рабства“ [1]).

Въ январѣ 1853 года императоръ Николай возобновилъ переговоры съ Англіею относительно турецкихъ дѣлъ. Переговоры велись черезъ посредство англійскаго посла Гамильтона.

9 января императоръ говорилъ Гамильтону: „Дѣла Турціи крайне плохи, ей угрожаетъ неизбѣжная гибель. Это конечно большое несчастіе, — а потому весьма важно, чтобы Англія и Россія заблаговременно пришли къ полному соглашенію по восточному вопросу; каждая рѣшительная мѣра одной державы должна быть заранѣе извѣстна другой. Не забывайте, что мы имѣемъ дѣло съ „больнымъ человѣкомъ“, поэтому не скрою, что буду крайне огорченъ, если онъ умретъ прежде, чѣмъ всѣ необходимыя распоряженія будутъ сдѣланы“ [2]).

Черезъ 5 дней государь заявилъ Гамильтону, что онъ не допуститъ Англію занять Константинополь, если она имѣетъ это въ виду, и съ своей стороны приметъ обязательство не утверждаться въ Константинополѣ полновластнымъ хозяиномъ, но временное занятіе столицы Турціи императоръ Николай I признавалъ вполнѣ возможнымъ.

9 февраля послѣдовалъ отвѣтъ Англіи: „Въ немъ выражено, что правительство королевы не находитъ возможнымъ принимать на себя какія-либо обязательства въ предвидѣніи близкаго паденія оттоманской имперіи, признавая притомъ, что черезчуръ усердная заботливость о больномъ нерѣдко бываетъ причиною его преждевременной смерти. Въ заключеніе лордъ Россель предлагалъ, не озабочиваясь распредѣленіемъ наслѣдства больного, порадѣть о продленіи его жизни“ [3]).

---

[1]) Д. Бухаровъ, стр. 123.
[2]) Тамъ же, стр. 133—134.
[3]) Тамъ же, стр. 136.

Тогда государь сдѣлалъ новую попытку придти къ соглашенію съ Англіею. Эта послѣдняя попытка изложена въ трудѣ Д. Бухарова „Россія и Турція“ слѣдующимъ образомъ:

„Въ послѣдующемъ разговорѣ императоръ вполнѣ выяснилъ свои истинныя воззрѣнія на турецкія дѣла, оказавшіяся діаметрально противуположными съ видами англійскаго правительства. Государь озабочивался мыслью о неизбѣжности близкаго распаденія оттоманской имперіи; Англія же—изысканіемъ средствъ поддержать ея существованіе. „Вашъ канцлеръ то и дѣло толкуетъ мнѣ объ этомъ“, — сказалъ императоръ Гамильтону, — „но я убѣжденъ, что катастрофа застанетъ насъ вовсе къ ней неприготовленными“. Исходя отъ этой точки зрѣнія, онъ положительно заявилъ, что не допуститъ владычества въ Константинополѣ ни Россіи, ни Англіи, ни другой какой-либо великой державы; что не согласится на расширеніе границъ Греціи и на образованіе изъ нея могущественнаго государства, а тѣмъ менѣе на возстановленіе византійской имперіи. О раздробленіи же Турціи на мелкія республики онъ и слышать не хотѣлъ, такъ какъ онѣ служили бы притономъ для Кошута и другихъ европейскихъ революціонеровъ.

„Наибольшій интересъ этого разговора заключался несомнѣнно въ сообщенныхъ императоромъ сэру Гамильтону предположеніяхъ о томъ, какой порядокъ вещей слѣдовало бы установить по паденіи оттоманской имперіи:

„Дунайскія княжества и теперь de facto составляютъ независимое государство, находящееся подъ моимъ покровительствомъ, нѣтъ надобности измѣнять ихъ положеніе.

„Сербію и Болгарію слѣдуетъ даровать подобное же управленіе, такъ какъ не представляется достаточныхъ причинъ для образованія изъ нихъ одного, вполнѣ независимаго государства.

„Я хорошо понимаю, насколько пріобрѣтеніе Египта важно и необходимо для Англіи, поэтому откровенно скажу, что, если при раздѣлѣ оттоманской имперіи онъ достанется вамъ, то конечно не съ моей стороны возникнутъ къ тому препятствія. Если обладаніе Кандіей вамъ пригодно, берите этотъ островъ, и да будетъ онъ собственностью Англіи“ [1]).

Эти предложенія вошли и въ меморандумъ отъ 21 февраля 1853 г., переданный сэру Гамильтону.

23 марта послѣдовалъ отвѣтъ Англіи, въ которомъ значилось, что Англія вовсе не желаетъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, что она устраняетъ себя отъ всякаго участія въ предварительной сдѣлкѣ, направленной къ предоставленію ей подобныхъ выгодъ, и что во всякомъ случаѣ не считаетъ себя въ правѣ изъявлять согласіе на комбинацію, которая была бы тайною для остальныхъ державъ [2]).

---

[1]) Д. Бухаровъ, стр. 136—137.

[2]) Тамъ же, стр. 138.

Переговоры были прерваны, но въ цѣляхъ успокоить Англію Нессельроде 15 апрѣля вручилъ Гамильтону ноту, въ которой императоръ Николай изъявлялъ „согласіе способствовать Англіи въ поддержаніи оттоманской имперіи и не возбуждать вопроса о ея раздробленіи“ [1]).

Одновременно съ веденіемъ этихъ переговоровъ государь отправилъ въ Константинополь князя Меншикова съ чрезвычайною миссіею для улаженія вопроса о святыхъ мѣстахъ и прекращенія черногорской распри.

„Послѣдствія трехъ нотъ князя Меншикова, отъ 16 и 22 марта и 19 апрѣля, были вполнѣ благопріятны: Порта даровала много привилегій православнымъ, утвердивъ таковыя особымъ фирманомъ, не нарушивъ притомъ обязательствъ, принятыхъ въ угоду Франціи.

„Казалось уже, что вопросъ, такъ переполошившій Европу, окончательно рѣшенъ, но русское правительство, признавая мѣры, обусловленныя фирманомъ, болѣе или менѣе удовлетворяющими потребностямъ минуты, оспорило ихъ дѣйствительность въ будущемъ.

„Вслѣдствіе этого С.-Петербургскій кабинетъ предписалъ князю Меншикову потребовать отъ Порты торжественное подтвержденіе ея обязательствъ, не только относительно святыхъ мѣстъ, но и всѣхъ привилегій и льготъ, дарованныхъ православнымъ христіанамъ, которые впредь будутъ находится подъ покровительствомъ Россіи“ [2]).

Послѣ тщетныхъ переговоровъ въ теченіе апрѣля мѣсяца, Меншиковъ 5 мая отправилъ Портѣ ультиматумъ.

Такой оборотъ, неожиданно принятый переговорами, встревожилъ державы.

„Въ Монитерѣ 18 мая уже была помѣщена слѣдующая сенсаціонная замѣтка:

„Въ дополненіе къ прежнимъ требованіямъ, князь Меншиковъ вновь домогается, чтобы Порта подписала трактатъ, которымъ права и привилегіи православныхъ церквей и духовенства были бы гарантированы покровительствомъ Россіи. Очевидно, что теперь вопросъ о святыхъ мѣстахъ отходитъ на второй планъ и затрогиваются иные интересы, всю важность значенія которыхъ опредѣлитъ по достоинству сама Турція. Если же по этому поводу возникнутъ какія-либо осложненія, то вопросъ перенесется на почву европейской политики, и тогда Франція, совмѣстно съ державами, подписавшими трактатъ 13 іюля 1841 г., вынуждена будетъ принять участіе въ его разрѣшеніи“ [3]).

Порта, поддержанная послами Англіи и Франціи, отклонила предложеніе князя Меншикова. Послѣдовалъ разрывъ дипломатическихъ сношеній, и 21 мая Меншиковъ оставилъ Константинополь.

[1]) Д. Бухаровъ, стр. 138.
[2]) Тамъ же, стр. 142—143.
[3]) Тамъ же, стр. 145—146.

Причина такихъ рѣшительныхъ дѣйствій Россіи, при явно враждебномъ къ намъ отношеніи Англіи и Франціи, крылась въ значительной степени въ увѣренности, что въ начатой распрѣ Россія не одинока, что если противъ нея вмѣстѣ съ Турціею будутъ Англія и Франція, то съ нею пойдутъ ея вѣрные союзники — Австрія и Пруссія. Въ инструкціи, которою государственный канцлеръ Нессельроде снабдилъ кн. Меншикова при отправленіи его чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь, говорилось: „Что же касается до прочихъ двухъ великихъ державъ (Австріи и Пруссіи), то вамъ извѣстно, что мы состоимъ съ ними въ тѣсномъ союзѣ, и потому было бы излишне сообщать вамъ, что между ихъ кабинетами и нашимъ существуютъ совершенное тождество видовъ и прочность взаимныхъ обязательствъ во всѣхъ главныхъ вопросахъ европейской политики. Это относится паипаче къ Австріи, которая, по географическому положенію своему, преимущественно передъ Пруссіею, можетъ оказывать дѣятельное вліяніе на дѣла востока“ [1]).

Такую же увѣренность въ Австріи и Пруссіи Нессельроде успѣлъ внушить и императору Николаю I. Твердо увѣренный, что Австрія и Пруссія не пойдутъ противъ него, императоръ Николай I далъ приказаніе русскимъ войскамъ занять дунайскія княжества.

Въ манифестѣ 14 іюня 1853 года, которымъ возвѣщалось о повелѣніи русскимъ войскамъ занять дунайскія княжества, цѣль готовящейся борьбы съ Турціею обозначена такъ:

„Не завоеваній ищемъ мы, въ нихъ Россія не нуждается, мы ищемъ удовлетворенія справедливаго права, столь явно нарушеннаго. Мы и теперь готовы остановить движеніе нашихъ войскъ, если оттоманская Порта обяжется свято соблюдать неприкосновенность православной церкви. Но если упорство и ослѣпленіе хотятъ противнаго, тогда, призвавъ Бога на помощь, Ему предоставимъ рѣшить споръ нашъ и съ полной надеждой на Всемогущую Десницу пойдемъ впередъ — за вѣру православную“ [2]).

Такимъ образомъ, война 1853 г. являлась крестовымъ походомъ за православную вѣру. Торжественно указывалось, что завоеваній мы не ищемъ. Но веденные нѣсколько ранѣе переговоры императора Николая I съ Англіею о раздѣлѣ турецкаго наслѣдія, въ которыхъ указывалось на возможность для Россіи временнаго занятія Константинополя, на то, что на Балканскомъ полуостровѣ должны появиться Болгарія и Сербія подъ протекторатомъ Россіи, на то, что Англія, за совмѣстныя съ Россіею дѣйствія, получитъ Египетъ и Кандію, —

---

[1]) С. Татищевъ „Императоръ Николай I и иностранные дворы“, стр. 115.

[2]) Д. Бухаровъ, стр. 154.

все это было извѣстно иностраннымъ дворамъ и Турціи. Поэтому заявленію, что Россія хочетъ бороться съ Турціею только за православную вѣру, никто не вѣрилъ. Всѣ державы, напротивъ того, были убѣждены, что Россія, начиная войну, преслѣдуетъ своекорыстныя цѣли, и потому рѣшились дружно противодѣйствовать ей. Можно признать, что всѣ державы отнеслись недовѣрчиво и враждебно къ начатой Россіею войнѣ. Разница была только въ образѣ дѣйствій.

Относительно роли Австріи проф. Зибель [1]) даетъ слѣдующія разъясненія: „Хотя личное почитаніе и признательность молодого императора къ своему могучему сосѣду не измѣнились, но дальнѣйшія распоряженія послѣдняго слишкомъ явно угрожали жизненнымъ интересамъ монархіи. Россія охватила уже границы Австріи съ сѣвера и востока: нельзя было дать себя охватить колоссу и съ юга. Особыя обстоятельства усиливали это соображеніе. Свобода плаванія по Дунаю, укрѣпленіемъ русскихъ въ Валахіи, была бы отдана на полный произволъ Россіи.

„Единовѣрная съ русскимъ народомъ большая часть турецкихъ христіанъ была въ то же время единоплеменна южнымъ австрійскимъ славянамъ, и нельзя было предусмотрѣть, насколько національное движеніе первыхъ могло распространиться и за предѣлами турецкой имперіи. При дальнѣйшемъ теченіи дѣлъ императоръ Николай, правда, далъ за себя и за своихъ наслѣдниковъ торжественное завѣреніе, что онъ не потерпитъ такого переступленія границъ: но графъ Буоль, не сомнѣваясь въ добросовѣстности такого обѣщанія, былъ весьма мало увѣренъ въ его исполнимости и поэтому выражалъ намѣреніе добиться, совмѣстно съ западными державами, посредничества въ возникавшемъ грозномъ дѣлѣ“.

Прибавимъ къ сему, что планы императора Николая I на дунайскія княжества уже обнаружились въ Балта-Лиманскомъ актѣ 1849 г., а намѣреніе Россіи взять подъ свой протекторатъ и Сербію стало извѣстно въ Австріи послѣ переговоровъ, въ началѣ 1853 г., императора Николая I съ Сеймуромъ о раздѣлѣ турецкаго наслѣдія [2]). Дѣйствительно, такая политика главы русскаго правительства представлялась Австріи угрожающею самымъ жизненнымъ ея интересамъ, при чемъ чувство благодарности за помощь противъ Венгріи должно было быстро поблекнуть.

21 іюня 1853 года русскія войска вступили въ княжества, а уже въ іюлѣ „австрійскій консулъ въ Бѣлградѣ потребовалъ отъ князя Александра предоставленія австрійскимъ войскамъ занять княжество, въ виду того, что Молдаво-Валахія уже занята русскими и что англійская и французская эскадры стоятъ въ Безикѣ, готовыя вступить въ

---

[1]) А. Гирсъ „Россія и ближній востокъ“, стр. 85.

[2]) Мысли императора Николая I о раздѣлѣ Турціи изложены въ трудѣ Д. Бухарова, стр. 133—138.

Дарданеллы; такая мѣра могла бы предотвратить всякое возстаніе, которое, если только начнется, не замедлитъ распространиться по всей австрійской территоріи. Князь отказалъ наотрѣзъ, заявивъ, что онъ самъ сумѣетъ сохранить спокойствіе въ странѣ. Консулъ отвѣтилъ, что въ такомъ случаѣ австрійское правительство обойдется безъ разрѣшенія князя; послѣдній тотчасъ же принялъ мѣры къ тому, чтобы пушками встрѣтить австрійцевъ, если они только явятся.

„Новость эта породила здѣсь (въ Константинополѣ) величайшее волненіе. Каннингъ [1]) и Вильденбрукъ [2]) видятъ въ этомъ измѣну Австріи. Ла-Куръ [3]) находитъ это до такой степени безумнымъ, что до сей поры этому не вѣритъ, а Порта, запросившая вчера по этому поводу Брука [4]), не слишкомъ спокойна насчетъ намѣреній вѣнскаго кабинета. Интернунцій робко заявляетъ, что эта мѣра въ интересахъ самой Порты, которая почему-то ея не желаетъ, а Вильденбрукъ наговорилъ Бруку не мало рѣзкихъ вещей. Приведи Австрія свой проектъ въ исполненіе,—это всеобщая война, но также и конецъ этой державѣ. Англія, Франція и Пруссія обрушатся на нее: таково мнѣніе здѣшнихъ начальниковъ миссій.

„Положеніе Брука, который еще на прошлой недѣлѣ выставлялъ напоказъ наилучшія чувства по отношенію къ Турціи, стало весьма затруднительнымъ и весьма ложнымъ“ [5]).

Эта мѣра, къ сожалѣнію, была направлена также и противъ Россіи, въ виду ея намѣренія взять подъ свой протекторатъ и Сербію. Будь эта мѣра принята по соглашенію съ Россіею и Пруссіею, весь ходъ событій на Балканскомъ полуостровѣ въ 1853 году могъ получить другой характеръ.

„Что касается Пруссіи, то король и министры были очень довольны не имѣть, благодаря географическому положенію страны, непосредственныхъ интересовъ въ исходѣ осложненія; вмѣстѣ съ тѣмъ они признавали незаконность русскихъ наступательныхъ дѣйствій и собирались, не колеблясь, примкнуть къ дипломатическимъ шагамъ другихъ дворовъ“ [6]).

Независимо этихъ соображеній проф. Зибеля, надо прибавить, что въ Пруссіи въ составѣ правительства уже находилась значительная партія, которая тяготилась и считала оскорбительнымъ для Пруссіи то почти начальственное отношеніе, которое проявлялъ императоръ Николай къ прусскому королю.

Очевидно, патріотамъ Пруссіи, среди которыхъ зрѣли надежды и планы на объединеніе нѣмецкаго племени и на свободныя учре-

[1]) Каннингъ — англійскій посланникъ.
[2]) Вильденбрукъ—прусскій посланникъ.
[3]) Ла-Куръ—французскій посланникъ.
[4]) Брукъ—представитель Австріи, интернунцій.
[5]) А. Гирсъ, стр. 58 — 59.
[6]) Тамъ же, стр. 85.

жденія, не могло представляться желательнымъ вліяніе русскаго императора на прусскія дѣла въ крайне консервативномъ духѣ.

Съ Англіею Россія въ 1853 году была по наружности въ дружбѣ, хотя наше движеніе въ среднюю Азію и утвержденіе въ 1853 году на р. Сыръ-Дарьѣ уже начало сильно тревожить англичанъ. По отношенію къ Турціи, въ Англіи признавали необходимость ея самостоятельнаго существованія, дабы не дать усилиться Россіи и, главное, чтобы при слабости турокъ сохранять свое господствующее положеніе въ дѣлахъ всей торговли Леванта. Предложеніе императора Николая I Гамильтону и Сеймуру относительно дѣлежа турецкаго наслѣдія, какъ указано выше, было встрѣчено поэтому очень холодно. Надо прибавить, что въ Англіи не довѣряли, что Россія удовольствуется только протекторатомъ надъ княжествами и надъ Сербіею: тамъ опасались плановъ Россіи относительно захвата Константинополя и проливовъ.

Но главною причиною, подвигнувшею Англію на войну съ Россіею, было господствующее положеніе на материкѣ Европы, занятое Россіею послѣ наполеоновскихъ войнъ. Англія, вѣками вѣрная своей національной и потому эгоистической политикѣ, способствовавъ въ свое время сокрушенію господства въ европейскихъ дѣлахъ Испаніи, потомъ Франціи, естественно уже въ первой половинѣ XIX столѣтія цѣлью своей національной политики должна была поставить сокрушеніе господствующей роли Россіи. Обстоятельства сложились для сего благопріятно и въ моральномъ, и въ матеріальномъ отношеніяхъ, и Англія воспользовалась ими. Общественное мнѣніе въ Англіи, игравшее огромную роль и 70 лѣтъ тому назадъ, было возбуждено противъ Россіи, между прочимъ, и толками о завѣщаніи Петра Великаго (существованіе котораго еще не доказано). Въ этомъ завѣщаніи, въ пунктѣ 9, будто бы значилось: „Постепенно и настойчиво подвигаться къ Константинополю и Индіи; тотъ, кто утвердитъ свое владычество въ послѣдней, будетъ владыкою вселенной; поэтому необходимо постоянно возбуждать военныя столкновенія съ Турціей, Польшей, Австріей и Персіей; устроить порты и верфи на Черномъ морѣ, стараться мало-по-малу завладѣть какъ таковымъ, такъ и моремъ Балтійскимъ, потому что такимъ образомъ вдвойнѣ облегчится осуществленіе настоящаго проекта: ускорить паденіе Персіи, добраться до Персидскаго залива и утвердиться въ Индіи, составляющей центральный пунктъ всего міра“ [1]).

Лордъ Пальмерстонъ 25 марта 1854 года въ палатѣ депутатовъ утверждалъ, что политика Россіи со времени Петра Великаго „систематически, неуклонно стремилась къ осуществленію его проекта завоеванія Турціи“ [2]).

Для французскаго народа война съ Россіею могла представляться

[1]) Д. Бухаровъ, стр. 124, примѣчаніе.

[2]) Тамъ же, стр. 124.

желательною только по воспоминаніямъ о неудачѣ похода Наполеона въ 1812 году, но горечь этихъ воспоминаній уже прошла. Но для только что объявившаго себя императоромъ Наполеона III вызвать противъ Россіи войну и, главное, встать во главѣ коалиціи—представлялось дѣломъ весьма желательнымъ, ибо утверждало нѣсколько шаткое положеніе его среди другихъ государей. Независимо сего, Наполеонъ III считалъ себя глубоко оскорбленнымъ презрительнымъ къ нему отношеніемъ императора Николая I и схватился за случай свести личные счеты.

Имѣется указаніе, что Наполеонъ III радовался вступленію русскихъ войскъ въ княжества, ибо „такое дѣйствіе нужно было, чтобы увеличить виновность Россіи“ [1]).

Въ Турціи образъ дѣйствій русскаго правительства вызвалъ давно небывалый патріотическій подъемъ чувствъ населенія.

„И на этотъ разъ, точно такъ же, какъ въ старыя времена, крестъ и полумѣсяцъ вступали между собою въ борьбу на жизнь и на смерть. Ученые улемы стали раздувать во всей странѣ старинную склонность мусульманъ къ религіозному фанатизму. Ихъ рѣчи воспламеняли народные умы. Повсюду повторялись, какъ пророческое изреченіе, слова одного визиря: „Мы пріобрѣли Стамбулъ мечомъ и сумѣемъ защищать его мечомъ“! По общему убѣжденію, имперія османовъ находилась въ крайнемъ упадкѣ и разстройствѣ, но старая ненависть къ русскимъ и религіозный фанатизмъ вдохнули въ нее свѣжія силы. Когда наконецъ была объявлена Россіи 4 октября 1853 г. война въ случаѣ, если она немедленно не очистить дунайскія княжества, турки стали съ такой готовностью уплачивать налоги и нести военную службу, которая ясно доказывала, что они считаютъ дѣло султана правымъ. Въ турецкую армію стали поступать многочисленные добровольцы; даже такія вассальныя государства, какъ Египетъ и Тунисъ, оказали помощь турецкому правительству. Въ очень короткое время собралась у южныхъ береговъ Дуная значительная армія, подъ начальствомъ отважнаго Омера-паши; она наблюдала за движеніями непріятеля изъ Виддина и изъ сильно укрѣпленнаго Калафата: туркамъ даже удалось 4 ноября утвердиться на сѣверномъ берегу рѣки и отразить подлѣ Ольтеницы нападеніе болѣе многочисленной русской арміи“ [2]).

Такимъ образомъ, противъ Россіи со всѣхъ сторонъ скоплялись тяжелыя тучи, но императоръ Николай I, твердо вѣря въ правоту своихъ требованій и не сознавая недостатковъ нашихъ арміи и флота, противился предложеніямъ посредничества со стороны другихъ державъ къ улаженію затрудненій съ Турціею и привелъ Россію къ разрыву не только съ Турціею, но и съ коалиціею европейскихъ державъ.

---

[1]) А. Гиресъ, стр. 54.

[2]) Г. Веберъ, т. XV, ч. II, стр. 34.

21 іюля 1853 г. наши войска перешли р. Прутъ и вступили въ княжества. На занятіе княжествъ Турція отвѣтила протестомъ, обращеннымъ къ первокласснымъ державамъ. Англія и Франція, согласно съ договорами между ними, со вступленіемъ нашихъ войскъ въ княжества, ввели свои флоты въ Дарданеллы. Въ Вѣнѣ собралась конференція изъ представителей Англіи, Франціи, Пруссіи и Австріи. Попытка къ посредничеству не имѣла успѣха, и положеніе ухудшилось, когда 18 ноября Нахимовъ уничтожилъ турецкій флотъ у Синопа. 22 декабря 1853 года соединенныя эскадры Англіи и Франціи вошли въ Черное море съ враждебными Россіи цѣлями.

Манифестомъ 9 февраля 1854 года было объявлено о разрывѣ дипломатическихъ сношеній съ Англіею и Франціею.

Но даже при этой тревожной обстановкѣ еще возможно было избѣжать войны съ европейскими державами.

Представители державъ на вѣнской конференціи пришли къ соглашенію относительно мѣръ къ поддержанію мира, и ихъ рѣшенія, утвержденныя монархами четырехъ державъ, были предъявлены Россіи. Они заключали въ себѣ:

1) неприкосновенность турецкой территоріи; 2) очищеніе, поэтому, русскими войсками княжествъ; 3) пересмотръ трактатовъ 1841 года; 4) принятіе Турціи въ составъ европейскихъ державъ; 5) непринужденное объявленіе султаномъ дарованія покровительства всѣмъ христіанскимъ церквамъ, безъ различія исповѣданій.

Порта на всѣ эти условія выразила согласіе, „но Россія упорствовала въ своихъ первоначальныхъ требованіяхъ и отклонила услуги четырехъ державъ, *такъ какъ споръ ея съ Турціею признавался дѣломъ внутреннимъ* и домашнимъ“ [1]).

Нессельроде, стоявшій ближе всѣхъ къ государю императору, не былъ русскимъ человѣкомъ, не понималъ русскихъ интересовъ и не могъ убѣдить государя императора, что дѣло, которое онъ признавалъ домашнимъ, отнюдь таковымъ не было, ибо задѣвало интересы не только Турціи, но и другихъ державъ, другими словами, было дѣломъ, имѣвшимъ *международное значеніе*. Очевидно наибольшее значеніе державы придавали пункту пятому, которымъ косвенно отмѣнялось покровительство христіанамъ Турціи со стороны государя Россіи по Кучукъ-Кайнарджійскому трактату.

Насколько понятіе о „домашнемъ дѣлѣ“ въ Турціи разно понималось русскимъ правительствомъ и французскимъ, видно изъ того, что, когда былъ опубликованъ въ Парижѣ манифестъ императора Николая I о томъ, что онъ берется за оружіе „чтобы понудить турокъ уважать договоры, такъ какъ великія державы тщетно пытались поколебать упрямство Порты“ — правительственный органъ Франціи возражалъ на этотъ манифестъ, что турки не нападаютъ, а защищаютъ

---

[1]) А. Гирсъ, стр. 86.

свои владѣнія, на которыя нападеніе уже было произведено нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Россіею [1]).

Западное вліяніе на нашихъ государей въ теченіе 150 лѣтъ и западничество стоявшихъ у власти лицъ повело къ такому прискорбному смѣшенію интересовъ международныхъ съ интересами русскими.

На этотъ разъ Россія шла не на защиту турецкихъ христіанъ вообще, а лишь на защиту христіанъ, принадлежащихъ къ греческой церкви, при чемъ противниками ея выступали не только мусульманская Турція, но и европейскія христіанскія державы. Никто не рѣшился смѣло открыть глаза рыцарю-государю, что дѣйствительно „домашнихъ дѣлъ“ въ Россіи, которыми ему слѣдовало заняться, накопилось такъ много, что, по примѣру государя Ивана III, слѣдовало бы отклонить вмѣшательство въ дѣла Турціи „за дальностью разстоянія“. Сказать это смѣлое слово было некому, вслѣдствіе установившагося въ Россіи крайняго бюрократическаго режима, по которому государь тѣсною стѣною раболѣпныхъ исполнителей своей воли былъ отдѣленъ отъ русскаго народа и русской арміи, не зналъ тяжкихъ нуждъ народа, его угнетенія, не зналъ, что армія съ 1815 года начала идти къ упадку и за его царствованіе отстала отъ другихъ армій въ вооруженіи, обученіи и воспитаніи. Не сознавалъ, повидимому, государь и того, что съ паруснымъ флотомъ бороться противъ парового невозможно.

Особое довѣріе государь оказалъ сладкимъ рѣчамъ Нессельроде о томъ, что Австрія и Пруссія противъ его воли не пойдутъ, что интересы Австріи и Россіи на ближнемъ востокѣ одинаковы.

Глаза государя открылись лишь послѣ военныхъ неудачъ войны 1853 — 1856 гг. и преждевременно свели этого богатыря русской земли въ могилу.

Когда выработанныя на конференціи въ Вѣнѣ основанія для поддержанія мира на ближнемъ востокѣ были отвергнуты Россіею, возникъ вопросъ: что же дальше дѣлать державамъ, предъявившимъ эти условія? Франція, а за нею и Англія, признавали, что отказъ Россіи долженъ повести къ европейской войнѣ, и предложили Австріи и Пруссіи примкнуть съ этою цѣлью къ коалиціи.

„Въ послѣднихъ числахъ февраля 1854 года западныя державы, намѣреваясь потребовать отъ Россіи скорѣйшаго очищенія княжествъ и отказъ въ этомъ считать за объявленіе войны, просили вѣнскій и берлинскій дворы увѣдомить ихъ, какое они въ этомъ случаѣ полагаютъ принять рѣшеніе. Представители морскихъ державъ вручили обоимъ дворамъ проектъ конвенціи, въ силу которой всѣ четыре правительства обязывались, для приведенія въ исполненіе протокольныхъ постановленій конференціи, примѣнить тѣ средства, которыя будутъ предложены и выработаны ихъ представителями“ [2]).

---

[1]) А. Гирсъ, стр. 62.
[2]) Тамъ же, стр. 87.

Занимая княжества, русское правительство дало, повидимому, Австріи и Пруссіи обѣщаніе не переходить Дуная [1]).

Перейдя Дунай, русскіе подвигались въ глубь Болгаріи; повстанцы Эпира и Ѳессаліи, подстрекаемые изъ Аѳинъ, стояли уже подъ ружьемъ. Австріи никакъ нельзя было допускать дальнѣйшаго развитія такого положенія дѣлъ. Графъ Буоль распорядился сформированіемъ въ Банатѣ отряда въ 25.000 человѣкъ, побуждалъ морскія державы къ энергичнымъ представленіямъ аѳинскому двору и выразилъ Россіи величайшее изумленіе по поводу того, что высокій защитникъ законности нынѣ самъ покровительствуетъ революціи" [2]).

Австрійскій министръ Буоль былъ сторонникомъ рѣшительныхъ противъ Россіи мѣръ и не боялся разрыва съ нею. Онъ считалъ, что при благопріятномъ исходѣ войны Австрія могла пріобрѣсти дунайскія княжества или установить надъ ними свой протекторатъ взамѣнъ русскаго.

Нарушеніе австрійскихъ интересовъ русскими казалось настолько серьезнымъ, что молодой австрійскій императоръ Францъ-Іосифъ, жертвуя несомнѣнными чувствами благодарности къ императору Николаю I, вступилъ въ переговоры съ королемъ прусскимъ о заключеніи между Австріею, Пруссіею и мелкими германскими государствами оборонительнаго союза.

„По заключеніи такого союза,—писалъ императоръ,—всякій изъ договаривающихся въ дѣлахъ, не относящихся до прямой цѣли договора, сохранилъ бы полную свободу дѣйствій, и если бы Австрія воспользовалась таковою для занятія извѣстныхъ турецкихъ провинцій, то, въ случаѣ нападенія на нее Россіи, она могла бы разсчитывать на полную поддержку со стороны союзниковъ. Мнѣ кажется чрезвычайно важнымъ, чтобы значеніе этого пункта было вполнѣ выяснено. Если я твердо рѣшился не покидать до сей поры избраннаго мною свободнаго и выжидательнаго положенія и не давать себя сталкивать съ него западными державами, то я тѣмъ не менѣе не могу не допустить грозной случайности, когда, вынужденный къ тому безразсуднымъ поведеніемъ Россіи, я долженъ буду, въ обезпеченіе австрійскихъ и, конечно, германскихъ интересовъ, пойти на занятіе Молдавіи и Валахіи. При этомъ я далекъ отъ мыслей не только о формальномъ объявленіи войны Россіи, но и о нападеніи

---

[1]) Во „Всеобщей исторіи" Вебера (т. XV, стр. 36—37) имѣются слѣдующія указанія по этому вопросу: „Въ половинѣ марта Паскевичъ перешелъ съ своею арміею черезъ Дунай неподалеку отъ устьевъ Прута, не стѣсняясь обѣщаніями, которыя были ранѣе даны Австріи и Пруссіи". И далѣе: „Австрія и Пруссія также были оскорблены образомъ дѣйствій Россіи. Онѣ заключили между собою оборонительный и наступательный союзъ на случай, если бы русскіе перешли черезъ Балканы или захотѣли окончательно завладѣть дунайскими княжествами".

[2]) А. Гирсъ, стр. 87—88.

на русскую территорію. Австрійскіе штыки во всякомъ случаѣ остановились бы у Прута“ [1]).

Изъ этого письма видно, какъ тревожили австрійцевъ дѣйствія Россіи по отношенію къ дунайскимъ княжествамъ.

Въ отвѣтъ на вопросъ Англіи и Франціи,—какую роль будетъ играть Австрія, чтобы понудить Россію къ принятію выработанныхъ на конференціи въ Вѣнѣ требованій, западнымъ державамъ отвѣтили, „что, согласно ихъ желанію, въ Петербургъ посылается энергическое требованіе очистить княжества, съ тѣмъ, что, въ случаѣ отказа, отвѣтственность будетъ возложена на петербургскій кабинетъ и съ того момента Австрія будетъ руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ лишь собственными интересами“ [2]).

Въ то же время австрійцы начали стягивать къ границѣ значительныя силы.

Отвѣтъ западнымъ державамъ со стороны Пруссіи не былъ такимъ рѣшительнымъ. Тамъ боролись три партіи. Одна партія, наиболѣе многочисленная, стояла за разрывъ съ Россіею. Баронъ Бунзенъ, прусскій посланникъ въ Лондонѣ, проектировалъ, совмѣстно съ англійскими государственными людьми, новую карту Европы, на которой границы Россіи были значительно отодвинуты назадъ. Военный министръ Боннинъ „не видѣлъ основаній уклониться, при существовавшихъ обстоятельствахъ, отъ разрыва съ Россіею“. Наслѣдный принцъ также склонялся въ эту сторону. Онъ находилъ, что Россіи, „своевольно нарушившей европейскій миръ, слѣдовало дать хорошій урокъ“.

„Большинству населенія казалось немыслимымъ, чтобы Пруссія, испытавшая на себѣ наибольшую тяжесть давленія Россіи, не примкнула къ общему теченію. Для Пруссіи снова представлялся случай, какъ нѣкоторые думали, держаться смѣлой политики и однимъ ударомъ стать во главѣ Германіи и положить конецъ подавлявшему всю Европу превосходству русской силы. Такія воззрѣнія глубоко проникли во вліятельныя сферы. Кружокъ саповниковъ и дипломатовъ—графы Гольцъ и Пурталесъ, тайные совѣтники Бетманъ-Гольвегъ и Матисъ, основавшіе печатный органъ для борьбы съ феодальными тенденціями—„Das preussische Wochenblatt“, настойчиво требовали совмѣстнаго дѣйствія съ западными державами“ [3]).

Другія вліятельныя лица, съ первымъ министромъ Мантейфелемъ во главѣ, смотрѣли на дѣло иначе. Они признавали неправоту Россіи, соглашались поддерживать рѣшеніе конференціи въ Вѣнѣ своимъ вліяніемъ, но отнюдь не желали доводить дѣла до вооруженной борьбы съ Россіею.

---

[1]) А. Гирсъ, стр. 99.
[2]) Тамъ же, стр. 89.
[3]) Тамъ же, стр. 89.

Наконецъ, третья партія, имѣвшая представителей среди близкихъ къ королю лицъ, особенно графовъ Дона и фонъ-деръ-Грёбена, если бы участіе въ борьбѣ съ Россіею сдѣлалось неизбѣжнымъ, стояла за союзъ съ консервативною Россіею противъ революціонной Франціи. Къ этой партіи причислялъ себя и Бисмаркъ—„партизанъ реальной политики“, бывшій тогда прусскимъ посланникомъ при союзномъ сеймѣ.

Что касается прусскаго короля, то, послѣ значительныхъ колебаній между второю и третьею партіями, онъ „твердо рѣшился держаться нейтралитета въ этой ужасной войнѣ: съ Россіею онъ не могъ идти, такъ какъ считалъ ее неправою; выступить же противъ нея значило воевать за Магомета противъ Христа“ [1]).

Поэтому Франціи и Англіи было отвѣчено, что Пруссія будетъ держаться нейтралитета.

Въ періодъ миролюбиваго настроенія прусскаго короля „изъ Петербурга пришло рѣзкое отклоненіе предложеннаго ранѣе Пруссіею посредничества и въ такой формѣ и такого содержанія, что король сильно вознегодовалъ на своего зятя“ [2]).

Тогда заключеніе договора съ Австріею пошло быстрѣе, и въ договоръ, подписанный 20 апрѣля 1854 года, была включена статья о возможности совмѣстнаго нападенія на Россію, если Россія присоединитъ къ себѣ княжества и перейдетъ Балканы.

Вслѣдъ за договоромъ была выработана и военная конвенція, по которой Пруссія обязывалась, смотря по обстоятельствамъ, выставить на восточной границѣ, въ теченіе 36-дневнаго срока, 100 тысячъ человѣкъ и, въ случаѣ нужды, увеличить численность своего войска до 200,000 чел.; о всемъ этомъ она должна была прійти къ соглашенію съ Австріею. Такимъ образомъ, вопросъ о томъ, когда принять эти мѣры и принять ли ихъ вообще, рѣшался по обоюдному соглашенію союзныхъ державъ, а не по исключительному усмотрѣнію Австріи [3]).

Главною причиною колебаній Фридриха-Вильгельма IV считаютъ тяжкую болѣзнь его, окончившуюся помраченіемъ его разсудка [4]).

Такимъ образомъ Россія, въ теченіе своихъ дѣйствій 1853 года, имѣла одного врага явнаго—турокъ и три державы съ враждебнымъ нейтралитетомъ Англію, Францію и Австрію.

Весною 1854 года положеніе измѣнилось: Россія попрежнему находилась въ войнѣ только съ Турціею; но уже въ числѣ явныхъ враговъ Россіи явились, кромѣ турокъ, англичане, французы и сардинцы. Это положеніе ухудшилось тѣмъ, что съ весны 1854 года вполнѣ опредѣлились враждебный противъ Россіи нейтралитетъ

[1]) А. Гирсъ, стр. 93.
[2]) Тамъ же, стр. 102.
[3]) Тамъ же, стр. 103.
[4]) С. Татищевъ „Императоръ Николай I и иностранные дворы“, стр. 284, изд. 1889 г.

Австріи и сомнительный Пруссіи. Итакъ, Россіи для цѣлей, не связанныхъ съ русскою политикою и не имѣвшихъ реальнаго для нашей родины значенія, приходилось вступать въ борьбу съ коалиціею изъ четырехъ державъ, къ которымъ легко могли примкнуть еще двѣ — Австрія и Пруссія.

Относительно ролп Австріи по отношенію къ Россіи въ 1853 — 1855 гг. С. Татищевъ въ своемъ трудѣ „Императоръ Николай I и иностранные дворы", даетъ слѣдующее общее заключеніе.

„Извѣстенъ рядъ эволюцій, путемъ коихъ Австрія, въ продолженіе 1854 года, мало-по-малу перешла изъ нашего стана въ лагерь открытыхъ враговъ нашихъ: Англіи, Франціи и Турціи.

„Въ январѣ вѣнскій дворъ отклонилъ предложенный нами черезъ графа Орлова договоръ о нейтралитетѣ; въ мартѣ подписалъ съ представителями дворовъ лондонскаго, парижскаго и берлинскаго протоколъ, провозглашавшій цѣлость и независимость Турціи необходимымъ условіемъ будущаго мира; въ апрѣлѣ заключилъ прямо направленный противъ насъ союзный трактатъ съ Пруссіею, пригласивъ приступить къ нему и всѣ государства германскаго союза; въ маѣ привелъ свою армію на военное положеніе; въ іюнѣ потребовалъ отъ насъ отступленія за Дунай и очищенія дунайскихъ княжествъ; въ іюлѣ условился съ морскими державами о четырехъ главныхъ основаніяхъ мира, въ числѣ коихъ находилось и ограниченіе морскихъ силъ нашихъ на Черномъ морѣ; въ августѣ заняла своими войсками Молдавію и Валахію; въ сентябрѣ предъявилъ намъ требованіе о начатіи мирныхъ переговоровъ на основаніи „четырехъ условій"; въ октябрѣ заставилъ Пруссію распространить на дунайскія княжества дѣйствіе союзнаго своего съ нею договора, преобразивъ его такимъ образомъ изъ оборонительнаго въ наступательный; наконецъ, въ ноябрѣ, несмотря на принятіе нами „четырехъ пунктовъ" и готовность нашу вступить въ переговоры о мирѣ, заключилъ съ Англіею и Франціею трактатъ, коимъ обязался, въ случаѣ, если миръ не будетъ возстановленъ до 1 января новаго стиля слѣдующаго, 1855 года, принять участіе въ вооруженной борьбѣ съ Россіею и не полагать оружія, доколѣ не будутъ достигнуты общія цѣли союза" [1]).

Такая политика Австріи давала императору Николаю I основаніе сказать австрійскому посланнику графу Эстергази, въ іюнѣ 1854 г., знаменательныя слова, имѣющія значеніе и въ настоящее время: „Довѣріе, соединявшее доселѣ обоихъ монарховъ ко благу ихъ государствъ, разрушено, искреннія отношенія между ними не могутъ долѣе продолжаться". Имѣлъ основаніе и князь Шварценбергъ произнести фразу, вошедшую нынѣ во всѣ учебники исторіи, о томъ, что Австрія удивитъ весь міръ своею неблагодарностью.

---

[1]) С. Татищевъ „Императоръ Николай I и иностранные дворы", стр. 117 — 118, изд. 1889 г.

Но нынѣ, когда протекло болѣе полустолѣтія со времени Восточной войны, можно спокойно отнестись къ оцѣнкѣ дѣйствій нашего сосѣда — Австріи и попытаться освѣтить вопросъ: во всѣхъ ли случаяхъ „коварство“ Австріи было неожиданностью для Россіи, и не было ли со стороны русскаго правительства принято такихъ мѣръ, которыя настолько задѣвали жизненные интересы Австріи, что ея молодому тогда императору приходилось бороться между лично одушевлявшими его чувствами и къ Россіи, и въ особенности къ императору Николаю I, и между долгомъ государя, обязаннаго жертвовать этими чувствами для пользы управляемой имъ страны.

Не колеблясь, выскажу мнѣніе, что со стороны русскаго правительства было сдѣлано нѣсколько шаговъ, противныхъ интересамъ Австріи, противныхъ соглашеніямъ съ нею, противныхъ одновременно и русской національной политикѣ, которые давали въ 1854 г. австрійскому правительству право думать прежде всего объ охранѣ своихъ интересовъ, нарушенныхъ Россіею.

Достаточно взглянуть на карту, чтобы видѣть, какое важное значеніе — политическое, военное и экономическое имѣли для Австріи 55 лѣтъ тому назадъ подчиненныя Турціи мѣстности, соприкасавшіяся съ границами Австріи: дунайскія княжества, Сербія и Боснія-Герцеговина. Это значеніе особенно станетъ понятнымъ, если разсмотрѣть этнографическій составъ сопредѣльныхъ мѣстностей Австріи и Турціи.

Въ предыдущихъ главахъ достаточно подробно изложено, что уже съ половины XVIII вѣка для русскаго правительства выяснилось огромное значеніе, которое Австрія придавала мѣстностямъ Турціи, населеннымъ сербскимъ племенемъ. Къ сожалѣнію, уроки исторіи прошли безслѣдно для нашихъ дипломатовъ.

Уже статья Кучукъ-Кайнарджійскаго мира 1774 года, дававшая одной Россіи право вмѣшиваться въ дѣла Турціи, подъ видомъ защиты ея подданныхъ-христіанъ, посѣяла въ себѣ зародышъ будущихъ осложненій Россіи съ Турціею и будущихъ недоразумѣній съ Австріею.

Съ первыхъ годовъ XIX столѣтія, какъ изложено въ главахъ XXIII-й и XXV-й, начинается, подъ предлогомъ защиты христіанъ, вмѣшательство Россіи, совершенно ненужное для русскаго племени, въ дѣла не только дунайскихъ княжествъ, но и Сербіи. Этимъ вмѣшательствомъ затрагивались жизненные интересы Австріи.

Бухарестскій миръ, заключенный безъ принятія въ расчетъ отношеній Австріи къ сосѣднимъ съ нею мѣстностямъ Турціи, давалъ право Россіи заботиться, опять помимо Австріи, объ устройствѣ не только дунайскихъ княжествъ, но и Сербіи. Когда возникли въ 1826 г. переговоры относительно устройства судьбы возставшихъ грековъ, рѣшеніе этого вопроса, несомнѣнно ближе касавшагося Австріи, чѣмъ Англіи или Франціи, было произведено, безъ участія Австріи, Россіею, Англіею и Франціею. Но еще болѣе интересы Австріи были затронуты въ томъ же году, когда Турція заключила 25 сентября 1826 г., при

посредствѣ Англіи и Франціи, такъ называемый Аккерманскій договоръ. Этотъ договоръ хотя и имѣлъ въ виду лишь подтвержденіе и разъясненіе Бухарестскаго договора 1812 г., но въ сущности составилъ самостоятельный договоръ, касавшійся самымъ жизненнымъ образомъ будущаго устройства Молдавіи, Валахіи и Сербіи, при чемъ надъ княжествами, получавшими автономное устройство, признавался протекторатъ Россіи [1]).

Адріанопольскій договоръ 1829 г. утвердилъ за Россіею, безъ соглашенія съ Австріею, господствующее положеніе въ дунайскихъ княжествахъ и въ Сербіи.

Въ княжествахъ, заботами графа Киселева, былъ введенъ органическій статутъ, давшій населенію либеральныя учрежденія, которыхъ не имѣло подвластное Австріи румынское населеніе. Такое положеніе не могло не тревожить правительство габсбургской имперіи. Но когда взращенное усиліями русскихъ государственныхъ людей либеральное дерево въ княжествахъ дало въ 1849 году революціонные плоды, русское правительство, противно Мюнхенгрецкому соглашенію, помимо Австріи, призвало турокъ къ подавленію волненій. Вслѣдъ за этимъ союзнымъ дѣйствіемъ Россіи и Турціи, заставившимъ отшатнуться отъ Россіи населеніе княжествъ, Турція актомъ, заключеннымъ въ Балта-Лиманѣ въ 1849 году, передала Россіи почти такія же права на княжества, какими обладала сама. И этотъ актъ опять совершился безъ участія Австріи и тоже противно Мюнхенгрецкому соглашенію.

Наконецъ, вводъ войскъ въ 1853 году въ княжества былъ произведенъ не только не по соглашенію съ Австріею, но вопреки совѣтамъ императора Франца-Іосифа и тоже противно Мюнхенгрецкому соглашенію.

Такимъ образомъ, по отношенію къ дунайскимъ княжествамъ, начиная съ Ясскаго договора 1791 года, когда часть мѣстностей съ молдавскимъ населеніемъ вошла въ составъ Россіи, и до Балта-Лиманскаго акта 1849 года, можно было усмотрѣть неуклонное стремленіе Россіи къ поглощенію этихъ княжествъ. Проекты Екатерины II Великой, объ образованіи изъ княжествъ, Бессарабіи и Крыма отдѣльнаго государства подъ протекторатомъ Россіи, указывали и начало этихъ стремленій. При Александрѣ I нѣсколько разъ обсуждался вопросъ о присоединеніи княжествъ къ Россіи, и многіе русскіе государственные люди сочувствовали этому проекту. Наполеонъ I на Эрфуртскомъ свиданіи далъ согласіе на такое присоединеніе; рѣка Дунай предполагалась границею между русскими и турецкими владѣніями.

---

[1]) Отдѣльнымъ актомъ, приложеннымъ къ договору, Турція могла не согласиться на назначеніе господарями выбранныхъ боярами княжествъ лицъ только по соглашенію съ Россіею. Равно могла послѣдовать и смѣна господаря ранѣе прослуженія имъ семи лѣтъ, тоже по соглашенію съ Россіею. Наконецъ, русскій посланникъ въ княжествахъ получалъ право вмѣшиваться во внутреннія дѣла княжествъ (Т. Юзефовичъ „Договоры Россіи съ востокомъ“, стр. 65—67).

Въ 1829 году Дибичъ сочувствовалъ присоединенію княжествъ или части ихъ къ Россіи. Права, выговоренныя Россіею по Балта-Лиманскому акту относительно дунайскихъ княжествъ, могли составить послѣдній шагъ къ присоединенію ихъ. Поэтому вводъ войскъ въ княжества въ 1853 году, въ случаѣ успѣха войны съ турками, могъ для австрійцевъ служить предупрежденіемъ о возможной, по условіямъ мирнаго договора съ Турціею, уступкѣ княжествъ Россіи. Турція даже въ 1853 году только номинально владѣла ими. Еще въ 1829 году, въ переговорахъ съ Дибичемъ, турки охотно пошли бы на присоединеніе къ Россіи части княжествъ, вмѣсто денежнаго вознагражденія за военныя издержки.

Очевидно, что при новой побѣдоносной войнѣ такое присоединеніе было бы выгоднѣе для Турціи, чѣмъ, напр., присоединеніе къ Россіи мѣстностей въ азіатской Турціи съ воинственнымъ мусульманскимъ населеніемъ.

Турки тѣмъ охотнѣе передали бы свои державныя права на княжества Россіи, что такой даръ, къ выгодѣ турокъ, ослабилъ бы Россію, создавъ ей въ лицѣ Австріи не только тайнаго, но, можетъ быть, и явнаго врага. Присоединеніе княжествъ къ Россіи создавало вѣдь въ отношеніи границъ Австріи угрожающее охватывающее положеніе не только съ запада, но и съ юга.

Нельзя поэтому не признать, что въ вопросѣ о дунайскихъ княжествахъ Россія настолько игнорировала съ конца XVIII столѣтія интересы Австріи, что не должна была разсчитывать на спокойное отношеніе Австріи къ занятію русскими войсками княжествъ въ 1853 г.

Въ этомъ вопросѣ о княжествахъ Австрія была соперницею Россіи и, защищая свои интересы, быть можетъ, пошла бы на войну съ Россіею, только бы княжества не достались ей, а возможность подобнаго плана со стороны Россіи, какъ изложено выше, въ Австріи не вызывала и сомнѣній.

Необходимость для Австріи, чтобы княжества не только не достались русскимъ, но даже освободились отъ ихъ протектората, настолько глубоко сознавалась стоявшими у власти государственными людьми Австріи, что одинъ только этотъ вопросъ, положенный на чашку вѣсовъ, перевѣсилъ бы другую чашку, на которой лежали бы благодарность за оказанную Россіей поддержку въ 1849 году и личныя симпатіи молодого императора Франца-Іосифа къ императору Николаю I. Но были и другіе вопросы, которые, вмѣстѣ съ вопросомъ о княжествахъ, тянули чашу вѣсовъ отъ Россіи, а не къ ней.

Выше и важнѣе другихъ стоитъ вопросъ сербскій.

Въ XXIII-й главѣ настоящаго труда изложенъ ходъ событій въ Сербіи съ начала XIX столѣтія и роль въ этихъ событіяхъ Россіи. Напомнимъ, что вмѣшательство Россіи въ сербское дѣло въ первой половинѣ XIX столѣтія носило такой характеръ, который не могъ не тревожить Австрію и не представляться ей нарушающимъ ея интересы.

Уже въ половинѣ XVIII столѣтія, какъ мною указывалось и ранѣе, вполнѣ обозначилось огромное значеніе, которое Австріей придавалось Сербіи съ Бѣлградомъ. Еще разъ напомнимъ, что присоединеніе Сербіи представлялось австрійскому правительству въ серединѣ XVIII столѣтія болѣе выгоднымъ, чѣмъ присоединеніе Галиціи [1]).

Но въ послѣдующихъ столкновеніяхъ Россіи съ Турціей это указаніе исторіи было забыто, и Россія, безъ пользы для русскаго племени, но къ порчѣ отношеній съ Австріей, начинаетъ все смѣлѣе накладывать руку на сербскія дѣла, основываясь на условномъ правѣ вмѣшиваться въ дѣла христіанскаго населенія Турціи по Кучукъ-Кайнарджійскому миру. Особенно дѣятельное вмѣшательство начинается съ начала XIX столѣтія, какъ то изложено въ XXIV-й главѣ. Въ условіяхъ мира, предложенныхъ туркамъ въ 1809 году, значилась и независимость Сербіи.

Выше изложено, что при заключеніи съ турками договоровъ, въ 1812 г. въ Бухарестѣ, въ 1826 году въ Аккерманѣ и въ 1829 г. въ Адріанополѣ, Россія, помимо Австріи, заботилась объ устройствѣ судебъ Сербіи и въ то же время вмѣшивалась во внутреннія дѣла Сербіи. Это вмѣшательство получило особую остроту въ 1837 году, когда князь Долгорукій, по приказанію императора Николая I, не только понуждалъ сербскаго князя Милоша къ учрежденію особаго совѣта, но и указывалъ, кого именно надо было выбрать сенаторами. При содѣйствіи нашего посла въ Константинополѣ Бутенева было выработано весьма либеральное конституціонное для Сербіи управленіе, при чемъ за княземъ сохранялась только исполнительная власть.

Такимъ образомъ, заботами Россіи, въ дунайскихъ княжествахъ и въ Сербіи уже были даны въ первой половинѣ XIX столѣтія населенію большія политическія права, какихъ не имѣло сербское и румынское населеніе, подчиненное Австріи. Такое положеніе не могло не тревожить Австрію.

Въ 1848 году добровольцы изъ Сербіи въ значительномъ числѣ переходили сербскую границу и помогали нѣмцамъ одолѣть венгровъ. Въ то же время въ Сербіи создалась сильная партія, которая враждебно относилась къ вмѣшательству въ сербскія дѣла Россіи и искала сближенія съ Австріей. Во главѣ этой партіи стоялъ 16-лѣтній князь Александръ Карагеоргіевичъ, на избраніе котораго скупщиной императоръ Николай I не изъявилъ согласія. Были назначены вторые выборы, и представители населенія вторично избрали князя Александра. Наканунѣ восточной войны князю Сербіи было представлено правительствомъ Россіи требованіе удалить Гарашанина, недоброжелателя Россіи, отъ должности „попечителя иностранныхъ дѣлъ“. Князь отвѣ-

---

[1]) Тогда же Австрія противилась заявленному Екатериной II желанію присоединить къ Россіи Молдавію.

тилъ протестомъ, обращеннымъ къ Турціи и представителямъ державъ въ Сербіи, съ жалобой на „тиранство Россіи“.

При такихъ отношеніяхъ къ Сербіи императоръ Николай I продолжалъ не только отстаивать протекторатъ свой надъ княжествами, но, предусматривая въ своихъ планахъ распаденіе оттоманской имперіи, указывалъ Англіи на созданіе на Балканскомъ полуостровѣ независимыхъ Сербіи, Болгаріи и княжествъ, подъ протекторатомъ Россіи. Въ Австріи чутко относились ко всякой мѣрѣ, принимаемой Россіею по отношенію къ Сербіи, и, не чувствуя себя въ силахъ препятствовать вступленію русскихъ войскъ въ княжества, готовились недопустить вступленія русскихъ войскъ въ Сербію, даже идя для сего на открытый разрывъ.

Черезъ 20 лѣтъ, передъ началомъ русско-турецкой войны 1877—1878 годовъ, отношеніе Австріи къ мѣстностямъ, входившимъ въ составъ турецкой имперіи и населеннымъ сербскимъ племенемъ, осталось то же. Русскія войска не были допущены въ Сербію; сферы вліянія на Балканскомъ полуостровѣ были опредѣлены, и часть программы Австріи по объединенію сербскаго племени была, цѣною пролитой русской крови, выполнена присоединеніемъ къ Австріи Босніи и Герцеговины. Къ этому результату Австрія подвигалась уже послѣ побѣдъ Евгенія Савойскаго. Побѣдоносная Россія уже въ 1854 году могла бы осуществить проектъ образованія цѣпи государствъ изъ Румыніи, Сербіи и Болгаріи, находившихся въ зависимости отъ Россіи. Такое положеніе, въ случаѣ возникновенія осложненій между Россіей и Австріей, угрожало цѣлости габсбургской имперіи, особенно въ виду неокончепныхъ счетовъ съ ея соперницею — Пруссіею, которая въ вопросѣ разгрома Австріи легко могла бы дѣйствовать заодно съ Россіею.

Поэтому для Австріи, какъ по вопросу о княжествахъ, такъ и по вопросу сербскому, была невыгодна побѣда Россіи въ 1853—1854 гг. надъ турками, и государственные интересы указывали ея государственнымъ людямъ необходимость принятія мѣръ, чтобы Россія была вытѣснена съ Балканскаго полуострова.

Австрія и добивалась своего: въ конференціи въ Вѣнѣ изъ представителей Австріи, Франціи, Турціи и Россіи 3 марта 1855 года было постановлено, что покровительство Россіи надъ Валахіей, Молдавіей и Сербіей прекращается.

Какъ ни молодъ былъ императоръ Францъ-Іосифъ и какъ ни сильны были въ немъ чувства благодарности къ императору Николаю I, все же отношеніе къ нему русскаго императора, слишкомъ властное и покровительственное, не могло не оскорблять въ немъ представителя одной изъ первостепенныхъ державъ Европы.

Окружавшія императора Франца-Іосифа лица, особенно Буоль, относились къ Россіи съ явною враждебностью. Мадьяры, гдѣ могли, противились Россіи и русскимъ планамъ. Но и среди населенія

Австріи, не только мадьярскаго, но нѣмецкаго и славянскаго, противъ Россіи, въ лицѣ ея представителя императора Николая I, существовало большое непріязненное возбужденіе. Всѣ надѣявшіеся на либеральныя реформы въ Австріи страшились вліянія на австрійскія дѣла императора Николая I, неумолимаго и суроваго представителя абсолютизма.

Для правильной оцѣнки вліяній, которыя дѣйствовали въ Австріи въ 1853—1856 годахъ на лицъ, стоявшихъ у власти, и подвинули ихъ на враждебную по отношенію къ Россіи политику, надо припомнить, что уже въ 1860 году особымъ императорскимъ манифестомъ населенію Австріи были возвѣщены основы будущей австрійской конституціи [1]). При такой политической обстановкѣ императоръ Николай I все еще продолжалъ думать, что его дѣйствія на Балканскомъ полуостровѣ соотвѣтствуютъ интересамъ Австріи.

Въ февралѣ 1853 года „въ началѣ восточныхъ усложненій, государь не сомнѣвался въ полномъ единомысліи вѣнскаго двора съ его собственною политическою программою. Излагая англійскому послу въ Петербургѣ, сэру Гамильтону, виды свои относительно близкаго распаденія оттоманской имперіи и необходимости для великихъ державъ условиться объ общихъ мѣрахъ при распредѣленіи ея наслѣдства, „когда я говорю о Россіи", — замѣтилъ онъ,—„то говорю и объ Австріи: что пригодно одной, пригодно и другой, и интересы наши въ отношеніи Турціи совершенно тождественны" [2]).

Принимая во вниманіе все вышеизложенное, можно ли было нашимъ дипломатамъ разсчитывать, что въ 1853 году интересы наши въ отношеніи Турціи совершенно тождественны съ австрійскими. Они могли бы быть такими, если бы въ вопросѣ о раздѣлѣ турецкаго наслѣдія Россія заботилась объ удовлетвореніи русскихъ интересовъ, заботилась о Босфорѣ, предоставляя Австріи, какъ болѣе заинтересованной, вліяніе и устройство дѣлъ въ дунайскихъ княжествахъ и въ Сербіи. Мы, наоборотъ, забыли о Босфорѣ и добивались господствующаго положенія въ княжествахъ и въ Сербіи, что было противно жизненнымъ интересамъ австрійской имперіи.

Я остановился на вопросѣ объ отношеніяхъ Австріи къ Россіи потому, что правильное и безпристрастное изслѣдованіе этого вопроса весьма важно въ настоящее время, для установленія основъ возможнаго и желательнаго соглашенія съ Австріею по дѣламъ Балканскаго полуострова на XX столѣтіе.

Война съ Турціею въ 1853—1854 гг.

Вооруженныя силы Россіи въ 1853 году состояли изъ 550 баталіоновъ, 476 эскадроновъ, 140 батарей 1472 ор., общею силою

[1]) Г. Веберъ „Всеобщая исторія", т. XV, стр. 95.

[2]) С. Татищевъ „Императоръ Николай I и иностранные дворы", стр. 114.

875,000 чел. регулярныхъ войскъ. Резервныхъ и запасныхъ войскъ въ случаѣ войны выставлялось 209,000 чел. Всѣ казачьи войска въ случаѣ войны выставляли 242,000 чел. Всего сухопутныя силы Россіи составляли, такимъ образомъ, огромную силу въ 1,325,000 чел.

Основной недостатокъ нашей арміи того времени заключался въ томъ, что для дѣйствій въ полѣ изъ всей массы въ 1,325,000 чел. Россія могла располагать только 378 бат., 456 эск., 1,230 орудіями, силою въ 481,000 чел., кромѣ казаковъ, что составляло только $^1/_3$ часть всей вооруженной силы имперіи.

При необходимости готовиться къ дѣйствіямъ какъ на западной границѣ, такъ и въ Турціи, при необходимости имѣть войска въ столицѣ, придвинутой къ морю, въ варшавскомъ районѣ, на черноморскомъ побережьи, на Кавказѣ, при ожиданіи разрыва съ Австріей и Пруссіей,—оказалось, что 378 б-новъ было слишкомъ мало, и мы имѣли недостаточно войскъ тамъ, гдѣ находился непріятель, а главныя массы русской вооруженной силы бездѣйствовали.

Вооруженіе пѣхоты было отсталое: только стрѣлковые баталіоны были вооружены нарѣзными ружьями (штуцерами), а въ линейной пѣхотѣ на роту въ 250 нижнихъ чиновъ имѣлось только по 6 штуцеровъ; остальная пѣхота была вооружена гладкоствольными 7-ми лин. ружьями.

Боевой подготовки пѣхота почти не имѣла. Все вниманіе обращалось на ружейные пріемы, на маршировку шагомъ разной скорости и на движенія въ сомкнутомъ строю.

На обученіе стрѣльбѣ линейной пѣхоты отпускалось по 10 патроновъ на стрѣлка, но, такъ какъ смотровъ стрѣльбы въ цѣль не производилось, то обыкновенно солдаты не выпускали ни одной пули, но зато чистота стрѣльбы залпами была доведена до совершенства. Изъ штуцеровъ стрѣляли хорошо. Оружіе было не въ порядкѣ; часто ружья портились преднамѣренно, съ цѣлью производства звучныхъ пріемовъ.

Шанцевый инструментъ въ небольшомъ числѣ имѣлся, но окопному дѣлу войска не обучались.

Разсыпному строю, полевой службѣ, гимнастикѣ и фехтованію войска не обучались.

Въ кавалеріи полевая ѣзда была въ полномъ пренебреженіи. Сторожевой и развѣдывательной службѣ конница не обучалась.

Въ артиллеріи тоже главное вниманіе обращали на точное продѣлываніе на плацахъ самыхъ сложныхъ перестроеній [1]).

Тактическая подготовка войскъ вообще почти отсутствовала.

„Автоматизмъ, неразлучный спутникъ увлеченій сомкнутымъ строемъ, клалъ свой тяжелый и вредный отпечатокъ на воспитаніе начальниковъ всѣхъ степеней. Долгими годами процвѣтанія такой

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. III, кн. 1-я, стр. 97—99.

системы вырабатывались слѣпые выполнители буквальныхъ приказаній, а духъ личной предпріимчивости, способность брать на себя рѣшенія и дѣйствовать, какъ повелѣваетъ обстановка боя и военнаго времени, т. е. существеннѣйшія боевыя качества начальника, не могли достаточно развиваться въ войскахъ. Тяжело отражалась эта система и на солдатахъ и прежде всего потому, что въ прямое нарушеніе закона личность солдата была подавлена: сильно развитыя тѣлесныя наказанія не давали укореняться чувству чести и сознанію святости солдатскаго званія“ [1]).

Съ наполеоновскихъ войнъ наша армія очень отстала отъ арміи нашихъ противниковъ какъ по обученію, такъ и въ техническомъ отношеніи. Недостаточные отпуски изъ казны на армію во время мира оказали свое вредное, трудно поправимое въ военное время, вліяніе.

Кавказскія войска рѣзко отличались отъ войскъ европейской Россіи. Постоянная боевая практика выработала въ нихъ духъ предпріимчивости, воинственность, опытность и большую самостоятельность частныхъ начальниковъ.

Морскія силы Россіи состояли на всѣхъ моряхъ изъ 512 судовъ, 7,100 орудій и 80,000 морскихъ чиновъ; но паровыхъ судовъ было незначительное число.

Въ Черномъ морѣ находилось: линейныхъ кораблей 16, фрегатовъ 7, пароходовъ-фрегатовъ 8, корветовъ 4; всего крупныхъ судовъ 35 съ 2,181 орудіемъ.

Турецкая армія къ началу войны заключала въ себѣ 138 бат., 115 эск., 372 ор., силою 121,000 чел. Считая вспомогательные контингенты, выставляемые вассальными владѣніями, и иррегулярныя войска, Турція располагала 400,000 вооруженныхъ людей. Преобразованіе турецкой арміи по европейскому образцу еще не было доведено до конца. Офицерскій составъ былъ плохъ, но войско отличалось храбростью, выносливостью.

Вооруженіе было въ общемъ такое же, какъ и у русскихъ.

Для занятія дунайскихъ княжествъ первоначально было назначено: 66 бат., 64 эск., 18 сот., 230 ор., силою 87,000 чел., подъ начальствомъ кн. Горчакова.

21 іюля 1853 года авангардъ арміи перешелъ р. Прутъ и черезъ 12 дней занялъ Бухарестъ.

14 сентября командовавшій турецкими войсками въ Болгаріи Омеръ-паша потребовалъ отъ кн. Горчакова очищенія княжествъ въ

---

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. III, кн. 1, стр. 99.

2-хъ недѣльный срокъ и, когда этотъ срокъ прошелъ, открылъ военныя дѣйствія.

Наши войска въ княжествахъ въ началѣ октября заняли очень разбросанное расположеніе. Половина всѣхъ войскъ была расположена мелкими отрядами по Дунаю, на протяженіи 500 верстъ.

Турецкая армія, силою до 130,000 чел., тоже была распредѣлена по крѣпостямъ съ главными силами въ 30,000 чел. въ Шумлѣ.

Съ русской стороны въ 1853 году активныхъ дѣйствій почти не предпринималось. Попытка выбить турокъ изъ Ольтеницы (на Дунаѣ) окончилась неудачею, съ потерею до 1000 чел. убитыми и ранеными.

Но и переходъ турокъ въ наступленіе со стороны Калафата не увѣнчался успѣхомъ. 18,000 турокъ обрушились на 3 б-на Тобольскаго полка при 6 ор., 1 сотнѣ и 1 эскадронѣ, подъ начальствомъ храбраго и распорядительнаго полк. Баумгартена. Тобольцы при Четати оказали геройское сопротивленіе, потерявъ почти половину своего состава.

Приходъ главныхъ нашихъ силъ на выстрѣлы или на путь отступленія турокъ могъ доставить нашимъ войскамъ блестящую побѣду, но движеніе войскъ на помощь, кромѣ Одесскаго полка, началось слишкомъ поздно, и турки отступили, приписавъ себѣ побѣду при Четати.

Пассивная оборона русскихъ въ 1853 г. на лѣвомъ берегу Дуная не принесла полезныхъ результатовъ.

Въ 1854 году цѣлью дѣйствій было поставлено занятіе прочной позиціи на правомъ берегу Дуная, „на которой можно было бы выждать разъясненія дальнѣйшихъ обстоятельствъ“ [1]).

Императоръ Николай I въ письмѣ отъ 27 февраля указалъ, что „кампанію 1854 года можно заключить нанесеніемъ рѣшительнаго удара, т. е. овладѣніемъ Силистріею и, быть можетъ, и Рущукомъ“.

Кромѣ приказаній, исходившихъ отъ государя императора, кн. Горчаковъ долженъ былъ исполнять и приказанія кн. Варшавскаго.

Въ началѣ марта наши войска переправились черезъ нижній Дунай, и къ 13 марта на правомъ берегу Дуная, на протяженіи трехъ переходовъ, находилось 45,000 русскихъ войскъ. Сопротивленіе турокъ было незначительное.

5 апрѣля прибылъ и вступилъ въ командованіе войсками кн. Варшавскій. Кн. Горчаковъ остался при немъ въ должности начальника штаба арміи.

Кн. Варшавскій былъ увѣренъ въ близкомъ разрывѣ съ Австріею и началъ сосредоточивать войска ближе къ Бухаресту, чтобы легче противодѣйствовать австрійскимъ войскамъ, собраннымъ въ Трансильваніи.

---

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. III, кн. 1, стр. 145.

„Опасенія за свой правый флангъ и тылъ были настолько серьезны, что фельдмаршалъ предложилъ императору: очистить добровольно княжества, чтобы занять въ нашихъ предѣлахъ болѣе надежную позицію и тѣмъ отнять у Германіи всякій предлогъ къ разрыву съ нами. Государь самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергнулъ мысль кн. Варшавскаго и, не отрицая возможности войны съ Австріею, предлагалъ ему въ послѣднемъ случаѣ „разбить ихъ четвертымъ корпусомъ и драгунами“ и настоятельно требовалъ движенія къ Силистріи“.

„Нельзя не признать, что фельдмаршалъ былъ правъ и мысль его о добровольномъ очищеніи княжествъ отвѣчала современнымъ стратегическимъ условіямъ“ [1]).

Во исполненіе воли государя, противно мнѣнію кн. Варшавскаго, сильный отрядъ гр. Литерса 4 мая подошелъ къ Силистріи.

7 мая было приступлено къ осаднымъ работамъ, а 17 мая была сдѣлана неудачная попытка овладѣть фортомъ Арабъ-Табія. Съ потерею 40% своего состава, всего до 1,000 человѣкъ, убитыми и ранеными, войска наши, участвовавшія въ штурмѣ, отступили.

9 іюня получено было приказаніе снять осаду и отступить на лѣвый берегъ Дуная. Укрѣпленія Силистріи были слабы и гарнизонъ незначителенъ. Неудачныя дѣйствія подъ Силистріею подняли духъ турокъ. Приказаніе отступить было дано въ виду не подтвердившихся слуховъ, что къ Силистріи турки собираютъ большія силы. Наши напрасныя потери подъ Силистріею составили свыше 2,500 чел.

Контуженный подъ Силистріею кн. Варшавскій сдалъ командованіе кн. Горчакову. Съ переходомъ на лѣвый берегъ расположеніе русской арміи было сближено съ нашею границею.

Къ іюлю мѣсяцу подъ начальствомъ кн. Горчакова, съ прибывшими подкрѣпленіями, находилось 145,000 чел. съ 440 орудіями и въ поддержкѣ имъ на юго-западной нашей границѣ стояли 1-й и 2-й пѣх. корпуса.

Англичане и французы къ іюлю мѣсяцу собрали въ Варнѣ до 55,000 чел.

Турки, послѣ отступленія нашихъ войскъ отъ Силистріи, перешли въ наступленіе со стороны Рущука силами до 40,000 чел. Горчаковъ быстро сосредоточилъ противъ нихъ 48 бат., 88 эск. и сот. и 180 ор., но не рѣшился атаковать ихъ. Въ случаѣ побѣды турки были бы опрокинуты въ Дунай.

Опасаясь за свой тылъ и фланги, Горчаковъ рѣшилъ очистить княжества, и въ концѣ августа главныя силы нашихъ войскъ ушли за рѣку Прутъ.

Въ политическомъ отношеніи вводъ нашихъ войскъ въ 1853 г.

---

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. III, кн. 1, стр. 155—156.

въ княжества, безъ предварительнаго (на основаніи Мюнхенгрецкаго соглашенія) уговора съ Австріей, поставилъ эту державу во враждебное къ Россіи положеніе.

Въ военномъ отношеніи кампанія 1853 — 1854 гг. окончилась также неудачею. Войсками распоряжались лично государь, военный министръ, кн. Паскевичъ-Варшавскій и кн. Горчаковъ. Послѣдній былъ связанъ противорѣчивыми требованіями государя и кн. Варшавскаго.

Корпусные командиры и начальники отрядовъ не проявляли почти никакого почина.

Историкъ восточной войны П. Гудимъ-Левковичъ дѣлаетъ слѣдующее заключеніе о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ на дунайскомъ театрѣ въ 1853 — 1854 годахъ [1]): „Факты этой кампаніи показали, что подготовка войскъ, начиная съ высшихъ начальниковъ до рядового, была не на надлежащемъ уровнѣ: мы безполезно тратили годы мира на доведеніе обученія войскъ до автоматическаго совершенства въ требованіяхъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ боемъ. Главный родъ войскъ — пѣхота не умѣла ни стрѣлять, ни вести боя въ разсыпномъ строю, ни окапываться. Кавалерія, несмотря на всю тонкость манежной ѣзды и увлеченіе выхоленнымъ тѣломъ лошадей, не находила случая своими смѣлыми атаками выручать пѣхоту и поражать непріятеля, чему, повидимому, такъ способствовалъ равнинный характеръ мѣстности; она оказалась слабою и въ развѣдкахъ, которыя всецѣло возлагались на казаковъ. Такимъ образомъ, идеальная муштровка, манежная ѣзда и т. п. увлеченія, поглощавшія исключительное вниманіе, оказались по меньшей мѣрѣ не имѣвшими никакой цѣны".

Вслѣдъ за выступленіемъ русскихъ войскъ изъ княжествъ, послѣднія были заняты австрійскими войсками. По мнѣнію Н. Гудимъ Левковича, „занятіе княжествъ австрійскими войсками лишало союзниковъ возможности оказать непосредственное содѣйствіе Турціи на Дунаѣ и заставило ихъ искать другого театра войны" [2]).

Война съ коалиціею державъ подъ Севастополемъ въ 1854 — 1855 годахъ.

(Схема № 22).

Ко времени высадки союзниковъ у Евпаторіи, начавшейся 1 сентября 1854 года, наши силы въ Крыму заключали въ себѣ двѣ группы: 1) подъ начальствомъ князя Меншикова—42 бат., 16 эск., 9 сот., 86 орудій, силою 38,000 чел ; эта группа назначались для обороны Севастополя.

---

[1]) „Обзоръ войнъ", ч. III, кн. 1, стр. 175.

[2]) Тамъ же, стр. 216.

и 2) 10 бат., 18 сот., 24 ор. и мелкія команды назначались для обороны юго-восточной части крымскаго полуострова.

Этихъ силъ, разбросанныхъ на большомъ протяженіи, оказалось недостаточно, чтобы отразить непріятеля, располагавшаго возможностью сосредоточить для удара въ выбранномъ для десанта пунктѣ свыше 60,000 чел., поддерживаемыхъ могущественною судовою артиллеріею.

Высадка совершилась безъ сопротивленія съ нашей стороны.

Затѣмъ дѣйствія нашихъ и союзныхъ войскъ въ общемъ распадаются на дѣйствія, имѣвшія цѣлью атаку и оборону Севастополя, и на наступательныя дѣйствія въ полѣ русскихъ войскъ, имѣвшія цѣлью заставить союзниковъ отказаться отъ овладѣнія Севастополемъ.

Первоначальныя силы и средства русскихъ и союзниковъ постепенно усиливались. Были періоды, когда русскіе имѣли серьезное превосходство въ силахъ по числу штыковъ. Въ конницѣ наше превосходство все время было огромное.

Нашъ флотъ тоже не оказалъ никакого противодѣйствія высадкѣ, не пытался помѣряться съ противникомъ въ морѣ и былъ частью потопленъ нами, съ цѣлью образовать загражденіе входовъ на Севастопольскій рейдъ, частью уничтоженъ нами самими и противникомъ во время осады Севастополя.

Ничтожныя укрѣпленія Севастополя, при помощи морскихъ силъ и артиллерійскихъ средствъ съ судовъ, переведенныхъ на берегъ, оказались въ самое короткое время настолько сильными, что союзники не рѣшились на штурмъ и приступили къ осадѣ. 11 мѣсяцевъ длилась эта безпримѣрная осада, доказавшая, къ какому необычайному упорству способны наши войска.

Подъ начальствомъ такихъ героевъ, какъ адмиралы Нахимовъ, Корниловъ, Истоминъ, наши войска грудью отстаивали въ сущности слабыя земляныя укрѣпленія, наскоро возведенныя, и, руководимыя незабвеннымъ Тотлебеномъ, не только задѣлывали поврежденія отъ страшнаго огня осаждающихъ, но продвигались впередъ контръ-апрошами, закладывали и отстаивали редуты (Волынскій и Селенгинскій) впереди осадныхъ работъ, развивали активную минную оборону.

Нѣкоторые изъ пунктовъ обороны, въ особенности Малаховъ курганъ и четвертый бастіонъ, пріобрѣли легендарную славу. На самыя опасныя предпріятія и на частыя вылазки всегда находились охотники.

Многіе десятки тысячъ убитыхъ и раненыхъ смѣнялись новыми бойцами, смѣло и самоотверженно шедшими на смѣну своихъ павшихъ товарищей. Городъ Севастополь обратился въ развалины. Нѣсколько разъ штурмы союзниковъ были отбиты. Но когда на южной сторонѣ, послѣ отчаяннаго штурма, былъ взятъ Малаховъ курганъ, кн. Горчаковъ далъ приказаніе очистить укрѣпленія и городъ и перейти на сѣверную сторону.

За время осады моряки и сухопутныя войска (пѣхота, артиллерія и саперы) соревновались въ упорствѣ и мужествѣ. Слабѣе другихъ были пѣсколько баталіоновъ резервныхъ войскъ. Особо опасная и трудная служба выпала на долю моряковъ на батареяхъ. Они переносили на эти батареи порядки съ судовъ, откуда были взяты, считали эти батареи своимъ роднымъ дѣтищемъ и въ большинствѣ сложили тамъ свои головы, даже не сознавая, какой непрерывный, въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, совершали геройскій подвигъ! Морскіе офицеры во всемъ подавали примѣръ нижнимъ чинамъ. За убылью моряковъ, на укомплектованіе прислуги при орудіяхъ шли полевые артиллеристы, даже пѣхотинцы, и, подъ руководствомъ оставшихся обстрѣлянныхъ кадровъ, быстро сливались съ ними.

Наши саперы, руководимые Тотлебеномъ и саперными офицерами, дѣлали чудеса и заслужили глубокое уваженіе всей арміи; но ихъ было слишкомъ мало.

Полевой артиллеріи при оборонѣ Севастополя выпала на долю второстепенная роль, но наши артиллеристы, какъ моряки и саперы, доказали главное: они не боялись смерти, шли куда имъ приказывали; размѣщали свои орудія, не задаваясь вопросомъ о томъ, находятся ли они въ сферѣ или внѣ сферы ружейнаго огня.

Но, какъ и во всѣхъ войнахъ, главная тяжесть боя въ количественномъ отношеніи при осадѣ Севастополя выпала на долю армейской пѣхоты. Въ зависимости отъ командная состава, многія пѣхотныя части заслужили особо почетную репутацію, но и вся масса пѣхоты, несмотря на усиленную порчу ея въ теченіе 40 лѣтъ, при той простой боевой обстановкѣ, которая создалась въ Севастополѣ, доказала свои высокія боевыя качества: огромную выносливость, непобѣдимое никакими испытаніями мужество, способность, несмотря ни на какія потери, быстро оправляться и снова быть готовою къ бою. Работою пѣхоты создались укрѣпленія Севастополя; грудью пѣхоты эти укрѣпленія отстаивались въ теченіе 11 мѣсяцевъ. Хрулевъ, Хрущевъ, Сабашнискій и многіе другіе начальники умѣли стойко держаться съ нашею пѣхотою при невозможныхъ, повидимому, условіяхъ, а когда то требовалось — увлекать ее на встрѣчу врагу, уравновѣшивая въ рукопашномъ бою огромное превосходство нашихъ противниковъ въ вооруженіи.

Наши войска, защищавшія Севастополь, все время не теряли связи съ родиной. Даже отступая на сѣверную сторону Севастополя, геройскій, закаленный въ бояхъ, гарнизонъ Севастополя составлялъ грозные кадры, которые, при продолженіи войны, вполнѣ могли бы дать побѣду Россіи, ибо съ каждымъ шагомъ назадъ русская сила росла бы, а силы союзниковъ уменьшались бы необходимостью отряжать войска для обезпеченія тыла.

Несомнѣнно, скоро наступилъ бы періодъ, когда духовныя и матеріальныя силы, какъ и въ 1812 году, перешли бы на сторону рус-

скихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ пришла бы и желанная, нужная Россіи побѣда.

Насколько наша армія въ Севастополѣ, при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, явила при оборонѣ укрѣпленій свои высокія качества, настолько же она оказалась отсталою и неподготовленною, по многимъ причинамъ, для успѣшныхъ дѣйствій въ полѣ. Всѣ три главныя полевыя сраженія — подъ Альмой, Инкерманомъ и на Черной рѣчкѣ были вполнѣ неудачны для русскихъ войскъ. Хотя многія части войскъ сражались храбро, но отсталость въ вооруженіи, отсутствіе тактической подготовки и, главное, неудовлетворительное командованіе войсками отъ верха до низа, отсутствіе инициативы со стороны начальниковъ частей, отсутствіе связи въ дѣйствіяхъ войскъ по фронту и въ глубину, отсутствіе дружнаго содѣйствія со стороны всѣхъ родовъ оружія къ достиженію побѣды, — во всѣхъ вышеуказанныхъ сраженіяхъ проявили въ полной мѣрѣ вредное вліяніе и повели къ пораженію.

Въ частности заслуживаютъ упоминанія слѣдующія фактическія данныя:

Вечеромъ 3 сентября 1854 года 61,000 чел. съ 108 орудіями союзныхъ войскъ уже высадились *безпрепятственно* у Евпаторіи.

Для защиты подступовъ къ Севастополю кн. Меншиковъ собралъ на сильной Альминской позиціи 49½ бат., 26 эск. и сот. и 84 орудія, силою 35,000 чел.

Несмотря на достаточное время, позиція была не укрѣплена и не изучена [1]). Лѣвый флангъ, примыкавшій къ морю, остался не запятымъ. Протяженіе позиціи не соотвѣтствовало силѣ войскъ.

8 сентября союзники атаковали наши войска, и неожиданное для нашихъ войскъ появленіе дивизіи Боске на нашемъ лѣвомъ флангѣ заставило наши войска отступить.

Историкъ П. Гудимъ-Левковичъ главною причиною неудачи съ основаніемъ признаетъ несоотвѣтствующую боевую подготовку войскъ.

„Подъ Альмою впервые проявилось со стороны французовъ большое развитіе стрѣлковаго огня и маневрированіе въ разсыпномъ строѣ. Между тѣмъ, мирныя занятія нашихъ войскъ не способствовали развитію умѣнья въ средѣ частныхъ начальниковъ примѣняться къ новымъ для нихъ боевымъ требованіямъ, къ мѣстности, къ усовершенствованіямъ въ техникѣ ружья и вообще къ обстановкѣ. Единственнымъ строемъ для боя наша пѣхота считала колонну къ атакѣ, единственнымъ средствомъ для нанесенія вреда непріятелю — атаку въ штыки. А тутъ мы встрѣтились съ непріятелемъ, который не считалъ нужнымъ единоборствовать на штыкахъ, а пускалъ въ дѣло огонь и, во время нашихъ попытокъ сцѣпиться грудь съ грудью,

---

[1]) Возведеніе нѣсколькихъ слабыхъ батарей нельзя считать за укрѣпленіе позиціи.

настолько мѣтко поражалъ наши баталіонныя колонны, представлявшія удобныя мишени, что, за убылью начальниковъ и людей, стройныя колонны скоро превращались въ безпорядочныя кучи и поворачивали назадъ. Съ своей стороны частные начальники и тутъ также, какъ и на Дунаѣ, основывали свою дѣятельность на точныхъ указаніяхъ и приказаніяхъ свыше; къ сожалѣнію, послѣднихъ, подъ Альмою, вовсе не было; тогда-то и сказалось гибельное отсутствіе предпріимчивости въ этихъ начальникахъ“ [1]).

Въ концѣ октября временно небольшое превосходство въ силахъ перешло на нашу сторону. Союзниковъ, осаждавшихъ Севастополь, было 63,000 чел., растянутыхъ на 13 верстъ и раздѣленныхъ между собою трудно проходимыми оврагами. Въ нашей арміи по спискамъ считалось 87,000 чел., но, за исключеніемъ раненыхъ и больныхъ, налицо было 71,000 чел. Изъ нихъ въ Севастопольскомъ гарнизонѣ находилось 32,000 чел., а въ полевой арміи 65 бат., 58 эск., 21 сот. и 260 орудій — всего 55,000 чел.

Кн. Меншиковъ рѣшилъ атаковать правый флангъ союзниковъ, такъ называемыя Инкерманскія высоты.

Для наступательныхъ дѣйствій было назначено 35,000 чел. при 126 орудіяхъ, т. е. только половина всей крымской арміи.

Атака участка позиціи, занятаго англичанами, была назначена на 24 октября.

„Всѣ старшіе начальники не знали вовсе мѣстности и не имѣли даже картъ окрестностей Севастополя“ [2]).

Пѣхота наступала на тѣсномъ пространствѣ, въ густыхъ колоннахъ. Артиллерія была закрыта пѣхотою и не могла стрѣлять. Сильный резервъ изъ четырехъ полковъ былъ забытъ, а начальникъ резерва Жабокритскій притаился. Когда англичане отбили одну изъ колоннъ и она отступила, начала бой другая, тоже наступавшая въ глубокихъ колоннахъ, почти безъ интерваловъ. Прибывшій на помощь англичанамъ Боске съ зуавами рѣшилъ бой окончательно въ пользу англичанъ. Изъ 35,000 чел., состоявшихъ въ двухъ колоннахъ, которыя вели атаку, выбыло изъ строя убитыми и ранеными 10,500 чел., или 30% всего состава. Многія части потеряли свыше 50% своего состава. Противникъ потерялъ 4,500 чел.

Разбирая причины неудачи дѣйствій нашихъ войскъ подъ Инкерманомъ, П. Гудимъ-Левковичъ пишетъ:

„Неправильная мирная подготовка войскъ и подъ Инкерманомъ проявилась въ полной степени: неумѣніе начальниковъ и войскъ считаться съ неожиданностью и въ самихъ себѣ находить средства согласоваться съ новой обстановкой. Какъ только грозная дѣйствительность лишала возможности получать своевременно приказанія

---

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. III, кн. 1, стр. 240—241.

[2]) Тамъ же, стр. 283.

свыше, то въ средѣ начальствующихъ лицъ, пріученныхъ долгими годами мирной практики только къ одной исполнительности, проявлялось полное отсутствіе распоряженій; самый бой тогда принималъ какой-то стихійный характеръ....

„Вмѣсто совокупнаго удара, является полное раздробленіе силъ: сперва посылаются два полка пѣхоты, а третій остается за ними въ резервѣ; эти части ведутъ ожесточенный бой, пока не надламливаются ихъ силы; потерявъ своихъ начальниковъ и массу нижнихъ чиновъ, остатки этихъ полковъ, собравшись въ безпорядочныя кучи, отбиваются отъ перешедшаго въ наступленіе непріятеля и наконецъ отступаютъ. Только тогда прибываютъ имъ на смѣну свѣжіе два полка, которые испытываютъ совершенно ту же участь; отступленіе ихъ прикрывается частями общаго резерва. Наконецъ, подходятъ войска Павлова и съ ними корпусный командиръ; тѣмъ не менѣе управленіе боемъ отъ этого нисколько не выигрываетъ: полки Павлова разыгрываютъ бой совершенно такъ же, какъ и полки Соймонова, и съ такимъ же результатомъ. Въ критическую минуту боя, когда прибытіе нѣсколькихъ свѣжихъ батальоновъ къ русскимъ могло довершить пораженіе союзниковъ, наши войска остались безъ поддержки, несмотря на то, что въ резервѣ было *4 нетронутыхъ пѣхотныхъ полка*.....

„Если къ сказанному прибавить, что насколько чувство взаимной выручки мало проявилось съ нашей стороны, настолько въ средѣ союзниковъ все, не ожидая общихъ распоряженій, устремлялось въ бой, то станетъ понятнымъ, почему наши войска должны были отъ наступленія перейти къ оборонѣ“ [1]).

15 февраля на мѣсто кн. Меншикова главнокомандующимъ былъ назначенъ кн. Горчаковъ.

Ежедневныя большія потери въ севастопольскомъ гарнизонѣ побудили вступившаго на престолъ императора Александра II въ іюлѣ 1855 г. предложить кн. Горчакову: „собрать военный совѣтъ для обсужденія мѣръ, которыя могли бы положить конецъ ужасной войнѣ“.

28 іюля на совѣтѣ старшихъ начальниковъ большинство мнѣній было высказано за необходимость выйти изъ пассивнаго положенія и, выждавъ прибытія ожидавшихся 4-й и 5-й пѣх. и 7-й резервной дивизій, атаковать непріятеля со стороны Черной рѣчки. Главнокомандующій принялъ это мнѣніе, и войска довольно открыто начали передвиженія для предположенной атаки.

Позиція союзниковъ, которую предположено было атаковать, независимо отъ возведенныхъ союзниками укрѣпленій, была очень сильна по мѣстнымъ условіямъ. Фронтъ ея прикрывался на всемъ протяженіи рѣчкой Черною, трудно проходимою въ бродъ, и водо-

---

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. III, кн. 1, стр. 300—301.

проводомъ съ отвѣсными, одѣтыми камнемъ, стѣнками. Правый флангъ позиціи составляли высоты Гасфорта, лѣвый—Федюхины высоты. Оба фланга были хорошо прикрыты. Длина фронта позиціи — три версты.

Попытка, сдѣланная кн. Меншиковымъ 13 октября 1854 г., овладѣть Балаклавою выяснила противнику значеніе Федюхиныхъ высотъ, которыя къ началу августа 1855 года были сильно заняты. По тревогѣ союзники могли встрѣтить нашу атаку 40 тысячами, а съ прибытіемъ на мѣсто боя французскихъ подкрѣпленій силы союзниковъ могли дойти до 60,000 чел.

Князь Горчаковъ назначилъ для атаки непріятельской позиціи 4 августа 46,000 штыковъ, 10,500 сабель и 272 орудія.

Войска эти были раздѣлены приблизительно на три равныя части: правая колонна (25 б-въ), подъ начальствомъ Реада, должна была атаковать Федюхины высоты, лѣвая колонна (30 б-въ), подъ начальствомъ Липранди, должна была овладѣть высотами Гасфорта; пѣхотный резервъ (30 б-въ) располагался за правымъ флангомъ.

Бой должна была начать лѣвая колонна. Овладѣвъ Телеграфною горою, войска этой колонны должны были остановиться и ждать приказанія форсировать Черную рѣчку и атаковать Гасфортову гору. Правая колонна, выстроивъ боевой порядокъ передъ Черной рѣчкой и завязавъ артиллерійскій огонь, тоже должна была ждать приказанія форсировать Черную рѣчку и штурмовать Федюхины высоты. Телеграфную гору наши войска заняли легко. Кн. Горчаковъ, прибывъ на эту гору, рѣшилъ главную атаку вести на Гасфортову гору и приказалъ двинуть на помощь Липранди изъ общаго резерва 5-ю дивизію. Когда начали приводить въ исполненіе эти приказанія, началась неожиданная атака Реадомъ Федюхиныхъ высотъ. Приказаніе „начинать дѣло“, посланное кн. Горчаковымъ, когда еще огонь не былъ открытъ, Реадъ получилъ, когда начатый артиллерійскій огонь былъ прекращенъ, и потому понялъ, какъ приказаніе начинать атаку.

Видя съ Телеграфной горы первыя успѣшныя дѣйствія войскъ Реада, кн. Горчаковъ отмѣняетъ атаку Гасфортовой горы и рѣшаетъ главную атаку вести на Федюхины высоты; туда же направляется и 5-я дивизія, уже выступившая къ Телеграфной горѣ.

Дѣйствія противъ Федюхиныхъ высотъ состояли изъ нѣсколькихъ, одна съ другою не связанныхъ, атакъ. Первоначально атакуютъ высоты три полка 12-й дивизіи. Преодолѣвъ Черную рѣчку, водопроводный каналъ, войска наши овладѣли даже батареею и частью высотъ, но прибывшими къ противнику подкрѣпленіями были опрокинуты за Черную рѣчку.

Затѣмъ начинается атака трехъ полковъ 7-й пѣхотной дивизіи. Эти полки форсируютъ Черную рѣчку и водопроводный каналъ и берутъ первыя траншеи, но съ переходомъ союзныхъ войскъ въ наступленіе сброшены съ высотъ и, поражаемые съ фронта и съ фланга,

безпорядочно переходятъ черезъ р. Черную, отступаютъ къ Мекензіевой горѣ и болѣе участія въ бою не принимаютъ.

Затѣмъ начинается, по приказанію Реада, атака Федюхинскихъ высотъ полками 5-й дивизіи, посылаемыми одинъ за другимъ, послѣ того, какъ предыдущій уже отступалъ на правый берегъ р. Черной. Во время этихъ безсвязныхъ атакъ былъ убитъ и Реадъ.

Атака двухъ полковъ колонны Липранди противъ Гасфортовыхъ высотъ первоначально имѣла успѣхъ, но потомъ оба полка были вынуждены къ отступленію.

Послѣдній резервъ князя Горчакова — 4-я пѣх. дивизія была задержана на Мекензіевыхъ горахъ столпившимися обозами, и кн. Горчаковъ около 2 часовъ дня прекратилъ бой, приказавъ войскамъ отступать на Мекензіевы горы.

Наши войска въ этомъ безпорядочномъ бою потеряли 8,000 чел.; союзники 1,800 чел. Разница огромная.

Причинами неудачи нашихъ войскъ историки считаютъ: 1) отсутствіе у главнокомандующаго опредѣленной цѣли, ради которой это сраженіе предпринималось; онъ далъ его подъ давленіемъ требованій изъ Петербурга; 2) неточность и неясность въ отдаваемыхъ приказаніяхъ; 3) полную разрозненность атакъ; 4) полное отсутствіе артиллерійской подготовки; 5) полное бездѣйствіе по свойству мѣстности нашей конницы.

Обрисовавъ въ общихъ чертахъ дѣйствія нашей полевой арміи, обратимся къ описанію хода самой осады Севастополя.

5 октября 1854 г. союзники произвели первое бомбардированіе Севастополя. Наши укрѣпленія къ этому времени были вооружены 341 орудіемъ, изъ которыхъ 118 были направлены противъ непріятельскихъ батарей, вооруженныхъ 120 орудіями. Въ 6½ час. утра открылся огонь. Наши отвѣчали настолько успѣшно, что французскія батареи къ 10½ час. утра уже прекратили огонь. Союзный флотъ могъ поражать наши приморскія батареи съ одного борта 1,200 орудіями. Мы могли отвѣчать лишь 150 орудіями. Выпустивъ 50,000 снарядовъ, флотъ произвелъ значительное разрушеніе только на приморской Константиновской батареѣ. Вся потеря на нашихъ приморскихъ батареяхъ достигла только 138 чел.; у противника 520 чел., и 9 судовъ были серьезно повреждены. Союзники съ осадныхъ батарей выпустили 5 октября 8,500 снарядовъ. Мы отвѣтили 20,000 выстрѣловъ. Но потери наши составили около 1,500 чел., а у союзниковъ только 350 чел. (въ послѣдній день 6-й бомбардировки на 50,000 выстрѣловъ съ осадныхъ орудій мы отвѣтили только 15,000 выстрѣловъ).

На Малаховомъ курганѣ 5 октября былъ смертельно раненъ Корниловъ; послѣднія слова его были: „Скажите всѣмъ, какъ пріятно умирать, когда совѣсть спокойна. Благослови Господи Россію и государя; спаси Севастополь и флотъ“.

Къ концу марта 1855 г. на вооруженіи южной стороны Севастополя стояло около 1,000 орудій, изъ которыхъ противъ осадныхъ орудій могло дѣйствовать 466. Гарнизонъ состоялъ изъ 37,000 пѣх., 10,500 артиллеристовъ, преимущественно изъ моряковъ, и 1,000 саперъ, всего 48,500 чел.

Это былъ періодъ наибольшаго развитія съ нашей стороны контръапрошныхъ работъ. Затѣмъ противникъ, цѣною огромныхъ усилій и жертвъ, хотя и несетъ частныя пораженія, но успѣваетъ овладѣть нашими выдвинутыми впередъ редутами Селенгинскимъ, Волынскимъ и Камчатскимъ, и вступившій въ командованіе союзными войсками Пелисье начинаетъ готовиться къ штурму Малахова кургана.

Штурмъ и былъ произведенъ 6 іюня 1855 г., но окончился полною неудачею для союзниковъ, потерявшихъ въ этотъ день 7,000 чел. убитыми и ранеными. Наши потери составили около 5,000 чел. За два дня бомбардированія, предшествовавшіе штурму, союзники выпустили 72,000 снарядовъ противъ нашихъ 19,000.

Такая разница, при почти одинаковомъ числѣ орудій и мортиръ у насъ и у союзниковъ, объясняется просто: у союзниковъ къ началу іюня на каждую пушку и мортиру имѣлось по 400—500 снарядовъ, а у насъ 140 на пушку и только 60 на мортиру.

Герои—адмиралы Корниловъ и Истоминъ уже были убиты. 28 іюля на Малаховомъ курганѣ былъ убитъ Нахимовъ,—потеря незамѣнимая. Тотлебенъ въ своемъ описаніи обороны Севастополя пишетъ: „Со смертью его всѣ, отъ генерала до солдата, почувствовали, что не стало человѣка, при которомъ паденіе Севастополя было невозможно“.

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, съ начала іюня до начала августа, безъ выдающихся дѣйствій съ обѣихъ сторонъ, только отъ огня съ осадныхъ батарей, гарнизонъ Севастополя потерялъ 12,000 чел. выбывшими изъ строя. Потеря противника была значительно меньше.

5 августа началось пятое бомбардированіе Севастополя. Самый сильный огонь былъ направленъ на Малаховъ курганъ и на 2-й и 3-й бастіоны. Наши батареи отвѣчали. Но уже къ полудню артиллерія противника получила такой перевѣсъ, что 2-й бастіонъ и Малаховъ курганъ замолчали вслѣдствіе сильныхъ поврежденій: почти всѣ амбразуры были завалены, а рвы засыпаны землею, падавшею съ брустверовъ.

На Малаховъ курганъ и 2-й бастіонъ временами падало одновременно 20—30 бомбъ и гранатъ. Обороняющійся не могъ поправить всѣхъ поврежденій, сосредоточивая работы на очисткѣ амбразуръ и рвовъ и починкѣ пороховыхъ погребовъ. Бомбардированіе продолжалось трое сутокъ. Противникъ сдѣлалъ 40,000 выстрѣловъ; мы отвѣтили на нихъ только 19,000. Осадныя батареи противника пріобрѣли рѣшительный перевѣсъ надъ артиллеріею обороны, а возстановить равновѣсіе не имѣлось средствъ.

Въ ожиданіи штурма приходилось имѣть резервы вблизи передовыхъ укрѣпленій, а это вызывало лишнія потери. За три дня бомбардированія гарнизонъ потерялъ убитыми и ранеными до 3,000 чел.

„Всѣ ночи гарнизонъ Севастополя проводилъ въ полной готовности встрѣтить штурмъ: прислуга находилась при орудіяхъ, заряженныхъ картечью и наведенныхъ по гласису; прикрытіе оставалось на банкетахъ; цѣпь и секреты располагались впереди укрѣпленій. Отдыхали днемъ: прислуга, оставивъ дежурныхъ при орудіяхъ, уходила спать въ ближайшіе блиндажи; прикрытіе, кромѣ нѣсколькихъ штуцерныхъ, сходило съ банкетовъ и одна половина его располагалась въ укрѣпленіяхъ, не снимая амуниціи, а другая укрывалась въ ближайшихъ блиндажахъ. Ежедневныя потери гарнизона были очень велики, но это не отражалось на стойкости людей и готовности ихъ жертвовать жизнью.

„Въ это же время шла постройка моста черезъ рейдъ, и къ 15 августа онъ былъ открытъ для движенія; вслѣдствіе устройства сообщенія съ сѣверной стороной, являлась полная возможность въ случаѣ нужды очистить южную сторону.

„Явный перевѣсъ, пріобрѣтенный атакою надъ оборопою; страшная потеря въ людяхъ; истощеніе артиллерійскихъ средствъ: непомѣрныя лишенія, испытываемыя гарнизономъ; постоянная опасность, грозившая людямъ ежеминутно; неустанная работа днемъ и ночью,— все это въ совокупности давно уже вынуждало главнокомандующаго сомнѣваться въ возможности отстоять Севастополь; не рѣдки были минуты, когда кн. Горчаковъ, повидимому, окончательно рѣшалъ безъ боя очистить южную сторону“ [1]).

Къ 24 августа осадныя работы союзниковъ подвинулись настолько, что находились отъ контръ-эскарповъ Малахова кургана, 4-го и 5-го бастіоновъ въ 20 саженяхъ.

22 августа на военномъ совѣтѣ французскихъ генераловъ было высказано единогласное мнѣніе о необходимости произвести штурмъ, послѣ трехдневной бомбардировки укрѣпленій. Главный ударъ Пелисье рѣшилъ произвести на Малаховъ курганъ.

Къ 26 августа на всѣхъ осадныхъ батареяхъ союзниковъ стояло 807 орудій, изъ коихъ 700 могли направлять огонь по укрѣпленіямъ и городу. У насъ на вооруженіи стояло 1,381 орудіе, но на огонь осадныхъ батарей могли отвѣчать только 540 ор. Снарядовъ было недостаточно. Батареи не были достаточно исправлены. Вслѣдствіе огромной потери въ артиллерійской прислугѣ она пополнялась пѣхотинцами и даже ратниками ополченія.

24 августа съ утра началось шестое и самое сильное бомбардированіе. Въ три дня осадными батареями противника сдѣлано было до 150,000 выстрѣловъ. Наши батареи отвѣтили только 55,000 выстрѣловъ. Гарнизонъ потерялъ около 7,000 чел. убитыми и ранеными.

Разрушенія нашихъ укрѣпленій, намѣченныхъ для штурма, еще увеличились. Трудность исправлять поврежденія возросла въ такой

---

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. III, кн. 1, стр. 368.

степени, что, напримѣръ, на Малаховомъ курганѣ убыль рабочихъ за ночь доходила до половины ихъ состава.

Къ 27 августа, дню штурма, укрѣпленія, особенно Малаховъ курганъ, были почти разрушены, матеріальная часть артиллеріи мѣстами приведена въ полную негодность. На переднемъ фронтѣ Малахова кургана осталось всего 8 орудій, а на 2-мъ бастіонѣ 6 ор. Защитники укрѣпленій крайне утомились отъ работъ, бомбардированія и непрерывнаго ожиданія штурма.

Для штурма союзники назначили 57,000 штыковъ, въ томъ числѣ для главной атаки, подъ начальствомъ Боске, Малахова кургана и сосѣднихъ укрѣпленій 61 бат. при 24 полевыхъ орудіяхъ, силою 25,000 чел.

Утромъ 27 августа гарнизонъ южной стороны состоялъ изъ 100 баталіоновъ (въ томъ числѣ трехъ баталіоновъ саперъ) и 44 запряженныхъ орудій, всего 42,000 штыковъ.

Съ 5 по 27 августа гарнизонъ потерялъ 25,000 чел. убитыми и ранеными. При такихъ потеряхъ съ укомплектованіемъ войскъ совершенно не справлялись. Большую часть полковъ пришлось привести въ двухъ и даже одно-баталіонный составъ. Сила баталіоновъ была отъ 250 до 400 человѣкъ. Въ особенности былъ великъ недостатокъ въ офицерахъ: баталіонами командовали штабсъ-капитаны, ротами — прапорщики.

Съ разсвѣтомъ 27 августа войска южной стороны, въ ожиданіи штурма, были наготовѣ; пѣхота стояла по банкетамъ; орудія были заряжены картечью, резервы приближены. Но, когда день начался обычнымъ бомбардированіемъ, для уменьшенія потерь войска были отведены назадъ, а на банкетахъ и при орудіяхъ было оставлено самое ограниченное число людей.

Въ 8 час. утра французы взорвали горны впереди Малахова кургана, въ разстояніи 8 — 10 саж. отъ контръ-эскарпа.

Отъ сотрясенія часть бруствера передъ Малаховской башней обвалилась въ ровъ.

Штурмъ начался въ началѣ перваго часа пополудни, когда его не ожидали.

Малаховъ курганъ, важнѣйшій пунктъ обороны, въ моментъ штурма былъ занятъ тремя полками 15-й пѣх. дивизіи, силою всего въ 1,400 штыковъ и то большей частью изъ необученныхъ рекрутъ.

Малаховъ курганъ былъ взятъ легко. Постепенно прибывавшія подкрѣпленія по частямъ вводились въ бой за обратное овладѣніе имъ; вели рукопашный бой, тѣснили французовъ, но затѣмъ, обезсиленные, были отбиваемы. Устроенная въ Малаховомъ кургапѣ сильная горжа очень затрудняла обратное овладѣніе этимъ важнымъ пунктомъ. Къ 5 часамъ пополудни Малаховъ курганъ окончательно остался за французами. Штурмъ другихъ пунктовъ нашей укрѣпленной позиціи окончился неудачно для союзниковъ.

Тѣмъ не менѣе кн. Горчаковъ, прибывъ къ Малахову кургану, пришелъ къ убѣжденію въ невозможности продолжать оборону и въ 5 часовъ пополудня 27 августа отдалъ приказаніе отступать на сѣверную сторону.

Въ день штурма, 27 августа, севастопольскій гарнизонъ потерялъ 12,500 человѣкъ убитыми и ранеными, что только на этотъ день составило 26,5% всего состава. Союзники потеряли 10,000 чел. [1]).

Одновременно съ переправою нашихъ войскъ на сѣверную сторону были затоплены и остальныя суда черноморскаго флота.

„Со времени высадки союзныхъ войскъ на берега Крыма и до 28 августа наши войска потеряли: въ севастопольскомъ гарнизонѣ *102,000* чел. и въ полевыхъ дѣлахъ при Альмѣ, Балаклавѣ, Инкерманѣ, Евпаторіи и Черной рѣчкѣ свыше *26,000*; всего, кромѣ 8,455 умершихъ отъ болѣзней, свыше *128,000* человѣкъ. Вся убыль союзныхъ войскъ простиралась до *64,000* чел.“ [2]).

Главную причину упорства обороны исторіки справедливо видятъ въ безпримѣрныхъ стойкости и мужествѣ гарнизона и въ искусствѣ и талантѣ руководителя всѣхъ инженерныхъ работъ.

Военныя дѣйствія въ азіатской Турціи въ 1853—1855 годахъ.

Наши силы на Кавказѣ, ко времени занятія русскими войсками въ 1853 году дунайскихъ княжествъ, были значительны: въ кавказской арміи состояло 128 бат., 10 эск., 52 полка казаковъ и конной милиціи съ 232 орудіями.

Но эти войска вели упорную борьбу съ горскимъ населеніемъ внутри Кавказа, а на границѣ съ Турціей было расположено лишь незначительное число войскъ.

Поэтому въ составъ корпуса войскъ, назначеннаго для дѣйствій противъ турокъ, ко времени открытія военныхъ дѣйствій признано было возможнымъ выдѣлить лишь относительно небольшіе отряды. Но это были отличныя кавказскія войска, предводимыя опытными и самостоятельными боевыми начальниками.

Еще въ теченіе 1853 года наши войска на Кавказѣ одержали два серьезныхъ успѣха. 14 ноября отрядъ кн. Андроникова, силою около 7,000 чел., разбилъ превосходныя силы турокъ подъ Ахалцыхомъ.

19 ноября кн. Бебутовъ, съ отрядомъ въ 10,000 пѣхоты, 3,000 конницы и 40 орудій, атаковалъ армію турокъ въ 36,000 чел. при 46 орудіяхъ, расположенную у Башъ-Кадыклара, разбилъ ее, взялъ 24 орудія, обозъ и лагерь.

---

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. III, кн. 1, стр. 385.

[2]) Тамъ же, стр. 389.

Весною 1854 года наши дѣйствовавшія на турецкой границѣ силы составляли 47 бат., 26 эск., 36 каз. сот., 79 сот. конной милиціи. 100 орудій. Силы эти были разбросаны на протяженіи 300 верстъ.

Турки получили значительныя подкрѣпленія и сосредоточили главныя силы, около 60,000 чел., у Карса, выдвинувъ отдѣльные отряды къ Батуму и Баязету. Эти два отряда, въ бояхъ у с. Нигаети, на р. Чолокѣ и на Чингильскихъ высотахъ, были разбиты относительно малочисленными нашими отрядами кн. Эристова, кн. Андроникова и Врангеля.

Баязетъ былъ занятъ русскими войсками, а 24 іюля кн. Бебутовъ разгромилъ главную армію турокъ въ сраженіи при дер. Кюрюкъ-дара. У Бебутова было 20,000 чел.; у турокъ 60,000 чел.

Всѣ роды оружія соревновались въ мужествѣ, упорствѣ и искусствѣ дѣйствій. Отдѣльные начальники не дожидались указаній свыше, а принимали на свою отвѣтственность смѣлыя рѣшенія. Въ особенности заслуживаютъ упоминанія дѣйствія кавказскихъ драгунъ, въ особенности Нижегородскихъ. Славные нижегородцы, даже потерявъ въ рукопашномъ бою три четверти офицеровъ и почти половину нижнихъ чиновъ, все еще сохраняютъ настолько боевую готовность, что въ этомъ умепьшенномъ составѣ атакуютъ турецкую пѣхоту, отбираютъ назадъ взятыя турками у насъ два орудія и берутъ еще четыре непріятельскихъ.

Казаки тоже дѣйствуютъ молодецки, прорываютъ пѣхотныя линіи, берутъ три орудія.

Побѣда эта, вслѣдствіе крайне упорнаго боя, стоила намъ серьезныхъ потерь—до 3,000 чел. Турки только убитыми потеряли 3,000 чел., плѣнными 2,000 чел.; 15 орудій и большое число ручного оружія были трофеями боя. По неизвѣстнымъ причинамъ, преслѣдованія турокъ почти не было, такъ что турки, отступивъ къ Карсу, могли оправиться.

Къ началу зимы всѣ наши отряды возвратились на свои квартиры.

Историкъ П. Гудимъ-Левковичъ относительно дѣйствій кавказскихъ войскъ въ 1853—1854 годахъ пишетъ [1]):

„Неготовность наша къ войнѣ и слабость силъ для борьбы съ Турціей на этомъ театрѣ войны повели за собой то, что мы были вынуждены и въ этомъ году отказаться отъ почина и выжидать, пока турки, взявшіе на себя роль наступающаго, не подойдутъ къ нашимъ отдѣльно расположеннымъ отрядамъ; тогда русскіе военноначальники не задумывались переходить въ тактическое наступленіе; они не спрашивали, сколько непріятеля, а заботились лишь объ одномъ — настигнуть его и, увѣренные въ доблести своихъ войскъ, смѣло атаковали противника, превосходнаго числомъ и занимавшаго

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. III, кн. 1, стр. 197—198.

сильныя позиціи [1]). И нужно согласиться, что кавказскія войска, отъ старшаго до младшаго, вполнѣ оправдали такое довѣріе своихъ генераловъ. Многолѣтняя борьба съ кавказскими горцами впѣдрила въ начальникахъ всѣхъ степеней надлежащую самостоятельность; каждый начальникъ не задумывался брать на себя рѣшеніе, а высокія боевыя качества войскъ, не испорченныхъ ложной системой мирной подготовки, служили ручательствомъ въ томъ, что они съ блестящимъ успѣхомъ выполнятъ самыя смѣлыя предпріятія.....

„Боевая дѣятельность кавказскихъ войскъ на полѣ сраженія особенно поучительна по тому живому чувству взаимной поддержки, которое такъ ярко обнаруживается: кавалерія сама бросается въ атаку, чтобы дать пѣхотѣ время устроиться; послѣдняя быстро пользуется артиллерійской подготовкой; артиллерія является въ критическія минуты выручать картечью свою пѣхоту и кавалерію. Такой гармоніи и строгаго согласованія не проявляли лучшія европейскія войска даже въ позднѣйшія войны.

„Въ силу этого можно смѣло сказать, что послѣ тяжелаго впечатлѣнія, оставляемаго изученіемъ военныхъ дѣйствій на Дунаѣ, какъ въ общемъ, такъ и въ подробностяхъ, сердце русскаго отдыхаетъ при чтеніи славныхъ подвиговъ кавказской арміи".

Военныя дѣйствія на азіатскомъ театрѣ въ 1855 году сосредоточивались, главнымъ образомъ, на дѣйствіяхъ по овладѣнію крѣпостью Карсомъ, въ которой кромѣ гарнизона находился сильный турецкій корпусъ войскъ. Командовавшій русскими войсками, обложившими Карсъ, генералъ Муравьевъ, опасаясь подхода къ туркамъ подкрѣпленій, штурмовалъ 17 сентября Карсъ и былъ отбитъ съ огромными потерями. Неудача штурма объясняется тѣмъ, что наши силы, общею численностью въ 20,000 чел., назначенныя для штурма, были разбиты на пять частей, которыя должны были вести ночной бой на протяженіи 14 верстъ.

Пѣхота, принимавшая участіе въ штурмѣ, потеряла 7,000 чел., что составляетъ 35% состава. Отдѣльныя колонны потеряли до 70%. Турки потеряли всего около 1,400 чел. Войска проявили отчаянную храбрость, но, дѣйствуя въ темнотѣ и безъ поддержки съ тыла, одолѣть турокъ не могли.

16 ноября Карсъ сдался. Взято въ плѣнъ около 9,000 турокъ. Орудій взято 136.

„Съ паденіемъ Карса закончились серьезныя военныя операціи восточной кампаніи. Фактическіе результаты войны, веденной въ продолженіе болѣе двухъ лѣтъ, заключались въ слѣдующемъ: непріятель владѣлъ нѣсколькими пунктами крымскаго и кавказскаго побережій и Кинбурномъ; Россія же заняла весь Карсскій пашалыкъ.

---

[1]) Исключеніемъ изъ этого можетъ служить лишь сраженіе при Кюрюкъ-дара, гдѣ, какъ мы видѣли, объ стороны одновременно рѣшаются на атаку.

„Къ весне 1856 года вооруженныя силы Россіи были гораздо, чѣмъ въ началѣ войны: въ полевыхъ войскахъ налицо состояло свыше 970,000 чел.; резервныхъ и запасныхъ войскъ было около 570,000 чел.; ополченія до 240,000 чел. и, наконецъ, казачьихъ войскъ 118,000 чел. Всего — 1,898,000 чел.

„Но, несмотря на полную возможность продолжать борьбу, наше правительство охотно склонялось къ прекращенію войны.....

„Въ концѣ ноября лондонскій кабинетъ выработалъ проектъ четырехъ предварительныхъ статей мирнаго трактата, одобренный Франціей и Австріей, къ которому впослѣдствіи была прибавлена еще пятая статья. Главнѣйшія основанія этого проекта были слѣдующія: а) отмѣна русскаго покровительства надъ дунайскими княжествами; б) свобода плаванія по Дунаю и его гирламъ и уступка Россіею полосы Бессарабіи; в) нейтрализація Чернаго моря; г) измѣненіе отношеній Россіи къ православнымъ подданнымъ Порты, съ тѣмъ, что Россія, совмѣстно съ первоклассными европейскими державами, будетъ участвовать въ обсужденіи мѣръ для упроченія религіозныхъ и политическихъ правъ христіанъ Турціи, и, наконецъ, д) предоставленіе права воюющимъ державамъ предъявить еще особыя условія.

„20 января 1856 года протоколъ о принятіи этихъ статей былъ подписанъ представителями Австріи, Франціи, Англіи, Россіи и Турціи. 13 февраля открылся въ Парижѣ конгрессъ, а 18 марта 1856 года былъ подписанъ самый трактатъ о заключеніи мира“ [1]).

Мы отказались отъ продолженія войны, когда политическая обстановка стала для насъ благопріятною: еще лѣтомъ 1855 года вполнѣ обозначилось, что Австрія не примкнетъ къ Англіи и Франціи.

Заключеніе о войнѣ 1853—1856 годовъ.

Главными причинами неудачи для Россіи восточной войны надо признать:

1) Отсутствіе выгодной для Россіи дипломатической подготовки войны. Неправильная оцѣнка политическаго положенія европейскихъ державъ повела къ тому, что, вмѣсто войны съ одною Турціею, пришлось вести войну съ коалиціей изъ четырехъ державъ. Неправильная оцѣнка въ частности вѣроятной роли въ этой войнѣ Австріи и Пруссіи послужила причиною того, что большая часть нашихъ войскъ бездѣйствовала въ ожиданіи разрыва съ Австріей и Пруссіей.

2) Неимѣніе союзниковъ и ожиданіе нападенія со стороны Австріи и Пруссіи вызвали разброску войскъ и назначеніе на дунайскій театръ дѣйствій и въ Крымъ недостаточныхъ силъ.

---

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. III, кн. 1, стр. 448—450.

Когда союзники уже высадились въ Крыму, подкрѣпленіе нашихъ войскъ крымской арміи совершалось медленно и первопачально малыми частями, все въ ожиданіи разрыва съ Австріею.

3) Въ военномъ отношеніи войска, дѣйствовавшія на европейскомъ театрѣ, являя всюду огромное мужество, въ то же время отставали отъ своихъ противниковъ, особенно французовъ, въ обученіи и тактической подготовкѣ.

Въ оборонѣ наши войска въ Севастополѣ явили рѣдкій примѣръ самоотверженнаго упорства въ бою при самыхъ тяжкихъ условіяхъ. Оборона Севастополя составляетъ одну изъ славныхъ страницъ нашей исторіи. Напротивъ того, при дѣйствіяхъ въ полѣ,—въ сраженіяхъ подъ Альмою, Инкерманомъ и на Черной рѣчкѣ,—русскія войска явились мало искусными и отсталыми не только по вооруженію, но и по боевой подготовкѣ.

„Аракчеевская“ школа пропзвела свое вредное дѣйствіе, обезсиливъ частныхъ начальниковъ. На кавказскомъ театрѣ дѣйствій, гдѣ самостоятельность частныхъ начальниковъ поощрялась, и результаты были другіе.

Въ общемъ командный составъ арміи былъ слабъ, но офицеры, какъ и нижніе чины, отличались храбростью. Унтеръ-офицерскій составъ былъ въ высокой степени надежный.

Главная тяжесть боевъ ложилась на пѣхоту. Въ полевыхъ бояхъ на европейскомъ театрѣ дѣйствій артиллерія мало помогала пѣхотѣ, а конница вовсе не помогала, несмотря на ея многочисленность.

Въ Севастополѣ пѣхота, артиллерія и саперы дѣйствовали одинаково самоотверженно.

Душой обороны Севастополя были моряки съ ихъ незабвенными адмиралами — Нахимовымъ, Корниловымъ и Истоминымъ. Моряки, которые принесли такую помощь въ Севастополѣ, дѣйствуя на сушѣ, въ дѣйствіяхъ на морѣ послѣ Синопа пользы не принесли и, въ сознаніи своей слабости на морѣ, утопили свои суда. Побѣда подъ Синопомъ послужила во вредъ Россіи, ибо вызвала входъ союзныхъ флотовъ въ Черное море и сдѣлала войну съ коалиціею неизбѣжною.

4) Малая культурность и бѣдность Россіи отразились на ходѣ войны самымъ невыгоднымъ образомъ. Пути сообщенія съ Крымомъ и къ сторонѣ Молдавіи не были устроены. Не существовало даже шоссе въ Крымъ. Сообщеніе съ внутренней Россіей было крайне затруднено. Подкрѣпленія, укомплектованія, запасы запаздывали.

5) Недостаточность денежныхъ отпусковъ на армію и флотъ въ мирное время повела къ тому, что наша армія въ 1853 г. была совершенно не готова къ войнѣ. Она отстала прежде всего въ вооруженіи. Пришлось съ гладкимъ ружьемъ идти противъ нитуцеровъ, съ парусным флотомъ идти противъ парового. Техническихъ войскъ и средствъ было недостаточно. Подвозъ боевыхъ запасовъ инженернаго и артиллерійскаго вѣдомствъ былъ недостаточенъ и не свое-

временемъ. Только благодаря судовой артиллеріи Севастополь могъ бороться съ осадною артиллеріею противника, и то, за недостаткомъ снарядовъ въ послѣднее время осады, на три непріятельскихъ снаряда мы могли отвѣчать только однимъ. Недостатокъ денежныхъ отпусковъ и плохое состояніе путей сообщеній было одною изъ главныхъ причинъ неудовлетворительнаго устройства въ арміи санитарной и продовольственной частей.

Наконецъ, недостаточность денежныхъ отпусковъ повліяла на недостаточное число запасныхъ войскъ.

Съ укомплектованіемъ войскъ военное вѣдомство совершенно не справилось въ восточную войну въ 1853—1856 годахъ, какъ не справлялось и во всѣ предыдущія войны, особенно въ войны 1813—1814 и 1828—1829 годовъ.

6) Но главною причиною неудачи войны 1853—1856 годовъ надлежитъ признать несвоевременное заключеніе мира. Продолжай наша армія борьбу подъ Севастополемъ, занимая почти неприступную позицію на сѣверной сторонѣ Севастополя, а затѣмъ отступивъ, въ случаѣ неудачи, въ глубь страны,—результатъ войны былъ бы тотъ же, что и въ 1812 году.

Въ запискахъ о крымской войнѣ С. Соловьевъ помѣстилъ слѣдующія строки [1]):

„Первое время новаго царствованія умы были заняты печальнымъ исходомъ восточной войны. Александръ II, прежде всѣхъ другихъ распоряженій по громадному своему наслѣдству, долженъ былъ заплатить страшный долгъ,—заключить миръ, какого не заключали русскіе государи послѣ Прута. Новый императоръ чувствовалъ всю тяжесть этого дѣла...

„Внѣшнія дѣла были вовсе не въ такомъ отчаянномъ положеніи, чтобъ энергичному государю нельзя было выйти изъ войны съ сохраненіемъ достоинства и существенныхъ выгодъ. Внутри не было изнеможенія, крайней нужды; новый государь, котораго всѣ хотѣли любить, какъ новаго, обратясь къ этой любви и патріотизму народному, непремѣнно вызвалъ бы громадныя силы. Война была тяжка для союзниковъ, они жаждали ея прекращенія, и рѣшительный топъ русскаго государя, намѣреніе продолжать войну до честнаго мира, непремѣнно заставили бы ихъ попятиться назадъ“. И далѣе:

„Но для этого, кромѣ широты взгляда, необходимы были смѣлость, способность къ почину дѣла, энергія. Ихъ недоставало у новаго императора: какъ у одного человѣка, ихъ бы достало у него, если бы онъ былъ поддержанъ окружающими, но около него не было ни одного человѣка силы умственной и нравственной. Его окружали тѣ же люди, съ которыми и Николай I, изъ ложнаго страха воевать съ цѣлою Европою, двинулся назадъ и этимъ навязалъ себѣ коалицію.

---

[1]) „Русскій вѣстникъ“ за май 1896 г. „Изъ неизданныхъ бумагъ С. Соловьева“.

И теперь раздавались одни возгласы: „миръ, миръ во что бы то ни стало“, и миръ былъ заключенъ послѣ паденія Севастополя, тогда какъ Севастополь игралъ ту же самую роль, которую играла Москва въ 1812 году: тутъ-то, послѣ этой жертвы, и надобно было объявить, что война не оканчивается, а только начинается, чтобъ именно заставить союзниковъ ее кончить.

„Общее недовольство результатами войны 1853—1856 годовъ проникло во всѣ слои общества. Корень зла съ основаніемъ стали видѣть въ крѣпостничествѣ. Высоко гуманный императоръ Александръ II самъ сталъ во главѣ освободительнаго движенія и даровалъ крѣпостнымъ свободу.

„Это событіе чрезвычайной важности составило эпоху въ жизни Россіи и отразилось на всѣхъ сферахъ дѣятельности, въ томъ числѣ и на военномъ вѣдомствѣ. Раздались новыя рѣчи.

„Трудно нынѣ повѣрить, какія горячія, убѣжденныя и либеральныя статьи появились въ Военномъ Сборникѣ.

„Но скоро опять все пошло по-старому“.

ГЛАВА XXVII.

Русско-турецкая война 1877—1878 годовъ.

Отношенія Россіи къ Турціи въ 1875 - 1878 годахъ. Подготовка войны Россіи съ Турціей въ 1877—1878 годахъ въ политическомъ отношеніи. Соглашеніе съ Австріей. Отношеніе Англіи къ возставшимъ на Балканскомъ полуостровѣ славянскимъ племенамъ. Готовность русской арміи къ войнѣ 1877 — 1878 годовъ. Планы войны. Общій ходъ военныхъ дѣйствій въ войну 1877 — 1878 годовъ. Перемиріе 19 января 1878 года. С.-Стефанскій мирный договоръ 19 февраля 1878 года. Заключенія по войнѣ 1877 — 1878 годовъ (картогр. приложенія №№ 23 — 32).

Ближайшимъ поводомъ къ возстанію въ 1875 году въ Герцеговинѣ послужили притѣсненія христіанскаго населенія турецкими сборщиками податей. Изъ южной Герцеговины возстаніе перешло въ сѣверную, затѣмъ въ Боснію. Мѣстные мусульманскіе жители дѣйствовали вмѣстѣ съ турецкими войсками противъ христіанъ. Значительное число жителей Босніи спаслось въ австрійскіе предѣлы. Другіе бѣглецы спаслись въ Черногорію или Далмацію, но масса бойцовъ храбро вели ежедневныя схватки съ турками; съ обѣихъ сторонъ проявлялось необычайное ожесточеніе. По предложенію управлявшаго нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ Жомини „въ Вѣнѣ былъ установленъ „центръ соглашенія“ трехъ императорскихъ дворовъ съ цѣлью ограничить и прекратить безпорядки или, по крайней мѣрѣ, не дать имъ разростись настолько, чтобы они могли угрожать всеобщему миру“ [1]). Программа дѣйствій имѣла цѣлью: побудить возставшихъ къ покорности, сербовъ и черногорцевъ къ нейтралитету, Турцію къ милосердію и справедливымъ преобразованіямъ.

Всѣ державы согласились послать въ Герцеговину комиссію, состоящую изъ мѣстныхъ консуловъ, которые должны были явиться посредниками между возставшими и турецкими властями. Порта изъявила согласіе на это, но мѣра эта успѣха не имѣла. Инсургенты отвѣтили консуламъ, что прежде всего должно быть заключено перемиріе и что они не вѣрятъ туркамъ и не удовольствуются никакими реформами, если таковыя не будутъ поставлены подъ охрану и ручательство великихъ державъ. Эти требованія были отвергнуты Портою.

[1]) С. Татищевъ „Императоръ Александръ II, т. II, стр. 293.

Затяжка возстанія повела къ тому, что среди сербскаго населенія Черногоріи, Сербіи и даже Австріи началось возбужденіе. Инсургентамъ стали помогать изъ всѣхъ славянскихъ земель, не исключая и Россіи, оружіемъ, припасами. Явились и добровольцы. Возстаніе распространилось и на мѣстности Турціи, населенныя болгарскимъ населеніемъ.

Среди несомнѣннаго сочувствія къ храбрымъ бойцамъ за свободу, три державы, соприкасавшіяся съ Босніей-Герцеговиной, — Сербія, Черногорія и Австрія начали питать своекорыстные виды на присоединеніе къ своимъ территоріямъ возставшихъ провинцій. Въ Сербіи начали усиленно вооружаться.

„Въ Вѣнѣ и Будапештѣ всего болѣе опасались, какъ бы возстаніе не привело къ присоединенію Босніи къ Сербіи, а Герцеговины къ Черногоріи, какъ на то разсчитывали въ Бѣлградѣ и Цетинье. Императоръ Францъ-Іосифъ давно питалъ надежду, что рано или поздно эти двѣ области послужатъ ему вознагражденіемъ за земельныя и другія утраты, понесенныя его монархіей въ Германіи и Италіи. Среди босняковъ и герцеговинцевъ, католическое меньшинство было расположено въ пользу присоединенія къ Австро-Венгріи; въ этомъ направленіи усердно интриговали латинскіе монахи и вообще католическое духовенство. Но въ самой дунайской монархіи общественное мнѣніе не сочувствовало такому пріобрѣтенію по сю, какъ и по ту сторону Лейты. Пока усилія графа Андраши были направлены къ тому, чтобы, не допуская Боснію и Герцеговину ни до соединенія съ двумя славянскими княжествами, ни до образованія автономной области, оставить ихъ подъ властью Порты, но съ тѣмъ, чтобы въ нихъ введены были реформы по плану, составленному австро-венгерскимъ министромъ, примѣненіе которыхъ было бы поставлено подъ ручательство великихъ державъ и подъ фактическій контроль вѣнскаго двора“.

Несочувствіе присоединенію Босніи и Герцеговины къ Австро-Венгріи было въ особенности сильно среди венгерскаго населенія, опасавшагося увеличенія въ Австро-Венгріи славянскаго населенія. Есть указаніе, что венгры болѣе сочувствовали туркамъ, чѣмъ возставшимъ славянамъ.

Комиссія изъ представителей державъ, послѣ объѣзда Босніи и Герцеговины, пришла къ заключенію, что для успокоенія края необходимы коренныя реформы. Послѣ этого державы предоставили вѣнскому кабинету, какъ болѣе другихъ заинтересованному, выработать планъ для умиротворенія Босніи и Герцеговины [1]).

Реформы, проектированныя Андраши, заключались въ слѣдующемъ: 1) полная свобода вѣроисповѣданія, 2) уничтоженіе отдачи податей на откупъ, 3) употребленіе доходовъ возставшихъ областей на мѣстныя нужды, 4) учрежденіе смѣшанной комиссіи для наблю-

[1]) „Описаніе русско-турецкой войны“, изд. военно-истор. комиссіи, т. I, стр. VIII.

денія за исполненіемъ проектированныхъ реформъ, 5) улучшеніе аграрнаго положенія сельскаго населенія.

Эти требованія, поддержанныя всѣми державами, не исключая и Англіи, были предъявлены Портѣ, и она изъявила на нихъ согласіе. Но когда проектируемыя державами мѣры были сообщены собраннымъ главарямъ возстанія, они не приняли ихъ и предъявили свои — настолько непріемлемыя, что Порта въ свою очередь отвергла ихъ и предписала возобновить военныя дѣйствія. Для характеристики этихъ требованій приведемъ, что между ними было и такое: „христіане до тѣхъ поръ не положатъ оружія, пока не будутъ обезоружены мусульмане и не введутся всѣ обѣщанныя реформы“. Другимъ требованіемъ Порта обязывалась выстроить вновь всѣ разрушенные храмы и дома, снабжать христіанъ продовольствіемъ. Изъ Герцеговины требовалось увести *навсегда* всѣ турецкія войска, за исключеніемъ шести пунктовъ. Вообще эти требованія были бы умѣстны только для побѣдителя. Турки же признать себя побѣжденными очевидно не могли.

Всѣ державы признали притязанія инсургентовъ чрезмѣрными, но князь Горчаковъ былъ противнаго мнѣнія и находилъ ихъ выполнимыми. Начался разладъ во мнѣніяхъ, какъ поступить далѣе, который осложнялся еще явною помощью, подаваемою возставшимъ со стороны Черногоріи.

Когда представители Турціи и Англіи обратились къ кн. Горчакову съ просьбою сдѣлать внушеніе князю черногорскому, чтобы удержать его отъ дальнѣйшаго вмѣшательства въ борьбу герцеговинскихъ христіанъ съ турками, кн. Горчаковъ отвѣтилъ рѣзкимъ отказомъ. Этими несогласіями воспользовался Андраши.

Въ концѣ апрѣля кн. Горчаковъ прибылъ въ Берлинъ, гдѣ въ теченіе трехъ дней происходили собранія между представителями Россіи, Австріи и Германіи по восточнымъ дѣламъ.

„На этихъ собраніяхъ довольно ясно обозначилось существенное различіе во взглядахъ князя Горчакова и графа Андраши на возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ. Единственною, безкорыстною цѣлью совокупнаго дѣйствія великихъ державъ русскій канцлеръ почиталъ возстановленіе мира и порядка въ этихъ двухъ областяхъ, путемъ улучшенія участи ихъ христіанскаго населенія и съ оставленіемъ ихъ подъ непосредственною властью султана и Порты. Явно не противорѣча ему, австро-венгерскій министръ старался однако направить дѣло такъ, чтобы единственно возможнымъ исходомъ являлось присоединеніе обѣихъ областей къ монархіи Габсбурговъ. Завѣтный этотъ замыселъ императора Франца-Іосифа давно уже былъ извѣстенъ князю Бисмарку, обѣщавшему всячески содѣйствовать его осуществленію, но все еще оставался тайною для русской дипломатіи; другими словами, двое изъ участниковъ тройственнаго союза были между собою въ стачкѣ противъ третьяго. Къ тому же за послѣдніе три съ половиною года личная дружба Бисмарка и Андраши возросла и

окрѣпла, тогда какъ прежнія тѣсныя отношенія германскаго канцлера къ русскому сильно поколебало заступничество Россіи за Францію въ 1875 году. По внѣшности, однако, на берлинскихъ совѣщаніяхъ Бисмаркъ выступалъ посредникомъ и какъ бы примирителемъ между Россіею и Австро-Венгріею, постоянно твердя, что Германія заранѣе согласна на всѣ мѣры, которыя будутъ соглашены между Петербургомъ и Вѣною. Мѣры эти были формулированы княземъ Горчаковымъ, а Бисмаркъ убѣдилъ Андраши принять ихъ безъ возраженій, доказавъ ему, что онѣ нимало не предрѣшаютъ исхода дѣла и столь же легко могутъ повести къ цѣли, преслѣдуемой Австріей, какъ и къ той, которую желаетъ Россія.

„Такимъ образомъ, декларація, извѣстная подъ именемъ „берлинскаго меморандума", явилась выраженіемъ общаго мнѣнія трехъ императорскихъ дворовъ о положеніи дѣлъ на балканскомъ востокѣ" [1]).

Первымъ требованіемъ этого меморандума ставилось заключеніе перемирія на два мѣсяца. Затѣмъ, въ числѣ другихъ требованій значилось, что христіане сохраняютъ оружіе, какъ и мусульмане, что турецкія войска будутъ хотя временно сосредоточены только въ опредѣленныхъ пунктахъ и что консулы будутъ наблюдать за проведеніемъ реформъ.

Франція и Италія примкнули къ этому соглашенію, но Англія отказалась послѣдовать этому примѣру.

Послѣ умерщвленія султана Абдулъ-Азиса на оттоманскій престолъ вступилъ Абдулъ-Гамидъ [2]). При воцареніи онъ объявилъ амнистію своимъ возставшимъ подданнымъ и обѣщалъ ввести въ Турціи конституцію по западному образцу. Но хотя слова султана были нѣжны, но на дѣлѣ работала партія молодой Турціи, которая ставила цѣлью своихъ дѣйствій освобожденіе отъ опеки европейскихъ государствъ и подавленіе возстанія силою. Въ трудѣ герцога Аргайльскаго „Отвѣтственность Англіи въ восточномъ вопросѣ" есть указаніе, что представитель Англіи въ Константинополѣ умолялъ Порту спѣшить подавленіемъ мятежа своими средствами, дабы только спасти ее отъ иностраннаго вмѣшательства [3]).

Въ трудѣ А. Гирса „Россія и ближній востокъ" по этому поводу имѣется болѣе опредѣленное указаніе: „Англійскій посолъ, Генри Эллиотъ, узнавъ о возстаніи и боясь новыхъ опасныхъ осложненій, первый далъ Портѣ совѣтъ потушить мятежъ, „не разбирая средствъ". На основаніи этого совѣта Порта телеграфировала дословно Шефкетъ-пашѣ: подавите возстаніе, не разбирая средствъ" [4]). И вотъ, при помощи черкесовъ и башибузуковъ, началось въ Болгаріи избіеніе виновныхъ

---

[1]) С. Татищевъ „Императоръ Александръ II", т. II, стр. 304—305.

[2]) Передъ нимъ короткое время этотъ престолъ занималъ братъ его Мурадъ V.

[3]) Герцогъ Аргайльскій „Отвѣтственность Англіи въ восточномъ вопросѣ", изд. 1908 г., стр. 55.

[4]) А. Гирсъ „Россія и ближній востокъ", стр. 177—178.

и невинныхъ, избіеніе женщинъ и дѣтей, сопровождавшееся страшными звѣрствами. Было избито: по исчисленію англичанъ 12,000, а по исчисленію славянофиловъ 45,000 чел. У Татищева показано, что число инсургентовъ въ одномъ филиппопольскомъ санджакѣ доходило до 12,000.

Вопль негодованія пронесся по всей Европѣ и сильнѣе всего откликнулся въ Англіи. Благородный Гладстонъ сталъ во главѣ движенія въ Англіи и настаивалъ на совершенномъ изъятіи изъ турецкаго управленія Босніи, Герцеговины и Болгаріи.

Но съ этимъ мнѣніемъ не было согласно прежде всего само англійское правительство. Лордъ Дербп высказалъ мнѣніе, что державамъ не остается ничего иного, какъ выждать исхода борьбы. Если туркамъ не удастся подавить возстанія, то, быть можетъ, султанъ и согласится признать Боснію и Герцеговину автономными областями; если, напротивъ, инсургенты будутъ побѣждены, то они выкажутъ большую податливость и удовольствуются организаціей, которая была дана критянамъ послѣ возстанія 1866—1868 годовъ.

Русское правительство не согласилось съ этимъ взглядомъ, и лорду Дербп отвѣтили, что съ русской точки зрѣнія всякое столкновеніе мусульманъ съ христіанами затрагиваетъ честь христіанскихъ державъ и не позволяетъ имъ относиться къ нему безучастно. Затѣмъ русское правительство высказало взглядъ, сообщенный одновременно въ Лондонъ, Берлинъ и Вѣну, въ пользу основанія вассальныхъ, платящихъ дань султану, автономныхъ княжествъ. Въ то же время Черногорія должна была получить гавань на морѣ и нѣсколько сопредѣльныхъ съ нею округовъ, а Сербія — Малый Зворникъ.

Противъ такого плана горячо возсталъ Андраши, имѣвшій виды на Боснію и Герцеговину для Австріи. Англія тоже выразила свое неодобреніе плану Горчакова.

20 іюня 1876 года въ Эмсъ, гдѣ императоръ Александръ II обсуждалъ вмѣстѣ съ императоромъ Вильгельмомъ I положеніе дѣлъ, пришло извѣстіе, что Черногорія и Сербія заключили оборонительный и наступательный союзъ и объявили войну Турціи. Сербское войско, подъ начальствомъ ген. Черняева, вторгнулось въ турецкіе предѣлы. Перешли въ наступленіе и черногорцы. Эти событія глубоко огорчили и разгнѣвали императора Александра II. При такихъ обстоятельствахъ 25 іюня 1876 года состоялось свиданіе императоровъ русскаго и австрійскаго въ Рейхштадтѣ (въ Богеміи).

Ранѣе, чѣмъ изложить результаты совѣщанія монарховъ, необходимо ознакомиться, какъ отнеслись въ Россіи къ извѣстіямъ съ Балканскаго полуострова. С. Татищевъ въ слѣдующихъ краснорѣчивыхъ строкахъ рисуетъ это отношеніе [1]):

„Въ Россіи, съ самаго начала возстанія въ Герцеговинѣ и Бос-

---

[1]) С. Татищевъ „Императоръ Александръ II“, т. II, стр. 316—317.

пін, общественное мнѣніе высказалось въ пользу возставшихъ. Славянскіе благотворительные комитеты въ Петербургѣ и въ Москвѣ собирали обильныя приношенія и доставляли ихъ на мѣсто чрезъ своихъ агентовъ. Независимо отъ денежной помощи, они организовали помощь врачебную для раненыхъ и больныхъ инсургентовъ, снабжали выходцевъ, удалившихся въ сопредѣльныя славянскія области Черногоріи, Сербіи и Австро-Венгріи, пищею и одеждою. По мѣрѣ того, какъ разрасталось возстаніе, росло и сочувствіе русскаго общества къ братьямъ-славянамъ, жертвамъ турецкой жестокости. Когда же сербы и черногорцы вступили въ борьбу съ Турціей, провозгласивъ цѣлью ея освобожденіе всѣхъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ Балканскаго полуострова отъ многовѣковаго мусульманскаго ига, всеобщее одушевленіе широкою волною разлилось по всей Россіи. Всѣ сословія, званія и состоянія, не говоря уже объ отдѣльныхъ лицахъ, соревновали одно съ другимъ въ щедрыхъ пожертвованіяхъ. Хотя министерство внутреннихъ дѣлъ и сдѣлало распоряженіе о воспрещеніи земствамъ удѣлять въ помощь южнымъ славянамъ земскія суммы, но сборы въ ихъ пользу производились въ церквахъ, по благословенію духовнаго начальства, путемъ подписокъ, постановленій чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ о вычетѣ на общеславянское дѣло извѣстнаго процента изъ получаемаго ими содержанія. Всѣ эти приношенія стекались въ общество попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ, принявшее на себя доставленіе и раздачу ихъ по принадлежности, или прямо въ канцелярію императрицы Маріи Александровны, августѣйшей попечительницы общества. Русскій Красный Крестъ первый снарядилъ и отправилъ въ Черногорію и Сербію санитарные отряды, снабдивъ ихъ всѣмъ необходимымъ. Примѣру его не замедлили послѣдовать Петербургъ, Москва, большая часть провинціальныхъ городовъ. При отправленіи на театръ военныхъ дѣйствій врачей, сестеръ милосердія происходили торжественные проводы, служились молебны о ниспосланіи побѣды славянскому оружію, съ возглашеніемъ многолѣтія архистратигамъ славянскихъ силъ, произносились пламенныя рѣчи, совершались возліянія, провозглашались здравицы. Газеты и журналы громили и клеймили на своихъ столбцахъ варваровъ-турокъ и пѣли хвалебные гимны вождямъ и воинамъ христіанской рати, пророча первымъ пораженіе и гибель, обѣщая вторымъ — скорую и полную побѣду и одолѣніе надъ противниками. Наконецъ, толпы добровольцевъ всѣхъ сословій, въ томъ числѣ простыхъ солдатъ, офицеровъ и даже генераловъ, покинувшихъ службу, стремились въ Сербію и Черногорію, чтобы стать въ ряды бойцовъ за славянское дѣло и принять участіе въ освободительномъ ихъ подвигѣ.

„Вся Россія соединилась въ одномъ великодушномъ порывѣ: придти на помощь славянскимъ братьямъ и содѣйствовать ихъ освобожденію. Общественное движеніе было такъ сильно, до того проникло во всѣ слои и круги, не исключая и высшихъ, до самаго подножія

престола, что немногіе противорѣчивые голоса раздавались втунѣ, никѣмъ не услышанные".

На одномъ изъ собраній славянофиловъ въ Москвѣ въ началѣ іюня 1876 года Аксаковъ заключилъ свою рѣчь словами: „Братья наши въ Турціи должны быть освобождены; сама Турція должна прекратить существованіе; Россія имѣетъ право занять Константинополь, такъ какъ свобода проливовъ для нея вопросъ жизненной важности" [1]).

Въ сущности „вся Россія" вовсе не соединялась въ порывѣ придти на помощь славянскимъ братьямъ. Огромная масса русскаго населенія даже понятія не имѣла и не имѣетъ его и теперь о славянскихъ народностяхъ и ихъ племенномъ и религіозномъ родствѣ съ русскимъ племенемъ. Это не было патріотическимъ движеніемъ, напоминавшимъ 1812 годъ. Тогда это движеніе проникло вглубь народныхъ массъ, ибо было понятно ему: врагъ пришелъ въ предѣлы Россіи, врагъ сжегъ Москву. Ничего подобнаго, конечно, не было въ 1876 году. Возбужденіе въ Россіи носило искусственный характеръ и захватило только поверхностно русскій народъ. Главную роль въ этомъ искусственномъ возбужденіи играли славянофилы, искренно вѣрившіе въ призваніе Россіи жертвовать жизнью и достаткомъ ея сыновъ для устройства славянскихъ дѣлъ и разстройства собственныхъ. Въ военныхъ кругахъ возможность войны съ Турціей встрѣчалась съ нескрываемымъ удовольствіемъ. Наиболѣе горячія головы, чтобы скорѣе попасть въ бой, шли въ добровольцы, нѣкоторые идейно, а нѣкоторые отъ избытка жизненной энергіи. Было патріотическое возбужденіе и среди отставныхъ военныхъ; многіе и изъ нихъ пошли въ Сербію идейно, но для многихъ отставныхъ поступленіе въ добровольцы вызывалось желаніемъ новой обстановки, опасности, борьбы, обезпеченнаго куска хлѣба. Особыхъ же симпатій къ сербамъ у многихъ замѣтно не было. Попадали въ добровольцы и такіе, которые, кромѣ вреда дѣлу и русскому имени, ничего не принесли.

Надо принять въ расчетъ, что неудача войны 1853—1856 годовъ еще была свѣжа въ памяти русскихъ людей, особенно въ арміи. Многіе участники войны находились въ рядахъ арміи, даже въ младшихъ чинахъ. Такъ, одинъ изъ героевъ Плевны—Горталовъ, раненый штыками подъ Севастополемъ, служа съ тѣхъ поръ непрерывно во Владимірскомъ пѣхотномъ полку, въ 1876 году былъ только капиталомъ. Независимо помощи славянамъ, въ обновленной арміи радовались возможности загладить неудачи предыдущей войны.

Но были и трезвые голоса, которые предостерегали Россію отъ увлеченія. С. Татищевъ приводитъ слѣдующія строки:

„Маститый ветеранъ русской мысли и слова, князь П. А. Вязем-

---

[1]) А. Гирсъ „Россія и ближній востокъ", стр. 181.

скій, занесъ въ письмо къ близкому свойственнику тщетныя предостереженія, скоро оказавшіяся пророческими. Все, что дѣлается по восточному вопросу, — писалъ онъ, — настоящій и поголовный кошмаръ. Правительства не видать и не слыхать, а на сценѣ * и ** съ компаніею. Они распоряжаются судьбами Россіи и Европы. Если правительство съ ними, то дѣлается слишкомъ мало, если не съ ними — то черезчуръ много. Тутъ нѣтъ ни политическаго достоинства, ни политической добросовѣстности, нѣтъ и благоразумія. Всѣ плотины прорваны и потокъ бушуетъ и разливается во всѣ стороны, многое затопитъ онъ. Правительства не должны увлекаться сентиментальными упоеніями: они должны держаться принциповъ. Безъ принциповъ, правительство играетъ въ жмурки, да я и не вѣрю въ глубину и сознательность нынѣшняго народнаго движенія... Народъ не можетъ желать войны, а по недосмотрительности своей ведетъ къ войнѣ. Война теперь можетъ быть для насъ не только вредъ, но и гибель. Она можетъ наткнуться на государственное банкротство. У насъ, какъ у французовъ, нѣтъ въ жилетномъ карманѣ милліардовъ, не говоря уже о другихъ худыхъ послѣдствіяхъ войны... Видѣть Россію въ рукахъ * и ** — страшно и грустно. За ними не видать правительства, qui ne dit mot consent. Слѣдовательно, правительство молча потакаетъ этой политической неурядицѣ и горько можетъ поплатиться за нее.... Хороши и сербы! Россія стряхнула съ себя татарское иго, а послѣ наполеоповское, своими руками, а не хныкала и не попрошайничала помощи у сосѣдовъ.

„Неужели мы своими боками, кровью своею, можетъ быть будущимъ благодѣтельствомъ своимъ, должны жертвовать для того, чтобы сербы здравствовали. Сербы — сербами, а русскіе — русскими. Въ томъ-то и главная погрѣшность, главное недоразумѣніе наше, что мы считаемъ себя болѣе славянами, чѣмъ русскими. Русская кровь у насъ на заднемъ планѣ, а впереди — славянолюбіе. Единовѣрчество тутъ ничего не значитъ. Французы тоже единовѣрцы съ поляками. А что говорили мы, когда французы вступались за мятежныхъ поляковъ? Религіозная война хуже всякой войны и есть аномалія, анахронизмъ въ наше время. Турки не виноваты, что Богъ создалъ ихъ магометанами, а отъ нихъ требуютъ христіанскихъ, евангельскихъ добродѣтелей. Это нелѣпо. Высылайте ихъ изъ Европы, если можете, или окрестите ихъ, если умѣете; если нѣтъ, то оставьте ихъ и восточный вопросъ въ покоѣ, до поры и до времени. Восточный вопросъ очень легокъ на подъемъ, и мы очень любимъ подымать его, но не умѣемъ поставить на ноги и давать ему правильный ходъ. Когда Наполеонъ III поднялъ итальянскій вопросъ, онъ вмѣстѣ съ нимъ поднялъ и двухсотъ-тысячную армію и въ три недѣли побилъ и разгромилъ Австрію. А мы дразнимъ и раздражаемъ, и совершенно безсовѣстно, Турцію санитарными отправленіями при барабанномъ боѣ, шампанскомъ и разныхъ крикахъ, чуть ли не въ присядку, съ

бубнами и ложками. Все это недостойно величія Россіи... Много виновато и общество покровительства раненымъ. Изъ христіанскаго и евангельскаго подвига они сдѣлали machine de guerre. Крестъ Спасителя обратили въ пушку и стрѣляютъ изъ креста. Все это неправильно, недобросовѣстно, просто нечестно. И изъ чего подымаютъ всю эту тревогу, весь этотъ гвалтъ? Изъ чего такъ разнуздали и печать, и шайки разныхъ проходимцевъ?.. Изъ чего, того и смотри, загорится вся Европа и распространится всеобщая война? Ужели думаютъ, что Россія окрѣпнетъ силою возстановленныхъ славянскихъ племенъ? Нисколько, а напротивъ. Мы этимъ только обезпечимъ и утвердимъ недоброжелательство и неблагодарность сосѣда, котораго мы воскресили и поставили на ноги“ [1]).

Сочувствіе къ славянамъ Балканскаго полуострова находило поддержку въ аничковскомъ дворцѣ у наслѣдника-цесаревича и въ зимнемъ дворцѣ въ государынѣ Маріи Александровнѣ. Изъ приближенныхъ къ государынѣ особенно вліятельною славянофилкою была графиня Блудова [2]).

Къ убѣжденнымъ сторонникамъ рѣшительныхъ мѣръ противъ турокъ принадлежалъ и великій князь Николай Николаевичъ.

Дольше всѣхъ противился вліянію славянофиловъ лично государь императоръ, хорошо сознававшій, что новая война нанесетъ неисчислимый вредъ Россіи, пріостановитъ ростъ и укрѣпленіе произведенныхъ имъ великихъ преобразованій и снова разстроитъ едва оправившееся послѣ восточной войны государственное казначейство; но въ концѣ 1876 года и государь началъ признавать, что война стала неизбѣжною.

Въ высокой степени поучительно, что вождь славянофиловъ И. Аксаковъ, когда посѣянныя имъ сѣмена дали всходы и часть русскихъ войскъ была мобилизована, самъ ужаснулся результатамъ своей и своихъ единомышленниковъ работы.

Вотъ что писалъ Аксаковъ уже въ декабрѣ 1876 года [3]):

„То, что происходило въ Россіи лѣтомъ (1876 г.),—неслыханное явленіе въ чьей-либо исторіи: общество вело войну помимо своего правительства и въ чужомъ государствѣ. Явленіе величественное, но уродливое и ненормальное... Участіе русскаго общества внѣ государственной организаціи годилось только для побужденія къ дѣятельности русскаго правительства; но народныя движенія, какъ бы они ни были высоки, не могутъ быть правильною нормою для текущей жизни... Весь грѣхъ сербской войны въ томъ и состоялъ, что она началась будто бы за освобожденіе южныхъ славянъ, а не просто за

---

[1]) С. Татищевъ „Императоръ Александръ II“, т. II, стр. 317—319.
[2]) Ю. Карцовъ „За кулисами дипломатіи“, стр. 9—10.
[3]) „Русскій архивъ“ 1897 года, № 6.

свержение турецкаго сюзеренства, за пріобрѣтеніе старой Сербіи и Босніи, словомъ, началась ложью и фразою".

А между тѣмъ именно славянофилы и вызвали въ обществѣ воинственное настроеніе, съ которымъ правительство признало необходимымъ считаться. Эта уступка правительства выказалась въ разрѣшеніи повсемѣстныхъ сборовъ пожертвованій и въ разрѣшеніи отправки добровольцевъ. Въ концѣ мая 1876 года И. Аксаковъ признавалъ, что отправка ген. Черняева въ Сербію была его дѣломъ.

Германія, Англія и Австро-Венгрія работали вмѣстѣ съ славянофилами, стараясь втянуть Россію въ единоборство съ Турціею: Австрія въ цѣляхъ расширенія своихъ предѣловъ за счетъ Турціи, Англія и Германія въ цѣляхъ ослабить Россію. Въ Германіи еще свѣжо было въ памяти вмѣшательство Россіи въ 1875 году въ дѣла Германіи съ Франціею, призракъ союза Россіи съ Франціею не могъ не тревожить Бисмарка, а Англіи надо было отвлечь вниманіе Россіи отъ среднеазіатскихъ дѣлъ. Разгромъ въ 1873 году хивинскаго ханства, а въ 1875 году покореніе и присоединеніе кокандскаго ханства тревожили Англію.

Между тѣмъ, порывъ извѣстной части общества къ пожертвованіямъ на пользу славянъ былъ непродолжителенъ и по результатамъ незначителенъ. Денегъ было собрано не много, а число всѣхъ добровольцевъ составило только до 1,500 человѣкъ, но и въ ихъ числѣ, по отзывамъ особо командированныхъ лицъ—генерала Никитина и полковника Снессарева, находилось много лицъ, о которыхъ пришлось доносить, что среди нихъ господствовали полная распущенность, разладъ между собою и ненависть къ сербамъ [1]).

Положеніе населенія Сербіи и короля Милана въ 1875 году было трудное. Несомнѣнно, что часть сербскаго населенія сочувствовала возставшимъ боснякамъ и герцеговинцамъ, но отъ этого сочувствія и даже посылки добровольцевъ-сербовъ въ помощь возставшимъ до желанія воевать съ турками было очень далеко. Сербское правительство, подражая Австріи, очень хотѣло бы безъ войны съ турками получить увеличеніе территоріи за счетъ Босніи. Но обстоятельства въ Сербіи складывались такъ, что ей приходилось думать о самообороне. Банды повстанцевъ изъ Сербіи проникали въ Боснію, а турки составляли планы раздавить Сербію, двинувъ туда внезапно 50,000—60,000 войска съ пашою Гуссейнъ-Авни.

Вооруженіе Сербіи представлялось поэтому необходимымъ, чтобы дать отпоръ туркамъ, если они вторгнутся въ Сербію, такъ какъ въ концѣ 1875 года надежды на воздѣйствіе державъ на Порту ослабѣли. Въ Австріи, въ опасеніи, что вооруженія въ Сербіи послужатъ къ увеличенію ея претензій на Боснію, были противъ вооруженій. Въ

[1]) „Сборникъ матеріаловъ исторической комиссіи по описанію рус.-тур. войны 1877—1878 гг.", вып. 8.

томъ же духѣ писалъ нашъ посолъ въ Вѣнѣ Новиковъ нашему дипломатическому представителю въ Бѣлградѣ, генеральному консулу А. Карцову, указывая ему на необходимость удержать князя Милана отъ воинственныхъ порывовъ. Посолъ въ Константинополѣ графъ Игнатьевъ, напротивъ того, указывалъ, что не слѣдуетъ задирать турокъ и давать поводъ къ столкновенію, но слѣдовало быть готовымъ дать имъ отпоръ.

Сербское правительство не переставало добиваться отъ А. Карцова отвѣта: какъ отнесется Россія къ вооруженіямъ Сербіи? Карцовъ обратился за указаніями къ Н. К. Гирсу. Этотъ послѣдній отвѣчалъ:

„Въ письмѣ вашемъ отъ 28 декабря 1875 г.,—писалъ Н. К. Гирсъ отъ 12 января 1876 г.,—вы задали мнѣ такіе вопросы, разрѣшеніе которыхъ я не могъ взять на себя,—а потому я представилъ ихъ канцлеру, который съ своей стороны счелъ нужнымъ повергнуть на воззрѣніе государя все ваше письмо ко мнѣ. Оно было прочтено съ любопытствомъ его величествомъ и удостоилось помѣты „Да“ противъ того мѣста, гдѣ вы спрашиваете — одобритъ ли васъ министерство въ томъ, что, стараясь вселить въ сербахъ убѣжденіе въ единствѣ нашихъ съ Австріею стремленій въ пользу мира,—вы въ то же время совѣтуете имъ готовиться на тотъ случай, если бы стремленія эти оказались безплодными?

„Такъ, по этому вопросу у васъ руки развязаны. Но вы, конечно, не выпустите изъ виду крайней осторожности и предусмотрительности, необходимыхъ въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ.

„Вообще всѣмъ, что вы сюда писали по возвращеніи вашемъ въ Сербію, здѣсь весьма и весьма довольны. Это вамъ, впрочемъ, уже извѣстно изъ телеграммы канцлера—и мнѣ остается лишь васъ поздравить съ этимъ успѣхомъ, что дѣлаю я тѣмъ охотнѣе, что *лично* раздѣляю я *вполнѣ* вашъ взглядъ на настоящія событія“ [1]).

Получивъ такую опору, сербское правительство пошло смѣлѣе и, вмѣстѣ съ мѣрами по усиленію своего военнаго положенія, въ Бѣлградѣ выработали проектъ военной конвенціи съ Черногоріей. 9-я статья этой конвенціи взаимно обязывала Сербію и Черногорію оказывать поддержку возстанію.

Содержаніе конвенціи сдѣлалось извѣстнымъ въ Австріи и вызвало тревогу и негодованіе.

Съ согласія русскаго правительства, австрійскій представитель въ Бѣлградѣ Вреде сдѣлалъ слѣдующее заявленіе князю Милану: „Австрія и Россія приняли твердое рѣшеніе сохранить миръ; заявленія князя Николая весьма удовлетворительны; положеніе Сербіи вызывающее. Обѣ державы требуютъ, чтобы Сербія категорически высказалась въ пользу мира; чтобы она прекратила свои приготовленія; иначе державы предъявятъ ей ультиматумъ, а если Сербія не под-

[1]) Ю. Карцовъ „За кулисами дипломатіи“, стр. 21—22.

чинится, — Австріи будетъ поручено принять мѣры, дабы заставить Сербію стать относительно Порты въ надлежащее положеніе“ [1]).

Князь Миланъ запросилъ Карцова: съ согласія ли Россіи дѣлаются ему угрозы Австріей. Но нашъ дипломатическій представитель въ Бѣлградѣ не зналъ, кого слушаться, кому вѣрить. Нашъ посолъ въ Константинополѣ видѣлъ корень всего зла въ Австро-Венгріи, а его вѣнскій коллега въ ней, и въ ней одной только, усматривалъ якорь спасенія. Изъ Петербурга также шли противорѣчивыя указанія.

Въ Бѣлградѣ надъ загадками русскаго дипломатическаго сфинкса еще долгое время ломали бы себѣ голову и колебались, кого слушаться: угрожающихъ предостереженій Австріи, или полныхъ сочувствія, но боязливыхъ совѣтовъ Россіи. Вдругъ неожиданно движеніе получило могучій толчокъ: изъ Петербурга прибылъ герой Ташкента и георгіевскій кавалеръ—генералъ Черняевъ и предложилъ сербскому правительству свои услуги [2]).

Сербія и Черногорія объявили войну Турціи, и 20 іюня 1876 г. сербскія войска, подъ начальствомъ ген. Черняева, перешли границу и вторгнулись на турецкую территорію. Черногорія тоже открыла военныя дѣйствія.

Имѣются серьезныя указанія, что объявленная Сербіей война для массы населенія была нежелательна. Миланъ, его министры и митрополитъ Михаилъ своими дѣйствіями разсчитывали вызвать на войну Россію, но когда, вмѣсто объявленія Турціи войны, Россія стала присылать въ Сербію деньги и добровольцевъ, эта помощь принималась почти враждебно.

Все вышеизложенное можетъ служить объясненіемъ того настроенія, въ которомъ находился императоръ Александръ II, прибывшій въ Рейхштадтъ для переговоровъ по балканскимъ дѣламъ съ императоромъ Францемъ-Іосифомъ черезъ пять дней по открытіи Сербіей военныхъ дѣйствій.

Негодованіе государя на сербовъ, князя Милана и въ особенности на генерала Черняева было такъ сильно, что онъ первоначально намѣревался лишить Черняева георгіевскаго креста.

Состоявшееся въ Рейхштадтѣ соглашеніе изложено С. Татищевымъ въ слѣдующихъ строкахъ [3]):

„Между обоими монархами, которыхъ сопровождали ихъ министры иностранныхъ дѣлъ, состоялось совѣщаніе, обнимавшее политическіе вопросы настоящаго и будущаго. Съ общаго согласія рѣшено было въ войнѣ сербовъ и черногорцевъ съ Турціей строго придерживаться начала невмѣшательства до той минуты, пока перевѣсъ не окажется въ пользу одной изъ воюющихъ сторонъ, и тогда сообща

[1]) Ю. Карцовъ „За кулисами дипломатіи“, стр. 25.
[2]) Тамъ же, стр. 28.
[3]) С. Татищевъ „Императоръ Александръ II“, т. II, стр. 315—316.

согласовать результаты войны съ интересами обѣихъ имперій. Въ случаѣ пораженія Сербіи и Черногоріи, условлено не допускать ни измѣненія отношеній двухъ княжествъ къ Портѣ, ни посягательства послѣдней на ихъ земельную цѣлость; въ случаѣ же ихъ военныхъ успѣховъ, императоръ Францъ-Іосифъ заявилъ, что ограждепіе жизненныхъ интересовъ его монархіи не позволитъ ему согласиться на образованіе за Дунаемъ единаго и сплоченнаго государства, славянскаго или иного, и что всякое измѣненіе территоріальнаго status quo на Балканскомъ полуостровѣ вынудитъ его потребовать земельнаго вознагражденія (compensation) въ пользу Австро-Венгріи въ Босніи и въ части Герцеговины.

„Императоръ Александръ не оспаривалъ этого притязанія и, со своей стороны, выразилъ намѣреніе предъявить въ такомъ случаѣ права Россіи на участокъ Бессарабіи, прилегающій къ Дунаю и отторгнутый отъ нея по Парижскому договору 1856 года. Оба государя обмѣнялись обѣщаніемъ дѣйствовать въ восточныхъ дѣлахъ не иначе, какъ по предварительному уговору другъ съ другомъ во всѣхъ возможныхъ случайностяхъ, не исключая и окончательнаго распаденія оттоманской имперіи. Въ послѣднемъ случаѣ предположено изъ Болгаріи, Албаніи и остальной части Румеліи образовать автономныя княжества; Ѳессалію, Эпиръ и островъ Критъ присоединить къ Греціи; Константинополь же съ ближайшею его окружностью (banlieue) объявить вольнымъ городомъ. Взаимныя обязательства монарховъ не были занесены въ протоколъ, а только записаны, со словъ обоихъ министровъ, присутствовавшимъ при свиданіи русскимъ посломъ при вѣнскомъ дворѣ".

Часть Рейхштадтскаго соглашенія, касавшаяся невмѣшательства, была немедленно оглашена. Часть же касательно территоріальнаго передѣла, по настоянію Андраши, рѣшено было держать въ секретѣ даже отъ нашего посла въ Константинополѣ гр. Игнатьева.

По этому поводу Ю. С. Карцовъ въ своемъ трудѣ „За кулисами дипломатіи" пишетъ:

„Въ то время, какъ Е. П. Новиковъ и графъ Андраши изготовляли австро-русское сепаратное соглашеніе, гр. Игнатьевъ съ маркизомъ Салисбюри велъ дѣло на основаніяхъ противоположныхъ. Стремясь, во что бы то ни стало, добиться устраненія вліянія генерала Н. П. Игнатьева, графъ Андраши дерзновенно потребовалъ, чтобы переговоры между Австріею и Россіею хранились отъ него въ секретѣ. Получилась курьезная аномалія: съ разрѣшенія князя Горчакова, русскій посолъ Е. П. Новиковъ далъ австрійскому министру честное слово — le général Ignatieff ne saura rien de la convention" [1]).

Дальнѣйшія военно-политическія событія, касающіяся Балканскаго полуострова, до начала русско-турецкой войны, изложены въ

[1]) Ю. Карцовъ „За кулисами дипломатіи", стр. 15 — 16.

официальной исторіи турецкой войны въ краткихъ чертахъ слѣдующимъ образомъ [1]):

Силы сербовъ очень скоро оказались совершенно недостаточными, чтобы бороться противъ турокъ. Абдулъ-Керимъ съ регулярными турецкими войсками разбилъ сербовъ и отбросилъ ихъ въ долину Моравы. Миланъ просилъ заступничества державъ. Просьба его была сочувственно принята въ Петербургѣ. Англійскій посолъ въ Петербургѣ Лофтусъ доносилъ своему правительству, что онъ ни за что не отвѣчаетъ, если не будетъ положенъ предѣлъ наступленію турецкихъ войскъ. Англія взяла на этотъ разъ починъ къ умиротворенію ближняго востока на себя. Программа Англіи, поддержанная другими державами, была сообщена Портѣ 9 сентября. Въ этой программѣ требовалось заключеніе мира съ Сербіей и Черногоріей, земельное приращеніе территоріи послѣдней и дарованіе административной автономіи Сербіи, Герцеговинѣ и Болгаріи. Такъ какъ это предложеніе не сопровождалось угрозою принудить Порту силою къ принятію этой программы, то Турція уклонилась отъ принятія ея.

Русское правительство, на случай отказа Порты, предлагало оккупацію Босніи и Герцеговины австрійскими, Болгаріи — русскими войсками и производство морской демонстраціи къ Босфору соединенной эскадрой всѣхъ державъ. Но Англія и Австрія на это не соглашались. Этотъ разладъ коренным образомъ затруднилъ тогда и затрудняетъ теперь еще умиротвореніе ближняго востока. 19 августа Мурадъ II былъ свергнутъ съ престола и на его мѣсто возведенъ младшій братъ его Ага-Абдулъ-Гамидъ. Война противъ балканскихъ христіанъ была объявлена „священною“.

Россія потребовала созыва международной конференціи. Турки дѣйствовали уклончиво и возобновили военныя дѣйствія противъ сербовъ. Подъ Дюнишемъ войска сербскія были снова разбиты, и туркамъ былъ открытъ путь къ Бѣлграду.

По отчаянной просьбѣ Милана, государь Александръ II потребовалъ заключенія перемирія въ двухдневный срокъ, иначе грозилъ отозвать нашего посла изъ Константинополя. Турки согласились и приказали съ 20 октября прекратить военныя дѣйствія [2]).

Англія заволновалась отъ такого рѣшительнаго шага Россіи и въ рѣчи Биконсфильда грозила Россіи войною.

Государь съ своей стороны въ рѣчи 30 октября въ Москвѣ выразилъ твердое намѣреніе дѣйствовать самостоятельно, если Турція не приметъ нашихъ условій, а 1 ноября, для поддержанія этихъ словъ, была объявлена мобилизація части нашихъ силъ. Англія временно

[1]) „Описаніе русско-турецкой войны 1877 — 1878 годовъ“, изд. военно-истор. комиссіи, т. I, стр. X — XVI.

[2]) Въ трудѣ С. Татищева „Императоръ Александръ II“ есть указанія, что Бисмаркъ дѣятельно содѣйствовалъ тому, чтобы Россія объявила войну Турціи, указывая на возможность добыть на эту войну деньги въ Германіи.

уступила. Уполномоченные 6 державъ начали вырабатывать условія мира Турціи съ Сербіею и Черногоріею и новое положеніе для управленія Босніи и Герцеговины и Болгаріи, на основаніи широкой ихъ автономіи.

10 декабря соглашеніе державъ было достигнуто.

Вмѣсто принятія этихъ предложеній, турки объявили призрачную конституцію и, ссылаясь на то, что съ объявленіемъ ея христіане Турціи уже не нуждаются въ особой опекѣ Европы, отказались принять предложеніе представителей Европы.

Тогда послы 6 державъ выѣхали изъ Константинополя.

Россія сдѣлала еще одну попытку избѣжать войны. По почину Россіи, 19 марта державы подписали протоколъ, въ которомъ были изложены минимальныя требованія державъ отъ Турціи.

29 марта турецкое правительство отвѣтило отказомъ, въ которомъ между прочимъ было изложено, что *„Турція, какъ государство независимое, не можетъ признавать надъ собою никакого надзора, ни коллективнаго, ни иного“*.

12 апрѣля 1877 г. послѣдовалъ манифестъ о войнѣ съ Турціей, и въ тотъ же день русскія войска перешли границу на обоихъ театрахъ войны.

Направленіе готовившихся военныхъ дѣйствій и самые результаты ихъ должны были неизбѣжно затрагивать интересы Австро-Венгріи. Война 1854 года указывала, что безъ предварительнаго соглашенія вести войну на Балканскомъ полуостровѣ нельзя, особенно при томъ условіи, что турецкій флотъ господствовалъ на Черномъ морѣ.

„Соглашенія съ Австріей, — пишетъ историкъ войны 1877 — 1878 гг., — слѣдовало добиваться во что бы то ни стало“ [1]). Это соглашеніе и было куплено дорогою цѣною:

На случай войны съ Турціей 3 января 1877 г. въ Вѣнѣ была заключена, на основаніяхъ соглашенія въ Рейхштадтѣ, русско-австрійская конвенція, которая обезпечивала Россіи дружественный нейтралитетъ Австро-Венгріи.

По этой конвенціи мы получали свободу дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ „внѣ предѣловъ Сербіи, Черногоріи, Босніи и Герцеговины“.

Далѣе дозволялось, руководствуясь правилами женевской конвенціи, устраивать русскіе временные лазареты на желѣзнодорожной линіи Краковъ—Львовъ—Черновицы съ вѣтвями на Волочискъ и Броды. Австрійское правительство обязалось не препятствовать „агентамъ, и комиссіонерамъ Россіи производить въ предѣлахъ Австро-Венгріи покупки и дѣлать заказы предметовъ, нужныхъ для русской арміи“ [2]).

[1]) „Описаніе русско-турецкой войны“, т. I, стр. 6—12.

[2]) Сверхъ того, австрійское правительство принимало на себя обязательство, въ случаѣ изолированной войны Россіи съ Турціей, сохранять дружественный Россіи нейтралитетъ и, посредствомъ своей дипломатіи, отстранять попытки вмѣшательства или посредничества со стороны другихъ державъ.

Взамѣнъ указанныхъ обязательствъ предоставлялось императору австрійскому избрать время и способъ оккупаціи Босніи и Герцеговины. Кромѣ того, Россія обязывалась не образовывать на Балканскомъ полуостровѣ значительнаго славянскаго или иного государства.

Нѣсколько позже, а именно, когда наши войска уже вступили въ Румынію и военныя дѣйствія начались, были сдѣланы уступки и съ цѣлью успокоенія Англіи; 18 мая была послана русскому посланнику въ Лондонѣ гр. Шувалову инструкція о сообщеніи англійскому министру—лорду Дерби, что Россія удовлетворится занятіемъ Болгаріи по Балканы. Объ этомъ обстоятельствѣ русскій главнокомандующій узналъ лишь 29 мая [1]).

Политическая обстановка, при которой Россія въ 1877 году начинала войну съ Турціей, была болѣе благопріятной, чѣмъ въ 1853 г. Со стороны Пруссіи Россія была обезпечена нейтралитетомъ. Бисмаркъ признавалъ, что не окрѣпнувшая еще Германія не должна жертвовать жизнью даже только одного померанскаго гренадера для неясныхъ и чужихъ цѣлей [2]).

Въ половинѣ августа 1876 года государь принялъ въ Варшавѣ фельдмаршала Мантейфеля, „привезшаго собственноручное письмо императора Вильгельма съ выраженіемъ самыхъ дружественныхъ чувствъ и обѣщаніемъ полной поддержки во всѣхъ дѣйствіяхъ Россіи въ пользу ея балканскихъ единовѣрцевъ“ [3]).

Франція, обезсиленная войною 1870—1871 гг., уклонялась отъ участія въ балканскихъ дѣлахъ. Основанныя на Балканскомъ полуостровѣ государства—Румынія, Сербія и Черногорія—готовились помогать Россіи.

Оставались Австрія и Англія. Требовалось войти съ ними въ соглашеніе. Наши дипломаты старались убѣдить торійское министерство въ Англіи, что существуетъ высшее, идеальное международное право, которымъ дозволяется вмѣшательство въ варварское управленіе другимъ государствамъ. Въ отвѣтъ англичане доказывали, что они смотрятъ на современныя событія лишь съ точки зрѣнія своихъ собственныхъ интересовъ и матеріальныхъ выгодъ. Съ существованіемъ Турціи связаны интересы многочисленныхъ англійскихъ капиталистовъ: Турція служила рынкомъ для сбыта англійскихъ мануфактурныхъ произведеній и, кромѣ того, существованіе независимой Турціи было необходимо для обезпеченія британскаго вліянія на ближнемъ востокѣ.

Англія не могла допустить, чтобы Россія достигла исключительнаго господства надъ Константинополемъ и проливами. Но, чувствуя свое одиночество, Англія не заключала съ Турціей оборонительнаго

[1]) „Описаніе русско-турецкой войны“, т. I, стр. 6—10.
[2]) Веберъ „Всеобщая исторія“, т. XV, стр. 608—610.
[3]) С. Татищевъ „Императоръ Александръ II“, т. II, стр. 323.

союза и выразила готовность оставаться пока нейтральною [1]). Этотъ нейтралитетъ Англія не соблюла, ибо съ первыхъ же дней войны стала оказывать Турціи серьезную матеріальную поддержку.

Переговоры съ Австріей начались, какъ изложено выше, еще въ іюнѣ 1876 года въ Рейхштадтѣ [2]). Австріи, для обезпеченія христіанскаго населенія, предлагалось занять Боснію и Герцеговину одновременно съ русскими войсками, которыя заняли бы Болгарію [3]).

Первоначально Австро-Венгрія соглашалась на совмѣстныя съ нами военныя дѣйствія, но въ декабрѣ 1876 года отказалась участвовать въ походѣ, ссылаясь на трудность зимняго похода. Въ то же время Австрія заявила, что не допуститъ вступленія нашихъ войскъ въ Сербію, куда предполагалось послать одинъ корпусъ русскихъ войскъ.

Соглашеніе съ Австріею затруднялось враждебнымъ отношеніемъ къ Россіи венгровъ, которые обнаружили болѣе дружелюбное отношеніе къ Турціи, чѣмъ къ южнымъ славянамъ: „на это ихъ подталкивала ненависть къ Россіи за ея вмѣшательство въ 1849 году въ ихъ внутреннія дѣла. Они опасались также усиленія внутри ихъ страны славянскаго элемента“ [4]).

Двойственность политики нашихъ дипломатовъ имѣла тяжелыя послѣдствія.

Наша политическая подготовка къ войнѣ такимъ образомъ не была удачна. Союзниковъ среди первоклассныхъ державъ Европы мы не имѣли, а соглашенія съ нейтральными державами — Австріею и Англіею — были настолько тяжелы, что оказались невыполнимыми.

Весною 1877 года мы обязались:

1) Не привлекать на свою сторону Сербію, которая, вмѣстѣ съ Босніей и Герцеговиной, должна была поступить въ сферу вліянія Австро-Венгріи, и 2) мы должны были, для веденія военныхъ дѣйствій, ограничиться лишь сѣверною Болгаріею и не переходить Балканъ, даже въ томъ случаѣ, если бы то требовалось чисто военными соображеніями и безопасностью нашей арміи.

По конвенціи съ Румыніею войска княжества по мобилизаціи ихъ должны были выставить два корпуса, силою до 50,000 человѣкъ при 180 орудіяхъ, и расположить ихъ для наблюденія за Дунаемъ у Калафата и Журжи. Во всѣхъ переговорахъ, предшествовавшихъ войнѣ 1877 — 1878 годовъ, отсутствуетъ указаніе, чтобы гдѣ-либо обсуждались или отстаивались русскіе интересы на Балканскомъ полуостровѣ. Даже въ предположеніи разрушенія Турціи, обсуждавшемся въ Рейхштадтѣ, ни слова не упоминалось о Босфорѣ.

---

[1]) Веберъ, т. XV, стр. 608—610.

[2]) Сборникъ матеріаловъ по рус.-тур. войнѣ, выпускъ II, стр. 79 и 80.

[3]) „Описаніе русско-турецкой войны“, т. I.

[4]) Веберъ, т. XV, стр. 595—601.

Готовность русской арміи къ войнѣ 1877—1878 годовъ.

Восточная война доказала недостаточную боевую подготовку нашей арміи, а также важные недостатки въ ея организаціи. Главнымъ изъ нихъ, какъ указано выше, было несоотвѣтствіе общей численности арміи съ числомъ выставляемыхъ ею въ поле боевыхъ единицъ. По количеству дѣйствующихъ полковъ мы едва могли соперничать съ отдѣльно взятыми Франціею, Австріею или Пруссіею. Для приведенія въ 1853 году арміи въ военный составъ требовалось 540,000 чел., а имѣлось въ запасѣ всего 240,000 чел. Остальная потребность пополнялась новобранцами.

Въ 1863 году послѣдовало преобразованіе арміи. Число дѣйствующихъ частей увеличено на 19 новыхъ дивизій съ уменьшеніемъ въ мирное время ихъ состава. Рѣшено было, путемъ увольненія нижнихъ чиновъ въ безсрочный и временный отпуска, образовать запасъ для пополненія разницы между военнымъ и мирнымъ составами. Корпусъ внутренней стражи, достигавшій 200,000 чел., и всѣ мѣстныя войска переформированы.

Въ 1874 году былъ объявленъ новый уставъ о воинской повинности, по которому военная служба становилась общеобязательною. Служба въ арміи опредѣлена въ 6 лѣтъ, въ запасѣ 9 лѣтъ и въ ополченіи до 40-лѣтняго возраста. Путемъ огромнаго числа льготъ, какъ по семейному положенію, такъ и по образованію, этотъ уставъ самымъ существеннымъ образомъ нарушалъ принципъ всеобщей воинской повинности. Въ ущербъ интересамъ военной службы, наиболѣе желательные для нея элементы пропадали для арміи. Такъ, напримѣръ, для лицъ съ высшимъ образованіемъ срокъ дѣйствительной службы былъ сокращенъ до трехъ мѣсяцевъ, для лицъ съ среднимъ образованіемъ—до 6 мѣсяцевъ.

Наши учебныя заведенія и безъ того давали много правъ оканчивавшимъ въ нихъ курсъ (классные чины), а тутъ еще счастливцамъ, прошедшимъ въ нихъ курсъ, облегчили безъ нужды и отбываніе воинской повинности.

Послѣ громкихъ побѣдъ, одержанныхъ Пруссіей въ 1870—1871 годахъ, и объединенія Германіи развитіе вооруженныхъ силъ въ Европѣ пошло быстро впередъ. Пришлось и Россіи принять участіе въ этой погонѣ за огромною и быстро выставляемою арміею.

Но недостаточность денежныхъ средствъ не позволяла значительнаго увеличенія боевой готовности арміи. Увеличивали число ртовъ въ арміи, но не хватало средствъ на вооруженіе, запасы, вспомогательныя войска и пр.

Усиленіе въ 1874 году коснулось полевыхъ войскъ прибавленіемъ

къ каждому полку четвертаго батальона [1]). Кромѣ того, одна дивизія (41-я) была сформирована на Кавказѣ [2]).

Вскорѣ послѣ крымской войны наша армія получила 6-ти лин. винтовку. Но уже въ 1866 году обозначилось огромное превосходство скорозарядпаго скорострѣльнаго оружія. Начались поиски за образцами и, послѣ передѣлки большого числа 6-ти лин. ружей по системѣ Карле и Крынка, въ 1871 году была принята прекрасная система Бердана. Недостаточность денежныхъ отпусковъ повела къ тому, что ко времени начала войны находилось на вооруженіи войскъ всего 250,000 малокалиберныхъ винтовокъ Бердана, а свыше 700,000 человѣкъ были вооружены передѣланными изъ 6-ти лин. винтовокъ ружьями Крынка 572,000 чел. и Карле (игольчатыми) 150,000 чел.

Войска, назначенныя первоначально въ дѣйствующую дунайскую армію, за исключеніемъ одной стрѣлковой бригады, были вооружены ружьями Крынка—неудачными, съ тяжелымъ патрономъ и ненадежною экстракціею гильзъ.

Для всѣхъ нижнихъ чиновъ ружья Крынка, допускавшія мѣткую стрѣльбу на 1,200 и даже на 1,500 шаговъ, были снабжены прицѣлами только на 600 шаговъ, и обученіе стрѣльбѣ производилось до этой дистанціи. Ружья турокъ допускали мѣткую стрѣльбу до 1,500 шаговъ и имѣли прицѣлъ на эту дистанцію, но массовый огонь, оказавшійся и дѣйствительнымъ, они открывали съ 2,000 шаговъ. Мы, какъ и въ севастопольскую войну, проходили 1,400 шаговъ подъ обстрѣломъ противника безъ разрѣшенія отвѣчать ему ближе, чѣмъ съ 600 шаговъ.

Съ 1866 года въ нашу артиллерію были введены 4 и 9-фун. бронзовыя, заряжающіяся съ казны, орудія—съ недостаточною дальностью и мѣткостью. Особенно 4-фун. орудіе оказалось на войнѣ слабымъ и мало удовлетворительнымъ, сравнительно съ турецкимъ орудіемъ. Требовалось болѣе дальнобойное орудіе. Такое и имѣлось у насъ по образцу 1872 года, но по финансовымъ затрудненіямъ заказы сдѣланы не были. Число положенныхъ патроновъ и снарядовъ оказалось недостаточнымъ.

Тактическая подготовка войскъ значительно подвинулась впередъ послѣ восточной войны. Приняты были мѣры не только обучать, но и воспитывать войска.

Но новая система обученія и боевой подготовки ко времени начала войны еще не была проведена въ жизнь во всей арміи полностью.

„Принятый уставъ, при всѣхъ его замѣчательныхъ достоинствахъ, не вполнѣ соотвѣтствовалъ состоянію тактическихъ познаній войскъ.

---

[1]) При пятиротномъ составѣ прежнихъ батальоновъ пришлось доформировывать только одну роту.

[2]) А. Пузыревскій „Русская армія передъ войною въ 1877—1878 г.“ стр. 11—15.

Такъ, напримѣръ, слишкомъ многое было предоставлено усмотрѣнію батальоннаго и полкового командировъ, и уставъ не шелъ имъ на помощь, предоставляя соображаться всегда съ обстановкой. Въ основаніи это вѣрно, но, при недостаточной тактической подготовкѣ большинства нашихъ частныхъ начальниковъ, такая свобода слишкомъ ихъ тяготила, и они страдали нерѣдко въ мучительномъ недоумѣніи, какъ сладить съ условіями обстановки".

Наша кавалерія передъ войною обладала тактической подготовкой, „не соотвѣтствовавшей ни ея превосходному личному и конскому составу, ни усердію, съ которымъ она обучалась, бросаясь отъ одной системы къ другой; артиллерія пріучалась располагаться на относительно дальнихъ позиціяхъ и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ сопутствовала пѣхотѣ, подъѣзжая на возможно близкія разстоянія къ непріятелю" [1]).

Общая тактическая подготовка, по справедливому замѣчанію А. Пузыревскаго, носила слишкомъ формальный и поверхностный характеръ.

Въ особенности традиціи и условныя формальности имѣли силу и значеніе въ красносельскихъ лагерныхъ сборахъ. Этотъ сборъ для развитія личной иниціативы частныхъ начальниковъ „представлялъ самую безплодную почву".

„При такихъ условіяхъ тактическія упражненія на мѣстности, вдоль и поперекъ изученной, чуть ли не до послѣдняго кустика, постепенно стали пріобрѣтать шаблонный характеръ, и развитію рутины, лишенной всякаго живого смысла, представлялось обширнѣйшее поприще. Частные начальники, привыкнувъ дѣйствовать по трафарету, лишенные навыка соображаться съ обстановкою въ безконечномъ ея разнообразіи, цѣликомъ переносили заученные пріемы дѣйствій и въ условія дѣйствительной войны, которыя вовсе уже не соотвѣтствовали заученнымъ пріемамъ дѣйствій: только этимъ и можно объяснить такіе изумительные факты, какъ движеніе отряда къ непріятельской позиціи безъ авангарда и атака ея безъ всякой почти рекогносцировки, при чемъ отрядъ въ бѣшеной погонѣ несется впередъ, пока, наконецъ, ослабленный страшными потерями, разбивается о непріятельскія укрѣпленія" [2]).

Турецкая армія къ веснѣ 1877 года состояла изъ 571 б-на, 147 эск., 188 батарей, 14 ротъ саперъ, общею численностью въ 500,000 чел. при 828 ор. Изъ этого числа въ дунайской арміи было 186,000 чел.; въ Босніи, Герцеговинѣ и Албаніи 107,000 чел., въ Эпирѣ, Ѳессаліи и на Критѣ 25,000 чел., на кавказской границѣ 90,000 чел., въ Константинополѣ 20,000 чел. и въ Малой Азіи 50,000 чел. Въ теченіе войны турки довели составъ своихъ вооруженныхъ силъ до 700,000 чел.

[1]) А. Пузыревскій „Русская армія передъ войной 1877—1878 годовъ", стр. 71.
[2]) Тамъ же, стр. 77—78.

Турки были вооружены скорозарядными ружьями системы Генри Мартини и Снайдера, превосходившими наши ружья Крынка. Турецкая артиллерія была дальнобойная. Патронами, снарядами и шанцевымъ инструментомъ турки были снабжены очень обильно.. Сохраняя тѣ же качества, какъ и въ предыдущія войны, турки приняли въ тактическомъ отношеніи систему дѣйствій, дававшую возможность широкаго пользованія превосходствомъ ихъ ружей и орудій въ дальности и скорозарядности. При помощи болгаръ они тщательно укрѣпляли свои позиціи.

Въ манифестѣ 12 апрѣля 1877 года о войнѣ съ Турціей возвѣщалось:

„Всѣмъ Нашимъ подданнымъ извѣстно то живое участіе, которое Мы всегда принимали въ судьбахъ угнетеннаго христіанскаго населенія Турціи. Желаніе улучшить и обезпечить положеніе его раздѣлялъ съ Нами и весь русскій народъ, нынѣ выражающій готовность свою на новыя жертвы для облегченія участи христіанъ Балканскаго полуострова.

„Кровь и достояніе Нашихъ вѣрноподданныхъ были всегда Намъ дороги; все царствованіе Наше свидѣтельствуетъ о постоянной заботливости Нашей сохранить Россіи благословеніе мира. Эта заботливость оставалась Намъ присуща и въ виду печальныхъ событій, совершившихся въ Герцеговинѣ, Босніи и Болгаріи. Мы первоначально поставили себѣ цѣлью достигнуть улучшенія отношеній съ союзными и дружественными Намъ великими европейскими державами. Мы не переставали стремиться въ продолженіе двухъ лѣтъ къ тому, чтобы склонить Порту къ преобразованіямъ, которыя могли бы оградить христіанъ Босніи, Герцеговины и Болгаріи отъ произвола мѣстныхъ властей. Совершеніе этихъ преобразованій всецѣло вытекало изъ прежнихъ обязательствъ, торжественно принятыхъ Портою предъ лицомъ всей Европы. Усилія Наши, поддержанныя совокупными дипломатическими настояніями другихъ правительствъ, не привели, однако, къ желанной цѣли.

„Порта оставалась непреклонной въ своемъ рѣшительномъ отказѣ отъ всякаго дѣйствительнаго обезпеченія безопасности своихъ христіанскихъ подданныхъ и отвергла постановленія константинопольской конференціи.

„Желая испытать, для убѣжденія Порты, всевозможные способы соглашенія, Мы предложили другимъ кабинетамъ составить особый протоколъ, съ внесеніемъ въ оный самыхъ существенныхъ постановленій константинопольской конференціи, и пригласить турецкое правительство присоединиться къ этому международному акту, выражающему крайній предѣлъ Нашихъ миролюбивыхъ настояній. Но ожиданія Наши не оправдались: Порта не вняла единодушному желанію христіанской Европы и не присоединилась къ изложеннымъ въ протоколѣ заключеніямъ.

„Исчерпавъ до конца миролюбіе Наше, мы вынуждены высокомѣрнымъ упорствомъ Порты приступить къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ. Того требуютъ и чувство справедливости, и чувство собственнаго Нашего достоинства. Турція, отказомъ своимъ, поставляетъ Насъ въ необходимость обратиться къ силѣ оружія. Глубоко проникнутые убѣжденіемъ въ правотѣ Нашего дѣла, Мы, въ смиренномъ упованіи на помощь и милосердіе Всевышняго, объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, что наступило время, предусмотрѣнное въ тѣхъ словахъ Нашихъ, на которыя единодушно отозвалась вся Россія. Мы выразили намѣреніе дѣйствовать самостоятельно, когда Мы сочтемъ это нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ. Нынѣ, призывая благословеніе Божіе на доблестныя войска Наши, Мы повелѣли имъ вступить въ предѣлы Турціи“ [1]).

Въ особомъ циркулярѣ канцлера князя Горчакова значилось, что императорскій кабинетъ тщетно исчерпалъ съ самаго начала восточнаго кризиса всѣ имѣвшіяся въ его власти средства, чтобы при содѣйствіи великихъ державъ Европы достигнуть прочнаго умиротворенія Турціи.

Далѣе въ циркулярѣ значилось, что энергичное выполненіе Портою мѣръ, которыя должны были повести къ улучшенію положенія христіанскаго населенія, было единодушно признано необходимымъ и для спокойствія Европы [2]).

Въ день объявленія манифеста главнокомандующій объявилъ приказъ по арміи, въ которомъ между прочимъ значилось:

„Не для завоеванія идемъ мы, а на защиту поруганныхъ угнетенныхъ братьевъ нашихъ и на защиту вѣры Христовой“.

Въ одновременно изданномъ воззваніи къ румынамъ значилось:

„Румыны! Предки наши проливали свою кровь за освобожденіе вашихъ предковъ. Мы считаемъ себя въ правѣ разсчитывать нынѣ на ваше содѣйствіе войску, проходящему черезъ вашу страну, чтобы подать руку помощи угнетеннымъ христіанамъ Балканскаго полуострова, бѣдствія которыхъ вызвали сочувствіе не только Россіи, но и всей Европы“ [3]).

Итакъ, цѣлью войны являлось прочное умиротвореніе славянскаго населенія Босніи, Герцеговины и Болгаріи, путемъ соотвѣтственныхъ реформъ и надежныхъ гарантій въ дѣйствительномъ ихъ исполненіи. Цѣли этой пришлось Россіи добиваться самостоятельно.

Императоръ Александръ II, возложивъ на себя бремя войны, былъ увѣренъ, что дѣйствуетъ соотвѣтственно интересамъ Европы.

Мысль эта вполнѣ ясно была формулирована въ циркулярѣ князя Горчакова представителемъ Россіи при европейскихъ дворахъ: „Возла-

---

[1]) „Описаніе русс.-тур. войны“, изд. воен.-истор. комиссіи т. I, стр. 375.

[2]) Тамъ же, стр. 377.

[3]) Тамъ же, стр. 384.

гая на себя это бремя, августѣйшій монархъ выполнятъ тѣмъ самымъ долгъ, налагаемый на него интересами Россіи, мирное развитіе которой задерживается постоянными смутами на востокѣ. Его императорское величество сохраняетъ увѣренность, что съ тѣмъ вмѣстѣ дѣйствуетъ соотвѣтственно чувствамъ и интересамъ самой Европы“ [1]).

Такая увѣренность какъ извѣстно, не оправдалась.

Такимъ образомъ, Россія подымалась войною съ цѣлью улучшить и обезпечить положеніе христіанскаго населенія Турціи. Объ интересахъ Россіи ни въ одномъ изъ приведенныхъ выше документовъ не упоминается ни слова. О томъ, что весь русскій народъ раздѣлялъ съ славянофилами готовность воевать изъ-за совершенно неизвѣстныхъ большинству русскаго населенія балканскихъ народностей, государь былъ введенъ въ заблужденіе. Главная масса русскаго населенія желала прежде всего улучшенія своего скуднаго матеріальнаго положенія, облегченія отъ податей, улучшенія жизненныхъ условій, а всѣ эти насущныя для народа блага въ случаѣ войны не приближались, а отодвигались.

Вызванный осенью 1876 г. въ Ливадію, министръ финансовъ Рейтернъ съ полною откровенностью объявилъ государю, что для веденія войны Россія не имѣетъ средствъ. Въ особой запискѣ онъ доказывалъ, что война на долгіе годы разстроитъ наши финансы, вслѣдствіе необходимости уплаты процентовъ по займамъ, которые неизбѣжно будутъ заключены на условіяхъ крайне тяжелыхъ. Онъ доказывалъ, что вслѣдствіе войны Россія потеряетъ всѣ результаты, достигнутые ею благодаря благодѣтельнымъ реформамъ за послѣднія 20 лѣтъ. Наконецъ, министръ финансовъ пророчески заключилъ свой докладъ выраженіемъ убѣжденія, что обычныя послѣдствія войны, — всеобщее обѣднѣніе, застой въ промышленности и торговлѣ, — послужатъ удобною почвою для соціалъ-революціонной пропаганды и набросятъ мрачную тѣнь на конецъ столь блестяще начатаго царствованія [2]).

Но всѣ эти доводы оказались недостаточными: рѣшеніе воевать съ турками уже созрѣло въ умѣ государя [3]).

Планъ войны.

При составленіи плана войны съ Турціей сознавалось, что только угроза Константинополю можетъ понудить турокъ къ выгодному для насъ миру, но европейскія державы удерживали Россію отъ намѣренія угрожать столицѣ Турціи.

Имѣя съ осени 1876 г. мобилизованную армію въ Кишиневѣ, мы не воспользовались нашей готовностью и не двинулись немедленно

---

[1]) „Описаніе рус.-тур. войны 1877—1878 гг.“, т. II, стр. 3.

[2]) С. Татищевъ „Императоръ Александръ II“, т. II, стр. 177.

[3]) Тамъ же, стр. 178.

въ Румынію и далѣе въ Болгарію. Опубликованные нынѣ матеріалы объясняютъ это нашей неготовностью къ войнѣ въ политическомъ отношеніи. Первоначально, лѣтомъ 1876 г., Австрія послѣ переговоровъ въ Рейхштадтѣ соглашалась на совмѣстный походъ съ нами зимою, но потомъ, ссылаясь на трудности этого похода, отказалась въ немъ участвовать. На константинопольской конференціи, зимою 1876 г., представители европейскихъ державъ высказались противъ немедленнаго занятія русскими войсками Болгаріи, и гр. Игнатьевъ совѣтовалъ не настаивать на зимнемъ походѣ.

Такъ какъ война Турціи съ Сербіей была одною изъ причинъ возникновенія русско-турецкой войны, и, кромѣ того, дѣйствія русскихъ войскъ на сербскомъ театрѣ могли поддерживаться возстаніемъ въ Босніи и Герцеговинѣ и изъ Черногоріи, то естественно возникло намѣреніе послать въ Сербію одинъ корпусъ русскихъ войскъ. Но уже въ декабрѣ Австрія заявила, что не допуститъ вступленія русскихъ войскъ въ Сербію, ибо признавала ее находящеюся въ сферѣ своего вліянія.

Какъ въ крымскую, такъ и въ турецкую (добавимъ, такъ и въ русско-японскую) войны мы, по политическимъ соображеніямъ, были вынуждены оставлять главныя силы русской арміи на западной границѣ имперіи. Такъ, во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. было оставлено семь армейскихъ корпусовъ и нѣсколько отдѣльныхъ дивизій, изъ коихъ большая часть и оставалась тутъ въ теченіе всей войны.

Предполагалось, что объ овладѣніи Константинополемъ и проливами не могло быть и рѣчи, ибо для выполненія сего плана потребовалась бы огромная армія и чрезвычайные денежные расходы и, кромѣ того, мы неоднократно и торжественно заявляли европейскимъ державамъ, что разрушеніе Турціи и занятіе ея столицы не входили въ тогдашнія намѣренія Россіи.

Генералу Обручеву было поручено составить записку о зимнемъ походѣ въ Болгарію. Потребныя силы исчислялись въ 4 корпуса войскъ, стрѣлковую и саперную бригады, одну резервную дивизію для тыловой службы и нѣсколько казачьихъ полковъ. Численность русскихъ войскъ исчислялась въ 100,000 чел. Разсчитывалось, что Румынія выставитъ 50,000 чел. Переправа намѣчалась у Зимницы — Систово; демонстрація у Галаца. Переправившись, слѣдовало быстро занять Болгарію до Балкановъ и, не вдаваясь въ крѣпостную войну, стараться искусными маневрами принудить турецкія войска къ дѣйствіямъ въ открытомъ полѣ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ была составлена г.-м. Левицкимъ другая записка, носящая названіе „плана главнокомандующаго“. Въ ней общія положенія были тѣ же, что и въ запискѣ Обручева.

Предполагалось въ концѣ декабря двинуть въ Румынію армію изъ четырехъ корпусовъ (8-го, 9-го, 11-го и 12-го), стрѣлковой и са-

первой бригадъ, 10 казачьихъ полковъ и проч.; перейти въ концѣ декабря 1876 г. въ Румынію, усилиться войсками Румыніи и Сербіи и перейти Дунай между Видденомъ и Рущукомъ. Затѣмъ, только по овладѣніи Рущукомъ, наши войска должны были двигаться къ Балканскимъ горамъ. Кавалерія предварительно овладѣваетъ проходами. Овладѣть Рущукомъ предполагалось успѣшнымъ бомбардированіемъ или даже штурмомъ.

Зимній походъ не состоялся, но многія предположенія, вошедшія въ зимній планъ главнокомандующаго, были осуществлены, особенно въ первый періодъ кампаніи.

По свидѣтельству историка русско-турецкой войны г.-м. Домонтовича, новаго плана для весенняго похода въ полевомъ штабѣ составлено не было. Повидимому, и весною цѣлью войны ставилась оккупація Болгаріи, и районъ дѣйствій былъ ограниченъ по соглашенію съ Австро-Венгріей. Сербія исключалась изъ сферы нашихъ дѣйствій, а по обязательству, данному Англіи, наши войска не должны были переходить Балканъ.

Заключеніе о нашихъ планахъ войны въ 1877—1878 гг. съ Турціею все же будетъ неблагопріятно:

1) мы не знали достаточно Болгаріи и весьма богатыхъ мѣстныхъ средствъ страны;

2) мы считали турокъ болѣе слабымъ противникомъ, чѣмъ они оказались на самомъ дѣлѣ.

Передовые люди Болгаріи и часть болгарскаго населенія были патріотично настроены и готовы на жертвы. Нѣсколько тысячъ молодцовъ-болгаръ поступили охотниками въ сформированные шесть болгарскихъ дружинъ, составившихъ двѣ бригады. Офицеры въ этихъ дружинахъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ болгарскаго происхожденія [1]), были русскіе. Эти дружины, несмотря на отсутствіе предварительнаго военнаго обученія, благодаря патріотическому настроенію нижнихъ чиновъ и отборному составу офицеровъ, составили отличную боевую силу. Въ рядѣ боевъ за Балканами и особенно при оборонѣ Шипки, болгарскіе дружинники вошли равноправными членами въ русскую боевую семью и заслужили общее уваженіе. На Шипкѣ и за Балканами между русскими и болгарскими воинами создалось кровное родство, привязавшее, по моему мнѣнію, русскаго воина къ болгарскому даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ отдаленное родство племенное. По окончаніи войны, самоотверженною работою русскихъ офицеровъ и кадровыхъ нижнихъ чиновъ, была создана болгарская армія, съ успѣхомъ выдержавшая боевое испытаніе въ войнѣ съ сербами.

[1]) Въ томъ числѣ Николаева, нынѣ болгарскаго военнаго министра.

Это родство, созданное на войнѣ и послѣ войны, было закрѣплено нѣсколько лѣтъ тому назадъ на шипкинскихъ торжествахъ. Этимъ родствомъ какъ русская, такъ и болгарская арміи дорожатъ все время, независимо дѣятельности политическихъ партій въ Болгаріи, особенно стамбуловской, которыя въ первое десятилѣтіе послѣ войны по разнымъ причинамъ относились къ Россіи враждебно.

Такой кровной связи, созданной на поляхъ сраженій, путемъ братской помощи русскихъ войскъ болгарскимъ и обратно, путемъ боя съ турками рука объ руку, не существуетъ по отношенію къ другимъ славянскимъ народностямъ, не входящимъ въ составъ Россіи. Казалось бы, такая связь могла существовать и по отношенію къ Сербіи, гдѣ тоже русскіе добровольцы помогали сербамъ въ борьбѣ съ турками.

Но къ сожалѣнію, по разнымъ причинамъ, это совмѣстное боевое служеніе сербовъ и русскихъ добровольцевъ окончилось лишь взаимнымъ охлажденіемъ, взаимными упреками.

Особенно плодотворною патріотическою дѣятельностью отличался болгаринъ Евлогій Георгіевъ. Холостой милліонеръ, ревностный патріотъ, можно сказать патріархъ болгарскій, Евлогій былъ безвозмездпымъ банкиромъ всего болгарскаго движенія [1]).

Онъ же сдѣлалъ пожертвованіе для нашей арміи, вступившей въ Румынію, жизненными продуктами на 80,000 франковъ и предложилъ таковыхъ еще на 70,000 фр. Другой болгаринъ пожертвовалъ для той же цѣли продуктовъ на 50,000 фр.

Во время военныхъ дѣйствій высокое патріотическое усердіе было проявлено многими болгарами, дѣятельно помогавшими нашей арміи. Среди нихъ почетное мѣсто занимаютъ Славейко, Цанковъ, Людскановъ и другіе.

Проходъ русскихъ войскъ черезъ Румынію былъ обусловленъ особою конвенціею. Мы обязывались доставить румынамъ 50 орудій, 500 лошадей и 2 мил. франковъ золотомъ для покупки ружей. Первоначально, надѣясь на свои силы, предположено было не привлекать румынскихъ войскъ для совмѣстныхъ дѣйствій съ русскими войсками въ предѣлахъ Турціи.

Только послѣ неудачи второго штурма Плевны румынская армія была, по соглашенію съ румынскимъ королемъ, привлечена къ военнымъ дѣйствіямъ подъ Плевною.

Между тѣмъ, положеніе въ Румыніи не было благопріятно русскимъ планамъ. Многочисленная партія съ вице-президентомъ сената Іономъ Гика и военнымъ министромъ Еланчано была настолько враждебно настроена къ Россіи, что признавала наиболѣе выгоднымъ для Румыніи способомъ дѣйствій заключеніе договора не съ Россіею, а съ Турціею. При этомъ Гика предлагалъ поставить румынскую

[1]) П. Паренсовъ „Изъ прошлаго", воспоминанія офицера генер. штаба, ч. I, стр. 71.

армію фронтомъ на востокъ противъ Россіи и отступить къ Краіовѣ только тогда, когда румынскія знамена обагрятся румынскою кровью [1]).

Пресса большею частью была противъ Россіи. Паренсовъ въ своемъ трудѣ пишетъ: „Вся эта пресса подогрѣвалась извнѣ враждебными намъ органами печати, посреди которыхъ особою злобою отличались: венгерскіе, австрійскіе и англійскіе. Во главѣ враждебныхъ намъ иностранныхъ органовъ находилась жидовствующая пресса, не останавливавшаяся ни передъ чѣмъ“ [2]).

Король румынскій Карлъ проявилъ твердость и мудрость въ этомъ вопросѣ, и конвенція съ Россіею на проходъ русскихъ войскъ черезъ Румынію, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, была заключена.

Общій ходъ военныхъ дѣйствій въ войну 1877 — 1878 годовъ въ европейской Турціи.

(Схема № 23).

Первоначально силы наши, назначенныя для дѣйствій въ европейской Турціи, ограничивались четырьмя корпусами, затѣмъ шестью корпусами (8-й, 9-й, 11-й, 12-й, 13-й и 14-й).

Съ прибавленіемъ всѣхъ остальныхъ частей, вошедшихъ въ составъ дѣйствующей арміи, въ день объявленія войны, 12 апрѣля 1877 года, армія заключала въ себѣ 150,000 пѣхоты, 25,000 конницы при 682 орудіяхъ.

Эти силы скоро оказались недостаточными сравнительно съ турецкими и въ виду неблагопріятныхъ свойствъ театра войны (трудность сообщенія съ Россіею, сильная линія Дуная, многочисленность турецкихъ крѣпостей, Балканскія горы), но, въ виду вышеочерченной недостаточно успѣшной политической подготовки войны, первоначально, какъ и въ войны 1828 и 1853 годовъ, не предполагалось возможнымъ сдѣлать дунайскую армію болѣе сильною.

Несмотря на недостаточность нашихъ силъ, вслѣдствіе неправильной оцѣнки достоинствъ и силъ турецкой арміи, судя по исполненнымъ передвиженіямъ нашей арміи, въ главной квартирѣ остановились на слѣдующемъ смѣломъ планѣ:

Занявъ Румынію, переправиться черезъ среднюю часть Дуная между Рущукомъ и Никополемъ и, не занимаясь осадою крѣпостей, выставить заслоны противъ четырехугольника крѣпостей къ востоку и къ сторонѣ кр. Видина къ западу, и быстро наступать черезъ Тырново, Шипкинскій перевалъ и Адріанополь къ Константинополю [3]).

12 апрѣля, въ день объявленія войны, наши войска вступили въ Румынію.

---

[1]) П. Паренсовъ, ч. I, стр. 105.

[2]) Тамъ же, стр. 79.

[3]) „Обзоръ войнъ“, ч. IV, кн. 1, стр. 392.

Въ трудѣ М. Газенкампфа „Мой дневникъ“ [1]) отъ 18 апрѣля, черезъ 6 дней послѣ вступленія въ Румынію, значится: „Вообще настроеніе самоувѣреннос, всѣ убѣждены, что война кончится однимъ ударомъ и что къ сентябрю всѣ будемъ дома“.

То же пишетъ и П. Паренсовъ [2]) отъ середины мая: „Въ главной квартирѣ господствуетъ большая самоувѣренность относительно исхода будущей войны, всѣ говорили, что кампанія будетъ короткая“.

Когда наши войска развертывались въ Румыніи и готовились къ переправѣ черезъ Дунай, турецкая армія, подъ начальствомъ Керимъ-паши, общею силою около 190,000 чел., раздѣленная тоже на 6 корпусовъ, была разбросана отъ Видднна до Добруджи и Варны.

Первоначально въ первой линіи турки располагали: у Видднна, подъ начальствомъ Османа-паши,—38,000 чел., у Рущука — 31,000 чел., у Силистріи 24,000 чел.

14 іюня у Зимницы, близъ Систова, 14-я пѣх. дивизія и 4-я стрѣлковая бригада, подъ начальствомъ г.-м. Драгомирова, успѣшно переправились на правый берегъ Дуная, оттѣснивъ послѣ довольно упорнаго боя турокъ.

Операція эта была тщательно подготовлена и энергично приведена въ исполненіе. Потери нашихъ войскъ убитыми и ранеными составили 768 чел.

17 іюня у Систова былъ наведенъ понтонный мостъ. 20 іюня у Систова было сосредоточено 65,000 русскихъ войскъ съ 244 орудіями. Первые дни наше положеніе было довольно благопріятно, потому что ближайшія турецкія войска, не считая участвовавшихъ въ бою подъ Систовымъ, находились: къ сторонѣ Никополя въ 40 верстахъ 15,000 чел. и къ сторонѣ Рущука въ 60 верстахъ — 32,000 чел. Остальныя турецкія войска были удалены отъ Систова на разстояніи около 150 верстъ.

Послѣ переправы черезъ Дунай наши войска начали вѣеромъ расходиться въ направленіяхъ къ востоку, западу и югу, съ цѣлью занять мѣстность между низовьями рѣкъ Янтры и Вида на востокѣ и западѣ и Балканскимъ хребтомъ на югѣ.

Требовалось занять на востокѣ городъ Бѣлу, на западѣ кр. Никополь и Плевну и на югѣ г. Тырновъ и проходы черезъ Балканы. Занявши этотъ районъ, мы разобщали бы западную группу турецкихъ войскъ отъ восточной и получили бы болѣе прочное основаніе для дѣйствій. Свѣдѣнія о расположеніи и силахъ турецкихъ войскъ имѣлись совершенно недостаточныя.

Сообразно предположенной задачѣ, было сформировано три отряда: Рущукскій, подъ начальствомъ наслѣдника цесаревича, въ составѣ

---

[1]) Стр. 6.

[2]) П. Паренсовъ, ч. I, стр. 249.

12-го и 13-го корпусовъ (49 бат., 41 эск. и сот. и 224 ор.); на западъ былъ назначенъ 9-й корпусъ, подъ начальствомъ ген. барона Криденера: для дѣйствій въ южномъ направленіи двинутъ такъ называемый передовой отрядъ, подъ начальствомъ ген. Гурко (10½ бат., 43 эск. и сот. и 36 ор.), и за нимъ 8-й корпусъ, подъ начальствомъ ген. Радецкаго.

14-му корпусу предписано было обложить Силистрію. 4-й корпусъ сталъ въ общемъ резервѣ у Систова, а 11-й остался на лѣвомъ берегу р. Дуная для обезпеченія нашихъ сообщеній.

Не зная еще, гдѣ находятся турецкія силы,— наша армія приняла весьма разбросанное расположеніе. Тѣмъ не менѣе, первоначальныя дѣйствія нашихъ войскъ увѣнчались значительными успѣхами. 9-й корпусъ, усиленный кавказскою казачьею бригадою, смѣло атаковалъ усиленную выдвинутыми впередъ полевыми укрѣпленіями крѣпость Никополь. Послѣ овладѣнія нашими войсками передовыми укрѣпленіями турки сдались. Трофеями нашими были: 7,000 плѣнныхъ, 113 орудій, 6 знаменъ, 2 монитора и большіе запасы оружія и продовольствія. Дѣло было молодецкое. Потери наши составили 1,300 чел.

Передовой отрядъ также дѣйствовалъ первоначально весьма успѣшно. 25 іюня, послѣ небольшого сопротивленія турецкихъ войскъ, Тырновъ былъ занятъ нашими войсками. Въ тотъ же день конница Рущукскаго отряда заняла г. Бѣлу.

Передовой отрядъ, преслѣдуя быстро отступавшихъ турокъ, овладѣлъ важными проходами черезъ Балканы — Хаинкіойскимъ и Шипкинскимъ—и выдвинулся въ долину Марицы къ Эски-Загрѣ и Эни-Загрѣ. Къ началу іюля наши войска заняли въ Болгаріи полосу въ 60 верстъ шириною и до 150 верстъ длиною.

Послѣ первой растерянности, вызванной быстрыми успѣхами нашихъ войскъ, турецкое правительство оправилось и быстро приняло рядъ мѣръ, которыя поставили нашу армію временно въ тяжелое положеніе.

Прежде всего рѣшено было армію Сулеймана-паши, дѣйствовавшую противъ Черногоріи, быстро перевезти на судахъ къ Константинополю и далѣе по желѣзной дорогѣ въ долину Марицы, для обороны подступовъ на путяхъ къ Адріанополю. Перейдя въ наступленіе, Сулейманъ долженъ былъ оттѣснить русскихъ за Балканы. Въ то же время арміи Османа-паши изъ Видднна и Мехмета-Али, смѣнившаго Абдулъ-Керима, должны были ударить на фланги русскихъ войскъ,— Османъ-паша со стороны Плевны, Мехметъ-Али со стороны р. Ломъ. Переброска войскъ Сулеймана съ черногорскаго театра войны въ долину р. Марицы совершилась быстро и успѣшно. Къ серединѣ іюля подъ начальствомъ Сулеймана у Эни-Загры, Чирпана и у Карабунара находилось 63 бат., 8 б-рей, 2,000 конницы, всего до 30,000 чел.

Противъ этихъ силъ ген. Гурко располагалъ 14 бат., 19 эск. и

сот. и 36 ор., силой около 11,000 чел. Несмотря на несоразмѣрность силъ, ген. Гурко рѣшилъ попытаться дѣйствовать наступательно, съ цѣлью разбить турокъ по частямъ. Одновременно и Сулейманъ началъ наступленіе.

„19 іюля одновременно — у Эски-Загры Сулейманъ со всей арміей обрушился на слабый отрядъ герцога Лейхтенбергскаго (3 дружины болгарскаго ополченія, 2 драг. и 1 каз. полки), который послѣ геройской обороны, въ особенности дружины подп. Калитина, отошелъ черезъ Казанлыкъ къ Балканамъ, а у Джурапли ген. Гурко разбилъ на-голову Реуфа. Несмотря, однако, на то, что турки имѣли перевѣсъ только въ одномъ бою подъ Эски-Загрой, а въ остальныхъ побѣдителями были мы, ген. Гурко, принявъ во вниманіе значительное превосходство турокъ, рѣшилъ отойти къ выходу изъ Ханкіойскаго ущелья. Затѣмъ войска передового отряда поступили подъ начальство командира 8-го корпуса генерала Радецкаго, который приказалъ ген. Гурко отойти на Ханкіойскій перевалъ, выдѣливъ одинъ полкъ для занятія Трѣвненскаго перевала [1]).

Вслѣдъ за русскими отступавшими войсками потянулось къ сѣверу и болгарское населеніе, опасаясь турецкихъ звѣрствъ. Одновременно наши войска потерпѣли подъ Плевною первую неудачу. Генералъ баронъ Криденеръ, не зная о движеніи значительныхъ силъ Османа-паши отъ Виддина къ Плевнѣ [2]), назначилъ для занятія этого важнаго узла путей три полка и кавказскую каз. бригаду. Эти части разрозненно подошли къ Плевнѣ и 8 іюля разрозненно атаковали турокъ, уже довольно сильно занявшихъ и наскоро, въ теченіе двухъ дней, укрѣпившихъ Плевну. Войска дѣйствовали храбро, но, лишенныя общаго руководства и не поддержанныя съ тыла, хотя и проникли почти до города, но вынуждены были къ отступленію въ двухъ разныхъ направленіяхъ, съ потерею убитыми и ранеными 74 офицеровъ и 2,700 нижнихъ чиновъ [3]).

Въ числѣ причинъ неудачи надо отмѣтить: отсутствіе серьезной рекогносцировки, которая открыла бы присутствіе въ Плевнѣ значительныхъ силъ; общаго командованія въ бою и тактической связи дѣйствующихъ войскъ не было; бой велся почти безъ резервовъ: подготовки атаки ружейнымъ огнемъ не было; подвозъ патроновъ не былъ организованъ; конница почти не помогала другимъ родамъ оружія.

Неудача подъ Плевною 8 іюля была неожиданною. Одержанные успѣхи какъ въ дунайской, такъ и въ кавказской арміяхъ, способствовали распространенію въ арміи нѣсколько небрежнаго отношенія къ противнику. По полученіи извѣстій объ этой неудачѣ послѣдовало

---

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. IV, кн. 1, стр. 402.

[2]) Донесенія объ этомъ движеніи поступали въ штабъ арміи, но не были сообщены ген. барону Криденеру, а онъ самъ имѣя конницу, не сдѣлалъ развѣдки.

[3]) Схема № 24.

распоряженіе объ усиленіи дѣйствующей арміи 2-ю и 3-ю пѣхотными дивизіями, 3-ю стрѣлковою бригадою и 2-ю Донскою казачьею дивизіею.

Всѣми чувствовалась необходимость загладить скорѣе невыгодное впечатлѣніе первой неудачи. Ген. барону Криденеру, побѣдителю подъ Никополемъ, поручено было овладѣть Плевною. Для этой цѣли въ его распоряженіе было назначено 36 бат., 32 эск. и сот. и 170 орудій, силою въ 27,000 пѣхоты и 3,500 конницы [1]).

По свѣдѣніямъ, собраннымъ штабомъ 9-го корпуса, силы турокъ въ Плевнѣ опредѣлялись въ 60,000 и даже въ 80,000 человѣкъ. Въ дѣйствительности же у Османа-паши было только 25,000 чел. при 70 орудіяхъ; отрядъ этотъ былъ широко снабженъ всѣми запасами и 9 дней неустанно трудился надъ укрѣпленіемъ плевненской позиціи.

По составленной на 18 іюля диспозиціи, ген. Вельяминовъ долженъ былъ атаковать съ 18 бат. и 80 ор. восточный фасъ турецкой позиціи; ген. князъ Шаховской съ 11 бат., 44 ор. и 2 эск. направленъ былъ на южный фронтъ; общій резервъ, силою въ 6 бат., 4 эск., 30 ор., сталъ между двумя этими колоннами. Флапги охраняли: г.-м. Лашкаревъ съ 8 эск. и 6 ор.—правый и г.-м. Скобелевъ 2-й съ 1 бат. 12 сот. и 10 ор.—лѣвый. Послѣ продолжительной артиллерійской подготовки, произведенной за небольшими исключеніями съ слишкомъ большихъ дистанцій, войска двинулись въ атаку.

Войска ген. Вельяминова, даже усиленныя частью резерва, произвели рядъ разрозненныхъ атакъ на Гривицкій редутъ, но, несмотря на огромное мужество отдѣльныхъ частей, дѣйствуя къ тому же скученно на узкомъ фронтѣ [2]), не могли овладѣть имъ и отступили въ безпорядкѣ. Войска кн. Шаховского дѣйствовали успѣшнѣе; они овладѣли первою линіею турецкихъ окоповъ, прорвали лѣвый флангъ второй линіи и проникли до города Плевны, но, израсходовавъ всѣ резервы и не поддержанныя ген. Криденеромъ изъ общаго резерва, тоже въ безпорядкѣ отступили. Небольшой отрядъ ген. Скобелева притянулъ на себя до 8 турецкихъ батальоновъ, геройски держался до вечера и отступилъ въ полномъ порядкѣ. Наши потери составили 168 оф. и 7,167 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными. По турецкимъ источникамъ, турки потеряли всего 1,200 чел.

Главныя причины нашей неудачи въ общемъ были тѣ же, что и 8 іюля. Рекогносцировка была недостаточною. Неправильныя свѣдѣнія о численности турокъ до 60,000 чел. способствовали появленію въ умѣ ген. Крюденера предвзятаго мнѣнія о малой выполнимости возложенной на него задачи. Общаго управленія боемъ не было, ибо ген. бар. Криденеръ былъ занятъ исключительно руководствомъ боя на лѣвомъ флангѣ. Атака велась разрозненно. Артиллерія во многихъ случаяхъ мало помогала пѣхотѣ, а конница, за исключеніемъ нахо-

---

[1]) Схема № 25.

[2]) Подобно тому, какъ мы дѣйствовали подъ Инкерманомъ въ 1855 году.

дившейся въ отрядѣ ген. Скобелева, не помогала другимъ родамъ войскъ и почти не имѣла потерь. Имѣя превосходство въ силахъ, особенно въ артиллеріи и конницѣ, русскія войска не сумѣли нанести туркамъ пораженія. Очевидно стало, что уже прошло то время, когда наши 17,000 чел., подъ начальствомъ Румянцева, могли разбивать скопища турокъ въ 150,000—200,000 чел. Вооруженные лучшимъ, чѣмъ у русскихъ, ружьемъ и болѣе дальнобойною артиллеріею, турки, при изобиліи патроновъ, развивали противъ нашихъ войскъ, наступавшихъ слишкомъ компактно, губительный огонь, который останавливалъ наступавшихъ. Нѣкоторыя части русскихъ войскъ потеряли до 42% своего состава (Рыльскій и Пензенскій полки потеряли 38%, Ярославскій и Курскій до 29%).

Отступленіе войскъ, особенно праваго фланга, произведено было въ безпорядкѣ. Чтобы видѣть, насколько артиллерія и конница приняли незначительное участіе въ бою 18 іюля, достаточно указать, что всѣ потери артиллеристовъ составляли 85 чел., а конницы—14 чел., при общей потерѣ въ пѣхотѣ свыше 7,200 чел. Только въ небольшомъ отрядѣ ген. Скобелева вся артиллерія и конница дѣйствительно помогали пѣхотѣ. Отдѣльныя батареи дѣйствовали самоотверженно и въ колоннѣ Шаховского.

Неудача второго штурма Плевны имѣла весьма важныя послѣдствія. Стало очевиднымъ, что разгромить турокъ быстрымъ движеніемъ черезъ Балканы невозможно, ранѣе, чѣмъ мы не покончимъ съ Плевною; но и покончить съ Плевною до подхода подкрѣпленій тоже казалось невозможнымъ. Располагая въ общемъ превосходными противъ турокъ силами, мы ихъ разбросали по Болгаріи на пространствѣ до 300 верстъ и не имѣли общаго резерва.

Послѣ неудачи 18 іюля изъ Россіи вызваны были въ подкрѣпленіе арміи гвардейскій корпусъ и 24-я и 26-я пѣх. дивизіи [1]); нѣсколько позже былъ вызванъ гренадерскій корпусъ изъ 2-й и 3-й грен. дивизій и 1-й кав. дивизіи.

До подхода этихъ подкрѣпленій наши войска отъ наступленія перешли временно къ оборонѣ. Турки, напротивъ того, по составленному въ Константинополѣ плану, перешли въ наступленіе на трехъ фронтахъ—восточномъ, западномъ и южномъ.

Наиболѣе энергично турки атаковали русскія войска на южномъ фронтѣ. Войсками этого фронта командовалъ Радецкій. У него въ распоряженіи было до 45,000 чел., но они были растянуты отъ Сельви черезъ Зелено-Древо, Шипку, Хаинкіой и Елену до Беброво-Цесарево, гдѣ войска Радецкаго входили въ связь съ войсками наслѣдника цесаревича [2]). Наступленіе арміи Сулеймана-паши на южный фронтъ привело къ знаменитымъ боямъ на Шипкѣ. Нашъ отрядъ

---

[1]) Всего 5 пѣх. дивизій, 1 стр. бригада и 6 полковъ конницы.

[2]) Схема № 26.

изъ Орловскаго пѣх. полка и четырехъ дружинъ болгарскаго ополченія, сплою около 5,000 чел., подъ начальствомъ ген. Столѣтова, 9 августа былъ атакованъ 21,000 турокъ. Къ часу дня на подкрѣпленіе нашихъ войскъ прибылъ Брянскій полкъ. Геройская оборона шипкинскихъ позицій нашими войсками, въ особенности Орловскимъ полкомъ и болгарскими дружинами, составляетъ одинъ изъ выдающихся подвиговъ нашей арміи.

Благодаря подведеннымъ подкрѣпленіямъ и искуснымъ дѣйствіямъ Радецкаго, мы удержали шипкинскія позиціи. Позиція была очень неудобна: фронтъ ея составляла гора Св. Николая: затѣмъ позиція длинною кишкою тянулась по обѣ стороны дороги на Габрово до горы Круглой. Къ счастью, турки атаковали насъ въ лобъ. Рядъ отчаянныхъ атакъ Сулеймана на наше расположеніе на горѣ Св. Николая были отбиты съ огромными для турокъ потерями.

Особенно тяжелъ былъ бой 11 августа. Сулейманъ назначилъ общую атаку нашихъ позицій съ четырехъ сторонъ. 30,000 турокъ съ 38 ор. атаковали 7,300 чел. нашихъ войскъ. Послѣ боя въ теченіе всего дня, къ 5 час. пополудни турки успѣли окружить нашъ отрядъ со всѣхъ сторонъ. Въ особенности опасно было для насъ ихъ расположеніе на горахъ Лѣсной и Лысой. Потери у насъ были значительны; путь отступленія на Габрово былъ отрѣзанъ. Положеніе могло стать критическимъ, но въ это время появились стрѣлки 4-й стрѣлковой бригады, посаженные на лошадей. Вслѣдъ за стрѣлковою бригадою подошла и бригада 14-й дивизіи. 12 и 13 августа шли упорные бои за расширеніе нашей позиціи по фронту. Тяжелый бой за Лѣсную и Лысую горы окончился тѣмъ, что Лысая гора осталась въ рукахъ турокъ, а Лѣсная перешла въ наши руки.

Наши потери въ шипкинскихъ бояхъ простирались до 5,000 чел. Турки потеряли вдвое больше. Сулейманъ отказался отъ продолженія атакъ и просилъ подкрѣпленія.

Къ 15 автуста на шипкинской позиціи собралось 14,000 чел. при 52 ор. русскихъ войскъ, на которыя и было возложено удерживать шипкинскую позицію, пока не будетъ взята Плевна. Тогда началось знаменитое шипкинское сидѣнье, окончившееся въ декабрѣ мѣсяцѣ переходомъ въ наступленіе.

Переходъ турокъ въ наступленіе противъ восточнаго фронта нашихъ войскъ привелъ къ боямъ у Аяслара, Карахасанкіоя, Кацелева и Аблавы.

Особенно геройски наши войска дѣйствовали при Кацелевѣ, гдѣ 5 бат., 6 эск. и сот. и 16 ор. въ теченіе 8 часовъ отбивали 36 бат., 24 эск. и 45 ор. турецкихъ войскъ. Позицію подъ Аблавою наши войска удержали. Наши потери подъ Аблавою и Кацелево составили 1,300 чел. Несмотря на то, что позиція подъ Аблавою осталась за нами, войска Рущукскаго отряда отступили за Балканскій Ломъ, чтобы принять болѣе сосредоточенное положеніе.

9 сентября Мехметъ-Али снова перешелъ въ наступленіе въ интервалъ между расположеніемъ 11-го и 13-го корпусовъ—на позицію у Чапркіоя, занятую 12 бат., 8 эск. и 46 ор., подъ начальствомъ ген. Татищева. Турки, силою 56 бат., 28 эск. и 96 ор., произвели нѣсколько разрозненныхъ атакъ на нашъ отрядъ и были отбиты. Мы потеряли 500 человѣкъ.

Мехметъ-Али послѣ этой неудачи отвелъ свои войска за р. Кара-Ломъ, а 21 сентября онъ былъ смѣненъ и на его мѣсто назначенъ Сулейманъ-паша.

Наступленіе турокъ противъ Рущукскаго отряда окончилось такимъ образомъ неудачно для турокъ, которые до ноября мѣсяца не тревожили нашихъ войскъ на этомъ фронтѣ.

Переходъ турокъ въ наступленіе на западномъ фронтѣ также окончился неудачею. 19 августа Османъ-паша, во исполненіе общаго наступательнаго плана, двинулъ изъ Плевны противъ нашихъ позицій у Телишата, занятыхъ 4-мъ арм. корпусомъ, 11,000 войскъ. Бой нѣсколькихъ передовыхъ частей былъ горячій, но турки были отбиты только передовыми войсками 4-го корпуса. Если бы въ бою приняли участіе войска 9-го арм. корпуса, легко выходившія съ своей позиціи во флангъ и въ тылъ туркамъ, послѣдніе могли бы понести полное пораженіе и быть отброшены отъ Плевны. Наши потери въ бою подъ Телишатомъ составили 1,400 чел.

Такимъ образомъ, переходъ турокъ въ наступленіе, составляющій самый благопріятный для нихъ періодъ кампаніи, съ 18 іюля по 24 августа, прошелъ для насъ, не только не принеся съ собою пораженій, но обогативъ боевыя лѣтописи русскихъ войскъ подвигами на Шипкѣ, у Кацелева, Аблавы, Чапркіоя и Телишата.

Причины неудачи турокъ противъ крайне растянутаго на трехъ фронтахъ расположенія русскихъ войскъ, оставшихся безъ общаго резерва, заключались въ разрозненности дѣйствій всѣхъ трехъ группъ турецкихъ войскъ, въ малой энергіи дѣйствій Мехмета-Али на восточномъ и Османа-паши на западномъ фронтахъ и въ упорствѣ Сулеймана-паши взять шипкинскія позиціи только ударомъ въ лобъ. Не имѣя успѣха въ наступленіи въ періодъ до послѣднихъ дней августа, туркамъ уже трудно было надѣяться на удачу при наступленіи въ позднѣйшее время: къ русскимъ приближались вызванныя изъ Россіи сильныя подкрѣпленія: 2-я, 3-я, 24-я и 26-я пѣх. дивизіи, 3-я стр. бригада, а за ними слѣдовали гвардія и гренадеры.

Послѣ неудачи второго штурма Плевны военный министръ ген.-ад. Милютинъ подалъ государю записку о положеніи арміи, въ которой, между прочимъ, были изложены слѣдующія мысли [1]):

---

[1]) „Обзоръ русско-турецкой войны“, сост. предсѣдателемъ воен.-истор. комиссіи г.-л. Домонтовичемъ, изд. 1900 г., стр. 44—45.

„Въ отношеніи тактическомъ мы не можемъ всегда вести бой, бросаясь смѣло, открыто, прямо на противника, даже несравненно превосходя его въ силахъ, особенно когда онъ успѣлъ укрѣпиться. Если будемъ попрежнему всегда разсчитывать на одно безпредѣльное самоотверженіе и храбрость русскаго солдата, то въ короткое время истребимъ всю нашу великолѣпную армію.

„Въ отношеніи же стратегическомъ, очевидно, нельзя уже надѣяться на то, чтобы однимъ быстрымъ, смѣлымъ набѣгомъ впередъ за Балканы (а въ Азіи за Сагаплугъ) произвести паническій страхъ въ непріятельскомъ войскѣ и народѣ и черезъ нѣсколько недѣль подъ стѣнами самой столицы его предписать ему мирныя условія.

„Поэтому казалось бы необходимымъ сообразить планъ дальнѣйшихъ нашихъ дѣйствій такимъ образомъ, чтобы, не подвергая наши войска непомѣрнымъ потерямъ, прочно утверждаться въ томъ краѣ, который постепенно занимаемъ, и тѣмъ оградить себя отъ возможныхъ невыгодныхъ, даже опасныхъ для насъ, оборотовъ дѣлъ“.

Ген.-ад. Милютинъ указывалъ на опасность базироваться на Дунаѣ на одну точку—переправу у Систова и признавалъ необходимымъ имѣть для арміи въ 300,000 — 350,000 чел. хотя три обезпеченныхъ переправы, напр., у Никополя, Систова и Парапана, и всѣ эти три пункта переправъ такъ сильно укрѣпить, чтобы оставленныя тамъ небольшія силы могли упорно держаться противъ нападенія значительно превосходнаго въ силахъ противника.

„Затѣмъ,—писалъ ген.-ад. Милютинъ,—слѣдовало бы самое распредѣленіе нашихъ силъ въ занятомъ районѣ сообразовать такимъ образомъ, чтобы не только не быть въ постоянномъ опасеніи за наши сообщенія и путь отступленія, но, напротивъ того, чтобы воспользоваться занятымъ нами столь успѣшно центральнымъ положеніемъ... Ни въ одномъ пунктѣ этого полукружія нѣтъ силы болѣе двухъ—трехъ бригадъ; ни одинъ изъ этихъ отрядовъ не утвердился и не укрѣпился на сильной позиціи, а потому, при настоящемъ усиленіи непріятельскихъ арміи, можно опасаться перехода ихъ въ наступленіе со всѣхъ трехъ сторонъ. Случайный успѣхъ турокъ съ одной стороны подвергаетъ крайней опасности и всѣ прочія части арміи, угрожая ихъ сообщеніямъ съ единственною точкою базиса.

„Поправить такое невыгодное, даже опасное, положеніе наше можно не иначе, какъ отказавшись на время отъ предпріятій наступательныхъ, до прибытія болѣе сильныхъ подкрѣпленій, стянуть разбросанныя силы въ небольшое число пунктовъ, занять выгодныя позиціи и, гдѣ нужно, укрѣпиться“.

Въ общей сложности у турокъ въ началѣ августа числилось налицо 196,000 чел. регулярныхъ войскъ, изъ коихъ для дѣйствій въ полѣ могло быть назначено 125,000 чел. Между тѣмъ общая наличная

численность нашихъ войскъ дунайской арміи въ первыхъ числахъ августа составляла 262,000 чел. [1]).

Такъ усовершенствованное вооруженіе турокъ и принятый ими способъ дѣйствій, вмѣстѣ съ нашею отсталостью въ вооруженіи и въ тактической подготовкѣ, и, главное, вслѣдствіе разброски силъ, повліяли на соображенія военнаго министра о размѣрѣ силъ, при которыхъ признавалось возможнымъ побѣдить турокъ: имѣя почти двойныя силы противъ турокъ, мы переходимъ къ оборонѣ, приглашаемъ румынъ помочь намъ и вызываемъ изъ Россіи сильныя подкрѣпленія.

Въ трудѣ Газенкампфа „Мой дневникъ“ имѣются интересныя свѣдѣнія, какъ неудачи 8 и 18 іюля отразились на настроеніи лицъ главной квартиры. Приведемъ ниже наиболѣе характерныя изъ этихъ мнѣній.

Послѣ неудачи 8 іюля въ дневникѣ Газенкампфа отъ 9 іюля записано [2]):

„Полагаю, что послѣ перваго же крупнаго военнаго успѣха (побѣда въ открытомъ полѣ надъ значительными силами или взятіе Рущука) турки сами запросятъ мира, и война кончится, если они согласятся на образованіе изъ сѣверной Болгаріи вассальнаго княжества и на административную автономію Болгаріи забалканской. По всему видно, что мы этимъ удовольствуемся, такъ какъ у насъ уже теперь замѣтно общее разочарованіе въ болгарахъ, отъ самыхъ высшихъ сферъ до простыхъ солдатъ. Во-первыхъ, не оказалось пресловутаго разоренія, а, напротивъ, такое благосостояніе, до котораго, повторяю, русскимъ крестьянамъ какъ до звѣзды небесной далеко. Во-вторыхъ, расчетъ на активное соучастіе болгаръ совершенно не оправдался. Въ высшихъ сферахъ были убѣждены, что добровольцы повалятъ массами отовсюду: только поспѣвай формировать новыя дружины. Между тѣмъ, даже на пополненіе шести существующихъ не поступило изъ болгаръ, до сихъ поръ, ни одного человѣка. Вмѣсто ожидаемой воинственности, мы нашли робость, весьма естественную въ народѣ, который 450 лѣтъ томится въ безправномъ рабствѣ. Хорошіе задатки (трудолюбіе, бережливость, трезвость) въ народѣ несомнѣнно есть и на свободѣ разовьются очень быстро; но мы вѣдь нетерпѣливы и всегда ждемъ, чтобы все сдѣлалось по щучьему велѣнью, сейчасъ же, и по нашему хотѣнью.

„Такъ какъ прежній освободительный пылъ такъ скоро охладѣлъ, то трудно ожидать, чтобы мы захотѣли доводить до полнаго разрушенія Турцію. Вѣрнѣе, что мы болѣе склонны предоставить ей разваливаться помаленьку самой, тѣмъ болѣе, что еще очевидно не пришло время рѣшать главный вопросъ,—кому владѣть проливами. У насъ вѣдь флота на Черномъ морѣ нѣтъ“.

---

[1]) „Сборникъ матеріаловъ по рус.-тур. войнѣ“, изд. военно-историч. комиссіи, вып. 12-й.

[2]) М. Газенкампфъ, стр. 61.

Далѣе въ дневникѣ отъ 15 іюля записано, что большинство начальствующихъ лицъ въ арміи „страдаетъ отсутствіемъ самостоятельности и предпріимчивости и вѣчною боязнью отвѣтственности“ [1]).

Въ дневникѣ отъ 14 августа, по поводу недостаточно быстрой помощи ген. Радецкому, авторъ дневника жалуется на „старческую апатичность начальника штаба арміи Непокойчицкаго и безтолковую суетливость вѣчно растеряннаго его помощника ген. Левицкаго“ [2]). Въ дневникѣ имѣется также весьма важная слѣдующая запись отъ 3 августа:

„Вернулся австрійскій военно-уполномоченный баронъ Бехтольсгеймъ, котораго государь посылалъ въ Вѣну съ собственноручнымъ письмомъ къ императору Францу-Іосифу. По словамъ великаго князя, императоръ отвѣтилъ самымъ задушевнымъ, благороднымъ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано: что бы ни случилось, какой бы оборотъ ни приняла война — ничто не заставитъ меня отступиться отъ разъ даннаго слова. Англіи рѣшительно объявлено, чтобы она ни въ какомъ случаѣ не разсчитывала на союзъ съ Австріей.

„Это торжественное заявленіе имѣетъ для насъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, огромное значеніе. Благородство императора Франца-Іосифа обезпечиваетъ нашъ тылъ: шутка сказать“ [3]).

Неудача 18 іюля имѣла еще и то послѣдствіе, что мы обратились за помощью къ румынскому королю, и уже въ августѣ наши войска, дѣйствовавшія противъ Плевны, были подкрѣплены сильнымъ корпусомъ румынскихъ войскъ, силою 42 бат., 32 эск. и 120 ор.

Съ приходомъ къ арміи 3-й стрѣлковой бригады, 2-й и 3-й пѣх. дивизій и съ присоединеніемъ румынскихъ войскъ рѣшено было снова перейти въ наступленіе и главною цѣлью дѣйствій поставить овладѣніе Плевною.

Первоначально отрядъ, подъ начальствомъ князя Имеретинскаго, силою въ 22.000 чел., атакуетъ и беретъ Ловчу; турки, силами всего до 8,000 чел., оборонялись упорно. Наши потери составили 1,580 чел. убитыми и ранеными [4]).

Двинутый на подкрѣпленіе Ловчинскому гарнизону сильный отрядъ турокъ, подъ начальствомъ Османа-паши, опоздалъ. Но и наши войска Западнаго отряда не воспользовались случаемъ разбить этотъ отрядъ или, по крайней мѣрѣ, отбросить его отъ Плевны.

Въ послѣднихъ числахъ августа подъ Плевною было уже сосредоточено русско-румынскихъ войскъ: 128 бат., 90 эск., 432 пол. и 20 осадныхъ орудій, силою 82.000 пѣхоты и 11,000 конницы [5]).

---

[1]) М. Газенкампфъ, стр. 63.

[2]) Тамъ же, стр. 91.

[3]) Тамъ же, стр. 78.

[4]) Дѣйствія нашихъ войскъ подъ Ловчею, поучительныя во многихъ отношеніяхъ, описаны мною подробно въ трудѣ „Дѣйствія отрядовъ ген. Скобелева“.

[5]) Схема № 27.

Силы турокъ въ Плевнѣ составляли 49 бат., 26 эск., 60 ор.,—всего до 40,000 чел.; но, по свѣдѣніямъ штабовъ войскъ, эти силы опредѣлялись въ 80,000 чел. и 120 орудій.

Послѣ четырехдневнаго, почти безполезнаго по результатамъ, артиллерійскаго обстрѣливанія плевненскихъ позицій, 30 августа былъ произведенъ штурмъ ихъ.

Этотъ штурмъ снова окончился неудачею. Русскія войска, составлявшія правый флангъ атаки, взяли и удержались только въ одномъ изъ Гривицкихъ редутовъ. Отрядъ Скобелева, составлявшій лѣвый флангъ атаки, овладѣлъ, цѣною огромныхъ усилій и жертвъ, такъ называемыми Скобелевскими редутами № 1 и № 2, расположенными вблизи г. Плевны, но, не поддержанный другими войсками, отбивъ 31 августа нѣсколько атакъ турокъ, вынужденъ былъ къ отступленію.

Войска, дѣйствовавшія въ центрѣ, послѣ нѣсколькихъ несвязныхъ атакъ на редутъ Омаръ-бей-Табія, были отбиты и отступили. Огромныя массы конницы бездѣйствовали.

1 сентября, когда остатки отрядовъ Скобелева и Имеретинскаго изнемогали въ борьбѣ съ превосходными силами турокъ, всѣ остальныя войска бездѣйствовали, что дало возможность Осману-пашѣ собрать противъ Скобелева подавляющія силы; изъ бывшихъ въ резервѣ 17 русскихъ и 24 румынскихъ баталіоновъ, еще не бывшихъ въ бою, Скобелевъ получилъ 1 сентября въ подкрѣпленіе одинъ Шуйскій полкъ, сильно разстроенный боемъ 30 августа и имѣвшій всего 1,300 штыковъ.

Въ тяжеломъ бою подъ Плевною во время третьяго штурма многія дѣйствія войскъ, особенно на лѣвомъ флангѣ, подъ начальствомъ генерала Скобелева 2-го, полны поучительности и захватывающаго интереса. Самоотверженное поведеніе нашей пѣхоты даже при неудачѣ не подлежитъ сомнѣнію.

Способность войскъ къ упорному бою, даже при самой тяжелой обстановкѣ, тамъ, гдѣ частными начальниками являются такіе генералы, какъ Скобелевъ 2-й, безпримѣрна, и все же войска наши понесли тяжелую неудачу.

Приведу ниже общее заключеніе о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ подъ Плевною за періодъ съ 26 августа по 1 сентября, сдѣланное мною 25 лѣтъ тому назадъ [1]):

1) „Свѣдѣнія о силахъ и расположеніи турокъ въ Плевнѣ были, ко времени перехода нашего въ наступленіе, неточны и недостаточны.

2) „Рекогносцировки для ознакомленія съ плевненскимъ лагеремъ, съ цѣлью выясненія относительнаго значенія различныхъ пунктовъ его, произведены поверхностно.

---

[1]) А. Куропаткинъ „Дѣйствія отрядовъ генерала Скобелева“, ч. II, стр. 671—678, изд. 1885 года.

3) „Планъ дѣйствій противъ Плевны составленъ ошибочно, вслѣдствіе неправильнаго рѣшенія вопроса о предстоящей роли артиллеріи при подготовкѣ штурма.

4) „Артиллерійскія дѣйствія при подготовкѣ, вслѣдствіе неправильнаго употребленія артиллеріи, неудачны.

5) „Распредѣленіе войскъ для штурма неправильно: для главной атаки назначено 22 батальона, для дѣйствій на второстепенныхъ пунктахъ—74 батальона. Общій резервъ чрезмѣрно слабъ—9 батальоновъ.

6) „Дѣйствія пѣхоты, несмотря на храбрость ея, неудачны, вслѣдствіе, главнымъ образомъ, неправильнаго распредѣленія силъ.

7) „Дѣйствія артиллеріи въ день штурма мало облегчили тяжелую задачу пѣхоты.

8) „Дѣйствія конницы, несмотря на ея многочисленность, пользы не принесли.

9) „Инженерныя силы и средства при отрядѣ были слишкомъ слабы.

10) „Общей связи въ дѣйствіяхъ праваго фланга, центра и лѣваго фланга не было. Дружнаго взаимнаго содѣйствія всѣхъ родовъ оружія къ достиженію успѣха не было. Мы не умѣли пользоваться ни каждымъ родомъ оружія въ отдѣльности, ни, въ особенности, всѣми родами оружія вмѣстѣ.

11) „Потери въ артиллеріи и кавалеріи, сравнительно съ потерями въ пѣхотѣ, — ничтожны.

„Въ общемъ, дѣйствія нашихъ войскъ подъ Плевною выказали недостаточную тактическую подготовку войскъ и ихъ начальниковъ".

Эти заключенія, при замѣнѣ однихъ собственныхъ именъ другими, во многомъ, особенно относительно дѣйствій конницы, примѣнимы къ дѣйствіямъ нашихъ войскъ не только въ турецкую войну 1877 — 1878 годовъ, но и въ войны 1853 — 1856 и 1904 — 1905 годовъ.

При дѣйствіяхъ подъ Плевною, какъ и въ севастопольскую войну, обнаружилось, что командный составъ въ арміи въ общемъ былъ слабъ, но что офицеры и нижніе чины отличались храбростью. Унтеръ-офицерскій составъ арміи оказался слабѣе, чѣмъ былъ подъ Севастополемъ; напротивъ того, офицерскій составъ въ младшихъ чинахъ, до командира батальона включительно явился болѣе подготовленнымъ къ своимъ обязанностямъ, чѣмъ въ севастопольскую войну. Въ особенности было много надежныхъ ротныхъ командировъ.

Третья неудача подъ Плевною произвела въ арміи и въ Россіи удручающее впечатлѣніе. Возникъ даже вопросъ: можемъ ли мы продолжать кампанію и не слѣдуетъ ли отойти въ Систово и далѣе въ Румынію на зимнія квартиры.

Государь императоръ собралъ 1 сентября военный совѣтъ и принялъ мнѣніе немногихъ, бывшихъ противъ отступленія. Въ числѣ ихъ наиболѣе авторитетный голосъ принадлежалъ военному министру ген.-ад. Милютину. За оставленіе войскъ подъ Плевною высказался и

г.-м. Левицкій. Государь повелѣлъ: войскамъ оставаться подъ Плевною, окопаться на занятыхъ позиціяхъ, двинуть конницу на сообщенія противника и, дождавшись подхода подкрѣпленій, приступить къ блокадѣ или даже осадѣ Плевны.

Получился результатъ исключительный. Укрѣпленія турокъ въ Плевнѣ были слабы въ конструктивномъ отношеніи, искусственныхъ препятствій не было, обороны рвовъ не было, — и мы, при огромномъ превосходствѣ въ силахъ надъ турками, отказались отъ повторенія штурма.

Къ успокоенію русскаго военнаго самолюбія можно прибавить, что, когда наши войска блокировали Плевну, не рѣшаясь взять открытой силой слабыя земляныя турецкія укрѣпленія, кавказскія войска, проходившія иную мирную школу, чѣмъ войска въ европейской Россіи, безстрашно производятъ ночью штурмъ сильной крѣпости Карса и берутъ ее.

Въ ожиданіи вызваннаго изъ Петербурга ген. Тотлебена, которому предполагалось поручить командованіе войсками подъ Плевною и рѣшить вопросъ о способѣ овладѣнія ею, на сообщенія турокъ, находившихся въ Плевнѣ, съ Софіей высылается, подъ начальствомъ ген. Крылова, 12 полковъ конницы. Эта конная масса, дурно руководимая, избѣгала встрѣчи даже съ малыми силами турокъ и пользы не принесла.

Въ половинѣ сентября прибылъ подъ Плевну Тотлебенъ, который, осмотрѣвъ наши позиціи и познакомившись съ положеніемъ дѣлъ, высказался за блокаду плевненскаго укрѣпленнаго лагеря и плѣненіе его гарнизона. Мнѣніе ген. Тотлебена было принято, и до конца ноября, несмотря на прибытіе къ арміи подкрѣпленій въ 7½ дивизій пѣхоты, дунайская армія обрекается на оборонительныя дѣйствія. Усиленный полевыми укрѣпленіями, безъ искусственныхъ препятствій, плевненскій лагерь, защищаемый 40,000 турокъ подъ начальствомъ храбраго и искуснаго Османа-паши, приковываетъ къ себѣ почти тройныя силы русскихъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Съ прибытіемъ гвардіи генералъ Гурко овладѣваетъ, послѣ упорнаго сопротивленія, Горнымъ Дубнякомъ, а затѣмъ и Телишемъ, становится на сообщеніяхъ Османа-паши и прекращаетъ подвозъ къ нему запасовъ.

Заслуживаютъ упоминанія дѣйствія нашихъ войскъ подъ Горнымъ Дубнякомъ. 4,000 турокъ съ 4 ор. защищали этотъ пунктъ, въ сущности слабо укрѣпленный. Не обстрѣленныя еще гвардейскія части рвались въ бой и горячились. Подготовка артиллерійскимъ огнемъ была недостаточная. Часть потерь нашихъ произошла и отъ своего огня. Турки защищались съ отчаяннымъ упорствомъ. Назначенные для атаки 20 бат., 12 сот., 54 орудія превосходили силы турокъ болѣе чѣмъ въ четыре раза, и все же бой 12 октября, начатый въ 9 ч. утра, окончился взятіемъ такъ называемаго большого редута только въ 7 ч.

вечера. Гарнизонъ частью погибъ, частью взятъ въ плѣнъ. Наши потери составили 4,700чел., т. е. превзошли всю силу турокъ, защищавшихъ Горный Дубнякъ. Предпринятая въ тотъ же день совершенно неподготовленная атака Телиша окончилась неудачею.

Наученная опытомъ 12 октября, гвардія, подъ начальствомъ ген. Гурко, черезъ 4 дня овладѣваетъ Телишемъ послѣ нѣсколькихъ часовъ удачнаго бомбардированія изъ 72 ор. Гарнизонъ въ 3,000 чел. сдается въ плѣнъ. Наши потери при этомъ составили всего 10 чел.

Съ прибытіемъ гренадерскаго корпуса изъ двухъ дивизій блокада Плевны со стороны Софійскаго шоссе возлагается на гренадеръ, а гвардейскій корпусъ, усиленный бригадою 3-й пѣх. дивизіи, двумя драгунскими полками и кавказскою казачьею бригадою, всего силою въ 30,000 чел. пѣхоты, 5,000 конницы и 172 ор., выдвигается къ Балканамъ, беретъ позицію у Правца, овладѣваетъ Этрополемъ и занимаетъ позиціи противъ Арабъ-Копака, сильно занятаго турками.

„Остававшіяся подъ Плевной войска, въ количествѣ 120,000 чел. при 510 ор., установили, подъ начальствомъ ген. графа Тотлебена, *блокаду* турецкаго *укрѣпленнаго лагеря*: всѣ позиціи на 6 участкахъ вокругъ Плевны были укрѣплены, устроены дороги, проведенъ телеграфъ и приняты мѣры къ своевременному сбору войскъ въ случаѣ вылазки непріятеля [1]).

„На прочихъ фронтахъ театра войны наши войска держались строго оборонительнаго положенія, а турки послѣ попытки 21 ноября у Арабъ-Копака и атаки 22 ноября Сулеймапомъ нашихъ войскъ у Елены (къ в. отъ Тырнова), также прекратили наступательныя дѣйствія“ [2]).

Затяжка войны и неудача подъ Плевною вызвали недовольство въ высшихъ сферахъ Петербурга. Въ дневникѣ М. Газенкампфа отъ 21 ноября записано, что возвратившійся изъ Петербурга флигель-адъютантъ Кладищевъ привезъ самыя возмутительныя свѣдѣнія о тамошнихъ сплетняхъ и пересудахъ. „Великаго князя громко и рѣзко бранятъ, не стѣсняясь. Войну клянутъ. Къ неудачамъ нашихъ войскъ относятся съ злорадпымъ торжествомъ, какъ будто это войска непріятельскія. Высшіе саповники не только потворствуютъ этому растлѣнному направленію, но сами подаютъ примѣръ“ [3]).

Положеніе войскъ Османа-паши, съ прекращеніемъ подвоза запасовъ, съ каждымъ днемъ все становилось затруднительнѣе. Когда запасы подошли къ концу, Османъ-паша собралъ совѣтъ, на которомъ рѣшено было прорвать блокаду въ направленіи къ западу. Войска Османа, до 40,000 чел. при 80 орудіяхъ, были раздѣлены на два корпуса. Одинъ изъ нихъ долженъ былъ прорываться, другой сдержи-

[1]) Схема № 28.

[2]) „Обзоръ войнъ“, ч. IV, кн. 1, стр. 433 — 434.

[3]) М. Газенкампфъ, стр. 184 — 185.

вать наши войска на другихъ участкахъ обложенія. Всѣ приготовленія и передвиженія были исполнены съ соблюденіемъ полной тишины.

28 ноября, съ разсвѣтомъ, турки въ превосходныхъ силахъ обрушились на 6-й участокъ обложенія, занятый Сибирскимъ гренадерскимъ полкомъ. Послѣ рукопашнаго боя сибирцы подались назадъ. Подкрѣпленные Малороссійскимъ полкомъ, сибирцы пошли въ контръатаку, остановленную свѣжими батальонами, выдвинутыми Османомъ, но и къ нашимъ войскамъ быстро подходили подкрѣпленія. Введенные въ бой Османомъ-пашею 24 батальона заколебались и остановились, поражаемые съ фронта и съ фланга. Дружнымъ переходомъ гренадеръ въ наступленіе турки были опрокинуты къ рѣкѣ Видъ; въ это время войска наши, перешедшія въ наступленіе на другихъ участкахъ обложенія, уже тѣснили турокъ, оставленныхъ для ихъ сдерживанія. Наши снаряды рвались среди скученныхъ въ безпорядкѣ турокъ. Османъ-паша, тщетно пытавшійся еще разъ двинуть впередъ свои войска, былъ раненъ. Тогда, по совѣту старшихъ начальствующихъ лицъ, онъ приказалъ выкинуть бѣлые флаги. Армія Османа-паши сдалась.

Съ паденіемъ Плевны освободилось 120,000 русскихъ войскъ съ 400 орудіями. Но приближалась зима и, по бывшимъ примѣрамъ, многіе изъ начальствующихъ лицъ не признавали возможнымъ форсировать балканскіе проходы зимою. Въ числѣ ихъ былъ ген. Радецкій и его начальникъ штаба Дмитровскій. Но главнокомандующій, вѣря въ несокрушимую доблесть русскихъ войскъ, твердо рѣшилъ перейти Балканы и перенести военныя дѣйствія за Балканы. Государь императоръ утвердилъ это смѣлое рѣшеніе.

Переходъ нашихъ войскъ къ оборонѣ въ концѣ іюля мѣсяца, вызвавшій бѣгство болгаръ изъ долины Марицы въ сѣверную часть Балканскихъ горъ, отразился на отношеніяхъ къ русскимъ войскамъ болгарскаго населенія. Съ потерею увѣренности въ побѣду русскихъ войскъ у болгаръ явилось опасеніе за новыя звѣрства турокъ и охлажденіе къ своимъ освободителямъ. Населеніе стало сумрачно. Все чаще и чаще наши чины встрѣчали на свои просьбы лаконическое: „нема, братушка, нема“. Долгое стояніе на одномъ мѣстѣ войскъ съ наступленіемъ холоднаго времени отозвалось на разореніи многихъ селеній въ районѣ военныхъ дѣйствій, особенно покинутыхъ жителями. Наши войска тоже, присмотрѣвшись къ зажиточности болгаръ (у многихъ стояли не убранными два урожая, много хорошаго скота домашнее вино, сыръ), недоумѣвали, зачѣмъ ихъ привели въ Болгарію освобождать отъ такой хорошей жизни.

Въ первыхъ числахъ декабря наши войска занимали и наблюдали слѣдующіе районы на Балканскихъ горахъ. Западный отрядъ ген. Гурко былъ расположенъ на Этропольскихъ Балканахъ, имѣя противъ себя такъ называемую комарлійскую армію, защищавшую подступы къ Софіи. Сельви-Ловчинскій отрядъ ген. Карцова, около

5,000 чел., наблюдалъ проходы Троянскихъ Балканъ, слабо занятыхъ турками. Отрядъ ген. Радецкаго, до 30,000 чел., занималъ шипкинскія позиціи, имѣя противъ себя шипкинско-балканскую турецкую армію Весселя-паши, преграждавшую нашимъ войскамъ путь въ долину Марицы.

Первоначально предполагалось начать движеніе войсками ген. Гурко и уже послѣ подхода ихъ къ турецкой арміи Весселя-паши атаковать ее совмѣстно съ войсками ген. Радецкаго. Но затѣмъ отъ этого плана отказались, и было рѣшено двинуть войска Радецкаго впередъ самостоятельно, по полученіи извѣстій отъ ген. Гурко о переходѣ имъ Балканъ.

Общее направленіе движенія войскъ ген. Гурко намѣчалось на Софію и Филиппополь, ген. Радецкаго—на Адріанополь; отрядъ Карцова, двинувшись черезъ Трояновъ перевалъ къ г. Карлово, долженъ былъ служить связью между ними.

Изъ войскъ, освободившихся послѣ сдачи Плевны, посланы подкрѣпленія: 3-я гв. дивизія и 9-й арм. корпусъ къ ген. Гурко, 3-я стр. бригада, 4-й корпусъ, 4 полка конницы въ отрядъ ген. Радецкаго. Гренадеры и 2-я пѣх. дивизія (всего 3 дивизіи) остались въ общемъ резервѣ. Румыны остались въ Плевнѣ и частью возвратились въ Румынію. Къ началу похода черезъ Балканы въ дунайской арміи числилось налицо 392,000 чел. съ нестроевыми.

Силы турокъ къ началу наступленія нашихъ войскъ на всемъ фронтѣ наступленія и въ резервѣ у Адріанополя были доведены до 200 бат. [1]).

Для дѣйствій противъ этихъ войскъ, по расчетамъ штаба арміи, предполагалось возможнымъ двинуть за Балканы въ первую очередь до 155,000 штыковъ и сабель при 386 ор.; за ними въ резервѣ могли двинуться еще три пѣх. дивизіи.

11 декабря Западный отрядъ ген. Гурко, силою до 84 бат., 56 эск. и 318 ор., всего 54,000 чел., двинулся черезъ Балканы въ обходъ сильной арабъ-конакской позиціи турокъ [2]).

Трудности, встрѣченныя войсками, были чрезвычайны. Бездорожье, крутизны, снѣгъ, мятель, морозъ,—все задерживало движеніе войскъ и нарушало расчеты движенія. Особенныя трудности встрѣтила колонна ген. Дандевиля при движеніи изъ Этрополя черезъ Бабу-гору. 16 декабря сильная мятель заставила прекратить разработку дороги на перевалъ для подъема орудій, когда авангардъ колонны изъ части Великолуцкаго полка и нѣсколькихъ орудій уже занялъ этотъ перевалъ. Къ вечеру того же числа поднялась снѣжная буря, и ген. Дандевиль послалъ приказаніе авангарду спуститься съ горъ, но ни одинъ изъ посланныхъ казаковъ не достигъ перевала.

---

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. IV, кн. I, стр. 439. Кажется, это число преувеличено.

[2]) Схема № 29.

„Безъ костровъ, безъ закрытій, при 12—15° мороза и при буранѣ, ужасающемъ по силѣ, бивакирующія войска, засыпанныя снѣгомъ, стыли, коченѣли; уже половина людей потеряла сознаніе; многіе медленно умирали, но все оставалось на позиціи—на перевалѣ.

„Только послѣ многократныхъ попытокъ удалось, наконецъ, передать авангарду приказаніе объ отступленіи съ перевала, и въ полдень 17 декабря ген. Дандевиль получилъ донесеніе, что въ каждой ротѣ Великолуцкаго полка (бывшаго въ авангардѣ) осталось не болѣе 20 чел. Несмотря на то, что буря начала стихать, все же вѣтеръ продолжалъ бушевать съ страшной силой. Убѣдившись, что отрядъ потерялъ 13 офицеровъ и 813 нижн. чиновъ, видя, что буря еще продолжается и что нѣтъ никакой возможности оставаться на перевалѣ, ген. Дандевиль отвелъ войска въ Этрополь къ вечеру 19 декабря.

„Орудія, втащенныя на перевалъ, были засыпаны снѣгомъ настолько, что ихъ удалось разрыть только 19 декабря, когда буря совершенно окончилась. При орудіяхъ погибла прислуга, засыпанная снѣгомъ“ [1]). Какъ краснорѣчивы эти немногія слова историка.

19 декабря войска ген. Гурко атаковали позицію турокъ у Ташкисена на софійскомъ шоссе и овладѣли ею. Наши потери были 15 офицеровъ и 547 нижн. чиновъ.

20 декабря отрядъ ген. Вельяминова въ 5 бат., 6 ор. и 11 сот., всего 2,000 пѣхоты и 1,000 конницы, былъ рѣшительно атакованъ турецкимъ отрядомъ въ 15,000 чел., вышедшимъ изъ Софіи. Наши не только отбили турокъ, но, перейдя въ наступленіе, обратили турокъ въ бѣгство.

Значительныя силы турокъ, до 30,000 чел., собранныя въ Софіи, поспѣшно отступили, не принявъ боя, и 24 декабря ген. Гурко вступилъ въ Софію. Давъ войскамъ трехъ-дневный отдыхъ, ген. Гурко продолжалъ движеніе черезъ Татаръ-Базарджикъ къ Филиппополю.

Отрядъ Карцова по трудно доступнымъ тропамъ, при 22° мороза, обошелъ турецкую позицію у Орлинаго гнѣзда, овладѣлъ ею и 28 декабря занялъ Карлово.

Войска ген. Радецкаго, занимая шипкинскія позиціи съ августа мѣсяца, хотя и находились въ постоянной близости къ противнику, но не тяготились этого рода опасностью. Трудности начались съ наступленіемъ морозовъ, снѣжныхъ мятелей.

Въ особенности тяжело пришлось войскамъ 24-й пѣх. дивизіи, прибывшей изъ петербургскаго района на шипкинскія позиціи. Ни начальникъ дивизіи, ни командиры полковъ не были подготовлены къ тѣмъ трудностямъ, которыя встрѣтились. Прежде всего, обувь, по красносельскимъ требованіямъ мирнаго времени, у многихъ была узкая и не допускала обертыванія ногъ теплыми портянками, а пока замѣнили негодную обувь—тысячи ногъ были отморожены.

---

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. IV, кн. I, стр. 444.

Розданные нижнимъ чинамъ полушубки неслись открыто на рукахъ, попали подъ мокрый снѣгъ и раскисли. Кухни, въ опасеніи непріятельскаго огня, оставили такъ далеко, что пищу нижнимъ чинамъ на позицію приносили совершенно холодною. По почамъ служба неслась безъ нужды тяжелая.

Въ опасеніи нападенія турокъ наряжалось слишкомъ много частей дежурными, и при малѣйшей тревогѣ войска стояли на мятели въ траншеяхъ. Между тѣмъ снѣгъ былъ такъ глубокъ, что препятствовалъ внезапному нападенію турокъ. Въ результатѣ въ короткое время свыше 6,000 чел. изъ 24-й дивизіи оказались, главнымъ образомъ, съ отмороженными ногами.

Остатки полковъ дивизіи пришлось спустить съ Балканъ и отвести въ Тырново на поправку. Полки 14-й дивизіи, 4-й стр. бригады и болгарскія дружины тоже пострадали, но, благодаря опытности и заботливости начальствующихъ лицъ, много меньше и ко времени перехода въ наступленіе составляли закаленную въ бояхъ и лишеніяхъ боевую силу,

Чудную по вѣрности картину художественно исполнилъ великій Верещагинъ. Заглавіе ея „На Шипкѣ все спокойно“: такъ доносилъ Радецкій, чтобы не тревожить Россію, когда ввѣренныя ему войска самоотверженно умирали замерзшими, заносимыми снѣгомъ. На картинѣ изображенъ уголокъ шипкинской позиціи и снѣжная мятель, часовой уже на двѣ трети занесенъ снѣгомъ, отъ другого виденъ только конецъ штыка.

Съ прибытіемъ къ ген. Радецкому подкрѣпленій силы его отряда составили до 45,000 чел. Противъ него было расположено 35,000 войскъ Весселя-паши. Изъ нихъ 11,000 чел. оборопяли позицію на перевалѣ, а 24,000 чел. занимали шейновскій укрѣпленный лагерь у подошвы Балканъ, по пути съ Шипкинскаго перевала въ г. Казанлыкъ [1]).

Для перехода черезъ Балканы силы отряда ген. Радецкаго были раздѣлены на три части: заслонъ изъ 15½ бат., подъ личнымъ начальствомъ ген. Радецкаго, былъ оставленъ на шипкинской позиціи; правая колонна ген. Скобелева 2-го, изъ 15 бат., 7 болгарскихъ дружинъ, 17 эск. и сот. и 14 ор., черезъ Габрово и сел. Топлишъ должна была форсировать Иметлійскій перевалъ и атаковать турокъ у Шейнова съ запада; лѣвая обходная колонна ген. князя Святополкъ-Мирскаго, силою въ 25 бат., 1 болг. дружину, 4 сотни и 24 ор., слѣдуя черезъ г. Тревна на перевалъ Крестецъ, должна была выйти къ с. Мангланъ и атаковать турецкій укрѣпленный лагерь съ востока.

Движеніе колоннъ началось 24 декабря. Трудности встрѣчены были огромныя отъ глубокаго снѣга. Приходилось прорывать для слѣдованія войскъ траншеи, мѣстами глубиною до 1½ саж. Орудія

---

[1]) Схема № 30.

тащили въ разобранномъ видѣ. До появленія нашихъ войскъ на южныхъ склонахъ Балканъ турки не препятствовали движенію [1]).

Несмотря на всѣ трудности, наши войска перешли Балканы и атаковали турокъ. Атака, вслѣдствіе трудности согласовать движеніе колоннъ, получилась разрозненная. 27 декабря шейновскій лагерь уже атаковывала колонна ген. Святополкъ-Мирскаго, когда только часть колонны ген. Скобелева успѣла спуститься съ горъ. Успѣха достигнуто не было, и лѣвая колонна очутилась въ тяжеломъ положеніи. 28 декабря произошелъ рѣшительный бой всѣхъ войскъ Радецкаго. Ген. Радецкій, чтобы оттянуть на себя силы Весселя-паши, самоотверженно атаковалъ турокъ въ лобъ войсками, занимавшими шипкинскія позиціи. Храбрые полки 2-й бригады 14-й дивизіи овладѣли двумя линіями траншей, но дальше продвинуться не могли. Эти два полка потеряли 1,700 чел., но оттянули на себя значительныя силы турокъ. Лѣвая колонна, отбивъ нѣсколько атакъ турокъ, овладѣла сел. Шипка и этимъ отрѣзала силы турокъ, дѣйствовавшія противъ ген. Радецкаго, отъ ихъ главныхъ силъ, занимавшихъ шейновскій укрѣпленный лагерь. Наконецъ, войска правой колонны, ген. Скобелева, послѣ упорнаго боя овладѣли всѣми укрѣпленіями западнаго фронта шейновскаго укрѣпленнаго лагеря.

Окруженный со всѣхъ сторонъ, Вессель-паша сдался съ 30.000 чел. и 103 ор. Наши потери составили 5,600 чел. Путь къ Адріанополю былъ открытъ.

Во время этихъ дѣйствій войска ген. Гурко успѣшно продвигались впередъ, тѣсня предъ собою турецкія войска [2]). 2 января былъ занятъ Татаръ-Базарджикъ. Послѣ трехдневнаго боя подъ Филиппополемъ около 60 бат. Сулеймана были разбиты, разсѣяны и отступили въ горы. Въ наши руки достались 114 ор. и большіе запасы. Къ 8 января путь къ Адріанополю былъ открытъ и войсками ген. Гурко.

Всѣ войска, находившіяся за Балканами, получили приказаніе наступать къ Адріанополю.

8 января конница авангарда, подъ начальствомъ ген. Струкова, заняла безъ боя укрѣпленный Адріанополь, изъ котораго поспѣшно бѣжали турецкія войска, бросивъ 26 орудій и большіе запасы. 10 января въ Адріанополь вступила пѣхота ген. Скобелева. Съ 13 января въ Адріанополь прибыла голова войскъ ген. Гурко. 17 января войска Скобелева заняли Люле-Бургасъ и Чорлу.

Путь въ Константинополь былъ открытъ. Матеріальныя и духовныя силы турецкихъ войскъ были окончательно подорваны. Остатки турецкихъ войскъ безпорядочно спасались отъ нашихъ войскъ.

---

[1]) Подробное описаніе этой операціи было напечатано мною въ „Военномъ Сборникѣ“ при изложеніи дѣйствій отряда ген. Скобелева у Шейнова.

[2]) Схема № 31.

Мусульманское населеніе двигалось съ семьями къ Константинополю, гдѣ царствовала полная паника. Настало время воспользоваться такъ благопріятно сложившейся обстановкой, чтобы занять Босфоръ, попытаться добиться сдачи турецкаго флота, открыть прямое сообщеніе съ черноморскими портами и окончить восточный вопросъ выселеніемъ мусульманскаго населенія на азіатскій берегъ. Временно необходимо было занять и Константинополь.

Неожиданно для войскъ, 19 января были подписаны въ Адріанополѣ предварительныя условія мира, и движеніе войскъ было пріостановлено.

Къ этому времени за Балканами уже находилось русскихъ войскъ 164 бат., 119 эск. и сот. съ ихъ артиллеріею примѣрно въ половинномъ составѣ. Передовыя войска частью занимали, частью продвигались для занятія нѣкоторыхъ пунктовъ на побережьяхъ—Чернаго, Мраморнаго и Эгейскаго морей.

Было потеряно три драгоцѣнныя недѣли времени, въ теченіе которыхъ турки оправились и, подкрѣпленные совѣтами англичанъ, стали менѣе сговорчивы. Вводъ англійскаго флота въ Мраморное море тоже могъ затруднить занятіе Босфора.

Когда затѣмъ послѣдовали изъ Петербурга настойчивыя указанія занять, если представится возможность, Босфоръ и разрѣшалось занятіе Константинополя,—положеніе дѣлъ оказалось таково, что было признано возможнымъ, съ согласія турокъ, занять лишь Сапъ-Стефано на берегу Мраморнаго моря, что отдаляло, а не приближало насъ къ Босфору.

Замѣнившій въ командованіи войсками заболѣвшаго великаго князя Николая Николаевича ген. Тотлебенъ тоже не призналъ возможнымъ занять Босфоръ. Между тѣмъ, наше положеніе подъ стѣнами Константинополя становилось, несмотря на заключенный 19 февраля подъ С.-Стефано миръ, все затруднительнѣе.

Сильная болѣзненность открылась въ войскахъ. Полки таяли. Огромное форсированіе во время войны физическихъ и духовныхъ силъ, прерванное бездѣйствіемъ, при дурныхъ санитарныхъ условіяхъ, вызвало реакцію: ослабленные организмы не выдержали, и болѣзненность, сопровождаемая большою смертностью, тревожнымъ образомъ ослабляла ряды войскъ.

Но еще бо́льшія затрудненія и опасности грозили арміи отъ враговъ внѣшнихъ.

Англія грозила разрывомъ; Австрія, казалось, неожиданно приняла настолько враждебное къ Россіи положеніе, что пришлось принимать мѣры къ сформированію на западной границѣ сильной арміи. Даже Румынія, войска которой товарищески помогали русскимъ войскамъ въ бояхъ подъ Плевною, стала на сторону нашихъ противниковъ и могла затруднить возвращеніе нашихъ войскъ на родину сухимъ путемъ. Такія неожиданныя перемѣны, поставившія побѣдо-

поспую русскую армію въ тяжелое положеніе подъ самыми стѣнами Константинополя, нуждаются въ объясненіи.

Перемиріе 19 января 1878 г.

Относительно причинъ остановки нашихъ войскъ въ Адріанополѣ въ трудѣ М. Газенкампфа имѣются слѣдующія документальныя указанія [1]):

7 января, когда еще не было получено донесенія о занятіи нашими войсками Адріанополя, въ Казаплыкъ, гдѣ находилась главная квартира великаго князя главнокомандующаго, прибылъ турецкій уполномоченный для заключенія перемирія.

Ранѣе принятія уполномоченнаго, того же 7 января великій князь получилъ депешу государя отъ 5 января, въ которой, послѣ утвержденія наградъ, испрошенныхъ великимъ княземъ, государь телеграфировалъ: „Обращаю твое особенное вниманіе на шифрованную депешу князя Горчакова, отправленную отсюда сегодня“.

Эта телеграмма, полученная одновременно съ депешею государя, заключала въ себя слѣдующія важныя указанія [2]):

„Государь желаетъ, что если ваше императорское высочество еще не сообщили туркамъ условія мира, долженствующія предшествовать заключенію мира, чтобы вы ихъ спросили, какія предлагаются Портою условія для остановки военныхъ дѣйствій. Когда они вамъ будутъ предъявлены, телеграфируйте въ Петербургъ. Намъ важно выиграть время, чтобы придти къ соглашенію съ Австріей, которая въ разныхъ пунктахъ съ нами несогласна, и, если можно, получить отвѣты на собственноручныя письма государя императора въ Вѣну и Берлинъ, сегодня (т. е. 5 января) отправленныя. Имѣемъ причины предполагать, что Порта просила переговоровъ для умноженія своихъ военныхъ силъ и воспользованія нашими политическими условіями, дабы укрѣпить враждебное намъ положеніе Виконсфильда и, сколь возможно, разрознить насъ съ нашими союзниками. Во всякомъ случаѣ, военныя дѣйствія не должны быть останавливаемы“.

Совершенно опредѣленно указывалось на необходимость затягиванія переговоровъ и продолженія движенія впередъ.

Великій князь отнесся къ этой важной депешѣ недостаточно серьезно и рѣшилъ не исполнить даннаго въ ней указанія — затягивать переговоры, для чего, не указывая нашихъ предложеній, спросить прежде предложенія турокъ.

Вотъ что помѣщено по этому вопросу въ дневникѣ Газенкампфа отъ 7 января.

„Отвѣтъ на эту телеграмму отложенъ великимъ княземъ до завтра, послѣ пріема турецкихъ уполномоченныхъ. Онъ недоволенъ

[1]) М. Газенкампфъ „Мой дневникъ“, стр. 338.

[2]) Тамъ же, стр. 339.

этою телеграммою, ибо находитъ, что выраженное въ ней желаніе затянуть переговоры для выигрыша времени несогласно съ прежними указаніями государя и состоялось теперь лишь подъ впечатлѣніями непрерывно измѣняющейся обстановки. Великій князь думаетъ, что было бы всего лучше оглушить Биконсфильда заключеніемъ перемирія на тѣхъ основахъ, которыя были зрѣло обдуманы заранѣе, а съ Австріей вообще не стоитъ много разговаривать. Наконецъ, великій князь высказалъ предположеніе (объ основательности коего судить совсѣмъ не могу), что государя теперь начнутъ сбивать съ толку и князь Горчаковъ, и графъ Игнатьевъ, первый изъ ревности, чтобы дѣло принятія турками главныхъ основаній мира не обошлось безъ него, а второй — изъ опасенія, чтобы не успѣли сойтись съ турками безъ его прямого участія. Онъ такъ старался довести до войны, что ему будетъ крайне обидно, если онъ не будетъ играть никакой роли въ ея окончаніи“ [1]).

8 января великій князь принимаетъ уполномоченныхъ, а послѣ офиціальнаго пріема Нелидовъ частнымъ образомъ сообщаетъ имъ главныя основанія мира на обсужденіе, для отвѣта великому князю на другой день.

Государю же 8 января посылается слѣдующая депеша:

„Депешу твою и шифрованную канцлера, отъ 5-го, получилъ вчера, когда турецкіе уполномоченные уже прибыли. Сейчасъ имѣлъ съ ними свиданіе. Согласно твоему желанію, настаивалъ неоднократно на выраженіи ихъ предложеній. Они отвѣчали, что предложеній никакихъ не имѣютъ, а по полученіи султаномъ твоего отвѣта посланы выслушать отъ меня предлагаемыя нами условія мира. Такъ какъ они, съ своей стороны, упрашивали остановить скорѣе военныя дѣйствія, то я, согласно заявленному Портѣ тобою и мною, вынужденъ былъ сообщить имъ условія, по принятіи коихъ мы можемъ прекратить военныя дѣйствія. Они взяли ихъ на разсмотрѣніе. Съ другой стороны, съ 3 января, послѣ телеграммъ моихъ, на которыя получилъ отвѣтъ только сегодня, военныя событія до того измѣнились, что, послѣ новаго разбитія арміи Сулеймана у Филиппополя, стою у воротъ Адріанополя. Затягивать переговоры и продолжать военныя дѣйствія имѣло бы послѣдствіемъ занятіе Адріанополя и движеніе далѣе—на Константинополь, влекущее за собой неизбѣжное въ военномъ отношеніи занятіе Галлиполи, что, согласно твоимъ указаніямъ, было бы усложненіемъ дѣлъ политическихъ. Посему, какъ выше сказано, я не могъ не объяснить уполномоченнымъ Порты условій мира въ томъ видѣ, какъ я ихъ получилъ, дабы можно было, если они будутъ приняты, заключить перемиріе. Наконецъ, изъ перваго свиданія съ турками я вынесъ убѣжденіе, что всякая искусственная затяжка переговоровъ, при быстротѣ нашего наступленія, можетъ только произвести

[1]) М. Газенкампфъ, стр. 339—340.

въ Турціи, а быть можетъ и въ Европѣ, неблаговидное впечатлѣніе, какъ будто мы желаемъ выиграть время для большаго захвата непріятельской страны“ [1]).

Все содержаніе этой депеши представляется совершенно непонятнымъ, въ особенности выраженіе, что великій князь былъ вынужденъ сообщить туркамъ условія, по принятіи коихъ могли быть прекращены военныя дѣйствія.

Кн. Горчаковъ прямо указывалъ, что, не сообщая этихъ условій, надо было спросить объ условіяхъ турецкихъ.

Даже авторъ дневника—М. Газенкампфъ пишетъ, что онъ недоумѣвалъ по поводу общаго тона отвѣта великаго князя.

Поражаетъ въ этомъ отвѣтѣ и мнѣніе, что занятіе Константинополя влекло бы за собою неизбѣжное занятіе Галлиполи.

Изъ этого отвѣта очевидно одно, что великій князь не только не думалъ въ это время о занятіи Босфора, но даже сомнѣвался въ полезности занятія нашими войсками Адріанополя.

Но уже вечеромъ настроеніе перемѣнилось; получилось донесеніе отъ генерала Струкова изъ Мустафа-паши, что въ Адріанополѣ паника среди турокъ дошла до апогея, губернаторъ и войска бѣжали, взорвавъ пороховые и артиллерійскіе склады; въ городѣ пожаръ и хаосъ; иностранцы просили Струкова занять городъ. По поводу этого донесенія Газенкампфъ пишетъ:

„Записка эта произвела ошеломляющее впечатлѣніе. Если до этого дошло, то, быть можетъ, и въ Константинополѣ въ настоящую минуту уже царитъ анархія, исчезло правительство, разваливается оттоманская имперія. Не даромъ мусульманское населеніе, съ самаго начала войны, поголовно уходитъ отовсюду, гдѣ появляются наши войска. Точно инстинктивно предчувствуетъ, что, гдѣ мы утверждались, тамъ мусульманамъ больше не жить. Не даромъ же ими овладѣлъ суевѣрный страхъ и роковое убѣжденіе, что пришелъ конецъ господству турокъ на Балканскомъ полуостровѣ“ [2]).

Въ настроеніи великаго князя произошла рѣзкая перемѣна. Когда, къ нашему счастью, турецкіе уполномоченные оказались лишенными полномочій на принятіе главныхъ условій мира и просили дать имъ время, чтобы получить указанія изъ Константинополя, великій князь сказалъ имъ, что считаетъ переговоры прерванными, будетъ телеграфировать объ этомъ государю и продолжать наступленіе.

„Теперь, если уполномоченные даже передумаютъ, онъ, великій князь, уже не въ правѣ принять ихъ согласіе на предложенныя условія, а испроситъ высочайшее повелѣніе: останутся ли прежнія, или будутъ поставлены новыя условія. Обстановка мѣняется въ нашу

---

[1]) М. Газенкампфъ, стр. 342.

[2]) Тамъ же, стр. 343.

пользу ежедневно, и посему условія, которыя считаются достаточными сегодня, могутъ оказаться недостаточными уже завтра“ [1]).

10 января великій князь получилъ донесеніе, что Адріанополь занятъ Струковымъ.

„Подъ впечатлѣніемъ этого извѣстія, великій князь рѣшилъ ни въ какомъ случаѣ не принимать перемирія на тѣхъ условіяхъ, которыя турки не рѣшились принять вчера. Если не получится особаго высочайшаго повелѣнія, то и разговаривать съ уполномоченными больше не хочетъ, а намѣревается, пользуясь разгромомъ турецкихъ войскъ и всеобщей паникой, стремительно наступать не только на Константинополь, но и на Галлиполи“ [2]).

Того же 10 января великій князь послалъ государю слѣдующую депешу:

„Турецкое населеніе, уничтожая все свое имущество, увозитъ семейства, которыя по дорогамъ гибнутъ тысячами. Паника страшная, неописанная, равно и сопровождающія ее потрясающія событія. Въ виду всего этого долгомъ считаю высказать мое крайнее убѣжденіе, что при настоящихъ обстоятельствахъ невозможно уже теперь останавливаться, и, въ виду отказа турками условій мира, необходимо идти до центра, т. е. до Царьграда, и тамъ покончить предпринятое тобою святое дѣло. Сами уполномоченные Порты говорятъ, что ихъ дѣло и существованіе кончены, и намъ не остается ничего другого, какъ занять Константинополь. При этомъ занятіе Галлиполи, гдѣ находится турецкій отрядъ, безъ̀ѣжно, чтобы предупредить, если возможно, приходъ туда англичанъ и при окончательномъ расчетѣ имѣть въ своихъ рукахъ самыя существенныя гарантіи для разрѣшенія вопроса въ нашихъ интересахъ. Вслѣдствіе этого не буду порѣшать съ уполномоченными до полученія отвѣта на эту депешу и съ Богомъ иду впередъ“ [3]).

14 января великій князь прибылъ въ Адріанополь, гдѣ былъ торжественно встрѣченъ. Рѣшеніе великаго князя продолжать движеніе впередъ все не измѣнялось. Того же 14 января государю послана депеша о необходимости подготовить отправку изъ Одессы одной дивизіи съ тремя 9-фн. батареями для высадки ея на томъ мѣстѣ, которое великій князь найдетъ необходимымъ и удобнымъ.

Вечеромъ того же числа великій князь высказалъ мнѣніе, что онъ предполагаетъ высадить эту дивизію на азіатскій берегъ Босфора.

17 января въ Адріанополѣ великій князь получилъ отвѣтъ государя на его депешу о пріемѣ уполномоченныхъ и предъявленіи имъ, противно указаніямъ кн. Горчакова, условій для заключенія мира. Въ депешѣ государя отъ 12 января значилось:

---

[1]) М. Газенкампфъ, стр. 347.

[2]) Тамъ же, стр. 350.

[3]) Тамъ же, стр. 354.

„Изложенныя въ трехъ твоихъ шифрованныхъ телеграммахъ 10 января соображенія относительно дальнѣйшаго наступленія къ Константинополю я одобряю. Движеніе войскъ отнюдь не должно быть останавливаемо до формальнаго соглашенія объ основаніяхъ мира и условіяхъ перемирія. При этомъ объяви турецкимъ уполномоченнымъ, что если, въ теченіе трехъ дней со времени отправленія запросной телеграммы въ Константинополь, не послѣдуетъ безусловнаго согласія Порты на заявленныя нами условія, то мы уже не признаемъ ихъ для себя обязательными. Въ случаѣ, если условія наши не приняты, — вопросъ долженъ рѣшиться подъ стѣнами Константинополя. Въ разрѣшеніе поставленныхъ тобой на этотъ случай четырехъ вопросовъ предлагаю тебѣ руководствоваться слѣдующими указаніями:

„По 1-му. Въ случаѣ вступленія иностранныхъ флотовъ въ Босфоръ, войти въ дружественныя соглашенія съ начальниками эскадръ относительно водворенія, общими силами, порядка въ городѣ.

„По 2-му. Въ случаѣ иностраннаго десанта въ Константинополѣ, избѣгать всякаго столкновенія съ нимъ, оставивъ войска наши подъ стѣнами города.

„По 3-му. Если сами жители Константинополя или представители другихъ державъ будутъ просить о водвореніи въ городѣ порядка и охраненіи спокойствія, то констатировать этотъ фактъ особымъ актомъ и ввести наши войска.

„Наконецъ, по 4-му. Ни въ какомъ случаѣ не отступать отъ сдѣланнаго нами Англіи заявленія, что мы не намѣрены дѣйствовать на Галлиполи. Англія, съ своей стороны, обѣщала намъ ничего не предпринимать для занятія Галлипольскаго полуострова, а потому и мы не должны давать ей предлогъ къ вмѣшательству, даже если бы какой-нибудь турецкій отрядъ находился на полуостровѣ. Достаточно выдвинуть наблюдательный отрядъ на перешеекъ, отнюдь не подходя къ самому Галлиполи. Въ виду твоего приближенія къ Царьграду, я призналъ нужнымъ отмѣнить прежнее распоряженіе о съѣздѣ уполномоченныхъ въ Одессѣ, а вмѣсто того приказалъ генералъ-адъютанту графу Игнатьеву немедленно отправиться въ Адріанополь, для веденія, совмѣстно съ Нелидовымъ, предварительныхъ переговоровъ о мирѣ при главной квартирѣ“ [1]).

По буквальному смыслу этой депеши видно, что уже 12 января истекъ трехдневный срокъ — послѣ пріема турецкихъ уполномоченныхъ въ Казанлыкѣ, и потому можно было считать переговоры прерванными и двигаться къ Константинополю; но 18 января къ великому князю явились турецкіе уполномоченные и безпрекословно приняли какъ предложенныя условія мира, такъ и условія перемирія.

Казалось бы, на основаніи всего вышеизложеннаго, по меньшей

[1]) М. Газенкампфъ, стр. 389—390.

мѣръ надлежало, не пріостанавливая движенія войскъ, запросить новыхъ указаній государя императора, но уже 19 января великій князь и паши Намыкъ и Серверъ совершенно подписали главныя условія мира, а Непокойчицкій, Левицкій, Неджидъ-паша и Османъ-паша — условія перемирія.

Одновременно отдано было приказаніе пріостановить движеніе войскъ впередъ и прекратить военныя дѣйствія. Въ трудѣ М. Газенкампфа приведена депеша государя отъ 20 января, въ которой, въ противность прежнему мнѣнію, тоже указывалось на необходимость ускорить заключеніе перемирія.

Подписаніе мирныхъ условій послужило причиной не улучшенія, а ухудшенія нашего положенія, какъ въ политическомъ, такъ и въ военномъ отношеніяхъ. Англія ввела свой флотъ въ Мраморное море, а Австрія, узнавъ объ условіяхъ мирнаго договора, стала мобилизировать свои войска. Турки оправились и начали собирать къ Константинополю остатки своихъ войскъ и приводить ихъ въ порядокъ.

Образъ дѣйствій англичанъ, нарушившихъ неприкосновенность проливовъ и явившихся съ четырьмя броненосцами въ Мраморное море, измѣнилъ мнѣніе государя о необходимости спѣшить заключеніемъ перемирія и пріостановкою военныхъ дѣйствій.

Уже депешей отъ 30 января, полученной 1 февраля, государь приказываетъ приготовиться къ занятію Константинополя и даетъ великому князю, если бы англичане сдѣлали гдѣ либо высадку, свободу дѣйствій на берегахъ Босфора и Дарданеллъ.

3 февраля государь послалъ султану депешу съ предупрежденіемъ, что проходъ англійской эскадры черезъ Дарданеллы къ Принцевымъ островамъ уполномочиваетъ и насъ ввести временно въ Константинополь отрядъ нашихъ войскъ [1]).

Вмѣсто вступленія нашихъ войскъ въ Константинополь, что повело бы за собою и занятіе Босфора, какъ извѣстно, мы ограничились занятіемъ Санъ-Стефано, лежащаго на берегу Мраморнаго моря. Босфоръ занятъ не былъ.

Такимъ образомъ, пріостановка нашихъ войскъ 19 января совершилась по иниціативѣ главнокомандующаго. На основаніи депеши кн. Горчакова и депеши государя отъ 12 января великій князь имѣлъ не только основаніе, но и опредѣленное указаніе — не спѣшить заключеніемъ перемирія. Босфоръ не былъ занятъ нашими войсками, главнымъ образомъ, вслѣдствіе этой пріостановки: турки оправились и въ 20 числахъ февраля уже готовы были защищать босфорскія позиціи силою оружія.

Историческія данныя по босфорскому вопросу такъ важны для правильнаго освѣщенія этого вопроса въ будущемъ, что онѣ будутъ изложены въ слѣдующей главѣ.

---

[1]) М. Газенкампфъ, стр. 440.

Для большинства читающей публики до сихъ поръ представляется неяснымъ: почему Австрія, съ которой, какъ изложено выше, было заключено передъ войною предварительное соглашеніе, повидимому неожиданно приняла враждебное относительно Россіи положеніе, когда мы уже находились подъ стѣнами Константинополя. Ю. Карцовъ, авторъ труда „За кулисами дипломатіи“, даетъ этому факту слѣдующее объясненіе:

„Въ половинѣ ноября 1877 г. въ нашей главной квартирѣ, стоявшей въ Порадимѣ, было приступлено къ составленію условій мира съ турками. О конвенціи 3 января 1877 года авторы мирнаго проекта ничего не знали; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если въ предположеніяхъ своихъ они отъ нея значительно отклонились. Особенно рельефно противорѣчія эти обозначились по двумъ важнѣйшимъ вопросамъ: Босніи и Герцеговины и границъ Болгаріи. По вопросу Босніи и Герцеговины конвенція гласила совершенно опредѣленно: „Россія предоставляетъ императору австрійскому избрать время и способъ оккупаціи Босніи и Герцеговины“. Въ порадимскомъ проектѣ этотъ пунктъ получилъ слѣдующую редакцію: „Босніи и Герцеговинѣ дарується автономное управленіе съ достаточными гарантіями, при ближайшемъ участіи въ опредѣленіи ихъ сосѣдней съ ними Австро-Венгріи“. По вопросу границъ Болгаріи конвенція (ст. 3) оговаривала „недопущеніе на Балканскомъ полуостровѣ образованія значительнаго славянскаго или иного государства“. Порадимскій проектъ пространство будущей Болгаріи предуказывалъ: „въ предѣлахъ болгарской національности и никакъ не меньшихъ противъ тѣхъ, которые были намѣчены константинопольскою конференціею“. Затѣмъ, порадимскій проектъ былъ отправленъ въ Бухарестъ проживавшему тамъ князю Горчакову на разсмотрѣніе.

„Здѣсь позволяю себѣ сдѣлать отступленіе и поставить вопросъ: была ли, въ самомъ дѣлѣ, надобность вопросы военные и сторону политическую связывать тѣснымъ узломъ? Вѣдь наше сепаратное соглашеніе съ Турціею безъ европейской санкціи все равно обойтись не могло. Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же было затрагивать больныя мѣста и преждевременно раскрывать карты. Не политичнѣе ли поступили бы наши делегаты, если бы вопросы компетенціи европейской,— Боснію и Герцеговину, границы Болгаріи и др., — они отложили до созыва конференціи, а тѣмъ временемъ потребовали бы отъ турокъ уступокъ характера исключительно военнаго: передачу намъ флота и крѣпостей, допущеніе русской арміи подъ стѣны Царьграда и т. п.

„Инициаторомъ австро-русскаго соглашенія былъ князь Горчаковъ. Поэтому для кого другого, а для него конвенція 3 января 1877 г. была обязательна. Получивъ порадимскій проектъ, онъ долженъ былъ съ конвенціею его свѣрить, постановленія конвенціи въ него вписать и въ такомъ исправленномъ видѣ отослать въ главную квартиру обратно. „Но князь Горчаковъ, говоритъ г. Горяиновъ, сознавалъ, что уступка

славянскихъ земель австро-венгерской монархіи могла возбудить негодованіе въ Россіи". Внеси онъ въ порадимскія мирныя условія измѣненія въ духѣ конвенціи, сразу обнаружилось бы: Босніи и Герцеговина и есть та цѣна, за которую русское правительство купило отъ Австріи безопасность тыла нашей арміи. Признать себя виновникомъ подобной сдѣлки у князя Горчакова не хватило гражданскаго мужества. Между порадимскими условіями и конвенціею разницы словно не замѣчая, онъ порадимскій проектъ препроводилъ императорамъ германскому и австрійскому на отзывъ".

„Какъ и слѣдовало ожидать, въ Вѣнѣ сообщеніе князя Горчакова произвело впечатлѣніе самое неблагопріятное. Русская политика совершала зигзагъ: отъ совмѣстныхъ дѣйствій съ Австріею снова вернулась она на почву константинопольской конференціи и европейскаго концерта. Но ссылаться на константинопольскую конференцію Россія уже потому была не въ правѣ, что конвенція съ Австро-Венгріею была заключена позже, а слѣдовательно всему тому, что было говорено и условлено до нея, она подводила итогъ. Помѣнявшись ролями, теперь Австрія упрекала Россію въ вѣроломствѣ. Вопросы политической этики всегда болѣе или менѣе спорны. Но, ставъ на точку зрѣнія исключительно практическую и военную, нельзя не признать — минута, которую для разрыва съ Австріею выбралъ князь Горчаковъ, была самая неподходящая. Наша армія на плечахъ непріятеля переваливала черезъ Балканы. На морѣ господствовалъ турецкій флотъ, а къ нему во всякое время могла подплыть и присоединиться англійская эскадра. На алтарь какого-то фантастическаго общественнаго мнѣнія съ легкимъ сердцемъ старый канцлеръ принесъ въ жертву и безопасность сообщеній дѣйствующей арміи, и международное положеніе Россіи. Разувѣрившись въ Россіи, Австрія начала искать сближенія съ Англіею.

„Назначенный уполномоченнымъ для заключенія мира съ Турціею, генералъ Н. П. Игнатьевъ къ выѣзду изъ Петербурга въ армію дѣлалъ сборы. О существованіи конвенціи 3 января 1877 года и ея двухъ главнѣйшихъ пунктовъ — отдачи Босніи и Герцеговины въ дискреціонное распоряженіе австрійскаго императора и недопущенія на Балканскомъ полуостровѣ образованія значительнаго государства,— даже не подозрѣвая, онъ былъ всецѣло поглощенъ разработкою, разумѣется, въ духѣ началъ константинопольской конференціи, прелиминаріевъ С.-Стефанскаго мира. Раскрыть ему глаза и предостеречь его князь Горчаковъ не только не счелъ нужнымъ, наоборотъ, въ этомъ направленіи онъ его поощрялъ. На одномъ изъ засѣданій, при видѣ работы генерала Игнатьева, кропотливой, испещренной турецкими и болгарскими названіями, онъ воскликнулъ: „mais c'est un travail de bénédiction". Впослѣдствіи, когда С.-Стефанскій трактатъ былъ обнародованъ и вызвалъ протесты державъ, это не помѣшало ему утверждать: С.-Стефанскій договоръ есть личное дѣло генерала Игнатьева и для него явился сюрпризомъ. „J'ai haussé les épaules",—по петербургскимъ гостинымъ разсказывалъ старый князь.

„Сколько времени продолжалась бы странная мистификація — это неизвѣстно, но тайну конвенціи генералъ Игнатьевъ узналъ совершенно случайно изъ бѣглой фразы генерала Н. И. Обручева: „А мы въ Вѣнѣ по вопросу болгарскихъ границъ руководствовались вашими желаніями“, проговорился генералъ Обручевъ. Страшно пораженный, Н. И. Игнатьевъ бросился къ государю императору, который, въ свою очередь, потребовалъ объясненія отъ Горчакова. „Andrassy, доложилъ канцлеръ, a exigé de Novikow sa parole d'honneur que le général Ignatiew ne saura rien de la convention“ [1]).

Мною не встрѣчено до сихъ поръ возраженія на фактическія данныя, изложенныя въ этихъ страницахъ. Но если это правда, то Австрія имѣла полное основаніе отшатнуться отъ Россіи въ началѣ 1878 года. Личные счеты, несогласія во мнѣніяхъ по дѣламъ Балканскаго полуострова и легкомысліе нашихъ дипломатовъ способствовали тому, что Россія, послѣ побѣдоносной войны съ Турціей, едва не вынуждена была начать войну съ Австріей.

Военныя дѣйствія въ азіатской Турціи.

Дѣйствія нашихъ войскъ на кавказскомъ театрѣ войны имѣли второстепенное значеніе. Первоначально, какъ и на европейскомъ театрѣ, мы имѣли для дѣйствій на азіатскомъ театрѣ недостаточныя силы. Дѣйствующій корпусъ генерала Лорисъ-Меликова первоначально заключалъ въ себѣ 60,000 чел., растянутыхъ на 175 вер. по фронту.

Вслѣдствіе незнанія силъ противника и его расположенія, наши дѣйствія на Кавказѣ первоначально носили медленный и нерѣшительный характеръ. Какъ и на европейскомъ театрѣ, мы на азіатскомъ театрѣ тоже перешли къ оборонѣ. Но по прибытіи подкрѣпленій дѣйствія на кавказскомъ театрѣ, подъ главнымъ начальствомъ великаго князя Михаила Николаевича, повелись энергично, опредѣленно и быстро. Въ кавказской арміи оказалось нѣсколько выдающихся частныхъ начальниковъ, воспитанныхъ кавказскою войною, самостоятельныхъ и предпріимчивыхъ. Среди нихъ особенно выдѣлялись ген. Лазаревъ, Геймапъ и Тергукасовъ. Въ бояхъ подъ Ардаганомъ, Авліаромъ и Деве-Бойну и оборонѣ Баязета выказались отличныя боевыя качества кавказскихъ войскъ и ихъ начальниковъ. Сосѣднія колонны помогали одна другой, и всѣ роды оружія дружно содѣйствовали достиженію побѣды. Но въ особенности кавказскія войска покрыли себя славою при штурмѣ крѣпости Карсъ въ ночь съ 5 на 6 ноября 1877 года. Послѣ тяжелаго ночного боя Карсъ, укрѣпленный долговременной профили фортами, былъ взятъ, съ потерею въ нашихъ войскахъ 2,275 чел. Трофеями были 303 ор. и 9,000 плѣнныхъ турокъ.

Частныя неудачи кавказскія войска испытали: подъ Зивинымъ 13 іюня 1877 г., гдѣ мы потеряли 861 чел. убитыми и ранеными, и 18 января

[1]) Ю. С. Карцовъ „За кулисами дипломатіи“, стр. 61—64.

1878 г. при атакѣ кобулетскимъ отрядомъ (14 бат. и 36 ор.) цихисдзирской позиціи, гдѣ мы потеряли около 1,200 чел. убитыми и ранеными.

Перемиріе на кавказскомъ театрѣ было заключено 21 января, и на основаніи условій, подписанныхъ въ Адріанополѣ турками, Эрзерумъ былъ переданъ нашимъ войскамъ 11 февраля.

Какъ и на европейскомъ театрѣ, прекращеніе военныхъ дѣйствій совпало съ открытіемъ сильной болѣзненности въ войскахъ. Госпитальная часть на кавказскомъ театрѣ, особенно въ эрзерумскомъ районѣ, была организована неудовлетворительно; при неустройствѣ госпитальной части число больныхъ вскорѣ уже считалось тысячами, и этотъ новый врагъ въ короткое время унесъ несравненно болѣе жертвъ, чѣмъ кровавые бои всей кампаніи [1]). Умеръ отъ тифа одинъ изъ героевъ кавказскихъ войскъ ген. Гейманъ.

Санъ-Стефанскій мирный договоръ.

19 февраля въ С.-Стефано подписанъ былъ мирный договоръ съ турками, получившій наименованіе С.-Стефанскаго [2]). По этому договору Турція обязалась:

1) Признать независимость княжествъ сербскаго и румынскаго.

2) Уступить Россіи Добруджу въ 244 кв. мили для обмѣна съ Румыніею на часть Бессарабіи въ 167 кв. миль (присоединенную къ Румыніи отъ Россіи по Парижскому трактату 1856 г.).

3) Уступить Россіи въ Азіи: Ардаганъ, Карсъ, Батумъ и Баязетъ съ территоріею до Сагаплугскаго хребта—въ 645 кв. миль.

4) Отдѣлить для вновь образуемаго княжества болгарскаго 3,091 кв. м.

Въ этомъ договорѣ, въ нарушеніе соглашенія съ Австріей въ Рейхштадтѣ, подтвержденнаго особою конвенціею, допущено было образованіе сильнаго славянскаго государства болгарскаго, и въ то же время не выполнено было обѣщаніе передать Австріи Боснію и Герцеговину. Въ этихъ провинціяхъ по § XIV С.-Стефанскаго договора турки обязывались ввести реформы подъ наблюденіемъ представителей державъ. Чтобы судить, какое преобладающее положеніе заняла бы Болгарія на Балканскомъ уполостровѣ, если бы осталась въ границахъ С.-Стефанскаго договора, достаточно указать, что Сербія по С.-Стефанскому договору предполагалась площадью всего въ 848 кв. м., а Болгарія проектировалась въ 3,091 кв. м., т. е. почти въ 4 раза больше. Добавимъ, что въ проектированныхъ границахъ Болгарія придвигалась къ морю и закрывала для Австріи направленіе на Салоники.

Австрія и Англія, занявъ враждебное по отношенію къ Россіи положеніе, добились пересмотра С.-Стефанскаго договора на Берлинскомъ конгрессѣ.

---

[1]) „Обзоръ войнъ“, ч. IV, кн. 1, стр. 487.

[2]) Картогр. прил. № 32 (карта Балканскаго полуострова).

Побѣдоносная Россія послала своихъ представителей въ Берлинъ на поклонъ всесильному Бисмарку. Наши представители, къ удивленію самого Бисмарка, недостаточно энергично и умѣло отстаивали условія С.-Стефанскаго договора, и по трактату, заключенному въ Берлинѣ 13 іюня 1878 г., С.-Стефанскій договоръ былъ значительно видоизмѣненъ: княжества румынское и сербское признаны независимыми, но для образованія вассальнаго княжества болгарскаго было отдѣлено всего 1,163 кв. милл. Правда, одновременно постановлено отдѣлить подъ автономную провинцію—восточную Румелію 639 кв. милл. Даже соединясь съ Румеліей (что произошло вскорѣ послѣ войны), Болгарія заключала въ себѣ 1,802 кв. мили, а не 3,091 кв. милю, какъ то было предположено С.-Стефанскимъ договоромъ.

Въ Азіи, вмѣсто 645 кв. милъ, представители Европы согласились уступить Россіи 468 кв. милъ. Этимъ договоромъ закрѣплено было состоявшееся передъ войною соглашеніе между Россіей и Австріей относительно Босніи и Герцеговины: по ст. XXV Берлинскаго договора Австро-Венгріи дозволено занятіе и управленіе Боспіей и Герцеговиной, пространствомъ въ 1,093 кв. мили.

Кромѣ того, Берлинскимъ трактатомъ прибавлено было Греціи 299 кв. милъ. Независимо рѣшеній Берлинскаго конгресса, по особой конвенціи, заключенной Англіей 4 іюля 1878 г. тайно отъ всѣхъ державъ во время хода засѣданій въ Берлинѣ, Англія получила островъ Кипръ, пространствомъ въ 174 кв. мили.

Послѣ защиты Европою интересовъ турокъ противъ Россіи, неожиданно для турокъ и русскихъ, получился слѣдующій невыгодный для турокъ результатъ. По Берлинскому трактату на европейскомъ материкѣ во владѣніи Турціи всѣхъ земель — автономныхъ, вассальныхъ и непосредственнаго владѣнія осталось меньше, чѣмъ по С.-Стефанскому договору, на 1,322 кв. мили.

По поводу мотивовъ, которыми руководствовались представители европейскихъ государствъ, перекраивая владѣнія турокъ на иной ладъ, чѣмъ то было предположено по С.-Стефанскому договору, И. Стрѣльбицкій пишетъ [1]):

„Протоколами Берлинскаго конгресса и постановленіями Берлинскаго трактата ясно выразились истинныя цѣли и стремленія каждаго изъ западныхъ европейскихъ государствъ, маскируемыя поддержаніемъ независимости и неприкосновенности владѣній оттоманской имперіи. На дѣлѣ оказалось, что соблюденіе интересовъ блистательной Порты далеко не входило и не входитъ въ ихъ соображенія: они исключительно заинтересованы тѣмъ, чтобы не допустить на Балканскомъ полуостровѣ значительнаго усиленія славянскаго элемента и русскаго вліянія, а самимъ по возможности, въ большей или меньшей мѣрѣ, и притомъ безъ жертвъ, воспользоваться достояніемъ нѣкогда

[1]) И. Стрѣльбицкій „Владѣнія турокъ на материкѣ Европы", стр. 19—20.

страшной для нихъ, а теперь, при помощи русскаго оружія, распадающейся имперіи османовъ. Уменьшеніе предѣловъ маленькаго княжества черногорскаго и будущаго княжества болгарскаго, раздѣленіе болгарскаго народа на двѣ неестественныя части—автономную и вассальную и, наконецъ, самыя завладѣнія, сдѣланныя Австріею и Англіею, и притомъ отъ дружественной имъ державы, неприкосновенность владѣній коей явились на конгрессѣ защищать, служатъ тому наилучшимъ доказательствомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ это должно служить поучительнымъ примѣромъ для блистательной Порты, чего она должна ожидать отъ своихъ западно-европейскихъ друзей".

Въ войнѣ съ турками въ 1877—1878 гг. послѣдовательно участвовало 1,030,000 чел. Убитыми и ранеными наша армія потеряла 79,000 человѣкъ и выбывшими изъ строя больными 180,000 чел., всего 259,000 человѣкъ.

За все время войны на укомплектованіе арміи было выслано 147,000 чел.

Ко времени окончанія войны составъ нашей арміи въ европейской и азіатской Турціи былъ 755,000 чел. при 1,824 ор. и 215,000 лошадей. Кромѣ того, внутри Россіи было приведено на военное положеніе 460,000 чел. и 86,000 лош.; всего въ іюлѣ 1878 г. въ русской арміи состояло 39,000 офицеровъ, 13,000 классныхъ чиновниковъ, 1,624,000 нижнихъ чиновъ и 244,000 лошадей.

Русско-турецкая война обошлась Россіи свыше одного милліарда рублей [1]). Въ томъ числѣ произведено расходовъ на военныя надобности, связанныя съ войною въ Турціи 1877—1878 гг.: въ 1876 г.— до 51 мил. рублей, въ 1877 г.— до 429 мил. рублей, въ 1878 г. — до 408 мил. рублей, въ 1879 г. — до 132 мил. рублей и въ 1880 г. — до 55 мил. рублей [2]).

Заключенія по войнѣ 1877—1878 годовъ.

1) Политическая подготовка войны была недостаточная. Союзниковъ среди первостепенныхъ державъ мы не имѣли. Англія относилась къ Россіи враждебно и помогала туркамъ. Германія держала дружественный нейтралитетъ. Съ Австріею было заключено соглашеніе, но при заключеніи мира мы, безъ пользы для Россіи, по легкомыслію нашихъ дипломатовъ, нарушили это соглашеніе.

2) Въ результатѣ неудачной политической подготовки войны, разбивъ турецкія войска и дойдя до Константинополя, Россія едва не была втянута въ новую войну съ Австріей и Англіей. Совершенно безкорыстно затративъ свыше милліарда русскихъ денегъ, проливъ кровь 80,000 русскихъ людей, не требуя мирнымъ договоромъ въ С.-Стефано нужнаго для Россіи участка Босфора, Россія была судима

---

[1]) „Сборникъ матеріаловъ по русско-турецкой войнѣ", вып. II.

[2]) С. Татищевъ „Императоръ Александръ II", стр. 179.

на Берлинскомъ конгрессѣ и обрѣзана даже въ тѣхъ незначительныхъ требованіяхъ на азіатскомъ материкѣ, на которыя согласилась Турція.

Какъ въ сущности мало представители Европы заботились объ интересахъ опекаемой ими Турціи, видно изъ того, что по Берлинскому трактату Турція потеряла болѣе, чѣмъ по С.-Стефанскому договору. Результаты войны для державъ—охранительницъ турецкаго наслѣдія—Англіи и Австріи—оказались болѣе выгодными, чѣмъ для Россіи, побѣдившей Турцію.

Этотъ результатъ имѣетъ большую поучительность для будущаго. Несомнѣнно, что если, напримѣръ, Австрія, увлекаемая воинственнымъ настроеніемъ, питаемымъ увѣренностью въ поддержкѣ Германіи, даже побѣдитъ на Балканскомъ полуостровѣ то или другое изъ основанныхъ на немъ русскою кровью государствъ, въ результатѣ войны она можетъ и не получить тѣхъ выгодъ, на которыя разсчитывала, начиная войну. Она даже послѣ побѣдоносной войны не минуетъ суда европейскаго.

3) Для народностей Балканскаго полуострова война 1877—1878 гг. имѣла огромное благотворное значеніе. Для нихъ эта война была въ полномъ смыслѣ этого слова освободительною. Румынія и Сербія получили независимость. Главная масса болгарскаго населенія была освобождена отъ турецкаго ига и составила два владѣнія: одно вассальное, другое автономное. Заложивъ прочное основаніе болгарской арміи еще во время стоянки нашихъ войскъ подъ С.-Стефано, Россія подготовила этимъ и соединеніе двухъ частей Болгаріи, искусственно Берлинскимъ договоромъ разъединенныхъ, въ одно княжество. Черногорія и Греція получили увеличеніе своихъ территорій. Боснія и Герцеговина изъ-подъ власти турокъ попали въ управленіе Австріи. Только въ будущемъ можно будетъ сдѣлать безпристрастное заключеніе: выиграло ли или проиграло населеніе этихъ провинцій отъ такого результата ихъ возстанія противъ турокъ. Можно однако и нынѣ уже напомнить этому населенію, что отъ его воли зависѣло остаться подъ властью турокъ и получить реформы, которыя неизбѣжно привели бы къ автономному положенію. Отвергнувъ рѣшеніе по этому поводу державъ и предъявивъ невыполнимыя для Турціи требованія, населеніе этихъ провинцій само подготовило новое рѣшеніе, по которому оно подпало подъ власть Австріи.

4) Несмотря на нейтралитетъ Пруссіи и соглашеніе съ Австріею, все же, какъ и въ прежнія войны съ Турціею, главная масса русскихъ войскъ осталась въ европейской Россіи и первоначально для дѣйствій противъ турокъ были назначены недостаточныя силы и ихъ пришлось болѣе чѣмъ удвоить.

5) Силы турокъ и ихъ боевая готовность не были достаточно извѣстны. Мѣстныя средства Балканскаго театра войны оцѣнивались много ниже, чѣмъ оказались въ дѣйствительности. Новое вооруженіе

и новый способъ дѣйствій турокъ (огромное количество выпускаемыхъ патроновъ), вмѣстѣ съ искуснымъ укрѣпленіемъ позицій, повели къ тому, что даже при искусномъ руководствѣ войсками успѣхи стали достигаться съ большими жертвами, а при наступательныхъ дѣйствіяхъ требовалось превосходство въ силахъ. Тамъ же, гдѣ управленіе войсками со стороны главныхъ и частныхъ начальниковъ не было искусно, наши войска терпѣли тяжелыя неудачи, особенно при трехъ штурмахъ Плевны. Неудачи подъ Плевной привели къ небывалому до тѣхъ поръ въ войнахъ съ Турціей результату: имѣя на европейскомъ театрѣ значительное превосходство въ силахъ противъ турокъ, мы отъ наступленія перешли на нѣсколько мѣсяцевъ къ оборонѣ, въ ожиданіи подхода подкрѣпленій и паденія Плевны.

Эту Плевну, укрѣпленную въ сущности полевой профили укрѣпленіями, безъ искусственныхъ препятствій и обороны рвовъ, безъ серьезныхъ блиндажей, имѣя тройныя противъ турокъ силы (считая и румынскія войска), мы не рѣшаемся брать открытою силою или ускоренною осадою, а блокируемъ и ждемъ истощенія у турокъ жизненныхъ запасовъ, размѣръ которыхъ былъ намъ неизвѣстенъ.

Въ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ, какъ и въ прежнія войны, проявлены большая храбрость и выносливость. Тактическая подготовка значительно подвинулась впередъ послѣ войны 1853—1856 годовъ. Но начальственному персоналу на европейскомъ театрѣ войны можно было сдѣлать много упрековъ въ неумѣломъ веденіи боя, безъ связи по фронту и въ глубину, въ неумѣломъ употребленіи всѣхъ родовъ оружія къ достиженію побѣды. Вся трудность боя на европейскомъ театрѣ войны выпадала на пѣхоту при относительно маломъ (за нѣкоторыми исключеніями) содѣйствіи со стороны артиллеріи и почти полномъ бездѣйствіи, какъ и въ севастопольскую войну, со стороны конницы. На кавказскомъ театрѣ войны частные начальники отличались большею самостоятельностью, предпріимчивостью, умѣніемъ правильно оцѣнивать боевую обстановку; артиллерія и конница на кавказскомъ театрѣ войны дружно помогали пѣхотѣ. Главный подвигъ нашихъ войскъ въ войну въ наступательномъ смыслѣ — это штурмъ Карса, въ оборонительномъ — оборона Шипки и Баязета. Переходъ русскихъ войскъ черезъ Балканы также составилъ славную страницу въ русской военной исторіи.

Въ эту войну среди частныхъ начальниковъ войскъ выдѣлились такіе выдающіеся генералы, какъ Скобелевъ, Гурко, Тотлебенъ, Радецкій, Лазаревъ, Тергукасовъ, Гейманъ. Эти начальники во многомъ облегчили трудное командованіе арміями. Унтеръ-офицерскій составъ въ войну 1877 — 1878 годовъ оказался слабѣе, чѣмъ былъ въ севастопольскую войну; офицерскій составъ въ общемъ, особенно до командира баталіона включительно, былъ болѣе подготовленъ, чѣмъ въ 1853 — 1856 гг.

6) Недостаточность денежныхъ отпусковъ на нашу армію сказа-

лась въ отсталости въ техническомъ отношеніи. Вооруженіе русскихъ войскъ оказалось худшимъ, чѣмъ у турокъ. Имѣя возможность за 7 лѣтъ создать хотя небольшой боевой флотъ на Черномъ морѣ, мы не воспользовались этой возможностью. Наши техническія средства—понтонныя, саперныя и артиллерійскія были устарѣвшихъ типовъ. Привезенныя подъ Плевну осадныя орудія были слабы и тоже устарѣлыхъ образцовъ.

7) Малая культурность Россіи, какъ и въ севастопольскую войну, сказалась относительнымъ бездорожьемъ. Передвиженіе подкрѣпленій совершалось медленно. Проложеніе желѣзной дороги по Болгаріи такъ и не состоялось. Долгое время связь арміи съ Румыніей основывалась на слабаго типа понтонномъ мостѣ черезъ Дунай у Систова.

8) Часть русскаго населенія была патріотически настроена при началѣ войны, но послѣ первыхъ неудачъ настроеніе это перемѣнилось, и находились даже среди правящаго класса лица, которыя въ Петербургѣ занимались критикой дѣйствій арміи, злорадствуя при ея неудачѣ. Утомленіе войною сказалось при стоянкѣ подъ С.-Стефано даже въ верхахъ арміи.

9) Санитарная часть арміи и часть продовольственная оставляли желать лучшаго. Укомплектованіе войскъ происходило безъ большихъ задержекъ.

10) Несмотря на относительно короткій періодъ военныхъ дѣйствій, расходы по веденію войны превысили одинъ милліардъ рублей. Этотъ расходъ, въ связи съ пріостановкой дѣятельности населенія во многихъ случаяхъ, въ связи съ потерею сотни тысячъ убитыхъ и умершихъ, въ связи съ паденіемъ курса, тяжело отразился на экономическомъ положеніи населенія Россіи; какъ пророчески предсказывалъ Рейтернъ, расходъ этотъ способствовалъ и росту недовольства населенія, чѣмъ пользовались революціонные элементы.

11) Въ войну 1877—1878 гг. Россія подвинула могучимъ образомъ рѣшеніе восточнаго вопроса, ослабивъ Турцію и освободивъ изъ-подъ турецкой зависимости населеніе болгарское, сербское и румынское.

Но собственно по отношенію Россіи эта война не приблизила ее къ окончанію ея исторической задачи по выходу къ Черному морю, къ занятію части Босфора, хотя обстановка складывалась для сего весьма благопріятно.

Войною 1877 — 1878 годовъ окончилась въ XIX столѣтіи серія войнъ, веденныхъ Россіей съ Турціей въ цѣляхъ освободительныхъ.

Греція, Румынія, Сербія и Болгарія получили самостоятельное существованіе, главнымъ образомъ, цѣною русской крови и цѣною ослабленія русскаго племени.

Надо надѣяться, что въ XX столѣтіи Россія сосредоточитъ свои усилія на уврачеваніи тѣхъ ранъ, которыя были нанесены ей въ теченіе XIX столѣтія самоотверженною работою на пользу другихъ народовъ.

ГЛАВА XXVIII.

Значеніе для Россіи Босфора.

Краткая справка по вопросу о проливахъ на основаніи труда С. Горянинова: „Босфоръ и Дарданеллы". Заключеніе по этому вопросу.

Въ XVIII столѣтіи, какъ изложено въ предыдущихъ главахъ, русское племя достигло поставленныхъ ему цѣлей по отношенію къ Турціи: выходъ къ Черному морю былъ обезпеченъ Россіи отъ устьевъ Днѣстра до устья Кубани, и Крымъ вошелъ въ составъ Россійской имперіи. Рѣка Днѣстръ составила на западѣ границу съ турецкими владѣніями. Но Босфоръ оставался въ рукахъ турокъ, и потому новая южная граница Россіи по берегу Чернаго моря не могла еще признаваться вполнѣ обезпеченною. Поэтому, если Россіи и могли предстоять въ XIX столѣтіи задачи по отношенію къ Турціи, связанныя съ предыдущею національною политикою, то лишь *по утвержденію нашему на Босфорѣ*, съ оставленіемъ Константинополя и Дарданеллъ во власти турокъ.

Занятіе въ началѣ XIX столѣтія Россіею Босфора могло произойти по соглашенію съ Франціею, если бы мы не вмѣшались въ дѣла Франціи съ Австріею, Пруссіею и Англіею. Занятіе Россіею Константинополя и Дарданеллъ несомнѣнно носило бы наступательный характеръ и, даже допущенное въ первые годы XIX столѣтія державами, занятыми борьбою съ Наполеономъ, тотчасъ по окончаніи этой борьбы вызвало бы коалиціонную борьбу съ нѣсколькими европейскими державами, въ особенности съ Англіею. Но занятіе только части Босфора, примыкающей къ Черному морю, безъ покушеній на владѣніе Константинополемъ и Дарданеллами, носило бы лишь оборонительный характеръ и, при отказѣ со стороны Россіи отъ отдѣльнаго вмѣшательства въ дѣла Молдавіи, Валахіи и вообще въ дѣла христіанскаго населенія Балканскаго полуострова, могло и не вызвать противодѣйствія другихъ державъ.

Не стѣсняя торговаго движенія на Черномъ морѣ и охраняя входъ въ Черное море лишь въ военномъ отношеніи, Россія, даже владѣя ключомъ къ Черному морю, не наносила бы существеннаго вреда экономическимъ интересамъ европейскихъ государствъ. Поло-

женіе Константинополя, связывающаго материкъ европейскій съ азіатскимъ и составляющаго узелъ путей, имѣющихъ міровое значеніе, во всѣ времена представляло огромныя выгоды,— политическія, экономическія и военныя. Поэтому занятіе Константинополя Россіею нарушало бы самымъ существеннымъ образомъ интересы другихъ державъ и вызвало бы ихъ постоянныя заботы къ вытѣсненію Россіи изъ этого пункта, если бы мы его заняли.

Владѣніе Дарданеллами возможно для Россіи только при занятіи ею и Константинополя. Владѣніе частью Босфора вполнѣ возможно и не занимая Константинополя. Занятіе Дарданеллъ, Константинополя и Босфора — это война со всею Европою. Занятіе только Босфора — это то же, что занятіе англичанами Гибралтара, съ чѣмъ давно помирились. Утвержденіе только на Босфорѣ — это охрана Чернаго моря. Утвержденіе въ Дарданеллахъ — это покушеніе Россіи на владѣніе, совмѣстно съ другими державами, Средиземнымъ моремъ.

Между тѣмъ, при недостаточномъ вниманіи къ тѣмъ послѣдствіямъ, какія могло бы имѣть занятіе Россіею Константинополя, мечты русскихъ людей издавна клонились къ водруженію вновь креста на храмъ Св. Софіи. Въ мечтаніяхъ этихъ дѣятелей на первомъ планѣ являлся вопросъ религіозный.

Въ серединѣ XVIII столѣтія мы видѣли, что при заключеніи союза Россіи съ Австріею противъ Пруссіи предполагалось, побѣдивъ Пруссію, обратить оружіе противъ Турціи, съ цѣлью сосредоточить всю левантскую торговлю въ рукахъ Россіи. Такое сосредоточеніе возможно было только при овладѣніи Константинополемъ. Позже, при Екатеринѣ II, въ концѣ XVIII столѣтія, возникъ такъ называемый „греческій проектъ“, по которому предполагалось, что Константинополь съ другими турецкими владѣніями образуетъ, по изгнаніи турокъ, особое самостоятельное государство, династически связанное съ Россіею. Предполагалось главою этого новаго фантастическаго на греческій образецъ государства назначить великаго князя Константина Павловича.

Въ XIX столѣтіи наши отношенія къ туркамъ и разнымъ народностямъ Балканскаго полуострова сильно усложняются. То мы воюемъ съ Турціею, то дружимъ съ нею—до подачи помощи противъ ея вассаловъ.

По отношенію къ народностямъ, населяющимъ Балканскій полуостровъ, Россія то дѣйствуетъ вполнѣ безкорыстно, то требуетъ за принесенныя жертвы права вмѣшательства въ чужія дѣла (Сербія, Болгарія), то выражаетъ намѣреніе присоединить ту или другую часть изъ освобожденныхъ ею отъ Турціи земель съ христіанскимъ населеніемъ (Молдавія и Валахія). Въ 1808 году императоръ Александръ I ведетъ переговоры съ Наполеономъ о раздѣлѣ Турціи и, заявляя намѣреніе получить Константинополь, доказываетъ, что этотъ пунктъ служитъ ключомъ къ его дому.

По отношенію къ государствамъ Европы Россія неизмѣнно прикрываетъ свое вмѣшательство въ турецкія дѣла заботою объ охранѣ христіанскаго населенія отъ турецкаго ига. Но такъ какъ вмѣстѣ съ этими заботами обнаруживаются и намѣренія Россіи вознаградить себя за принесенныя жертвы тою или другою частью турецкихъ владѣній, и стремленіе Россіи занять господствующее положеніе даже въ такихъ земляхъ (Сербія), которыя лежатъ въ сферѣ ближайшихъ интересовъ Австріи, то къ дѣятельности Россіи на Балканскомъ полуостровѣ другія державы начинаютъ относиться подозрительно. Подозрительность эта особенно увеличивается, когда, одновременно съ провозглашеніемъ съ высоты трона безкорыстія цѣлей Россіи при отстаиваніи ею турецкихъ христіанъ, ведутся переговоры о раздѣлѣ Турціи. Неудивительно поэтому, что всѣ европейскія державы все XIX столѣтіе съ явнымъ недовѣріемъ относились къ роли Россіи въ Турціи, не довѣряли ея платоническимъ планамъ, считали, что овладѣніе Константинополемъ составляетъ секретную цѣль всѣхъ войнъ, веденныхъ въ XIX столѣтіи Россіею съ Турціею, и дружно противились этой мнимой цѣли.

Результатомъ войнъ, веденныхъ Россіею съ Турціею въ XIX столѣтіи, было отторженіе отъ европейскихъ владѣній Турціи большей части ея территоріи. На долю Россіи изъ европейскихъ владѣній Турціи досталась мѣстность между рр. Днѣстромъ и Прутомъ въ 828 кв. миль. Въ то же время побѣдами русскихъ войскъ въ XIX столѣтіи было отторгнуто отъ европейскихъ владѣній Турціи 4,552 квадр. мили съ образованіемъ на этой территоріи независимыхъ государствъ — Греціи, Румыніи, Сербіи и Болгаріи и, кромѣ того, послѣ побѣды Россіи надъ турками, по предварительному соглашенію Австріи съ Россіею, утвержденному на Берлинскомъ конгрессѣ, Австрія получила право *„занять и управлять“ Боснією и Герцеговиною*, пространствомъ въ 1,094 квадратныхъ мили. Въ непосредственномъ владѣніи турокъ на европейскомъ материкѣ послѣ войнъ Турціи съ Россіею осталось по Берлинскому трактату 1879 года лишь 2,755 кв. миль.

Вмѣшательство Россіи въ дѣла Балканскаго полуострова въ XIX столѣтіи вызвало четыре войны, въ томъ числѣ одну съ коалиціею державъ, а именно: въ 1806—1812 гг., въ 1828—1829 гг., въ 1853—1856 гг. и въ 1877—1878 годахъ.

Въ теченіе этихъ четырехъ войнъ Россіею разновременно было выставлено 3,080,000 войскъ; наибольшій составъ войскъ, одновременно принимавшій участіе въ этихъ войнахъ, составлялъ 1,742,000 чел. За всѣ эти войны мы потеряли убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими 246,000 чел. и выбывшими изъ строя больными 463,000 чел.

Расходы на эти войны не могутъ быть, по неимѣнію матеріаловъ, мною указаны, но они очень велики. Напряженіе, которое должно было вынести русское племя при веденіи этихъ войнъ, не могло не

отразиться понижепіемъ его достатка и замедленіемъ культурнаго роста.

Очевидно, не полоса земли между Дпѣстромъ и Прутомъ, мало усилившая могущество Россіи, вслѣдствіе разноплеменности населенія этого участка, могла бы удовлетворить Россію за понесенныя жертвы въ пользу другихъ народностей и государствъ.

Единственное вознагражденіе, которое могло бы усилить Россію и дать ей спокойствіе на будущее время — занятіе части Босфора, — не было достигнуто, потому что опредѣленно эта задача и не ставилась ни нашимъ сухопутнымъ войскамъ, ни флоту. Поэтому съ полнымъ основаніемъ можно считать войны Россіи съ Турціею въ XIX столѣтіи войнами *освободительными*, войнами, веденными не въ цѣляхъ русской національной политики, а въ цѣляхъ защиты и устройства, даже въ ущербъ русскимъ интересамъ, подчиненнаго Турціи населенія: греческаго, румынскаго, сербскаго и болгарскаго.

Но такъ какъ во всѣхъ веденныхъ въ XIX столѣтіи войнахъ возникалъ вопросъ о проливахъ и такъ какъ вопросъ этотъ составлялъ предметъ сужденія монарховъ Европы, въ предположеніи раздѣла турецкихъ владѣній, то ниже я кратко изложу, главнымъ образомъ на основаніи капитальнаго труда С. Горяинова „Босфоръ и Дарданеллы“, какими цѣлями задавалось въ XIX столѣтіи русское правительство по отношенію къ Босфору, Константинополю и Дарданелламъ.

Краткая справка по вопросу о проливахъ на основаніи труда С. Горяинова «Босфоръ и Дарданеллы».

Петръ Великій, завоевавъ Азовъ, снарядилъ первый русскій военный корабль, который въ 1699 году прибылъ въ Константинополь съ первымъ русскимъ чрезвычайнымъ посланникомъ Украинцевымъ. Ему было поручено заключить мирный договоръ, которымъ, между прочимъ, разрѣшалось бы русскимъ судамъ свободное плаваніе по Черному морю отъ Азова и Таганрога до Константинополя. Порта отказала въ этомъ, ибо въ то время смотрѣла на Черное море „какъ на домъ свой внутренній, куда нельзя пускать иноземца“.

Даже въ 1739 году, послѣ побѣды русскихъ войскъ надъ турками при Ставучанахъ и другихъ пунктахъ, Порта, при поддержкѣ Франціи, настояла на томъ, чтобы на Черномъ морѣ Россія не могла имѣть ни военнаго, ни торговаго флота и чтобы вся торговля по Черному морю производилась на судахъ, принадлежащихъ турецкимъ подданнымъ.

Только по Кучукъ-Кайнарджійскому миру, послѣ побѣдъ Румянцева и Суворова, было разрѣшено плаваніе „русскимъ торговымъ судамъ изъ Чернаго моря въ Бѣлое и изъ Бѣлаго въ Черное“. Проходъ военныхъ судовъ черезъ Босфоръ былъ запрещенъ. Въ царствованіе

Павла I, когда Бонапартъ открылъ военныя дѣйствія противъ турокъ въ Египтѣ, Порта обратилась за помощью къ Россіи. Это былъ первый случай утвердиться на Босфорѣ. Русскій военный флотъ, подъ начальствомъ адмирала Ушакова, вошелъ въ Босфоръ, и совмѣстными дѣйствіями русско-турецкаго флота французы были вынуждены оставить Іоническіе острова, на которыхъ и была учреждена республика, находившаяся подъ покровительствомъ Россіи, но платившая дань султану. Іоническіе острова были заняты русскими войсками.

Союзнымъ договоромъ, заключеннымъ на 8 лѣтъ, Турція открыла свободное плаваніе русскому военному флоту изъ Чернаго моря въ Средиземное и обратно.

Въ 1805 году договоръ этотъ былъ продолженъ еще на 9 лѣтъ.

Побѣда Наполеона надъ русскими войсками въ 1805 году подъ Аустерлицемъ обратила турокъ на сторону Франціи. Мы сами дали поводъ тревожиться нашими дѣйствіями въ Средиземномъ морѣ не только французамъ, но и другимъ народамъ, обитавшимъ по побережью Средиземнаго моря. Занимая, ко вреду для Россіи, нашими войсками Іоническіе острова, мы заняли своими войсками еще и г. Катарро.

По требованію Франціи, Турція стала дѣлать затрудненія проходу нашихъ военныхъ судовъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы, что было настоятельно необходимо для посылки подкрѣпленій и запасовъ нашимъ войскамъ, занимавшимъ Іоническіе острова и г. Катарро.

Несмотря на то, что турки хотя и дѣлали затрудненія, но все же пропускали наши суда, въ виду несомнѣннаго колебанія Турціи въ сторону Франціи, въ видахъ понудить ее къ исполненію требованій русскаго правительства, русскія войска, подъ начальствомъ ген. Михельсона, въ 1806 г. вступили въ Молдавію, а 27 декабря того же года была объявлена война между Россіею и Турціею.

Турціи было предложено разорвать дипломатическія отношенія съ Франціею, заключить договоръ съ Англіею, которая ввела свой флотъ въ Дарданеллы и намѣревалась занять проливы до заключенія мира, [1]) и подтвердить всѣ договоры съ Россіею. При соблюденіи этихъ условій было дано обѣщаніе вывести наши войска изъ Молдавіи.

Но въ это время произошли событія, измѣнившія положеніе большей части державъ въ Европѣ. Послѣ пораженія русскихъ войскъ подъ Фридландомъ былъ заключенъ въ іюнѣ 1807 г. Тильзитскій миръ, по которому было обусловлено, между прочимъ, прекращеніе военныхъ дѣйствій между Россіею и Турціею, съ очищеніемъ русскими войсками княжествъ.

Императоръ Александръ I согласился принять посредничество Франціи къ заключенію выгоднаго для Россіи мира, при чемъ, въ

[1]) Англійскій флотъ прошелъ Дарданеллы, несмотря на существовавшія укрѣпленія, и появился подъ Константинополемъ.

случаѣ неудачи посредничества, Франція должна была соединиться съ Россіею противъ Турціи, *„чтобы изъять всѣ области оттоманской имперіи въ Европѣ изъ власти и гнета турокъ, за исключеніемъ Константинополя и Румеліи“* [1]).

Являлся такимъ образомъ второй случай, не трогая Константинополя, получить поддержку Франціи на занятіе Россіею Босфора.

Въ сущности указанное выше предположеніе Александра I и Наполеона въ 1807 г. послужило программою, которую Россія выполняла за свой счетъ, но безъ существенныхъ для себя выгодъ, въ теченіе 70 лѣтъ XIX столѣтія. Нынѣ изъ этой программы не выполненъ только одинъ пунктъ: Македонія еще въ турецкихъ рукахъ. Позволительно надѣяться, что эта послѣдняя часть программы будетъ выполнена безъ участія русской военной силы, безъ затраты русскихъ денегъ.

Князь Прозоровскій, которому было поручено вести переговоры, при поддержкѣ Франціи, съ Турціею, проектировалъ уничтожить статью договора о правѣ прохода военныхъ судовъ черезъ проливы, ограничивъ одновременный проходъ не болѣе какъ трехъ судовъ. Относительно переговоровъ о раздѣлѣ турецкихъ владѣній князь Прозоровскій опасался, что Наполеонъ пожелаетъ присвоить себѣ европейскую часть турецкой имперіи.

„Князь Прозоровскій полагалъ, что при раздѣлѣ намъ необходимо было получить Константинополь, полуостровъ Морею, острова Тенедосъ и Лемносъ, такъ какъ эти послѣдніе закрываютъ входъ въ Дарданеллы, а Морея дастъ Россіи вліяніе и въ Адріатическомъ морѣ.

„Обладаніе Константинополемъ и Дарданеллами явилось дѣйствительно камнемъ преткновенія въ переговорахъ, которые велись между императорами Александромъ и Наполеономъ относительно раздѣла оттоманской имперіи. Александръ доказывалъ, что *Константинополь служитъ ключомъ* къ его дому; французскій посолъ Коленкуръ ему возражалъ, что въ такомъ случаѣ Россія бы *получила ключъ къ Тулону, къ Корфу, ко всемірной торговлѣ*. Наполеонъ въ предполагаемомъ дѣлежѣ присваивалъ себѣ *Дарданеллы* и часть Никомидійскаго полуострова до Родоста. На такое требованіе ни императоръ Александръ, ни графъ Румянцевъ не могли согласиться, и на счетъ этой полосы земли, которую графъ Румянцевъ называлъ кошачьимъ языкомъ (langue de chat), между русскимъ канцлеромъ и французскимъ посломъ произошли горячіе споры, не приведшіе ни къ какому результату и оставившіе весь вопросъ о раздѣлѣ неразрѣшеннымъ“ [2]).

Изъ приведенной выписки видно, какъ Наполеонъ оцѣнивалъ значеніе Константинополя. Онъ ошибался въ одномъ: занявъ Константинополь, мы перессорились бы съ цѣлымъ свѣтомъ, пролили бы еще болѣе русской крови, истратили бы еще болѣе русскихъ денегъ,

---

[1]) С. Горяиновъ „Босфоръ и Дарданеллы“, стр. 11, изд. 1907 г.

[2]) Тамъ же, стр. 15.

по ключа къ овладѣнію всемірною торговлею не получили бы. Да и получивъ этотъ ключъ, мы не знали бы, что съ нимъ дѣлать, потому что за послѣднія сто лѣтъ происходила успѣшная работа нашихъ западниковъ, приведшая къ тому, что русское племя утратило способность справляться, безъ помощи иностранцевъ и евреевъ, даже съ внутреннею торговлею Россіи.

Если бы, вмѣсто только пагубнаго для насъ владѣнія Константинополемъ, мы поставили своею цѣлью лишь занятіе Босфора, вѣроятно переговоры завершились бы благополучно, и вмѣсто отечественной войны 1812 г. наши войска, совмѣстно съ французскими, привели бы Турцію въ то состояніе, о которомъ велись переговоры въ 1807 году, а Россія, утвердившись на Босфорѣ, закончила бы этимъ свои внѣшнія предпріятія на западѣ и занялась бы внутренними дѣлами, причисляя къ нимъ Кавказъ, среднюю Азію и Сибирь.

Тильзитскій миръ, направленный противъ Англіи, заставилъ ее сблизиться съ Портою.

Въ договорѣ въ 1809 г. между Портою и Англіею была включена и слѣдующая статья, косвенно отмѣнявшая наше право провода черезъ проливы военныхъ судовъ:

„Въ виду того, что во всякія времена было запрещено военнымъ судамъ входить въ Константинопольскій каналъ, а именно въ проливъ Дарданеллы и Чернаго моря, и такъ какъ это древнее правило оттоманской имперіи должно быть точно также и впредь соблюдаемо въ мирное время въ отношеніи войскъ державы какой бы то ни было, то британскій дворъ обѣщаетъ подчиниться равнымъ образомъ этому правилу“ [1]).

Этотъ договоръ представлялъ еще ту невыгоду для Россіи, что давалъ право Турціи въ случаѣ войны ея съ какою-либо державою открывать проливы по своему усмотрѣнію той или другой изъ державъ.

Несмотря на наши старанія, въ договоръ о мирѣ въ Бухарестѣ въ 1812 г. не было включено статьи о правѣ прохода нашихъ военныхъ судовъ черезъ проливы.

Такъ шли дѣла, когда въ 1829 году, послѣ побѣдъ нашихъ войскъ и занятія ими Адріанополя, снова являлся для Россіи случай добиваться занятія Босфора.

4 сентября 1829 г. въ „секретный комитетъ по восточному вопросу“ поступила замѣчательная записка тайнаго совѣтника Д. В. Дашкова. Въ этомъ тайномъ комитетѣ, подъ предсѣдательствомъ императора Николая I, обсуждался вопросъ: какія надлежитъ принять мѣры въ случаѣ разложенія Турціи. По проекту графа Каподистріи, при раздѣлѣ турецкихъ владѣній, Константинополь долженъ былъ обратиться въ вольный городъ съ ограниченіемъ его владѣній пространствомъ земли вдоль Чернаго и Мраморнаго морей, островомъ Тене-

[1]) С. Горяиновъ, стр. 16.

досомъ и еще двумя укрѣпленными мѣстами на азіатскомъ берегу Босфора, съ тѣмъ, чтобы всѣ прочія укрѣпленія въ сей окружности, а равно около Дарданеллъ, были срыты“ [1]).

Греку Каподистріи не приходила въ голову мысль о необходимости прежде всего обезопасить побережныя владѣнія Россіи на Черномъ морѣ. Эта мысль пришла въ голову не этому греку, а русскому человѣку—Дашкову, который изложилъ въ своей запискѣ замѣчательныя мысли, имѣющія полную цѣнность и нынѣ, черезъ 80 лѣтъ послѣ того, какъ были написаны:

„Въ заключеніе,—излагалъ Дашковъ,—въ случаѣ паденія оттоманской имперіи, если Россія не будетъ обладать Константинополемъ, то ей нуженъ вѣрный залогъ, который бы обезпечилъ невредимость южныхъ ея областей, и никто не могъ бы справедливо укорять ее въ какихъ-либо тайныхъ замыслахъ, *если бы она тогда потребовала себѣ два каменные уголка на обоихъ берегахъ Босфора, у сѣвернаго его устья, для построенія крѣпостей, способныхъ защищать сей проходъ въ случаѣ непріятельскаго нападенія*“ [2]).

Около двадцати пяти лѣтъ тому назадъ я провелъ на Босфорѣ около мѣсяца времени и могу свидѣтельствовать, что эти „*каменные уголки*“ существуютъ и могутъ сослужить Россіи большую службу.

Къ сожалѣнію, въ „тайномъ комитетѣ“ голосъ Дашкова не былъ услышанъ, и члены этого комитета признали, что выгоды отъ сохраненія оттоманской имперіи въ Европѣ превышаютъ невыгоды и что въ случаѣ паденія Порты Россіи предстояло всѣми мѣрами не допускать, чтобы проходъ въ Черное море перешелъ въ руки какой-либо сильной державы. Съ послѣднимъ мнѣніемъ можно вполнѣ согласиться и въ настоящее время.

2 сентября 1829 года въ Адріанополѣ былъ подписанъ договоръ о мирѣ, въ которомъ *даже не упоминалось о правѣ русскаго военнаго флота на проходъ черезъ проливы*. Проходъ черезъ проливы разрѣшался торговымъ судамъ, но не одной Россіи, а всѣхъ дружественныхъ съ Турціей державъ.

Въ 1832 году началось возстаніе египетскаго паши Мехмета-Али. Поддерживаемый Франціею, онъ задавался цѣлью низложить султана.

Государь императоръ Николай I, ранѣе обращенія къ нему просьбы султана о помощи, рѣшилъ вмѣшаться въ эту распрю съ цѣлью остановить успѣхи Мехмета-Али. Въ инструкціи ген. Муравьеву, который посылается съ этою цѣлью къ султану и къ Мехмету-Али, причины вмѣшательства Россіи были объяснены слѣдующимъ образомъ:

„Успѣхи Мехмета-Али повлекутъ гибель султана, паденіе котораго уничтожило бы всѣ выгоды Адріанопольскаго мира, пріобрѣтен-

---

[1]) С. Горянновъ, стр. 22.

[2]) Тамъ же, стр. 22.

ныя Россіею. Государь былъ бы принужденъ взяться вновь за оружіе для защиты своихъ правъ. Торжество Мехмета-Али привело бы къ преобладанію Франціи въ Константинополѣ, гдѣ бы нашли себѣ убѣжище всякіе проходимцы, враждебные Россіи, безъ вѣры и отечества. Кромѣ того, въ лицѣ Мехмета-Али Россія пріобрѣла бы сильнаго сосѣда, упоеннаго побѣдою, вмѣсто сосѣда слабаго и побѣжденнаго, почему въ выгодахъ Россіи предупредить, если возможно, паденіе султана и сохранить Турцію въ томъ положеніи, въ которомъ она находилась. Муравьевъ долженъ былъ требовать отъ Мехмета-Али прекращенія войны, а султану объяснить, что его порученіе не состояло въ предложеніи ни посредничества, ни помощи, а заключалось въ торжественномъ объявленіи намѣреній императора: государь порицалъ возмущеніе и оставался другомъ султана, будетъ ли его непокорный вассалъ торжествовать или выразить свое подчиненіе“ [1]).

Одновременно нашему черноморскому флоту приказано было быть готовымъ къ отплытію.

Первое впечатлѣніе турецкихъ властей, когда Муравьевъ прибылъ въ Стамбулъ, было радостное, но затѣмъ предложеніе Россіи представилось подозрительнымъ, и Порта отказалась отъ предложенной помощи. Но когда Ибрагимъ-паша одержалъ новые успѣхи и двинулся къ Бруссѣ, султанъ самъ приказалъ просить русскаго посланника о помощи.

Султану присылка русской эскадры казалась недостаточной; онъ ходатайствовалъ о выступленіи русскаго корпуса въ 30,000 чел. съ береговъ Дуная для защиты Константинополя.

Между тѣмъ Муравьевъ видѣлся съ Мехметомъ-Али и получилъ его обязательство пріостановить военныя дѣйствія и не идти къ Бруссѣ.

Подстрекаемые французскимъ посланникомъ, турецкіе министры снова пытались отклонить присылку русской эскадры, но султанъ твердо настаивалъ на этомъ, и 8 февраля 1833 г. въ Буюкъ-Дере [2]) прибыла русская эскадра изъ 9 судовъ, подъ начальствомъ адмирала Лазарева.

Далѣе султанъ просилъ о присылкѣ на Босфоръ 10,000 десантныхъ войскъ изъ Одессы и о приготовленіи на Дунаѣ корпуса войскъ въ 30,000 чел., на случай, если бы ему, султану, пришлось удалиться въ Адріанополь. 26 марта 5,000 русскихъ десантныхъ войскъ прибыли и были расквартированы тоже на Босфорѣ. Портѣ было объявлено нашимъ посланникомъ, что эскадра и войска останутся на Босфорѣ, пока Мехметъ-Али не подпишетъ соглашенія съ султаномъ и не очиститъ Малую Азію.

Эти требованія были выполнены только въ іюнѣ мѣсяцѣ, и наша эскадра съ войсками отплыла 28 іюня въ Россію, послѣ свыше чѣмъ

---

[1]) С. Горяиновъ, стр. 23—24.

[2]) На Босфорѣ, въ переходѣ отъ Константинополя.

четырехъ мѣсяцевъ пребыванія на Босфорѣ. Изъ изложеннаго видно, что султанъ находился въ такой тревогѣ за цѣлость своего трона, что при дѣйствительной опасности далъ бы Россіи право занять „два каменныхъ уголка“ на сѣверной части Босфора. Но для этого очевидно не слѣдовало останавливать побѣдный маршъ Мехмета-Али къ Бруссѣ и далѣе къ Стамбулу.

Займи мы прочно выходъ изъ Босфора въ Черное море въ 1833 году, — Россія избѣжала бы восточной войны 1853 — 1856 гг.

За услугу, оказанную Россіею султану, онъ заплатилъ очень дешево: въ заключенномъ въ 1833 году Ункіаръ-Искелескомъ договорѣ, въ которомъ провозглашались дружба и союзъ между Россіею и Турціею, особою секретною статьею устанавливалось запрещеніе иностраннымъ кораблямъ входить въ Дарданеллы подъ какимъ-либо предлогомъ. О правѣ Россіи пользоваться для прохода военныхъ судовъ Босфоромъ и Дарданеллами ничего не упоминалось. Только при толкованіи общаго смысла договора возможно было дѣлать предположеніе, что русскій военный флотъ могъ свободно проходить черезъ оба пролива.

Несмотря на условность выгодъ для Россіи Ункіаръ-Искелескаго договора, заключеніе его вызвало тревогу и протесты со стороны Англіи и Франціи. Въ результатѣ этотъ договоръ выгодъ Россіи не далъ, но сблизилъ Англію съ Франціей, что позже повело къ коалиціонной противъ Россіи войнѣ. Мы пріобрѣли этимъ договоромъ въ сущности фиктивное право наступательныхъ дѣйствій своимъ флотомъ черезъ Дарданеллы и не позаботились о закрытіи входа въ Черное море. Добиваясь права наступательныхъ дѣйствій черезъ Дарданеллы, мы не позаботились объ оборонѣ своихъ владѣній со стороны Босфора. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ Ункіаръ-Искелескаго договора, нашъ флотъ такъ отсталъ въ техническомъ отношеніи отъ флотовъ нашихъ противниковъ, что оказался даже непригоднымъ для дѣйствій противъ парового флота въ Черномъ морѣ, былъ запертъ въ Севастополѣ и утопленъ. Прочное занятіе нами Босфора сдѣлало бы безполезнымъ содержаніе сильной эскадры въ Черномъ морѣ и, во всякомъ случаѣ, дало бы достаточное время, чтобы отъ парусовъ перейти къ пару.

Екатерина Великая пользовалась смутами на западѣ, чтобы усиливать Россію за счетъ Турціи, и не боялась распаденія оттоманской имперіи. Послѣ Екатерины Россія дѣлала три опыта сближенія съ Турціею — въ 1798, 1807 и 1833 годахъ, заключала союзные договоры, но „этотъ союзъ, по наружности самый дружественный и тѣсный, не могъ побороть народнаго чувства; ненависть и недовѣріе къ намъ турокъ не прекратились, а наша дружба къ нимъ была только искусственною и притворною“ [1]).

[1]) С. Горяиновъ, стр. 37.

Екатерина II „своими постоянными побѣдами надъ турецкими войсками привела оттоманскую имперію до такого состоянія упадка, изъ котораго она не возстала, и на ея развалинахъ основала преобладаніе Россіи на Черномъ морѣ путемъ покоренія Таврическаго полуострова. Преемники Екатерины не сумѣли завершить начатое ею дѣло: ихъ политика въ отношеніи Турціи всецѣло измѣнилась. Императоръ Павелъ сдѣлался союзникомъ, защитникомъ и другомъ султана. Уже съ 1801 г. въ инструкціи, данной Александромъ I графу Разумовскому 10 (22) сентября 1801 г., онъ заявилъ, что однимъ изъ основныхъ началъ его политической системы будетъ принятіе постоянныхъ мѣръ къ сохраненію оттоманской имперіи, слабость и внутреннія безпорядки которой служатъ драгоцѣннымъ обезпеченіемъ безопасности для Россіи съ ея стороны“ [1]).

Опасность такого взгляда заключалась, по мнѣнію нашего историка Соловьева, въ томъ, что „слабое государство подчиняется вліянію каждаго сильнаго и ни одно государство не можетъ позволить другому усиливать свое вліяніе надъ слабыми, брать его въ опеку, дѣлать исключительно своимъ орудіемъ“.

Несмотря на спорность положенія, что слабая Турція—самая выгодная сосѣдка для Россіи, „начало сохраненія оттоманской имперіи легло въ основаніе всей нашей политики на востокѣ и не только соблюдалось нами въ ущербъ русскихъ національныхъ и религіозныхъ интересовъ, но къ этому началу пріобщены нами, путемъ заключенія особыхъ международныхъ актовъ, и другія державы, сперва Австрія, а затѣмъ Великобританія и Франція“ [2]).

Слабая Турція была бы дѣйствительно выгоднымъ сосѣдомъ для Россіи, если бы въ виду ея слабости не явились опекуны, которые главною своею цѣлью ставили препятствовать усиленію Россіи за счетъ Турціи; съ появленіемъ этихъ опекуновъ овладѣніе Россіею Босфоромъ затруднилось.

Мы сами, заключеніемъ туманныхъ договоровъ съ европейскими державами, запутывали свои отношенія къ Турціи и затемняли свои насущные интересы.

Однимъ изъ такихъ туманныхъ договоровъ можетъ быть признана Мюнхенгрецкая конвенція, подписанная 6 сентября 1833 года гр. Нессельроде и кн. Меттернихомъ—„о поддержаніи существованія оттоманской имперіи и о согласныхъ дѣйствіяхъ Россіи и Австріи въ случаѣ ея паденія“ [3]).

Заключеніе Ункіаръ-Искелескаго договора обязывало Россію помочь султану окончательно раздѣлаться съ Мехметомъ-Али. Султанъ и надѣялся, что Россія поможетъ ему отнять у Мехмета-Али захваченныя имъ области и смирить непокорнаго вассала. Казалось бы,

---

[1]) С. Горяиновъ, стр. 38.

[2]) Тамъ же, стр. 39—40.

[3]) Объ этомъ договорѣ изложено въ главѣ XXVI-й.

снова представлялся случай занять Босфоръ и удержаться тамъ. Но Николай I смотрѣлъ на дѣло иначе:

„Султану пришлось скоро удостовѣриться, что Россія вовсе не была намѣрена помогать его воинственнымъ замысламъ противъ египетскаго паши; напротивъ, ея посланникъ постоянно твердилъ турецкимъ министрамъ быть умѣренными и благоразумными въ отношеніи Мехмета-Али. Этимъ намѣреніемъ русскаго правительства не могли не воспользоваться представители Англіи и Франціи въ Константинополѣ, чтобы дѣйствовать противъ Россіи“ [1]).

Когда въ 1839 году султанъ возобновилъ военныя дѣйствія противъ Мехмета-Али, западныя державы воспользовались возникшимъ взаимнымъ недовѣріемъ между Портою и Россіею, чтобы возбудить вопросъ о коллективномъ вмѣшательствѣ въ дѣла востока. По предложенію Франціи и Англіи, рѣшено было собрать совѣщаніе въ Вѣнѣ съ цѣлью отправить въ Дарданеллы эскадру морскихъ державъ и установить общее ручательство за цѣлость и независимость Турціи.

Послѣ долгихъ переговоровъ, 3 іюля 1840 года, былъ подписанъ въ Лондонѣ представителями Россіи, Австріи, Англіи, Пруссіи и Турціи актъ соглашенія между султаномъ и египетскимъ пашей. По этому акту „защита престола султана, производимая всѣми державами сообща, *съ цѣлью огражденія обоихъ проливовъ*, прекращается по волѣ султана одновременно всѣми державами“, и Порта обязалась не допускать военныхъ судовъ въ проливы только пока она находилась въ мирѣ.

Этими условіями разрушались всѣ преимущества Ункіаръ-Искелескаго договора.

Россія не только не извлекла пользы изъ тяжелыхъ затрудненій султана въ 1830—1839 годахъ для выполненія важной для Россіи задачи — занятія Босфора, но затруднила выполненіе этой задачи въ будущемъ, призвавъ къ совмѣстному съ нею охраненію оттоманской имперіи западныя державы. Исключительное покровительство Россіи надъ оттоманскою имперіею перешло въ руки западныхъ державъ вмѣстѣ съ Россіею.

Когда въ 1841 году борьба султана съ Мехметомъ-Али была закончена изъявленіемъ покорности Мехмета-Али и полученіемъ имъ въ потомственное управленіе Египта, представители державъ, подписавшихъ первую лондонскую конвенцію 3 іюля 1840 года, рѣшились облечь соглашеніе о проливахъ въ форму отдѣльнаго акта и привлечь къ участію въ немъ и Францію. Такой актъ и былъ подписанъ представителями пяти великихъ державъ, въ томъ числѣ и Россіею, 1 іюля 1841 года. Нашъ представитель—Бруновъ не сумѣлъ отстоять русскіе интересы.

Въ предисловіи къ конвенціи значилось, что означенный актъ имѣетъ цѣлью представить султану явное доказательство уваженія,

---

[1]) С. Горяиновъ, стр. 41.

питаемаго правителями пяти державъ къ неприкосновенности его владѣтельскихъ правъ, а равно и ихъ искренняго желанія укрѣпить покой его имперіи.

Первая статья конвенціи изложена слѣдующимъ образомъ: „Его величество султанъ, съ одной стороны, объявляетъ, что онъ имѣетъ твердое намѣреніе на будущее время соблюдать начало, непреложно установленное, какъ древнее правило его имперіи, и въ силу коего всегда было воспрещено военнымъ судамъ иностранныхъ державъ входить въ проливы Дарданеллъ и Босфора, и, пока Порта находится въ мирѣ, его султанское величество не допуститъ ни одного военнаго иностраннаго судна въ сказанные проливы, и ихъ величества... съ другой стороны, обязываются уважать это рѣшеніе султана и сообразоваться съ вышеизложеннымъ началомъ“ [1]).

Относительно конвенціи 1 іюля С. Горяиновъ, авторъ цитируемаго замѣчательнаго труда „Босфоръ и Дарданеллы“, высказываетъ слѣдующія справедливыя мысли:

„Въ этой конвенціи всѣ великія державы признали сообща необходимость этой политической единицы въ лицѣ оттоманской имперіи слишкомъ слабой, чтобы самой защищаться и влачить свое существованіе собственными средствами. Русскіе государственные люди начала прошлаго столѣтія признавали существованіе такого слабаго государства на границѣ Россіи выгоднымъ для нея; тѣмъ же взглядомъ руководствовалась русская политика царствованія Николая I, поддерживая распадающуюся власть султана русскими войсками. Но такая поддержка оказалась не по силамъ одной Россіи, которая, увлеченная неблагодарною задачею, возложенною на нее превратными умозаключеніями, на свою погибель привлекла къ себѣ на помощь для защиты разслабленнаго сосѣда всѣ великія державы Европы. Такое соопекунство государствъ, преслѣдующихъ каждое свои цѣли, породило тайную борьбу между ними изъ-за наблюденія надъ опекаемою Турціею, борьбу, направленную преимущественно противъ Россіи, какъ болѣе могущественнаго сосѣда, пользующагося особымъ обаяніемъ среди соплеменныхъ православныхъ народовъ, подчиненныхъ власти султана. Тайная борьба привела къ явной войнѣ, покончившейся севастопольскимъ погромомъ“ [2]).

Въ теченіе послѣдующихъ 30 лѣтъ, до разрыва не почетнаго для Россіи Парижскаго договора 1856 года, Россія не имѣла возможности и силъ занять подобающее ей и соотвѣтствующее русскимъ интересамъ мѣсто на Черномъ морѣ и на Босфорѣ.

Благодаря поддержкѣ Пруссіи, Россія въ 1871 году, съ согласія остальныхъ державъ Европы, возвратила верховныя права на Черномъ морѣ. Возстаніе славянъ въ 1875 году въ Босніи и Герцеговинѣ и

---

[1]) С. Горяиновъ, стр. 69.

[2]) Тамъ же, стр. 69—70.

послѣдовавшія затѣмъ событія—возстаніе части болгарскаго населенія, рѣзня болгаръ турками, сербско-турецкая война — послужили причинами новой войны Россіи съ Турціею въ 1877—1878 гг. Вмѣшательству Россіи въ турецкія дѣла на этотъ разъ предшествовали разрозненныя попытки европейскихъ державъ примирить возставшихъ полученіемъ отъ Турціи надежныхъ гарантій по устройству подданнаго туркамъ христіанскаго населенія. Въ 1873 году начинаются и переговоры съ Австріею относительно совмѣстной съ Россіею дѣятельности на Балканскомъ полуостровѣ.

Въ приводимыхъ въ трудѣ С. Горяинова весьма важныхъ выдержкахъ изъ всеподданнѣйшаго отчета по министерству иностранныхъ дѣлъ 1873 года видно, что уже 37 лѣтъ тому назадъ было признано необходимымъ *раздѣлить вліяніе Россіи въ славянскихъ земляхъ Турціи съ Австріею*. Уже тогда предвидѣлась возможность присоединенія къ Австріи Босніи и Герцеговины. Въ то время признавалось, что христіанскія народности могутъ только выиграть отъ общенія съ Австріею. Вліяніе же Австріи предполагалось уравновѣшивать „узами любви, единства вѣры и происхожденія, связывающими насъ съ этими народностями“ [1]).

Уже въ 1875 году князь Бисмаркъ указывалъ нашему послу Убри, что положеніе Андраши облегчилось бы, „если бы въ вашихъ комбинаціяхъ съ нимъ вы пришли къ мысли округлить Австрію со стороны Босніи, взамѣнъ извѣстныхъ выгодъ, которыя Россія бы пріобрѣла со стороны Бессарабіи“ [2]).

Эта комбинація желѣзнаго канцлера и легла въ основаніе всѣхъ дальнѣйшихъ соглашеній съ Австріею, и въ то же время обратное присоединеніе къ Россіи небольшого клочка Бессарабіи, перешедшаго по Парижскому миру къ Румыніи, составило въ умахъ русскихъ дипломатовъ достаточное вознагражденіе въ Европѣ за всѣ жертвы кровавой борьбы, вынесенной нашими войсками въ 1877—1878 годахъ въ Болгаріи.

Мы начали войну, не подготовившись къ ней ни матеріально, ни въ отношеніи цѣлей войны, важныхъ для Россіи. Обсуждался вновь даже вопросъ о распаденіи Турціи. Предполагалось при этомъ, какъ то было и ранѣе, Константинополь сдѣлать вольнымъ городомъ [3]).

Посолъ Убри писалъ изъ Берлина канцлеру Горчакову: „Въ Берлинѣ вѣрили неминуемости войны между Россіей и Турціей, но я этого не признавалъ. *Я помнилъ, что вы мнѣ выражали намѣреніе не жертвовать русскими выгодами въ пользу какихъ-то преходящихъ интересовъ славянскихъ или другихъ.* Ваше слово меня вполнѣ удовлетворило. Эта война, въ самомъ дѣлѣ, могла бы помѣшать преуспѣянію Россіи,

---

[1]) С. Горяиновъ, стр. 282—283.

[2]) Тамъ же, стр. 287.

[3]) Тамъ же, стр. 291.

пріостановить преобразованія въ ней, нанести ударъ ея богатству, ея развитію. Все это пресѣклось бы надолго". Въ этомъ мѣстѣ письма государь помѣстилъ: „c'est ce que me la (la guerre) fait craindre".—„Можно ли желать этого, — продолжалъ Убри, — особенно въ виду войны неопредѣленной, предпринятой въ пользу *одной идеи безъ существа*, безъ осязательной причины, такъ какъ я отстраняю всякое вожделѣніе, всякую мысль о расширеніи русскихъ владѣній. Дѣло идетъ объ улучшеніи положенія народностей, которыя, какъ онѣ только что доказали, *еще не созрѣли* и сами себя вовлекли въ настоящія затрудненія, несмотря на наши предупрежденія" [1]).

Наивный Убри не признавалъ возможною въ случаѣ войны съ Турціею даже мысль о расширеніи русскихъ владѣній. Очевидно не ему было подъ силу вспомнить о русскихъ интересахъ на Босфорѣ.

Повидимому, Бисмаркъ понималъ лучше Убри и Горчакова истинные интересы Россіи и предлагалъ свои услуги для посредничества съ Англіею въ томъ случаѣ, если не одинъ клочокъ земли въ Бессарабіи будетъ признаваться Россіею необходимымъ для ея усиленія въ случаѣ побѣды ея надъ Турціею. Повидимому, дѣло шло именно о Босфорѣ.

Вотъ какія строки по этому важному вопросу имѣются въ трудѣ С. Горянинова:

„Въ отношеніи сужденій, высказанныхъ Бисмаркомъ, князь Горчаковъ замѣтилъ, что онъ напомнилъ ему великаго искусителя на горѣ и что ему пришелъ также на память разговоръ, который Бисмаркъ велъ въ Біаррицѣ съ Наполеономъ. Затѣмъ князя Горчакова поразило желаніе Бисмарка служить посредникомъ для сглаживанія разногласій между двумя великими державами, а именно, онъ предлагалъ намъ свои услуги въ сношеніяхъ съ Англіею, если бы мы, движимые личною корыстью, поддались на удочку (dans le cas où nous saisirions l'amorce d'une convoitise personnelle). Въ заключеніе князь Горчаковъ сообщалъ посланнику Убри, что государь не впадетъ ни въ ту, ни въ другую ловушку, а именно не увлечется ни Константинополемъ, ни Босфоромъ и не прибѣгнетъ къ посредничеству Бисмарка передъ Англіею" [2]).

Такимъ образомъ въ 1875—1877 годахъ представлялся единственный случай, опираясь на благодарную намъ за доброжелательный нейтралитетъ въ 1870—1871 годахъ Пруссію, добиться права занять тѣ „два каменныхъ уголка" на Босфорѣ, о которыхъ писалъ Дашковъ.

Прибавимъ кстати мнѣніе, что эти „уголки" достались бы намъ безъ вмѣшательства европейскихъ державъ, если бы мы, совмѣстно съ Австріею, двинулись противъ Турціи съ вполнѣ опредѣленною программою, въ которой видное мѣсто занимало бы освобожденіе отъ

---

[1]) С. Горяиновъ, стр. 294—295.

[2]) Тамъ же, стр. 288.

турецкаго ига славянскихъ народностей Турціи и въ то же время ставились бы къ выполненію на очередь и національныя задачи какъ Россіи, такъ и Австріи. Относительно Россіи эта національная задача могла быть только одна — закрытіе входа въ Черное море. Это былъ бы дѣйствительно отвѣтъ русской націи на разгромъ Севастополя Франціею, Англіею и Турціею. Но, повидимому, самая мысль о важности этой задачи еще недостаточно созрѣла въ умахъ представителей русскаго правительства, или преслѣдованіе такой цѣли представлялось слишкомъ опаснымъ, ибо вмѣсто приближенія къ этой цѣли принимались мѣры отдалиться отъ нея. Такъ, 15 сентября 1876 года ген.-адъют. графъ Сумароковъ-Эльстонъ вручилъ императору Францу Іосифу собственноручное письмо государя императора Александра II, въ которомъ предлагалось: „Въ случаѣ непринятія султаномъ преобразованій, намѣченныхъ державами, приступить къ понудительнымъ средствамъ, а именно къ занятію австрійскими войсками Босніи и Герцеговины совмѣстно съ занятіемъ русскими Болгаріи и *вступленіемъ эскадръ великихъ державъ въ Босфоръ для защиты христіанскаго населенія*“ [1]).

3 марта 1877 года въ Пештѣ нашимъ посломъ въ Вѣнѣ Новиковымъ и графомъ Андраши была подписана конвенція, основные пункты которой заключались въ слѣдующемъ:

„Въ предисловіи къ секретной конвенціи сказано, что оба императора, съ цѣлью воспрепятствовать возможности столкновенія интересовъ того и другого государства и уговориться о послѣдствіяхъ войны, заключили конвенцію для предварительнаго опредѣленія тѣхъ территоріальныхъ передѣловъ, которые могли быть послѣдствіемъ войны или разложенія оттоманской имперіи.

„Согласно первой статьѣ этой конвенціи, объ стороны, имѣя въ виду *улучшеніе судьбы христіанъ* и желая устранить всякое предположеніе о присоединеніи такого пространства земли, которое могло бы нарушить миръ Европы или равновѣсіе, положили ограничить возможныя земельныя приращенія слѣдующими территоріями: русскій императоръ: въ Европѣ—землями Бессарабіи, въ границахъ имперіи, существовавшихъ до 1856 года; австрійскій императоръ — Босніею и Герцеговиной, за исключеніемъ части, находящейся между Сербіей и Черногоріей.

„По ст. 2-й стороны обязались оказывать другъ другу взаимное содѣйствіе на дипломатическомъ поприщѣ, если бы по случаю передѣловъ, происшедшихъ вслѣдствіе войны или разложенія оттоманской имперіи, потребовалось совокупное обсужденіе великихъ державъ [2]).

„На основаніи 3-й ст. конвенціи объ стороны подтвердили то, что было предусмотрѣно ими въ Рейхштадтѣ въ случаѣ территоріаль-

[1]) С. Горяиновъ, стр. 295.

[2]) Тамъ же, стр. 306.

наго передѣла или разложенія оттоманской имперіи, а именно о недопущеніи значительнаго славянскаго или другого государства, объ устройствѣ изъ Болгаріи, Албаніи и остальной части Румеліи независимыхъ государствъ, о присоединеніи Ѳессаліи, части Эпира и острова Крита къ Греціи и объ образованіи изъ Константинополя съ пригородомъ вольнаго города“ [1]).

Въ этомъ важномъ документѣ опять забыты интересы Россіи на Босфорѣ.

Является поэтому объяснимымъ переходъ Австріи во враждебное къ намъ положеніе въ 1878 году, когда по С.-Стефанскому договору предполагалось созданіе *сильной Болгаріи* (противно статьѣ 3-й конвенціи) или когда послѣ одержанныхъ побѣдъ у русскихъ людей явилась мысль использовать эти побѣды утвержденіемъ нашимъ на Босфорѣ. Даже вопросъ о Босфорѣ не такъ задѣвалъ интересы Австріи, какъ проектированные по С.-Стефанскому договору размѣры Болгаріи. Въ составъ ея предполагалось включить часть Македоніи съ сербскимъ населеніемъ, при чемъ Болгарія отгораживала бы Австрію отъ Салоникъ, и этотъ важный пунктъ переходилъ бы къ Болгаріи. Всего интереснѣе то, что въ сущности никакого коварства со стороны Россіи по отношенію къ Австріи въ этомъ вопросѣ проявлено не было, и такой проектъ Болгаріи, противно соглашенію съ Австріею 3 марта 1877 года, явился потому, что отъ гр. Игнатьева и великаго князя Николая Николаевича, составившихъ этотъ проектъ, *было скрыто, по требованію Австріи, соглашеніе по балканскимъ дѣламъ, состоявшееся между Новиковымъ и Андраши.*

Война Россіи съ Турціею въ 1877 — 1878 годахъ, получившая огромное развитіе по количеству принявшихъ участіе въ войнѣ войскъ, имѣла тѣмъ не менѣе случайный характеръ. Первоначально предполагалось, что только угроза войны, подкрѣпленная мобилизаціею части нашихъ силъ, будетъ достаточна, чтобы заставить турокъ исполнить требованія не одной Россіи, но, европейскихъ державъ и по устройству возставшаго христіанскаго населенія Турціи.

Когда эта мѣра не подѣйствовала, было предположено еще зимою 1876 года открыть военныя дѣйствія. 3 октября 1876 года въ Ливадіи государемъ Александромъ II указано, что цѣль зимняго перехода черезъ Дунай не болѣе, какъ временная оккупація Болгаріи, занятіе которой должно было побудить Турцію къ скорѣйшему исполненію умѣренныхъ требованій Россіи.

Первоначально, лѣтомъ 1876 года, на основаніи переговоровъ, веденныхъ въ Рейхштадтѣ, Австрія соглашалась на совмѣстный съ Россіею зимній походъ въ предѣлы Турціи, но потомъ, ссылаясь на трудности зимняго похода, отказалась въ немъ участвовать. На константинопольской конференціи, зимою 1876 года, представители евро-

[1]) С. Горяиновъ, стр. 308.

нейскихъ державъ высказались противъ немедленнаго занятія русскими войсками Болгаріи, и нашъ посолъ гр. Игнатьевъ совѣтовалъ не настаивать на зимнемъ походѣ, который и былъ отмѣненъ. Наша мобилизованная армія стояла до весны 1877 года безъ дѣла, а въ это время Турція успѣла приготовиться къ войнѣ.

По плану, составленному для зимняго похода, предполагалось, переправившись черезъ Дунай, быстро занять Болгарію до Балканскихъ горъ и, не вдаваясь въ войну за обладаніе крѣпостями, стараться искуснымъ маневрами принудить турецкія войска къ дѣйствіямъ въ полѣ. Потребное для выполненія этого плана количество русскихъ войскъ исчислялось въ 100,000 чел. Разсчитывалось, что Румынія выставитъ 50,000 чел. Новаго плана войны для весенняго похода 1877 года составлено не было. Повидимому, и въ 1877 году цѣлью войны ставилась оккупація Болгаріи, и, по соглашенію съ Австріею и Англіею, районъ дѣйствій нашихъ войскъ былъ ограниченъ: Сербія исключалась изъ сферы нашихъ дѣйствій, и было дано обѣщаніе Англіи не переходить Балканы.

Въ соображеніяхъ относительно плана войны, составленныхъ въ главномъ штабѣ ген.-лейт. Обручевымъ, признавалось, что наилучшій способъ дѣйствій противъ турокъ — это рѣшительное и смѣлое наступленіе къ столицѣ. Но въ то же время предполагалось, что овладѣніе Константинополемъ и проливами было непосильно Россіи, ибо требовало выставленія огромной арміи и чрезвычайныхъ денежныхъ расходовъ. Между тѣмъ, наше вмѣшательство въ XIX столѣтіи въ чужія дѣла создало такую политическую обстановку, что, какъ и въ крымскую войну, мы по политическимъ соображеніямъ *большую часть арміи признавали необходимымъ оставить на западной границѣ.*

Походъ къ Константинополю и проливамъ признавался невозможнымъ и потому, что русское правительство нѣсколько разъ дѣлало торжественныя заявленія европейскимъ державамъ, что разрушеніе Турціи и занятіе ея столицы не входили въ намѣренія Россіи.

Вслѣдствіе направленія въ Болгарію недостаточныхъ силъ и упорнаго сопротивленія приготовившихся къ войнѣ турокъ, особенно подъ Плевною, наши войска вынуждены были въ сентябрѣ 1877 г. перейти къ оборонѣ, имѣя въ общемъ на болгарскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій двойное превосходство въ силахъ [1]).

Достигнувъ еще большаго превосходства въ силахъ противъ турокъ, мы въ концѣ 1877 г., съ паденіемъ Плевны, переходимъ снова къ активнымъ дѣйствіямъ. Несмотря на мнѣнія Радецкаго и другихъ начальниковъ, великій князь Николай Николаевичъ рѣшается на походъ въ Балканы и за Балканы. Въ окрестностяхъ Шипки мы беремъ

[1]) Общая наличность дѣйствовавшей въ европейской Турціи въ первыхъ числахъ августа нашей арміи составляла 262,000 человѣкъ, а турецкая армія въ то же время для дѣйствій въ полѣ могла выставить лишь 125,000 чел. („Сборникъ матеріаловъ по рус.-тур. войнѣ 1877—1878 гг.“, вып. 12).

въ плѣнъ армію Весселя-паши. Гурко овладѣваетъ г. Софіею. Послѣдніе заслоны турокъ разбиты. При общемъ воодушевленіи всѣхъ войскъ, мы многими колоннами, съ отставшими обозами и парками, быстро двигаемся впередъ. Ничего, что люди были оборваны, безъ обуви, съ малымъ числомъ патроновъ и снарядовъ, ничего, что батареи имѣли въ запряжкѣ только по 4 орудія, ничего, что въ батальонахъ оставалось едва по 500 бойцовъ,—мы гонимъ турокъ передъ собою, занимаемъ Адріанополь и катимся неудержимою волною къ Константинополю.

Но и въ этотъ періодъ вполнѣ опредѣленнаго плана относительно Константинополя и Босфора мы не имѣли [1]). Турецкія войска, все еще довольно многочисленныя, отступали передъ нашими въ полномъ безпорядкѣ. Вмѣстѣ съ турецкими войсками отходило и мусульманское населеніе, почти поголовно покидавшее забалканскую Болгарію. Все обѣщало на этотъ разъ коренное и окончательное рѣшеніе восточнаго вопроса: изгнаніе турокъ изъ европейской Турціи и занятіе нами Босфора. Но тому явились трудноодолимыя преграды. Англія, а съ нею и Австрія, не желали дать Россіи возможность воспользоваться ея побѣдами. Англійскій флотъ, войдя въ Мраморное море, грозилъ разрывомъ, какъ только мы займемъ Константинополь. Мы флота на Черномъ морѣ не имѣли, а флотъ турокъ стоялъ въ Варнѣ. Такимъ образомъ, даже занявъ Босфоръ, мы не могли бы обезпечить сообщеніе арміи съ южными областями Россіи по Черному морю.

Съ занятіемъ нашими войсками Адріанополя у главнокомандующаго нашими войсками въ европейской Турціи, великаго князя Николая Николаевича, возникъ смѣлый планъ овладѣнія Константинополемъ, Босфоромъ и Дарданеллами.

Въ авторитетномъ трудѣ М. Газенкампфа „Мой дневникъ 1877—1878 гг.“ по этому важному вопросу помѣщены слѣдующія строки: „Теперь, впрочемъ, и угнетатели, и угнетенные проникліись убѣжденіемъ, что турецкому владычеству пришелъ конецъ. Турки убѣждены въ этомъ, повидимому, еще больше болгаръ: не даромъ же они поголовно покидаютъ свои родныя села и уходятъ отовсюду, гдѣ ожидаются наши войска. Это даже не бѣгство: это — выселеніе цѣлаго народа.

„Сегодня вечеромъ, за чаемъ, великій князь высказывалъ опасеніе, какъ бы Горчаковъ и его дипломатическіе подручные, вѣчно оглядывающіеся на Англію и Австрію, не затормозили наше наступленіе. Идея дойти до Константинополя и Галлиполи вполнѣ овладѣла великимъ княземъ; онъ только объ этомъ и думаетъ и говоритъ, и ужасно боится, чтобы государь его не остановилъ. Этимъ онъ объ-

---

[1]) Въ трудѣ Ю. Карцова „За кулисами дипломатіи“ (стр. 64) есть указаніе, что ген. Игнатьевъ въ декабрѣ 1877 г. горячо доказывалъ необходимость занять позицію на среднемъ Босфорѣ.

ясняетъ и свое неудержимое стремленіе впередъ, безъ всякой заботы о своемъ тылѣ. Онъ говорилъ сегодня, что мало занять Константинополь и Галлиполи, а надо перебросить войска на азіатскій берегъ Босфора и Дарданеллъ и,—уже укрѣпившись на обоихъ берегахъ,—диктовать свои условія не только султану, но и Англіи съ Австріей.

„Планъ величественный, но неисполнимый. Занять съ налета, конечно, все можно, пользуясь теперешней паникой, но удержаться нельзя. У насъ нѣтъ ни флота, ни артиллеріи, ни боевыхъ запасовъ, ни обозовъ. Артиллерію и боевые запасы еще можно захватить у турокъ и подвезти моремъ изъ Одессы, но флотъ взять неоткуда“ [1]).

Прибывъ въ Адріанополь, великій князь, шифрованною депешею на имя государя, отъ 14 января, просилъ подготовить къ отправкѣ изъ Севастополя на судахъ русскаго общества пароходства и торговли одну дивизію съ тремя батареями, разсчитывая занять этою дивизіею азіатскій берегъ Босфора [2]).

Неожиданно для арміи, ея движеніе къ Царьграду было пріостановлено заключеннымъ 19 января перемиріемъ.

Въ это время русскихъ войскъ за Балканами уже находилось 164 бат., 119 эскадр. и сотенъ съ артиллеріей. Главная масса этихъ войскъ находилась въ районѣ Хермапли и Адріанополя, а передовые наши отряды уже были выдвинуты къ побережью Чернаго, Мраморнаго и Эгейскаго морей. Войска были пріостановлены. Между тѣмъ, уже послѣ протеста Англіи, послѣ приближенія ея флота къ Константинополю, послѣ возникновенія опасности разрыва со стороны Австріи, въ Петербургѣ явилась мысль о занятіи нашими войсками Константинополя и Босфора.

Относительно занятія нашими войсками Константинополя въ депешѣ государя отъ 3 февраля значится, что англичанамъ, въ отвѣтъ на вводъ ихъ эскадры въ проливы, указано, что временное вступленіе части нашихъ войскъ въ Константинополь сдѣлалось неизбѣжнымъ. 5 февраля была получена депеша князя Горчакова, въ которой передавалось содержаніе депеши государя султану о томъ, что проходъ англійской эскадры черезъ Дарданеллы къ Принцевымъ островамъ уполномочиваетъ и насъ ввести, временно, въ Константинополь отрядъ нашихъ войскъ. Первоначально великій князь былъ согласенъ съ необходимостью занять Константинополь. Но, судя по даннымъ дневника М. Газенкампфа, даже ген. Гурко былъ противъ этой мѣры, считая почему-то, что „идти теперь въ Константинополь—значитъ лѣзть въ ловушку, поставленную намъ англичанами“. Послѣ совѣщанія великаго князя 5 февраля съ Непокойчицкимъ, Игнатьевымъ и Нелидовымъ, рѣшено было занять отрядомъ въ 10,000 чел. не самый городъ

---

[1]) М. Газенкампфъ, стр. 359—360.

[2]) Тамъ же, стр. 380—381.

Константинополь, а Санъ-Стефано—на берегу Мраморнаго моря. Это было выполнено вопреки указанію государя [1]).

Первое упоминаніе о занятіи нами Босфора находится въ депешѣ государя главнокомандующему отъ 4 февраля. Въ этой депешѣ между прочимъ значилось: „Въ случаѣ попытки англійскихъ судовъ въ сторону Босфора, постараться занять, съ согласія султана, нѣкоторыя изъ укрѣпленій европейскаго берега“ [2]).

14 февраля относительно Босфора послѣдовало приказаніе государя, болѣе опредѣленное. Великому князю предлагалось вступить въ соглашеніе съ турками не только о занятіи обоихъ береговъ Босфора, но, съ согласія султана, воспользоваться и турецкой береговой артиллеріей. Великій князь отвѣчалъ, что постарается сдѣлать возможное, но задача затруднена, ибо туркамъ стало извѣстно, что наши требованія будутъ разсмотрѣны на конференціи, и поэтому они затягиваютъ переговоры [3]).

12 февраля въ окрестности Константинополя, въ Санъ-Стефано, прибылъ главнокомандующій и прибыла по желѣзной дорогѣ часть гвардейскаго корпуса.

19 февраля былъ заключенъ Санъ-Стефанскій договоръ. Казалось бы, для нашей арміи долженъ былъ наступить послѣ этого заслуженный отдыхъ, но въ дѣйствительности, уже послѣ договора о мирѣ съ Турціей, для арміи наступаетъ самое тяжелое время, какового она не переживала и во время военныхъ дѣйствій.

Слишкомъ мѣсяцъ спустя послѣ заключенія перемирія и чрезъ недѣлю послѣ заключенія мира, главнокомандующій получилъ письмо военнаго министра отъ 27 марта—о томъ, что въ случаѣ разрыва съ Англіей и Австро-Венгріей государь надѣется, что Босфоръ будетъ нами занятъ или по добровольному согласію съ турками, или же силою, если они станутъ сопротивляться нашимъ предложеніямъ.

Нашей арміи, перенесшей огромныя тягости одной войны и остановленной не во-время, поручили, вслѣдствіе нашей дурной политической подготовки, трудно выполнимыя задачи: 1) удерживать уже занятое войсками положеніе на Балканскомъ полуостровѣ, обезпечивать порты и прибрежье Чернаго моря отъ враждебныхъ дѣйствій Англіи, охранять свои сообщенія съ Россіей въ случаѣ временныхъ успѣховъ австрійскихъ войскъ; 2) требовалось усилить положеніе Сербіи высылкою ей вспомогательнаго корпуса войскъ, приготовиться за Балканами къ встрѣчѣ англійскихъ войскъ вмѣстѣ съ турецкими; 3) двинуть войска къ Босфору для занятія и прегражденія пролива, дабы не пропустить чрезъ него англійскій флотъ.

Такимъ образомъ, послѣ побѣдоносной войны, нашей арміи,

---

[1]) М. Газенкампфъ, стр. 439—441.

[2]) Тамъ же, стр. 437.

[3]) Тамъ же, стр. 461.

ослабленной болѣзнями, съ необезпеченнымъ путемъ отступленія, расположенной за Балканами, лишенной содѣйствія флота, ставились задачи приготовиться къ борьбѣ съ коалиціею — Англіи, Австріи и Турціи и предлагалось безъ содѣйствія флота обезпечивать отъ Англіи черноморское побережье и порты. Послѣдняя задача была особенно трудна въ виду нахожденія англійскаго флота между Дарданеллами и Константинополемъ и турецкаго—у Варны.

Занятіе проливовъ и Константинополя было дѣломъ еще выполнимымъ въ январѣ, если бы побѣдоносное наступленіе нашихъ войскъ не было остановлено 19 января заключеннымъ перемиріемъ. Турки бѣжали передъ нашими войсками и были, главное, удручены нравственно. Наши войска, напротивъ того, были воодушевлены до крайности и не считались съ трудностями. 5 недѣль спустя положеніе совершенно перемѣнилось. Турки оправились, стянули значительныя силы къ столицѣ, сильно заняли и начали укрѣплять босфорскія позиціи. Вѣра въ помощь Англіи и Австріи подбодрила ихъ. Въ нашихъ войскахъ, напротивъ того, какъ то и бываетъ послѣ крайняго физическаго и духовнаго напряженія, наступила реакція. Болѣзненность стала развиваться въ крайней степени. Даже особо энергичные начальники начали хлопотать о возвращеніи ихъ въ Россію.

Относительно обладанія Галлиполи и Дарданеллами главнокомандующій высказалъ мнѣніе, что этого можно было достигнуть „лишь въ томъ еще благопріятномъ для насъ моментѣ, когда, въ виду нашего побѣдоноснаго наступленія, среди турокъ господствовала паника, и ихъ разбитыя и разсѣянныя войска находились въ полнѣйшемъ разстройствѣ“.

Но даже, когда начались засѣданія берлинскаго конгресса, въ нашей арміи не окончились тревожныя ожиданія. Англія, получивъ Кипръ, взяла подъ свое покровительство азіатскія владѣнія турокъ, и въ то же время Румынія, взволнованная вопросомъ о возвращеніи намъ части Бессарабіи, присоединенной къ ней послѣ крымской войны, проявила воинственное настроеніе, увеличила свою армію до 70,000 чел. и съ явно враждебными цѣлями стала сосредоточивать ее вблизи нашихъ сообщеній.

Начальникъ тыла войскъ—генералъ Дрентельнъ просилъ объ усиленіи войскъ, расположенныхъ въ Румыніи, еще однимъ корпусомъ, а Горчаковъ изъ Берлина грозилъ румынамъ возможностью обезоруженія ихъ войскъ.

Такимъ образомъ, начавъ войну безъ опредѣленныхъ плановъ, не имѣя союзниковъ и одного открытаго врага—турокъ, мы побѣдно окончили войну, разгромивъ всѣ силы турокъ, но вмѣсто побѣжденныхъ явныхъ враговъ очутились безъ союзниковъ передъ враждебной коалиціей изъ Англіи, Австріи, Турціи и Румыніи. Въ это тяжелое время намъ оказала услугу Италія, посовѣтовавъ Румыніи не браться оружіемъ.

Честный маклеръ Бисмаркъ игралъ двойную роль: подъ видомъ дружескаго совѣта онъ гналъ насъ отъ Константинополя, а англичанъ отъ Дарданеллъ. Прибавимъ, что скоро послѣ войны въ планы, уже не наши, а нѣмцевъ, вошло движеніе германской расы къ проливамъ, Константинополю и далѣе въ Малую Азію до Персидскаго залива.

Отхлынувшая отъ стѣнъ Константинополя русская волна смѣнилась надвигающеюся и попыпѣ на турецкое наслѣдіе волною австро-германскою.

Такимъ образомъ, вопросъ о занятіи Россіею Босфора, поднятый въ 1828 году, могъ уже въ XIX столѣтіи получить разрѣшеніе. Если бы, начиная войну съ Турціею въ 1877 году, занятіе Босфора было поставлено, вмѣстѣ съ задачею по освобожденію болгаръ, цѣлью войны, то эта цѣль и могла быть достигнута въ началѣ 1878 года. Не заключая 19 января перемирія, наша армія легко овладѣла бы Константинополемъ, могла плѣнить султана и турецкое правительство или предписать султану, даже избѣжавшему плѣна, такія условія, которыя облегчили бы занятіе Босфора нашими войсками. Мы, при растерянности турокъ, могли бы даже овладѣть турецкимъ флотомъ послѣ вызова его въ Перу или сдѣлать его недѣйствительнымъ. Обладая заготовленнымъ запасомъ минъ, легко было бы минировать подступы къ Константинополю со стороны Мраморнаго моря. Если бы англійскія суда и прорвались въ Босфоръ, то они могли встрѣтить тамъ наши миноноски съ Дубасовымъ, Шестаковымъ, Ниловымъ, Скрыдловымъ, Макаровымъ и другими героями—моряками. Угрозы Англіи, при тѣхъ средствахъ, которыми она располагала, не могли быть серьезны. Одна Англія не ввязалась бы съ нами въ открытую борьбу, если бы политическая подготовка къ войнѣ съ Турціею обезпечивала намъ доброжелательный нейтралитетъ Германіи и Австріи. Нейтралитетъ Германіи уже былъ обезпеченъ. Нейтралитетъ Австріи могъ быть купленъ предоставленіемъ ей выхода къ Салоникамъ. Даже, если бы въ 1878 году Австрія заняла Сербію и объединила всѣхъ сербовъ подъ своею властью, еще не извѣстно: былъ бы отъ этого проигрышъ славянскому дѣлу или выигрышъ. Могла бы получиться и существенная выгода, если бы объединенное сербское племя вмѣстѣ съ другими славянскими племенами Австріи заняло въ австрійскомъ государствѣ мѣсто на равныхъ правахъ съ венгерскимъ и нѣмецкимъ племенами. Родственная намъ Болгарія, родственная не столько по племенному единству, сколько по кровному братству на Шипкѣ и другихъ поляхъ сраженій, усиленная частью Македоніи съ болгарскимъ населеніемъ, заняла бы восточную часть Балканскаго полуострова, а Австрія — западную, сохранивъ независимость геройской Черногоріи; на югѣ — Греція; Константинополь, часть Румеліи съ сплошнымъ турецкимъ населеніемъ и Дарданеллы остались бы въ рукахъ турокъ. Часть Босфора, прилегающая къ Черному морю, перешла бы на обоихъ берегахъ къ Россіи, вмѣсто

части Бессарабіи и даже всѣхъ пріобрѣтеній отъ Турціи въ Малой Азіи, полученныхъ Россіею въ 1878 году.

Относительно Англіи слѣдуетъ припомнить, что мы въ 1878 году уже имѣли возможность съ нашихъ позицій въ средней Азіи попудить ее быть сговорчивѣе въ Европѣ: близъ Самарканда—въ Джамѣ въ 1878 году былъ сосредоточенъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Кауфмана, отрядъ войскъ, имѣвшій цѣлью вторженіе въ предѣлы Афганистана, если бы то потребовалось. Возможно, что въ Афганистанѣ мы нашли бы не противниковъ, а союзниковъ для дѣйствій противъ англичанъ въ Индіи. Положеніе могло стать таковымъ, что вся Индія заволновалась бы и заставила бы Англію уступить намъ въ босфорскомъ вопросѣ. Нынѣ наша позиція въ средней Азіи, съ проведеніемъ двухъ желѣзнодорожныхъ линій, стала столь могущественною, что представляется мало вѣроятнымъ, чтобы Англія и въ XX столѣтіи систематично противодѣйствовала Россіи въ ея планахъ на ближнемъ и дальнемъ востокѣ. Напротивъ того, съ глубокимъ государственнымъ расчетомъ Англія уже сдѣлала шагъ къ сближенію съ Россіею. Вполнѣ возможно, что за содѣйствіе къ поддержанію власти англичанъ въ Индіи они намъ помогутъ въ XX столѣтіи, когда придетъ тому время, утвердиться на Босфорѣ и отстоять свои позиціи на дальнемъ востокѣ.

Если бы Босфоръ былъ занятъ Россіею въ 1878 году, это дало бы намъ огромныя выгоды. Мы могли бы немедленно перемѣнить свою длинную коммуникаціонную линію, проходившую черезъ Болгарію и Румынію и находившуюся подъ ударами Австріи, на короткую морскую линію отъ Босфора—къ портамъ Чернаго моря.

Съ 1871 года проливы считаются закрытыми въ мирное время для военныхъ судовъ всѣхъ націй. Но это запрещеніе нарушалось и англичанами, и нами. Въ военное же время, какъ ранѣе, такъ и нынѣ, Турція всегда можетъ ихъ закрыть для насъ и открыть нашимъ врагамъ. Поэтому и нынѣ опасность нападенія на русское побережье Чернаго моря флотомъ и десантомъ нашихъ враговъ не устранена. Эта опасность заставляетъ насъ держать въ одесскомъ военномъ округѣ въ мирное время многочисленныя войска и укрѣпленные пункты. Съ занятіемъ Босфора значительная часть этихъ войскъ можетъ получить другое назначеніе, а нужда въ укрѣпленныхъ пунктахъ совершенно отпадетъ.

Относительно недостаточности для Россіи существующей нынѣ охраны неприкосновенности проливовъ Турціею С. Горяиновъ въ своемъ трудѣ „Босфоръ и Дарданеллы“ приводитъ слѣдующія интересныя данныя:

„Когда Англія столкнулась съ Россіею на границахъ Афганистана, въ палатѣ лордовъ обсуждалась возможность вступленія англійскаго флота въ Дарданеллы; лорды Страведенъ и Кампель въ засѣданіи

7 мая 1885 г. доказывали, что черезъ Черное море легче всего нанести чувствительный ударъ Россіи, это есть ея самое уязвимое мѣсто. Почему слѣдовало, по мнѣнію лорда Кампеля, подвергнуть тщательному изслѣдованію тѣ дипломатическіе акты, на основаніи которыхъ Россія могла требовать отъ султана обезпеченія ея отъ единственной опасности, которую, по опыту, она признавала великою, т. е. отъ опасности открытія проливовъ, такъ какъ при закрытіи Чернаго моря она считаетъ себя неуязвимою. Изъ этихъ договоровъ лордъ Кампель усматривалъ, что султанъ воленъ открывать проливы какимъ ему угодно судамъ на такомъ же основаніи, на какомъ Франція можетъ пропускать иностранныя суда въ Сену, Россія въ Неву. Въ виду этихъ соображеній лордъ Кампель требовалъ, чтобъ англійскій флотъ вступилъ, съ разрѣшенія султана, въ проливы и произвелъ набѣгъ на наше черноморское побережье.

„Въ отвѣтъ на рѣчь лорда Кампеля главный статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ лордъ Гранвиль указалъ на то, что берлинскій трактатъ подтвердилъ договоры 1856 и 1871 гг...

„Мы видѣли, что Англія нарушила начало закрытія проливовъ въ 1878 г.; она была готова его нарушить въ 1885 г., когда мы столкнулись съ нею на афганской границѣ, и намѣревалась отправить свою эскадру въ Черное море. Мы же, съ своей стороны, нарушали начало закрытія, отправляя въ теченіе многихъ лѣтъ военныя суда изъ Чернаго моря на востокъ, хотя и по одиночкѣ и даже съ разрѣшенія султана, но все-таки вопреки точному смыслу международныхъ постановленій. Нарушеніе ихъ то той, то другой державой не влечетъ еще за собой признанія ихъ потерявшими силу. Они состоялись по соглашенію между шестью, а затѣмъ и семью державами, которыя положили ихъ соблюдать съ круговой другъ за друга отвѣтственностью, какъ это доказано выше, и отмѣна ихъ можетъ состояться только по взаимному договору этихъ державъ между собою. Доколѣ эти постановленія не отмѣнены въ этомъ порядкѣ, держава, нарушившая ихъ, отвѣчаетъ передъ всѣми остальными, и каждая изъ послѣднихъ имѣетъ право требовать удовлетворенія отъ нея отдѣльно или совокупно съ другими.

„Переходя затѣмъ къ вопросу, насколько существующій порядокъ соотвѣтствуетъ выгодамъ Россіи, мы не можемъ не замѣтить, что невыгодность его для насъ зависитъ главнымъ образомъ отъ ошибочности начала, принятаго, по докладу графа Кочубея въ 1802 г., въ основаніе нашей политики съ оттоманской Портой, а именно,—что *нитъ сосѣдей покойнѣе турокъ въ виду ихъ слабости.*

„Податливость султана, какъ властителя надъ проливами, всякому вліянію, какъ внѣшнему, такъ и внутреннему, имѣетъ своимъ послѣдствіемъ, что закрытіе проливовъ иностраннымъ судамъ никакой пользы намъ не приноситъ. Въ мирное время оно только мѣшаетъ движеніямъ

нашихъ судовъ. Въ военное же оно не имѣетъ никакого значенія: въ случаѣ нашей борьбы съ одной изъ западныхъ державъ, когда строгое соблюденіе начала закрытія должно обезпечивать безопасность нашихъ владѣній на Черномъ морѣ, мы не можемъ быть увѣрены, какъ это учатъ насъ примѣры прошедшаго, въ томъ, что султанъ, уступая давленію нашихъ враговъ, не откроетъ проливы ихъ военнымъ судамъ для слѣдованія въ Черное море. Вотъ почему при такомъ слабомъ сосѣдѣ начало закрытія проливовъ можетъ быть для насъ выгоднымъ, если только страхъ передъ нами удерживалъ бы султана отъ всякихъ поползновеній слушаться внушеній нашихъ враговъ“ [1]).

Этотъ страхъ передъ нами можетъ быть достигнутъ только занятіемъ нами части Босфора. Можно прибавить къ изложенному, что оборонительное значеніе босфорской позиціи для Россіи такъ важно, и въ то же время возможность двигать наши военныя суда изъ Чернаго моря въ Средиземное такъ относительно для Россіи не важна, что съ цѣлью отнять отъ босфорской позиціи наступательный, въ морскомъ отношеніи, характеръ, Россія не должна бы, получивъ босфорскую позицію, препятствовать установленію на Дарданеллахъ коллективной охраны другихъ націй непропуска какихъ бы то ни было судовъ какъ въ Мраморное море, такъ и изъ Мраморнаго, за исключеніемъ турецкихъ.

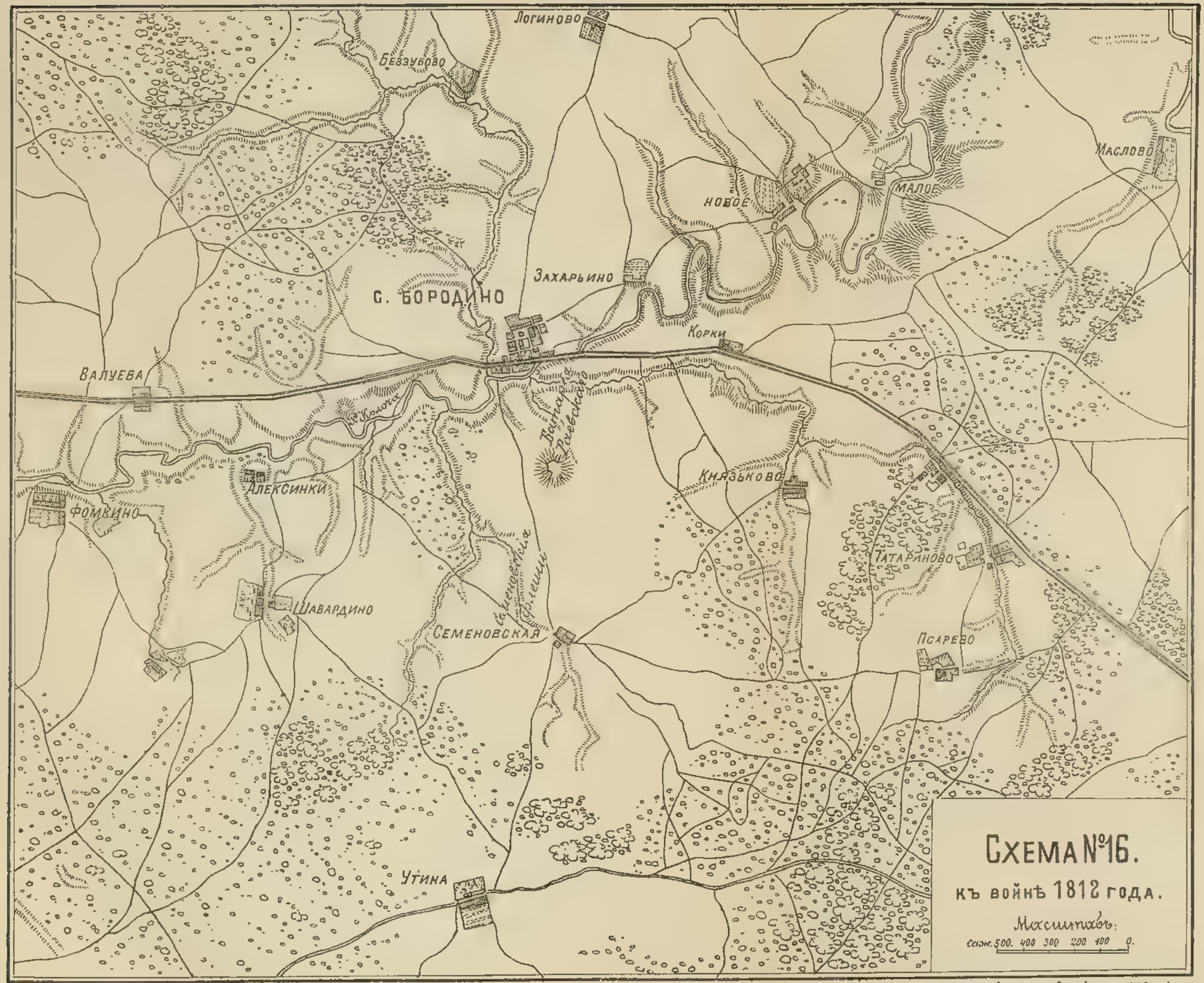
Существуетъ и другой способъ сдѣлать наше черноморское побережье безопаснымъ отъ нападенія: это содержаніе на Черномъ морѣ такого могущественнаго флота, который дѣлалъ бы появленіе флотовъ нѣсколькихъ европейскихъ державъ въ Черномъ морѣ съ враждебными для Россіи цѣлями невозможнымъ или рискованнымъ. При существующемъ соотношеніи морскихъ силъ нашихъ и нашихъ вѣроятныхъ противниковъ такая задача нынѣ не по силамъ Россіи. Такимъ образомъ, въ XX столѣтіи для Россіи можетъ предстоять выполненіе задачи по окончательному утвержденію нашему на Черномъ морѣ занятіемъ прилегающей къ Черному морю части Босфора. Россіи при этомъ не только невыгодно присоединять къ себѣ Константинополь и Дарданеллы, но такое присоединеніе неизбѣжно ослабитъ ее и создастъ опасность долгой вооруженной борьбы за удержаніе этого опаснаго пріобрѣтенія.

Однако задача по занятію части Босфора принадлежитъ къ такимъ, которыя не требуютъ немедленнаго напряженія силъ и средствъ Россіи къ ея выполненію. Россія можетъ многіе годы терпѣливо ожидать случая, чтобы съ наименьшими для себя жертвами сдѣлать этотъ послѣдній на ближнемъ востокѣ шагъ. Можетъ даже случиться, что этотъ шагъ будетъ ею сдѣланъ съ согласія Турціи. Россіи требуется твердо блюсти лишь одно положеніе: Босфоръ долженъ быть или

---

[1]) С. Горяиновъ, стр. 351—354.

турецкимъ, или русскимъ. Можно не торопиться рѣшеніемъ этого вопроса силою оружія: Россія такъ много работала на другихъ, что должень же хотя въ двѣсти лѣтъ одинъ разъ наступить ея чередъ получить нужную позицію безъ непосредственнаго ея участія въ войнѣ Турціи съ другими державами или даже вовсе безъ войны, по мирному соглашенію съ Турціею.



Изъ Обзора войнъ, т. 1.

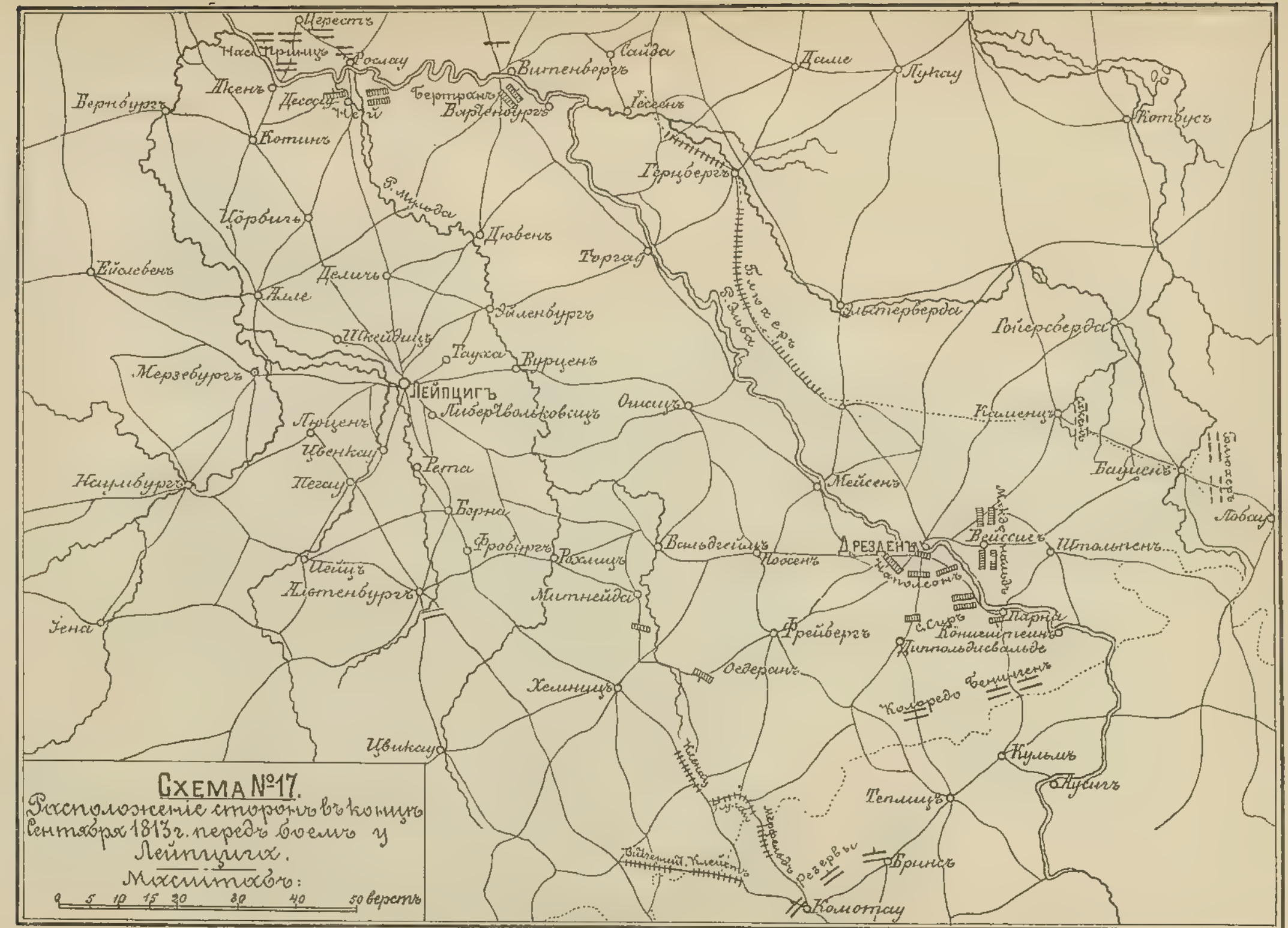


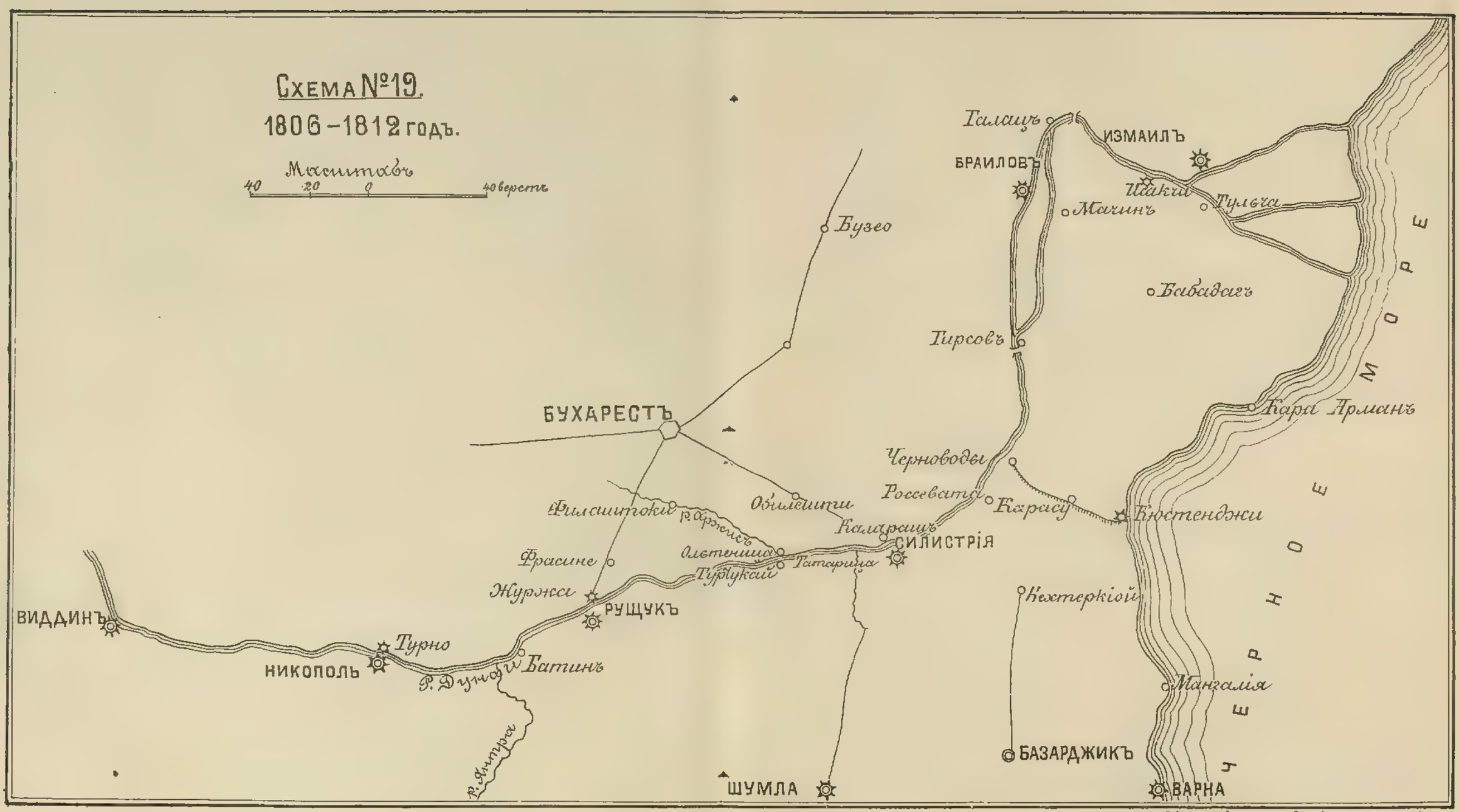
Схема №17.

Расположеніе сторонъ въ концѣ сентября 1813 г. передъ боемъ у Лейпцига.

Масштабъ:

0 5 10 15 20 30 40 50 верстъ

Владѣнія Турокъ
Владѣнія Турокъ
на материкѣ Европы
по договору Карловицкому
25 дек. 1691 г.
и по трактату Константинопольскому
3 іюля 1700 г.
Карта перепечатана изъ труда Н. Стрѣльбицка, „Владѣнія Турокъ на материкѣ Европы."
Отъ Ферро.
Боснія
Герцоговина
Сербія
Валахія
Молдавія
Бессарабія
Буджакъ
Эдисанская орда
Эдикульская орда
Запорожье
Крымъ
Черногорія
Цетинье
Бѣлградъ
Сараево
Белина
Карловицъ
Титель
Темесваръ
Саланкеменъ
Сокол
Чачакъ
Н. Базаръ
Орсова
Виддинъ
Истолацъ
Банья
Ломъ
Никополь
Рущукъ
Систово
Букарестъ
Дунай
Разградъ
Силистрія
Рассова
Мангалія
Шумла
Варна
Тырново
Софія
Филипополь
Бургасъ
Адріанополь
Галацъ
Браиловъ
Тульча
Измаилъ
Килія
Килійское
Ос. Змѣиный
Сулинское
Георгіевское
Акерманъ
Бендеры
Очаковъ
Одесса
Бинбургъ
Перекопъ
Симферополь
Севастополь
Керчь
Таманъ
Анапа
Кубань
Азовское море
Азовъ
Таганрогъ
Донецъ
Донъ
Изюмъ
Бахмутъ
Переволочна
Кременчугъ
Орелъ
Торговица
Бѣлта
Ясы
Хотинъ
Сава
Драва
Дунай
Тиса
Марошъ
Сиша
Антиваръ
Адріатическое море
Италія
Средиземное море
Салоники
Галлиполи
Мраморное м.
Босфоръ
Константинополь
Эгейское море
Дарданельскій
Авины
Черное море
Поти
Батумъ
35°
40°
45°
50°
55°



Изъ Обзора войнъ, т. 4.

Схема №20

Расположеніе и число войскъ при открытіи кампаніи 1829 года.

Русскіе войска
Турецкіе

Русскіе: 124/т. 454 орд.

Турки: 188/т.

Саперы
Бигрки
Флотилія } 8 т.

Гейсмахъ 16/т.

Видинъ 12/т.

Рахово 4/т.

Никополь 6т.

Журжевo

Рущукъ 12/т.

Кисселевъ 32/т.

Силистрія 12/т.

Гирсово

Черноводы 2 бриг. 11 гпых. див.

Резервъ кав. 9/т.

56/т.

Исакчи

Тулча

Мачинъ

Палемъ III к. 18/т.

Красовскій III к. 24/т.

Базарджикъ

Ротъ 29/т. VI. VII кор.

10 т.

Шумла 8/т. 20/т.

Преводы

Варна

Р. Камчикъ 16/т.

40/т.

Айдосъ

Карнавать

Бургасъ

Визополь 10/т.

35/т.

Софія

Филипополь

Андріанополь 6/т.

18/т.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Р. Серетъ

Р. Прутъ

ЧЕРНОЕ МОРЕ

Изъ Обзора Войнъ, т. 4.

Схема №21.

Расположеніе русскихъ и турецкихъ войскъ 29 Мая 1829 года.

1.) У Буланлыкъ Г. Крейчъ 16 эск. 2 сотн. = 2½/m.
2.) У Мадеры Гр. Паленъ 20 эск. 24 бат. = 14 m.
3.) При Таушанъ-Козлуджѣ Г. Ротъ 24 эск. 20 бат. = 12/m. } 30000 г. 146 ор.
4.) Въ Праводахъ Г. Куприяновъ 8 эск. 4 бат. = 2800

Изъ Обзора войнъ, т. 4.

Изъ Обзора войнъ, т. 3.

Схема №23.

къ войнѣ 1877-78 г.г.

а.) первоначальное расположеніе русской арміи ▭

б.) пути слѣдованія главныхъ силъ ——→

в.) развертываніе на линіи Дунай ——↓

Масштабъ 75 верстъ въ дюймѣ.

г.) Турецкія войска ▭

XII

VIII

IX

Кишиневъ

XI

X

Одесса

VII

Прутская колонна

Средняя колонна

Лѣвая колонна

VII

XIV

Галацъ

Браиловъ

18 т.

Р. Дунай

АВСТРІЯ

РУМЫНІЯ

БУКАРЕШТЪ

VIII XII XI

IX

24 т.

Отр. Скобелева 1.

Видинъ

Рущукъ

31 т.

38 т.

Систовъ

Никополь

Бъла

21 т.

15 т.

Шумла

Варна

Плевна

Ловча

Ломъ

Вида

Искеръ

Орхание

Тырновъ

Сельви

Габровъ

Шипка

Бургасъ

Казанлыкъ

Ямболь

СОФІЯ

Эскизагра

Энизагра

Филипополь

Германлы

С

Ю.

АДРІАНОПОЛЬ

КОНСТАНТИНОПОЛЬ

РОДОСТЪ

Деде-Агачъ

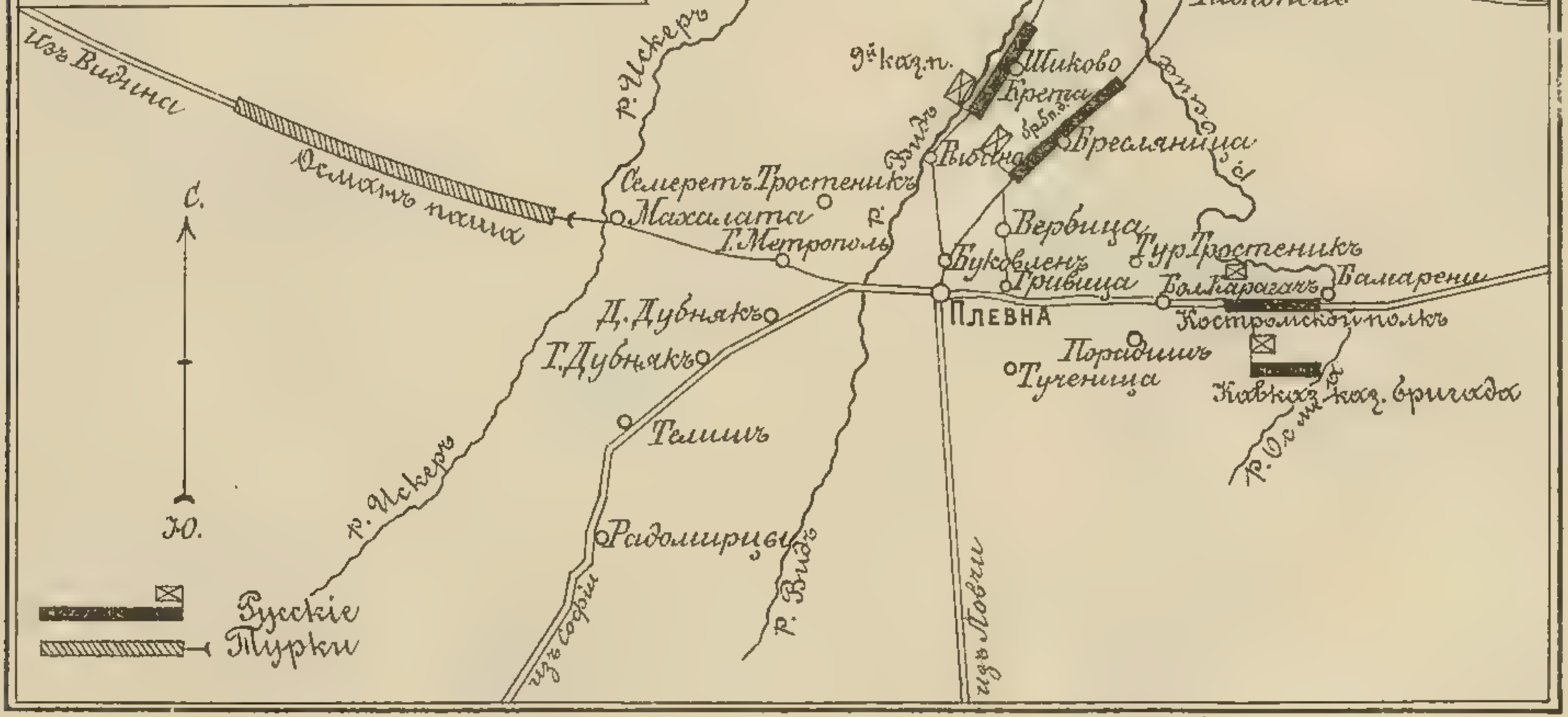
Изъ Обзора войнъ, т. 4.

Схема №24.

Наступленіе къ Плевнѣ 7 іюля 1877 года.

Масштабъ 20 вер. въ 3 дюймѣ

0 20 40 вер



Изъ Обзора войнъ, т. 4, л. 11.

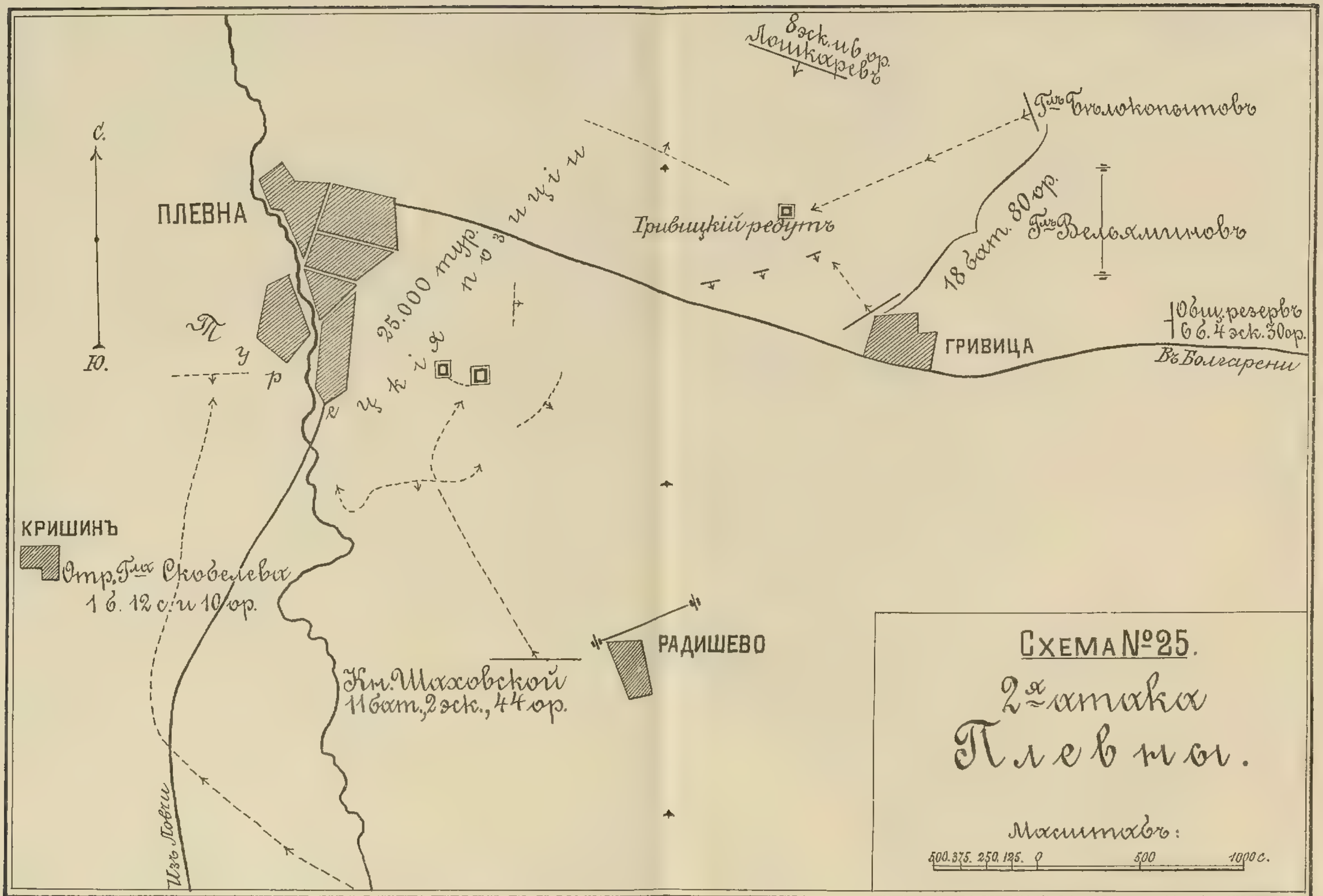


Схема №25.

2-я атаки Плевны.

Масштабъ:

500. 375. 250. 125. 0 500 1000 с.

Изъ Обзора войны, т. 4.

Схема №26.

Шипкинскій перевалъ.

Изъ Габрова

Зелено Древо

Р. Янтра

Шипка

Круглая

Центральная

Б. Лысая

Лъсная

Сосокъ

С.

Св. Никола

Сахарная гора

Ю-О

М. Бедекъ

Шипка

Шейново

Масштабъ:

500с. 375. 250. 125. 0 500 саж.

Изъ Обзора войны, т. 4.

Изъ труда А. Куропаткина. Дѣйствія отрядовъ Ген. Скобелева, т. 2.

Изъ Обзора войнъ, т. 4.

Схема № 29.
Пути колоннъ отряда
Ген. Гурко.
Масштабъ:
6. 5. 4. 3. 2. 1. 0
6 верстъ
Лютиково
Орханіе
Врачешъ
С.
Ю
Бив. Астраханскаго драг. п.
Етрополь
Умургачъ
Шандарникъ
Русская позиція
Турки
Чуріакъ
Араб-Конакъ
Баба гора
Въ Златицу
перевалъ
Потопъ
Негошево
Желява
Ташкисенъ
Дол. Комарцы
Яна
Чеканцово
Буново
Марково
Изъ Софіи
Въ Татаръ Базарджикъ

Схема №30.
Переходъ отряда Радецкаго
черезъ Балканы.
въ 1877 году.
Габрово
Травна
С.
Ю.
Топлышъ
Колонна Ген. Скобелева
Ген. Радецкій
Караджа
Гор. Св. Николая
Турецкія позиціи
Бердекъ
Колонна Ген. Князя Святополкъ-Мирскаго.
Шипка
Лагерь турокъ
Имтли
Шеиново
Вессель-паша
Изъ Карлова
Янина
Сѣльцы
Д. и Г. Гузово
Магаышъ
Казанлыкъ
Масштабъ:
5 4 3 2 1 0
5 верстъ

Схема №31.

Движеніе къ Адріанополю.

въ 1878 году.

Изъ Обзора войнъ, т. 4.

ТУРЦІЯ

съ окружающими государствами при точномъ исполненіи всѣхъ статей

БЕРЛИНСКАГО ТРАКТАТА

13 Іюля 1878 г.

- Россія.
- Черногорія.
- Румынія.
- Греція
- Сербія.
- Земли занятыя и управляем. Австріею.
- Австро-Венгрія.

Турція:
- Земли непосредственнаго владѣнія.
- —— автономныя.
- —— вассальныя.

Ново-Базарскій санджакъ, зависящій отъ Австріи и Турціи.

Перепечатано изъ трудовъ Стрекольвицкаго „Владѣнія Турокъ на материкѣ Европы".

ТРУДЫ ТОГО ЖЕ АВТОРА.

Завоеваніе Туркменіи (походъ въ Ахалъ-Теке въ 1880—1881 гг.). Съ очеркомъ военныхъ дѣйствій въ Средней Азіи съ 1839 по 1876 г. Съ картами, планами и рисунками. Спб., 1896 г. **2** р.

Алжирія. Военно-статистическій очеркъ страны. Письма изъ Алжиріи. Пища войскъ въ Алжиріи. Постоянный верблюжій обозъ. Спб., 1877 г. . **2** р.

Кашгарія. Историческо-географическій очеркъ страны; ея военныя силы, промышленность и торговля. Съ картою сѣверной части Восточнаго Туркестана. Спб., 1879 г. *Распродано.*

Дѣйствія отрядовъ генер. Скобелева въ Русско-Турецкую войну 1877—1878 гг. Ловча и Плевна. Съ картою и планами. Части I и II. Спб., 1885 г. *Распродано.*

Туркменія и туркмены. Съ картою. Спб., 1879 г. *Распродано.*

Очерки Кашгаріи. Спб., 1878 г. *Распродано.*

Очеркъ военныхъ дѣйствій въ Средней Азіи съ 1839 по 1876 г. и походъ въ Ахалъ-Теке въ 1881—1882 гг. Книга вторая части третьей „Обзора войнъ Россіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней". Изд. 1889 г. *Распродано.*

2007099596